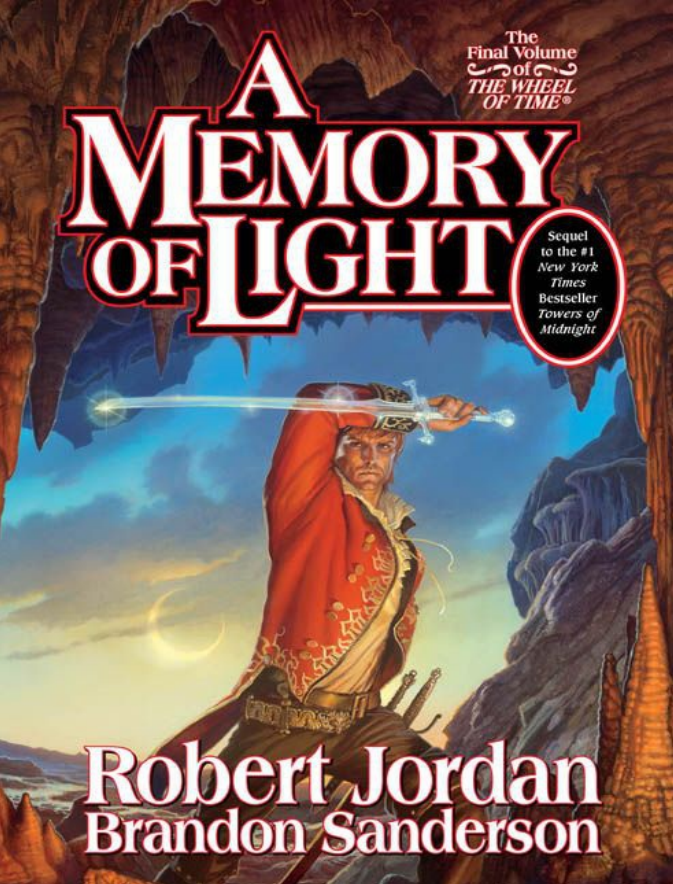

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

The
Final Volume
of
*THE WHEEL
OF TIME®*

A MEMORY OF LIGHT

Sequel
to the #1
New York
Times
Bestseller
*Towers of
Midnight*

Robert Jordan
Brandon Sanderson

- Роберт Джордан, Брэндон Сандерсон

-
- Пролог
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14

- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)

- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Глава 49](#)
- [ЭПИЛОГ](#)

Роберт Джордан, Брэндон Сандерсон

Память Света

*И пала Тень на землю,
и раскололся Мир, как
камень. И отступили
океаны, и сгнули горы, и
народы рассеялись по
восьми сторонам Мира.
Луна была как кровь, а
солнце как пепел. И кипели
моря, и живые
позавидовали мёртвым.*

*Разрушено было всё, и всё
потеряно, всё, кроме
памяти, и одно
воспоминание превыше всех
прочих — о том, кто
принёс Тень и Разлом Мира.
И имя ему было — Дракон.*

*из Алет нин Таэрин
алта Камора, Разлом Мира.*

*Неизвестный
автор,
Четвёртая Эпоха*

Пролог

С Благословением и Знаменами
Павших.

Бэйрд сжал монету между
большим и указательным пальцами.
Ощущение металлического повидла
совершенно выводило из равновесия.

Он убрал большой палец. Теперь
в тусклом свете факелов на прочной
меди отчетливо виднелся отпечаток.
Бэйрда пробрал озноб, словно он
провёл целую ночь в холодном
подвале.

В его животе заурчало. Снова.

С севера подул ветер,
заставивший затрепетать факелы.

Бэйрд сел, прислонясь спиной к большому камню недалеко от центра военного лагеря. Голодные люди недовольно ворчали, грея руки над кострами. Пайки испортились давным давно. Солдаты поблизости начали выкладывать весь свой металл: мечи, пряжки, доспехи; на землю, словно белье на просушку. Возможно, они надеялись, что когда взойдет солнце, вещи вернут себе нормальные свойства.

Бэйрд скатал бывшую монету в шарик. "Свет сохрани нас, — подумал он. — Свет..." Он забросил шарик в траву, затем потянулся и поднял камни над которыми работал.

— Я хочу знать, что здесь

произошло, Кайрам, —
проскрежетал лорд Джарид. Джарид
и его советники стояли рядом со
столом покрытым картами. — Я хочу
знать, как они подобрались так
близко, и ещё я хочу голову королевы
Айз Седай, этой трёклятой
Приспешницы Тёмного! — Джарид
ударил кулаком по столу. Никогда его
глаза еще не пылали таким
сумасшедшим рвением. Давление
всего этого — пропавшие пайки,
странности, творившиеся по ночам,
изменило его.

За Джаридом кучей лежала
командирская палатка. Волосы его,
изрядно отросшие за время их
изгнания, развевались на ветру, а

лицо купалось в рваном свете факелов. Частички мертвой травы все еще цеплялись за его куртку с тех пор, как он выполз из своей палатки.

Растерянные слуги перебирали железные колья палатки, которые, как и весь металл в лагере, стали мягкими на ощупь. Крепежные кольца палатки растянулись и лопнули как теплый воск.

Ночь пахла неправильно. Затхлостью, комнатами, которые не открывали годами. Воздух лесной поляны не должен пахнуть как древняя пыль. Желудок Бэйрда заурчал снова. Свет, как он хотел что-нибудь поесть. Он сосредоточился на работе, ударяя одним камнем по

другому.

Он держал камни как учил его старый дедуля, когда он был мальчишкой. Ощущение бьющихся друг о друга камней отгоняло голод и холод. Хотя бы что-то в этом мире оставалось по-прежнему твердым.

Лорд Джарид взглянул на него и нахмурился. Бэйрд был одним из десяти, которые по настоянию Джарида охраняли его этой ночью.

— Я получу голову Илэйн, Кайрам, — сказал Джарид, разворачиваясь спиной к своим командирам. — Эта ненормальная ночь работа её ведьм.

— Её голову? — раздался в

стороне скептический голос Эри. — И как именно, кто бы это ни был, принесет ее тебе?

Лорд Джарид обернулся, как и все находящиеся вокруг залитого светом факелов стола. Эри посмотрел на небо; на его плече был знак золотого кабана пронзенного красным копьем. Это был знак личной гвардии лорда Джарида, но в голосе Эри не было ни капли уважения.

— Чем ему по-твоему придется отрывать эту голову, Джарид? Зубами?

Лагерь замер от такого невероятно вызывающего поведения. Бэйрд в замешательстве перестал

бить камнем о камень. Да, были разговоры о том каким сумасбродным стал лорд Джарид. Но такое?

Джарид забормотал, лицо его стало красным от ярости.

— Как ты смеешь разговаривать со мной в таком тоне? Ты один из моих гвардейцев.

Эри продолжал рассматривать покрытое облаками небо.

— Ты лишен двухмесячного жалования, — выкрикнул Джарид дрожащим голосом. — Понижен в звании и отправлен чистить нужники до следующего распоряжения. Если ты заговоришь со мной снова, я вырежу твой язык.

Бэйрд дрожал на холодном ветру. Эри был лучшим из остатков их мятежной армии. Остальные гвардейцы потупившись смотрели себе под ноги.

Эри посмотрел на лорда и улыбнулся. Он не сказал ни слова, но этого и не требовалось. Каждый кусок металла в лагере стал мягким как сало. Собственный нож Джарида лежал на столе перекрученный и искореженный, он растянулся, когда Джарид вынимал его из ножен. Куртка Джарида была на распашку, потому как пуговицы у нее были серебряные.

— Джарид... — сказал Кайрам. У молодого лорда из младшего дома,

верного Саранду, было худощавое лицо и пухлые губы. — Ты действительно думаешь... действительно думаешь, что это дело рук Айз Седай? Они испортили весь металл в лагере?

— Конечно, — рявкнул Джарид. — Кто еще это мог быть? Не говорите мне, что верите в эти походные байки. Последняя Битва? Чушь. — Он посмотрел на стол. Там, развёрнутая и прижатая камнями по углам, лежала карта Андора.

Бэйрд вернулся к камням. Щелк, щелк, щелк. Сланец и гранит. Пришлось потрудиться, чтобы найти подходящие куски каждого из них, но дедуля научил Бэйрда распознавать

нужные камни. Старик чувствовал себя преданным, когда отец Бэйрда ушел, чтобы стать мясником в городе, вместо того, чтобы продолжить семейное дело.

Мягкий, гладкий сланец. Шершавый, заостренный гранит. Да, кое-что в мире оставалось твердым. Совсем немного вещей. В эти дни вы на многое не могли положиться. Когда-то непоколебимые лорды стали податливыми как... как металл. небеса клубились мраком и храбрые мужчины, мужчины на которых долгое время равнялся Бэйрд, дрожали и хныкали по ночам.

— Я обеспокоен, Джарид, — сказал Дэвис. Старый лорд Дэвис

был как никто приближен к Джариду. — Мы не видели никого днями. Ни фермеров, ни королевских солдат. Что-то случилось. Что-то страшное.

— Она разогнала людей, — рывкнул Джарид. — Она готовится к атаке

— Я думаю, она игнорирует нас, Джарид, — сказал Кайрам, глядя в небо. Там все также бурлили облака. Казалось прошли месяцы с тех пор как Бэйрд видел чистое небо. — Из-за чего ей волноваться? Наши люди голодают. Еда продолжает портиться. Знаки...

— Она пытается изнурить нас, — сказал Джарид, выпячивая

глаза от усердия. — Это работа Айз Седай.

Вдруг лагерь погрузился в безмолвие. Тишина, нарушаемая лишь камнями Бэйрда. Мясником он никогда не чувствовал себя на своем месте, но в страже своего лорда он нашел дом. Резать коров или резать людей. Два чертовски похожих занятия. Его беспокоило как легко он переключился с одного на другое.

Щелк, щелк, щелк.

Эри обернулся. Джарид с подозрением следил за гвардейцем. Казалось, он готов выкрикнуть более суровое наказание.

«Он же не всегда был таким, ведь так? — подумал Бэйрд. — Он

хотел трон для своей жены, но какой лорд не хотел?» Трудно было не обращать внимание на имя. Семья Бэйрда с почтением служила семье Саранда на протяжении поколений.

Эри двинулся прочь от поста командующего.

— Куда это ты направился? — Закричал Джарид.

Эри поднял руку к плечу и оторвал знак гвардейца дома Саранд. Он отбросил его в сторону и вышел из света факелов, направляясь в ночь на встречу северным ветрам.

Большинство мужчин в лагере не спали. Они сидели вокруг костров, нуждаясь в их тепле и свете. Несколько человек пытались варить

в глиняных горшках куски травы, листья или полоски кожи — все что можно съесть.

Они поднялись посмотреть как уходит Эри.

— Дезертир, — сплюнул Джарид. — После всего через что мы прошли он бросил нас. Просто из-за того, что стало тяжело.

— Люди голодают, Джарид, — повторил Дэйвис.

— Я в курсе. Спасибо большое, что сообщаем мне о проблемах при каждом твоём проклятом вдохе. — Джарид потер бровь дрожащей ладонью, затем хлопнул ее по карте. — Мы должны ударить по одному из городов; нам от нее не

укрыться, не теперь, когда она знает, где мы находимся. Беломостье. Мы захватим его и пополним запасы. Должно быть, ее Айз Седай ослаблены после того трюка, что они провернули этой ночью, иначе они бы уже напали.

Бэйрд прищурился, глядя в темноту. Люди вставали, поднимая посохи и дубинки. Некоторые шли без оружия. Они собирали спальные мешки, пристраивали тюки с одеждой на плечи. Затем уходили из лагеря. Их безмолвный поход был похож на движения призраков. Не бренчали доспехи, не звякали застёжки на броне. Металл стал беззвучным. Будто у него забрали

душу.

— Илэйн не отважится бросить на нас все свои силы, — сказал Джарид, возможно убеждая самого себя. — В Кэймлине должна быть разруха. Все эти наемники, о которых ты, Шив, докладывал. Возможно, там бунт. Эления, разумеется, будет действовать против Илэйн. Беломостье. Да, Беломостье было бы идеально.

— Ты видишь, мы возьмем его и разрежем королевство надвое. Мы пополним там войска, загоним людей из западного Андора под наши знамена. Пойдем в... как называется то место? Двуречье. Мы наверняка найдем там подходящих парней. —

Джарид фыркнул. — Я слышал, они десятилетия не видели лорда. Дай мне четыре месяца и у меня будет армия с которой придется считаться. Достаточная, чтобы она не осмелилась ударить по нам вместе со своими ведьмами.

Бэйрд держал камень в свете факелов. Секрет хорошего наконечника в том, чтобы начать работать с края и продвигаться к середине. Он мелом нарисовал на камне нужный контур и сколот все вокруг. После этого надо сменить удары на осторожные щелчки, откалывающие маленькие кусочки.

Он закончил одну сторону раньше, теперь и вторая была почти

готова. Он почти слышал шепот дедули: "Мы — камень, Бэйрд. Неважно, что говорит твой отец. В сущности своей мы камень".

Солдаты продолжали покидать лагерь. Странно, но они почти не разговаривали. Наконец, Джарид, заметил. Он выпрямился, схватил один из факелов и поднял его над головой.

— Куда вы идете? Охотиться? Мы неделями не видели дичи. Наверное пошли ставить силки?

Никто не ответил.

— Может быть, они что-то увидели, — пробормотал Джарид. — Или думают, что видели. Я запрещаю болтать о духах и прочей чепухе —

это ведьмы вызывают видения, чтобы сбить нас с толку. Это... да, именно в этом всё дело.

Неподалеку раздался шорох. Кайрам копался в его упавшей палатке. Он достал небольшой сверток.

— Кайрам? — Сказал Джарид..

Кайрам посмотрел на лорда Джарида, опустил глаза и начал привязывать к поясу кошель. Затем остановился, засмеялся и вытряхнул содержимое. Золотые монеты слились внутри в единый комок, словно свиные уши в банке. Кайрам сунул этот комок в карман. Он порылся в кошеле и достал кольцо. Кроваво-красный камень в центре

был все еще хорош.

— Пожалуй, в эти дни его не хватит, чтобы купить даже одно яблоко, — пробормотал он.

— Я требую объяснений, — прорычал Джарид. — Это твоих рук дело? — Он махнул рукой в сторону уходящих солдат — Ты поднял мятеж, не так ли?

— Я тут ни при чём, — смущенно ответил Кайрам — И дело не в Вас. Про...Простите.

Кайрам вышел из света факелов. Бэйрд был удивлен. Лорд Кайрам и лорд Джарид были друзьями с детства.

Следующим ушёл лорд Дэйвис, бросившись вдогонку за Кайрамом.

Возможно, он хочет попытаться остановить молодого лорда? Нет, он зашагал рядом с Кайрамом, и они растворились в темноте.

— За это я объявлю на вас охоту! — Закричал Джарид им в след пронзительным голосом. — Я стану консортом Королевы! Ни один человек не даст ни крова, ни помощи вам или членам ваших Домов на протяжении десяти поколений!

Бэйрд снова посмотрел на камень в своей руке. Остался один штрих — шлифовка. Чтобы быть смертоносным, хорошему наконечнику необходима шлифовка. Он достал другой кусок гранита, отобранный для этой цели, и

принялся осторожно водить им по поверхности сланца.

«Похоже, я помню это лучше, чем ожидал», — подумал он, пока лорд Джарид продолжал сыпать угрозами.

Было что-то мощное в изготовлении наконечника. Простое действие, казалось, отодвинуло мрак. В последнее время над Бэйрдом и над остальным лагерем нависла тень. Словно... словно он не мог выйти на свет, как ни пытался. Он просыпался каждое утро с чувством как будто кто-то любимый умер вчера.

Это отчаянье могло раздавить тебя. Но изготовление чего-нибудь, неважно чего, наносило ответный

удар. Это был один из способов бросить вызов... ему. Тому, о ком не говорили вслух. О котором каждый знал, что это его работа — не важно, что говорил лорд Джарид.

Бэйрд встал. Позднее он хотел бы отшлифовать еще, но на самом деле наконечник выглядел хорошо. Он поднял деревянное древко копья. Металлическое острие отвалилось, когда лагерь поразило проклятье — и закрепил новый наконечник на месте, точно так же, как учил его дедуля много лет назад.

Остальные гвардейцы наблюдали за ним.

— Нам понадобятся ещё, — сказал Морир. — Если ты не против.

Бэйрд кивнул.

— По дороге мы можем остановиться на склоне холма, где я нашел тот кусок сланца.

Джарид наконец перестал кричать, его глаза расширились в свете факелов.

— Отставить. Вы моя личная гвардия. Вы не можете мне перечить!

Джарид с жаждой убийства в глазах бросился на Бэйрда, но Морир и Росссе схватили лорда сзади. Росссе был в ужасе от собственного неповиновения, но лорда все-равно не отпустил.

Бэйрд захватил ещё кое-какие вещи, лежащие рядом с его постелью. После этого он кивнул

остальным, и они отправились вместе — восемь человек из личной гвардии лорда Джарида тащили визжащего лорда собственной персоной через остатки лагеря. Они проходили мимо дымящихся кострищ и упавших палаток, брошенных людьми, которые в ещё больших количествах тянулись во тьму, направляясь на север. Навстречу ветру.

На краю лагеря Бэйрд выбрал хорошее крепкое дерево. Он махнул остальным, они взяли захваченную им верёвку и привязали лорда Джарида к дереву. Тот что-то бессвязно бормотал, пока Морири не заткнул ему рот платком.

Бэйрд подошёл ближе и пристроил ему на сгиб руки бурдюк с водой.

— Не дергайтесь слишком сильно, иначе вы можете уронить его, милорд. Вам, думаю, удастся выплюнуть кляп, он не слишком туго вставлен, и наклонить бурдюк ко рту, чтобы напиться. Вот, я вытащу затычку.

Взгляд Джарида, направленный на Бэйрда, был чернее тучи.

— Дело не в вас, мой Лорд, — сказал Бэйрд, — Вы всегда хорошо относились к моей семье. Но сейчас мы не можем позволить вам следовать за нами и создавать трудности. Есть кое-что, что мы

должны сделать, а вы всем препятствуете. Может быть, кто-нибудь должен был сказать это раньше. Теперь, дело сделано. Иногда ты оставляешь мясо висеть слишком долго, и тогда портится вся туша.

Бэйрд окликнул остальных, кто побежал собирать пожитки. Он отвел Росса к залежам сланца на поверхности и объяснил, как найти хороший камень для копья.

Бэйрд повернулся к вырывающемуся Лорду Джариду.

— Это не ведьмы, мой Лорд. Это не Илэйн... Полагаю, я должен называть ее Королевой. Забавно думать о таком прелестном молодом

создании, как о королеве. Я бы лучше покачал её у себя на коленях в гостинице, чем кланяться ей, но Андору понадобится правитель, за которым он пойдет в Последнюю битву, и это — не ваша жена. Мне жаль.

Джарид обвис в путах, гнев как-будто вытек из него. Теперь он плакал. Странно было это наблюдать.

— Всем, кого встретим — если встретим — я скажу, где вас найти, — пообещал Бэйрд, — и что, возможно, у вас с собой пара драгоценных камней. Может, кто-нибудь да придет. Может быть. — И, поколебавшись, добавил:

— Зря вы встали у нас на пути.

Кажется, все уже знают, что грядет, кроме вас. Дракон возродился, старые узы порваны, со старыми клятвами покончено... и пусть меня повесят, но я не позволю Андору отправиться на Последнюю Битву без меня.

Бейрд ушёл в ночь, держа на плече своё новое копье. "Так или иначе, у меня есть клятва древнее той, что я принёс вашей семье. Клятва, которую не может отменить даже Дракон собственной персоной." Это была клятва земле. Камни были в его крови, и его кровь была в камнях Андора.

Бэйрд собрал остальных, и они зашагали на север. Позади них, в

ночи, в одиночестве захныкал их лорд, когда через лагерь потянулись призраки.

Талманес натянул поводья Селфара, заставив лошадь гарцевать и трясти его голову. Чалая лошадь выглядела напряженной. Возможно, Селфар чувствовал тревожное настроение своего хозяина.

Ночной воздух был насыщен дымом. Дымом и криками. Талманес провёл Отряд рядом с дорогой, забитой беженцами, вымазанными сажей. Они передвигались как плавающий мусор в грязной реке.

Люди из Отряда смотрели на беженцев с беспокойством.

— Держать строй! — крикнул им Талманес. — Мы не можем бежать всю дорогу до Кеймлина. Держать строй! — Он вёл людей настолько быстро, насколько смел, примерно со скоростью медленной рыси. Их броня бряцала. Илэйн забрала с собой половину отряда на Поле Меррилора, включая Истина и большинство кавалерии. Возможно, она предчувствовала, что нужно быстро отзывать войска.

Впрочем, на городских улицах, наверняка переполненных людьми так же, как и эта дорога, от конницы будет мало проку. Сельфар фыркнул и потрянул головой. До города было уже недалеко; его стены, черневшие в

темноте, были освещены ярким заревом. Словно весь город был одним огромным пылающим костром.

"Во имя милосердия и всех павших," подумал Талманес и холодок пробежал по спине. Гигантские клубы дыма вздымались над городом. Плохо. Гораздо хуже, чем когда айильцы пришли в Кэйриэн.

Талманес наконец дал волю Селфару. Чалый некоторое время мчался по краю дороги, а затем, постепенно, Талманесу удалось перейти её, игнорируя вопли мольбы о помощи. Время, проведенное с Мэтом, привело к тому, что он хотел

бы что-то сделать для этих людей. Эффект, производимый Мэтримом Коутоном на людей был весьма необычным. Теперь Талманес смотрел на простой народ совсем под другим углом. Очевидно, потому, что он до сих пор не мог определиться, считать ли Мэта лордом.

На другой стороне, дороги он рассматривал горящий город, ожидая пока его люди не нагонят его. Он мог посадить на коней их всех, несмотря на то, что они не были подготовленными кавалеристами, у любого человека в Отряде был конь для дальних переездов. Его люди должны быть в полной боевой

готовности из-за Троллоков и Мурдраалов, рыскающих по улицам. Арбалетчики маршировали с заряженным оружием на флангах широких колонн копейщиков. Он не оставит своих солдат не готовыми к атаке Троллоков, не важно, сколько неотложным было его задание.

Но вот если они потеряли тех драконов...

"Да осияет нас Свет", подумал Талманес. Город выглядел кипящим котлом из-за всего этого дыма, поднимающегося над ним. Однако, некоторые части Внутреннего Города, возвышающегося на холме и видимого из-за стен ещё не горели. Дворец ещё не был в огне. Возможно

солдаты ещё держатся?

От Королевы не было вестей, и, исходя из того, что Талманес мог наблюдать, никакой помощи городу не подоспело. Королева, наверно ничего не знает, и это плохо.

Очень, очень плохо.

Впереди Талманес заметил Сандипа вместе с разведчиками из Отряда. Худощавый пытался освободиться от группы беженцев.

— Пожалуйста, добрый господин, — кричала молодая женщина, — Мой ребёнок, моя дочь, на северных высотах...

— Я должен попасть в свой магазин, — кричал здоровяк, — Моё стекло...

— Добрые люди, — произнёс Талманес, продираясь через толпу, — Я думаю, что если вы хотите помощи, то вам нужно отойти и позволить нам добраться до проклятого города.

Беженцы постепенно отступили и Сандип кивков поблагодарил Талманеса. Загорелый, темноволосый, Сандип был одним из командиров Отряда и искусным садовником. Сейчас на его лице, обычно приветливом, застыло хмурое выражение.

— Сандип, — позвал Талманес, — Кто это там?

В непосредственной близости собралась большая группа солдат,

глядя на город

— Наёмники, — проворчал Сандип, — Мы прошли мимо нескольких групп. И кажется, никто из них не собирается и пальцем пошевелить.

— Это мы ещё посмотрим, — ответил Талманес.

Из ворот по-прежнему лил поток беженцев. Люди кашляли, сжимая в руках свои жалкие пожитки и ведя за собой детей. Долго еще поток не ослабнет: Кеймлин трещал по швам, словно гостиница в ярмарочный день. Уносящие ноги счастливы составляли лишь малую часть оставшихся внутри.

— Талманес, — тихо сказал

Сандип, — скоро город превратится в капкан. Слишком мало путей для отхода. А если мы завязнем внутри...

— Я знаю. Но...

Толпа в воротах заволновалась, по ней словно прошла дрожь. Крики усилились. Талманес развернулся; в полутьме прохода двигались огромные фигуры.

— Свет! — воскликнул

Сандип, — Что это?

— Троллоки, — ответил

Талманес, поворачивая Селфара, — Свет! Они собираются захватить ворота, чтобы остановить беженцев.

Существовали пять ворот из города; и если Троллоки захватили все из них...

Это была уже бойня. И если Троллоки смогут остановить испуганных людей от бегства, всё будет гораздо хуже.

— Шеренгам ускориться! — крикнул Талманес, — Все к городским воротам!

Он пустил Селфара в галоп.

* * *

Быть может, где-нибудь в другом месте это здание назвали бы гостиницей, несмотря на то, что Изам никогда не видел никого внутри за исключением женщин с тусклым взглядом, обслуживающих парочку однообразных комнат и готовящих безвкусные обеды. Визиты сюда никогда не приносили удовольствия.

Он сидел на жёстком стуле за сосновым столом такого невероятного возраста, что, казалось, этот стол посерел задолго до рождения Изама. Он прикладывал все усилия, чтобы не прикоснуться к поверхности стола, иначе рисковал уйти с большим количеством заноз, чем было копий у Айил

Помятая жестяная кружка Изама была заполнена темной жидкостью, хотя он и не пил. Он сидел у стены, достаточно близко к единственному окну гостиницы, чтобы увидеть грязь улицы, тускло освещенную в вечернее время несколькими ржавыми фонарями, висевшими снаружи зданий. Изам старался не

допустить, чтобы увидели его??
профиль через размытые стекла. Он
никогда не смотрел прямо. Всегда
лучше не привлекать к себе
внимания в Городе.

За неимением лучшего имени,
место это так и называлось: Город.
За две тысячи лет приземистые,
ветхие его домишки сменялись
бессчетное количество раз. Хотя,
если приглядеться, размерами место
действительно напоминало довольно
крупный город. Большинство домов
построили заключенные, у которых
зачастую не было ни малейшего
понятия о ремесле, а руководили ими
точно такие же невежды. Казалось,
строения цеплялись друг за друга,

чтобы не упасть.

Изам украдкой наблюдал за улицей, по его лицу струился пот. Кто же придет за ним?

Вдалеке он с трудом мог различить очертания горы, разрезающей ночное небо. Где-то снаружи, в Городе, слышался скрежет металла о металл, похожий на стальное сердцебиение. На улице мелькали фигуры. Мужчины в плотно сидящих плащах с капюшонами, с лицами, скрытыми до глаз кроваво-красными вуалями.

Изам был достаточно осторожным, чтобы не задерживать свой взгляд на них.

Прогредел гром. Склоны горы

кишели странными на вид
молниями, которые били в вечно
покрытое тучами небо. О Городе
знали лишь немногие. Стоял он
вблизи долины Такан'дар, над
которой возвышался сам Шайол Гул.
Лишь до немногих доносились слухи
о существовании Города. Изам рад
бы был не принадлежать к тем
немногим.

Мимо прошел еще один.
Красные вуали. Они носили их
всегда. Ну, почти. Если увидишь, что
кто-то вуаль снял, знай: его нужно
убить. Иначе тебя убьет он. Казалось,
что кроме как угрожающе смотреть
друг на друга да пинать вечно
попадающих под ноги худющих и

одичавших дворняг мужчины в красных вуалях ничем не занимались. Немногие вышедшие из дома женщины потупив взгляд жались по сторонам улицы. Детей не видно, да и вряд ли их тут много. Изам знал, что детям в Городе не место. Знал, потому что вырос здесь сам.

Один из мужчин, шедших по дороге, посмотрел в окно Изама и остановился. Изам вёл себя очень спокойно. Самма Н'Сеи, Ослепляющие, всегда были очень раздражительны и полны гордыни. Хотя нет, раздражительны- это ещё мягко сказано. Им достаточно было простой прихоти, чтобы вонзить нож

в одного из Лишенных Дара. Обычно, это были одни из тех слуг, которые расплачивались. Обычно.

Мужчина в красной вуали продолжил рассматривать его. Изам взял себя в руки и не сделал вид, что отходит назад. Он был вызван сюда по срочным делам, и тот, кто хочет жить, не будет медлить. Но всё же... Если мужчина сделает хотя бы шаг в направлении здания, Изам ускользнёт в Тел'аран'риод, спокойно зная, что даже Избранный не сможет последовать за ним туда.

Внезапно Самма Н'Сеи отвернулся от окна. В мгновение ока он уже удалялся от здания быстрыми шагами. Изам почувствовал, как

напряжение понемногу уходит, хотя оно и никогда не покинет его полностью, не здесь. Это место не было домом, несмотря на то, что здесь прошло его детство. Это место — смерть.

Движение. Изам бросил взгляд в конец улицы. Очередной высокий мужчина в чёрных куртке и плаще, с открытым лицом, шёл к нему. Невероятно, но улица пустовала, словно Самма Н'Сеи кинулись прочесывать другие улицы и аллеи.

Итак, это был Моридин. Изам не был очевидцем первого визита Избранного в Город, но слухи до него дошли. Самма Н'Сеи поначалу думали, что Моридин — один из

Лишённых Дара, пока он не продемонстрировал им обратное. В отличие от них, его ничто не ограничивало.

Количество мёртвых Самма Н'Сеи менялось в зависимости от рассказчика, но никогда не было меньше дюжины. Судя по тому, что видел Изам, он мог в это поверить.

На улице не было никого, кроме собак, когда Моридин дошёл до гостиницы. И он свернул направо за угол. Изам наблюдал настолько близко, насколько смел. Моридина, казалось, не интересовался им или гостиницей, в которой Изам, согласно указаниям, должен был ждать. Возможно, у Избранного были

другие дела, и Изамом он займётся после.

После того, как Моридин ушёл, Изам, наконец, сделал небольшой глоток тёмного напитка. Местные называли его просто — "огонь". И попали в точку. Якобы он был связан с каким-то напитком из Пустыни. Как и всё в этом Городе, это была исковерканная версия оригинала.

Как долго Моридин заставит его ждать? Изаму здесь не нравилось. Это место напоминало ему слишком много из его детства. Подошла официантка — женщина в платье столь поношенном, что это были практически лохмотья, — и бросила тарелку на стол. Оба не обмолвились

и словом.

Изам посмотрел на обед. Овощи — перец и лук, в основном, — сварены и тонко порезаны. Он взял кусок и попробовал на вкус, после чего вздохнул и оттолкнул тарелку в сторону. У овощей был такой же вкус, как у пресной пшенной каши. Мяса не было. Вообще-то, это было хорошо: он не любил есть мясо кроме случаев, когда это мясо убил и разделал он сам. Это был пережиток его детства. Если ты не разделал его сам, ты не можешь быть уверен. Не полностью. Здесь, если ты нашёл мясо, оно могло быть чем-то, что поймано на юге, или, может быть, животным, выращенным в этих

краях, например коровой или козой.

Или это могло быть чем-то ещё. Люди проигрывали в азартные игры и не могли отдать долг, а потом пропадали. Часто, те Самма Н'Сеи, которые не вызывали доверия, заканчивали своё обучение. Тела исчезали. Трупы редко "доживали" до похорон.

"Сгори это место", — подумал Изам с урчащим от голода желудком, "Сгори вместе с..."

Кто-то вошёл в гостиницу. К сожалению, он не мог следить за всеми подходами к двери. Это была привлекательная женщина, одетая в чёрное со вкраплениями красного платье. Изам не узнавал её стройную

фигуру и утончённые черты лица. Он в определённой степени был уверен, что знал в лицо всех Избранных, потому что достаточно на них насмотрелся в своих снах. Разумеется, они этого не знали. Они считали себя там хозяевами, и некоторые были весьма способны.

Он был не менее способен, а также исключительно искусен в умении быть незамеченным.

Кем бы она ни была, она явно решила скрыть своё истинное лицо. Почему ей нужно беспокоиться об этом здесь? Так или иначе, она должна быть одной из тех, кто вызвал его сюда. Ни одна женщина не ходила в Городе с таким

надменным выражением лица, с такой самоуверенностью, как будто если она прикажет горе прыгнуть, та подчинится. Изам бесшумно опустился на одно колено.

Это движение вызвало ноющую боль в животе в том месте, где он был ранен. Изам до сих пор не оправился от битвы с волком. Он почувствовал нарастающее напряжение внутри него; Люк ненавидел Айбару. Необычно. Люк был гораздо менее склонен к конфликтам, чем Изам. Ну, так он, по крайней мере, о себе думал.

В любом случае, по поводу конкретно этого волка их мнения сходятся. С одной стороны, Изам был

заинтригован; как охотнику, ему редко когда выпадало такое состязание, как с Айбарой. С другой стороны, его ненависть была глубже. Он убьёт Айбару.

Изам скрыл гримасу боли, опустив голову. Женщина оставила его стоять коленопреклонённым и присела за стол. Она несколько раз провела пальцем по стенке жестяной кружки, вглядываясь в содержимое, ничего не говоря.

Изам держался прямо. Многие из тех идиотов, которые называли себя Друзьями Темного, корчились и извивались бы от злости, если бы кто-то взял над ними верх. "И в самом деле", — признался он с

неохотой, "Люк, возможно, корчился бы, как и они."

Изам был охотником. Он не желал ничего иного. Когда тебя устраивает то, что ты есть, нет причин злиться, если тебе указывают твоё место.

"Гори оно всё", — но его бок и так уже горел.

— Я хочу, чтобы он умер, — сказала женщина. Её голос был мягким и при этом сильным.

Изам ничего не ответил.

— Я хочу, чтобы его распотрошили как животное, его кишки вывалились на землю, кровью напоили воронов, а кости остались сначала белеть, потом сереть, а

потом рассыпались из-за жары. Я хочу, чтобы он умер, охотник.

— Ал'Тор.

— Да. Ты уже один раз потерпел неудачу, — Её голос был холоден, как лёд. Он задрожал. Эта была сурова. Сурова как Моридин.

За годы службы у него выработалось презрение к большинству из Избранных. Они ссорились как дети, несмотря на всю их мощь и мнимую мудрость. Эта женщина заставила его задуматься, а действительно ли он шпионил для всех них? Она отличалась.

— Ну? — спросила она, — Ты готов ответить за свои провалы?

— Каждый раз, когда кто-нибудь

из остальных дает мне задание, связанное с этой охотой, — сказал он, — Ещё один приходит и забирает меня для выполнения другого задания.

По правде говоря, он бы лучше продолжил охоту на волка. Он не откажется выполнять приказы, только не данные напрямую от Избранной. Любая охота кроме охоты на Айбару для него так же однообразна, как и все остальные. Он убьёт этого Дракона, если придётся.

— На сей раз этого не повторится, — сказала Избранная, все ещё разглядывая чашку. Она не смотрела на него и не давала

разрешения встать, так что он продолжал стоять на одном колене. — Все остальные не имеют власти над тобой. Пока Великий Повелитель не скажет тебе обратное — пока он не вызовет тебя лично — ты должен выполнять это задание. Убей Ал'Тора.

Движение по ту сторону окна заставило Изама посмотреть в сторону. Избранная не смотрела на группу фигур в чёрных плащах с капюшонами, прошедших мимо. Ветер не мог заставить шевелиться плащи у этих фигур.

Их сопровождали экипажи; это было необычно для Города. Экипажи двигались медленно, но всё равно

тряслись и громыхали на неровной дороге. Изаму не нужно было смотреть в занавешенные окна кареты для того, чтобы знать, что тринадцать женщин ехало внутри — столько же, сколько было Мурдраалов. Ни один из Самма Н'Сеи не вернулся на улицу. Они предпочитали не обращать внимания на такие процессии, как эта. В силу очевидных причин, у них было... сильное предчувствие касаясь таких вещей.

Экипажи скрылись из виду. Итак. Ещё одного поймали. Изам предположил, что порядок был нарушен, когда смыли порчу.

Прежде, чем он убрал свой

взгляд обратно в пол, он краем глаза уловил нечто весьма удивительное. Маленькое, грязное лицо наблюдало за ним из темного переулка через дорогу. Широко раскрытые глаза, вместе с тем — крадущаяся походка. Появление Моридина и тринадцати убрало Самма Н'Сеи с улицы. Где бы они ни были, сорванцу лучше найти место безопаснее. Может быть.

Изам хотел крикнуть ребёнку, чтобы он уходил. Сказать, чтобы бежал, рискнул, пересекая Запустение. Умереть в желудке Червя лучше жизни в этом Городе, и страданий, которые он тебе причиняет. Уходи! Спасайся! Умри!

Момент был упущен и

маленький бродяга скрылся в тенях. Изам припоминал, каким он был в его возрасте. Он тогда много чему научился. Как найти еду, которой ты можешь более-менее доверять, и не вырвать все наружу, когда узнаешь, что это было. Как сражаться ножами. Как избежать того, чтобы тебя увидели или заметили.

И, конечно же, как убить человека. Каждый, кто достаточно долго выжил в Городе, получает этот особый урок.

Избранная все ещё смотрела на чашку. "Она смотрит на своё отражение", — догадался Изам. "Что она там видит?"

— Мне понадобится помощь, —

сказал, наконец, Изам. — У Возрождённого Дракона есть стража, и он редко появляется во сне.

— Помощь будет, — ответила она мягко. — Но тебе нужно найти его, охотник. Сделать это играючи, как раньше, когда ты пытался притянуть его к себе, уже не получится. Льюс Терин почувствует такую ловушку. Кроме того, теперь он не свернёт со своего пути. Времени мало.

Она говорила о сокрушительном поражении в Двуречье. Люк был за это в ответе. Что знал Изам о реальных городах, реальных людях? Он почти почувствовал, как сильно это хочет, хотя он и предполагал, что

это был порыв Люка. Изам был просто охотником. Люди мало его интересовали, за исключением их уязвимых мест, через которые стрела найти путь к сердцу.

Взять, хотя бы, операцию в Двуречье...она смердела, как труп, брошенный гнить. Он до сих пор не знал. Действительно ли задумка была в том, чтобы привлечь туда Ал'Тора, или она была в том, чтобы отвлечь Изама от значимых событий? Он знал, что его способности чаруют Избранных; он мог сделать то, что не могут они. О, ну, конечно, они могли имитировать способ его вхождения в сон, но им нужна была Сила, врата, время.

Он устал быть пешкой в их игре. Просто пусть дадут ему поохотиться; перестанут менять жертву каждую неделю.

Не стоит говорить это Избранной. Он оставит свои наблюдения при себе.

Тени в дверном проёме гостиницы стали еще глубже, прислуживавшая женщина удалилась, так что в помещении не осталось никого, кроме Изама и Избранной.

— Ты можешь встать, — сказала она.

Изам спешно поднялся, и двое мужчин вошли в комнату. Высокие, мускулистые и в красных вуалях. Они носили коричневые одежды, как у

айильцев, но луков и копий не было. Эти существа убивали оружием куда смертоносней.

Хотя он сохранил бесстрастный вид, внутри Изама все бурлило. Детство, полное боли, голода и смерти. Жизнь, смысл которой — избегать пристального взгляда таких людей, как эти. Он с трудом сдерживался, чтобы не задрожать, когда они, широко шагая, подошли к столу, двигаясь с грацией прирождённых хищников.

Мужчины скинули свои вуали и оскалились. Чтоб мне сгореть. Их зубы были наточены.

Они были Обращёнными. Это можно было увидеть по их глазам —

глазам, с которыми было что-то не так, они были не совсем человеческими.

Изам чуть не рванул направо, вступая в сон. Он не мог убить их обоих. Потому что превратится в пепел прежде, чем решить убить хотя бы одного. Он видел убийство Самма Н'Сеи; они часто это делали просто для того, чтобы открыть новый способ применения своей силы.

Они не нападали. Знали ли они, что эта женщина — Избранная? Почему они тогда опустили свои вуали? Самма Н'Сеи никогда не опускали свои вуали кроме как для убийств — и только для этого они и были созданы.

— Они будут сопровождать тебя, — сказала Избранная. — Также, у тебя будет горстка Лишённых Дара, чтобы помочь справиться со стражей Ал'Тора.

Она повернулась к нему и, впервые за всё время, они встретились взглядом. Казалось, она...испытывала отвращение. Как будто ей было противно нуждаться в его помощи.

"Они будут сопровождать тебя," сказала она. Никак не "Они будут служить тебе".

Трёклятый собачий сын. Судя по всему, это будет поганая работёнка.

* * *

Талманес бросился влево, едва

избежав встречи с троллочьей секирой. От удара секиры по булыжникам затряслась земля. Еще раз увернувшись, Талманес всадил клинок в бедро твари. Та вскинула бычью морду и заревела.

— Ну и зловонная же у тебя глотка, чтоб мне сгореть! — взревел в свою очередь Талманес, выдернул клинок и отступил. Нога твари подломилась, и Талманес отсек все еще державшую оружие руку.

Тяжело дыша, Талманес отпрыгнул, когда два его товарища пронзили копьями спину троллока. Этим лучше валить группой. Вообще-то, во время драки всегда стоит иметь под рукой проверенных ребят,

но в боях с троллоками это особенно важно, учитывая их размеры и силу.

Повсюду в ночном мраке кучами мусора валялись трупы. Талманесу пришлось поджечь все караулки у городских ворот, чтобы добиться хоть какого-то освещения. Полдюжины или около того выживших стражников на некоторое время присоединились к Отряду.

Черной волной троллоки отступали от ворот. Они явно переоценили свои силы, бросившись в эту атаку. Вернее, их бросил в нее находившийся с ними Получеловек. Талманес пощупал рану на боку и ощутил влагу.

Огонь в караулках затухал.

Придется поджечь еще несколько лавок и мастерских. Да, есть риск, что пламя перекинется на весь город, но ведь он и так уже обречен. Теперь можно не сдерживаться.

— Бринт! — заорал Талманес, — Поджигай вон ту конюшню!

Бринт побежал исполнять приказ. Подошел Сандип.

— Они еще вернутся. И скоро.

Талманес кивнул. Теперь, после окончания битвы, из соседних улочек начал стекаться городской люд. Народ робко направился к воротам и к предполагаемой безопасности за ними.

— Нам нельзя тут оставаться и

удерживать ворота, — сказал Сандип. — Драконы...

— Знаю. Как много людей мы потеряли?

— Еще не считал. Не меньше сотни.

Свет, Мэт шкуру с меня спустит, когда узнает. Мэт ненавидел потери. Его мягкость равнялась лишь его боевому гению — сочетание странное, но весьма вдохновляющее.

— Разошлите дозорных по ближайшим окрестностям, пусть высматривают Отродий Тени. Трупы троллоков свалите в баррикады — для укреплений они будут в самый раз. Эй, солдат!

Проходивший мимо измученный

боец застыл как вкопанный. Доспехи его были окрашены в королевские цвета.

— Милорд?

— Нам надо дать людям знать, что эти ворота мы отбили. Есть ли такой сигнал, звук которого узнает любой андорский простолюдин? А узнав, пойдет на него?

— Простолюдин... — задумчиво повторил солдат. Слово ему явно не нравилось. Здесь, в Андоре, оно было не в ходу. — Да, "Королевский марш".

— Сандип?

— Я передам трубачам, Талманес, — ответил тот.

— Хорошо.

Талманес встал на колени, чтобы вытереть клинок о рубаху мертвого троллока. Бок отдал болью. Рана не очень серьезная. Так, царапина.

Увидев, какой грязной оказалась рубаха, Талманес чуть было не передумал, но он помнил, как пагубно троллочья кровь влияет на клинок, поэтому лезвие все-таки протер. Встал, не обращая внимания на боль в боку, и направился к воротам, у которых привязал Селфара. В схватке с Отродьями тени этому коню доверять не стоило: скакун неплохой, но до коней из Порубежья ему было далеко.

Никто не задал ни одного

вопроса, когда он взобрался в седло, повернул Селфара на запад и выехал из города по направлению к виденным ранее наемникам. Те подобрались ближе, чему Талманес не удивился: битва притягивает воинов так же, как в зимнюю ночь огонь притягивает замерзших путников.

В битве участия они не принимали. Когда Талманес подъехал, его поприветствовала группка мужчин с толстенными руками и, скорее всего, худенькими мозгами. Они узнали Талманеса и Отряд, ибо те купались в лучах "Мэтовой славы". А еще они заметили пятна троллочьей крови у

него на одежде и перевязанный бок.

Рана жгла нестерпимо. Талманес приструнил Селфара и принялся рыться в седельных сумках. Где-то у меня здесь был табак...

— Ну? — спросил один из наемников. Предводителя узнать легко: он обычно облачен в лучшую броню. А становился им тот, кому удавалось выжить дольше других.

Талманес выудил из сумки младшую сестрицу своей лучшей трубки. Но где табак? Лучшую же трубку Талманес в битвы не брал. Да, отец бы такое назвал невезением.

"А, вот он". — На свет появился кисет. Талманес набил чашу, вытащил лучинку и наклонился,

чтобы поднести ее к факелу, который держал настороженный наемник.

— Мы будем драться только если нам заплатят, — сказал предводитель. Крепко сбит и на удивление чист, хотя бороду подправить ему бы не помешало.

Талманес раскурил трубку и выпустил дым. Позади него загремели трубы. "Королевский марш" звучал неплохо и легко запоминался. Но тут в мелодию вплелись крики, и Талманес развернул коня. Троллоки на главном тракте. На этот раз группа большая.

Арбалетчики встали на позиции и по неслышному Талманесу приказу выпустили залп.

— Мы не... — снова начал было наемник.

— Ты понимаешь, что происходит? — тихо спросил его Талманес, не выпуская трубки изо рта. — Это начало конца. Падение наций и объединение человечества. Это Последняя Битва, проклятый тупица.

Наемники неуверенно переминались с ноги на ногу.

— Вы... вы говорите от имени Королевы? — спросил вожак, пытаясь выгадать хоть что-нибудь. — Я просто хочу, чтобы о моих людях позаботились.

— Если будете драться, — ответил Талманес. — Обещаю вам

щедрую награду.

Вожак молчал.

— Обещаю, что вы еще поживете, — продолжил Талманес, потягивая трубку.

— Это угроза, кайриенец?

Талманес выпустил дым и нагнулся поближе к вожаку.

— Андорец, сегодня я убил мурдраала, — чуть ли не прошептал он. — Тот зацепил меня такан'дарским клинком, и рана почернела, как говорят в Порубежье. Это значит, что через несколько часов яд выжжет меня изнутри, и я умру в самых жутких муках, какие только может представить человек. Поэтому, приятель, лучше тебе

поверить в то, что терять мне нечего.

В ответ вожак лишь моргнул.

— Возможностей у вас две, — продолжил Талманес, обращаясь уже ко всему отряду. — Либо вы будете биться, как все, помогая миру дожить до новых дней, и, может быть, вам таки отплатят звонкой монетой, чего я обещать не могу. Либо вы отсиживаетесь здесь, наблюдаете, как режут людям глотки и говорите себе, что бесплатно вы не работаете. Но если вам повезет и остальные спасут этот мир без вас, то дышать вы будете ровно до той минуты, когда вас вздернут за ваши трусливые шеи.

Тишина. Где-то во тьме раздался рев боевых рожков.

Вожак взглянул на своих товарищей. Те согласно кивнули.

— Помогите удержать ворота, — сказал Талманес и развернул коня. — А я пока призову на подмогу остальные отряды.

Лейвлин рассматривала множество бивуаков, усеявших место, известное как Поле Меррилор. Ночью, да ещё и при таких облаках, закрывающих луну и звёзды, они выглядели практически как фонари кораблей загруженном порту.

Никогда, наверное, ей больше не увидеть такого. Лейвлин Безкорабельная не была капитаном и

никогда не станет снова. Желать другого — отрицать саму природу того, кем она стала сейчас.

Баил положил руку на её плечо. Толстые пальцы, огрубевшие от многодневной работы. Она подняла руку и положила на его. Выскользнуть через одни из этих порталов в Тар Валон было просто. Баил знал дорогу вокруг города, одна он всё равно жаловался, что они здесь. — От этого места у меня волосы на руках встают дыбом, сказал он, а потом — Я хотел больше никогда не ступать по этим улицам. Правда хотел.

Он всё равно отправился с ней. Хороший человек, Баил Домон. Она

осознала это, находясь здесь, в незнакомых землях, несмотря на сомнительные торговые сделки в его прошлом. Они были в прошлом. если он не понимал, как правильно делать дело, то он старался понять.

— Вот это зрелище, — сказал он, скользя глазам по беззвучному морю огней. — Что будешь делать?

— Найдём Найнив Ал'Мира и Илэйн Траканд.

Баил почесал бороду, он стриг её в иллианском стиле, сбривая усы. Волосы на его голове были разной длины, он перестал брить часть головы после того, как она освободила его. Это она сделала, чтобы они смогли пожениться

И это было хорошо. Бритая голова привлекала бы внимание здесь. Он хорошо справлялся в качестве со'джин... после того, как были решены некоторые проблемы. В конце концов ей пришлось признать, что быть со'джин — не призвание Баила Домона. Он был слишком грубо вырублен и никакой прибор не сможет сгладить эти острые углы. Сейчас она хотела его, хотя никогда бы не призналась вслух.

— Уже поздно, Лейвлин, — произнёс он, — Наверное стоит подождать утра.

Нет. В бивуаках было тихо, но тишина не была безмятежной. Было так, будто корабли ожидают

попутного ветра.

Она мало знала о том, что происходит здесь. Не смела открыть свой рот в Тар Валоне, чтобы задать вопросы, поскольку акцент выдал бы её шончанское происхождение. Скопище такого размера не может появиться без плана. Она была поражена его необъятностью. Она слышала, что здесь будет собрание, которое посетят множество Айз Седай. Но это превосходило все ожидания.

Она пошла через поле, Байл последовал за ней. Они оба были в группе рабочих Тар Валона, им позволили присоединиться к ней, благодаря взятке, которую дал Байл.

Его методы не нравились ей, но она была способна понять, что другого пути не было. Она старалась не думать слишком много о его незаурядных контактах в Тар Валоне. Ну, если она у нее никогда не будет больше корабля, то и у Байла больше не появится возможности для контрабанды. Это было слабым утешением.

Вот ты капитан корабля. Это всё, что ты умеешь и хочешь. И вдруг — Безкорабельная. Она поёжилась и сжала кулаки, чтобы не кутаться. Потратить остаток жизни на этих неизменных землях, без возможности двигаться быстрее, чем может бежать лошадь, никогда не

ощущать запах воздуха вдали от берега, никогда не направлять нос к горизонту, поднимать якорь, ставить паруса и просто...

Она встряхнулась. Найти Найнив и Илэйн. Может она и Безкорабельная, но не позволит себе скользнуть на глубину и утонуть. И она двинулась. Баил слегка сгорбился, подозрительный, он пытался увидеть всю ситуацию вокруг них сразу. Он также глянул на неё пару раз. Его губы сжались в щель. Теперь она знала, что это значит.

— Что такое? — спросила она.

— Лейвлин, зачем мы здесь?

— Я говорила, нам нужно

найти...

— Да, но зачем? Как ты думаешь, что они сделают? Они по-прежнему Айз Седай.

— Они однажды выказали мне уважение.

— И ты думаешь, что они примут нас?

— Возможно, — она подняла глаза на него. — Говори, Баил, у тебя же что-то на уме.

Он вздохнул.

— Зачем нам нужно, чтобы нас приняли? Мы можем найти себе корабль где-нибудь в Арад Домане, там где нет ни Шончан, ни Айз Седай.

— Я не буду управлять кораблём,

который нравится тебе

Он коснулся её заботливо

— Я знаю, как вести дела
честно, Лейвлин, Не будет...

Она подняла руку, заставив его
замолчать, а затем положила на его
плечо. Они остановились на
тропинке.

— Я знаю, любовь моя, я знаю.
Я просто говорю, чтобы отвлечься и
подготовить ко входу в течение,
которое ведёт в никуда.

— Зачем?

Это простое слово ужалило,
будто щепка под ногтём. Зачем?
Зачем она прошла весь этот путь с
Мэтримом Коутоном, ставя себя под
угрозу рядом с Дочерью Девяти Лун?

— Мои люди живут с неправильным представлением о мире, Баил. Делая так, они создают несправедливость.

— Они отвергли тебя, Лейвлин, — мягко произнёс он. — Ты больше не одна из них.

— Я всегда буду одна из них. Имя моё забрали, но не кровь.

— Прощу прощения, если обидел.

Она коротко кивнула.

— Я всё ещё предана Императрице, пусть живёт она вечно, но дамани... они самая основа её правления. Благодаря им она создаёт закон, которым и держит Империю вместе. А дамани — это ложь.

Сул'дам могут направлять. Талант можно передать. Сейчас, месяцы спустя с того момента, когда она узнала правду, её разум не мог оценить все последствия. Кто-то мог бы использовать это знание для получения политического преимущества, кто-то вернулся бы к Шончан и воспользовался им, чтобы стать сильнее. Лейвлин почти решила поступить так. Почти.

Но мольбы сул'дам... осознание того, что Айз Седай и близко не были такими, как её учили...

Что-то нужно было сделать. И тем не менее, делая это, не рисковала ли она, что Империя рухнет? Её поступки должны быть обдуманы

очень, очень серьёзно, как завершающая стадия игры в шал.

Они вдвоём продолжали идти за цепочкой слуг в темноте. Та или иная Айз Седай часто посылали слуг за чем-то, что они оставил в Белой башне, так что походы туда сюда были вполне обычны — и это хорошо для Лейвлин. Она пересекла периметр лагеря Айз Седай без лишних вопросов.

Она была удивлена такой лёгкостью, пока не заметила несколько людей вдоль тропинки. Их было очень легко не заметить, они практически сливались с местностью, особенно в темноте. Она заметила их только, когда один

из них пошевелился, отделяясь от группы, повернул так, чтобы идти в непосредственно близости позади неё и Баила.

Через секунду стало очевидно, что он выделил их из толпы. Возможно по тому, как они двигались, как они держались. Одеты они были по простому, несмотря на то, что борода Баила выдавала иллианина.

Лейвлин остановилась — положила руку на руку Баила и повернулась, чтобы встретиться с тем, кто следовал за ними. Страж, поняла она, по тем описаниям, которые знала.

Страж шагнул в их сторону. Они

все ещё были на краю лагеря из палаток, расставленных по кругу. Лейлвин отметила с недовольством, что некоторые палатки освещались слишком равномерно для свечи или лампы.

— Эй, — сказал Байл, приветливо махая рукой Стражу. — Мы ищем Айз Седай по имени Найнив ал'Мира. Если нет, то, может, Илэйн Траканд здесь?

— Их здесь нет, потому что это не их лагерь, — сказал Страж. Это был длиннорукий,двигающийся с грацией мужчина. Черты его лица, обрамлённого длинными тёмными волосами, выглядели...
незавершёнными, словно

высеченными из скалы скульптором, потерявшим интерес к предмету в процессе работы.

— Ах, — сказал Байл, — Тогда мы ошиблись. Не подскажите ли нам, где находится их лагерь? Как вы могли заметить, это вопрос чрезвычайной важности!

Он говорил плавно и легко. Байл мог быть вполне обаятелен, когда это было нужно. Гораздо лучше, чем могла Лейлвин.

— Посмотрим, — сказал Страж. — Ваша спутница тоже хочет найти этих Айз Седай?

— Именно так... — начал было Байл, но Страж прервал его движением руки.

— Я бы лучше послушал её, — сказал он, изучая Лейлвин.

— Да, я этого хочу, — сказала Лейлвин. — Моя престарелая бабушка! Эти женщины обещали заплатить нам, и я собираюсь получить эти деньги. Айз Седай ведь не лгут. Все это знают. Если вы не отведёте нас к ним, то найдите того, кто отведёт!

Страж опешил от такого нагромождения слов и стоял, широко открыв глаза. Потом, к счастью, кивнул. "Сюда". Он повёл их в обратную от центра лагеря сторону, но больше подозрительно не смотрел.

Лейвин тихо выдохнула и пошла

вместе с Байлом за Стражем. Байл гордо смотрел на неё, с такой широкой усмешкой, что выдал бы обоих, если бы Страж обернулся. Она и сама не сдержала улыбки.

Иллианский акцент получался у неё не очень правдоподобным, но оба сошлись на том, что шончанский говор был опасен, особенно путешествуя среди Айз Седай. Байл отметил, что ни один настоящий иллианец не признал бы в ней землячку, но она была достаточно убедительна, чтобы одурачить любого другого.

Лейлвин почувствовала облегчение, когда они ушли подальше в темноту от лагеря Айз Седай. То,

что у неё было две подруги Айз Седай, а они были подругами, несмотря на многие разногласия, не означало, что она хотела оказаться в наполненном ими лагере.

— Айил, — тихо сказал ей Байл. — Их там десятки тысяч.

Интересно. Страшные истории, рассказывали об Айил, легенды, которые попросту не могли быть правдой. Однако, даже с преувеличениями, все они говорили, что те были лучше воины по эту сторону океана. Она бы с радостью устроила спарринг с одним из них или парой, была бы ситуация другая. Она положила руку на бок своего мешка; в боковой карман была

уложена дубинка, так, чтобы было легко достать.

Они были высокими, эти Айил. Она прошла мимо нескольких, отдыхавших возле костров, вроде как расслабленными. Их глаза, однако следили более внимательно, чем глаза Стражей. Опасные люди, готовые убивать даже во время отдыха у огня. Она не могла различить знамёна, которые полоскались над этим лагерем в ночном небе.

— А какой король или королева, руководит этим лагерем, Страж? спросила она.

Мужчина повернулся, его черты лица были спрятаны в ночной тени.

— Ваш король, Иллианец.

Баил, замер рядом с ней.

— Мой...

Дракон Возрождённый. Она

практически сбилась с шага, но гордилась собой, что смогла не сбиться. Мужчина, способный направлять. Ещё хуже, чем Айз Седай.

Страж повёл их в палатку возле сердца лагеря.

— Вам повезло. У неё горит свет.

Перед входом не было охраны, так что он спросил можно ли войти и получил разрешение. Он поднял полог одной рукой и кивнул им, однако вторая его рука была на

рукояти меча и стоял он в позиции для атаки.

Она ненавидела этот меч, приставленный к спине, но вошла, как приказали. Источником света был один из этих неестественных световых шаров, и знакомая женщина в зелёном платье сидела за письменным столом, работая над письмом. Найнив Ал'Мира была женщиной из тех, что у Шончан назывались — женщина с огнём в душе. Лейвлин пришла к пониманию, что Айз Седай должны быть спокойны, как тихие воды. Ну, эта женщина могла быть и такой, по случаю, но как спокойная вода у порога дикого водопада.

Найнив продолжала писать, когда они вошли. Она больше не носила косы, её волосы были распущены по плечам. Выглядело так же странно, как корабль без мачты.

— Я освобожусь через минуту, Слит, — сказала Найнив — Честно, то, как много ты слоняешься возле меня в последнее время заставляет меня думать о насадке, потерявшей яйцо. Разве у твоей Айз Седай нет работы для тебя?

— Лан важен для многих из нас, Найнив Седай, — ответил Слит — Страж, спокойным серьёзным голосом.

— О, а мне он значит не важен? Честно, мне кажется, что стоит

отправить тебя рубить дрова или что-то в этом роде. Если ещё один Страж придёт посмотреть, не нужна ли мне...

Она подняла глаза, наконец увидев Лейвлин. Лицо Найнив моментально стало невозмутимым. Холодным. Обжигающе холодным. Лейвлин обнаружила, что начала потеть. Жизнь её была в руках этой женщины. Почему Слит не привёл её к Илэйн? Наверное им не стоило упоминать Найнив.

— Эти двое требовали встречи с вами, — произнёс Слит. Его меч был вынут из ножен. Лейвлин не видела, когда. Домон что-то пробурчал про себя. — Они утверждают, что вы

должны заплатить им деньги, и они пришли за ними. Они не идентифицировали себя в Башне, однако, нашли способ проскользнуть через ворота. Мужчина из Иллиана. Женщина из другого места. Она скрывает свой акцент.

Ну, похоже с акцентом у неё всё было не так хорошо, как она предполагала. Лейвлин кинула взгляд на его меч. Если откатиться на бок, возможно он промахнётся, если будет целить в грудь или шею. Она может вытащить дубинку и...

Она смотрела в лицо Айз Седай. После такого кувырка она уже не встанет. Её свяжут паутиной Единой Силы, или сделают что-то похуже.

Она повернулась, чтобы посмотреть на Найнив.

— Я знаю их, Слит, ты правильно поступил, приведя их ко мне.

Его меч тут же отправился в ножны, а по шее Лейлвин прошелся холодный ветерок, когда Страж, словно тихий шепоток, выскользнул из палатки

— Если ты пришла просить прощения, — сказала Найнив, — Ты пришла не по адресу. У меня есть мысли, как бы отдать тебя Стражам на допрос. Возможно они смогут вытрясти что-то полезное о вашем народе из твоей предательской головы.

— И я рада снова видеть тебя, Найнив, — холодно сказала Лейвлин.

— Так что случилось? — спросила Найнив.

Что случилось? О чём она вообще говорит?

— Я пытался, внезапно, — произнёс Баил, с сожалением — Я действительно пытался найти их, но меня застали врасплох. Они могли поджечь мой корабль, потопить всех нас, убить моих людей.

— Лучше бы ты и все на борту умерли, иллианец, — сказала Найнив — Тер'ангриал оказался в руках одной из Орёкшихся, Семираг пряталась среди Шончан, притворяясь чем-то вроде судьи.

Говорящий правду? Так это правильно называется?

— Да, — мягко ответила Лейвлин. Теперь она поняла. — Я сожалею о том, что нарушила клятву, но...

— Сожалеешь, Эгенин? — Сказала Найнив, вскакивая так, что стул грохнулся — "Сожалею" — это не то слово, которое я бы использовала, подвергая весь мир опасности, подводя нас к самому краю пропасти, за которой тьма и давая взглянуть за край. Она уже сделала копии этой штуки, женщина. Одна из них оказалась на шее Дракона Возрождённого. Сам Дракон Возрождённый, под контролем у

одной из Отрёкшихся!

Найнив вскинула руки вверх.

— Свет! Мы были в одном ударе сердца от конца, из-за тебя. Конца всего. Нет больше Узора, нет больше мира. Ничего. Миллионы жизней могли исчезнуть из-за твоей неосторожности.

— Я... — неудачи Лейвлин внезапно стали такими монументальным. Её жизнь, утрачена. Её самое имя, утрачено. Её корабль, отобранный само Дочерью Девяти Лун. Всё было неважно в этом свете.

— Я сражался, — ответил Баил более сухо, — Я отдал всё, что мог.

— Оказывается, мне стоило

присоединиться к тебе, — сказала Лейвлин

— Я пробовал объяснить, — хмуро ответил Баил, — Много раз, пусть меня сожгут, но пробовал.

— Ба, — вскрикнула Найнив, поднимая руку ко лбу. — Что ты здесь делаешь, Эгенин? Я надеялась, что ты умерла. Если бы ты погибла, пытаясь исполнить клятву, я бы тебя не обвиняла.

Я передала её Сюрот, подумала Лейвлин. Цена за мою жизнь. Единственный способ выбраться.

— Ну, — Найнив глянула на неё, — Говори Эгенин.

— Я больше не ношу это имя. Лейвлин стала на колени. У меня

отняли всё, включая мою честь, как оказалось. Отдаю себя тебе, в качестве оплаты.

Найнив фыркнула

— Мы не держим людей как скот, в отличие от вас, Шончан.

Лейвлин оставалась на коленях. Баил положил руку на её плечо, но не пытался поднять её на ноги. Он достаточно хорошо понимал, почему она должна сделать то, что делала. Он был вполне почти цивилизован.

— Встань, — бросила Найнив, — Свет, Эгенин. Я помню, ты была такой сильной, что могла жевать камни и сплёвывать песок.

— Моя сила, вот что меня вынуждает, — ответила она, опуская

глаза.

Неужели Найнив не понимала, как ей было трудно? Проще перерезать себе горло, но у неё не осталось чести, чтобы просить такой лёгкий конец.

— Встать.

Лейвлин выполнила приказание.

Найнив схватила плащ с кровати и бросила:

— Давай, пойдём с тобой к Амерлин. Может она знает, что с тобой делать.

Найнив выскочила в ночь и Лейвлин последовала за ней. Она приняла решение. Был только один путь, который имел смысл, только один способ сохранить остатки чести

и, быть может, помочь её народу пережить ту ложь, которую они так долго говорили себе.

Лейвлин Безкорабельная теперь принадлежала Белой башне. Чтобы они ни говорили, чтобы ни пытались с ней сделать, этот факт не изменится. Они владели ей. Она будет да'ковале этой Амерлин и будет мчаться через эту бурю, как корабль, чьи паруса разорваны ветром.

Возможно с тем, что осталось от её чести, она сможет заслужить доверие этой женщины.

— В Пограничье им пользуются для облегчения боли, — сказал Мелтен, снимая бинты с бока

Талманеса. — Ранолист замедлит распространение занесенной проклятым металлом порчи.

Жилистый, косматый Мелтен носил простую рубаху и плащ, как обычный андорский лесоруб, но его говор выдавал в нем жителя Пограничья. В сумке у него лежало несколько разноцветных шариков, которыми он время от времени жонглировал на потеху Отряду. Наверное, в прошлой жизни он был менестрелем.

Странно, что такой человек прибил к Отряду, но подобное можно было сказать о любом из них.

— Уж не знаю, как ранолист подавляет яд, — сказал Мелтен, —

но действие его проверено. И помните, что яда такого в природе не встретить и высосать его нельзя.

Талманес прижал к боку руку. Жгло так, будто под кожей разрасталась шипастая лоза, которая при малейшем движении разрывала плоть. Чувствовал, как яд растекается по телу. Свет, как же больно!

Невдалеке воины Отряда с боем продирались через Кеймлин по направлению к дворцу. Ворвались они через южные городские ворота, в то время как группы наемников под командованием Сандипа удерживали западные.

Если где-то люди и

организовали сопротивление, так это во Дворце. К несчастью, по дороге к нему бойцы то и дело ввязывались в стычки со снующими повсюду группами троллоков.

Чтобы узнать, организовано ли хоть какое-то сопротивление, Талманесу и его людям требовалось добраться до Дворца, пусть даже ценой потерь и риска быть отрезанными от выходов из города рыскающими повсюду троллоками. Другого выхода не было: Талманесу требовалось знать, держится ли еще дворцовая оборона, ведь оттуда они смогут предпринимать боевые вылазки в город и попытаться завладеть драконами.

Воздух пропах кровью и дымом. Во время короткой передышки солдаты сгребли трупы убитых троллоков на правую сторону улицы, чтобы освободить проход.

Беженцев хватало и в этом квартале, но все же они не валили потоком: небольшие их ручейки стекались во тьме к Талманесу и Отряду по мере их продвижения к Дворцу по главному тракту. Беженцы не требовали от Отряда защитить их имущество и дома — они лишь плакали при виде людей, которые оказывали хоть какое-то сопротивление захватчикам. Мадвин командовал их выводом через пробитый Отрядом безопасный

коридор.

Талманес повернулся к Дворцу, который хоть и стоял на вершине холма, но едва виднелся в ночи. Город горел, но Дворца огонь пока не коснулся, белые его стены призраками парили во тьме. Огня нет, значит, есть сопротивление, ведь так? Разве троллоки не атаковали бы первым делом именно Дворец?

Сделав остальному Отряду небольшую передышку, Талманес послал вперед дозорных.

Мелтен поставил припарку и потуже затянул бинты.

— Спасибо, Мелтен, — Талманес благодарно кивнул. — Уже чувствую, что средство работает. Ты

тут говорил, что раналист — только половина лечения. В чем состоит другая?

Мелтен снял с пояса металлическую фляжку и протянул Талманесу. — Шайнарское бренди, крепче не бывает.

— Дружище, плохая это идея, пить во время боя.

— Возьмите, — тихо ответил тот. — Оставьте себе и хорошенько хлебните, милорд. Иначе не пройдет и получаса, как вы свалитесь с ног.

Талманес колебался, но фляжку все-таки взял и сделал большой глоток. В горле загло не хуже, чем в боку. Закашлявшись, Талманес убрал фляжку.

— Кажется, Мелтен, ты фляги перепутал. Эта штука явно из дубильного чана.

Мелтен хрюкнул.

— А еще говорят, что у вас нет чувства юмора, Лорд Талманес.

— Нет, — ответил Талманес. — А ты держи меч наготове.

Мелтен серьезно кивнул.

— Сокрушитель Ужаса, — прошептал он.

— Что?

— Так у нас в Пограничье величают того, кто убил Исчезающего. Сокрушитель Ужаса.

— Да в нем к тому времени уже сидело порядка семнадцати стрел.

— Это неважно. — Мелтен сжал

Талманесу плечо. — Сокрушитель Ужаса. Когда боль станет невыносимой, протяните ко мне сжатые в кулак руки, а я позабочусь об остальном.

Талманес поднялся, не сумев сдержать стона. Они поняли друг друга, а несколько воинов из Пограничья поддержали их решение. Нанесенные такан'дарским клинком раны непредсказуемы: некоторые гноились быстро, некоторые надолго вгоняли человека в недуг. Когда же рана чернела, как у Талманеса... хуже этого не было ничего. Только встреча с Айз Седай в ближайшие несколько часов оставляла ему шанс на излечение.

Видишь, — пробормотал Талманес, — как хорошо, что у меня нет чувства юмора, иначе я бы подумал, что Узор сыграл со мной злую шутку. Деннел! Карта у тебя под рукой? — Свет, как же ему не хватало Ванина.

— Милорд, — Деннел, один из командующих драконами, ринулся к Талманесу через темную улицу с факелом в одной руке и наскоро начерченной картой в другой. — Кажется, я нашел более быстрый путь к месту, куда по приказу Алудры свезли всех драконов.

— Сначала пробьемся к Дворцу, — ответил Талманес.

— Милорд, — проговорил

Деннел едва слышно сквозь пухлые губы. Он беспрестанно тербил мундир, словно бы тот плохо на нем сидел. — Если до драконов доберется Тень...

— Спасибо, Деннел, но я и сам прекрасно осознаю все риски. Как быстро мы сможем переместить орудия, если, конечно, доберемся до них? Как бы нам чересчур не распылить свои силы, когда вокруг город горит быстрее, чем пропитанные маслом любовные письма, которые получает от Верховного Лорда его любовница. Нам надо как можно быстрее захватить орудия и покинуть город.

Вражескую защиту мы сможем

сломить за пару выстрелов, милорд, но двигаются драконы медленно. Стоят они на телегах, да, и это неплохо, но все равно пойдут они не быстрее чем... ну, скажем, чем подводы с продовольствием. На подготовку к бою время тоже потребуется.

— Тогда продолжим пробираться к Дворцу, — сказал Талманес.

— Но...

— Может быть, во Дворце, — твердо продолжил тот, — мы наткнемся на умеющих направлять женщин, которые создадут нам портал прямо к складу Алудры. Кроме того, если дворцовая стража

все еще держится, мы будем знать, что у нас в тылу друзья. До драконов мы доберемся, но сделаем это по-умному.

Талманес заметил бегущих вниз по склону Ладвина и Мара. — Там наверху троллоки! — крикнул Мар. — Не меньше сотни! Притаились по сторонам улицы!

— Построиться в шеренги, парни! — проорал Талманес. — Путь на дворец!

В палатке-парильне воцарилась тишина.

Авиенда предвидела возможный скептицизм после своего рассказа. Вопросы, несомненно. Но не эту

болезненную тишину.

Хотя она не ожидала этого, но могла понять. Она чувствовала это в себе после своих видений Айил, постепенно теряющих джи'и'тох в будущем. Она наблюдала смерть, бесчестие и разрушение ее народа. По крайней мере сейчас она у нее были те, с кем она могла разделить эту ношу.

Горячие камни в чайнике тихо шипели. Кому-то следовало добавить больше воды, но никто из шестерых в комнате не пошевелился, чтобы сделать это. Другие пятеро все были Хранительницами Мудрости, обнаженными, как и Авиенда, для парилки. Сорилея, Эмис, Бэйр,

Мелэйн и Кимер из Томанелле Айил. Все уставились перед собой, каждый наедине со своими думами.

А потом одна за другой они стали расправлять плечи и выпрямлять спины, так словно принимали на себя новое бремя. Это обрадовало Авиенду, хотя она и не думала, что новости их сломят. Но как здорово видеть, что они не отвернулись от опасности, а готовы встретиться с ней лицом к лицу.

“ Затмевающий Зрение сейчас слишком приблизился к миру, “ сказала Мелэйн. “ Узор некоторым образом запутался. Во снах мы всё ещё видим множество вещей, которые могут или не могут

произойти, но возможностей слишком много. Мы не можем отличить одно от другого. Судьба нашего народа неясна для Ходящих по снам, как и судьба Кар'а'карна после того, как он в Последний День плюнет в глаза Затмевающему Зрение. Мы не знаем, истинно ли то, что видела Авиенда.

"Мы должны протестировать", — сказала Сорилея и ее глаза выглядели как камень. — "Мы должна узнать. Каждой ли женщине было показано это видение или этот опыт был уникален?"

“ Эленар из Дэрайн, “ предложила Эмис. “ Её обучение почти закончено она следующая из

тех, кому предстоит отправиться в Руидин. Мы можем попросить Хэйди и Шанни подбодрить её.“

Авиенда еле сумела не вздрогнуть. Ей было прекрасно известно, как именно могут «подбодрить» Хранительницы Мудрости.

“ Было бы неплохо, “ подавшись вперёд, произнесла Бэйр. “Возможно, так происходит всегда, когда кто-то проходит через колонны во второй раз? Может быть, потому это и запрещено.“

Никто не посмотрел на Авиенду, но она чувствовала, что речь о ней. То, что она сделала, было запрещено. Рассказывать о произошедшем в

Руидине также не дозволялось.

Но ругать её не станут. Руидин не убил её; так сплело Колесо. Взгляд Бэйр был всё так же устремлён вдаль. Пот стекал по лицу и груди Авиенды.

«Я не скучаю по ванне», — твердила она себе. Она не какая-нибудь мягкотелая мокроземка. На самом деле, по эту сторону гор особой нужды в палатках-парильнях не было. По ночам здесь не было пронизывающего холода, так что от жара в палатке было скорее душно, а не приятно. А поскольку воды для принятия ванны было достаточно...

Нет. Она стиснула зубы. — Можно мне сказать?”

“Не глупи, девочка, “ ответила

Мелэйн. У женщины был огромный живот, ведь она вот-вот должна была родить. “Ты теперь одна из нас, так что нет нужды спрашивать разрешения.”

«Девочка?» По-видимому, потребуется время, чтобы они действительно увидели в ней равную себе, но они и вправду старались. Ей не приказывали заварить чай или плеснуть воды на камни. Поблизости не было учениц или гай’шайн, так что все делали это по очереди.

” Меня гораздо больше беспокоит само видение, чем то, что оно может повториться, ” сказала Авиенда. ” Оно действительно сбудется? Можем ли мы его

предотвратить?”

“ Руидин показывает два типа видений, “ вступила в разговор Кимер. Это была молодая женщина, всего лет на десять старше Авиенды, смуглая и с тёмно-рыжими волосами. “ В первый визит — о том, что может быть, во второй, к колоннам “о том, что было.

“ Третий тип видений тоже возможен, “ возразила Эмис. “ Пока что колонны всегда точно показывали прошлое. Почему бы с такой же точностью им не показать будущее?“

У Авиенды сжалось сердце.

“ Но почему, “ тихо спросила Бэйр, “ колонны показывают

безысходное падение, которое нельзя изменить? Нет. Я отказываюсь в это верить. Руидин всегда открывал нам то, что нужно увидеть. Чтобы помочь Айил, а не погубить. В этом видении тоже должен быть смысл. Может быть, оно должно привести нас к большей чести?“

“Это неважно,“ коротко ответила Сориля.

“Но — “Начала Авиенда.

“Это не важно, “ повторила Сориля. “ Если увиденное тобой неизбежно, если нам суждено... пасть, как ты говоришь, разве кто-нибудь из нас откажется от сражения, от попытки что-то изменить?“

В палатке стало тихо. Авиенда покачала головой.

“ Мы должны действовать так, словно это можно изменить, “ сказала Сориля. “ Лучше не задумываться над твоим вопросом, Авиенда. Следует решить, что делать дальше.”

Авиенда поняла, что кивает. “ Я... Да, да, ты права, Хранительница Мудрости.”

“ И что же нам делать? “ спросила Кимер. “ Что менять? Сперва нужно победить в Последней Битве.”

“ Я почти хочу, “ сказала Эмис, “чтобы то видение было невозможно изменить “ хотя бы потому, что оно

доказывает нашу победу.“

“Ничего оно не доказывает, “
возразила Сориля. “ Победа
Затмевающего Зрение разорвёт Узор,
так что ни одному видению будущего
нельзя безоговорочно верить. Даже
несмотря на все пророчества об
Эпохах, что ещё грядут, если победит
Затмевающий Зрение, всё вокруг
обратится в ничто.“

“ Мое видение как-то связано с
планами Ранда, “ сказала Авиенда.

Все повернулись в её сторону.

— Судя по вашим словам, —
продолжила она, — завтра он
готовится сообщить нечто важное.

— Кар’а’карн... обожает
устраивать эффектны

представления, — с теплотой в голосе сказала Бэйр. — Он как крокобар, который всю ночь строил гнездо, чтобы ранним утром спеть об этом всем вокруг.

Авиенда удивилась, узнав о всеобщем сборе на Поле Меррилора. Она нашла это место лишь при помощи уз с Рандом ал'Тором, пытаясь определить его местоположение. А когда прибыла сюда и увидела столько собравшихся вместе армий мокроземцев, то призадумалась. Может, этот сбор был началом событий из её видений?

— Мне кажется, будто я знаю больше, чем следует, — сказала она самой себе.

— Ты увидела будущее, значительную часть того, каким оно может стать, — сообщила Кимер. — Это изменит тебя, Авиенда.

— Завтрашний день — ключевой момент, — сказала Авиенда. — Это связано с его планом.

— Из твоего рассказа, — ответила Кимер, — следует, будто он собирается пренебречь Айил, своим собственным народом. Почему он покровительствует всем, кроме тех, кто этого больше всех заслуживает? Он пытается унижить нас?

— Не думаю, что причина в этом, — возразила Авиенда. — Полагаю, он собирается выдвинуть

собравшимся требования, а не вознаграждать их.

— Он говорил о какой-то цене, — заметила Бэйр. — Цене, которую он собирается заставить всех заплатить. Никто не смог вывести у него секрет этой цены.

— Чуть ранее, сегодня вечером, он отправился в Тир через переходные ворота и принёс оттуда какую-то вещь, — добавила Мелэйн. — Об этом рассказали Девы. Теперь он держит слово и повсюду берёт их с собой. Когда мы спросили его об этой его цене, он ответил, что Айил не стоит об этом беспокоиться.

Авиенда нахмурилась.

— Он заставляет людей платить ему за то, что, как мы знаем, он и так должен исполнить? Возможно, он провёл слишком много времени с послем Морского Народа.

— Нет, он прав, — возразила Эмис. — Эти люди требуют от Кар'а'карна слишком многого. Он имеет право требовать что-то взамен. Они слабы. Возможно, он намеревается сделать их сильнее.

— И, выходит, он сделал для нас исключение потому, — тихо сказала Бэйр, — что знает: мы уже сильны.

Палатка погрузилась в тишину. Выглядевшая озабоченной Эмис плеснула в котёл на горячие камни немного воды. Зашипев, та

превратилась в струйку пара.

— Вот именно, — сказала Сорилея. — Он не желает нас унижить. По-своему, он пытается оказать нам честь. — Она покачала головой. — Ему следовало бы знать нас лучше.

— Часто Кар'а'карн оскорбляет нас нечаянно, словно ребёнок, — согласилась Кимер. — Мы сильны, так что его требования — какими бы они ни были — нам не страшны. Мы можем заплатить ту же цену, что и остальные.

— Он не делал бы столько ошибок, если бы лучше знал наши обычаи, — пробормотала Сорилея.

Авиенда спокойно встретила

взгляды других Хранительниц. Да, она не смогла обучить его как следует, но им известно, что Ранд ал'Тор упрям. Кроме того, теперь она равна им по положению. Однако, при виде неодобрительно поджатых губ Сорилеи, Авиенде было трудно чувствовать себя равной.

Возможно, она слишком много времени провела с мокроземцами вроде Илэйн, но Авиенда внезапно поняла, что хотел сказать Ранд. Предоставить Айил право не платить цену — если, конечно, он именно это имел в виду — было оказанием чести. Если бы он всё же выдвинул к ним требования наравне с остальными, те же самые

Хранительницы Мудрости могли оскорбиться из-за того, что он приравнял их к мокроземцам.

«Что же он задумал?» Она видела подсказки в Руидине, но в ней всё сильнее росла уверенность, что завтрашний день станет для Айил началом пути к гибели.

Она должна это предотвратить. Это её первая задача в качестве Хранительницы Мудрости и, возможно, самая важная из всех, что ей предстоит когда-либо решить. Она обязана справиться.

— Её заданием было не только его обучение, — сказала Эмис. — Чего бы я ни отдала, чтобы знать, что он под надёжным присмотром

хорошей женщины.

Она выразительно посмотрела на Авиенду.

— Он будет моим, — уверенно заявила Авиенда. «Но не ради тебя, Эмис, и не ради нашего народа». Она была поражена силой собственных мыслей. Она была Айил. Её народ значил для неё всё.

Но это был не их выбор, а её собственный.

— Имей в виду, Авиенда, — сказала Бэйр, положив ладонь ей на руку. — Он изменился с тех пор, как ты ушла. Стал сильнее.

Авиенда нахмурилась:

— В каком смысле?

— Он принял объятия

смерти, — с гордостью ответила Эмис. — Пусть он всё ещё носит меч и одевается как мокроземец, но сейчас он один из нас, целиком и полностью.

— Я должна это увидеть, — сказала Авиенда и встала. — Я выясню всё, что смогу, о его планах.

— Осталось не так много времени, — предупредила её Кимер.

— Одна ночь, — ответила Авиенда. — Этого достаточно.

Остальные закивали, и Авиенда начала одеваться. Неожиданно остальные сделали то же самое. Похоже, они сочли её новости достаточно важными, чтобы поделиться ими с другими

Хранительницами Мудрости, а не продолжать обсуждение, сидя в палатке-парильне.

Авиенда первой вышла в ночь. Прохладный воздух, контрастируя с изматывающей жарой палатки, приятно ощущался на коже. Она глубоко вздохнула. От усталости мысли еле ворочались, но сон подождёт.

Полог палатки зашелестел, выпуская остальных Хранительниц Мудрости. Мелэйн и Эмис, о чём-то тихо переговариваясь, быстро скрылись в темноте. Кимер направилась напрямик к палаткам Томанелле. Наверняка она собиралась поговорить со своим

дядей — Ганом, вождём Томанелле.

Авиенда собралась было отправиться по своим делам, когда её руки коснулись старческие пальцы. Она обернулась и увидела стоявшую позади неё Бэйр, уже одетую в блузу и юбку.

— Хранительница Мудрости, — по привычке сказала Авиенда.

— Хранительница Мудрости, — с улыбкой ответила Бэйр.

— Что-нибудь...

— Я отправляюсь в Руидин, — сказала Бэйр, глядя на небо. — Не откроешь ли для меня переходные ворота?

— Ты собираешься пройти через стеклянные колонны.

— Кто-то же должен. Пусть Эмис говорит что угодно, но Эленар не готова. По крайней мере, не готова увидеть... нечто подобное. Эта девочка половину времени проводит вопя, будто гриф над последним куском гниющей туши.

— Но...

— О, хоть ты не начинай. Ты теперь одна из нас, Авиенда, а я настолько стара, что вполне могла бы нянчить твою бабушку, когда та была ещё ребёнком. — Бэйр покачала головой; в лунном свете казалось, что её белые волосы сияют. — Будет лучше, если отправлюсь я, — продолжила она. — Способных направлять следует сохранить для

грядущей битвы. И я не позволю сейчас какому-то ребёнку проходить через колонны. Справляюсь сама. Ну, так как насчёт переходных врат? Ты исполнишь мою просьбу, или мне заставить сделать это Эмис?

Хотела бы Авиенда посмотреть, как кто-то заставит Эмис сделать что-нибудь. Может быть, Сорилея смогла бы. Она ничего не ответила и создала нужное плетение.

От мыслей о том, что кто-то увидит то, что видела она, скрутило желудок. Если Бэйр вернётся с точно таким же видением — что это будет значить? Станет ли из-за этого такое будущее более вероятным?

— Было страшно, правда? —

тихо спросила Бэйр.

— Ужасно. Это заставило бы копыта плакать, а камни — рассыпаться в прах, Бэйр. Я бы предпочла станцевать с самим Затмевающим Зрение.

— Тогда тем лучше, что иду я, а не кто-то другой. Это должна сделать самая сильная из нас.

Авиенда чуть было не выгнула бровь. Бэйр была крепкой, как дублёная кожа, но и другие Хранительницы Мудрости не были похожи на нежные бутоны. — Бэйр, — спросила Авиенда. Ей в голову пришла одна мысль: — Ты не встречала когда-нибудь женщину по имени Накоми?

— Накоми, — Бэйр словно попробовала имя на вкус. — Это древнее имя. Никогда не встречала никого с таким именем. Почему ты спрашиваешь?

— Во время путешествия в Руидин я встретила айилку, — ответила Авиенда. — Она утверждала, что она не Хранительница Мудрости, но вела себя так, будто... — Авиенда покачала головой. — Так, всего лишь пустое любопытство.

— Что ж, мы узнаем правду об этих видениях, — сказала Бэйр, шагнув к переходным вратам.

— Что если они истинны, Бэйр? — неожиданно для самой себя

спросила Авиенда. — Что если ничего нельзя сделать?

— Говоришь, ты видела своих детей? — обернулась Бэйр.

Авиенда кивнула. Она не вдавалась в подробности об этой части видений. Они были слишком личными.

— Измени одно из имён, — сказала Бэйр. — Никому не говори, как звали этого ребёнка в видениях, даже нам. Тогда и узнаешь. Если что-то пойдёт по-другому, то и остальное может измениться. Обязательно изменится. Это не наша судьба, Авиенда. Это путь, которого мы избежим. Вместе.

Авиенда поймала себя на том,

что кивает. Да. Простое изменение, маленькое изменение, но наполненное смыслом.

— Спасибо, Бэйр.

Пожилая Хранительница Мудрости кивнула ей и шагнула сквозь ворота, побежав сквозь ночь к раскинувшемуся впереди городу.

Талманес вонзился плечом в огромного, одетого в грубую кольчугу троллока с кабаньей мордой. От твари нестерпимо разило дымом, мокрой шерстью и немытой плотью. Троллок хрюкнул от такого яростного напора: казалось, атаки Талманеса все время заставляли этих тварей врасплох.

Талманес отступил, выдернув меч из бока чудовища. Троллок рухнул. Талманес ринулся вперед и вогнал меч в горло твари, не обращая внимания на впившиеся ему в ноги иззубренные когти. Жизнь покинула бусины до жути человеческих глаз.

Люди сражались, кричали, кряхтели, убивали. Улица шла круто вверх по направлению к Дворцу. Окопавшиеся впереди троллочы массы не давали Отряду добраться до вершины.

В бессилии Талманес прислонился спиной к какому-то строению и опустился на землю. Соседняя постройка пылала, окрашивая улицу в жестокие, резкие

цвета и обдавая Талманеса жаром. Но пламя казалось холодным по сравнению со вспышками жуткой боли в боку. Она лавой растекалась вниз по ноге, а сверху уже достигла плеча.

Проклятье распроклятое, подумал он. Что бы я сейчас не дал ради нескольких часов мирной тишины в компании с трубкой и книгой. Люди, которые рассуждают о славной гибели в бою — сущие глупцы. Нет ничего славного в смерти среди этого хаоса из огня и крови. Талманес не задумываясь променял бы ее на кончину тихую и скучную.

Талманес с трудом поднялся на

ноги, пот градом катился по его лицу. Внизу позади него скапливались троллочыи орды. Дорога назад закрыта, но Талманес все еще мог двигаться вперед, прорубая путь сквозь врагов.

Отступить будет непросто. И не только потому, что эта улица была забита троллоками. Бой в городе означал, что небольшие группы этих тварей могли окольными путями обходить их с флангов.

— Задайте им жару, ребята! — прорычал Талманес, бросаясь вверх по улице на троллоков, перекрывших проход. Дворец был уже совсем близко. Талманес принял на свой щит удар меча козломордого

троллока за мгновение до того, как тот снёс бы голову Дэннела. Талманес попытался отбросить меч твари, но, Свет, троллоки были сильны. Ему с трудом удалось устоять на ногах под натиском этого отродья, пока Дэннел не пришёл в себя и не повалил тварь, ударив её по ногам.

Мельтен занял место рядом с Талманесом. Порубежник был верен своему слову и держался поблизости к командиру на случай, если понадобится его услуги, чтобы покончить с жизнью. Вдвоём они возглавили натиск. Троллоки поддались, но затем вновь сгруппировались в кучу. В свете огня они

представляли собой рычащую массу оружия, глаз и тёмного меха.

Их было слишком много. У Талманеса же было чуть больше пяти сотен бойцов, так как ему пришлось оставить часть отряда охранять ворота для обеспечения отступления.

— Держать строй! — прокричал Талманес. — За лорда Мэта и Отряд Красной Руки!

Если бы здесь был Мэт, он был бы жутко недоволен и ругался бы напропалую, а потом взял бы и спас их всех, сотворив чудо прямо на поле боя. Талманес не мог воспроизвести Мэтову смесь безумия и вдохновения, но его крик, похоже, ободрил солдат. Шеренги уплотнились. Гавид

разместил оставшиеся у Талманеса две дюжины арбалетчиков на крыше ещё не сгоревшего здания. Залп за залпом, стрелы полетели во врага.

Подобное могло бы сломить людей, но не троллоков. Несколько тварей упало, но не так много, как хотел бы Талманес.

«Где-то там ещё один Исчезающий, — подумал Талманес. — Он гонит их вперёд. Свет, я не могу сражаться ещё с одним. Да и с первым не следовало!»

А ещё он не должен был сейчас стоять на ногах. Бренди из фляжки Мельтена давно закончилось, приглушив боль, насколько это было возможно. Его мысли и так были

затуманены на грани того, что он едва мог соображать. Стараясь сосредоточиться, он присоединился к сражавшимся в первых рядах Дэннелу и Лондреду, заливая троллочьей кровью мостовую.

Отряд славно бился, но бойцы были измотаны, и за противником было численное превосходство. К троллокам в тылу присоединился ещё один кулак.

Это был конец. У Отряда оставалось два варианта: либо напасть на врага у себя в тылу, при этом, подставив спину тем, что спереди, либо разбиться на небольшие группы и отступать к воротам боковыми улочками.

Талманес приготовился отдать приказ.

— Вперёд, Белый Лев! — раздались крики. — За Андор и королеву!

Талманес резко обернулся и увидел, как на вершине холма в ряды троллоков ворвались люди в бело-красной форме. Второе войско андорских копейщиков хлынуло из переулка и зашло в тыл окружившей Талманеса орде. Троллоки дрогнули перед теснившими их пиками, и в считанные мгновения вся эта масса тварей разлетелась в разные стороны, как лопнувший гнойный нарыв.

Талманес пошатнулся. На

мгновение ему пришлось опереться на меч, тем временем Мадвин возглавил контратаку, а его люди истребляли бежавших троллоков.

Группа офицеров в окровавленной форме Гвардии Королевы спешила вниз по холму. Выглядели они не лучше Отряда. Во главе был Гайбон.

— Наёмник, — обратился он к Талманесу, — благодарю за твоё появление здесь.

Талманес нахмурился:

— Звучит так, будто это мы вас спасли. А, на мой взгляд, всё было как раз наоборот.

Лицо Гайбона исказилось в свете огня.

— Вы дали нам передышку. Эти троллоки атаковали дворцовые ворота. Приношу свои извинения за то, что мы пришли не сразу: сначала мы не поняли, что отвлекло троллоков в этом направлении.

— Свет, так Дворец ещё держится?

— Да, — ответил Гайбон. — Но забит беженцами под завязку.

— Есть направляющие Силу? — с надеждой спросил Талманес. — Почему королева не вернулась с андорской армией?

— Из-за Приспешников Тёмного. — Гайбон нахмурился. — Её Величество забрала с собой почти всю Родню. Во всяком случае, самых

сильных. Она оставила четырёх женщин, способных вместе создать врата, но убийца прикончил двух из них, прежде чем оставшиеся смогли с ним справиться. Вдвоём они не могут послать за помощью и используют свои силы для Исцеления.

— Кровь и растреклятый пепел! — выругался Талманес, хотя и почувствовал вспышку надежды при этих словах. Может быть, эти женщины и не могли создать переходные врата, но они могли Исцелить его рану. — Ты должен вывести беженцев из города, Гайбон. Мои люди удерживают южные ворота.

— Замечательно, — произнёс Гайбон, выпрямляясь. — Но вести беженцев придётся тебе. Я должен защищать Дворец.

Талманес поднял бровь. Он не подчинялся приказам Гайбона. У Отряда было своё командование, и подчинялся он напрямую королеве. Мэт сразу прояснил это, заключая контракт.

К сожалению, Гайбон Талманесу также не подчинялся. Он сделал глубокий вдох, но вновь пошатнулся, почувствовав головокружение. Мельтен схватил его за руку, не позволив упасть.

«Свет, эта боль! Почему его бок не может поступить благородно и

просто онеметь?! Кровь и проклятый пепел! Нужно добраться до тех женщин из Родни».

— Те две женщины, которые могут Исцелять... — с надеждой начал Талманес.

— Я уже послал за ними, — ответил Гайбон. — Сразу, как увидел здесь это войско.

Уже что-то.

— И я определённо собираюсь остаться здесь, — предупредил он. — Я не оставлю свой пост.

— Почему? Город потерян, парень!

— Королева приказала отправлять ей через переходные врата регулярные донесения, —

пояснил Гайбон. — Рано или поздно, она захочет узнать, почему мы не прислали очередного посыльного. Она отправит кого-то, способного направлять, узнать, в чём дело, и этот человек прибудет на дворцовую площадку для Перемещений. И тогда...

— Милорд! — раздался чей-то голос. — Милорд Талманес!

Гайбон осёкся. Талманес обернулся и увидел Филджера, одного из разведчиков, карабкавшегося к нему по залитым кровью камням мостовой. Филджер, худой и с редеющими волосами, был покрыт двухдневным слоем грязи. Его появление наполнило Талманеса

ужасом: Филджер был одним из тех, кто оставался охранять городские ворота.

— Милорд, — проговорил Филджер, задыхаясь, — троллоки захватили городские стены. Они собираются наверху, пускают стрелы и бросают копья в любого, кто подойдёт слишком близко. Лейтенант Сандип отправил меня сюда, чтобы я передал вам это.

— Кровь и пепел! Что с воротами?

— Держим. Пока... — ответил Филджер.

— Гайбон, — сказал Талманес, повернувшись обратно. — Прояви немного милосердия, парень; кто-то

должен защищать эти ворота. Пожалуйста, выведи беженцев и помоги моим людям. Эти ворота — наш единственный выход из города.

— Но посланник королевы...

— Королева поймёт, что растреклятого здесь произошло, как только заглянет сюда. Оглянись! Защищать дворец — безумие! Это уже не город, это погребальный костёр!

Лицо Гайбона отражало внутреннюю борьбу, губы вытянулись в тонкую линию.

— Ты знаешь, что я прав, — продолжил Талманес с перекошенным от боли лицом. — Лучшее, что ты можешь сделать, это

прислать подкрепление моим людям у южных ворот, чтобы продержать их открытыми для всех беженцев, что смогут до них добраться.

— Возможно, — проговорил Гайбон. — Но позволить дворцу сгореть?

— Из этого тоже можно извлечь выгоду, — предложил Талманес. — Что если оставить часть солдат сражаться у дворца? Чтобы они сдерживали троллоков, сколько смогут. Так они отвлекут их от выбирающихся из города жителей. А когда не смогут дольше держаться, то уйдут из дворца с другой стороны и, будем надеяться, доберутся до южных ворот.

— Хороший план, — с неохотой согласился Гайбон. — Так я и поступлю. Но что будешь делать ты?

— Я должен добраться до драконов, — ответил Талманес. — Мы не можем позволить Тени завладеть ими. Они находятся на складе на окраине Внутреннего Города. Королева хотела, чтобы их держали подальше от чужих глаз и собравшихся у города отрядов наёмников. Я должен их найти. Если получится, то забрать с собой. Если нет — уничтожить.

— Хорошо, — сказал Гайбон, отвернувшись. Он выглядел расстроенным, принимая неизбежное. — Мои люди сделают

так, как ты предлагаешь. Одна половина выведет беженцев из города и поможет твоим солдатам удерживать южные ворота. Другая — останется и будет некоторое время защищать дворец, а затем отступит. Но я иду с тобой.

* * *

— Нам действительно необходимо столько ламп? — требовательно спросила Айз Седай со своей табуретки в дальнем конце комнаты. С тем же успехом это мог быть и трон. — Подумай только, сколько масла ты тратишь.

— Эти лампы нужны, — буркнул Андрол. Ночной дождь барабанил в окно, но мастер не

обращал на это внимания, пытаюсь сосредоточиться на сшиваемом куске кожи. Это будет седло. Сейчас Андрол работал над ремнём, которому предстояло стать подпругой.

Он прокалывал двойной ряд дырок в коже, ища успокоение в работе. Пробойник, которым он работал, оставлял ромбовидные отверстия. Можно было взять ещё и молоток, тогда бы работа двигалась быстрее, но сейчас он просто получал удовольствие от самого процесса прокалывания этих дырок вручную.

Андрол взял разметочное колёсико, отметил расположение

следующих стежков и принялся проделывать ещё одно отверстие. Нужно было выровнять стороны ромбиков по отношению друг к другу так, чтобы при натягивании кожи кромки отверстий не растягивались. Аккуратные швы помогут на долгие годы сохранить седло в хорошем состоянии. Чтобы швы усиливали друг друга, они должны проходить рядышком, но не слишком близко, потому что кожа между отверстиями может порваться, и они превратятся в одну большую дырку. Избежать этого помогало расположение отверстий в два ряда со смещением.

Мелочи. Как важно убедиться, что даже в мелочах всё сделано

верно, и...

Рука дрогнула, и стороны отверстий-ромбиков сошлись криво. Кожа порвалась от натяжения, и вместо двух дырочек получилась одна дыра.

От расстройства он чуть не зашвырнул работу в другой конец комнаты. Уже в пятый раз за сегодняшнюю ночь!

Свет, как ему казалось, прижимает его руки к столу. "Что произошло с моим самообладанием?"

К сожалению, он мог с лёгкостью ответить на этот вопрос. «Чёрная Башня, вот что случилось». Он чувствовал себя, словно

многоногий начи, который застрял в пересохшей луже во время отлива и теперь отчаянно ждёт прилива, наблюдая за группой бредущих по пляжу детишек, собирающих в корзины всё съедобное на вид...

Он сделал несколько вдохов и выдохов и взялся за перо. Это будет одним из самых коротких частей, что он писал за последний год, но он все же завершит. Оставить что-то незавершённым так же плохо, как и упущение деталей.

— Занятно, — произнесла Айз Седай из Красной Айя по имени Певара. Он чувствовал спиной её взгляд.

«Красная». Что ж, общие цели,

как утверждала тайренская поговорка, объединяют необычных товарищей по плаванию. Возможно, вместо этой ему следовало использовать салдэйскую пословицу: «Если чей-то меч приставлен к горлу твоего врага, не трать времени на то, чтобы припомнить, когда он был приставлен к твоему».

— Итак, — сказала Певара, — ты рассказывал о своём прошлом до того, как пришёл в Чёрную Башню, не так ли?

— Мне так не кажется, — ответил Андрол, начиная шить. — Почему вы спрашиваете? Что желаете узнать?

— Просто интересно. Был ли ты

одним из тех, кто пришёл сюда сам, чтобы пройти проверку, или же ты один из тех, кого они нашли во время поисков?

Он туго натянул нить.

— Я пришёл сам, о чём Эвин, полагаю, вчера вам и сообщил, когда вы расспрашивали его обо мне.

— Хम्म... — ответила она. — За мной следят, понятно.

Он повернулся к ней, опуская работу.

— Вас что, специально этому учат?

"Что?", — невинно спросила Певара.

— Незаметно менять тему разговора. Вот вы сидите, почти

обвиняете меня в том, что я за вами шпионю, а сами дотошно расспрашиваете обо мне моих друзей.

Я хочу знать, каковы мои ресурсы.

Вы хотите знать, почему человек принял бы решение приехать в Черную Башню. Учиться направлять Единую Силу.

Она не ответила. Андрол почти видел, как она ищет ответ, не нарушающий Трёх Клятв. Разговаривать с Айз Седай — всё равно что пытаться преследовать зелёную змейку, промелькнувшую в мокрой траве.

"Да", — сказала она.

Он моргнул от удивления.

"Да, хотелось бы знать", — продолжила она. — "Мы чужие, хотим мы того или нет. И я хочу знать, с каким человек я ложусь в постель". — Она взглянула на него. — "Фигурально говоря, конечно".

Он глубоко вздохнул, стараясь успокоиться. Андрол терпеть не мог разговоров с Айз Седай, их привычку выворачивать всё шиворот-навыворот. Этот допрос, напряжение ночи, да ещё и неспособность разобраться с этим седлом, всё вместе...

Он будет спокоен, испепели его Свет!

— Нам следует попрактиковаться в создании круга, — сказала Певара. — Это будет нашим преимуществом — пусть и маленьким — против людей Таима в случае, если они придут за нами.

Андрол выбросил из головы свою неприязнь к женщине и заставил себя сосредоточиться. У него есть другие поводы для беспокойства.

— Круг?

— Ты знаешь, что это такое?

"Боюсь, что нет".

Певара поджала губы:

— Порой я забываю, насколько вы все невежественны... — Она

умолкла, будто осознав, что наговорила лишнего.

— Все люди невежественны, Айз Седай, — сказал Андрол. — Предмет нашего невежества может меняться, но сущность мира такова — ни один человек не может знать всего на свете.

Это, похоже, также был не тот ответ, которого она ожидала. Её холодные глаза изучающе смотрели на него. Большинство людей не любили способных направлять мужчин, но в её случае это было нечто большее. Она всю жизнь провела, выслеживая подобных Андролу.

— Круг, — принялась объяснять

Певара, — создаётся, когда женщины и мужчины объединяют свою мощь в Единой Силе. Это должно быть выполнено определённым образом.

— Тогда М'Хаэль узнает об этом.

— Мужчины не могут сформировать круг без женщин, — пояснила Певара. — Более того, в соединении должно быть больше женщин, чем мужчин, кроме всего нескольких случаев: в круг могут соединиться одна женщина и один мужчина, также две женщины и один мужчина, а также две женщины и двое мужчин. Стало быть, самый большой круг, который мы можем создать, будет состоять из троих:

меня и двоих из вас. И всё же это может оказаться полезным.

— Я найду вам двоих для тренировок, — сказал Андрол. — Среди тех, кому я доверяю, мне кажется, Налаам самый сильный. Эмарин тоже очень силён, и не думаю, что он достиг пика своей силы. Так же как и Джоннет.

— Они самые сильные? — спросила Певара. — Не ты?

— Нет, — сказал он, возвращаясь к своей работе. За окном снова припустил дождь, и холодный воздух пробрался под дверь. Рядом, впуская тени в комнату, слабо светила одна из ламп. Андрол с тревогой следил за темнотой.

— Мне тяжело в это поверить, мастер Андрол, — сказала Певара. — Все они считают вожаком тебя.

— Верьте во что хотите, Айз Седай. Я самый слабый среди них. Возможно, самый слабый мужчина во всей Чёрной Башне.

Это заставило её умолкнуть, и Андрол встал, чтобы вновь заправить гаснущую лампу. Как только он сел обратно, стук в дверь известил о появлении Эмарина и Канлера. Одинаково промокшие под дождём, в остальном они были настолько непохожи, насколько это вообще возможно. Один был высоким, утончённым и осторожным, второй — своенравным сплетником. Каким-

то образом они нашли что-то общее и теперь, видимо, наслаждались обществом друг друга.

— Ну? — спросил Андрол.

— Это может сработать, — ответил Эмарин, снимая свою промокшую под дождём куртку и вешая её на крюк возле двери. Под курткой он носил одежду, расшитую на тайренский манер. — Но тут нужен настоящий ураган с ливнем. Стража не теряет бдительности.

— Я чувствую себя, словно призовой бык на ярмарке, — проворчал Канлер, повесив свою куртку и стряхивая грязь с сапог. — Везде, куда бы мы ни пошли, любимчики Таима краем глаза

следят за нами. Кровь и пепел, Андрол. Они знают. Они знают, что мы попытаемся бежать.

— Вы нашли какие-нибудь слабые места? — спросила Певара, подавшись вперёд. — Какой-нибудь участок стены, охраняемый менее тщательно?

— Похоже, это зависит от конкретных стражников, Певара Седай, — ответил Эмарин, кивая женщине.

— Хмм... Полагаю, что да. Я уже говорила, насколько занимательным нахожу то, что из всех вас наиболее уважительно ко мне относится тайренец?

— Вежливость — не знак

уважения, Певара Седай, — ответил Эмарин. — Это всего лишь признак хорошего воспитания и уравновешенной натуры.

Андрол улыбнулся. Эмарин был просто неподражаем, когда дело касалось оскорблений. В половине случаев человек лишь после окончания разговора понимал, что над ним насмехались.

Певара поджала губы:

— Что ж, хорошо. Понаблюдаем за сменой караулов. Когда начнётся очередная буря, мы используем её как прикрытие и переберёмся через стену на наименее охраняемом участке.

Двое мужчин повернулись к

Андролу, который поймал себя на том, что наблюдает за тенью стола в углу комнаты. Кажется, она увеличилась? Подбирается к нему...

— Мне не по душе бросать людей, — сказал он, заставляя себя отвести взгляд от тени. — Здесь масса мужчин и мальчишек, ещё не попавших под контроль Таима. Мы никак не сможем вывести их, не привлекая лишнего внимания. А если их оставить, то мы рискуем...

Он не мог этого сказать. Они и сами не знали, что происходит, не знали наверняка. Люди менялись. Некогда надёжные союзники внезапно становились врагами. Они выглядели такими же, как и раньше,

но в то же время другими. Словно их глазами смотрел другой человек. Андрол поёжился.

— Женщины, которых прислали мятежницы, всё ещё ожидают за воротами, — сказала Певара. Уже некоторое время те Айз Седай стояли там лагерем, заявляя, что Возрождённый Дракон обещал им Стражей. Пока что Таим не впустил ни одну из них. — Если мы доберёмся до них, то сможем взять Башню штурмом и освободить тех, кого здесь оставили.

— Неужели это и в самом деле будет так просто? — спросил Эмарин. — У Таима целое поселение заложников. Многие перевезли сюда

свои семьи.

Канлер кивнул. Его семья тоже была здесь. Он не оставит их по доброй воле.

— Помимо прочего, — тихо сказал Андрол, поворачиваясь на стуле лицом к Певаре, — неужели вы действительно думаете, что Айз Седай могут здесь победить?

— У многих из них десятки, а то и сотни лет опыта.

— И сколько из этих лет они сражались?

Певара не ответила.

— Здесь сотни мужчин, которые могут направлять, Айз Седай, — продолжил Андрол. — И каждого долго и тщательно учили быть

идеальным оружием. Мы не изучаем ни политику, ни историю. Мы не учимся править странами и народами. Мы учимся убивать. Каждого, будь то мужчина или мальчик, здесь подталкивают к границе его возможностей, заставляют перешагнуть их и расти дальше. Увеличивать свою мощь. Разрушать. И многие из них безумны. Смогут ли ваши Айз Седай с ними справиться? Особенно, если многие из тех, кому мы доверяем — большинство тех, кого мы пытаемся спасти — в случае нападения Айз Седай вероятней всего будут сражаться на стороне Таима?

— Твои доводы не лишены

смысла, — сказала Певара.

«Вылитая королева», — подумал Андрол, невольно восхищаясь её самообладанием.

— Но мы обязательно должны передать информацию за пределы Чёрной Башни, — продолжила Певара. — Идти напролом, скорее всего, не слишком разумно, но и сидеть здесь, пока нас всех не перехватывают поодиночке

— Я считаю, что разумно кого-нибудь отправить, — сказал Эмарин. — Мы должны предупредить Лорда Дракона.

— Лорда Дракона, — фыркнул Канлер, усаживаясь возле стены. — Да он бросил нас, Эмарин. Мы для

него — ничто. Это...

— У Возрождённого Дракона на плечах весь мир, Канлер, — тихо возразил Андрол, перебивая говорившего. — Не знаю, почему он оставил нас, но предпочитаю думать, что он считает нас способными справиться самостоятельно.

Андрол повертел в пальцах кожаные ремни, затем встал.

— Пришло время испытать Чёрную Башню на прочность. Если ради защиты от самих себя мы должны прибегнуть к помощи Айз Седай, то нам придется им полностью подчиниться. Если же нам требуется помощь Дракона, то на что же будем годны мы сами, когда

его не станет?

— Теперь наши разногласия с Таимом не уладить мирным путём, — сказал Эмарин. — Мы все знаем, что он делает.

Андрол не смотрел на Певару. Она поделилась своими подозрениями о происходящем, и, несмотря на годы, в течение которых закалялась её сдержанность, когда она рассказывала об этом, то не смогла скрыть страха в голосе. Тринадцать Мурдраалов и тринадцать направляющих, проводя вместе ужасающий ритуал, могли обратить любого направляющего к Тени. Против его воли.

— То, что он делает — чистое,

концентрированное зло, — согласилась Певара. — Это больше не раскол мужчин, следующих за двумя разными лидерами. Это работа Тёмного, Андрол. Чёрная Башня подпала под влияние Тени. Вы должны это признать.

— Чёрная Башня — это мечта, — ответил он, глядя ей в глаза. — Убежище для способных направлять мужчин, наш дом, где ни у кого нет надобности бояться или бежать, где мы избавлены от ненависти окружающих. Я не отдам свой дом Таиму. Никогда.

В комнате повисла тишина, слышался только стук капель дождя по стеклу. Эмарин принялся кивать, а

Канлер встал, взяв Андрола за руку.

— Ты прав, — сказал Канлер. —
Что б я сгорел, если это не так,
Андрол. Но что мы можем сделать?
Мы слабы, нас мало.

— Эмарин, — сказал Андрол, —
ты слышал о Ноксском Восстании?

— Ещё бы. Оно вызвало
настоящий переполох, даже за
пределами Муранди.

— Проклятые мурандийцы, —
сплюнул Канлер. — Они сопрут у
тебя куртку прямо с плеч и изобьют
до крови, если ты не предложишь им
ещё и свои ботинки

Эмарин вскинул бровь.

— Нокс был далеко от Лугарда,
Канлер, — сказал Андрол. — Думаю,

ты бы увидел, что его население не сильно отличается от андорцев. Восстание произошло около... Ох, уже десять лет прошло.

— Группа фермеров свергла своего лорда, — сказал Эмарин. — Судя по всему, он это заслужил. Дезартин был ужасным человеком, особенно со своими подданными. У него было одно из самых многочисленных войск в Муранди за пределами Лугарда, и было похоже, что он основал своё собственное маленькое королевство. Король ничего не мог с этим поделать.

— И Дезартин был свергнут? — спросил Канлер.

— Простыми мужчинами и

женщинами, которые устали от его жестокости, — подтвердил Андрол. — В конце концов, многие из наёмников, которые прежде были его прихвостнями, нас поддержали. Несмотря на то, что он был очень силён, его гнилая сущность привела его к падению. Кажется, что здесь всё плохо, но большинство людей Таима не так уж преданны ему. Такие, как он, преданности не внушают. Они окружают себя лишь прихвостнями, которые надеются урвать себе немного власти или богатства. Мы можем найти и найдём способ его свергнуть.

Остальные кивнули, хотя Певара просто наблюдала за ним, поджав

губы. Андрол не мог избавиться от ощущения, что выглядит болваном. Он считал, что другие должны прислушиваться не к нему, а к кому-нибудь выдающемуся, вроде Эмарина, или сильному, как Налаам.

Краем глаза он увидел под столом удлинняющиеся, тянущиеся к нему тени. Он стиснул зубы. Они не посмеют забрать его с собой в окружении стольких людей, не так ли? Если тени собираются поглотить его, они дождутся, пока он останется один, попытаюсь уснуть.

Ночи вселяли в него ужас.

«Они теперь приходят, когда я не держусь за саидин, — подумал он. — Проклятье, Источник же очищен!

Моё безумие не должно прогрессировать!»

Он стиснул сидение стула и держался за него, пока страх не ушёл, и темнота не отступила. Канлер, выглядя необычно весёлым, сказал, что принесёт им чего-нибудь выпить. Он побрёл было в сторону кухни, но они не должны были ходить поодиночке, поэтому он помедлил.

— Думаю, я тоже чего-нибудь выпью, — со вздохом сказала Певара, присоединяясь к нему.

Андрол сел, чтобы продолжить работу. Эмарин тут же придвинул табуретку, присаживаясь рядом — непринуждённо, словно в поисках хорошего места, где было бы удобно

отдохнуть и поглазеть в окно.

Однако Эмарин был не из тех, кто делает что-либо просто так. — Ты принимал участие в Ноксском Восстании, — тихо сказал Эмарин.

— Разве я утверждал что-то подобное? — Андрол возобновил свою работу над ремнём.

— Ты сказал, что, когда наёмники перешли на другую сторону, они сражались вместе с вами. Ты сказал «с нами», упомянув повстанцев.

Андрол помедлил. «Проклятье. Мне действительно надо следить за своими словами». Если Эмарин это заметил, значит и Певара тоже.

— Я просто был в тех местах

проездом, — сказал Андрол, — и был вовлечён в нечто непредвиденное.

— У тебя необычное и разнообразное прошлое, друг мой, — сказал Эмарин. — Чем больше я узнаю о нём, тем любопытней становится.

— Я бы не сказал, что только у меня здесь интересное прошлое, — тихо ответил Андрол. — Лорд Алгарин из Дома Пендалон.

Эмарин отпрянул с широко распахнутыми глазами. — Откуда ты знаешь?

— У Фаншира была книга о тайренских знатных родах, — ответил Андрол, упоминая одного из

Солдат, который до прихода в Башню был учёным. — В ней была интересная запись про род, проблемой которого являются мужчины, имеющие некие сложности, наделившие его дурной славой. Последний такой случай имел место не далее как пару десятков лет назад.

— Ясно. Что ж, полагаю, ни для кого не новость, что я дворянин.

— Причем такой, у которого есть опыт общения с Айз Седай, — продолжил Андрол, — и который относится к ним с уважением, несмотря на то — или вследствие того — что они сделали с его семьёй. Заметь, кстати, что это тайренский

дворянин. Который не прочь служить под командованием — как ты бы их назвал — деревенских парней и симпатизирует гражданским восстаниям. Извини, мой друг, но подобная позиция не самая распространённая среди твоих соотечественников. И, думаю, не ошибусь, если предположу, что у тебя тоже интересное прошлое.

Эмарин улыбнулся.

— Сдаюсь. Ты бы превосходно проявил себя в Игре Домов, Андрол.

— Не сказал бы, — поморщившись ответил Андрол. — В последний раз, когда попробовал, я едва не... — Он осёкся.

— Что?

— Лучше промолчу, — сказал Андрол, покраснев. Он не собирался рассказывать об этом периоде своей жизни. «Свет, если я буду продолжать в том же духе, люди решат, что я такой же выдумщик, как и Налаам».

Эмарин вернулся к наблюдению за бьющим в окно дождём.

— Если я правильно помню, Ноксское Восстание было успешным только на первых порах. В течение двух лет линия наследования была восстановлена, а все инакомыслящие изгнаны или казнены.

— Да, — тихо подтвердил Андрол.

— Так что давай здесь сработаем получше, — сказал

Эмарин, оборачиваясь к нему. — Я твой человек, Андрол. Мы все твои люди.

— Нет, — ответил Андрол. — Мы люди Чёрной Башни. Я поведу вас, если должен, но дело не во мне или в тебе, или в ком бы то ни было из нас. Я буду возглавлять вас только до возвращения Логайна.

«Если он вообще вернётся, — подумал Андрол. — Переходные ворота в Чёрную Башню больше не работают. Может он пытается вернуться, но не может попасть сюда?»

— Отлично, — сказал Эмарин. — Что нам делать?

Снаружи раздался раскат грома.

— Надо подумать, — ответил Андрол, поднимая кусок кожи и свои инструменты. — Дайте мне час.

* * *

— Мне жаль, — тихо произнесла Джесамин, опускаясь на колени рядом с Талманесом, — но я ничего не могу поделать. Эта рана мне не по силам.

Талманес кивнул, перемещая повязку. Кожа на всем его боку почернела, как после ужасного обморожения.

Женщина из родни нахмурилась. Она выглядела молодо с золотыми волосами, хотя в случае с умеющими направлять, возраст мог быть очень обманчив. "Я удивлена, что ты еще

можешь ходить."

"Я не уверен, что это можно назвать ходьбой", сказал Талманес, хромя назад к солдатам. Он все еще мог идти, прихрамывая по большей части самостоятельно, но головокружение начиналось теперь все чаще.

Гайбон спорил с Дэннелом, который продолжал указывать на свою карту и жестикулировать. В воздухе была такая дымовая завеса, что большинство людей повязали платки на лица. Они выглядели, как банда проклятых айил.

"...даже троллоки отходят из квартала," настаивал Гайбон. "Здесь слишком много огня."

— Троллоки отходят к стенам по всему городу, — возразил Дэннел. — Они хотят, чтобы город горел всю ночь. Огня нет в единственном месте — там, где расположены Путевые Врата. Твари снесли все ближайшие к ним здания, чтобы не подпустить огонь.

— Они использовали Единую Силу, — произнесла Джесамин из-за спины Талманеса. — Я почувствовала: с ними Чёрные Сёстры. Я бы не советовала ходить в этом направлении.

Джесамин была последней выжившей из Родни, вторая женщина погибла. И хотя Джесамин была недостаточно сильна, чтобы создать

переходные врата, бесполезной она не была. Талманес лично видел, как женщина испепелила шестерых прорвавшихся сквозь строй троллоков.

Ту стычку он пропустил из-за приступа боли. К счастью, Джесамин дала ему пожевать каких-то трав. В голове от них ещё сильнее затуманилось, но боль стала терпимее. Казалось, будто его тело зажали в тисках и медленно сдавливали, но зато он ещё мог держаться на ногах.

— Отправимся кратчайшей дорогой, — вмешался Талманес. — Квартал, где ещё нет огня, слишком близко к драконам, а я не хочу

рисковать и давать Отродьям Тени шанс найти Алудру и её оружие.

«Если только это уже не случилось».

Гайбон бросил на него недовольный взгляд, но это было дело Отряда. Ему рады, но командует здесь не он.

Отряд Талманеса продолжал пробираться через тёмный город, постоянно ожидая засад. Они знали приблизительное расположение склада, но добраться туда было непросто. Большинство улиц покрупнее были перекрыты обломками разрушенных зданий, огнём или врагами. Отряду приходилось пробираться такими

закоулками, что даже Гайбон и коренные кэймлины с трудом определяли нужное направление.

Им попадались столь яростно пылавшие кварталы, что плавилась даже мостовая. Талманес до сухости в глазах вглядывался в пламя, а потом в очередной раз вёл своих людей в обход.

Мало-помалу они приближались к складу Алудры. Дважды им попадались троллоки, рыскавшие в поисках беженцев. Оставшиеся арбалетчики убивали больше половины тварей, прежде чем те успевали хоть что-то сделать, а затем Отряд разбирался с уцелевшими.

Талманес следил за стычками,

но сам больше не решался в них участвовать. Он слишком ослаб из-за раны. Свет, почему он оставил своего коня? Глупый ход. Хотя троллоки всё равно бы его спугнули.

«Мои мысли начинают ходить по кругу». Он указал мечом на перекрёсток дальше по улице. Разведчики бросились вперёд и, проверив оба направления, сообщили, что всё чисто. «Я едва соображаю. Ещё немного, и я погружусь в темноту».

Но сначала он защитит драконов. Он должен.

Из переулка Талманес вышел на знакомую улицу. Уже близко. Одна сторона улицы пылала. Статуи на ней

казались бедолагами, пойманными в огненную ловушку. Огонь свирепствовал, и белый мрамор медленно превращался в чёрный.

Противоположная сторона улицы была окутана тишиной, на ней ничего не горело. Только тени от статуй танцевали и резвились, словно участники какого-то обряда, сжигающие своих врагов. В воздухе едко пахло дымом. Эти тени и горящие статуи казались затуманенному разуму Талманеса живыми. Танцующие создания из тени. Гибнущая красота, пожираемая расползающейся под кожей болезненной чернотой, убивающей душу.

— Уже совсем близко! — сообщил Талманес и неуклюже побежал, с трудом переставляя ноги. Он не мог задерживать Отряд. «Если этот огонь доберётся до склада...»

Наконец они добрались до выжженного участка земли. Огонь, очевидно, уже побывал здесь, но ушёл. Раньше на этом месте стоял огромный деревянный склад, но теперь он был разрушен. Лишь тлели доски да лежали кучами камни и обгорелые трупы троллоков.

Люди молча собирались вокруг. Тишину нарушал только треск пламени. По лицу Талманеса тек холодный пот.

— Мы опоздали, — прошептал

Мельтен. — Они забрали их, верно? Ведь драконы взорвались бы, если бы попали в огонь. Отродья Тени пришли, забрали драконов и сожгли это место.

Обессиленные Краснорукие опускались на землю рядом с Талманесом. «Прости, Мэт, — подумал Талманес. — Мы пытались. Мы...»

Резкий звук, похожий на гром, прокатился по городу, пробрав Талманеса до костей. Солдаты подняли головы.

— Свет, — проговорил Гайбон, — Отродья Тени используют драконов?

— Может, и нет, — ответил

Талманес. Силы вновь вернулись к нему, и он опять побежал. Его люди последовали за ним.

Каждый шаг отдавался болью в боку. Он бежал вниз по улице со статуями — справа от него бушевало пламя, а слева царило холодное спокойствие.

БУМ.

Взрывы были тише, чем от драконов. Может, есть надежда встретить Айз Седай? Джесамин, казалось, воспряла духом, заслышав звуки взрывов, и теперь в своих юбках бежала наравне с его людьми. Отряд промчался две улицы от склада и, не сбавляя скорости, завернул за угол, наткнувшись на

задние ряды рычащего войска
Отродий Тени.

Талманес издал дикий клич и обеими руками поднял свой меч. Жжение от раны распространилось по всему его телу, до самых кончиков пальцев. Ему казалось, что он стал одной из тех статуй, обречённых сгореть вместе с городом.

Он обезглавил троллока, прежде чем тот догадался о его присутствии, и тут же бросился на следующую тварь. Она плавно отступила, словно утекая от его удара. Лицо без глаз; плащ, не шевелящийся от ветра. Бледные губы растянулись в ухмылке.

Талманес рассмеялся. —
«Почему бы и нет?» — А люди

говорили, что у него нет чувства юмора. Талманес перешёл в Яблоне́вый Цвет На Ветру, нанося удар с такой же силой и яростью, с какой его заживо пожирало пламя изнутри.

Мурддраал был в заведомо более выгодном положении. Талманесу и в лучшие времена понадобилась бы чья-то помощь для такого боя. Тварь двигалась, словно тень, перетекая из одной стойки в другую и пытаясь достать Талманеса своим ужасным клинком. Очевидно, Мурддраал думал, что ему хватит одной царапины.

Наконец, Исчезающий достиг своей цели, зацепив кожу на его щеке

кончиком клинка и оставив там аккуратный надрез. Талманес вновь рассмеялся и отбил его меч своим, заставив Исчезающего удивлённо открыть рот. Такой реакции от человека тварь не ожидала. Обычно люди падали, поражённые жгучим пламенем боли, и кричали, понимая, что жизнь окончена.

— Во мне уже побывал один из ваших треклятых мечей, козье отродье! — выкрикнул Талманес, раз за разом нанося удары. Кузнец Бьёт по Клинку. Такой грубый приём, но идеально подходящий к его настроению.

Мурдраал оступился. Талманес плавным движением отвёл меч в

сторону и отсёк бледную белую руку Безглазого у локтя. Отрубленная рука продолжала извиваться в воздухе, клинок выпал из судорожно сжимавшихся пальцев. Талманес сделал резкий разворот и, перехватив меч обеими руками, отрубил Исчезающему голову.

Брызнула тёмная кровь, и Мурддраал повалился на землю, хватаясь оставшейся рукой за окровавленный обрубок. Талманес встал над ним, но меч внезапно показался ему слишком тяжёлым. Оружие выскользнуло из пальцев и со звоном упало на брусчатку. Талманес пошатнулся и, потеряв равновесие, начал падать лицом

вперёд. Чья-то рука подхватила его сзади.

— Свет! — воскликнул Мельтен, взглянув на тело. — Ещё один?

— Я разгадал секрет, как их побеждать, — прошептал Талманес. — Просто нужно быть уже мёртвым.

Он тихо засмеялся, но Мельтен лишь продолжил недоумённо смотреть на него.

Вокруг, корчась, падали на землю дюжины троллоков. Они были связаны с Исчезающим. Солдаты Отряда обступили Талманеса — кто-то был ранен, несколько человек погибло. Они были настолько измотаны, что эта шайка троллоков

могла стать для бойцов последней.

Мельтен поднял меч Талманеса и вытер его начисто, но Талманес с трудом мог стоять, поэтому убрал клинок в ножны и попросил подать ему троллочье копье, чтобы он мог на него опираться.

— Эй, там, в конце улицы! — раздался голос издалека. — Кем бы вы ни были, спасибо!

Талманес заковылял вперёд. Филджер и Мар, не дожидаясь приказа, отправились вперёд на разведку. Улица была тёмной, повсюду лежали только что поверженные троллоки, поэтому Талманесу понадобилось какое-то время, чтобы перебраться через

трупы и разыскать говорившего.

Кто-то в конце улицы соорудил баррикаду. Наверху стояли люди — у одного из них в руке был факел. Женщина с волосами, заплетёнными в косички, и в простом коричневом платье с белым фартуком. Это была Алудра.

— Солдаты Коутона, — произнесла она так, словно её это не удивляло. — Вы явно не торопились мне на подмогу.

В одной руке она сжимала толстый кожаный цилиндр, размером с мужской кулак или даже побольше, с коротким чёрным запалом. Талманес знал, что эти штуки взрывались, если их поджечь и

бросить. Отряд уже использовал их прежде, метая из пращей. Они были не такими разрушительными, как драконы, но всё равно довольно мощными.

— Алудра, — обратился к ней Талманес, — драконы у тебя? Пожалуйста, скажи мне, что ты их сберегла!

Алудра фыркнула и махнула людям, чтобы они раздвинули часть заграждения и пропустили внутрь солдат. На улице позади неё оказалось несколько сотен, а может, и тысяч горожан. Когда они расступились, взгляду Талманеса открылось прекрасное зрелище: на улице в окружении жителей

Кэймлина стояла сотня драконов.

Бронзовые трубы были жестко прикреплены к деревянным повозкам, в которые впрягалось по паре лошадей. Тем не менее, они были довольно манёвренными. Насколько знал Талманес, повозки можно было крепить к земле, чтобы справляться с отдачей, и драконы могли стрелять сразу, как только выпрягали лошадей. А людей, которые могли бы тащить их вместо лошадей, на улице было предостаточно.

— Думаешь, я могла их бросить? — спросила Алудра. — Эта толпа не обучена стрельбе, но повозки может тащить не хуже кого-

либо другого.

— Мы должны их вывезти, — произнёс Талманес.

— Ты только что это понял? Вообще-то, я именно этим и занималась. А что с твоим лицом?

— Да вот попробовал острый сыр, который мне так и не удалось переварить.

Алудра вздёрнула подбородок в ответ. «Может, мне стоит больше улыбаться, когда я шучу, — рассеянно подумал он, прислонившись к заграждению, — и тогда они будут понимать, что я имею в виду». Что, в свою очередь, приводило к вопросу, а хотел ли он, чтобы люди его понимали. Часто забавнее было как

раз наоборот. К тому же, улыбаться — это так вульгарно. А как же утончённость? И...

И у него действительно были проблемы с концентрацией. Он моргнул, глядя на Алудру. Её лицо в свете факела выглядело озабоченным.

— А что с моим лицом? — Талманес коснулся рукой своей щеки. Кровь. Мурддраал. Точно. — Всего лишь царапина.

— А вены?

— Вены? — переспросил он, а затем заметил свою руку. Чёрные извивающиеся линии, словно растущий под кожей плющ, спускались по его запястью и

тыльной стороне ладони к пальцам. Казалось, будто они темнели прямо на глазах. — Ах, это! Увы, я умираю. Ужасно прискорбно. У тебя, случайно, не найдётся немного бренди?

— Я...

— Милорд! — раздался голос.

Талманес моргнул, затем с усилием повернулся, опираясь на копье.

— Да, Филджер?

— Ещё троллоки, милорд. Полчища! Они собираются позади нас.

— Восхитительно. Накрывайте стол. Надеюсь, нам хватит посуды. Я ведь так и знал, что нужно было

послать служанку за пять тысяч
семьсот тридцать первым прибором.

— Ты... в порядке? — спросила
Алудра.

— Кровь и кровавый пепел,
женщина! Разве похоже, что я в
порядке? Гайбон! Путь к
отступлению отрезан. Далеко до
восточных ворот?

— Восточных? — отозвался
Гайбон. — Около получаса ходьбы.
Нужно двигаться дальше вниз по
холму.

— Значит, идём вперёд, —
сказал Талманес. — Возьми
разведчиков и указывай дорогу.
Дэннел, устрой так, чтобы горожане
тянули драконов! И будь готов к их

установке.

— Талманес, — вмешалась Алудра. — У нас осталось совсем мало смеси и драконьих яиц. Нам понадобятся запасы из Байрлона. А если ты решишь воспользоваться драконами сегодня... Тогда всё что, я могу пообещать — это несколько выстрелов.

Дэннел кивнул:

— Драконы сами по себе не предназначены для передовой, милорд. Им нужна поддержка, нельзя подпускать врага слишком близко, чтобы он их не уничтожил. Мы можем поставить к ним людей, но без пехоты мы долго не продержимся.

— Именно поэтому мы и уходим, — ответил Талманес. Он повернулся, сделал шаг и чуть не упал от слабости. — И я думаю... думаю, мне нужна лошадь...

* * *

Могидин ступила на каменную платформу плавающую в середине открытого моря. Прозрачная и голубая, вода слабо колыхалась, но волн не было. Куда хватало глаз не было видно суши.

Морридин стоял в стороне платформы, скрестив руки за спиной. Прямо за ним море горело. Огонь не давал дыма, но был жарким и вода рядом с ним вскипала и шипела. Камень плавающий в центре

бесконечного моря. Горящая вода. Морридин всегда наслаждался созданием невозможного в своих осколках сна.

Сядь, — сказал Морридин, не оборачиваясь.

Она повиновалась, выбрав одно из четырёх кресел, вдруг появившихся в центре платформы. Безоблачное небо было глубокого синего цвета, солнце зависло примерно в трёх четвертях своего пути к зениту. Как давно она не видела солнца в Тел'аран'риоде? В последнее время вездесущая чёрная буря полностью заволокла небо. Но, опять же, это был не совсем Тел'аран'риод и не совсем сон

Моридина, а... слияние того и другого. Временная пристройка на краю мира снов. Пузырь объединённых реальностей.

На Могидин было чёрное с золотом платье, и кружево на рукавах своим узором смутно напоминало паутину. Едва-едва. Не стоит злоупотреблять символикой.

Могидин устроилась в кресле, всем своим видом стараясь продемонстрировать самообладание и уверенность в себе. Когда-то ей без труда удавалось их достичь. Сейчас попытки уцепиться за оба этих состояния походили на ловлю семян одуванчика в воздухе — ты их хватаешь, а они, будто в танце,

ускользают из рук. Могидин скрипнула зубами от злости на саму себя. Она была одной из Избранных. Она заставляла королей рыдать, а армии — трепетать от ужаса. Из поколения в поколение матери пугали детей её именем. А теперь...

Она потянулась к шее и нащупала висевший на ней кулон. Он был по-прежнему цел. Она знала, что так и есть, но прикосновение к нему успокаивало.

— Не очень-то привыкай его носить, — сказал Моридин. Поднявшийся вокруг него ветер погнал рябь по безупречной поверхности океана и принёс с собой слабые крики. — Ты ещё не

окончательно прощена, Могидин. Это испытание. Возможно, когда ты вновь ошибёшься, я отдам твою ловушку для разума Демандреду.

Она фыркнула.

— Ему станет скучно, и он её выбросит. Демандреду нужно только одно — ал'Тор. Любой, кто не ведёт его к этой цели, не представляет для него интереса.

— Ты его недооцениваешь, — тихо произнёс Моридин. — Великий Повелитель доволен Демандредом. Очень доволен. Тогда как тобой...

Могидин откинулась в кресле, заново переживая все былые страдания. Боль, какую мало кто познал в этом мире. Боль,

превосходящую всё, что способно вытерпеть человеческое тело. Она ухватилась за кор'совру и обняла саидар. Это принесло ей некоторое облегчение.

Прежде направлять Силу в той же комнате, где находилась кор'совра, было мучительно больно. Но теперь, когда кулон был у неё, а не у Моридина, всё изменилось. «Не просто кулон, — подумала она, сжимая его. — Это моя душа». Тьма внутри! Она никогда бы не подумала, что ей — не кому-нибудь, а ей! — придётся испытать одну из ловушек для разума на себе. Разве не она была самой осторожной на свете паучихой?

Она накрыла державшую кулон руку второй рукой. Вдруг он упадёт, или кто-то его отберёт? Она не должна его потерять. Она не может его потерять.

«Во что я превратилась? — Её замутило. — Мне нужно стать прежней. Найти способ». Она заставила себя отпустить ловушку для разума.

Близилась Последняя Битва; троллоки уже наводнили южные земли. Началась новая Война Тени, но только ей и другим Избранным были известны глубинные тайны Единой Силы. Те, которые не смогли выудить у неё эти ужасные женщины...

«Нет, не думай об этом». Боль, страдание, крах.

В этой войне им не противостояли ни Сто Спутников, ни Айз Седай с многовековым мастерством и опытом. Она проявит себя, и прошлые ошибки будут забыты.

Моридин продолжал смотреть в своё нереальное пламя. Только и было слышно, как оно потрескивает и как бурлит вскипающая вода. Он ведь, в конце концов, объяснит, зачем призвал её, не так ли? В последнее время он вёл себя всё более и более странно. Возможно, его вновь начинало одолевать безумие. Когда-то человек по имени Моридин — или

Ишамаэль, или Элан Морин Тедронай — был бы в восторге, заполучив кор'совру кого-нибудь из соперников. Он бы изобретал наказания, приходя в экстаз от её мук.

В начале что-то такое и вправду было; а потом... потом интерес пропал. Он всё больше времени проводил в одиночестве, глядя в огонь, размышляя. пытки, которым он подвергал их с Синдани, казались почти рутиной.

И таким он представлялся ей куда опаснее.

У края платформы воздух рассекли врата.

— Моридин, нам и вправду

обязательно встречаться раз в два дня? — спросил Демандред, шагнув сквозь них в Мир Снов. Высокий, привлекательный, с блестящими чёрными волосами и внушительным носом. Прежде чем продолжить, он бросил взгляд на Могидин, заметив ловушку для разума у неё на шее. — У меня полно важных дел, а ты их прерываешь.

— Тебе надо кое с кем встретиться, Демандред, — тихо ответил Моридин. — И ты будешь делать то, что тебе велено, если только Великий Повелитель, не сообщив мне, не назначил тебя Ни'блисом. Твои игрушки подождут.

Лицо Демандреда потемнело, но

больше возражать он не стал. Он позволил вратам закрыться и отвернулся, взглянув в морскую глубь, затем нахмурился. Что там, в воде? Она не додумалась посмотреть и теперь чувствовала себя душой. Что случилось с её предусмотрительностью?

Демандред подошёл к одному из кресел рядом с ней, но садиться не стал. Он стоял, рассматривая Моридина со спины. Чем Демандред занимался всё это время? Пока она была привязана к ловушке для разума, она выполняла приказы Моридина, но подобрать ключик к Демандреду ей не удалось.

Она вновь задрожала, вспоминая

месяцы, проведённые в его власти.
«Я отомщу».

— Ты отпустил Могидин, —
сказал Демандред. — А что с этой...
Синдани?

— Это тебя не касается, —
произнёс Моридин.

Могидин не преминула
заметить, что кор'совра Синдани всё
ещё висела у Моридина на шее.
Синдани. На Древнем Наречии это
значило «последний шанс», но одной
из тайн, которую Могидин всё же
раскрыла, была личность этой
женщины. Моридин сам спас
Ланфир из Синдола, освободив её из
рук существ, кормившихся её
способностью направлять.

Чтобы её спасти — и, разумеется, наказать — Моридин её убил. Это позволило Великому Повелителю поймать её душу и поместить в новое тело. Жестоко, но очень эффективно — Великий Повелитель предпочитал решать проблемы именно так.

Моридин не сводил взгляда с языков пламени, а Демандред с него, поэтому Могидин улучила момент, чтобы выскользнуть из кресла и подойти к краю каменной платформы. Вода, на которой та покоилась, была совершенно прозрачной, и сквозь неё Могидин отчётливо видела людей. Колыхаясь, будто водоросли, они висели в

глубине с прикованными к невидимому грузу ногами и со связанными за спиной руками.

Их были тысячи. Каждый глядел из глубины широко распахнутыми, полными ужаса глазами. Они были обречены тонуть вечно: не мёртвые — им не было позволено умереть — они постоянно хватали ртом воздух, а вдыхали лишь воду. Пока она смотрела, из глубины поднялось что-то тёмное и утатило одного из них вниз. Словно цветок в воде распустилось кровавое облако, и остальные фигурки при виде него задёргались ещё сильнее.

Могидин улыбнулась. Зрелище чужих страданий поднимало ей

настроение. Вероятно, эти люди всего лишь плод воображения, но, быть может, это те, кто не оправдал надежд Великого Повелителя.

На краю платформы распахнулись ещё одни переходные ворота, и через них ступила незнакомая женщина. Пугающе непривлекательная особа с крючковатым носом картошкой и косящими в разные стороны бесцветными глазами. На женщине было платье из жёлтого шёлка с претензией на элегантность, но оно только ещё сильнее подчеркивало её безобразие.

Могидин презрительно усмехнулась и вернулась в кресло.

Зачем Моридин пустил на встречу Избранных чужака? Эта гостья могла направлять; должно быть, она из этих бесполезных женщин, которые в эту Эпоху именовали себя Айз Седай.

«Надо отдать ей должное, — подумала Могидин, опустившись в кресло, — она и вправду сильна». Как Могидин упустила Айз Седай с подобными способностями? Её источники почти сразу же заприметили жалкую вертихвостку Найнив, а эту страхолюдину упустили?

— И это та, кого ты желаешь нам представить? — скривился Демандред.

— Нет, — рассеянно ответил

Моридин. — Вы уже встречались с Хессалам.

Хессалам? На Древнем Наречии это означало... «Непрощённая». Женщина дерзко встретила взглядом с Могидин, и что-то в её позе показалось той знакомым.

— У меня много дел, Моридин, — сказала новоприбывшая. — Хорошо бы это было...

Могидин ахнула. Эта манера...

— Не смей обращаться ко мне подобным тоном, — негромким голосом оборвал её Моридин, не оборачиваясь. — Не смей разговаривать так ни с кем из нас. Сейчас даже Могидин в большей

милости, чем ты.

— Грендаль? — в ужасе воскликнула Могидин.

— Не произноси этого имени! — Моридин резко обернулся; языки пламени на воде взметнулись ввысь. — Она лишена его.

Грендаль — Хессалам — села, не глядя в сторону Могидин. Да, то, как эта женщина держалась... всё верно, это она.

Могидин едва не подавилась ехидным смешком. Грендаль всегда пользовалась своей внешностью, чтобы ошеломлять соперников. Что ж, та и теперь ошеломляла, но по-другому. Как изощрённо! Её, верно, аж корчит от этого. Что же она могла

натворить такого, что её наказали подобным образом? Статус Грендаль — её авторитет и легенды, что о ней ходили — всецело были связаны с её красотой. А теперь? Может, начнёт подыскивать себе любимцев среди самых уродливых людей, чтобы они могли соперничать с её собственным безобразием?

На этот раз Могидин засмеялась. Тихонько, но Грендаль услышала и метнула в неё такой взгляд, который сам по себе мог поджечь океанскую воду.

Могидин ответила спокойным взглядом, почувствовав себя увереннее. Она подавила порыв погладить кор'совру. «Ну, давай,

Грендаль, — подумала она, — теперь хоть из кожи вон лезь. Мы с тобой, милочка, оказались на равных — и ещё посмотрим, кто выиграет этот забег».

Ветер усилился, и море вокруг них взволновалось, хотя платформа оставалась неподвижной. Моридин позволил огню погаснуть, и неподалеку поднялись волны. Под водой Могидин могла слабо различить тела — лишь тёмные силуэты. Некоторые были мертвы. Другие, освободившись от цепей, рвались к поверхности, но стоило им почти добраться до воздуха, как каждый раз что-то снова утягивало их вниз.

— Теперь нас мало, — сказал Моридин. — Мы четверо и та, что наказана более всех — это все, кто остался. По определению это делает нас сильнейшими.

«Некоторых из нас — да, — подумала Могидин. — А кое-кто из нас погиб от руки ал'Тора, Моридин, и, чтобы его вернуть, потребовалось вмешательство Великого Повелителя». Почему Моридина так и не наказали за его провал? Но, пожалуй, не стоит заходить слишком далеко в поисках справедливости под властью Великого Повелителя.

— Тем не менее, нас слишком мало. — Моридин взмахнул рукой, и на краю платформы возник

каменный дверной проём. Не переходные врата — просто дверь. Это был кусок сна Моридина; он мог управлять им. Дверь открылась, и через неё на платформу прошёл мужчина.

Темноволосый новоприбывший обладал чертами салдэйца — слегка крючковатый нос, раскосые глаза. Он был высоким и привлекательным, и Могидин узнала его.

— Предводитель этих едва оперившихся мужчин — Айз Седай? Я знаю его, это Мазри...

— С этим именем покончено, — сказал Моридин. — Точно так же, как мы, будучи Избраны, отказались от того, кем были раньше, и от

старых имён. С этого момента он будет известен только как М'Хаэль. Один из Избранных.

— Избранный? — Казалось, что Хессалам подавилась этим словом. — Это дитя? Он же... — Она осеклась и умолкла.

Не в их праве спорить, быть ли кому-то Избранным. Они могли ссориться между собой и даже плести заговоры, если соблюдать осторожность. Но сомневаться в решениях Великого Повелителя... это не позволялось. Никогда.

Хессалам больше ничего не сказала. Моридин бы не посмел назвать этого человека Избранным, если бы так не решил Великий

Повелитель. Спорить было не о чем. Но всё-таки Могидин задрожала. Таим... М'Хаэль... был, по слухам, силён — возможно, так же силён, как и остальные они, но сделать Избранным кого-то из этой Эпохи, с их дремучим невежеством... Её уязвляла мысль, что этот М'Хаэль будет считаться равным ей.

— Я вижу в ваших глазах протест, — сказал Моридин, глядя на них троих, — хотя только одна из вас была достаточно глупа, чтобы заявить об этом. М'Хаэль заслужил свою награду. Слишком многие из нас ринулись сражаться с ал'Тором, когда его считали слабым. Вместо этого М'Хаэль завоевал доверие

Льюса Тэрина, после чего взял на себя подготовку его оружия. Он воспитывает новое поколение Повелителей Ужаса, которое послужит делу Тени. Какие результаты вы трое можете продемонстрировать с момента освобождения?

— Ты узнаешь, что за плоды я собрал, Моридин, — тихо произнёс Демандред. — Ты сочтёшь их бушели и стада. Только помни моё условие: я встречусь с ал'Тором на поле битвы. Его кровь принадлежит мне, и никому другому. — Он повернулся, по очереди заглянув каждому в глаза, и под конец посмотрел на М'Хаэля. Между ними, казалось, мелькнуло

некое... узнавание? Эти двое уже встречались.

«Он встанет тебе поперёк дороги, Демандред, — подумала Могидин. — Он хочет заполучить ал'Тора не меньше твоего».

За последнее время Демандред изменился. Когда-то для него не имело значения, кто убьёт Льюса Тэрина — лишь бы тот был мёртв. Что же заставило Демандреда настаивать на том, чтобы взять всё в свои руки?

— Могидин, — произнёс Моридин. — У Демандреда есть планы на будущую войну. Ты будешь ему помогать.

— Помогать ему? —

воскликнула она. — Я...

— Ты так быстро забылась, Могидин? — вкрадчиво перебил её Моридин. — Ты будешь делать то, что тебе приказали. Демандред хочет, чтобы ты присмотрела за одной из армий, которая сейчас лишена надлежащего надзора. Произнеси хоть одно слово жалобы — и ты поймёшь, что боль, которую ты познала до сих пор, это лишь тень настоящих страданий.

Её рука потянулась к кор'совре на шее. Она взглянула ему в глаза и почувствовала, как испаряется её самообладание. «Я ненавижу тебя, — подумала она. — Я ненавижу тебя ещё больше за то, что ты сделал это

при всех».

— Настали последние дни, — сказал Моридин, поворачиваясь к ним спиной. — В ближайшее время вы получите окончательную награду. Если у вас есть поводы для вражды, отбросьте их в сторону. Если у вас есть тайные планы, завершите их. Заканчивайте ваши игры, потому что... это конец.

* * *

Талманес лежал на спине, глядя в тёмное небо. Казалось, будто облака над ним отражают свет снизу. Свет умирающего города. Это было неправильно. Разве свет не должен идти сверху?

Он упал с лошади вскоре после

того, как они направились к воротам. Это он ещё помнил. Большую часть времени. Боль мешала думать. Люди кричали друг на друга.

«Надо было... надо было чаще подшучивать над Мэтом, — подумал он, и на его губах появилась слабая улыбка. — Глупо думать об этом сейчас. Я должен... должен найти драконов. Или мы их уже нашли?..»

— Говорю тебе, эти чёртовы штуковины так не работают! — услышал он голос Дэннела. — Это тебе не растреклятые Айз Седай на колёсах! Мы не можем вызвать стену огня. Мы можем только стрелять этими металлическими шарами в троллоков.

— Они взрываются, — теперь это был голос Гайбона. — Мы можем использовать лишние так, как я предлагаю.

Глаза Талманеса закрылись.

— Да, шары взрываются, — ответил Дэннел, — но сначала ими нужно выстрелить. Ничего не получится, если мы просто положим их в ряд и будем ждать, пока троллоки сами по ним пробегутся.

Чья-то рука потрясла Талманеса за плечо.

— Лорд Талманес, — произнёс Мельтен, — Нет никакого позора в том, чтобы покончить с этим прямо сейчас. Я знаю, что боль очень сильная. Позвольте последнему

объятию матери принять вас.

Звук обнажаемого клинка.
Талманес напрягся.

И тогда он понял, что совсем, совсем не хотел умирать.

Он с трудом открыл глаза и протянул руку стоявшему над ним Мельтену. Джесамин держалась поблизости, сложив руки на груди. Она выглядела встревоженной.

— Помоги мне встать, — сказал Талманес.

Мельтен заколебался, но затем выполнил его просьбу.

— Тебе не стоит подниматься, — вмешалась Джесамин.

— Это лучше, чем быть с честью

обезглавленным, — проворчал Талманес, стиснув зубы от боли. Свет, это его рука? Она была такой чёрной, словно обуглилась в огне. — Что... что происходит?

— Мы окружены, милорд, — мрачно ответил Мельтен с печалью в глазах. В том, что они все погибнут, он уже не сомневался. — Дэннел и Гайбон спорят о том, где разместить драконов для последнего боя. Алудра отмеряет заряды.

Наконец поднявшись, Талманес опёрся на Мельтена. Перед ним на широкой городской площади собралось две тысячи человек. Они жались друг к другу, словно путники, ищущие тепла морозной ночью.

Дэннел и Гайбон установили драконов полукругом, выгибающимся наружу к центру города, разместив беженцев за ними. Краснорукие теперь обслуживали драконов, на каждого из которых требовалось по три пары рук. Почти все в Отряде прошли хоть какое-то обучение.

Стоявшие рядом здания пылали в огне, но со светом происходили странные вещи. Почему он не освещал улиц? Улицы были слишком тёмными. Как будто их покрасили. Как будто...

Талманес моргнул, смахнув выступившие от боли слёзы. Теперь он понял. Троллоки заполнили улицы и, словно чернила, текли в сторону

расставленных полукругом и направленных на них драконов.

Что-то пока удерживало их. «Они ждут остальных, чтобы напасть всем сразу», — решил Талманес.

Крики и рычание доносились и сзади. Талманес повернулся и вцепился в руку Мельтена, когда весь мир вокруг пошатнулся. Ему пришлось подождать, пока всё вокруг встанет на свои места. Боль... боль, как ни странно, притупилась. Как пламя, гаснущее на свежих углях. Она насладилась им, но теперь в нём почти ничего не осталось, чтобы прокормить её.

Когда всё успокоилось, Талманес увидел, откуда исходил

этот шум. Площадь, которую они заняли, примыкала к городской стене, но горожане и солдаты держались от неё на расстоянии, так как она, словно толстым слоем сажи, была покрыта троллоками. Они потрясали в воздухе своим оружием и рычали на стоявших внизу людей.

— Они бросают копья в любого, кто подойдёт слишком близко, — сказал Мельтен. — Мы надеялись добраться до стены и пройти вдоль неё до ворот, но теперь это невозможно. Невозможно, пока эти твари там наверху грозят нам смертью. Все другие пути отрезаны.

Алудра подошла к Гайбону и Дэннелу:

— Я могу поместить заряды под драконов, — тихо произнесла она. Тихо, но недостаточно твердо. — Эти заряды уничтожат оружие, но при этом могут сильно покалечить людей.

— Действуй, — совсем тихо ответил Гайбон. — То, что сделают троллоки, будет ещё хуже, а мы не можем отдать драконов в руки Тени. Поэтому они и выжидают. Их командиры надеются, что внезапная атака даст им возможность сокрушить нас и захватить оружие.

— Они движутся! — закричал один из солдат, стоявший у драконов. — Свет, они идут!

Тёмная масса Отродий Тени

бурлящим потоком двинулась по улицам. Зубы, когти, клыки, чересчур человеческие глаза. Троллоки шли со всех сторон, предвкушая добычу. Талманес с трудом сделал вдох.

Крики на стенах стали громче. «Мы окружены, — подумал Талманес. — Прижаты к стене, пойманы в ловушку. Мы...»

Прижаты к стене.

— Дэннел! — Талманес попытался перекрыть шум. Капитан драконов обернулся со своей позиции, где люди с горящими лучинами в руках ждали приказа провести единственный залп.

Талманес сделал глубокий вдох, наполнивший его лёгкие огнём:

— Ты говорил мне, что можешь снести вражеское укрепление парой выстрелов.

— Конечно! — отозвался Дэннел. — Но мы ведь не войти пытаемся...

Тут он замолк.

«Свет, — подумал Талманес. — Мы все слишком устали. Мы должны были догадаться».

— Эй, вы, в середине, взвод драконов Райдена, кругом! — прокричал он. — Остальные, держать позиции и стрелять в приближающихся троллоков! Бегом, бегом, бегом!

Драконеры тут же бросились выполнять приказ. Под скрип колёс

Райден и его люди стали поспешно разворачивать драконов. Остальные по очереди начали обстреливать выходящие на площадь улицы. От оглушающих выстрелов горожане кричали, закрывая уши руками. Казалось, наступил конец света. Сотни, тысячи троллоков превращались в лужи крови, когда среди них взрывались драконьи яйца. Площадь наполнилась белым дымом, струившимся из стволов драконов.

Стоявшие в тылу беженцы, уже перепуганные увиденным до смерти, завопили ещё сильнее, когда Райден повернул оружие в их сторону. Многие в страхе попадали на землю, освобождая путь. Путь к городской

стене, кишевшей троллоками. Драконы Райдена были обращены в противоположную сторону от стрелявших по троллокам, будучи выстроены дугой, они образовывали подобие чаши. Таким образом, все трубы были направлены на одну и ту же часть стены.

— Дайте мне эту треклятую лучину! — прокричал Талманес, протянув руку. Один из дракониров подчинился и передал ему зажигательную палочку с красным тлеющим концом. Талманес оттолкнулся от Мельтена, полный решимости хотя бы немного простоять без чьей-либо помощи.

К нему подошёл Гайбон. Его

голос звучал приглушённо для напряжённого слуха Талманеса:

— Эти стены простояли сотни лет. Мой бедный город. Мой бедный, бедный город.

— Теперь это уже не твой город, — ответил Талманес. Он поднял зажигательную палочку высоко над головой, словно бросая вызов толпившимся на стене троллокам. Позади пылал Кэймлин. — Теперь он их.

Талманес резко опустил палочку, оставив в воздухе красный след. За его сигналом последовал рёв драконьего огня, разнёсшийся эхом по всей площади.

Троллоки, а, скорее, их части,

взлетели на воздух. Стена под ними взорвалась, словно кто-то на бегу пнул сложенные в кучу детские кубики. Талманес пошатнулся, в глазах у него стало темнеть, но он успел увидеть, как стена обвалилась наружу. Когда он упал, теряя сознание, ему показалось, что от его падения задрожала земля.

Глава 1

Ветер дул на восток.

Вращается Колесо Времени, Эпохи приходят и уходят, оставляя воспоминания, которые становятся легендой. Легенды тают, превращаясь в миф, и даже миф оказывается давно забыт, когда Эпоха, что породила его, приходит вновь. В одну Эпоху, называемую некоторыми Третьей, Эпоху, которая ещё грядёт, Эпоху, давно минувшую, над Горами Тумана поднялся ветер.

Этот ветер не был началом. Нет начала и конца оборотам Колеса Времени. И всё же он стал началом.

Ветер дул на восток, спускаясь с величественных гор к пустынным холмам. Он полетел через место, известное как Западный Лес, где некогда в изобилии росли сосны и кожелист, но теперь остался лишь густой спутанный подлесок да изредка возвышающиеся над ним дубы. Они казались поражёнными какой-то болезнью — кора клочьями отваливалась от стволов, ветви поникли. Все до единой сосны сбросили свои иголки, точно коричневым покрывалом усеяв ими землю. Ни одной почки не

распустилось на иссохших, напоминающих кости скелета ветвях деревьев Западного Леса.

Ветер дул на северо-восток сквозь скрипевший и трещащий под его порывами подлесок. Стояла ночь, и в чахнувшей земле рылись тощие лисы в тщетных поисках живой добычи или какой-нибудь падали. Не раздавались трели перелётных птиц, и — что поразительнее всего — по всей земле смолк даже волчий вой.

Ветер вылетел из леса и понёсся через Таренский Перевоз, вернее, через то, что от него осталось. Когда-то это был неплохой, по местным меркам, городок. Мощёные булыжником улицы, возвышающиеся

над фундаментами из краснокамня потемневшие теперь дома, возведённые на пороге земель, известных как Двуречье.

Дым уже давно перестал куриться над пепелищем, но восстанавливать было нечего — от городка мало что осталось. Среди руин рыскали в поисках добычи одичавшие собаки. Они голодным взглядом провожали пролетающий ветер.

Ветер устремился на восток и пересёк реку рядом с кучками беженцев, бредущих, несмотря на поздний час, по дороге от Байрлона к Беломостью с факелами в руках. На людей с опущенными головами и

понижшими плечами было жалко смотреть. Среди них были меднокожие доманийцы, которые, судя по одежде, с весьма скудными припасами преодолели трудный переход через горы. А некоторые пришли совсем издалека. Испуганные тарабонцы в грязных вуалях. Фермеры из Северного Гэалдана с жёнами. Все были наслышаны о том, что в Андоре есть еда, что в Андоре жива надежда, но пока они не нашли ни того, ни другого.

Ветер дул на восток, вдоль реки, которая извивалась вдоль ферм без урожая. Лугов без травы. Садов без фруктов

Деревни стояли заброшенные. Деревья больше напоминали обглоданные кости, с кусками недоеденного мяса. На их ветвях часто теснились вороны, высматривая сквозь мертвую траву ослабевших от голода кроликов, а иногда и более крупную дичь. Над этим всем нависли вездесущие облака, давя на землю тяжелой массой. Столь густой облачный покров временами не позволял определять разницу между днем и ночью.

Ветер достиг величественного Кэймлина и свернул на север, прочь от города, горящего оранжево-алым пламенем и неистово извергающего

чёрный дым навстречу голодным тучам. Война подкралась к Андору в ночной тиши. Беженцы, стремящиеся сюда, скоро обнаружат, что шли навстречу опасности. И неудивительно — опасность теперь была повсюду. Единственным способом не идти ей навстречу было оставаться на месте.

По пути на север ветер пролетел мимо отчаявшихся людей, сидящих на обочинах дорог поодиночке или небольшими группами. Одни лежали, ослабев от голода, глядя на рокошующие, бурлящие тучи. Другие шли вперёд, навстречу неизвестности. На север — на Последнюю Битву, что бы это ни

значило. В Последней Битве не было надежды. Последняя Битва означала смерть. Но там следовало быть, туда нужно было идти.

В вечерней дымке далеко к северу от Кэймлина ветер достиг большого скопления людей. Широкое поле раскинулось среди лесов, и на нём, словно опята на гниющем бревне, теснились палатки и шатры. У лагерных костров ожидали своего часа десятки тысяч солдат, и не без их помощи лес вокруг лагеря быстро редел.

Ветер пронёсся меж солдат, бросая дым от костров им в лица. В отличие от беженцев, они не выглядели отчаявшимися, но всё же

нечто внушало им ужас. Они видели истстрадавшуюся землю, гнетущие тучи над головой. Они знали.

Мир умирал. Солдаты сидели, уставившись на пламя, наблюдая, как огонь пожирает дерево. То, что некогда было живым, уголёк за угольком превращалось в пепел.

Несколько человек осматривали доспехи, которые начали ржаветь несмотря на то, что были хорошо смазаны. Группа Айил в белых одеждах носила воду — бывшие воины отказались вновь взять в руки оружие, хотя они уже исполнили свой тох. Кучка испуганных слуг, уверенных, что завтра разразится война между Белой Башней и

Драконом Возрождённым,
обустряивала хранилища внутри
терзаемых ветром шатров.

С уст мужчин и женщин в
темноте то и дело срывались горькие
слова правды: «Это конец. Всё
кончено. Всё сгинет. Конец».

Громкий смех разорвал тишину.

Из большого шатра в центре
лагеря струился тёплый свет, ярко
разливаясь вокруг откидного полога
и выплескиваясь из-под его бортов.

Внутри палатки Ранд ал'Тор —
Дракон Возрождённый, — смеялся,
запрокинув голову.

— Так что же она сделала? —
поинтересовался Ранд, когда смех его
стих. Он налил себе кубок красного

вина, затем еще один для Перрина, которого такой вопрос вогнал в краску.

"А он стал жестче," подумал Ранд, — "но так или иначе не растерял свое прежнее простодушие. По крайней мере, не полностью." Ранду это казалось невероятным. Подобное чудо можно было сравнить с форелью, у которой вдруг обнаружился жемчуг. Перрин обладал большой физической силой, но сила не развратила его.

— Да ты и сам знаешь, на что способна Марин. — Говорил Перрин. — Она ухитряется даже как-то на Кенна Буйе поглядывать так, будто ему, как ребенку, требуется

материнская забота. Наткнувшись на меня и Фэйли, лежащих на полу там, словно парочка глуповатых молодых людей... Ну, думаю, она оказалась перед выбором: то ли ей от души посмеяться над нами, то ли отправить нас на кухню мыть посуду... По отдельности, чтобы держать нас подальше от неприятностей.

Ранд улыбнулся, пытаюсь представить себе картину, где Перрин, дородный, крепко сбитый Перрин, ослаб настолько, что едва был способен ходить. Подобное казалось абсурдным. Ранд мог углядеть в рассказе своего друга некое преувеличение, но на честной

шевелюре Перрина никогда не замечалось ни единого лживого волоска. Странно было видеть, насколько сильно мог измениться человек, и оставить сущность свою при этом неизменной.

— Как бы то ни было, — произнес Перрин, сделав вначале глоток вина, — Фэйли подняла меня с пола и усадила на мою лошадь, и мы вдвоем гарцевали с важным видом. Я мало что сделал. Битву завершили без меня. А я даже чашку к губам не мог поднести, чтобы не испытать серьезные затруднения. — Он сделал паузу, и взгляд его золотистых глаз устремился вдаль. — Ты должен гордиться ими, Ранд. Без

Даниила, твоего отца и отца Мэта, без них всех, я бы не управился и с половиной того, что мне удалось совершить. Да что уж говорить, и с одной десятой тоже.

— Я не сомневаюсь в этом. — Ранд разглядывал свое вино. Льюс Тэрин в вине находил удовольствие. Часть же Ранда, стародавняя его часть или воспоминания человека, кем он когда-то был, выражала неудовлетворение относительно качества этого вина. Мало какие вина в современном мире могли состязаться по качеству с лучшими сортами выдержанных виноградных вин, производимых в Эпоху легенд. По крайней мере, ничего из того, что

он пробовал.

Он сделал небольшой глоток, а затем отставил бокал в сторону. За занавеской, отгораживающей другую часть шатра, по-прежнему спала Мин. Ранд проснулся от собственных сновидений и был рад, что Перрин своим приходом отвлек его от воспоминаний о них.

Майрин Эронайл... Нет. Он не позволил бы той женщине отвлечь себя. Возможно, именно такую цель и преследовал сон, который он только что видел.

— Прогуляйся со мной, — попросил Ранд. — К завтрашнему дню мне надо кое-что проверить.

Вдвоем они вышли в ночную

тému. Несколько дев тут же устремились следом за ними, когда Ранд направился к Себбану Балверу, чьими услугами он с разрешения Перрина временно пользовался. Такое положение вещей вполне устраивало Балвера, так как его, в свою очередь, словно магнит тянуло к тем, кто удерживал самую большую власть.

— Ранд? — спросил Перрин, шествуя возле него и придерживая одной рукой Мах'аллейнир. — Я ведь тебе раньше рассказал обо всем этом: об осаде Двуречья, о той битве... Почему ты расспрашиваешь меня об этом снова?

— Меня волновали

произошедшие события, Перрин. Меня интересовало, что тогда произошло, но не сами люди, попавшие в водоворот тех событий. — Он смотрел на Перрина, одновременно создавая шар света, с помощью которого он собирался разгонять мрак во время их ночной прогулки. — Я должен помнить о тех людях. Забывая о них, я слишком часто повторял одну и ту же ошибку.

Неугомонный ветер принес запах походных костров со стороны лагеря, разбитого по соседству Перрином. Оттуда также доносились отзвуки работы его кузнецов, занятых изготовлением оружия. Ранд слышал истории о вновь обретенном умении

ковать оружие при помощи Единой Силы. Посвятив работе все свое время, люди Перрина призывали двух его оборванных аша'манов так же не щадить себя и производить его как можно больше.

Ранд выделил ему столько аша'манов, сколько он мог себе позволить только потому, что едва узнав о такой возможности, на него стали во множестве напирать Девы, называющие себя и требующие вооружить их наконечниками копий, созданными при помощи Единой Силы. Нужны только они, Ранд ал'Тор, объяснила Берална. На всякий меч приходится четыре наконечника копья, которые могут

изготовить его кузнецы. При слове «меч» на ее лице появилась гримаса отвращения, как будто на вкус он был чем-то вроде морской воды.

Ранд никогда не пробовал морскую воду. Это Льюс Тэрин знал ее вкус. Когда-то подобные знания вызывали у него серьезный дискомфорт. Но теперь он научился воспринимать их, как неотъемлемую часть себя.

— Веришь ли ты, что все произошедшее с нами было реально? — полюбопытствовал Перрин. — О, Свет! Иногда я сам себе задаю вопрос, когда же, наконец, меня огорошит своим присутствием пронзительно

кричащий хозяин всей этой изысканной одежды с намерением отправить меня очищать конюшни от навоза, дабы я из грязи больше никогда не вылезал в князи.

— Колесо плетёт так, как желает Колесо, Перрин. Мы стали теми, кем должны были стать.

По мере того, как они продвигались вперед по тропинке между палаток, Перрин согласно кивал головой, а их путь освещал светящийся шар, парящий в воздухе над рукой Ранда.

— Как они...ощущаются? — спросил Перрин. — Воспоминания, которые ты приобрёл?

— У тебя когда-нибудь бывал

сон, который ты совершенно отчётливо помнил после пробуждения? Не такой, что тут же исчез, а тот, который бы оставался с тобой весь день?

— Да, — ответил Перрин со странной сдержанной интонацией. — Да, можно сказать, что у меня был такой сон.

— Тут нечто подобное, — сказал Ранд. — Я могу хранить в памяти всю прожитую жизнь Льюса Тэрина, могу вспоминать его деяния, точно так же, как любой человек иногда не может забыть свои поступки, совершенные им во сне. Мною они были исполнены, но нельзя безоговорочно сказать, что они мне

нравятся. И нет никаких оснований считать, будто я обязательно стал бы совершать подобные действия, находясь в трезвом уме и твердой памяти. Тем не менее, все это никак не отменяет то обстоятельство, что во сне они казались правильными.

Перрин кивнул.

— Он это я, — произнёс Ранд. — И я это он. Но в то же время — нет.

— Ну, ты всё ещё выглядишь похожим на себя, — сказал Перрин, хотя Ранд уловил небольшое колебание на слове «выглядишь». Перрин вместо него собирался сказать «пахнешь»? — Ты не настолько сильно изменился.

Ранд сомневался, что сможет объяснить всё Перину так, чтобы это не прозвучало безумием. Человек, которым он стал, когда принял мантию Дракона Возрождённого... это не было просто игрой или просто маской.

Он был тем, кем являлся. Он не изменился, не преобразился. Он просто это принял.

Однако это не означало, что у него имелись ответы на все вопросы. Хотя его мозг и разместил у себя четыреста лет чужих воспоминаний, ему по-прежнему приходилось беспокоиться о своих предстоящих планах. К сожалению, Льюс Тэрин не знал, как можно надёжно

запечатать Скважину в Узилище Темного. Его собственная попытка привела к катастрофе. Пятно Порчи и Разлом мира явились следствием заключения Темного в несовершенную тюрьму с помощью печатей, на данный момент уже ставших хрупкими.

Один ответ продолжал приходить Ранду на ум. Опасный ответ. Тот, который Льюс Тэрин не рассматривал.

Что, если ответом было не запечатывание Тёмного снова? Что, если ответом, окончательным ответом, было нечто другое? Нечто более постоянное.

«Да, — думал Ранд в сотый

раз. — Но возможно ли это?»

К этому моменту они достигли шатра, где трудились клерки Ранда. Девы Копья расположившись веером позади них, когда Перрин и Ранд входили внутрь. Явно припозднившись на своих рабочих местах, клерки, при появлении Ранда, не выглядели удивленными.

— Милорд Дракон, — произнес Балвер, деревянно кланяясь с того места, где он стоял: возле стола, заваленного картами и стопками документов. Этот весьма сухощавый невысокий человек нервно перебирал свои бумаги и из прорехи его необъятного кителя торчал шишковатый локоть.

— Докладывай, — сказал Ранд.

— Роэдран прибудет на встречу, — ответил Балвер тонким четким голосом. — Королева Андора уже послала за ним, обещая ему создать переходные врата с помощью своей Родни. Наши соглядатаи при его дворе сообщают, что он в ярости о того, что для своего перемещения ему требуется ее помощь, и все же он настаивает на своем непременном присутствии на этой встрече... хотя бы для того, чтобы не сложилось впечатления, будто бы его оставили не у дел.

— Замечательно, — произнёс Ранд. — Илэйн ничего не знает о твоих шпионах?

— Милорд! — с возмущением сказал Балвер.

— А ты установил, кто среди наших клерков занимается шпионажем в ее пользу? — поинтересовался Ранд.

Балвер фыркнул.

— Никто...

— Это лишь вопрос времени, когда кто-нибудь перейдет на ее сторону, — с улыбкой поведал ему Ранд. — В конце концов, именно она почти что научила меня, как сделать нечто подобное. Впрочем, это уже не важно. После завтрашнего дня все мои намерения станут очевидными для всех. И в тайнах отпадет надобность.

«Ни в одном, кроме тех, что я держу у самого сердца.»

— Значит, ради встречи здесь соберутся все, так? — спросил Перрин. — Все крупные правители? Тир и Иллиан?

— Амерлин уговорила их уделить нам внимание, — ответил Балвер. — У меня тут имеются копии их писем друг к другу, если вы, милорды, вдруг пожелаете с ними ознакомиться.

— Я хотел бы, — сказал Ранд. — Пришли их в мою палатку. Просмотрю их сегодня ночью.

Внезапно под ногами затряслась земля. Клерки подхватили стопки бумаг и попытались удержать их на

своих местах, вскрикивая всякий раз, когда мебель с грохотом падала на земляной пол шатра. Снаружи раздавались крики людей, едва различимые среди звона металла и треска ломающихся деревьев. Удаленным гулом земля выражала свое недовольство.

По ощущениям, Ранду все это напоминало болезненные судороги, которые обычно бывают при сведении мышц.

Небеса потряс удар далекого грома, словно предвестник надвигающихся событий. Затем подрагивание земли пошло на убыль. Тем не менее клерки по-прежнему держались за стопки своих бумаг и

не отпускали их. По-видимому, тем самым они предохраняли их от возможного обрушения.

«Она действительно уже здесь, — думал Ранд. — Я не готов — мы не готовы, — но в любом случае она уже здесь».

В течении многих месяцев он ждал пришествия этого дня. С той самой поры, когда ночью явились троллоки, с той самой поры, когда Морейн и Лан вытянули его из Двуречья, он боялся того, что должно прийти.

Последняя битва. И конец. Встречая их, он обнаружил, что в нем нет ни капли страха. Он волновался, но не был напуган.

"Я иду за тобой", подумал Ранд.

— Расскажите людям, — попросил Ранд клерков. — Развесьте предупреждения. Землетрясения будут повторяться. И бури. Настоящие землетрясения и ужасные бури. Произойдет Разлом, и мы не сможем избежать его. Темный попытается растереть этот мир в порошок.

Клерки закивали головами, при свете ламп обменявшись между собой быстрыми обеспокоенными взглядами. Перрин выглядел задумчивым, но и он слабо кивнул, как будто самому себе.

— Еще какие-нибудь новости есть? — осведомился Ранд.

— Королева Андора возможно сегодня ночью что-то затевает, милорд, — откликнулся Балвер.

— Слово «что-то» не очень хорошо живописует детали, — заметил Ранд.

Балвер поморщился.

— Прошу прощения, милорд, но у меня пока больше нет ничего, заслуживающего вашего внимания. Хотя есть вот эта записка, только что полученная мною. Королеву Илэйн недавно разбудили некоторые ее советники. К сожалению, у меня нет никого достаточно близкого к ней из ее окружения, чтобы разузнать причину.

Ранд начал хмуриться, возложив

руку на меч Ламана, висевший у него на поясе.

— Сие может означать всего лишь подготовку к завтрашнему дню, — промолвил Перрин.

— И то правда, — произнес Ранд. — Балвер, оповести меня, если вдруг обнаружишь что-нибудь стоящее. И спасибо тебе. Ты прекрасно тут со всем справляешься.

Услышав похвалу в свой адрес, этот человек стал казаться выше. В последние дни, столь темные дни, все люди подыскивали себе занятие, на поприще которого они могли бы принести пользу. Балвер был лучшим в своем деле, также как и уверенным в своих собственных способностях.

Однако напоминания о заслугах Балвера со стороны нанимателя отнюдь не вредили ему. В особенности, если нанимателем его был не кто иной, как Возрожденный Дракон.

Когда Ранд покинул шатер, Перрин последовал за ним.

— А ты ведь все-таки переживаешь, — сказал Перрин. — Что бы там мы не говорили, было нечто такое, из-за чего пришлось разбудить Илэйн.

— Они бы не подняли её без уважительной причины, — тихо ответил Ранд. — Учитывая её положение.

Она — беременна. И

беременная его детьми. О, Свет! А он только узнал об этом. Почему она сама не рассказала ему обо всем?

Ответ был прост. Илэйн могла ощущать эмоции Ранда так же, как и он ее. Она была бы в состоянии почувствовать, каким он был, например, недавно. В период, предшествующий Драконовой горе. И времена еще более отдаленные, когда...

Выходит, она решила не сталкивать его лицом к лицу с беременностью, когда он пребывал в таком состоянии. Кроме того, он не особо то облегчил поиски своей персоны.

И всё же это было потрясением.

Я собираюсь стать отцом, подумал он. И это будет не в первый раз. Да, у Льюса Тэрина были дети. Ранд мог вспомнить их, и любовь того к ним. Но сейчас речь шла о чем-то совсем другом.

Это он, Ранд Ал'Тор, станет отцом. Если, конечно, победит в Последней битве.

— Они не подняли бы Илэйн без серьезного на то основания, — возобновил он прерванный разговор. — Я беспокоюсь не из-за того, что там произошло, а из-за вероятности потенциальной распри. Завтра будет важный день. Если у Тени появится хотя бы слабое подозрение относительно важности

завтрашнего дня, она попытается использовать любую возможность, дабы помешать нашей встрече, и нашему дальнейшему объединению.

Перрин почесал свою бороду.

— Есть у меня люди из ближайшего окружения Илэйн. Люди, которые по моему приказу следят за наиболее важными событиями.

Ранд поднял руку.

— Так пойдем же и поговорим с ними. Мне сегодня ночью нужно переделать массу дел, а тут... Да! Я не могу позволить этому делу выскользнуть у меня из-под носа.

И все быстрее ускоряя шаги, двое друзей поспешили к лагерю

Перрина, расположенному неподалеку. Телохранители Ранда последовали за ними подобно теням с вуалями и копьями.

Ночь была чересчур тихой. Сидя в своей в палатке, Эгвейн писала письмо Ранду. Она пока не была уверена, следует ли его доставлять адресату, так как дело не выглядело настолько важным. Однако такая работа приводила в порядок ее мысли, помогая подобрать те слова, которые она хотела ему сказать.

Шелестя плащом стража, в палатку опять протиснулся Гавин. Его меч явно мешал ему свободно проникать внутрь.

— На этот раз ты намерен

остаться? — поинтересовалась у него Эгвейн, такая перо в чернильницу. — Или собираешься вернуться туда, откуда пришел?

— Мне не нравится эта ночь, Эгвейн. — Он оглянулся через плечо. — Такое ощущение, что с ней что-то не так.

— Готовясь к тому, что сулит день завтрашний, мир затаил дыхание, Гавин. — Ты послал за Илэйн, как я просила?

— Да. Но только вряд ли она проснется. Время уж больно позднее для нее.

— Мы это увидим.

Как раз перед самым его приходом посыльный доставил

небольшое свернутое письмо из лагеря Илэйн. Эгвейн его прочитала, а затем улыбнулась.

— Пошли, — бросила она Гавину, поднимаясь на ноги. Прихватив с собой всего несколько вещей, она произвела взмахи рукой, и, рассекая воздух, перед ними открылись переходные врата.

— Так мы собираемся туда перемещаться? — спросил Гавин. — Тут и пешком идти не далеко.

— Даже короткая прогулка предписала бы Амерлин призвать Королеву Андора к себе. Иногда мне не хочется предпринимать действия, которые вынудили бы людей задавать вопросы. — Пока Эгвейн

произносила эти слова, Гавин первым шагнул через врата и обследовал другую сторону.

Суан убила бы за такую способность, подумала Эгвейн, пройдя через врата. Насколько больше интриг могла бы сплести эта женщина, если бы умела посещать других так же быстро, тихо и просто?

На другой стороне врат у теплой жаровни находилась Илэйн. На королеве было надето платье светло-зеленого цвета, сквозь который еще сильнее проступал живот, выпуклый из-за растущих внутри него малышей. Она поспешила к Эгвейн и поцеловала ее кольцо. У одного из откидныхпологов палатки, скрестив

руки перед собой, стояла Бергитте, облаченная в широкие шаровары, небесно-голубого цвета и короткую красную куртку, через плечо которой она перекинула свою золотистую косу.

Бровь при виде своей сестры У Гавина поползла вверх.

— Признаться, удивлен, что ты не спишь.

— Я жду донесение, — ответила ему Илэйн, жестом предлагая Эгвейн составить ей компанию на паре стульев с мягкой обивкой, размещенных рядом с жаровней.

— Что-нибудь серьезное? — спросила у нее Эгвейн.

Илэйн нахмурилась.

— Джесамин забыла выйти со мной на связь из Кэймлина. Я оставила этой женщине "четкие" инструкции, чтобы она давала о себе знать через каждые два часа, а она по-прежнему где-то развлекается. О, Свет! Возможно, беспокоиться тут, собственно, и не о чем. Тем не менее, я попросила Серинию побывать в тех районах Перемещений и разведать там для меня обстановку. Надеюсь, ты не против.

— Тебе сейчас нужен отдых, — сложив руки на груди, промолвил Гавин.

— Спасибо большое за совет, — отозвалась Илэйн, — которым я

пренебрегу. Как до этого я проигнорировала Бергитте, рекомендовавшей мне то же самое. Мать, о чем ты хотела со мной поговорить?

Эгвейн передала ей письмо, над которым работала.

— Так оно Ранду? — осведомилась Илэйн.

— Ты смотришь на него несколько под другим углом, нежели я. Расскажи мне, что ты думаешь об этом письме. Может быть, я ему не стану его отсылать. Я пока еще не решила.

— Тон...повелительный, — отметила Илэйн.

— Ни на какой другой он,

кажется, не реагирует.

Потратив на чтение около минуты, Илэйн опустила письмо.

— Возможно, мы просто должны позволить ему поступать так, как он хочет.

— То есть, разбить печати? — опешила Эгвейн. — И выпустить Темного?

— Почему бы и нет?

— О, Свет! Илэйн!

— Так это ведь все равно произойдет, разве не так? — проронила Илэйн. — Темный попытается сбежать. Я это подразумеваю. Он и так уже практически свободен.

Эгвейн потеряла свои виски.

— Прикоснуться к этому миру или быть свободным — это две большие разницы. Во времена Войны Силы Темный по-настоящему так ни разу и не выпускался в этот мир. Касаться его он мог лишь через скважину в своем узилище, но ее повторно запечатали еще до того, как он мог сбежать. Если бы Темный проник в этот мир, то сломалось бы само Колесо Времени. Я принесла вот это, чтобы показать тебе.

Эгвейн вытащила из своей книжной сумки пачку исписанных бумаг. Эти листы были поспешно собраны библиотекарями Тринадцатого хранилища.

— Я не берусь утверждать, будто

бы нам нельзя ломать печати, — продолжила Эгвейн. — Я просто высказываю мнение, что мы не имеем права рисковать, соглашаясь с этим еще одним необдуманном планом Ранда.

В ответ Илэйн лишь с нежностью улыбнулась. О, свет! Да она же влюблена. "Так могу ли я на нее положиться? Или нет?" Как же тяжело стало с Илэйн разговаривать в последнее время. И это ее увлечение Родней...

— Мы, к сожалению, не нашли ничего относящегося к данному вопросу в твоей библиотеке — "тер'ангриале". — Статуя улыбающегося бородатого мужчины

едва не вызвала в Башне бунт, ибо каждой сестре захотелось прочитать те тысячи книг, которые в ней хранились. — Все эти книги, по-видимому, были написаны еще до того, как Скважина была распечатана. Они, конечно же, продолжают свои поиски, но эти записи содержат все, что мы могли собрать о печатях, узилище и Темном. Если мы сломаем печати в неподходящее время, я боюсь, это будет означать конец всему. Вот, прочти. — И она протянула страницу Илэйн.

— Это "Кариатонский Цикл"? — полюбопытствовала Илэйн. — «И иссякнет свет, и не

придет рассвет, и узник все плачет о доле своей». Узник — это Темный?

— Предполагаю, что да, — ответила Эгвейн. Пророчества никогда не бывают ясными. Ранд намерен вступить в Последнюю битву и тут же сломать печати, но эта идея никуда не годится. Мы стоим на пороге затяжной войны. Поэтому освобождение Темного в данный момент только усилит мощь Тени, а нас, наоборот, ослабит.

Если все же это надо будет сделать, а я ведь до сих пор не знаю, что так все и должно быть, то мы обязаны ждать до самого последнего момента. По крайней мере, мы просто обязаны вначале все обсудить.

Ранд был прав во многом, но и неправ тоже. Нельзя ему позволять подобные решения принимать в одиночку.

Илэйн, перебирала листки бумаги, пока не остановилась на одном из них.

— «И кровь его дарует нам Свет»... — Она водила по странице большим пальцем, словно погружившись в свои мысли. — «Служите Свету». Кто добавил эту запись?

— Это копия перевода Караэтонского цикла Термендэль, принадлежавшая Дониэлле Алайвин, — сказала Эгвейн. — Дониэлла делала свои собственные

заметки, и они были предметом практически такого же числа дискуссий, сколько случалось вокруг самих Пророчеств. Ты знаешь, она была Сновидицей. Единственная Амерлин, о которой нам это известно. До меня, во всяком случае.

— Да, это так, — согласилась Илэйн.

— Сестры, которые собрали для меня эти заметки, пришли к такому же выводу, что и я, — продолжила Эгвейн. — Может и придет еще время, чтобы сломать эти печати, но это произойдет не в самом начале Последней Битвы, чтобы там Ранд не замышлял. Мы должны дождаться подходящего момента, и так как я

являюсь Блюстительницей Печатей, это — моя прямая обязанность выбрать подобный момент. Я не стану рисковать нашим миром из-за какой-то очередной чрезмерно драматичной военной хитрости Ранда.

— В нем немало что есть от менестреля, — в голосе Илэйн опять зазвучала любовь. — Твой аргумент — достаточно убедительный, Эгвейн. Предоставь его Ранду и он выслушает тебя. Он хочет, чтобы все было хорошо, поэтому его можно переубедить.

— Мы это увидим. А пока я...

Внезапно Эгвейн почувствовала укол тревоги, исходящий от Гавина.

Быстро оглянувшись, она заметила, как он поворачивается в другую сторону. Снаружи раздавался цокот копыт. Слух у Эгвейн был не намного хуже, но слышать все, что твориться вокруг, вменялось в обязанность именно ему.

Эгвейн обняла Истинный Источник и призвала Илэйн сделать то же самое. Бергитте же успела откинуть пологи шатра и схватилась за меч.

Соскочившим с лошади гонцом оказалась измученная женщина с широко раскрытыми глазами. Она с ходу влетела в шатер, где ее тут же перехватили Бергитте и Гавин, не отступавшие от нее ни на шаг и

следившие за тем, чтобы она соблюдала дистанцию.

Она и не пыталась ее нарушать.

— Кэймлин подвергся нападению, Ваше Величество, — проговорила эта женщина, пытаясь отдышаться.

— Что?! — Илэйн вскочила на ноги. — Как? Неужели Джарид Саранд все-таки добился...

— Троллоки, — перебила ее посыльная. — Все началось с приходом сумерек.

— Такого не может быть! — воскликнула Илэйн, хватая женщину за руку и вытягивая ее из шатра. Эгвейн поспешила следом за ними. — Прошло уже более шести

часов, как наступили сумерки, — заявила она посланнице. — Почему до сих пор нам ничего не сообщили? И что произошло с Родней?

— Меня не извещали, моя королева, — ответила та. — Капитан Гайбон поручил мне привести Вас к нему без промедления. Он только что прибыл через врата.

Площадка для перемещений находилась неподалёку от платки Илэйн. Собралась толпа, но мужчины и женщины расступались перед Амерлин и королевой. За несколько минут они вдвоем уже достигли её.

Группа мужчин в окровавленных одеждах с трудом шли через

открытые врата, волоча за собой телеги, нагруженные новыми боевыми средствами Илэйн — драконами. Многие из этих людей, по-видимому, едва держались на ногах. Они насквозь пропахли дымом, а их кожа почернела от сажи. Нередко кто-нибудь из них внезапно падал, теряя сознание, когда солдаты Илэйн, пытаясь им помочь, отбирали у них телеги, которые, очевидно, все-таки полагалось тянуть лошадям.

Сериния Седай и несколько сильнейших женщин из Родни — Эгвейн не хотела думать о них, как о Родне Илэйн, — открыли поблизости другие переходные врата. Беженцы хлынули через них как воды

полноводной реки.

— Отправляйся, — обратилась Эгвейн к Гавину, сплетая свои собственные врата, ведущие в район перемещений неподалеку от лагеря Белой Башни. — Позови всех Айз Седай, кого мы сможем поднять среди ночи. Поговори с Брином, пусть подготовит своих солдат и разъяснит им, что они должны подчиняться приказам Илэйн. Направь их через врата в предместья Кэймлина. Мы намерены проявить единство с Андором.

Кивнув головой, Гавин погрузился в переходные врата. Эгвейн позволила ему завершить скольжение, а затем поспешила

занять свое место возле Илэйн: вблизи от скопления раненых и смущенных солдат. Еще одна женщина Родни — Сумеко, взяла на себя попечительство присматривать, чтобы первыми Исцеление получали наиболее серьезно пострадавшие люди.

Воздух пропитался запахом гари. Торопясь поскорее оказаться рядом с Илэйн, за одними из врат Эгвейн все же успела кое-что разглядеть мимоходом: охваченный пламенем Кэймлин.

"О, Свет! " Испытав сильное потрясение, она лишь на мгновение приостановилась, но затем заставила себя бежать дальше. Илэйн

разговаривала с Гайбоном — командующим Гвардии Королевы. Этот статный мужчина, казалось, едва держался на ногах, а количество красных кровяных пятен на его обмундировании и руках вызывало тревогу.

— Друзья Темного убили тех двух женщин, которых Вы оставили для отправки донесений, Ваше Величество, — сообщил он усталым голосом. — Еще одна погибла в бою. Но мы вернули себе драконов. Как только мы... мы вырвались... — Его явно что-то угнетало. — Как только мы вырвались через лаз в городской стене, так сразу же наткнулись на несколько отрядов наемников,

пробивавшихся вокруг города к воротам, которые продолжал удерживать лорд Талманес. По случайному стечению обстоятельств эти люди оказались достаточно близко от нас, чтобы помочь нам спастись.

— Вы хорошо справились, — произнесла Илэйн.

— Но город же...

— Вы славно потрудились, — повторила Илэйн уже с твердостью в голосе. — Не вы ли возвратили драконов и спасли всех этих людей? Я прослежу, чтобы тебя вознаградили за это, капитан.

— Отдайте вашу награду людям этого Отряда, Ваше Величество. Это

была их работа. И еще, будьте добры, если у Вас есть хоть какая-то возможность чем-то помочь лорду Талманесу... Он указал рукой на павшего в бою человека, которого как раз несли через врата несколько членов Отряда.

Илэйн встала рядом с ним на колени, и к ней присоединялась Эгвейн. Кожа Талманес потемнела, словно от старости, поэтому сначала Эгвейн предположила, что он умер. Но затем он вдруг произвел резкий вдох.

— О, Свет! — воскликнула Илэйн, ища внутри его распростертого тела. — Я никогда не видела ничего подобного.

— Клинки кузниц Такан'дара, — сообщил Гайбон.

— Здесь мы бессильны, — объявила Эгвейн королеве, поднимаясь на ноги. — Я... — Она умолкла, уловив за стонами солдат и скрипами телег кое-что еще.

— Эгвейн? — тихо напомнила о себе Илэйн.

— Окажи ему всю посильную помощь, — произнесла Эгвейн, собираясь немедленно покинуть ее. Протиснувшись сквозь растерянную толпу, она поспешила туда, где ей слышался тот голос. Было в нем что-то... Да, это "там". На краю платформы она обнаружила открытые ворота, откуда торопливо

выходили Айз Седай, облаченные в самые различные одежды. Они стремились поскорее увидеть раненых. Гавин хорошо выполнял свою работу.

Найнив, довольно громко, требовала показать ей того, кто руководил этой артелью. Эгвейн подобралась к ней сбоку и схватила ее за плечо, застав врасплох.

— Мать? — вытаращила глаза Найнив. — О чем это вокруг толкуют, будто Кэймлин горит? Я...

Она запнулась и остолбенела, увидев раненых. Но затем попыталась пройти к ним.

— Здесь есть тот, кого ты должна осмотреть первым, —

заявила Эгвейн, подводя ее туда, где лежал Талманес.

Найнив тяжело вздохнула, а затем встала на колени, аккуратно отпихнув Илэйн в сторону. Искательским методом она стала осматривать Талманеса, но потом застыла, широко раскрыв глаза.

— Найнив? — окликнула ее Эгвейн. — Так ты можешь...

Найнив внезапно разразилась "взрывом" плетений, будто солнечный свет пробился из-за туч. Из Пяти стихий она сплела сияющий столб и, направляя его, опустила в тело Талманеса.

Эгвейн оставила её за работой. Возможно, этого будет достаточно,

хотя казалось, что он был на полпути к смерти. Если будет на то воля Света, Талманес выживет. В прошлом он произвёл на неё впечатление. Он выглядел именно тем человеком, в котором нуждался Отряд — и Мэт.

Илэйн находилась возле драконов и расспрашивала женщину с волосами, заплетенными в мелкие косички. Это, должно быть, Алудра — создательница драконов. Эгвейн подошла к оружию и положила пальцы на один из длинных бронзовых стволов. Конечно же, она была наслышана о них. Кто-то утверждал, что они напоминали Айз Седай, отлитых из металла, и

использующих в качестве зарядов порох фейерверков.

Через переходные врата прибывало все больше и больше беженцев, среди которых было много горожан.

— О, Свет! — сказала Эгвейн сама себе. — Их слишком много. Мы не можем разместить всех покидающих Кэймлин лишь на одном Меррилорском поле,

Закончив разговор, Илэйн оставила Алудру проверять фургоны. Казалось, та женщина не желала этой ночью спать и отложить осмотр до утра. Илэйн же направилась к вратам.

— Солдаты полагают, что район

врат вне города надежно защищен, — уведомила она Эгвейн, проходя мимо. — Я намереваюсь переместиться туда и взглянуть.

— Илэйн... — позвала Бергитте, будто вырастая из-под земли позади нее.

— Мы должны! Идём.

Эгвейн решила не принимать участия в новой затее королевы, и стала опять наблюдать за текущей работой. Романда вызвалась руководить Айз Седай и, систематизируя пострадавших, стала разделять их на группы в зависимости от срочности, с которой им требовалось Исцеление.

Во время обзора царящей вокруг

неразберихи, Эгвейн вдруг заметила пару людей, стоящих неподалеку: мужчину и женщину. С виду — иллианцев.

— Что вам двоим тут надо?

Женщина преклонила перед ней колени. Она была светлокожей и темноволосой и, судя по ее лицу, обладала твердым характером, несмотря на высокий рост и хрупкое телосложение.

— Я Лейлвин, — заявила она с акцентом, который невозможно было спутать ни с каким другим. — Я сопровождала Найнив Седай, когда прозвучал призыв к Исцелению. Мы сопровождали ее сюда.

— Так ты шончанка, —

произнесла Эгвейн с тревогой в голосе.

— Я пришла, чтобы служить тебе, Престол Амерлин.

Шончанка. Эгвейн по-прежнему удерживала Единую силу. О, Свет! Не все Шончан, с кем ей приходилось встречаться, представляли для нее угрозу. Тем не менее, она решила не рисковать. Как только из одних переходных врат вышли несколько гвардейцев Башни, Эгвейн тут же указала пальцем на пару Шончан.

— Отведите их куда-нибудь в безопасное место и не оставляйте их без присмотра. Я займусь ими позже.

Солдаты закивали головами. Мужчина пошел неохотно, но

женщина проявила большую готовность. Она была не способна направлять Силу, поэтому не могла быть вольноотпущенной "дамани"-. И все же это не означало, что она не могла вдруг оказаться "сул'дам".

Эгвейн вернулась к Найнив, все еще стоявшей на коленях возле Талманеса. Болезнь от него отступила, но кожа его теперь стала бледной.

— Заберите его куда-нибудь, где бы он смог отдохнуть, — устало проговорила Найнив нескольким бойцам Отряда, дежурившим неподалеку. — Я сделала все, что в моих силах.

Как только мужчины унесли его,

она подняла глаза на Эгвейн.

— О, Свет! — прошептала Найнив. — Это истощило мои силы... даже с моим "ангриалом". Меня поразило, что и Морейн сумела проделать тоже самое с Тэмом, еще в те времена... — Казалось, в ее голосе еле уловимо прозвучала нотка гордости.

Она хотела исцелить Тэма, но у ней не получилось. Хотя, конечно, Найнив сама не понимала, что именно она тогда делала. С тех пор она прошла долгий, долгий путь.

— Так это правда, Мать? — спросила Найнив, поднявшись с колен. — Насчет Кэймлина?

Эгвейн кивнула.

— Это будет долгая ночь, — сказала Найнив, глядя на раненых, поток которых сквозь ворота по-прежнему не иссякал.

— А завтра ещё более долгий день, — произнесла Эгвейн. — Сейчас давай соединимся. Я одолжу тебе свою силу.

Найнив выглядела поражённой.

— Мать?

— В Исцелении ты сильнее меня. — Эгвейн улыбнулась. — Я может быть и Амерлин, Найнив, но я продолжаю оставаться Айз Седай — слугой всего сущего. Мой запас сил ещё пригодится тебе.

Найнив кивнула, и они образовали круг. Обе

присоединились к группе Айз Седай, которую Романда создала для Исцеления беженцев с самыми тяжёлыми ранами.

— Фэйли создала для меня сеть глаз-и-ушей, — сказал Ранду Перрин, пока они оба торопливо шли в его лагерь. — Она может быть с ними сегодня. Но предупреждаю, не уверен, что ты ей нравишься.

«Глупо было бы, если б я ей нравился, — подумал Ранд. — Скорее всего она знает, что я от тебя потребую прежде, чем это закончится.»

— Кажется, — произнёс Перрин, — она довольна тем, что мы с тобой знакомы. В конце концов,

Фэйли кузина королевы. Думаю, она всё же беспокоится из-за того, что ты можешь сойти с ума и навредить мне.

— Безумие уже пришло, — сказал Ранд, — и я взял его под контроль. В том, что касается причинения вреда, она вероятно права. Сомневаюсь, что я сумею не ранить тех, кто меня окружает. Это было тяжёлым уроком.

— Ты намекаешь, что сошел с ума, — ответил Перрин, снова положивший руку на молот. Он носил его на боку, несмотря на размер; ему определённо надо было придумать для молота специальные ножны. Удивительная работа. Ранд

всё хотел спросить, был ли он из того выкованного с помощью Силы оружия, которое делали его Аша'маны. — Но Ранд, на мой взгляд ты совершенно нормален.

Ранд улыбнулся, и на краю его сознания возникла мысль.

— Я безумен, Перрин. Мое сумасшествие в этих воспоминаниях и намерениях. Льюс Тэрин пытался взять верх. Я был двумя людьми, которые боролись за контроль надо мной. И один из них был совершенно безумен.

— О, Свет! — прошептал Перрин. — Звучит жутко.

— Приятного мало. Но...вот в чём дело, Перрин. Я всё больше

уверяюсь, что мне была необходима эта память. Льюс Тэрин был хорошим человеком. "Я" был хорошим человеком, но что-то пошло не так — и я стал слишком высокомерным, решил, что смогу сам со всем справиться. Мне надо было об этом вспомнить; если бы не сумасшествие...без этих воспоминаний я мог бы снова взвалить всё на себя одного.

— Так ты собираешься работать вместе с остальными? — спросил Перрин, глядя туда, где располагался лагерь Эгвейн и Белой Башни. — Ужасно похоже на то, что армии здесь собрались ради битвы друг с другом.

— Я сделаю так, чтобы Эгвейн поняла, — сказал Ранд. — Я прав, Перрин. Нам надо разбить печати. Не понимаю, почему она отказывается.

— Она — Амерлин, теперь. — Перрин почесал подбородок. — Она является Блустительницей печатей, Ранд. Это ее обязанность следить за тем, чтобы с ними ничего не случилось.

— Так оно и есть. Поэтому мне надо убедить ее, что мои планы относительно них составлены верно.

— Ты уверен насчет того, чтобы сломать их, Ранд? — спросил Перрин. — Абсолютно уверен?

— Вот скажи мне, Перрин. Если металлический инструмент или

оружие разбивается вдребезги, можешь ты его опять склеить воедино и заставить работать должным образом?

— Ну, вообще-то можно, — отозвался Перрин. — Но лучше так не делать. Ведь структура стали... ну, полностью перековать — это почти всегда лучше. Расплавить и начать с нуля.

— Здесь похожая ситуация. Печати расколоты словно меч. Мы не можем просто взять и залатать эти обломки. Из этого ничего не выйдет. Мы должны удалить эти осколки и создать что-нибудь новое, что могло работать вместо них. Что-то лучшее.

— Ранд, — произнес Перрин, —

это самое разумное из того, что кто-либо говорил на эту тему. Эгвейн ты объяснял это также как и мне?

— Но она же не кузнец, друг мой, — улыбнулся Ранд.

— Она сообразительная, Ранд. Сообразительнее любого из нас. Она поймёт, если ты ей доходчиво все объяснишь.

— Будет видно, — изрек Ранд. — Завтра.

Перрин остановился, и его лицо озарилось светом шара, созданного Рандом с помощью Единой Силы. Его лагерь и без группировки Ранда, вмещал в себя войско, не уступающее по силе любому другому на этом поле. Ранду по-прежнему казалось

невероятным, что Перрин собрал столь многих, включая — подумать только! — белоплащников. «Глаза и уши» Ранда заявляли, что всякий человек в лагере Перрина считался преданным ему. Даже находящиеся при нем хранительницы мудрости и Айз Седай чаще предпочитали делать то, что Перрин говорит, а не наоборот.

Несомненно — как ветер или небо, — Перрин стал королём. Не таким как Ранд — королём для своих людей, живущим среди них. Ранду такой путь не подходил. Перрин мог оставаться человеком. Ранд ещё на некоторое время должен был быть чем-то большим. Символом, силой,

на которую каждый мог положиться.

Это ужасно утомляло. Не только физически, усталость была глубже. Быть тем, в ком нуждались люди, изнуряло, подтачивало его так же, как река — гору. В итоге река всегда побеждала.

— Я поддерживаю тебя, Ранд, — сказал Перрин. — Но мне надо, чтобы ты пообещал, что не позволишь начаться борьбе. Я не стану сражаться с Илэйн. Ещё хуже будет выступить против Айз Седай. Мы не можем позволить себе ссор.

— Сражения не будет.

— Пообещай мне, — лицо Перрина стало настолько твёрдым, что, казалось, об него можно было

сломать камень. — Дай мне слово, Ранд.

— Обещаю, друг мой. На Последнюю битву я поведу вас объединившимися.

— Так и сделай. — Перрин вошёл в лагерь, кивая часовым. Оба двуреченцы — Рид Солен и Керт Вагонер. Они поприветствовали Перрин, затем перевели взгляд на Ранда и несколько неловко поклонились.

Рид и Керт. Он был знаком с ними обоими — Свет, он смотрел с почтением на них, когда был ребёнком, — но Ранд уже привык к людям, которых он знал и которые относились к нему как к чужаку.

— Милорд Дракон, — сказал Керт. — Неужто мы... в смысле... — Он сглотнул и посмотрел на небо, на тучи, которые кажется сползались к ним, несмотря на присутствие Ранда. — Скверно выглядит, да?

— Бури часто бывают скверными, Керт, — ответил Ранд. — Но двуреченцы переживут их. Снова, как и прежде.

— Но... — опять начал Керт. — Это плохо выглядит. Испепели меня Свет, так оно и есть.

— Будет так, как сплетёт Колесо, — произнёс Ранд, глядя на север. — Мир, Керт, Рид, — тихо сказал он. — Почти все Пророчества исполнились. Этот день был

предсказан, и испытания для нас известны. Мы не встретим их неподготовленными.

Ранд не обещал, что они победят или выживут, но оба мужчины выпрямились и закивали с улыбкой. Людям нравилось знать, что существует план. Весть о том, что есть кто-то, кто всем управляет, была лучшей поддержкой, какую Ранд им мог предложить.

— Хватит докучать Лорду Дракону со своими вопросами, — сказал Перрин. — Убедитесь, что этот пост хорошо охраняется — и никакого сна, Керт, и никакой игры в кости.

Оба снова отдали честь, когда

Перрин и Ранд прошли в лагерь. Он был приветливей, чем все остальные, расположенные на поле. Походные костры казались чуть ярче, смех немного громче. Так, словно каким-то образом народ Двуречья принёс с собой дом.

— Ты отлично ими руководишь, — тихо сказал Ранд, быстро идущий позади Перрина, который кивал сидевшим снаружи.

— Им не должны быть нужны мои указания, что делать, вот и всё. — Однако, когда в лагерь прибежал посыльный, Перрин сразу же вернулся к своим обязанностям. Он назвал худого парня по имени, и заметив, что у того от страха перед

Рандом кровь прилила к лицу и задрожали ноги, отвёл его в сторону, где тихо, но твёрдо расспросил мальчишку.

Перрин отослал парня на поиски леди Фэйли, после чего вернулся.

— Мне вновь надо поговорить с Рандом.

— Ты с ним и говоришь...

— Мне нужен настоящий Ранд, а не человек, который научился говорить как Айз Седай.

Ранд вздохнул.

— Это действительно я, Перрин, — возразил он. — Я стал самим собой так, как не был целую вечность.

— Ну, ладно, мне не нравится разговаривать с тобой, когда ты скрываешь свои чувства.

Проходившая мимо группа двуреченцев отсалютовала им. Ранд внезапно почувствовал укол холодного одиночества при виде этих людей, понимая, что он больше никогда не станет одним из них. Это было самое сложное с двуреченцами. Но ради Перрина он позволил себе немного расслабиться.

— Так в чём дело? — спросил он. — Что сказал посланник?

— Ты был прав, что забеспокоился, — ответил Перрин. — Ранд, Кеймлин пал. Кишит троллоками.

Лицо Ранда окаменело.

— Ты не удивился, — сказал Перрин. — Ты взволнован, но не удивлён.

— Нет, — признал Ранд. — Я предполагал, что они ударят на юге — слышал о тамошних троллоковых шпионах, и я почти уверен, что это дело рук Демандредра. Без армии ему всегда было неуютно. Но Кеймли... да, умный ход. Как я говорил, они попытаются отвлечь нас. Если им удастся разделить Андор и оттянуть её силы, мой союз станет весьма шатким.

Перрин посмотрел в сторону лагеря Илэйн, разбитого рядом с лагерем Эгвейн.

— Но разве для тебя не будет удобней, если Илэйн уйдёт? В этом противостоянии она на другой стороне.

— Нет другой стороны, Перрин. Есть только одна, с разногласиями относительно того, что делать дальше. Если Илэйн не будет частью встречи, это подорвёт всё, чего я пытаюсь достигнуть. Она, вероятно, самая могущественная из правителей.

Разумеется, Ранд мог чувствовать её через узы. Всплеск тревоги от неё дал знать, что и она получила это сообщение. Должен ли он пойти к ней? Наверно, ему стоило послать Мин. Она уже встала и

двигалась прочь от палатки, где он её оставил. И...

Он моргнул. Авиенда. Она была здесь, на поле Меррипор. Но ведь её тут не было пару минут назад? Перрин перевёл взгляд на него, но Ранд и не подумал стереть с лица удивление.

— Мы не можем позволить Илэйн уйти, — сказал Ранд.

— Даже ради защиты своей родины? — недоверчиво переспросил Перрин.

— Если троллоки уже взяли Кеймлин, Илэйн ничего значимого не сделает. Её силы сосредоточатся на эвакуации. Илэйн не обязательно быть там, но она должна

присутствовать здесь. Завтра утром.

Как ему убедиться, что она останется? Илэйн, как и все женщины, плохо реагировала тогда, когда ей говорили, что делать, но если он намекнёт...

— Ранд, — сказал Перрин, — что если мы пошлём Аша'манов? Всех? Мы могли бы сразиться за Кеймлин.

— Нет, — ответил Ранд, хотя слова ранили его. — Перрин, если город действительно захвачен — а я отправлю людей, чтобы убедиться, — значит, он потерян. Слишком много сил уйдёт на то, чтобы отбить назад эти стены, по крайней мере сейчас. Мы не можем

допустить, чтобы коалиция распалась прежде, чем у меня будет шанс сплотить всех. Нас спасёт единство. Если все побегут тушить пожары у себя дома, тогда мы проиграем. Вот ради чего была эта атака.

— Полагаю, это возможно... — сказал Перрин, касаясь пальцами молота.

— Нападение должно было расстроить Илэйн, настроить её на активные действия, — размышлял Ранд, рассматривая десяток различных линий поведения. — Вероятно, так она скорее согласится с моим планом. Было бы неплохо.

Перрин нахмурился.

«Как быстро я научился использовать других.» Он научился смеяться. Научился принимать свою судьбу и встречать её с улыбкой. Он научился жить в мире с тем, кем он был и что сделал.

Это знание не удерживало от использования данных ему инструментов. Он нуждался в них всех. Разница была в том, что теперь он видел в них людей, а не просто средства для достижения цели. Так он себе говорил.

— Всё же я считаю, мы должны сделать что-нибудь, чтобы помочь Андору, — сказал Перрин, почёсывая бороду. — Как думаешь они туда пробрались?

— Через Пути, — рассеяно ответил Ранд.

Перрин хмыкнул.

— Ну, ты упоминал, что троллоки не способны пользоваться переходными воротами. Могли они как-то это исправить?

— Во имя Света, надеюсь, что нет, — сказал Ранд. — Единственными Отродьями, которые спокойно проходили через ворота, были голамы, а Агинор не был так глуп, чтобы сделать больше нескольких штук. Нет, я поставлю всю удачу Мэта на то, что это кеймлинские Пути. Я думал, она держала их под охраной!

— Если дело в кеймлинских

Путях, кое-что можно
предпринять, — произнёс
Перрин. — Нельзя позволить
троллокам буйствовать в Андоре;
если они покинут Кеймлин, то
окажутся у нас за спиной, а это
катастрофа. Но если они соберутся в
одном месте, мы сумеем остановить
их вторжение, напав на них там.

Ранд усмехнулся.

— Что тут весёлого?

— У меня по крайней мере есть
оправдание, почему я знаю и
понимаю такие вещи, которые
должны быть недоступны паре
юнцов из Двуречья.

Перрин фыркнул.

— Иди и прыгни в Винный

ручей. Ты действительно думаешь, что это Демандред?

— Именно это он и попытался бы сделать. Раздели своих врагов, а затем раздави их по одному за раз. Одна из старейших стратегий в военном искусстве.

Демандред сам обнаружил её в старых записях. Они ничего не знали о войне, когда каверна была впервые открыта. О, они считали, что всё поняли, но это были знания учёного, закопавшегося в древние пыльные книги.

На фоне всех обратившихся к Тени предательство Демандреда казалось наиболее прискорбным. Человек, который мог бы стать

героем. Который должен был стать героем.

«И в этом тоже есть моя вина, — подумал Ранд. — Если бы я чаще предлагал руку, а не насмешку, если бы чаще поздравлял с победами, а не соперничал. Если бы я был таким человеком, которым теперь стал...»

Уже не важно. Он должен связаться с Илэйн. Лучше всего направить помощь для эвакуации города, Аша'манов и верных Айз Седай, чтобы те сделали ворота и освободили как можно больше людей — и убедились, что троллоки пока остаются в Кеймлине.

— Хорошо, думаю, эти твои

воспоминания хоть на что-то
сгодятся, — сказал Перрин.

— Хочешь знать, что у меня
упорно крутится в голове,
Перрин? — еле слышно спросил
Ранд. — Что заставляет дрожать как
от ледяного дыхания Тени? Порча,
которая свела меня с ума и подарила
воспоминания о прошлой жизни.
Они пришли как шёпот Льюса
Тэрина. Но безумие в том, что они
дали мне необходимую для победы
подсказку. Видишь? Если я одержу
победу, то именно порча станет
причиной поражения Тёмного.

Перрин тихо присвистнул.

«Искушение, — подумал
Ранд. — Когда я пытался сделать это

в прошлый раз, моё безумие погубило нас.»

«В этот раз оно нас спасёт.»

— Иди к жене, Перрин — сказал Ранд, взглянув на небо. — Это последняя ночь, хоть немного напоминающая мир, которая у тебя будет до самого конца. Я разузнаю, насколько плохи дела в Андоре. — Он снова перевёл взгляд на друга. — И не забуду своего обещания. Прежде всего должно быть единство. В прошлый раз я потерпел неудачу, потому что пренебрёг им.

Перрин кивнул, затем положил руку Ранду на плечо.

— Да пребудет с тобой Свет.

— И с тобой, мой друг.

Глава 2

Выбор Айя.

Певара изо всех сил пыталась не выдать своего ужаса. Знай эти Аша'маны её получше, они бы догадались, что сидеть спокойно и молчать — не в ее характере. И лишь в таких вот ситуациях она обращалась к простейшему упражнению Айз Седай по восстановлению душевного равновесия.

Она заставила себя подняться.

Канлер и Эмарин отошли проверить двуреченских парней и убедиться, что те передвигаются по территории парами. Певара и Андрол снова остались одни. Он спокойно чинил свои кожаные ремни, пока снаружи продолжал идти дождь. Андрол использовал сразу две иглы, чтобы делать стежки, продевая их в отверстия с обеих сторон. Мужчина обладал сосредоточенностью искуснейшего мастера.

Певара подошла, заставив его резко поднять взгляд, когда она оказалась рядом. Певара подавила улыбку. По ней нельзя было этого сказать, но при необходимости она могла двигаться бесшумно. Певара

посмотрела в окно. Дождь усилился, сплошным потоком хлеща по стеклу.

— После стольких недель, когда казалось, что буря может разразиться в любой момент, она наконец пришла.

— Те тучи в конце концов разойдутся, — сказал Андрол.

— Дождь кажется неестественным, — заметила она, сцепив руки за спиной. Певара чувствовала холод через стекло. — Он не меняется — не ослабевает и нарастает, — всё такой же постоянный поток. Множество молний, но очень мало грома.

— Думаешь, это 'то самое'? — спросил Андрол. Ему не надо было

уточнять, что 'то самое' значит. Ранее на этой неделе обычные люди в Башне — не Аша'маны, — начали вспыхивать пламенем. Просто... оказывались объята огнём... необъяснимым образом. Они потеряли около сорока человек. Многие до сих пор продолжали обвинять ненормальных Аша'манов, хотя мужчины клялись, что никто поблизости не направлял.

Она покачала головой, наблюдая за группой устало тащившихся по грязной улице людей. Певара была одной из тех, кто первыми назвал смерти работой сошедших с ума Аша'манов. Теперь она признала, что эти случаи и прочие странности —

нечто намного худшее. Мир распадался. Она должна была быть сильной.

Певара сама разработала план, чтобы убедить женщин связать этих мужчин, хоть и предложила его Тарна. Нельзя позволить им узнать, сколько тревоги вызывало то, что она оказалась здесь в ловушке, напуганная врагами, способными обратить человека к Тени. А её единственными союзниками остались мужчины, которых всего несколько месяцев назад она бы усердно преследовала и усмиряла без малейшего сожаления.

Она присела на стул, на котором ранее сидел Эмарин.

— Я хотела бы обсудить...план, который ты разрабатываешь.

— Не уверен, что я до сих пор придумал хоть что-нибудь, Айз Седай.

— Я могла бы внести несколько предложений.

— Не отказался бы их услышать, — сказал Андрол, сузив глаза

— Что не так? — спросила Певара.

— Те люди снаружи. Я не узнаю их. И...

Она оглянулась и посмотрела в окно. Единственный свет исходил от зданий, сиявших дождливой ночью редкими красно-оранжевыми

огнями. Прохожие всё ещё медленно двигались по улице, пропадая в темноте и появляясь в свете окон.

— Их одежда не намокла, — прошептал Андрол.

Певару пробрал озноб, когда она поняла, что тот прав. Человек, шедший впереди, носил широкополую, низко надвинутую шляпу, но она не мешала дождю и потокам воды. Ливень не тронул его деревенскую одежду, и ветер не колыхал платье женщины рядом с ним. Теперь Певара увидела, что один из молодых людей держал руку за спиной так, словно тянул за поводья навьюченный скот, но там не было никаких животных.

Певара и Андрол молча наблюдали, пока фигуры не ушли в ночь настолько далеко, что их нельзя было разглядеть. Видения мёртвых становились всё более и более частыми.

— Ты...говорила, что есть предложения? — голос у Андрола дрогнул.

— Я...да. — Певара оторвала взгляд от окна. — Таим до сих пор был сосредоточен на Айз Седай. Все мои сёстры уже обращены. Я последняя.

— Ты предлагаешь себя в качестве приманки!

— Они придут за мной, — сказала она. — Это вопрос времени.

Андрол дотронулся до кожаного ремня, выглядя удовлетворённым.

— Мы должны вытащить тебя отсюда!

— Вот как? — спросила она, подняв бровь. — Меня повысили до уровня девицы, нуждающейся в спасении? Очень храбро с твоей стороны.

Он покраснел.

— Сарказм? От Айз Седай? Вот уж не подумал бы, что услышу его.

Певара рассмеялась.

— Ох, Андрол. Ты действительно ничего о нас не знаешь, да?

— Честно? Нет. Я избегал подобных тебе большую часть своей

жизни.

— Ну, учитывая твои... врожденные способности, возможно, это было мудро.

— Раньше я не мог направлять.

— Но подозревал. Ты пришёл сюда, чтобы научиться.

— Мне было интересно — ответил он. — Нечто, чего прежде я не пробовал.

«Интересно, — подумала Певара, — это ли движет тобой, кожевник? Из-за этого ветер гонит тебя с места на место?»

— Подозреваю, — произнесла она, — что ты раньше никогда не пробовал прыгать с утёса. Тот факт, что ты чего-то ещё не делал, обычно

не должен становиться причиной это попробовать.

— Вообще-то я прыгал с утёса. С нескольких.

Она вопросительно подняла бровь.

— Морской народ так делает, — пояснил он, — прыгает в океан. Чем ты храбрее, тем более высокую скалу выбираешь. И ты опять сменила тему разговора, Певара Седай. В этом тебе нет равных. (

— Спасибо.

— Я же предложил, — сказал Андрол, подняв палец, — помочь тебе выбраться отсюда потому, что это не твоя битва. Потому, что ты не должна здесь погибнуть.

— Уверен, что это вовсе не потому, что ты хочешь поскорей отослать Айз Седай, не дав вмешаться в ваши дела?

— Я пришёл к ‘тебе’ за помощью, — произнёс Андрол. — Я не хочу от тебя избавляться. Я бы охотно тебя использовал. Однако если ты тут погибнешь, то из-за сражения, к которому не имеешь отношения. Это не честно.

— Позволь объяснить тебе кое-что, Аша'ман, — сказала Певара, откинувшись на спинку стула. — Это ‘моя’ битва. Захват Чёрной Башни Тенью приведёт к множеству ужасных последствий для Последней битвы. Я приняла на себя

ответственность за тебя и твоих людей. Так просто я не отступлю.

— Ты...взяла на себя ‘ответственность’ за нас? В смысле?

«Ох. Возможно, я не должна была этим делиться.» Тем не менее, если они собираются стать союзниками, ему, наверно, надо узнать.

— Чёрной Башне необходим руководитель, — объяснила она.

— Значит вот в этом цель связывания нас узами? — спросил Андрол. — Так нас можно...загнать в загон...как жеребцов, чтобы там объезжать?

— Не глупи. Разумеется, ты должен признать ценность опыта

Белой Башни.

— Сомневаюсь, что я так сделаю, — ответил Андрол. — С опытом приходит стремление придерживаться вашего образа действий и избегать новых впечатлений. Вы, Айз Седай, все считаете, что есть только один способ, которым можно делать те или иные вещи. Что ж, Чёрная Башня не будет вашей заботой. Мы можем позаботиться о себе.

— И вы тут до сих пор прекрасно справлялись, да?

— Это было несправедливо, — тихо сказал он.

— Скорее всего, — согласилась Певара. — Прости.

— Меня не удивляют твои мотивы, — сказал Андрол. — То, чем вы тут занимались, было очевидно даже для слабейших Солдат. У меня возник вопрос — почему из всех женщин Белая Башня послала именно Красных, чтобы связать нас?

— Кто бы подошёл лучше? Вся наша жизнь была посвящена тому, чтобы иметь дело с мужчинами, способными направлять.

— Ваша Айя обречена!

— Вот как?

— Вы существуете, чтобы
выслеживать мужчин-
направляющих, — сказал он. —
Чтобы усмирить их и убедиться, что
они...больше не являются

проблемой. Ну так Источник был очищен!

— Как вы утверждаете.

— Он ‘был’ очищен, Певара. Всё приходит и уходит, и Колесо вращается. Когда-то Источник был чист, поэтому когда-нибудь он опять должен стать чистым. Что и произошло.

— А то, как ты смотришь на тени, Андрол? Это признак чистоты? То, как Налаам бормочет на неизвестных языках? Думаешь, мы не замечаем такие вещи?

— У вашей Айя есть два варианта, — продолжал Андрол. — Вы можете по-прежнему охотиться на нас — игнорируя доказательство

чистоты Источника, которое мы предлагаем, — или вы можете отказаться от того, чтобы быть Красными.

— Вздор. Из всех Айя Красная должна быть вашими величайшим союзником.

— Вы существуете, чтобы уничтожить нас!

— Мы существуем, чтобы удостовериться, что способные направлять мужчины не навредят случайно себе или окружающим людям. Разве ты не согласен с тем, что это также цель и Чёрной Башни?

— Полагаю, это может быть её частью. Единственная цель, о которой мне говорили, заключалась в

том, что мы должны быть оружием для Дракона Возрождённого. Но не дать поранить себя хорошим людям, которые не подготовлены должным образом, тоже важно.

— Тогда мы можем объединиться вокруг этой идеи, не так ли?

— Мне бы хотелось поверить в это, Певара. Но я видел, как ты и твои сёстры смотрят на нас. Вы видите нас...как какие-то пятна, которые нужно отчистить, или как яд, разлитый по бутылкам.

Певара покачала головой.

— Если ваши слова — правда, и Источник чист, тогда изменения

‘будут’ происходить, Андрол. Красная Айя и Аша'маны со временем сблизятся ради общей цели. Я готова работать с вами здесь и сейчас.

— Сдерживать нас.

— ‘Вести’ вас. Пожалуйста, доверься мне.

Он изучал её в свете множества ламп, находившихся в комнате. Андрол на самом деле обладал искреннем лицом. Она понимала, почему остальные последовали за ним, хоть и слабейшим среди них. В нём была странная смесь страсти и смирения. Если бы только он не был одним из...ну, тем, кем он являлся.

— Хотел бы я поверить тебе, —

отвёл взгляд Андрол. — Должен признать, ты отличаешься от остальных. Совсем не похожа на Красную.

— Думаю, ты ещё узнаешь, что мы не похожи друг на друга сильнее, чем тебе кажется, — сказала Певара. — Есть множество причин, по которым женщина выбирает Красную Айя.

— Помимо ненависти к мужчинам.

— Если бы мы ненавидели их, пришли бы сюда, рассчитывая связать вас узами? — По правде говоря, это была уловка. Хотя сама Певара не испытывала ненависти к мужчинам, многие Красные

ненавидели их. Как минимум, относились с подозрением. Она надеялась это изменить.

— У Айз Седай иногда странные мотивы, — сказал Андрол. — Все об этом знают. В любом случае, в твоих глазах я вижу различие между тобой и многими другими сёстрами. — Он покачал головой. — Я поверю в то, что вы здесь ради помощи нам, не больше чем в то, что Айз Седай, которые охотились на мужчин-направляющих, действительно думали, что так им помогают. Не более, чем я верю в палача, который думает, что оказывает услугу преступнику, убивая его. Просто из-за того, что есть вещь, которую

необходимо сделать, люди, которые ею занимаются, не станут друзьями, Певара Седай. Прошу прощения.

Он вернулся к своей коже, работая в свете стоявшей рядом лампы.

Певара поняла, что ней нарастает раздражение. Она почти заполучила его. Ей нравились мужчины! Она частенько думала, что полезно было бы иметь Стражей. Неужели дурак не мог узнать протянутую через пропасть руку, увидев её? «Успокойся, Певара, — подумала она. — Ты ничего не добьёшься, если позволить гневу управлять тобой.» Этот мужчина ей был нужен на её стороне.

— Это будет седло, так? —
спросила она.

— Да.

— У тебя поразительные
стежки.

— Мой собственный метод, —
сказал он. — Помогает
предотвратить расползание прорех.
Думаю, они ещё и красиво выглядят.

— Хорошая льняная нить,
полагаю. Вощёная? Ты используешь
одинарный резец для этих отверстий
под шнуровку или двойной? Я плохо
рассмотрела.

Он настороженно взглянул на
неё.

— Ты знаешь кожевенное дело?

— От моего дяди, — ответила

Певара. — Он научил меня некоторым вещам и позволил работать в лавке, когда я была маленькой.

— Возможно, я встречал его.

Она замерла. Из всех комментариев Андролы, с помощью которых Певара так ловко управляла разговором, именно с этим она допустила ошибку, коснувшись темы, которую ей не хотелось обсуждать.

— Ну так где он живёт? — спросил Андрол.

— На окраине Кандора.

— Так ты кандорка? — удивился он.

— Конечно. Разве по мне не видно?

— Просто мне казалось, что я могу на слух определить любой акцент, — сказал он, туго затягивая пару стежков. — Я бывал там. Может быть, мы с твоим дядей знакомы.

— Он мёртв, — ответила Певара. — Убит Друзьями Тёмного.

Андрол замолчал.

— Мне жаль.

— Это случилось более ста лет назад. Я скучаю по своей семье, но сейчас они были бы уже мертвы, даже если б Друзья Тёмного их не тронули. Все, кого я знала дома, умерли.

— В самом деле, прими мои глубочайшие сожаления.

— Это давно в прошлом, —

произнесла Певара. — Я вспоминаю их с нежностью, не омрачённой болью. А что с твоей семьёй? Братья, сёстры? Племянницы и племянники?

— Всех понемногу, — ответил Андрол.

— Ты с ними видишься?

— Ты пытаешься увлечь меня дружеской беседой, чтобы доказать, что не чувствуешь рядом со мной неудобства. Но я видел, как вы, Айз Седай, смотрите на людей вроде меня.

— Я...

— Скажи, что не находишь нас омерзительными.

— Не думаю, что ваши способности должны быть...

— Мне нужен прямой ответ, Певара.

— Ну хорошо, прекрасно. Способные направлять мужчины меня очень беспокоят. Из-за вас у меня зуд по всему телу, и он становится тем сильнее, чем дольше я нахожусь тут, в вашем окружении. — Андрол закивал, удовлетворенный тем, что вытащил из неё признание. — Однако, — продолжила Певара, — так я себя чувствую потому, что это укоренилось во мне за десятки лет. То, что вы делаете — ужасно ненормально. Но сами по себе вы не вызываете у меня отвращения. Вы просто люди, которые стараются изо

всех сил, и, по-моему, это едва ли заслуживает омерзения. В любом случае, я готова преодолеть свои внутренние запреты ради общего блага.

— Полагаю, это лучшее, на что я мог рассчитывать. — Он оглянулся на залитые дождём окна. — Порчу очистили. Это больше не "ненормально". Я...хотел бы я просто всё тебе показать, женщина! — Андрол резко повернулся к ней. — Как насчёт одного из тех кругов, о которых ты упоминала?

— Ну, — ответила Певара, — разумеется, я никогда не создавала его с мужчиной-направляющим. Кое-

что я прочитала, прежде чем прибыть сюда, но большая часть того, что есть у нас в распоряжении, основана на слухах. Будь ты женщиной, я бы сказала, что тебе надо подойти к самой грани объятия Источника, а затем открыться мне и позволить соединиться с тобой.

— Ясно, — сказал он. — Тем не менее, ты не держишься за Источник.

Совершенно несправедливо, что мужчина мог сказать, когда женщина удерживала Силу и когда её отпускала. Певара обняла Источник, наполняя себя сладким нектаром саидар. Она потянулась к Андролу, чтобы соединиться с ним, так, как сделала бы это с женщиной. Она не

нашла ничего, за что можно было схватиться. Это совсем не напоминало обучение Принятых формированию круга. Там в большинстве случаев она могла почувствовать хоть что-то, но девушка сама должна была тянуться, а не отступать.

— Работает? — спросил Андрол.

— Нет, — сказала Певара. — Я надеялась, что из всего прочитанного о создании пары мужчина-женщина, именно эта вещь окажется неправдой.

— Какая именно?

— По какой-то причине в малом смешанном круге вести должен

мужчина.

Он взглянул на Певару, и та неохотно приготовилась соединиться, когда Андрол попросит. Вместо этого он ‘схватил’ её! Певару втянуло прямо в бурную связь — будто рывком за волосы. У него не было опыта, и приложенная им сила едва не заставила её застучать зубами. Что поразительно, он установил связь с первой попытки. Певара закрыла глаза, не позволяя себе сопротивляться — это бы разрушило круг, — но не смогла избежать момента полной паники. Она была связана с ‘мужчиной-направляющим’, с одним из самых страшных существ, когда-либо

известных в мире. Теперь же один из них полностью её контролировал.

Её сила текла сквозь неё, вливаясь в Андрола. Он задохнулся.

— Так много! — произнёс он. — Свет, ты сильна!

Она позволила себе улыбнуться. Связь принесла с собой вспышку осознания. Она могла чувствовать эмоции Андрола; он был напуган так же, как и Певара. Ещё он был... 'твёрдым'. Ей казалось, что связь с ним будет ужасной из-за его безумия, но она не ощущала ничего подобного. И... что 'это' было? Этот жидкий 'огонь', с которым он боролся как со змеей, пытавшейся его сожрать.

Она отпрянула. Саидин. Была ли та запятнана? Певара сомневалась, что могла бы ответить. Саидин была настолько отличной...такой чуждой. В обрывках отчётов из самых первых дней говорилось, что порча напоминает масляное пятно на поверхности реки. Ну, она могла видеть реку — больше похоже на поток, на самом деле. Видимо, Андрол был с ней честен — он не отличался особой силой. Она не чувствовала никакой порчи...но опять-таки, Певара не знала, на что обращать внимание.

— Интересно... — сказал Андрол. — Интересно, могу ли создать переходные врата с этой

силой.

— Перемещение в Чёрной Башне больше не работает.

— Знаю, — ответил он, — но меня не оставляет ощущение, что ворота прямо у меня на кончиках пальцев.

Певара взглянула на него, открыв глаза. В кругу она могла чувствовать его честность, но для создания врат требовалось много Единой Силы. По крайней мере женщинам. Андрол был на много порядков слабее, чем того требовало плетение. Нужен ли мужчинам для него другой уровень в силе?

Он вытянул руку, каким-то образом используя её силу так, что

она просачивалась сквозь его собственную. Певара не видела плетений, которые он создал, но чувствовала, как Андрол тянет Единую Силу через неё. Отделял ли он саидар, чтобы использовать его для укрепления своих плетений?

— Андрол, — попросила она, — отпусти меня.

— Это...потрясающе, — прошептал Андрол, взгляд у него был расфокусирован, когда он встал. — Вот на что это похоже — быть одним из тех, у кого высокий уровень в Силе?

Он зачерпнул у Певары ещё больше силы и направил её. Предметы в комнате стали

подниматься в воздух.

— Андрол! — Паника. Панику она почувствовала после того, как узнала, что её родители мертвы. Это ощущение ужаса не возвращалось к ней более ста лет — со времён испытания на шаль. Он контролировал её способность направлять. Полностью. Она начала задыхаться, пытаясь дотянуться до него. Певара могла использовать саидар не раньше, чем Андрол передал бы его обратно, зато он мог обратить силу против неё! Картина того, как он, используя её собственную силу, подвешивает Певару в воздухе, мелькнула у неё в голове. Она не могла разорвать связь.

Только он мог.

Внезапно он заметил, что происходит, его глаза расширились. Круг моментально исчез, и к Певаре вновь вернулась её сила. Без раздумий она бросилась вперёд. Это больше не повторится. Она будет контролировать! Плетение вырвалось из неё прежде, чем Певара поняла, что делает.

Андрол упал на колени, руки заметались по столу, смахивая инструменты и обрывки кожи на пол, когда его голова откинулась назад. Он выдохнул.

— Что ты сделала?

— Таим сказал, что мы можем выбрать любого из вас, —

пробормотала Певара, когда поняла, что натворила. Она связала его! В некотором смысле, как противовес тому, что он сделал с ней. Певара попыталась успокоить колотившееся сердце. Осознание его расцвело на краю её разума, наподобие того, что они почувствовали в кругу, но какое-то более личное, близкое.

— Таим чудовище, — прорычал Андрол. — Тебе об этом известно! Ты использовала его слова о том, что вы можете сделать, и связала меня без разрешения?

— Я...Мне...

Андрол стиснул челюсти, и Певара сразу же почувствовала нечто...чужеродное, нечто странное.

Вроде того, как смотришь сам на себя. Эмоции, которые она испытывала, всё время возвращались к ней. Её собственные, смешанные с эмоциями Андрола, до бесконечности. Певара увидела его жизнь в мгновение ока; он впитал её воспоминания. Она ахнула и упала на колени перед ним. Ощущение постепенно исчезало; не до конца, но оно поблекло. Это было похоже на заплыв через кипящую воду на сотню лиг, после которого только теперь начали возвращаться забытые воспоминания о том, каково было иметь нормальные ощущения.

— Свет, — прошептала Певара, — что это было? — Андрол

лежал на спине. Когда он упал? Он моргнул, глядя в потолок.

— Я видел, как один из них это делал. Некоторые Аша'маны связывают своих жён.

— Ты 'связал' меня? — испуганно спросила она.

Он с кряхтением перевернулся.

— Ты первая начала.

Она с ужасом поняла, что всё ещё чувствовала его эмоции. Его самого. Певара даже могла понимать часть того, что он думал — не настоящие мысли, а некоторое представление о них. Он был смущён, взволнован и... заинтересован. Его заинтересовал новый опыт! Дурак! Она надеялась,

что эти узы как-нибудь погасят друг друга. Чего не случилось.

— Мы должны прекратить это всё! — сказала Певара. — Я отпущу тебя! Обещаю! Просто...просто освободи меня!

— Я не знаю как, — ответил Андрол, поднимаясь и глубоко дыша. — Прости.

Он говорил правду.

— Круг был плохой идеей, — произнесла она.

Он предложил ей руку, чтобы помочь подняться на ноги. Певара встала сама, не приняв помощи.

— Полагаю, прежде, чем стать моей, это была ‘твоя’ плохая идея.

— Да, — признала она. — Не

первая, но, должно быть, худшая из всех. — Она села. — Нам надо это обдумать. Найти способ...

Дверь в его лавку со стуком распахнулась. Андрол развернулся, а Певара обняла Источник. Андрол рукой схватил резец как оружие. Он также ухватился за саидин. Она ощущала эту расплавленную силу внутри него. Слабо заметную — из-за недостатка у него таланта, — похожую на одинокую, небольшую струю магмы, но всё-таки пылающую и горячую. Она могла чувствовать его страх. Итак, для него это было то же самое, что и для неё. Удерживать Единую Силу было подобно тому, как впервые открываешь глаза — мир

наполнялся жизнью.

К счастью, ни оружие, ни Единая Сила не понадобились. В дверях стоял молодой Эвин, с его лица стекали капли дождя. Он закрыл дверь и поспешил к верстаку Андрола.

— Андрол! Это... — он замер, заметив Певару.

— Эвин, — сказал Андрол, — ты один.

— Я оставил Налаама наблюдать, — ответил он, глубоко дыша. — Это было важно, Андрол!

— Мы никогда не должны оставаться одни, Эвин, — сказал Андрол. — Никогда. Всё время в парах, независимо от срочности

вопроса.

— Я знаю, знаю! — воскликнул Эвин. — Прости, просто...новости, Андрол! — Он бросил взгляд на Певару.

— Говори, — произнёс Андрол.

— Велин и его Айз Седай вернулись, — ответил Эвин.

Певара почувствовала, как Андрол внезапно напрягся.

— Он...всё ещё один из нас?

Эвин удручённо покачал головой.

— Один их них. Возможно, как и Денира Седай. Я плохо её знаю, чтобы сказать наверняка. Велин точно. Его глаза теперь совсем чужие, и он служит Таиму.

Андрол застонал. Велин был с Логайном. У Андрола и остальных оставалась надежда на то, что, хоть Мазар и был захвачен, Логайн и Велин всё же были свободны.

— Логайн? — прошептал Андрол.

— Его тут нет, — сказал Эвин. — Но Андрол, Велин говорит, что Логайн скоро вернётся, он встречался с Таимом, и они уладили разногласия между собой. Велин обещает, что Логайн завтра придёт и докажет это. Вот и всё, Андрол! Мы должны признать это сейчас. Они его схватили.

Певара почувствовала согласие в Андроле и его ужас. Который

отражал её собственный.

Авиенда бесшумно шла через тёмные лагеря. Так много групп. Здесь, на Поле Меррилок, собралась по меньшей мере сотня тысяч человек. В ожидании, словно затаив дыхание перед великим прыжком.

Айил видели её, но к ним она не приближалась. Мокроземцы не замечали Авиенду, кроме Стража, который засёк её, когда она обходила лагерь Айз Седай. Тот был взбудораженным и оживлённым местом. Что-то произошло, хотя она уловила лишь обрывки. Где-то атаковали троллоки? Она услышала достаточно, чтобы определить, что

атака была в Андоре, в городе Кеймлине. Там беспокоились, что троллоки покинут город и станут неистовствовать по всей стране. Ей нужно было узнать больше. Будут ли копия танцевать сегодня ночью? Возможно, Илэйн могла бы поделиться с ней новостями.

Авиенда тихо двинулась прочь из лагеря Айз Седай. Бесшумно ходить в мокрых землях с их буйной растительностью представляло из себя совсем иную задачу, чем в Трёхкратной земле. Там сухой грунт часто был покрыт песком, который приглушал шаги. Здесь внезапно могла попасться сухая ветка, погребённая под влажной травой.

Она старалась не думать о том, какой мертвой выглядела трава. Когда-то она назвала бы эту бурую поросль пышной. Теперь она знала, что мокроземские растения не должны выглядеть настолько бледными и...и опустевшими. Пустые растения? О чём она только думает?

Она покачала головой и, двигаясь в тених, выбралась из лагеря Айз Седай. Она на краткий миг подумала о том, чтобы прокрасться обратно и удивить того Стража — он скрывался в покрытой мхом расщелине в развалинах старого рухнувшего здания и наблюдал за периметром лагеря Айз Седай, — но отказалась от идеи. Она хотела найти

до Илэйн и узнать у неё подробности о нападении.

Авиенда добралась до другого оживлённого лагеря, нырнула под голые ветви дерева — она не знала, что это за вид, но его ветки были широко раскинуты, — и проскользнула за охраняемый периметр. Пара мокроземцев в белом и красном стояли на часах возле костра. Они даже близко не были к тому, чтобы обнаружить её, хотя вскочили и направили копья в сторону зарослей в добрых тридцати футах от них, когда там зашуршало животное. Авиенда покачала головой и миновала их.

Вперед. Ей надо продолжать

двигаться вперед. Что делать с Рандом ал'Тором. Какие у него планы на завтра? Были и другие вопросы, которые она хотела задать Илэйн. Айил нуждались в смысле существования, раз Ранд Ал'Тор закончил с ними. После видений это стало очевидным. Она обязана найти способ дать им цель. Может быть, они должны вернуться в Трёхкратную землю. Но...нет. Нет! Это разрывало сердце, но ей пришлось признать, если Айил пойдут по такому пути, он приведёт их к могилам. Их смерть как народа не будет немедленной, но она случится. Меняющийся мир, с его новыми устройствами и новыми

способами ведения войны, обгонит Айил. И Шончан никогда не оставят их в покое. Из-за способных направлять женщин. Из-за армий, полных копий, которые могут вторгнуться в любой момент.

Приближался патруль. Авиенда набросала на себя немного опавшего бурого подлеска для маскировки, затем легла ничком рядом с мёртвым кустарником и замерла абсолютно неподвижно. Стража прошла в двух спанах от неё.

«Сейчас мы могли бы напасть на Шончан, — подумала она. — В моём видении Айил ждали почти поколение, прежде чем атаковать, тем самым позволив Шончан

укрепить свои позиции.»

Айил уже говорили о Шончан и противостоянии, которое неизбежно должно было случиться. Шончан приложат для этого все силы, шептались они. Не считая того, что в её видении прошли года, а Шончан не пытались атаковать. Почему? Что могло их сдерживать?

Авиенда поднялась и подкралась к дороге, которой ходила стража. Она достала нож и воткнула его в землю. Там она его оставила — рядом с лампой на шесте, где нож отчётливо увидели бы даже глаза мокроземцев. Потом Авиенда опять скользнула в ночь, скрываясь позади большого шатра, который и был её целью.

Она присела и занялась бесшумным дыханием, используя ритм, чтобы успокоиться. Из палатки доносились приглушённые, встревоженные голоса. Авиенда старалась не обращать внимания на то, о чём они говорят. Подслушивать было бы недостойно.

Дождавшись, пока патруль снова пройдёт мимо, Авиенда встала. Когда они закричали, найдя её кинжал, она проскользнула ко входу в шатёр. Там, избежав внимания отвлёкшихся на тревогу стражей, Авиенда откинула полог и шагнула в палатку прямо за их спинами.

Несколько человек сидели за столом на другом конце очень

просторного шатра, сгрудившись вокруг лампы. Они были так заняты разговором, что не заметили её, так что Авиенда опустилась рядом с подушками и стала ждать. Теперь, когда она находилась так близко, было очень сложно не слушать их.

— ...обязаны отправить наши силы назад, — рывкнул один из мужчин. — Падение столицы — это символ, Ваше величество. Символ. Мы не можем позволить себе потерять Кеймлин, иначе весь народ будет ввергнут в хаос.

— Вы недооцениваете силу людей Андора, — сказала Илэйн. Она выглядела полностью уверенной в себе, очень сильной, рыже-

золотистые волосы практически пылали в свете ламп. Некоторые из её военных командиров стояли позади, придавая встрече ощущение стабильности и силы. Авиенда была рада увидеть огонь в глазах своей первой сестры.

— Я побывала в Кеймлине, Лорд Лир, — продолжала Илэйн. — И оставила небольшой отряд солдат, чтобы они вели наблюдение и предупредили в случае, если троллоки покинут столицу. Наши шпионы через ворота проникнут в город и выяснят, где оставшиеся там троллоки держат пленников. А затем мы можем организовать спасательную операцию, если город

всё ещё будет в руках Отродий.

— Но сам город... — произнёс Лорд Лир.

— Кеймлин потерян, Лир — резко ответила Леди Дайлин. — Мы будем глупцами, если попытаемся сейчас предпринять какую-либо атаку.

Илэйн кивнула.

— Я посовещалась с остальными Верховными Опорами, и они согласны с моей оценкой. На данный момент беженцы в безопасности. Я послала их под охраной дальше, к Беломостью. Если внутри города есть выжившие, мы попробуем спасти их, используя Перемещение, но я не отправлю свои

силы в полноценную атаку на кеймлинские стены.

— Но...

— Попытка отбить Кеймлин будет тщетной, — твёрдым голосом сказала Илэйн. — Я прекрасно знаю, какой ущерб понесёт армия, осаждающая те стены. Андор не рухнет из-за потери одного города, каким бы важным он ни был. — Её лицо походило на маску, а голос был холоден, как добрая сталь.

— В конце концов троллоки покинут город, — продолжила Илэйн. — Удерживая его, они ничего не добьются. Там они просто передохнут от голода. Когда троллоки уйдут, мы сразимся ними в более

удобном месте. Если хотите, Лорд Лир, можете сами посетить город и увидеть — всё что я говорю правда. Появление там Верховной опоры может воодушевить солдат.

Лир нахмурился, но кивнул.

— Думаю, так и сделаю.

— Теперь, узнав о моих планах, ступайте. Ещё до того, как закончится ночь, мы начнём отправлять разведчиков, чтобы попробовать найти места, где держат жителей, и спасти их. И Авиенда, что во имя клятого козьего помёта ты делаешь?

Авиенда оторвались от подстригания ногтей вторым ножом. Клятый козий помёт? Что-то

новенькое. Илэйн всегда знала самые интересные проклятья.

Трое Верховных опор подпрыгнули, выбрались из-за стола, отбросив стулья и потянулись к мечам. Илэйн сидела на своём месте, широко раскрыв глаза и рот.

— Дурная привычка, — согласилась Авиенда, засовывая нож обратно в сапог. — Мои ногти сильно отросли, но я не должна была стричь их в твоей палатке, Илэйн. Прошу прощения. Надеюсь, я никого не обидела.

— Я не о твоих проклятых ногтях говорю, Авиенда, — сказала Илэйн. — Как..? Когда ты пришла? Почему стража о тебе не доложила?

— Они меня не видели, —
ответила Авиенда. — Мне не
хотелось поднимать шум, и
мокроземцы иногда раздражительны.
Я подумала, они могут меня не
пустить раз ты теперь королева.

Она улыбнулась, когда
произнесла последние слова. У
Илэйн было много чести. Путь,
которым становились вождём среди
мокроземцев, отличался от должных
способов. Вещи здесь бывали
вывернуты наизнанку. Но Илэйн
прекрасно справилась сама и добыла
свой трон. Авиенда не могла бы
гордиться сильнее своей сестрой по
копью, захватившей гай'шан главы
клана.

— Они не... — начала Илэйн. Она вдруг улыбнулась. — Ты пробралась через весь лагерь к моему шатру в самом центре, а затем проскользнула внутрь и уселась в пяти футах от меня, и никто ничего не заметил.

— Я не хотела суеты.

— У тебя странный способ избегать суматохи.

Собеседники Илэйн отреагировали не так спокойно. Один из них, молодой Лорд Перивал, обеспокоенно оглядывался вокруг себя, словно ища других незваных гостей.

— Моя королева, — сказал Лир. — Мы обязаны наказать тех, кто

допустил эту брешь в охране. Я найду людей, которые небрежно отнеслись к своему долгу, и прослежу, чтобы их...

— Мир, — произнесла Илэйн. — Я переговорю со своей стражей и посоветую им держать глаза несколько более открытыми. Тем не менее, выставлять охрану перед входом в шатёр всегда было глупой мерой предосторожности, потому что кто-нибудь может просто прорезать себе путь сзади.

— И испортить хорошую палатку? — спросила Авиенда, выпятив губу. — Только если б у нас была кровная месть, Илэйн.

— Лорд Лир, вы можете пойти

осмотреть город на расстоянии, если желаете, — сказала Илэйн, поднимаясь. — Если кто-то ещё хочет к нему присоединиться, прошу. Дайлин, с тобой мы увидимся утром.

— Хорошо, — сказали в ответ мужчины, затем направились к выходу из шатра. Оба, пока шли, недоверчиво глядели на Авиенду. Дайлин только покачала головой, прежде чем последовать за ними. Илэйн послала своих командующих согласовывать разведку города. Илэйн и Авиенда остались одни в шатре.

— Свет, Авиенда! — воскликнула Илэйн, обнимая её. — Если у людей, которые желают мне

смерти, была бы хоть половина твоих умений...

— Я что-то не так сделала? — спросила Авиенда.

— Помимо того, что пробралась в мою палатку как убийца?

— Но ты моя первая сестра, — сказала Авиенда. — Мне надо спрашивать разрешения? Мы ведь не под крышей. Или у мокроземцев палатки считаются такой же крышей как холд? Прошу прощения, Илэйн. У меня есть тох? Вы такой непредсказуемый народ, трудно понять, что вас оскорбит, а что — нет.

Илэйн только рассмеялась.

— Авиенда, ты сокровище.

Полностью и безоговорочно сокровище. Свет, как же приятно увидеть твоё лицо. Этим вечером мне необходима дружеская поддержка.

— Кеймлин пал? — спросила Авиенда.

— Почти, — ответила Илэйн, её лицо стало серьёзным. — Это всё проклятые Пути. Я думала, они были в безопасности. Казалось, эта штука чуть ли не замурована — с пятью десятками солдат у входа и вставленными снаружи обоими листами Авендесоры.

— Тогда их впустил кто-то изнутри Кеймлины.

— Друзья Тёмного, — сказала Илэйн. — Дюжина человек из

охраны. Нам очень повезло, что один солдат пережил их предательство и сумел выбраться. Свет, не знаю, чему я удивляюсь. Если они есть в Белой Башне, то и в Андоре есть. Но это были люди, которые отказались подчиняться Гейбрилу и казались преданными. Они выжидали всё это время, только чтобы предать нас именно сейчас.

Авиенда поморщилась, но взяла один из стульев, чтобы присоединиться к Илэйн за столом, вместо того, чтобы остаться на полу. Её первая сестра предпочитала сидеть таким образом. Живот Илэйн увеличился из-за детей, которых она носила.

— Я отправила Бергитте с солдатами к город, чтобы посмотреть, что ещё можно придумать, — произнесла Илэйн. — Но мы сделали всё, что могли на ночь. Город под наблюдением, как и беженцы. Свет, хотела бы я большего. В том, чтобы быть королевой, худшее вовсе не те вещи, которые ты обязана делать, а те, что не можешь.

— Скоро мы дадим им битву, — сказала Авиенда.

— Да, — согласилась Илэйн, в её глазах тлели угли. — Я принесу им огонь и ярость, как плату за пламя, которое они обрушили на мой народ.

— Я слышала, как ты говорила тем людям, что не нападёшь на

город.

— Нет, — ответила Илэйн, — я не доставлю им удовольствия обратить мои собственные стены против меня. Я отдала Бергитте приказ. В конечном счёте троллоки покинут Кеймлин, тут мы уверены. Бергитте найдёт способ это ускорить, так что мы сможем сразиться с ними за пределами города.

— Не позволяй врагу выбирать поле боя, — кивнула Авиенда. — Хорошая стратегия. А встреча с Рандом?

— Я буду присутствовать, — сказала Илэйн. — Я обязана там быть. Ему лучше не разыгрывать

перед нами представление и не опаздывать. Мои люди умирают, мой город горит, мир в двух шагах от края обрыва. Я останусь только до полудня. После чего вернусь в Андор. — Она помедлила. — Ты пойдёшь со мной?

— Илэйн, — произнесла Авиенда, — я не могу покинуть свой народ. Теперь я Хранительница мудрости.

— Ты ходила в Руидин? — спросила Илэйн.

— Да, — ответила Авиенда. Хотя ей было больно хранить секреты, она ничего не сказала о своих видениях.

— Замечательно. Я... — начала

Илэйн, но её прервали.

— Моя королева, — донеслось от охранявшего шатёр снаружи солдата. — К вам посланник.

— Впусти его. — Страж откинул полог для молодой женщины-гвардейца с лентой курьера на её куртке. Она отвесила замысловатый поклон, одной рукой снимая шляпу, а другой протягивая письмо.

Илэйн взяла письмо, но не открыла его. Посланница удалилась.

— Вероятно, мы всё же можем сражаться вместе, Авиенда, — сказала Илэйн. — Будь моя воля, я бы хотела иметь на своей стороне Айил, когда стану возвращать Андор. Троллоки в Кеймлине представляют

серьёзную угрозу для всех нас. Даже если я выманю их главные силы, Тень всё равно продолжит посылать потоки Отродий через те Пути. Думаю, пока мои армии будут биться с основной частью троллоков вне Кеймлина, мне каким-то образом нужно сделать город непригодным для Отродий Тени. Я Перемещу меньшие силы, чтобы захватить Пути. Если бы я могла получить помощь от Айил для этого...

Пока Илэйн говорила, она обняла Источник — Авиенда видела сияние, — и рассеяно вскрыла письмо, сломав печать лентой из воздуха. Айилка подняла бровь.

— Прости, — сказала Илэйн, —

моя беременность достигла той точки, когда я снова могу стабильно направлять, так что постоянно ищу предлоги.

— Не навреди детям, — произнесла Авиенда.

— Я не собираюсь подвергать их опасности, — ответила Илэйн. — Ты такая же вредная, как Бергитте. По крайней мере, тут ни у кого нет козьего молока. Мин говорит... — Она замолчала. Её глаза мелькали туда-сюда, пока она читала письмо. Лицо Илэйн потемнело, и Авиенда приготовилась к потрясению.

— Ох уж этот мужчина, — сказала Илэйн.

— Ранд?

— Думаю, я его придушу на днях.

Авиенда стиснула зубы.

— Если он оскорбил...

Илэйн перевернула письмо.

— Он настаивает, чтобы я вернулась в Кеймлин и позаботилась о своём народе. Называет дюжину причин и заходит так далеко, что "освобождает меня от моего обязательства" встретиться с ним завтра.

— Он не должен от тебя ничего требовать.

— Особенно в таком повелительном тоне, — сказала Илэйн. — Свет, это умно. Очевидно, он пытается заставить меня остаться.

В этом есть немного от Даэс Дэй'мар.

Авиенда растерялась.

— Ты выглядишь гордой. Но как я понимаю, это письмо всего в шаге от того, чтобы быть оскорбительным.

— Я горжусь им, — сказала Илэйн, — и сержусь на него. Но горжусь потому, что он знал, как именно меня разозлить. Свет! Мы ещё сделаем из тебя короля, Ранд. Почему он так сильно хочет моего присутствия на встрече? Неужели думает, что я поддержу его только из-за моих к нему чувств?

— Так ты не знаешь, в чём его план?

— Нет. Очевидно, он хочет

привлечь всех правителей. Но я буду присутствовать, хотя подозреваю, что вряд ли посплю этой ночью. Я встречаюсь с Бергитте и остальными командующими через час, чтобы обсудить планы того, как выманить и уничтожить троллоков. — В её глазах продолжал гореть огонь. Илэйн была воином, самым настоящим среди тех, кого когда-либо знала Авиенда.

— Мне необходимо пойти к нему, — сказала Авиенда.

— Сегодня?

— Сегодня. Последняя битва скоро начнётся.

— Насколько я могу судить, она началась в том момент, когда проклятые троллоки ступили в

Кеймли́н, — произнесла Илэ́йн.

— Помоги нам Свет, она здесь. Тогда грядёт день смерти, — сказала Авиенда. — Многие из нас вскоре проснутся от этого сна. Другой ночи для меня и Ранда может не быть. Я пришла к тебе в том числе, чтобы спросить об этом.

— У тебя есть мое благословение, — тихо сказала Илэ́йн. — Ты моя первая сестра. Вы с Мин уже проводили вместе время?

— Слишком мало. И при других обстоятельствах я бы немедленно восполнила этот недостаток. Сейчас нет времени.

Илэ́йн кивнула.

— Думаю, сейчас она лучше ко

мне относится, — сказала Авиенда. — Она оказала мне великую честь, помогая понять последний шаг в том, чтобы стать Хранительницей мудрости. Возможно будет уместным обойти некоторые традиции. Мы неплохо справились в этих условиях. Я бы хотела поговорить с ней вместе с тобой, если есть время.

Илэйн кивнула.

— Я могу выделить пару минут между встречами. Пошлю за ней.

Глава 3

Опасное место.

— Лорд Логайн и Таим в самом деле урегулировали свои разногласия, — широко улыбаясь, заявил Велин, сидевший в общем зале «Великого Сбора». Он всегда был улыбчивым. В темные косы мужчины были вплетены колокольчики. — Их обоих беспокоил раскол в наших рядах, и они согласились, что это плохо для боевого духа. Нам необходимо

сосредоточиться на Последней Битве. На раздоры нет времени.

Андрол стоял в дверях, Певара встала у него за спиной. Удивительно, как быстро это здание из бывшего склада превратилось в таверну. Линда справилась великолепно. Тут был респектабельный бар и табуретки, хотя столы и стулья, расставленные по залу, пока были разными — здесь могли усесться сразу несколько десятков человек. У Линды даже имелась библиотека, из некоторого количества книг, но женщина была очень разборчива и доверяла их не каждому. На втором этаже она планировала оборудовать приватные

кабинеты для ужина и спальни для посетителей Черной Башни — если предположить, что Таим разрешит их вновь впускать.

Комната была достаточно плотно забита, и в толпе было много новых рекрутов, людей, ещё не выбравших ни одной стороны в разрастающемся споре — ни Таима с его прихвостнями, ни тех, кто был верен Логайну.

Андрол слушал и холодел от ужаса. Дженаре, Айз Седай Велина ласково держала того за руку. Андрол был с ней едва знаком, но зато Велина знал прекрасно. И это нечто с лицом и голосом Велина, им точно не было.

— Мы встретились с лордом Драконом, — продолжал Велин, — пока он проводил разведку в Приграничье и готовил атаку сил человечества на Тень. Он собрал под своими знаменами армии всех стран. Нет никого, кто бы не откликнулся на его призыв, кроме одних Шончан, разумеется, но их нападение отбито.

Время пришло. Нас скоро призовут принять участие в атаке. В оставшееся время нам следует сосредоточиться на оттачивании своего мастерства. В следующие две недели будут щедро раздаваться Мечи и Драконы. Трудитесь усерднее, и мы станем тем оружием, которое сметет Темного с лица земли.

— Ты утверждаешь, что Логайн скоро появится, — раздался резкий голос. — Так почему он до сих пор не здесь?

Андрол повернулся. Рядом со столом Велина, сложив руки на груди, стоял хмурый Джоннет Доутри. Весь его вид внушал трепет. Двуреченцы часто были с ним запанибрата, так что было просто забыть, что парень был на голову выше других, а его руки больше походили на медвежьи лапы. Джоннет был одет в черный кафтан Аша'мана, хотя и без значков на воротнике, несмотря на то, что в Силе не уступал ни кому из Посвященных.

— Так почему же он до сих пор не здесь? — снова спросил Джоннет. — Ты утверждаешь, что вы вернулись вместе, и они с Таимом побеседовали. Ну и где же он?

«Не дави, парень, — подумал Андрол. — Пусть он решит, что мы поверили в его ложь!»

— Он пригласил М'Хаэля к лорду Дракону, — ответил Велин. — Они оба вернутся завтра утром, или послезавтра.

— С какой это стати Таиму потребовался такой провожатый как Логайн? — продолжал упрямо настаивать на своем Джоннет. — Разве он не смог бы добраться туда сам?

— Парень глупец, —
прошептала Певара.

— Он честный человек, — тихо
ответил Андрол, — и хочет слышать
честные ответы.

Всем хороши были эти
двуреченцы — верные и
простодушные ребята. Вот только
хитрить совсем не умели.

Певара молчала, а Андрол
почувствовал, что она раздумывает,
каким плетением воздуха заставить
Джонета замолчать. Так, не всерьез,
просто мимолетные фантазии — но
Андрол их чувствовал. Свет! Да что
ж такое они сотворили друг с
другом?

— Она в моей голове, —

подумал он. — Теперь у меня в голове Айз Седай.

Певара застыла и посмотрела на него.

Андрол вспомнил о пустоте, этом старом солдатском трюке, который помогал обрести спокойствие перед боем. Рядом, разумеется, был саидин, но Андрол не прикоснулся к Силе.

— Что ты сделал? — прошептала Певара. — Я чувствую, что ты тут, но читать твои мысли стало труднее.

Что ж, уже кое-что.

— Джоннет! — через весь зал крикнула Линда, прерывая следующий его вопрос Велину на

полуслове, — Ты разве не слышал, сколько человеку пришлось помотаться?

Он устал. Отстаньте от него ненадолго — пусть допьет свое пиво, прежде чем вы снова вцепитесь в него со своими расспросами.

Джоннет с обиженным видом перевел взгляд на женщину, и направился прочь из зала. Велин широко улыбнулся ему вслед. Он продолжил трепаться о том, как хорошо себя чувствует лорд Дракон, и как сильно он нуждается в каждом из присутствующих.

Андрол отпустил пустоту и немного расслабился. Оглядев зал, он постарался оценить, на кого можно

положиться. Многие из присутствующих ему нравились, и не полностью были за Таима, и все же — он не мог до конца им доверять. Таим обрел полный контроль над Черной Башней, и частные уроки с ним и его избранниками были желанной приманкой для новичков. Теперь Андрол во всем мог полагаться только на двуреченцев, но по большей части они, за исключением Джоннета, были очень неопытны, и потому бесполезны.

На противоположном конце зала к Налааму присоединился Эвин, и Андрол кивнул ему, чтобы тот догнал Джоннета, вышедшего на дождливую улицу. Никто не должен оставаться

один. Справившись с этим, Андрол вновь стал прислушиваться к болтовне Велина, и заметил, что прямо к нему направляется Линд.

Линд Таглиен была женщиной невысокой и темноволосой. Ее платье было украшено милой вышивкой. Ему всегда казалось, что Линд может служить образом того, какой могла бы стать Черная Башня. Воспитанной. Образованной. Важной.

Люди расступались на ее пути. Они знали, что в ее заведении лучше не проливать пиво на стол и не устраивать потасовок. Ни один здравомыслящий мужчина не желал познать на себе гнев Линд. И хорошо,

что она управляла своей таверной так жестко. В городке, битком набитом направляющими мужчинами даже простая кабацкая потасовка могла обернуться чем-то очень и очень скверным.

Линд приблизилась и тихо спросила:

— Беспокоит ли это тебя так же, как меня? Разве не он всего несколько недель назад заявлял, что Таима следует судить за то, что он сделал и казнить?

Андрол не ответил. А что он мог сказать? Что тот, кого они знали под именем Велина, уже мертв? Что вся Черная Башня скоро превратится в сборище монстров с неправильными

глазами, фальшивыми улыбками и мертвыми душами?

— Я не верю тому, что он наврал про Логайна, — добавила Линд. — Здесь что-то происходит, Андрол. Я собираюсь ночью послать за ним Фраска, чтобы он проследил, куда он...

— Нет, — возразил Андрол. — Нет. Не нужно. — Фраск был мужем Линд. Его наняли в помощь Генри Хаслину, чтобы обучать воспитанников Черной Башне владению мечом. Таим считал это бесполезным для Аша'манов занятием, однако Лорд Дракон настоял, чтобы их учили.

— Ты не сказал, что веришь

ему...

— Я говорю, что теперь мы в большой опасности, Линд, и я не хочу, чтобы Фраск все усугубил. Сделай одолжение — запиши все, что Велин сегодня расскажет. Возможно, кое-что из этого будет полезно узнать и мне.

— Ладно, — с сомнением в голосе ответила Линд.

Андрол кивнул Налааму с Канлером, которые поднялись и направились на выход. Дождь снаружи молотил по крыше и крыльцу. Велин болтал без умолку, собравшиеся люди его слушали. Конечно невероятно, что он так быстро изменил свои убеждения, и,

разумеется, это вызовет подозрения. Но его многие уважали, и то, что сейчас он был слегка не в себе, было заметно, только если хорошо его знаешь.

Женщина уже собиралась уходить, но Андрол вновь ее окликнул: — Линд!

Она обернулась.

— Ты... на ночь покрепче запри свое заведение. А потом будет лучше, если вы с Фраском спуститесь в подвал, где храните припасы. Ладно? В твоём подвале крепкая дверь?

— Да, — ответила она. — Сойдет. — Не важно, какой толщины будет дверь, если в нее постучит кто-то, владеющий Единой Силой.

Подошли Налаам с Канлером, и Андрол повернулся, чтобы выйти, но наткнулся на кого-то стоявшего в дверях прямо за его спиной. Андрол не слышал, как тот вошел. С кафтана Аша'мана и его высокого воротника, украшенного Мечом и Драконом, стекала дождевая вода. Атал Мишрейл с самого начала был на стороне Таима. В его глазах не было пустоты. Зло было его собственным. Высокий мужчина обладал длинными золотистыми волосами, и улыбкой, которая не затрагивала глаз.

Певара подскочила от неожиданности, а Налаам выругался, ухватившись за Единую Силу.

— Тихо, тихо, — раздался чей-то

голос: — Нет причин для волнения. — Из стены дождя за спиной Мишрейла показался Мезар. Невысокий доманиец был сед и, несмотря на свое преобразование, внушал ощущение мудрости.

Андрол встретился взглядом с Мезаром, и почувствовал словно заглянул в пропасть, в которую не может дотянуться луч света.

— Здравствуй, Андрол, — сказал Мезар, положив руку на плечо Мишрейла, словно они давние приятели. — С какой стати этой доброй женщине Линд чего-то бояться и прятаться в собственном подвале? Разве Черная Башня не безопасна?

— Просто я не доверяю темным ночам, в которые бушуют грозы, — ответил Андрол.

— Возможно, это мудро, — ответил Мезар. — И все-таки ты собираешься туда идти. Разве не лучше остаться в тепле? Налаам, я с удовольствием послушаю одну из твоих историй. Может расскажешь, как вы с отцом путешествовали в Шару?

— Это не слишком интересно, — ответил Налаам. — Да и не уверен, хорошо ли все помню.

Мезар рассмеялся, и услышал, как за его спиной поднялся Велин:

— А, вот вы где! Я как раз говорил, что ты расскажешь об

обороне Арафела.

— Пойдем, послушаешь, — предложил Мезар. — Пригодится в Последней Битве.

— Может быть я вернусь, — холодно ответил Андрол: — когда закончу с другими делами.

Они уставились друг на друга. Сбоку стоял Налаам, все еще удерживавший Единую Силу. Их силы с Мезаром были равны, но двоих с Мишрейлом им не одолеть, особенно в зале, набитом людьми, которые примут сторону двух полноправных Аша'манов.

— Не трать свое время на слуг, Велин, — раздался голос Котерина из темноты. Мишрейл отступил в

сторону, пропуская внутрь вновь пришедшего. Грузный мужчина с пронзительным взглядом оттолкнул Андрола рукой в грудь, проходя мимо: — О, постой-ка. Ты же больше не можешь изображать из себя слугу, верно?

Андрол нырнул в пустоту и ухватил Источник.

По комнате тут же принялись метаться тени. Потянулись к нему.

Внутри недостаточно света! Почему они не зажгут больше ламп? Тьма приглашает тени войти внутрь, и он их видит. Они были реальны, тянущиеся к нему сгустки черноты, чтобы утянуть его внутрь, уничтожить его.

«О, Свет! Я безумен. Безумен...»

Пустота пошатнулась, и тени — к счастью — отступили. Он обнаружил себя, стоящим прислонившимся к стене, дрожащим и хватаящим ртом воздух. Певара наблюдала за ним с бесстрастным выражением лица, но Андрол чувствовал ее беспокойство.

— О, и кстати, — продолжил Котерен. Он был одним из самых влиятельных прихлебателей Таима. — Ты уже слышал?

— Слышал что? — сумел выдавить из себя Андрол.

— Тебя разжаловали, слуга, — ответил Котерин, ткнув пальцем в значок в виде меча на воротнике

Андрола. — По приказу Таима. С сегодняшнего дня. Добро пожаловать, Андрол, обратно в солдаты.

— Ах, да, — раздался из центра зала голос Велина. — Прости, совсем забыл тебе сказать. Боюсь, решение было одобрено лордом Драконом. Тебя и вовсе не стоило повышать, Андрол. Извини.

Андрол протянул руку к значку на воротнике. Он не имеет значения, не так ли?

Нет, имеет. Он потратил всю свою жизнь на поиски. Он перепробовал дюжину профессий. Он участвовал в восстаниях, переплыл два моря. И все время искал, искал нечто, что не мог даже

объяснить словами.

Это было то, что он обрел, придя в Черную Башню.

Андрол отринул страх. Пусть тени сгорят! Он снова ухватил саидин, и его наполнила Сила. Он выпрямился и встретился взглядом с Котереном.

Крупный мужчина улыбнулся и тоже обнял Единую Силу. К нему присоединился Мезар, и стоявший посредине зала Велин. Налаам что-то беспокойно принялся шептать себе под нос, стреляя по сторонам глазами. Канлер с покорным видом тоже ухватил саидин.

Все, что было подвластно Андролу, вся Единая Сила, которую

он мог наскрести, хлынула в него. По сравнению с другими, это было почти ничто. Он был слабейшим человеком в зале. Любой из новичков мог легко его превзойти.

— И ты собираешься пустить ее в ход? — тихо поинтересовался Котерен. — Я просил их отпустить тебя, потому что мне известно, что ты пытался уйти. Но я требую сатисфакции, слуга. Давай. Бей. Поглядим, что ты можешь.

Андрол протянул руку, пытаясь сделать то, что умел — создать врата. Для него это было нечто за пределами обычных плетений. Это было между ним и Силой, нечто интимное, нечто инстинктивное.

Сделать это сейчас, было сродни попытке подняться на стофудовую стеклянную стену с помощью ногтей. Он тянулся, скребся, пытался. Но все тщетно. Он чувствовал, что был близок: словно стоило нажать чуть сильнее, стоило...

Тени удлинились. Вновь усилилась паника. Скрипя зубами, Андрол протянул руку к воротнику и сорвал значок. Он со звоном бросил его на доски под ноги Котерена. Все в зале молчали.

И затем, спрятав свой стыд под горой уверенности, он отпустил Единую Силу и, оттолкнув Мезара, вышел в ночную темноту. Налаам, Канлер и Певара поспешно

последовали за ним.

Дождь омыл лицо Андрола. Потеря значка показалась ему сродни потери руки.

— Андролл... — позвал Налаам. — Прости.

Раздался раскат грома. Они шлепали по лужам по немощеной улице.

— Это неважно, — ответил Андрол.

— Возможно, нам следовало сразиться, — продолжил Налаам. — Кто-нибудь из тех парней внутри нас бы поддержал. Они не всех заткнули себе за пояс. Однажды мы с отцом сражались против шести Гончих Тьмы. Клянусь Светом над моей

могилой, так и было. Если уж мы пережили такое, то сумели бы справиться с парой аша'манских собачек.

— Нас бы растерзали, — ответил Андрол.

— Но...

— Нас бы растерзали! — повторил Андрол. — Нельзя позволять им выбирать поле боя, Налаам.

— А будет ли он, этот бой? — спросил Канлер, догоняя Андрола сбоку.

— Логайн у них, — сказал Андрол. — Иначе, они бы не стали разбрасываться подобными обещаниями. Если мы его потеряем

— все погибнет: наше восстание и наши шансы объединить Черную Башню.

— Значит...

— Значит, мы его спасем, — ответил Андрол, продолжая идти вперед. — Этой ночью.

Ранд работал под мягким, ровным светом от шара, зажженного саидин. До Драконовой Горы он избегал использование Единой Силы без особой необходимости. Ее касание вызывало тошноту, а использование отвращало всё больше и больше.

Теперь всё изменилось. Саидин был его частью, порчи больше нет, и теперь ему больше не нужно было

бояться его. И что самое главное, ему больше не надо было думать о нём, как думать и о себе — как об оружии.

Он бы работал под сферами света всё время, что мог. Он намеревался учиться у Флинна исцелению. У него было мало способностей в исцелении, но хоть какая-то способность могла сохранить жизнь раненому. Слишком часто Ранд использовал свой чудесный дар только для того, чтобы разрушать и убивать. Было ли чудом то, что люди смотрели на него с ужасом? Что бы сказал Тэм?

Я предполагал, что мог спросить его, думал Ранд лениво,

когда делал примечание себе на листке бумаги. Было все еще трудно привыкнуть к мысли о Тэме, который находится в другом лагере. Ранд обедал с ним ранее. Это было неловко, но чего ещё ждать королю, пригласивший своего отца, который родом из деревни, "обедать" с ним. Они смеялись об этом, что заставило его чувствовать себя намного лучше.

Ранд позволил Тэму возвратиться в лагерь Перрина вместо того, чтобы воздать ему почести и богатство. Тэм не хотел быть провозглашенным, как отец Возрождённого Дракона. Он хотел быть тем, кем он всегда был — Тэм ал'Тор, твёрдый, надежный человек

соответствующий любым меркам, но не лорд.

Ранд вернулся к документу перед собой. Клерки в Тире консультировали его по вопросам надлежащего языка, но он делал важные записи; он не доверил бы эту работу никакой другой руке — или никаким другим глазам — с этим документом.

Был ли он слишком осторожен? Его враги не могли противодействовать тому, чего не могли предвидеть. Он стал слишком недоверчив после того, как Семираг чуть было не захватила его. Он признавал это. Тем не менее, он держал секреты рядом так долго,

насколько это было вообще возможно.

Перечитывать он начал с верхней части документа. Однажды, Тэм послал Ранда рассмотреть забор в поиске слабых мест. Ранд сделал это, но когда он вернулся, Тэм послал его снова.

Он посылал до тех пор, пока в третьем осмотре Ранд не обнаружил шаткий столб, которому требовалась замена. Он до сих пор не знал, знал ли Тэм об этом столбе, или его отец был осторожным сам по себе.

Этот документ был гораздо более важным, чем забор. Ранд просмотрел его уже более десятка раз в эту ночь в поиске

непредвиденных проблем.

К сожалению, трудно было сосредоточиться. Женщины что то затевали. Он чувствовал их через шарики эмоций в своей голове. Их было четверо, — Аланна была все еще там, где-то на севере. Остальные трое были рядом друг с другом всю ночь; теперь они почти пробрались к его палатке. Что они делают сейчас? Это...

Стоп. Одна из них отделилась от остальных. Она уже почти здесь. Авиенда?

Ранд встал и подойдя к входу шатра откинул его створки.

Она замерла на месте снаружи, как будто собравшись проникнуть в

его шатер. Она вздернула подбородок, встретившись с ним взглядом.

Внезапно раздались крики. Сперва он заметил отсутствие стражи. Однако Девы разбили лагерь рядом с его палаткой, и они, казалось, кричали ему. Не крики радости, как он ожидал. Оскорбления. Ужасные оскорбления. Некоторые орали о том, что бы они сделали с некоторыми частями его тела если бы поймали его.

— Что это значит? — пробормотал Ранд.

— Они имеют ввиду не это, — сказала Авиенда. — Для них это символ того, что ты забираешь меня из их рядов — но я и так уже

покинула их ряды, чтобы стать Хранительницей Мудрости. Это... у Дев так принято. На самом деле это знак уважения. Если бы ты им не нравился, они бы себя так не вели.

Айил. — Постой, — сказал он, — как это я тебя у них забрал?

Авиенда посмотрела ему в глаза, и начала краснеть. Авиенда? Краснеть? Это было неожиданно.

— Тебе следовало понять, — сказала она, — если бы ты внимательно слушал, что я тебе говорила о нас...

— К сожалению, твой ученик — набитая шерстью башка.

— И ему повезло что я решила продолжить его обучение, — она

сделала шаг ближе, — столькому еще нужно научить. — Она покраснела еще больше.

Свет! Она такая красивая. Как Илэйн... и как Мин..и..

А он — дурак. Ослепленный светом дурак.

— Авиенда, — сказал он, — я люблю тебя, правда люблю. Но в том-то и загвоздка, гори она огнем! Я люблю вас троих. И думаю, что не смогу справиться с выбором... Она неожиданно рассмеялась:

— Ты всегда такой глупый, Ранд Ал'Тор?

— Частенько. Но что...

— Мы же первые сестры, Ранд Ал'Тор, Илэйн и я. И Мин к нам

присоединится, когда мы получше ее узнаем. И все-все мы будем делить на троих.

Первые сестры? Он должен был догадаться по этим странным узам. Он приложил руку к своей голове. Мы будем делить тебя, сказали они ему.

Оставить четырех связанных узами женщин наедине с их болью — уже достаточно плохо, но трех связанных узами и любящих его женщин?! Свет, он не хотел причинять им боли!

— Говорят, ты изменился, — продолжала Авиенда. — За то короткое время, что прошло с моего возвращения, я уже столько раз об

этом слышала, что почти устала от разговоров о тебе. Ну да, твое лицо спокойно, но чувства — нет. Неужели представить, что ты с нами, настолько страшно?

— Мне это необходимо, Авиенда. Я должен скрывать свои чувства из-за того, что делаю. Но боль...

— Ты ведь справился с ней, не так ли?

— Не своей боли я боюсь. Вашей.

— Неужели мы настолько беспомощны, что не справимся с тем, с чем справляешься ты?

Этот взгляд в её глазах его расстраивал.

— Нет, конечно, — ответил Ранд. — Но как же мне не хочется причинять боль любимым!

— Это наша боль и нам с ней справляться, — возразила она, вздернув подбородок. — Ранд, Ал'Тор, принять решение так просто, а ты опять все усложняешь. Всего лишь да или нет. Только учти: либо все три, либо ни одной. Между нами мы тебе встать не позволим.

Он нерешительно замер, а потом — чувствуя себя распоследним развратником — поцеловал ее. За его спиной наблюдавшие за ними Девы, так и оставшиеся для него загадкой, принялись еще громче выкрикивать оскорбления, но теперь в них

слышалась какая-то нелепая их радость. Он оторвался от поцелуя, и погладил ладонью лицо Авиенды.

— Какие же вы глупышки. Все три.

— Ну и хорошо. Зато мы как ты. И еще тебе следует знать — я теперь Хранительница Мудрости.

— Тогда, возможно, мы не такие уж одинаковые, — ответил Ранд, — потому что я только сейчас стал понимать, насколько мало во мне мудрости.

Авиенда фыркнула.

— Хватит болтать. Сейчас ты должен со мной переспать.

— Свет! — воскликнул он, — Это немного прямолинейно, не

думаешь? У Айил это такой обычай?

— Нет, — ответила она, вновь залившись краской. — Просто я... не очень в этом искусна.

— Значит, вы трое договорились? О том, кто пойдет ко мне?

Авиенда помедлила, но кивнула в ответ.

— Мне никогда не предоставится случай выбрать самому?

Она покачала головой.

Ранд рассмеялся и прижал ее к себе. Сперва она была напряжена, но потом прижалась к нему всем телом.

— Итак, не следует ли мне в первую очередь сразиться с ними? —

Ранд указал в сторону Дев.

— Нет, глупый мужчина, это случается только на свадьбе, если мы решим, что жених достоин. И там будут наши семьи, а не члены наших обществ. Ты что, в самом деле не слушал то, чему я тебя учила?

Он посмотрел на нее сверху вниз.

— Что ж, я рад, что драться не придется. Не уверен, сколько у нас есть времени, а я еще намеревался поспать этой ночью. Но ... — он заметил кое-что в ее взгляде: — похоже, что сегодня спать мне не придется, так?

Она покачала головой в ответ.

— Эх, ну ладно. По крайней

мере, на сей раз мне не придется бояться, что ты до смерти замерзнешь.

— Да. Но если ты не перестанешь трепаться, я ведь могу умереть от скуки, Ранд ал'Тор.

Она взяла его за руку и нежно, но твердо потащила его обратно внутрь шатра. Выкрики Дев стали громче, оскорбительнее и одновременно приветливее.

— Я подозреваю, что причина в каком то тер'ангриале, — сказала Певара. Она присела с Андролом в одной из задних комнат общих складов Черной Башни и нашла положение не очень комфортным. В комнате пахло пылью, зерном и

древесиной. Большинство зданий в Черной Башни были новые, и этот не был исключением, пах еще свежими кедровыми досками

— Ты знаешь тер'ангриал, который может блокировать врата? — спросил Андрол.

— Определенно нет, — ответила Певара, переходя на наравоучительный тон. — Но принято считать, что то, что мы знаем о тер'ангриалах включает только маленькую часть того, что было когда то известно. Там должны быть тысячи различных видов тер'ангриалов, и если Таим — друг Темного, он имеет доступ к Отрекшемуся — который мог бы

объяснить ему, как использовать и конструировать вещи, о которых мы можем только мечтать.

— Значит, мы должны найти этот тер'ангриал, — сказал Андрол. — Заблокировать его, или по крайней мере понять, как он функционирует.

— И сбежать? — спросила Певара. — Ты ведь уже понял, что остаться было бы худшим выбором?

— Что ж. да, — признал Андрол.

Она сосредоточилась и смогла поймать проблески его мыслей. Она слышала, что узлы Стража допускают сопереживать связь. Эта, казалось, была глубже. Он был. да, он

действительно надеялся, что сможет сделать врата. Он чувствовал себя без них безоружным.

— Это — мой Талант, — сказал он неохотно. Он знал, что она поймет причину в конечном счете. — Я могу сделать врата. По крайней мере, я мог.

— Серьезно? С твоим то уровнем в Единой Силе?

— Или нехватке его? — спросил он. Она могла ощутить немного из того, о чем он думал. Хотя он и принял свою слабость, он волновался, что она признает его негодным для лидерства. Любопытное соединение уверенности в себе и чувства

неловкости.

— Да, продолжил он. — Перемещение требует большой силы в Единой Силе, но я могу сделать большие врата. Прежде, чем все пошло не так, как надо, самыми большими, которые я когда-либо делал, были врата размером в тридцать футов.

Певара моргнула. — Конечно ты преувеличиваешь.

— Я показал бы тебе, если мог, — Он казался абсолютно честным. Или он говорил правду, или его вера происходила из-за его безумия. Она осталась тихой, не уверенной, как отнестись к этому.

— Все в порядке, — сказал

он. — Я знаю, что есть... вещи неправильные со мной. С большинством из нас. Ты можешь спросить других о моих вратах. Не без оснований Котерен называет меня мальчиком-слугой. Потому что единственная вещь, к которой я способен, это перемещать людей из одного места в другое.

— Это — замечательный Талант, Андрол. Я уверена, что Башня хотела бы изучить его. Интересно, сколько людей родилось с ним, но никогда об этом не знало, потому что плетение для Перемещений было неизвестно?

— Я не иду в Белую Башню, Певара, — сказал он, ставя акцент на Белой.

Она изменила тему. — Ты тоскуешь по Перемещению, и все же не хочешь покинуть Черную Башню. И какое значение имеет тогда тер'ангриал?

— Врата были бы... полезны, — сказал Андрол.

Он думал о чем то, но она не могла ухватиться за мысль. Быстрая вспышка изображений и впечатлений.

— Но если никуда не идти... — возразила она.

— Ты была бы удивлена, — сказал он, поднимая свою голову, чтобы заглянуть через подоконник на улицу. На улице моросило; дождь наконец ослабел. Небо было все еще

темным. Рассвет не наступил бы еще в течение нескольких часов. — Я жил... экспериментируя. Пробовал некоторые вещи, и не думаю, что кто-либо еще когда-либо пытался.”

— Я сомневаюсь, что это — вещи, которые никогда не пробовали, — сказала она. — У Отрекшихся был доступ к знаниям Эпох.

— Ты на самом деле думаешь, что они могут быть замешаны в наших делах?

— А почему нет? — спросила она. — Если бы ты готовился к Последней Битве и требовалось удостовериться, что твои враги не могли бы сопротивляться тебе, то

позволил бы урожаю направляющих тренироваться вместе, учить друг друга и стать сильнее?

— Да, — сказал он тихо. — Я позволил бы, а затем украл бы их.

Певара закрыла рот. Это был вероятно прав. Разговор об Отрекшихся обеспокоил Андрола; она почувствовала его мысли, яснее, чем прежде.

Эта связь была неестественной. Ей нужно избавиться от нее. После этого она не возражала бы иметь его должным образом связанным с ней.

— Я не буду брать на себя ответственность за эту ситуацию, Певара, — сказал Андрол, снова глядя наружу. — Ты первой связала

меня.

— После того, как ты предал доверие, которое я оказала тебе, предложив круг.

— Я не причинил тебе боль. Что ты ожидала от произошедшего? Разве цель круга не была, чтобы позволить нам присоединяться с нашей силой?

— Этот аргумент бессмыслен.

— Ты только говоришь это, потому что проигрываешь. — Он сказал это спокойно, и он чувствовал себя также спокойным. Она сообразила что Андрола трудно вывести из себя.

— Я говорю так, потому что это верно, — сказала она. — Ты не согласен?

Она почувствовала его улыбку. Он увидел, как она взяла контроль над разговором. И, помимо улыбки, он на самом деле был поражен. Он думал, что ему нужно научиться тому, что сделала она.

Внутренняя дверь в комнату со скрипом отворилась, и заглянула Лейш. Это была седая женщина, круглая и приятная, необычная пара для угрюмого Аша'мана Канлера, за которым она была замужем. Она кивнула Певаре, указав, что прошло полчаса, потом закрыла дверь. Канлер по сообщениям связал женщину, сделав ее... что то вроде? Женщиной Стражем?

Все было наоборот с этими

мужчинами. Певара предположила, что понимает причину того, чтобы связать супруга, единственно в утешении знанием месторасположения другого, но чувствовала для себя неправильным использовать связь столь прозаичным способом. Это было атрибутом Айз Седай и Стражей, но не жен и мужей.

Андрол смотрел на нее, явно пытаясь сообразить, о чем она думает, — хотя эти мысли были достаточно сложны, чтобы ему удалось их понять. Такой странный человек, этот Андрол Генхальд. Как же он совмещал в себе смесь решимости и неуверенности, как две

нити, переплетенные вместе? Он делал то, что нужно было сделать, одновременно беспокоясь, что не должен быть тем кем являлся.

— Я и сам не понимаю как, — сказал он.

В то же время он был взбешен. Как он стал настолько хорош в понимании того, о чем она думала? Она все еще должна была словно на ощупь пытаться понимать его мысли.

— Можешь подумать это еще раз? — спросил он. — Я не уловил смысл.

— Идиот, — пробормотала Певара.

Андрол улыбнулся, затем снова посмотрел через подоконник

— Ещё не время, — сказала Певара.

— Ты уверена?

— Да, — сказала она. — И если ты постоянно будешь выглядывать, то можешь испугать его, когда он действительно придет.

Андрол неохотно снова присел.

— Теперь, — сказала Певара. — Когда он придет, ты должен позволить мне взять инициативу на себя.

— Мы должны соединиться.

— Нет. — Она не окажется в его руках снова. Не после того, что случилось в последний раз. Она вздрогнула, и Андрол взглянул на нее.

— Есть очень веские причины, — сказала она, — для того, чтобы не соединяться. Я не хочу тебя обидеть, Андрол, но твои способности не достаточно большие, чтобы был в этом смысл. Лучше чтобы нас было двое. Ты должен принять это. На поле битвы кого бы ты предпочел? Одного солдата? Или двух, один из которых чуть менее квалифицированный, которого можно отправить на различные задачи и обязанности?

Он подумал над этим, затем вздохнул. — Ну хорошо, на этот раз ты говоришь дело.

— Я всегда говорю дело, — сказала она поднимаясь. — Пора.

Будь наготове.

Оба встали по сторонам двери, выходящей в переулок. Она была умышленно приоткрыта, прочный замок снаружи висел повешенным, как будто кто-то забыл закрыть его.

Они ждали молча и Певара начала беспокоиться, что ее расчеты оказались неверны. Андрол посмеялся бы над этим и...

Дверь распахнулась до конца. Добзер просунул голову внутрь, привлеченный бесцеремонным комментарием Эвина о том, что он приметил бутылку вина в задней комнате, узнав, что Лейш забыла запереть дверь. Со слов Андрола, Добзер был известным пьяницей, и

Таим избил его бесчисленное количество раз за злоупотребление вином.

Она могла чувствовать реакцию Андрола на этого мужчину. Печаль. Глубокая, сокрушительная печаль. У Добзера была темнота внутри его глаз.

Певара ударила быстро, связывая Добзера Воздухом и устанавливая щит на место между ничего не подозревающим человеком и Источником. Андрол поднял дубину, но в ней не было нужды. Добзер вытаращенными глазами смотрел, как был поднят в воздух; Певара заложила руки за спину, критически оглядывая его.

— Ты уверена в этом? — тихо спросил Андрол.

— Теперь уже поздно раздумывать, — ответила Певара, завязывая плетение Воздуха.

Отчеты похоже подтверждаются. Чем более посвященный человек был в Свете прежде, чем был взят, тем более посвященной они будут к Тени после падения. Итак...

Итак, этого мужчину, который всегда был довольно пассивен, должно было быть легче сломать, подкупить или обратить чем других. Это было важно, поскольку лакеи Таима вероятно поймут то, что произошло как только...

— Добзер? — спросил голос.

Две фигуры затемнили дверной проем. — У вас есть вино? Не нужно смотреть вперед, женщина, не ...

Вилин и еще один из любимчиков Таима, Лимз, стояли в дверях.

Певара отреагировала немедленно, бросив плетения в сторону мужчин, одновременно формируя поток Духа. Они отклонили ее попытку отрезать их щитами — тяжело установить щит между Источником и человеком, который уже удерживает Силу, но ее кляпы достигли своей цели, прекратив их вопли.

Она почувствовала как Воздух окутывает ее, а также как

формируется щит, ограждающий ее от Источника. Она ударила Духом, рассекая плетения, догадавшись где они могут быть.

Лимз покачнулся, выглядя удивленным, когда его плетения исчезли. Певара кинулась вперед, сплетая еще один щит и ударив им между женщиной и Источником, врезавшись своим телом в него и отбросив его к стене. Отвлечение сработало, и ее щит отрезал его от Источника.

Она кинула второй щит на Вилина, но он ударил ее своими собственными потоками Воздуха. Они отбросили ее назад. Она плела Воздух, когда врезалась в стену,

застонав. Ее зрение помутилось, но она удержала единственный поток Воздуха, и инстинктивно, протянула его вперед, схватив Вилина за ногу, когда тот попытался выбежать из здания.

Она почувствовала, как земля задрожала от падения тела. Он споткнулся, не так ли? Чувствуя головокружение, она не могла ясно видеть.

Она села, испытывая боль во всем теле, но не отпуская потоки Воздуха, которые удерживали кляпы. Отпусти она их, и люди Таима смогут закричать и тогда она умрет. Все они умрут. Или хуже.

Она сморгнула слезы боли и

увидела, что Андрол стоит над двумя Аша'манами с дубинкой в руке. Кажется, он вырубил их обоих, не доверяя тем двум щитам, которые не способен был увидеть. Хорошо, поскольку ее второй щит своей цели не достиг. Она установила его сейчас.

Добзер так и висел в воздухе, куда она его повесила, с вытаращенными глазами. Андрол посмотрел на Певару.

— Свет! — сказал он. — Певара, это было невероятным. Ты победила двух Аша'манов фактически самостоятельно!

Она удовлетворенно улыбнулась и одурманенно взяла руку Андрола,

позволив ему помочь ей встать на ноги.

— Что ты думаешь Красная Айя делает со своим временем, Андрол? Сидит без дела и жалуется на мужчин? Мы обучаемся, чтобы бороться с другими направляющими.

Она чувствовала уважение Андрола, в то время как он втянул Вилина в дом и запер дверь, затем проверил окна, чтобы убедиться, что никто не увидел. Он быстро задернул шторы, затем направил, чтобы создать шарик света.

Певара вздохнула, затем подняла руку и оперлась о стену.

Андрол резко поднял голову. — Мы должны позвать кого-нибудь для

Исцеления.

— Все будет в порядке, — сказала она. — Просто я ударилась головой, и комната рябит в глазах. Это пройдет.

— Дай я посмотрю, — сказал, подходя Андрол, — его свет колебался около него. Певара позволила ему на некоторое время осмотр глаз, чувствуя голову разделенной на кусочки. Он переместил свет ближе к глазам. — Больно смотреть на это?”

— Да, — признала она, глядя вдаль.

— Тошнит?

— Немного.

Он хмыкнул, затем достал

платок из кармана и налил немного воды из своей фляги. Он сконцентрировался, и его свет мигнул. Платок тихо потрескивал и когда он протянул его ей, тот был заморожен. — Подержи на ране, — сказал он. Скажешь мне, если почувствуешь сонливость. Это могло стать еще хуже, если бы ты заснула.

— Ты волнуешься за меня? — улыбнувшись спросила она, выполняя его предписание.

— Просто. Что ты сказала мне раньше? Береги наши активы?

— Я уверена, что, — сказала она, прижимая замороженный платок к голове. — Так ты разбираешься в медицине, а?

"Я был как то раз в городе учеником у Мудрой, — сказал он рассеянно, опускаясь на колени, чтобы связать павших людей. Певара была рада отпустить плетения Воздуха от них, хотя продолжала удерживать щиты.

— Мудрая взяла ученика мужского пола?

— Не первого, — сказал Андрол. — Это ... это долгая история.

— Отлично, долгая история не даст мне заснуть, пока остальные придут за нами. Эмарин с остальными были проинструктированы пойти и быть замеченными для создания алиби для

группы, в случае если обнаружится исчезновение Добзера.

Андрол посмотрел на нее, переместив свет. Затем он пожал плечами, продолжая свою работу. — Это началось, когда я потерял друга от серебряной лихорадки во время бегства из Майенна. Когда я вернулся на материк, то подумал, что мы могли бы спасти Сейера, если хоть кто-нибудь из нас знал что делать. Так что я отправился на поиски того, кто мог бы научить меня...

Глава 4

Преимущества Уз.

— И это было его концом, — сказала Певара, сидя напротив стены.

Андрол мог чувствовать ее эмоции. Они сидели в кладовой, где боролись с людьми Таима, ожидая Эмарина, который утверждал, что сможет разговорить Добзера. Сам Андрол мало знал о допросах. Аромат зерна изменился на тошнотворное зловоние. Иногда оно

портилось внезапно.

Певара стала тихой, как снаружи, так внутри, поскольку заговорила об убийстве её семьи "давними друзьями".

— Я все еще ненавижу их, — сказала она. — Я могу думать о своей семье без боли, но Друзья Тёмного... Я ненавижу их. По крайней мере, у меня будет некоторая месть, поскольку Темный, конечно, не защитит их. Они провели всю свою жизнь, следуя за ним, надеясь на место в его новом мире, только для того, чтобы Последняя Битва прошла через много лет после их смерти. Я полагаю, что живущим будет не лучше. Как только мы выигрываем

Последнюю Битву, у него будут их души. Я надеюсь, что их наказание будет долгим.

— Ты так уверена, что мы победим? — спросил Андрол.

— Конечно, мы победим. Это не вопрос, Андрол. Мы не можем позволить себе проиграть.

Он кивнул.

— Ты права. Продолжай.

— Там нечего больше сказать. Странно, что рассказала историю после всех этих лет. Долгое время я не могла говорить об этом.

Комната погрузилась в тишину. Добзер висел связанный лицом к стене, его уши были заткнуты плетениями Певары. Оба других

были всё ещё без сознания. Андрол хорошенько им врезал, и он предполагал что еще не скоро увидит их в сознании.

Певара оградила их щитом, но скорее всего ей не удастся удерживать три щита одновременно, если они попытаются освободиться. Айз Седай обычно использовали больше одной сестры чтобы удерживать одного мужчину. Удерживать трех было бы невозможно любому направляющему, сильному или слабому. Она могла завязать щиты, но Таим научил Аша'манов избавляться от завязанных щитов.

Да, лучше убедиться, что эти

двое не очнулись. Неплохой идеей было просто перерезать им глотки, но у него не хватало духа для этого. Вместо этого он направил крошечный поток Духа и Воздуха, чтобы дотронуться до век каждого. Ему приходилось использовать один слабый поток, но он смог дотронуться до всех их глаз. Если бы веки немного дрогнули, он бы узнал это. Этого было бы достаточно.

Певара все еще думала о своей семье. Она говорила правду; она ненавидела Друзей Темного. Всех их. Это была умеренная ненависть, не выходящая из под контроля, но все еще сильная после всех этих лет

Он не ожидал этого от

женщины, которая так часто улыбалась. Он мог чувствовать ее боль. И, что странно, она чувствовала себя... одинокой.

— Мой отец убил себя, — сказал Андрол, на самом деле не собираясь этого делать.

Она посмотрела на него.

— Моя мать годами делала вид что это был несчастный случай, — продолжал Андрол. — Он сделал это в лесу, прыгнул со скалы. Предыдущей ночью он рассказал матери, что он собирается сделать.

— Она не пыталась остановить его? — в ужасе спросила Певара.

— Нет, — ответил Андрол, — Только за несколько лет до ее смерти

я смог вытянуть из нее ответы. Она его боялась. Это меня шокировало; он всегда был таким нежным. Что изменилось за последние несколько лет, что заставило ее бояться его? — Андрол повернулся к Певаре, — Она сказала, что он видел разные вещи в тенях. И начал сходить с ума.

— Ах.

Ты спрашивала почему я пришел в Черную Башню. Ты хотела знать почему я просил чтоб меня проверили. То, кто я есть — это ответ на все мои вопросы. Это объясняет кем был мой отец, и почему он сделал то, что чувствовал себя должным сделать.

Теперь я могу увидеть признаки.

Наше дело шло слишком хорошо. Отец мог найти каменные карьеры и залежи металла когда никто больше не мог. Люди нанимали его чтоб найти для них ценные залежи. Он был лучшим. Сверхъестественно хорош. Я смог... увидеть это в нем в самом конце, Певара. Мне было всего десять, но я помню.

— Страх в его глазах. Я узнаю тот страх теперь. — Он колебался. — Мой отец прыгнул с того утеса, чтобы спасти жизнь своей семьи.

— Я сожалею, — ответила Певара.

Знание того, кем я есть, и кем был он, помогает.

Снова начал лить дождь,

толстые капли, поражающие окно как галька. Дверь в кладовую открылась, и Эмарин, наконец, заглянул внутрь. Он увидел Добзера, висящего там, и облегчённо вздохнул. Тогда он увидел других.

— Что вы двое наделали?

— Что должно было быть сделано, — сказал Андрол, встав. — Что же задержало тебя?

— Я почти вступил в противостояние с Котерен, — сказал Эмарин, все еще уставившись на двух пленников Аша'манов. — Я думаю, что у нас мало времени, Андрол. Мы не дали им втянуть нас в драку, но Котерен казался раздражённым — большее, чем обычно. Я не думаю,

что они собираются терпеть нас дальше.

Ну, эти пленники заставляют нас вести обратный отсчет так или иначе,

— Ах, — сказал Эмарин, — но это не Друг Тёмного. Это — Добзер.

— Я не думаю, что это — действительно он, — сказал Андрол, изучая человека, плавающего в его потоках. — Я не могу поверить, что кого-то можно заставить служить Тёмному.

Он мог ощутить, что Певара с ним несогласна; она действительно думала, что это возможно. Любой, кто направляет, может быть Превращен, объяснила она. Старые

манускрипты говорили об этом.

Такая идея казалась Андролу ужасной. Принудить кого-то служить злу? Такого не должно быть. Судьба ставит людей в ужасные положения, стоит им их жизней, иногда их здравомыслия. Но выбор служить Тьме или Свету... такой выбор должен брать на себя сам человек.

Тень, которую он видел в глазах Добзера, была доказательством для Андрола. Человек, которого он знал, ушел, убит, и что-то еще — что-то злое — было помещено в его тело. Новая душа. Должно быть это так.

— Кем бы он ни был, — сказала Певара — Я до сих пор сомневаюсь, что вы сможете заставить его

говорить.

— Лучшие убеждения, — сказал Эмарин, заложив руки за спину, — это те, которые не ведут к принуждению. Певара Седай, если вы будете так любезны, снимите плетение с его ушей так, чтобы он начинал нас слышать, но только снимайте их самым незначительным образом, как будто плетение само спадает. Я хочу, чтобы он подслушал то, что собираюсь сказать.

Она подчинилась. По крайней мере, Андрол предположил, что она это сделала.

Быть соединенным двойными узами не означало, что они видели плетения друг друга. Он мог

чувствовать ее беспокойство.

Она думала о Друзьях Тёмного, которых она опросила и желала... что-то. Какой-то инструмент, который она использовала против них?

— Я думаю, мы могли бы спрятаться в моем поместье, — сказал Эмарин надменный голосом.

Андрол моргнул. Человек держался выше, более гордо, более авторитетно. Его голос стал мощным, высокомерным. Точно также, как когда он был дворянином.

— Никто не догадается искать нас там, — продолжил Эмарин, — Я приму Вас как своих партнёров и младшие среди нас — молодой Ивин,

например — могут работать для занятости в качестве прислуги. Если мы сделаем всё правильно, мы можем создать конкурента Черной Башне.

Я... не знаю насколько мудро это будет, — сказал Андрол, подыгрывая.

— Тихо, — сказал Эмарин, — Я спрошу ваше мнение, когда оно будет требоваться. Айз Седай, единственный способ, с которым мы будем конкурировать с Белой и Черной Башнями, — это, если мы создадим место, где мужчины и женщины, которые умеют направлять, будут работать вместе. Э...Серая Башня, если вам будет

угодно.

— Это интересное предложение.

— Это единственная вещь, которая имеет смысл, — сказал Эмарин, затем повернулся к их пленнику.

— Он не слышит, о чём мы говорим?

— Нет, — сказала Певара.

— Тогда отпустите его. Я хотел бы поговорить с ним.

Певара нерешительно сделала как было велено. Добзер спал до пола, едва поймав себя. Он споткнулся на мгновение на своих неустойчивых ногах, и сразу посмотрел в сторону выхода.

Эмарин протянул руку за спину, вытащил что-то из-за пояса и бросил его на пол. Небольшой мешок. Он зазвенел, когда ударился об пол.

— Мастер Добзер, — сказал Эмарин.

— Что это? — спросил Добзер, предварительно присев на корточки и взяв мешок. Он заглянул в него, и его глаза заметно расширились.

— Оплата, — сказал Эмарин.

Добзер сузил свои глаза.

— За что?

— Вы меня не поняли, мастер Добзер, — сказал Эмарин, — Я не прошу, чтобы вы сделали что-то, я плачу вам в качестве извинения. Я послал Андрола сюда, чтобы просить

вашей помощи, и он, кажется...
вышел за границы своих
полномочий.

Я просто хотел поговорить с
вами. Я не хотел вас видеть,
завернутым в потоки воздуха и
замученным.

Добзер оглядел себя
подозрительно.

— Где ты нашёл деньги,
Эмарин? Почему ты думаешь, что
можешь приказывать? Ты простой
солдат...

Он снова посмотрел на
содержимое в мешочке.

— Я вижу, что мы понимаем
друг друга, — сказал улыбаясь
Эмарин, — Вы поддержите моё

прикрытие для меня тогда?

— Я. — Добзер нахмурился. Он посмотрел на Вилина и Лимза, лежащих на полу без сознания.

— Да, — сказал Эмарин, — Это будет проблемой, не так ли? Вы же не предполагаете, что мы могли просто дать Таиму обвинить Андрола в этом?

— Андрол? — сказал фыркая Добзер, — Мальчик-слуга? Снял двух Аша'манов? Никто не поверил бы ему. Никто.

— Действительно, мастер Добзер, — сказал Эмарин

— Просто дайте им Айз Седай, — сказал Добзер, дергая пальцем в её сторону.

— Увы, я нуждаюсь в ней. Беспорядок, это, чистый беспорядок.

— Ну, — сказал Добсер, — возможно я смогу поговорить с М'Хаэлем для вас. Вы знаете, выяснить у него.

— Это было бы весьма ценно, — сказал Эмарин, беря стул у стены и, поставив его для себя, а затем помещая другой до него. Он присел, показывая Добзеру сесть. — Андрол, будь полезен. Найди что-нибудь для мастера Добзера и меня выпить. Чай. Вы любите сахар?

— Нет, — сказал Добсер, — На самом деле, я слышал, что где-то здесь было вино...

— Вино, Андрол, — сказал

Эмарин, щелкая пальцами.

"Ну, подумал Андрол, лучше сыграть эту роль." Он поклонился, стреляя в Добзера яростным взглядом, затем принес несколько чашек и вино из складского помещения. Когда он возвратился, Добзер и Эмарин болтали по-дружески.

— Я понимаю, — сказал Эмарин. У меня были такие проблемы найти надлежащую помощь внутри Черной Башни. Видите ли, сохранение моей личности это крайняя необходимость.

— Я вижу это, Милорд, сказал Добзер, — Да, ведь если бы кто-

нибудь еще узнает, что Благородный Лорд Тира в наших рядах, то не было бы никакого конца облизыванию вашего ботинка. Что я могу сказать вам! И М'Хаэль, ну, в общем, он не хотел бы кого-то с такой властью здесь. Нет, нисколько!

— Вы видите, почему я должен был поддержать свою сдержанность, — объяснил Эмарин, протягивая руку и принимая чашу вина, поскольку Андрол наполнил её.

"Благородный Лорд Тира?" подумал Андрол, удивившись. Добзер, кажется впитывал это будто крепкое спиртное.

— А все мы думали, что вы

подлизывались к Логайну, потому что были глупы! — сказал Добзер.

— Увы, судьба у меня такая. Таим рассмотрел бы меня в тот момент, если бы я проводил слишком много времени вокруг него. Так что я был вынужден пойти с Логайном. Он и тот паренёк Дракон, как, очевидно, фермеры и не признают знатного человека.

— Я скажу вам, милорд, — сказал Добзер, — Я подозревал.

— Так я и думал, — сказал Эмарин, делая глоток вина, — В доказательство что оно не отравлено, — объяснил он, прежде, чем передать чашку Добзеру.

— Все в порядке, милорд, —

сказал Добзер, — Я доверяю вам, — он залпом выпил вино, — Если вы не можете доверять Благородному Лорду, кому тогда можно верить?

— Совершенно верно, — сказал Эмарин.

— Я могу сказать вам вот что, — сказал Добзер, протягивая свою чашу Андролу для наполнения, — вам нужно найти другой способ держаться подальше от Таима. Заигрывание с Логайном больше не сработает.

Эмарин сделал длинный, задумчивый взгляд на собеседника из-под чашки вина.

— Он у Таима. Ясно. Я действительно предполагал, что это

случиться. Велин и другие дурачат всех рассказывая ту историю.

— Да, — сказал Добзер, позволяя Андролу снова наполнить его чашку, — Логайн всё-таки сильный. Требуется больше работы, чтобы Обратить такого человека как он. Сила воли, знаете ли вы? Это может занять день или два, чтобы Обратить его. Так или иначе вы могли бы также прийти к Таиму, объяснить, что готовы для этого. Он поймет, и он продолжает говорить, что мужчины более полезны для него, если они не будут Обращены. Не знаю почему. Иного выбора нет, кроме как Обратить Логайна. Ужасный процесс, — Добсер

задрожал.

— Я пойду и поговорю с ним, мастер Добзер. Случайно не желаете ли вы поручиться за меня? Могу ли я увидеть... эээ, что ваши усилия не прошли зря.

— Несомненно, конечно, — сказал Добзер, — Почему нет? — он наконец допил свое вино, затем встал и покачнулся на ногах, — Таим будет проверять Логайна. Всегда делает проверку в это время ночи.

— Куда нам идти? — сказал Эмарин.

— Скрытые комнаты, — сказал Добзер, — Мы их под фундаментом построили. Вы знаете восточную часть, где был обвал? Это не было

никаким обвалом, просто оправдание, чтобы скрыть дополнительные работы. И... — Добзер колебался.

— И этого достаточно, — сказала Певара, связывая человека в потоках воздухе и укладывая плетения на его уши. Она сложила руки, смотря на Эмарина, — Я впечатлена.

Эмарин протянул руки в жесте смирения.

— У меня всегда был талант к тому, чтобы заставить мужчин чувствовать себя непринужденно. Правда я не предлагал выбрать Добзера, потому что думал, что его будет легко подкупить. Я выбрал его

из-за... ну, преуменьшённых сил к распознаванию выражений.

— Обращение кого-либо к Тени не делает его умнее, — сказал Андрол. — Но если ты мог сделать это, почему мы должны были сперва на него напасть?

— Все дело в контроле над ситуацией, Андрол. — Эмарин сказал. — Такому человеку как Добзер не стоит противостоять в его стихии, окруженному друзьями с большим количеством ума чем у него. Мы должны были напугать его, заставить его корчиться, а затем предложить путь отвертеться,

Эмарон поколебался, глядя на Добзера. — Кроме того, я не думаю

что мы хотели бы рисковать его походом к Таиму, что он вероятнее всего сделал бы, подойди я к нему наедине без угрозы насилия.

— А сейчас что? — спросила Певара.

— Сейчас, — сказал Андрол, — Мы дадим им чего-нибудь выпить, что будет держать их спящими до Бел Тайна. Возьмём Налаама, Кэнлера, Эвина и Джоннета. Подождём пока Таим окончит проверять Логайна; врываемся, спасаем его и возвращаем Башню назад у Тени.

Они стояли в тишине лишь мгновение, комната освещалась только одной мерцающей лампой. Дождь стучал по окну.

— Хорошо, — сказала Певара, — пока это нетрудная задача, есть ещё предложения, Андрол...

Ранд открыл глаза, был немного удивлен, обнаружив, что заснул. Авиенда всё-таки дала ему поспать. По правде говоря, она, скорее, позволила подремать себе, а заодно и ему. Они казалось устали оба. Она, пожалуй, больше.

Он поднялся на ноги на лугу мертвой травы. Он был в состоянии ощутить её беспокойство не только через связь, но и в том, как она держала себя. Авиенда была бойцом, воином, но даже воину нужно что-то, чтобы держаться время от времени. Свет знал, что он и сделал.

Он огляделся. Было похоже на Тел'аран'риод, но не полностью. Мертвые поля окружали со всех сторон, как будто они были бесконечны. Это был не настоящий Мир Снов, это был осколок сна, мир, созданный мощным сновидцем или сновидицей.

Ранд начал идти, под ногами хрустели мёртвые листья, хотя не было никаких деревьев. Он, возможно, смог бы уйти к своим снам; хотя никогда не был так же хорош, как многие Отрекшиеся ходячие по снам, он мог бы справиться. Но любопытство вело его вперед.

"Я не должен быть здесь",

подумал он. "Я поставил защиту. Как он пришел к этому месту, и кто его создал? У него было подозрение. Был один человек, который часто использовал осколки сна."

Ранд почувствовал кого-то поблизости. Он продолжал идти, не оборачиваясь, но знал, что кто-то теперь шел рядом.

— Элан, — сказал Ранд.

— Льюс Тэрин, — Элан все еще был в своём новом теле, высокий, красивый человек, который носил красное и черное, — Всё умирает, и прах скоро будет править. Прах... и ничего.

— Как ты прошёл мою защиту?

— Я не знаю, — сказал

Моридин, — Знал, что если создам это место, ты присоединишься ко мне. Ты не можешь держаться подальше от меня. Узор не позволит. Мы притягиваемся друг к другу, ты и я, раз за разом после времени. Два судна, пришвартованные на одном пляжу, бьются друг с другом с каждым новым приливом.

— Поэтично, — сказал Ранд, — Ты, наконец, отпустил Майрин с поводка, который я видел.

Моридин остановился, и Ранд сделал также, глядя на него. Ярость человека, казалось, пошла от него волнами тепла.

— Она приходила к тебе? — потребовал ответа Моридин.

Ранд ничего не сказал.

— Не притворяйся, что ты знал, что она все еще жива. Ты не знаешь, ты не мог узнать.

Ранд затих. Его эмоции относительно Ланфир казались сложными, независимо, как она называла себя теперь. Льюс Тэрин презирал ее, но Ранд знал ее прежде всего, как Селин и любил ее до того, по крайней мере, пока она не попыталась убить Эгвейн и Авиенду.

Размышление о ней заставили его думать о Морейн, дали надежду, на которую он не может надеяться.

"Если Ланфир жива... могла ли Морейн, а?"

Он встретил взгляд Моридина со

спокойной уверенностью.

— Выпускать её сейчас не имеет смысла, — сказал Ранд, — Она уже не имеет никакой власти надо мной.

— Да, — сказал Моридин, — Я верю тебе. Она ничего не делает, но я думаю, что она все еще тешит себя чем-то. обида на женщину, которую ты выбрал. Как ее зовут? Та, которая из Айил, что носят оружие?

Ранд не поддавался на попытки раздражать себя.

— Майрин ненавидит тебя теперь, так или иначе, — продолжил Моридин, — Я думаю, что она обвиняет тебя в том, что произошло с нею. Ты должен называть ее Синдани. Ей запретили использовать

имя, которое она выбрала сама.

— Синдани... — сказал Ранд, подбирая слова, — "Последний шанс"? У твоего хозяина есть чувство юмора, я вижу.

— Это имя было дано не для того, чтобы над ним смеялись, — сказал Моридин.

— Нет, я полагаю, что это не так, — Ранд смотрел на бесконечные пейзаж мертвой травы и листьев, — Трудно думать, что я так боялся тебя в те первые дни. Знаешь, когда ты вторглся в мои сны и переносил меня в один из этих осколков сна? Я так и не смог понять это.

Моридин ничего не ответил.

— Я помню одно время... —

сказал Ранд, — Сидя у костра, окруженный кошмарами, которые чувствовались подобным в Тел'аран'риод. Ты не был в состоянии втянуть кого-то полностью в Мир Снов, все же я не ходячий по снам, который в состоянии вступить туда самостоятельно.

Моридин, как и остальные Отрекшиеся, часто входил в Тел'аран'риод во плоти, что было особенно опасно. Некоторые утверждали, что хождение по снам во плоти было

злом, лишаящим тебя части человечности. В то же время это делало тебя более могущественным.

Моридин не дал ключа к

разгадке того, что произошло в ту ночь. Ранд плохо помнил те дни, когда он продвигался к Тиру. Он помнил видения в ночи, видения его друзей или родных, пытающихся убить его. Моридин... Ишамаэль... насильно затягивал его во сны, соприкасающиеся с Тел'аран'риодом.

— Ты был безумен в те дни, — тихо сказал Ранд, глядя Моридину в глаза. Он почти мог разглядеть пылающие в них огни. — Ты ведь до сих пор безумен, не так ли? Это ведь неотъемлемая часть тебя. Никто не может служить ему, не являясь хотя бы немного безумным.-

Моридин шагнул вперед.

— Насмехайся как хочешь, Льюс

Терин, — Наступает конец. Все сущее будет отдано на великое удушение Тёмному, чтобы навсегда было растянутым, разорванным и раздавленным.

Ранд шагнул ему навстречу, прямо к Моридину. Они были одинакового роста:

— Ты ненавидишь себя, — прошептал Ранд, — Я могу почувствовать это в тебе, Элан. Раньше ты служил ему ради власти, теперь ты делаешь это, потому что его победа — и конец всего — единственный способ освободиться, который ты знаешь. Ты предпочтешь не существовать, чем оставаться быть собой. Ты должен знать, что он не

отпустит тебя. Никогда. Не тебя.

Моридин усмехнулся.

— Он позволит мне убить тебя прежде, чем все кончится, Льюс Терин. Тебя, и ту златоволосую, потом айильскую женщину, и маленькую темноволосую...

— Ты ведешь себя, как будто есть соперничество между мной и тобой, Элан, — перебил его Ранд.

Моридин засмеялся, откидывая голову назад.

— Конечно есть! Разве ты еще не заметил это по рекам пролитой крови, Льюс Терин! Это касается нас обоих. Как в прошедшие Эпохи, снова и снова, мы сражаемся друг с другом. Ты и я.

— Нет, — произнес Ранд, — Не в этот раз. Я закончил с тобой. У меня есть более важная битва.

— Не пытайся...-

Солнечный свет взорвался через облака наверху. Обычно в Море Снов не было солнечного света, но теперь он заполнял пространство вокруг Ранда.

Моридин откинулся назад. Он посмотрел на свет, затем пристально посмотрел на Ранда и сузил глаза.

— Не думай... не думай, что я поверю твоим простым уловкам, Льюс Терин. Вейрамон был потрясен тем, что ты проделал с ним, но это не так трудно, держась за саидин, прислушиваться к сердцебиению

людей, когда оно убыстряется.

Ранд поддался своим желаниям. Потрескивающие мертвые листья начали преобразовываться в его ногах, становясь зелеными, и побеги травы прорвались через листья.

Зелень разрасталась вокруг него как разлитая краска, а тучи укатывались в даль.

Глаза Моридина открылись ещё шире. Он споткнулся, уставившись на небо, поскольку облака отступили... Ранд мог почувствовать его шок. Всё-таки это был осколок сна Моридина.

Однако, чтобы привлечь другого, нужно поместить его рядом с Тел'аран'риодом. Такие правила обычно применяются. Существовало

что-то ещё, что-то вроде связи между двумя из них.

Ранд шагнул вперед, поднимая руки в стороны. Трава прорастала волнами, красные цветы вырывались из под земли подобно румянцу. Буря успокоилась, темные облака были выжжены светом.

— Скажи своему хозяину! — командовал Ранд, — Скажи ему, что этот бой не похож на другие. Скажите ему, что я устал от его приспешников, что я закончил с мелким движением его пешек. Скажите ему, что я иду за НИМ!

— Это неправильно, — сказал Моридин, явно потрясенно, — Это не так...

Он взглянул на Ранда лишь мгновение, стоя под солнечными лучами, а затем исчез.

Ранд сделал глубокий вздох. Трава умирала вокруг него, облака возвращались назад, солнечный свет исчезал. Хотя Моридин ушёл, держаться за такое преобразование пейзажа было трудным делом. Ранд осел, пришла отдышка после такой работы.

Здесь, желание сделать что-либо правдой может сработать. Если бы все было так просто в реальном мире.

Он закрыл глаза и вернулся, чтобы немного поспать, прежде чем он должен будет подняться.

Подняться, и спасти мир. Если он сможет.

Певара присела рядом с Андролом в эту дождливую ночь. Ее плащ промок насквозь. Она знала пару плетений, которые были бы полезны против этого, но она не смела направлять силу. Ей и другим придётся столкнуться с Обращёнными Айз Седай и женщинами из Черной Айя. Они смогут почувствовать, если она будет направлять??.

— Они определенно охраняют эту часть, — прошептал Андрол. Перед ними земля была перекопана в такой последовательности, будто лабиринт кладок и траншей. Там

лежали созданные помещения, что в конечном счете вернут Чёрной Башне надлежащий вид. Если Добзер был честен, другие помещения были созданы под фундаментом — скрытые камеры, уже законченные, которые продолжали быть секретным, поскольку и сама Башня была так построена.

Пара Аша'манов Таима вели поблизости беседу. Хотя они попытались казаться беспечными, эффект был испорчен погодой. Кто хотел бы стоять снаружи такой ночью как эта?

Несмотря на теплую жаровню, которая освещала их и потоки воздуха, чтобы дождь проходил мимо,

их присутствие было
подозрительным.

"Охранники." Певара
попыталась послать мысль Андролу
напрямую.

"Это сработало." Она могла
почувствовать его удивление, как
мысль вторглась в его собственные.

Что-то возвращается, нечётко.
"Мы должны воспользоваться
преимуществом."

"Да," мысленно ответила она.
Следующая мысль была слишком
сложна, таким образом, она
прошептала ему, — Как вы никогда
прежде не замечали, что он ставит
охрану здесь ночью? Если
действительно есть секретные

помещения, то работа над ними также велась ночью.

— Таим установил комендантский час, — шёпотом отвечал Андрол, — Он позволяет нам игнорировать его только тогда, когда удобно ему, например, при возвращении вечером в Велина. Кроме того, эта область является опасной, с теми ямами и траншеями. Это было достаточно хорошей причиной для установки охранников, за исключением...

— За исключением, — продолжила за него Певара, — Таим точно не из тех, кто заботится, если ребенок или два сломали шею, ковыряясь здесь.

Андрол кивнул.

Певара и Андрол ждали под дождем, считая вдохи, пока три полосы огня не выплыли из ночи и ударили охранников прямо по головам. Два Аша'мана упали, словно мешки с зерном. Налаам, Эмарин и Джоннет сделали свою работу отлично. Быстро направляя силу, при удачном стечении обстоятельств, ее либо не заметят или будут думать, что это работа мужчин Таима на страже.

"Свет", подумала Певара. "Андрол и его товарищи действительно оружие. Она и не думала полагать, что Эмарин и другие будут вести смертельные

атаки. Это было полностью вне ее опыта как Айз Седай. Айз Седай даже не убивали Лжедраконов, если они могли тем самым помочь ему."

— Укрощение убивает, — сказал Андрол, смотря вперед, — Хотя и медленно.

"О, Свет! Действительно, должно быть много преимуществ в их связи — но она катастрофически неудобна. Ей надо бы попрактиковаться в защите своих мыслей."

Эмарин и другие вышли из темноты, присоединившись к Певаре и Андролу у жаровни. Канлер остался позади, с другими Двуреченскими ребятами, готовыми

вести их из Черной Башни при попытке побега если что-то пойдёт не так сегодня ночью. Имело смысл оставить его, несмотря на его протесты. У него была семья.

Они оттащили трупы в тень, но оставили жаровню гореть. Те кто высматривает охранников увидели бы, что свет был все еще там. Ночь была настолько туманной и дождливой, что пришлось бы значительно приблизиться, чтобы понять, что ее обслуживающий персонал исчез.

Хотя он часто жаловался, что не знал почему остальные последовали за ним, Андрол сразу же возглавил эту группу, отправив Налаама и

Джоннета следить за краем котлована. Джоннет нес свой лук, с ослабленной из за сырости ночи тетивой. Они надеялись, что дождь будет продолжать лить и они смогут использовать его, дабы не рисковать, используя Единую Силу.

Андрол, Певара и Эмарин скатились по одному из грязных склонов в котлован, который были вырыт. Грязь брызнула на нее, когда она плюхнулась на дно, но поскольку она была уже мокрая — дождь быстро смыл грязь

Котлован был сделан из камня и построен так, чтобы сформировать стены между комнатами и коридорами. Здесь, внизу, он стал

похож на лабиринт, с постоянным потоком дождя, падающий сверху. Утром, Аша'манов — солдат пошлют сюда чтобы высушить это место.

— Как мы найдём вход? — поинтересовалась Певара.

Андрол опустился на колени, очень маленький светящийся шар парил над его рукой. Капли дождя, проходя через свет, были похожи на крошечные метеориты которые стремительно вспыхивали и исчезали. Он расслабил пальцы позволяя каплям скатиться на землю.

Он посмотрел вверх, затем показал направление.

— Она убегает в ту сторону, — прошептал он. — Она течет куда-то.

Вот там мы и найдем Таима.

Эмарин одобрительно хмыкнул. Андрол поднял руку, призывая Джоннета с Налаамом следовать за ним вниз, и осторожно ступая пошёл вперёд.

— Вы. Тихо. Двигайтесь. Отлично, — прошептала она.

Воспитанный как следопыт, он возвращался обратно. В леса. В Горы Тумана.

Сколько же ремесел он перепробовал за свою жизнь? Она беспокоилась о нем. Жизнь в том виде, как он её прожил могла привести к отвращению миром, к нетерпению ко всему. Но то, как он говорил о Черной башне. страсть, с

которой он стремился в бой. это совсем иное. Это не просто преданность Логайну. Да, Андрол и другие уважали Логайна, но для них он представляет собой нечто гораздо большее. Особое место, где такие люди, как они, могли быть приняты.

Такая жизнь как у Андрола указывает на человека, который не спокоен или не удовлетворен ей, но также свидетельствует о другом: о человеке, который находится в поисках. Человек который знал: что жизнь которую он хочет существует где-то. Ему просто необходимо найти её.

— Они учат тебя так анализировать людей в Белой

башне? — прошептал ей Андрол, остановившись в дверном проеме и направив свой световой шар внутрь, после чего махнул остальным следовать за ними.

Ну уж нет, она отправится обратно и будет практиковаться в этом способе общения, чтобы её мысли были более расплывчаты.

Если, конечно, женщина может что то изучить после первой сотни лет.

Он отправился обратно после напряжённых развлечений. Они прошли вдоль нескольких незавершённых комнат, ни в одной из них не было крыши, пока не добрались до участка с

необработанной землей. Некоторые бочки здесь стояли на шаг друг от друга, но были сдвинуты в сторону и крышки, обычно находящиеся сверху, были сдвинуты. Здесь была видна яма в земле. Вода переливалась через край ямы и падала вниз, в темноту. Андрол опустился на колени и прислушался, затем, кивнув в другом, сполз в нее. Через секунду раздался всплеск.

Певара последовала за ним, опустившись лишь на несколько футов. Вода под ногами была холодная, но она уже промокла. Андрол сгорбился, указывая дорогу под земляным навесом, затем встал на другой стороне. Его маленький

шар света освещал туннель. Здесь была вырыта траншея, чтобы удерживать дождевую воду. По суждению Певары они стояли прямо над ней, когда разбирались с охраной.

"Добзер прав", думала она, пока остальные спускались позади. "Таим построил секретные туннели и комнаты."

Они пересекли траншею и двинулись дальше. Спустившись немного вниз по туннелю они достигли перекрестка где земляные стены были укреплены наподобие валам шахт. Все пятеро собрались там посмотрев в одном направлении, затем в другом. Два пути.

— Этот путь клониться вверх, — прошептал Эмарин, указывая налево, — Может быть к другому входу в эти туннели?

— Нам, вероятно, следует двигаться глубже, — сказал Налаам, — Вам не кажется?

— Да, — сказал Андрол, облизывая палец и проверяя воздух, — Ветер дует справа. Сначала мы пойдем этим путем. Будьте осторожны. Там будут другие охранники.

Группа скользнула глубже в туннели. Как долго Таим работал над этим комплексом? Он не казался очень большим — они не прошли никаких других разветвлений — но

все же, он был впечатляющим.

Внезапно Андрол остановился, и другие подтянулись к нему. Ворчащий голос эхом раздавался в туннеле, слишком мягкий чтоб разобрать слова, сопровождаемый мерцающим светом на стенах. Певара обняла источник и сплела потоки. Если она направит, заметит ли кто-либо в сооружении? Андрол также колебался; направлять вверх чтоб убить стражу было и так достаточно подозрительно. Если люди Таима здесь, внизу почувствовали использование Единой Силы...

Фигура приближалась, ее освещал свет фонаря.

Скрип слышался позади нее когда Джоннет выхватил натянутый двуреченский лук. В туннеле едва хватало места для него. Он выстрелил с щелчком, засвистел воздух. Ворчание стихло, фонарь упал.

Группа пробралась вперед и нашла Котерена лежащего на земле со стеклянными глазами и стрелой пронзившей грудь. Его фонарь слабо горел на земле рядом с ним. Джоннет вынул стрелу и вытер ее об одежду мертвеца.

— Вот почему я все еще ношу лук, ты, чертов сын козла.

— Здесь, — сказал Эмарин, указывая на массивную дверь. —

Котерен охранял ее.

— Приготовьтесь, — прошептал Андрол и распахнул массивную деревянную дверь. За ней они увидели ряд грубых клеток встроенных в глиняную стену — каждая немного больше каморки с крышей зарытой в землю с дверью в проеме. Певара заглянула в одну из них, оказавшуюся пустой. Уютное местечко не позволяло человеку встать в полный рост и не было освещено. Быть запертым в тех клетках значило быть в ловушке тьмы, сжатым в пространстве подобном могиле.

— Свет! — сказал Наалам, — Андрол! Он внутри! Это Логайн!

Остальные поторопились присоединиться к нему и Андрол сломал замок на удивление умелой рукой. Они распахнули дверь клетки и Логайн выкатился оттуда со стоном. Он выглядел ужасно, покрытый грязью. Когда-то, вьющие темные волосы и сильное лицо возможно сделали его красивым. Он казался слабым как нищий.

Он закашлялся, затем поднялся на колени с помощью Налаама. Андрол немедленно упал на колени, но не проявляя почтение. Он всматривался в глаза Логайна, тогда как Эмарин дал лидеру Аша'манов его флягу чтобы попить.

— В порядке? — спросила

Певара.

"Это он", мысль Андрола, волна облегчения прошла сквозь узы. "Это все еще он."

"Они бы отпустили его, если бы он был обращен, ответила Певара, все более комфортно благодаря такому способу общения."

"Возможно. Если это не западня."

— Мой Лорд Логайн.

— Андрол, — голос Логайна дребезжал, — Джоннет. Налаам. И Айз Седай? — он посмотрел на Певару. Для человека, который по-видимому провел в заточении дни, а, быть может, и недели, он выглядел на удивление ясным, — Я помню тебя.

Из какой ты Айя, женщина?

— Разве это важно? — ответила она.

— Очень, — сказал Логайн, пытаясь встать. Он был слишком слаб, и Налааму пришлось поддерживать его, — Как вам удалось найти меня?

— Расскажем, когда будем в безопасности, мой Лорд, — сказал Андрол. Он выглянул из дверного проема, — Двигаемся. У нас все еще трудная ночь впереди. Я...

Андрол замер, затем захлопнул дверь.

— Что это? — спросила Певара.

— Направляют, — сказал Джоннет, — Сильные.

Вопли, приглушенные дверью и грязными стенами, звучали снаружи в туннеле.

— Кто-то нашел стражу, — сказал Эмарин. — Мой Лорд Логайн, сможете ли вы драться?

Логайн попробовал стоять самостоятельно, но осел снова. Его лицо стало решительным, но Певара почувствовала разочарование Андрола. Логайну дали корень вилочника; или это, или он просто устал, чтобы направлять. Не удивительно. Певара видела женщин и в лучшем состоянии, но они были слишком измотаны, чтобы обхватить Источник.

— Назад! — закричал Андрол,

отступая в сторону от двери, — За глиняную стену, — дверь взорвалась в потоке пламени и разрушения.

Певара не ждала пока осядут обломки; она сплела огонь и выпустила столб разрушения вниз за пределы туннеля. Она знала, что противостоит Друзьям Темного, или даже хуже. Три клятвы ее здесь не сдерживали.

Она услышала крики, но что-то отклонило огонь. В тот же момент щит попытался отрезать ее от Источника. Она с трудом отбила его и нырнула в сторону, тяжело дыша.

— Кто бы это ни был, они сильны, — сказала Певара.

Голос вдалеке отдавал приказы,

отзываясь эхом в туннелях.

Джоннет опустился на колени позади нее, отклоняясь. — Во имя Света, это голос Таима!

— Мы не можем стоять здесь, — сказал Логайн. — Андрол. Врата.

— Пытаюсь, — ответил Андрол. — Во имя Света, я пытаюсь!

— Вот еще, — Налаам отпустил Логайна возле стены. — Я бывал и в худших передрягах раньше!

Он присоединился к остальным в дверном проеме выпуская плетения вниз по коридору. Взрывы сотрясли боковые стены и грязь потекла с крыши.

Певара прыгнула в дверной

проем, выпуская плетение, потом опустилась на колени рядом с Андролом. Он уставился вперед, ничего не видя, лицо превратилось в маску концентрации. Она чувствовала определенность и разочарование сквозь узы. Она взяла его руку.

— Ты можешь сделать это, — прошептала она.

Дверной проем провалился, и Джоннет упал назад с обожженной рукой. Земля дрожала, стены начали распадаться на куски.

Пот тек по лицу Андрола. Он сжал зубы, его лицо покраснело, глаза широко открылись. Дым валил через дверной проем заставляя

Эмарины кашлять, в то время как Налаам исцелял Джоннета.

Андрол закричал, и он почти достиг верха той стены в его сознании. Он был почти там! Он мог...

Плетение ударило об комнату, земля зарыбила, и деформированная крыша наконец провалилась. Земля полилась вниз на них и все потемнело.

Глава 5

Потребовать Дар

Ран ал" Тор проснулся и глубоко вздохнул. Выскользнул из под одеял в своей палатке, стараясь, не разбудить дремлющую еще Авиенду, и накинул одежду. Воздух пах сыростью.

И невзначай вспомнил свою юность, такие же утренние часы — ранние, еще до рассвета подъемы на первую за день — утреннюю — дойку коровы. Прикрыв глаза, он вспомнил звуки, доносившиеся из

сарая где давно уже ставший Тэм ладил новые столбы для изгороди. Вспомнил прохладу воздуха, вспомнил как натягивал свои сапоги, как умывался теплой, оставленной греться у печки, водой.

Каждый день, распахнув дверь своего дома, фермер мог взглянуть на обновленный и посвежевший мир. Первые, еще неуверенные, трели птиц. Солнечные лучи над горизонтом, когда казалось, что мир зевает, пробуждаясь.

Ранд подошел к откидным створкам своей палатки и отодвинул их, кивая Кэтерин, Дева с короткими золотыми волосами, которая была на страже. Он смотрел на мир, который

был совсем не новым. Этот мир был старым и усталым, как корабейник, который побывал у Хребта Мира и вернулся пешком. Палатки переполняли Поле Меррилор, повара готовили на огне, столбы дыма, которого тянулись ко все еще темному утреннему небу.

Всюду, люди работали. Солдаты смазывали броню. Кузнецы заостряли наконечники копий. Женщины подготавливали перья, чтобы они оперить стрелы. Завтраки подавали от фургонов для еды людям, которые должны были спать лучше, чем они могли. Все знали, что это были последние моменты жизни, перед тем как придёт буря.

Ранд закрыл глаза. Он мог чувствовать это, саму землю, словно слабые узы Стража.

Под его ногами личинки проползали в почву. Корни трав продолжали распространяться, очень медленно, ища питательные вещества. Структуры деревьев не были мертвы, поскольку вода просачивалась через них. Они дремали. Синицы группировались на соседнем дереве. Они не звали прибытие рассвета. Они толпились вместе, как будто для теплоты.

Земля все еще жива. Она жива как человек, цепляющийся за край утеса кончиками пальцев.

Ранд открыл глаза:

— Мои писцы вернулись из Тира?

— Да, Ранд Ал'Тор, — ответила Кэтерин.

— Пошлите послания другим правителям, — сказал Ранд, — Я встречу с ними через один час в центре поля, где я приказал, чтобы никакие палатки не были размещены.

Кэтерин ушла, чтобы передать его распоряжения, оставляя трех других для его охраны. Ранд позволил откидным створкам палатки близко закрыться за ним, обернулся и подскочил, когда он нашёл Авиенду, стоящей в палатке, столь же голёхонькой как в тот день, что она

родилась.

— Очень трудно подкрасться к тебе, Ранд ал'Тор, — объявила она с улыбкой, — Узы дают тебе слишком много преимущества. Я должна двигаться очень медленно, как ящерица в полночь, так, чтобы твои чувства, где я, не изменялись слишком быстро.

— Свет, Авиенда! Зачем тебе вообще подкрадываться ко мне?

— Для этого, — ответила она, затем подскочила вперед, хватая его голову и целуя, ее тело прижалось к нему.

Он расслабился, позволяя поцелую задержаться.

— Неудивительно, —

пробормотал он, не отрываясь от её губ, — это гораздо приятнее теперь, когда я не должен волноваться о том, как бы не отморозить себе что-нибудь.

Авиенда отступила.

— Ты не должен говорить о том случае, Ранд ал'Тор.

— Но...

— Мой тох заплачен, и я теперь первая сестра Илэйн. Не напоминай мне о позоре, который забыт.

"Позор? Почему она стыдиться этого, когда сейчас... Он покачал головой. Он мог услышать дыхание земли, мог ощутить жука на листе в половине лиги отсюда, но иногда он не мог понять Айил. Или возможно

это были просто женщины."

Вероятно в этом случае причины две...

Авиенда колебалась около бочки пресной воды.

— Я полагаю, что у нас не будет времени для ванны.

Ох, теперь тебе стали нравиться ванны?

— Я приняла их как часть жизни, — сказала она, — Если я соберусь жить в мокроземных местах, то тогда я приму некоторые обычаи. Когда они не глупы, — ее тон указывал, что большинство из них как раз были.

— Что случилось? — спросил Ранд, подходя к ней.

— Случилось?

— Что-то беспокоит тебя, Авиенда. Я вижу это в тебе, чувствую.

Она критически оглянула его. Свет, до чего же она была красива.

— Тобой было намного легче управлять до того, как ты получил древние знания из своей прошлой жизни, Ранд Ал'Тор.

— Легче? — спросил он, улыбаясь, — А по-твоему поведению этого не было видно,

— Это было тогда, когда я была ещё в качестве дитя, незнающего безграничные возможности Ранда Ал'Тора, — она опустила руки в воду и вымыла лицо, — Это хорошо; если

бы я знала то, что должна была идти с тобой, то я, возможно одела бы белое и никогда не снимала бы его.

Он улыбнулся, затем направил, сплетая потоки Воды и вытягивая жидкость от бочки струёй. Авиенда отстранилась, посматривая на это с любопытством.

— Тебя больше не беспокоит мысль о мужчине, способном направлять, — заметил он, поддерживая воду в воздухе и подогревая её нитью Огня.

— Больше нет причины для беспокойства. Если бы мне было некомфортно рядом с тобой направляющим, я бы повела себя как мужчина, отказывающийся забыть

позор женщины после того, как она выполнила свой тох, — девушка смотрела на него.

— Не могу представить себе кого-нибудь настолько грубого, — сказал он, отбрасывая в сторону свою одежду и приближаясь к ней, — Вот. Это наследие от этой древней мудрости, которую ты видимо считаешь такой разочаровывающей.

Он приподнял воду, идеально разогретую, и разбил ее в густое облако тумана, которое сразу обволокло их. Авиенда вздохнула, сжав ему руку. Возможно она все больше свыкалась с мокрыми землями, но вода по-прежнему заставляла ее чувствовать себя

некомфортно и испытывать благоговение.

С помощью Воздуха Ранд схватил немного мыла, раздробил его в щепки и смешал с водой, посылая вихрь пузырей вокруг них, вращаясь в водовороте и поднимая их волосы вверх, при этом у Авиенды они закрутились в колонну, прежде чем легко опуститься обратно к ней на плечи.

Еще одним потоком теплой воды он смыл мыльную пену, потом удалил почти всю воду, оставив их тела чуть влажными, но не мокрыми. Слил всю воду обратно в бочку и долей сожаления отпустил саидин.

Авиенда тяжело дышала.

— Это... Это было полным безумием и безответственностью.

— Спасибо, — произнес он, забирая полотенце и бросая его ей, — Ты назовешь безумным и безответственным почти все то, что мы делали в Эпоху Легенд. Это было другое время, Авиенда. Тогда было гораздо больше направляющих, и мы практиковались с детских лет. Нам не требовалось знать про такие вещи, как война или о том, как убивать. Мы избавили мир от боли, голода, страданий, войны. Вместо этого мы использовали Единую Силу для вещей, которые могут показаться простыми.

— Вы только предполагали, что

ВЫ ИСКЛЮЧИЛИ ВОЗМОЖНОСТЬ
ВОЙНЫ, — сказала со вздохом
Авиенда, — Вы были неправы. Ваше
заблуждение сделало вас слабыми.

— Сделало. Тем не менее, я не
могу решить, хотел бы изменить это.
Было много хороших лет. Хороших
десятилетий, хороших веков. Мы
верили, что живем в раю. Возможно
это было нашим падением. Мы
хотели, чтобы наши жизни были
идеальны, и мы игнорировали
несовершенство. Проблемы
увеличивались из-за нашей
невнимательности, и война могла
стать неизбежно, если бы Скважина
никогда не была пробита, — Он
насухо вытер себя полотенцем.

— Ранд, — сказала Авиенда, приближаясь к нему, — Сегодня я попрошу, чтобы ты исполнил мою просьбу, — она положила свою ладонь на его руку. Кожа на ее руке была грубой, мозолистой с тех времен, когда она была Девой. Авиенда никогда не будет похожа на этих изнеженных дам из дворов Кайриэна или Тира. Ранду это нравилось. Её руки знали, что такое работа.

— Что за просьба? — спросил он, — Я не уверен, что могу отказать тебе в чем-нибудь сегодня, Авиенда.

— Я не уверена, что так и случится.

— Я не понимаю.

— Тебе не надо понимать, — сказала она, — И тебе не надо обещать, что ты согласишься. Я чувствую, я должна предупредить тебе, что это не повлияет на мои чувства к тебе. Моя просьба потребует от тебя изменить свои планы, возможно радикально, и это будет важно.

— Хорошо...-

Она кивнула, как всегда загадочно, и начала подбирать одежду на день.

Во сне Эгвейн обходила вокруг замерзшей колонны стекла. Это выглядело почти как столб света. Что это значит? Она не могла найти объяснений.

Видение поменялось — теперь это была сфера. Мир, каким-то образом она это знала.

Раскалывается. Она обвязывала его веревками, отчаянно пытаясь сдержать. Она могла бы сохранить его от разрушения, но это отнимало так много сил...

Она покинула сон и начала просыпаться. Сразу же обняла источник и сплела свет. Где она была?

Она была одета в ночную рубашку и лежала в постели в Белой Башне. Не ее собственные покои, которые были все еще в плохом состоянии после нападения убийц. Для её исследования Мира Снов

была небольшая комната, где она и расположилась на ночлег.

В голове пульсировало. Она смутно могла припомнить нарастающую усталость прошлой ночью, когда слушала донесения в своей палатке на Поле Меришор о падении Кэймлина. В какой-то момент последних часов ночи Гавин настоял, чтобы Найнив сплела ворота обратно в Белую Башню и Эгвейн могла бы поспать в кровати, а не на тюфяке, лежащем на земле.

Эгвейн ворчала про себя, поднимаясь. Он, наверное, был прав, хотя она могла отчетливо помнить чувство раздражения в его тоне. Никто не поправил его за это, даже

Найнив. Она потеряла виски. Головная боль была не такая сильная, какой она была, когда Халима "заботилась" о ней, но сейчас тоже довольно больно. Несомненно, ее тело выражало недовольство в связи с отсутствием сна, которое она давала в последние недели.

Немного позже — одетая, умытая и чувствуя себя немного лучше — она покинула свои комнаты, чтобы найти Гавина, сидящим за столом Сильвианы, просматривающего отчет, игнорируя принятую, которая задержалась около дверного проема.

— Она повесила бы тебя из окна за пальцы твоих ног, если бы

увидела, что ты делаешь, — сухо сказала Эгвейн.

Гавин подскочил:

— Это не отчет от ее шпионов, — запротестовал он, — Это последние новости от моей сестры о Кэймлине. Это прибыло через ворота для тебя всего несколько минут назад.

— И ты читаешь это?

Он покраснел.

— Сожги меня Свет, Эгвейн. Это — мой дом. Оно не было запечатано. Я думал...

— Всё в порядке, Гавин, — сказала она со вздохом, — Давай посмотрим, что там написано.

— Не очень много, — сказал он

с гримасой, вручая ей письмо. В стороне от него поклонилась принятая и умчалась. Немного позже девочка возвратилась с подносом высохших сухофруктов, хлеба и кувшином молока.

Эгвейн села за ее стол для учёбы, чтобы поесть, чувствуя себя виноватой, поскольку принятая ушла. Большая часть Айз Седай и солдат Башни расположилась лагерем в палатках на Поле Меррилор, в то время как она обедала фруктами, независимо от того какого возраста, и спала в удобной постели?

Однако, аргументы Гавина имели смысл. Если бы все думали, что она была в своей палатке на

Поле, то потенциальные убийцы ударили бы там. После ее почти смерти в руках убийц Шончан, она была готова принять несколько дополнительных предосторожностей. Особенно те, которые помогли ей получить хороший сон ночью.

— Эта Шончанская женщина, — сказала Эгвейн, смотря в свою чашку, — С тем Иллианцем. Ты говорил с нею?

Он кивнул.

— У меня есть пара стражей из Башни, наблюдающие за этой парой. Найнив ручалась за них в своей манере.

— В своей манере?

— Она называла женщину несколько по-разному, что-то с шерстью в голове, но сказала, что, вероятно, она не причинит тебе вреда.

— Замечательно, — Ну, Эгвейн могла бы использовать Шончанку, которая готова с ней говорить. Свет. Что, если она должна будет бороться с Шончан и троллоками одновременно?

— Ты не принял свой?? собственный совет, — сказала она, отмечая красные глаза Гавина, когда он сел на стул перед ее столом.

— Кто-то должен был следить за дверью, — сказал он. — Если бы я вызвал охрану все узнали бы что ты

не на Поле.-

Она откусила кусочек хлеба — из чего он сделан? — и просмотрела отчет. Он был прав, но ей не нравится идея, что ему приходится обходиться без сна в такой день. Только узы стража помогали ему до сих пор.

— Таким образом, город действительно потерян, — сказала она, — Стены разрушены, дворец захвачен. Троллоки сожгли город не полностью, я погляжу. Большую его часть, но не весь.

— Да, — сказал Гавин, — Но очевидно, что Кэймлин мы потеряли.

Она почувствовала его напряжение через узы.

— Мне жаль.

— Многие люди бежали, но трудно сказать, каким было население города до нападения, с таким-то количеством беженцев. Сотни тысяч, скорее всего, мертвы.

Эгвейн вздохнула. Большая армия стоит человек, потерянных в эту ночь. Это было, вероятно, только начало грядущей жестокости. Сколько людей уже погибло в Кандоре? Они могли только догадываться.

Кэймлин поставлял большую часть продовольствия для армии Андора. Она чувствовала себя слабой, думая о таком количестве людей — о сотнях тысяч — уходящих

далеко от горящего города. Все же эта мысль была менее ужасающей, чем риск голодания войскам Илэйн.

Она подготовила для Сильвианы записку с требованием послать всех сестер, достаточно сильных, чтобы обеспечить исцеление для беженцев, и врата, чтобы доставить их в Беломостье. Возможно, она могла бы доставить туда припасы, хотя Белая Башня уже очень напряжена.

— Ты просмотрела примечания внизу? — спросил Гавин.

Она этого не сделала. Эгвейн нахмурилась, затем просмотрела предложение, добавленное в внизу рукой Сильвианы. "Ранд ал'Тор потребовал, чтобы все встретились с

ним..."

Она посмотрела на старые, деревянные часы в комнате. Встреча была через полчаса. Девушка застонала, затем начала сгребать остальную часть своего завтрака в рот. "Это было недостойно, но сожги её Свет, если она собирается встретиться с Рандом на пустой желудок."

— Я готова придушить этого мальчишку, — сказала она, вытирая лицо. — Ну давай, пошли уже.

— Мы всегда можем задержаться, — вставая возразил Гавин — И показать, что он нам не указ.

И позволить ему встретиться со

всеми пока меня нет и я не могу ничего возразить на его слова? Мне это не нравится. Сейчас бразды правления в руках Ранда. А всем очень хочется узнать, что же он задумал сделать.

Она сделала врата назад к ее палатке в тот угол, который оградила для Перемещения. Они шагнули вперёд и вышли из палатки навстречу шуму Поля Меррилор. Люди кричали снаружи; с отдаленным постукиванием копыт войска ехали рысью и галопом, чтобы занять позиции для встречи. Понимал ли Ранд то, что сделал здесь? Столько солдат вместе как тут, оставляло резкость и неопределённость,

походило это на бросание фейерверка в котёл и на установление всего этого на печь. В конечном счете всё шло к тому, чтобы начать взрываться.

Эгвейн должна управлять этим хаосом. Она шагнула из своей палатки и сделала лицо невозмутимым, Гавин на шаг позади и слева от неё. Мир нуждался в Амерлин.

Сильвиана ожидала снаружи, официально одетая, с палантином и жезлом, как если бы она собиралась на заседание Совета Башни.

— Посмотри это, как только собрание начнется, — сказала Эгвейн, протягивая ей записку.

— Да, Мать, — сказала женщина, затем отстала на шаг позади Эгвейн и правее нее. Эгвейн не надо было оглядываться, чтобы знать, что Сильвиана и Гавин демонстративно игнорировали друг друга.

На западной стороне ее лагеря, Эгвейн обнаружила толпу Айз Седай, спорящих друг с другом. Она прошла сквозь них, оставив за собой тишину. Конюх подвел ее лошадь Очищающего, вспыльчивого серого в белых пятнах мерина, и после того, как она забралась в седло, взглянула на Айз Седай, — Только Восседающие.

Это вызвало огромное

количество спокойных, организованных жалоб, сделанных с чувством власти, характерным для Айз Седай. Каждая женщина считала, что имеет право быть на встрече. Эгвейн посмотрела на них, и женщины медленно выстроились в линию. Они были Айз Седай, они знали, что они выше склок.

Восседающие собрались, и Эгвейн осмотрела Поле Мериллор пока ожидала. Это была большая треугольная площадь на Шайнарском пастбище, ограниченная с двух сторон сходящимися реками — Мора и Эринин —, и лесами с оставшейся стороны. Травяной покров прерывался Дашарским холмом,

скалистым нагромождением высотой около ста футов с отвесными стенами, а с арафельской стороны Моря Половскими высотами, холмом с плоской вершиной, высотой около сорока футов, с пологими склонами с трех сторон и крутым со стороны реки. К юго западу от Половских высот лежали болота и отмели реки Мора,

известные как Хавальский брод, удобное место для путешествия между Шайнаром и Арафелом.

Рядом был огирский стеддинг, напротив старых каменных руин к северу. Эгвейн высказала свое почтение Огир вскоре после прибытия, но Ранд не пригласил их

на собрание.

Армии сближались. Флаги Порубежников приближались с запада, где Ранд разбил свой лагерь. Флаги Перрина реяли среди них. Странно что Перрин имел свой флаг.

С юга приближалась делегация Илэйн, продвигаясь к месту встречи, прямо в центр Поля. Королева ехала впереди. Ее дворец был сожжен, но она смотрела вперед. Между Перрином и Илэйн тайренцы и иллианцы — "Свет, кто позволил этим армиям расположиться так близко друг к другу?" — маршировали отдельными колоннами, приведя почти все свои войска.

Лучше двигаться быстро. Ее присутствие охладит пыл правителей, возможно предотвратит проблемы. Им не понравится находится рядом с таким количеством Айил. Тут присутствовали все кланы, кроме Шайдо. Она до сих пор не знала поддерживают они Ранда или нет. Кажется, некоторые из Хранительниц Мудрости прислушались к просьбам Эгвейн, но она не получила никаких обещаний.

— Посмотрите туда, — сказала Саэрин, приближаясь к Эгвейн, — Это вы пригласили Морской народ?

Эгвейн покачала головой.

— Нет. Я подумала,

маловероятно, что они будут против Ранда, — по правде, после встречи с Ищущими Ветер в Тел'аран'риоде ей не хотелось снова вступать в переговоры с ними. Она боялась, что проснется и обнаружит, что проторговала им не только своего первенца, но и всю Белую Башню.

Они устроили целое представления, появляясь через Врата около лагеря Ранда, одетые в их цветастые одеяния, Госпожи Парусов и Господа Мечей, гордые как короли.

Свет, подумала Эгвейн. Сколько времени прошло с последнего собрания таких масштабов. Почти каждая нация была представлена, да

еще и Морской народ и Айил. Только Муранди, Арад Доман и земли, удерживаемые Шончан отсутствовали.

Последние из Восседающих, наконец, уселись на лошадей и выстроились рядом с ней. Стремясь пройти дальше, но не смея показать это, Эгвейн начала медленно ехать к месту встречи. Солдаты Брина построились и образовали эскорт из стоптанных сапог и высоко поднятых пик. Их белые плащи были украшены Пламенем Тар Валона, но они не затмевали Айз Седай. То, как они шли, выделяло женщин в их центре. Другие армии опирались на силу оружия. У Белой Башни было нечто

лучшее.

Каждая армия собралась на месте встречи, в центра поля, где Ранд приказал не возводить палатки. Так много армий вместе на земле идеально подходящей для атаки. Лучше бы не ошибиться.

Илэйн показала пример, оставляя основную массу своих сил на полпути, продолжая с небольшой охраной около ста человек. Эгвейн сделала то же самое. Другие лидеры начали сочиться вперед, их свиты взяли в большое кольцо центральную область поля.

Солнечный свет озарил Эгвейн, как только она приблизилась к центру. Она не могла не заметить

большое, идеально разорванное кольцо облаков над полем. Ранд действительно влиял на вещи странным образом. Он не нуждается в объявлении о своем присутствии, никаких знамен. Облака отступали и светило солнце, когда он был рядом.

Похоже, что он еще не прибыл в центр, однако. Она встретилась с Илэйн.

— Илэйн, мне очень жаль, — сказала она, не в первый раз.

Золотоволосая женщина продолжала смотреть прямо перед собой.

— Город потерян, но город — не народ. У нас должна состояться встреча, давайте проведем её быстро,

чтобы я смогла вернуться в Андор.
Где Ранд?

— Выбирает момент, — сказала
Эгвейн. — Он всегда был таким.

— Я говорила с Авиендой, —
Илэйн сказала, ее гнедая металась и
фыркала, — Вчерашнюю ночь она
провела с ним, но он так и не сказал,
о том, что намеревается сделать
сегодня.

— Он упомянул о
требованиях, — сказала Эгвейн,
наблюдая как собираются правители
со своей свитой. Дарлин Сиснера,
король Тира, был первым. Он будет
поддерживать ее, несмотря на то, что
обязан Ранду короной. Угроза
Шончан все еще глубоко беспокоила

его. Мужчина средних лет, с темной, заостренной бородой не был особо красив, но сдержан и уверен в себе. Он поклонился с лошади Эгвейн, и она протянула кольцо.

Он колебался, затем спешился и вышел вперед, склонил голову и поцеловал кольцо.

— Да озарит вас Свет, Мать.

— Я рада видеть вас, Дарлин.

— Пока ваше обещание в силе.

Путевые врата на мою родину в случае нужды.

— Все будет сделано.

Он снова поклонился, наблюдая за женщиной, подъехавшим к Эгвейн с другой стороны.

Грегорин. Наместник Иллиана,

равный Дарлину во многих отношениях, но не во всех.

Ранд предложил Дарлина в качестве наместника Тира, однако Верховные Лорды попросили короновать его. Грегорин остался лишь наместником. Высокий мужчина недавно потерял в весе, его круглое лицо, с привычной иллианской бородкой, выглядело впалым. Он не стал ждать знака Эгвейн, спрыгнул с лошади, схватил ее руку, выполняя энергичный поклон, и поцеловал кольцо.

— Рада, что вы двое можете отложить разногласия и присоединиться ко мне в этом деле, — сказала Эгвейн, оторвав их

внимание от острых взглядов друг на друга.

— Намерения Лорда Дракона ... вызывают тревогу, — проговорил Дарлин. — Он выбрал меня правителем Тира, потому что я отверг его, когда считал это необходимым. Я верю, что он прислушается к доводам разума, если таковые представить ему.

Грегорин фыркнул:

— Лорд Дракон совершенно разумен. Мы должны предъявить веские аргументы, и, я полагаю, он выслушает их.

— У моей Хранительницы найдется для вас несколько слов, — сказала Эгвейн, — Пожалуйста,

прислушайтесь к ней. Ваше сотрудничество не будет забыто.

Сильвиана выехала вперед и поманила Грегорины в сторону, чтобы поговорить с ним. Не было важным сказать, что Эгвейн боялась как бы эти двое в конечном счете не набросились друг на друга. Задача Сильвианы состояла в том, чтобы держать их подальше друг от друга.

Дарлин посмотрел на неё проницательным взглядом. Кажется, он понимал, что она делала, но не стал возражать, сядя на лошадь.

— Вы кажетесь озабоченным, Король Дарлин, — сказала она.

— Старое соперничество порой глубже океанских глубин, Мать. Мне

даже интересно, уж не Темный ли устроил всё это собрание в надежде, что мы уничтожим друг друга сами и сделаем его работу за него.

— Я понимаю, — сказала Эгвейн, — Возможно, было бы лучше, если вы посоветуйте своим людям — снова, если вы уже сделали это — что не должно быть никаких несчастных случаев в этот день.

— Мудрое предложение. — Отходя, он поклонился.

Они оба были за неё, как и Илэйн. Гэалдан будет стоять за Ранда, если сказанное Илэйн о Королеве Аллиандре было правдой. Гэалдан был не настолько могуществен, чтобы Аллиандре

беспокоила её, но Порубежники — другое дело. Похоже, Ранд перетянул их на свою сторону.

Над каждой армией развевался соответствующий флаг, присутствовал каждый правитель, кроме Королевы Этениелле, что была в Кандоре и пыталась организовать эвакуацию беженцев. Она оставила порядный контингент на эту встречу — включая Антола, её старшего сына — как будто говоря, что происходящее здесь было столь же важно для выживания Кандора, как и сражения на границе.

Кандор. Первая жертва Последней битвы. По слухам, вся страна пылала. Будет ли Андор

следующим? Или Двуречье?

Спокойно, — подумала Эгвейн.

Было ужасно, что приходилось оценивать, кто тут был за кого, но она обязана так делать. Ранд не может управлять Последней Битвой лично, как он, несомненно, намеревается. Его задача — вступить в бой с самим Темным, у него не будет ни времени, ни возможности, чтобы ещё и командовать войсками. Эгвейн намеревалась покинуть эту встречу, добившись признания лидерства Белой Башни над силами, собранными против Тени, и она не собиралась отказываться от ответственности за печати.

"Насколько она могла

положиться на такого человека, каким сейчас стал Ранд? Он не был Рандом, с которым она выросла. Он был более похож на Ранда, которого она узнала в Айильской Пустыне, только более уверенного. И, возможно, более хитроумного. Он стал довольно искусен в Игре Домов."

Ни одно из этих изменений не было чем-то ужасным, предполагая, что с ним всё еще можно было договориться.

"Это — флаг Арад Домона?" подумала она, удивляясь. "Это не был просто флаг, это был флаг Короля, указывая, что он ехал с теми силами, которые только что прибыли на

Поле. Родел Итуралде наконец поднялся к трону, или Ранд выбрал кого-то еще? Флаг короля Доманийцев развевался рядом с флагом Даврама Башира, дяди Королевы Салдейи."

— Свет. — Гавин подвел свою лошадь к её. — Этот флаг...

— Я вижу это, — сказала Эгвейн, — Я придушу Суан, ее источники упомянули, кто взял трон? Я боялась, что Доманийцы пойдут в сражение без лидера.

— Доманийцы? Я говорил об этом.

Она проследила за его глазам. Приближалась новая сила, двигаясь с очевидной поспешностью, под

знаменем красного быка.

— Муранди, — ответила Эгвейн, — Любопытно. Роэдрен, наконец, решил присоединиться к остальной части мира.

Недавно прибывшие Мурандийцы устроили большой балаган, чем они, вероятно, заслуживали. Их одеяние, по крайней мере, было красивым: желтые и красные туники под бронёй; медные шлемы с широкими краями. Широкие красные пояса имели символ быка. Они держались на расстоянии от Андорцев, заворачивая вокруг сил Айил и входя с северо-запада.

Эгвейн посмотрела в сторону

лагеря Ранда. Тем не менее никаких признаков Дракона.

— Ну, — сказала она, подталкивая Грохот в движение к Мурандийским силам. Гавин последовал рядом с ней, и Чубейн определил двадцать солдат в качестве охраны.

Роэдран был тучным человеком, облаченным в красное и золотое; она могла фактически слышать, как при каждом шаге постанывает его лошадь. Его редяющие волосы были по большей части белыми, нежели черными, и он смотрел на нее с неожиданно пронизательным выражением. Король Муранди был немногим более, чем правителем

одного города, Лугарда, но её отчеты показывали, что этот человек прилагал немалые усилия для расширения своего правления. Дать ему несколько лет и он сможет действительно назвать всё королевство своим.

Роэдрен поднял мясистую руку, останавливая свою процессию. Она обуздавала свою лошадь и ждала его, чтобы он приблизился к ней, как было принято. Он этого не сделал.

Гавин проворчал проклятие. Эгвейн позволила улыбке растянуть края её губ. Стражи могут быть полезны, хотя бы, чтобы выражать то, что она не может себе позволить. В конце концов, она направила свою

лошадь вперёд.

— Так, — Роэдрен её оглядел, —
Вы — новая Амерлин. Андорка.

— У Амерлин нет
национальности, — прохладно
ответила Эгвейн, — Мне любопытно
видеть вас здесь, Роэдрен. Когда
Дракон пригласил вас?

— Он не сделал этого, — король
махнул для виночерпия, чтобы ему
принесли немного вина, — Я
подумал, что это хорошее время для
Муранди, чтобы не остаться в
стороне от главных событий.

— И через чьи Врата вы
прибыли сюда? Конечно, вы не
пересекали Андор, чтобы оказаться
тут?

Роэдрен колебался.

— Вы пришли с юга, — продолжила Эгвейн, при этом изучая его, — Андор. Илэйн послала за вами?

— Она не посылала за мной, — огрызнулся Роэдран, — Проклятая Королева обещала мне, что если я поддержу ее, то она в качестве ответной любезности объявит о признании неприкосновенности мурандийских границ, — он колебался, — Кроме того, мне было любопытно посмотреть на этого Лжедракона. Все в мире, кажется, из-за него распрощались со здравым рассудком.

— Вы ведь знаете, для чего эта

встреча, верно? — спросила Эгвейн.

Он взмахнул рукой.

— Отговорить этого человека от его путей завоевания или что-то вроде этого.

— Очень хорошо, — Эгвейн наклонилась вперед, — Я слышала, что ваше правление по объединению удачно и что у Лугарда есть реальная власть в Муранди на этот раз.

— Да, — ответил Роэдрен, выпрямляясь, — Это правда.

Эгвейн наклонилась вперед ещё дальше:

— Добро пожаловать, — тихо сказала она и улыбнулась. Эгвейн повернула Грохота и повела свою свиту прочь.

— Эгвейн, — позвал её мягко Гавин, ведя рысью свою лошадь рядом, — Ты действительно готова сделать это?

— Он выглядит обеспокоенным?

Гавин обернулся через плечо:

— Очень.

— Превосходно.

Гавин продолжил ехать так лишь мгновение, затем вырвалась глубокая улыбка.

— Это было несомненно зло.

— Он так же хамски груб, как сообщали отчёты, — сказала Эгвейн, — Он может потерпеть несколько ночей, проведенных в раздумье, как Белая Башня дёргала верёвочки в его владениях. Если я

почувствую себя особенно мстительной, я создам для него несколько хороших секретов, чтобы раскопать их. Теперь, где этот пастух овец? Он имеет наглость требовать, чтобы мы...

Она замолчала, увидев, что он идет. Ранд, одевшись в красное и золотое, зашагал по темнеющей траве поля. Огромный свёрток завис в воздухе рядом с ним, держали его плетения, которые она не могла увидеть.

Трава зеленела у его ног.

Это не было большим изменением. Где он шагал, оставалась дорожка, распространяясь от него, как мягкая

волна света посредством открытия ставней. Мужчины отступали назад; лошади топали копытами. В течение нескольких минут все войско стояло в кольце травы, которая ожила снова.

Как давно она видела в последний раз простое зеленое поле? Эгвейн выдохнула. Хоть что-то озарило этот мрачный день.

— Дорого бы я дала, чтобы узнать, как он это делает, — пробормотала она себе под нос.

— Сплетает? — спросил Гавин, — Я видел, как Айз Седай заставляет цветы цвести зимой.

— Я не знаю такого плетения, которое было бы настолько обширным, — ответила Эгвейн, —

Это чувство естественности. Иди погляди, сможешь ли ты узнать, как он это делает. Может быть, одна из Айз Седай с Аша'ман — Стражами раскроет правду.

Гавин кивнул, убегая.

Ранд продолжил путь, сопровождаемый этим большим летящим свертком, Аша'манами в черном и почетным эскортом айильцев. Айил нарушили ровный строй рассеявшись по земле как рой, веером. Даже солдаты, следовавшие за Рандом, держались подальше от них. Для многих солдат постарше подобные волны коричневого и желтоватого означали смерть.

Ранд шел спокойно,

целестремленно. Свёрток холста, который он нес Воздухом, начал распутываться перед ним. Большие участки холста слегка колебались на ветру прежде, чем Ранд, сплёл их друг с другом, оставляя позади себя длинную тропу. Деревянные столбы и металлические ставки упали изнутри, и Ранд поймал всё это в невидимых потоках Воздуха, вставляя их.

Он ни разу не сбился с шага. Он не смотрел на водоворот ткани, древесины и железа, поскольку холст слегка колебался перед ним, как рыба из глубины. Маленькие комья почвы вырвались из земли. Некоторые солдаты подскочили.

"Он превращается в балаганщика", подумала Эгвейн, поскольку столбы вращались и проходили в отверстиях. Широкие участки ткани, обертывались вокруг них, связывая себя. За секунды на том месте расположился массивный павильон со стягом Дракона, колеблющимся на одном конце, и со знаменем с древним символом Айз Седай на другом.

Ранд не сбился с шага, когда достиг павильона, стороны ткани, отделяющей его.

— Каждый может взять собой пятерых, — объявил он, когда ступил внутрь.

— Сильвиана, — сказала

Эгвейн, — Саэрин, Романда, Лилейн. Гавин будет пятым, когда вернется.

Восседающие позади перенесли это решение в тишине. Они не могли жаловаться на взятие своего Стража для защиты или своей Хранительницы для поддержки. Другие три, которых она выбрала, широко считаются самыми влиятельными в Башне, и все четверо, которых она взяла, по две Айз Седай от Салидара и сторонниц Белой Башни.

Другие правители позволили Эгвейн идти перед ними. Все понимали, что это противостояние было, по сути, между Рандом и Эгвейн. Или, скорее, между

Драконом и Престолом Амерлин.

В павильоне не было никаких стульев, хотя Ранд повесил саидин земные шары света в углах, и один из Аша'манов внес маленький стол в центр. Она провела быстрый подсчет. Тринадцать пылающих земных шаров.

Ранд стоял перед ней, руки за спиной, обхватив рукой предплечье другой, это стало его привычкой. Мин была на его стороне, одна рука на его руке.

— Мать, — сказал он, кивая ей головой.

Таким образом, он оказывал ей уважение, не так ли? Эгвейн кивнула в ответ.

— Лорд Дракон.

Другие правители и их маленькие свиты подались внутрь, многие делали это с робостью, у Илэйн скорбь на ее лице ушла, как молния, поскольку Ранд тепло улыбнулся ей. Женщина с шерстью в голове по-прежнему впечатлена Рандом и довольна тем, как ему удалось запугать всех, чтобы они пришли сюда. Илэйн гордилась этим, тем более сделал он это хорошо.

"Разве ты хоть чуточку не гордишься?" — спросила себя Эгвейн. — "Ранд Ал'Тор, прежде всего лишь деревенский парнишка и твой почти-нареченный, а теперь самый могущественный человек в

мире? Разве ты не гордишься тем, что он сделал?"

Возможно, немного.

Порубежники вступили, во главе с королем Изаром из Шайнара, и не было ничего робкого в них. Доманийцы были во главе с пожилым человеком, которого Эгвейн не знала.

— Алсалам, — прошептала Сильвиана, казалась удивленной, — Он вернулся.

Эгвейн нахмурилась. Почему никто из ее осведомителей не сказал, что он обнаружился? Свет. Ранд знал, что Белая Башня попыталась арестовать его? Сама Эгвейн обнаружила этот факт только за

несколько дней до этого, похороненный в груди бумаг Элайды.

Вошла Кадсуане, и Ранд кивнул ей головой, как бы давая разрешение. Она не привела пятерых, но он, кажется, не требует, чтобы она была в числе пяти Эгвейн. Это показалось ей надоедливым прецедентом. Перрин вошел со своей женой, и они остались в стороне. Айбару, носящий на поясе новый молот, сложил свои руки на деревянном столе. Его было гораздо легче читать, чем Ранда. Он волновался, но и доверял ему. Найнив же, сожги её Свет. Она заняла свою позицию у Перрина и Фэйли.

Айильские вожди кланов и

Хранительницы Мудрости вошли большой массой. Рандово "Возьмите с собой только пятерых", вероятно, означает, что каждый вождь клана может привести пятерых. Некоторые Хранительницы, в том числе Сорилея и Эмис, проделали свой путь в палатке в сторону Эгвейн.

Свет благослови их, подумала Эгвейн, выпустив дыхание. Глаза Ранда мерцали на женщин, и Эгвейн сжала губы. Он был удивлен, что не все Айил поддерживают его.

Король Роэдрен из Муранди был одним из последних, кто вошёл в палатку, и Эгвейн заметила кое-что любопытное, когда он это сделал. Несколько из Аша'манов Ранда —

Наришма, Флинн и Нэфф — приблизились позади Роэдрена. Другие, около Ранда, выглядели столь же внимательными как кошки, которые видели, что блуждает рядом волк.

Ранд подошел поближе к широкому мужчине и посмотрел ему в глаза. Роэдрен заикнулся на мгновение, а затем начал вытирать лоб платком. Ранд продолжал смотреть на него.

— Что это такое? — потребовал Роэдрен, — Ты Дракон Возрожденный, так они говорят. Я не знаю, что дал бы тебе...

— Молчать, — сказал Ранд, поднимая палец.

Роэдрен немедленно успокоился.

— Испепели меня Свет, —

сказал Ранд. — Ты ведь не он, так?

— Кто? — спросил Роэдрен.

Ранд отвернулся от него, махая рукой, чтобы Нарিশма, и другие уступили на место. Они сделали это так неохотно.

— Я думал наверняка... —

сказал Ранд, качая головой. — Где же ты?

— Кто? — спросил Роэдрен так громко, будто пищал.

Ранд его проигнорировал. Откидные створки в павильон наконец успокоились, все внутри.

— Таким образом, — начал Ранд. — Мы — все здесь. Спасибо за

прибытие.

— Как будто у нас действительно был большой проклятый выбор, — проворчал Грегорин. Он привёл горстку благородных Иллианцев собой, пять, все члены Совета Девяти. — Мы действительно были пойманы между вами и самой Белой Башней. Свет испепелит всех нас...

— Вы уже знаете, — продолжил Ранд, — Что Кандор пал и Кэймлин был взят Тенью. Последние остатки из Малкири находятся под нападением в Тарвином Ущелье. Конец близится для нас.

— Тогда почему мы здесь Ранд Ал'Тор? — воскликнул король

Пэйтар из Арафела. Старение тонкой лентой седых волос уже коснулось его головы, но он все еще был плечист и выглядел угрожающе, — Давайте положим конец этому. Пусть будет битва.

— Я обещаю вам, битву, Пэйтар, — тихо произнес Ранд, — Все, что вы сможете осилить, а затем еще и сверх того. Три тысячи лет назад я встречался с силами Тьмы в бою. У нас были достижения Эпохи Легенд. Айз Седай, которые могли делать то, чего даже не может представить ваш разум, тер'ангриалы, которые могли давать людям возможность летать и защищать их. Но тем не менее мы

едва победили. Вы думаете, что мы сталкиваемся с Тенью в том же состоянии, что и тогда? С Отрекшимися, на которых не отразилось время. Но мы не те же люди, как в прошлом.

В шатре стало тихо. Только ветер теребил полог.

— Ты говоришь, Ранд Ал'Тор, — произнесла Эгвейн, сложив руки на груди, — Что мы обречены?

— Я говорю, что у нас должен быть план, — ответил Ранд, — И он должен представлять единую атаку. То, чего у нас не было в прошлый раз, и что чуть не стоило нам мира. Каждый из нас думал, что он знает лучший путь к победе, — он

встретился взглядом с Эгвейн, — В те дни, каждый мужчина и каждая женщина считали себя командирами на поле боя. Целые армии генералов. Вот почему мы почти проиграли. Это оставило нам пятно, порчу и безумие. Я был виновен в этом, как никто другой. Вероятно, самым виноватым.

— Это не должно повториться снова. Я не буду спасать этот мир для того, чтобы разломать его снова! Я не буду умирать ради народов человечества, если они повернутся друг против друга в тот же момент, как умрет последний троллок. Вы ведь задумали это. Испепели меня свет, я вижу, что вы это задумали!

Было легко не заметить, как стрельнули друг в друга взглядами Грегорин и Дарлин, как алчно Роэдрен наблюдал за Илэйн. Какие народы будут уничтожены в этом конфликте, а какие выступят, из гуманности, на помощь соседям. Как быстро их альтруизм станет жадностью, шансом овладеть чужим тронном?

Многие из правителей были порядочными людьми. Но надо быть больше чем порядочным, чтобы довольствоваться имеющейся властью и не жаждать большего. Даже Илэйн захватила соседнюю страну, как только предоставилась такая возможность. И она поступила

бы так снова. Такова была природа правителей, сущность народов. В случае с Илэйн, это казалось даже правильным, так как Кайриэну будет лучше под её правлением.

Как много из них считают так же? Что они, конечно же, могут править лучше, или навести порядок, в другой стране?

— Никто не хочет войны, — произнесла Эгвейн, привлекая внимание толпы, — Однако, я думаю, то, что ты пытаешься сделать здесь выше твоих сил, Ранд Ал'Тор. Ты не можешь поменять человеческую природу и ты не можешь подчинить мир своим прихотям. Позволь людям проживать

свои жизни и выбирать свои собственные решения.

— Я не могу, Эгвейн, — сказал Ранд. В его глазах горел огонь, какой она уже видела в то время, когда он впервые пытался вовлечь Айил в свои планы. Да, это было похоже на Ранда — непонимание, что люди не могут видеть мир так же ясно, как он его понимал.

— Я не вижу, как еще ты можешь поступить, — произнесла Эгвейн. — Ты собираешься назначить кого-то императором, кто будет править всеми нами? Хотел бы ты стать истинным тираном, Ранд Ал'Тор?

Он не стал возражать. Он

протянул руку в сторону, и один из Аша'манов протянул ему скрученный рулон бумаги. Ранд взял его и положил на стол. Используя Единую Силу, он развернул его и оставил бумагу плоской.

Весь документ был исписан маленькими, узкими буквами.

— Я называю это Миром Дракона, — мягко произнес Ранд. — И это одна из трех вещей, которые я потребую от вас. Ваша плата мне, плата за мою жизнь.

— Позволь мне взглянуть. — Илэйн потянулась к документу, и Ранд позволил ей, потому что она смогла взять бумагу со стола раньше других удивленных правителей.

— Он устанавливает границы ваши народов на их текущих положениях, — сказал Ранд, снова держа руки за спиной, — Он запрещает странам нападать на другие страны, и требует открытия великой школы в каждой из столиц, полностью оплачиваемых и принимающих всех желающих учиться.

— Это больше, чем, — сказала Илэйн, проводя пальцем по документу и читая его. "Нападать на другое государство, или вступать в незначительные вооруженные перепалки на границе, а другие народы мира обязаны защитить страну на которую напали. Свет!

Чтобы предотвратить удушение экономики — ограничения на цены, запрет на браки между правителями стран, или правящих семей, кроме случая когда семьи четко разделены, обязать лордов обеспечивать всех провизией". — Ранд, ты действительно ждешь, что мы подпишем это?

— Да.

Незамедлительно последовал ропот правителей, многие были недовольны. Казалось только Эгвейн спокойно восприняла это. Она переводила взгляд на прочих Айз Седай и все отвечали ей долгими взглядами... Они выглядели встревоженными... Они понимали —

это только часть цены Ранда...

Правители стояли позади Илэйн. Каждый хотел посмотреть документ, но никто не смел взять его из ее рук. К счастью Ранд подготовил для каждого из них копии поменьше.

— Но бывают и веские причины для конфликта! — воскликнул Дарлин глядя на документ. — Например создание буфера между тобой и агрессивным соседом.

— А что, если некоторые люди из нашей страны переселятся за границу? — добавил Грегорин — У нас нет возможности вмешаться и защитить их, если их будут угнетать? Или что, если кто-то, как Шончан, например, утверждают, что это их

земля? Запрет войны? Это смешно!

— Я согласен, — сказал Дарлин. — Лорд Дракон, мы должны иметь право на защиту земли, которая принадлежит нам по праву!

— Меня, — сказала Эгвейн, прерывая поток аргументов — больше интересуют остальные два требования.

— Одно из них ты уже знаешь, — ответил Ранд.

— Печати, — сказала Эгвейн.

— Подписание этого документа никоим образом не затрагивает Белую Башню, — сказал Ранд, видимо, не обращая внимания на комментарии. — Я не могу запретить Вам влиять на других, это было бы

глупостью, Вы все равно найдете способ.

— Это полная чушь! — воскликнула Илэйн.

Больше Илэйн не чувствовала гордости за него. Эгвейн задумалась.

— И пока есть политические игры, в которые можно играть — продолжил Ранд обращаясь к Эгвейн — Айз Седай останутся мастерами в ней. На самом деле этот документ выгоден Вам. Белая Башня всегда верила, что война это неправильно. Вместо этого я требую от Вас немного другого. Печати.

— Я Хранительница Печатей.

— Это всего лишь твой титул. Они лишь недавно были обнаружены

и я обладаю ими. Лишь из уважения к традициям я обратился к тебе в первую очередь.

— Обратился ко мне? Ты не обращался ко мне — ответила Эгвейн, — Ты принял решение. Пришел, сказал что собираешься сделать и ушел!

— У меня есть печати, — повторил он. И я сломаю их, я не позволю никому, даже тебе, стать между мной и защитой этого мира.

Вокруг них все продолжали спор насчет документа, правители бормотали свои аргументы своим соседям и приближенным. Эгвейн подошла к маленькому столику и стала лицом напротив Ранда.

— Ты не сломаешь их, так как я тебя остановлю, Ранд.

— Эгвейн, зачем тебе меня останавливать? Назови хоть один аргумент, почему это плохая идея.

— Одну причину помимо той, что это выпустит Темного в мир?

— Он не был свободен во время Войны Силы, — сказал Ранд. — Он мог прикасаться к миру, но открытое Отверстие в узилище не освободит его. Не сразу.

— И какова же цена, позволить ему прикасаться к миру? Какова она теперь? Страхи, ужасы, разрушение. Ты знаешь что происходит с миром. Мертвецы оживают, странные искажения Узора. И это только при

ослабленных печатях! Что произойдет если мы действительно сломаем их? Одному Свету известно.

— Это риск, на который мы должны пойти.

— Я не согласна. Ранд, ты не знаешь что произойдет, если их сломать — это позволит ему освободиться! Мы не знаем как близок к освобождению он был, когда запечатали скважину. Сломав печати ты можешь уничтожить мир! Что если наша единственная надежда в том, что сейчас он не полностью свободен?

— Это не сработает, Эгвейн.

— Ты этого не знаешь. Как ты можешь знать?

Он заколебался.

— В жизни много вещей, которые мы не знаем наверняка.

— Значит ты не знаешь, — ответила Эгвейн. — Что же, я смотрела, читала, слушала. Ты читал труды тех, кто изучал это, кто думал об этом?

— Спекуляции Айз Седай.

— Ранд, только у нас есть такое количество информации. Если открыть узилище Темного все может быть потеряно. Нам надо быть более осторожными. Это то, зачем нужна Престол Амерлин, Белая Башня была основана в первую очередь для этого. — Он на самом деле колебался. Свет, он думал. Сможет ли

она достучатся до него?

— Эгвейн, мне не нравится это решение, — тихо сказал Ранд.

— Если я начну бой не уничтожив старые печати, то мне придется создать новые ненадежные печати. С ослабленными печатями мне придется создавать новые поверх ненадежных старых, это как наносить новую штукатурку на старые глубокие трещины. Кто знает, сколько продержатся такие печати? Спустя столетие мы можем предстать перед этой проблемой снова.

— Разве это так плохо? — спросила Эгвейн. — По крайней мере это точно. Ты запечатал

Скважину в прошлый раз. Ты знаешь как это сделать.

— Мы не можем снова допустить порчу.

— На этот раз мы готовы к такому. Это не будет идеально. Но, Ранд... на самом деле, нужен ли нам этот риск? Рисковать каждой жизнью? Почему бы не выбрать простой путь, известный путь? Снова создать печати. Укрепить темницу.

— Нет Эгвейн, — произнес Ранд отходя от нее, — Свет! Это то, о чем идет речь? Ты хочешь, чтобы саидин снова был испорчен. Вы, Айз Седай... Вы боитесь самой идеи, что мужчины могут направлять, Вы

думаете, что это подрывает Ваш авторитет!

— Ранд Ал'Тор, не будь дураком.

Он встретился с ней взглядами. Правители, казалось, мало обращали внимание на этот разговор, несмотря на то, что от него зависел весь мир. Они сосредоточенно изучали документ Ранда, негодуяще переговариваясь. Возможно, разговор был для того, чтобы отвлечь их от документа, а затем вступить в реальную схватку.

Медленно гнев покинул его лицо и он поднял руки к вискам.

— Свет, Эгвейн. Ты все еще можешь делать это, будто сестра, которой у меня никогда не было:

запутать мои мысли, заставляя злиться и одновременно любить тебя.

— По крайней мере, я последовательна, — сказала она. Теперь они говорили очень тихо, наклонившись через стол друг к другу. Из остальных только Перрин и Найнив, вероятно, находились достаточно близко, чтобы слышать разговор, и Мин присоединилась к ним. Гавин уже вернулся, но держался на расстоянии. Кадсуане обозревала комнату в другом направлении, но слишком внимательно — она прислушивалась.

— Я не привожу этот аргумент в какой-то дурацкой надежде восстановить порчу, — сказала

Эгвейн, — Ты знаешь, что я выше этого. Речь идет о защите человечества. Я не могу поверить, что ты готов рискнуть всем из-за призрачной возможности.

— Призрачной возможности? — произнес Ранд, — Мы говорим о приходе тьмы, а не о создании новой Эпохи Легенд. Мы могли бы принести мир, положить конец страданиям. Или могли бы получить новый Разлом. Свет, Эгвейн. Я не знаю наверняка, смогу ли я починить существующие печати или создать новые. В любом случае, Темный должен быть готов к такому плану.

— А у тебя есть другой?

— Я уже говорил тебе о нём. Я

сломаю печати, чтобы избавиться от старой, несовершенной заплаты, и попробую в этот раз сделать всё по другому.

— Весь мир будет ценой неудачи, Ранд — она остановилась, задумавшись. — Это еще не все. Чего ты мне не говоришь?

Ранд выглядел неуверенно, и на какой-то момент он стал похож на ребенка, которого она когда-то поймала, когда они с Мэтом тайком таскали пироги госпожи Коутон.

— Я собираюсь убить его, Эгвейн.

— Кого? Моридина?

— Темного.

Она отпрянула в шоке.

— Извини. Что ты собираешься...?

— Я собираюсь убить его, — сказал Ранд неистово, склонившись.

— Я собираюсь покончить с Темным. У нас никогда не будет настоящего мира пока он существует, скрытно. Я открою узилище, войду в него, и сражусь с Темным. Построю новое узилище, если необходимо, но сперва, я попытаюсь покончить со всем этим. Защитить Узор, Колесо, навсегда.

— Свет, Ранд, ты сошел с ума.

— Да. Это часть цены, которую я заплатил. К счастью. Только человек, не совсем в своем уме, будет достаточно храбрым, чтобы это

попробовать.

— Я буду сражаться с тобой, Ранд, — прошептала она. — Я не позволю тебе втянуть нас в это. Прислушайся к голосу разума. Белая Башня должна руководить тобой здесь.

— Я знаю руководство Белой Башни, Эгвейн, — ответил он. — В коробке, избиваемый каждый день.

— Два взгляда встретились через стол. Вскоре завершилось и другое обсуждение.

— Я не против подписать это, — сказала Тенобия. — По мне, выглядит неплохо.

— Ба, — прорычал Грегорин. — Вас, Порубежников, никогда не

волновала политика южан. Вы подпишете это? Ага, молодцы. Ну, а я не закую в кандалы собственную страну.

— Любопытно, — произнес Изар. Спокойный мужчина покачал головой и белоснежный хохолок затрясся, — Насколько я понимаю, это не твоя страна, Грегорин. Если только ты не считаешь, что Лорд Дракон умрет, и Маттин Стефанеос не станет требовать свой трон обратно. Возможно, он спокойно отнесется к тому, что Лавровый венец оденет Лорд Дракон, но не ты. Я в этом уверен.

— А есть ли в этом хоть какой-то смысл? — спросила

Аллиандре. — Наша забота сейчас — Шончан, разве нет? Пока они здесь, мира быть не может. — Именно, — сказал Грегорин.

— Шончан и эти проклятые Белоплащники.

— Мы подпишем договор, — сказал Галад. Каким-то образом Лорд Капитан-Коммандор Детей Света оказался с официальной копией документа. Эгвейн не смотрела на него. Тяжело было не глазеть. Она любила Гавина, а не Галада, но... ну... не глазеть было непросто.

— Майен также подпишет его, — сказала Берелейн. — Я считаю повеления Лорда Дракона

полностью справедливыми.

— Конечно ты его подпишешь, — Дарлин фыркнул. — Лорд Дракон, кажется этот документ разработан, чтобы защищать интересы некоторых стран больше, чем других.

— Я хочу услышать третье требование, — сказал Роэдран. — Меня не волнуют ваши разговоры о печатях — это дело Айз Седай. Он утверждает, что требований три, а я слышал только два.

Ранд приподнял бровь. — Третья и заключительная плата — последнее, что вы заплатите мне в обмен на мою жизнь на склонах Шайол Гул — это вот что: я

командую вашими армиями в
Последней Битве. Целиком и
полностью. Вы делаете как я скажу,
идете куда я скажу, и сражаетесь где
я скажу.

Это вызвало взрыв возражений.
По крайней мере, это требование
было очевидно возмутительным из
всех трёх, хотя и было невозможным
по причинам, которые Эгвейн уже
определила.

Правители сочли это
посягательством на их суверенитет.
Грегорин свирепо смотрел на Ранда,
пока все шумели, сохраняя лишь
подобие вежливости. Любопытно,
ведь у него было меньше власти, чем
у всех остальных. Дарлин качал

головой, лицо Илэйн было мертвенно-бледно.

Те, что были на стороне Ранда, стали возражать в ответ. Они отчаялись, подумалось Эгвейн. Они на пределе. Наверное, они считали, что, получив командование, Дракон тут же пойдет маршем на защиту Порубежья. Дарлин и Грегорин никогда не согласятся на такое. Не с Шончанами, дышащими им в затылок.

Свет, что за беспорядок.

Эгвейн слушала все эти возражения, надеясь, что они выведут Ранда из себя. Когда-то они могли бы. Ныне, он стоял и смотрел, сложив руки за спиной. Его лицо

было безмятежно, хотя Эгвейн была все более уверена, что это маска. Они видела сдерживаемые проблески его характера. Ранд определенно лучше контролировал себя, но был никак не бесстрастен.

Эгвейн даже обнаружила, что улыбается. Со всеми его жалобами об Айз Седай, со всем его упорством, что он не позволит себя контролировать, он все больше и больше вел себя, как один из них. Она приготовилась заговорить и взять ситуацию в свои руки, но что-то в палатке изменилось. Что-то ... в воздухе, ощущение. Её глаза притягивало к Ранду. Звуки донеслись снаружи, звуки, которые

она могла определить. Слабый треск? Да что он такое делал?

Споры закончились. Один за другим правители повернулись к нему. Солнечный свет снаружи тускнел, и она была рада за те шары света, которые он сделал.

— Я нуждаюсь в вас, — сказал мягко им Ранд, — Сама земля нуждается в вас. А вы спорите; я знал, что так будет, но у нас больше нет времени для распрей. Знайте это. Вы не можете отговорить меня от моих замыслов. Вы не можете заставить меня повиноваться Вам. Никакая сила оружия, ни плетения Единой Силы, может заставить меня столкнуться с Темным ради вас. Я

должен сделать это по собственной воле.

— Вы действительно бросили бы мир из-за этого, Лорд Дракон? — спросила Берелейн.

Эгвейн улыbnулась. Вертихвостка, внезапно, казалась не настолько уверенной в стороне, которую выбрала.

— Мне не придётся, — ответил Ранд, — Вы подпишите это. Неудача означала бы смерть.

— Это вымогательство, — выкрикнул Дарлин.

— Нет, — сказал Ранд, улыбаясь людям из Морского народа, молчаливо стоящим подле Перрина. Они просто прочитали документ и

кивнули между собой
впечатленно, — Нет, Дарлин. Это не
вымогательство... а соглашение. У
меня есть что-то, что вы жаждете,
что-то, в чем вы нуждаетесь. Я. Моя
кровь. Я умру. Мы все с самого
начала знали это; Пророчества
требуют этого. И если вы хотите от
меня смерти, я продам ее в обмен на
наследие мира, чтобы уравновесить
наследие разрушения, что я принес
миру в прошлый раз.

Он оглядел собрание,
поочередно каждого правителя.
Эгвейн могла почти физически
ощутить его решимость. Возможно,
это была его природа та'верен, или,
быть может, весомость данного

момента. Напряжение в шатре нарастало, становилось тяжело дышать.

Он собирается сделать это, подумала она. Они будут жаловаться, но склонятся.

— Нет, — громко сказала Эгвейн, ее голос разрезал воздух, — Нет, Ранд Ал'Тор, ты не заставишь нас подписать этот документ, дающий тебе полный контроль над сражением. И ты будешь еще большим глупцом, полагая будто я поверю, что ты позволишь миру — твоему отцу, твоим друзьям, всем тем, кого ты любишь, всему человечеству — пасть от рук Троллоков, если мы не подчинимся

тебе.

Они встретились глазами, и внезапно она не была уже так уверена. О Свет, он же не откажется, не так ли? Он же не пожертвует миром?

— Ты смеешь называть Лорда Дракона глупцом? — спросил Наришима.

— К Амерлин не следует обращаться таким образом, — сказала Сильвиана, подойдя ближе к Эгвейн.

Споры начались снова, на этот раз громче. Ранд не сводил взора с Эгвейн, и она увидела вспышку гнева на его лице. Волнения. Злость. Старые обиды, разжигаемые заново,

подпитываемые ужасом.

Ранд положил руку на меч, который он носил в эти дни, с драконами на ножнах, другую руку заложил за спиной.

— Я получу свою цену, Эгвейн, — прорычал он.

— Требуй, что хочешь, Ранд. Ты ведь не сам Создатель. Если ты будешь также безрассуден в Последней битве, мы в любом случае обречены. Если мы сразимся, тогда быть может мне удастся тебя вразумить.

— Белая Башня всегда была костью в моем горле, — отрезал Ранд, — Всегда, Эгвейн. А теперь и ты стала одной из них.

Они встретились взглядами. Внутри, однако, она начала терять уверенность. Что, если эти переговоры действительно провалятся? Пошлет ли она солдат сражаться против Ранда?

Она почувствовала, будто споткнулась о камень на вершине отвесной скалы и была готова сорваться вниз. Должен быть способ прекратить это, исправить все!

Ранд начал отворачиваться. Если бы он покинул шатер, это было бы концом.

— Ранд! — сказала она.

Он замер.

— Я не отступлю, Эгвейн.

— Не делай этого, — сказала

она. — Не отказывайся от всего.

— Но так надо.

— Нет! Все что тебе надо сделать, так это перестать быть таким вспыльчивым, шерстеголовым, упрямым дураком на этот раз!

Эгвейн выпрямилась. Как она могла говорить с ним так, будто они все еще были в Эмондовам Лугу, сначала?

Ранд взглянул на нее на мгновение.

— А ты хотя бы раз могла бы перестать быть испорченным, самоуверенным, абсолютным ребенком, Эгвейн.

Он вскинул руки.

— Кровь и треклятый пепел!

Это пустая трата времени.

Он был почти прав. Эгвейн не заметила, как кто-то новый зашел в шатер. Ранд, однако, заметил и развернулся, когда лоскуты разделились и впустили свет. Он хмуро посмотрел на нарушителя.

Хмурый взгляд развеялся, как только он увидел человека, который зашел.

Мореин.

Глава 6

Талант.

В шатре снова стало тихо. Перрин ненавидел шум, а ароматы людей были не лучше. Разочарование, гнев, страх. Ужас.

Большая их часть была направлена??на женщину, стоящую прямо у входа в палатку.

"Мэт, ты благословенный дурак, думал Перрин улыбаясь. Ты сделал это. Ты по-настоящему это сделал."

Впервые за некоторое время,

думая о Мэте, он заставил цвета собраться в его видении. Он видел Мэта на лошади, едущим вдоль пыльной дороги, чинящим что-то, что он держал. Перрин отпустил образ. Где Мэт был теперь? Почему он не возвратился с Морейн?

Это не имело значения. Морейн вернулась. Свет, Морейн! Перрин направился к ней, чтобы заключить ее в объятия, но Фэйли поймала его за рукав. Он проследил за ее взглядом.

Ранд. Его лицо побледнело. Пошатываясь он отошел от стола, словно забыв обо всем остальном, и направился к Морейн. Он нерешительно протянул руку

коснувшись ее лица.

— Во имя могилы моей матери — прошептал Ранд, падая перед ней на колени — Как?

Морейн улыбнувшись, опустила руку на его плечо.

— Колесо плетет, как желает Колесо, Ранд. Неужели ты забыл об этом?

— Я...

— Не так, как хочет Возрожденный Дракон — мягко сказала она.

— Не так, как хочет любой из нас. Возможно в один день будут учитываться желания всего сущего. Я не верю, что этот день скоро настанет.

— Кто эта женщина? — спросил Роэдрен. — И о чем она болтает? Я... — Он замолчал, поскольку что-то невидимое щелкнуло по голове, заставив его подскочить. Перрин поглядел на Ранда, затем заметил улыбку на губах Эгвейн. Он поймал аромат ее удовлетворения несмотря на всех этих людей в павильоне.

Найнив и Мин, которые стояли рядом, пахли совершенно потрясенными. Благодарение Свету, Найнив будет оставаться в таком состоянии некоторое время. Если она закричит на Морейн, то это сейчас не поможет.

— Ты не ответила на мой вопрос — сказал Ранд.

— Но я ответила — нежно произнесла Морейн — Просто это не то, что ты хотел услышать.

Стоя на коленях, Ранд запрокинул голову и рассмеялся.

— Свет, Морейн ты нисколько не изменилась, да?

— Мы все меняемся с каждым днем — ответила она улыбнувшись — Я изменилась больше других за последнее время. Встаньте. Это я должна стоять перед Вами на коленях, Лорд Дракон. Мы все должны.

Ранд поднялся и отступил назад, позволяя Морейн дальше пройти в шатёр. Перрин уловил другой запах и улыбнулся, когда за ней в шатер

проскользнул Том Мериллин. Старый менестрель весело подмигнул Перрину.

— Морейн, — сказала Эгвейн, выступая вперед — Белая Башня приветствует тебя с распростертыми объятьями. Твои заслуги не были забыты.

— Хм, — сказала Морейн. — Да, стоило полагать, что обнаружение будущей Амерлин отразится на мне. Это утешает, ведь раньше я верила, что была на пути к усмирению, если не казни.

— Все изменилось.

— Очевидно, — кивнула Морейн, — Мать.

Она прошла мимо Перрина и

слегка сжала ему руку, глаза блеснули.

Один за другим правители Порубежья взяли в руки мечи и поклонились или сделали реверанс, повернувшись в её сторону. Казалось, каждый знал её лично. Многие в палатке всё ещё выглядели сбитыми с толку, однако Дарлин, очевидно, знал, кто она такая. Он был более... задумчивым, чем запутавшимся.

Мореин находилась рядом с Найнив. Перрину не удавалось уловить запах Найнив. Это показалось ему зловещим. О, Свет. Сейчас она...

Найнив заключила Мореин в крепкие объятия.

Мореин постояла мгновение, расставив руки в стороны, её запах явно выдавал потрясение. Наконец, она ответила материнским объятием, похлопывая Найнив по спине.

Найнив освободила ее, отступая, затем смахнула слезу с глаза.

— Ты не должна говорить об этом Лану, — проворчала она.

— Я даже и не мечтала об этом, — сказала Мореин, проходя дальше, чтобы встать в центре павильона.

— Невыносимая женщина, — проворчала Найнив, вытирая слезу с другого глаза.

— Мореин, — сказала Эгвейн, — Ты пришла как раз

вовремя.

— У меня есть способность к этому.

— Ну, — продолжила Эгвейн, когда Ранд отошел обратно к столу, — Ранд... Возрожденный Дракон... принял решение держать эту землю в заложниках его требований, отказываясь исполнять свой долг, пока мы не согласимся с его капризами.

Мореин поджала губы, беря договор о Мире Дракона, который Галад положил на стол для неё. Она стала изучать его.

— Кто эта женщина? — спросил Роэдран. — И почему мы должны...

— Может прекратишь уже! —

Он поднял руку, будто от шлепка потоком Воздуха, и воззрился на Эгвейн, однако, в этот раз удовлетворением пахло от одного из Аша'манов.

— Славный удар, Грейди, — прошептал Перрин.

— Спасибо, Лорд Перрин.

Грейди, конечно, знал бы её только как легенду, но истории о Морейн были широко распространены среди тех, кто следовал за Рандом.

— Ну? — сказала Эгвейн.

— "И свершится так, что созданное людьми будет разрушено", — прошептала Морейн, — "И Тень проляжет через

Узор Эпохи, и Темный вновь наложит длань свою на мир людей. Жены возрыдают, а мужей охватит ужас, когда государства земные распадутся, будто сгнившая ветошь. Не устоит ничто и не уцелеет".

Люди переминались с ноги на ногу. Перрин вопросительно посмотрел на Ранда.

— "Но будет рожден один, дабы встретить, не дрогнув, Тень, — вновь заговорила Морейн, — рожден вновь — как был рожден прежде и будет рожден опять, и так бесконечно. Возрожден будет Дракон, и при его новом рождении станут причитать и скрипеть зубами. В рубище и пепел облачит он людей и своим явлением

вновь расколет мир, разрывая скрепляющие узы".

— "Словно раскованная заря, ослепит он нас и опалит нас, но в то же время Дракон Возрожденный встанет против Тени в Последней Битве, и кровь его дарует нам Свет. Пусть струятся слезы, о люди мира! Восплачьте свое спасение!"

— Айз Седай, прошу прощения, но это звучит очень зловеще, — сказал Дарлин.

— По крайней мере это будет спасением, — сказала Морейн. — Скажите, Ваше Величество. Это пророчество указывает вам проливать слезы. Нужно ли плакать потому, что избавление придёт

вместе с тревогами и болью? Или нужно плакать во имя самого спасения? Ради человека, что будет страдать ради вас? Того единственного, что точно не сбежит от этой битвы?

Она повернулась к Ранду.

— Эти требования несправедливы, — сказал Грегорин. — Он требует сохранять все границы в их нынешнем состоянии!

— И да разрубит он своих людей мечом мира. — ответила Морейн, — и уничтожит их листом.

— Кариатонский цикл. Я слышал эти слова раньше.

— Печати, Морейн, —

промолвила Эгвейн — Он планирует сломать их. Он отвергает власть Престола Амерлин.

Морейн не выглядела удивленной. Перрин подозревал, что она подслушивала, перед тем как войти. Это было бы очень похоже на нее.

— Ох, Эгвейн, — сказала Морейн, — Разве ты забыла? "Непобедимая доныне ломается гордая башня и преклоняет колени пред знаком забытым..."

Эгвейн покраснела.

— "И не будет здоровья в нас, и ничто не прорастет", — цитировала Морейн, — "ибо земля едина с Возрожденным Драконом, а он един

с землей. Душа из пламени, сердце из камня."

Она обратилась к Грегориану.

— "В гордыне покоряет он, принуждая высокомерие уступать."

К Порубежникам.

— "И призовет он горы на поклон..."

— "...и моря расступятся пред ним.";

— "...и склонятся самые небеса."

К Дарлину:

— Молитесь, чтобы каменное сердце помнило о слезах...

Потом, наконец, к Илэйн:

— ...а душа из пламени не забыла любовь." Вы не можете

бороться с этим. Никто из вас не может. Мне жаль. Вы думаете, что он пришел к этому сам по себе? — она подняла документ, — Узор — это баланс. Не добро, не зло, не мудрость и не глупость. Для узора эти вещи не имеют значения. Последняя Эпоха завершилась Разломом, а новая начнется с мира, даже если это должно быть засунуто вам в глотки, как лекарство плачущему ребенку.

— Могу я сказать? — спросила Айз Седай в коричневом платке, выступая вперед.

— Можешь, — ответил Ранд.

— Это мудрый документ, лорд Дракон, — сказала коричневая сестра. Она была полной и говорила

более прямо, нежели ожидал Перрин.

— Но, я вижу в нем огромный недостаток, то, что он был составлен так рано. Пока Шончан свободны от этого обещания — оно бессмысленно. Пока есть угроза от Шончан, мы не можем говорить о мире.

— Это вопрос, — согласилась Илэйн, сложив руки на груди. — Но, он не один. Ранд, я вижу, что ты пытаешься сделать, и я люблю тебя за это. Но, это не отменяет того факта, что этот документ нелеп. Для подобного соглашения обе стороны должны быть заинтересованы, обе стороны должны увидеть преимущества для себя.

— Это не дает никакого способа разрешения конфликтов. А они возникают, они всегда возникают. Любой подобный документ должен предоставлять возможность урегулирования конфликтов, он должен давать возможность разрешать конфликты и наказывать тех, кто не придерживается соглашения. Без этого мелкие обиды будут накапливаться, пока все это не выразится в войну.

— Таким, как он есть, этот договор почти требует от всех наций наброситься на первого, кто нарушит мир. Он не остановит их от установления марионеточной власти в павшем королевстве, или даже в

другом, свободном. Я боюсь, со временем это соглашение превратится в ничто; что хорошего в нем, если защита действительна лишь на бумаге? Конечным результатом этого будет — война. Массивная, всепоглощающая война. У нас будет мир лишь на время, в частности до того, пока живы те, кто чтит тебя. Но за каждый год мира ты получишь год великого разрушения, как только этот договор развалится.

Ранд положил руку на документ.

— Я добуду Вам мир с Шончан.

Мы добавим в документ пункт касаямо Шончан, и их правитель подпишет его. Иначе этот документ не будет иметь силы. Такой вариант

Вас устроит?

— Ранд, это исправит меньшую проблему, но не большую, — ответила Илэйн.

— Здесь есть еще одна более весомая проблема, — сказал новый голос.

Ранд обернулся, удивленный. Авиенда? Ни она, ни другие Айил не участвовали в споре. Они лишь наблюдали. Перрин почти забыл, что они тоже здесь.

— Ты тоже? — сказал Ранд, — Прогуливаешься на осколках моей мечты, Авиенда?

— Не будь ребенком, Ранд Ал'Тор, — ответила женщина, подойдя и положив пальцы на

документ, — У тебя есть тох.

— Я исключил вас из договора, — протестуяще воскликнул Ранд, — Я доверяю тебе и всем Айил.

— Айил нет в договоре? — удивился Изар, — Свет, как мы не заметили этого!

— Это оскорбление, — сказала Авиенда.

Перрин нахмурился. От неё пахло серьёзностью. От любого другого Айил он ожидал, что вслед за резким запахом будет поднята вуаль и приготовлены копыя.

— Авиенда, — сказал Ранд улыбаясь, — Все остальные собираются повесить меня за то, что

я включил их в договор, а вы сердитесь за то, что остались вне него?

— Я прошу у тебя этот дар, — ответила она, — Это все. Включи Айил в договор, в твой Мир Дракона. В противном случае мы уйдём.

— Ты не говоришь за всех, Авиенда, — возразил Ранд, — Ты не можешь.

Все присутствующие в палатке Хранительницы Мудрости одновременно шагнули вперед и стали рядом с Авиендой будто в едином порыве. Ранд моргнул.

— Авиенда несет нашу честь, — произнесла Сорилея.

— Не будь дураком, Ранд

Ал'Тор, — добавила Мелейн.

— Это дело женщин, — присоединилась Саринда, — Мы не будем удовлетворены до тех пор, пока не равны с мокроземцами.

— Ты думаешь, что это слишком трудно для нас? — задала вопрос Эмис, — Ты оскорбляешь нас, считая, что мы слабее всех остальных?

— Вы все сошли с ума! — произнес Ранд, — Вы понимаете, что это будет запрещать вам биться друг с другом?

— Не биться, — возразила Авиенда, — Биться без причины.

— Война- это ваша цель, — ответил Ранд.

— Если ты в это веришь, Ранд Ал'Тор, — холодно произнесла она, — То я действительно плохо тебя обучила.

— Её слова мудры, — Руарк вышел из толпы, — Наша цель заключалась в подготовке к тому, что мы будем нужны в Последней Битве, нашей целью было быть сильными, чтобы выжить. Теперь нам нужна новая цель. Я похоронил кровную вражду ради тебя, Ранд Ал'Тор, и я не стану вновь воскрешать её. Теперь у меня есть друзья, которых я не хотел бы убивать.

— Безумие, — встряхнув головой, произнес Ранд, — Ну хорошо, я включу вас сюда.

Авиенда

казалась

удовлетворенной, но Перрина всё-равно что-то беспокоило. Он не понимал Айил, Свет, да он даже не понимал Гаула, который уже столь долго находится с ним. Тем не менее, он заметил, что Айил любят что-нибудь делать. Даже когда они бездельничали, они были начеку. Пока другие люди играли в карты или кости, Айил часто что-нибудь тихо делали.

— Ранд, — позвал Перрин, поднимаясь и взяв его за руку, — Можно тебя на минутку?

Ранд помедлил, затем кивнул ему и взмахнул рукой.

— Мы защищены, они не могут

нас сейчас слышать.

— Знаешь, я кое-что заметил.
Айил похожи на инструменты.

— Возможно...

— И инструменты, которые не
используются, становятся
ржавыми, — сказал Перрин.

— Именно поэтому они и
совершали набеги друг на друга, —
ответил Ранд, потирая висок, —
Чтобы поддерживать свои навыки.
Именно поэтому я освободил их.
Свет, Перрин! Я думаю, что это будет
катастрофа. Если мы включим их в
этот документ...

— Я думаю, что у тебя сейчас
нет выбора, — заметил Перрин, —
Остальные никогда не подпишут это,

если Айил здесь не будет.

— Я не знаю, подпишут ли они его вообще, — произнес Ранд. Он долгим взглядом окинул лист, лежащий на столе, — Это было прекрасной мечтой, Перрин. Мечта человечества о хорошем. Я думал, что это и их мечта. Вплоть до того, как Эгвейн назвала мои слова блефом, я думал, что и их.

Было хорошо, что остальные не могли чувствовать, как пахнут эмоции Ранда, иначе все бы знали, что он никогда не откажется выступить против Темного. Ранд не выдавал себя ни единым намеком на лице, но внутри Перрин знал, он был настолько же взбудоражен, как и

мальчик в день своей первой стрижки.

— Ранд, ты не видишь? — сказал Перрин. — Решение.

Ранд нахмурился на него.

— Айил, — сказал Перрин. — Это инструмент, нуждающийся в использовании. Соглашение, которое должно быть подписано...

Ранд колебался, затем широко ухмыльнулся.

— Ты — гений, Перрин.

— Полагаю, что пока речь идет о кузнечном деле, я знаю пару вещей.

— Но это... кузнечное дело тут ни при чем, Перрин.

— Конечно при чём, — сказал Перрин. Как Ранд мог не видеть

этого?

Ранд повернулся, определенно распустив плетение. Он подошел к документу, затем поднял его и отнес одному из своих секретарей в задней части палатки.

— Я хочу добавить два положения. Во-первых, этот документ является недействительным, если не подписан Дочерью Девяти Лун или Императрицей Шончан. Во-вторых, все Айил, кроме Шайдо, должны быть записаны в документе в качестве сил мира и посредников при спорах между государствами. Любое государство, если оно чувствует себя оскорбленным, вправе

обратиться к ним, и Айил, а не вражеские армии, обеспечат восстановление. Они могут преследовать преступников через государственные границы. Они должны жить в соответствии с законами стран, в которых они проживают на данный момент, но они не являются подданными этой страны.

Он повернулся к Илэйн.

— Это твой вариант соблюдение правопорядка, Илэйн, чтобы препятствовать вашим разрастающимся интригам.

— Айил? — спросила она с сомнением.

— Вы согласны с этим,

Руарк? — спросил Ранд, — Бэйл, Джеран, остальные? Вы утверждали, что были оставлены без цели, и Перрин рассматривает вас как инструмент, который должен работать. Вы примете эту ответственность? Предотвращение войн, назначение наказаний за неправильные поступки, работа с правителями других стран, чтобы служить видимым правосудием?

— Правосудие, каким видим мы его, Ранд ал'Тор, — сказал Руарк, — Или каким они видят его?

— Это должно соответствовать порядкам Айил, — ответил Ранд, — Призывая вас, они должны осознавать, что примут ваше

правосудие. Это не будет работать, если Айил просто станут пешками. Ваша самостоятельность будет тем, что сделает это эффективным.

Грегорин и Дарлин начали жаловаться, но Ранд заставил их замолчать взглядом. Перрин кивнул себе, свернув руки. Их жалобы были неважны.

"Они рассматривают это как возможность, понял он. Они видят в Айил дикарей и думают, что ими будет легко управлять, как только Ранд уйдет. Перрин усмехнулся, представив, что их поражение закончится попыткой избежать того, чем они были прежде." Он принялся... теперь от многих

пахло заботой.

— Это очень неожиданно, — сказал Руарк.

— Добро пожаловать на званный ужин, — добавила Илэйн, все еще негодующе смотря на Ранда, — Попробуйте суп. — Странно, от неё пахло гордостью. Странная женщина.

— Я предупреждаю вас, Руарк, — сказал Ранд, — Вам нужно будет изменить свой путь. Айил придется действовать совместно в этих вопросах. Вожди и Хранительницы Мудрости должны будут советоваться и принимать решения совместно. Один клан не должен вести битву в то время, как

другие кланы не согласятся и будут бороться за другую сторону.

— Мы поговорим об этом, — ответил Руарк, кивая другим Айил.

— Это будет означать конец Айил.

— А также и начало — сказал Ранд.

Вожди кланов и Хранительницы Мудрости Айил собрались отдельно в стороне и негромко разговаривали. Авиенда задержалась возле Ранда беспокойно смотря вдаль. Перрин слышал как она шептала ему что-то, но даже тонкий слух Перрина мог уловить не многое.

"... твой сон сейчас ... когда ты проснешься от этой жизни, мы не

будем..."

Секретарь Ранда, от которого исходил запах безумия, вышел вперед, и начал работу над изменением документа. Кадсуане сурово смотрела на все события.

От нее шел запах гордости.

— Добавьте положение, — сказал Ранд. — "Айил могут призвать другие страны, чтобы помочь им в правосудии, если они решат, что их собственных сил будет недостаточно. Дайте формальные методы, которые помогут странам подать прошение Айил относительно восстановления порядка или разрешения напасть на противника."

Секретари кивнули, продолжая

усердно работать.

— Ты ведешь себя так, словно все уже решено — сказала Эгвейн, глядя на Ранда.

— О, это совсем не так — сказала Морейн — Ранд, у меня есть пара слов для тебя.

— Понравятся ли мне эти слова? — спросил он.

— Я подозреваю, что нет. Скажи мне, зачем тебе лично управлять армиями? Ты отправишься в Шайол Гул, где у тебя, вне всяких сомнений, не будет возможности связаться хоть с кем-нибудь.

— Морейн, кто-то же должен отдавать приказы.

— С этим, я считаю, все

согласятся.

Пахнувший беспокойством Ранд, сложил руки за спиной.

— Я несу ответственность за этих людей, Морейн. Я хочу быть уверенным, что потери в этой битве будут настолько малы, насколько это возможно.

— Я боюсь, что это не повод, возглавить битву — тихо сказала Морейн — Ты будешь сражаться не за выживание твоих солдат, ты будешь биться ради победы. Этим командующим не должен быть ты, Ранд. Это должен быть кто-то другой.

— Я не хочу, чтобы эта битва превратилась в путаницу, Морейн, —

ответил он, — Если бы ты могла видеть ошибки, которые мы сделали в прошлый раз, путаница, которая может возникнуть, когда все думают, что всё находится под контролем. Битва стала потрясением, поэтому нам все еще нужен единственный командир, который будет принимать решения, держать всех вместе.

— Как на счёт Белой Башни? — спросила Романда, выходя, наполовину распахивая всех на своём пути и встав рядом с Эгвейн, — У нас есть ресурсы для эффективного перемещения между сражениями, мы были хладнокровны во все времена, когда другие были раздавлены, и нам доверяют все

народы.

На последнее заявление Дарлин поднял бровь.

— Белая Башня кажется оптимальным выбором, Лорд Дракон, — добавила Тенобия.

— Нет, — сказал Ранд, — У Амерлин есть много забот, но не лидерство в войне. Я не думаю, что это правильный выбор.

Эгвейн, что странно, ничего не сказала. Перрин изучил ее. Он думал, будь у неё шанс, она схватит его, чтобы провести войну сама.

— Им должен быть один из нас, — сказал Дарлин? — Выбранный из тех, кто пошел бы биться в этот момент.

— Я предполагаю, — сказал Ранд, — Вы можете выбирать, кто будет командующим, этот пункт я уступлю. Впрочем, вы должны удовлетворить другие мои требования.

— Ты все еще настаиваешь, чтобы разломать печати? — сказала Эгвейн.

— Не бойся, Эгвейн, он не собирается ломать печати, — улыбнувшись ответила вместо него Моррейн.

Лицо Ранда потемнело.

Эгвейн улыбнулась.

— Сломать их должна будешь ты — сказала Морейн Эгвейн

— Что? Конечно нет!

— Ты — Блюстительница Печатей, Мать, — продолжила Морейн, — Разве ты не слышала, что я сказала раньше? "И свершится так, что созданное людьми будет разрушено, и Тень проляжет через Узор Эпохи, и Темный вновь наложит длань свою на мир людей..." Это должно произойти.

Эгвейн казалась смущенной.

— Ты ведь видела это, не так ли? — прошептала Морейн, — Что тебе приснилось, Мать.

Эгвейн не ответила сразу.

— Что ты видела, — наседала Морейн, подходя к ней ближе.

— Треск под его ногами, — сказала Эгвейн, глядя Морейн в

глаза, — Когда Ранд шагал вперед, под его ногами хрустели осколки узилища Темного. Я видела его также и в другом сне, спотыкавшимся на каждом шагу, чтобы открыть узилище. Но я никогда не видела, чтобы он все же открыл его, Морейн.

— Осколки были там, Мать, — произнесла Морейн. — Печати были сломаны.

— Сны толкуют по-разному.

— Ты знаешь, что это означает. Это действительно необходимо, и печати твои. Ты сломаешь их, когда придет время. Ранд, Лорд Дракон Возрожденный, время передать ей печати.

— Мне это не по душе,

Морейн, — проговорил он.

— Ничего не изменилось, не правда ли? — спросила она легко.

— Полагаю, ты часто сопротивлялся делать, что должно. Особенно, когда я была той, кто указывала тебе.

Он промолчал, затем рассмеялся и полез в карман своей куртки. Высунул три диска из квейндияра, каждый разделен извилистой линией по середине. Он положил их на стол.

— Как она узнает, что время пришло? — спросил он.

— Она узнает, — сказала Морейн.

От Эгвейн пахло сомнением, и Перрин не винил ее. Морейн всегда

свято верила следованию
переплетения Узора и преклонялась
поворотам Колеса. Перрин все видел
иначе. Он полагал, что ты сам
выбираешь собственный путь, и
верил, что твои собственные руки
делают то, что должно было быть
сделано. От Узора не стоит зависеть.

Эгвейн была Айз Седай.
Казалось, что она чувствовала, что
должна видеть все так же, как и
Морейн. Либо так, либо она была
готова согласиться и просто взять
печати в руки.

— Я сломаю их, когда
почувствую, что это необходимо, —
сказала она, взяв печати.

— Тогда, вы распишетесь. —

Ранд выхватил документ, хотя писцы и протестовали такой поспешности, с которой им пришлось работать. Теперь на оборотной стороне имелось несколько дополнений. Один из писцов закричал, протягивая руку к песку, но Ранд сделал что-то с помощью Единой Силы и чернила высохли мгновенно, как только он положил документ перед Эгвейн.

— Я подпишу. — проговорила она, протягивая руку к перу. Она тщательно читала положений, другие сестры наблюдали через ее плечо. И кивнули разом.

Эгвейн положила перо на бумагу.

— А теперь остальные, —

сказал Ранд, повернувшись, чтобы понаблюдать за реакциями.

— О Свет, да он поумнел, — прошептала Фэйли рядом с Перрином. — Ты же понимаешь, что он только что сделал?

— Что именно? — произнес Перрин, почесывая бороду.

— Он привел с собой тех, кто поддержит его, — шепнула Фэйли.

— Порубежники, которые подпишут что угодно, дабы заручиться помощью для своей родины. Арад Доман, которому он совсем недавно помог. Айил. Ну, ладно, кто знает, что сделают Айил в определенный момент? Но идею ты понял.

— Затем он позволил Эгвейн собрать остальных. Гениально, Перрин. Таким образом, со всей этой коалицией, что привели против него, ему лишь осталось убедить её. Как только она примет его сторону, остальные будут выглядеть глупо, стоя в стороне.

Действительно, как только правители начали подписывать, Берелейн шла первой и наиболее рьяной — те, кто поддерживал Эгвейн начали нервничать. Дарлин подошел и взял перо. Он колебался мгновение, затем подписал.

Последовал Грегорин. Затем Порубежники, каждый по очереди, за ними последовал король Арад

Домана. Даже Роэдран, который все еще, казалось, находил все это полным провалом, подписал. Перрину это показалось любопытным.

— Он очень разгневан, — промолвил Перрин Фейли, — но он знает, что так будет лучше для его королевства.

— Да, — сказала она. Он ведет себя так, чтобы они смогли бросить его. Этот документ закрепляет за государствами их текущие границы. Это хорошо для тех, кто пытается стабилизировать свое правление, но...

— Но?

— Что насчет Шончан? — тихо

произнесла Фейли. — Если Ранд уговорит их, останутся ли уже захваченные страны под их контролем? И как быть с дамани? Позволят ли им защелкнуть ошейник на любой женщине, что пересечет их границы?

В шатре воцарилась тишина; возможно Фейли говорила громче, чем собиралась. Для Перрина иногда было проблемно помнить, что обычные люди могут слышать, а что нет.

— Я разберусь с Шончан, — сказал Ранд. Он стоял напротив стола, глядя как каждый правитель тщательно изучал документ, говорил со своими советниками, и потом

подписывал.

— Как? — спросил Дарлин. — Они не желают заключать с вами мир, Лорд Дракон. Я полагаю, они найдут этот документ лишенным смысла.

— Как только мы закончим здесь, я пойду к ним. Они подпишут, — тихо ответил Ранд.

— А если нет? — настаивал Грегорин.

Ранд оперся рукой на стол, широко расставив пальцы.

— В таком случае мне придется уничтожить их. Или хотя бы их возможность воевать в ближайшем будущем.

В павильоне наступила тишина.

— А вы можете это сделать? — спросил Дарлин.

— Я не уверен, — признался Ранд. — Если я смогу, это оставит меня ослабевшим в тот час, когда мне нужны все мои силы. Свет, это может быть мой единственный выбор. Ужасный выбор. Когда я оставил их в последний раз... Мы не можем позволить им ударить в спину, когда мы будем сражаться с Тенью.

Он встряхнул головой и Мин сделала шаг навстречу, чтобы взять его за руку.

— Я найду способ договориться с ними. Я найду способ... так или иначе.

Процесс подписи документа

продолжался. Некоторые делали это размашисто, другие — в более обычном стиле. Ранд также пожелал, чтобы подписались Перрин, Гавин, Фэйли и Гаррет Брин. Похоже, он хотел, чтобы каждый, кто может возвысится до сана лидера, поставил своё имя под документом.

В конце концов, осталась лишь Илэйн. Ранд предложил ей перо.

— Ты просишь от меня тяжелого шага, Ранд, — сказала Илэйн, руки скрещены на груди, золотые волосы мерцают в свете созданных им сфер. Почему небеса снаружи потускнели? Ранд не выглядел обеспокоенным, но Перрин опасался, что тучи поглотили небо. Опасный знак, если сейчас они

захватят контроль там, где Ранд некогда его удерживал.

— Знаю, это сложно, — проговорил Ранд.

— Я дам тебе кое-что взамен.

— Что именно?

— Войну, — сказал Ранд. Он повернулся к правителям.

— Вы хотели, чтобы один из вас руководил Последней битвой. Примите ли вы Андор, и его королеву в этой роли?

— Слишком молода, — пробурчал Дарлин. — Новичок. Без обид, ваше величество.

Алсалам фыркнул. — Ты слишком болтлив, Дарлин. Половина присутствующих монархов провели

заняли трон в ее возрасте, а то и раньше.

— А как же Порубежники? — спросила Алиандре. — Они всю жизнь сражаются в Запустении.

— Мы истощены, — сказал Паитар. И покачал головой.

— Никто из нас не может руководить. Андор такой же хороший выбор, как и остальные.

— Сейчас Андор страдает от своего собственного военного вторжения, — заметил Дарлин.

— Также, как и все вы, или же скоро будете, — сказал Ранд. — Илэйн Траканд является лидером по своей натуре; она научила меня большинству, что я знаю о лидерстве.

Она изучала тактику от великого полководца, и я уверен, что она будет полагаться на советы всех великих полководцев. Кто-то должен руководить. Примите ли вы все её в этой должности?

Остальные неохотно закивали, выражая согласие. Ранд обернулся к Илэйн.

— Ну ладно, Ранд, — сказала она. — Я приму это на себя и я подпишу, но тебе всё же лучше найти способ договориться с Шончан. Я желаю видеть имя их правителя на этом документе. Никто из нас не будет в безопасности, пока его там нет.

— А что насчет женщин,

удерживаемых Шончан? — спросил Руарк. — Признаюсь, Ранд Ал'Тор, мы намеревались объявить кровную вражду этим завоевателям, как только более срочные битвы будут выиграны.

— Если их правитель подпишет это, — промолвил Ранд, — я потребую обмена, чтобы получить направляющих, которых они украли. Я попытаюсь убедить их вернуть удерживаемые земли и вернуться в свою страну.

— Что если они откажутся? — спросила Эгвейн, покачивая головой. — Позволишь ли ты им подписаться без этих условий? Тысячи захвачены в плен, Ранд.

— Мы не можем одолеть их, — тихо сказала Авиенда. Перрин взглянул на неё. Она пахла расстроено, но уверенно. — Если мы вступим с ними в войну, то проиграем.

— Авиенда права, — промолвила Эмис. — Айил не станут сражаться с Шончан.

Руарк удивленно переводил взгляд то на одну, то на другую.

— Они делали ужасные вещи, — сказал Ранд, — но все же земли, что они захватили, получили выгоду от сильного правления. Если это необходимо, я позволю им оставить имеющиеся земли до тех пор, пока они более не расширяют их. Что же

касается женщин... что сделано, то сделано. Давайте сперва беспокоиться о всем мире в целом, а уж затем сделаем что возможно для захваченных в плен.

Илэйн на мгновение задержалась над документом, возможно из-за его трагичности, затем наклонилась и размашисто добавила свое имя в конце.

— Сделано, — сказала Морейн, когда Ранд поднимал документ — На этот раз у тебя будет мир, лорд Дракон.

— Сперва, мы должны выжить, — ответил он, держа документ с почтением. — Я оставляю вас, чтобы вы сделали необходимые

приготовления перед боем. Мне необходимо завершить несколько дел, в том числе с Шончан, перед тем, как я отправлюсь в Шайол Гул. Однако, у меня есть просьба к вам. Есть один близкий друг, который нуждается в нас...

Зловещая молния ударила по облачному небу. Несмотря на тень, пот струился по шее Лана, намочив волосы под шлемом. Он не носил его уже многие годы, так как большую часть времени при сопровождении Морейн было необходимо быть незаметным, и шлем был совсем не нужен.

— Насколько... Насколько все плохо? — поморщился Андер,

держась своей стороны и прислонившись спиной к скале.

Лан посмотрел на битву. Отродья тени снова накопили силу. Монстры, казалось, почти смешались и двигались вместе, единой огромной тёмной воющей силой, миазмом ненависти, тяжелым как воздух, который держат теплым и влажным.

— Плохо, — произнес Лан.

— Знал, что так и будет, — сказал Андер, часто дыша. Кровь просачивалась между его пальцев, — Назар?

— Ушел, — ответил Лан.

Седовласый мужчина угодил в тот же переплет, куда и чуть было не

попал Андер. Спасение в лице Лана пришло недостаточно быстро.

— Я видел, как его потрошил троллок, как он убил его.

— Пусть последнее объятие матери, — Андер скорчился от боли, — Последнее...

— Пусть последнее объятие матери приветствует тебя дома, — мягко произнес Лан.

— Не смотри на меня так, Лан, — выговорил Андер, — Все мы знали, что так будет, когда мы... Когда мы присоединились к тебе.

— Вот почему я пытался остановить тебя.

Андер нахмурился.

— Я...

— Мир, Андер, — прервал Лан, поднимаясь, — То, чего я хотел, было эгоистично. Я пришел, чтобы умереть за Малкири, и я не имею права отобрать эту привилегию у других.

— Лорд Мандрагоран! — К мужчинам подъехал принц Кайсель, некогда прекрасный доспех которого покрывали вмятины и кровь. Кандорский принц всё ещё выглядел слишком молодо для этой битвы, но уже доказал, что настолько же хладнокровен, как и любой ветеран с сединой, — Они вновь выстраиваются.

Лан прошел по каменистой земле туда, где конюх держал

Мандарба. Бока вороного жеребца покрывали порезы от оружия троллоков. Благодарение Свету, они были неглубокими. Лан положил руку на шею лошади, когда Мандарб фыркнул. Неподалеку знаменосец Лана, лысый человек по имени Джофи, поднял флаг Малкири, Золотого Журавля. Это был его пятый знаменосец со вчерашнего дня.

Силы Лана захватили Ущелье с первого захода, отбросив отродья тени назад, прежде, чем они смогли войти в долину. Это было большим, чем ожидал Лан. Ущелье было узким участком каменистой земли, расположенным между скалистых подъемов и пиков.

Удерживание этой позиции не требует никаких умственных усилий. Вы стоите, вы умираете и вы убиваете так долго, как можете.

Лан командовал кавалерией. Кавалерия не была идеальным инструментом для этой работы — кавалерия действует лучше там, где они могут распределиться и есть пространство для подготовки следующего удара, но проход через Тарвиново Ущелье был настолько узким, что лишь небольшое количество троллоков могло одновременно пройти через него. Это давало Лану шанс. По крайней мере, это должно было помешать троллокам воспользоваться

численным преимуществом. Они должны были оплачивать счет мяснику за каждый ярд, который они получали.

Троллоковы туши покрывали всё ущелье, создавая подобие мехового одеяла. Каждый раз, когда существа пытались проникнуть через ущелье, люди Лана сопротивлялись им с помощью копий и алебард, мечей и стрел, в конечном счете убивая тысячи и оставляя горы для их собратьев, которые будут перебираться через них. Но каждое столкновение также уменьшало число сторонников Лана.

Каждое столкновение вынуждало его людей отходить

немного дальше, ближе ко входу в ущелье. Теперь они были от него на расстоянии не более ста футов.

Лан почувствовал давящую усталость глубоко в его костях.

— Что с нашими силами? — спросил Лан принца Кайселя.

— Может быть, шесть тысяч ещё способны ездить верхом, Дай Шан.

Меньше половины от того количества, с которым он начал за день до этого.

— Скажи им готовиться.

Кайсель выглядел потрясенным.

— Мы собираемся отступать?

Лан повернулся к парню.

Кайсель побледнел. Лан

говорил, что его взгляд может

нервировать любого человека, а Морейн любила шутить, что он мог обыграть в гляделки камень и имел терпение дуба. Ну, он не чувствовал себя так уверенно, как думали люди, но этот мальчик должен был лучше знать что спросить, если бы они отступали.

— Конечно, — сказала Лан, — а потом, мы пойдем в атаку.

— В атаку? — произнес Кайзель, — Мы находимся в обороне!

— Они сметут нас, — произнес Лан, втаскивая себя в седло Мандарба, — Мы исчерпали себя и измучены и почти сломаны. Если мы будем стоять здесь и позволим им прийти к нам снова, мы падём, но не

будем хныкать.

Лан знал, что это конец, он видел это.

— Передайте эти приказы, — сказал Лан принцу Кайселю, — Мы будем медленно выходить из прохода. Вы возьмёте основную часть войска, соберётесь на равнине, будьте организованы и готовыми напасть на Отродий Тени, как только они выйдут из Ущелья. Внезапная атака нанесет им большой ущерб; они не будут знать, что их поразило.

— Есть возможность, что мы будем окружены и захвачены, если оставим проход? — спросил Кайсель.

— Это лучшее, что мы можем сделать с силами, которые имеем.

— А потом?

— А потом они в конце концов прорвутся, разобьют наши силы на куски и перебьют.

Кайсел сидел лишь мгновение, затем кивнул. Опять же, Лан был впечатлен. Он предположил, что этот мальчик пошел с ним, чтобы найти славу в сражении, бороться на стороне Дай Шана и отместить его врагов. Но нет. Кайсель был Порубежником до глубины души. Он не пришёл ради славы. Он пришёл, потому что хотел этого. Хороший парень.

— Теперь отдай приказ. Люди будут рады возвратиться на коней снова, — Слишком многие из них

были вынуждены биться пешими из-за нехватки маневренности в узком месте.

Кайсель отдавал приказы, и эти приказы воодушевляли людей Лана, как осенний огонь. Он видел, что Андеру помогает взобраться в седло Булен.

— Андер? — сказал Лан, подгоняя Мандарба к нему, — Ты не в состоянии ехать верхом. присоединяйся к раненым в заднем лагере.

— Значит, я отлежусь там и позволяю троллокам забить меня после окончания твоей судьбы? — Андер наклонился вперед на седле, немного колеблясь, и Булен

посмотрел с беспокойством. Андер отмахнулся от него и сел вертикально, — Мы уже сместили гору, Лан. Давай сдвинем перо с места и пройдем через это.

Лан не мог продолжить спор. Он созвал отступление к мужчинам перед ним в проходе. Оставшиеся мужчины, сгруппировались вокруг него и медленно стали отступать к равнине.

Троллоки кричали и вопили от возбуждения. Они знали, что, как только они будут свободны от стен, которые ограничивали их движение, они легко выиграют эту битву.

Лан и его небольшой отряд покинули узкий проход Ущелья, те

кто был пешком бежали к своим лошадям, привязанных у входа в каньон.

Троллоки, на этот раз не нуждались в руководстве от Мурдраалов для продвижения. Их шаги были низким грохотом по каменистой земле.

Через несколько сотен метров от Ущелья, Лан замедлил Мандарба и развернулся. Андер с трудом подвёл свою лошадь рядом к Лану, к ним присоединились и другие наездники, образовав длинные ряды кавалерии. Булен скакал не спеша по другую сторону от Лана.

Тучи Отродий Тени приблизилась к выходу из Ущелья,

огромная сила, тысячи Троллоков, которые вскоре разберутся с ними в открытом бою и попытаются истребить их.

Силы Лана молча выстроились вокруг него. Многие из них были стариками, последние остатки погибшего королевства. Эта сила, которой удалось защищать Тарвиново Ущелье, теперь, казалась крошечной на гораздо более крупной равнине.

— Булен, — сказал Лан.

— Да, лорд Мандрагоран?

— Ты утверждаешь, что подвел меня, несколько лет назад.

— Да, мой Лорд. Это...

— Любая твоя ошибка забыта, — сказал Лан, глядя

вперед, — Я горжусь, что дал тебе право носить хадори.

Подъехал Кайсель, кивая Лану:

— Мы готовы, Дай Шан.

— Это к лучшему, — сказал

Андер, морщась и держась за раны, едва в состоянии усидеть в седле.

— Это то, что должно быть, —

сказал Лан. Не довод. Не совсем так.

— Нет, — сказал Андер, —

Должно быть больше, Лан. Малкир как дерево, чьи корни погибли от белых червей, а ветви увядали медленно. Я бы лучше сгорел в одно мгновение.

— Я предпочёл бы атаку, —

сказал Булен, голос становился громче, — Я предпочёл бы атаку, чем

позволил бы схватить нас. Давайте умрём в наступлении, с мечами указывающими на дом.

Лан кивнул, поворачиваясь и поднимая свой меч высоко над головой. Он не стал говорить. Он уже всё сказал. Люди знали, что это так. Еще одна атака, пока у них все еще осталась какая-нибудь сила, будет означать хоть что-то. Меньше Отродий Тени, которые наводнят мирные земли. Меньше троллоков, которые будут убивать тех, кто не сможет сопротивляться.

Враг казался бесчисленным. Порабощающая, неистовая орда без боевых линий или дисциплины. Воплощение ярости, разрушения.

Тысячи и тысячи. Они мчались вперед, хлынув из ущелья, будто внезапно освобожденные воды паводка.

Небольшие силы Лана были по сравнению с ними словно галька.

Люди тихо воздели к нему свои мечи — последний салют.

— Сейчас! — вскричал Лан. Сейчас, как только они начали рассредоточиваться. Это принесет наибольший урон. Лан бросил Мандарба вперед, показывая пример.

Андер скакал галопом около Лана, цепляясь за луку седла обоими руками. Он не пытался достать оружие; он бы вывалился из седла, если бы сделал эту попытку.

Наинив была слишком далеко от Лана, чтобы ощутить её через связь, но иногда очень сильные эмоции могут прорываться, несмотря на дистанцию. Он попытался передать уверенность в случае, если она достигнет её. Гордость за его людей. Любовь к ней. Он глубоко желал, чтобы это было последнее, что она запомнит о нем.

"Моя рука будет мечом..."

Копыта гремели о землю. Троллоки впереди взвыли в предвкушении, осознавая что их добыча изменила отход на наступление, двигаясь прямо в их лапы.

— Моя грудь — это щит...

Лан мог слышать голос, голос его отца, который говорил эти слова. Это было глупо, конечно, Лан был младенцем, когда пала Малкир.

— Чтобы оборонять Семь Башен...

Он никогда не видел, как Семь Башен противостояли Запустению. Он слышал только истории.

"Сдерживать темноту..."

Копыта лошадей стучали словно гром. Настолько громко, громче, чем представлял себе возможным. Он держался прямо будто меч.

"Я буду стоять, когда все остальные падут."

Надвигающийся троллоки выровняли копья, так как расстояние

между двумя противостоящими
силам сузилось.

"Ай Халид'холара Малкир. За
мою сладкую землю Малкир."

Это была клятва, которую
солдаты Малкири давали во время их
первого пребывания на границе с
Запустением. Лан никогда не говорил
её.

Он сделал это, теперь она в его
сердце.

— Ай Халид'холара Малкир! —
закричал Лан, — Копья, ставь! —
Свет, как же громко стучали копыта!
Могли ли шесть тысяч сделать
наделать столько шума? Он
повернулся, чтобы посмотреть на
тех, кто позади.

По крайней мере десять тысяч поехали туда.

Он погнал Мандарба вперёд через своё удивление.

— Вперёд Золотой Журавль!

Голоса, крики, вопли силы и радости.

Воздух слева впереди раскололся внезапным вертикальным разрезом. Врата в три дюжины широких шагов — столь большие, какие Лан никогда не видел — открылись, как будто само солнце. С другой стороны яркие вспышки, взрывы. Атакующие мужчины в полном вооружении вырвались из прохода, встав на место рядом с флангом Лана. Они вывесили флаг

Арафела.

Больше проходов. Три, потом четыре, потом дюжина. Каждый разрывался на поле согласовано, атакующие всадники выезжали с копьями и выравнивались, с развевающимися флагами Салдейи, Шайнара, Кандора. В течение нескольких секунд, его атака из шести тысяч, стала в сотни тысяч человек.

Троллоки в первых рядах кричали, а некоторые из них перестали бежать. Некоторые стояли твёрдо, копья под углом, чтобы пронзить надвигающихся лошадей. Группа позади них, будучи не в состоянии ясно видеть, что

происходит впереди, полчища в ярости и с нетерпением двинулись вперед, размахивая мечами с большими косоподобными лезвиями и двойными боевыми топорами.

Те, троллоки на передней линии, держащие копья, взорвались.

Где-то позади Лана, Аша'ман начал посылать плетения, чтобы разорвать землю, полностью разрушая передние ряды троллоков. Как только их туши упали на землю, средние ряды оказались беззащитны перед бурей копыт, мечей и копий.

Лан напал, размахивая мечом, врезавшись Мандарбом в рычащих троллоков. Андер смеялся.

— Назад, дурак! — вопил ему

Лан, когда он набросился на следующих троллоков, — Направь Аша'манов к нашим раненым, сделай так, чтобы они защитили лагерь!

— Я хочу видеть твою улыбку, Лан! — кричал Андер, прижимаясь к седлу коня, — Покажи больше эмоций, чем камень, на этот раз! Оно заслуживает этого!

Лан смотрел на сражение, которое он и не надеялся выиграть, видя, что последнее сражение вместо этого становится многообещающей борьбой, и не мог с собой ничего поделать. Он не просто улыбался, он смеялся.

Андер повиновался его приказу, ускакав прочь, чтобы найти

Исцеление и организовать задние
линии.

— Джофил, — позвал Лан, —
Подними мое знамя повыше! Малкир
живет в этот день!

Глава 7

В Гуще всего.

Илэйн вышла из палатки после встречи и вступила в рощу из дюжины деревьев. И не просто деревьев: это были высокие, здоровые и прекрасные деревья с огромными ветвями, сотни футов выстой и с массивными стволами. То, как она застыла и изумилась могло смутить, если бы все вокруг не делали того же. Она посмотрела в сторону, где стояла Эгвейн с

открытым ртом, уставившись на эти огромные деревья. Солнце все еще светило над ними, но зеленые листья затеняли местность, что служило объяснением того, почему свет померк внутри палатки.

— Эти деревья, — сказал Перрин, подходя и кладя руку на толстую ребристую кору, — Я видел такие Великие Деревья раньше. Внутри стеддинга!

Илэйн обняла источник. Жар саидар был на месте, его теплота была сродни теплу, которое исходило от солнца. Она зачерпнула Силу и была удивлена отметив, что большинство женщин, которые могли направить, сделали это, поскольку

было упомянуто о стеддинге..

— Ну, кем бы Ранд сейчас ни был, — сказала Эгвейн, складывая руки на груди, — он не может просто заставить возникнуть стеддинг. Казалось, она находила эту мысль успокаивающей.

— Куда он пошел? — спросила Илэйн.

— Он побрел туда, — сказал Перрин, махнув в направлении деревьев, — И исчез.

Люди шли среди массивных стволов: солдаты от различных лагерей, смотря вверх. Она слышала шайнарца, разговаривающего рядом с лордом Агельмаром:

— Мы видели как они выросли,

милорд. Они вырвались прямо из земли; потребовалось меньше пяти минут, чтобы они стали такими высокими. Я клянусь, милорд, или мне больше не достать клинка.

— Хорошо, — сказала Илэйн, отпуская Источник, — Пожалуй, начнем. Страны в огне. Карты! Нам нужны карты!

Остальные правители повернулись к ней. На встрече, стоя рядом с Рандом, немногие из них возразили против принятия решения, что она поведет их. Именно так бывало рядом с ним; человек включался в водоворот желаний Ранда. Вещи казались такими логичными, когда именно он говорил

О НИХ.

Многие сейчас выглядели недовольными, что её поставили над ними. Лучше не дать им времени останавливаться на этом.

— Где Мастер Норри? — сказала она Дайлин. — Он не мог...

— У меня есть карты, Ваше Величество, — сказал Гаррет Брин, оставшись в палатке, Суан держалась рядом с ним.

Он казался более угрюмым, чем она помнила его; он носил жесткое белое пальто и брюки, грудь, отмеченная Пламенем Тар Валона. Он уважительно поклонился при входе, но не ступил слишком близко. Его униформа разъяснила его

преданность, также, как и покровительственная рука Суан на его руке.

Илэйн помнила его стоящим с тем же самым тихим выражением позади ее матери. Никогда не предполагая, всегда защищая Королеву. Та королева отправила его в поместье. В том случае не было ошибки Илэйн, но она могла прочесть нарушенную веру в облике Бринне.

Илэйн не могла изменить того, что пришло и ушло. Она могла смотреть только в будущее.

— Если у вас есть карты этой области и потенциальных полей битвы, представленных нам, лорд

Брин, мы хотели бы видеть их. Я хотела бы карты областей от этого места и до Кеймлина, подробную карту Кандора и ваши лучшие карты других Пограничных земель, — обращаясь к правителям она продолжила, — Соберите своих командующих и советников! Мы должны немедленно встретиться с другими великими полководцами, чтобы обсудить наш следующий план действий.

Это заняло немного времени, хотя беспорядок был распространяющимся, поскольку две дюжины различных фракций принимались за работу. Слуги потянули открытые стороны палатки,

и Илэйн попросила Сумеко собрать Родню и охранников, чтобы принести столы и некоторое количество стульев через ворота из ее лагеря. Илэйн также послала за конкретными докладами о том, что происходило в Ущелье, куда Ранд попросил отправить большую часть армий Приграничников на помощь Лану. Правители и великие полководцы остались для планирования.

Вскоре, Илэйн и Эгвейн рассматривали подробные карты Брина, которые были разложены на четырех столах. Правители отступили и позволили командующим поразмышлять.

— Это хорошая работа, Брин, — сказал лорд Агельмар. Шайнарец был одним из четырех оставшихся великих полководцев. Брин был другим.

Остальные двое — Даврам Башир и Родел Итуралде — стояли рядом в конце другого стола, внося исправления в карты Западных земель. У Итуралде были мешки под глазами, руки иногда дрожали. Из того, что слышала Илэйн, он перенес тяжелое испытание в Марадоне, и был спасен совсем недавно. Она на самом деле удивилась, когда увидела его здесь.

— Хорошо, — сказала Илэйн, собираясь. — Мы должны сражаться.

Но как? Где?

— Большие силы отродий тени вторглись в трёх местах, — произнес Брин, — В Кэймлин, Кандор и Тарвиново Ущелье. Ущелье не следует бросать, особенно учитывая, что наших войск вполне достаточно для того, чтобы помочь Лорду Мандрагорану удержать его. Предполагаемый результат нашей помощи там сегодня — это возможность отбросить Отродий Тени обратно в проход. Удержание же там Отродий является невыполнимой задачей для сражающейся в одиночку кавалерии Малкири. Возможно, мы могли бы послать ему некоторые подразделения пикинеров? Если он

сможет запереть эту брешь, то мы направим главные наши силы в бой за Андор и Кандор.

Агельмар кивнул.

— Да, такой план может быть жизнеспособным, если мы дадим Дай Шану соответствующую поддержку. Мы не можем позволить им опустошить Шайнар, как раньше было с Кандором. Если они вырвутся из Тарвинового Ущелья...

— Мы подготовлены к долгой битве, — заметил Лорд Изар, — Соппротивление Кандора и битва Лана у Ущелья дала нам необходимое время. Наши люди находятся в крепостях. Мы можем сдерживать Отродий, даже если потеряем

Ущелье.

— Смелые слова, Ваше Величество, — произнес Гаррет Брин, — но было бы лучше, если бы мы не испытывали стойкость шайнарцев таким образом. Давайте планировать удержание Ущелья и поймем, какие силы нужны для того, чтобы это сделать.

— А Кэймлин? — спросила Илэйн.

Итуралде кивнул.

— Вражеские силы, которые находятся глубоко позади наших рядов, да еще и с Путевыми Вратами, которые могут использоваться для пополнения... это проблема.

— Ранние отчеты, поступившие

сегодня утром, — произнесла Илэйн, — указывают на то, что в данное время они остаются на своих позициях. Они сожгли некоторые части Кэймлина, но другие оставили нетронутыми, так что теперь у них есть город, и отряды троллоков были организованы для тушения пожаров.

— Но в конце-концов они вынуждены будут уйти, — заметил Брин, — И чем раньше мы сможем их оттуда выманить, тем лучше.

— Почему бы не обсудить возможность осады? — задал вопрос Агельмар, — Я думаю, что основная часть наших войск должна пойти в Кандор. Я не оставляю Облачный Трон и Три Зала Торговцев в руинах,

как это случилось с Семейю Башнями.

— Кандор уже потерян, — тихо сказал принц Антол.

Великие полководцы посмотрели на старшего сына королевы Кандора. Высокий мужчина всегда вел себя очень сдержанно. Теперь он говорил смело.

— Моя мать сражается за нашу страну, — произнес он, — но это битва мести и искупления. Кандор горит, и знание об этом разрывает моё сердце, но мы не можем это остановить. Уделите Андору свое пристальное внимание, он слишком важен, чтобы его игнорировать; я бы не хотел видеть другую землю павшей, как это уже случилось с

моей.

Остальные кивнули.

— Мудрый совет, Ваше Высочество, — сказал Башир, — Благодарю Вас.

— Кроме того, не забывайте о Шайол Гул, — заявил Руарк из глубины шатра, где он стоял рядом с Перрином, некоторыми Айз Седай и другими лидерами Айил. Великие полководцы повернулись к Руарку, словно позабыв, что он был там.

— Кар'а'карн скоро выступает на Шайол Гул, — заявил Руарк, — ему будут необходимы копья за спиной, когда он сделает это.

— Он их получил, — ответила Илэйн, — хотя это означает четыре

фронта. Шайол Гул, Тарвиново
Ущелье, Кандор и Кэймлин.

— Давайте сначала
сосредоточимся на Кэймлине, —
предложил Итуральде, — Мне не
нравится идея осады. Нам
необходимо вывести троллоков из
города. Если мы просто осадим их,
то это даст им больше времени для
пополнения численности через
Путевые Врата. Мы должны взять
Кэймлин сейчас, по нашим
правилам.

Агельмар кивнул, с ворчанием
поглядывая на карту Кэймлина,
которую помощник положил на стол.

— Сможем ли мы остановить
поток Отродий? Отбить Путевые

Врата?

— Я пыталась, — произнесла Илэйн, — Утром мы направили три различных отряда через Врата в подвал к Путевым Вратам, но Тень подготовилась и укрепилась. Ни один из отрядов не вернулся. Я не знаю, сможем ли мы отбить Путевые врата назад или даже уничтожить их.

— Что если мы попытаемся сделать по другому? — спросил Агельмар.

— С другой стороны? — удивилась Илэйн, — Вы имеете ввиду из Путей?

Агельмар кивнул.

— Никто не ходит через Пути, — ошеломленно произнес

Итуральде.

— Троллоки ходят, — сказал Агельмар.

— Я прошел через них, — заявил Перрин, приближаясь к столу, — И мне очень жаль, Милорды, но я не думаю, что идея отбить врата с другой стороны сработает. Как я понял, мы не сможем уничтожить Путевые Врата даже с помощью Единой Силы. И мы не можем охранять их изнутри, пока там находится Черный Ветер. Лучший способ — это выбить троллоков из Кэймлина, а затем удерживать эту сторону Путевых Врат. Если они будут правильно охраняться, Тень никогда не сможет

использовать их против нас.

— Очень хорошо, — произнесла Илэйн, — Мы рассмотрим и другие варианты. Мне пришло в голову, что мы должны отправить письмо в Черную Башню, чтобы призвать Аша'манов. Сколько их там?

Перрин откашлялся.

— Я думаю, что вы хотели бы быть осторожной с этим местом, Ваше Величество. Там что-то происходит.

Илэйн нахмурилась.

— Что-то?

— Я не знаю, — в ответ произнес Перрин, — Я говорил об этом Ранду, и он обеспокоился и сказал, что разберется там. В любом

случае... просто будьте осторожны.

— Я всегда осторожна, — рассеянно произнесла Илэйн, — Так как же нам выбить этих троллоков из Кэймлина?

— Возможно, мы сможем спрятать значительные силы в Браймском Лесу, это здесь, почти в тридцати лигах к северу от Кэймлина, — Брин указал на карту, — Если небольшая группа солдат подберется в качестве приманки к городским воротам и будет отступать к лесу, как к ловушке... Я всегда беспокоился, что вражеская армия сможет использовать этот лес для прикрытия своего лагеря для атаки города. Я

никогда не думал, что буду сам рассматривать такой вариант.

— Интересно, — произнес Агельмар, изучая карту местности вокруг Кэймлина, — Похоже на то, что это сможет сработать.

— Но как же Кандор? — спросил Башир, — Принц прав в том, что страна уже не может быть спасена, но мы просто не можем позволить троллокам наводнить другие земли.

Итуралде почесал подбородок.

— Всё это становится очень крепким орешком. Три армии троллоков, и с нашими силами мы вынуждены делить между ними свое внимание. Да, я все больше и больше

думаю, что будет правильным сосредоточиться на одной из армий и лишь задержать силы двух других.

— Армия Тьмы в Кэймлине, вероятно, самая малочисленная, — произнес Агельмар, — размер Путевых Врат ограничил скорость их появления в городе.

— Да, — согласился Башир, — Наши шансы одержать быструю победу на одном из фронтов выше всего в Кэймлине. Мы должны сильно ударить там самыми большими нашими силами. Если мы сможем победить в Андоре, то это позволит уменьшить количество фронтов, на которых нам надо биться. И это будет значительным

преимуществом.

— Согласна, — произнесла Илэйн, — Мы поддержим Лана, но скажем ему, что его задача — это удержаться так долго, сколько он сможет. Вторую часть войск мы разместим на границе с Кандором с целью задержаться там, а может быть и будем медленно отступать, зависит от условий. Хотя эти два фронта тоже будут участвовать, но мы, в основном, сосредоточим наше внимание и крупнейшие армии на том, чтобы выбить троллоков из Кэймлина.

— Хорошо, — согласился Агельмар, — Мне нравится этот план. Но какие силы мы разместим в

Кандоре? Какая армия может замедлить троллоков, но не потребует значительного числа войск?

— Белая Башня? — спросила Илэйн, — Если мы отправим Айз Седай в Кандор, то они смогут замедлить продвижение троллоков через границу. Это позволит всем нам сосредоточиться на Кэймлине.

— Да, — сказал Брин. — Мне это нравится.

— А четвертый фронт? — в свою очередь задал вопрос Итуралде, — Шайол Гул? Кто-нибудь знает, что Лорд Дракон планирует там?

Никто ничего не сказал.

— Айил сделают то, что ему будет нужно, — ответила Эмис, находясь рядом с вождями кланов, — Вы не должны об этом беспокоиться. Просто следуйте вашим планам в сражении, а мы будем следовать нашим.

— Нет, — сказала Илэйн.

— Илэйн? — сказала Авиенда. — Мы...

— Это именно то, чего Ранд желал бы избежать, — решительно произнесла Илэйн, — Айил будут биться вместе со всеми остальными. Битва у Шайол Гул может быть самой важной из всех. Я не хочу, чтобы одна из армий могла рассчитывать только на себя и билась

в одиночку. Вы примете нашу помощь.

И, добавила она про себя, наше руководство. Айил были превосходными воинами, но есть некоторые вещи, которые они не желают признать. Полезность кавалерии, к примеру.

Айил, очевидно, не нравилась перспектива единого командования с мокроземцами. Они насторожились, и их глаза сузились.

— Айил неподражаемы в набегах, — заметил Брин, обратившись к ним, — Я столкнулся с вами в Кровавом Снегу и знаю, насколько смертоносны вы можете быть. Однако, если Лорд Дракон

атакует Шайол Гул, мы, вероятно, понадобится, чтобы захватить долину, а затем удерживать её так долго, сколько Лорд Дракон будет биться с Темным. Я не знаю, сколько времени это будет продолжаться, возможно, несколько часов. Дней. Скажите мне, вы когда-нибудь занимались укреплениями и сражались в затяжной оборонительной войне?

— Мы будем делать то, что должно быть сделано, — ответил Руарк.

— Руарк, — возразила Илэйн, — Вы сами настаивали на том, чтобы подписать Мир Дракона. Вы сами настаивали на том, чтобы стать

частью нашего союза. Я ожидаю, что вы доживете до момента выполнения вашего слова. Вы будете делать то, что вам говорят.

Вопросы Брина и Итуралде задели их, но прямое указание делать то, что нужно и напоминание смогло их успокоить. Руарк кивнул.

— Разумеется, — сказал он, — На мне тох.

— Помните об этом, пока слушаете, — сказала Илэйн, — и предлагайте свои идеи. Если мы собираемся драться на четырех различных фронтах одновременно, нам нужно координировать свои действия, — она посмотрела на собравшихся генералов, — Это

ложится на меня. У нас есть четыре фронта и четыре Великих полководца...

Башир кивнул.

— И это не случайно.

— Возможно, что и так.

— Это не совпадение, Ваше Величество, — продолжил Башир, — Если я и что-то узнал за время путешествий с Лордом Драконом, то именно это. Четыре полководца и четыре фронта. Каждый из нас берет один фронт и королева Илэйн, которая координирует наши действия и следит за военными действиями в целом.

— Я отправлюсь к Малкири, — произнес Агельмар, — Большинство

Порубежников сейчас сражаются именно там.

— Кто будет отвечать за Кандор?

— Если Айз Седай будут биться там, — сказал Брин, — то это буду я. Сейчас моё место с Белой Башней.

Он не желает сражаться в Андоре, подумала Илэйн. Не желает сражаться рядом со мной. Хочет уйти насовсем.

— Кто тогда пойдет в Андор со мной?

— Я пойду, — ответил Башир.

— Значит, я иду в Шайол Гул, — кивая заключил Итуралде, — Чтобы сражаться плечом к плечу с Айил. По правде говоря, никогда не думал, что такой день наступит.

— Хорошо, — резюмировала Илэйн, пододвигая стул, — Теперь давайте детально прорабатывать наш план. Нам нужен главный штаб для меня, но Кэймлин потерян. На данный момент, я буду использовать Мериллор. Поле является центром и имеет достаточно места для размещения войск и припасов на нём. Перрин, как ты думаешь, мог бы ли ты взять на себя ответственность за организацию этого лагеря? Отметить площадку для перемещений и организовать направляющих для помощи с операциями снабжения и поддержки?

Перрин кивнул.

— Остальные, — сказала она, — давайте начнем детальный разбор разделения войск и проработку планов. Нам нужно четкое представление, как мы будем выдавливать Троллоков из Кэймлина, чтобы сражаться с ними на равных.

Несколько часов спустя, Илэйн вышла из палатки, в голове её вертелись детали тактики, поставки припасов и расположения отрядов. Когда она моргала, она могла мысленно видеть карты, тесно испещренные пометками Гаррета Брина.

Другие участники собрания начали расходиться по своим лагерям, чтобы приступить к

исполнению боевых задач. Из-за темнеющего неба потребовалось установить фонари вокруг палатки. Она смутно припоминали и обед, и ужин, что им подавали. Она ведь ела, нет? Как же много нужно было сделать.

Она кивала тем правителям, что проходили мимо неё, прощаясь. Большинство первичных деталей было проработано. Завтра, Илэйн поведет свои войска в Андор и начнет первый этап контратаки против Тени.

Земля здесь была мягкой и поросшей зеленой травой. Влияние Ранда продолжалось даже после его ухода. Пока Илэйн изучала

возвышавшиеся деревья, к ней подошел Гаррет Брин.

Она повернулась, удивленная, что тот еще не покинул палатку. Там оставались лишь слуги и охрана Илэйн.

— Лорд Брин? — спросила она.

— Я лишь хотел сказать, что горжусь тобой, — промолвил Брин мягко. — Ты хорошо справилась.

— Я мало, что смогла привнести.

— Ты привнесла руководство, — сказал Брин. — Ты не генерал, Илэйн, и никто не ожидает, что ты им станешь. Но когда Тенобия стала жаловаться, что Салдэйя оставлена без защиты, ты объяснила ей, что

действительно важно. Все сильно напряжены, но ты удержала нас вместе, сгладила острые углы, предотвратила взаимные упрёки. Хорошая работа, Ваше Величество. Очень хорошая.

Она ухмыльнулась. Свет, но как же сложно было не расплыться в улыбке от его слов. Он не был её отцом, но во многом был близок к этому.

— Спасибо. И Брин, корона приносит извинения за...

— Ни слова об этом, — Колесо плетет так, как желает Колесо. Я не виню Андор за случившееся, — он заколебался. — Но я всё ещё собираюсь сражаться вместе с Белой

Башней, Илэйн.

— Я понимаю.

Он поклонился ей и направился в сторону лагеря Эгвейн.

Бергитте подошла к Илэйн.

— Может нам стоит вернуться в Лагерь? — поинтересовалась женщина.

— Я..., — Илэйн заколебалась, услышав что-то. Слабый звук, но какой-то глубокий и мощный. Она нахмурилась и направилась в сторону звука, подняв руку, чтобы остановить Бергитте, которая собиралась узнать что происходит.

Они окружили палатку, пересеченную зеленой травой и цветущими запахами дыхания утра,

идя навстречу звуку, который становился все сильнее и сильнее. Песня. Самая красивая песня, которую ей доводилось когда-либо слышать, песнь заставляла дрожать ее в унисон звучания.

Она захлестнула и окутала ее, проходя вибрациями через тело. Радостная песня благоговения и удивления, хотя она и не могла понять слов. Илэйн приблизилась к группе высоких существ как и сами деревья, они стояли с закрытыми глазами, опираясь на корявые стволы деревьев, что вырастил Ранд.

Три дюжины Огир разных возрастов, начиная с тех что были с белым, как свежавыпавший снег

бровями и заканчивая теми, что были в возрасте Лойала. Он стоял с ними, улыбка расплывалась по его лицу во время пения.

Перрин, скрестив руки, стоял рядом со своей женой.

— Ваш разговор относительно Аша'манов заставил задуматься меня об Огир, если уж нам нужны союзники. Я хотел выяснить смогу ли найти Лойала, но прежде чем смог это выяснить, обнаружил их уже здесь, среди этих деревьев.

Илэйн кивнула, прислушиваясь, как песня Огир достигла своей кульминации, а затем внезапно исчезла. Огир склонили головы. На мгновение воцарилась тишина.

И, наконец, древний огир открыл глаза и повернулся к Илэйн. Его белая борода снижалась до уровня груди, белые усы ниспадали по обе стороны рта. Он шагнул вперед, других древние мужчины и женщины огир присоединились к нему. С ними пришел Лойал.

— Вы — Королева, — сказал древний Огир, кланяясь ей, — Та, кто возглавляет этот поход. Я — Хаман, сын Дала, сына Мореля. Мы пришли, чтобы предоставить наши топоры вашей борьбе.

— Я рада, — сказала Илэйн, кивая ему, — Три дюжины огир добавят силы нашим войскам.

— Три дюжины, дитя? —

засмеялся Хаман раскатистым смехом, — Великий Пень не собрался бы, не совещался бы такое длительное время, чтобы отправить тебе три дюжины из нас. Огир будут биться с людьми. Все мы. Каждый из нас, способен держать топор или длинный нож.

— Замечательно! — сказала Илэйн, — Я найду вам полезное применение.

Женщина — старейшина огир потрясла головой.

— Так поспешна. Так быстра. Узнай кое-что, дитя. Среди нас были те, кто бы оставил тебя и весь мир Тени.

Илэйн моргнула.

— Вы бы действительно сделали это? Просто ... оставили бы нас одних? Бороться?

— Некоторые требовали этого, — сказал Хаман.

— Я сама придерживалась такого мнения, — сказала женщина, — Я спорила, хотя в действительности не верила, что это было правильно.

— Что? — спросил Лойал, шагнув вперед. Казалось, что это было для него новостью, — Вы не верили?

Женщина посмотрела на него.

— Деревья не будут расти, если Тёмный захватит этот мир.

Лойал выглядел удивленным.

— Но зачем Вы...

— Довод должен иметь конкурирующее мнение, чтобы доказать свою истинность, сын мой, — произнесла она, — Тот, кто несет истину, познают глубину своей веры через невзгоды. Разве ты не знаешь, что корни деревьев особенно сильны тогда, когда ветер дует через кроны? — Она покачала головой, но все же казалась доброжелательной, — Но это не значит, что ты должен был покинуть стеддинг, когда ты это сделал. Не совсем. Но к счастью, есть кому о тебе позаботиться.

— Позаботиться? — спросил

Перрин.

Лойал покраснел.

— Видишь ли Перрин, теперь я женат.

— Ты не упоминал об этом раньше!

— Все произошло так быстро. Я женат на Эрит, как ты, впрочем, видишь. Она там. Ты слышал, как она поет? Разве её песня не прекрасна? Быть женатым не так плохо, Перрин. Почему ты не сказал мне, что это настолько неплохо? Пожалуй, мне даже нравится это.

— Я рада за Вас, Лойал, — прервала Илэйн. Огир мог довольно долго говорить вокруг и около, если бы не был осторожен, — И я

благодарна всем вам за то, что вы присоединились к нам.

— Возможно, это стоит своей цены, — произнес Хаман, — просто смотреть на эти деревья. За всю мою жизнь я видел лишь то, что люди вырубали Великие Деревья. Вот увидеть, что кто-то выращивает их вместо этого... Мы приняли верное решение. Да, да, мы сделали это. Остальные должны это увидеть...

Лойал помахал Перрину, видимо, желая наверстать упущенное.

— Позволь мне одолжить его у тебя на минуту, Лойал, — сказала Илэйн, отводя Перрина в центр рощи.

Фэйли и Бергитте присоединились к ней, а Лойал остался ждать позади. Казалось, он поглощен созерцанием могучих деревьев.

— У меня есть должность и я хочу назначить тебя, — тихо сказала Илэйн Перрину, — Потеря Кэймлина угрожает нашим армиям проблемой с обеспечением. Несмотря на жалобы на цены, мы содержали всех сытыми, а также копили припасы для грядущего сражения. Теперь этих припасов нет.

— Как насчет Кайриэна? — спросил Перрин.

— Там все ещё есть продовольствие, — ответила

Илэйн. — Так же как в Белой Башне и в Тире. В Байрлоне большие запасы железа и пороха... Мне надо знать, что мы можем вытянуть из других регионов, и выяснить ситуацию с продовольствием там. Это будет многогранная задача по координации складов и продовольствия для всех армий. Я хотела бы, чтобы один человек отвечал за все.

— И ты подумала обо мне? — сказал Перрин.

— Да.

— Извини, — ответил Перрин — Илэйн, я нужен Ранду.

— Ранд нуждается во всех нас.

— Но я нужен ему более других, — ответил Перрин. — Мин

видела это. Он умрет, если будет без меня на Последней Битве, да и мне надо закончить несколько сражений.

— Я сделаю это, — сказала Фэйли.

Илэйн повернулся к ней, нахмурившись.

— Это моя обязанность управлять делами армии моего мужа, — возразила Фэйли. — Вы его сюзерен, Ваше Величество, так что ваши потребности это его заботы. Если Андор командует в Последней битве, то Двуречье накормит их. Предоставьте мне доступ к воротам достаточно широким для проезда фургонов, дайте мне войска для защиты нашего передвижения и

доступ к записям интенданта, чтобы
взять кого захочу. И я сделаю это!

Это было логично и
рационально, но не то чего желала
бы Илэйн. Насколько она может
доверять этой женщине? Фэйли
казалось самой смышленной в
политике. Это было полезно, но
действительно ли она считает себя
частью Андора? Илэйн изучала
девушку.

— Нет никого лучше, кому бы ты
могла доверить это поручение,
Илэйн, — сказал Перрин. — Фэйли
обязательно справится.

— Перрин, — ответила
Илэйн. — Существует несколько
обстоятельств, осложняющих это

дело. Можем ли мы поговорить наедине?

— Я всё расскажу ей, как только мы уйдём, Ваше Величество, — произнес Перрин. — У меня нет секретов от моей жены.

Фэйли засмеялась.

Илэйн посмотрела на обоих, затем тяжело вздохнула.

— Эгвейн пришла ко мне во время подготовки к бою. Существует особый, очень важный предмет для Последней битвы, она попросила доставить его.

— Рог Валир, — поинтересовался Перрин. — Я надеюсь он все ещё у вас?

— Да он ещё у нас. Спрятан в

Башне. Мы перенесли его из кладовки для ценностей недавно. Прошлой ночью эта комната была взломана. Я знаю это лишь потому, что там были охранные печати. Темный знает, что у нас есть Рог, Перрин, и приспешники Темного ищут его. Они не смогут использовать его, пока Рог связан с Мэтом и пока он жив. Но если приспешники Темного захватят Рог, они не дадут Мэту использовать его. Или, что еще хуже, могут убить его, а затем протрубить в Рог.

— Вы хотите отвести глаза от его перемещения — сказала Фэйли, — Используя доставку фуража, как маскировку того куда вы

его заберёте.

— Нам бы стоило просто отдать его Мэту, — ответила Илэйн. — Но с ним иногда так сложно иметь дело. Я надеялась, что он будет здесь, на этой встрече.

— Он в Эбу Дар, — откликнулся Перрин. — Что-то замысливает с Шончан.

— Это он тебя сказал? — спросила Илэйн.

— Не совсем так, — ответил Перрин, смутившись. — Мы между нами есть какая-то связь. Иногда я вижу, где он находится и что делает.

— Этот парень, — возразила Илэйн, — Всегда не там, где он больше всего нужен.

— И все же, — ответил Перрин, — Он всегда приходит туда в конце концов.

— Шончан наши враги, — сказала Илэйн, — Мэт, кажется, не понимает этого. Особенно, учитывая то, что он сделал. Свет, надеюсь этот человек не втянет себя в какие-нибудь неприятности...

— Я сделаю это, — сказала Фэйли. — Я позабочусь о Роге Валир. Я прослежу, чтобы его доставили Мэту, буду охранять его.

— Не в обиду никому из вас, — произнесла Илэйн, — Но я не решаюсь доверять кому-либо, кого я хорошо не знаю. Вот почему я пришла к тебе, Перрин.

— Все это становится проблемой, Илэйн, — заметил Перрин, — Если они действительно следят за Рогом, то они будут ожидать, что вы с Эгвейн отдадите его кому-нибудь, кого вы хорошо знаете. Выберите Фейли. Никому я не доверяю больше, чем ей, кроме того, никто и не подумает, что рог у неё, так как у ней нет никакого отношения к Белой Башне.

Илэйн медленно кивнула.

— Очень хорошо. Я сообщу вам, как его следует доставить. А пока необходимо начать поставки продовольствия. Слишком много людей знают про Рог. После как мы передадим его вам, я пошлю пять

особых посланников от Белой Башни и распространю нужные нам слухи. Мы надеемся, что прислужники Темного будут считать, что Рог несёт кто-то из этих гонцов. Я хочу чтобы он был там, где его никто не ожидает, по крайней мере пока мы не передадим его в руки Мэтрима.

— Четыре фронта, Лорд Мандрагоран, — повторил Бален. — Это вести от гонцов. Кэймлин, Шайол Гул, Кандор и тут. Они попытаются закупорить Троллоков здесь и в Кандоре, а в первую очередь хотят разгромить тех, что в Андоре.

Лан заворчал, проведя Мандарба мимо сильно пахнувшей кучи мертвых

Троллоков. Нагромождения служили теперь защитой, которую его пятеро Аша'манов собирали в черные насыпи, кровавые холмы перед Запустением, где собрались Отродья Тени.

Конечно, зловоние было ужасным. Многие стражники, которых он отправил в дозоры, бросали смесь веток с листвой в свои костры, чтобы перебить запах.

Приближался вечер с его самыми опасными часами. К счастью, те черные облака сделали ночь настолько темной, что даже Троллоки едва могли что-либо увидеть. В сумерках, однако, они были сильнее всего: когда глаза

человека были уже бесполезны, а глаза Отродий Тени еще нет.

Мощь объединенной атаки Порубежников оттеснила троллоков обратно в проход Ущелья. К Лану ежечасно подходили подкрепления пикенеров и других пехотинцев для удержания позиции. В общем, все выглядело гораздо лучше чем день назад.

Хотя все еще мрачно. Если сказанное Буленом было правдой, его армию расположили здесь как останавливающую силу. Это означало меньшее число войск, чем ему хотелось бы. Однако придраться к предложенной тактике он не мог.

Лан прошел туда, где

шайнарские кавалеристы заботились о своих лошадях. Фигура отделилась от них и подъехала к Лану. Король Изар был некрупным человеком с белым хохолком волос, недавно он прибыл с Поля Мериллор после долгого дня, в течении которого создавались планы битв. Лан попытался поклониться, но остановился, когда король Изар прервал его своим поклоном.

— Ваше Величество? — спросил Лан.

— Агельмар внёс свои задумки на этот участок битвы, Дай Шан, — сказал Король Изар, останавливаясь рядом с ним, — Он хотел бы пройтись по ним с нами. Важно, что

ты здесь, мы будем биться под знаменем Малкир. Мы все согласились с этим.

— Тенобия? — спросил Лан, искренне удивленный.

— Её пришлось немного подтолкнуть. Она согласилась. Мне также известно, что Королева Этениелле покинет Кандор и прибудет сюда. Порубежники сражаются вместе в этой битве, и ты будешь во главе нас всех.

Они ехали в сумерках, ряд за рядом конница приветствовала Изара. Шайнарцы были лучшей тяжелой кавалерией в мире, и они сражались и умирали на этих скалах бесчисленное количество раз,

защищая процветающие земли на юге.

— Я прибуду, — согласился Лан, — Груз, который вы взвалили на меня, чувствуется подобию трём горам.

— Я знаю, — сказал Изар. — Но мы будем следовать за вами, Дай Шан. До тех пор пока небо не разорвется на куски, пока скалы не расколются под ногами, и пока не остановится само Колесо. Иначе, Свет дарит свое благословение до тех пор, пока каждый меч не содействует миру.

— Что Кандор? Если Королева прибудет сюда, кто будет руководить той битвой?

— Белая Башня идёт, чтобы бороться с Отродьями Тени там, — ответил Изар, — Ты поднял Золотой Журавль. Мы поклялись прийти к вам на помощь, поэтому мы здесь, — он поколебался, а затем его голос стал мрачным, — Теперь Кандор находится за пределами восстановления, Дай Шан. Королева признает это. У Белой Башни работа состоит не в том чтобы вернуть его, а помешать Тени захватить больше территории.

Они повернули и проехали через шеренги кавалерии. От людей требовали проводить сумерки не далее, чем в нескольких шагах от коней, и те занимали себя уходом за

броней, оружием и животными. Каждый воин носил длинный меч, а иногда и два, закрепленные за спиной, и у всех были боевые топоры и кинжалы на поясе. Шайнарцы рассчитывали не только на свои копья; враги которые думали захватить их врасплох, быстро обнаруживали, что те всегда готовы к ближнему бою.

Большинство людей было одето в желтые плащи поверх пластинчатых доспехов со знаком черного ястреба. Они отдавали честь с прямыми спинами и серьезными лицами. И впрямь, Шайнарцы были серьезным народом. Жизнь в Порубежье делала такое с людьми.

Лан помедлил, потом заговорил полным голосом.

— Почему мы скорбим?

Стоящие рядом солдаты обернулись к нему.

— Разве это не то, чему мы обучены? — кричал Лан. — Разве это не наша цель, наша жизнь! Война не та вещь, чтобы оплакивать. Другие люди, возможно, были бы слабыми, но не мы. Мы готовы, и поэтому пришло время славы.

— Да будет смех! Пусть будет радость! Давайте поднимем за павших и выпьем за наших предков, которые нас хорошо учили. Если вы умрете на другой день, в ожидании вашего возрождения, будем гордыми.

Последняя Битва идет на нас и мы готовы!

Лан не был уверен, что именно заставило его это сказать. Его слова вдохновили клич — Дай Шан! Дай Шан! Лети Золотой Журавль! Он видел, что некоторые мужчины записывали речь, чтобы передать ее другим.

— У тебя действительно душа лидера, Дай Шан, — сказал Изар, когда они продолжили ехать.

— Дело не в этом, — сказал Лан, глядя вперед. — Я не выношу жалости к себе. Слишком многие люди смотрели, как если бы они готовили свои собственные похороны.

— Барабанщик без барабана, — мягко сказал Изар, стряхивая поводья лошади, — Властитель без власти. Песня без голоса. Тем не менее это мое. Тем не менее это мое.

Лан повернулся, нахмурясь, но Король никак не пояснил поэму. Если его люди были серьезными людьми, то их король был еще серьезнее. У Изара были глубокие внутренние раны, которые он решил не показывать никому. Лан не мог осудить его за это. Лан сам сделал то же самое.

Тем не менее, сегодня он застиг Изара улыбающимся, думая о том, что заставило его вспомнить эту поэму.

— Была ли это Анашайя Рудингвуд? — спросил Лан.

Изар, казалось, удивился.

— Ты читал работы Анашайи?

— Она была любимой писательницей Морейн Седай. Эти строчки похожи на принадлежащие ей.

— Каждый из её стихов был написан в скорби, — произнес Изар, — Этот был для её отца. Она оставила инструкции о том, когда его можно читать, но не вслух, за исключением тех случаев, когда это было бы правильным. Она не объяснила, когда такие случаи наступят.

Они добрались до военных

палаток и спешили. Не успели они этого сделать, как начали звучать тревожные сигналы. Оба мужчины отреагировали, и Лан бессознательно коснулся меча на бедре.

— Идемте к Лорду Агельмару, — прокричал Лан, когда люди начали кричать, а снаряжение грохотать. — Если вы готовы сражаться под моим знаменем, то я с радостью приму роль лидера.

— Ни малейших колебаний? — спросил Изар.

— Что я тебе? — спросил Лан, забираясь в седло. — Какой-то овечий пастух из забытой деревеньки? Я выполню свой долг. И если они достаточно глупы, чтобы

поставить меня во главе, я напомним им и об их долге.

Изар кивнул и отдал честь, уголки его рта приподнялись в новой улыбке. Лан отдал честь в ответ, и погнал Мандарба через центр лагеря. Солдаты на окраинах разжигали костры: Аша'маны создали врата в один из множества умирающих южных лесов, чтобы солдаты собирали древесину. Если бы сделали, как хотел Лан, эти пятеро направляющих никогда бы не стали тратить силу на убийство троллоков. Для них было слишком много других применений.

Наришма отдал честь проходящему Лану. Лан не мог быть

уверен, что великие полководцы выбрали Аша'мана Порубежника для него не случайно, но это не казалось совпадением. У него их было минимум по одному от каждого из народов Порубежья — даже один, рожденный у родителей из Малкир.

Мы сражаемся вместе.

Глава 8

Этот Тлеющий Город.

Верхом на Лунной Тени, темно коричневой кобыле из королевских конюшен, Илэйн Траканд проехала через, созданные ею самою ворота.

Сейчас эти конюшни были в руках троллоков, и соседи Лунной Тени по конюшне без сомнения уже отправились в котлы. Илэйн не думала слишком сильно о том, что еще ... кто еще мог закончить в тех котлах. Она сделала решительное

выражение лица. Ее войска не увидят, что их королева выглядит неуверенно.

Она решила прийти на холм, который был на тысячу шагов северо-западнее Кеймлина, не достигаемый для луков, но достаточно близкий, чтобы увидеть город. Несколько банд наемников установили свои лагеря на этих холмах во время Войны за Наследование. Они все либо присоединились к армиям Света либо распались, превратившись в скитающихся воров и бандитов.

Стражники уже обезопасили местность, а капитан Гайбон отдавал честь, пока члены королевской стражи, как мужчины, так и

женщины, окружали лошадь Илэйн. Воздух все еще пах дымом, и созерцание Кэймлина, тлеющего, как сама Драконова Гора, подбросило горького пороха в пекло эмоций, бурлящих у нее внутри.

Некогда гордый город был мертв, превратившись в погребальный костер, и дым сотнями столбов вздымался к грозovým облакам. Дым напомнил ей о том, как иногда весной фермеры поджигают свои поля, чтобы очистить их для посевов. Она не правила Кеймлином и сотни дней, и теперь город был потерян.

Если драконы могут сделать подобное с городом, подумала она, осматривая проделанную

Талманесом дыру в стене, миру необходимо измениться. Изменится все, что мы знаем о войне.

— Сколько, вы говорите? — Спросила она мужчину, который ехал рядом с ней. У Талманеса был только один день отдыха от тех испытаний, которые должны были стоить ему жизни. Он, вероятно, должен был оставаться на поле Меррилор, он, конечно, не будет сражаться в первых рядах в ближайшем будущем.

— Невозможно подсчитать их количество, пока они скрыты в городе, Ваше Величество — сказал он, почтительно кланяясь. — Десятки тысяч, но, вряд ли сотни.

Парень нервничал находясь

возле неё и это проявлялось в очень даже Кайриэнской манере — разговаривая чересчур уж витиевато уважительно. Говорили, что он был одним из самых доверенных офицеров Мэта; она бы предположила, что к настоящему времени Мэт развратил парня куда дальше. Он не ругнулся ни разу. Какая жалость!

Другие переходные врата открылись рядом на желтой траве, и ее силы прошли через них, заполняя поля и вершины холмов. Она приняла ответственность за большую армию воинов, в который вошли многие Сисвай'Аман, чтобы поддержать Гвардию Королевы и регулярные

войска Андора под командованием Бергитте и капитана Гайбона. Вторая часть Айил — Девы, Хранительницы Мудрости и остальные копыя были выбраны для путешествия на север, в Шайол Гул вместе с Рандом.

Только несколько Хранительниц Мудрости пришли с Илэйн, те, что следовали за Перрином. Илэйн хотелось бы больше женщин, способных направлять, чем у нее было. Однако, у нее был Отряд с их драконами, что уравнивало тот факт, что другими ее направляющими были женщины из Родни, многие из которых были очень слабы в использовании Силы.

Перрин и его войско пришли с

ней. Оно включало Крылатую Гвардию Майена, гаэлданскую кавалерию, Белоплащников — она до сих пор не была уверена, что думать по этому поводу — и отряд двуреченских лучников с Тэмом. Ее армию пополнила группа, называющая себя Волчьей Гвардией, в большинстве своем — беженцы, ставшие солдатами, некоторые из которых прошли боевую подготовку. И, конечно, у нее был генерал Башир и его Легион Дракона.

Она одобрила план битвы за Кеймлин, придуманный Баширом.

— Нам нужно будет перевести бой в лес, — объяснял он, — Лучники будут смертоносны, стреляя

в троллоков по мере их приближения. Если эти парни могут передвигаться по лесу так хорошо, как я о них слышал, они будут столь же опасны во время отступления.

Айил, тоже были бы смертоносны в лесу, где Троллоки не смогли бы использовать своё преимущество в количестве и смести противников. Башир собственной персоной скакал рядом. Очевидно, Ранд дал особое указание присматривать за ней. Как будто ей не хватало того, что Бергитте прыгала, стоило ей двинуться.

"Лучше бы Ранду остаться в живых, чтобы я могла высказать ему все, что я о нем думаю," —

размышляла Илэйн, когда
приблизился Башир, тихо
разговаривающий с Бергитте. Башир
был кривоногим мужчиной с
густыми усами. Он не говорил с
Илэйн, так, как человек должен
говорить с королевой... но, ведь
королева Салдэи была его
племянницей, так что, возможно, он
просто был слишком привычен к
королевским особам.

"Он первый в очереди к
трону," — напомнила себе Илэйн.
Работа с ним дала бы возможности
для дальнейшего налаживания связей
с Салдэйей. Ей все еще нравилась
идея увидеть одного из ее детей на
этом троне. Она опустила руку на

живот. Сейчас дети пинались и толкались локтями все чаще. Никто никогда не говорил ей, что это так сильно будет похоже на ... ну, на расстройство желудка. К несчастью, Мэлфэйн, не смотря на все ожидания, все же нашла козье молоко.

— Есть сообщения? — спросила Илэйн, когда Бергитте и Башир приблизились. Талманес отвел лошадь в сторону, чтобы освободить им место.

— Пришли донесения разведчиков из города, — сказал Башир.

— Башир был прав, — сказала Бергитте, — Троллоки

утихомирились, и пожары, главным образом, прекратились. Хорошая половина города все еще стоит. Большая часть того дыма, который ты видишь, от огней их стряпни, не зданий.

— Троллоки глупы, — сказал Башир, — но Полулюди — нет. Троллоки с радостью разграбили бы и сожгли город, но потом сами бы не смогли избавиться от пожаров. С другой стороны, хотя мы и не знаем, что на самом деле здесь планирует Тень, но по меньшей мере у них есть возможность удерживать город некоторое время, если они захотят.

— Поступят ли они так? — спросила Илэйн.

Если честно, я не уверен, — ответил Башир. — Мы не знаем их целей. Была ли атака на Кеймлин организована для того, чтобы посеять хаос и вселить страх в наших людей, или же для того, чтобы захватить и удержать крепость, откуда можно делать вылазки против наших сил. Во время Троллоковых Войн Исчезающие действительно использовали города с такой целью.

Илэйн кивнула.

— Извините, Ваше Величество? — произнёс голос. Она повернулась, чтобы увидеть одного из Двуреченских мужчин, который подошёл к ним. Один из их лидеров, заместитель командующего Тэма.

Даниил — это его имя, так она предполагала.

— Ваше Величество, — повторился Даниил. Он немного запинался, но фактически говорил с некоторым блеском, — Лорд Златоокий расставил людей в лесу.

— Лорд Талманес, ваши драконы на своих позициях?

— Почти, — сказал Талманес, — Простите, Ваше Величество, но я не уверен, что луки будут необходимы, как только это оружие застреляет. Действительно ли вы уверены, что не хотите остаться с драконами?

— Мы должны побудить Троллоков идти в бой, сказала

Илэйн, — Размещение, которое я изложила, будет работать лучше. Башир, что с моими планами самого города?

— Я думаю, что все почти готово, но хочу проверить, — сказал Башир, поглаживая усы, — Те женщины с вашими воротами достаточно хороши, и Майен дал нам масло. Вы уверены, что хотите довести это до решительного конца?

— Да.

Башир ожидал услышать более подробный ответ, но не дождался и отошел, чтобы отдать последние приказы. Илэйн направила Лунную Тень вдоль строя солдат, здесь, на линии фронта, где они заняли

позиции неподалеку от леса. Она мало что могла сделать сейчас, в эти последние мгновения, когда ее командующие отдавали приказы, но по она должна была выглядеть уверенно для своих людей. Когда она проезжала мимо, солдаты распрямлялись и поднимали пики выше.

Илэйн не отводила глаз от горящего города. Она не отворачивалась и не позволяла гневу овладеть собой. Она собиралась использовать свой гнев.

Немногим позже, к ней снова подошел Башир.

— Все сделано. Подвалы многих зданий, что еще стоят, заполнены

маслом. Талманес и остальные заняли свои позиции. Мы начнем, как только Страж вернется и сообщит, что Родня готова открыть порталы.

Илэйн кивнула, а затем убрала руку с живота, заметив как Башир взглянул на него. Она снова бессознательно удерживала его рукой.

— Думаете то, что я отправилась на битву беременной, ошибка?

Он покачал головой.

— Нет. Это лишь доказывает, как отчаянно наше положение. Это заставит солдат думать, добавит им серьезности. Кроме того...

— Что?

Башир пожал плечами.

— Может, это напомним им, что не все в этом мире умирает.

Илэйн повернулась, глядя на далекий город. Фермеры поджигали свои поля весной, чтобы подготовить их к новому сезону. Может быть, то же самое сейчас переживал весь Андор.

— Скажите мне, — произнес Башир. — Вы собираетесь сказать своим людям, что носите ребенка Лорда Дракона?

Детей, поправила Илэйн мысленно.

— Вы утверждаете, что знаете нечто, что может быть, а может и не

быть правдой, Лорд Башир.

— У меня есть жена и дочь. Я узнаю выражение в ваших глазах, когда вы смотрите на Лорда Дракона. Ни одна женщина с ребенком не прикасается к своему лону так благоговейно, если смотрит не на отца своего ребенка.

Илэйн сжала губы в ниточку.

— Почему Вы скрываете это? — спросил Башир. — Я слышал, что думают некоторые Ваши люди. Они говорят о каком-то другом мужчине, Приспешнике Темного по имени Меллар, некогда Капитане Вашей Стражи. Я вижу, что эти слухи ложны, но другие могут быть не столь умны. Вы могли бы пресечь

эти слухи, если бы захотели.

— Дети Ранда будут мишенями, — сказала она.

— А... — ответил он, постучав по усам.

— Если вы не согласны с таким обоснованием, Башир, можете высказаться. Я не терплю подхалимов.

— Я не подхалим, женщина, — обиделся тот. — Так или иначе, я сильно сомневаюсь, что твой ребенок может стать большей мишенью, чем он или она уже есть. Вы Верховный Главнокомандующий армий Света! Я думаю, твои люди заслуживают знать в точности, ради чего они сражаются.

— Эти дела вас не касаются, — сказала Илэйн, — как и их.

Башир приподнял бровь.

— Знание о наследнике трона королевства, — проговорил он ровно, — не касается его подданных?

— Я считаю вы переходите границы, Генерал.

— Может и так, — сказал он. — Может, проведя столько времени с Лордом Драконом, я изменил подход ко многим вещам. Этот человек... никогда не знаешь, что он думает. В половине случаев он хотел знать моё мнение, настолько откровенно, насколько возможно. Во второй половине, казалось, что он готов разорвать меня пополам просто за

замечание, что небо выглядит как-то темновато. — Башир покачал головой. — Просто задумайтесь об этом, Ваше Величество. Вы напоминаете мне мою дочь. Она могла бы поступить также, и я бы дал ей такой совет. Ваши люди будут сражаться храбрее, если будут знать, что вы носите наследника Возрожденного Дракона.

Мужчины, подумала Илэйн. Молодые пытаются произвести на меня впечатление каждым трюком, пришедшим в их тупые головы. А старые полагают, что каждая юная женщина нуждается в наставлениях.

Она снова обратила глаза к городу, когда Бергитте подъехала к

ней и кивнула. Подвалы были заполнены маслом и смолой.

— Поджигайте, — громко сказала Илэйн.

Бергитте махнула рукой. Родня открывала свою череду врат, а люди бросали зажженные факелы в подземелья Кэймлина. Спустя недолгое время дым над городом стал еще чернее, еще более зловещим.

— Такое они нескоро потушат, — мягко сказала Бергитте. — Не с такой сухой погодой, что стоит нынче. Весь город вспыхнет, что стог сена.

Вся армия собралась поглазеть на город, особенно члены Королевской Гвардии и Андорские

солдаты. Некоторые отдали честь, как могли бы отдать честь погребальному костру павшего героя.

Илэйн сжала зубы, затем сказала.

— Бергитте, дай знать Гвардейцам. Отец ребенка, которого я ношу — Возрожденный Дракон.

Улыбка Башира стала шире. Невыносимый человек! Бергитте тоже улыбалась, пока шла разносить весть. И она тоже невыносима, да.

Андорцы как будто выпрямились, набрались гордости, смотря как горит их столица. Троллоки хлынули из врат, выгнанные огнем. Илэйн удостоверилась в том, что Троллоки

заметили её армию, и заявила.

— На север! — Она развернула Лунную Тень. — Кэймлин погиб. Мы направляемся к лесам, и пусть Отродья Тени следуют за нами!

Андрол проснулся с грязью во рту. Он застонал, пытаясь перевернуться, но обнаружил себя связанным, в некотором роде. Он сплюнул, облизал губы и мигнул глазами, покрытыми коркой.

Он лежит вместе с Джоннетом и Эмарином напротив глиняной стены связанный веревками. Он вспомнил... Свет! Крыша обрушилась.

— Певара? — послал он. Невероятно, каким естественным

стал ощущаться этот метод связи.

Он был вознагражден пьяным ощущением от неё. Связь позволила ему знать, что она была поблизости, вероятно также связана. Единая Сила была также потеряна для него; он попробовал ухватиться, но столкнулся с щитом. Его путы были привязаны к какому-то крюку в земле позади него, препятствуя движению.

Андрол оттолкнул панику, которая стала его одолевать, с некоторым усилием. Он не видел Налаама. Был ли он здесь? Их группа лежала связанной в большой камере, и в воздухе пахло сырой землей. Они все еще были в подземной части

секретного комплекса Таима.

"Если крыша обрушилась, подумал Андрол, вероятно, камеры были уничтожены. Это объясняло, почему он и другие были связаны, но не заперты."

Кто-то рыдал.

Он огляделся вокруг и нашел связанного поблизости Эвина. Молодой человек плакал, дрожал.

— Всё в порядке, Эвин, — прошептал Андрол, — Мы найдём выход из этой ситуации.

Эвин взглянул на него, потрясенный. Парень был привязан по-другому, в положении сидя, руки за спиной.

— Андрол? Андрол, я сожалею.

Андрол

испытывал

скручивающие эмоции.

— О чём, Эвин?

— Они пришли сразу после того, как вы ушли. Они хотели Эмарина, я думаю. Превратить его. Когда его не обнаружили, они начали задавать вопросы, требования. Они сломали меня, Андрол. Я сломался так легко. Мне очень жаль.

Значит Таим не обнаружил убитых охранников.

— Это не твоя вина, Эвин.

Рядом слышались шаги по земле. Андрол притворился, что он без сознания, но кто-то пнул его ногой.

— Я видел, что ты говорил,

мальчик-слуга, — сказал Мишраэль, наклоняя золотоволосую голову, — Я собираюсь наслаждаться, убивая тебя за то, что ты сделал с Котерином.

Андрол открыл глаза и увидел Логайна, безвольно висевшего в руках Мезара и Велина. Они протащили его и уронили на землю рядом с ним. Логайн пошевелился и застонал, когда они начали связывать его. Приспешники остановились, и один плюнул в Андрола прежде, чем перейти к Эмарину.

— Нет, — где-то рядом сказал Таим, — Паренёк будет следующим. Великий Повелитель хочет видеть результат. Логайн держится слишком долго.

Рыдание Эвина стало громче, когда Мезар и Велин подвинулись, чтобы схватить его под руки.

— Нет! — сказал Андрол, выворачиваясь, — Нет! Таим, Испепели тебя Свет! Оставь его в покое! Возьми меня!

Таим стоял рядом, заложив руки за спину, в резкой черной униформе, которая напоминала обычную униформу Аша'манов, но была отделана серебром. Он не носил значки на воротнике. Таим повернулся к Андролу, а затем усмехнулся.

— Взять тебя? Я должен передать Великому Повелителю человека, который не может

направлять достаточно, чтобы разрушить камень? Я должен был выгнать тебя давно.

Таим последовал за двумя другими, которые потащили взбешенного Эвина. Андрол кричал на них, вопил, пока не охрип. Они привязали Эвина где-то с другой стороны камеры — она была очень большой — и Андрол не мог видеть их из-за угла, под которым он был привязан. Андрол уронил голову на пол, закрывая глаза. Это не помешало ему услышать крики ужаса бедного Эвина.

— Андрол? — прошептала Певара.

— Тихо, — голос Мишраэля

сопровождался ударом и ворчанием Певары.

"Я всерьез начинаю ненавидеть его," — отправила ему Певара.

Андрол не ответил.

"Они пытались достать нас из разрушенной камеры", — продолжила Певара, — "Я помню эту часть, это было до того, как они оградили меня от Источника и выбили из сознания. Кажется, с тех пор прошёл день или меньше. Я предполагаю, Таим еще не выполнил своих обязательств по числу людей, обращенных к Тени, перед Великим Повелителем", — мысленно сказала ему она, почти, с легкомыслием.

Позади них прервался крик

Эвина.

"О, Свет!" — послала Певара. —
"Это был Эвин?" — Слабина исчезла
из ее голоса. — "Что происходит?"

Они Обращают его, отослал
обратно Андрол. Сила воли имеет
некоторое отношение к
сопротивлению. Именно поэтому
Логайн еще не был Обращен.

Беспокойство Певары
передавалось теплотой через связь.
Были ли все Айз Седай как она? Он
предполагал, что у них не было
чувств, но Певара чувствовала все
полностью — хотя она сопровождала
это почти бесчеловечным контролем
над затрагивающими ее эмоциями. К
этому приводят десятилетия

практики?

"Как мы убежим?" послала она.

"Я попытаюсь развязать свои узлы. У меня гибкие пальцы."

"Я вижу узел. Он здоровенный, но я могла бы указывать, что тебе делать."

Он кивнул, и они приступили. Певара описывала повороты узла, в то время как Андрол пытался крутить пальцы вокруг них, но не добился нужного эффекта; он попытался вытянуть на свободу руки и пошевелить ими, но веревки были слишком туги.

К тому времени, когда он смирился с поражением, его пальцы онемели от нехватки циркуляции.

"Это не сработает," послал он.

"Я пыталась избавиться от щита, ответила Певара. Это осуществимо, и я думаю, что возможно наши щиты завязаны. Завязанные щиты могут быть разрушены."

Андрол послал обратно согласие, хотя он не мог удержаться от чувства разочарования. Как долго мог протянуть Эвин?

Тишина насмехалась над ним. Почему он не мог слышать звуков? Тогда он ощутил что-то. Направляют. Это были тринадцать мужчин? Свет. Ситуация была ужасна если тут также были тринадцать Мурддраалов. Что они смогли бы сделать, если убегут? Они не смогут

сражаться с таким количеством.

"Какой утес ты выбрал?"
послала ему Певара.

"Что?"

"Ты говорил, что когда ты был среди Морского Народа, они прыгали с утесов, доказывая этим свою храбрость. Чем выше был утес, тем храбрее прыгун. Какой же утес выбрал ты?"

"Самый высокий," признался он.

"Почему?"

"Я считаю, что, как только ты решил прыгнуть с утеса, ты так же можешь выбрать самый высокий из них. Зачем рисковать, если не за самый большой приз?"

Певара послала в ответ

одобрение.

"Мы убежим, Андрол. Так или иначе."

Он кивнул, по большей части для себя, и вернулся к своему узлу.

Немного погодя, ближайшие друзья Таима вернулись. Эвин сел на корточки подле Андрола. За его глазами скрывался кто-то другой, ужасный. Он улыбнулся.

— Ну, это было не так плохо, как я предполагал, Андрол.

— Эх, Эвин...

— Не волнуйся обо мне, — сказал Эвин, опираясь рукой на плечо Андрола, — Я чувствую себя превосходно. Нет больше страха, нет больше беспокойства. Мы не должны

были бороться все это время. Мы — Черная Башня. Мы нужны друг другу.

"Ты не мой друг, подумал Андрол. У тебя может быть его лицо, но Эвин... О, Свет. Эвин мертв."

— Где Налаам? — спросил Андрол.

— Я боюсь, что он умер при обвале, — Эвин покачал головой. Он наклонился к нему, — Они планируют убить тебя, Андрол, но я думаю, что смогу убедить их вместо этого. Обратись к тебе. В конечном счете, ты будешь благодарить меня.

Ужасное существо улыбнулось глазами Эвина, похлопало Андрола по плечу, затем поднялось и начало общаться с Мезаром и Велином.

Андрол только мог видеть как за ним переместились тринадцать теней, чтобы схватить Эмарина и забрать его для последующего Обращения. Исчезающие, с неподвижными плащами.

Андрол подумал, как удачлив был Налаам, раз погиб при обвале.

Глава 9

Умереть достойно.

Лан разрубил голову Мурдраалу пополам до самой шеи. Он отдернул Мандарба назад, позволяя Исчезающему пасть умирая, его конвульсивные дерганья отрывали куски черепа от шеи. Черная гнилая кровь вылилась на камень, который был окровавлен уже дюжину раз.

— Лорд Мандрагоран!

Лан развернулся навстречу зову. Один из его людей указывал в

сторону их лагеря, где фонтан яркого красного света выстреливал в воздух.

Уже полдень? Подумал Лан, поднимая свой меч и сигнализируя своим Малкири отступление. Подразделения Кандорцев и Арафелцев бурлили, легкая кавалерия с луками, посылала одну за другой волны стрел в массы Троллоков.

Зловоние было ужасным. Лан со своими людьми скакал прочь от передовых линий, мимо двух Аша'манов и Айз Седай — Коладры, которая настояла на своем присутствии в качестве советника короля Пейтара — поджигающих трупы Троллоков с помощью

источника. Это должно сделать более сложным продвижение следующей волны порождений Тени.

Армии Лана продолжали свою тяжелую работу, сдерживая троллоков в ущелье, как смола сдерживает струйки воды в протекающей лодке. Армия билась короткими сменами, по часу каждый раз. Костры и Аша'маны освещали дорогу в ночи, не давая отродьям тени возможности получить преимущество.

После двух дней изнурительного сражения, Лан знал, что эта тактика в конечном итоге идёт на пользу Троллокам. Люди убивали их повозками, но Тень собирала свои

силы в течение многих лет. Каждый вечер Троллоки питались мертвыми, им не нужно было беспокоиться о перебоях в поставках продовольствия.

Лан не позволял своим плечам ссутулиться, удаляясь с линии боя, освобождая место для следующей группы воинов, но он хотел упасть и проспать дни напролет. Несмотря на то, что Дракон Возрожденный выделил Лану большое войско, всем участникам сражения было необходимо брать по несколько смен за день. Лан всегда оставался на несколько лишних смен.

Поспать было не таким уж простым делом для его солдат в то

время, как приходилось беспокоиться о снаряжении, сборе дров для костров и доставке запасов через переходные врата. Осматривая тех, кто покидал передовые линии вместе с ним, Лан искал чем бы он мог укрепить их. Около него верный Булен стал оседать. Лану следует побеспокоиться, чтобы этот человек побольше спал, или...

Булен соскользнул с седла.

Лан выругался, остановил Мандарба и соскочил вниз. Он бросился в сторону Булена и обнаружил его лежащим, немигающий взгляд устремлен в небо. Огромная рана была у Булена в боку, кольчуга порвана как парус,

который повидал слишком много ветра. Булен прикрыл рану плащом поверх брони. Лан не видел ни то как воин был ранен, ни то как он скрыл это.

Дурак! Подумал Лан, трогая шею Булена.

Пульса нет. Он ушел.

Дурак! Подумал Лан снова, охватывая его голову. Ты не мог уйти от меня, не так ли? Вот почему ты спрятал ее. Ты боялся, что я умру там, пока ты уйдешь за Исцелением.

Или это, или ты не хотел отнимать силы у способных направлять. Ты знал, что они работают на пределе своих возможностей.

Стиснув зубы, Лан поднял Булена и перекинул его через плечо. Затем уложил тело на лошадь Булена и привязал его к седлу. Андер и принц Кайсель, молодой кондорец, что обычно скакали с сотней солдат вместе с Ланом — сели рядом, мрачно наблюдая. Ощущая их взгляды, Лан положил руку на плечо погибшего.

— Ты служил достойно, друг мой, — сказал он. — Хвала тебе будет воспета поколениями. Да осияет тебя Свет, и да защитит тебя Создатель. Последнее объятие матери принимает тебя.

Он обернулся к остальным.

— Я не стану горевать! Скорбь

— для тех кто сожалеет, а я не сожалею о том что мы здесь сделали! Булен не мог бы погибнуть лучшей смертью. Я не оплакиваю его, я его приветствую!

Он вскочил в седло Мандарба, держа поводья коня Булена, и сел прямо. Он не позволит им видеть свою усталость. Или его печаль.

— Кто-нибудь видел, как пал Бах? — спросил он у скачущих рядом. — У него был арбалет, привязанный сзади лошади. Он всегда беспокоился, чтобы арбалет был с ним. Я поклялся, что если он когда-нибудь случайно выстрелит, я прикажу Аша'ману подвесить его за пальцы ног на вершине утёса.

— Он погиб вчера, когда его меч застрял в броне Троллока. Он бросил попытки достать его и выхватил запасной клинок, но еще два Троллока снесли его вместе с лошадью. Я подумал, что тут ему и конец, и попытался добраться до него, но увидел, как он поднялся с этим своим, испепели его Свет, арбалетом и выстрелил Троллоку прямо в глаз с расстояния в два фута. Болт прошел точнехонько сквозь его тыкву. Второй Троллок пронзил его, но уже после того, как получил вынутым из сапога ножом в шею.

Лан кивнул.

— Я помню тебя Бах. Ты погиб с честью.

Они скакали в течении нескольких мгновений, а затем принц Кайсель добавил:

— Рэгон. Он также погиб с честью. Он направил своего коня прямо на группу из тридцати Троллоков, которые выскочили на нас сбоку. Возможно, спас жизни дюжине человек этим ходом, давая нам время. Он успел ударить одного в рыло, перед тем как они сбросили его.

— Да, Рэгон был просто безумцем, — сказал Андер. — Я один из тех, кого он спас.

Он улыбнулся.

— Он умер с честью. Свет, но это так. Конечно, самым безумным,

что я видел за последние несколько дней, было то, что сделал Крэгил, когда сражался с тем Исчезающим. Кто-нибудь еще видел это...

Ко времени, когда они достигли лагеря, мужчины громко смеялись и восхваляли павших с мечом в руке. Лан отделился от них и забрал Булена к Аша'ману. Нарিশма удерживал открытыми переходными врата для телеги с припасами. Он кивнул Лану.

— Лорд Мандрагоран?

— Мне нужно как-то заморозить его, — промолвил Лан, спешиваясь. — Когда со всем будет покончено и Малкири будет восстановлен, нам потребуется

подходящее место упокоения для благородных павших. До того момента, я не желаю, чтобы его сожгли или оставили гнить. Он был первым Малкири, возвратившимся к своему королю.

Наришма кивнул, Арафельские колокольчики на концах его косичек тихо звякнули. Он дождался прохода телеги через ворота, затем поднял руку, чтобы остальные остановились. Он закрыл их и открыл новые на вершине горы.

Ледяной ветер продувал насквозь. Лан снял Булена с лошади. Нарिशма попытался помочь, но Лан остановил его. Крякнув, поднял с усилием покойника на плечо. Он

шагнул прямо в снег. Пронизывающий ветер, как будто резал его лицо острым ножом.

Он положил Булена, затем опустился на колени и осторожно снял хадори с его головы. Лан пронесет его через сражение — как будто Булен мог бы продолжать сражаться — затем вернет его к телу, когда сражение будет закончено. Это старая традиция Малкири.

— Ты умер хорошей смертью, Булен, — сказал Лан тихо — Спасибо, что не отказался от меня.

Он встал, снег хрустнул под сапогами, и вышел через ворота с хадори в руке. Наришма закрыл проход, и Лан спросил о

местоположении горы — в случае если Наришма погибнет в бою, таким образом он сможет найти Булена снова.

Они не смогли бы сохранить всех павших малкири таким способом, но один лучше, чем ничего. Лан обернул кожаную хадори о рукоять меча, чуть ниже гарды, крепко ее привязав. Он дотянулся до Мандарба чтобы погладить, поднял палец к лошади и встретился с его темными, влажными глазами.

— Не кусай больше конюхов, — прикрикнул он на жеребца.

После этого, Лан ушел в поисках Лорда Агельмара. Он нашел генерала разговаривающим с Тенобией рядом

с Салдэйской частью лагеря. Недалеко, рядами по двести человек, стояли лучники, наблюдающие за небом. Уже было несколько атак Драггаров. Когда Лан подошел, земля стала трястись и грохотать.

Солдаты не кричали. Они выросли, будучи привычными к такому. Земля стонала.

Голая скалистая поверхность рядом с Ланом раскололась. Он отпрыгнул, встревоженный тем, что землетрясение продолжалось, и наблюдая, как маленькие разрывы появляются в скале — трещинки, толщиной с волос. Было что-то глубоко неправильное в этих трещинах. Они были слишком

темными, слишком глубокими. Несмотря на то, что местность вокруг все еще тряслась, он подошел, изучая мелкие трещины, пытаясь разглядеть их в деталях через грохочущее землетрясение.

Они казались трещинами в небытие. Они втягивали свет, всасывали его. Как если бы он смотрел на изломы в природе самой реальности.

Землетрясение утихало. Темнота в трещинах задержалась в течение нескольких вдохов, затем исчезла, микротрещины стали обычными разломами в камне. Опасаясь, Лан опустился на колени, осматривая их внимательно. Увидел ли он то о чем

подумал? Что это значит?

Успокоившись, он поднялся на ноги и продолжил свой путь. Это не только одинокие уставшие мужчины подумал он. Мать ослабла

Он быстро шел через салдэйский лагерь. Из всех, кто сражался возле Ущелья, салдэйцы поддерживали свой лагерь в лучшем виде, стараниями офицерских жен. Лан оставил большинство малкирцев, не способных сражаться, в Фал Дара, да и другие привели с собой мало людей, помимо воинов.

Это не был путь салдейцев. Хотя они обычно не отправляются в Запустение, женщины, тем не менее, шли со своими мужьями. Каждая

может сражаться с ножами, и будет охранять их лагерь до смерти, если в этом возникнет необходимость. Они были чрезвычайно полезны здесь, в сборе и распределении материалов и в уходе за ранеными.

Тенобия снова спорила с тактикой Агелмара. Лан слушал, как великий полководец шайнарцев кивнул в ответ на её требования. Она не обладала плохим пониманием вещей, но она была слишком смелой. Она хотела ударить по Запустению, и вести сражение с Троллоками на их территории.

В конце концов, она заметила Лана.

— Лорд Мандрагоран —

обратилась она, глядя на него. Она была довольно привлекательной женщиной, с огнем в глазах и длинными черными волосами. — Ваша последняя вылазка имела успех?

— Много Троллоков были убиты, — сказал Лан.

— Мы сражаемся в знаменательной битве, — сказала она с гордостью.

— Я потерял хорошего друга.

Тенобия остановилась, заглянув в его глаза, похоже пытаясь понять его эмоции. Лан ничем не выдал их. Булен погиб достойно.

— Человек сражаясь покрывает себя славой, — сказал ей Лан, — но в

самой битве нет ничего славного. Она просто есть. Лорд Агельмар, на пару слов.

Тенобия отступила в сторону, и Лан увел Агельмара. Старый генерал с благодарностью посмотрел на Лана. Тенобия взглянув на них, удалилась в сопровождении двух гвардейцев, старающихся не отстать от нее.

Да она сама может полезть в битву, если не присматривать за ней, подумал Лан. Её голова полна песен и преданий.

А разве он сам только что не поощрял своих людей рассказывать те же самые истории? Нет. Разница была, он её чувствовал. Научить

людей принимать возможность смерти и почитать честь павших... это не то же самое, что распевать песни о том, как прекрасно сражаться на передовой.

К сожалению, без личного участия в сражении разницы не понять. Да ниспошлет Свет, чтобы Тенобия поумерила пыл. Лан видел множество молодых людей с подобным выражением глаз. Решением вопроса обычно была работа на износ на несколько недель, изнуряющей настолько, чтобы те могли думать только о своей постели, а не "славе", что обретут в один прекрасный день. Он сомневался, что такой способ

подойдет для Королевы.

— Она стала еще безрассуднее с тех пор, как Калиан женился на Этениелле, — мягко сказал Лорд Агельмар, присоединяясь к Лану, и они продолжили идти, кивая проходящим солдатам. — Я думаю, он способен был умерить её нрав на волосок-другой, но теперь, без присмотра его или Башира... — он вздохнул. — Ну да неважно. Чего ты хотел, Дай Шан?

— Мы славно сражались здесь, — сказал Лан. — Но мне не дает покоя, насколько устали наши люди. Сможем ли мы и дальше сдерживать Троллоков?

— Ты прав, вражеские силы

прорвутся рано или поздно, — сказал Агельмар.

— Что же нам теперь делать? — спросил Лан

— Мы будем сражаться здесь, — сказал Агельмар. — А потом, когда не сможем сдерживать их, будем отступать, чтобы выиграть время.

— Отступать? — насторожился Лан.

Агельмар кивнул.

— Мы здесь, чтобы задержать продвижение Троллоков. Мы добьемся этого удерживаясь здесь некоторое время, затем будем медленно отступать через Шайнар.

— Я не затем явился к Тарвинову Ущелью, чтобы отступать,

Агельмар.

— Дай Шан, Вы меня уже убедили в том, что пришли сюда за смертью.

Это была чистая правда.

— Я не отдам Малкир Тени во второй раз, Агельмар. Я пришел к Ущелью....и Малкири последовавшие за мной, чтобы показать Темному, что мы не побеждены. Оставить все теперь, когда мы готовы укрепиться тут.

— Дай Шан, — Лорд Агельмар заговорил тише, пока они шли. — Я уважаю твою решимость сражаться до последнего. Мы все уважаем; твой поход вдохновил тысячи. Может быть, ты и не ставил перед собой такой

цели, но такую цель предопределило для тебя Колесо. Нельзя игнорировать ту судьбу, что определила тебе высшая справедливость. Может быть, пришло время, чтобы отодвинуть в сторону личные мотивы и увидеть нечто более важное.

Лан остановился, глядя на пожилого генерала.

— Поосторожнее, лорд Агельмар. Мне слышалось, что вы называли меня эгоистом.

— Называю, Лан — сказал Агелмар — И ты таков.

Лан не дрогнул.

— Вы пришли, чтобы отдать свою жизнь за Малкир. Это очень

благородно. Но в виду того, что грядёт Последняя битва — это глупо. Вы нужны нам. Люди умрут из-за вашего упрямства.

— Я не просил их идти за мной. Свет! Я сделал все возможное, чтобы остановить их.

— Долг тяжелее горы, — Дай Шан.

Внезапно, Лан встрепнулся. Сколько времени прошло с тех пор, как кто-либо обращался к нему с подобным разговором? Он вспомнил обучение в том же стиле парней из Двуречья. Невинного пастуха, который опасался судьбы, которую возложил на него Узор.

— Некоторым людям, —

проговорил Агельмар, — суждено умереть, и они боятся этого. Другие обречены жить и вести за собой, и они считают, что это их бремя. Если вы хотите продолжить борьбу здесь, пока последний человек не падёт, вы можете сделать это, и они умрут прославленные в сражении. Или, вы можете сделать то, что нам обоим следует сделать. Отступить, когда нас прижмут, приспособиться, и продолжать задерживать прихвостней Темного до тех пор, покуда сможем. Пока другие армии не пришлют нам подкрепление.

— У нас есть исключительная кавалерия. Каждая армия послала тебе своих лучших всадников. Я

видел, как девять тысяч всадников легкой кавалерии Салдэи выполняли сложные маневры с большой точностью. Мы можем нанести урон отродьям Тени, но их количество чересчур большое. Больше, чем я мог себе представить. Мы нанесем им больше урона, если отступим. Мы найдем способ как наказать их за каждый шаг нашего отступления. Да, Лан. Ты сделал меня командующим этой битвы. Это мой тебе совет. Это случится не сегодня, и может быть произойдёт через неделю, но нам придётся отступить.

Лан шел молча. Прежде, чем он успел сформулировать ответ, увидел синюю вспышку света в небе.

Экстренный сигнал из Ущелья.

Отряды, которые только вернулись на поле битвы, нуждаются в помощи.

"Я рассмотрю это предложение", задумался Лан. Отбросив усталость, он кинулся к коновязи где конюх уже подготовил Мандарба.

Ему не нужно было ехать в эту вылазку. Он только, что вернулся с предыдущей. Все же он решил выдвигаться и вдруг поймал себя на том, что кричит Булену, чтобы он подготовил лошадь, и почувствовал себя глупцом. Свет, но Лан очень привык к помощи этого человека.

Агельмар прав, думал Лан, пока

конюхи сбивались с ног, седлая Мандарба. Жеребец был норовистый и чувствовал его настроение. Они пойдут за мной. Как Булен. Вести их на смерть во имя погибшего королевства... идти самому на смерть... разве это чем-то отличается от поведения Тенобии?

Вскоре, он уже скакал обратно к линиям обороны и обнаружил, что троллоки почти прорвались. Он присоединился к бою, и в эту ночь они устояли. Рано или поздно, но они не смогут стоять дальше. Что тогда?

Тогда... тогда он снова оставит Малкир и сделает то, что должно быть сделано.

Войско Эгвейн собралось в южной части поля Мэррилор. Было решено, что они переместятся в Кандор сразу после того, как силы Илэйн будут отправлены в Кэймлин. Армии Ранда пока не вступали в Такандар, но вместо этого двигались к месту сбора в северной части поля, где проще было осуществлять снабжение. Он утверждал, что сейчас было не подходящее время для его атаки. Свет, пусть он достигнет успеха с Шончан.

Перемещение такого количества людей было сильнейшей головной болью. Айз Седай разместили ворота перемещения в длинную линию, словно дверные проемы одной из

сторон пиршественного зала. Солдаты сбились в кучу, ожидая своей очереди. Многие из сильнейших направляющих не участвовали в этом — им вскоре предстоит очутиться на поле боя, и создание переходных врат лишь ослабит их силы перед началом важного дела.

Солдаты, разумеется, расступились перед Амерлин. Из-за того, что головной отряд находился здесь, а лагерь был расположен на другой стороне поля, потребовалось время, чтобы пересечь его. Она провела всё утро, встречаясь с Советом, так как они обсуждали доставку сообщений и оценку

местности. Она была рада, что позволила Совету взять на себя руководящую роль в войне, это было мудрым решением Сестер, поскольку многие из них жили уже больше столетия.

— Не люблю, когда меня заставляют так долго ждать, — сказал Гавин, держась рядом с ней.

Она посмотрела на него

— Я доверяю оценке поля битвы, которую провел Генерал Брин, как доверяет и Совет, — произнесла Эгвейн, когда они ехали вдоль рядов Иллианских Спутников, на передней стороне каждого блестящего нагрудника, которых были изображены Девять Пчел

Иллиана. Они приветствовали её. Их лица были скрыты за коническими шлемами, зарешеченными спереди.

Она не была уверена в том, что рада видеть их в своей армии, они более верны Ранду, нежели ей, но Брин настоял на этом. Он сказал, что не смотря на большие размеры ее сил, им не хватает элитного подразделения среди них.

— Я по прежнему считаю, что мы должны были уйти раньше — сказал Гавин, когда двое из них прошли через врата, ведущие к границе Кандора

— Прошло всего несколько дней.

— Несколько дней, которые

пылал Кандор. — Она чувствовала его разочарование. Она также чувствовала, сколь отчаянно он ее любил. Теперь он был ее мужем. Их поженила Сильвианна во время простой церемонии накануне вечером. Он все еще чувствовал себя неловко, зная, что Эгвейн была инициатором собственной свадьбы. Но когда ты на вершине власти, что еще остается делать?

Когда они добрались до лагеря на границе Кандора увидели Брина, разъезжающего верхом и отдающего короткие приказы патрулям разведки. Подъехав к Эгвейн, он выбрался из седла и низко поклонился, целуя ее кольцо. Затем

снова сел на коня и продолжил. Это было знаком уважения с его стороны, учитывая его статус командующего этой армии. Конечно, он выдвинул свои требования, и все они были удовлетворены, возможно, из-за того, что он жестко настаивал на их выполнении. Главная армия Белой Башни была хорошей возможностью для его самореализации; ни один не захотел бы очутиться на пастбище. Великий полководец не должен был обнаружить себе там в первых рядах.

Эгвейн заметила Суан, скачущую сбоку от Бриана, и удовлетворенно улыбнулась. Теперь он от нас никуда не денется.

Эгвейн изучала холмы на юго-

восточной границе Кандора. Хотя на них не хватало зелени — как на многих других землях — их мирной спокойствие не предполагало, что страна за ними полностью сожжена. Столица, Чачин, лежала в руинах. До того как отступить, чтобы сражаться вместе с остальными Пограничниками, королева Этениэлле обратилась за помощью в спасательных операциях к Эгвейн и Совету. Они сделали что могли, посылая разведчиков через порталы на все основные дороги в поисках беженцев и отправляя тех, кого смогли найти, в безопасное место, если сейчас вообще кто-либо мог быть в безопасности.

Основная армия Троллоков покинула горящие города и теперь двигалась на юго-восток к холмам и реке, которая соединяла границы Кандора с Арафелом.

Сильвиана поехала возле Эгвейн напротив Гавина. Она одарила его гневным взглядом — эти двое должны будут прекратить огрызаться друг на друга; это становилось утомительным — прежде, чем поцеловать кольцо Эгвейн. — Мать.

— Сильвиана.

— Мы получили новые сведения от Илэйн Седай.

Эгвейн позволила себе улыбнуться. Обе они, независимо друг от друга, называли Илэйн ее

титолом, принятым в Белой Башне, а не монархическим.

— Ну и...?

— Она предполагает нам создать место, в которое будут направляться для исцеления все раненые.

— Мы же говорили о том что Желтые будут перемещаться с одного поля битвы на другое, — сказала Эгвейн.

— Илэйн Седай обеспокоена тем, что Желтые могут подвергнуться нападению, — ответила Сильвиана. — Она хочет организовать стационар.

— Это было бы эффективнее, Мать, — подсказал Гавин, потирая

подбородок. — Поисках раненых на поле боя — это кошмарная работа. Я не стал бы отправлять сестер самостоятельно прочесывать мертвых в поисках раненых. Эта война может затянуться на недели, даже месяцы, если полководцы правы. В конце концов, Тёмный начнет забирать Айз Седай на поле.

— Илэйн Седай была довольно...настойчива, — проговорила Сильвиана. Ее лицо было маской, тон её голоса — непоколебим, но все же она сумела передать огромное неудовольствие. Сильвиана была искусна в этом.

Я помогла возвыситься Илэйн, напомнила себе Эгвейн. Отказ от нее

сейчас создаст нежелательный прецедент. Как будто подчиняя её. Возможно, они смогут остаться друзьями с помощью таких событий.

— Илэйн Седай показывает свою мудрость, ответила Эгвейн. — Скажите Романде, что все должно быть сделано именно так. Пусть вся желтая Айя соберётся для исцеления, но не в Белой башне.

— Мать? — спросила Сильвиана.

— Шончан, — сказала Эгвейн. Ей приходилось успокаивать змея глубоко внутри себя каждый раз когда она думала о них, — Я не рискну Желтыми, которых могут атаковать в одиночестве и уставших

от Исцеления. Белая Башня не достаточно защищена и внимание врагов на ней, если не Шончан, то Тень.

— Ценное замечание, — голос Сильвианы звучал с неохотой, — Но как по другому? Кэймлин пал, и Приграничье слишком беззащитно. Тир?

— Вряд ли, ответила Эгвейн. Это была территория Ранда, и это будет слишком очевидным. — Отправьте сообщение Илэйн с предложением. Быть может главы Майена смогут предоставить подходящее здание, очень большое здание.

Эгвейн постучала по боку седла.

— Отошлите Принятых и Послушниц из Желтых. Я не хочу, чтобы эти женщины были на поле боя, но их силы могут быть использованы для исцеления.

Принадлежащие Желтой Айя и самые слабые из послушниц могут создать потоки Силы и спасти жизнь. Многие из них будут разочарованы, так как они представляли себе убийство Троллоков. Ну..., это был их путь участвовать в битве и не путаться под ногами, без должной подготовки к бою.

Эгвейн оглянулась через плечо. Перемещение через Врата в ближайшее время не прекратится.

— Сильвиана, передай мои

слова Илэйн Седай, — сказала Эгвейн. — Гавин, я хочу сделать кое-что.

Они обнаружили, Чубейна наблюдающим за установкой командного пункта в долине, к западу от реки, которая формировала границу между Кандором и Арафелом. Они будут продвигаться вдоль этой холмистой местности чтобы встретить Троллоков, одновременно выматывая их силы в соседних долинах, с лучниками на вершине горы, рядом с оборонительными рядами. Они хотели нанести самый сильный удар по Троллокам, когда те попытаются захватить холмы, причинив им как

можно больше ущерба. Мобильные группы будут донимать соперника фланговыми ударами, в то время как защитники будут до последнего удерживать возвышенности.

Были хорошие шансы того, что в конечном итоге они будут вытеснены из этих холмов и через границу в Арафел, но на широких равнинах Арафела их кавалерия могли бы быть использована с большей пользой. Силы Эгвейн, как Лана, должны были задержать и замедлить Троллоков, пока Илэйн сможет победить тех, кто на юге. В идеале они будут удерживать фронт до прибытия подкрепления.

Чубейн отдал честь и привел их

к палатке, которая уже была возведена неподалеку. Эгвейн спешила и начала входить, но Гавин положил руку ей на плечо. Она вздохнула, кивнула и позволила ему войти первым.

Внутри, на полу, скрестив ноги, сидела шончанка, которую Найнив называла Эгинин, хотя женщина настаивала на том, что ее имя — Лейлвин. Три члена сторожевой башни наблюдали за ней и ее мужем-иллианцем.

Увидев Эгвейн Лейвлин опустилась на колени и совершил изящный поклон, касаясь лбом пола палатки. Ее муж сделал так же, как она, хотя его движения были более

неуклюжими. Возможно, он был просто худшим актером, чем она.

"Выйдите,"- сказала Эгвейн стражам.

Они не спорили, но и не торопились. Как будто она не могла справиться сама с своим Стражем против двух людей, которые не могли направлять. Мужчины.

Гавин занял позицию на стороне палатки, оставив ее говорить с заключенными.

"Найнив говорит мне, что ты не слишком надежная, сказала Эгвейн. "И сядь наконец. Никто не кланяется в Белой Башне, даже самая низкая из слуг".

Лейлвин села, но продолжала не

поднимая глаз. "Я не выполнила порученного мне задания, и тем самым поставили под угрозу сам Узор".

"Да," сказала Эгвейн. "Браслеты. Я в курсе. Хотите вернуть свою вину?"

Женщина поклонилась, снова коснувшись лбом земли. Эгвейн вздохнула, но прежде чем она успела заказать женщине подняться, Лейлвин заговорила. "Светом и своей надеждой на спасение и возрождение," Лейлвин сказал: "Я обещаю служить вам и защищать вас, Амерлин, главу Белой башни. Кристальным Троном и кровью императрицы, я связываю себя с

вами, чтобы делать, все по вашему приказу, и поставить вашу жизнь, прежде своей собственное. Под светом, пусть будет так. "Она поцеловала пол.

Эгвейн посмотрела на нее, ошеломленная. Только Друг Темного предаст такую клятву. Хотя каждый шончанин был близким к Темному.

— Ты думаешь меня плохо защищают? — спросила Эгвейн — Ты думаешь мне нужна еще одна служанка?

— Я думаю только об искуплении своего долга, — сказала Лейлвин.

В ее интонации, Эгвейн ощутила жесткость, горечь. Это говорило о

правдивости. Этой женщине не нравилось такое ее смирение.

Эгвейн сложила руки, озабоченно.

— Что ты можешь сказать мне о военных частях Шончан, их вооружении и силе, и о планах Императрицы?

— Я кое-что знаю, Амерлин, — сказала Лейлвин. — Но я была корабельным капитаном. Мои знания о флоте Шончан, и вам это мало поможет.

Конечно, подумала Эгвейн. Она взглянула на Гавина, который пожал плечами.

— Пожалуйста, — тихо сказала Лейлвин. — Позволь мне как-то

доказать свою верность. У меня мало что осталось. Само мое имя больше мне не принадлежит.

"Прежде всего," — сказала Эгвейн — "Ты расскажешь мне о Шончан все что знаешь. Даже то, что по твоему мнению не важно, любая информация может оказаться полезной". Или, это может раскрыть Лейвлин, как лгунью, подумала Эгвейн, что то же не плохо... "Гавин, принеси мне стул. Я собираюсь выслушать эту женщину. После этого, посмотрим..."

Ранд разбирал ворох карт, записей и докладов. Он стоял сложив руки за спиной, в свете единственной лампы, горевшей на

столе. За стеклом заплясал огонек, когда легкий ветерок залетел в шатер, где он находился в одиночестве.

Был ли огонь живым? Он ел, он двигался сам по себе. Ты мог бы задушить его, так что в каком-то смысле он дышал. Разве это не жизнь?

Может это быть смыслом жизни?

Мир без Темного. Мир без зла.

Ранд вернулся к картам. Увиденное произвело на него впечатление. Илэйн хорошо подготовилась. Он не присутствовал на заседаниях, на которых готовились к каждому из сражений. Его внимание было обращено на

север. На Шайол Гул. Его судьбу. Его могилу.

Он ненавидел планы сражений, с их пометками для отрядов и групп, унижавших человеческую жизнь до уровня каракулей на странице. Цифры и статистика. О, он признавал, что наглядность важна для командующего. Но все равно ненавидел.

Здесь пред ним жил огонь, но здесь были и мертвые люди. Теперь, когда он не мог возглавить битву лично, он надеялся держаться подальше от карт подобной этой. Он знал, что смотря на эти планы ему лишь оставалось оплакивать солдат, которых он не мог спасти.

Внезапно холодок пробежал по нему, волосы на руках встали дыбом, отчетливая дрожь на грани волнения и ужаса. Женщина направляла.

Ранд поднял голову и увидел Илэйн, стоящую у входа в шатер.

— Свет! — сказала она — Ранд! Что ты здесь делаешь? Ты хочешь, чтобы я умерла от испуга.

Он повернулся, положив пальцы на план сражения. Теперь здесь была жизнь. Румяные щеки, золотистые волосы с медово-розовым оттенком, глаза горели подобно костру. Ее алое платье увеличилось, из-за беременности. Свет, она была прекрасна.

— Ранд Ал'Тор? — спросила

Илэйн. — Ты собираешься говорить со мной, или хочешь пялиться на меня дальше?

— Если я не могу полюбоваться тобой, с кем же мне остается это делать? — спросил Ранд.

— Не улыбайся так, пастух, — сказала она. — Пробраться в мою палатку? Действительно. Что скажут люди?

— Они сказали бы, что я хотел увидеть тебя. Кроме того, я не прокрался. Стража впустила меня.

Она сложила руки на груди.

— Они не сказали мне.

— Я попросил их не говорить.

— В таком случае для всех намерений и целей ты прокрался. —

Илэйн прошла мимо. Она пахла замечательно. — Честно, как будто Авиенды не было достаточно...

— Я не хотел, чтобы солдаты видели меня, — сказал Ранд. — Я опасался, что это нарушит спокойствие твоего лагеря. И попросил охрану не упоминать того, что я был здесь. — Он подошел к ней, положив руку ей на плечо, — Я должен был увидеть тебя снова, прежде...

— Ты видел меня на Меррилооре.

— Илэйн...

— Мне очень жаль, — сказала она, повернувшись к нему спиной. — Я рада видеть тебя и рада, что ты пришел. Я просто пытаюсь понять в

своей голове, как ты вписываешься во все это. Как мы вписываемся во все это.

— Я не знаю, — сказал Ранд. — Я никогда не понимал этого. Извини.

Она вздохнула, садясь в кресло возле стола.

— Я думаю, это хорошо, найти вещи, которые ты не можешь исправить взмахом своей руки.

— Существует много такого, что я не могу исправить, Илэйн, — Он посмотрел на стол и карты — Слишком много.

Не думай об этом.

Он опустил перед ней на колени, чем заработал выгнутую бровь, пока не положил руку ей на

живот, — нерешительно, на первый взгляд.

— Я не знал — сказал он. — Только совсем недавно, в ночь перед встречей. Близнецы, мне сказали?

— Да.

— Значит Тэм станет дедушкой, — сказал Ранд, — А я буду...

Как человек должен был реагировать на эту новость? Была ли она должна встряхнуть его, перевернуть его? Ранд получил свою долю неожиданностей в жизни. Казалось, он больше не мог сделать и двух шагов без изменения мира на них.

Но это... это не было

удивлением. Он обнаружил, что в глубине души надеялся, что когда-нибудь станет отцом. Это произошло. Это дало ему теплоту. Одна вещь происходит в мире прямо, даже если так много пошло не так..

Дети. Его дети. Он закрыл глаза, вдыхая, наслаждаясь этой мыслью.

Он никогда не узнает их. Он оставит их без отца прежде, чем они бы даже и родились. Но тогда, Джандуин покинул Ранда-сироту, и с ним все оказалось в порядке... Всего несколько неровных краев, здесь и там.

— Как ты назовешь их? — спросил Ранд.

— Если будет мальчик, я думала

назвать его Рандом.

Ранд позволил себе пойти еще так, что почувствовал ее лоно. Было ли движение? Удар?

— Нет, — мягко сказал Ранд. — Пожалуйста, не называй ни одного ребенка в честь меня, Илэйн. Позволь им жить своими собственными жизнями. Моя тень будет и так достаточно длинна.

— Хорошо.

Он посмотрел ей в глаза и увидел, что она улыбается с нежностью. Она оперлась гладкой рукой на его щеку.

— Ты будешь прекрасным отцом.

— Илэйн...

— Ни слова об этом, — сказала она, поднимая палец. — Никаких разговоров о смерти, о долге.

— Мы не можем игнорировать то, что произойдет.

— Мы также не должны остановиться на этом, — сказала она. — Я учила тебя тому, чтобы быть монархом, Ранд. И, кажется, забыла один урок. Это правильно предусматривать худшие возможности, но ты не должен греть себя этим. Ты не должен заикливаться на них. Королева должна надеяться прежде всего.

— Я действительно надеюсь, — сказал Ранд. — Я надеюсь на мир, на тебя, на всех, кто должен бороться.

Это не изменяет факта, что я принял свою собственную смерть.

— Достаточно, — сказала она. — Не будем больше об этом. Сегодня вечером, у меня будет спокойный ужин с человеком, которого я люблю.

Ранд вздохнул, но поднялся, усаживаясь в кресло рядом с ней, поскольку она позвала охранников откинув створки палатки для их еды.

— Можем ли мы хотя бы обсудить тактику? — спросил Ранд. — Я действительно впечатлен тем, что ты сделала здесь. Я не думаю, что мог бы сделать лучше.

— Великие полководцы сделали большую его часть.

— Я видел твои аннотации, — сказал Ранд. — Башир и другие — замечательные генералы, даже гении, но они думают только о своих конкретных сражениях. Кто-то должен координировать их, и ты делаешь это удивительно. У тебя есть голова для этого.

— Нет, — ответила Илэйн. — Что у меня действительно есть, так это жизнь в качестве Дочери-Наследницы Андора, жизнь, проведенная в постоянных подготовках к возможной войне. Благодарю генерала Брина и мою мать за то, что ты видишь. Ты нашел что-либо в моих пометках, что желал бы изменить?

— Между Кеймлином и Браймским Лесом, где ты планируешь заманить силы Тени в засаду, больше чем сто пятьдесят миль, — отметил Ранд. — Это опасно. Что, если твои силы иссякнут прежде, чем они достигнут Леса?

— Все зависит от выматывания Троллоков на пути к Лесу. Наши изматывающие силы будут использовать самых сильных, самых быстрых доступных скакунов. Это будет изнурительная гонка, нет никаких сомнений, и лошади будут близки к смерти к тому времени, как они достигнут Леса. Но мы надеемся, что Троллоки будут также

потрепанными, что должно сделать нашу работу легче.

Они обсудили тактику, и вечер перешел в ночь. Прибыли слуги с ужином, бульоном и кабаном. Ранд хотел сохранить свое присутствие в лагере незамеченным, но теперь, когда слуги знали, ничего не мог с этим сделать.

Он устроился, чтобы поужинать, и позволил себе продолжить беседу с Илэйн. Какое поле битвы было в наибольшей опасности? Кого из великих полководцев она должна поддержать, когда они не находят согласия, как это часто бывало? Как это все работало бы с армией Ранда, которая все еще ждала своего часа,

чтобы атаковать Шайол Гул?

Разговор напомнил ему о времени проведенным в Тире, об украдкой скрытых поцелуях в Твердыне в промежутках между сессиями политической подготовки. Ранд влюбился в нее в те дни. Настоящая любовь. Не восхищение мальчика, сверзившегося со стены, глядя на принцессу, — тогда он понимал в любви не больше, чем крестьянин размахивая мечом, понимал войну.

Их любовь родилась из тех вещей которые они разделяли. С Илэйн он мог говорить о политике и бремени власти. Она поняла. Она действительно была лучше чем все,

кого он знал. Она знала, как это принимать решения, которые изменяют жизни тысяч людей. Она поняла, что значит принадлежать народу страны. Ранд счел замечательным это, и хотя зачастую их мнения расходились, их соединение состоялось. В самом деле, он почувствовал себя еще сильнее. Теперь, когда Илэйн была королевой, теперь, когда они делили детей растущих в ней.

— Ты вздрогнул, — сказала Илэйн.

Ранд поднял глаза от бульона. Ужин Илэйн был наполовину закончен — он много времени отнял разговором. Казалось ей это вовсе не

мешало, так или иначе, она держала теплую чашку чая.

— Я, что? — спросил Ранд.

— Ты вздрагиваешь. Когда я упомянула контингенты, борющиеся за Андор, ты вздрогнул, чуть-чуть.

Было не удивительно, что она заметила — Илэйн была одним из тех, кто научил его наблюдать за незначительными реакциями в выражениях тех, с кем он говорил.

— Все эти люди борются под моим именем, — сказал Ранд. — Так много людей, которых я даже не знаю, будут умирать за меня.

— Это всегда было бременем правителя во время войны.

— Я должен быть в состоянии

защитить их, — сказал Ранд.

— Если ты думаешь, что можешь защитить всех, Ранд Ал'Тор, то ты намного глупее, чем притворяешься.

Он поднял на нее взгляд, встречаясь с ее глазами.

— Я не верю, что могу защитить всех, но их смерти тяготят меня. Я чувствую, как будто должен сделать больше, теперь, когда я помню. Он попытался сломать меня и потерпел поражение.

— Это то, что произошло в тот день на горе Дракона?

Он не говорил об этом никому. Он подтащил свое кресло ближе к ней. — Там, наверху, я понял, что

слишком много думал о прочности. Я хотел быть твердым, очень твердым. Ведя себя так, я рисковал потерять способность заботиться. Это было неправильно. Для меня, чтобы выиграть, я должен заботиться. Это к сожалению означает, что я должен позволить себе боль в их смерти.

— А ты помнишь Льюса Тэрина сейчас? — прошептала она. — Все, что он знал? Это не просто слова, которые ты говоришь?

— Я и есть он. Всегда был. Теперь я это помню.

Илэйн выдохнула, глаза расширились. — Какое преимущество! — Из всех людей, которым он говорил так, только она

ответила подобным образом. Какая замечательная женщина.

— У меня есть все эти знания, но они не говорят мне, что делать. — Он встал, начав ходить. — Я должен быть в состоянии исправить это, Илэйн. Нет больше необходимости умирать за меня. Это мой бой. Почему все остальные должны пройти через такие страдания?

— Ты отказываешь нам в праве бороться? — сказала она, сев прямо.

— Нет, конечно, нет, — сказал Ранд, — Я ни в чем не могу отказать вам. Я всего лишь хочу, чтобы каким-то образом. как-то я мог все это остановить. Разве моей жертвы не должно быть достаточно?

Она встала, взяв его за руку. Он повернулся к ней.

Тогда она поцеловала его.

— Я люблю тебя — сказала она. — Ты — король. Но если ты попытаешься отрицать, что хорошие люди Андора имеют право защищать себя, право стоять в Последней Битве. Ее глаза сверкали, щеки горели румянцем. Свет! Его комментарии действительно привели ее в ярость.

Он никогда не знал, что она собирается сказать или сделать, и это возбудило его. Как волнение наблюдения ночных цветков, зная что то, что должно появиться будет красиво, но никогда не зная точной

формы, которую примет их красота.

— Я говорил, что не откажу тебе в праве сражаться, — сказал Ранд.

— Это касается не только меня, Ранд. Это касается всех. Можешь ли ты это понять?

— Думаю, да.

— Хорошо. — Илэйн уселась и поморщилась, отхлебнув свой чай.

— Он испортился? — спросил Ранд.

— Да, но я привыкла. Тем не менее, это едва ли не хуже, чем вообще ничего не пить, при том, как портится все вокруг.

Ранд подошел к Илэйн и забрал чашку из ее рук. Мгновение он держал чашку в своих руках, но не

направлял.

— Вот, держи, я совсем позабыл об этом.

— О чае?

— Нет, это так, не принимай во внимание. — Он вручил ей чашку, и она сделала глоток.

Ее глаза расширились.

— Это изумительно. Как ты это сделал?

— Это не я, — сказал Ранд, садясь. — Это Узор.

— Но...

— Я — та'верен, — произнес Ранд, — Много непредсказуемого случается, когда я рядом. Долгое время сохранялся баланс. В одном городе, кто-то мог неожиданно найти

сокровище под лестницей. А в другом городе, который я посетил, люди могли обнаружить, что их деньги фальшивые и получены ими от фальшивомонетчика.

— Одни люди умирали ужасной смертью, в то время как другие чудом спасались от неминуемой гибели. Свадьбы и ссоры. Однажды я видел как перо, спланировав, воткнулось в землю. А затем еще десять. Это все случайности. Две стороны одной монеты.

— То, что ты сделал с чаем — не случайность.

— Да, это так, — сказал Ранд, — Но, видишь ли, я вижу только одну сторону монеты в

последнее время. Кто-то совершает зло. Темный вводит в мир ужасы: сея смерть, зло, безумие. Но Узор ... Узор — это баланс. Он использует меня, чтобы склонить весы на другую сторону. Чем упорнее работает Темный, тем сильнее становится эффект вокруг меня.

— Растущая трава, — сказала Илэйн, — Расступающиеся облака. Неиспорченная еда.

— Да, — ну, ещё другие хитросплетения случаются, но он не стал упоминать о них. Он вытащил из кармана маленький мешочек.

— Если то, что ты говоришь — правда, — ответила Илэйн, — то в мире никогда не будет все хорошо.

— Конечно, все будет хорошо.

— А Узор не установит новый баланс сил?

Он заколебался. Эта линия рассуждений слишком близко подошла к тому направлению, о котором он размышлял прежде, до Драконовой горы — когда он думал, что у него нет выбора, что вся его жизнь была спланирована за него.

— Пока мы озабочены этим, — сказал Ранд, — все будет хорошо. Узор не обладает эмоциями, он даже выше добра или зла. Темный воздействует извне его, влияя на него грубой силой.

И Ранд покончит с этим. Если сможет.

— Вот, — сказал Ранд. — Подарок, о котором я упоминал. Он протянул ей мешочек.

Она посмотрела на него с любопытством. Она развязала шнурок, и вынула из него небольшую статую женщины. Она стояла прямо, с шалью на плечах, хотя она не была похожа на Айз Седай. У нее было лицо зрелой женщины, пожилой и мудрой, с прозорливым взглядом и улыбкой на лице.

— Это ангриал? — спросила Илэйн.

— Нет, это Семя.

— Ээ...семя?

— У тебя есть Дар создания тер'ангриалов, — ответил Ранд. —

Создание ангриала — несколько иной процесс. Он начинается с одного из таких предметов, созданных чтобы вытянуть из тебя Силу и вместить её во что-то другое. Это длится очень долго и ослабляет тебя на несколько месяцев, поэтому ты не должна предпринимать попыток использовать его, пока мы воюем. Но когда я нашел его в забвении, я думал о тебе. Думал о том, что я мог бы дать тебе.

— О, Ранд, у меня тоже есть кое-что для тебя.

Она поспешила к ларцу с драгоценностями из слоновой кости, который покоился на столе, и вынула из него небольшой предмет. Это был

кинжал с коротким, тупым лезвием и рукояткой из оленьего рога, обернутого золотой проволокой.

Ранд взглянул на кинжал вопросительно.

— Не обижайся, но он выглядит как потрепаншееся оружие, Илэйн.

— Это тер'ангриал, он может пригодиться тебе, когда пойдёшь в Шайол Гул. Держи его при себе, тогда Тень не увидит тебя.

Она потянулась, чтобы коснуться его лица. Он положил руку на ее.

Они остались вместе до глубокой ночи.

Глава 10

Драконы в деле.

Перин ехал на Трудяге, легкая конница из числа войск Илэйн следом за ним: Белоплащники, Майенцы, Гэалданцы и кое-кто из отряда Красной Руки. Лишь крупница их армий. В том и был весь смысл.

Они проскакали по диагонали к лагерю троллоков расположенному за пределами Кеймлина. Город все еще тлел. План Илэйн с маслом выгнал троллоков из города, большую

их часть, но некоторые из них все еще оставались на стенах.

— Лучники, — проорал Арганда, — Пли! — Его голос затерялся бы среди грохота атаки, фыркания лошадей, топота копыт. Но достаточное число услышало его, чтобы начать стрелять, а остальные и так знали, что им нужно делать.

Перрин пригнулся, надеясь, что молот не пригодится ему в этой вылазке. Они проскакали прямо перед троллоками, выпуская стрелы, и затем развернулись прочь от города.

Перрин обернулся через плечо во время скачки, и наградой ему было зрелище падших троллоков.

Прямо за конницей Перрина следовал Отряд, достаточно близко, чтобы выпускать стрелы.

Ответные стрелы Троллоков не заставили себя ждать — черные и толстые, почти копья, выпущенные из огромных луков. Кое-кто из конников упал, но атака была довольно скоротечной.

Троллоки не покинули своей позиции снаружи городских стен. Всадники замедлились, Арганда подъехал к Перрину, оглядываясь через плечо.

— Они все еще не нападают, — сказал Арганда.

— Тогда мы будем бить их снова и снова. Пока не сломим их.

— Наши атаки продолжаются, Ваше Величество, — сказал посыльный, проезжая через ворота, сотворенные парой из Родни, в лагерь Илэйн в Лесу. — Лорд Златоокий шлет весть — они собираются продолжать хоть весь день, если понадобится.

Она кивнула, и посыльный уехал тем же путем, каким явился. Браймский Лес дремал, деревья оголены, как зимой.

— Передача информации туда сюда отнимает слишком много сил, — сказала Илэйн с неудовольствием, — Хотела бы я заставить работать те тер'ангриалы. — Авиенда

утверждала, что один позволял передавать изображение, а другой голос на расстоянии. Но, как говаривала Лини, хотеть не вредно. — И все же, если бы я только могла увидеть сражение своими глазами...

Бергитте промолчала. Со взором, устремленным вперед, золотоволосая Страж ничем не показала, что слышала этот комментарий.

— В конце концов, — сказала Илэйн — Я могу защитить себя, как я уже неоднократно доказывала.

Никакого ответа. Две лошади тихо ступали рядом друг с другом по мягкой земле. Лагерь вокруг них был построен так, чтобы его было легко

сворачивать и перемещать. Солдатские "палатки" были кусками холста, брошенными поверх привязанных к деревьям веревок. Единственными походными принадлежностями были боевая и её собственная палатки. Отряд Родни всегда был готов сотворить врата, чтобы переправить Илэйн и её командиров дальше в лес.

Большая часть её войск ожидала, готовая, как натянутый лук с наложенной стрелой. Однако она не станет драться с троллоками на их условиях. Судя по отчету, некоторые из их кулаков забрались на городские стены, и лобовая атака будет катастрофой с дождем из летящей

сверху смерти.

Она выманит их. Если это требовало терпения, пусть будет так.

— Я решила, — продолжила Илэйн разговор с Бергитте. — Я просто прошмыгну через ворота и гляну разок сама на троллочью армию. С безопасного расстояния. Я могла бы...

Бергитте сунула руку под рубашку и достала медальон с лисьей головой, одну из трех несовершенных копий, сделанных Илэйн. У Мэта была другая и оригинал. Меллар сбежал с третьей.

— Учудишь что-нибудь подобное, — сказал Бергитте, взгляд по-прежнему перед собой, — и я

переброшу тебя через проклятое плечо, как пьянчужка барменшу бурной ночью, и оттащу обратно в лагерь. Да поможет мне Свет, я сделаю это, Илэйн.

Илэйн нахмурилась.

— Напомни-ка мне, почему я вообще дала тебе один из этих медальонов?

— Не уверена, — сказала Бергитте. — В этом были потрясающая дальновидность и работающее чувство самосохранения. Совсем не похоже на тебя.

— Вряд ли это справедливо, Бергитте.

— Я знаю! Это жутко

несправедливо, что я должна возиться с тобой. Не уверена была, что ты заметишь. Все молодые Айз Седай столь безбашенны как ты, или это мне одной так подфартило?

— Кончай ныть, — пробормотала Илэйн, сохраняя улыбку и кивая отдававшим честь женщинам, мимо которых проходила. — Я уже почти хочу, чтобы у меня был Страж, обученный в Башне, который хотя бы не будет так дерзить.

Бергитте рассмеялась.

— Не думаю, что ты понимаешь Стражей и вполонину так хорошо, как ты думаешь, Илэйн.

Илэйн позволила разговору

увянуть, пока они проходили площадку для Перемещения, где Сумеко и другие из Родни переправляли посыльных между полями сражений. Пока что их соглашение с Илэйн было в силе.

В кармане своего платья Илэйн несла официальный ответ Эгвейн — Престола Амерлин относительно Родни и указания ей самой. Илэйн могла почти ощущать тепло, исходящее из письма, но это было скрыто позади официального языка и соглашение, что сейчас не время беспокоиться о таких вещах.

Илэйн придется проделать там больше работы. Эгвейн в конечном счете увидит логику в том, чтобы

позволить Родне работать в Андоре под надзором Илэйн. Чуть дальше площадки для Перемещений она заметила, как усталый шайнарец принимает флягу с водой от одного из мужчин Двуречья. У связанного узлом макушки человека была повязка и знакомые особенности.

— Уно? — спросила шокированная Илэйн, натягивая поводья Лунной тени.

Отвратительно, они пролили на себя всю воду, пока пили.

— Илэйн? — вопросительно произнёс он, вытирая пот со лба рукавом, — Я слышал, что ты теперь растреклятая Королева. Что ж, я думаю, что рано или поздно это

должно было произойти, потому что ты проклятая Дочь-Наследница... Простите меня. Дочь-Наследница. И вовсе не проклятая. — Шайнарец поморщился от напряжения.

— Ты можешь ругаться, как тебе угодно, Уно — сказала Илэйн, добавив, — Найнив нет рядом. Что ты тут делаешь?

— Амерлин-, сказал он.

— Ей нужен был отъявленный посланник, и я был, кровь и пепел, выбран. Уже отдал проклятый отчет Эгвейн, чтобы ваши командиры растреклято хорошо сделали свое дело. Мы заняли наши проклятые боевые позиции и начали разведку из Кандора, это место кровавое месиво.

Вы хотите подробностей?

Илэйн улыбнулась.

— Я слышала отчет от моих командиров, Уно, — сказала она. — Иди отдохни и прими горячую ванну, ты, сын перегревшегося пастуха.

Уно как будто воды в рот набрал от такого комментария. Илэйн улыбнулась. Она только накануне услышала это проклятие от солдата и до сих пор не знала, почему оно считается таким мерзким. Оно давало должный эффект.

— Я... горячая ванна для меня не нужна, — сказал Уно.

— Э-э, Ваше Величество. У меня уже было пять минут для отдыха. Троллоки могут скоро

атаковать в Кандоре, кровь и пепел, и бои пройдут без меня. -

Он отсалютовал ей, приложив руку на грудь и поклонился, прежде чем в спешке вернуться обратно.

— Жаль —, сказала Бергитте, — Он хороший собутыльник. Я бы хотела, чтобы он остался на некоторое время.

Через узы, Илэйн почувствовала другую реакцию от нее, когда она смотрела на Уно сзади.

Илэйн покраснела:

— Тут нет времени на это прямо сейчас. На любую из этих вещей.

— Просто посмотрела —, сказала невинно Бергитта, — Я думаю, мы должны пойти послушать

доклады о других полях сражений.

— Мы должны, — твердо сказала Илэйн.

Бергитта не выказала свое раздражение, но Илэйн почувствовала это через узы. Бергитта ненавидела планирование битв, Илэйн нашла странным в женщине, которая сражалась в тысячи сражений, героем, спасшей множество жизней во время, некоторых из величайших моментов в истории.

Она пришла к палатке, где разрабатывался план сражения, одна из нескольких полноразмерных переносных, армейских палаток.

Внутри она увидела Башира

совещавшегося с несколькими командирами: Абэлом Коутоном, Галлене и Тромом, вторым командиром белоплащников. Галад как и Перрин, были у Кэймлина изматывая силы противника. Удивительно, но Илэйн нашла Трома более приятным, чем Галада.

— Что ж? — спросила она.

— Ваше Величество, — сказал Тром кланяясь. Ему не нравилось то, что она была Айз Седай, но он тщательно это скрыл. Остальные в комнате приветствовали ее, хотя Башир просто дружественно кивнул затем указал на карту всех сражений.

— Донесения со всех фронтов — отчитывался Башир, — Беженцы

из Кандора стекаются к Амерлин и ее солдатам, и включая в себя значительное количество боеспособных. Солдаты Домов или охранники купцов, по большей части. Войска Лорда Итуралде по-прежнему ожидают Лорда Дракона, прежде чем двинуться в Шайол Гул, — Башир почесал усы, — Как только они двинутся в эту долину, отступление будет невозможно.

— А как там армия Порубежников? — спросила Илэйн.

— Держатся, — ответил Башир, указывая на другую карту и показывая Шайнар.

Илэйн задумалась, бесцельно, захотел бы Уно сражаться с

остальной частью своего народа в Ущелье.

— Последний гонец передал, что они опасаются разгрома и рассматривают варианты контролируемого отступления.

Илэйн нахмурилась:

— Там действительно все настолько плохо? Они должны были выстоять, пока я не закончила бы с Троллоками в Андоре и не присоединилась бы к ним. Таков был план.

— План был, — согласился Башир.

— Вы хотите сказать что планирование во время войны годится только пока не обнажён

первый меч, — поинтересовалась Илэйн. — Или пока первая стрела не будет выпущена?

— Пока не поднято первое копье, — пробурчал Башир себе под нос.

— Я все понимаю, — сказала Илэйн, тыкая пальцем в карту. — Но я ведь знаю, что Лорд Агельмар достаточно опытный командующий, чтобы сдерживать кучку Троллоков, особенно с поддержкой армий Порубежников.

— Они все ещё держатся, — ответил Башир. — Но на них все больше и больше давят. Он поднял руку, чтобы остановить ее возражения, — Я знаю, вы

беспокойтесь об отступлении, но я советую вам не вмешиваться в руководство Агелмара. Он заслужил свою репутацию как великого капитана и он находится там, а мы далеко. Он знает что следует делать.

Она сделала глубокий вдох.

— Да. Вы правы. Надо выяснить сможет ли Эгвейн отправить ему подкрепление. А мы, тем временем, должны одолеть наших противников тут и быстро.

Одновременное сражение на четырех фронтах вытягивает много ресурсов.

Илэйн были знакомы не только местности сражений, но и лучшие варианты их проведения. Если

другие армии выстоят, пока она уничтожит Троллоков в Андоре, она сможет присоединиться к Лану и Агельмару и превратить отступление из Ущелья в победу. Оттуда она сможет помочь Эгвейн и вернуть Кандор.

Армия Илэйн была стержнем всей операции. Если она не победит в Андоре, то у других войск не будет подкрепления. Лан и Итуралде задохнутся, истощив свои силы. У Эгвейн есть шанс, в зависимости от того, что Тёмный направит в ее сторону. Но Илэйн не хотела это выяснять.

— Мы должны заставить Троллоков напасть на нас, — сказала

она. — Незамедлительно.

Башир кивнул.

— Необходимо перейти к активным манёврам, — указала Илэйн. — Засыпьте их безостановочными волнами стрел. Нужно заставить осознать их, что если они не дадут нам отпор, мы сотрём их в порошок.

— А если они просто отступят назад в город? — спросил Тром. — Пожары затухают.

— Тогда, нравится нам это или нет, мы принесем тех драконов, чтобы начать разрушение Кеймлина. Мы не можем больше ждать.

Андрол изо всех сил боролся с дремотой. Они его чем-то опоили...и

теперь его безудержно клонит в сон. Зачем им это?

Что-то случилось с возможностью направлять, Мысли Андрола путались в тумане.

Единая Сила была недоступна, хотя не было никакого щита. Какой напиток может сделать такое?

Несчастный, плачущий Эмарин лежал связанным. Они еще не сумели его Обратить, но по мере того, как медленно утекали часы, он казался все ближе и ближе к слову. Андрол потянулся, выворачивая голову. Он едва мог разглядеть тринадцать людей Таима, использовавшихся для этого процесса. В полумраке комнаты они упали там же где

сидели за столом. Они были истощены.

Андрол вспомнил... Таим кричал вчера. Он ругал мужчин, за то что их работа шла слишком медленно. Они израсходовали много сил на Обращении первых мужчин и женщин, и, по-видимому, теперь для них наступили более тяжелые времена.

Певара спала. Чай одолел её. Андролу чай дали после Певары, но почти машинально. Казалось, они не вспоминали о нем большую часть времени. На самом деле Таим был разгневан, когда узнал, что его приспешники дали чая Певаре. Он хотел Обратить её следующей, но,

видимо, этот процесс требует, чтобы жертва была в состоянии направлять.

— Отпустите меня!

Андрол изогнулся на новый голос. Аборс и Мишраэль втащили в дверь невысокую меднокожую женщину. Тувин, одна из Айз Седай, что были связаны с Логайном.

Рядом, с закрытыми глазами, пошевелился Логайн — он выглядел так, как будто его избила толпа разгневанных мужчин

— Что ты делаешь! — воскликнула Тувин. — Свет! Я... — Она замолчала, когда Аборс заткнул ей рот. Человек с густыми бровями, он был одним из тех, кто перешел к Таиму добровольно, до начала

обращений.

Андрол, по прежнему путаясь мыслями, попробовал освободить руки. Веревки были завязаны более туго. Понятно. Эвин проверил путы и затянул их.

Он чувствовал себя абсолютно беспомощным. Бесполезно. Он ненавидел это чувство. Если и было что-то, чему Андрол посвятил свою жизнь — это никогда не быть бесполезным. Всегда знать что-нибудь о ситуации.

— Обратите её следующей, — раздался голос Таима.

Андрол вывернулся, вытягивая шею. Таим сидел за столом. Он любил там быть для Обращений, но

он не смотрел на Тувин. Он ласкал что-то в руках. Что-то вроде диска...

Он внезапно встал, пряча предмет в сумке на поясе.

— Остальные жалуются на усталость от большого количества обращений. Хорошо, если они обратят эту, она сможет присоединится к ним и добавить свою силу. Мишраэль, ты пойдешь со мной. На время.

Мишраэль и некоторые другие присоединились к Таиму; они остановились там, где Андрол не мог их видеть.

Таим подошел к двери.

— Я хочу, чтобы женщина была обращена к тому времени, как я

вернись — сказал он.

Лан скакал через скалистую землю, ведущая к Ущелью, что казалось происходило в сотый раз, хотя он сражался здесь меньше чем неделю.

Принц Кайсель и Король Изар остановились около него, трудная скачка.

— Что это, Дай Шан? — закричал Кайсель, — Ещё одно нападение? Я не видел чрезвычайный сигнал!

Лан мрачно наклонился в сумерках, костры сделаны из туши и древесины, пылающие по обе стороны от него, когда он возглавил атаку в несколько сотен Малкири.

Сжигать трупы было трудно, но делали они это не из-за того, что нуждаются в свете, они хотели, чтобы Троллокам не досталась еда.

Лан слышал что-то впереди, что-то, что ужаснуло его. Что-то, чего он боялся.

Взрывы.

Отдаленные извержения походили на грохот камней, борющиеся против друг друга. Каждый заставил воздух дрожать.

— Свет! — Королева Этиниелла из Кандора присоединилась к ним, скача на своём белом мерине. Она завопила ему, — Это то, что я думаю?

Лан кивнул. Вражеские

направляющие.

Этиниелла обратилась назад к своей свите, что-то крича, что он не уловил. Она была пухлой женщиной, несколько пышной для Порубежья. Ее свита включала лорда Болдэра, ее Меченосца и седого Кэльяна Рамсина, ее нового мужа.

Они приблизились к Ущелью, где воины боролись, чтобы сдержать тварей. Группа Кандорских всадников около костров на передней линии была внезапно брошена в воздух.

Лорд Мандрагоран! — человек в черном камзоле махал рукой. Нарिशма со своей Айз Седай спешил к нему. Кто-то один из

направляющих всегда был на передней линии, но Лан приказал им в схватку не лезть., Случись что-то непредвиденное, и они потребуются ему со свежими силами.

Вот как сейчас

— Направляют? — спросил Лан, замедляя Мандарба.

— Повелители Ужаса, Дай Шан — задыхаясь выпалил Наришма. — Около двух десятков.

— И направляющих штук двадцать, или больше. — добавил Агельмар. — Они пройдут через нас, как нож сквозь масло.

Лан смотрел на рубленый пейзаж, бывший когда-то его родиной. Родиной, которой он

никогда не знал.

Он должен был отказаться от Малкир. Признавая это чувствовал, как нож скручивается внутри него, но он сделает это.

— У вас есть план отступление, лорд Агельмар, — сказал Лан, — Наришма, можете ли вы, направляющие, сделать что-нибудь?

— Мы можем попытаться отрезать их, плетениями из воздуха, если подойдём достаточно близко, — ответил Наришма, — Но это будет трудно, даже невозможно, они используют потоки Огня и Земли. Кроме того, с таким количеством на их стороне... что ж, они будут нацелены на нас. Я боюсь, что мы

можем быть укрощены...

От близкого взрыва дрогнула земля, и Мандарб взвился на дыбы, едва не сбросив седока на землю. Лан, почти ослепнув от вспышки, пытался успокоить коня.

— Дай Шан! — голос Нарिशмы.

Лан сморгнул слезы, наворачнувшие на глаза.

— Иди к королеве Илэйн! — Закричал Лан. — Верни направляющих, пусть прикроют отступление!. Иначе нас на ленточки порвут. Давай, парень!

Адгельмар кричал об отступлении, лучники выдвигались вперёд, чтобы перекрыть направляющим и уйти на безопасное

место. Лан достал свой меч из ножен, скача, чтобы вернуть всадников.

Свет защищает нас, подумал Лан, пронзительно крича и спасая то, что мог своей конницы. Ущелье было потеряно.

Илэйн нервно ждала в Браймском Лесу.

Это был старый лес; в таких лесах кажется, что у них есть собственная душа. А вековые деревья — скрюченные пальцы, взметнувшиеся из земли в попытке почувствовать ветер.

Было трудно не чувствовать себя крошечной и незначительной в таком лесу как Браймском. Хотя многие

деревья были без листвы, Илэйн могла ощущать тысячи глаз, взирающих на неё из глубины леса. Она поймала себя на мысли об историях, которые слышала ещё ребёнком, историях о том, что Лес полон разбойников — одни из них говорили о хороших разбойниках, а другие о таких, чьи сердца были скручены подобно сердцам Друзей Темного.

На самом деле. Илэйн подумала, вспомнив одну из историй. Она повернулась к Бергитте.

— Разве не ты однажды возглавляла разбойников из этого леса?

Бергитте поморщилась.

— Я надеялась, что ты не слышала этой истории.

— Ты ограбила королеву Альдешара! — сказала Илэйн.

— Я была очень вежливой при этом, — сказала Бергитте. — Она не была хорошей королевой. Многие утверждали, что она не была законной.

— Важен принцип!

— Вот поэтому я это и сделала, — Бергитте нахмурилась — По крайней мере... я думаю, что это так..

Илэйн не стала продолжать тему дальше. Бергитте всегда становилась беспокойной, когда ей напоминали, что ее воспоминания о прошлых

жизнях таяли. Время от времени у нее не было воспоминаний о прошлых жизнях вообще; в других случаях определенные моменты вспоминались, нахлынув на нее, только чтобы исчезнуть в следующий момент.

Илэйн возглавляла арьергард, который будет — в теории — наносить большую часть урона врагу.

Сухие листья захрустели, когда прибыл обветренный посыльный с площадки для Перемещений.

— Я из Кеймлина, Ваше Величество, — сказала женщина с луком, подпрыгивающим на месте ее крепления. — Лорд Айбара успешно отвлек Троллоков. Они находятся в

пути.

— Свет, они схватили наживку, — сказала Илэйн, — Сейчас мы должны завершить нашу подготовку. Отдохни, скоро тебе понадобятся все силы. — Посланник кивнул, и ускакал галопом прочь... Илэйн передала последние новости Талманесу, Айильцам и Тэму ал'Тору.

Как Илэйн услышала что-то в лесу, она подняла руку, останавливая отчет женщины-гвардейца. Лунная тень танцевала впереди, беспокоя мужчин, которые присели в подлеске вокруг Илэйн. Все молчали. Солдаты, казалось, только едва дышали.

Илэйн обняла Источник. Сила переполнила ее, а вместе с ней

расширилось восприятие мира. Умиравшее дерево казалось более красочным в объятиях саидар. Да. Ее солдаты, тысячи их, понуждая кнутами изможденных лошадей, быстро приближались к Лесу. Илэйн подняла подзорную трубу, чтобы разглядеть извивающиеся массы преследующих Троллоков, подобных черным наводнениям волн на уже затененную землю.

— Наконец-то, — воскликнула Илэйн, — Лучники, вперед!

Двуреченцы выбрались из леса перед ней, сформировавшись внутри линии деревьев. Они были одной из самых маленьких сил в ее армии, но

если отчеты об их доблести были не преувеличением, то они были в три раза эффективнее обычных.

Несколько молодых начали накладывать стрелы на тетиву.

— Стой! — закричала Илэйн. — Там же наши люди, отступающие к нам.

Тэм и его командиры повторили приказ. Мужчины нервничая опустили луки.

— Ваше Величество, — сказал Тэм, подходя к ее лошади. — Парни могут поразить их на таком расстоянии.

— Наши солдаты все еще слишком близко, — сказала Илэйн. — Мы должны подождать их,

чтобы разобрать стороны.

— Прошу прощения, миледи, — сказал Тэм. — Но ни один двуреченский мужчина не пропустил бы выстрел как этот. Те наездники в безопасности и у Троллоков есть собственные луки.

Он был прав по той последней прикидке. Некоторые Троллоки делали паузу в их преследовании достаточно надолго, чтобы натянуть свои массивные луки из черного дерева. Спины Перринских воинов рисковали получить больше, чем несколько темно-оперенных стрел, выступающих от их конечностей или их лошадей.

— Стреляйте, — крикнула

Илэйн. — Лучники, стреляйте!

Бергитте передала приказ по линии. Тэм рявкнул приказ тем, кто стоял рядом.

Илэйн опустила подзорную трубу, как ветерок в лесу, треск сухих листьев, гремя скелетных ветвей. Двуреченцы стреляли. Свет! Неужели они действительно могут стрелять, так далеко и точно? Троллоки были в сотнях шагов.

Стрелы взлетали высоко, как ястребы бросившиеся из гнезда. Она слышала как Ранд хвастался своим луком и она как-то видела применение двуреченского длинного лука. Но это ... так много стрел поднялись в воздух с невероятной

точностью.

Стрелы летели по дуге и падали, и ни одно падение не было слишком близким. Они дождем падали на ряды Троллоков, особенно на их лучников. Прилетели несколько беспорядочных Троллочьих стрел, но двуреченцы уже легко разбили их порядки.

— Какая прекрасная стрельба из луков, — сказала Бергитте, прискакав обратно, — Прекрасно на самом деле. — Двуреченцы сделали еще несколько быстрых залпов до того, как всадники Перрина вошли в лес.

— Арбалетчики! — приказала Илэйн, обнажая свой меч и высоко

вздымая его перед собой, — Вперед, Легион Дракона!

Двуреченские мужчины отступили в деревья, и вперёд вышли арбалетчики. У нее было два полных знамени Легиона Дракона, Башир хорошо их натренировал. Они сформировали три ряда, одна линия за другой, чтобы выстрелить в то время, как другие перезаряжаются, становясь на колени. Смерть, которую они послали на троллоков, была как грохот волн, вселяя дрожь в продвигающуюся армию, тысячи падали мертвыми.

Илэйн направила свой меч на Троллоков. Двуреченцы забрались на ветви первой линии деревьев и

выпускали стрелы оттуда. С неустойчивой поверхности мужчины стреляли не так точно, но это им и не требовалось. Смерть настигала Троллоков спереди и сверху, и существа стали спотыкаться о своих мертвых.

"Продвиньтесь..." Подумала Илэйн.

Троллоки продвинулись, пробиваясь к стрельцам. Большая часть троллоков оторвалась от продвижения и двинулись на восток. Тракт, который граничил с Браймским лесом, был тем путем, который будет иметь смысл захватить троллокам, затем нажать на них, чтобы окружить силы Илэйн. Так

могли подумать и Исчезающие.

— Отступите в Лес! — кричала Илэйн, размахивая мечом, — Поспешите!

Каждый арбалетчик выпустил еще по одному болту, затем исчезли в лесу, проталкиваясь в подлесок. Двуреченские мужчины спрыгнули на землю, затем стали тщательно перемещаться через деревья. Илэйн повернулась и поехала в осторожном беге. Недалеко в лесу, она достигла знамени Гэалданцев Аллиандре, стоящего рядами с пиками и алебардами.

— Обязательно отступите, как только они нападут, — кричала им Илэйн, — Мы хотим затянуть их

глубже! — глубже в лес, где
сисвай'аман ждал их прибытия.

Солдаты кивнули. Илэйн
подъехала к Аллиандре, сидячей на
своей лошади с небольшой охраной
окружающей ее. Темноволосая
королева сделала реверанс верхом
Илэйн. Ее мужчины хотели, чтобы их
королева присоединилась к Берелейн
в Майенской больнице, но
Аллиандре отказалась. Возможно,
видя, что Илэйн использует её
войска непосредственно, поощрило
решение женщины.

Илэйн оставила их, поскольку
первые троллоки вошли в лес, ворча
и вопя. Им было бы тяжело бороться
в лесу. Люди могли использовать

подлесок далеко эффективнее, заманивая в засаду огромных троллоков, несущихся через лес, пронзая и зажимая в тиски их сзади. Мобильные силы лучников и арбалетчиков могли стрелять из укрытия — если бы они сделали это правильно, то троллоки даже не знали бы, из какой стороны прибывают стрелы.

Поскольку Илэйн привела Охрану Королевы к тракту, она слышала отдаленные взрывы и крики троллоков. Пращники бросали цилиндры Алудры, взрывая троллоков из-за деревьев. Вспышки света отражались от тусклых стволов деревьев.

Илэйн достигла тракта как раз вовремя, чтобы увидеть троллоков во главе с несколькими Мурдраалами в плащах чёрного цвета, которые переливались при передвижении. Они могли быстро отбросить силы Илэйн — но Отряд Красной Руки уже настроил драконов на дороге. Талманес стоял, заложив руки за спину, на груде ящиков, осматривая свои войска. Знамя Красной Руки колебалось позади него, проклятая рука, отпечатанная на красном поле окаймленное белым, с Алудрой, кричащей измерения, напоминая инструкции и случайные проклятия в дракониров, которые делали ошибки или перемещались слишком

медленно.

Перед Талманесом было размещено примерно с сотню драконов, которые растянули поперёк дороги в четыре шеренги, задействовав окружающие это место поля. Илэйн находилась слишком далеко, чтобы услышать, как Талманес отдаёт приказ открыть огонь. Видимо, это было хорошо, потому что гром, который затем последовал, сотряс её так, будто сама Драконова Гора решила извергнуться. Лунная Тень встрепелась, заржала, и Илэйн пришлось бороться с животным, чтобы удержаться в седле. В конце концов, она заткнула уши лошади

потоками Воздуха, в то время, как дракониры выкатили их оружие на позицию и открыли огонь со второй линии.

Илэйн заткнула себе уши тем же способом, которым успокоила Лунную Тень. Бергитте продолжала бороться со своей охваченной ужасом верховой лошадью, в конечном счете вылетев из седла, но Илэйн практически не обратила на это внимания. Она всматривалась в дым, который застелил весь тракт. Третья шеренга драконов выходила на линию огня.

Несмотря на то, что её уши были закупорены, она почувствовала ударную волну, сотрясшую землю и

встряхнувшую деревья. За ней последовала ещё одна волна, пробравшая Илэйн до костей. Она глубоко вздохнула, чтобы замедлить биение сердца, в ожидании пока дым рассеется.

Первое, что она увидела — это был стоящий прямо Талманес. Первая шеренга драконов откатилась назад для перезарядки. Остальные три уже торопливо перезаряжались, затапливая внутрь порох и большие металлические сферы.

Сильный порыв ветра с запада достаточно очистил воздух от дыма, чтобы она могла увидеть... у Илэйн перехватило дыхание.

Тысячи троллоков превратились

в тлеющие ошмётки, многие из которых разлетелись в разные стороны от дороги. Руки, ноги, пряди грубых волос, кусками разбросанные посреди дыр в земле шириной в два шага. Там, где раньше были тысячи троллоков, теперь только кровь, переломанные кости и дым. Множество деревьев было разнесено в щепки. От Мурдраалов, которые были в первых рядах, не осталось и следа.

Дракониры опустили свои факелы, не поджигая из перезаряженные орудия. Где-то позади несколько выживших троллоков продирались в лес.

Илэйн посмотрела на Бергитте и

усмехнулась. Страж торжественно наблюдала, как женщины-гвардейцы искали ее коня.

— Ну как? — спросила Илэйн, открывая свои уши.

— Я думаю... — сказала Бергитте, — Это грязные вещи. И неточные. Но чертовски эффективные.

— Да, — гордо сказала Илэйн.

Бергитте покачала головой. Ей вернули ее коня Флера, и она снова водрузилась на него.

— Раньше я думала, что человек с луком самая опасная комбинация, которую эта земля когда-либо будет знать, Илэйн. Теперь — думаю это не настолько опасно, когда мужчины

открыто направляют или Шончан используют направляющих в бою — мы имеем эти вещи. Мне не нравится путь, которым все это движется. Если какой-нибудь мальчик с металлической трубой может уничтожить всю армию...

— Разве ты не видишь? — спросила Илэйн, — Больше не будет войн. Мы выиграем эту войну, и будет предначертанный Рандом мир. Никто, даже Троллоки, не стали бы вступать в сражение, зная, что столкнуться с таким оружием!

— Возможно, — сказала Бергитте, покачивая головой. — Наверное я меньше верю в мудрость людей, чем ты.

Илэйн, фыркнув, вскинула свой меч, Талманес ответил ей тем же. Первый шаг на пути уничтожения этой армии троллоков был сделан.

Глава 11

Просто еще один наемник

— Я понимаю..., что в прошлом между нами были разногласия — сказала Аделорна Бэстайн, проезжая на лошади рядом с Эгвейн, пока они следовали через лагерь. Аделорна была стройной, властной женщиной, раскосые глаза и темные волосы которой, выдавали в ней уроженку Салдэйи — Я не хочу чтобы Вы считали нас врагами.

— Я не считала — осторожно

сказала Эгвейн — и не считаю.

Она не спросила, что имела в виду Аделорна, когда сказала "нами". Она была Зеленой, и Эгвейн подозревала, что она являлась Капитан-Генералом, именно так Зеленые называли главу их Айя.

— Это хорошо — сказала Аделорна — Действия некоторых из нашей Айя иначе, как глупостью, не назовешь. Им... указали на их ошибки. Более Вам не будут мешать те, кто недолюбливал Вас, Мать. Так что, чтобы не произошло, давайте забудем об этом.

— Давайте забудем — согласилась Эгвейн, удивившись.

Теперь — подумала она —

после всего этого, Зеленые признают меня?

Что ж, она могла рассчитывать на них. Ее беспокоило, что ее отношения с ними окончательно испорчены. Выбрав Сильвианну Хранительницей она нажила себе много врагов. Ходили слухи, что Эгвейн выбрала Красную Айя, несмотря на то, что у нее был Страж за которого она вышла замуж.

— Если я могу спросить — сказала Эгвейн — что произошло между нами..., каким образом мы преодолели все трудности?

— Многие осознают, что Вы сделали во время атаки шончан, Мать

— сказала Аделорна — Вы показали, что у Вас есть дух воина. Командующего. Это то, на что Зеленая Айя не может не обращать внимания. По сути мы должны стремиться к этому. Так это было решено, и так сказала та, кто возглавляет Айя говорила — Аделорна посмотрела в глаза Эгвейн, потом опустила голову.

Смысл был очевидным. Аделорна была главой Зеленой Айя. Она не могла откровенно признать свои ошибки, но Эгвейн заслужила доверие и уважение, и должна знать об этом.

— Если бы Вы были на самом деле Возвышены из нас, как это

обычно происходит, Вы бы знали, кто возглавляет нас. Вам были бы известны наши тайны. Я отдаю их вам. — Это было также выражением благодарности. Эгвейн спасла жизнь Аделорне во время нападения Шончан на Белую Башню.

Амерлин не принадлежала ни к одной Айя — и Эгвейн определенно выражала это положение более, чем кто-либо до нее, поскольку она никогда не принадлежала ни к одной Айя. Однако, этот жест был трогателен. Она оперлась своей рукой на руку Аделорны в знак благодарности, затем отпустила ее.

Гавин, Сильвиана и Лельвин отъехали в сторону, отосланные

Эгвейн после того, как Аделорна попросила переговорить наедине. Эта Шончан... Эгвейн колебалась между необходимостью держать её возле себя для наблюдения и желанием убрать её подальше, как можно дальше.

Информация Лельвин о Шончан была полезна. Насколько она могла определить, Лельвин сказал ей чистую правду. Пока, Эгвейн скрыла ее — только потому, что она часто думала о большем количестве вопросов о Шончан. Лельвин вела себя больше как телохранитель, нежели заключенный. Как будто Эгвейн доверила бы свою безопасность одному из Шончан.

Она покачала головой, проезжая среди собранных армейских палаток и походных костров. Большинство из них были пусты, поскольку Брин отправил мужчин на линию фронта. Он ожидал подхода троллоков в течение часа.

Эгвейн нашла Брина спокойно упорядочивающего свои карты и документы в палатке в центре лагеря. Юкири стояла там, скрестив руки на груди. Эгвейн спешила и вошла.

Брин резко поднял голову. — Мать! — воскликнул он, заставив ее замереть на месте.

Она посмотрела вниз. Там была дыра в полу палатки, и она чуть не наступила туда.

Это были врата. Другая сторона, казалось, открывалась в сам воздух, открывая вид на армию Троллоков, которая пересекала холмы. С последней неделей было связано множество перестрелок лучников и всадников Эгвейн, убивающих Троллоков, силы которых шли в сторону холмов и границы Арафела.

Эгвейн всмотрелась в эти врата на полу. Они находились высоко, за пределами радиуса поражения лука, но взгляд на Троллоков внизу вызывал головокружение.

— Я не уверена, блестящая ли это идея, — сказала она Брину, — или невероятно безрассудная.

Брин улыбнулся, повернувшись к

своим картам. — Выигрывают войны информацией, Мать. Если я вижу то, что они делают, где пытаются окружить нас и как они вводят резервы — я могу подготовиться. Это лучше, чем боевая башня. Я должен был подумать об этом давным-давно.

— Тень имеет Повелителей ужаса, которые могут направлять, генерал, — произнесла Эгвейн. — Заглядывая через эти ворота вы можете быть сожжены дотла. Не говоря уж о Драгкарах.

— Драгкары — порождения Тени, и если их стая попытается пролететь через это, — сказал Брин. — Мне сказали, что они умрут, проходя через ворота.

— Я думаю, что это правда, — сказала Эгвейн, — но тут будет скопление мертвых Драгкаров. Тем не менее, направляющие все еще могут напасть через них.

— Я рискну. Предлагаемое преимущество невероятно.

— Я бы все же предпочла, чтобы вы использовали разведчиков, чтобы наблюдать через врата, — сказала Эгвейн, — наблюдайте не вашими собственными глазами. Вы ресурс. Один из наших самых ценных. Риски неизбежны, но пожалуйста соблюдайте осторожность, чтобы свести их к минимуму.

— Да, Мать, — сказал он.

Она осмотрела плетение, затем

взглянула на Юкири.

— Я добровольно вызвалась, Мать, — сказал Юкири прежде, чем Эгвейн смогла спросить, почему Восседающая в конечном итоге делает простую обязанность открытия Врат. — Он послал к нам, спрашивая, возможно ли сформировать врата как эти — горизонтальные вместо вертикальных. Я подумала, что это интересная задача.

Она не была удивлена, что он обратился к серым. Существовало растущее чувство между ними, по аналогии с желтыми, специализирующихся на плетениях исцеления и зелеными, которые

специализировались на боевых плетениях, к особому интересу к плетениям для Перемещений. Казалось, они считали путешествия частью своего призвания в качестве посредников и послов.

— Можешь ли ты показать мне наши собственные силы? — спросила Эгвейн

— Конечно, Мать — сказал Юкири, закрывая ворота. Она открыла другие, позволяя Эгвейн посмотреть сверху на линии фронта ее армии, когда та сформировала защитные построения на холмах.

Это было более эффективным, чем карты. Никакая карта не могла полностью передать рельеф земли и

направление по которому двинулись войска. Эгвейн чувствовала, как будто она смотрела на точную копию пейзажа в миниатюре.

Внезапно у нее закружилась голова. Она стояла на краю пропасти глубиной в сотни футов. Ее голова закружилась, и она отошла назад, глубоко дыша.

— Вы должны оградить это веревками, — сказала Эгвейн. — Кто-нибудь может оступиться, или, засмотревшись, сделать шаг вперед.

Брин проворчал.

— Я послал Суан за чем-то вроде этого — Он колебался. — Она не очень любит быть на посылках, так что, она может возвратиться с

чем-то абсолютно бесполезным.

— Я продолжаю задаваться вопросом — сказал Юкири. — Разве нет возможности создать врата как эти, но сделать их так, чтобы они могли пропускать только свет? Как окно. Вы могли стоять на них и смотреть вниз, не боясь, что Вы можете упасть через них. С правильным плетением, Вы могли бы сделать их невидимыми с другой стороны...

— Стоять на вратах? Свет. Ты должно быть сошла с ума. -

— Лорд Брин — сказала Эгвейн
— Ваши линии фронта кажутся очень надежными -

— Спасибо, Мать -

— Их все же недостаточно -

Брин поднял голову. Другие мужчины, возможно, приняли вызов, но не он. Возможно, это было следствие работы с Моргейз.

— Так что?

— Вы формируете войска, как обычно — заметила Эгвейн. — Лучники на фронте и на холмах, чтобы замедлить продвижение врага, тяжелая кавалерия, для дополнения и совершения нападений с последующим отступлением. Пехота, чтобы держать линию, легкая кавалерия, чтобы защитить наши фланги и воспрепятствовать окружению -

— Наилучшими стратегиями боя

зачастую являются те, которые проверены временем, — сказал Брин, — Мы можем иметь большую силу, со всеми этими Драконами, но мы все еще в меньшинстве. Мы не можем быть более агрессивными, чем я был здесь.

— Нет, вы можете, — сказала Эгвейн спокойно. Она встретила с ним взглядом, — Это не похоже на любое сражение в каком вы участвовали, и ваша армия не похожа ни на одну из тех, что вы когда-либо вели, генерал. У вас есть большое преимущество, какое вы не учитываете.

— Вы имеете в виду Айз Седай?
Чертовски верно, я это имею в

виду, подумала она. Свет, она проводила слишком много времени вокруг Илэйн.

— Я делал расчеты для вас, Мать, — сказал Брин. — Я планировал Айз Седай держать в резерве для помощи в замене войск, чтобы обеспечить приток свежих сил.

— Простите, Лорд Брин, — сказала Эгвейн, — Ваши планы мудры, и, конечно, некоторые из Айз Седай должны использоваться таким образом. Тем не менее, Белая башня не готовила и не обучала в течение тысяч лет, чтобы они просидели Последнюю битву, как резервные силы.

Брин кивнул, вытягивая новый комплект документов из-под кучи.

— Я считаю немного иначе, но я не хочу превышать свои полномочия, — Он передал ей документы.

Эгвейн осмотрела их, подняв бровь. Потом улыбнулась.

Мэт не мог припомнить, чтобы возле Эбу Дар собиралось сразу столько Лудильщиков. На враз показавшемся блеклым поле, словно яркие грибы, выросли разноцветные фургоны — их было столько, что хватило бы основать собственный треклятый город. Город Лудильщиков? Да это все равно что... что город Айил. Как ни крути,

одинаково неправильно

Типун Мэта трусил по дороге. Разумеется, собственный город у Айил был. Может, и у Лудильщиков когда-нибудь появится свой. Уж тогда-то они скупят всю краску на свете, и остальным придется довольствоваться скучной коричневой одеждой. В этом городе не будет драк, что до противного скучно — зато на тридцать миль вокруг не останется ни единой дырявой кастрюли.

Мэт улыбнулся и потрепал Типуна по холке. К боку лошади был приторочен завернутый в ткань ашандарей, который он как мог постарался замаскировать под

дорожный посох. Шляпа Мэта вместе со всеми его приличными кафтанами ехала в одном из свертков, навьюченных поверх седельных сумок. С того, что был надет на нём, пришлось спороть все кружева, но Мэт не хотел, чтобы его узнали

Вокруг головы, скрывая потерянный глаз, была намотана грубая повязка. Подъехав к воротам Дал Эйра, Мэт пристроился в конец очереди, ждавшей разрешения на вход в город. Ему нужно выглядеть обычным раненым наемником, желающим найти в городе приют или подходящую работу

Он нарочно сгорбился в седле.

Не отсвечивать — хороший совет как на поле боя, так и в том случае, если нужно проникнуть в город, где тебя знают в лицо. Тут не следует называться Мэтримом Коутоном, поскольку упомянутый Мэтрим Коутон оставил здешнюю королеву связанной на верную смерть. Многие должны подозревать его в этом убийстве. Свет! Да, на их месте он первый начал бы себя подозревать! Беслан, конечно же, его ненавидит, и как теперь относится к нему Туон — не угадаешь, особенно спустя столько времени, проведенного врозь

Да уж, лучше не отсвечивать и держаться тише воды. Он поразнюхает, что и как в этом месте.

Если только ему удастся добраться до начала этой проклятой очереди. Кто вообще слышал об очереди на вход в город?

Но вот, наконец, он добрался до ворот. Лицо скучающего часового напоминало старую лопату — такую замызганную, что ее лучше было бы спрятать в чулан. Солдат оглядел Мэта с головы до пят.

— Принес ли ты клятвы, путник? — спросил он с тягучим шончанским

акцентом. У другого края ворот второй солдат сделал следующему в очереди знак пройти вперёд.

— Да, конечно, — ответил Мэт. — Я клялся великой

Шончанской Империи и лично Императрице, да живет она вечно. Я всего лишь бедный скиталец-наемник. Когда-то я служил знатному мурандийскому дому Хаак. Два года назад в Юном лесу, в схватке с какими-то бандитами, защищая найденное в чаще дитя, я потерял глаз. Я воспитывал ее как родную дочь, но...

Солдат отмахнулся от него. Похоже, он вообще не слушал. Мэт задумался, не остаться ли из принципа. Зачем заставлять людей ждать в такой длинной очереди, давая им время придумать легенду, а потом даже не выслушать? Ведь так человека и обидеть можно. Конечно,

не Мэтрима Коутона, такого отходчивого и добродушного, а кого-нибудь другого — наверняка

Сдерживая возмущение, он въехал в город. Теперь оставалось только найти подходящую таверну. Жаль, но таверна Сеталль уже не подойдет. Там...

Мэт застыл в седле, хотя Типун продолжил неспешно топать вперед. Улучив момент, Мэт взглянул на второго стражника у ворот. Это же Петра! Силач из цирка Валана Люка!

Мэт отвернулся, сгорбился в седле и вновь глянул через плечо. Точно, Петра. Никакой ошибки — эти похожие на брёвна руки и шею, как пень, ни с чем не перепутаешь.

Петра не был высоким, зато был таким широким, что в его тени можно было укрыть целую армию. Что он снова делает здесь, в Эбу Дар? И почему на нем шончанская форма? Мэт уж было собрался вернуться и порасспросить бывшего приятеля, но вид шончанской формы заставил его передумать.

Ладно, хоть удача его не оставила. Наткнись Мэт на Петру в воротах, тот бы его наверняка признал. Юноша облегченно вздохнул, спешил и взял Типуна под уздцы. Улицы города были переполнены, и Мэту не хотелось, чтобы лошадь кого-нибудь сбила с ног. К тому же Типун был так

нагружен, что — на взгляд кого-то не сведущего в лошадях — больше походил на вьючную лошадь, да и пешим Мэт будет не так приметен.

Возможно, сперва стоило поискать таверну в Рахаде. Там всегда было легче и сплетни разузнать, и игроков в кости найти. Правда, с той же легкостью можно было заработать и нож в брюхо, а это кое-что значило даже в Эбу Дар. В Рахаде с равной легкостью хватались за ножи и говорили друг другу «здрасьте» по утрам

В Рахад Мэт не пошел. Район изменился. Вокруг стояли лагерем солдаты. Многие поколения правителей Эбу

Дар позволяли Рахад у гнить себе на здоровье, но Шончан не собирались этому попустительствовать.

Мэт пожелал им удачи. До сих пор Рахад отбивал все посягательства. Свет, лучше б Ранд спрятался там, а не отправился на Последнюю Битву. И пусть все троллоки с Приспешниками Тени его там ищут. Рахад оставит их валяться в каком-нибудь переулке без сознания с вывернутыми карманами и без сапог, что будут проданы тут же за пару грошей

Юноша протолкался через толпу, запрудившую мост через один из каналов, не забывая приглядывать

за своим барахлом, но пока ни один карманник на него не позарился. Учитывая шончанские патрули на каждом углу, понятно почему. Проходя мимо глашатая, выкрикивавшего свежие новости с намеком на пачку интересных сплетен за пару монет, Мэт почувствовал, что улыбается. Удивительно, насколько знакомо и даже уютно воспринимался город. Мэту здесь нравилось. И хотя он смутно припоминал, что когда-то бурчал о том, как ему хочется куда-нибудь убраться отсюда — наверное, это было сразу после того, как на него стена свалилась, потому что Мэтрим Коутон вовсе не брюзга —

он понял, что проведённое в Эбу Дар время было одним из лучших моментов в его жизни. Тогда у него было много приятелей в Рахаде, с которыми можно было перекинуться в карты или сделать бросок-другой в кости.

Тайлин. Проклятый пепел! Вот где был настоящий игровой азарт. Она раз за разом брала над ним верх. Свет с избытком ниспослал ему способных на подобное женщин — хорошо, что не всех подряд — и всякий раз он знал, где запасной выход, чтобы ускользнуть. Туон как раз из таких. Если хорошенько подумать, то других ему больше и не надо. Проблем с ней одной с лихвой

хватит любому мужчине. Мэт снова улыбнулся и потрепал Типуна по холке, и конь в ответ фыркнул ему в шею.

Удивительно, но это место ему казалось роднее, чем Двуречье. Верно, Эбу Дар — горячее местечко, но у всех свои причуды. Раз уж на то пошло, Мэт ни разу еще не встречал кого-то совсем без причуд. Порубежники, как и Айил, непостижимы — это даже не обсуждается. У кайриэнцев — их странные игры, у уроженцев Тира — их смешные представления о том, кто главнее, а у Шончан — их... шончанство

Правда в том, что за пределами

Дву­речья и — в мень­шей степе­ни — Ан­дора все были рас­трек­ляты­ми су­мас­шед­ши­ми. Нуж­но про­сто быть к это­му го­то­вым

Мэт про­дол­жил свой путь, ста­раясь быть как мож­но веж­ли­вее, что­бы не по­лу­чить нож в пу­зо. Во­круг но­си­лась сот­ня слад­ких аро­ма­тов, а раз­го­во­ры в тол­пе от­да­ва­лись в ушах низ­ким гу­лом. Эбу­дар­цы по-преж­не­му но­си­ли свои цве­та­стые на­ря­ды — воз­мож­но, имен­но по­это­му Лу­ди­ль­щи­ки и при­шли сю­да, сле­те­в­шись на яр­кие цве­та, как сол­да­ты на ж­рат­ву. Но, не­смот­ря на то, что эбу­дар­ки но­си­ли пла­тья с ту­го за­тя­ну­ты­ми кор­са­жа­ми, вы­год­но под­чер­ки­ва­ю­щи­ми грудь,

Мэт даже не глядел в их сторону. Женщины подкалывали передний или боковой край подола, демонстрируя всему миру разноцветные нижние юбки. Мэт не видел в этом смысла. Зачем надевать цветную часть вниз? Ну, а раз уж надели так, то к чему такие сложности: сперва натягивать что-то поверх, а потом переворачивать всё с ног на голову, подкалывая верхнюю одежду, чтобы показать то, что надето внизу?

Наряд мужчин состоял из длинного жилета — такого же цветастого, возможно для того, чтобы скрыть пятна крови, если кого-то пырнут ножом. Нет смысла

выбрасывать хороший жилет, если предыдущего его владельца убили за то, что не к месту поинтересовался погодой. Хотя... прогулявшись по городу, Мэт заметил меньше дуэлей, чем ожидал увидеть. Здесь и раньше их было меньше, чем в Рахаде, но прежде он и шагу не мог ступить, чтобы не наткнуться на пару бойцов с ножами наголо. Сегодня он ещё их не встречал.

Некоторые эбударцы, а их всегда можно было отличить по оливковому цвету кожи, щеголяли в шончанской одежде. И все были очень вежливы, словно шестилетний мальчишка, проведавший о том, что у вас на кухне испекся яблочный пирог.

Город был тем же самым и одновременно другим. Разница была в паре-другой нюансов. И дело было не только в том, что в гавани более не было кораблей Морского Народа. Дело было в Шончан. С момента бегства Мэта они установили свои правила. Какие именно?

Мэт оставил Типуна в конюшне, которая показалась ему достаточно респектабельной. Одного взгляда на находившихся там животных хватило, чтобы понять это: за ними хорошо ухаживали, да и сами лошади были отличные. Уж лучше доверить коня конюшне, в которой содержатся хорошие лошади, хоть это и выйдет дороже.

Он оставил Типуна и подхватил узел с вещами, воспользовавшись замаскированным ашандареем как посохом. Выбрать подходящую таверну не проще, чем доброе вино. Нужна старая, но не развалина, чистая, но не слишком: идеально чистая таверна — это та, в которой никогда не бывает много посетителей. Мэт терпеть не мог заведения, в которых тихо-мирно посиживают за чашкой чая главным образом для того, чтобы себя показать.

Нет, правильная таверна должна быть обшарпанной и подержанной, словно добрые сапоги. А еще, словно те же добрые сапоги, она должна

быть крепкой. И если подаваемый в ней эль на вкус не похож на те же сапоги, то выбор верен. Лучшие местечки для выуживания информации остались в Рахаде, но его одежда была слишком приличной, чтобы туда соваться. Кроме того, ему не хотелось вляпаться в то, что там затевают Шончан.

Мэт заглянул в один подходящий трактир под названием «Зимний цветок», но немедленно выскочил оттуда и зашагал прочь. Внутри сидели солдаты в форме Стражей Последнего Часа. Ему вовсе не хотелось столкнуться с Фуриком Каридом, даже если шанс на это был

мизерный. Следующий трактир был слишком ярко освещён, а другой слишком тёмным. Примерно через час поисков — в течение которого он не видел ни одной дуэли — когда он почти отчаялся найти подходящее место, он вдруг услышал звук гремящих в стаканчике игральные кости.

Сперва он подпрыгнул от неожиданности, решив, что это вновь покатались треклятые игральные кости в его голове. Но к счастью, эти были обыкновенные кости. Прекрасные, благословенные игральные кости. Звук исчез через мгновение, подхваченный ветром, и растворился в уличной сутолоке. С

зажатым в руке кошельком, с узлом на плече, Мэт, бормоча извинения, протолкался сквозь толпу. В ближайшем переулке он заметил на стене вывеску.

Мэт шагнул ближе. На вывеске красовались медные буквы «Ежегодная потасовка» и рисунок хлопающих в ладоши людей. Изнутри доносился стук игральных костей и смесь запахов вина и эля. Мэт вошел в двери. Сразу за порогом, непринужденно прислонившись к стене, стоял круглолицый шончанин с мечом на поясе. Он с подозрением оглядел юношу. Что ж, Мэту ещё ни разу не встречался вышибала, смотревший на посетителей иначе.

Юноша потянулся было к шляпе, чтобы поприветствовать охранника, но, разумеется, ее не оказалось. Проклятый пепел. Порой без шляпы он чувствовал себя голым

— Джейм! — подала голос женщина из-за барной стойки. — Ты ведь не отпугиваешь моих клиентов своим свирепым взглядом, верно?

— Только тех, кто того заслуживает, Катана, — отозвался вышибала с шончанским акцентом. — Уверен, этот именно такой.

— Я просто скромный путник, — ответил Мэт, — который хочет сыграть в кости и выпить вина. Ничего больше. Мне не нужны

неприятности.

— Тогда зачем тебе алебарда? — спросил Джейме. — Да еще закутанная таким образом?

— Ох! Да, перестань же, — встряла женщина, Катана. Она прошла через зал и, взяв Мэта за рукав куртки, потащила его к бару. Хозяйка оказалась маленькой, темноволосой и белокожей женщиной не старше Мэта, но от нее отчетливо веяло материнской заботой. — Не обращай на него внимания. Просто води себя хорошо, и ему не придется тебя ни резать, ни убивать, ни делать чего-либо вроде этого

Она усадила Мэта на табурет и

принялась возиться за стойкой. В зале был приглушенный, но приятный свет. У одной из стен шла игра в кости, хорошая игра: все смеялись и дружески хлопали соседей по спинам в случае проигрыша. Не было ни одного отчаянного взгляда человека, поставившего на кон последнюю монету.

— Тебе следует поесть, — объявила Катана. — У тебя такой вид, будто ты неделю ничего толком не ел. Как ты потерял глаз?

— Я был наёмником у лорда в Муранди, — ответил Мэт, — Потерял его в засаде.

— Складно соврал, — отметила

Катана, со стуком поставив прямо перед ним полную тарелку мелко нарезанной свинины с подливой. — Получше прочих. И отвечал уверенно, я почти поверила. Джейм? Будешь есть?

— Мне нужно охранять дверь, — раздалось в ответ.

— Свет, мужчина! Ты, что, боишься, что кто-то её унесёт? Иди-ка сюда.

Джейм что-то проворчал, но подошёл и присел на табурет рядом с Мэтом

Катана поставила перед ним кружку эля, и тот, глядя прямо перед собой, поднес её к губам и тихо сказал Мэту:

— Я за тобой слежу.

Мэт не был уверен ни в том, что это подходящий трактир, ни в том, что сумеет смыться, сохранив голову на плечах, если не съест, как приказано, стряпню хозяйки. Он попробовал — на вкус весьма неплохо. Женщина ушла в зал и, грозя пальцем, что-то выговаривала одному из посетителей. Похоже, она из тех, кто готов читать нотации даже дереву за то, что выросло в неподобающем месте.

«Ее лучше не оставлять в одной комнате с Найтив, — решил Мэт. — По крайней мере до тех пор, пока я не убегу туда, где не будет слышно их криков».

Катана с шумом вернулась. На её шее висел свадебный кинжал, хотя Мэт, как женатый мужчина, не слишком-то пялился на него. Как и у любой эбударки, край её юбки был подколот сбоку по местной моде. Женщина вернулась к барной стойке и водрузила на стол тарелку с едой для Джейма. Заметив, с какой нежностью тот на неё смотрит, Мэт высказал свою догадку:

— Вы двое давно женаты?

Джейм покосился в его сторону.

— Нет, — наконец ответил он. — Я недавно по эту сторону океана.

— А, вот в чем дело, — сказал Мэт, отхлебнув эля из поставленной

перед ним кружки. Неплохой эль, учитывая, как ужасно на вкус было всё в последнее время. Этот эль был только чуточку дрянноватым.

Катана вышла в зал к играющим в кости и объявила, что им нужно еще поесть, так как у них бледный вид. Удивительно, как этот парень, Джейм, ещё не весит, как две лошади разом. Впрочем, хозяйка была разговорчивой, так что Мэт рассчитывал выудить из неё нужную информацию.

— Что-то непривычно маловато дуэлей, — заметил Мэт, когда женщина вернулась.

— Все из-за шончанского закона, — ответила Катана. —

Благодаря новой Императрице, да живет она вечно. Сами дуэли она не запрещала, и очень хорошо, что не стала. Эбударцы не станут бунтовать против такого пустяка, как оккупация, но если у нас отнять наши дуэли... тогда вы увидите нечто. Во всяком случае, теперь на дуэли обязан присутствовать государственный чиновник. Хочешь драться на дуэли — будь добр ответить на добрую сотню разных вопросов и уплатить налог. Всё это лишило дуэли жизни.

— Зато многим жизни спасло, — заметил Джейм. — В конце концов, если кто-то твердо решил умереть от чужого ножа, то он

может это сделать. Просто у них есть время подумать и остыть.

— Дуэли и раздумья не совместимы, — возмутилась Катана. — Но, похоже, теперь мне можно не волноваться, что твою симпатичную мордашку изуродуют в уличной потасовке.

Джейм фыркнул, опустив руку на меч. Тут только Мэт заметил, что его рукоять украшена цаплями, хотя, есть ли цапля на клинке, было непонятно. Но прежде чем Мэт успел задать следующий вопрос, женщина опять умчалась, ругая посетителей, разливших эль на стол. Похоже, она не могла долго усидеть на одном месте.

— Как там погода на севере? — спросил Джейм, не поворачивая головы.

— Пасмурно, — честно ответил Мэт. — Впрочем, как и везде.

— Люди говорят, грядёт Последняя Битва.

— Так и есть.

Джейм пробурчал:

— Раз так, то не находишь, что сейчас не самое подходящее время, чтобы вмешиваться в политику?

— Растреклято верно — неподходящее, — согласился Мэт. — Людям стоит перестать играть в свои игры и посмотреть на небо.

Джейм покосился на него:

— Истинно так. Тебе самому

следует прислушаться к собственным словам.

«Свет. Он должно быть решил, что я какой-нибудь шпион», — решил Мэт.

— Это не для меня, — ответил он. — Иногда люди слышат только то, что хотят услышать. — Он съел еще один неплохой кусочек мяса — как на вид, так и на вкус. В эти дни пытаться что-либо съесть все равно, что ходить на танцы с уродинами. Эта свинина, однако, была лучшим из всей гадости, что ему пришлось пробовать за последнее время.

— Умный человек способен понять истину, — возразил Джейм.

— Сперва нужно ее найти, —

ответил Мэт. — Это сложнее, чем кажется.

За спиной послышалось
фыркание пробегавшей мимо
Катаны:

— «Истина» — это такая штука,
о которой болтают мужчины в
забегаловках, когда они слишком
пьяны, чтобы вспомнить свои имена.
Так что истина — не самая хорошая
компания. Не стоит придавать ей
слишком много значения, путник.

— Мое имя Мандевин, —
подсказал Мэт.

— Уверена, так и есть, —
согласилась Катана и внимательно
его оглядела. — Тебе никто не
говорил, что тебе стоит носить

шляпу? Это помогло бы скрыть потерю глаза.

— Да неужто?.. Вы тут что, не только есть прохожих заставляете, но и советуете кому что носить? — сухо спросил Мэт.

Та в ответ шлепнула его по затылку тряпкой:

— Ешь давай.

— Послушай-ка, приятель, — сказал, поворачиваясь к Мэту, Джейм. — Я знаю, что ты такое и зачем ты здесь. Твоя фальшивая повязка на глазу меня не обманет. Если я не разучился считать, у тебя метательные ножи в рукавах и еще шесть штук на поясе. Никогда не встречал одноглазых, способных хоть

сколько-либо метко бросить нож. Она вовсе не такая уж простая мишень, как считаете вы, чужестранцы. Тебе никогда не удастся пробраться во дворец, не говоря уже о том, чтобы миновать её стражу. Лучше поищи себе нормальную, честную работу.

Мэт застыл с открытым ртом. «Значит, он решил, что я убийца?» Юноша поднял руку и снял повязку, показав пустую глазницу.

Джейм удивлённо уставился на его лицо.

— К Туон подсылают убийц? — спокойно спросил Мэт.

— Не используй это имя, — снова шлёпнув его тряпкой, заявила

Катана.

Мэт, не оглядываясь, перехватил ветошь за самый кончик. Он, не мигая, смотрел единственным глазом в глаза Джейму.

— Так к Туон подсылают убийц? — спокойно повторил он.

Джейм кивнул:

— В основном чужестранцев, которые ничего не смыслят в обычаях. Некоторые из них бывали в этом трактире. Только один признался, зачем он здесь. Я проследил, чтобы его кровь напоила высохшее дуэльное поле.

— Значит, мне следует считать тебя другом, — ответил Мэт, вставая. Он сунул руку в узел с вещами,

вытащил оттуда шляпу и натянул на голову. — Кто за этим стоит? Кто их нанимает и назначил награду за её голову?

Стоявшая рядом Катана оглядела шляпу и удовлетворенно кивнула. Затем, заколебавшись, прищурилась, глядя на его лицо.

— Это не то, что ты думаешь, — ответил Джейм. — Он не нанимает лучших. Они все чужеземцы, а значит, обречены на неудачу.

— Да мне плевать, каковы их треклятые шансы. Кто их нанимает? — спросил Мэт.

— Для тебя он слишком важная фигура, чтобы...

— Кто? — тихо переспросил

юноша.

— Генерал Лунал Галган, — ответил Джейм. — Командующий армией Шончан. Не пойму, кто ты, приятель. Убийца или охотник на убийц?

— Никакой я не треклятый убийца, — ответил Мэт, натягивая шляпу глубже и поднимая узелок с вещами. — Ни разу никого и пальцем не тронул, если только он сам не напрашивался — причем с криками и громоуханием на всю округу до тех пор, пока я не понимал, что отказать будет невежливо. И если я проткну тебя, приятель, ты точно будешь знать, что происходит и почему. Обещаю.

— Джейм, — прошептала Катана. — Это же он.

— Кто «он»? — спросил Джейм, когда Мэт прошел мимо, вскинув укутанный ашандарей на плечо.

— Да тот, кого обыскалась вся городская стража! — сказала Катана и посмотрела на Мэта. — Свет! Каждому солдату в Эбу Дар приказано тебя искать. Как же ты пробрался в город?

— Повезло, — ответил Мэт и вышел в переулок.

— Чего ты ждешь? — спросила Морейн.

Ранд повернулся к ней. Они находились в командирской палатке

Лана в Шайнаре. Он чувствовал запах дыма с горящих полей, подожженных солдатами Лана и Лорда Агельмара, во время отхода из Ущелья.

Они подожгли земли, которые предпочли бы защищать. Отчаянная тактика, но хорошая. Это был вид тактики, включающий в себя всё то, что Льюс Тэрин и его люди в Эпоху Легенд не решались попробовать, по крайней мере на первый взгляд. Это дорого стоило им тогда.

Порубежники не показали такой робости.

— Почему мы здесь? — нажимала Морейн, подходя к нему. Его Девы охраняли палатку изнутри;

лучше не позволить врагу знать, что Ранд был здесь, — Ты должен быть в Шайол Гул прямо сейчас. Это твоя судьба, Ранд ал'Тор. Не эти меньшие битвы.

— Мои друзья умирают здесь.

— Я думала, что ты был вне таких слабостей.

— Сострадание — не слабость.

— Разве? — сказала она, — А если, пощадив своего врага из-за сострадания, ты позволишь ему убить себя? Что тогда, Ранд ал'Тор?

У него не было ответа.

— Ты не можешь рисковать собой, — сказала Мореин, — И независимо от того, соглашаешься ли ты, что само сострадание может

быть слабостью, действуя по-глупому, потому что это, безусловно, так.

Он часто думал о том моменте, когда потерял Морейн. Он мучился над ее смертью, и он все еще упивался ее возвращением. Время от времени, однако, он забывал какой... настойчивой она могла быть.

— Я двинусь против Темного, когда придёт время, — сказал Ранд, — Но не раньше. Он должен думать, что я с армиями, что я захвачу больше земель перед нападением на него. Мы должны уговорить его командующих, чтобы перебросили свои силы на юг, дабы нам не попасть в переполненный

Шайол Гул, как только я выступлю.

— Это не имеет значения, — сказала Морейн, — Ты столкнешься с ним, и это будет время определения. Все вращается на этот момент, Возрождённый Дракон. Все нити в Узоре плетутся вокруг вашей встречи, и поворот Колеса тянет тебя к нему. Не отрицай, что ты не чувствуешь это.

— Я чувствую.

— Тогда пошли.

— Еще нет.

Она глубоко вздохнула.

— Упрямый как всегда.

— И хорошо, — сказал Ранд, —

Упрямство это то, что довело меня так далеко, — Ранд помедлил, потом

порылся в кармане. Он вытащил, что-то ярко-серебристое — марка Тар Валона, — Вот, — сказал он, протягивая ей, — Я сохранил это.

Она поджала губы:

— Этого не может быть...

— Тот же самый? Нет. Тот давно потерялся, я боюсь. Я нес этот повсюду, как символ, почти не понимая того, что я делал.

Она взяла монету, переворачивая ее в пальцах. Морейн все еще осматривала монету, когда Девы глянули с настороженностью на откидную створку палатки. Секунду спустя Лан откинул створку и шагнул с двумя мужчинами Малкири. Эти трое могли бы быть братьями, с теми

мрачными выражениями и жёсткими лицами.

Ранд подошел, положив свою руку на плечо Лана. Человек не выглядел усталым — камень не мог выглядеть усталым — но он действительно выглядел измотанным. Ранд понял это чувство.

Лан кивнул ему, потом посмотрел на Мореин.

— Вы двое спорите?

Мореин убрала марку, лицо стало безразличным. Ранд не знал, что делать с отношениями между двумя из них, после возвращения Мореин. Они были воспитанные, но возникло какое-то расстояние между ними, чего он не ожидал.

— Ты должен слушать Морейн, — сказал Лан, возвращаясь к Ранду, — Она готовилась для этих дней дольше, чем ты жил. Позволь ей руководить тобой.

— Она хочет, чтобы я покинул это сражение, сказал Ранд, — И немедленно ударить по Шайол Гул, вместо того, чтобы бороться с теми направляющими за тебя так, что ты сможешь обратно отбить Ущелье.

Лан колебался.

— Тогда, возможно, ты должен сделать, как она...

— Нет, — сказал Ранд, — Ваше положение здесь тяжелое, старый друг. Я могу сделать что-то, и я так сделаю. Если мы не сможем

остановить этих Повелителей Ужаса, они будут вас гнать весь путь, обратно, до Тар Валона.

— Я слышал, что ты сделал в Марадоне, — сказал Лан, — Я не буду отворачиваться от чуда здесь, если ты полон решимости найти его для нас.

— Марадон был ошибкой, — сказала Морейн кратко, — Ты не можешь позволить подвергнуть себя, Ранд.

— Я не могу позволить себе этого не сделать, никогда. Я не буду просто сидеть сложа руки, и пусть люди умирают! Не тогда, когда я могу их защитить.

— Порубежникам не нужна

защита, — сказал Лан.

— Нет, — Ранд ответил, — Но я никогда не знал того, кто отказался бы от меча, когда его предложили в случае необходимости.

Лан встретил его глаза, затем кивнул.

— Делай, что сможешь.

Ранд кивнул на двух Дев, которые кивнули в ответ.

— Овечий пастух — сказал Лан.

Ранд поднял бровь.

Лан отдал ему честь, рука на груди, склоняя голову.

Ранд кивнул в ответ.

— Для тебя кое-что есть, там на полу, Дай Шан.

Лан нахмурился, потом подошел

к куче одеял. В этой палатке не было никаких столов. Лан опустился на колени, затем поднял яркую, серебристую корону, тонкую, но все же сильную.

— Корона Малкир, — прошептал он, — Она была потеряна!

— Мои кузнецы сделали, что могли по старым рисункам, — сказал Ранд, — Другая для Найнив, я думаю, она будет ей к лицу. Ты всегда был королём, мой друг. Илэйн научил меня управлять, но ты. Ты научили меня, как стоять. Спасибо. — он повернулся к Морейн, — Держи пространство чистым до моего возвращения.

Ранд ухватился за Единую Силу и открыл врата. Он оставил Лана, стоящего на коленях, держа корону, и вышел вслед за Девами на черное поле. Сожженные стебли хрустели под его сапогами и дым вился в воздухе.

Девы тут же укрылись в небольшом углублении на этом поле, сбившись с почерневшей землёй, готовые выдержать бурю.

Потому что она, несомненно, была готова вот-вот разразиться. Троллоки необъятной массой рассыпались перед Рандом, раздражая землю и остатки ферм своим присутствием. Неподалеку бесновалась река Мора. Это были

первые возделываемые земли к югу от Тарвинова ущелья. Войска Лана сожгли ее перед подготовкой к отступлению вниз по реке под натиском троллоков.

Здесь были десятки тысяч тварей. Возможно, больше. Ранд поднял свои руки, формируя кулак, сделав глубокий вдох. В мешочке на поясе он нес знакомый предмет. Маленький толстый человек с мечом, ангриал, который он недавно нашел у колодцев Дюмай. Он вернулся туда взглянуть в последний раз и нашел его утопленным в грязи. Он пригодился в Марадоне. Никто не знал, что он был у него. Это было важно.

Но было еще то, что он будет делать здесь, кроме трюков. Троллоки кричали как ветры хлеставшие вокруг Ранда. Это не было пока еще результатом направления.

Это был Ранд. Стоял здесь. Противостоял ему.

Моря изменились, когда различные потоки воды врезались в друг друга. Ветры стали сильнее, когда горячий воздух и прохладный смешались. И где Свет противостоял Тени... возникли штормы. Ранд кричал, позволяя своему характеру перемешать бурю. Темный нажал на землю, стремясь задушить её. Узор нуждался в балансе. Это необходимое

равновесие.

Узор нуждался в Драконе

Ветры становились все более мощными, молнии разрывали небо, черная пыль и сожженные стебли летели вверх, закручиваясь в воронку. Ранд наконец направил, поскольку Мурдраалы вынудили Троллоков напасть на него; твари двинулись против ветра, и Ранд направил молнии.

Это было намного легче, чем прямой контроль. С бурей, уже на месте, ему не нужно вызывать молнии — он нужен только для их стимуляции.

Сотня молний подряд разрушила передние группы троллоков. Острый

аромат сожженной плоти
зациркулировал в буре,
присоединяясь к обугленным стеблям
зерна. Ранд взревел, поскольку
Троллоки продолжали прибывать.
Врата Смерти возникли вокруг него,
врата, которые понеслись по земле
подобно водомеркам, сметая
Троллоков и предавая их смерти.
Порождения Тени не могли пережить
Перемещение.

Штормовые ветра поднялись
вокруг Ранда, когда он свалил
Троллоков, которые попытались
достигнуть его. Темный думал
править здесь? Он увидел бы, что у
этой земли уже был король! Он
увидел бы, что борьбы не будет...

Щит попытался отрезать Ранда от Источника. Он засмеялся, вращаясь, пытаясь точно определить происхождение щита.

— Таим! — крикнул он, хотя шторм захватил голос и сокрушил его. — Я надеялся, что ты придешь!

Это было боем, который Льюс Тэрин постоянно требовал от него, бой, который Ранд не смел начинать. Только теперь, только когда он имел контроль. Он собрал свои силы, но в это время другой щит напал на него и еще один.

Ранд потянул больше Единой Силы, зачерпнув почти все, что он мог через ангриал в виде толстячка. Щиты продолжали огрызаться на

него как резкие мухи. Ни один не был достаточно силен, чтобы отрезать его от Источника, но их были десятки.

Ранд успокоился. Он искал мир, мир разрушения. Он был жизнью, но он также был смертью. Он был проявлением самой земли.

Он ударил, уничтожая невидимое укрытие Повелителя Ужаса в развалинах сгоревшего здания поблизости. Он вызвал огонь и направил его в ту же секунду, выжигая того в небытие.

Он не мог видеть там плетения женщин — он мог только чувствовать их щиты.

Слишком слабые. Каждый щит

был слишком слаб, но все же эти атаки его беспокоили. Они пришли очень быстро, приблизительно три дюжины Повелителей Ужаса, каждый пытался оградить его от источника. Это было опасно — так как они ожидали именно его. Поэтому они нанесли такой урон направляющим Лана. Чтобы вытянуть Ранда.

Ранд отбивал атаки, но ни одна из них не была способна оградить его. Ни один человек не смог бы оградить кого-то, кто удерживает столько саидин. У них должен быть...

Он увидел истину до того как все произошло. Все атаки были лишь

прикрытием, уловкой. Пришедший должен был создать круг из мужчин и женщин. И мужчина должен был руководить им.

Вот оно! Щит обрушился на него, но у Ранда было достаточно времени, чтобы подготовиться. Он направил Дух в бурю, инстинктивно направляемый воспоминаниями Льюса Тэрина. Он смог отбросить щит, но не смог уничтожить.

Свет! Это должно быть полным кругом. Ранд проворчал, поскольку щит уменьшился ближе ему; это сделало яркий образец в небе, неподвижном несмотря на бурю. Ранд сопротивлялся ему со своим собственным потоком Духа и

Воздуха, сдерживая его, как будто это был нож, висящий выше его горла.

Он потерял контроль над бурей.

Молния ударила рядом с ним.

Другие направляющие плели для повышения бури, они не пытались контролировать её, потому что им это не нужно. Буря, которая была вне контроля, служил им, так как в любой момент она может ударить по Ранду.

Он снова взревел, на этот раз громче, более решительно. "Я разобью тебя, Таим! Я, наконец, сделаю то, что должен был сделать несколько месяцев назад!"

Но он не позволит гневу, дикости, принудить его к борьбе. Он

не мог себе этого позволить. Он научился быть лучше.

Это не то место. Он не мог бороться здесь. Если бы он сделал так, то проиграл бы.

Ранд продвинулся скачком силы, отбрасывая назад щит Таима, затем использовал момент передышки, чтобы открыть ворота. Его Девы немедленно прошли, и Ранд, неохотно наклоняя голову против ветра, последовал за ними.

Он переместился в палатку Лана, где Морейн оставила, как он и просил, очищенное пространство для него. Он закрыл ворота, и шум ветра стих.

Ранд сжал кулак, тяжело дыша,

пот струился по его лицу. Он снова был с армией Лана, а буря была далека, хотя Ранд все ещё слышал грохот, и ощущал слабый ветер гуляющий в палатке.

Ранд должен был бороться, чтобы не упасть на колени. Он со свистом вдыхал воздух. С большим трудом он замедлил биение своего сердца и вернул своему лицу спокойствие. Он хотел драться, а не бегать! Его чуть не победил Таим!

Если так и пойдёт дальше он ослабит себя, и Тёмный с легкостью заберёт его. Он заставил себя разжать кулак и восстановил контроль над своими эмоциями.

Он посмотрел на спокойное,

такое знакомое лицо Морейн.

"Это была ловушка?" —
Спросила она.

— Это не столько ловушка, —
ответил Ранд, — сколько поле боя с
хорошо подготовленными часовыми.
Они знают, что я сделал в Марадоне.
У них есть отряды Повелителей
Ужасов отправляющихся туда, где я
появляюсь, чтобы напасть на меня.

"Теперь ты видишь, какой
ошибкой была мысль о атаке?" —
спросила она.

— Ошибка... нет.
Неизбежность, да.

Он не мог сражаться в это битве
в одиночку. Не в этот раз.

Он должен был найти другой

путь, чтобы защитить своих людей.

Глава 12

Осколок мгновения

Бергитте скользила через лес, в сопровождении группы из тридцати Айил, все с луками на изготовку. Какими бы не были бесшумными Айил, их все таки можно было услышать, но даже так, они были мастерами своего дела. Они перепрыгивали через упавшие стволы, ловко скользили вдоль них или растворялись среди камней. Они плыли под нависающими ветвями,

пригибаясь, извиваясь.

— Сюда, — сказала она, приглушенным голосом, показывая на обсыпавшийся склон оврага. К счастью, пещера была на том же месте, скрытая зарослями, небольшой ручей протекал рядом. Айильцы нырнули в воду, чтобы сбить след.

Двое мужчин двинулись вниз по склону, их шуршание сильно выделялось в кромешной тишине, они боролись с густыми зарослями на своем пути. Бергитте присоединилась к тем, кто уже успел скрыться в пещере. Внутри было темно, пахло плесенью и землей.

Может она скрывалась в этой

пещере много веков назад, когда еще жила в этих лесах будучи разбойником? Она не знала. Теперь воспоминания событий из прошлых жизней редко посещали ее, лишь иногда всплывали мимолетные видения о жизни в Море Снов, до того, как ее противоестественным путем выкинула оттуда Могидин.

Она связывала это с болезнью. Это было прекрасно — возродиться, свежей и новой. Но вдруг, ее воспоминания, ее личность исчезла? Вдруг она потеряла воспоминания о времени в Море Снов, она забыла Гайдала полностью? Могла ли она забыть себя?

Она стиснула зубы. Это

Последняя Битва, глупая женщина, подумала она. Кого это волнует?

Но ее волновало. Вопрос продолжал преследовать ее. Что, если вылетев из Мира Снов, Бергитте была исключена из Героев Рога? Она не знала, возможно ли это. Она не помнила достаточно много, чтобы сказать.

Но если так случилось, она потеряла Гайдала навсегда.

Снаружи, хрустели листья, трещали ветки. Грохот был таким громким, она бы поклялась, что тысячи солдат шли мимо, хотя она знала, что в кулаке было только пятьдесят Троллоков. Тем не менее, пятьдесят было больше чем у нее.

Она не волновалась. Хотя она пожаловалась Илэйн, что она не много знает о войне и, как скрываться в лесу с группой хорошо подготовленных товарищей ... это она делала раньше. Десятки раз. Может быть, сотни, хотя ее воспоминания были не настолько четки, чтобы она могла сказать наверняка.

Вскоре почти все троллоки миновали засаду, в которой находился отряд. Монстры двигались вниз по ложному следу, сделанному двумя айильцами ранее. Бергитте напала на них сзади, сразу сбив стрелами несколько троллоков, прежде чем те успели среагировать.

Троллока трудно убить. Часто в него нужно выпустить две или три стрелы, прежде чем он замедлится. Это случается, если стрела сразу не попала в ему в глаз или горло. Однако она никогда не промахивалась. Отродье за отродьем падали от её лука. Троллоки спустились вниз по склону от пещеры и это значило, что прежде чем они попытаются подняться наверх, чтобы достать их, она и Айильцы убьют еще по одному монстру.

В считанные секунды от пятидесяти осталось тридцать. Оставшиеся тридцать бросились вверх. Половина Айил достали и

приготовили копья, в то время пока Бергитте со второй половиной спустилась вниз по склону и ударила троллоков с боку.

Двадцать, затем десять, кто-то пытался бежать. Несмотря на лесистость местности, они просто срывали деревья. Нужно было стрелять им в ноги или шею, укладывая их на землю, для того, чтобы их можно было прикончить копьями.

Десять айильцев проверяли, все ли троллоки мертвы, втыкая копье в каждого, чтобы убедиться в этом. Остальные собирали стрелы. Бергитте выбрала двух айильцев Найчила и Лудина, для того, чтобы

произвести разведку района.

Ее ноги шли по знакомым тропам, эти леса были ей родными. Она помнила их даже не из прошлых жизней, которые она почти не могла вспомнить. А со времени своего нахождения в мире снов, где она и Гайдал провели много лет в этих лесах. Она вспомнила его ласки на своей щеке. Своей шее.

"Я не могу потерять это," — подумала она, борясь с паникой. "Свет, не могу. Пожалуйста..." Она не знала, что с ней случилось. Она смутно помнила что-то, какой-то спор о... О чем? Этого она не могла вспомнить. Люди ведь не могут быть оторваны от Рога? Надо будет

спросить у Ястребиного Крыла, он должен знать. Или она уже спрашивала?

— Чтоб мне сгореть!

Движение в лесу заставило ее остановиться. Она присела рядом со скалой, пригнувшись перед нею. Подлесок издал треск под рукой. Найчил и Лудин исчезли при первом звуке. Свет, они были хороши. Ей потребовался миг, чтобы определить, где они скрылись.

Она подняла палец, указала на себя, затем указала перед собой. Она проведет разведку; они прикроют ее.

Бергитте тихо двинулась. Она показала бы этим Айил, что они не были единственными, кто знал, как

спрятаться. Кроме того, это были ее леса. Она не была бы обнаружена группой людей из пустыни.

Она двинулась украдкой, избегая чащи увядших кустов терновника. Было ли их больше вокруг в последнее время? Они, казалось, были одними из немногих растений, которые не вымерли полностью. Земля пахла затхлостью, которой не должен пахнуть ни один лес, хотя запах был подавлен зловонием смерти и гниения. Она преодолела другую группу упавших троллоков. Кровь на них высохла. Они умерли несколько дней назад.

Илэйн приказала, чтобы ее войны возвращали своих падших.

Тысячи и тысячи троллоков переместились через эти леса, как ползающие жуки. Илэйн хотела, чтобы они нашли только своих собственных мертвых, надеясь, что это даст им повод бояться.

Бергитте двинулась в сторону звуков. Она видела, как большие тени приближаются в тусклом свете. Троллоки, нюхали воздух.

Твари продолжали проходить через леса. Они были вынуждены избегать дорог, где засада из драконов могла оказаться смертельной. План Илэйн использовал группы, такие, какой руководила Бергитте, чтобы изрубить троллоков, изгоняя их кулаки прочь

из леса, уменьшая их численность.

К сожалению, эта группа была слишком большой, чтобы на нее напасть. Бергитте отступила, махнув рукой Айил следовать за ней, и тихо скользнула обратно к лагерю.

Этой ночью, после своей неудачи с армией Лана, Ранд сбежал в свои сны.

Он искал свою долину мира, появляющуюся среди рощи черешен в полном цвету, их запах пропитывал воздух. Деревья выглядели словно в огне с их красивыми белыми цветами с розовыми горлышками.

На Ранде была простая двуреченская одежда. После месяцев ношения королевских одежд,

искрящихся разными цветами и мягкой текстурой, свободные шерстяные брюки из льна позволяли чувствовать себя очень удобно. Он надел крепкие ботинки на ноги, как те что он носил когда вырослел. Они подходили ему так, как никакие новые ботинки, независимо от того как хорошо они были бы сделаны.

Больше ему не позволялись старые ботинки. Если его ботинки показывали хоть намек на изношенность, один слуга, или другой заставляли их исчезнуть.

Ранд оказался на холму в своём сне и пошел шагом. Он начал идти вверх через горы. Это больше не было реальным местом. Он

воссоздал его по памяти и своим желаниям, смешивая дружеское отношение и научное исследование. Запахло свежими упавшими листьями и соком. Животные устремились в подлесок. Ястреб кричал где-то в отдалении.

Льюс Тэрин знал, как создать осколок сна, такой как этот. Хотя он не был сновидцем, большая часть Айз Седай той эпохи использовала Тел'аран'риод так или иначе. Одна вещь, которую они изучили, состояла в том, как создать свой сон, приют внутри собственного ума, более управляемый, чем обычные сны. Они изучили, как войти во фрагмент сна, как этот, во время медитации, при

этом позволяя телу остаться таким же реальными как сон.

Льюс Тэрин знал такие вещи, и даже более. Как проникнуть в чей-либо ум, если человек вошел в его осколок сна. Как узнать, вторгся ли кто-то еще в его сны. Как показать его мечты другим. Льюсу Тэрину нравилось знать такие вещи, словно путешественнику, который хотел иметь все полезное в одном своем рюкзаке.

Льюс Тэрин редко использовал эти инструменты. Он оставлял их на задней полке своего сознания, собирающими пыль. Могло ли что-то поменяться, если бы он каждую ночь бродил по мирной долине, такой, как

эта? Ранд не знал этого. И, честно говоря, эта долина больше не была безопасна. Слева от него находилась глубокая пещера. Он не создавал её там. Еще одна попытка Моридина привлечь его? Ранд прошел мимо нее, не глядя.

Лес не казался столь живым, как он был несколько секунд назад. Ранд продолжал идти, пытаясь провести в жизнь его желание на земле. Он не практиковал это достаточно, хотя пока он шел, лес стал серым, выглядя размазанным.

Пещера показалась снова. Ранд остановился у её входа. Холодный, влажный воздух повеял на него, охлаждая его кожу, воздух пах

грибами. Ранд прервал свою прогулку, затем шагнул в пещеру. Когда он прошел в темноту, он сплел шар бело-синего света и повесил его около головы. Свечение струилось по влажным камням, сияя на гладких наростах и трещинах.

Одышка раздавалась эхом глубоко внутри пещеры. Прогулка сопровождалась удушьем. И... всплески. Ранд шел вперед, хотя уже предположил, что это было. Он начал задаваться вопросом, попробует ли она еще раз.

Он подошел к небольшой палатке, возможно десять шагов в ширину, в конце туннеля, где камень опускался в чистый водоем,

совершенно круглой формы. Синие глубины его, казалось, простирались вниз не имея дна.

Женщина в белом платье пыталась остаться на плаву в его центре.

Ее платье струилось в воде, образуя круг. Лицо ее и волосы были мокрыми. Она задыхалась и тонула, вращаясь в кристальной воде.

Она всплыла через несколько секунд, хватая ртом воздух.

— Здравствуй, Майрин, — тихо произнес Ранд. Его рука сжалась в кулак. Ему не следовало прыгать в воду, чтобы спасти ее. Это был осколок сна, и, хотя в этом пруду на самом деле могла быть вода, но более

вероятно он был заполнен чем-то иным.

Его прибытие, казалось, подняло ее на поверхность, и ее энергичные бултыхания стали сильнее.

— Льюс Тэрин — выпалила она, вытирая лицо рукой.

Свет! Куда пропало его спокойствие? Он снова чувствовал себя ребенком, парнем, который думал, что Байрлон самый величественный город, когда либо построенный. Да, ее лицо было другим, но лица теперь мало значили для него. Она все еще была тем же человеком.

Из всех Отрекшихся, только Ланфир выбрала себе новое имя. Она

всегда этого хотела.

Он помнил. Он помнил. Как он приходил на роскошные приемы с ней под руку. Ее смех, перекрывающий музыку. Их ночи наедине. Он не хотел помнить, как занимался любовью с другой женщиной, особенно с одной из Отрекшихся, но он не мог решать какие выбирать свои воспоминания.

Эти воспоминания смешивались с его собственными, когда он желал ее, как леди Селин. Глупая, юношеская страсть. Он больше ничего не чувствовал, но память об этом осталась.

— Ты можешь освободить меня, Льюс Тэрин, — сказала она, — Он

отказался от меня. Разве я должна была умолять? Он отверг меня!

— Ты связала себя клятвой с Тенью, Майрин, — сказал Ранд — Это твоя награда. Ты ожидаешь сострадания от меня?

Что-то темное поднялось из глубин и обернулось вокруг ее ног, затягивая снова в бездну. Не смотря на свои слова, Ранд понял, что сделал шаг вперед, как-будто собираясь прыгнуть в пруд.

Он отпрянул назад. Наконец-то он снова чувствовал себя целым, после этой долгой битвы с самим собой. Это придало ему сил, но у него была слабость. Та слабость, которой он всегда боялся. Слабость,

которую обнаружила в нем Морейн — сострадание...

Оно нужна ему. Как шлему нужна щель, чтобы видеть сквозь нее. И то и другое можно использовать. Он признал, что это правда.

Ланфир снова выплыла на поверхность, отплевываясь, выглядя беспомощной.

— Я должна умолять? — спросила она снова.

— Не думая, что ты способна на это.

Она опустила глаза.

— Пожалуйста? — прошептала она.

У Ранда внутри все

перевернулось. Он сам боролся с темнотой в себе, в поисках Света. Он дал себе второй шанс, не должен ли он дать его и кому-то еще?

Свет! Он вздрогнул, вспоминая, что значит владеть Истинной силой. Эта агония и трепет, эта сила и ужас. Ланфир сама отдала себя Темному. Но в том же время, и Ранд тоже.

Он посмотрел в ее глаза, вглядываясь в их самую глубину, узнавая их. Наконец, Ранд покачал головой.

— Ты стала еще лучше в этом виде лжи, Майрин. Но недостаточно хорошо.

Ее лицо потемнело. В секунду, пруд пропал, заменившись на

каменный пол. Ланфир села, скрестив ноги, одетая в серебристо-белое платье. С новым лицом, но все та же.

— Итак, ты вернулся, — произнесла она недовольно, — Что ж, я больше не должна договариваться с простым сынком фермера. И в этом есть какое-то блаженство.

Ранд фыркнул, входя в комнатку. Она все еще была заключена — он мог чувствовать темноту вокруг нее. Будто купол, созданный из тени. И он стоял вне этого купола. Пруд, однако, был всего лишь декорацией. Она была гордой, но это не мешало ей в некоторых ситуациях показать

слабость. Если бы воспоминания Льюса Тэрина пришли к нему раньше, он бы не был так легко одурачен ею в пустыне.

— Тогда я не буду говорить с тобой, как девушка, которой нужен герой, — сказала Ланфир, наблюдая за ним, пока он обходил ее тюрьму, — Вместо этого я буду говорить с тобой, как с равным, прося убежища.

— Как с равным? — сказал Ранд, смеясь, — Когда это ты считала кого-нибудь равным себе, Майрин?

— Тебя не беспокоит мое пленение?

— Мне больно, — сказал

Ранд, — Но не больше, чем когда ты поклялась служить Тёмному. Знала ли ты, что я был там, когда ты открыла это? Ты не видела меня, потому что я не хотел этого, но я наблюдал. Свет, Майрин, ты поклялась убить меня.

— Но собиралась ли я это сделать? — сказала она, поворачиваясь, чтобы посмотреть ему в глаза.

Собиралась ли? Нет, не собиралась. Не тогда. Ланфир не убивала людей, которые могли ей пригодиться, а его она всегда считала полезным.

— Когда-то у нас было что-то особенное, — сказала она — Ты был

МОИМ...

— Я был твоим украшением, — резко прервал ее Ранд. Он глубоко дышал, пытаясь успокоиться, возле нее это было трудно. — Прошлого больше нет. Меня оно не беспокоит и я с радостью дам тебе второй шанс прийти к Свету. К несчастью, я знаю тебя. Ты просто делаешь это снова. Разыгрываешь всех нас, задействуя свою Тень. Тебе не нужен Свет. Тебе нужна лишь власть, Майрин. И ты действительно хочешь, чтобы я поверил, что ты изменилась?

— Ты не знаешь меня настолько хорошо, как тебе кажется, — сказала она, глядя на него, обходящего периметр клетки, — Никогда не

знал.

— Так докажи мне это, — ответил Ранд, останавливаясь, — Покажи мне свой разум, Майрин. Открой мне его полностью. Дай контроль над тобой прямо здесь, в этом месте управляемых снов. И если твои помыслы чисты, я освобожу тебя.

— То, что ты просишь, запрещено.

— А когда это тебя останавливало? — спросил Ранд, рассмеявшись.

Казалось, она задумалась над этим; должно быть, на самом деле обеспокоена своим заключением. Когда-то она смеялась над такими

предложениями. Но не в данном случае, когда он будет иметь полный контроль над ней. Если она даст разрешение на это, он может выявить всю ее подноготную, копаясь в ее разуме.

— Я... — начала Ланфир.

Он шагнул вперед, прямо к краю клетки. Эта дрожь в ее голосе... Она была неподдельной. Первая ее настоящая эмоция.

"Свет," — подумал он, всматриваясь ей в глаза, — "Неужели она действительно собирается это сделать?"

— Я не могу, — сказала она, — Не могу... — повторила она уже тише. Ранд выдохнул. Его руки

тряслись. Так близко! Так близко к Свету, словно дикий кот, вышагивающий туда-сюда перед амбаром. Ранд обнаружил, что злится. Причем сильнее прежнего. Она всегда так! Постоянно флиртует с тем, что правильно, но в итоге все равно выбирает свой собственный путь.

— Я закончил с тобой, Майрин, — сказал Ранд, поворачиваясь и уходя из комнаты, — Навсегда!

— Ты ошибаешься! — выкрикнула она, — Ты всегда ошибался во мне! Сможешь ли ты сам показать себя кому-либо? Я не могу это сделать. Меня слишком

много раз били те, кому я доверяла и предавали те, кого я любила!

— Ты упрекаешь меня в этом? — спросил Ранд, резко повернувшись.

Она не отводила высокомерного взгляда, будто была не в заточении, а сидела на троне.

— Ты действительно запомнила все в таком ракурсе? — спросил Ранд. — Ты думаешь, я предал тебя из-за нее?

— Ты говорил, что любил меня.

— Я никогда так не говорил! Никогда! Я не мог. Тогда я еще не знал, что такое любовь. Целые столетия жизни я не знал, что это, пока не встретил ее, — он помедлил,

затем продолжил таким тихим голосом, что в пещере не было эха, — Ты никогда не чувствовала ее, да? Но, конечно, кого ты могла любить? Твое сердце уже тогда требовало власти, которой ты так сильно желала. А теперь нет такой возможности.

Ранд сник.

Он был расстроен так, как Льюс Тэрин никогда не был способен. Даже после того, как нашел Илиену и осознания того, как Ланфир чуть позже его использовала, он чувствовал тогда лишь ненависть и презрение.

— Ты ожидаешь от меня сострадания? — спросил Ранд ее.

Сейчас он чувствовал только это. Жалость к женщине, которая никогда не знала любви. К женщине, которая не могла позволить себе знать, что такое любовь. К женщине, которая не могла выбрать никакой стороны, кроме своей собственной.

— Я... — произнесла она слабо.

Ранд поднял руку и открыл себя ей. Его замыслы, его разум и самосознание закружились вокруг него в вихре цвета, эмоций и силы.

Ее глаза широко раскрылись при виде этого круговорота картинок, отражаемых на стенах. И он уже не мог остановить все это. Она видела его мотивы, страсти, желания для человечества. Видела его намерения.

Отправиться в Шайол Гул, убить Темного. Покинуть лучший мир, чем он был в последнее время.

Он не боялся раскрытия этих мыслей. Он мог касаться Истинной Силы, и поэтому Темный знал его сердце. Здесь не было никакого сюрприза, во всяком случае ничего, что могло бы быть сюрпризом.

Ланфир была удивлена. Ее челюсть отвисла, поскольку она видела правду — правду, что глубоко внутри это не был Льюс Терин, объединенный с Рандом в одно. Это был овечий пастух, поднятый Тэмом. Его жизни потеряли значение в этот момент, показанных им воспоминаний и чувств.

Наконец, он показал ей свою любовь к Илиене — словно пылающий кристалл, установленный на полке, и восхищающий. Затем его любовь к Мин, Авиенде, Илэйн. Как горящий костер, согревающий, успокаивающий, страстный.

В том, что он показал не было любви к Ланфир. Ни единого осколка. Он уничтожил и ненависть Льюса Тэрина к ней. И поэтому, для него, она действительно ничего не значила.

Она задыхалась.

Свечение вокруг Ранда потускнело.

— Мне жаль, — сказал он. — Но это правда. Между нами все

кончено, Майрин. Держись на дне, во время будущего шторма. Если я выиграю эту битву, то у тебя больше не будет причин бояться за свою душу. Не останется того, кто мучил тебя.

Он снова отвернулся от нее и вышел из пещеры, оставив ее молчащей.

Вечер в Браймском Лесу сопровождался запахом костров, тлеющих в ямах, и звуков издаваемых людьми с тихими стонами погрузившимися в настороженный сон с мечами наготове. Летний воздух был неестественно холоден.

Перрин прошел сквозь лагерь людей, находившихся под его

командованием.

Было трудно воевать в этих лесах. Его люди убивали троллоков, но Свет, казалось, ещё больше Отродий Тени приходило на смену павшим.

Проконтролировав, что все его люди накормлены, часовые расставлены, и люди знают, что делать в случае нападения Отродий Тени ночью, он пошел искать Айил. В частности Хранительниц Мудрости. Почти все они собрались идти с Рандом, когда он пойдет в Шайол Гул — сейчас же, они ожидали своего времени, но некоторые из них остались с Перрином, в том числе и Эдарра.

Она и другие другие Хранительницы Мудрости не были в его отряде. Но все же, как и Гаул, они остались с ним, когда их соплеменники ушли. Перрин не спрашивал их, почему. Его это не волновало. Но иметь их с собой было полезно, и он был благодарен этому.

Айил позволили ему пройти в свой лагерь. Он нашел Эдарру сидящей возле костра, обложенного камнями, для предотвращения пожара. Леса были сухие и пожар от искры мог разгореться быстрее, чем в сарае, полным сена последнего покоса.

Она взглянула на Перрина, присевшего рядом с ней. Айилка

выглядела молодо, но от нее пахло терпением, любознательностью и контролем. Мудростью. Она не стала спрашивала зачем Перрин пришел к ней. Она ожидала, что он скажет.

— Ты ходящая по снам? — спросил Перрин.

Она изучала его в темноте, было не похоже, что это был праздный вопрос или вопрос постороннего человека.

Он был удивлен, когда она ответила.

— Нет.

— Но ты что-нибудь знаешь об этом? — спросил Перрин.

— Немного...

— Мне нужно знать, как войти в

Мир Снов физически. Не всего лишь в моем сне, а моим настоящим телом. Ты слышала о таком способе?

Она глубоко вдохнула.

— Не думай об этом, Перрин Айбара. Это зло.

Перрин нахмурился. Сила в волчьем сне, в Тел'аран'риоде, была вещью деликатной. Чем сильнее Перрин погрузит себя в сон, чем плотнее и цельнее он там будет, тем сильнее он там сможет воздействовать на вещи, тем проще ему будет управлять тем миром.

Однако, в этом был риск. Войдя в сон слишком сильно, он рисковал оторваться от своего спящего тела в реальном мире.

Это, видимо, не беспокоило Губителя. Губитель был силен. Очень силен, так как присутствовал во сне физически. Перрин все более был уверен в этом.

"Наша борьба не закончится", думал Перрин, "пока ты не станешь жертвой, Губитель. Охотник на волков. Я покончу с тобой."

— Во многих отношениях, — пробормотала, глядя на него Эдарра, — ты еще ребенок, несмотря на всю честь которую ты заслужил.

Перрин уже привык, хотя и не любил, когда женщины выглядевшие на год или два старше его обращались к нему так.

— Ни одна из ходящих по снам

не научит тебя этому. Это зло.

— Почему это зло? — спросил Перрин.

— Входя в мир снов во плоти ты теряешь часть того, что делает тебя человеком. Более того, если ты умрешь, находясь там физически, тогда ты умрешь навсегда. Не будет больше возрождения, Перрин Айбара. Твоя нить в Узоре оборвется навсегда, ты уничтожишь себя. Это не та цель, которую ты должен преследовать.

— Прислужники Тени, Эдарра, — сказал Перрин, — Они не боятся рисковать, чтобы получить преимущество. Мы так же должны рисковать, чтобы остановить их.

Эдарра в ответ покачивая головой, тихо прошипела:

— Не отрезай ногу, опасаясь, что её укусит змея, Перрин Айбара. Не делай ужасной ошибки, боясь чего-то, что кажется хуже. Это все, что я скажу об этом.

Она встала и вышла, оставив его сидеть у огня.

Глава 13

То, что должно быть сделано.

Армия расступалась перед Эгвейн, скакавшей к холмам на юго-востоке Кандора, где вскоре предстояло встретить продвигающегося врага. Она возглавляла более сотни Айз Седай, по большей части из Зелёной Айя. Изменения Брина в тактике были быстрыми и умелыми. Теперь у него было кое-что получше лучников, чтобы сломить наступление врага;

кое-что более разрушительное, чем тяжелая кавалерия, чтобы нанести мощный удар.

Пришло время использовать это.

Две другие меньшие силы Айз Седай встали по флангам армии. Эти холмы, возможно, однажды были пышными и зелеными. Теперь они были желтыми и коричневыми, как будто сожженные солнечным светом. Она попыталась увидеть преимущества. По крайней мере, они должны верить в прочное положение, и хотя небо рвало периодическими молниями, дождь казался маловероятным.

Приближающиеся Троллоки, казались безбрежным морем. Хотя

армия Эгвейн, была огромна, неожиданно, она показалась крошечной. У Эгвейн было одно преимущество: Армия Троллоков была обречена двигаться только вперед. Из-за склок, и голода, армии Троллоков тут же развалятся, если не будут наступать.

Армия Эгвейн была преградой на их пути. И приманкой. Порождения тени не могли бы себе позволить оставить силы такого размера, поэтому Эгвейн завлекала их в определенном ею направлении.

Ее Айз Седай находились на передовых позициях. Брин разделил свою армию на множество, мобильных отрядов, которые должны

были внезапно нападать на Троллоков при первой возможности.

Нападение отрядов Брина, казалось вводило Троллоков в замешательство. По крайней мере, именно так Эгвейн расценивала неразбериху в их рядах, беспорядочное движение, увеличение шума. Троллокам редко приходилось беспокоиться об обороне. Троллоки нападали, люди защищались. Люди боялись. Люди были пищей.

Эгвейн достигла вершины холма, глядя на равнину, где собрались Троллоки из Кондора, ее Айз Седай, выстроились длинными рядами по обе стороны от нее. За

ними, воины казалось находятся в нерешительности. Они знали, что Эгвейн и другие женщины были Айз Седай, никто из мужчин не чувствовал себя спокойно рядом с Айз Седай.

Эгвейн достигла своей стороны и извлекла нечто длинное, белое и тонкое из кожаного чехла, прикрепленного к её поясу. Рифленый жезл, са'ангриал Воры. Он удобно лёг в её руку, знакомо. Хотя она использовала его лишь единожды, она чувствовала, будто он успокаивает её и она успокоилась. На протяжении битвы с Шончан, он был её оружием. Впервые она поняла какую связь может чувствовать

солдат со своим мечем.

Свечение Силы замерцало вокруг женщин в ряду, подобно зажженному ряду фонарей. Эгвейн обняла Источник и почувствовала как Единая Сила хлынула в неё подобно водопаду, наполняя её и открывая её глаза. Мир стал слаще, ароматы масла от доспехов и от примятой травы стали сильнее.

В объятиях саидар она могла видеть оттенки цветов, которые Тень хотела сделать незаметными. Трава не была вся мертвой; там были тонкие намеки на зелень, расщепленные там, где трава цеплялась за жизнь. Среди нее были полёвки; сейчас она могла легко

почувствовать как пульсирует земля. Они ели гибнущие корни и цеплялись за жизнь.

Широко улыбаясь, она зачерпнула Единую Силу через рифленый жезл. Внутри этого потока она была переполненным морем силы и энергии, управляя одиноким судном и захватывая ветер. Наконец троллоки пришли в движение. Они рычали, громадная лавина оружия, зубов, вонючих глаз, которые были слишком человеческие. Возможно, Мурддраал увидел впереди Айз Седай и решил атаковать и уничтожить направляющих человечества.

Другие женщины ожидали знака

Эгвейн. Они не соединились в круг — круг был наилучшим средством, когда нужно было сфокусировать точный поток Единой Силы. Сегодня это не было целью. Сегодня было целью просто уничтожение.

Как только троллоки оказались на полпути до холмов Эгвейн начала свое наступление. Она всегда была необычайно сильна в Земле, поэтому она начала с самых простых и разрушительных плетений. Она послала потоки Земли в почву под троллоками в длинной шеренге, после взметнула землю вверх. При помощи са'ангриала Воры это было так же легко, как подбросить горсть гальки в воздух.

По этому знаку все женщины в ряду сформировали плетения. Воздух зарябил от светящихся нитей. Потоки чистого огня, брошенной земли, порывов ветра взрывались сталкивая троллоков между собой, заставляя их падать и кувыркаться.

Троллоки, которых Эгвейн подбросила в воздух, упали на землю, многие из них лишились ног или ступней. Кости ломались и троллоки вопили в агонии, когда их товарищи падали на них. Эгвейн позволила второй шеренге натолкнуться на павших, затем ударила снова. На этот раз она сосредоточилась не на земле, а на металле.

Металл в броне, в оружии и на запястьях. Она разрушила топоры и мечи, кольчуги и редкие латы. Она разметала металлические части со смертельной скоростью. Воздух покраснел от распыляемой крови. Следующая шеренга попыталась остановиться, чтобы избежать шрапнели, но инерция троллоков позади них была слишком велика. Они толкали своих товарищей вперед в зону смерти и топтали их.

Эгвейн убила следующую волну также взрывая металл. Это было сложнее, чем плетения земли, но одновременно не давало излишних знаков задним шеренгам, что позволяло ей продолжать убивать, не

давая им понять, что они делают, толкая своих товарищей вперёд.

Потом Эгвейн вернулась к разрыванию земли. Было что-то возбуждающее в использовании сырой силы, в направлении плетений в их наиболее простых формах. В этот момент — нанесения увечий, уничтожения, сеяния смерти среди врагов — она чувствовала себя будто единой с самой землёй. Будто она выполняет работу, выполнение которой земля жаждала так долго. Запустение и Отродия тени, которых оно породило, были болезнью. Инфекцией. Эгвейн — охваченная страстью Единой Силы, пылающий маяк смерти и правосудия — была

очищающим огнём, который принесёт земле исцеление.

Троллоки пытались сильнее прорваться сквозь плетения Айз Седай, но это только завлекло все больше и больше их в сети Белой Башни. Зеленые подтверждали репутацию своей Айя, — выпуская в троллоков одну волну разрушения за другой, — однако и другие Айя также делали это хорошо.

Земля дрожала, и воздух был переполнен криками умирающих. Распотрошенные тела. Горелая плоть. Многие солдаты из передних шеренг опустошили свои желудки глядя на это зрелище. Айз Седай всё ещё перемалывали шеренги

троллоков. В особенности сёстры выискивали Мурддраалов, как им было приказано. Эгвейн самолично убила одного из них, отделив безглазую голову от шеи с помощью плетений огня и воздуха.

Каждый убитый исчезающий повергал связанный с ним кулак троллоков.

Эгвейн удвоила свои атаки. Она ударила шеренгу волной взрывающейся земли, затем направила потоки воздуха в упавшие тела, толкая их назад так, чтобы они упали на задние шеренги. Она отверзала дыры в земле и заставляла камни в почве взрываться. Казалось, она убивала троллоков часами.

Наконец, отродия тени сломались, троллоки повернули вспять несмотря на приказы Мурдраалов. Эгвейн глубоко вдохнула — она начинала чувствовать слабость — и повергла больше Исчезающих. Наконец, они тоже сломались и побежали от холмов.

Эгвейн поникла в седле, опуская свой са'ангриал. Она не была в точности уверена сколько времени прошло. Солдаты поблизости смотрели широко открытыми глазами. Сегодня их кровь была не нужна.

— Это выглядело впечатляюще, — сказал Гавин, подводя свою лошадь вплотную к

её. — Было похоже на то, как будто они штурмуют городские стены, пытаясь принести осадные лестницы... только без стен или лестниц.

— Они вернутся, — сказала Эгвейн устало. — Мы убили лишь малый процент от их числа.

Завтра, или, самое позднее, послезавтра, они попробуют снова. Новую тактику, возможно — они попробуют разделять волны атакующих, чтобы Айз Седай было сложнее убивать большие их скопления в один миг.

— Мы удивили их, — сказала Эгвейн. — В следующий раз они будут более сильными. Сейчас, этой

ночью, мы устояли.

— Ты не просто устояла, Эгвейн, сказал Гавин с улыбкой. — Ты послала их в бегство. Не думаю, что я когда-либо видел армию, разбитую настолько сильно.

Похоже вся армия была согласна с утверждением Гавина, так как они начали кричать ура, потрясая оружием. Эгвейн прогнала свою усталость и спрятала рифленый жезл. Поблизости другие Айз Седай опускали маленькие статуэтки, браслеты, броши, кольца и жезлы. Они опустошили хранилище Белой Башни забрав каждый ангриал и са'ангриал, — те немногие, которые у них были, — и распределили их

среди сестер на линии фронта. В конце каждого дня они собирались и доставлялись женщинам, которые проводили Исцеление.

Айз Седай развернулись и прошли назад сквозь кричащую ура армию. Время для скорби, к сожалению, придет. Айз Седай не могут биться в каждой битве. Сейчас, однако, Эгвейн была удовлетворена, позволив солдатам насладиться их победой, так как она была наилучшего вида. В её рядах не было потерь.

— Лорд Дракон и его разведчики начали обследовать Шайол Гул, — Башир указал на одну из заштрихованных карт, — Наше

сопротивление в Кандоре и Шайнаре вынуждает Тень ввести все больше войск в эти сражения. Скоро, Проклятые Земли будут главным образом пусты, за исключением костяка сил защитников. Ему будет легче нанести тогда удар по нему.

Илэйн кивнула. Она могла чувствовать Ранда, где-то в глубине ее сознания. Он беспокоился о чем-то, но был слишком далеко для нее, чтобы почувствовать больше, чем это. Ранд иногда посещал ее в лагере в Браймском Лесу, но сейчас он был на одном из других сражений.

Башир продолжил.

— Амерлин должна быть в состоянии удержаться в Кандоре,

если рассматривать число направляющих, которых она имеет. Я не волнуюсь по её поводу.

— Но вас волнуют Порубежники, — сказала Илэйн.

— Да. Они были вытеснены из Тарвиново Ущелья.

— Мне жаль, что они не были в состоянии удержаться там, но Порубежники были разбиты. Делать нечего, надо перебросить им силы, какие смогут помочь.

Башир кивнул.

— Возможно, лорд Мандрагоран сможет полностью изменить свое отступление, если бы у него было больше Айз Седай или Аша'манов.

Которых не было ни одного

лишнего, чтобы перебросить. Она послала ему какое-то количество Айз Седай из армии Эгвейн, чтобы помочь ему с начальным отступлением, и это помогло. Но если сам Ранд не смог отбить Повелителей Ужаса там...

— Лорд Агельмар узнает, что сделать, — сказала Илэйн, — Свет знает, он в состоянии отделить троллоков от большего количества населенных районов.

Башир проворчал.

— Отступление, как это — почти разгром, обычно не дает никаких шансов для руководства ходом сражения, — Башир стал водить по карте Шайнара.

Илэйн изучила его. Путь троллоков не избежал бы населённых пунктов. Фал Дара, Мос Ширэйр, Фал Моран... И с Повелителями Ужаса, городские стены были бы бесполезны.

— Направьте Лану и правителям Шайнара обращение — сказала она спокойно. "Приказываю сжечь Фал Дара и Анкор Дэйл, также как и Фал Моран и деревни вроде Медо. Сожгите все посевы, какие возможно и опустошите все города. Эвакуируйте гражданских в Тар Валон".

— Мне жаль, — сказал Башир мягко.

— Это то, что должно быть

сделать, не так ли?

— Конечно, — ответил Башир.

"Свет, какой беспорядок. Ну, а что ты ожидала? Аккуратность и простоту?"

Шаги по листьям объявили о Талманесе, приближающийся с одним из своих командующих. Кайренец выглядел усталым. Все были уставшими. Неделя сражения была только началом, но острые ощущения борьбы умерли. Теперь пришла реальная суровость войны. Дни борьбы или ожидания, чтобы сражаться, ночи, проведённые с мечом в руке даже, когда спишь.

Текущее местоположение Илэйн в Лесу — она должна будет покинуть

и начать продвижение утром на тысячу шагов дальше на юг, но их постоянное отступление через лес, делало ее перемещение — почти идеальным. Три небольших вереницы легким ходом, пространство для большого количества войск, чтобы расположиться лагерем, деревья на холме, которые работали также, как сторожевые вышки. Жалко, что они должны оставить это место утром.

— Троллоки контролируют всю южную часть леса, — сказал Башир, поглаживая усы, — Они избегают открытых пространств. Это означает, что наша конница не сможет эффективно действовать.

— Драконы фактически

бесполезны здесь, Ваше
Величество, — сказал Талманес,
входя в палатку, — Теперь, когда
Троллоки держатся вдали от тракта,
мы испытываем затруднения,
нанести какой-нибудь ущерб. Почти
невозможно маневрировать с
телегами драконов в лесу, и когда
нам действительно получается
сделать выстрел, мы убиваем больше
деревьев, чем Отродий Тени.

— Что из этого... всё равно что
случилось так, Алудра говорила о
чём-то новом?

— Ее зубы дракона? — спросил
Талманес, — Они лучше — дракон
выстреливает связку частей металла,
а не один шар. Оно поражает

большое пространство и работает хорошо в лесу, но я утверждаю, что драконы наносят меньше урона, чем стоило бы рисковать ими.

— Я думаю, что лес сослужил нам пользу, — сказал Башир, перемещая некоторые символы троллоков на карте, — Мы уменьшили их численность, но они становятся умными, придерживаясь густых лесов и пытаясь окружить нас.

— Есть предложения?

— Отступить, — ответил Башир, — Главное, отправиться на восток здесь.

— Оправиться к Эринин? Там нет ни одного моста, так далеко к

северу, — сказал Талманес.

Башир кивнул.

— Таким образом, вы знаете, о чём я собираюсь спросить. У вас есть группа мужчин, которые могут навести мосты. Пошлите их с несколькими драконами для защиты и сделайте, чтобы они построили мосты, непосредственно восточнее нас. Остальная часть наших войск не будет далеко позади. Открытый ландшафт там даст нашей кавалерии и драконам шанс нанести больше урона. Мы можем положиться на Эринин, чтобы замедлить троллоков, особенно, когда мы зажжём мосты. Несколько драконов, размещённых для прикрытия, должны замедлить

их продвижение. Дальше, мы продолжим путь на восток к Алгуэньи и повторим процесс. Тогда то мы окажемся на дороге к Кайрену. Пойдём дальше на север и, когда найдем подходящее место, где сможем выстоять — я думаю, что знаю такое место — мы развернёмся и столкнемся с Тенью с Кайреном позади нас.

— Вы, конечно, не думайте, что мы должны пройти весь этот путь, — сказала Илэйн.

Башир посмотрел на карту, щурясь, как будто видя через пергамент изображение самого себя на земле.

— Эти битвы были

волнующими, — мягко сказал он, — Но мы не контролируем их. Мы едем, как человек может ездить на лошади, которая панически ударилась в бегство. Я не могу сказать, где этот бег остановится. Я отвлеку его, я пошлю его через участки терновника. Но я не смогу остановить его, не сейчас, когда Троллоки продолжают наступать.

Илэйн нахмурилась. Она не могла позволить себе бесконечное отступление; она должна была победить этих Отродий Тени так быстро, насколько это возможно, таким образом, она смогла бы соединить остатки своих сил с армиями Лана и Эгвейн, чтобы

отогнать вторжения на севере.

Это был единственный способ, которым они хотели победить. Иначе, не имело бы значения, что Ранд сможет сделать против Темного.

Свет, какой беспорядок.

— Сделаем это.

Перрин положил свой молот на плечо, слушая, поскольку потеющий молодой посыльный передавал приказы Илэйн. Слабый ветер дул сквозь ветви леса позади. Огир сражались там. Он волновался, что они откажутся подвергать опасности деревья, но их бои... Свет, Перрин никогда не видел такую свирепость, чтобы соперничать с ней.

— Эта тактика не плоха, — сказал Тэм, прочтя приказы, — У Королевы есть хорошая голова для войны.

Перрин отправил посыльного. Он передал Галаду и нескольким из его командующих Белоплащников, о совещании.

— Она хорошо слушает тех, кто знает тактику, — сказал Перрин, — и не вмешивается.

— Это — то, что я имел в виду, парень, — сказал Тэм с улыбкой, — Быть главным — это не всегда о говорить людям, что сделать. Иногда, нужно знать, когда следует сделать шаг в сторону и послушать знающих людей.

— Мудрые слова, Тэм, — сказал Перрин, поворачиваясь приближающимся с севера. — Я предлагаю, чтобы ты принял их, поскольку ты умеешь командовать.

Перрин видел Ранда. Цвета плавали. Ранд, говорящий с Морейн на холодном скалистом горном хребте, он о чём-то спорил с ней. Они были почти готовы к вторжению в Шайол Гул. Перрин чувствовал рывок от Ранда, становясь более сильным. Скоро, Ранд будет нуждаться в нём.

— Перрин? — спросил Тэм, — Что за ерунда по поводу командования?

— У тебя есть наши силы,

Тэм, — пояснил Перрин, — Люди сейчас работают вместе; позволь Арганде, Галлене и Галаду помогать тебе.

Поблизости, Грейди открыл врата, через которые раненных в последнем бою отправляли за исцелением. Берелейн управляла больницей с другой стороны, которую Жёлтая Айя разместила в Майене. Воздух, прибывающий оттуда, был тёплым.

— Я не знаю, будут ли они слушать меня, Перрин, — сказал Тэм, — Я ведь простой фермер.

— Они слушали тебя достаточно хорошо и прежде.

— Это было, когда мы

путешествовали в дикой местности, — сказал Тэм, — Ты всегда был рядом. Они отвечали мне из-за твоего авторитета, — он потер подбородок, — У меня есть чувство, от того, как ты держишь взгляд на север, что ты не собираешься быть здесь гораздо дольше...

— Ранд нуждается во мне, — сказал Перрин тихо, — Сожги меня, Тэм, я ненавижу это, но я не могу сражаться вместе с тобой здесь, в Андоре. Кто-то должен прикрыть спину Ранду и это. ну, это буду я. Я знаю, так будет.

Тэм кивнул.

— Мы просто сходим к Арганде или Галленне и скажем, что они

теперь отвечают и за наших людей. В любом случае, почти все приказы отдает королева Илэйн.

— Парни! — крикнул Перрин, смотря на собранных солдат. Арганда консультировался с Галленне. Они повернулись к Перрину, также, как и соседи их Волчьей Гвардии наряду с Галадом и его Белоплащниками. Юный Барнхольд оценивал Перрина через темные глаза. Тот стал более непредсказуемым в последнее время. Свет пошли Галаду, чтобы он был в состоянии удержать его от бренди.

— Вы все принимаете мою власть, как предоставленную короной Андора? — спросил Перрин.

— Конечно, Лорд Златоокий, — назвался Арганда, — Я думал, что так было установлено.

— И данной мне властью я произвожу в лорды Тэма Ал'Тора, — провозгласил Перрин. — Именем его сына — Дракона Возрожденного — я назначаю его наместником Двуречья. Всю свою власть, власть Дракона Возрожденного я передаю ему. Если я не выживу в этом сражении, меня заменит Тэм..

Лагерь стих, потом мужчины закивали, кое-кто начал приветствовать Тэма. Тот застонал так тихо, что Перрин сомневался, слышал ли кто-то еще этот стон.

— Слишком поздно, чтобы

передать тебя Женскому Кругу для хорошей взбучки? — спросил Тэм, — Может быть, звук удара по заду и неделя проведённая при переноски воды для вдовы Ал'Тор?

— Извини, Тэм, — сказал Перрин, — Неалд, попытайтесь сделать врата в Черную Башню.

Молодой Аша'ман стал сосредоточенным.

— Они по-прежнему не работают, Лорд Златоокий.

Перрин покачал головой. Он услышал отчеты Лана с его сражения, где члены Черной Башни боролись за Тень. Что-то происходило там, что-то ужасное.

— Хорошо, назад к Меррилору,

тогда, — сказал Перрин.

Неалд кивнул, сосредотачиваясь.

Поскольку он работал, Перрин обратился к мужчинам.

— Я не хочу оставлять вас, но у меня есть эти крючки во мне, которые тянут меня на север. Я должен пойти к Ранду. Я попытаюсь возвратиться. Если не смогу... ну, я хочу, чтобы вы все знали, что я горжусь вами. Все Вы. Вам рады в моем доме, когда всё закончится. Мы откроем бочку или две из лучшего бренди мастера ал'Вира. Мы будем вспоминать тех, кто пал, и мы скажем нашим детям, как мы стояли, когда облака стали черными, и мир начал умирать. Мы скажем им, что

стояли плечом к плечу, и не было там места для Тени, чтобы протиснуться.

Он поднял Мэтиаллейнир к ним, и ему заплодировали. Не потому, что он заслужил это, а потому, что они, конечно, хотели.

Неалд открыл переходные врата. Перрин направился к нему, но внезапно замер, услышав своё имя. Он нахмурился, глядя на спешившего к нему Дэйна Борнхальда.

Перрин настороженно опустил руку на молот. Этот человек спас его от Троллоков и от товарища Белоплащника, но Перрин видел его неприязнь к себе. Он не мог обвинить Перрина в смерти своего отца, но это не значило, что ему

нравился или хотя бы, что он принял Перрина.

— На одно слово, Айбара, — сказал Борнхалд, смотря на Гаула, стоящего поблизости, — Лично.

Перрин махнул Гаулу, и айилец неохотно отступил. Он вышел с Борнхалдом подальше от открытых врат.

— Что такое? Если это из-за вашего отца...

— Свет, просто потише, — сказал Борнхальд, глядя вдаль, — Я не хочу говорить об этом. Я не очень хочу говорить про это. Но Вы должны знать. Свет сожги меня, Вы должны знать.

— Знать что?

— Айбара, — сказал Борнхальд, глубоко вздыхая, — Это не троллоки убили вашу семью.

Шок прошёл по телу Перрина.

— Мне очень жаль, — продолжил Борнхальд, глядя в сторону, — Это был Ордейт. Твой отец оскорбил его. Он разорвал всю семью, и мы обвинили троллоков. Я не убивал их, но я ничего не сказал. Так много крови.

— Что? — Перрин схватил Белоплащника за плечо, — Но они сказали... Я имею в виду... — Свет, он уже имел дело с ним!

Взгляд в глазах Борнхальда, когда его встретил Перрин, вытащил все это снова. Боль, ужас, потеря,

ярость. Борнхальд протянул руку и взял запястье Перрина, затем отложил её свободно от его плеча.

— Ужасное время, чтобы сказать вам это, я знаю, — сказал Борнхальд, — Но я не мог удержать это. Я просто... Мы можем пасть. Свет, весь мир может рухнуть. Я должен был поговорить, рассказать всё.

Он отстранился, двигаясь назад к другим Белоплащикам с опущенными глазами. Перрин стоял один, весь его мир трясся.

Всё прошлое он получил обратно. Он справился со всем этим: он оплакал свою семью. Всё было закончено, теперь.

Он может и продолжит двигаться дальше. Свет, старая боль возвратилась, но Перрин оттолкнул её и повернул свои глаза к воротам. К Ранду, и к своему долгу.

У него была работа, которую нужно сделать. Но Ордейт... Падан Фейн... Всё это только добавило к ужасным преступлениям того человека. Перрин увидит, как он заплатит, так или иначе.

Он приблизился к воротам для Перемещения, чтобы отправиться к Ранда, где к нему присоединился Гаул.

— Я иду в такое место, куда ты не можешь, друг мой, — сказал Перрин тихо, его боль стихала, —

Извини.

— Ты пойдешь в сон, что во сне, — сказал Гаул, а затем зевнул, — Оказывается, я устал.

— Но...

— Я иду, Перрин Айбара. Убей меня, если ты хочешь, чтобы я остался позади, — Перрин не смел оттолкнуть его. Он кивнул.

Перрин оглянулся, поднял молот еще раз. Когда он это сделал, то увидел через другие врата, что Грейди все еще держал открытыми, Майен. Внутри две фигуры в белом наблюдали за Гаулом. Он поднял копье в их сторону. Как он должен чувствовать себя, когда пара отличных воинов пережидают

Последнюю битву? Возможно, Ранд должен попытаться освободить гай'шан от их клятв в течение нескольких недель.

Ну, это, вероятно, повернуло бы каждого айильца против него. Свет защити мокроземца, который осмелился вмешаться в джи'и'тох.

Перрин нырнул через ворота, ступая на землю Меррилора. Оттуда, он и Гаул упаковали вещи, как будто для долгой поездки — продовольствие и много воды, столько, сколько они осмелились бы нести.

Это заняло у Перрина большую часть получаса, затем, пришлось убеждать Аша'манов Ранда

рассказать, где находится их лидер. Наконец, Нэфф неохотно открыл врата для Перрина. Он оставил Меррилор и вышел, как показалось, к Запустению. Только камни были холодными.

В воздухе пахло смертью, запусанием. Зловоние застало Перрина врасплох, и это заняло минуту, прежде чем он смог разобрать нормальные ароматы от дурного запаха. Ранд стоял впереди, на краю горного хребта, сложив руки за спиной. Группы его советников, командиры и охранники стояли позади, в том числе Морейн, Авиенда и Кадсуане. В этот момент, тем не менее, Ранд стоял один в

конце горного хребта.

Отдаленный, перед ними, высился пик Шайол Гул. Перрин почувствовал дрожь. Он был далеко, но Перрин не мог перепутать напряжённую решительность в выражении Ранда, когда он оценивал пик.

— Свет, — сказал Перрин, —
Время пришло?

— Нет, — мягко сказал Ранд, —
Это всего лишь тест, чтобы увидеть
чувствует ли он меня.

— Перрин? — спросила Найнив
из-за склона холма. Она
разговаривала с Морейн и на этот раз
не пахла приступом ненависти. Что-
то произошло между этими двумя

женщинами.

— Он мне нужен всего на миг, — сказал Перрин, взбираясь, чтобы присоединиться к Ранду в конце пласта выходящего на поверхность скалы. Сзади были некоторые из айил и Перрин не хотел чтобы они, а в особенности Хранительницы Мудрости, слышали то, что он хотел спросить у Ранда.

— У тебя есть этот миг и еще множество, Перрин, — сказал Ранд, — Я у тебя в неоплатном долгу. Чего ты хочешь?

— Ну — Перрин бросил взгляд через плечо. Знают ли Морейн или Найнив достаточно, чтобы попытаться его остановить?

Возможно. Женщины всегда пытаются остановить мужчину от выполнения того, что должно, как если бы волновались, что он сломает себе шею. И не имело значения, что шла Последняя Битва.

— Перрин? — спросил Ранд.

— Ранд, мне нужно войти в волчий сон.

— Тел'аран'риод? — сказал Ранд. — Перрин, я не знаю, что ты там делаешь; ты рассказал мне слишком мало. Я заметил, что ты должен знать, как...

— Я знаю один способ, как войти в него, — прошептал Перрин так, чтобы Хранительницы Мудрости и другие вокруг не могли его

услышать, — Простой путь. Мне нужно нечто другое. Ты знаешь вещи, ты помнишь вещи. Есть ли что-нибудь в древних воспоминаниях, которые расскажут мне, как входить в Мир Снов во плоти?

Ранд помрачнел.

— Ты спрашиваешь об опасных вещах.

— Столь же опасных, насколько опасно то, что ты собираешься сделать, при том, что ты должен это сделать.

— Возможно, — нахмурился Ранд, — Если бы я знал раньше, когда я... Хорошо, давай всего лишь скажу, что кое-кто назвал бы твой запрос очень, очень злым.

— Он не злой, Ранд, — сказал Перрин. — Я узнаю что-либо злое, когда чую его. Он не злой, он просто невероятно глупый.

Ранд улыбнулся.

— И ты все еще просишь?

— Хорошие способы прошли, Ранд. Лучше сделать что-то безрассудное, чем вообще ничего не сделать.

Ранд не ответил.

— Смотри, — сказал Перрин. — Мы говорили о Черной Башне. Я знаю, что тебя это беспокоит.

— Мне нужно пойти туда, — сказал Ранд, чувствуя потемнение, — И это все еще очевидная ловушка.

— Я думаю, что знаю кого

можно частично винить, — сказал Перрин. — Там тот, с кем я должен сойтись лицом к лицу, и я не смогу победить его, если не смогу биться с ним на равных. Там, во сне.

Ранд медленно кивнул.

— Колесо плетет, как желает Колесо. Мы вынуждены покинуть Запустение; ты не сможешь войти в сон из...

Он замолк, потом сделал что-то, создавая плетение. Перед ним открылись переходные врата. Их что-то отличало от обычных врат.

— Видишь, — сказал Ранд. — Миры накладываются друг на друга, сжимаются. То что когда-то было разделено, более не остается таким

же. Эти врата перенесут тебя в сон. Будь осторожен, Перрин. Если ты умрёшь в этом месте будучи во плоти, это может иметь... последствия. Твоя участь может быть хуже самой смерти, особенно сейчас. В эти времена.

— Знаю, — сказал Перрин. — Мне понадобится выход. Может ли один из твоих Аша'манов создавать одно из таких врат ежедневно, на закате? Скажем, на площадке для перемещений Меррилора?

— Опасно, — шепнул Ранд, — Но я сделаю это.

Перрин благодарно кивнул.

— Если будет угодно Свету, мы увидимся снова, — сказал Ранд. Он

протянул свою руку Перрину, — Проследи за Мэтом. Я честно не уверен, что он собирается делать, но я чувствую, что это будет очень опасно для всех вовлеченных.

— Не как мы, — сказал Перрин, пожимая Ранду руку. — Мы оба намного лучше придерживаемся безопасных путей.

Ранд улыбнулся.

— Да осияет тебя Свет, Перрин Айбара.

— И тебя, Ранд Ал'Тор. — Перрин заколебался и понял что происходило. Они прощались. Он заключил Ранда в объятия.

— Позаботьтесь о нём, вы обе, — сказал Перрин, глядя на

Найнив и Морейн, после того как разомкнул объятия, — Слышали меня?

— О, теперь ты хочешь, чтобы я следила за Рандом? — сказала Найнив, уперев руки в бока, — Я не уверена, что когда-либо прекращала это, Перрин Айбара. И не думай, что я не слышала о чем вы оба тут шептались. Ты делаешь что-то глупое, не так ли?

— Как и всегда, — сказал Перрин, поднимая руку для прощания с Томом. — Гаул, ты уверен, что хочешь это сделать?

— Да, — сказал айилец, послабляя своё копье и глядя сквозь созданные Рандом переходные врата

Без лишних слов, оба взвалили
свои тяжелые пожитки и шагнули в
Мир Снов.

Глава 14

Порции вилочника.

— Это правильно. — прошептал Перрин Гаулу, глядя на пейзаж.

— Он гибнет.

В кипящем, бурлящем, вспененном черном небе волчьего сна не было ничего нового, но буря, о котором предзнаменовало небо в течение нескольких месяцев, наконец наступила. Ветер дул чудовищными порывами, превращая его в неестественные узоры. Перрин

застегнул свой плащ, затем сконцентрировал свои мысли, представив, что все вокруг должно быть закреплено строго на своих местах.

Маленький пузырек спокойствия вытянулся из него, отклоняя сильнейший ветер. Это было легче, чем он ожидал. Как если бы он потянулся за тяжелым брусом дуба, а он оказался легким, как сосна.

Ландшафт казался менее реальным, чем он обычно был. Неистовые ветра буквально стерли с лица с земли холмы, словно эрозия на большой скорости. В других местах земля вздымалась, образуя

череду гор и новые склоны холмов. Куски земли взлетали в воздух, разбиваясь вдребезги. Земля разрывала сама себя.

Он схватил плечо Гаула и переместил их двоих далеко от этого места. Оно было слишком близко к Ранду, подозревал Перрин. Действительно, когда они появились на знакомой равнине южнее — на место, где он охотился с Прыгуном — они сочли бурю менее сильной.

Они убрали свои тяжелые сумки, загруженные едой и водой, в заросли кустарников. Перрин не знал, могли ли бы они выжить на еде или воде, найденной во сне, но он не хотел узнавать этого. У них должно

быть еды достаточно, чтобы пробыть здесь в течение приблизительно одной недели, и, пока у них были врата, ждущие их, он чувствовал себя комфортно — или, по крайней мере, удовлетворённо — с теми рисками, которые он брал на себя в этом месте.

Пейзаж здесь не искажался таким же образом, как около Шайол Гул. Однако, если бы он наблюдал за пространством достаточно долго, то мог бы уловить части... что же, все потянулось вверх за ветром. Мертвые волокна стеблей, фрагменты стволов деревьев, куски грязи и щепки скалы — все медленно тянулось к этим ненасытным черным облакам. После

входа в волчий сон, когда он оглядывался назад, вещи, которые были сломаны, часто бывали снова целы. Он понял. Это место поглощалось, медленно, словно просыпающийся мир. Здесь, было просто легче это увидеть.

Ветры, которые хлестали их, не были настолько сильны, что он вынужден был держаться от них в страхе. Они чувствовались подобно ветрам в начале шторма, прямо как до начала дождя и ударов молний. Предвестники надвигающегося разрушения.

Гаул натянул вуаль на своё лицо и стал смотреть подозрительно. Его одежда изменилась в оттенке, чтобы

соответствовать зелени.

— Ты должен быть очень осторожными здесь, Гаул, — сказал Перрин, — Твои случайные мысли могут стать действительностью.

Гаул кивнул, потом нерешительно открыл лицо.

— Я послушаю и сделаю как положено.

Было ободрительно, что одежда Гаула не изменялась слишком часто, когда они шли через поле.

— Просто попытайтесь держать свой ум ясным, — пояснил Перрин, — Свободным от мыслей. Доверься инстинктам и следуй моим примером.

— Я буду охотиться, как гара, —

сказал Гаул кивая, — Мое копье твоё, Перрин Айбара.

Перрин шел через поле, волнуясь, что Гаул случайно перенесет себя куда-нибудь, подумав о чем-то. Тем не менее, этот человек едва перенес различные последствия волчьего сна. Его одежда изменилась бы слегка, если бы он был ранен, его снятая вуаль в этом месте без его намерения, но это, казалось, было пределом.

— Хорошо — сказал Перрин. — Я собираюсь перенести нас в Черную Башню. Мы охотимся на опасную добычу, человека под именем Губитель. Ты помнишь лорда Люка?

— Лопинджинни? — спросил

Гаул

Перрин нахмурился.

— Это — разновидность птицы, — сказал Гаул, — Из Трехкратной земли. Я не часто видел этого человека, но он, казался из тех, кто говорит много, но внутри является трусом.

— Ну, это было притворством, — сказал Перрин, — И так или иначе, он — совсем другой человек во сне — здесь, он хищник под именем Губитель, который охотятся на волков и мужчин. Он силен. Если он решает убить тебя, он может появиться позади тебя в мгновении ока и представить тебя

связанным виноградными лозами и неспособными переместиться. Ты будешь пойман в ловушку, он разрежет твое горло.

Гаул рассмеялся.

— Это смешно? — спросил Перрин.

— Ты ведешь себя так, как будто это что-то новое — объяснил Гаул. — Все же в первом сне, везде, куда я иду, я окружен женщинами и мужчинами, которые могли связать меня в воздухе одной мыслью и убить в любое время. Я приучен к тому, чтобы быть бессильным рядом с некоторыми, Перрина Айраба. Это — путь мира во всех проявлениях -

— Однако — сказал Перрин

серьезно, — Если мы найдем Губителя — у него квадратное лицо, глаза, которые не кажутся полностью живыми, и он одевается в темную кожу — я хочу, чтобы ты держался от него подальше. Позвольте мне сражаться с ним.

— Но...

— Ты сказал, что будешь повиноваться, Гаул, — сказал Перрин, — Это важно. Он забрал Прыгуна; я не хочу, чтобы он забрал также тебя. Ты не сражаешься с Губителем.

— Очень хорошо — сказала Гаул — Я даю клятву. Я не начну танец копий с этим человеком, пока ты не согласишься.

Перрин вздохнул, представив Гаула, стоящего с убранным копьем и позволяющим Губителю убивать его из-за этой клятвы. Свет, но Айил могли быть колючими.

— Ты можешь сражаться с ним, если он нападает, — сказал Перрин, — Но только для спасения. Не охоться на него, и если я борюсь с ним, не стой на пути. Понял?

Гаул кивнул. Перрин положил руку на плечо Айильца, затем переместил их в направлении Черной Башни. Перрин никогда не был там прежде, получается, он должен был предположить, где его можно найти. Первое смещение закончилось, доставляя их в

местность Андора, где покрытые травой холмы, казалось, танцевали на крутящихся ветрах. Перрин предпочел бы просто прыгать от вершины до вершины, но он не думал, что Гаул был готов к этому. Он использовал смещение вместо этого.

После четырех или пяти попыток Перрин доставил их к месту, где он разыскал прозрачный, слабо фиолетовый купол, возвышающийся в отдалении.

— Что это? — спросил Гаул

— Наша цель — сказал Перрин. — Это — вещь, препятствующая Грэйди и Неалду создать врата в Черную Башню.

— Точно так же, как мы были

связаны в Гаэлдане.

— Да.

Увиденный купол всколыхнул воспоминания, очень яркие, воспоминания гибели волков. Перрин заглушил их. Подобные воспоминания здесь могли привести к неспособности ясно мыслить. Он позволил себе ощутить обжигающую ярость глубоко внутри, словно пыл его молота, но на этом все.

— Пошли, — сказал Перрин, перемещая их вниз к куполу. Он был похож на стекло, — Вытяни меня на свободу, если я упаду в обморок, — сказал он Гаулу, затем ступил за барьер.

Возникло чувство, как будто он

столкнулся с чем-то невероятно холодным. Это высосало его силу.

Он запнулся, но сконцентрировал свои мысли на цели. Губитель. Убийца волков. Убийца Прыгуна.

Перрин распрямился, когда его сила вернулась. Это было легче, чем в прошлый раз; нахождение в волчьем сне во плоти действительно делало его более сильным. Он не должен был волноваться о вхождении в сон слишком сильно и о том, что умрет в реальном мире, если оставит свое тело.

Он медленно продвигался через барьер, как будто через воду, и вышел на другую сторону. Позади, Гаул

дотянулся до барьера с любопытством на лице, затем коснулся стены купола указательным пальцем.

Гаул немедленно упал на землю, онемев словно кукла. Его копья и стрелы упали возле его тела, и он лежал совершенно тихо, его грудь не поднималась. Перрин потянулся через барьер — его замедленная рука — и захватил Гаула за ногу, чтобы потянуть к себе.

Внезапно с другой стороны, Гаул закашлял, затем постанывая перевернулся. Он привстал, держа свою голову. Перрин спокойно принес стрелы и копья к нему.

— Это будет хорошим опытом

для нас, — сказал Гаул. Он встал и потер руку, ушибленную о землю. — Хранительницы Мудрости называют перемещение в это место таким образом злом? Мне кажется они любили бы приводить сюда мужчин, чтобы показывать наглядный пример.

Перрин следил за Гаулом. Он не понял, что мужчина услышал его разговор с Эдарой о волчьем сне.

— Что я делал, чтобы заслужить твою привязанность, Гаул? — спросил Перрин, в основном для себя.

Гаул рассмеялся.

— Ничего такого.

— Что ты имеешь в виду? Я освободил тебя из той клетки.

Именно поэтому ты следуешь за мной.

— Это почему я начал следовать за тобой, — сказал Гаул, — Это не то, почему я остался. Пошли, если там не опасно, так мы охотимся?

Перрин кивнул, и Гаул скрыл за вуалью лицо. Вместе, они шли внутри купола, приближаясь к строению внутри. Было приличное расстояние от одного края купола к центру, но Перрин не хотел прыгать, чтобы иметь эффект неожиданности, так что они продолжили пешком, пересекая ландшафт открытых полей с рощами деревьев.

Они продвигались около получаса прежде, чем достигли стен.

Высокие и внушительные, они выглядели как стены вокруг крупного города. Перрин с Гаулом подошли поближе, Гаул разведывал местность с большой осторожностью, как будто ожидал быть атакованным в любой момент. Если бы Губитель был здесь, то он бы притаился в центре купола. И у него, вероятнее всего, имеются расставленные ловушки.

Перрин схватил Гаула за плечо и немедленно перенес их на верх стены. Гаул направился в одну из сторон, низко присев он осматривал пост охраны.

Перрин прошел к внутренней стороне стены, заглядывая. Черная Башня не была так внушительна, как

подразумевала внешняя сторона: отдаленная деревня из хижин и небольших зданий, кроме того большого проекта строительства.

— Они высокомерны, разве ты не сказал бы так? — спросил женский голос.

Перрин подскочил, крутанулся, призвал молот к своим рукам и подготовил кирпичную стены вокруг себя для защиты. Низкая молодая женщина с серебристыми волосами стояла рядом с ним, стоя прямо, как будто пыталась казаться более высокой, чем была. Она носила белую одежду, перевязанную в талии серебряным поясом. Он не признал это лицо, но он действительно знал

ее запах.

— Лунная охотница, — почти прорычал Перрин, — Ланфир.

— Мне больше нельзя использовать это имя, — сказала она, постукивая пальцем по стене, — Он очень строг с именами.

Перрин отступил, глядя из стороны в сторону. Она работала с Губителем? Гаул появился из поста охраны и замер, увидев ее. Перрин протянул руку, чтобы остановить его. Сможет ли он подскочить к Гаулу и переместиться прежде, чем она нападёт?

— Лунная охотница? — спросила Ланфир, — Это так волки называют меня? Это не правильно,

нисколько. Я не охочусь на луну. Луна уже моя, — она склонилась, кладя свои руки на высокую зубчатую стену.

— Что ты хочешь? — потребовал Перрин.

— Месть, — прошептала она. Потом Ланфир посмотрела на него, — Того же, чего хочешь ты, Перрин.

— Я должен полагать, что ты хочешь убить Губителя?

— Губитель? Тот сиротский мальчик-посыльный Моридина? Он не интересуется меня. Моя месть будет против другого.

— Кто?

— Тот, кто вызвал моё

заклучение, — сказала она мягко, неистово. Внезапно, Ланфир посмотрела на небеса. Ее глаза расширились в тревоге, и она исчезла.

Перрин переложил свой молот из одной руки в другую, как только Гаул пополз вперед, пытаясь наблюдать во все направления сразу.

— Что это было? — он прошептал, — Айз Седай?

— Хуже, — сказал Перрин с гримасой, — У Айил есть имя для Ланфир?

Гаул издал глубокий вздох

— Я не знаю, чего она хочет, — сказал Перрин, — Она никогда не имела смысла для меня. Если

повезет, мы просто пересеклись, и она будет продолжать то, чем была занята.

Он не поверил в это, только не после того, о чем волки сообщили ему ранее. Лунная охотница хотела его.

"Свет, как будто у меня не было достаточно неприятностей."

Он перенес их к нижней части стены, и они продолжили.

Тувин опустилась на колени рядом с Логайном. Андрол был вынужден смотреть, как она погладила его по подбородку, его утомленные глаза открылись и посмотрели на нее с ужасом.

— Всё в порядке, — сказала она

сладко, — Ты можешь прекратить сопротивляться. Расслабься, Логайн. Сдайся.

Она была Обращена так легко. По-видимому, связанная с тринадцати Полулюдьми и направляющими мужчинами было легче обратить направляющих женщин, и наоборот. Именно поэтому у них было столько проблем с Логайном.

— Возьмите его, — сказала Тувин, указывая на Логайна, — Давайте увидим его обращённым, раз и навсегда. Он заслуживает мира щедрости Великого Повелителя.

Прихвостни Таима вырвали Логайна. Андрол смотрел с

отчаянием. Таим, очевидно, считает Логайна призом. Обрати его, и остальная часть Черной Башни пошла бы легко. Многие ребята наверху выше пошли бы охотно на такую судьбу, если им прикажет Логайн.

"Как он может продолжать бороться?" думал Андрол. Величественный Эмарин был сведён до хныкающей развалины только после двух попыток, хотя он еще не был Обращён. Логайн перенес почти дюжину, и тем не менее он сопротивлялся.

Всё изменится, поскольку у Таима теперь были женщины. Вскоре после Обращения Тувин прибыли

другие, сестры из Черной Айя во главе с неприятно уродливой женщиной, которая говорила с властью. Остальные Красные, которые пришли с Певарой, присоединились к ним.

Сонливое беспокойство текло через связь Певары к Андролу. Она проснулась, но не полностью от того напитка, который мешал ей направлять. Собственный ум Андрола чувствовался относительно ясным. Сколько времени прошло с тех пор, как его заставили выпить эту муть из чашки, когда они впервые дали Эмарину?

"Логайн... не будет держаться больше так долго." Послание Певары

было пропитано усталостью и растущей тревогой. "Что будем..." Мысли убегали, становясь запутанными.

"Чтоб мне сгореть! Что мы собираемся делать?"

Логайн кричал от боли. Он не делал так прежде. Это казалось очень плохим знаком. В дверным проеме стоял Эвин и смотрел. Внезапно он посмотрел через плечо, схватив что-то.

"Свет, подумал Андрол. Могло ли это быть... его безумие, вызванное порчей? Оно все еще там?"

Впервые Андрол заметил, что был огражден, чего они никогда не

делали с пленниками, если есть разрешение на уменьшение их дозы корня вилочника, значит, они могли быть Обращены.

Это дало всплеску паники пробежаться через него. Придут ли они за ним следующим?

"Андрол?" Послала Певара. "У меня есть идея."

"Какая?"

Андрол начал кашлять через кляп. Эвин подскочил, затем подошёл, после чего из его фляги полилась вода на кляп. Аборс — один из подручных Таима — бездельничал напротив стены. Он держал щит. Аша'ман поглядел на Андрола, но что-то в другой стороне

комнаты привлекло его внимание.

Андрол стал кашлять ещё хуже, так Эвин развязал кляп и перевернул его на сторону, давая выплюнуть воду.

— Теперь успокойся, — сказал Эвин, оглядываясь на Аборса, который был слишком далеко, чтобы слышать, — Не заставляй их сердиться на тебя, Андрол.

Обращение человека к Тени не было идеальным. В то время как это изменяло их взгляды, не изменяло все в них. Вещи в голове Эвина были его воспоминаниями, его личность, и — Свет знает — его недостатки.

— Ты убедил их? — прошептал Андрол, — Не убивать меня?

— Я пытаюсь! — ответил Эвин, наклоняясь низко, глаза бешеные, — Они продолжают говорить, что ты бесполезен, так как не можешь направлять очень хорошо, но ни один из них не создаёт такие врата для перемещения людей. Я сказал им, что ты сделаешь это для них. Ты ведь сделаешь, не так ли?

— Конечно, — сказал Андрол, — Это лучше, чем смерть.

Эвин кивнул.

— Они прекратили твою дозу вилочника. Они возьмут тебя следующим после Логайна. М'Хаэлю наконец послали новых женщин от Великого Повелителя, женщин, которые не устали от направления за

всё это время. Их прибытие, и Тувин и Красных означает, что обращение должно пойти теперь быстрее. Логайн должен быть у М'Хаэля к концу дня.

— Я буду служить им, — сказал Андрол, — Я поклянусь Великому Повелителю.

— Это хорошо, Андрол, — сказал Эвин, — Но мы не можем позволить тебе уйти, пока не будешь Обращён. М'Хаэль не примет простую клятву. Всё будет в порядке. Я сказал им, что ты Обратишься легко. Ты будешь, не так ли? Без сопротивления?

— Я не буду сопротивляться.

— Благовари Великого

Повелителя, — проговорил Эвин, расслабляясь.

"Ох, Эвин. Ты никогда не был ужасно умным."

— Эвин, — прошептал Андрол, — Ты должен следить за Аборсом. Ты знаешь это, верно?

— Я один из них сейчас, Андрол, — ответил Эвин, — Мне не нужно беспокоиться о них.

— Это хорошо — прошептал Андрол — Я слышал, что он сказал о тебе, должно быть, ничего такого -

Эвин заволновался. Этот взгляд в его глазах... это был испуг. Порча была снята. Джоннет, Эмарин и другие новые Аша'маны никогда не должны были пострадать от безумия.

Она проявлялась по-разному у других Аша'манов, и с разной быстротой. Однако, страх был наиболее распространенным. Он приходил волнами; страх поглотил Эвина, когда произошло очищение. Андрол видел, что Аша'ман подавлен, поскольку порча поглотила его. Он хорошо знал этот взгляд в глазах Эвина. Хотя парень был обращен, он все еще нес безумие с собой. Он будет таким вечно.

— Что он сказал? — спросил Эвин.

— Ему не понравилось то, что ты был обращен — сказал Андрол — Он думает, что ты займешь его место.

— Хм -

— Эвин... он может планировать убить тебя. Береги себя.

Эвин встал.

— Спасибо, Андрол.

Он ушел, оставляя Андрола без кляпа.

"Это... возможно не сработает", послала Певара вяло.

Она не жила среди них достаточно долго. Она не видела то, что безумие могло сделать и не знала, как распознать его в глазах Аша'ман. Обычно, когда один из них становится таким, они ограждают его, до того как безумие возьмет верх. Если это не срабатывало, Таим добавлял что-то в их вино, и они не просыпались более.

Если бы их не остановили, то они дошли бы до разрушений. Они убили бы самых близких для них, набросившись сперва на людей, которых они любили.

Андрол знал что такое безумие. Он знал, оно тоже было в нем. Это ошибка, Таим, думал он. Ты используешь наших собственных друзей против нас, но мы знаем их лучше, чем ты.

Эвин напал на Аборса. Нападение произошло взрывом Единой Силы. Секунду спустя щит Андрола исчез.

Андрол охватил Источник. Он не был очень силен, но у него было достаточно Силы сжечь несколько

веревки. Он оказался свободный от его пут, руки окровавлены, он изучал комнату. Он был не в состоянии видеть ее прежде, не полностью.

Комната была больше, чем он предполагал, размер небольшого тронного зала. Широкое круглое возвышение находилось в дальнем конце, на возвышении стояли двойным кольцом мурдраалы и женщины. Он дрожал, поскольку он видел Исчезающих. Свет, их пристальный взгляд слепых глаз был ужасен.

Опустошенные мужчины Таима поддерживали далекий щит, Аша'маны, потерпели неудачу в обращении Логайна. Он сидел на

возвышении, сутулый и привязанный к стулу в центре двойного кольца. Как на троне. Голова Логайна наклонилась на бок, его глаза были закрыты. Он, казалось, шептал что-то.

Таим подбежал, разъяренный к Эвину, который сражался с Мишраелом около дымящегося трупа Аборса. Эвин и Мишраел, обнимающие Единый Источник, боролись на полу, в руках Эвина был нож.

Андрол пополз к Эмарину, и почти потерпел неудачу, поскольку его ноги не выдерживали. Свет! Он был слаб, но ему удалось сжечь путы Эмарина, затем путы Певары. Она

покачала головой, пытаюсь прояснить ум. Эмарин кивнул в благодарность.

— Вы можете направлять? — прошептал Андрол. Внимание Таима было направлено на сражение Эвина.

Эмарин покачал головой.

— Они дали нам напиток...

Андрол пытался ухватиться за Единую Силу. Тени начали удлинять вокруг него.

Нет! подумал он. Только не сейчас!

Врата. Он нуждался во вратах! Андрол наполнился Единой Силой, формируя плетение для перемещения. И все же, как и прежде, он наткнулся на некий барьер — как стена, препятствующая

тому, чтобы он открыл ворота. Расстроенный, он попытался сделать их более близко. Возможно, расстояние имело значение. Мог ли он сделать ворота в магазин Кэнлера выше над ними?

Он боролся с этой стеной, сражался всей силой, что он имел. Он напрягся, медленно продвигаясь ближе; он почти мог сделать это... Он чувствовал, как будто что-то происходило.

— Пожалуйста — прошептал он. — Пожалуйста, откройся. Мы должны выбраться отсюда... -

Эвин пал от плетений Таима.

— Что это было? — проревел Таим.

— Я не знаю — сказал Мишрэль. — Эвин напал на нас! Он говорил с мальчишкой-служгой, и...

Оба направились к Андролу. Андрол прекратил пытаться создать врата, вместо этого в отчаянии направил плетение огня на Таима.

Таим улыбнулся. К тому времени, когда язычок пламени Андрола достиг его, он исчез рассеченный плетением Воздуха и Воды.

— Ты стойкий — сказал Таим, швырнув Андрола о стену плетением Воздуха.

Андрол задохнулся в боли. Эмарин с головокружением встал на свои ноги, но в следующую секунду

плетение Воздуха, сбило его. Ошеломленный, Андрол почувствовал, как был поднят в воздух и полетел через комнату.

Уродливая женщина в черном, вышла из круга Айз Седай и приблизилась к Таиму.

— Похоже М'Хаэль — сказала она. — Ты контролируешь это место меньше, чем говорил.

— У меня плохие средства — сказал Таим. — Мне нужно было дать больше женщин пораньше!

— Ты довел своих Аша'манов до истощения — ответила женщина. — Ты растратил их силу. Я заберу управление...

Таим, стоял на возвышении,

рядом с изможденным Логайном, женщинами и Исчезающими. Он, казалось, рассматривал эту женщину, возможно одну из Отрекшихся, самой опасной, чем кто-либо еще в этой комнате.

— Ты думаешь, что это сработает, не так ли? — спросил Таим.

— Когда Ниблис услышит о том, какой ты неуклюжий...

— Ниблис? Я забочусь не о Моридине. Я уже сделал подарок самому Великому Повелителю. Остерегайся, я нахожусь в его милости. Я держу ключи в своих руках, Хессалам...

— Ты имеешь в виду... ты

действительно сделал это? Ты украл их?

Таим улыбнулся. Он возвратился к Андролу, который боролся в воздухе без успеха. Он не был огражден. Он направил, другое плетение на Таима, но он с безразличием нейтрализовал его.

Андрол даже не стоило ограждать. Таим опустил его вниз плетением Воздуха. Андрол сильно ударился о землю. Он проворчал.

— Сколько времени ты обучался здесь, Андрол? — спросил Таим. — Ты позоришь меня. Это было лучшее, что ты можете сделать, когда пытался убить меня?

Андрол с болью поднялся на

колени. Он чувствовал боль и беспокойство Певары позади его, ее ум был омрачен корнем вилочника. Перед ним был Логайн, он сидел на своем троне, заключенный, окруженный врагами. Глаза его были закрыты; он был едва в сознании.

— Мы закончили здесь — сказал Таим. — Мишраэль, убей этих пленников. Мы заберем всех, кто посильнее и переправим их в Шайол Гул. Великий Повелитель обещал мне больше ресурсов для моей работы там.

Приспешники Таима приблизились. Андрол поднял глаза от своих коленей. Тьма сгустилась вокруг, фигуры, движущиеся в тени.

Темнота. он был в ужасе. Он должен был отпустить саидин, должен. И все же он не мог.

Он должен был начать плетение.

Таим поглядел на него, затем улыбнулся и сплел погибельный огонь.

Тени, все вокруг!

Андрол цеплялся за Силу.

Мертвые, они пришли за мной!

Он сплел инстинктивно, лучшее плетение что он знал. Врата. Они ударились о стену, ту блокирующую стену.

Такой усталый. Тени... Тени заберут меня.

Раскаленная добела полоса света вырвалась из пальцев Таима,

указывающих прямо на Андрола.

Андрол закричал, напряженно толкнул свои руки вперед и зафиксировал свое плетение на месте. Он он ударил эту стену и преодолел ее.

Врата шириной в монету открылись перед ним. Он поймал поток огня в них.

Таим нахмурился, и в комнате стало тихо, ошеломленные Аша'маны приостановили свои плетения. В этот момент дверь в комнату взорвалась внутрь.

Кэнлер, взревел, удерживая Единую Силу. Его сопровождало около двадцати или более двуреченцев, которые приехали,

чтобы обучаться в Черной Башне.

Таим завопил, ухватившись за Источник.

— Мы атакованы!

Купол, казалось, был сосредоточен на тех постройках, которые он отметил. Это было плохо; с теми фундаментами и ямами, у Губителя было бы много мест, чтобы скрыться и заманить его в засаду.

Как только они достигли деревни, Перрин указал на особенно большое здание. Два этажа, построенное как гостиница, с твердой деревянной крышей.

— Я собираюсь поднять тебя туда, — прошептал Перрин, — Готовь свой лук. Кричи, если

заметишь кого-нибудь, пытающегося подкрасться ко мне, хорошо?

Гаул кивнул. Перрин переместил их на вершину здания, и айилец занял позицию у дымохода. Его одежда смешалась, чтобы соответствовать цвету глиняных кирпичей, и он наклонился пониже, чтобы быть незаметным. Из-за этого не было бы большого радиуса поражения из лука, но отсюда, он будет смертелен.

Перрин приземлился на землю, медленно плывя последние несколько дюймов, чтобы воздержаться от шума. Он стал на корточки и сместился к стене здания, прямо перед ним. Он сместился

снова к краю последнего здания в шеренге перед котлованом, затем посмотрел через плечо. Гаул, очень хорошо скрывшийся наверху, поднял пальцы. Он проследил Перрина.

Отсюда Перрин пополз на животе, не желая смещаться в место, которое он не может увидеть своими глазами. Он достиг края первого кавернообразного отверстия в фундаменте и посмотрел вниз на грязный пол. Ветер все еще дул, и пыль вихрилась внизу, скрывая любые дорожки, которые могли быть оставлены

Перрин встал на корточки и начал свой путь вдоль периметра большого фундамента. Где же должен

быть точный центр купола? Он не мог сказать; купол был слишком большой. Он смотрел в оба.

Его внимание было настолько сосредоточено на дырах фундамента, что он почти натолкнулся на стражу. Тихий смешок одного из них предупредил его, и он немедленно сместился, перепрыгнув на другую сторону фундамента и упав на колени. В его руках появился двуреченский длинный лук. Он осмотрел покинутое им место с расстояния.

Дурак, подумал он наконец замечая их. Двое мужчин бездельничали в сторожке рядом с фундаментом. Сторожка была

сооружением такого типа, в котором рабочие, обычно, принимают пищу. Перрин выглядел немного встревоженным, но Губитель не поднялся из укрытия, чтобы атаковать его, а те двое стражников не смогли его заметить.

Он не мог заметить многие детали, поэтому он осторожно сместился назад к тому месту где он был. Он опустился на фундамент и создал земляной выступ на стене, чтобы стоять на нем, заглядывая через край отверстия в сторожке.

Да, там было двое. Мужчины в черных пальто. Аша'маны. Он думал что признаёт их после того что было у Колодцев Дюмай, когда они спасли

Ранда. Они были лояльны к нему, не правда ли? Посылал ли Ранд Перрину помощь?

Свет испепели этого человека, думал Перрин. Неужели он не мог быть немного искренним со всеми хотя бы в этот раз?

Конечно, даже Аша'маны могут быть Друзьями Темного. Размышлял Перрин, выбираясь из ямы и становясь напротив них.

— Сломанные инструменты, — праздно сказала Ланфир

Перрин подпрыгнул с проклятиями и обнаружил её стоящей на выступе рядом с ним, смотрящей вверх на двух мужчин

— Они были Обращены, —

сказала она. — Я всегда считала это бесполезным занятием. Ты теряешь нечто при трансформации — они никогда не будут служить также хорошо, как если бы они пришли по своей воле. О да, они будут лояльны, но свет уйдет. Самомотивация, искра искусности, которая делает из человека Человека.

— Веди себя тихо, — сказал Перрин. — Обращенные? Что ты имеешь ввиду? Это -

— Тринадцать Мурддраалов и тринадцать Повелителей ужаса. — ухмыльнулась Ланфир. — Такая грубость, такие отходы.

— Я не понимаю.

Ланфир вздохнула, говоря так,

будто объясняет ребенку.

— Тот, кто может направлять, может быть Обращен к Тени силой при правильных обстоятельствах. М'Хаэль столкнулся здесь с трудностями, пытаясь наладить процесс настолько легко насколько он желал бы. Он нуждался в женщинах для того, чтобы легко Обращать мужчин.

Свет, подумал Перрин. Знает ли Ранд, что подобное может случиться с людьми? Планируют ли они сделать подобное с ним?

— Я бы поостереглась этих двоих, — сказала Ланфир, — Они сильны.

— Тогда тебе следует говорить

тише, — прошептал Перрин

— Ба. Это довольно просто заглушать звук в этом месте. Я могу орать во все горло, и они не услышат. Видишь ли, они пьют? Они принесли вино с собою. Конечно, они здесь во плоти. Я сомневаюсь, что их лидер предупредил их об опасности этого.

Перрин посмотрел на стражников. Оба мужчины потягивали свое вино, чокаясь друг с другом. Пока Перрин наблюдал, первый сполз в сторону, затем второй повторил то же. Они заснули выпав из своих кресел и упав на землю.

— Что ты сделала?

— Корень вилочника в вине, — сказала Ланфир

— Почему ты мне помогаешь? — потребовал ответа Перрин

— Я слишком доверяю тебе, Перрин.

— Ты — одна из Отрекшихся!

— Была, — сказала Ланфир. —

Эта... привилегия была снята с меня. Темный обнаружил, что я планировала помочь Льюсу Тэрину победить. Теперь, я — Она застыла, снова глядя в направлении неба. Что она увидела в этих облаках? Что-то что заставило её побледнеть. Мгновением позже она исчезла.

Перрин пытался решить, что ему делать. Конечно, он не мог ей доверять. Однако, она хорошо знала

волчий сон. Она управляла своим появлением рядом с ним без единого звука. Это было жестче, чем казалось; должно было быть какое-то движение воздуха, вытесняемого ею в момент прибытия. Она могла приземляться настолько точно, что не производила шума и могла приглушить шелест своей одежды.

Сначала Перрин осознал, что в этот раз она также замаскировала свой запах. Он смог почуять ее только после того — она пахла нежной ночной лилией, — как она заговорила с ним.

Неуверенно, он вылез из ямы и приблизился к сторожке. Оба мужчины спали. Что случается с

людьми, которые спят внутри сна? Обычно, это должно отослать их назад в мир пробуждения — но они были тут во плоти.

Он вздрогнул, думая о том, что с ними произошло. "Обращенные?" Такое слово она использовала? Свет. Это казалось несправедливым. Не то чтобы Узор был всегда справедливым, признал Перрин, быстро обыскивая сторожку.

Он нашел Шип Сновидений воткнутым в землю под столом. Серебристый кусок металла выглядел как длинный палаточный клин, покрытый резными узорами по всей длине. Он был похож на другой, виденный им ранее, но не в

точности. Он высвободил его, потом подождал, рука на молоте, ожидая, что Губитель явится за ним.

— Его здесь нет, — сказала Ланфир

— Свет, — Перрин подпрыгнул, вздымая молот. Он обернулся. — Почему ты продолжаешь появляться в подобной манере, женщина?

— Он ищет меня, — сказала она, пялясь ввысь, — Предполагалось, что я не в состоянии делать это, поэтому его подозрительность растет. Если он найдет меня, он узнает наверняка, и я буду уничтожена, захвачена и выжжена из вечности.

— Ты ожидаешь от меня

проявления сожаления, одна из Отрёкшихся? — огрызнулся Перрин

— Я выбрала себе хозяина, — сказала она, изучая его. — Это моя цена — до тех пор пока я не найду возможности освободиться от этого.

— Что?

— Думаю, у тебя наилучшие шансы, — сказала она. — Мне нужно чтобы ты победил, Перрин, и я должна быть на твоей стороне, когда ты сделаешь это.

Он фыркнул.

— Ты не изучила новых уловок, не так ли? Прими свои предложения в другом месте. Мне не интересно, — он перевернул Шип Снов в пальцах. Перрин никогда не

был в состоянии выяснить, как работал тот другой.

— Тебе следует покрутить его сверху. — Ланфир протянула руку.

Перрин взглянул на нее.

— Ты же не думаешь, что я могу забрать его себе, даже если захочу? — спросила она, удивлённо. — Кто же это был, тот кто уложил маленьких зверушек М'Хаэля для тебя?

Он поколебался, потом передал его. Она быстро провела своим пальцем от кончика до середины длины, и что-то щелкнуло внутри. Она потянулась вверх и поворачивала наверх. Снаружи, неясная фиолетовая стена сократилась и

исчезла.

Она вернула его назад.

— Покрути его снова, чтобы установить поле — чем дольше ты крутишь, тем больше оно вырастет — потом проведи пальцем в обратном направлении, относительно того, что я показала раньше для блокировки. Будь осторожен. Там где ты установишь его будут последствия как в реальном мире, так и в этом, и это остановит даже твоих союзников от возможности перемещения внутрь и наружу. Ты сможешь проходить через него с помощью ключа, но я не знаю его для этого Шипа.

— Спасибо тебе, — сказал Перрин неохотно. Один из

дремлющих мужчин крикнул в его ногах, затем перевернулся на бок. — Неужели... неужели действительно нет возможности противостоять Обращению? Ничего что они могли бы предпринять?

— Человек может сопротивляться немного времени, — сказала она.

— Недолго. Самый сильный сдастся в конце концов. Если вы мужчина, противостоящий женщинам, они быстро вас сломят.

— Это не должно быть возможным, — сказал Перрин, опускаясь на колени. — Никто не должен иметь возможности принудить человека обратиться к

Тени. Когда все прочее отнято у нас, этот выбор должен оставаться.

— О, у них есть выбор, — сказала Ланфир, лениво пиная одного из мужчин у своих ног. — Они могли бы выбрать усмирение. Это удалило бы эту их слабость и они никогда не были бы Обращены.

— Это не слишком большой выбор.

— Это плетения Узора, Перрин Айбара. Не все варианты одинаково хороши. Иногда тебе необходимо сделать лучший выбор из множества худших и оседлать шторм.

Он резко посмотрел на нее.

— И ты подразумеваешь, что сделала из-за этого? Ты

присоединилась к Тени потому, что это было "лучшим" выбором? Я никогда не куплюсь на такое. Ты присоединилась ради власти. Это известно каждому.

— Думай, что хочешь, волчонок, — сказала она с потяжелевшим взглядом. — Я пострадала от своего решения. Я испытала боль, агонию, мучительную скорбь, из-за того, что сделала в своей жизни. Мои страдания выходят за пределы твоего представления.

— И единственная из Отрекшихся, — сказал Перрин, — которая выбрала свое место и приняла его с наибольшей готовностью.

Она приняхалась.

— Ты думаешь, можно верить историям трёхтысячелетней давности?

— Лучше доверять им, чем словам кого-либо вроде тебя.

— Как пожелаешь, — сказала она снова глядя вниз на спящих мужчин. — Если это поможет тебе понять, волчонок, ты должен знать, что множество думающих мужчин, подобных этим были убиты во время Обращения. И потом что-то иное вселилось в их тела. по крайней мере некоторые так думают. — Она исчезла.

Перрин вздохнул, потом спрятал Шип Сновидений и переместился

назад на крышу. Как только он появился, Гаул обернулся к нему, вытягивая стрелу.

— Ты ли это, Перрин Айбара?

— Это я.

— Интересно, должен ли я попросить доказательства, — сказал Гаул, стрела по-прежнему не убрана, — Мне кажется, что в этом месте, можно легко менять свою внешность.

Перрин улыбнулся.

— Внешний вид еще не все. Я знаю, что у тебя есть две гай'шан, одну ты хочешь, другую нет. Ни одна не хочет выступать в качестве надлежащей гай'шан. Если мы переживём Последнюю Битву, одна

возможно выйдет за тебя замуж.

— Каждый мог бы, — согласился Гаул, опустив лук, — Это похоже на то, что я должен буду взять обоих или ни одну. Возможно, это — наказание за то, что заставил их убрать свои копья, хотя это не мой выбор, который заставил их сделать так, а их собственный, — он покачал головой, — Купола не стало.

Перрин поднял Шип Сновидений.

— Вот он.

— Какое наше следующее задание?

— Ждать, — сказал Перрин, опускаясь на крышу, — И наблюдать привлечет ли снятие купола

внимание Губителя.

— Что если нет?

— Тогда мы переместимся в следующее его любимое место, чтобы найти его, — сказал Перрин, потирая подбородок. — Это место там, где есть волки, которых можно убить.

— Мы слышали тебя! — прокричал Кэнлер Андролу среди перестрелки. — Сожгите меня, если это не правда! Мы были в моем магазине наверху, и мы слышали, что ты говорил, прося помощи! Мы решили, что нужно напасть. Сейчас или никогда. -

Плетения взрывались в комнате. Земля изверглась, и огненные шары

приспешников Таима с возвышения летели в сторону двуреченцев. Исчезающие в неподвижных плащах, крались через комнату, доставая мечи из ножен.

Андрол сражался далеко от Кэнлера, склонив голову, направляясь к Певаре, Джоннету и Эмарину у стены комнаты. Кэнлер услышал его? Врата, которые он сделал, как раз перед тем как Таим, поднял его в воздух. Они, должно быть, открылись, настолько мало, что он не был в состоянии увидеть их.

Он мог создать врата снова. Но только очень маленькие. Что хорошего было в этом? Достаточно, чтобы остановить пламя Таима,

думал он, пробираясь к Певаре и остальным. Ни один из этих троих не был в состоянии сражаться. Он сплел врата, пробивая щит, продвигаясь к ...

Что-то изменилось

Стена пропала

Андрол присел, ошеломленный на мгновение. Взрывы и вспышки в комнате врезались в его уши. Кэнлер и другие сражались хорошо, но двуреченцы столкнулись с полностью обученными Айз Седай и возможно одним из Отрекшихся. Они падали один за другим.

Стена пропала

Андрол медленно встал, затем пошел назад к центру комнаты. Таим

и его люди боролись на возвышении; плетения Кэнлера и его парней слабели.

Андрол посмотрел на Таима и почувствовал сильную, сокрушительную волну гнева. Черная Башня принадлежала Аша'манам, но не этому человеку.

Настало время Аша'манов, чтобы исправить ситуацию.

Андрол взревел, поднимая свои руки и сплел врата. Сила устремилась через него. Как всегда, его врата, раскрылись быстрее, чем чьи-либо другие, быстрее, чем человек с его силой, был в состоянии сделать.

Он создал их размером с

большой фургон. Он раскрыл их перед лицами направляющих Таима, разворачивая их в тот момент, когда они выпустили свой следующий шквал смертельных плетений.

Врата преодолели дистанцию в несколько шагов и открылись позади них.

Плетения созданные женщинами и мужчинами Таима поразили открывшиеся врата, которые висели перед Андролом словно туман в воздухе, а затем плетения взорвались позади них.

Плетения убили их собственных владельцев, сжигая Айз Седай, убивая Аша'манов и нескольких оставшихся Мурдраалов. Напрягая

усилия, Андрол взревел громче и открыл маленькие врата на путях Логайна, схлопывая их. Он открыл другие врата непосредственно на полу под стулом Логайна, направив его из комнаты к месту в дали от Черной Башни — к месту, ниспошли Свет, безопасному.

Женщина по имени Хессалам сбежала. Она бежала через собственные врата, Таим, последовал за ней с некоторыми из оставшихся. Остальные не были так мудры — на мгновение позже, Андрол открыл врата, столь же широкие как пол, погружая оставшихся женщин и Аша'манов в них, чтобы они упали с высоты в сотни футов.

Глава 15

Твоя шея в петле

Таразинский дворец в Эбу Дар был далеко не самым сложным местом, куда когда-либо проникал Мэт. Он говорил это себе снова и снова, свисая с балкона третьего этажа прямо над садами.

Он уцепился за мраморный выступ одной рукой, в то время как другой удерживал на голове свою шляпу. Свой узелок он положил внизу в садах. По его лицу стекал пот,

несмотря на то, что ночной воздух был холодным.

Выше раздавалось бряцание доспехов двух шагающих по балкону Стражей Последнего Часа. Кровь и проклятый пепел! Неужели эти парни никогда не снимают свои доспехи? Их шлемы напоминали головы насекомых. Он мог разобраться с ними в два счета. Балкон был обтянут железной ширмой, чтобы защитить обитателей от ненужных взглядов снизу, но Мэт был достаточно близок, чтобы видеть входящих внутрь стражей.

Свет, они так долго там стояли, что у Мэта уже начала затекать рука. Двое человек невнятно

переговаривались. Возможно, они решили присесть и выпить чашечку чая. Или достать книгу и немного почитать в ночи. Туон определенно должна уволить этих двоих. С какой стати они так свободно разговаривают на балконе? Здесь ведь могут оказаться убийцы!

Наконец, благодарение Свету, те двое ушли. Мэт попытался сосчитать до десяти, прежде чем раскачаться, но смог только до семи. Он толкнул одну из незапертых ширм и вскарабкался через балконные перила.

Мэт тихо вздохнул, руки уже болели. Дворец, несмотря на тех двух охранников, был далеко не таким

неприступным, как Твердыня. Ну у него, разумеется, было еще одно преимущество: он жил в этом дворце, спокойно приходил и уходил отсюда. По большей части свободно. Он почесал шею под шарфом — он снова стал носить его. На мгновение ему показалось, что лента превратилась в цепь.

Отец Мэта часто говаривал: не зная броду, не суйся в воду. Все знали, что не было человека честнее, чем Абелл Коутон, но некоторым людям — как тем, что у Таренского Перевоза — нельзя было доверять ни на грош. Абелл говорил, что во время торговли лошадьми, ты всегда должен просчитать пути

отступления.

За те два месяца, которые он жил во дворце, Мэт изучил каждый выход — каждую трещину и проход, каждое свободное окно. Какие двери балкона было легко открыть, а какие обычно запирались с упором. Если ты можешь выбраться отсюда, то сможешь и забраться внутрь. Он ждал момент на балконе, не входя в комнату, к которой он был присоединен. Он был на третьем этаже, где останавливаются гости. Он, возможно, был в состоянии проникнуть таким образом, но внутри здание всегда лучше охранялись, чем это делалось снаружи. Лучше всего забраться

снаружи.

Проникновение таким образом не привлекало внимания. К счастью, на эту сторону дворца было легко взобраться. Каменная кладка и древесина была усыпана неровностями, за которые легко можно было ухватиться. Он помнил, что однажды даже ругал Тайлин за это.

К тому моменту, как Мэт выполз за ширму, подтянулся вверх и начал карабкаться к четвертому уровню, пот градом сползал по его лбу, словно муравьи, которые сбегали по склону холма. Ашандарей иногда бил его сзади по ногам. Он мог чувствовать запах моря в легком

бризе. Пока кто-нибудь находился наверху, для него всё пахло лучше. Наверное, это потому, что головы, всё же, пахнут лучше, чем ноги.

Это глупая мысль, сказал Мэт сам себе. Что угодно, лишь бы не думать о высоте. Он подтянул себя на один из уступов каменной кладки, который был уже, чем футом ниже и покачнулся. Мэт глубоко вздохнул и только потом продолжил восхождение.

Здесь. Выше он мог видеть балкон Тайлин. У её покоев, конечно, было несколько балконов, но он двигался к тому, что был в спальне, а не в гостиной. Тот выходил на площадь Мол Хара, и восхождение к

нему было так же заметно, как муха в белоснежном пудинге.

Он снова посмотрел на покрытый арабской железный балкон. Он всегда надеялся что сможет подняться к нему. Он, разумеется, полагал так, когда выбирался из него.

Что ж, он не будет дураком и не будет делать ничего подобного впредь, это уж точно. Только этот раз и то неохотно. Мэтрим Коутон знал как присмотреть за своей собственной шеей. Он бы не прожил так долго рискуя понапрасну, с удачей или без. Если Туон хочет жить в городе где глава ее армий организует на нее покушения, это ее

выбор.

Он кивнул сам себе. Он вскарабкается наверх, очень рационально объяснит ей что она должна покинуть город и то что этот Генерал Галган предал ее. Потом он может погулять и поиграть в кости. Для этого он и вернулся в этот город. Если Ранд будет на севере, там где все Троллоки, тогда Мэт хочет быть от него так далеко как только возможно. Мэт переживал за Ранда, но любой вменяемый человек поймет что выбор Мэта единственно правильный. Водоворот красок начал формировываться, но Мэт подавил его.

Разумным. Он будет очень

разумным.

Потря, проклиная, с ноющими руками, Мэт залез на балкон четвертого этажа. Одна из защелок на ставнях болталась здесь, точно также как тогда когда он жил в этом дворце. Быстро поработать крючком из проволоки все что было нужно ему что бы попасть внутрь. Он проник на закрытый балкон достал ашандарей, затем лег на спину дыша так словно он пробежал всю дорогу от Андора до Тира.

После нескольких минут этого, он заставил себя подняться на ноги, затем посмотрел через вскрытые ставни четыре этажа вниз. Мэт очень гордился этим подъемом.

Он поднял ашандарей и отправился к дверям балкона. Туон несомненно перебралась сюда, в комнаты Тайлин. Они были лучшими во дворце. Мэт приоткрыл дверь. Он просто посмотрит внутрь и...

Что-то выстрелило из теней перед ним и врезалось в дверь прямо над его головой.

Мэт упал, перекувырнулся, доставая нож одной рукой и сжимая ашандарей другой. Дверь раскрылась от силы, с которой арбалетный болт вонзился в ее поверхность.

Селусия выглянула в следующий момент. Правая часть ее головы была начисто выбрита, другая сторона закрыта тканью. Ее кожа была цвета

сливок, но любой мужчина который посчитает ее мягкой вскоре узнает обратное. Селусия может научить нуждающую бумагу одному или двум способам быть жестче.

Она нацелила на него маленький арбалет, и Мэт обнаружил, что улыбается.

— Я знал это! — воскликнула он. — Ты телохранитель. Ты всегда им была.

Селусия нахмурилась.

— Что ты здесь делаешь, глупец?

— Ох, просто прогуливаюсь, — сказал Мэт, поднимаясь и убирая нож, — Говорят, что ночной воздух хорош для парней. Морской бриз.

Такого рода вещи.

— Ты сюда вскарабкался? —
Спросила Селусия, поглядывая через
балкон, так словно искала веревку
или лестницу.

— Что? Ты обычно так не
взбираешься? Это очень хорошо для
рук. Улучшает хватку.

Она бросила на него
страдающий взгляд, и Мэт
обнаружил, что улыбается. Если
Селусия была в поиске убийц, то с
Туон было, вероятно, все в порядке.
Он кивнул на арбалет, который был
все еще нацелен на него.

— Ты собираешься.

Она промолчала и опустила
арбалет.

— Премного благодарен, — сказал Мэт. — Так ведь можно человека и без глаза оставить. Не то, чтобы я был против, но теперь их у меня и так уже маловато.

— Что ты сделал? — сухо спросила Селусия. — Сыграл в кости с медведем?

— Селусия! — воскликнул Мэт, проходя мимо нее в покои. — Это же было ужасно близко к шутке! Наверное, приложив немного усилий, мы еще сможем взрастить в тебе чувство юмора. Это была бы такая диковина, что мы могли бы даже отправить тебя выступать в цирке, и брали бы за это деньги. «Заходите и посмотрите на на невероятную

смеющуюся со'джин! Только этим вечером и всего-то за два медяка!..»

— Ты поставил свой глаз на кон, не так ли?

Мэт споткнулся, толчком открывая дверь. Он ухмыльнулся. Свет! Это было необыкновенно близко к правде.

— Очень мило.

Это пари я выиграл, подумал Мэт, не важно как это могло выглядеть со стороны. Мэтрим Коутон был единственным человеком, вынужденным играть в кости с самой судьбой мира в качестве приза. Конечно, в следующий раз, они найдут какого-то другого дурацкого героя, чтобы

занять его место. Наподобие Ранда или Перрина. Эти двое были так полны героизма, что он практически стекает из их ртов вниз по подбородкам. Он подавил видения, которые попытались сформироваться. Свет! Он должен прекратить думать об этих двух.

— Где она? — спросил Мэт, осматривая спальню. Простыни на кровати были смяты — он искренне не мог представить себе розовые ленты, привязанные к спинке кровати — но Туон нигде не было видно.

— Снаружи, — сказала Селусия.

— Снаружи? Сейчас полночь!

— Да. Время когда только

убийцы могут прийти. Тебе повезло, что я не целилась, Мэтрим Коутон.

— Проклятье, тебя это не волнует. — сказал Мэт. — Ты её телохранитель.

— Я не понимаю, о чем ты, — сказала Селусия, пряча небольшой арбалет в своей робе. — Я со'джин Императрицы, да живет она вечно. Я её Голос и Говорящая правду.

— Прекрасно, — сказал Мэт, поглядывая на кровать. — Ты увлекаешь вместо неё, не так ли? Лёжа в её кровати? С арбалетом наизготовку, убийцы должны попытаться проникнуть внутрь?

Селусия ничего не сказала.

— Хорошо, где она? —

потребовал Мэт. — Кровавый пепел, женщина! Это серьезно. Генерал Галган самолично нанимает людей, чтобы убить её!

— Что? — спросила Селусия. — Ты беспокоишься об этом!

— Треклято верно, да.

— О Галгане не стоит беспокоиться, — сказала Селусия, — Он слишком хороший воин, чтобы поставить под угрозу наши нынешние усилия по стабилизации. Криза — это то, о чем тебе следует беспокоиться. Она прислала трех убийц из Шончан, — Селусия посмотрела на балкон двери. Мэт впервые заметил пятно на полу, видимо это была кровь, — Я поймала

только двух. Жаль. Я предположила, что ты третий, — она смотрела на него, как будто считая, что он может — вопреки логике оказаться убийцей.

— Ты — треклятая сумасшедшая, — сказал Мэт, тербя шляпу и подбирая ашандарей. — Я иду за Туон.

— Это имя больше не принадлежит ей, да живет она вечно. Она известна как Фортуона; ты не должен обращаться к ней по какому либо из имен, но вместо этого — "Высочайшая" или "Величайшая".

— Я буду называть ее так, как мне проклято нравится, — сказал Мэт. — Где она? — Селусия изучала

его.

— Я не убийца, — сказал он.

— Я и не верю, что ты убийца. Я пытаюсь решить, захотела бы она, чтобы я раскрыла тебе ее местоположение.

— Я её муж, не правда ли?

— Цыц, — сказала Селусия. — Ты только что пытался убедить меня, что ты не убийца, теперь, ты заявляешь мне это? Глупец. Она во дворцовых садах.

— Сейчас...

— ... полночь, — закончила за него Селусия. — Да. Я знаю. Она не всегда... прислушивается к логике. — Он уловил некоторую раздражительность в её тоне. —

Рядом с ней целый отряд Стражей Последнего часа.

— Меня не волнует даже, если сам Создатель находится рядом с ней, — отрезал Мэт, идя назад к балкону. — Я собираюсь усадить её и объяснить ей некоторые вещи.

Селусия последовала за ним и прислонилась к дверному проему, подняв на него скептический взгляд

— Хорошо, возможно я не смогу усадить её в действительности, — сказал Мэт, глядя через открытое окно на сады внизу. — Но я объясню ей — логически — почему она не может попросту бродить в ночи подобной этой. По крайней мере, я упомяну об этом ей. Кровь и

проклятый пепел. Мы действительно довольно высоко находимся, не так ли?

— Нормальные люди используют лестницы.

— Каждый солдат в этом городе ищет меня, — сказал Мэт. — Думаю, Галган пытается сделать, чтобы я исчез.

Селусия поджала губы.

— Ты ничего не знала об этом? — спросил Мэт

Она поколебалась, потом покачала головой.

— Не исключено, что Галган будет следить за тобой. Принц Воронов имеет право, в обычных обстоятельствах...

— Галган генерал наших армий, но главнокомандующим может быть, и Принц Воронов.

Принц Воронов.

— Только, проклятье, не напоминай мне, — выругался Мэт. — Я думал, что это был мой титул, когда я женился на Дочери Девяти Лун. Разве ничего не поменялось при её восшествии?

— Нет, — сказала Селусия, — Еще нет.

Мэт кивнул, потом вздыхая посмотрел на спуск впереди. Одну ногу он поставил на перила.

— Есть другой путь, — сказала Селусия. — Идем, пока ты не сломал свою дурную шею. Я все еще не

знаю, чего она от тебя хочет, но я сомневаюсь, что это твоя смерть от падения.

Мэт с благодарностью спрыгнул с балконных перил, следуя за Селусией в комнату. Она открыла платяной шкаф, а потом открыла заднюю стенку в темный проход, заключенный в дворцовое дерево и камень.

— Кровь и проклятый пепел, — сказал Мэт, просовывая голову внутрь. — Он был здесь всё это время?

— Да.

— Так вот как тварь вошла, — пробормотал Мэт. — Тебе нужно загородить его, Селусия.

— Я сделала лучше. Когда Императрица спит — да живет она вечно — она спит в мансарде. Она никогда не дремлет в этой комнате. Мы не забыли, как легко была захвачена Тайлин.

— Это хорошо, — сказал Мэт. Он вздрогнул. — Я нашел тварь, которая это сделала. Он не распотрошит более ни одного горла. Тайлин и Налесин могут немного сплясать друг с другом по этому поводу. Прощай, Селусия. Спасибо тебе.

— За проход? — спросила она. — Или за то, что не пристрелила тебя из арбалета?

— За то, проклятье, что не

называешь меня "Высочайшим", как Музенге и все остальные, — пробормотал Мэт, вступая в проход. Он нашел фонарь на стене и зажег его огнивом и трутом.

Войдя за ним, Селусия рассмеялась, — Если это беспокоит тебя, Коутон, то тебя ждёт очень неприятная жизнь. Есть только один способ, перестать быть Принцем Воронов, — накинуть шнурок себе на шею, и умереть. Затем она вышла и закрыла дверь шкафа.

Какая приятная женщина, подумал Мэт. Он почти предпочел бы дни, когда она не хотела разговаривать с ним. Тряхнув головой, он начал спускаться по

проходу, осознавая, что она никогда не сказала бы ему точное место, куда он вел.

Ранд шагал через лагерь Илэйн на восточной окраине Браймского Леса в сопровождении пары Дев. В лагере было темно, наступил вечер, но мало кто спал. Они были готовы сворачивать лагерь и начинать перемещение армии на восток, в сторону Кайриэна, следующим утром.

Всего два охранника с Рандом этим вечером. Он чувствовал себя почти беззащитным с этими двумя охранниками, хотя когда-то считал чрезмерным даже такое их количество. Неизбежный поворот

Колеса изменил его восприятие так же, как изменял сезоны.

Он шёл по освещаемому фонарем пути, который раньше, очевидно, был просто звериной тропой. Этот лагерь не простоял достаточно для того, чтобы иметь другие пути. Лёгкий шум нарушал спокойствие ночи: грузились на повозки припасы, точились лезвие мечей, раздавалась пища среди голодных солдат

Люди не разговаривали друг с другом. Не только через ночь, но и потому, что силы Тени были поблизости в лесу, а у троллоков хороший слух. Лучше всего привыкнуть говорить тихо, не

перекрикиваться с одного конца лагеря в другой. Фонари огражденные щитами давали только рассеянный свет, кухонные огни были сведены к минимуму.

Ранд оставлял след, неся свой длинный пакет, и проходя через шелест высокой травы на поляне по пути к палатке Тэма. Это будет быстрый поход. Ранд кивал тем солдатам которые отдавали ему честь по пути. Они были потрясены лично увидев его, но не удивлены, что он идёт по лагерю. Илэйн сделала известным армии его предыдущий визит.

Я возглавляю эти армии, сказала она, когда они расставались в

прошлый раз, но ты их сердце. Ты собрал их, Ранд. Они бьются за тебя. Пожалуйста, дай им увидеть себя когда придёшь.

Так он и сделал. Хотел бы он защитить их лучше, но вместо этого ему приходилось просто нести эту ношу. Как оказалось, секрет был не в том, чтобы становиться все тверже и тверже, все больше рискуя быть сломленным. Не в том, чтобы стать бесчувственным. Он должен нести эту боль, подобно боли в своем боку, и принимать это, как часть самого себя

Двое парней с Эмондова Луга охраняли палатку Тэма. Ранд кивнул им, когда они вытянулись, отдавая

честь. Бан ал'Син и Дав ал'Тон — когда-то он никогда бы не подумал, что увидит их отдающими ему честь. Они сделали это четко, даже слишком.

— У вас есть серьезное задание, парни, — сказал им Ранд. — Настолько важное, как и любое другое на поле боя.

— Защищать Андор, Милорд? — сконфужено спросил Дав.

— Нет. — сказал Ранд. — Охранять моего отца. Позаботьтесь делать это хорошо. — Он ввалился в шатер, оставив Дев снаружи.

Тэм стоял над походным столом, осматривая карты. Ранд улыбнулся. Его взгляд был похож на тот, которым

Тэм высматривал заблудившихся в зарослях овец.

— Похоже ты считаешь, что я нуждаюсь в охране, — сказал Тэм

В ответ на этот комментарий Ранд задумался, чувствовал он бы себя хуже входящим в лагерь лучников и провоцирующим там всех выстрелить в него. Вместо этого он положил сверток на стол. Тэм оглядел длинный, обвязанный тканью предмет, потом вытащил его из обертки. Ткань спала, открыв чудесный меч в черно-лакированных ножнах, украшенных переплетенными красно-золотыми драконами. Тэм поднял взгляд с вопросом в глазах.

— Ты дал мне свой меч, — сказал Ранд. — А у меня не было возможности вернуть его. Это замена.

Тэм вынул меч из ножен и его глаза расширились.

— Это слишком хороший дар, сын.

— Ничто не является слишком хорошим, когда речь идет о тебе, — прошептал Ранд. — Ничто.

Тэм покачал головой, возвращая меч назад в ножны.

— В конечном счете он закончит в сундуке, забытый, как и предыдущий. Мне никогда не следовало приносить его домой. Ты вкладываешь слишком много

внимания в этот клинок. — Он протянул руку с мечом, чтобы вернуть его.

Ранд положил свою руку поверх руки Тэма.

— Пожалуйста. Мастер клинка заслуживает подходящего оружия. Возьми его — это облегчит мою ношу. Свет знает, любое бремя, которое я облегчу сейчас, поможет в грядущие дни.

Тэм скривился.

— Это грязный прием, Ранд.

— Знаю. Когда-то я проводил время со всякого рода неприятными типами. Королями, клерками, лордами и леди.

Тэм неохотно забрал меч назад.

— Прими его как благодарность от всего мира тебе. За то, что ты научил меня пустоте и пламени много лет назад... Свет, Тэм. Я не стоял бы здесь, Я был бы мертв, я уверен что — Ранд посмотрел на меч, — Подумать только. Если бы не твое желание сделать из меня хорошего стрелка из лука. Я бы никогда не постиг того, что уберегло меня от безумия в тяжелые времена.

Тэм вздохнул.

— Пламя и пустота, это не относится к стрельбе из лука.

— Да, я знаю. Это техника мечника.

— Это также не имеет отношения к мечам, — сказал Тэм,

пристегивая клинок к поясу.

— Но...

— Пламя и пустота, они о концентрации, — сказал Тэм, — И о спокойствии. Я буду обучать этому всех и каждого на этой земле, солдат он или нет, если смогу, — его черты лица смягчились, — Но, Свет, что это я делаю? Читаю тебе лекцию? Лучше расскажи мне, где ты раздобыл это оружие?"

— Я нашел его.

— Это самый прекрасный меч из тех, что мне когда-либо доводилось видеть. — Тэм достал его снова, разглядывая сгибы металла. — Он древний. И был использован. Часто использован. О нем,

однозначно, заботились, но он никогда не пылился в сундуке для добычи какого-то вождя. Мужчины махали этим клинком. Убивали им.

— Он принадлежал...
родственной душе.

Тэм посмотрел на него, ловя его взгляд.

— Хорошо, полагаю в таком случае мне следует его опробовать. Идем.

— Ночью?

— Все еще ранний вечер, — сказал Тэм. — Это хорошее время. Тренировочные площадки не будут переполнены.

Ранд выгнул бровь, но уступил, поскольку Тэм обогнув стол оставил

палатку. Ранд последовал, Девы последовали позади них, и проводили его отца к ближайшей тренировочной площадке, где сражались несколько Стражей, освещенные горящими фонарями по сторонам.

Возле стойки деревянного оружия для тренировок Тэм взял новый меч и переместился в несколько позиций. Хотя волосы его были серые и лицо сморщилось вокруг глаз, Тэм Ал'Тор двигался как лента шелка на ветру. Ранд никогда не видел своего отца сражающимся, даже понарошку. По правде говоря, часть его испытывала затруднения, воображая спокойного Тэм Ал'Тора

за убийством чего-либо, кроме
рябчиков для костра.

Теперь он видел. Освещаемый
мигающим светом фонаря, Тэм
Ал'Тор скользнул в фехтовальные
позиции как в удобную пару
ботинок. Странно, Ранд обнаружил
что завидует. Не персонально своему
отцу, а любому, кто познал
умиротворенность от тренировок с
мечом. Ранд поднял руку, затем
обрубок другой руки. Многие
позиции требовали двух рук. То, как
сражался Тэм, не походило на
сражение с коротким мечем и
щитом, как это делали многие
пехотинцы. Это было нечто иное.
Ранд все еще мог бы сражаться, но

никогда не смог бы сделать подобное. Не более чем человек, потерявший стопу, смог бы танцевать.

Тэм закончил Заяц Находит Свою Нору, вложив оружие в ножны одним плавным движением. Оранжевый свет фонаря отразился от клинка, когда он скользнул в свой покров.

— Потрясающе, — сказал Тэм. — Свет, вес, конструкция... он выкован с применением Силы?

— Не знаю, — сказал Ранд.

У него никогда бы не было шанса использовать его в бою.

Тэм взял чашу воды из рук мальчика-слуги. Несколько новых

рекрутов пробежали пикейным строем в отдалении, работая до поздней ночи. Каждый момент тренировок был драгоценным, особенно для тех, кто нечасто бывал на линии фронта.

Новые рекруты, думал Ранд, наблюдая за ними. Они тоже мое бремя. Каждый сражающийся человек.

Он найдет способ повергнуть Тёмного. Иначе эти люди сражались напрасно.

— Ты взволнован, сын, — сказал Тэм, передавая чашу обратно мальчику слуге.

Ранд успокоил себя, ища умиротворение, обращиваясь к Тэму.

Он вспоминал, из старой памяти, кое-что из книги. Ключ к лидерству в кругах на воде. Ты не найдешь спокойствия на водной глади, если под водой землетрясение. Подобно, ты не найдешь мира и не сфокусируешься на группе, до тех пор, пока у самого лидера не будет мира внутри него.

Тэм смотрел на него, но не критиковал Ранда за внезапную маску контроля, которую он принял. Вместо этого Тэм отошел в сторону и взял из стойки один из сбалансированных деревянных тренировочных мечей. Он бросил его Ранду, который поймал его, стоя с другой рукой, заложенной за спину.

— Отец, — сказал предостерегающе Ранд, поскольку тот поднял другой тренировочный меч. — Это не лучшая идея.

— Я слышал, что ты в самом деле стал фехтовальщиком, — сказал Тэм, делая несколько взмахов тренировочным мечом, для проверки баланса. — Мне будет приятно увидеть, чего ты достиг. Называй это отцовской гордостью.

Ранд вздохнул, поднимая другую руку, показывая культю. Взгляды людей скользили мимо нее, как если бы они видели Серого Человека. Им не нравилась мысль, что их Дракон Возрожденный был калекой.

Он никогда не позволял им

узнать насколько он устал внутренне. Его тело было изношенным, как мельничный жернов, работающий многие поколения. Он был еще достаточно жестким, чтобы делать свою работу, и он будет ее делать, но Свет, он чувствовал некоторую усталость. Заботиться о надеждах миллионов было тяжелее, чем сдвинуть гору.

Тэм не обратил на культю никакого внимания. Он достал платок и обернул его вокруг одной из рук, затем завязал его крепко, используя зубы.

— Я не смогу захватывать вещи моей связанной рукой, — сказал он, снова взмахивая мечом. — Это будет

честный бой. Начинаем, сын.

Голос Тэма внушал авторитетность — авторитетность отца. Это был тот же тон, которым он однажды поднял Ранда из постели, чтобы он убрал навоз в хлеве.

Ранд не мог послушаться этого голоса, не Тэмова. Он просто был встроен в него. Он вздохнул, делая шаг вперед.

— Мне больше не нужен меч для сражений. У меня есть Единая Сила.

— Это будет важным, — сказал Тэм, — если тренировочный бой прямо сейчас сможет что-либо сделать с битвой.

Ранд нахмурился. Что ...

Тэм ринулся к нему.

Ранд парировал выпад небрежным взмахом. Тэм перешёл в стойку Перья на Ветру, вращая мечом и нанося второй удар. Ранд сделал шаг назад, снова парируя. Какое-то рвение нарастало внутри него. Когда Тэм атаковал второй раз, Ранд поднял меч и инстинктивно свёл руки вместе.

Вот только другая рука не могла взяться за рукоять меча. Это сделало его хватку слабой, и когда Тэм атаковал снова, он чуть не выбил меч из руки Ранда.

Ранд, стиснув зубы, отступил. Чтобы сказал Лан, если бы увидел это низкопробное зрелище от одного

из своих учеников? Что бы он на это сказал? Он бы сказал — Ранд, не участвуй в боях на мечях. Ты не можешь их выиграть. Больше не можешь.

Тэм сделал ложный выпад справа, затем сменил направление удара и крепко врезал Ранду по бедру. Он отскочил назад, скорчившись от боли. Тэм на самом деле ударил его, и не слабо. Мужчина, вне всяких сомнений, отступить не собирался.

Сколько времени прошло с тех пор, когда Ранд вступал в тренировочный бой с тем, кто в действительности хотел его поразить? Слишком многие к нему относились, как к стеклянному.

Только Лан никогда не поступал таким образом.

Ранд бросился в сражение, пробуя "Вебрь, Несущийся По Склону Горы". Он побеждал Тэма несколько мгновений, но потом удар его оружия снова почти выбил меч из рук Ранда. Длинные мечи, разработанные для мастеров клинка, было трудно правильно уравнивать без помощи второй руки.

С рыком, Ранд снова попытался встать в двуручную стойку и снова потерпел неудачу. Он уже научился справляться со своей потерей — в повседневной жизни, по меньшей мере. Он не участвовал в спаррингах

с самого увечья, хотя и намеревался.

Он чувствовал себя подобно стулу, лишенному одной ножки. Он мог упорно сохранять равновесие, но не вполне хорошо. Он сражался, он пробовал позицию за позицией, но он едва сдерживал атаки Тэма.

Он не справлялся. Не справлялся достаточно хорошо, так чего волноваться? В этом деле он был неполноценен. В спарринге не было смысла. Он повернулся, пот стекал с его бровей, и отбросил куртку в сторону. Он попробовал снова, аккуратно ступая по примятой траве, но Тэм снова превзошел его, почти сбив его с ног.

Это бессмысленно! Зачем

сражаться будучи одноруким?
Почему не найти другого пути?
Почему -

Тэм делал это.

Ранд продолжил сражаться, в обороне, но сосредоточив внимание на Тэме. Его отец должно быть тренировался в одноручном бою; Ранд мог читать это в его движениях, способом который он не пробовал — инстинктивно — держа захват рукояти с его связанной рукой. После рассмотрения, Ранду вероятно следовало бы попрактиковаться в бое одной рукой. Многие раны могут повредить руку, а некоторые позиции были предназначены для поражения рук. Лан говорил ему практиковаться

меня захват. Возможно следующей должна была прийти техника боя одной рукой.

— Отпусти это, сын, — сказал Тэм.

— Отпустить что?

— Всё. — Тэм наступал, отбрасывая тени в свете фонарей, и Ранд стал искать пустоту. Все эмоции были преданы огню, оставляя его пустым и целым одновременно.

Следующая атака почти раскроила ему голову. Ранд ругнулся, переходя к Цапле в Камышах, как учил его Лан, меч поднят чтобы парировать следующий выпад. Снова, его потерянная рука попыталась

ухватить рукоять. Он не мог забыть годы вечерних тренировок.

Отпусти.

Ветер дул через поле, принося с собой запахи умирающей земли. Мох, плесень, гниль.

Мох жил. Плесень была живучей. Для гниющих деревьев, жизнь должна была продолжаться.

Однорукий мужчина все же оставался мужчиной, и если в руке был меч, он все еще был опасен.

Тэм перешел в Ястреб
Выслеживает Зайца, очень
агрессивную позицию. Он наседа
на Ранда, размахивая. Ранд видел
следующие несколько моментов, до
того, как они случались. Он увидел

себя, поднимающего меч в правильной позиции парирования — позиции, которая требует от него выставить меч при плохом балансе, теперь, когда у него нет второй руки. Он увидел, как Тэм срезает вниз меч, чтобы вкрутить его в захват Ранда. Он увидел, что следующая атака вернет меч и он поразит Ранда в шею.

Тэм застыл перед ударом. Ранд бы потерял свой тренировочный меч. Отпусти.

Ранд сдвинул захват на мече. Он не думал почему, он просто делал то, что инстинктивно считал правильным. Когда Тэм приблизился, Ранд взмахнул левой рукой для

стабилизации, поворачивая меч в сторону. Не теряя контакта, меч Тэма соскользнул по мечу Ранда, но не разоружил его.

Тэм, как и ожидалось, сделал обратный выпад, но поразил локоть Ранда — локоть бесполезной руки — не совсем такой уж бесполезной, в конце концов. Она эффективно блокировала меч, хотя сила удара была такова, что послала волну боли по руке Ранда.

Тэм замер, широко раскрыв глаза. Прежде всего, в изумлении, что его прием не удался. А во-вторых, в беспокойстве о руке Ранда. Ведь такой сильный удар мог сломать кость.

— Ранд, — промолвил Тэм, — Я...

Ранд отступил, заведя свою раненную руку за спину, и поднял меч. Он вдыхал запахи раненного мира, раненного — но не мертвого.

Он атаковал. Зимородок сражается в крапиве. Не Ранд выбирал, это просто случилось. Возможно, это его поза, — меч вытянут наружу, другая рука заведена за спину. Легкий переход в оборонительную позицию.

Тэм блокировал, будучи на чеку, и отступил в сторону бурой траве. Ранд повел клинок в сторону, переходя в следующую форму. Он перестал пытаться отключить свои

инстинкты, и его тело приспособилось к этому испытанию. В безопасности внутри пустоты, ему не нужно было волноваться о том, как.

Борьба продолжалась на полном серьезе. Мечи трещали от сильных ударов. Ранд держал руку за спиной и предчувствовал свой следующий удар. Он сражался не так хорошо, как раньше. Он не мог: некоторые формы были невыполнимы для него, и он не мог ударять с той же силой, что когда-то.

Он сравнился с Тэмом. До некоторой степени. Любой фехтовальщик мог бы сказать, кто лучше, пока они сражались. Или, по

крайней мере, у кого было преимущество. Сейчас оно было у Тэма. Ранд был моложе и сильнее, но Тэм был просто крепче. Он практиковался в сражении одной рукой. Ранд был уверен в этом.

Ему было все равно. Это сосредоточение... он скучал по нему. Со столькими тревогами, столькими заботами, у него не было возможности посвятить себя чему-то столь незамысловатому, как дуэль. Он её нашел и погрузился в неё целиком.

На некоторое время он перестал быть Драконом Возрожденным. Он не был даже сыном со своим отцом. Сейчас он был учеником со своим

учителем.

И тут он осознал, что неважно, насколько лучше он стал. Неважно даже, сколь много он осознал. Сейчас важным было лишь то, что он мог учиться.

Они продолжили спарринг. Ранд не считал, кто из них какую схватку выиграл. Он лишь сражался и наслаждался спокойствием этой битвы. В конце концов, он понял, что изнурен. Но изнурен не так, как если бы он почувствовал усталость чуть позже, а в хорошем смысле. Это была усталость от хорошо проделанной работы.

Обливаясь потом, Ранд поднял свой тренировочный меч по

направлению к Тэму, тем самым показывая, что был "пронзен". Тэм отступил назад, поднимая свой меч. Пожилой мужчина ухмылялся.

Неподалеку, стоя у ближайших костров, горстка Стражей начала аплодировать. Их было не так много, всего шесть человек, однако Ранд не замечал их. Девы опустили свои копья, тем самым отдавая честь.

— То еще бремя, не так ли? — спросил Тэм.

— Какое бремя? — ответил Ранд.

— То самое, твоя потерянная рука.

Ранд опустил взгляд на обрубок.

— Да. Уверен, что так оно и

было.

Тайный проход заканчивался очень узким отверстием, выводя прямо к садам, недалеко от того места, где Мэт начал свой подъем. Мэт выполз, отряхивая пыль со своих плеч и коленей. Затем, задрав голову посмотрел на далекий балкон на который он с таким трудом недавно забрался. Это должно послужить ему уроком. В следующий раз, надо сначала поискать тайные ходы, прежде чем осваивать искусство верхолаза.

Он ступал мягко в саду. Растения выглядели не очень хорошо. У этих папоротников должно быть намного больше листьев, и деревья были так

же голы, как дева в парильной палатке. Не удивительно. Вся земля поникла быстрее, чем мальчик в Бел Тайн, оставшийся на танец без партнёрши. Мэт был вполне уверен, Ранд виноват. Ранд или Темный. Мэт мог проследить каждую проклятую проблему в его жизни одну или другую. Те пылающие цвета...

Мох все еще жил. Мэт никогда не слышала о мхе, используемом в саду, но он мог бы поклясться, что здесь были сделаны узоры из растений на камнях. Возможно, когда все вымерло, садовники использовали то, что смогли найти.

Ему потребовалось немного поискать, порыться в засушенных

кустах и в прошлом мертвой клумбы, чтобы найти Туон. Мэт ожидал увидеть ее мирно сидящей в раздумье, но ему следовало бы лучше ее знать.

Мэт присел около папоротника, невидимый для приблизительно дюжины Стражей Последнего Часа, которые стояли в кольце вокруг Туон, когда последняя прошла через ряд боевых позиций. Она была освещена парой фонарей, которые испускали странное, устойчивое голубое свечение. Что-то горело в них, но это было необычное пламя.

Свет сиял на ее мягкой, гладкой коже, которая была оттенком прекрасной земли. Она носила

бледную а'солму, платье, которое было расколото в сторонах, показывая синие узкие брюки внизу. У Туон было небольшое тело; он когда-то совершил ошибку, полагая, что она хрупкая. Это не так.

Она побрила голову должным образом, теперь, когда больше не скрывалась. Лысость выглядела хорошо на ней, как ни странно это было. Туон двинулась в голубое свечение, проходя последовательность форм рукопашного боя, с закрытыми глазами. Казалось, она препиралась со своей собственной тенью.

Мэт предпочел бы хороший нож — или, лучше, его ашандрей —

борьбе руками. Чем больше расстояние он имел между собой и человеком, пытающимся убить его, тем лучше. Туон, казалось, так не думала. Наблюдая за нею, он понял, насколько был той ночью удачлив, когда украл её. Невооруженная, она была смертельна.

Она замедлилась, сплетая руками перед собой плавный узор, затем толкая их быстро в стороны. Девушка сделала вдох и перенесла руки к другой стороне, закручивая своё тело.

Любил ли он её?

Вопрос заставил чувствовать Мэта неудобство. Он царапал на краях его ума в течение многих

недель, как крыса, пытающаяся иметь зерно. Это был не тот вопрос, который Мэтриму Коутону, как предполагалось, должны были задать. Мэтрим Коутон волновался только о девчонке на своих коленях и о следующем броске игры в кости. Вопросы о таких делах, как любовь, лучше всего оставить для Огир, у которого было время, чтобы посидеть и наблюдать за растущими деревьями.

Он женился на ней. Это было несчастным случаем, не так ли? Проклятые лисы сказали ему, что так будет. Она вышла за него замуж. Он все еще не знал почему. Что-то нужно сделать с этим

предзнаменованиями, так она говорила? В их ухаживаниях было больше игры, чем романтики. Мэту нравились игры, и он всегда играл, чтобы победить. Рука Туон была призом. Теперь, когда у него был она, что делать дальше?

Она продолжала свои формы, двигаясь как тростник на ветру. Наклон в эту сторону, затем волна движения в другую. Айил называли бой танцем. Что они подумали бы об этом? Туон двигалась так же изящно, как любой Айил. Если сражение было танцем, большая часть из него была сделана под музыку шумной таверны. Это было сделано к колеблющейся мелодии основного

певца. Тогда это было сделано под колеблющуюся музыку мастера менестреля.

Что-то двинулось за плечом Туон. Мэт напрягся, всматриваясь в ту темноту. Ах, это был просто садовник. Невзрачный парень с шапкой на голове и веснушчатыми щеками. Едва стоящий замечания. Мэт выбросил его из головы и наклонился вперед, чтобы лучше рассмотреть Туон. Он улыбнулся ее красоте.

"Почему бы садовнику не быть тут в это время?" подумал он. "Должно быть, странный тип этот парень."

Мэт поглядел на человека снова,

но с трудом нашёл его. Садовник ступил между двумя Стражами Последнего Часа. Их, похоже, это не волновало. Тогда и Мэта не должно также. Они должно быть доверяют этому человеку...

Мэт достиг своего рукава и освободил нож. Он поднял его, не позволяя себе думать о том, почему. При этом его рука очистила одно из отделений для ножа очень тихо.

Глаза Туон распахнулись, и, несмотря на тусклый свет, она сосредоточилась непосредственно на Мэте. Девушка видела нож в его руке, готовый вылететь.

Тогда она посмотрела через плечо.

Мэт бросил, нож отражал голубой свет, поскольку вращался. Он прошёл меньше ширины пальца от подбородка Туон, ударяя садовника по плечу, когда тот поднял собственный нож. Человек задохнулся, спотыкаясь назад. Мэт предпочёл бы попасть ему в горло, но он не хотел рисковать ударить в Туон.

Вместо того, чтобы сделать разумную вещь и отойти, Туон прыгнула на человека, руки метнулись к его горлу. Это заставило Мэта улыбнуться. К сожалению, у человека было как раз достаточно времени — и она была выведена из равновесия — что дало ему продвинуться назад и пробраться

между сбитыми с толку Стражами Последнего Часа. Второй кинжал Мэта поразил землю позади пятки убийцы, когда он исчез в ночи.

Через секунду, трое мужчин, каждый весом примерно с небольшое здание, повалили Мэта, хлопнув лицом к сухой земле. Один наступил ему на запястье, а другой отбросил ашандрей подальше от него.

— Отставить! — рявкнула Туон. — Освободите его! Ловите другого, глупцы!

— Другого, Величество? — спросил один из стражей. — Там не было никакого другого.

— Тогда чья же это кровь? —

спросила Туон, указывая на темное пятно на земле, которое убийца оставил позади. — Принц Воронов узрел то, что вы не смогли. Прочешите местность!

Стражи Последнего Часа поднялись с Мэта. Он застонал. Чем кормили этих людей? Кирпичами? Ему не нравилось называться "Высочайшим", но немного уважения будет вполне уместным здесь. Если бы предотвратило его от сидения на, что это было...

Он поднялся на ноги, затем протянул руку робкому Стражу Последнего Часа. На лице парня было больше шрамов, чем кожи. Он вручил Мэту ашандрей, затем ушел,

чтобы помочь обыскать сад.

Туон сложила руки на груди, с непоколебимым видом.

— Ты задержался с возвращением ко мне, Мэтрим.

— Задержался с... Я пришел, проклятье, предупредить тебя, а не чтобы вернуться к тебе. У меня есть свои люди.

— Ты можешь претендовать на все, что пожелаешь, — сказала Туон, смотря через плечо, как Стражи Последнего часа колотят по кустам, — Но ты не должен быть далеко. Ты важен для Империи и у меня есть для тебя работа.

— Звучит восхитительно, — заворчал Мэт.

— Что это было? — мягко спросила Туон. — Я его не увидела, пока ты не привлек внимание. Эти стражи лучшие в Империи. Я видела, как Даруо ловит стрелу в полете одной рукой, а Баррин однажды остановил человека, от дыхания на меня, потому что ожидал убийцу, чей рот был наполнен ядом. Он оказался прав.

— Его называют Серым Человеком, — сказал Мэт с дрожью. — Есть в нем что-то причудливо обычное — его сложно обнаружить, и сложно удержать взгляд на нем.

— Серый Человек, — сказала Туон лениво. — Еще один миф

становится явью. Подобно твоим Троллокам.

— Троллоки реальны, Туон. Проклятые...

— Конечно Троллоки реальны, — сказала она, — Почему бы мне не верить в это? — Она посмотрела на него вызывающе, как если бы посмела ему вспомнить о временах, когда называла их мифами. — Появление этого Серого Человека так же реально. Так как нет другого объяснения, как моя стража позволила ему пройти.

— Я достаточно доверяю Стражам Последнего часа, — сказал Мэт, потирая плечо в том месте, где один из них приложился коленом, —

Однако, я не знаю, Туон. Генерал Галган пытается убить тебя; возможно он работает с врагом.

— Он несерьезен в попытках убить меня, — сказала Туон безразлично.

— Ты проклятая сумасшедшая? — спросил Мэт.

— А ты проклятый глупец? — спросила она. — Он нанимал только местных убийц, не настоящих убийц.

— Серый Человек тоже из местных, — отметил Мэт.

Это заставило её притихнуть.

— С кем ты проиграл свой глаз?

"Свет! Неужели все будут спрашивать об этом в такой манере?"

— Я прошел через опасное

место, — сказал он, — Я выжил, и только это имеет значение.

— Хм. И ты спас её? Ту, которую ты пошел освобождать?

— Как ты узнала об этом?

Она не ответила.

— Я решила не ревновать. Ты удачлив. Потеря глаза тебе идёт. До этого ты был слишком привлекательным.

Слишком привлекательным?
Свет. Чтобы это значило?

— В любом случае рад тебя видеть, — сказал Мэт. Он подождал пару мгновений. — Обычно, когда парни говорят что-то наподобие этого, они ожидают услышать в ответ, что их также рады видеть.

— Теперь я Императрица, — сказала Туон. — Я не жду других, и не нахожу приятным чьё-либо возвращение. Они возвращаются вполне ожидаемо, так как служат мне.

— Ты знаешь как заставить парня почувствовать любовь. Хорошо, что я знаю твои чувства ко мне.

— И какие они?

— Ты посмотрела через плечо.

Она покачала головой.

— Я совсем забыла, что ты невероятно хорош в рассказывании того, что не имеет значения, Мэтрим.

— Когда ты увидела меня, — пояснил Мэт, — С кинжалом в

руке, — как будто бы метаемым в тебя — ты не позвала стражу. Ты не боялась, что я здесь чтобы убить тебя. Ты посмотрела через плечо, чтобы увидеть мою цель. Я считаю, это было самое сильное признание в любви, которое мужчина может получить от женщины. Если ты конечно не присядешь мне на колени ненадолго...

Она не ответила. Свет, но она казалась холодной. Неужели все изменилось с тех пор как она стала Императрицей? Он ведь не мог ее уже потерять, не правда ли?

Фурик Карид, капитан Стражей Последнего часа, вскоре прибыл вместе с идущим рядом Музенге.

Карид выглядел как человек, который только что увидел пожар в своем доме. Другие Стражи Последнего Часа салютовали ему и казалось поникли перед ним.

— Императрица, мои глаза опущены, — сказал Карид, опускаясь на живот перед ней. — Я присоединюсь к тем, кто провинился, оставляя наши жизни пред вами, как только новый отряд прибудет на вашу защиту.

— Ваши жизни принадлежат мне, — сказала Туон, — И вы не окончите их до тех пор, пока я не разрешу. Этот убийца был не естественного происхождения, а порождением Тени. Твои глаза не

опущены. Принц Воронов научит вас, как замечать подобных созданий, так что в следующий раз вы не будете столь удивлены. — Мэт был совершенно уверен, что Серый Человек был естественно рожден, и более того, Троллоки и Исчезающие также. Однако, казалось неправильным указывать Туон на это. Кроме того, его внимание привлекло нечто другое в ее приказе.

— Теперь, что я должен сделать? — спросил Мэт.

— Научить их, — мягко сказала Туон, — Ты Принц Воронов. Это будет частью твоих обязанностей.

— Нам нужно это обсудить, — сказал Мэт. — Все называют меня

"Высочайший", этого не должно быть, Туон. Этого просто не должно быть.

Она не ответила. Она ожидала по мере того, как поиски продолжались и не пыталась отступить во дворец.

Наконец Карид приблизился снова.

— Высочайшая, в садах нет следов этой твари, однако один из моих людей обнаружил следы крови на стене. Я предполагаю, что убийца сбежал в город.

— Маловероятно, что он попытается убить меня снова этой ночью, — сказала Туон, — Пока мы встревожены. Не распространяйте

эту новость обычным солдатам и страже. Сообщите моему Голосу, что наша уловка перестала быть эффективной, и что мы должны придумать новую.

— Да, Императрица, — сказал Карид, снова низко поклонившись.

— А теперь, — сказала Туон, — Освободите сад и охраняйте периметр. Я буду проводить время со своим супругом, который потребовал, чтобы я "заставила почувствовать, что его любят".

— Это не в точности то, что я сказал — промолвил Мэт, пока Стражи Последнего часа скрывались в темноте.

Туон кинула на Мэта изучающий

взгляд, потом стала раздеваться.

— Свет! — сказал Мэт, — Ты это имела ввиду?

— Я не собираюсь сидеть у тебя на коленях, — сказала Туон, высвобождая одну руку из своей одежды, обнажив грудь, — Хотя я могу позволить тебе сесть на меня. Этой ночью ты спас мне жизнь. Этим ты заслужил специальные привилегии. Это...

Она умолкла, как только Мэт схватил её и поцеловал. Она удивленно возбудилась. В треклятом саду, подумал он. С солдатами стоящими вокруг на расстоянии слышимости. Хорошо, если она ожидает, что Мэтрим Коутон будет

пристыжен, её ждёт сюрприз.

Он освободил её губы от поцелуя. Её тело прижалось к его, и он был рад, что она затаила дыхание.

— Я не буду твоей игрушкой, — строго сказал Мэт. — Я этого не потерплю, Туон. Если ты будешь настаивать на этом, я уйду. Заруби себе на носу. Иногда я валяю дурака. С Тайлин так точно. Я не буду так поступать с тобой.

Она поднялась и дотронулась до его лица, неожиданно ласково.

— Я бы не сказала тех слов, которые сказала, если бы считала тебя лишь игрушкой. Мужчина, потерявший глаз, в любом случае не игрушка. Ты познал битву; каждый

кто посмотрит на тебя поймет это. Они не спутают тебя с глупцом, и для меня меня нет пользы от игрушки. Вместо этого мне нужен принц.

— А ты меня любишь? — спросил он, выдавливая слова

— Императрица не любит, — сказала она. — Я сожалею. Я с тобою, потому что так повелевают пророчества, и потому с тобой я принесу Шончан наследника.

У Мэта возникло ощущение, что он тонет

— Однако, — сказала Туон, — Возможно, я могу допустить, что... рада тебя видеть.

"Хорошо," подумал Мэт, "думаю, могу это принять. На данный

момент."

Он поцеловал её снова

Глава 16

Кричащая тишина

Лойал, сын Арента, сына Халана, тайно всегда хотел быть быстрым

Лойал считал людей удивительными созданиями! Причем не скрывал этого. Его поражала невнимательность людей, их неспособность слушать. Лойал мог проговорить с ними целый день, а затем обнаружить, что большую часть они пропустили мимо ушей.

Неужели, люди думают, что кто-то будет говорить просто так — без цели?

Лойал слушал, когда они говорили. Каждое слово из их уст показывало больше о них. Люди были похожи на молнию. Вспышка, взрыв, сила и энергия. Затем всё уходило. На что это будет похоже?

Торопливость. Из торопливости стоило извлечь некоторые уроки. Лойал начинал задаваться вопросом, а хорошо ли он освоил тот особый урок.

Лойал шагнул в лес слишком тихих деревьев, Эрит была рядом с ним, другие Огир окружили их. У всех на плечах лежали топоры или

были длинные ножи в руках, поскольку они прошли к сражаться. Уши Эрит дергались; она не была Древопевцем, но она могла ощутить, что деревья чувствовали себя нехорошо.

Это было действительно ужасно. Он бы не смог объяснить ощущение здоровых деревьев, как не смог бы объяснить ощущение ветра на своей коже. От здоровых деревьев шла правильность, подобно запаху утреннего дождя. И хотя правильность не издавала ни звука, но звучала как мелодия. Когда он пел деревьям, то купался в этой правильности.

В этих же деревьях не было этой

правильности. Если он приближался к ним, то мог слышать нечто. Кричащую тишину. И это не было звуком, только чувством.

В лесу перед ними развернулась битва. Армии Илэйн медленно отступали на восток, покидая лес. Они уже почти достигли края Браймского Леса. Как только они оставят лес, им придется срочно отступить к мостам, переправиться, и сжечь их за собой, уничтожая залпами огня Троллоков, которые попытаются навести собственные мосты и переправиться вслед за ними. Башир надеялся, что ему удастся сильно сократить численность врагов на переправе

через Эринин, прежде чем они двинутся дальше на восток.

Лойал был уверен, все это послужит увлекательным сюжетом для его книги, когда он напишет ее. Если напишет... Его уши расправились, как у Огира, начинающего песнь войны. И он слил свой голос с другими, радуясь грозной песне — зову крови, зову смерти — заполнившей пустую тишину деревьев.

Он побежал вместе с другими, рядом с ним Эрит. Лойал вырвался вперед, топор над головой. Ярость переполнила его, вытеснив все мысли. Троллоки не только убили деревья, они взяли их душу...

Зов крови, зов смерти.

Под рёв песни, Лойал ворвался в троллоков с топором, Эрит и другой Огир, присоединились к нему и остановили главный удар троллоковых сил в этом месте. Он не намеревался вести Огирскую атаку. Он сделал это так или иначе.

Он ударил по плечу троллока с лицом барана, отрубая его руку. Тело завопило и упало на колени, и Эрит пнула его в лицо, отбрасывая назад в ноги троллокам позади.

Лойал не остановил своей песни, призыв к крови, к смерти. Пусть их услышат! Пусть их услышат! Взмах после взмаха. Разделявание мёртвой древесины, вот что это

было. Мертвая, гниющая, ужасная древесина. Он и Эрит встали на свое место со Старейшиной Хаманом, который, с расправленными ушами, выглядел совершенно жестоким. Спокойный Старейшина Хаман. Он также чувствовал гнев.

Осаждённые ряды
Белоплащников, кого Огир
освобождали, отступили назад, давая
путь для Огир.

Он пел и боролся, ревел и убивал, ударяя троллоков топором, предназначенным для того, чтобы рубить деревья, и никогда плоть. Работа с древесиной была почетным занятием. Это... это было уничтожением сорняков. Ядовитых

сорняков. Удушающих сорняков.

Он продолжал раскалывать троллоков, теряя себя в призыве к крови, к смерти. Троллоки начали бояться. Он видел ужас в их глазах-бусинках, и ему это нравилось. Они привыкли к бойцам, которые были меньше их.

А вот пусть теперь Троллоки попробуют, кого-то своего размера. Те рычали, в то время как Огир заставляли их отступать. Лойал опускал удар за ударом, срезая руки, перерубая туловища. Он проломился между двумя Троллоками с медвежьими мордами, упавшими перед ним, вооруженным топором, кричащим в ярости — теперь в

ярости за то, что Троллоки сделали Огир. Они должны были наслаждаться миром в стеддинге. Они должны были строить, петь и растить.

Они не могли. Из-за них... эти сорняки, они не могли! Огир были вынуждены убивать. Троллоки превратили строителей в разрушителей. Они вынудили Огир и людей походить на себя. Призыв к крови, к смерти.

Хорошо, Тень должна видеть насколько опасны могли быть Огир. Они должны бороться, и должны убивать. И Огир сделают это лучше, чем какой-нибудь человек, троллок или Мурддраал могли вообразить.

Лойал видел страх в троллоках, в их испуганных глазах, они начинали понимать.

— Свет! — воскликнул Галад, отступая из гущи боя, — Свет!

Атака Огир была и ужасна и достойна славы. Эти создания сражались — уши назад, глаза широко раскрыты, широкие лица плоские, как наковальни. Они преобразились, все их спокойствие ушло. Они прорубались через ряды Троллоков, повергая этих зверей на землю. Второй ряд Огир, состоящий в основном из женщин, добивал Троллоков с помощью длинных ножей, убивая любого, кому удалось пробиться через первую линию.

Галад считал Троллоков, в которых перемешалось человеческое и животное, внушающими ужас, но сейчас Огир выглядели куда, как более устрашающе. Троллоки были просто отвратительны... но Огир всегда были такими спокойными, добрыми, учтивыми... Глядя, на них, впавших в ярость, распевающих их жуткую песню, и сражающихся своими огромными топорами в рост человека.... Свет!

Галад махнул рукой, дав сигнал Детям возвращаться. Неожиданно прилетевший Троллок, врезался в ближайшее дерево заставил Галада отпрыгнуть. Некоторые из Огир, хватали раненных Троллоков руками

и отшвыривали их со своего пути. Другие были по уши в крови, рубя и разделявая врагов, как мясники разделявают мясо. Время от времени, кто-то из них падал. Хотя они и не носили доспехов, но их кожа сама казалось крепкой, как броня.

— Свет! — Сказал Тром, подходя к Галаду. — Видел ли ты когда-нибудь, что-то подобное?

Галад покачал головой. Это был самый честный ответ, о котором он мог подумать.

— Если бы у нас была такая армия — сказал Тром.

— Они Друзья Темного, — сказал Голевер, присоединяясь к

ним. — Отродья Тени, если быть точным.

— Огир не большие Отродья Тени, чем я, — сухо сказал Галад. — Смотри они забивают Троллоков.

— Сейчас они в любой момент могут повернуть против нас, — сказал Голевер. — Смотрите — Он замолчал, прислушиваясь к боевой песне, которую пели Огир. Одна из больших групп Троллоков была сломлена, убегая мимо сыплющего проклятиями Мурдраала. Огир не дали им уйти. Разъяренные, гигантские Строители погнались за Троллоками, двуручные топоры рубили им ноги, бросая их в фонтаны крови и заставляя кричать в агонии.

— Доволен? — спросил Тром.

— Возможно, — сказал

Голевер, — Возможно это какая-то уловка. Чтобы втереться к нам в доверие.

— Не будь дураком, Голевер, — сказал Тром.

— Я не...

Галад поднял руку.

— Соберите раненых. Давайте двинемся в сторону моста.

Ранд позволил кружащимся цветам исчезнуть из поля зрения.

— Почти пришло время идти, — сказал он.

— На битву? — спросила Морейн.

— Нет, к Мэту. Он в Эбу Дар.

Он вернулся из лагеря Илэйн в Меррилор. Разговор с Тэмом все еще звучал в его голове. Отпусти. Это было почти так легко. И все же, нечто поднялось из него разговаривая с его отцом. Отпусти. Казалось в словах Тэма была глубина, лежащая далеко за гранью очевидности.

Ранд покачал головой. Он не мог позволить тратить время на такие мысли. Последняя битва... она должна занимать его внимание.

Я смог подобраться достаточно близко, не привлекая внимания, подумал он, ощупывая кинжал с рукоятью из оленьего рога на поясе. Похоже это правда. Тёмный не может почуять меня, когда он при мне.

Перед тем как выступить против Тёмного, он должен был, что-то сделать с Шончан. Если то, что сказал Том правда, Мэт мог быть ключом. Шончан должны присоединиться к Миру Дракона. В противном случае...

— Твое выражение мне знакомо, — сказал мягкий голос. — Оцепенение. Ты делаешь это так хорошо, Ранд Ал'Тор.

Он обернулся к Морейн. За ней, на столе в его шатре, лежали карты, которые прислала гонцом Авиенда, показывающие позиции, где его армия могла бы собраться в Запустении.

Морейн стала рядом с Рандом.

— Знаешь ли ты, что я потратила часы в размышлениях, пытаюсь обнаружить, чем был заколдован твой разум? Просто чудо, что я не вырвала себе все волосы от досады.

— Я был дураком, когда не доверял тебе, — сказал Ранд.

Она засмеялась. Мягким смехом, смехом контролирующей себя Айз Седай.

— Ты достаточно доверял мне. И из-за того, что ты не делился своими планами, бесило еще больше.

Ранд глубоко вдохнул. Воздух у Меррилора был слаще, чем в других местах. Он уговорил местную землю вернуться к жизни. Трава росла.

Цветы цвели.

— Пни и люди, — сказал он Морейн. — В Двуречье было и то, и другое, и одно могло сдвинуться с места с той же вероятностью, что и другое.

— Как-то слишком сурово, — сказала Морейн. — Не простое упрямство двигало тобой, а желание доказать себе и всем остальным, что ты мог все сделать сам. — Она коснулась его руки. — Но ты ведь не можешь все сделать сам, не так ли?

Ранд покачал головой. Он потянулся за Калландором, коснулся его, привязанного у него на спине. Последний секрет меча был ясен для него. Это была ловушка, притом

хитроумная, ибо меч был са'ангриалом не только для Единой, но и для Истинной Силы.

Он уже избавился от ключа доступа, но на спине он нес кое-что очень соблазнительное. Истинная сила, суть самого Темного, была сладчайшей из всего, чего он касался. С Калландором он мог призвать её столько, сколько ни один человек до него. Из-за того, что у Калландора не было предохранителя, как у большинства других ангриалов и са'ангриалов, нельзя было предугадать, сколько Силы было возможно зачерпнуть.

— Ну вот, опять, — пробормотала Морейн. — Что ты

задумал, Ранд Ал'Тор, Дракон
Возрожденный? Способен ли ты
наконец сказать мне?

Он глянул на неё.

— А не устроила ли ты весь этот
разговор, чтобы вытянуть этот
секрет?

— Ты слишком высокого мнения
о моих риторических способностях.

— Ответ, который не говорит
ничего. — сказал Ранд

— Да, — сказала Морейн. — Но
могу ли я напомнить тебе, что ты
первым проигнорировал мой вопрос?

Ранд припомнил весь разговор,
и понял, что именно он сделал это.

— Я собираюсь убить
Темного, — сказал Ранд. — Я не

просто хочу запечатать Темного, я собираюсь прикончить его.

— Я думаю, ты вырос, пока меня не было, — сказала Морейн.

— Только Перрин вырос, — сказал Ранд. — Мэт и я просто научились хорошо притворяться взрослыми. — Он колебался. — Мэт научился этому не настолько хорошо.

— Темного нельзя убить, — сказала Морейн

— Я думаю, что справлюсь, — сказал Ранд. — Я помню, что сделал Льюс Тэрин, и там был момент... краткий миг... Это возможно, Морейн, я уверен в этом даже больше, чем в том, что смогу снова запечатать Темного. — Это была

правда, хотя он не был по-настоящему уверен ни в одной из возможностей.

Вопросы. Столько вопросов. Не должны ли у него уже появиться ответы?

— Темный — часть Колеса, — сказала Морейн.

— Нет. Темный вне узора. — Возразил Ранд, — Он вообще не является частью колеса.

— Конечно, он часть Колеса, Ранд, — сказала Морейн, — Мы — нити, что формируют саму сущность Узора, а Темный влияет на нас. Ты не можешь убить его. Это глупо.

— Раньше я был глупцом, — сказал Ранд, — И снова буду им.

Временами, Морейн, вся моя жизнь — все, что я сделал — ощущается как нереальная глупость. Что для меня еще одна невыполнимая задача? Со всеми остальными я справился. Справлюсь и с этой.

Она крепче сжала его руку.

— Ты так вырос, но ты всё ещё просто юноша, не так ли?

Ранд немедленно взял под контроль свои эмоции, и не стал огрызаться в ответ. Самый надежный способ показаться мальчишкой — вести себя как мальчишка. Он выпрямил спину и мягко заговорил.

— Я прожил четыреста лет, — сказал он. — Может, в сравнении с безвременьем Колеса, я и юноша. И

все же, я один из старейших живущих людей.

Морейн улыбнулась:

— Очень хорошо. Срабатывает ли это на других?

Он поколебался, но затем, внезапно, обнаружил, что ухмыляется.

— На Кадсуане сработало неплохо.

Морейн хмыкнула.

— А, эта... Ну, зная её, не думаю, чтобы ты обдурил её столь успешно, как полагаешь. Может ты и обладаешь воспоминаниями четырехсотлетнего мужчины, Ранд Ал'Тор, но это не делает тебя старцем. Будь иначе, Мэтрим Коутон

был бы старейшиной у нас всех.

— Мэт? Почему Мэт?

— Не суть, — сказала Морейн. — Кое-что, чего мне не полагается знать. В душе ты все еще наивный овечий пастух. И мне не нужно ничто иное. Льюс Тэрин, при всей его мудрости и силе, не смог сделать то, что должен ты. А сейчас, если ты не против, сделай мне чайку.

— Да, Морейн Седай, — он ответил, немедленно зашагав к чайнику, что был на огне. Он замер и обернулся на нее.

Она посмотрела на него лукаво.

— Просто убеждаюсь, работает ли это все еще.

— Я никогда не подавал тебе

чай, — запротестовал Ранд, подходя обратно к ней. — Насколько я помню, последние наши совместные несколько недель, я сам отдавал тебе распоряжения.

— И правда, — сказал Морейн. — Подумай о том, что я сказала по поводу Темного. Но сейчас я хочу задать другой вопрос. Что ты собираешься делать теперь? Зачем идти в Эбу Дар?

— Шончан, — ответил Ранд. — Мне нужно попытаться привлечь их на нашу сторону, как я и обещал.

— Мне помнится, — проговорила Морейн, — Ты не обещал попытаться, ты пообещал, что сделаешь это.

— Обещания попытаться не многого стоят в политических переговорах, — сказал Ранд. Он вытянул руку перед собой, пальцы растопырены, и посмотрел сквозь открытый вход в палатку. Как будто собирался схватить южные земли. Ухватить, присвоить и защитить их.

Дракон на его руке сиял золотом и багрянцем. "Один раз Дракон за память потерянную" — он поднял другую руку, с обрубком у запястья. "Дважды Дракон... за цену, что заплатить обязан."

— Что ты будешь делать, если лидер Шончан снова откажется? — спросила Морейн.

Он не говорил ей, что

Императрица уже отказала ему раз. Мореин не нужно было говорить. Она просто узнавала.

— Я не знаю, — мягко сказал Ранд, — Мореин, если они не будут сражаться, то мы проиграем. Если они не примут Мир Дракона, то соглашение будет разрушено.

— Ты потратил слишком много времени на этот союз, — сказала Мореин. — Он отвлек тебя от цели. Дракон не приносит мир, он несет разрушение. Ты не сможешь этого изменить с помощью листа бумаги.

— Посмотрим, — сказал Ранд, — Спасибо за совет, сейчас и всегда. Я не могу поверить, что сказанного будет достаточно. Я

задолжал тебе, Морейн.

— Хорошо, — сказала она. — Я все еще нуждаюсь в чашке чая.

Ранд посмотрел на нее недоверчиво. Потом рассмеялся и ушел, чтобы принести ей чаю.

Морейн держала теплый чай, который Ранд, принес ей перед уходом. Он стал правителем, после того как они расстались, и он был таким же покорным судьбе, когда она впервые увидела его в Двуречье. Может быть, даже больше.

Смирен со мной, может быть, подумала она. Он верил, что может убить Темного. Это не знак смиренного человека. Ранд Ал'Тор, столь странная смесь

самоуничтожения и гордости. Обрел ли он наконец равновесие? Несмотря на сказанное ею, его сегодняшние действия доказали, что он не мальчик, но мужчина.

Но и муж может делать ошибки. Часто, еще более опасные.

— Колесо плетет как желает Колесо, — пробормотала она себе под нос, попивая чай. Будучи приготовленным Рандом, а не кем-либо другим, он был таким же ароматным и ярким, как на протяжении лучших деньков. Ничуть не тронутый тенью Тёмного.

Да, Колесо плело как желало. Иногда ей хотелось чтобы плетения были более доступны для

понимания.

— Всем ли понятно, что делать? — спросил Лан, поворачиваясь в седле.

Андер кивнул. Он сообщил информацию правителям, они передали ее своим генералам и командирам. Только в последний момент сообщили солдатам.

Среди них могли быть Друзья Темного. Они всегда были. Невозможно полностью истребить крыс в городе, независимо от того, сколько кошек вы принесли внутрь. Свет даст, это известие придет слишком поздно для крыс, чтобы дать предупреждение Тени.

— Двинулись- сказал Лан, и

тронул шпорами бока Мандарба. Андер поднял знамя, флаг Малкири и присоединился сбоку. Он присоединился к Малкири. Многие из них, имели немного крови Малкири, и были на самом деле Порубежниками других народов. Они по-прежнему хотели служить под его знаменем, и носить хадори.

Тысячи и тысячи всадников следовали с ним, топча копытами мягкую землю. Это был долгий, трудный путь отступления для его армии. Троллоки имели численное превосходство и представлял серьезную угрозу окружающим Лана людям. Конная армия Лана имела высокую мобильность, но

ограничена скоростью, какой вы могли заставить идти пеших солдат, а Троллоки могли идти быстрее. Быстрее, чем могли бы люди, особенно с торопящими их Исчезающими. По счастью, пожары в сельской местности замедляли армии Тени. Без этого, люди Лана, возможно, не смогли ускользнуть.

Лан присел в седле, когда взрывы Повелителей ужаса начались. Слева от него ехал Аша'ман Дип, привязанный к седлу из-за отсутствия ноги. Огненный шар, потрескивая в воздухе, начал падать вниз к Лану, Дип сконцентрировался и вытянул руки вперед. Огненный шар взорвался в воздухе над ними.

Пылающие угли упали, как пурпурный дождь, оставив полосу дыма. Один из них попал на шею Мандарба, Лан смахнул его своей рукой в перчатке. Лошадь, казалось, ничего не замечала.

Земля тут была глинистой. Рельеф состоял из чередующихся холмов, покрытых увядшей травой, скальных выходов и рощ лишенных листьев деревьев.

Дым поднимался от двух отчетливо различимых точек на горизонте. Фал Дара и Фал Моран. Два крупнейших города в Шайнаре были подожжены собственными жителями, так же, как фермы, сады, и все остальное, что могло

послужить пропитанием для наступающих троллоков.

Удержать эти города было нельзя; что означало — их нужно было уничтожить.

Пришло время контрудара. Лан возглавил атаку по центру фронта, и Троллоки метнули копья в надвигающуюся лаву тяжелой кавалерии Малкири и Шайнара. Лан опустил свою пику вниз, разместив ее вдоль шеи Мандарба. Он наклонился вперед, опираясь на стремяна, прижавшись к шее коня, и надеялся, что направляющие — их у Лана сейчас было четырнадцать, небольшое подкрепление от Эгвейн — сделают свое дело.

Земля разверзлась перед Троллоками. Передняя шеренга Троллоков была сломлена.

Лан выбрал цель — массивного Троллока-кабана, который орал на своих компаньонов, чтобы те уклонялись от взрывов. Лан ударил тварь в шею; копье пронзило её и Мандарб сбил Троллока в сторону, в то время как топтал одну из съезжившихся тварей поблизости. Грохот кавалерии превратился в пронзительный треск в тот момент, когда всадники нанесли удар, позволяя импульсу и массе нести их в самую гущу Троллоков.

Как только наступление замедлилось, Лан перебросил копье

Андеру. Тот ловко его поймал. Вокруг Лана собралась его гвардия, и тогда он вытащил меч из ножен. Дровосек равняет деревце. Яблонеый цветок на ветру. Троллоки представляли легкую мишень, когда он в седле. Их рост, как раз такой, чтобы подставить шею под меч всадника.

Это была быстрая, жестокая работа. Дип наблюдал за нападениями со стороны вражеских Повелителей ужаса, противодействуя им. Андер двинулся в сторону Лана.

Зная Лана было естественным магнитом для Отродий Тени. Они начали реветь и бушевать, и он слышал два слова Троллоков, произнесенные много раз на их

языке. Мурдру Кар. Мурдру Кар. Мурдру Кар. Он пробивался с мечом, проливая их кровь, хладнокровно, внутри пустоты.

Они забрали Малкир у него дважды. Они никогда бы не смогли ощутить его чувство поражения, его чувство потери от того, что он оставляет свою родину опять, в этот раз по своему выбору. Но с помощью Света, он может донести им что-то близкое к этому чувству. Его меч в их телах сделает это лучше всего.

Битва превратилась в хаос, как и многое другое. Троллоки впали в безумие; его армия провела последние четыре дня вообще не входя в контакт с чудовищами. Они

только отступали, наконец получив какой-то контроль над отходом их войск, достаточный, чтобы избежать столкновений, по крайней мере тех, которые их поджоги сделали возможными.

Четыре дня без столкновений, а сейчас эта массированная атака. Это была первая часть плана.

— Дай Шан! — кто-то позвал. Принц Кайсель. Он указал на место, где Троллокам удалось разделить охрану Лана. Его знамя было опрокинуто.

Андер. Лошадь человека упала, а Лан на Мандарбе проскользнул мимо двух Троллоков. Принц Кайсель и несколько других солдат

присоединились к нему.

Лан не мог остаться на лошади, чтобы случайно не затоптать своего друга. Он рывком спрыгнул с седла, ударившись о землю и пригнулся под взмахом Троллока. Кайсель отрубил ногу этой твари до колена.

Лан промчался мимо падающего Троллока. Он увидел свое знамя и тело около него. Живой или мертвый, Лан не знал, но рядом стоял Мурддраал, поднимающий темное лезвие.

Лан влетел порывом ветра и вращающейся стали. Он заблокировал лезвие Такан'дара собственным выпадом, растаптывая собственное знамя в пылу борьбы.

Внутри пустоты не было времени для мысли. Был только инстинкт и действие. Был...

Там был второй Мурддраал, поднимавшийся из-за упавшей лошади Андера. Так, ловушка. Сбить знамя, привлечь внимание Лана.

Два Исчезающих напали, по одному с каждой стороны. Пустота не задрожала. Меч не мог чувствовать страх, и в течение того момента Лан был мечом. Цапля Расправляет Свои Крылья. Сбивая все вокруг, блокируя их клинки своим собственным, вперед и назад. Мурддраалы перетекали как вода, но Лан был самым ветром. Он вращался между их лезвиями, отражая

нападение справа, затем слева.

Исчезающие в ярости стали сыпать проклятиями. Находившийся слева, бросился на Лана, с насмешкой на бледных губах. Лан сделал шаг в сторону, парировал выпад твари и отрубил её руку от локтя. Он продолжил текущий удар, его размах продлился в направлении, где как он знал, будет атаковать второй Исчезающий, и отсёк его ладонь.

Оба Такан'дарских меча с лязгом упали на землю. Исчезающие замерли, оцепенев на миг. Лан отрезал голову одного из них, затем со свистом вонзил меч в шею другого. Черная Галька на Снегу.

Он сделал шаг назад и резко махнул мечом в сторону, избавляя лезвие от остатков ядовитой крови. Оба Исчезающих свалились, бессмысленно размахивая клинками и молотя друг друга, темная кровь окрасила землю.

Около полутора сотен Троллоков поблизости извивались, упав на землю. Они были связаны с Исчезающими. Лан подошел к Андеру, чтобы вытащить его из грязи. Мужчина моргал и выглядел ошеломленным, его рука висела под странным углом. Лан перекинул Андера через плечо и схватил знамя в свободную руку.

Он побежал обратно к Мандарбу

— территория вокруг него теперь свободна от Троллоков, и передал знамя одному из воинов Принца Кайселя.

— Проследите чтобы его очистили, а затем снова подняли.

Он бросил Андера поперёк седла и закрепил его, затем вытер меч о седельное одеяло. Раны этого воина не выглядели смертельными.

Он едва расслышал принца Кайселя позади.

— Во имя моих Предков! — сказал мужчина. — Я слышал, что он был хорош, но. О Свет!

— Так должно быть сделано, — проговорил Лан, оглядывая поле битвы и отпуская пустоту, —

Подайте сигнал, Дип.

Аша'ман подчинился, посылая красную полосу света в воздух. Лан повернул Мандарба и указал своим мечом назад к лагерю. Его силы сплотились вокруг него. Их атака подразумевала удар и отход. Они не поддерживали твердую линию фронта. Это было бы трудно с кавалерийской атакой.

Его войска отошли, а салдейцы и арафельцы прибыли, двигаясь быстрыми волнами, чтобы разбить линии троллоков и защитить отступление. Мандарб был мокрым от пота, везти двух закованных в броню мужчин было трудной задачей для коня, уходящего из боя. Лан

замедлил темп, теперь они были вне прямой угрозы.

— Дип, — спросил Лан, когда они достигли задних рядов, — Как Андер?

— У него сломано несколько ребер, сломана рука и травма головы, — ответил Дип. — Я бы удивился, если бы он сам смог досчитать до десяти, но я видел и худшее. Я исцелю рану на голове, остальное может подождать.

Лан кивнул, придерживая коня. Один из его охранников — угрюмый человек по имени Бениш, носивший тарабонскую вуаль, хотя он носил хадори над ней — помог принять Андера с Мандарба; они держали его

прямо перед лошадьё Дипа. Одноногий Аша'ман наклонился вниз из устройства из ремней, поддерживавших его в седле, положил руку на голову Андера и сосредоточился.

Ошеломленный взгляд покинул глаза Андера, уступив место пониманию. Тогда он начал сыпать проклятия.

С ним будет все в порядке, думал Лан, глядя на поле боя. Порождения тени теперь отступали. Наступали сумерки.

Принц Кайсель подъехал к Лану галопом.

— На флаге Салдеи развивается красная лента Королевы, — сказал

он. — Лан, она снова едет с ними.

— Она их королева. Она может поступать как захочет.

— Тебе следует поговорить с ней, — сказал Кайсель, качая головой. — Это не правильно, Лан. Другие женщины из армии Салдеи начали также ездить с ними.

— Я видел салдейских женщин в драке, — сказал Лан, всё ещё оглядывая поле боя. — Если бы мне нужно было сделать ставку в состязании между одной из них и мужчиной, из любой армии Юга, я бы ставил на салдеек каждый день.

— Но...

— Эта война — все или ничто. Если бы я мог собрать всех женщин в

Порубежье и дать им меч в руки, я бы это сделал. Пока, я соглашусь не делать глупостей — таких как запрет на сражение для некоторых обучаемых и страждущих солдат. Однако, если ты решишь не придерживаться этого благоразумного вывода, то ты волен сказать им, что думаешь. Я обещаю предоставить тебе хорошие похороны, как только они позволяют мне снять твою голову с кола.

— Я...Да, Лорд Мандрагоран, — сказал Кайсель.

Лан достал подзорную трубу и оглядел поле.

— Лорд Мандрагоран? — спросил Кайсель. — Вы

действительно думаете, что план сработает?

— Здесь слишком много троллоков, — сказал Лан, — Предводители армий Темного плодили их годами, растили их, как сорняки. Троллоки едят много, и каждому из них требуется больше пищи, чем человеку, чтобы продолжать.

— К этому времени они должны были съесть в Запустении всё, что могло подкреплять их. Тень использовала каждый кусочек еды, чтобы создать эту армию, рассчитывая на то, что троллоки смогут есть трупы павших.

Конечно же, теперь, когда битва

была закончена, троллоки рылись в поле в своих ужасных отбросах. Они предпочитают человеческое мясо, но будут есть своих падших. Лан провел четыре дня двигаясь перед их армией, не давая им никаких тел, чтобы пировать.

Им удалось это только потому, что горели Фал Дара, Фал Моран и другие города в западном Шайнаре. Очистка этих городов в поисках еды замедлила троллоков, позволив армии Лана быть на шаг впереди и организовать отступление.

Шайнарцы не оставили ничего съедобного в любом из близлежащих городов. Четыре дня без пищи. Троллоки не использовали линий

снабжения, они ели то, на что они наткнулись. Они будут голодать. Ненасытные. Лан изучал через свою подзорную трубу. Многие не стали ждать котлов. Животными они были гораздо больше, чем людьми.

В них всех намного больше тьмы, чем чего-то ещё, думал Лан, опуская свою подзорную трубу. Его план был болезнен, но Свет посылает его, он может быть эффективным. Его люди сражаются, и будут жертвы. Те жертвы стали бы приманкой для реального сражения.

— Сейчас. — прошептал Лан.

Лорд Агельмар тоже это видел. Рога затрубили, и желтая полоска света поднялась в небо. Лан повернул

Мандарба, конь фыркнул на команду. Он устал, но и Лан валился с ног. Оба могли выдержать еще одно сражение. Они должны были.

— Тай'шар Малкир! — взревел Лан, опустив свой меч и ведя свои силы обратно на поле. Все пять армий Порубежников сошлись на перелом орде Порождений Тьмы. Троллоки полностью сломали строй, чтобы рыться над трупами.

Лан с грохотом неся к ним, он слышал вопли Мурдраала, который пытался направить силы троллоков назад. Было слишком поздно. Многие голодные звери не смотрели вверх, пока армия почти не налетела на них.

Когда силы Лана атаковали снова, эффект произведённый этой атакой сильно отличался от прежнего. Ранее, при атаке троллоки смыкали ряды и коннице удавалось проникнуть только на десяток шагов, прежде чем они были вынуждены браться за мечи и топоры. Однако, в этот раз троллоки разошлись свободным строем. Лан просигналил шайнарцам ударить первыми. Их построение было настолько плотным, что расстояние между всадниками составляло не более двух шагов

Это не оставило возможности троллокам сбежать или увернуться. Всадники просто растоптали их в

этой буре копыт и громового
абордажа, насаживая троллоков на
копья, стреляя из луков, прокладывая
себе дорогу двуручными мечами. Во
всей этой атаке чувствовалась какая-
то особая злоба Шайнарцев,
закованных в открытые шлемы и
броню из толстых пластин.

Следом Лан отправил свою
конницу Малкири, тогда как сам,
разъезжая взад-вперед по полю
позади Шайнарцев, добивал
оставшихся в живых троллоков.
Пересеча поле, Шайнарцы повернули
вправо на очередной забег, но
Арафельцы буквально залетели
следом за ними, уничтожая еще
больше Отродий Тени, которые

пытались сформировать хоть какой-то строй. После Арафельцев пришла волна Салдэйцев, продвигаясь также, как и Малкири, потом уже в другом направлении стремительно атаковали Кандорцы.

Обливаясь потом, с мечом в усталой руке, Лан снова приготовился. И только тогда он увидел, что принц Кайсель собственноручно нес знамя Малкири. Парень был молод, но с правильным сердцем. Несмотря на то, что он был как-то глуп в отношениях с женщинами.

Свет, да мы все так или иначе глупы с ними, — подумал Лан. Далекие эмоции Найнив через узы

успокаивали его. На таком расстоянии он не мог почувствовать много, но, казалось, она была полна решимости.

Когда Лан начал делать второй заход, земля под его людьми начала взрываться. Повелители Ужаса, наконец, осознали, что происходит, и прокладывали себе дорогу обратно к передним линиям. Лан направил Мандарба в обход воронки, появившейся в земле прямо перед ним, забрызгав грязью его грудь. Появление Повелителей Ужаса было сигналом для него остановить налеты; он хотел наскочить, сильно ударить и ускокать. А чтобы сражаться с Повелителями Ужаса, он

должен ввести в бой всех своих направляющих, а этого он делать не хотел.

— Кровь и кровавый пепел! — выругался Дип, когда возле Лана прозвучал другой взрыв. — Лорд Мандрагоран!

Лан оглянулся. Дип замедлил свою лошадь.

— Продолжай движение, парень, — сказал Лан, придерживая Мандарба. Он дал знак своим силам продолжать скакать, хотя Принц Кайсель и боевая гвардия Лана остались с ним.

— О, Свет, — сказал Дип, концентрируясь.

Лан осмотрел поле боя.

Повсюду валялись мертвые или все еще умирающие троллоки, вопя или просто скуля. Слева от него запоздало выстраивалась масса Отродий Тени. Совсем скоро они сомкнут свои ряды, и если Лан и другие не начнут двигаться, то они окажутся одни на поле.

Дип уставился на фигуру, возвышающуюся над всеми, похожую на огромное осадное орудие, с широкой платформой и, возможно, 20 футов высотой. Группа троллоков тащила ее вперед, имеющую огромные деревянные колеса.

Да, это была фигура. Причем их было несколько. Огненные шары начали лететь в сторону бросившихся

в стороны Порубежников, а с неба ударили молнии. Лан почувствовал себя мишенью на стрельбище лучников.

— Дип!

— Это М'Хаэль! — пояснил

Дип.

Таима не было в распоряжении вражеской армии не менее недели, но теперь, казалось, он вернулся. Об этом нельзя было сказать с уверенностью, из-за расстояния, но способ, которым бросались плетения в стремительной последовательности, — похоже что он злился из-за чего-то.

— Скачи! — выкрикнул Лан.

— Я могу взять его, — сказал

Дип. — Я могу -

Лан увидел вспышку света, и неожиданно Мандарб встал на дыбы. Лан выругался, пытаясь изгнать остаточное изображение из глаз. Было также что-то неправильное с его ушами.

Мандарб встал на дыбы и задрожал. Чтобы заставить жеребца задрожать, нужно сильно постараться. Однако, молния в такой близости выведет из себя любую лошадь. Вторая вспышка молнии бросила Лана на землю. Он перевернулся, заворчал, но как-то подсознательно знал, что делать. Когда он пришел в себя, он уже стоял на ногах, голова кружилась, но в меч был в руке. Он

застонал, пошатываясь.

Руки подхватили его, затаскивая в седло. Принц Кайсель с окровавленным в бою лицом держал поводья. Охрана Лана убедилась, что он уверенно сидит на своей лошади, пока они скакали прочь.

Он увидел труп Дипа, искореженный и растерзанный, пока они бежали.

Глава 17

Проверенный временем.

— Безрезультатно, Ваше Величество, — прозвучал голос сквозь дремоту Мэта. Что-то покалывало его лицо. Этот матрас был, вне всякого сомнения, худшим, из всех, на которых он когда-либо спал. И он был намерен встряхнуть все уплаченные трактирщику деньги назад.

— Убийцу очень трудно отследить, — продолжал этот

надоедливый голос — Люди, мимо которых он проходит, просто не помнят его. Если Принц Воронов располагает информацией, как можно выследить эту тварь, я буду крайне рад это выслушать.

Почему хозяин гостиницы впустил всех этих людей в комнату Мэта? Он постепенно приходил в себя, оставляя позади сладкий и беззаботный сон с участием Туон. Он открыл замутненный глаз, уставившись в облачное небо. А вовсе не в потолок гостиницы.

Проклятый пепел, подумал Мэт, застонав. Они уснули прямо в саду. Он сел, обнаружив себя совершенно голым за исключением шарфа вокруг

шей. Его и Туон вещи были разбросаны на траве под ними. Его лицо было облеплено травой.

Туон сидела рядом с ним, игнорируя тот факт, что она абсолютно голая, и разговаривала с членом Стражей Последнего Часа. Музенге стоял на одном колене, склонив голову и уставившись в землю. Но все таки!

— Свет! — сказал Мэт, потянувшись за своей одеждой. Туон сидела на его рубашке, она наградила его недовольным взглядом, когда он попытался выдернуть ее из под нее.

— Высочайший, — обратился страж к Мэту, все также обратив очи долу. — Примите радость Вашему

пробуждению.

— Туон, ты чего так расселась? — требовательно спросил Мэт, наконец-то вытащив свою рубашку из под ее соблазнительной пятой точки.

— Как мой супруг, — строго сказала Туон — Вы можете называть меня Фортуона или Величество. Я бы не хотела казнить Вас, прежде чем вы подарите мне ребенка, так как моя любовь к вам растет. Что касается этого охранника, то он из Стражи Последнего Часа. Они необходимы, чтобы охранять меня во все времена. Часто я была вынуждена брать их с собой при купании. Это их обязанность, и его лицо скрыто.

В спешке Мэт начал одеваться.

Она начала одеваться, хотя и не достаточно быстро на его взгляд. Он не думал, что большая часть охранников глазеют на его жену. Место, где они спали был окружено маленькими синими елями — редкостью здесь, на Юге, возможно, выращиваемых, потому что они были экзотикой. Хотя иглы были коричневыми, они обеспечивали некоторую возможность личной жизни. За елями было кольцо из других деревьев — персиковых, на его взгляд, хотя это и трудно было сказать, без листвы.

Он мог слышать как город просыпается за пределами сада, и в

воздухе ощущался легкий аромат хвои. Воздух был достаточно теплым, что бы спать на улице не испытывая неудобств, хотя он и рад был одеться.

Гвардейский офицер Стражи Последнего часа подошел как только, как Туон закончила одеваться. Он захрустел сухой хвоей, склонившись перед ней в низком поклоне. — Императрица, мы, возможно, поймали другого убийцу. Это не вчерашнее существо, так как он не ранен, но он пытался проникнуть во дворец. Мы подумали, что вы могли бы пожелать его увидеть, прежде чем мы начнем наш допрос".

— Приведите его вперед-, сказала Туон, поправляя платье. — И

пошлите за генералом Каридом.

Офицер вышел, пропустив Селусию, которая стояла рядом на тропинке, ведущей к поляне. Та подошла, чтобы встать рядом с Туон. Мэт надел шляпу на голову и подошел к ней с другой стороны, уперев ашандарей в мертвую траву.

Мэту было жаль этого бедного дурака, которого поймали пробирающимся во дворец. Возможно, этот человек был убийцей, но он может быть и просто нищим или дураком, ищущим приключений. Или он может быть-
...Возрожденным Драконом.

Мэт застонал. Да, они вели по дорожке Ранда. Ранд выглядел

старше, более обветренным, по сравнению с тем, каким Мэт видел его в прошлый раз. Конечно, он выглядел, как человек в этих проклятых видениях. Хотя Мэт заставил себя перестать думать о Ранде, чтобы избежать этих проклятых цветов, они по-прежнему возникали при случае.

Во всяком случае, лицо Ранда сильно поменялось с их последней встречи. Это было- Свет, как давно это было? В последний раз я видел его собственными глазами, когда он послал меня в Салидар за Илэйн. Это было вечность назад. Это было, до того как он прибыл в Эбу Дар, до того как он впервые увидел голама.

До Тайлин, до Туон.

Мэт нахмурился потому, что Ранда привели к Туон, со связанными за спиной руками. Она говорила с Селусией, шевеля пальцами на языке жестов. Ранд, казалось совершенно не волновался, лицо его было спокойно. Он был одет в хороший красно-черный мундир, белую рубашку под ним, черные брюки. Ни золота или драгоценностей, ни оружия.

— Туон, — начал Мэт, — это...

Туон отвернулась от Селусию, чтобы посмотреть на Ранда.

— Дамани — сказала Туон, игнорируя Мэта — Приведите моих Дамани, быстрее, Музикар! Бегом!

Страж отшатнулся, а затем бросился, призывая дамани и Генерала Знамени Карида.

Ранд наблюдал за убегающим человеком, беспечно, хотя он и был связан. Мэт подумал, что он выглядит как король. Конечно, Ранд скорее всего сумасшедший. Это могло бы объяснить, почему он так прибыл к Туон.

Либо так, либо Ранд просто планирует убить ее. Вербки не имеют значения для человека, который способен направлять. Кровь и пепел, подумал Мэт. Как я мог попасть в эту ситуацию? Он сделал все, что мог, чтобы избежать Ранда!

Ранд встретился взглядом с

Туон. Мэт сделал большой вдох, затем вскочил между ними.

— Ранд. Ранд, послушай меня. Давай будем вести себя спокойно.

— Привет, Мэт, — отозвался Ранд, приветствуя его.

"Свет, он же сошел с ума!"

— Спасибо, что привел меня к ней.

— Привел тебя.....

— Что это значит? — потребовала ответа Туон.

Мэт развернулся.

— Я. всего лишь, это просто.

Ее взглядом можно было бы делать отверстия в стали.

— Ты сделал это, — сказала она Мэту. — Ты пришел, чтобы заманить

меня ласками, а потом ты привел его сюда. Я права?

— Не вините его, — сказал Ранд. — Нам суждено было встретиться снова. Вы знаете, что это правда.

Мэт ввалился между ними, поднимая руки в обоих направлениях.

— Немедленно! Вы оба, прекратите. Вы слышите меня!

Что-то схватило Мэта, оттаскивая его в воздухе.

— Прекрати, Ранд! — запротестовал он.

— Это не я, — ответил Ранд, пытаясь сосредоточиться. — О... Я Ограждён.

В то время, как Мэт висел в воздухе, он ударил себя по груди. "Медальон. Где его медальон?"

Мэт смотрел на Туон. Она выглядела пристыженной на краткий миг, запустив руку в карман ее халата. Она достала что-то серебряное, возможно, намереваясь использовать медальон, как защиту от Ранда.

"Великолепно", — подумал Мэт, застонав. "Она взяла его, пока он спал, и он ничего не заметил. треклято чудесно!"

Плетения воздуха усадил его рядом с Рандом; Карид вернулся с сул'дам и дамани. Все трое выглядели запыхавшимися, словно от

быстрого бега. Дамани направляла.

Туон посмотрела на Ранда и Мэта, затем начала разговаривать на языке жестов с Селусией, ярко выражая свои эмоции.

— Спасибо за эту потасовку, — пробормотал Мэт. — Ты чертовски хороший друг.

— Я тоже рад тебя видеть, — отозвался Ранд, с улыбкой на губах.

— Ну вот мы снова вместе, — сказал Мэт, глубоко вздохнув. — Ты снова втащил меня в беду. Ты всегда это делаешь.

— Я делаю?

— Да. В Руидине и в Запустении, в Твердыне Тира... и опять в Двуречье. Ты понял, что я

ушёл на юг, вместо того, чтобы прийти на встречу с Эгвейн в Меррилор, чтобы убежать?

— Ты думаешь, что сможешь остаться в стороне от меня? — уточнил Ранд, улыбаясь. — Ты действительно считаешь, что оно позволит тебе?

— Проклятье, Я могу попытаться. Не обижайся, Ранд, но ты сойдёшь с ума — вот и все. Я решил оставить тебе на одного друга меньше поблизости, для убийства. Ты знаешь — это решит некоторые твои проблемы. Кстати, что ты сделал со своей рукой?

— А что ты сделал со своим глазом?

— Небольшое происшествие со штопором и тринадцатью злыми трактирщиками. Рука?

— Потерял, пытаюсь захватить одного из Отрекшихся.

— Захватить? — уточнил Мэт. — Ты становишься мягкотелым. Ранд фыркнул.

— Расскажи лучше, что ты успел натворить?

— Я убил голама, — ответил Мэт.

— А я освободил Иллиан от Саммаэля.

— Я женился на Императрице Шончан.

— Мэт, — воскликнул Ранд, — Ты действительно пытаешься обойти

в бахвальстве Дракона
Возрожденного? — Он задумался на
мгновение, — Кроме того, я очистил
саидин. Я выиграл.

— О... так это не дорогого
стоит, — возразил Мэт.

— Не многого стоит? Просто
это самое важное событие, которое
произошло со времен Разлома.

— Да ну! Ты и твои Аша'маны
уже сумасшедшие, — Мэт
продолжил, — Какое это имеет
значение? — Он посмотрел в его
сторону, — Кстати, ты выглядишь
хорошо. Видать лучше заботишься о
себе в последнее время.

— Ты тоже заботишься о
себе, — ответил Ранд.

— Конечно забочусь, — проворчал Мэт, оглядываясь на Туон. — Я имею в виду, что тебе ведь следует заботиться о том, чтобы остаться в живых? Тебе стоит пойти и устроить маленькую дуэль с Темным и оставить нас всех в покое? Очень приятно знать, что ты стремишься к этому.

— Приятно слышать, — ответил Ранд, улыбаясь. — Не отпустишь никаких острот по поводу моей замечательной куртки?

— Что? Острот? Ты все еще злишься из-за того, что я дразнил тебя пару лет назад?

— Дразнил, — удивился Ранд. — Да ты же несколько недель

отказывался со мной разговаривать.

— Погоди, — ответил Мэт. — Все было не так уж плохо. Я помню тот случай очень хорошо.

Ранд покачал головой, немного ошеломленно. Чертовски неблагоприятно было что он. Мэт ушёл, чтобы забрать Илэйн, как попросил Ранд, и это была благодарность, которую он дал. Несомненно, Мэт был немного уведена в сторону после этого. Он все еще делал это, или нет?

— Хорошо — сказал Мэт очень мягко, находясь в путах держащего его плетения Воздуха. — Я вытащу нас из этого, Ранд. Я женат на ней. Позвольте мне начать разговор, и ... -

— Дочь Артура Ястребиное

Крыло-, сказал Ранд Туон. — Время стремится к концу всего сущего. Последняя битва началась, и нити сплетаются. Вскоре начнется мой суд.

Туон вышла вперед, Селусия обратилась к ней несколькими последними жестами. — Вы будете доставлены в Шончан, Возрожденный Дракон — сказала Туон. Ее голос был собран и решителен.

Мэт улыбнулся. Свет, но она стала хорошей Императрицей. Даже, не было никакой необходимости красть мой медальон, думал он. Они должны были обсудить это. Подумал он, если переживет этот момент. Она

не казнит ведь его, не так ли?

Снова, он проверил невидимые путы, связывающие его.

— Это все? — спросил Ранд

— Ты предоставил себя мне — сказала Туон. — Это — предзнаменование — Она казалась почти опечаленной. — Ты действительно думал, что я позволю тебе уйти так далеко, не так ли? Я должна держать тебя в цепях как правителя, который противостоял мне — как я поступила с другими, которых я обнаружила здесь. Ты заплатишь цену забвения своих предков. Ты должен был помнить свои клятвы.

— Я понимаю, ответил Ранд.

Ты знаешь, подумал Мэт, у него неплохо получается выглядеть как король. О, Свет, какие люди меня окружают? Куда подевались простые трактирщицы и пьяные солдаты?

— Ответь мне кое-то, Императрица — сказал Ранд. — Что бы ты сделала, если бы ты возвратившись на эти берега обнаружила армии Артура Ястребиное Крыло все еще правящими? Что, если мы не забыли наших присяг, что, если мы остались верными? Что тогда? -

— Мы приветствовали бы Вас как братьев — сказала Туон.

— Вот как? — спросил Ранд — И ты поклонилась бы трону здесь?

Трону Ястребиного Крыла? Если бы его империя все еще стояла, ею управлял бы его наследник. Ты попыталась бы доминировать над ними? Или ты вместо этого приняла их правление над тобой? -

— Здесь не тот случай, — ответила Туон, но она, казалось, сочла его слова интригующими.

— Нет, не тот, — сказал Ранд.

— По твоему аргументу ты должен подчиниться нам — Она улыбнулась.

— Я не приводил этот аргумент — сказал Ранд — но давай сделаем так. Почему ты предъявляешь права на эти земли? -

— Будучи единственным

законным наследником Артура
Ястребиное Крыло -

— И почему это должно иметь
значение? -

— Это — его империя. Он —
единственный, кто объединил ее, он
— единственный правил ей в славе и
величии.

— И тут ты ошибаешься —
сказал Ранд, его голос становился
мягче. — Ты принимаешь меня, как
Возрожденного Дракона?

— Ты должен быть им, —
медленно сказала Туон, словно это
была ловушка.

— Тогда ты должна принимать
меня тем, кто я есть, — сказал Ранд,
голос становился более громким,

четким. Словно боевой рог. — Я —
Льюс Тэрин Теламон, Дракон. Я
правил этими землями,
объединенными, во время Эпохи
Легенд. Я был лидером всех армий
Света и владел Кольцом Тамерлин. Я
был Первым Среди Слуг, главным
среди Айз Седай, и мог призывать
Девять Жезлов Владычества, — Ранд
ступил вперед, — Мне подчинялись
все семнадцать генералов Врат
Рассвета. Фортуона Атаэм Дэви
Пейндраг, моя власть выше твоей!

— Артур Ястребиное Крыло... -

— Моя власть превосходит
власть Ястребиного Крыла! Если ты
требуешь правления во имя того, кто
завоевал, то ты должна склониться

перед моим приоритетным требованием. Я завоевал до Ястребиного Крыла, хотя я не нуждался ни в каком мече, чтобы сделать это. Ты находишься здесь на моей земле, Императрица, с моего дозволения! -

Гром грянул на расстоянии. Мэт дрожал. Свет, это был просто Ранд. Просто Ранд... или нет?

Туон отступила, глаза широко распахнуты, рот приоткрыт. Ее лицо было полно ужаса, как будто она только что увидела, что ее собственные родители казнены.

Зеленая трава расползалась вокруг ног Ранда. Охранники поблизости отскочили назад, руки на

мечах, поскольку волна жизни простиралась от Ранда. Коричневые и желтые стебли окрасились, словно на них вылили краску, затем встали вертикально — потягиваясь как будто после долгой дремоты.

Зелень заполнила все пространство сада.

— Он все еще огражден! — кричала сул'дам. — Ваше Высочество, он все еще огражден!

Мэт дрожал, и затем заметил кое-что. Очень мягкий, настолько легкий, что можно не заметить.

— Ты поешь? — прошептал Мэт Ранду.

Да... это не было ошибкой. Ранд пел, шепотом, очень мягко. Мэт

коснулся своей ноги.

— Я клянусь, что уже слышал эту мелодию где-то, однажды... Это — "Две Девы на Кромке Воды"?

— Ты не помогаешь, — прошептал Ранд. — Молчи.

Ранд продолжал свою песню. Зелень распространялась к деревьям, ели усилили свои ветви. Другие деревья начали выпускать листья — это были действительно персиковые деревья — растущий на большой скорости, жизнь затопила их.

Охранники озирались вокруг себя, вращались, пытаясь наблюдать за всеми деревьями сразу. Селусия съежилась. Туон осталась стоять прямо, ее глаза, сосредоточились на

Ранде. Поблизости, напуганные сул'дам и дамани, должно быть, перестали концентрироваться, пути держащие Мэта, исчезли.

— Ты отрицаешь мое право? — требовательно спросил Ранд. — Ты отрицаешь, что мое требование на эти земли предшествует твоему собственному на тысячи лет?

— Я... — Туон глубоко вздохнула и уставилась на него вызывающе. — Ты разломил мир, оставил его. Я могу отрицать твое право -

Позади нее, словно белые и розовые фейерверки, взорвались цветением цветки, превращаясь в деревья. Взрыв всевозможных цветов

окружил их. Лепестки выстрелили из деревьев струей своего развития, тут же подхватываемые ветром и кружа по поляне.

— Я позволил тебе жить — сказал Ранд Туон — когда я, мог, уничтожить тебя в мгновение. Это потому что ты сделала жизнь лучше для людей при твоём правлении, хотя ты не без вины за тот путь, которым ты обращалась с некоторыми. Твое правление так же неосновательно как бумага. Ты скрепила эту землю только через силу стали и дамани, но твоя родина в огне.

— Я прибыл сюда, не для того чтобы уничтожить тебя. Я пришел к тебе сейчас, чтобы предложить тебе

мир, Императрица. Я прибыл без армий, я приехал без силы. Я приехал, потому что я полагаю, что ты нуждаешься во мне, как я нуждаюсь в тебе. — Ранд вышел вперед и, удивительно, склонился на одном колене, склоняя свою голову, его рука простерлась вперед. — Я протягиваю свою руку тебе в союзе. Последняя Битва уже началась. Присоединись ко мне и сражайся -

Расчистка прекратилась. Перестал дуть ветер, грохотать гром. Персиковые лепестки неслись по теперь уже зеленой траве. Ранд оставался там, где и был: рука протянута. Туон таращилась на эту руку, будто это была змея.

Мэт поспешно подошел. — Хорошая уловка — сказал он шепотом Ранду. — Очень хорошая уловка. — Он приблизился к Туон, беря ее за плечи и поворачивая ее к себе. Поблизости стояла, Селусия, выглядевшая ошеломленной. Карид был не в лучшей форме. Они не предоставили бы никакой помощи.

— Эй, посмотри — сказал Мэт ей мягко. — Он — добрый малый. Он немного не отесан, но ты можешь доверять его слову. Если он предложил тебе соглашение, то он выполнит его -

— Это было очень внушительным зрелищем — сказала Туон мягко. Она немного дрожала. —

Что же он такое? -

— Сожгите меня, если я знаю —
сказал Мэт. — Послушай, Туон. Я рос
с Рандом. Я ручаюсь за него -

— Тьма есть в этом человеке,
Мэтрим. Я видела её, когда в
последний раз я и он встретились -

— Посмотри на меня, Туон.
Посмотри на меня -

Она посмотрела, встретив его
пристальный взгляд.

— Ты можешь доверять Ранду
ал'Тору со всем миром — сказал
Мэт. — И если ты не можешь
доверять ему, доверяйте мне. Он наш
единственный выбор. У нас нет
времени, чтобы забрать его назад в
Шончан.

— Я был в городе достаточно долго, чтобы быстро взглянуть на твои силы. Если ты собираешься сражаться в Последней Битве и вернуться обратно на твою Родину, тебе нужна устойчивая база здесь в Алтаре. Прими его предложение. Он просто требовал эти земли. Ну, заставь его защищать твои границы, как они есть сейчас и объяви об этом другим. Они могли бы послушать. Немного надави. Если, ты не желаешь бороться с троллоками, нациями этой земли и мятежниками в Шончан в одно и то же время -

Туон мигнула. — Наши силы -

— Что? -

— Ты назвал их моими силами

— сказала она. — Они — наши силы.
Ты — один из нас теперь, Мэтрим -

— Ну, догадываюсь, что это так.
Послушай, Туон. Ты должна это
сделать. Пожалуйста. — Она
повернулась, смотря на Ранда,
стоящего на коленях в середине узора
из персиковых лепестков, которые,
казалось, окружили его. Ни один из
них не упал на него.

— Каково твоё предложение? —
спросила Туон.

— Мир, — ответил Ранд,
вставая; рука все еще протянута. —
Мир на сто лет. Может больше, если
я смогу это устроить. Я убедил
других правителей подписать договор
и работать вместе, чтобы сражаться с

армиями Тени.

— Я бы хотела закрепить свои границы, — сказала Туон.

— Алтара и Амадиция должны быть твоими.

— Так же, как и Тарабон и равнина Алмот, — сказала Туон. — Я удерживаю их сейчас. И их не отнимут у меня твои требования. Ты желаешь мира? Вот ты и дашь мне его.

— Тарабон и половина равнины Алмот, — возразил Ранд. — Половина, которой ты уже владеешь.

— Также я хочу заполучить каждую способную направлять женщину по эту сторону Аритского океана в качестве дамани, — сказала

Туон.

— Не испытывай свою удачу, Императрица, — сухо промолвил Ранд. — Я... Я разрешу тебе делать это в Шончан, но приказываю тебе освободить тех дамани, которых вы захватили на этой земле.

— Тогда мы не достигнем соглашения, — сказала Туон.

Мэт задержал дыхание.

Ранд заколебался, рука опустилась. — Судьба всего мира зависит от этого, Фортуона. Пожалуйста.

— Если это так важно, — твердо ответила она, — ты можешь согласиться с моими запросами. Наша собственность принадлежит только

нам. Ты желаешь договора? Тогда ты получишь его с одним условием: мы оставляем себе всех дамани, которых уже захватили. Взамен этого я разрешаю тебе удалиться с миром.

Ранд поморщился.

— Ты так же плоха, как и одна из Морского Народа".

— Я надеюсь, что я хуже — сказала, Туон без эмоциональным тоном. — Мир — это Ваша проблема, Дракон, не моя. Я забочусь о моей империи. Мне очень нужны эти дамани. Выбери сейчас. Как я полагаю, вы сказали, ваше время уже кончается.

Лицо Ранда помрачнело, потом он высунул руку наружу. — Пусть так

и будет. Свет, будь милостив, пусть так и будет. Я буду нести этот груз тоже. Вы можете оставить дамани которые у вас уже есть, но вы не должны захватывать их из числа моих союзников, в то время как мы боремся в Последней Битве. После этого захват их не на вашей территории, будет рассматриваться как нарушение договора и нападение на другие народы.

Туон шагнула вперед и взяла руку Ранда в свою собственную. Мэт выдохнул.

— У меня есть документы для Вас, чтобы их рассмотреть и подписать-, сказал Ранд.

— Селусия примет их —,

сказала Туон. — Мэтрим, со мной. Мы должны подготовить империю к войне, — Туон ушла вниз по тропинке, ее шаг был спокоен, хотя Мат подозревал, что она хотела как можно скорее быть подальше от Ранда. Он понимал ее чувства.

Он последовал за ней, но остановился возле Ранда. — Кажется, у тебя есть немного удачи Темного, — пробормотал он Ранду. — Я не могу поверить, что это сработало.

— Честно? — шепнул Ранд. — Я тоже не могу. Спасибо на добром слове.

— Конечно, — сказал Мэт. — Кстати, я спас Морейн. Как ты это

раскусишь. Подумай кто из нас победитель.

Мэт последовала за Туон, и позади него раздался смех Возрожденного Дракона.

Глава 18

Ощущение пустоты.

Гавин стоял на поле вблизи района, где Айз Седай в первых рядах сражались с Троллоками. Они ушли с холмов, в глубь Кандорской равнины и по-прежнему сдерживали наступление Троллоков, и им даже удалось оттеснить основные силы противника на несколько сот шагов. В целом, это сражение шло лучше, чем могли ожидать.

Они сражались здесь в течение

недели в этой открытой, безызвестной области Кандора. Это место было перепахано и разорвано как будто шла подготовка к посеву. Здесь было столько тел — почти все Отродья Тени — что даже голодные Троллоки не могли съесть их всех.

Гавин держал меч в одной руке, щит в другой, стоя перед лошадью Эгвейн. Его задачей было убивать Троллоков, которые проникнут сквозь волны атак Айз Седай. Он предпочитал сражаться двумя руками, но ему нужен был щит против Троллоков. Некоторые считали его дураком из-за того, что он использовал меч. Они предпочли бы что-то типа пики или алебарды,

удерживающей Троллоков на дистанции.

Ты не сможешь по-настоящему драться на дуэли с пикой, не смотря ни на что; как пикинер, ты напоминаешь кирпич в огромной стене. Ты не будешь воином, который будет представлять из себя препятствие. Алебарда была лучше — по крайней мере, у нее было лезвие, для использования которого могло потребоваться умение — но ничто не придавало такого чувства, как это делал меч. Когда Гавин сражался мечом, он контролировал бой.

Троллок шел на него, фыркая, с лицом напоминающим

одновременно барана и человека. Этот был более похож на человека, чем большинство, включая отвратительный человеческий рот с окровавленными зубами. Существо размахивало булавой, на ручке которой было напечатано Пламя Тар Валона, она была украдена у павшего Гвардейца Башни. Хотя это было двуручное оружие, создание держало его легко в одной руке.

Гавин уклонился в сторону, потом двинул свой щит вверх и вправо под ожидаемый удар. Щит дрожал от повторных ударов. Один, два, три. Стандартное Троллочье неистовство — ударить сильно и быстро, предполагая, что противник

сломается.

Со многими так и случилось. Они опрокинулись бы, или их руки немели от ударов. Это имело значение для линий пикинеров или алебард. Брин использовал оба, и вновь импровизированные линии состояли наполовину из пикинеров, наполовину из воинов с алебардами. Гавин читал об этом в учебниках истории. Армия Бриана использовала их для того, чтобы зажимать в тиски Троллоков. Линии пикинеров будут удерживать на месте, а затем алебарды достигнут их и подрежут ноги.

Гавин нырнул сторону и Троллок оказался не готов к его

ускорению. Тварь повернулись слишком медленно, в то время как Гавин отделил запястье его руки, используя Вихрь на Горе. Пока тварь кричала, Гавин развернувшись ударил в живот другого Троллока, который прошел через защиту Айз Седай.

Он выхватил меч из тела и поразил шею первого Троллока. Труп соскользнул с его клинка. С этими стало четыре, убитых сегодня Гавином. Он тщательно вытер свой меч об окровавленную ткань, которую носил привязанной к поясу.

Он посмотрел на Эгвейн. Сидя верхом, она использовала Единую Силу, разрывая группы Троллоков.

Айз Седай работали сменами, и лишь небольшая их часть находилась на поле одновременно. Использование столь немногих Айз Седай за один раз требовало, чтобы солдаты взяли на себя основную тяжесть боевых действий, зато Айз Седай всегда приезжали к сражению отдохнувшими. Их задачей было уничтожать группы Троллоков, ломать их строй, давая солдатам возможность добивать рассеянные остатки.

С Айз Седай разрушающими твердые боевые порядки троллоков, борьба, хотя и была изнурительной, шла хорошо. Им не пришлось снова отступать за холмы, а удалось

эффективно остановить здесь наступление Троллоков в течение недели.

Сильвиана сидела на чалом мерине рядом с Эгвейн, и делала все, чтобы держать Троллоков на расстоянии. Перед ними, атаками Сильваны, земля была разворочена и ее бороздили траншеи. Несмотря на это, время от времени, Троллоки переползали это болото и попадали к Гавину.

Гавин заметил движение в ближайшей траншеи и зашагал вперед. Троллок с чертами волка присел внутри. Он зарычал на него, карабкаясь вверх.

Вода Сбегаёт с Горы

Троллок упал в траншею, и Гавин вытер лезвие об кровавые тряпки. Пять. Не плохо для одного часа из его двух-часовой смены. Часто Айз Седай были в состоянии отразить Троллоков, и он просто то и делал, что стоял рядом с Эгвейн. Конечно, сегодня её сопровождала Сильвиана, они всегда приходили на рубеж в паре и Гавин был наполовину убежден, Хранительница специально пропускала некоторых, чтоб загрузить его работой.

Внезапная серия взрывов поблизости вынудила его отступить назад и он оглянулся через плечо. Прибыла их смена. Гавин отдал мечом салют Слиту, как только тот

занял позицию вместе со Стражем Пиавы Седай, чтобы охранять данный участок.

Гавин присоединился к Эгвейн и Сильвиане, когда они покидали поле сражения. Он мог чувствовать растущую усталость Эгвейн. Она подталкивала себя слишком сильно, упорно примыкая к слишком многим сменам.

Они двигались по растоптанной траве, мимо группы Иллианских Спутников скачущих в бой. У Гавина не было достаточно хорошего представления о сражении в целом, чтобы знать, где определенно они были необходимы. Он смотрел им вслед с оттенком зависти.

Он знал, что Эгвейн нуждается в нем. Сейчас, как никогда. Исчезающие проскальзывали в лагерь ночью, принося кованые в Такан'даре лезвия, чтобы забирать жизни Айз Седай. Гавин сторожил сам, когда Эгвейн спала, надеясь, что Амерлин избавит его от усталости, когда она одолеет его. Он спал, когда Эгвейн бывала на заседаниях Совета Башни.

Он настоял, чтобы она спала в разных палатках каждую ночь. Время от времени он убеждал ее Перемещаться в Майен и кровать во дворце её там ждала. Через несколько дней она перестала это делать. Его аргументы, что она

должна проверить Желтых и осмотреть Целительство, перестали убеждать. Росиль Седай взяла там все в свои руки.

Гавин и две женщины продвинулись вглубь лагеря. Некоторые солдаты поклонились, те, кто не был занят, в то время как другие торопились на поле сражения. Гавин бросил взгляд на некоторых из них. Слишком молоды, слишком неопытны.

Другие были Принявшими Дракона, и кто знает, что с ними делать? Среди Принявших Дракона были Айил, и это было понятно, так как ему казалось, что все Айил и были в основном Принявшими

Дракона. Но среди Принявших Дракона были и Айз Седай. Он не думал, что большинство их сделали этот выбор сами.

Гавин покачал головой и продолжил. Их лагерь был огромен, и фактически не было обоза. Еда доставлялась ежедневно через Врата в фургонах — некоторые тянулись теми ненадежными машинами из Кайриэна. Когда эти фургоны ушли, они увезли одежду для стирки, оружие в ремонт и сапоги, чтобы починить

Это сделало лагерь, очень эффективным, не густонаселенным, впрочем, почти каждый проводил долгие часы на поле боя. Все, кроме

Гавина.

Он знал, что нужно, и то, что он делал, было важным, но он не мог избавиться от ощущения пустоты. Он был одним из лучших фехтовальщиков в армии, а он стоял на поле боя в течение нескольких часов в день, убивая только время от времени случайных Троллоков которые были настолько глупы, что лезли на двух Айз Седай. То, что сделал Гавин, больше походило на убийство их из сострадания, чем борьба с ними.

Эгвейн кивнула Сильвиане на прощание и повернула свою лошадь к командной палатке

— Эгвейн... — сказал Гавин.

— Я только хочу убедиться, что все в порядке — сказала она спокойно, — Илэйн должна была прислать несколько новых распоряжений.

— Тебе нужно поспать.

Такое впечатление, что все эти дни я только и делаю, что сплю.

— Когда ты сражаешься на поле битвы, ты стоишь не менее тысячи обычных солдат, — сказал Гавин. — И если двадцати двух часовой сон в день необходим, чтобы ты была в достаточно хорошей форме для того, чтобы сражаться с удвоенной силой, я думаю тебе стоит сделать это. К счастью, в этом нет необходимости, так же как и нет необходимости в

том, чтобы ты загоняла себя с такой силой, как сейчас делаешь.

Он мог чувствовать ее раздражение через связь, но она выдохнула.

— Ты прав, конечно. — Она посмотрела на него, — И тебе не нужно удивляться, услышав, что я признаю это.

— Я не был удивлен, — сказал Гавин.

— Я могу чувствовать твои эмоции, Гавин.

— Они были вызваны совершенно по другому поводу, — сказал он. — Я вспомнил кое-что сказанное Слитом несколько дней назад, шутку, значение которой я до

сего дня не понимал.

Он невинно посмотрел на нее.

Наконец-то, заслуженная улыбка. Намек на нее, но этого было достаточно. Она не улыбалась почти все эти дни. В немногие из них улыбалась.

— Кроме того, — сказал он, принимая у нее поводья и помогая ей спешиться, когда они достигли командного шатра, — Я никогда сильно не задумывался над тем, что Стражи могут игнорировать Три Клятвы. Мне интересно, как часто сестры находят это удобным?

— Я надеюсь не слишком часто, — сказала Эгвейн. Очень дипломатичный ответ. Внутри

командного шатра они обнаружили Гаррета Брина, смотрящего вниз через ставшие уже привычными ворота; они поддерживались мышинового цвета Серой, которую Гавин не знал. Брин отступил к своему покрытым картами столу, за которым в ожидании приказов стояла Суан. Он сделал несколько пометок на карте, кивая своим мыслям, затем посмотрел на вошедших.

— Мать, — Сказал Брин, и взял ее за руку, чтобы поцеловать кольцо.

— Кажется сражение идет неплохо, — сказала Эгвейн, кивая Суан, — Мы держимся здесь хорошо. У вас есть план как продвинутся вперед, мне так кажется?

— Мы не можем задерживаться здесь навсегда, Мать, — сказал Брин. — Королева Илэйн попросила меня рассмотреть предварительно отступление все дальше в Кандор, и я думаю, что есть смысл сделать это. Я волнуюсь, что Троллоки будут отходить назад в холмы и готовиться. Вы заметили, как они стягивали все больше тел с поля каждую ночь?

— Да.

Гавин мог чувствовать ее недовольство, она желала, чтобы у Айз Седай были силы для сжигания Троллочьих туш с помощью Единой силы каждый день

— Они собирают провиант, — сказал Брин. — Возможно они

решили двинуться в восточном направлении и окружить нас. Нам нужно держать их здесь в оцеплении, что может означать продвижение к тем холмам. Это было бы великолепно, нормально, но сейчас... — Он покачал головой, подошел и взглянул сквозь ворота на передние линии. — Ваши Айз Седай господствуют на поле сражения, Мать. Я никогда не видел ничего подобного.

— Это причина, — ответила она, — По которой Тень делает все, что в ее силах, чтобы сломить Белую Башню. Это известно. У Белой Башни есть способность управлять этой войной.

— Мы должны следить за Повелителями ужаса, — сказала Суан, перебирая бумаги. Доклады разведчиков подозревал Гавин. Он мало знал Суан Санчей, несмотря на то, что пощадил ее жизнь, но Эгвейн часто говорила о женской жадности к информации.

— Да, — сказала Эгвейн, — Они придут.

— Черная Башня, — сказал Брин, нахмурившись, — Доверяете ли вы слову данному лордом Мандрагораном?

— Своей жизнью, — сказала Эгвейн.

— Аша'маны сражаются на стороне врага. Почему бы

Возрожденному Дракону не сделать что-то с этим? Свет, если все оставшиеся Аша'маны на стороне Тени...

Эгвейн покачала головой.

— Брин, я хочу, чтобы всадники были готовы к выступлению, отправьте их в то место возле Черной Башни, куда все еще можно открыть ворота. Переместите их, пусть мчатся во весь опор к сестрам, которые все еще находятся вне стен Черной Башни.

— Ты хочешь, чтобы они напали? — спросил Гавин, оживляясь.

— Нет. Они должны отойти так далеко, чтобы смогли сделать ворота, а

затем они должны присоединиться к нам здесь. Мы не можем позволить себе любые дополнительные задержки. Я хочу, чтобы они были здесь.”

Она легонько постучал по столу пальцем.

— Таим и его Повелители Ужаса придут. Они оставались в стороне от этой битвы, вместо этого сосредоточившись на лорде Мандрагоране. Это позволяет им доминировать над своим полем битвы, как мы доминируем над своим... Я отберу больше сестер, чтобы отправить В армию Порубежников... Мы должны противостоять им, в конце концов.

Гавин ничего не ответил, но плотно сжал губы. Меньше сестер здесь означает больше работы для Эгвейн и других.

— И теперь, — сказала Эгвейн, — Мне нужно. — Она умолкла, видя, выражение лица Гавина. — Я полагаю, мне нужно поспать. Если я не нужна, отправлюсь. — Свет, я не знаю, где я буду спать сегодня. Гавин?

— В шатре Маерин Седай. Она на дежурстве в следующей смене, поэтому у тебя будет несколько часов непрерывного сна.

— Если я понадобится, — напомнила Эгвейн. Она пошла к палатке.

— Конечно, — сказал Гавин, провожая ее, но покачал головой Брину и Суан. Брин улыбнулся в ответ, кивая. На поле сражения было мало того, что требовало внимания Амерлин. Совет Башни давал прямой обзор их армий.

Снаружи, Эгвейн вздохнула, закрывая глаза. Он обнял ее и позволил ей откинуться на него. Это длилось всего несколько секунд, прежде чем она отстранилась, встав прямо и надев лицо Амерлин. Слишком юная, подумал он, чтобы от неё так много требовать.

Конечно, она была не намного младше Ал'Тора. Гавин был обрадован и слегка удивлен, что

размышления об этом человеке не вызывали никакого гнева. Ал'Тор будет биться в своей битве. Действительно, то что делал этот человек не было делом Гавина.

Гавин отвел Эгвейн к части лагеря Зеленой Айя, несколько Стражей по периметру поприветствовали их уважительно кивнув. Маерин Седай расположилась в большой палатке. Большинству Айз Седай было разрешено принести то жилье и мебель, которые они пожелают, поскольку они могли сделать собственные врата для этого и использовать Стражей для доставки. Если армия будет вынуждена быстро

перемещаться, такие вещи будут брошены. Многие Айз Седай решили принести очень мало, но другие. Ну, они не привыкли к жесткой экономии. Маерин была одной из таких. Мало кто принес столько, сколько она.

Лейвлин и Байл Домон ждали снаружи палатки. Они были теми, кто сообщит Маерин Седай, что ее палатка будет заимствована, и что она не должна никому говорить, что Эгвейн воспользуется палаткой. Секрет мог быть раскрыт, если кто-нибудь поспрашивает вокруг (они не прятались, когда шли сюда), но в то же время, интересующийся тем, где спала Амерлин привлек бы

внимание. Это была лучшая защита, какую Гавин мог организовать, так как Эгвейн не желает перемещаться каждый день для сна.

Эмоции Эгвейн моментально скисли, когда она увидела Лейлвин.

— Ты же говорила, что хочешь держать её поблизости, — мягко сказал Гавин.

— Я не хочу, чтобы она знала, где я сплю. Если их убийцы придут в поисках меня в лагерь, она может оказаться одной из тех кто приведет их ко мне.

Гавин подавил желание возразить. Эгвейн была хитрой, проницательной женщиной — но она была слепа в отношении всего, что

касалось Шончан. С другой стороны, он обнаружил, что доверяет Лейлвин. Она производила впечатление человека, который честен с людьми.

— Тил присмотрит за ней, — сказал он.

Эгвейн совладала со своим дыханием, затем вошла в шатер, пройдя мимо Лейлвин без единого слова. Гавин не последовал за ней внутрь.

— Похоже Амерлин намерена не позволять мне служить, — сказала Лейлвин Гавину, по-шончански растягивая слова.

— Она не доверяет тебе, — откровенно сказал Гавин.

— Неужели чья-либо клятва стоит так мало на этой стороне океана? — сказала Лейлвин. — Я поклялась ей, что никто не сломается, даже Муями!

— Друг Темного предаст любую клятву.

Женщина бросила на него холодный взгляд.

— Я начинаю думать, что она считает всех Шончан Друзьями Темного.

Гавин пожал плечами.

— Вы избили её и захватили в плен, превратив её в животное, которое ведут на поводке.

— Не я, — сказала Лейлвин. — Если какой-то пекарь испек для вас

скверный хлеб, вы будете считать, что каждый из них хочет отравить вас? Ба. Не спорьте. В этом нет смысла. Если я не могу служить ей, я буду служить вам. Вы уже ели сегодня, Страж?

Гавин заколебался. Когда же он в последний раз что-то ел? Этим утром... нет, он слишком жаждал боя. Его желудок громко заурчал.

— Я знаю, вы не оставите её, — сказала Лейлвин, — особенно под надзором Шончан. Пойдем, Байл. Давай выручим этого дурака какой-нибудь едой, чтобы он не упал в обморок, если явятся убийцы. Она зашагала прочь, её здоровенный иллианский муж последовал за ней.

Парень бросил взгляд через плечо, которым мог отвердить кожу.

Гавин вздохнул и уселся на землю. О вытащил из кармана три черных кольца; выбрал одно, а остальные засунул обратно в карман.

Разговор об убийцах всегда заставлял его думать о кольцах, которые он снял с Шончан, пришедших убить Эгвейн. Кольца были тер'ангриалами. Они были причиной того, что эти Кровавые ножи двигались так быстро и растворялись в тенях.

Он поднёс кольцо к свету. Оно не было похоже на какой-либо тер'ангриал, виденный им ранее, но объект Силы мог выглядеть подобно

чему-угодно. Кольца были изготовлены из какого-то тяжёлого чёрного камня, который он не мог распознать. Наружная сторона была изрезана, подобно шипам, в то время как внутренняя сторона — которая соприкасается с кожей — была гладкой.

Он повертел кольцо в пальцах. Он знал, что ему следует пойти с ним к Эгвейн. Он также знал, как Белая Башня относится к тер'ангриалам. Они запирали объекты, убирая их с глаз долой, боясь экспериментировать с ними. Но сейчас шла Последняя Битва. Самое время для риска...

"Ты решил оставаться в тени

Эгвейн, Гавин", думал он. "Ты решил, что будешь защищать её, делать всё, в чем она нуждается. Она выиграет эту войну, она и Айз Седай. Позволит ли он своей зависти к ней вырасти также, как она выросла к ал'Тору?"

"Это то, чем я это считаю?"

Гавин обхватил свою голову руками, с кольцом, зажатым в кулаке. Лейлвин и Байл Домон сходили к кухонной палатке и вернулись с миской для него. Судя по запаху, снова тушеный ячмень. Повара использовали до тошноты много перца. Гавин подозревал, что они так делали, чтобы скрыть среди черных хлопьев перца кусочки долгоносика.

Я не могу действовать так, как

будто делаю что-то подозрительное, мгновенно подумал он. Я не могу позволить ей пойти к Эгвейн.

— Это? — спросил он, держа кольцо в руках, — Это одно из колец мы отобрали у наемных убийц Шончан, которые пытались ликвидировать Эгвейн. Мы предполагаем, что это какой-то вид тер'ангриалов, хотя ни об одном из них Белая Башня никогда не слышала.

Лейвлин тихо прошипела.

— Те, которыми награждаются только императрицей, да живёт она... — Она оборвала себя и сделала глубокий вдох, — Только тем, кто назначен Кровавым ножом,

тем, кто отдал свои жизни императрице, разрешается носить такие кольца. Для вас надеть такое было бы очень, очень неправильно.

— К счастью, — сказал Гавин, — Я не носил его.

— Кольца опасны, — сказала Лейлвин. — О них я знаю немного, но они, как говорят, убивают тех, кто их использует. Не позволяй своей крови коснуться кольца, иначе ты запустишь его, и это будет смертельно, Страж. — она вручила ему миску тушеного мяса, а затем пошла прочь.

Домон не пошел за ней. Иллианец поскреб свою короткую бороду.

— Она не самая любезная из женщин, моя жена — сказал он Гавину. — Но она действительно сильна и мудра. Тебе лучше послушать её.

Гавин убрал кольцо в карман. "Эгвейн никогда не позволил бы мне носить его в первую очередь." Это была правда. Если бы она знала об этом.

— Скажи своей жене, что я ценю предупреждение. Я должен предупредить вас, что наемные убийцы до сих пор очень болезненная тема для Амерлин. Я предлагаю избегать темы Кровавых ножей или их тер'ангриалов.

Домон кивнул и пошел за

Лейвлин. Гавин почувствовал лишь небольшой укол стыда за обман. Он не сказал ничего, что не соответствует действительности. Он просто не хотел, чтобы Эгвейн задавала неудобные вопросы.

Это кольцо, и его братья, представляло собой нечто. Это был не путь Стража. Стоять рядом с Эгвейн, высматривая опасности для нее., вот был путь Стража. Он будет иметь значение на поле боя, служа ей, а не разъезжая как какой-то герой.

Он говорил себе это снова и снова пока ел рагу. К тому времени, как он закончил, он был почти уверен, что верит в это.

Он все еще не рассказал Эгвейн о кольцах.

Ранд помнил первый раз, когда он увидел Троллоков. Нет, ни когда они напали на его ферму в Двуречье. Когда он увидел их по-настоящему в первый раз. Это было во время прошлой Эпохи.

Тогда придет время, когда они больше не будут существовать, думал он, сплетая Огонь и Воздух, создавая взрывающуюся стену пламени, которая взорвалась в середине группы Троллоки. Находящиеся поблизости, люди Волчьей Гвардии Перрина вскинули оружие в знак благодарности. Ранд кивнул в ответ. В данный момент его лицо было

скрыто маской Джура Грейди.

Когда-то Троллоки не поганили эту землю. Мы можем вернуться к такому положению вещей. Если Ранд убьет Темного, случится ли это сразу?

Жар стены пламени вызвал пот на его лбу. Он внимательно посмотрел на ангриал в виде толстячка — он не мог позволить себе выглядеть слишком мощным — и поразил другую группу Троллоков здесь, на поле боя к западу от реки Алгуэнья. Силы Илэйн перешли Эринин и сельскую местность восточнее, и в настоящее время время ждали завершения строительства мостов через

Алгуэнью. Возведение мостов было практически закончено, но в это время авангард Троллоков догнал их, и армия Илэйн была вынуждена занять оборонительную позицию, чтобы удержать его, до того момента как они смогут пересечь реку.

Ранд был рад помочь. Реальный Джур Грейди отдыхал в своем лагере в Кандоре, устав от исцеления. Удобная личина, ту которую Ранд мог носить и не обратить на себя внимания Отрекшихся.

Ему доставляли удовольствие крики горящих заживо Троллоков. Он любил этот звук, особенно в конце Войны Силы. Он всегда заставлял его чувствовать себя, так как будто он

что-то делает.

Он не знал когда увидел Троллоков в первый раз. О, он знал об экспериментах Агинора. Льюс Тэрин неоднократно называл его сумасшедшим. Он не понимал, поэтому многие из них не получились. Агинор слишком долго любил свои проекты. Льюс Тэрин сделал ошибку решив, что Агинор, как и Семираг, применяет пытки для собственного удовольствия.

А потом появились Отродья Тени.

Монстры продолжали гореть, дергая конечностями.

Тем не менее Ранда волновало то, что этими тварями могли быть

рожденные заново люди. Агинор использовал людей, чтобы создать Троллоков и Мурддраалов. Действительно ли это было судьбой некоторых? Быть рожденным заново, как эти искаженные создания? Идея вызвала у него тошноту.

Он проверил небо. Облака начали уходить, как они делали около него. Он мог заставить их не расходиться, но... нет. Мужчины нуждались в Свете, и он не мог бороться здесь слишком долго, чтобы не стало очевидно, что один из Аша'манов был слишком силен для лица, которое он носил.

Ранд позволил свету прибывать.

Все люди по полю боя на берегу

реки взглядывали на небо, когда солнечный свет падал на них, темные облака отходили.

Ранд решив, что больше нет смысла скрываться, снял Маску Зеркал и поднял руку в кулаке над головой. Он сплел Воздух, Огонь и Воду, подняв столб света простирающийся от себя высоко в небо. Солдаты по полю приветствовали его.

Он не попадется в подготовленные для него ловушки Темного. Он прошел через ворота назад на Поле Меррилора. Он никогда не оставался подолгу на поле сражения, но он всегда обнаруживал себя прежде чем уйти. Он позволял

разойтись облакам, доказывая что он был здесь, потом уходил.

Мин ждала его на площадке для Перемещений Меррилора. Он взглянул назад на закрывающиеся ворота, оставляя людей в бою без него. Мин положила ладонь на его руку. Его охрана из Дев была здесь, они неохотно позволили ему бороться в одиночку, так как знали что их присутствие выдаст его.

— Ты выглядишь печальным, — мягко сказала Мин.

Горячий ветер дул откуда-то с севера. Ближайшие солдаты поприветствовали его. Большинство тех что находились здесь, были Доманийцы, Тайренцы и Айл. Силы

нападения во главе с Роделом Итуралде и королем Дарлином, которые попытаются держать долину Такан'дар, в то время как Ранд будет бороться с Темным.

Время для этого почти наступило. Тень видела его сражающимся на всех фронтах. Он присоединялся к битве Лана, Эгвейн и также Илэйн по очереди. В настоящий момент Тень стянула большую часть армий к битве на юге. Момент атаки Ранда на Шайол Гул приближался.

Он посмотрел на Мин.

— Морейн называет меня дураком за эти атаки. Она говорит, что даже небольшой риск для меня-

не стоит того, чем я могу помочь.

— Морейн, возможно, права, — сказал Мин. — Она часто права. Но я предпочитаю тебя — человека, который готов сделать это. То есть человека, который может победить Темного, человека, который не может сидеть и планировать, в то время как другие умирают.

Ранд обнял ее за талию. Свет, что бы он делал без нее? Я бы пал, подумал он. В темные месяцы ... Я бы пал наверняка.

Через плечо Мин, Ранд увидел приближающуюся седую женщину. А за ней, меньшая фигура в синей одежде остановилась и демонстративно повернулась в

другую сторону. Кадсуане и Морейн давали друг другу пространство в лагере. Он думал, что поймал намек на блики в глазах Морейн, когда она увидела, что Кадсуане заметила Ранда первой.

Кадсуане подошла к нему, затем обошла вокруг, смерила взглядом. Она кивнула себе несколько раз.

— Пытаешься решить, подхожу ли я для этого задания? — спросил Ранд Кадсуане, убрав эмоции — в данном случае раздражение — из своего голоса.

— Я никогда не сомневалась, — сказала Кадсуане. — Даже до того как обнаружила, что ты возродился, я никогда не сомневалась, что буду

способна сделать из тебя такого человека, которым ты должен быть. Сомнения, по крайней мере в данном случае, это для глупцов. Ты — глупец, Ранд Ал'Тор?

— Бессмысленный вопрос — ответила Мин. — Если он говорит да, то признает себя дураком. Если говорит нет, то подразумевается, что не стремится к дальнейшей мудрости.

— Ба. Ты слишком много читаешь, дитя. — Кадсуане казалась нежной, говоря это. Она повернулась к Ранду. — Я надеюсь ты подарил ей что-нибудь милое.

— Что ты имеешь ввиду? — спросил Ранд.

— Ты даришь вещи людям, — сказала Кадсуане, — готовишься к смерти. Так обычно поступают старики или люди, скачущие на битву, которую они полагают, что не смогут выиграть. Меч для твоего отца, тер'ангриал для королевы Андора, корона для Лана Мандрагорана, драгоценности для айильской подружки, и для этой тоже.

Она кивнула в сторону Мин.

Ранд застыл. Он знал, что он делает, на каком-то уровне, но услышав такое объяснение, пришел в замешательство.

Мин помрачнела и вцепилась в него взглядом.

— Пойдем со мной, — сказала Кадсуане. — Только ты и я, лорд Дракон, — она взглянула на него, — Если ты не против.

Мин посмотрела на Ранда, но он похлопал ее по плечу и кивнул.

— Я встречу с тобой в шатре.

Она вздохнула, но отступила. Кадсуане уже начала свой путь. Ранд подбежал несколько шагов, чтобы наверстать упущенное. Ей, наверное, доставило удовольствие видеть это.

— Морейн Седай становится беспокойной из-за твоей задержки, — сказала Кадсуане.

— И каковы ваши мысли?

— Я думаю, она довольно проницательна. Как бы то ни было, я

не нахожу твой план полностью уж глупым. Но ты больше не можешь откладывать.

Он нарочно не сказал, когда он отдаст приказ напасть на Шайол Гул. Он хотел, чтобы все гадали. Если никто вокруг его не знал, когда он нанесет удар, то есть все шансы, что Темный не узнает.

— Невзирая на это, — сказала Кадсуане, — Я здесь не для того, чтобы обсуждать твою задержку. Я чувствую Морейн Седай по своему неплохо тебя....обучила. Кое-что другое беспокоит меня гораздо больше.

— И что?

— Что ты рассчитываешь

умереть. Что ты отдаешь столь многое. Что ты даже не ищешь возможности выжить.

Ранд сделал глубокий вдох. Позади группа Дев следовала за ним. Он прошел Ищущих Ветер в их маленьком лагере, столпившихся и обсуждающих Чашу Ветров. Они спокойно смотрели на него и Кадсуане.

— Оставь меня, идущим к моей судьбе, Кадсуане, — сказал Ранд, — Я принял объятья смерти. Я приму ее, когда она придет.

— Я довольна этим, — сказала она, — И я не думаю, сейчас, что не променяла бы твою жизнь на мир.

— Ты делала, что было нужно с

самого начала, — сказал Ранд, — Так зачем беспокоиться сейчас? Этот бой будет моим. Так должно быть.

— Ты не должен думать, что умрешь, — сказала Кадсуане, — Даже если это почти неизбежно, ты не должен принимать это, как совершенно неизбежное.

— Илэйн сказала почти то же самое”.

— Значит, она изрекла мудрость, по крайней мере, один раз в ее жизни. В среднем лучше, чем я от нее ожидала.

Ранд не стал возмущаться по поводу данного комментария, и Кадсуане позволила себе легкую улыбку. Она была довольна тому, как

он теперь себя контролирует. Именно поэтому она его испытывала. Эти тесты никогда не кончатся?

"Нет", — подумал он. "Не до последнего. Того, что будет самым главным испытанием".

Кадсуане остановилась, заставляя его также остановиться.

— У тебя также есть дар для меня?

— Я даю их тем, о ком забочусь.

В самом деле, это заставило её улыбнуться сильнее.

— Наше отношения не всегда было гладкими, Ранд Ал'Тор.

— Это один из способов сказать это.

— Однако, — продолжила она,

глядя на него, — Я хочу чтобы ты знал, что я довольна. Ты оказался хорош.

— Значит, у меня есть твоё разрешение на спасение мира?

— Да, — она посмотрела вверх, туда, где кипели чёрные облака. Они начали разделяться при его появлении, так как он не скрывал себя или не удерживал их от этого.

— Да, — повторила Кадсуане, — Я разрешаю тебе. До тех пор, если ты сделаешь это быстро. Тень растёт.

Как будто в согласии с ее словам, земля задрожала. Она делала, это все больше и больше в последнее время. Весь лагерь дрожал, и люди

падали.

— Там будут Отрёкшиеся, — сказал Ранд. — Как только я войду. Кто-то должен противостоять им. Я намереваюсь просить Авиенду возглавить сопротивление против них. Она могла бы использовать твою помощь.

Кадсуане кивнула.

— Я сделаю свою часть.

— Возьмите Аливию, — сказал Ранд. — Она сильна, но я беспокоюсь о её нахождении с другими. Она не понимает ограничений, так как должна бы. — Кадсуане снова кивнула, а по её взгляду, ему было бы интересно узнать, не планировала ли она в

точности тоже самое.

— А Чёрная Башня?

Ранд стиснул зубы. Черная Башня была ловушкой. Он знал, что это была ловушка. Таим хотел заманить Ранда в то место, где он не смог убежать через ворота.

— Я послал Перрина, чтобы помочь.

— А теперь ты решил направиться туда сам?

— Я должен помочь им. Так или иначе. Я позволил Таиму собрать их. И не могу просто оставить их ему...

— Ты все еще не уверен, — неудовлетворенно сказала Кадсуане. — Ты рискуешь собой, ты рискуешь нами всеми, делая шаг в

ловушку.

— Я.

— Они свободны. — Кадсуане развернулась чтобы уйти. — Таим и его люди были изгнаны из Чёрной Башни.

— Что? — потребовал Ранд, беря её за руку.

— Твои люди сами освободили себя, — сказала Кадсуане. — Впрочем, как мне сказали, они пострадали делая это. Мало кто знает это. Королева Илэйн не сможет использовать их в битве некоторое время. Я не знаю подробностей.

— Они освободились сами? — сказал Ранд.

— Да.

Они сделали это. Или Перрин сделал.

Ранд ликовал, но волна вины захлестнула его. Сколько было потеряно? Мог ли он спасти их если бы ушел? Он знал о их затруднительном положении на протяжении многих дней, и все же он оставил их, подчиняясь настойчивым доводам Морейн, что это была ловушка, он не мог позволить себе этого.

И теперь они избежали её.

— Я желала бы быть способной вытянуть ответ из тебя, — сказала Кадсуане, — о том, что ты собираешься сделать. — Она вздохнула и покачала головой. — У

тебя есть недостатки, но тебе придется это сделать.

Она оставила его.

— Дип был отличным человеком, — сказал Антаил. — Он пережил падение Марадона. Он был на стене, когда она взорвалась, но он выжил и продолжил бороться. Повелители Ужаса добрались до него в конце концов, взрывая почву под ним, завершая свою задачу. Дип прожил последние моменты своей жизни бросая в них плетения. Он умер достойно.

Солдаты Малкири подняли кубки к Антаилу, воздавая почести падшим. Лан поднял свой кубок, хотя он стоял отдельно от

расположившихся кольцом вокруг костра людей. Он желал бы, чтобы Дип подчинился приказу. Качая головой, он выпил свое вино. Несмотря на то, что была уже ночь, люди Лана были готовы к неожиданной атаке.

Лан повертел свой кубок меж двух пальцев, снова думая о Дипе. Он понял, что не может разозлиться на него. Дип хотел убить одного из самых опасных направляющих Тени. Лан не мог сказать, что он сам упустил бы такую возможность, если бы ему дали шанс.

Мужчины продолжили поднимать тосты за павших. Это уже стало ежевечерней традицией и

распространилось по всем лагерям Порубежников. Лан нашел ободряющим то, что люди начали относиться к Антаилу и Нарিশме как к товарищам. Аша'маны до этого сторонились всех, но смерть Дипа объединила их и простых солдат. Теперь они все были в одной лодке. Мужчины увидели Антаила глубоко опечаленным и пригласили его сказать тост.

Лан отошел от огня и прошел по лагерю, остановившись у коновязей проверить Мандарба. Жеребец был в относительном порядке, несмотря на то, что у него была огромная рана на левом боку, где теперь уже никогда не вырастет шерсть; казалось, за ним

хорошо ухаживали. Конюхи все еще разговаривали в приглушенных тонах о том, как раненная лошадь появилась на следующую ночь после сражения, в котором погиб Дип. Много всадников были убиты либо сброшены с седел в той схватке. И очень мало лошадей избежало троллоков и вернулось в лагерь.

Лан потрепал Мандарбу холку.

— Скоро мы отдохнем, мой друг, — сказал он ласково. — Обещаю.

Мандарб фыркнул в темноту, и рядом несколько других коней заржали в ответ.

— Мы обречем дом, — сказал Лан. — Тень будет уничтожена,

Найнив и я возродим Малкир. Мы сделаем поля снова цветущими, очистим озера. Зеленые луга. Не будет больше троллоков, чтобы сражаться. Дети буду кататься на твоей спине, мой старый друг. Ты сможешь проводить свои дни в мире, жуя яблоки и выбирая кобыл.

Уже прошло много времени, с тех пор, как Лан думал о будущем хотя бы с каплей надежды. Странно было, обнаружить это сейчас, в этом месте, на этой войне. Иногда, он чувствовал, что имеет больше общего со скалами и песком, чем с людьми, которые смеялись вместе у костра.

Это было то, что он из себя сделал. Он был тем, кем должен был

быть, тем, кто сможет однажды вернуться в Малкир и защитить честь своей семьи. Ранд Ал'Тор начал ломать этот щит, а потом любовь Найнив окончательно разбила его вдребезги.

"Удивлюсь, если Ранд знал это" — подумал Лан, доставая скребок и прохаживаясь им по шкуре Мандарба. Лан знал, что значит быть обреченным с детства на смерть. Он знал, что значит быть направленным в Запустение и говорил, что принесет там в жертву свою жизнь. Свет, но он сделал это. Вероятно, Ранд Ал'Тор никогда не узнает, насколько они вдвоем были похожи.

Лан чистил Мандарба некоторое

время, несмотря на то, что устал. Возможно, ему стоило поспать. Найнив так бы ему и сказала. Он представил себе этот разговор и позволил себе улыбнуться. Она бы взяла верх, объяснив, что генералу нужно поспать, а конюхов и так достаточно, чтобы заботиться о лошадях.

Но Найнив не было здесь. Он продолжил чистку.

Кто-то подходил к коновязям. Конечно, Лан услышал шаги еще до того, как человек пришел. Лорд Балдер взял щетку, кивнув одному из стражей, и прошел к своей лошади. И только тогда он заметил Лана.

— Лорд Мандрагоран? — сказал

ОН.

— Лорд Балдер, — ответил Лан, кивая Кандорцу. Меченосец королевы Этениелле был худощавым, с белыми жилками в черных волосах. Несмотря на то, что Балдер был не в числе великих генералов, он был хорошим командиром и хорошо защищал Кандор с тех пор, как умер король. Многие предполагали, что королева выйдет замуж за Балдера. Это, конечно, было глупостью; Этениелле относилась к нему, как к брату. Кроме того, каждому, кто хоть немного приглядывался, было известно, что Балдер предпочитал женщинам мужчин.

— Прошу простить меня, что

потревожил вас, Дай Шан, — сказал Балдер. — Не представлял, что кто-нибудь еще будет здесь. — Он поспешил удалиться.

— Я уже почти закончил, — сказал Лан. — Не вынуждайте меня останавливать вас.

— Конюхи хорошо знают свое дело, — сказал Балдер. — Я был здесь не для того, чтобы проверить их работу. Просто я как-то обнаружил, что выполнение простой и знакомой работы помогает мне думать.

— Вы не единственный, кто заметил это, — ответил Лан, продолжая чистить Мандарба.

Балдер усмехнулся, а затем на

мгновение умолк. Наконец, он заговорил:

— Дай'Шан, — сказал он, — вы беспокоитесь о лорде Альгемаре?

— В каком смысле?

— Меня беспокоит, что он толкает себя слишком сильно, — сказал Балдер. — Некоторые из решений, которые он делает. они смущают меня. Это не то, что его решения по сражениям плохи. Они просто кажутся мне слишком агрессивными.

— Это война. Я не знаю как можно быть слишком агрессивным в нанесении поражения врагу.

Балдер замолк на время.

— Конечно. Но вы обратили

внимание на потерю Лордом
Юкатой двух кавалерийских
эскадронов?

— Это была неудача, но ошибки
случаются "

— Это не то, что должен был
сделать лорд Агельмар. Он прежде
бывал в ситуациях, похожую на эту,
Дай Шан. Он должен был
предвидеть.

Это произошло во время
недавнего рейда против троллоков.
Аша'маны подожгли Фал Эйзен и
окружающую местность. По приказу
Агельмара, Юкатой повел свою
конницу для перегруппировки вокруг
большого холма, чтобы напасть на
правый фланг армии троллоков,

наступающей на Аша'манов. Используя классические клещи, Агельмар должен был послать больше конницы против левого фланга противника, и развернуть Аша'манов, чтобы встретить троллоков лоб в лоб.

Но лидеры Тени видели сквозь этот маневр. До того как Агельмар и Аша'маны смогли что-то сделать, большие силы троллоков пришли на холм, чтобы ударить в правый фланг Йоката, в то время как остальные ударили Йоката спереди, окружая его кавалерию.

Кавалерия была уничтожена до последнего человека. Сразу же после этого Троллоки развернулись на

Аша'манов, которые едва смогли спастись.

— Он устал, Дай Шан, — сказал Балдер. — Я знаю Агельмара. Он никогда не допускал подобных ошибок, если бодрствовал и был предупреждён.

— Балдер, любой может допустить ошибку подобную этой.

— Лорд Агельмар один из великих генералов. Он должен видеть битву по-другому, чем ее видят обычные люди.

— Ты уверен, что не ожидаешь от него слишком многого? — спросил Лан. — Агельмар всего лишь человек. Все мы устали.

— Я... Возможно вы правы, —

Балдер потянул руку к своему мечу, как будто беспокоился. Он не носил оружия королевы, конечно нет, только когда она находилась на своем посту. — Полагаю, что это просто инстинкт, Лан. Агельмар выглядит слишком усталым, и боюсь, это влияет на его способности к планированию. Пожалуйста, просто понаблюдайте за ним.

— Я понаблюдаю, — сказал Лан.

— Спасибо, — сказал Балдер. Сейчас он казался менее обеспокоенным, чем когда приблизился.

Лан похлопал напоследок Мандарба и, оставив Балдера дальше

ухаживать за своей лошадью, направился через лагерь к палатке командования. Он вошел внутрь; палатка была освещена и хорошо охранялась, хотя солдатам на страже не позволялось иметь четкое представление о картах сражения.

Лан отодвинул занавески, которые затеняли вход, и кивнул двум подчиненным Агельмара командующим Шайнарцам, находившимся внутри. Один из них изучал карты, разбросанные на полу. Самого Агельмара здесь не было. Лидер тоже должен когда-то спать.

Лан присел на корточки, глядя на карту. После завтрашнего отступления они должны будут

оказаться в месте, именуемом Кровавые ключи, названное так из-за камней под водой, придававшим ей красный цвет. В Кровавых ключах у них было бы преимущество в высоте из-за прилегающих холмов, и Агельмар хотел организовать наступление против Троллоков, используя совместно лучников и отряды кавалерии. И, конечно, там было больше горящих земель.

Лан опустился на одно колено, глядя на пометки Альгемара о том, какая армия где будет воевать и как он разделит атаки. Это была амбициозно, но ничего не выглядело особенно хлопотно для Лана.

Пока он изучал карту,

прошелестели створки палатки и вошел Агельмар, тихо переговариваясь с леди Элис, салдейкой. Он остановился, когда увидел Лана, спокойно извиняясь за прерванную беседу. Генерал приблизился к нему.

Альгемар не падал от истощения, но Лан научился читать признаки усталости глубже, чем поза человека. Покраснение глаз. Едва уловимый запах плоского зверобоя, травы, которую жевали, чтобы держаться в ясном сознании, когда кто-то был на ногах слишком долго. Альгемар устал, но как и любой другой в лагере.

— Одобряете ли вы то, что

видите, Дай Шан? — преклоняя колени спросил Агельмар.

— Для бегства это слишком агрессивно.

— Можем ли мы предпринять какие-либо другие действия? — спросил Агельмар. — Мы оставили полосу выжженной земли за собой, уничтожая Шайнар, с такой же уверенностью, как если бы сама Тень захватила её. Я пролью кровь Троллоков, чтобы утолить этот пепел.

Лан кивнул

— К тебе приходил Балдер? — спросил Агельмар.

Лан кинул пронзительный взгляд.

Агельмар слабо улыбнулся.

— Я предполагаю, что это относительно потерь Йокаты и его людей?

— Да.

— Говоря по-правде, это была ошибка, — сказал Агельмар. — Интересно, будет ли кто-то противостоять мне в этом; Балдер из тех, кто считает, что я никогда бы не сделал такую??ошибку.

— Он считает, что вы излишне перетруждаете себя.

— Он умен в тактике, — сказал Агельмар, — но он не знает настолько много, как думает. Его голова полна историй о великих генералах. Я не идеален, Дай Шан.

Это не было исключительно моей ошибкой. Я увижу их, как я увидел эту, и я учусь на них.

— Тем не менее, возможно нам следует увидеть, что вы больше спите.

— Я абсолютно здоров, Лорд Мандрагоран. Я знаю свои ограничения; я провел всю свою жизнь, изучая их. Эта битва подтолкнёт меня к пределам моих возможностей, и я должен позволить это.

— Но...

— Отстраните меня или оставьте, — отрезал Агельмар. — Я буду прислушиваться к советам, я не глупец, но я не буду выслушивать

сплетни о себе.

— Замечательно, — вставая
сказал Лан, — Я доверяю вашей
мудрости.

Агельмар кивнул, опуская глаза
на карты. Он все еще работал над
своими планами, когда Лан наконец
ушел, он вернулся к ним.

Глава 19

Выбор повязки

Илэйн нашла Башира,
расхаживающим на восточном берегу
реки.

Берега рек входили в число тех
мест, которые все еще казались ей
живыми. В эти времена, многое было
безжизненным: деревья, которые уже
никогда не покроются листвой,
трава, которой не суждено вырасти,
животные, навсегда забившиеся в
свои норы.

Реки продолжали струиться. В них была искра жизни, хотя растения увядали.

Алгуэнья была одной из тех обманчиво мощных рек, которые выглядят безмятежно издалека, но могут утянуть женщину под воду, до тех пор, пока она не захлебнется. Она вспомнила Брина, поучающего Гавина, во время одной из охотничьих поездок вдоль реки. Он разговаривал с ней. Может быть, даже, в основном с ней, хотя он был очень осторожен, боясь перейти границы дозволенного с Дочерью-Наследницей.

Бойся течений, — сказал он. Речные течения — это самое опасное

на всем белом свете, а все потому, что люди недооценивают их. Поверхность выглядит гладкой, потому что ничто не тревожит ее. Рыба плывет по течению, человек держится от него подальше. И только дураки бросаются в омут с головой, в надежде показать себя.

Илэйн шагнула на каменистый берег реки к Баширу. Ее охрана осталась позади — сейчас с ними не было Бергитте. Она сопровождала группу лучников в нескольких милях вниз по реке, где они занимались обстрелом Троллоков, строивших плоты, чтобы пересечь реку. Лучники Бергитте и драконы Талманеса там отменно выполняли работу по

уменьшению числа Троллоков, но это был только вопрос времени, когда их многочисленная армия потоком хлынет через Алгуэнью.

Илэйн вывела свои силы из Андора неделю назад, и она и Башир были удовлетворены успехами. До тех пор пока не обнаружили ловушку.

— Поразительно, не так ли? — спросила она, шагнув к Баширу, который стоял на каменистом берегу реки.

Башир посмотрел на нее, затем кивнул.

— У нас нет ничего такого как Алгуэнья, на моей родине.

— Аринелле, какая она?

— Она не становится такой

большой, пока не покинет пределы Салдейи, — сказал он рассеянно. — Эта же почти как океан, находящийся прямо здесь, разделяющий берега. Это заставляет меня улыбаться, мысль, как Айил должно быть разглядывали ее после пересечения Хребта Мира.

Оба помолчали какое-то время.

— Насколько все плохо? — прервала молчание Илэйн.

— Плохо, — сказал Башир — Я должен был понимать, чтоб мне сгореть. Я должен был предвидеть.

— Ты не можешь предугадать все, Башир.

Извини, — произнес он, — но это именно то, чем мне следует

заниматься. Передвижение их войск на восток от Браемского Леса проходило согласно плану. Сжигая мосты через Эринин и Алгуэнью, они уничтожили огромное число Троллоков, пытающихся переправиться на другой берег. Илэйн очутилась на дороге, ведущей вверх, по направлению к Кайриэну. Башир планировал устроить финальную конфронтацию с Троллоками на холмах вдоль дороги, расположенных в двадцати лигах южнее Кайриэна.

Тень перехитрила их. Разведчики обнаружили вторую армию Троллоков прямо к северу от их текущей позиции,двигающуюся

на восток, направляясь к городу Кайриэну. Илэйн забрала защитников этого города для усиления своей армии. Сейчас он был наполнен только беженцами — и был также набит битком, как когда-то Кэймлин.

— Как они могли это сделать? — спросила она. — Те Троллоки не могли прийти из Тарвинова Ущелья.

— У них было недостаточно времени для этого, — согласился Брин.

— Еще одни Путевые Врата? — спросила она.

— Может быть, — сказал Брин. — А может и нет.

— Ну как тогда? — снова

спросила она. — Откуда пришла эта армия Троллоков? — эти Троллоки были достаточно близки, чтобы постучаться в городские ворота. Свет!

— Я сделал ошибку, думая как человек, — ответил Башир. — Я посчитал скорость марша Троллоков, но не как быстро Мурдраал может заставить их идти. Глупая ошибка. Армия в лесах должна разделиться на две, и половина идет северо-восточным путем через леса к Кайриэну. Это единственное, что я могу предположить.

— Мы двигались так быстро, как только могли, — Сказала Илэйн.

— Как они могли настигнуть нас?

Ее армия использовала путевые врата. Она не могла перебрасывать через них всех, так как у нее не было достаточного количества направляющих, для удержания врат длительное время. Вместе с тем, она могла перебрасывать через них фургоны снабжения, раненых и обеспечивающие части. Это позволяло ее армии передвигаться со скоростью тренированных солдат.

— Мы двигались так быстро, как могли без вреда для себя, — сказал Башир, — Человеческий командующий никогда не двинул бы свои силы в такой ужасный марш. Местность, которой они прошли, похоже была ужасна — реки, которые

они должны были пересечь, леса, болота, Свет! Вероятно, что они потеряли тысячи Троллоков от усталости во время такого марша. Исчезающие пошли на риск, и теперь мы у них в клещах. Также, город может быть разрушен.

Илэйн затихла.

— Я не позволю этому произойти, — сказала она наконец. — Только не снова. Нет, раз мы можем это предотвратить.

— А у нас есть выбор?

— Да, — сказала Илэйн, — Башир, ты — один из самых великих военных гениев, которых знала эта земля. У тебя есть возможности, которых не имел прежде ни один

человек. Драконы, Родня, Огир, готовые сражаться в битве... Ты справишься с этой задачей. Я знаю, что ты сможешь.

— Вы показываете удивительную веру в меня для того, кто знал меня недолгое время.

— Ранд доверяет тебе, — сказал Илэйн. — Даже в течение мрачных периодов в своей жизни, Башир — когда он смотрел на каждого второго человека вокруг с темнотой в своих глазах — он доверял тебе.

Казалось Башир заволновался.

— Есть один путь.

— Какой?

— Мы идем и наносим удар по Троллокам возле Кайриэна настолько

быстро, насколько сможем. Они устали; должны были устать. Если мы быстро разобьем их, прежде, чем орда с юга достигнет нас, тогда может появиться шанс. Это будет трудно. По всей вероятности северная сила хочет захватить город, чтобы затем использовать его против нас, когда придут южные Троллоки.

— Мы можем открыть врата в город и удерживать его?

— Я сомневаюсь в этом, — сказал Башир. — Не с уставшими направляющими, как эти. Кроме того, мы должны уничтожить северных Троллоков, а не просто выстоять против них. Если мы дадим

им время, чтобы отдохнуть, то они оправятся от своего марша и присоединятся к Троллокам с юга, тогда они используют Повелителей Ужаса, чтобы разорвать открытый Кайриэн как перезрелое яблоко. Нет, Илэйн. Мы должны напасть и сокрушить их северную армию пока они слабы; только тогда мы сможем выстоять против южной. Если мы потерпим неудачу, то обе раздавят нас между собой.

— Это — риск, который мы должны принять, — сказала Илэйн. — Осуществи свои планы, Башир. Мы заставим их работать.

Эгвейн вступила в
Тел'аран'риод.

Мир Снов всегда был опасен и непредсказуем и еще больше в последнее время. Великий город Тир странно отражался во сне — здания выглядели, как будто пережили столетия штормов. Городские стены были теперь немногим выше десяти футов, их вершины — скругленными и гладкими, обдуваемые ветром. Здания внутри изношены так, что остались только фундаменты и груды источенных временем камней.

От этого вида Эгвейн пробрал озноб, она повернулась к Твердыне. Та, по крайней мере, выглядела как и прежде. Высокая, сильная, неизменная под напором ветров. Это ее успокоило.

Она переместилась в сердце Твердыни. Хранительницы Мудрости ждали ее. Даже в это время перемен и бурь они были также крепки, как и сама Твердыня. Она подслушала часть их беседы прежде, чем ее заметили.

— Я видела это, как будто была ею, — говорила Бэйр. — Словно мои собственные потомки предоставили мне свои глаза. Думаю, мы все теперь увидим это, если вернемся в третий раз. Это необходимо.

— Три посещения? — спросила Мелэйн. — Это действительно кое-что меняет. Мы все еще не знаем, второе ли посещение покажет это или предыдущее.

Чувствуя, что подслушивает, Эгвейн откашлялась. Они повернулись к ней, немедленно затихнув.

— Я не хотела прерывать вас, — Эгвейн прошла среди колонн, присоединяясь к ним.

— Да ничего, — ответила Бэйр. — Нам следует держать языки за зубами. В конце концов, это мы пригласили тебя на встречу.

— Приятно видеть тебя, Эгвейн ал'Вир, — сказала Мелэйн, тепло улыбаясь. Она была на последних сроках беременности и должна была скоро родить. — По отчетам ваша армия получает много джи.

— Мы преуспеваем, — Эгвейн

устроилась рядом с ними на полу. — У вас будет свой собственный шанс, Мелэйн.

— Кар'а'карн медлит, — нахмурилась Эмис. — Копья беспокоятся. Мы должны выдвигаться против Затмевающего Зрение.

— Ему нравится готовиться и планировать, — ответила Эгвейн. Она поколебалась. — Я не могу оставаться с вами надолго. У меня с ним встреча позже, сегодня.

— По поводу? — спросила Бэйр, с любопытством наклоняясь вперед.

— Не знаю. Я нашла письмо от него на полу моей палатки. Он написал, что хочет встретиться со

мной, но не как Дракон и Амерлин, а как старые друзья.

— Скажи ему, что не время развлекаться, — произнесла Бэйр. — Сейчас же есть кое-что, о чем мы должны поговорить с тобой.

— О чем? —
полюбопытствовала Эгвейн.

— Ты видела когданибудь что-то подобное? — Спросила, сконцентрировавшись, Мелэйн. Камень на полу между ними пошел трещинами. Она использовала свою волю в Море Снов, создавая нечто определенное, чтобы показать Эгвейн.

Сначала она смутилась. Трещины в камне? Конечно, она и

прежде такое видела. А после землетрясений, сотрясающих землю наиболее часто в последнее время, их, вероятно, стало еще больше.

Но этих что-то отличало. Эгвейн наклонилась вперед и обнаружила, что трещины, казалось, уходили в ничто. Глубокая чернота. Такая противоестественная.

— Что это? — Спросила Эгвейн.

— Наши люди сообщают о них, — спокойно сказала Эмис. — Те, что сражаются в Андоре и те, что в Проклятых землях с Рандом ал'Тором. Они проявляются подобно разрыву самого узора. Какое-то время остаются темными, как эти, затем

исчезают, оставляя обычные трещины.

— Это очень опасный знак, — сказала Бэйр. — Мы послали своих людей в Порубежье, где сражается Лан Мандрагоран. Кажется, трещины наиболее распространены там.

— Они появляются наиболее часто там, где сражаются Повелители Ужаса, — сказала Эмис. — Когда они используют плетение, известное как погибельный огонь.

Эгвейн с дрожью уставилась во тьму.

— Погибельный огонь ослабляет Узор. Во время Войны Силы даже Отрекшиеся стали бояться

использовать его, чтобы не уничтожить сам мир.

— Мы должны сообщить это всем своим союзникам, — сказала Эмис. — Мы не должны использовать это плетение.

— Это уже запрещено Айз Седай, — ответила Эгвейн. — Но я извещу всех, чтобы никто не нарушал это правило.

— Это мудро, — сказала Мелэйн. — Для людей с таким количеством ограничений для себя я нахожу, что Айз Седай очень опытни в игнорировании руководящих принципов, если позволяет ситуация.

— Мы доверяем нашим женщинам. Присяги держат их, но

иногда их собственная мудрость должна вести их. Если бы Морейн не была готова нарушить это правило, то Перрин был бы мертв, как и Мэт, если бы Ранд не проигнорировал его. Но я еще поговорю с женщинами.

Погибельный огонь беспокоил ее. Не то, что он существовал или что он делал. Он был особенно опасен. И все же, что Перрин сказал ей в Мире Снов? Это всего лишь другое плетение...

Казалось несправедливым, что Тень имеет доступ к такому оружию как это, которое при использовании распускало Узор. Как бороться с ним, как противостоять?

— Это не единственная

причина, по которой мы назначили эту встречу с тобой, Эгвейн ал'Вир, — сказала Мелэйн. — Ты заметила изменения в Мире Снов?

Эгвейн кивнула.

— Буря здесь хуже всего.

— В будущем мы будем посещать его нечасто, — сказала Эмис. — Мы приняли решение. И, не смотря на наши жалобы на Кар'а'карна, он готовит свои армии к перемещению. Осталось совсем недолго до того момента, когда мы двинемся во владения Тени.

Эгвейн медленно кивнула. — Да будет так.

— Я горжусь тобой, девочка, — сказала Эмис.

Эмис, камнеподобная Эмис, со слезами на глазах. Они поднялись и Эгвейн по очереди обняла их.

— Свет защищает вас, Эмис, Мелэйн, Бэйр. Передайте мои слова любви другим.

— Передам, Эгвейн ал'Вир, — ответила Бэйр. — Да найдешь ты воду и тень, сейчас и всегда.

Одна за другой они исчезли из Тира. Эгвейн глубоко вдохнула, взглянув вверх. Здание стонало, как корабль в шторм. Сам камень, казалось, перемещался вокруг нее.

Она любила это место — не Твердыню, а Тел'аран'риод. Он многому ее научил. Перед тем как уйти, она подумала, что он был

подобен реке в наводнение. Он мог быть знакомым и любимым, но она не могла рисковать собой здесь. Не сейчас, пока Белая Башня нуждалась в ней.

— Прощай, старый друг, — произнесла Эгвейн в воздух. — Пока я не усну вновь.

И она позволила себе проснуться.

Гавин, как обычно, ждал около кровати. Они были в Башне, Эгвейн полностью одета, в комнате недалеко от той, в которой она жила во время обучения. Еще был не вечер, но просьба Хранительниц Мудрости не то, что она хотела бы проигнорировать.

— Он здесь, — тихо сказал Гавин, глядя на дверь.

— Тогда давай встретим его, — сказала Эгвейн. Она подготовилась, подтянувшись и разгладив свои юбки. Она кивнула Гавину, они вышли и направились на встречу с Возрожденным Драконом.

Ранд улыбнулся, когда увидел ее. Он ждал внутри с двумя Девами, которых она не знала.

— Зачем ты хотел меня видеть? — устало спросила Эгвейн. — Убеждать сломать печати?

— Ты стала циничной, — заметил Ранд.

— Последние два раза, что мы встречались, ты точно пытался

привести меня в бешенство. Мне ожидать этого снова?

— Я не пытаюсь тебя разозлить, — сказал Ранд. — Взгляни на это. — Он вытащил что-то из кармана. Прядь волос. Он протянул это ей. — Ты всегда ожидала того момента, когда сможешь заплести волосы.

— То есть ты подразумеваешь, что я ребенок? — раздраженно спросила Эгвейн. Гавин положил руку ей на плечо, успокаивая.

— Что? Нет! — Ранд вздохнул. — Свет, Эгвейн. Я хочу кое-что исправить. Ты мне как сестра. У меня никогда не было родных братьев. Ну по крайней мере, один

есть, но он обо мне не знает. У меня есть только ты. Пожалуйста. Я не пытаюсь разозлить тебя.

На мгновение он показался таким, каким был давно. Невинным мальчиком, серьезным. Эгвейн позволила растаять своему расстройству.

— Ранд, я занята. Мы заняты. Нет времени для таких вещей. Твои армии не могут ждать.

— Их время скоро придет, — сказал Ранд, становясь более твердым. — Прежде, чем все закончится, они будут задаваться вопросом, почему были так нетерпеливы, и с тоской смотреть в те спокойные дни ожидания. — Он

все еще держал локон в руке, сжатой в кулак. — Я просто... Я не хотел бы идти на свою битву, поссорившись с тобой на нашей последней встрече, даже если и по важному вопросу.

— Ох, Ранд, — сказала Эгвейн. Она подошла к нему, беря прядь. Затем обняла его. Свет, как же трудно иметь с ним дело в последнее время, но то же самое она подумала и о своих родителях. — Я поддерживаю тебя. Это не означает, что я собираюсь сделать с печатями то, что ты говоришь, но я действительно тебя поддерживаю. — Эгвейн отстранилась от Ранда. На ее глазах не будет слез. Даже если это их последняя встреча.

— Подожди, — сказал Гавин. — Родной брат? У тебя есть родной брат?

— Я сын Тигрэйн, — пожал плечами Ранд, — Родился после того, как она ушла в Пустыню и стала Девой.

Хотя Эгвейн поняла это уже давно, Гавин выглядел ошеломленным.

— Ты брат Галада? — спросил Гавин.

— Брат по крови, — сказал Ранд. — Не то, чтобы это много значило для Белоплащника. У нас с ним была одна мать. Его отец, как и твой, был Тарингэйл, но моим был Айилец.

— Я думаю ты удивил бы Галада, — сказал Гавин мягко. Но Илэйн...

— Не знаю, надо ли тебе рассказывать твою собственную семейную историю, но Илэйн не связана со мной. — Ранд повернулся к Эгвейн. — Я могу увидеть их? Печати. Прежде, чем пойти в Шайол Гул, я хотел бы посмотреть на них в последний раз. Я обещаю ничего не делать с ними.

Нехотя она выудила их из мешочка на поясе, где часто держала их. Гавин все еще выглядя ошеломленным, подошел к окну и открыл его, освещая комнату. Белая Башня ощущалась все еще.

молчаливой. Его войска ушли, хозяева его на войне.

Она развернула первую печать и вручила ее Ранду. Она не дала бы ему всех их сразу. На всякий случай. Она действительно доверяла его слову; это был Ранд в конце концов, но... на всякий случай.

Ранд подержал печать, уставившись на нее, как будто ища мудрость в той извилистой линии.

— Я создал их, — прошептал он. — Я сделал их такими, чтобы они никогда не сломались. Но я знал, поскольку сам сделал их, что они в конечном счете подведут. Все, в конце концов, терпит неудачу, когда касается он...

Эгвейн подняла другую печать, держа ее осторожно. Недопустимо было сломать ее случайно. Она держала их в сумке, завернутыми в ткань; она волновалась как бы не повредить их пока хранит, но Мореин дала понять, что Эгвейн суждено сломать их.

Она чувствовала, что это было глупо, но слова, которые она читала, то что сказала Мореин. Ну, если бы момент действительно наступил, чтобы сломать их, то у Эгвейн они должны были бы быть под рукой... И так она несла их, — несла с потенциалом смерти самого мира.

Внезапно Ранд стал белым, как простыня.

— Эгвейн, — сказал он. — Это не одурачит меня.

— Что не одурачит?

Он посмотрел на нее.

— Это подделка. Пожалуйста, все в порядке. Скажи мне правду. Ты сделала копии и дала их мне.

— Я не делала ничего подобного! — сказала она.

— О... О, Свет! — Ранд снова поднял печать. — Это — подделка.

— Что? — Эгвейн вырвала ее из его рук. Она не почувствовала ничего плохого. — Как ты можешь быть уверен?

— Я сделал их, — ответил Ранд. — Я знаю свой стиль работы. Это не одна из печатей. Это... Свет,

КТО-ТО ВЗЯЛ ИХ.

— Я ношу их с собой с того самого момента, как ты дал их мне! — сказала Эгвейн.

— Значит это случилось раньше, — прошептал Ранд. — Я не смотрел на них слишком тщательно после того, как принес. Он знал, так или иначе, где я их оставляю. — Принимая от нее вторую печать, он покачал головой. — Эта не настоящая. — Он взял третью. — Как и эта.

Он посмотрел на нее.

— Они у него, Эгвейн. Он украл их назад, так или иначе. Темный держит ключи от собственной тюрьмы.

Большую часть своей жизни Мэт избегал того, чтобы люди пялились на него. Они заставляли его хмуриться из-за проблем, которые он, якобы, навлекал, хотя это была не его вина, и все эти неодобрительные взгляды, в то время как он был совершенно ни при чем, изо всех сил пытаюсь быть любезным. Все мальчишки крали пироги, и сейчас и потом. В этом не было ничего страшного. Это было даже ожидаемым.

Обычная жизнь для Мэта была суровее, чем для других парней. Без уважительной причины, все смотрели на него чересчур придирчиво. Перрин мог красть пироги весь день, и люди бы просто

улыбались ему и, возможно, потрепали бы за волосы. Мэта бы они отходили метлой.

Когда он вошел в зал для игры в кости, взгляды притянулись к нему. Люди смотрели на него, как на мошенника, хотя он никогда им не был, или с завистью в глазах. Да, он всегда считал, что было бы грандиозно, если б на него не пялились. Причина для настоящего праздника.

Теперь у него это было, и это заставляло его тревожиться.

— Вы можете таращиться на меня, — протестовал Мэт. — На самом деле. Будьте вы прокляты, все в порядке!

— Мои глаза будут опущены, — сказала служанка, складывая кусок ткани на низком столике у стены.

— Твои глаза уже опущены! Они устали на проклятый пол, не так ли? Я хочу, чтобы ты подняла их.

Шончан продолжала свою работу. У неё была светлая кожа с веснушками под глазами, не плохо чтобы полюбоваться, хотя он бы предпочел более темные оттенки в эти дни. Он бы не возражал, если бы девушка улыбнулась ему. Как он мог говорить с женщиной, если он не может заставить её улыбнуться?

Вошло ещё несколько слуг, опустив глаза, неся другие куски ткани. Мэт находился в своего рода

"собственной" палате во дворце. Их было гораздо больше, чем ему когда-нибудь понадобится. Возможно, Талманес и кто-нибудь из Отряда мог переехать к нему и сделать дворец не таким пустым.

Мэт побрел к окну. Внизу, в Мол Хара, собиралась армия. Это займёт больше времени, чем он хотел. Галган — Мэт лишь мельком видел этого человека, и он не доверял парню, несмотря на слова Туон, что его наемники не очень усердствовали в достижении своей цели, — собирал силы Шончан на границе, но слишком неторопливо. Он был озабочен потерей равнины Алмот и последовавшим отступлением.

Ну, ему лучше прислушаться к голосу разума. У Мэта было мало причин, чтобы быть расположенным к воину, но если он затянет с этим.

— Высочайший? — обратилась к нему служанка.

Мэт повернулся, его брови поползли вверх. Несколько да'ковале вошли с последними кусками ткани, и Мэт понял, что краснеет. На них почти не было одежды, а то что осталось — было прозрачным. Он ведь мог просто смотреть, хотя, могли? Они бы не носили подобную одежду, если бы считалось, что мужчина не должен смотреть. Что бы Туон подумала?

Она не принадлежит мне, думал

Мэт, определенно. Я не стану мужем.

Веснушчатая служанка — она была со'джин, половина головы была выбрита —, махнула рукой той, что вошла за да'ковале, женщине средних лет с темными волосами собранными в пучок, ни один из ее головы наголо. Она была приземистой, формами напоминала колокол и походила на бабушку.

Вновь вошедшая оглядела его. Наконец кто-то, кто хотел посмотреть на него! Если бы только на ее лице не было выражения как при изучении лошадей на рынке.

— Черный цвет, чтобы подчеркнуть его новый статус, — сказала женщина и один раз

хлопнула в ладоши. — Зеленый за его наследие. Темно-зеленый, для большей сдержанности. Кто-нибудь принесите мне варианты глазных повязок, и кто-нибудь сожгите эту шляпу.

— Что? — воскликнул Мэт. Служанки роились вокруг него, перебирая его одежду. — Подождите, сейчас же. Что это такое?

— Ваши новые регалии, Достойнейший, — сказала женщина. — Я Ната и я буду вашим личным портным.

— Вы не сожжете мою шляпу, — сказал Мэт. — Попробуйте, и мы, проклятье, посмотрим, умеете ли вы летать с высоты четвертого этажа.

Вы меня понимаете?

Женщина заколебалась.

— Да, Достойнейший. Не сжигать его одежду. Сохраните, до тех пор пока она не понадобится. — Ей казалось сомнительным, что это произойдет.

Мэт открыл рот, чтобы жаловаться дальше, и тогда одна из да'ковале открыла коробку. Драгоценные камни освещали ее изнутри. Рубины, изумруды, капли огня. У Мэта перехватило дыхание. Там было его счастье!

Он был так ошеломлен, что он почти не замечал, что слуги раздевали его. Они остановились на его рубашке, и Мэт разрешил им.

Хотя он и держался за свой??шарф, он не был застенчивым. Этот румянец на щеках не имел ничего общего с брюками, что снимали с него. Драгоценности его просто поразили.

Затем один из молодых да'ковале потянулся за нижним бельем Мэта.

— Тебе будет очень плохо без пальцев, — прорычал Мэт.

Да'ковале поднял глаза — его глаза расширились, лицо побледнело. Он тут же снова посмотрел вниз и кланяясь, попятился. Мэт не был застенчивым, но с нижним бельем было уже слишком.

Ната щелкнула языком. Ее слуги начали закутывать Мэта в тонкую

ткань, черную и темно-зеленую, такую темную почти черную.

— Мы сошьем вам одежду для военных действий, посещения двора, личных нужд и гражданских выступлений. Это...

— Нет, — сказал Мэт. — Только военная.

— Но...

— Наступила проклятая Последняя Битва, женщина, — сказал Мэт, — И если мы ее переживем, ты можешь сделать мне проклятую праздничную шляпу. Но до тех пор мы на войне, и мне не нужна никакая другая одежда.

Она кивнула.

Мэт неохотно встал, руки в

стороны, позволяя им драпировать себя в ткани, проводить измерения. Если ему пришлось мириться с тем, что его называют "Достойнейший" и "Высочайший", то он мог по крайней мере, убедиться, что он был одет должным образом.

По правде говоря, он уже начинал уставать от той старой одежды. Кажется портные Шончан используют не очень много кружев, которые были унижением, но Мэт не хотел мешать ей в процессе работы. Он не мог жаловаться на каждую мелочь. Никому не нравятся зануды, и Мэту в том числе.

Пока они занимались измерениями, подошел слуга,

державший небольшую шкатулку обитую бархатом, с различными вариантами глазных повязок. Он колебался, принимая во внимание то, что некоторые варианты были с драгоценными камнями, а другие с узорами.

— Вот эта, — сказал он, указывая на менее всего украшенную. Простая, черная, всего лишь с двумя маленькими рубинами, узкими и продолговатыми, вставленными друг напротив друга по разные стороны повязки. Они повязали ее на него, как только другие слуги закончили с замерами.

Как только все было сделано, портниха и ее слуги одели его в

костюм, который она принесла. Похоже, ему не позволят натянуть свою старую одежду, пока он будет ждать подгонки нового наряда.

Одежда выглядела достаточно просто. Шелковый халат из тонкой ткани. Мэт предпочел бы брюки, но халат был удобен. Тем не менее, они завернули его в ещё больший, жесткий халат. Это было также шелк, темно-зеленый, каждый дюйм его был вышит завитками узоров. Рукава были достаточно большими, чтобы лошадь рысью прошла через них, и они были тяжелыми и громоздкими.

— Я думал, что я сказал принести мне одежду воина! — сказал он.

— Это церемониальная униформа воина для члена Императорской семьи, Ваше Высочество, — сказала Ната. — Многие увидят в вас иноземца, и хотя никто не станет задавать вопрос о вашей лояльности, для солдат было бы хорошо увидеть в вас в первую очередь Принца Воронов, а иноземца, — во вторую. Вы согласны?

— Я допускаю это, — сказал Мэт.

Слуги продолжили скреплять богато украшенный пояс и укладывать на предплечье ленты с таким же узором как и внутри его огромных рукавов. Мэт полагал, что

это хорошо, что пояс стягивает одежду на талии и не создает ощущения громоздкости.

К сожалению, следующий предмет одежды был самым смешным. Тугой, бледный кусок ткани плотно прилегал к его плечам. На нем была драпировка спереди и сзади, как на камзоле герольда, бока раскрыты и как веер топорщатся в стороны на хороший фут, делая его не по человечески широким. Они были похожи на плечевые пластины от тяжелых доспехов, только сделанных из ткани.

— Слушай меня, — сказал Мэт. — Это какая-то проделка, которую вы вытворяете с парнями,

только потому что они новенькие, не так ли?

— Прodelка, Высочайший? — спросила Ната.

— Ты же не можешь действительно... — Мэт проследил за кем-то, кто выходил через его дверь. Другой командир. Мужчина был одет в такой же костюм, как и у Мэта, хотя и не так украшенный и не такой уж широкий в плечах. Это была униформа не для Императорской семьи, но официальная униформа для одного из родни. Однако, это было едва ли не расточительство.

Человек остановился и поклонился Мэту, затем продолжил свой путь.

— Сожги меня Свет, — сказал Мэт.

Ната хлопнула в ладоши и слуги начали обвешивать Мэта драгоценностями. Они выбирали в основном рубины, которые заставляли Мэта чувствовать себя неудобно. Это должно было бы быть совпадением, не так ли? Он не знал, что делать со всеми этими побрякушками. Возможно, он сможет продать их. Вообще-то, если бы он поставил все это на кон, вероятно, он мог бы закончить тем, что владел бы всем Эбу Даром.

Хотя Туон уже им владеет, — напомнил он себе. — И я женат на ней. Это означало, что он был богат.

Действительно богат.

Он присел, позволив им нанести лак на его ногти, соображая, чтобы это все могло означать. Хмм, он мог не волноваться некоторое время о деньгах, так как всегда мог выиграть еще больше. Здесь была разница. Если он уже все имеет, какой смысл тогда играть? Это звучало не так уж весело. Люди не склонны давать тебе что-либо. Ты сам должен исхитриться найти подход к ним с помощью смекалки, удачи или же мастерства.

— Чтоб мне сгореть, — сказал Мэт, опуская руки к бокам, когда был нанесен последний штрих. — Я — проклятый дворянин! — вздохнул он,

выдергивая свою шляпу из рук испуганного слуги, который проходил мимо с его старой одеждой, и нахлобучивая ее себе на голову.

— Высочайший, — сказала Ната. — Пожалуйста простите мою наглость, однако в мои обязанности входит советовать относительно моды, если позволите. Эта шляпа выглядит... особенно неуместной с этой униформой.

— Кого это волнует? — сказал Мэт, маршируя из комнаты. Он почти вынужден был проходить через проем боком! — Если я буду выглядеть смешно, я могу также это сделать со стилем. Кто-нибудь скажет мне, где собираются наши

пламенные генералы. Мне нужно
выяснить, сколько у нас солдат.

Глава 20

В Такан'дар

Позже, днем, после ее встречи с Рандом, Эгвейн поместила са'ангриал Воры перед собой и сплела Огонь. Нити собрались вместе, крошечные светящиеся ленты сформировали сложное плетение в воздухе перед ней. Она почти могла ощущать их сияющее тепло на себе, придающее ее коже ярко оранжевый цвет.

Она закончила плетение, и

огненный шар размером с валун, с треском и ревом взлетел в воздух. Он подобно метеору упал на далеком холме. Взрывом Троллоков-лучников разбросало в разные стороны.

Романда открыла Путевые врата рядом с Эгвейн. Романда была среди Желтых, кто настоял на том, чтобы остаться на поле боя, обеспечивая экстренное Исцеление. Она и ее маленькая команда оказались бесценными, спасая жизни.

Сегодня, однако, не должно было быть никакой возможности для исцеления. Троллоки отступили в горы, как и предсказывал Брин. После полутора дней отдыха, многие из Айз Седай восстановились. Не в

полную силу — не после недели изнурительных боев — но достаточно.

Гавин прыгнул сквозь Врата сразу после их открытия, его меч был обнажен. Эгвейн последовала за ним вместе с Романдой, Лилейн, Лиане, Сильвианой, Римассой и несколько Стражами и солдатами. Они вышли на вершину холма, только что очищенного Эгвейн. Обугленная земля под их ногами была еще теплой, почерневшей; запах горелой плоти висел в воздухе.

Этот холм находился в самом центре армии троллоков. Все вокруг, приспешники Тени боролись за безопасность тем или иным образом.

Романда удерживала Врата и Сильвиана начала сплетать Воздух для создания купола ветра от стрел. Остальные начали посылать плетения наружу.

Троллоки не торопились действовать, они выжидали в этих холмах, готовые обрушиться лавиной в долину, как только появится армия Эгвейн. В обычной ситуации это было бы катастрофой. Троллоки могли послать дождь стрел на солдат, и её кавалерия потеряла бы своё преимущество, пытаясь подняться на эти холмы. Вершины холмов предоставили бы троллокам и Исчезающим хорошую возможность найти слабые места в войске Эгвейн

и организовать слаженную атаку.

Эгвейн и её командиры не горели желанием предоставлять врагу такое преимущество. Твари бросились врассыпную, когда в битве произошёл перелом в виде Айз Седай, захватывающих вершины холмов. Некоторые троллоки пытались перегруппироваться и отвоевать их, но остальные уносили ноги, спасая свои жизни. Следующей появилась тяжелая кавалерия Эгвейн, громяхая по долинам. То, что могло бы быть весьма выгодной позицией, для троллоков обернулось гибелью. После убийства Айз Седай троллочьих лучников тяжелая кавалерия могла убивать

практически беспрепятственно.

Она расчистила дорогу для пехоты, которая наступала строем, отбрасывая троллоков назад и размазывая их о подножия холмов, чтобы Айз Седай могли уничтожать их толпами. К сожалению, троллоки стали легче переносить встречи с Единой Силой лицом к лицу. Или так, или Мурдраалы нашли более эффективный способ их взбодрить.

Вскоре, более скоординированные группы Троллоков устремились к вершинам холмов, в то время как остальные старались сформировать строй, чтобы отразить нападение пехоты. Брин прав, размышляла Эгвейн,

оценивая контингент Троллоков, который практически сумел прорваться к ней. Исчезающие снова стали напрямую связывать Троллоков с собой. Еще недавно Отродья Тени не решались использовать данную тактику, так как убийство Исчезающего в таком случае вызывало смерть всех его Троллоков. Однако, она полагала, что это была единственная возможность заставить Троллоков карабкаться на холмы на встречу верной смерти.

Если бы она нашла Мурдраала связанного с Троллоками поблизости, она могла бы остановить их одним правильно размещенным плетением Огня. К сожалению,

Исчезающие были
изобретательными, и начали
прятаться среди Троллоков.

— Они приближаются, —
задыхаясь сказала Лилейн.

— Отступить, — скомандовала
Эгвейн.

Они нырнули через врата
Романды, следуя за своими
Стражами. Романда прошла
последней, прыгнув когда группа
троллоков заняла вершину холма.
Одна из тварей, мохнатое чудовище
напоминающее медведя, провалилась
во врата вслед за ней.

Существо сразу же упало
замертво, слабая струйка дыма
поднималась от его туши. Его

товарищи кричали и рычали на противоположной стороне. Эгвейн взглянула на других женщин, пожала плечами и выпустила пламя через врата. Несколько упали замертво, дергаясь, в то время как другие бросились прочь, воя и бросая оружие.

— Это эффективно, — отметила Лиане, сложив руки и подняв безупречную бровь. Был разгар Последней битвы, а женщина все еще находила время каждое утро позаботиться о своем лице.

Переходные Врата привели их обратно в лагерь, который теперь был по большей части пуст. Учитывая сформированные

резервные отряды, готовые выступить при первой надобности, единственные солдаты, которые оставались в лагере — это пятьсот стражников, охранявших командный шатер Бриана.

Она все еще держала при себе сумку с фальшивыми печатями. Слова Ранда сильно её потрясли. Как они смогли получить печати назад? Что если приспешники Тени сломают их в неправильное время, это будет катастрофой.

Сломали ли они их уже? Узнает ли об этом мир? Эгвейн почувствовала ужас, который не могла прогнать. Но война все ещё продолжалась, и сейчас было время

не для слабостей, а для битвы. Они подумают о восстановлении печатей, если смогут. Ранд поклялся, что попробует. Она не была уверена в том, получится ли у него что-нибудь.

— Они отчаянно сражаются, — сказал Гавин.

Эгвейн обернулась, обнаружив его стоящим недалеко позади, изучая поле битвы через свою подзорную трубу. Она почувствовала его возбуждение. Эгвейн знала, что без тех, кем бы он мог руководить, как руководил Отроками, Гавин чувствовал себя бесполезным в подобных битвах.

— Мурдраалы ведут Троллоков, — сказала Эгвейн, —

такая связь дает Исчезающим лучший контроль над ними.

— Да, но почему они так сильно сопротивляются? — сказал Гавин, всё ещё глядя в подзорную трубу, — Очевидно, что эти холмы потеряны для них, но всё же они продолжают жестоко бороться. Троллоки или сражаются и побеждают, или рассеиваются и отступают. Они не удерживают земли. А здесь они пытаются это сделать. Это как-будто... как-будто Исчезающие считают, что даже после такого разгрома, они находятся в выигрышном положении.

— Кто знает, почему Исчезающие делают то, что они

делают? — сложив руки отметила Лилейн, глядя сквозь все еще открытые врата.

Эгвейн повернулась, тоже глядя туда. Вершина холма теперь была пуста, странным образом изолирована от идущей битвы. Её солдаты сражались против троллоков в маленькой долине между холмов, и сражение было жестоким. Она слышала ворчание, крики, лязг. Окровавленные копья были подняты вверх, так как группа воинов вынуждена была отступить, и алебардщики попытались замедлить продвижение троллоков.

Порождения Тени несли ужасные потери. Это было странно;

Брин ожидал, что они отступят.

— Что-то неправильно. — сказала Эгвейн, волосы на её руках стали дыбом.

Сейчас её обеспокоенность печатями исчезла. Её армия была в опасности.

— Соберите Айз Седай и заставьте армию отступить.

Другие женщины посмотрели на неё, как на сумасшедшую. Гавин рванулся к командному шатру, чтобы передать её приказы. Он не задавал вопросов.

— Мать, — сказала Романда, распуская врата. — Что это...

Что-то разрезало воздух на другой стороне военного лагеря

Эгвейн, напротив поля боя. Линия света, длиннее, чем любые ворота, виденные Эгвейн. Они были почти такой же ширины, как её лагерь.

Линия света развернулась, показывая вид, не находившийся в южном Кандоре. Вместо этого, это было место с папоротниками и упавшими деревьями — хотя они были коричневыми, подобно всему другому, они все еще были чуждыми и незнакомыми.

Огромная армия стояла безмолвно, обрамленная непривычным пейзажем. Тысячи знамен, украшенных геральдическими символами, незнакомыми Эгвейн, развевались

над ними. Пешие солдаты в одеяниях по колено, представляющих собой обитые доспехи, укрепленные цепями в форме широкого квадрата. Остальные были облачены в металлические рубахи, которые, казалось, сшили из нанизанных на нити монет.

Многие были вооружены топориками странной конструкции. Длинная тонкая рукоять, округляющаяся к низу древка, с узким и тонким обухом, напоминающим пику. Рукоять любого оружия — начиная от древкового и, заканчивая мечами — имела обтекаемую, гармоничную форму. Плавная и непостоянная в

своей ширине, сделанная из темно-красного дерева, с разноцветными вкраплениями по бокам.

Эгвейн засмотрелась, разум ее искал происхождение этой странной силы. Она была в замешательстве до тех пор, пока не ощутила связь. Сияние саидар, окруженных сотнями наездниц, одетых в странные платья из плотного черного шелка. Платья не прилегали к талии; стягивающие плечи довольно плотно, они свободно ниспадали к низу. Длинные, треугольные, пестрые кисти, связанные в ожерелья, свисали с шеи. Лица женщин покрывали татуировки.

— Отпустите Силу, — сказала

Эгвейн, позволяя саидар уйти. — Не позволяйте им почувствовать вас! Она рванулась в сторону, Лилейн последовала, свечение вокруг неё ушло.

Романда проигнорировала Эгвейн, с проклятиями. Она начала сплетать врата для побега.

Дюжина различных плетений огня внезапно поразила место, где стояла Романда. У женщины даже не было шанса закричать. Эгвейн и другие женщины с боем пробирались через лагерь, по мере того как плетения Единой Силы уничтожали палатки, пожирая обозы и предавая всё место огню.

Эгвейн достигла палатки

командования в том момент, когда до нее доковылял Гавин. Она схватила его и потянула к земле, когда огненный шар пролетел над их головами и врезался в группу палаток поблизости.

— Свет! — сказал Гавин. — Что это?

— Шарцы. — Затаив дыхание Лилейн прижалась к земле рядом с ними.

— Ты уверена? — прошептала Эгвейн. Лилейн кивнула.

— Оценки Кайриэнцев перед Айильской Войной избыточны, даже если не очень информативны. Они не позволили увидеть многое, но то, что они видели очень походило на

армию.

— Армию? — сказал Гавин, высунувшись, чтоб посмотреть через пространство между палатками, как маршируют войска через неестественно широкие ворота. — Кровь и кровавый пепел! — выругался он, ныряя обратно. — Их тысячи!

— Слишком много чтоб сражаться? — согласилась Эгвейн, яростно работая умом. — Нам не устоять между ними и троллоками. Нужно отступить.

— Я только что передал приказ Брину отводить войска, — сказал Гавин, — но... Эгвейн. Куда мы пойдём? Троллоки спереди, эта

армия позади. Свет! Мы будем раздавлены между ними!

Брин среагирует быстро. Он пошлёт гонца к капитанам на линии. О, нет...

Эгвейн схватила Гавина и оттащила его от палатки командования, так как почувствовала, что кто-то внутри направляет. Лилейн вскрикнула, отскакивая в другую сторону.

Шарские женщины немедленно среагировали. Земля под палаткой взорвалась, уничтожая её порывом подавляющей силы. Обрывки ткани взлетели в воздух вместе с камнями и комками земли.

Эгвейн упала на спину, и Гавин

толкнул её под поваленную телегу, у которой от удара разлетелось колесо, а груз в виде дров вывалился на землю. Гавин затолкал Эгвейн в безопасное место между сваленными дровами и краем повозки. Они сидели там, забившись в угол, несмотря на то, что на древесине плясали язычки огня, а земля была охвачена пламенем. Жар был изнуряющий, но не нестерпимый.

Эгвейн, прижавшись к земле, моргала глазами, которые жгло от едкого дыма, и высматривала следы Лилейн. Или... Свет! Суан и Брин были внутри палатки, вместе с Юкири и многими другими из командной ставки.

Эгвейн и Гавин спрятались от огненного дождя, падающего на лагерь и разрывающего землю. Шаранцы наносили удар при любом признаке движения. Несколько женщин, которые попытались сбежать были немедленно принесены в жертву.

— Будь готова бежать, — сказал Гавин, — как только падение огня прекратится.

Пламя пошло на убыль, но Шарские всадники сразу же начали прочёсывать лагерь. Они галдели и кричали, нацеливая свои луки в спины дюжинам убегающих людей. После этого шарские войска прошли через лагерь плотными формациями.

Эгвейн напряжённо ждала, стараясь придумать, как отсюда смыться.

Она не видела никакой возможности. Гавин потянул Эгвейн вниз, вытер сажу с щек и показал жестом, чтобы она не вставала, потом накинул на них его плащ Стража. С дымом от горящих деревьев поблизости, возможно, они не будут видны.

Ее сердце сильно билось в груди. Гавин прижал что-то к её лицу — платок, пропитанный водой из бурдюка. Он прижал другой к своему лицу и дышал через него. Она взяла тот что он предложил ей, но едва могла вздохнуть. Эти солдаты были широко рассредоточены.

Один из солдат повернулся к телеге, вглядываясь в поленницу, но когда он посмотрел сквозь дым в их сторону, он, казалось, ничего не заметил. Эгвейн молча рассматривала плащ Стража. Его свойство изменять цвета сделало их почти невидимыми, если они были осторожны и не двигались.

"Почему я не взяла один из этих плащей?" — подумала она с досадой. "Почему они должны быть только у Стражей?"

Солдаты были заняты тем, что сгоняли в кучу слуг. Тех, кто пытался убежать, они убивали стрелами из луков, которые стреляли очень далеко. Пленных, что двигались

медленно, они окружали и валили на землю.

Эгвейн захотелось обнять Источник и что-нибудь сделать. Призвать огонь и молнии на этих захватчиков. У неё все еще был Са'ангиал Воры. Она могла...

Она отбросила эти мысли. Эгвейн была окружена противниками, и быстрая реакция направляющих указала на то, что они могли определить Айз Седай. Если она использует Силу хоть на краткий миг, то будет убита прежде, чем сможет улизнуть. Прижавшись к Гавину под плащом, Эгвейн надеялась, что никто из направляющих Шары не приблизится

достаточно близко, чтобы ощутить ее возможности. Она может использовать плетение, чтобы скрыть свои способности, но придется направлять первой. Осмелится ли она на это?

Они прятались около часа или больше. Если бы облачность не была настолько плотная, что на землю пришли сумерки, они, конечно, были бы обнаружены, с плащом или без него. Она чуть не вскрикнула в тот момент, когда какие-то солдаты из Шары вылили несколько ведер с водой на поленницу, подавляя огонь и замочив их обоих.

Она не могла понять, что с ее собственной армией, хотя она и

опасалась худшего. Направляющие Шары и большая часть их войска прошли по лагерю быстро, сразу на поле боя. С Брином и пропавшей Амерлин, и внезапным войском позади...

Эгвейн почувствовала себя больной. Сколько сейчас умирало, уже умерло? Гавин схватил ее за руку, поскольку он чувствовал ее напряжение, а затем покачал головой и прошептал несколько слов.

— Подожди до ночи.

— Они умирают! — сказала она одними губами.

— Ты не можешь помочь.

Это было правдой. Она позволила ему удержать себя,

позволяя его знакомому аромату успокоить её. Но как она может просто ждать, пока вырезались зависящие от неё солдаты и Айз Седай? Свет, тут была огромная часть Белой Башни! Если эта армия падет, и эти женщины вместе с ней ...

Я Престол Амерлин, твердо сказала она себе. Я буду сильной. Я выживу. И пока я живу, Белая Башня будет стоять.

Она все еще позволяла Гавину держать себя.

Авиенда ползла по скале подобно зимней ящерице, ищущей тепло. Её пальцы, несмотря на мозоли, начали гореть от сильного

мороза. Шайол Гул была холодной, с воздухом, который вонял так, как будто он шёл из могилы.

Руарк подполз к ней слева, каменный пёс по имени Шаен — справа. На обоих были красные шуфы сисва'й'аман. Она не знала, что делать с Руарком, вождём клана, который носил эту шуфу. Он никогда об этом не говорил, он вёл себя так как-будто шуфы не существовало. Так было со всеми сисва'й'аман. Эмис ползла справа от Шаена. На этот раз никто не выступал против Хранительниц Мудрости в роли разведчиков. В таком месте как это, в такое время как это, глаза способного направлять могут

увидеть то, что глаза обычного человека не могут.

Авиенда толкнула себя вперед, не производя шума, за исключением ожерелий, которые она носила. На этих скалах не росли растения, не было даже мха или лишайника. Сейчас они находились глубоко в Запустении. Настолько глубоко, насколько это было возможно.

Руарк первым достиг хребта, и она увидела, как он напрягся. Авиенда прибыла следующей, заглядывая через край скалы, держась низко, чтобы ее не заметили. Её дыхание остановилось в её горле.

Она слышала истории об этом

месте. Истории об огромной кузнице у основания склона горы, с текущим мимо неё одиноким чёрным ручьём. Вода в нём ядовита до такой степени, что убьёт любого, кто к ней прикоснётся. Раскалённые печи усеивали всю долину словно зияющие раны, застилая все вокруг кроваво-красным туманом. Ещё будучи Девой, она слушала с широко открытыми глазами рассказы старых хранительниц очага о существах, работавших в кузницах Тени, существах, которые не были ни мёртвыми, (ни живыми)

(ни живые). Молчаливые и ужасные, жестокие существа безжизненно двигались — как

тикают стрелки часов.

Кузнецы не обращали ни малейшего внимания на людей в клетках, чья кровь будет пролита, чтоб закалить выкованные мечи. Пленники были как куски железа. Хоть Авиенда была далеко, чтоб услышать людские вскрики, но она чувствовала их. Её пальцы сильно вцепились за скалы.

Шайол Гул возвышался над долиной, его черные склоны вырастали в небо словно зазубренный нож. Склоны были покрыты разрезами будто кожа человека, которого высекли сотню раз, каждым ударом оставляя рану, что выбрасывала струи пара.

Возможно пар создавал туман, который висел над долиной. Туман клубился и вздымался, как будто долина была чашкой удерживающей жидкость.

— Ужасное место, — прошептала Эмис.

Авиенда никогда не слышала такого ужаса в голосе женщины. От этого её пронизало холодом, как от ледяного ветра, который трепал их одежду. Далёкие звуки от ударов сотрясали воздух — кузнецы работали. Чёрный столб дыма, не рассеиваясь, поднимался над ближайшей кузницей. Он подобно пуповине поднимался ввысь к облакам, из которых с ужасающей

частотой сыпались молнии.

Да, Авиенда слышала истории об этом месте. Те истории не могли передать настоящей правды. Ни одна не могла описать это место. Нужно было самому испытать его.

Появившись сзади, и через пару мгновений, Родел Итуралде пополз рядом с Руарком. Он двигался тихо для мокроземца.

— Вы были настолько нетерпеливы, что не могли подождать нашего отчета? — мягко спросил Руарк.

— Никакой отчет не заменит того, что вы увидите своими глазами, — сказал Итуралде. — Я не обещал, что останусь позади. Я

говорил вам идти вперед. И вышли. — Он поднял свою подзорную трубу, затеняя переднюю часть своей рукой, хотя это возможно и не было необходимым с такими облаками.

Руарк нахмурился. Он и другие Айил, кто пошел на север согласились последовать за мокроземным генералом, но это не пришлось им по вкусу. Не должно было. Они будут делать эти вещи, без увеличения удобства. Удобство было великим убийцей людей.

"Пусть этого будет достаточно", думала Авиенда, оборачиваясь чтобы посмотреть на впадину. "Достаточно для моего народа. Достаточно для Ранда и задачи, которую он только

что начал осуществлять".

Видение гибели её народа ужасало, но в то же время пробудило её. Если конец Айил был жертвой, необходимой Ранду для победы, то она пойдёт на это. Она будет кричать и проклинять имя Создателя, но она заплатит эту цену. Любой воин так бы поступил. Лучше пусть погибнет один человек, чем весь мир падёт перед Тенью.

Если на то будет воля Света, до этого не дойдёт. Если на то будет воля Света, внесённые ей изменения в Драконов Мир послужат защитой и убежищем для Айил. Она не позволит возможности поражения остановить себя. Они будут

сражаться. Пробуждение от сна всегда было хорошей возможностью в танце копий.

— Интересно, — мягко сказал Итуралде, всё ещё глядя в трубу. — Ваши мысли, Айил?

— Нам нужно отвлечь внимание, — сказал Руарк. — Мы можем спуститься по склону к востоку от кузницы, освободить пленников и захватить это место. Таким образом Мурдраалы не смогут получать новое оружие и внимание Тёмного будет обращено к нам, а не к Кар'а'карну.

— Сколько времени понадобится Дракону? — спросил Итуралде. — Что вы думаете, Айил?

Как много мы дадим ему времени, чтобы он спас мир?

— Он будет сражаться, — сказала Эмис. — Войдет в гору, сразится с Затмевающим зрение на дуэли. Это займет столько времени, сколько потребуется. Возможно, несколько часов? Я не видела дуэлей, которые бы длились намного дольше этого, даже между двумя мужчинами, обладающими великим мастерством.

— Давайте предположим, — с улыбкой сказал Итуралде, — что это становится чем-то большим, чем дуэль.

— Я не дура, Родел Итуралде, — холодно сказала Эмис. — Я сомневаюсь, что битва Кар'а'карна

будет только на копьях и щитах. Однако, когда он очистил Источник, разве это не случилось на протяжении одного дня? Возможно это будет похоже.

— Возможно да, — сказал Итуралде. — Возможно нет. — Он опустил трубу и посмотрел на Айил. — А какую возможность планировали вы?

— Худшую из них, — сказала Авиенда.

— Так мы планируем держаться столько, сколько понадобится Дракону, — сказал Итуралде. — Дни, недели, месяцы... годы? Столько сколько нужно.

Руарк медленно кивнул.

— Что ты предлагаешь?

— Проход в долину узкий, — сказал Итуралде. — Судя по отчётам разведчиков большинство Отродий Тени находится в Запустении за пределами прохода. Даже если они проведут меньше времени, чем могут в этом проклятом месте. Если мы сможем закрыть проход и воспользоваться этой долиной для уничтожения кузниц и Исчезающих — мы сможем удерживать это место веками. Айил хороши при набегах. Чтоб мне сгореть, но я знаю это по собственному опыту. Вы будете набегам атаковать кузницу, и мы приступим к закрытию прохода.

Руарк кивнул.

— Это хороший план.

Четверо из них спустились по горному кряжу вниз, где их ожидал Ранд, одетый в красное с золотом, руки за спиной, сопровождаемый силами двадцати Дев и шести Аша'ман, плюс Найнив и Морейн. Он выглядел чем-то сильно озабоченным — она могла чувствовать его беспокойство — несмотря на то, что должен был

быть доволен. Он уговорил Шончан сражаться. Что же такого было в его встрече с Эгвейн ал'Вир, что его так встревожило?

Ранд повернулся и посмотрел вверх, на вершину Шайол Гула, пристально вглядываясь в нее. Его

эмоции изменились. Он выглядел человеком, который увидел фонтан в Трехкратной Земле, наслаждаясь холодной водой. Авиенда могла почувствовать его предвкушение. Конечно, в нем также присутствовал страх. Ни один воин не избавлялся полностью от страха. Он контролировал его, подавлял его вместе с жаждой ринуться в схватку, чтобы проверить себя.

Мужчины и женщины никогда не узнают себя до конца, пока они не напрягутся до их абсолютного предела. Пока не станцуют танец копий со смертью, пока не почувствуют сочащуюся кровь, оставляющую пятна на земле, и пока

не принесут домой оружие с пораженным им сердцем врага. Ранд Ал'Тор хотел этого, и поэтому она понимала его. Странно было осознавать, по прошествии всего этого времени, насколько они были похожи.

Она шагнула к нему, и он подвинулся так, чтобы встать с ней рядом, касаясь ее плеча. Он не приобнял ее рукой, и она не взяла его за руку. Он не владел ею, как и она не владела им. Это его движение, что они смотрели теперь в одном направлении, значило для нее больше, чем любой другой жест.

— Прохлада моего сердца, — мягко сказал он, наблюдая как его

Аша'ман открывает врата, — Что ты видела?

— Могилу, — ответила она.

— Мою?

— Нет. Твоего врага. Место, где он однажды был захоронен, и место в котором он будет спать снова.

Что-то закалилось внутри Ранда. Она могла чувствовать его решимость.

— Ты имеешь ввиду убить его, — прошептала Авиенда. — Самого Затмеваящего Зрение?

— Да.

Она ждала.

— Другие сказали, что я дурак, потому что думаю об этом, — сказал Ранд. Его стража прошла сквозь

врата, чтобы вернуться в Меррилор.

— Но одному воину не следует вступать в бой без оглядки на то, что он окончен, — сказала Авиенда. Она заколебалась после того как сказала это, что-то еще происходило с ней.

— Что это? — спросил Ранд.

— Хорошо, величайшей победой будет та, в которой ты захватишь врага в качестве гай'шан.

— Я сомневаюсь, что он позволит это, — сказал Ранд.

— Это не шутка, — сказала она, ударив его в бок локтём и услышав бурчание. — Это должно быть обдуманно, Ранд Ал'Тор. Какой из путей джи'и'тох лучше?

Если заключение Тёмного

подобно захвату гай'шан? Если так, это будет правильный путь.

— Я не уверен, что делаю все, что должен в это время, Авиенда.

— Я.

— Воин должен всегда считаться с джи'и'тох, — строго сказала она. — Неужели я тебя ничему не научила? Не говори подобного, или ты опять опозоришь меня при других Хранительницах Мудрости.

— Я надеялся — учитывая, как развивались наши отношения — Что мы покончили с лекциями, Авиенда.

— Ты думал, что становясь ко мне ближе положишь конец лекциям? — спросила она сбитая с

толку. — Ранд Ал'Тор, я была среди мокроземных жён и я увидела что они...

Он покачал головой, направляясь через переходные врата, Авиенда шла следом. Его забавляло, то что она сказала и это было хорошо. Некоторые из его тревог отступили. Но по-правде говоря, это не было шуткой. У мокроземцев было странное чувство юмора. Иногда они совсем не понимали, когда смеяться.

На другой стороне врат, они вошли в лагерь, состоящий из множества групп. Ранд командовал девами и сисвай'аман, наряду с большинством Хранительниц

Мудрости.

Недалеко от лагеря Айил были Айз Седай. У Ранда была команда около трех дюжин — все Айз Седай, которые поклялись лично ему, и большинство тех, кто был связан с его Аша'манами. Это означало, что еще две дюжины Аша'манов, различных рангов.

Он также имел Родела Итуралде и его силы, состоящие в основном из Доманийцев. Их король, с его тонкой бородой и красным отпечатком на щеке, также приехал с ними, но оставил командование за великим генералом. Монарх подал жест, и Итуралде подошел, чтобы дать отчет. Алсалам казалось испытывал

дискомфорт рядом с Рандом, и не участвовал в проводимых им экскурсиях. Авиенде это нравилось. Она не была уверена, что она доверяет этому Алсаламу.

За Айильскими палатками расположились другая крупная воинская сила — армия Тира, включая элитное подразделение известное как Защитники Твердыни, во главе с человеком по имени Родривар Тиера. Их король был с ними, он также считался наивысшим авторитетом в их группировке войск, после Ранда.

Тайренецы сформируют ключевую часть плана Родела Итуралде. Хотя признание этого

Авиендой весьма раздражало, Итуралде был прав. Айил не были оборонительной силой, и хотя они могли удерживать проход, если понадобится, было бы лучше если бы их использовали в наступательных маневрах.

Тайренцы будут идеальны для удержания земли. Они были хорошо обученными отрядами пикинеров, кроме того было полное знамя арбалетчиков с улучшенным кривошипом, который кузнецы только-только научились изготавливать. Они потратили неделю на модернизацию вооружения.

Было ещё одно подразделение

среди войск Ранда, которое озадачивало Авиенду больше остальных. Множество Присягнувших Дракону. Они поставили свои палатки рядом друг с другом и подняли в воздух знамя с изображённым на фоне древнего символа Айз Седай драконом. Подразделение состояло из обычных мужчин, солдат, лордов, леди и некоторых Айз Седай и Стражей. Там были представители всех наций, в том числе Айил, и всех их связывало только одно: они оставили в прошлом все клятвы, порвали все узы для того, чтобы сражаться в Последней Битве. До Авиенды доходили неприятные слухи о том,

что среди множества Айил, были гай'шайн, которые отложили в сторону белое, утверждая, что оденут его, когда Последняя Битва будет выиграна.

Было сказано, что пришествие Ранда освободит их ото всех уз. Клятвы нарушались, когда он оказывался рядом, и лояльность или союз отступали на второй план перед нуждой служить ему в последней битве человечества. Часть её хотела бы назвать это мокроземной дуростью, но, возможно, она поторопилась с выводами. Хранительница Мудрости должна смотреть глубже.

Теперь, когда они находились с

другой стороны Врат, Авиенда, наконец, позволила себе отпустить саидар. Мир вокруг нее потускнел, обостренное чувство жизни и восхищение испарились. Каждый раз, отпуская Единую Силу, она чувствовала себя слегка опустошенной, радость и возбуждение теперь прошли.

Итуралде и Руарк пошли чтобы присоединиться к Королю Дарлину, обсуждая планы битвы. Авиенда присоединилась к Ранду, пока он подходил к своему шатру.

— Кинжал работал, — сказал Ранд. Он протянул руку вниз и потрогал чёрные ножны, которые несли тупой кинжал.

— Артам. Я слышал как они говорили о нём, ещё в Эпоху Легенд, но никто не создал его. Интересно, кому же в конечном итоге это удалось...

— Ты уверен, что он работал? — сказала Авиенда. — Возможно он наблюдает за тобой, но не простирает свою руку.

— Нет, я бы почувствовал его внимание, — ответил Ранд. — Он действительно работает. С ним он не будет ощущать меня, пока я не вступлю в самую Скважину. Как только он узнает, что я там, у него возникнут проблемы в концентрации на мне, чтобы нанести прямой удар. Авиенда, то, что ты должна была

найти кинжал и распознать его, что ты и сделала, то, что Илэйн должна была отдать его мне... Узор плетет так, как ему нужно. — Ранд улыбнулся и кивнул. — В голосе Илэйн была печаль, когда она отдавала мне кинжал. Думаю, часть ее хотела сохранить кинжал для себя, что позволило бы ей не привлекать внимание Темного.

— Сейчас действительно есть время для легкомыслия? — хмурясь на него спросила Авиенда.

— Если когда то и была необходимость для смеха, то сейчас самое время, — сказал Ранд, хотя смех, казалось, покинул его голос. Его беспокойство вернулось, как

только они достигли его шатра.

— Что тебя беспокоит? —
спросила его Авиенда.

— У них печати, — сказал Ранд.

— Что!

— Только Эгвейн знает, но это правда. Они были украдены, возможно из моего тайного места, возможно после того как я доставил их Эгвейн.

— Тогда они сломаны.

— Нет, — сказал Ранд. — Я бы почувствовал это. Я думаю они будут выжидать. Возможно они знают, что ломая печати, они очищают мне путь для перековки Его узилища. Они сломают их в самый неподходящий момент, чтобы позволить Тёмному

коснуться мира, возможно, чтобы дать ему силу оглушить меня, как только я столкнусь с ним лицом к лицу.

— Мы найдём способ остановить это, — твёрдо сказала Авиенда.

Он посмотрел на неё и улыбнулся. — Воительница, как всегда.

— Конечно. — Кем же ей еще быть?

— У меня есть другая проблема. Отрекшиеся попытаются напасть на меня как только я войду, чтобы противостоять ему. Темный не может меня видеть, не знает где я нахожусь, и поэтому выделяет некоторые свои

основные войска сразу на несколько полей сражения. Тень наиболее сильно старается давить на Лана, пытается его уничтожить, не сильно лучше обстоят дела у Илэйн под Кайриеном. Только Эгвейн вроде бы сопутствует хоть какой-то успех.

— Он ищет меня на каждом из полей сражений, посылая в своих тварей в больших количествах. Когда мы атакуем Шайол Гул, то должны будем держать долину против его армий. Отрекшиеся придут через Врата. Удержание прохода не остановит их, как и Повелителей Ужаса, мужчин или женщин. Мое противостояние Темному притянет их, как и во время очистки, только в

тысячи раз сильнее. Они придут, с огнем и молнией, и они будут убивать.

— Да будет так.

— Я рассчитываю на это, — сказал Ранд. — Но я не могу позволить себе взять тебя в скважину вместе со мной, Авиенда.

Она почувствовала дурноту, хотя она атаковала её, ударила её и оставила её умирать.

— Я ожидала этого. Даже не думай отправить меня в безопасность, Ранд Ал'Тор. Ты будешь...

— Я бы не посмел, — сказал он, — я бы не подверг себя такому риску — сейчас нигде не безопасно.

Я не могу взять тебя в пещеру, потому что ты нужна здесь, в долине, чтобы следить за Отрекшимися и печатями. Ты нужна мне, Авиенда. Вы, трое, должны наблюдать: стать моими руками и сердцем, во время этого боя. Я отправлю Мин к Эгвейн. Что-то грядет, я уверен в этом. Илэйн будет сражаться на юге... а ты нужна здесь, в долине Такан'дар, чтобы прикрывать мою спину.

— Я оставляю свои приказы для Айз Седай и Аша'манов, Авиенда. Итуралде возглавляет войска, но ты будешь командовать направляющими в Шайол Гул. Ты должна удерживать врага подальше от скважины, после того как я туда войду. Ты будешь

моим копьём в этой битве. Если они доберутся до меня в скважине, то я буду беспомощен. То что я должен сделать отберёт у меня всё — всё моё внимание, каждую крупицу силы, что у меня есть. Я буду как младенец, лежащий посреди пустыни, беззащитный против чудовищ.

— И как это отличается от того, как ты обычно поступаешь, Ранд Ал'Тор? — спросила она.

Он рассмеялся. Было здорово иметь возможность одновременно видеть и чувствовать эту улыбку.

— Мне казалось, что ты сказала, что сейчас не до шуток.

— Кто-то должен научить тебя скромности, — сказала Авиенда. —

Ты не можешь возомнить себя слишком великим, только из-за того, что спас мир.

Он опять рассмеялся, провожая её к палатке, где находилась Мин. Найнив и Морейн также ожидали там, одна с выражением раздражения на лице, в то время как другая выглядела абсолютно спокойной. Найнив выглядела странно с волосами слишком короткими, чтоб заплести косу. Сегодня она зачесала их наверх и завязала сзади.

Морейн села прямо на большой камень, Калландор — меч, который не меч — лежал на ее коленях, и одна рука покоилась на его рукояти. Том сидел рядом с ней, стругая палку и

насвистывая себе под нос.

— Тебе следовало взять меня, Ранд, — сказала Найнив, складывая руки.

— У тебя была работа, — сказал Ранд. — Ты попыталась, как я инструктировал?

— Много раз, — сказала Найнив. — Нет пути обойти изъян, Ранд. Ты не можешь использовать Калландор. Это будет слишком опасно.

Ранд подошёл к Морейн, протягивая руку и она подала ему Калландор. Он поднял его перед собой, разглядывая его кристаллическую структуру. Он начал мягко светиться.

— Мин, у меня для тебя есть задание, — прошептал он, — У Эгвейн дела идут очень хорошо, я чувствую её фронт будет ключевым. Я хочу чтоб ты присмотрела за ней и Императрицей Шончан, которую я попросил присоединится к ней, когда она будет готова.

— Ты вынуждаешь Шончан присоединиться к фронту Эгвейн? — в ужасе спросила Морейн. — Мудро ли это?

Я не могу говорить мудрые слова из-за дерзости этих дней, — сказал Ранд. — Но я чувствую, будет лучше, если кто-то присмотрит за этими двумя фракциями. Мин, ты сделаешь это?

— Я надеялась — Мин отвернулась.

Надеялась, что он возьмет её в скважину, подумала Авиенда. Но, конечно, он не мог.

— Извини, Мин, — сказал Ранд. — Но ты нужна мне.

— Я сделаю это.

— Ранд, — сказала Найнив, — ты собираешься атаковать его с Калландором? Его изъян...пока ты направляешь через эту... штуку, любой может перехватить контроль над тобой. Использовать тебя, направляя Единую Силу через Калландор к тебе до тех пор, пока она не выжжет тебя — ты останешься без сил, а они станут

настолько сильны, что смогут разрушать города и горы ровнять с землей.

— Я возьму его, — сказал Ранд.

— Но это ловушка! — сказала Найнив.

— Да, — сказал Ранд устало. — Ловушка, в которую я должен наступить и позволить ей захлопнуться. — Он неожиданно рассмеялся, запрокинув голову назад. — Как и всегда! Почему я должен быть удивлен? Распросстрани мое слово, Найнив. Скажи Итуралде, Руарку, Королю Дарлину. Завтра мы штурмуем Шайол Гул и объявим его своим! Если мы должны засунуть голову в

пасть льва, давайте сделаем так,
чтобы он подавился нами.

Глава 21

Ошибка, которую нельзя игнорировать

Суан закатаила одежду на плече. Она скорчилась от острой боли.

— Юкири, — проворчала она, — это твоё плетение всё ещё нуждается в доработке.

Маленькая Серая тихо выругалась, вставая от солдата, который потерял руку. Она не Исцелила его, просто перевязав и оставив его обычным лекарям.

Тратить энергию Исцеления на этого человека было бесполезно, так как он уже больше никогда не сможет сражаться. Им необходимо спасти своей силой солдат, которые снова смогут воевать.

Это были жестокие рассуждения. Ну, так и времена жестокие. Суан и Юкири двинулись к очередному солдату в ряду раненных. Мужчина с потерянной рукой выживет без Исцеления. Возможно. Еще были Желтые в Майене, но их энергия уходила на Исцеление Айз Седай, выживших при побеге и солдат, которые все еще могли сражаться.

По всему лагерю, наскоро

сооруженному в Арафеле к востоку от речной переправы, стонали и плакали солдаты. Так много раненых, а тех, у кого еще хватает сил на Исцеление, считанные единицы, да Суан с Юкири. Остальные совсем обессилели, создавая Врата, чтобы вытащить армию, зажатую в клещи двумя атакующими силами.

Шарцы атаковали агрессивно, но охрана лагеря Белой Башни задержала их на время, давая армии время на спасение бегством. Как минимум, её части.

Юкири изучила следующего мужчину, затем кивнула. Суан встала на колени и стала сплетать Исцеление. Она никогда не была

хороша в этом, даже с ангриалом это забрало много ее сил. Она увела солдата от порога смерти, Исцелив рану на его боку. Он задохнулся, много энергии для Исцеления бралось из его собственного тела.

Суан качнулась и в изнеможении упала на колени. Свет, да ее шатает, как высокородную даму в первый день на корабельной палубе!

Юкири посмотрела на неё, затем потянулась за ангриалом, небольшим каменным цветком.

— Иди отдохни, Суан.

Суан стиснула зубы, но передала ангриал. Единая Сила покинула её, и она позволила себе глубокий вздох, полу-облегченный и полу-печальный

от потери красоты саидар.

Юкири перешла к следующему солдату. Суан перевернулась на спину, ее тело было от многочисленных синяков и боли. События битвы размылись для нее. Она помнила как молодой Гавин Траканд ворвавшись в командную палатку, кричал, что Эгвейн велела армии отступать.

Брин двигался быстро, бросая написанные приказы через врата на пол. Это был его новейший способ передачи команд — древко от стрелы с привязанной запиской и длинной лентой, брошенное из врат, находящихся высоко вверху. У древка не было наконечника, а всего лишь

небольшой камень, чтобы придать ему вес.

Брин беспокоился еще до прибытия Гавина. Ему не нравилось как разворачивалась битва. Путь, которым двигались Троллоки предупредил его, что Тень что-то планирует. Суан была уверена, что он уже приготовил приказы.

Потом в лагере раздались взрывы. И Юкири крикнула им прыгнуть в дыру в полу. Свет, она посчитала её сумасшедшей. По-видимому, достаточно сумасшедшей, чтобы спасти их всех.

Сожги меня Свет, если я собираюсь лежать здесь подобно части вчерашнего улова на столе,

думала Суан, уставившись в небо. Она заставила себя встать на ноги и стала пробираться через новый лагерь.

Юкири заявляла, что ее плетение не было чем-то неизвестным, хотя Суан никогда о нем не слышала. Массивная подушка из Воздуха, предназначенная для смягчения падения кого-либо с большой высоты. Создание ее привлекло внимание Шарцев — Шарцев, во имя всего! — но они сбежали. Она, Брин, Юкири и несколько помощников. Сгореть ей, они выбрались, хотя она все еще с содроганием вспоминала то падение. И Юкири все еще говорила, будто она

на пороге открытия плетения, возможно секретного, с помощью которого можно летать! Глупая женщина. Была серьезная причина, по которой Создатель не дал людям крылья.

Она нашла Брина на границе нового лагеря, сидящего в опустошении на пне. Две карты сражений, придавленные камнями, лежали на земле перед ним. Карты были смятыми; он схватил их когда шатёр начал взрываться вокруг него.

Глупец, подумала она. Рисковать своей жизнью из-за пары кусков бумаги.

— ... из отчетов, — сказал генерал Хаерм, новый командир

Иллианских Спутников. — Мне жаль, милорд. Разведчики не осмелились подобраться слишком близко к старому лагерю.

— Ни каких признаков Амерлин? — спросила Суан.

Брин и Хаерм оба покачали головами.

— Продолжайте поиски, молодой человек. — Суан погрозила пальцем Хаерму. Он поднял бровь из-за использованного ею слова "молодой". Свет испепели это молодое лицо, полученное ею, — Я имею ввиду, что Амерлин жива. Вы найдете её, слышите меня?

— Я ... Да, Айз Седай. — Он проявил некоторую степень

уважения, но недостаточно. Эти иллианцы не знали, как себя вести с Айз Седай.

Брин отослал человека и на этот раз это выглядело так, как будто каждый не надеялся встретиться с ним вновь. Вероятно, все были слишком уставшими. Их "лагерь" больше походил на скопление беженцев от ужасного пожара, чем на армию. Большинство людей закутались в плащи и спали. Солдатам было лучше, чем морякам — они спали всегда и везде, где только могли.

Она не могла их винить. Она была опустошена еще до прибытия Шарцев. Сейчас Суан устала, как

сама смерть. Она присела на землю рядом с пнем Брина.

— Рука все еще болит? — спросил Брин, нагибаясь, чтобы растереть ей плечо. — А сам что не видишь? — огрызнулась Суан.

— Просто проявляю вежливость, Суан.

— Не думай, что я забыла, что ты виноват в этом синяке.

— Я? — озадаченно сказал Брин

— Ты протолкнул меня через дыру.

— Сама ты в нее лезть была явно не готова.

— Я почти собралась прыгать. Я уже почти была там.

— Ну, само собой, — сказал

Брин.

— Это твой промах, — возразила Суан. — Я упала. Я не собиралась падать. А плетение Юкири... ужасная вещь.

— Оно сработало, — сказал Брин. — Я сомневаюсь, что многие люди могут утверждать, что они упали с высоты трёх сотен шагов и выжили.

— Она была слишком нетерпеливой, — сказала Суан. — Возможно она страшно желала, чтобы мы прыгнули, знаешь ли. Все эти разговоры о Перемещении и плетениях движения... — Она замолкла, отчасти из-за того, что испытывала раздражение от самой

себя. Этот день прошёл достаточно плохо без колкостей Брина.

— Какие наши потери? — не лучшая тема, но ей нужно было знать. — У нас уже есть рапорты?

— Приблизительно каждый второй солдат, — мягко сказал Брин.

Хуже чем она ожидала.

— А Айз Седай?

— У нас осталось порядка двухсот пятидесяти где-то поблизости, — сказал Брин. — Хотя, многие из них в шоковом состоянии из-за потери Стражей.

Это было большим бедствием. Сто двадцать Айз Седай погибло в течение часа. Белой Башне потребуется очень продолжительное

время, чтобы оправиться от этого.

— Извини Суан, — сказал Брин.

— Ба, — сказала Суан, — В любом случае многие из них предали меня, как рыбы потроха. Они негодовали пока я была Амерлин, смеялись когда я была низвергнута, и потом сделали из меня служанку, когда я вернулась.

Брин кивнул, все еще потирая её плечо. Он чувствовал, что ей было больно, несмотря на ее слова. Хорошие женщины погибли. Много хороших сестёр.

— Её там нет, — упрямо сказала Суан. — Эгвейн удивит нас, Брин. Вот увидишь.

— А если я увижу, то большого

сюрприза не будет, не правда ли?

Суан фыркнула.

— Глупец.

— Ты права, — торжественно сказал он. — В обоих случаях. Я думаю, Эгвейн удивит нас. А еще я глупец.

— Брин...

— Да, Суан. Как я мог упустить тот факт, что они оставались на одном месте? Они хотели отвлечь нас, пока другая армия собирала силы. Троллоки отошли назад в те холмы. Защитный маневр. Но Троллоки не защищаются. Я полагал, что они хотели устроить засаду и поэтому собирали трупы и готовились ждать. Если бы я напал

на них ранее, то мы могли бы всего этого избежать. Я был слишком осторожен.

Человек, что весь день думает об упущенном из-за шторма улове, в ясную погоду времени зря не теряет.

— Умная пословица, Суан, — сказал он. — Но среди генералов бытует такая поговорка, приписываемая Фогу Неутомимому: "Если не учиться на поражениях, так и будешь оставаться в проигрыше". Не могу понять, как я смог допустить случившееся. У меня и опыта больше, и подготовка лучше, чем у них! Не могу себе простить такую ошибку, Суан. На кону сам Узор.

Он потер лоб. В тусклом свете

заходящего солнца, он выглядел старше, его лицо сморщилось, руки стали хрупкими. Это выглядело, как если бы эта битва украла у него десятилетия. Он вздохнул, сутулясь подался вперед.

Суан обнаружила, что не находит слов.

Они сидели в молчании.

Лирелле ожидала снаружи ворот в так называемую Черную Башню. Ей пришлось применить все навыки обучения, чтобы не показать своего расстройства.

Вся эта экспедиция не задалась с самого начала. Сперва их не пускали в Черную Башню, пока Красные не закончат начатого, потом

возникли эти проблемы с Вратами. Затем — три пузыря зла, две попытки Приспешников Темного поубивать их всех и, наконец, предупреждение Амерлин, что Черная Башня встала на сторону Тени.

Лирелле отослала по настоянию Амерлин большинство женщин сражаться рядом с Ланом Мандрагораном. Она осталась с несколькими сестрами наблюдать за Черной Башней. А теперь... это. И что с этим делать?

— Могу вас уверить, — сказал молодой Аша'ман, — Опасность миновала. Мы выдворили М'Хаэля и других, кто обратился к Тени.

Оставшиеся идут в Свете.

Лирелле повернулась к своим спутницам. Представительниц от каждой Айя среди оставшихся в спешном порядке отправили еще за тридцатью сестрами, когда Аша'ман обратился к ней в первый раз. Они приняли ее лидерство здесь, правда, неохотно.

— Мы это обсудим, — сказала она, отпуская молодого Аша'мана кивком.

— Что мы делаем? — спросила Мирелле. Зеленая была с Лирелле с самого начала, одна из немногих, которых она не отослала, частично из-за желания держать Стражей женщины поблизости. — Если кто-

то из них борется за Тень...

— Врата снова работают, — сказала Сияйн. — Что-то изменилось здесь за последние дни, так как мы чувствовали, что внутри направляют.

— Я не доверяю им, — сказала Мирелле.

— Мы должны знать наверняка, — Сказала Сияйн. — Мы не можем оставить Черную Башню без присмотра во время Последней Битвы. Так или иначе, мы должны держать этих мужчин под наблюдением.

Мужчины из Башни утверждали, что только некоторые из них присоединились к Тени, а

направляющими при атаке были из Черной Айя.

Ее раздражало, что они используют подобные выражения. Черная Айя. Столетия Белая Башня отрицала существование Друзей Темного среди Айз Седай. Но, к сожалению, сказка стала явью. Это не означало, что Лирелле хотела, чтобы мужчины разбрасывались словами небрежно. Особенно такие мужчины, как эти.

— Если бы они хотели напасть на нас, — задумчиво проговорила Лирелле, — То сделали бы это, пока мы не могли сбежать через Врата. Сейчас я полагаю, они производили чистку... среди своих рядов. Как это

в свое время потребовалось Белой Башне.

— Так мы идем? — Спросила Мирелле.

— Да. Мы связываем узами мужчин, которых нам обещали, и вытягиваем из них всю правду, что они скрывают. — Лирелле беспокоило, что Возрожденный Дракон отказал им в Аша'манах высшего ранга, но она разработала план, как только прибыла сюда. Это все еще должно сработать. Она сначала попросила бы показать, как мужчины направляют, а потом связала бы того, кто по ее мнению был самым сильным. Тогда у нее был бы тот, кто указал бы ей самых

талантливых среди обучающихся, которых могли бы связать ее сестры.

И тогда... ну, она надеялась контролировать таким образом большинство из них. Свет, какой беспорядок. Мужчины, могущие направлять, в наглую разгуливали вокруг. Она не верила в басню об очищении от порчи. Конечно, эти... мужчины... могли бы придумать нечто в этом роде.

— Иногда, — пробормотала Лирелле, — Я хотела бы вернуться назад и одернуть себя перед принятием этой миссии.

Мирелле рассмеялась. Она никогда не относилась к событиям так серьезно, как следовало. Лирелле

чувствовала себя раздраженной, что упустила шансы, возникшие в Белой Башне за время ее долгого отсутствия. Воссоединение, борьба с Шончан... То были времена, когда можно было доказать свое лидерство и заработать хорошую репутацию.

Возможности появились во время переворота. Возможности, которые она упустила. Свет, она ненавидела эту мысль.

— Мы входим, — воззвала она к стенам, создавая перед собой Врата. Затем вполголоса продолжила, обращаясь к сестрам. — Удерживайте Единую Силу и будьте настороже. Мы не знаем, что может произойти. — ее женщины

наверняка справились бы многочисленными, но плохо обученными Аша'манам, если дойдет до драки. Не должно бы, рассуждая логически. Но, скорее всего, большинство мужчин здесь уже безумны. Так что, вероятно, на логику лучше не полагаться.

Большие ворота открылись, позволяя ее людям войти. Кое-что говорило о мужчинах Черной Башни, раз они приняли решение сначала закончить стену вокруг своей территории прежде, чем возвести башню.

Она пустила свою лошадь вперед, Мирелле и другие последовали за ней под цокот копыт.

Лирелле охватила Источник и создала новое плетение, которое указало бы на направляющего поблизости мужчину. Это был не тот молодой человек, что встречал их недавно у ворот.

— Что это? — спросила Лирелле, когда к ней присоединилась Певара Тазановни. Лирелле знала Красную Восседающую, хотя и не достаточно хорошо.

— Меня попросили сопроводить вас, — сказала бодро Певара. — Логайн подумал, что присутствие знакомого лица могло бы упростить ситуацию.

Лирелле сдержала усмешку. Айз

Седай не должна веселиться. Она должны быть спокойной, собранной и, если что, строгой. Человек должен смотреть на Айз Седай и задаваться вопросом, что он сделал не так и как это исправить.

Певара пристроилась сбоку от нее, пока они двигались по территории Черной Башни.

— Логайн является главным теперь и приносит свои извинения, — продолжала Певара. — Он был серьезно ранен при нападении и еще не полностью оправился.

— С ним все будет хорошо?

— О, конечно. Он встанет на ноги через день или два. Он

необходим, чтобы вести Аша'манов, поскольку, я полагаю, они принимают участие в Последней Битве.

Жаль, подумала Лирелле. Черной Башней было бы легче управлять без Лжедракона в их головах. Лучше бы он умер.

— Уверена, его помощь будет полезна, — сказала Лирелле. — Его лидерство, как бы то ни было... Ну, посмотрим. Скажи мне Певара. Говорят, что связывание мужчины, способного направлять, отличается от уз с обычным человеком. Ты участвовала в таком процессе?

— Да, — сказала Певара.

— Так это правда? — спросила

Лирелле. — Обычные люди будучи связаны, вынуждены подчиниться, но не эти Аша'маны?

Певара, задумавшись,
улыбнулась.

— Ах, на что бы это могло походить? Нет, связь не может принудить Аша'мана к чему-либо. В данном случае нужно быть более изобретательной.

Это не хорошо.

— На сколько они послушны? — Спросила Аледрин с другой стороны от Лирелле.

— Подозреваю, что это зависит от мужчины, — сказала Певара.

— Если их нельзя принудить, — сказала Лирелле, — Будут ли они

подчиняться своим Айз Седай в бою?

— Вероятно, — сказала Певара, хотя было что-то неоднозначное в ее ответе. — Я должна сказать вам, всем вам. Эта миссия, с которой я была послана, и которую преследуете вы, совершенно дурацкая затея.

— Так ли это? — уравновешенно спросила она. Ей было трудно начать доверять Красной, после того, что они сделали с Суан. — Почему так?

— Я была однажды в таком же положении, как вы, — сказала Певара. — Готовая связать всех Аша'манов в попытке управлять ими. Но поехала бы ты в другой город,

чтобы выбрать пятьдесят мужчин, каких придется, и сделать их своими Стражами. Связывание Аша'мана только, чтобы контролировать его, глупо. Ими нельзя управлять. Я действительно думаю, что из некоторых получатся превосходные Стражи, но, подобно большинству мужчин, другие таковыми не станут. Предлагаю отказаться от первоначального плана связать сорок семь мужчин и взять только тех, кто наиболее этого желает. Из них получатся лучшие Стражи.

— Интересный совет, — сказала Лирелле. — Но, как ты упомянула, Аша'маны будут нужны на фронте. У нас нет времени. Мы возьмем сорок

семь сильнейших.

Певара вздохнула, но больше ничего не сказала, пока они проезжали мимо нескольких мужчин в черных пальто с двумя булавками на высоких воротниках. Лирелле чувствовала, что ее кожа шевелится, как будто под ней ползали насекомые. Мужчины, которые могли направлять.

Лилэйн чувствовала, что Черная Башня была жизненно важна для планов Белой Башни. Ну, Лирелле не подчинялась Лилэйн. Она была здесь сама по себе и самостоятельной Восседающей. Если бы она нашла способ непосредственно руководить Черной Башней, то возможно, она

наконец-то смогла бы избавиться от влияния со стороны Лилэйн.

Ради этого стоили связаться с Аша'манами. Свет, она не собиралась наслаждаться этим. Так или иначе, им нужно было держать всех этих мужчин под контролем. Дракон мог стать безумным, ненадежным в плане подчинения, зараженным прикосновением Темного к саидин. Можно ли манипулировать им так, чтобы он дал согласие на связывание оставшихся мужчин?

Отсутствие контроля через узы... будет опасным. Она представила себя идущей в сражение с рядами двух или трех дюжин Аша'манов, связанных и

подчиненных ее воле. Как бы ей такое повернуть?

Они достигли линии мужчин в черных пальто, ждущих на краю деревни. Лирелле и другие приблизились к ним и Лирелле произвела быстрый подсчет. Сорок семь, включая стоящего впереди. Что они тут задумали?

Тот, что стоял перед другими, вышел вперед. Это был крепкий человек средних лет и выглядел, как будто перенес недавно какое-то испытание. Мешки под глазами, бледная кожа. Его походка была уверенной, а пристальный взгляд тверд, когда встретился глазами с Лирелле, затем он поклонился.

— Добро пожаловать, Айз Седай, — сказал он.

— А вы кто?

— Андрол Генхальд, — сказал он. — Я возглавляю ваших сорок семь, до тех пор, пока они не связаны.

— Мои сорок семь? Я вижу, вы уже забыли условия. Нам должны предоставить любого солдата или Посвященного кого мы захотим, и они не могут нас отвергнуть.

— Да, действительно, — сказал Андрол. — Это правда. К сожалению, все другие мужчины в Черной Башне, за исключением упомянутых, либо полные Аша'маны, либо были отозваны по не терпящим

отложения делам. Другие, конечно, следовали бы распоряжениям Дракона, если бы были здесь. Мы постарались придержать сорок семь для вас. На самом деле, сорок шесть. Как видите, я уже связан с Певарой Седай.

— Мы подождем, пока другие вернутся — холодно сказала Лирелле.

— Алас, — сказал Андрол, — Я не думаю, что они вернутся в скором времени. Если вы намереваетесь присоединиться к Последней Битве, вы должны сделать свой выбор быстро.

Лирелле кинула на него прищуренный взгляд, потом

посмотрела на Певару, пожавшую плечами.

— Это уловка, — сказала Лирелле Андролу. — Причем детская.

— Лично я считаю что это умный ход, — холодно вернул Андрол. — Кто-то возможно сказал бы, стоящий Айз Седай. Вам пообещали, что любой член Черной Башни, кроме полных Аша'манов, ответит на ваш запрос. Они ответят. Любой из них, кому вы направите свой запрос.

— Несомненно, вы отобрали для меня слабейших из своего числа.

— На самом деле, — сказал Андрол, — мы взяли добровольцев.

Они хорошие парни, каждый из них. Они из тех, кто хотел стать Стражами.

— Дракон Возрожденный услышит это.

— Из того что я слышал, — сказал Андрол, — Он сейчас выступит на Шайол Гул в любой момент. Вы собираетесь присоединиться к нему только для того, чтобы пожаловаться?

Лирелле сжала губы в линию.

— Есть еще кое-что, Айз Седай, — сказал Андрол. — Дракон Возрождённый прислал нам сообщение, немногим ранее сегодня. Он проинструктировал нас, чтобы мы выучили последний урок: чтобы

мы не считали себя оружием, но людьми. Хорошо, люди могут выбрать свою судьбу, а оружие — нет. Вот ваши мужчины, Айз Седай. Уважайте их.

Андрол еще раз поклонился и ушёл. Певара поколебалась, затем развернула лошадь, следуя за ним. Лирелле уловила нечто в её лице, когда она смотрела на мужчину.

"Так тому и быть", думала Лирелле. "Эта не лучше любой Зелёной, я бы ожидала большего от кого-то её возраста".

Лирелле испытывала искушение отклонить эти манипуляции, прийти к Амерлин и протестовать против того, что случилось. Только...

новости с фронта Амерлин были смешанными. Что-то о неожиданно появившейся армии; детали были недоступны.

Однозначно Амерлин не будет счастлива услышать жалобы с этой стороны. И однозначно, отметила для себя Лирелле, она также хотела бы закончить с Черной Башней.

— Каждая из вас возьмет двоих, — сказала Лирелле своим компаньонкам. — Немногие из нас возьмут лишь одного. Фаолин и Теодрин, вы среди них. Сделайте это быстро, все вы. Я хочу удалиться отсюда настолько быстро, насколько это возможно.

Певара догнала Андрола, как

ТОЛЬКО ОН СКОЛЬЗНУЛ В ОДНУ ИЗ ХИЖИН.

— Свет, — сказала она. — Я и забыла насколько холодными могут быть некоторые из нас.

— Ох, даже не знаю, — ответил Андрол. — Я слышал, что некоторые из вас вовсе не так плохи.

— Будь осторожен с ними Андрол, — сказала она, оглядываясь назад. — Многие будут рассматривать тебя только как угрозу, или используют как инструмент.

— Мы выиграли, — сказал Андрол, входя в комнату, где Кэнлер, Джоннет и Эмарин ожидали с чашками тёплого чая. Все трое начали восстанавливаться после боя, Джоннет быстрее всех. Эмарин нес

худшие раны, многие из них эмоциональные. Он, подобно Логайну, был субъектом процесса Обращения. Певара иногда замечала его пустой взгляд, затравленное страхом лицо, как будто он вспоминал что-то ужасное.

— Вас троих тут быть не должно, — сказала Певара, уперев руки в бедра, стоя лицом к лицу с Эмарином и двумя другими. — Я знаю, Логайн обещал вам повышение, но вы все еще носите лишь мечи на воротниках. Если любая из этих женщин увидит вас, они смогут взять вас как Стражей.

— Они не увидят нас, — смеясь сказал Джоннет. — Андрол доставит

нас через врата, прежде чем мы успеем сказать проклятие!

— Так что мы теперь будем делать? — спросил Кэнлер.

— Все, что Логайн захочет от нас, — сказал Андрол.

Логайн... изменился после тяжкого испытания. Андрол шёпотом сообщил ей, что он сейчас темнее. Он мало говорил. Он похоже решал идти ли на Последнюю Битву, но сейчас, он собрал мужчин и корпел над вещами, которые они нашли в покоях Таима. Певара беспокоилась не сломило ли его Обращение изнутри.

— Он думает, что должно быть что-то в тех картах сражений,

которые он нашел в покоях Таима, — сказал Эмарин.

— Мы направимся туда, где по решению Логайна от нас будет больше всего пользы, — ответил Андрол. Откровенный ответ, но такой, который, в самом деле, не раскрывал многого.

— А что по-поводу Лорда Дракона? — осторожно спросила Певара.

Она чувствовала неуверенность Андрола. Аша'ман Нэфф пришел к ним, неся новости и инструкции — а с ними, некоторые последствия. Дракон Возрождённый знал, что в Черной Башне не все было хорошо.

— Он намеренно оставил нас

одних, — сказал Андрол.

— Он бы пришёл, если бы мог! — сказал Джоннет. — Я обещаю вам.

— Он оставил нас, чтобы мы сами бежали, — сказал Эмарин, — Или сами пали. Он стал суровым человеком. Возможно, черствым.

— Это не имеет значения, — сказал Андрол. — Черная Башня узнала как выжить без него. Свет! Она всегда выживала без него. Он почти не имел ничего общего с нами. Это Логайн дал нам надежду. Это Логайн приобрел мою верность.

Другие кивнули. Певара чувствовала что здесь происходит нечто важное. Они не могли бы

преклониться перед ним, никогда более, думала она. Дракон Возрожденный умрет в Последней Битве. Намеренно или нет, он дал им шанс стать самими собой.

— Однако, я принял близко к сердцу его последний приказ, — сказал Андрол. — Я не буду всего лишь оружием. Источник очищен. Мы сражаемся не для того, чтобы умереть, но чтобы жить. У нас есть смысл жизни. Распространите слово среди других мужчин, и позвольте нам принести клятвы, чтобы возвысить Логайна в качестве нашего лидера. А потом — на Последнюю Битву. Не как Приспешники Дракона, не как пешки Престола Амерлин, но

как Черная Башня. Сами собой.

— Сами собой, — кивая
прошептали трое других.

Глава 22

Вильд

Эгвейн была шокирована, проснувшись, так как Гавин прижал руку к её рту. Она напряглась, воспоминания накатились на неё как свет во время зари. Они все еще скрывались под сломанной телегой, в воздухе еще пахло сгоревшей древесиной. Земля вокруг была темна, как уголь. Наступила ночь.

Она посмотрела на Гавин и кивнула. Действительно ли она

задремала? Она не думала что это возможно при данных обстоятельствах.

— Я попытаюсь выбраться, — прошептал Гавин, — и отвлеку внимание.

— Я пойду с тобой.

— Я могу передвигаться тише.

— Очевидно, ты никогда не пробовали подкрасться к кому-то из Двуреченцев, Гавин Траканд, — ответила она. — Я бы поставила сто Тар Валонских монет на то, кто тише из нас двоих.

— Да, — прошептал Гавин, — но если ты сделаешь десяток шагов, то можешь быть замечена одним из их направляющих, какой бы тихий не

была. Они патрулируют по лагерю, особенно по его периметру.

Она нахмурилась. Откуда он это знает?

— Ты что выходил на разведку?

— Совсем немного, — ответил он шепотом. — Меня не заметили. Они осматривают палатки, забирая в плен всех, кого найдут. Мы больше не можем прятаться здесь.

Он не должен был выходить без её разрешения.

— Мы...

Гавин напрягся, и Эгвейн оборвала себя, прислушиваясь. Оба они отступили назад, смотря как десять или двенадцать пленников были выведены недалеко от них на

открытое пространство, где стояла командная палатка. Шаранцы разместили фонари на шестах вокруг пленников. Некоторые из них были солдатами, избитыми до состояния, когда они едва могли ходить. Так же там были и повара с рабочими. Эти были выпороты, их брюки изорваны. Все были без рубашек.

У некоторых на спинах был вытатуирован символ, который Эгвейн не смогла распознать. По крайней мере она думала, что это татуировки. Символ мог быть выжжен на них. Как только пленников согнали, еще кто-то закричал поблизости. Через несколько минут темнокожий

шарский охранник приволок молодого посыльного, которого он по-видимому, обнаружил прятавшимся в лагере. Шаранец разорвал ему рубашку и толкнул его, плачущего, на землю. Шаранцы, странно, носили одежду, которая имела на спине большой вырез в форме алмаза. Эгвейн могла видеть, что охранник имел знак на спине, татуировку, которую она едва могла различить на его темной коже. Его одежда была очень строгой, большой жесткий халат почти до колен. Халат был без рукавов, но под ним он носил рубашку с длинными рукавами, у которой был вырез, подобный алмазу.

Другой Шаранец вышел из темноты, и этот был почти полностью обнажен. Он был без рубашки и в брюках с разрезами. Вместо татуировки на спине, у него были татуировки, покрывающие все плечи... Они заползали на его шею, как переплетенные лозы, перед тем, как достигнуть челюсти и щек. Они выглядели как сотни переплетенных рук, длинные пальцы с когтями поддерживали его голову снизу. Мужчина подошел к коленопреклоненному посыльному. Другие охранники заерзали, они чувствовали себя неуютно рядом с этим человеком, кем-бы он ни был. Он вытянул руку, усмехаясь.

Внезапно, спина мальчика вспыхнула, выжигая метку, как на других пленниках. Пошел дым, и мальчик завопил от боли. Гавин, шокированный, тихо выдохнул. Этот человек с татуировками, бегущими по его лицу...он мог направлять.

Некоторые из охранников заворчали. Эгвейн почти могла разобрать слова, он у них был сильный акцент. Направляющий рывкнул на них, как злобная собака. Охранники отступили на шаг, и он ушел, исчезнув в тених.

"О, Свет!" — подумала Эгвейн.

Шелест в темноте предварил появление двух женщин в широких шелковых платьях. У одной кожа

была посветлее, и, Эгвейн заметила, что некоторые из солдат также ее изучают. Не все Шарцы были темнокожими, как мужчины, которых она видела до сих пор.

Лица женщин были очень красивы. Изнеженные. Эгвейн отпрянула. Исходя из того что она видела раньше, эти двое, вероятно, были направляющие. Если они подойдут слишком близко к Эгвейн, они почувствуют ее присутствие.

Две женщины осматривали пленных. При свете их фонарей Эгвейн различила татуировки на их лицах, они были не так ужасны, как те что были на мужчинах. Они были похожи на листья, вытатуированные

от затылка и проходящие под ушами, распускаясь как бутоны цветов на щеках. Две женщины шептались друг с другом, Эгвейн чувствовала, что почти может понять их. Если бы она могла сплести нить подслушивания...

"— Дура, — подумала она. — Направляющие убили бы её на месте"

Остальные собрались вокруг пленников. Эгвейн затаила дыхание. Сто, двести, все больше людей приближались. Они почти не разговаривали, они казалось тихими и величественными, эти Шарцы. Большинство из них носили одежды с открытой спиной, выставляя на

показ свои татуировки. Были ли они символом их статуса?

Она предположила, что у наиболее важных лиц были более замысловатые татуировки. Тем не менее, офицеры — как она предположила, поскольку они носили шлемы с оперением, тонкие шелковые плащи и золотые доспехи, сделанные как будто из монет, сшитых вместе через отверстия в центре, они имели небольшие открытые участки, показывающие крошечную татуировку в основании плеча.

Они убрали куски брони, чтобы показать татуировки, подумала она. Конечно, они не сражаются с

открытой кожей. Это было сделано во время формальных мероприятий.

Последняя группа людей, которые присоединились к толпе, была самой странной из всех. Двое мужчин и женщина, верхом на небольших ослах. Все трое носили красивые шелковые юбки, их животные были увешаны золотыми и серебряными цепями. Сложные головные уборы, этих трёх, состояли из веера ярких перьев разных цветов. Они были обнаженные до пояса, в том числе женщина, за исключением драгоценностей и ожерелий, которые покрывали большую часть её груди. Их спины были обнажены, а головы сзади обриты, чтобы показать шею.

У них не было татуировок.

Так. какие-то лорды? Кроме того, у всех троих были пустое, затравленное выражение на лицах. Они упали вперед, глаза опущены, бесцветные лица. Их руки казались тонкими, почти скелетообразными. Такие хрупкие. Что сделали с этими людьми?

Это не имело никакого смысла. Шаранцы несомненно были людьми, столь же непонятными как Аил, а вероятно даже больше. Но почему пришли именно сейчас? Думала Эгвейн. Почему, после столетий многовековой изоляции, они наконец решились на вторжение?

Не было совпадений такого

масштаба. Они прибыли, чтобы заманить людей Эгвейн в засаду и сотрудничали с Троллоками. Она позволила себе воспользоваться этим. То, что она узнала здесь будет иметь жизненно важное значение. Она не могла помочь своей армии прямо сейчас — Свет ниспошли так, чтоб хоть некоторые смогли спастись, — таким образом ей оставалось узнать то что она могла..

Гавин легонько дотронулся до неё. Она посмотрела на него и ощутила его беспокойство.

Сейчас? Он одними губами произнес, указывая позади них. Может быть, с всеобщим вниманием привлеченным на. независимо от

того, что происходило, двое могли бы улизнуть. Они начали спокойно. перемещаться, друг за дружкой.

Один из Шаранский направляющих крикнул. Эгвейн замерла. Она была замечена!

Нет. Нет. Эгвейн глубоко вздохнула, пытаясь успокоить ее сердце, которое, казалось, пыталось вырваться из груди. Женщина говорила что-то другим. Эгвейн показалось, что она смогла разобрать "Это сделано" сквозь сильный акцент.

Группа людей опустилась на колени. Усыпанная драгоценными камнями троица склонила головы еще ниже. И затем рядом с пленными

искривился воздух.

Эгвейн не могла описать это как-то еще. Он деформировался. и, казалось, разрывался, извиваясь, как над дорогой в жаркий день. Что-то сформировалось из этого разрыва: высокий мужчина в блестящих доспехах.

Он не носил шлема, имел темные волосы и светлую кожу. Его нос был немного с горбинкой, и он был очень красив, особенно в этой броне. Это были монеты. которые перекрывались и были все серебряными. Монеты были отполированы до такого блеска, что отражали лица вокруг него, как в зеркале.

— Вы преуспели, — человек сказал кланяющимся перед ним. — Вы можете встать-. Его голос выдал намек на Шаранский акцент но это было не так явно.

Человек положил ладонь на рукоять меча на поясе, когда другие поднялись. Из темноты сзади вышла вперед группа направляющих. Они качнулись для этого в новом виде поклона. Он снял одну из своих перчаток, потянулся бесцеремонным жестом и почесал голову одного из мужчин, как господин может гладить собаку.

— Таким образом, это новые Посвященные-, сказал мужчина умозрительно. — Кто-нибудь из вас

знает, кто я?

Пленные съежились перед ним. Хотя Шаранцы поднялись, пленники были достаточно умны, чтобы оставаться на месте. Никто из них не говорил.

— Я подозревал, нет-, сказал мужчина. — Хотя никто никогда не может сказать, если своя слава распространилась неожиданно. Скажите, если вы знаете, кто я. Говори, и я дам вам свободу.

Ответов не последовало.

— Ну, вы будете слушать и запоминать-, сказал мужчина. — Я Бао, Вильд. Я ваш спаситель. Я пробрался через глубину скорби и восстал, чтобы принять свою славу. Я

пришел ища то, что было взято у меня. Помните это.

Пленные съежились еще сильнее, очевидно, не зная что делать. Гавин дернул Эгвейн за рукав, указывая назад, но она не двигалась. Было что-то в этом человеке.

Внезапно он поднял голову. Он сосредоточился на направляющих, затем огляделся, всматриваясь в темноту.

— Кто-нибудь из вас знает Дракона? — спросил он, хотя голос звучал рассеянно. — Говорите. Скажите мне.

— Я видел его, — сказал один из захваченных солдат. — Несколько

раз.

— Ты говорил с ним? — спросил Бао, прогуливаясь мимо пленников.

— Нет, великий Лорд, — сказал солдат. — Айз Седай говорили с ним. Не я.

— Да. Я волновался, что вы будете бесполезны, — сказал Бао. — Слуги, за нами наблюдают. Вы не прочесали лагерь так хорошо, как утверждали. Я чувствую женщину, которая может направлять.

Эгвейн почувствовала укол тревоги. Гавин толкнул её руку, показывая, что надо уходить, но если они побегут, их точно схватят. Свет! Она...

Толпа обернулась на внезапный шум возле одной упавших палаток. Бао поднял руку, и Эгвейн услышала яростный крик в темноте. Спустя несколько мгновений, Лиане проплыла сквозь толпу Шарцев, связанная воздухом, широко раскрыв глаза. Бао притянул ее к себе вплотную, держа ее связанной плетениями, которые Эгвейн не могла видеть.

Ее сердце продолжило колотиться. Лиане была живой. Как она до сих пор умудрялась прятаться? Свет! Что Эгвейн могла сделать?

— Ах, — сказал Бао. — Одна из этих... Айз Седай. Ты, ты говорила с Драконом?

Лиане не ответила. К её чести, она сохраняла отрешённое лицо.

— Впечатляет — сказал Бао, поднимая пальцы и касаясь ее подбородка. Он поднял другую руку, и пленные вдруг начали корчиться и кричать. Они горели в пламени, кричали в агонии. Эгвейн насильно остановила себя от прикосновения к Истинному источнику, когда увидела это. Она плакала когда он закончил, хотя и не помнила когда начала.

Шарцы смешались.

— Не расстраивайтесь, — сказал им Бао.

— Я знаю, что вы пошли на большие трудности, что бы схватить для меня нескольких живых, но они

недостаточно inasal. Они не готовы к этому, и во время войны, мы не имеем времени, чтобы обучить их. Убийство их в настоящее время является милосердием по сравнению с тем, что они должны были бы терпеть. Кроме того, эти. Айз Седай еще послужат нашей цели.

Маска Лиане сломалась, и несмотря на расстояние, Эгвейн видела её ненависть.

Бао до сих пор держал ее подбородок в руке.

— Вы красивая, — сказал он. — К сожалению, красота не имеет смысла. Вы, Айз Седай, доставите сообщение от меня Льюсу Тэрину. Тому, кто называет себя Драконом

Возрожденным. Скажите ему, что я пришел, чтобы убить его, и когда я это сделаю, я потребую этот мир. Я возьму то, что изначально должно было быть моим. Скажите ему это. Скажите ему, что вы видели меня, и опишите меня ему. Он знает меня.

— Подобно тому, как здешние жители ждали исполнения его пророчеств, так же, как они осыпали его славой, люди моей земли ждали меня. Я выполнил свои пророчества. Он является лжедраконом, а я Истина. Скажите ему, что я, наконец, удовлетворен. Пусть он придет ко мне, так что бы мы могли столкнуться друг с другом. Если он этого не сделает, я буду убивать и

уничтожать. Я захвачу его народ. Я порабошу его детей, я возьму его женщин для себя. Одно за другим, я буду ломать, разрушать, или захватывать все, что он любил. Единственным для него способом, чтобы избежать этого — прийти и встретиться со мной.

— Скажи ему это, маленькая Айз Седай. Скажи ему, что старый друг его ждёт. Я Бао Вильд. Тот, Единственный, Кому Принадлежит Земля. Убийца дракона. Он знал меня когда-то под именем, которое я презираю, именем Барид Бел.

Барид Бел? Эгвейн думала, воспоминания из её уроков в Белой Башне возвращались к ней. Барид Бел

Медар... Демандред.

Буря в волчьем сне была переменчива. Перрин потратил часы, рыская по Пограничным землям, встречая стаи волков, спускаясь в пересохшие русла рек и пересекая изломанные холмы.

Гаул учился быстро. Конечно, он не устоял бы против Губителя и мгновения, но, по крайней мере, он научился держать свою одежду неизменной — хотя вуаль закрывала его лицо каждый раз, когда он пугался.

Вдвоем, они прошли через Кандор, двигаясь от холма к холму, оставляя размытые очертания в воздухе. Буря иногда усиливалась,

иногда стихала. В то же время, Кандор был навязчиво неизменен. Ландшафт травянистого нагорья был усеян обломками пород. Палатки, кровельная черепица, парус большого корабля, даже кузнечная наковальня, сохраняли свое расположение на грязных склонах холма.

Опасная, мощная буря могла возникать где угодно и разрывать на части города или леса. Они обнаружили тайренские шляпы, гонимые ветром на всем пути в Шайнар.

Перрин остановился отдохнуть на вершине холма, Гаул пронесся на место за ним. Как долго уже они

искали Губителя? С одной стороны, казалось, что несколько часов. Но с другой...сколько земель они уже пересекли? Они возвращались к своим запасам еды уже три раза, чтобы поесть. Означает ли это, что день уже прошел?

— Гаул, — произнес Перрин. — Как долго мы здесь находимся?

— Не могу сказать, Перрин Айбара, — ответил Гаул. Он проверил солнце, хотя его не было. — Довольно долго. Нам нужно остановиться и поспать?

Это был хороший вопрос. Живот Перрина неожиданно заурчал, и он съел вяленое мясо и ломоть хлеба. Он дал то же и Гаулу. Подкреплял ли

их вызванный хлеб, или он просто исчезал, как только они съедали его?

Последняя. Еда исчезла, даже пока Перрин ел ее. Им приходилось надеяться на снабжение, получая еду от Аша'манов Ранда во время каждодневного открытия портала. Сейчас же, он переместился назад к их снаряжению и выкопал вяленое мясо, а затем вернулся к Гаулу на севере.

Когда они в очередной раз сделали привал на холме, чтобы перекусить, Перрин поймал себя на том, что задерживает свой взгляд на Шипе Снов. Он взял его с собой, выключив, как научила его Ланфир. Купола теперь не было, но Перрин

мог его создать, когда пожелает.

Ланфир отдала его ему. Чтобы это значило? Почему она насмеялась над ним?

Он впился зубами в кусок сушеного мяса. Была ли Фэйли в безопасности? Если Тень узнает, что она делала... Ему хотелось, на худой конец, хотя бы увидеть ее.

Он сделал большой глоток из своего бурдюка, а затем мысленно потянулся к волкам. Здесь в Порубежье их были сотни. Возможно, тысячи. Он поприветствовал тех, которые находились поблизости, посылая свой запах вперемишку со своим изображением. Дюжина откликов,

что пришли не были словами, но его разум понимал их как таковые.

"Юный Бык!" Это пришло от волка, по имени Белые Глаза. Последняя Охота здесь. Ты поведешь нас?

Многие спрашивали это, позже, и Перрин не знал как это понимать.

"Почему вы нуждаетесь во мне, как вожаке?"

"Это из-за твоего зова", ответил Белые Глаза. "Из-за твоего воя".

"Я не понимаю, что вы имеете ввиду", послал Перрин. "Вы не можете охотиться сами?"

"Не на эту добычу, Юный Бык."

Перрин потряс головой. Ответ такой же как и другие, которые он

получал. Белые Глаза, послал он. Ты видел Губителя? Убийцу волков? Он преследовал вас здесь?

Перрин передал мысль на расстояние, и некоторые из волков отозвались. Они знали Губителя. Его образ и запах коснулись многих волков, также как их коснулся запах и образ Перрина. Никто не видел Губителя в последнее время, но время — это странная материя для волков. Перрин не знал насколько "последним" было их "в последнее время" на самом деле.

Перрин откусил кусок вяленого мяса, и поймал себя на том, что он тихо рычит. Он подавил это. Он достиг мира с волком внутри себя, но

это не значило, что он намеревался позволить себе наследить в доме.

"Юный Бык", послал другой волк. Изгиб Лука, седая волчица-вожак стаи. Лунная Охотница снова ходит по снам. Она ищет тебя"

"Спасибо", послал он назад. "Я знаю это. Я буду избегать её".

"Избегать луну?" Послала назад Изгиб Лука. "Сложная вещь, Юный Бык. Сложная".

Она была права в отношении этого.

"Я только что видел Ищущую Сердце", послал Ходок, чёрношерстный молодняк. Она носит новый запах, но это она.

— Другие волки послали

согласие. Ищущая Сердце была в волчьем сне. Кто-то видел её к востоку, но другие говорили, что она была замечена южнее.

Но что с Губителем? Где же он был, если не охотился на волков? Перрин снова поймал себя на вое.

Ищущая Сердце. Должно быть это одна из Отрекшихся, хотя он не узнавал ее образ, посланный ему. Она была древней, и к тому же были воспоминания волков, хотя часто вещи, которые они помнили, были отрывками из отрывков, виденных их предками.

— Есть новости? — сказал Гаул.

— Здесь еще одна

Отрёкшаяся, — брюзжа сказал

Перрин. — Делает что-то к востоку отсюда.

— Это нас касается?

— Отрекшиеся всегда нас касаются — сказал Перрин, вставая. Он протянул руку, дотронулся до плеча Гаула и они повернулись в направлении указанном Ходоком. Направление было не точным, но как только Перрин переместился, он обнаружил несколько волков, которые видели Ищущую Сердце по пути в Порубежье накануне. Они послали Перрину нетерпеливые приветствия, спрашивая собирается ли он вести их.

Он отклонил их вопросы, выясняя где была замечена Ищущая

Сердце. Это был Меррилор.

Перрин переместился туда. Станный туман окутывал здесь всю землю. Высокие деревья, схожие с теми, которые вырастил Ранд, чьи высокие кроны возвышались над пеленой тумана.

Палатки испещряли округу, словно шляпки грибов. Палатки Айил были многочисленны, рядом с некоторыми, огонь костров для готовки мерцал в тумане. Этот лагерь разбили здесь давно, раз он отразился в волчьих снах, хотя палатки поменялись местами и спальные мешки исчезли, мерцая в иллюзорности этого места.

Перрин провёл Гаула между

ровными рядами палаток и пустыми коновязями. Они оба замерли когда услышали звук. Кто-то бормотал. Перрин использовал трюк, который подсмотрел у Ланфир, создавая кокон из ... чего-то невидимого вокруг себя, но не пропускающего звуки. Это было странно, но он создал барьер, внутри которого не было воздуха. Почему это останавливало звук?

Он и Гаул подползли к палатке. Судя по знамени, она принадлежала Роделу Итуралде, одному из великих полководцев. Внутри женщина в штанах копалась в документах, находящихся на столе. Они продолжали исчезать прямо у неё из

рук.

Перрин не узнал её, хотя выглядела она до боли знакомой. Такого он, конечно, не ожидал от одной из Отрёкшихся — ни широкого лба, ни носа картошкой, ни раскосых глаз или жидких волос. Он не понял смысл её проклятий, но догадался об этом по её тону.

Гаул взглянул на него и Перрин потянулся к молоту, но заколебался. Нападение на Губителя было одним делом, но на одну из Отрёкшихся? Он был способен противостоять её плетениям здесь в волчьем сне. Но всё же...

Женщина снова ругнулась, когда бумага, которую она читала исчезла.

Затем она посмотрела вверх.

Реакция Перрина была молниеносной. Он создал тончайшую стену между ней и собой; со стороны женщины стена отображала точную копию пейзажа, с его стороны — была прозрачной. Она посмотрела прямо на Перрина, но не увидела его и отвернулась.

Рядом с ним Гаул позволил себе очень мягкий вздох облегчения. "Как я это сделал?" Подумал Перрин. Это не было чем-то, в чем он практиковался; просто это казалось правильным.

Ищущая Сердце — это должно быть была она — сплела пальцы, и шатер над ней разделился надвое,

обрывки холста свисали вниз. Она вознеслась в воздух, двигаясь ввысь по направлению к черной буре.

Перрин прошептал Гаулу: "Оставайся здесь и будь начеку"

Гаул кивнул. Перрин осторожно последовал за Ищущей Сердце, мысленно поднимая себя в воздух. Он попытался сформировать другую стену между собой и ею, но было слишком трудно удерживать правильное изображение, отображаемое во время движения. Вместо этого, он держался на расстоянии и разместил между собой и Отрекшейся коричневатую-зеленую стену, надеясь, что, если она случайно и бросит взгляд вниз, она

не обратит внимания на небольшие нестыковки.

Она стала двигаться быстрее, и Перрин подогнал себя, чтобы не отставать.

Он посмотрел вниз и был вознагражден вызывающим тошноту видом ландшафта Меррилора, уменьшающегося под ним. Потом он стал темнее и пропал в черноте.

Это не они прошли сквозь облака. Когда земля растворилась, облака сами расступились перед ними, и они вошли во тьму. Булавочные искры света окружили Перрина. Женщина остановилась и на какое-то время зависла в воздухе, после чего устремилась направо.

Перрин снова последовал за ней, раскрашивая себя — свою кожу, одежду, все — черным, чтобы спрятаться. Женщина приближалась к одной из точек света, пока та не расширилась и заняла большое пространство в небе перед ней.

Ищущая Сердце простерла руки вперед и прижала их к свету. Она бормотала себе под нос. Чувствуя необходимость услышать, что она говорит, Перрин осмелился приблизиться, хотя он подозревал, что стук его сердца был настолько громким, что выдаст его.

— заberi меня? — сказала она. — ты думаешь мне не все равно? Дай мне лицо из щебня. Какое мне

дело? Это не я. Я займу твое место, Моридин. Оно будет моим. Это лицо заставляет их недооценивать меня. Чтоб ты сгорел. — Перрин нахмурился. Он не мог понять смысла того, что она говорила. — Идите вперед и бросайте свои армии на них, вы дураки, — продолжала она. — Я одержу великую победу. Насекомое может иметь тысячи ног, но только одну голова. Уничтожить голову, и битва за вами. Все, что ты делаешь, отрезаешь ноги, глупый дурак. Глупый, высокомерный, невыносимый дурак. У меня будет все, что мне суждено, я буду...

Она замолчала, затем повернулась. Перрин, испугавшись,

немедленно переместил себя обратно на землю. К счастью это сработало — он не знал, получится ли это там, в этом месте огней. Гаул вскочил, и Перрин сделал глубокий вдох.

— Давай...

Пылающий огненный шар врезался в землю перед ним. Перрин выругался и откатился, позволяя порывам ветра охладить себя и представляя молот у себя в руках.

Ищущая Сердце взорвала землю потоком силы, которая сияла вокруг неё.

— Кто ты? — потребовала она ответа. — Где ты? Я...

Внезапно она сосредоточилась на Перрине, увидев его полностью в

первые, чернота исчезла с его одежды.

— Ты! — выкрикнула она. — Ты во всём виноват!

Она подняла руки, её глаза, казалось, светились ненавистью. Перрин смог ощутить запах её эмоций, несмотря на дующий ветер. Она выпустила добела раскалённую полосу света, но Перрин отвёл её от себя.

Женщина вздрогнула. Они всегда так делают. Понимают ли они, что в этом месте ничто не реально, кроме того, что ты считаешь реальным? Перрин исчез, возникая позади неё, поднимая свой молот. Затем он заколебался. Женщина?

Она повернулась, крича и взрывая землю под его ногами. Он подпрыгнул ввысь и окружающий воздух попытался схватить его — но он сделал то-же, что и накануне, создавая стену из пустоты. Там не было воздуха, чтоб схватить его. Затаив дыхание, он исчез и появился снова на земле, превращая почву перед собой в валы, преграждающие дорогу мчащимся к нему огненным шарам.

— Я жажду твоей смерти! — закричала женщина. — Ты уже должен быть мертв! Мои планы были безупречны!

Перрин исчез, оставляя позади свою копию. Он возник позади

палатки, где за происходящим осторожно наблюдал Гаул с поднятым копьём. Перрин создал между ними и женщиной стену, раскрашивая её так, чтоб спрятать их, и создал звуковой барьер.

— Теперь она не сможет нас слышать, — сказал Перрин.

— Ты силен здесь, — глубокомысленно сказал Гаул. — Очень силен. Знают ли Хранительницы Мудрости об этом?

— Я всё ещё щенок по сравнению с ними, — сказал Перрин.

— Возможно, — сказал Гаул. — Я не видел их, а они не говорили об этом месте с мужчинами. — Он

покачал головой. — Много чести, Перрин Айбара. У тебя много чести.

— Я должен был просто ударить её, — сказал Перрин, когда Ищущая Сердце уничтожила его статую, затем подошла к ней, выглядя смущённой. Она повернулась, отчаянно оглядываясь вокруг.

— Да, — согласился Гаул. — Воин, который не ударит Деву, это воин, который отрицает ее честь. Конечно, величайшая честь для тебя...

Можно было бы взять её в плен. Может ли он это сделать? Перрин вздохнул, и возник перед ней, представляя как лозы опутывают её, чтоб удержать на месте. Женщина

выкрикивала проклятия, рассекая лозы невидимым клинком. Она протянула свои руки к Перрину и переместилась в сторону.

Под его ногами захрустела замёрзшая земля, что он не заметил, и она тут же повернулась в его сторону и швырнула в него очередное плетение огня. Разумно, подумал Перрин, едва успев отклонить в сторону огненный шар. Он ударил в склон холма позади, пробив в нём отверстие.

Ищущая сердце продолжала создавать плетения, рыча, отвратительное лицо было искажено. Плетения рванулись к Перрину, и он стиснув зубы, удерживал их на

расстоянии. Она была сильной. Она сильно давила, но в конце концов отпустила плетения.

— Как... как ты можешь...

Перрин набил ей рот вилочником. Это было трудно сделать; изменить как-либо самого человека всегда было труднее. Однако, это было гораздо проще, чем пытаться превратить ее в животное или тому подобное. Она поднесла руку к губам, глаза выдавали чувство паники. Она начала плевать и выкручиваться, но затем в отчаянии открыла переходные ворота рядом с собой.

Перрин зарычал, представляя, как к ней тянутся верёвки, но она

уничтожила их плетением Огня — должно быть удалось выплюнуть вилочник. Она бросилась к Переходным вратам и он приготовился к прыжку, чтоб преградить ей дорогу. Но застыл на месте, когда увидел как она очутилась в гуще огромной армии троллоков и Исчезающих в ночи. Многие нетерпеливо толпились возле переходных врат.

Перрин отступил, Ищущая Сердце поднесла руки ко рту, выкашливая остатки вилочника, в её взгляде застыл ужас. Переходные врата закрылись.

— Тебе следовало её убить, — сказала Ланфир.

Перрин обернулся и увидел её стоящей неподалеку, сложив руки. Цвет её волос изменился с серебряного на тёмно-коричневый. Примечательно, что её лицо тоже изменилось, став слегка похоже на то, каким оно было около двух лет назад в их первую встречу.

Перрин ничего не сказал, возвращая свой молот в его ремни.

— Это слабость, Перрин, — сказала Ланфир. — Я находила это очаровывающим в Льюсе Терине, с одной стороны, но это не делает её меньшей слабостью. Ты должен преодолеть это.

— Я сделаю это, — огрызнулся он. — Что она делала, прямо здесь с

шарами света?

— Проникала в сны, — ответила Ланфир. — Она была здесь во плоти. Это дает определенные преимущества, особенно когда играешь со снами. Вот же потаскуха. Она думает, что знает это место, но оно всегда принадлежало мне. Было бы гораздо лучше, если бы ты все таки убил ее.

— Это была Грендаль, не правда ли? — спросил Перрин. — Или это была Могидин?

— Грендаль, — сказала Ланфир. — Хотя, снова, мы не используем для нее это имя. Она была переименована в Хессалам.

— Хессалам, — сказал Перрин,

пытаясь ощутить слово на вкус. — Я не знаю его.

— Оно означает "без прощения".

— А какое у тебя новое имя, то, которым ожидается, что мы сейчас будем звать тебя?

Этот вопрос заставил её покраснеть.

— Это не имеет значения, — сказала она. — Ты искусен здесь в Тел'аран'риоде. Намного лучше, чем когда-либо был Льюс Терин. Я всегда думала, что в этом мире буду править я, что только мужчина способный направлять будет достойным меня. Но сила которую ты продемонстрировал здесь... Я думаю, что могу принять это взамен.

Перрин хмыкнул. Гаул пересёк небольшое пространство между лагерными палатками, поднял копье, поднятая вуаль скрывала его лицо. Перрин отмахнулся от него. Не только потому, что Ланфир лучше знала волчьи сны, но и из-за того, что она не сделала им пока ничего угрожающего.

— Если ты наблюдала за мной, — сказал Перрин, — ты должна знать, что я женат, и довольно счастлив.

— Так, я видела.

— Тогда прекрати смотреть на меня как на кусок говядины, вывешенный на всеобщий обзор на рынке, — проворчал Перрин. — Что

Грендаль здесь делала? Что ей надо?

— Я не уверена, — легкомысленно сказала Ланфир. — у неё всегда есть три или четыре плана одновременно. Не стоит недооценивать ее, Перрин. Она не так могущественна здесь как другие, но она опасна. Она боец, в отличие от Могидин, которая сбежит от тебя как только сможет.

— Буду иметь это ввиду, — сказал Перрин, подходя к месту, где она открыла переходные врата. Он исследовал землю в месте, где они её рассекли.

— Ты сможешь это сделать, сам знаешь, — сказала Ланфир.

Он развернулся к ней.

— Что?

— Вернуться и попасть наружу в пробужденный мир, — сказала она. — Без необходимости получения помощи от кого-либо наподобие Льюса Терина.

Перрину не понравилось, как она усмехнулась, произнося его имя. Она попыталась скрыть это, но он почувствовал её ненависть при упоминании о нём.

— Я не могу направлять, — сказал Перрин. — Я полагаю, что могу представить, что смогу -

— Это здесь не сработает, — сказала она. — Есть ограничения на то, что здесь возможно, вне зависимости от того насколько силен

разум. Способность направлять не относится телу, но относится к душе. Однако, все еще есть способы, для людей, подобных тебе, перемещаться между мирами во плоти. Тот, кого ты зовешь Губителем это делает.

— Он не брат волкам.

— Нет, — сказала она. — Но есть нечто подобное. Я честно не уверена, чтобы кто-то умел делать подобное ранее. Тёмный сделал... нечто этому Губителю, когда захватил его душу, или его души. Подозреваю, что Семираг могла бы рассказать нам больше. Как жаль, что она умерла.

От Ланфир совершенно не пахло жалостью. Она смотрела в небо, но

была спокойной, не обеспокоенной.

— Ты не выглядишь обеспокоенной, что будешь замечена также, как некоторое время назад, — отметил Перрин.

— Мой бывший хозяин... занят. Наблюдая за тобой последнюю неделю, я редко чувствовала на себе его взгляд.

— Неделю? — шокировано спросил Перрин. Но -

— Время здесь идёт иначе, — сказала она, — и временные барьеры здесь истончённые. Чем ближе к Скважине, тем больше время будет искажаться. Для тех, кто достигает Шайол Гул в реальном мире, всё будет также плохо. Каждый день для

них может быть тремя-четырьмя днями в отдалённых местах.

Неделя? Свет! Сколько всего могло произойти снаружи? Кто выжил, кто погиб, пока Перрин охотился? Ему нужно подождать на площадке для перемещений открытия прохода. Но, судя по темноте, которую он видел через переходные врата, что открыла Грендаль, была ночь. Его врата для побега закрылись пару часов назад.

— Ты можешь сделать врата для меня, — сказал Перрин. — Путь наружу, а затем внутрь. Не правда ли?

Ланфир обдумывала это, прогуливаясь мимо одной из мерцающих палаток и позволяя

своему пальцу оставить след на холсте, пока он не исчез.

— Нет, — сказала она наконец. — Но...

— Ты должен научиться делать эти вещи самостоятельно, если мы будем вместе.

— Мы не собираемся быть вместе, — решительно сказал он.

— Тебе самому нужна эта сила, — сказала она, не обращая внимания, на его слова. — Вы были слабы так долго, что оказались в ловушке только в одном из миров. Возможность прибыть сюда, если вы хотите даст вам великую власть.

— Я не забочусь о власти, Ланфир, — сказал он, глядя на то как

она прогуливается. Она была красива. Не так хороша, как Фэйли, конечно. Тем не менее красива.

— Так ли это? — она стала с ним лицом к лицу. — Ты никогда не думал, что бы ты мог сделать с большей силой, большей мощью, большим авторитетом?

— Это не искусит меня чтобы...

— Спасти жизни? — сказала она. — Предотвратить детский голод? Остановить травлю слабых, покончить со злом, вознаградить честь? Власть в поощрении людей быть простыми и честными друг с другом?

Он покачал головой.

— Ты сможешь сделать так

много добра, Перрин Айбара, — сказала она подходя к нему вплотную, затем касаясь стороны его лица, пробегаясь своими пальцами вниз по его подбородку.

— Расскажи мне как делать то, что делает Губитель, — сказал Перрин, отталкивая её руку. — Как он перемещается между мирами?

— Я не могу объяснить тебе этого, — сказала она отворачиваясь, — как если бы это было умение, которое я никогда не знала. Я использую другие методы. Возможно, ты сможешь выбить это из него. Я была бы быстрой, если бы намеревалась остановить Грендаль.

— Остановить её? — спросил

Перрин.

— Ты не понимаешь? — обернулась к нему Ланфир. — Сон, который она насылала был не для одного из людей в этом лагере — пространство и расстояние не имеют значения в снах. Сон, который, как ты видел, она насылала... он принадлежал Давраму Баширу. Отцу твоей жены.

С этими словами Ланфир исчезла.

Глава 23

На Краю Времени

Гавин быстро дёрнул Эгвейн за плечо. Почему она не двигается? Кем бы ни был этот человек в доспехах из серебряных дисков, он мог чувствовать женщин способных направлять. Он выхватил Лиане из темноты, тоже самое он мог сделать и с Эгвейн. Свет, он так и сделает, как только заметит её.

Я потащу её на плечах, если она не сможет двигаться, подумал он.

Свет помоги мне, я сделаю это, независимо от того, сколько шума поднимется. Нас поймают в любом случае, если мы...

Тот, кто называл себя Бао тронулся, таща за собой Лиане, всё ещё связанную с ним плетениями Воздуха. Остальные растворились в толпе, оставляя позади ужасные, обугленные останки других пленников.

— Эгвейн? — шепнул Гавин.

Она посмотрела на него, в её глазах светилась холодная сила, и кивнула. Свет! Как она может быть такой спокойной в то время, как ему пришлось стиснуть зубы, чтоб они не начали стучать друг об друга.

Они выбрались из-под задней части телеги и ползли на животах, пока не появилась возможность подняться. Эгвейн взглянула в сторону Шарцев. Ее чувство холодного контроля проникало в его ум через связь. Услышанное ею имя повергло на краткий миг ее в шок, за которым последовала мрачная решимость. Что это за имя? Барид что то там? Гавин подумал, что уже слышал его раньше.

Он хотел вытащить Эгвейн из этой смертельной ловушки. Он обернул плащ Стража вокруг ее плеч.

— Лучший путь восточное направление — прошептал он. — Вокруг палатки беспорядок — что

остановило его — тогда на периметре лагеря. Они установили пост охраны далее там, где была площадка для перемещений. Мы пойдем вокруг ее к северной стороне.

Она кивнула.

— Я сначала разведую, ты пойдешь следом, — сказал Гавин. — Если я увижу что-нибудь, то брошу назад камень. Прислушайся к его стуку, хорошо? Сосчитай до двадцати, затем следуй за мной в медленном темпе.

— Но...

— Ты не можешь идти первой, чтобы мы наткнулись на некоторых из этих направляющих. Я должен

получить преимущество.

— Хотя бы носи плащ, — прошипела она.

— Все будет в порядке, — прошептал он и ушел прежде, чем она могла спорить и дальше. Он чувствовал всплеск ее раздражения и подозревал, что получит нагоняй после того, как они выберутся. Хорошо, если они проживут достаточно долго для того, чтобы это произошло, он бы принял выговор с удовольствием.

Как только он оказался на коротком расстоянии от неё, он плавно надел одно из колец Кровавых ножей. Он активировал его своей кровью, так как Лейлвин

сказала, что это нужно.

Она также сказала, что это может убить его.

Ты дурак, Гавин Траканд, подумал он после того, как покалывание пробежало через его тело. Хотя он использовал Тер'ангриал только один раз, он знал, что его фигура стала расплывчатой и потемнела. Если бы люди посмотрели в его сторону, то их взгляды ускользнули бы от него. Он работал особенно хорошо в тени. На этот раз он был доволен тем, что эти облака блокировали лунный и звездный свет.

Осторожно ступая, он двинулся дальше. Ранее ночью, когда он

впервые опробовал кольцо, в то время как Эгвейн спала, он был в состоянии пройти через часовых, держащих с интервалом в несколько шагов фонари. Один смотрел прямо на Гавина, но не увидел его. В этой крошечной темноте он также мог быть невидимым.

Тер'ангриал также позволял ему двигаться быстрее. Изменения были небольшими, но заметными. Он жаждал испытать способности в поединке. Скольких из этих Шаранцев он смог бы победить самостоятельно, нося одно из этих колец? Дюжину? Две?

Это продлилось бы до тех пор, пока один из тех направляющих не

обработал бы тебя, сказал Гавин самому себе. Он собрал несколько камней, чтобы отбросить назад к Эгвейн, если обнаружит одну из женщин которая могла направлять.

Он двигался среди скопления палаток, следуя по пути, который разведаль раньше. Важно постоянно напоминать себе об осторожности; ранее сила тер'ангриала придала ему чересчур много смелости. Знание того, насколько легко он он мог двигаться, опьяняло его.

Он поклялся сам себе, что не будет использовать кольца, но это было во время битвы, когда у него был соблазн попытаться добыть себе славу. Теперь всё было по другому.

Это могло защитить Эгвейн. Ради этого он может сделать исключение.

Досчитав до двадцати, Эгвейн двинулась в темноту. Она не умела подкрадываться так же незаметно, как Найнив и Перрин, но она была родом из Двуречья. Каждый ребёнок в Эмондовом Лугу учился бесшумно двигаться в лесу.

Она сосредоточила своё внимание на продвижении вперёд, нащупывая дорогу пальцами, она сняла туфли, чтоб избежать сухих листьев и сорняков. Перемещение таким способом было её второй натурой, к сожалению, это давало ее мыслям свободу.

Один из Отрёкшихся возглавлял

Шаранцев. Она могла только догадываться по его словам, что вся нация следует за ним. Это было такой же бедой, как и Шончан. Хуже. Шончан захватывали и использовали Айз Седай, но они не убивали простых людей с таким безрассудством.

Эгвейн должна была выжить чтобы бежать. Ей нужно доставить эту информацию в Белую Башню. Айз Седай должны противостоять Демандреду. Свет ниспошли чтобы достаточное их количество избежало битвы, происходившей раньше, чтобы сделать это.

Почему Демандред послал за Рандом? Каждый знал где найти

Дракона Возрождённого.

Эгвейн достигла мешанины палаток, а затем поползла вокруг них. Не далеко болтали охранники. Шаранский акцент был странно монотонным, как если бы люди не имели никаких эмоций вообще. Это было как будто. Музыка ушла из голоса. Музыка, которую Эгвейн не понимала, обычно была там.

Разговаривающие были мужчинами, так что она могла не бояться, что они почувствуют её способность направлять. Тем не менее, у Демандреда получилось это с Лиане, возможно, у него для этого был тер'ангриал. Такие вещи существуют

В любом случае она оставила мужчин в стороне и двинулась во тьму того, что когда-то было ее лагерем. Она прошла мимо упавшей палатки, запах тлеющих пожаров еще сохранялся в воздухе. Она пересекла тропинку, по которой ей доставляли каждый вечер отчеты. Это тревожило, как можно быстро перейти от позиции власти до крадущейся через лагерь, как крыса. Быть внезапно не способным направить, изменило так много вещей.

Мой авторитет не происходит из моей мощи в силе, сказала она себе. Моя сила в контроле, понимании и заботе. Я убегу из этого лагеря и

продолжу сражаться.

Она повторила эти слова, борясь с леденящим чувством бессилия — чувством отчаяния от многочисленных смертей. Между лопаток появилось странное чувство покалывания, будто кто-то наблюдал за ней из темноты. Маленькая, бедная Лиане.

Что-то ударило по пустой земле рядом с ней. За ним последовали еще две гальки падая на землю. Гавин, очевидно, не доверял одному. Она двинулась быстрее в остатки соседней, наполовину сожженной палатки, другая половина холста, свисала за края.

Она прижалась к земле. В этот

момент она осознала, что в паре дюймов от нее лежит полу-обгорелое тело. Она разглядела в свете вспышек молний с грохочущих небес, что это был Шайнарец, хотя на его рубашке был знак Белой Башни. Он лежал, одним глазом уставившись в небо, безмолвный, другая часть лица обгорела до кости.

Свет появился в той стороне, куда она следовала. Она ждала в напряжении, пока приближались двое шарских охранников, несших фонари. Они не разговаривали. Когда они, продолжив патрулирование, свернули на юг, Эгвейн смогла увидеть символы на задней части их брони, имитировавшие татуировки,

которые она видела раньше на спинах. Эти отметки были довольно экстравагантными, и, как она и полагала, эти люди на самом деле были низкого ранга.

Система беспокоила ее. Всегда можно было добавить татуировку человеку, но она не знала ни одного способа удалить ее. Это подразумевало, что чем больше было татуировок, тем ниже положение человека в обществе; люди могли находиться на верхушке общества, но пав однажды, или родившись в более низком сословии, они никогда не смогли бы подняться вновь.

Она почувствовала направляющего перед ней за

считанные мгновения до того, как щит оградил Эгвейн от Источника.

Эгвейн отреагировал моментально. Она не дала страху времени, она схватили поясной нож и повернулся к женщине чье приближение почувствовала сзади. Эгвейн сделала выпад, но переплетения воздуха схватил ее за руку и держали крепко, другие заткнули рот, не давая ей дышать.

Эгвейн забилась, но другие плетения обхватили ее и подняли в воздух. Нож выпал из ее непослушных пальцев.

Шар света возник неподалеку; мягкое голубое свечение, намного тусклее, чем свет фонаря. Его

создала темнокожая женщина с изысканными чертами лица. Очень нежными. Тонкий нос, точеная фигура. Она поднялась с колен, и оказалась довольно высокой, по мнению Эгвейн, ростом примерно с мужчину.

— А ты опасная зайка, — проговорила женщина; ее было трудно понять из-за невнятного невыразительного акцента. Она выделяла ненужные слова, а большинство звуков сливала воедино. На лице ее была татуировка. Похожая на тонкие ветви, она переходила с тыльной стороны шеи на щеки. Женщина была одета в одно из этих платьев в форме коровьего

колокольчика, черное, с белой шнуровкой на ладонь ниже шеи.

Женщина дотронулась до руки, там где нож Эгвейн почти достал её.

— Да, — сказала женщина, — очень опасна. Немногие из Айяд ухватились бы за кинжал быстрее чем за Источник. Ты была хорошо обучена.

Эгвейн боролась со своими путами. Безрезультатно. Они были слишком тугими. Ее сердце бешено заколотилось, но она была выше этого. Паника не поможет. Она заставила себя успокоиться.

— Нет, — подумала она. Паника не спасет... но она может предупредить Гавина. Она

чувствовала, что он был взволнован, где-то не здесь, в недостигаемой темноте. Приложив усилие, она позволила своему страху расти. Она освободила все свои способности Айз Седай. Это было далеко не так просто, как она ожидала.

— Ты двигаешься тихо, маленький кролик, — сказала Шарка, изучая Эгвейн. — Я бы никогда не смогла отследить тебя, если бы не знала, что движешься в этом направлении. — Она обошла вокруг Эгвейн, глядя с любопытством. — Ты смотрела маленькое представление Вильда до конца, так? Смело. Или глупо.

Эгвейн закрыла глаза и

сосредоточилась на своем страхе. Всеохватывающая паника. Она должна привести Гавина к ней. Она напряглась и выпустила наружу плотный клубок эмоций, что содержался в ней. Ее страх снова быть захваченной Шончан.

Она чувствовала это. Ай'дам на своей шее. Имя. Тули. Имя для питомца.

Даже тогда, в юности, она, вряд ли, была более беспомощна, чем сейчас. Это случится снова. Она станет ничем. Сама ее суть будет выставлена напоказ. Да, она скорее умрет. О, Свет! Почему она не может просто умереть?

Она же клялась, что никогда не

позволит захватить себя снова. И не сумев справиться со своим ужасом, часто задышала.

— Так так, — сказала Шарка. Казалось, она забавлялась, хотя ее тон был таким ровным, что Эгвейн не решилась бы сказать точно. — Сейчас это будет не так уж и плохо, да? Я должна решить. Что мне даст больше? Отдать тебя ему или придержать для себя? Хм...

Неожиданно с дальней стороны лагеря, куда ушел Демандред, пришло ощущение мощных потоков силы. Похоже Шарку это не беспокоило — она лишь мельком взглянула в ту сторону.

Эгвейн

почувствовала

приближение Гавина. Он был очень обеспокоен. Ее послание достигло цели, но он не доберется достаточно быстро, так как был дальше, чем она ожидала. Что было не так? Теперь она пыталась затолкать чувство беспокойства куда поглубже, но оно переполняло ее вопреки ее воле, накатывая волнами.

— Твой мужчина... — сказала Шарка. — У тебя есть один из них. Еще раз, как они называются? Странно, что ты полагаешься на защиту мужчины, но ты никогда не раскроешь свой потенциал в этом месте, как я уже говорила. Он будет взят. Я пошлю за ним.

Как и боялась Эгвейн. Свет! Она

привела Гавина к этому. Она привела армию к катастрофе. Эгвейн зажмурилась. Она привела Белую Башню к разрушению.

Её родителей зарежут. Двуречье сгорит.

Ей следует быть сильнее.

Ей следует быть умнее.

Нет.

Она не была сломлена Шончан. Она не будет сломлена этим. Эгвейн открыла глаза и встретила взглядом с Шаркой, в мягком голубом свете. Эгвейн боролась со своими эмоциями, чтобы они утихли, и почувствовала, как спокойствие Айз Седай обволакивает её.

— Ты...какая-то странная, —

прошептала шарка, все так же вглядываясь в глаза Эгвейн. Пораженная женщина даже не заметила, как со спины к ней подкралась тень. Тень, которая не могла быть Гавином, поскольку тот был еще далеко.

Что-то врезалось в голову женщины сзади. Она рухнула, резко падая на землю. Шар мигнул немедленно, и Эгвейн была свободна. Она присела, пальцы, искали ее нож.

Фигура переместилась к ней. Эгвейн подняла нож и приготовилась обнять Источник. Она привлекла бы внимание, если бы она направила... Она не хотела быть схваченной

снова.

Но кто это был?

— Тихо, — сказала фигура
Эгвейн распознала голос.

— Лейлвин?

— Другие заметили что эта
женщина направляла, — сказала
Лейлвин. — Они придут посмотреть,
что она делала. Мы должны уходить!

— Ты спасла меня, —
прошептала Эгвейн. — Ты
освободила меня.

— Я серьезно отношусь к своим
клятвам, — сказала Лейлвин. Потом,
настолько тихо, что Эгвейн еле
услышала это, она добавила, —
Может быть слишком серьезно.
Такие ужасные знамения этой

НОЧЬЮ...

Они двинулись на несколько мгновений быстрее через лагерь, пока Эгвейн почувствовала, как Гавин приближается. Она не смогла застать его в темноте. Наконец, тихо прошептала она:

— Гавин?

Неожиданно, он оказался тут, прямо рядом с ней.

— Эгвейн? Кого ты нашла?

Лейлвин застыла, затем тихо прошипела сквозь зубы. Что то сильно расстроило ее. Возможно то, что кто то смог незаметно подкрасться к ней. Если это было так, то Эгвейн разделяла ее чувства. Она гордилась своими

способностями, а потом была ошеломлена не только одной из направляющих, но теперь и Гавином. Как парень, выросший в городе, смог двигаться так хорошо, что она не увидела его?

— Я никого не нашла, — прошептала Эгвейн. — Лейлвин нашла меня... и вытолкнула меня из огня.

— Лейлвин? — сказал Гавин, вглядываясь в темноту. Эгвейн могла чувствовать его удивление, и его подозрительность.

— Мы должны продолжить движение, — сказала Лейлвин.

— Я не буду с этим спорить, — ответил — Гавин. — Мы почти

вышли. Нам нужно пройти немного к северу. Я оставил несколько тел сразу справа.

— Тела? — спросила Лейвлин.

— С полдюжины Шарцев или около того, напрыгнули на меня, — сказал Гавин.

"Пол дюжины?", подумала Эгвейн. Он сказал так, будто это был пустяк. Здесь не место для дискуссий. Она присоединилась к двум другим и они двинулись дальше, Лейлвин вела их своим путем. Любой шум или крик в лагере заставлял Эгвейн морщиться в опасении, что какоенибудь из тел обнаружено. В самом деле, она чуть не подпрыгнула до облаков, когда из

темноты послышался чей то голос.

— Это вы?

— Да, это мы, Бэйл, — мягко сказала Лейлвин.

— Мою старую бабу! — Тихо воскликнул Байл Домон, присоединившись к ним. — Ты нашла ее? Женщина, ты снова удивляешь меня. — Он поколебался. — Я хотел, чтобы ты позволила мне идти с тобой.

— Муж мой, — прошептала Лейлвин, — Ты такой храбрый и крепкий, что любая женщина пожелала бы твоей компании. Но двигаешься ты так же тихо, как медведь, перебирающийся через реку.

Он хмыкнул, но присоединился к ним, когда они пересекли границу лагеря, тихо и осторожно. Спустя примерно десять минут Эгвейн, наконец, решилась обнять Источник. Упиваясь им, она создала Врата и Переместила их в Белую Башню.

Авиенда бежала со всеми Айил через врата. Они приливали, как наводнение, в долину Такандар. Две волны, мчась вниз с противоположных сторон долины.

Авиенда не держала копье; это было не её место. Вместо этого, она была копьем.

С ней были двое мужчин в черных плащах, пять Хранительниц Мудрости, женщина по имени

Аливия и десять Айз Седай, принесших присяги Ранду, со своими Стражами. Никто из них, включая Аливию, не хотел охотно принять главенствующее положение Авиенды. Аша'манам не нравилось отчитываться перед любой женщиной, Хранительницам Мудрости вообще не нравилось подчиняться приказам Ранда, а Айз Седай все еще думали об Айильских направляющих, как о низших. Тем не менее приказу они подчинились.

Ранд шепнул ей при удобном случае, чтобы она рассматривала их всех как Друзей Темного. Не страх заставил его произнести эти слова, а чувство реальности. Тень могла

скрываться где угодно.

В долине были Троллоки и несколько Мурддраалов, но они не ожидали атаки. Айил воспользовались их смятением и начали резню. Авиенда вела свою группу направляющих к кузнице, массивному зданию с серой крышей. Кузнецы Тени прекратили свои неустанные движения, показывая только намек на замешательство.

Авиенда сплела Огонь на одного из них, отделяя его голову от плеч. Тело превратилось в камень, затем начало разрушаться.

Это послужило сигналом для других направляющих и кузнецы начали взрываться по всей долине.

Говорили, что они ужасны в бою, когда рассержены, а от кожи отскакивали мечи. Возможно просто слухи, вряд ли кто из Айил действительно вел танец копий с кузнецами Тени.

Авиенда не особо то хотела узнать правду. Она позволила своей команде покончить с первой группой кузнецов и пыталась не думать слишком много о смертях и разрушениях, которые эти существа вызвали за время их неестественных жизней.

Отродья Тени пытались организовать защиту, некоторые Мурдраалы кричали и хлестали своих Троллоков, чтобы заставить их

остановить атаку Айильцев, которые шли на них широким фронтом. Легче было остановить полноводную реку. Айил не замедлились, и те Отродья Тени, что оказывались у них на пути, пытаясь сопротивляться, падали, часто сраженные сразу несколькими копьями или стрелами.

Большинство Троллоков сломалось и побежало, спасаясь от боевых воплей Айил. Авиенда и ее направляющие достигли кузниц и ближайших клеток с грязными, с безжизненными глазами, пленными, ожидающих своей смерти.

— Быстро! — Сказала Авиенда сопровождавшим ее Стражам. Мужчины взламывали клетки, пока

Авиенда и другие уничтожали оставшихся кузнецов. Они умирали, рассыпаясь в камень и пыль, и роняя полу законченные Такан'дарские лезвия на скалы.

Авиенда взглянула вверх и вправо. Длинный извилистый путь вел ко входу в пещеру на склоне горы, маячившей выше.

Отверстие было темно. Оно походило на ловушку, искушая свет зайти, но никогда не выпустить.

Авиенда сплела Огонь и Дух, выпуская плетение в воздух. Мгновение спустя в начале пути в Шайол Гул открылись Врата. Четыре фигуры прошли через них. Женщина в голубом небольшого роста, но не

воли. Пожилой мужчина, с поседевшими волосами, и закутанный в разноцветный плащ. Женщина в желтом, коротко стриженная с темными волосами, увешанная кучей драгоценных камней в золотой оправе.

И высокий мужчина с волосами цвета пылающих углей. Он был одет в красное с золотом пальто, но под ним была простая двуреченская рубашка. Тот, кем он стал и кем он был, слитый воедино. Подобно шайнарцу он нес два меча. Один выглядел, как будто сделанный из стекла, он нес его на спине. Другой, меч Древоубийцы, короля Ламана, привязан к его талии. Он носил его

из-за нее. Глупый человек.

Авиенда подняла свою руку в приветствии, он в ответ свою. Это будет их единственным прощальным моментом, если он потерпит неудачу или она умрет, выполняя свою задачу. Бросив последний взгляд, она отвернулась от него и вернулась к своим обязанностям.

Две из ее Айз Седай объединились и создали Врата, чтобы Стражи могли сопровождать пленных в безопасное место. Многих приходилось подталкивать. Они тащились вперед, с глазами, почти такими же безжизненными, как и у кузнецов Тени.

— Проверьте внутри кузницы

тоже, — сказала Авиенда
нескольким Стражам. Они двинулись
внутрь, за ними последовали Айз
Сeday. Плетения Единой Силы
встряхнули здание, когда они
обнаружили еще кузнецов, и двое
Аша'манов тут же юркнули внутрь.

Авиенда осмотрела долину.
Битва принимала более опасный
поворот; было много Отродий Тени в
ущелье, ведущим из долины. У них
было больше времени для подготовки
и построения. Итуральде вел свои
войска позади Айил, охраняя уже
захваченные участки долины.

Терпение, думала Авиенда про
себя. В ее задачу входила не битва
впереди, а защита спины Ранда, как

только он поднялся и вошел в Бездну Рока.

Только одно беспокоило ее. Могли ли Отрекшиеся переместиться непосредственно в пещеру? Казалось, Ранд не волновался по этому поводу, но он был сильно отвлечен тем, что должен был сделать. Может она должна присоединиться к нему и...

Она нахмурилась, глядя вверх. Что это за тень?

Высоко в небе среди бурлящих облаков светило солнце. Некоторые грозовые тучи были словно в заплатках, абсолютно черных и ослепительно белых. Однако не тучи так внезапно скрыли солнце, а нечто

осязаемое и черное, проникающее в это место.

Авиенду пробрал озноб и она почувствовала, что дрожит. Опустилась тьма, истинная тьма.

Солдаты на поле смотрели со страхом и даже ужасом. Свет ушел. Конец мира настал.

Внезапно на другом краю долины почувствовалось, что кто то направляет. Авиенда развернулась, стряхивая с себя страх. На земле поблизости валялись обрывки одежды, брошенное оружие и трупы. Все сражающиеся были теперь в устье долины, далеко от нее, где Айильцы пытались затолкать Отродий Тени назад в ущелье.

Хотя Авиенда не достаточно видела в темноте, она могла бы сказать, что солдаты уставились в небо. Даже Троллоки смотрели с благоговением. Но затем эта осязаемая тьма начала двигаться по небу, показав сначала краешек, а затем и все солнце. Свет! Это еще не конец.

Битва в долине возобновилась, но протекала уже более тяжело. Заставить Троллоков отступить в столь узкий проход все равно, что пытаться засунуть лошадь в маленькую трещину в скале. Невозможно, если вы не начали с разделки туши.

— Там! — сказала Авиенда,

указывая в сторону долины за шеренгами Айил. — Я чувствую направляющую женщину.

— Свет, но она сильна, — выдохнула Несан

— Круг! — выкрикнула Авиенда. — Сейчас же!

Остальные потянулись, предоставляя Авиенде контроль над кругом. Сила окутала её, невероятная сила. Это было, как если бы она не переставала вдыхать, просто продолжая будучи в состоянии взять по-больше воздуха, наполнялась, расширялась, вбираемой энергией. Она была бурей, огромным морем Единой Силы.

Она выбросила руки вперед,

выпуская неоформленные плетения, только на половину сформированные. Это была слишком большая сила для нее, чтобы сформировать плетения. Воздух и Огонь хлынули из ее рук, столбами столь широкими как человек с вытянутыми в стороны руками. Вспыхнул густой, горячий, полужидкий огонь. Не погибельный огонь — она была более умной для этого — но опасный, тем не менее. Воздух содержал в себе огонь в интенсивной разрушительной массе.

Столб пронесся через поле битвы, плавя камень снизу и поджигая трупы. Огромный кусок тумана исчез с шипением, и земля

дрогнула, когда столб пропахал склон долины, где был вражеский направляющий — Авиенда могла только предположить, что это был один из Отрекшихся из-за ее силы — который атаковал задние ряды Айил.

Авиенда выпустила плетение, ее кожа покрылась пленкой пота. Тлеющий черный столб дыма поднимался со стены долины. Расплавленная порода сочилась вниз по склону. Она стала неподвижной, ожидающей, внимательной. Единая Сила в ней фактически начала деформироваться, как будто пытаясь утек из нее. Было ли это, потому что часть энергии, которую она использовала, пришла от мужчин?

Никогда прежде не казалось что Единая Сила хочет уничтожить ее.

У нее было только краткое предупреждение: ужасный миг в виде направляющейся силы с другой стороны долины, сопровождаемый огромным порывом ветра.

Авиенда разрезала этот ветер в центре невидимым плетением размером с большое лесное дерево. Далее она направила за ним следующий удар огня, на этот раз более управляемый. Нет, она не смела использовать погибельный огонь. Ранд предупредил ее. Это могло расширить Скважину, сломать структуру действительности в том месте, где она была уже тонкой.

У ее врага не было того же ограничения. Следующее нападение женщины пришло словно раскаленный добела стержень, едва не задевший Авиенду-просверливший воздух в пальце от ее головы — до того как поразить стену кузницы позади. Погибельный огонь разрезал широкий ряд камня и кирпича стены, и здание рухнуло.

Хорошее избавление, подумала Авиенда, бросаясь к земле. — Пригнитесь! — приказала она другим. — Не дайте ей хороших мишеней! — Она направила плетение, закручивая воздух, чтобы создать бурю пыли и мусора перед ними. Затем она использовала

плетение, чтобы замаскировать то, что она удерживает Единую Силу, и скрыть ее от врага. Она спряталась низко присев за ближайшим прикрытием: кучей шлака и сломанных кусков железа, ожидая нападения.

Погибельный огонь ударил снова, поражая каменистую землю, в месте где она была прежде. Он прошел через камень так легко, как копье проходит через дыню. Все спутники Авиенды спрятались, и они продолжали отдавать ей свою силу. Такая власть. Это отвлекало.

Она оценила источник атаки.

— Будьте готовы следовать за мной — сказала она другим, затем

создала врата к месту, где началось плетение. — Следуйте за мной, но немедленно прячьтесь! -

Она прыгнула через врата, просвистев юбкой, удерживая Единую Силу, похожую на гром, которая почему-то была обуздана. Она приземлилась на склон, выходящий на поле битвы. Ниже, Девы и мужчины сражались с троллоками; выглядело, как будто Айил сдерживали обширный черный поток.

Авиенда не имела больше свободного времени, чем быстрый взгляд. Она погрузилась в землю основным плетением Земли и вырвала кусок скалы размером с

лошадь подняв его в воздух. Луч, нацеленный в нее, ударил в кусок скалы спустя секунду.

Управление погибельным огнем было словно владеть опасным копьем. Иногда он разрезал, но если он поражал отчетливый объект — например, человека — то заставлял весь объект вспыхнуть и исчезнуть. Погибельный огонь сжег кусок бытия рядом с Авиендой во вспышке, опуская пятнышки пылающей пыли, которая скоро исчезла. Позади нее, мужчины и женщины из ее круга, промчались через ее врата и, спрятались.

У Авиенды едва было время, чтобы заметить, что трещины

появились в скале поблизости. Трещины, которые, казалось, излучали темноту. Полоса света позволила Авиенде увидеть источник, она выпустила горящую колонку огня. На сей раз она попала в плоть, сжигая стройную женщину с медно-красной кожей в красном платье. Две другие женщины рядом сыпали проклятия, карабкаясь прочь. Авиенда начала вторую атаку на остальных.

Одна из двух — самая сильная — создала плетение с таким умением и скоростью, что Авиенда едва заметила его. Плетение возникло перед ее колонкой огня, в результате произошел взрыв горячего

пара. Огонь Авиенды был погашен, и она задохнулась, временно ослепленная.

Военные инстинкты сработали. Затененная облаком пара, она упала на колени, затем перекатилась в сторону, захватывая горсти скал и отшвыривая их от себя, для отвлечения.

Это сработало. Когда она убрала слезы из глаз, раскаленный добела стержень, поразил скалу откуда исходил звук. Распространяя далее те темные трещины.

Авиенда сдула пар, плетением Воздуха, ее глаза все еще слезились. Она видела достаточно хорошо, чтобы отличить два черных силуэта,

присевших поблизости на скалах. Один повернулся к ней, задыхаясь — увидел как Авиенда создает атакующее плетение — затем исчез.

Не было никаких врат. Человек просто, казалось, свернулся, и Авиенда не ощутила что направляют. Она действительно чувствовала что-то еще, слабое... что-то. Дрожание в воздухе, который не был полностью материальным.

— Нет! — сказала вторая женщина. Словно пятно для Авиенды, слезы затуманивали ее взор. — Не делайте -

Взгляд Авиенды очистился как раз, чтобы разобрать черты лица женщины — вытянутое лицо и

темные волосы — когда ее плетение ударило женщину. Конечности женщины отлетели от ее тела. Тлеющая рука вращалась в воздухе, создавая водоворот черного дыма прежде, чем удариться о землю.

Авиенда кашлянула, затем распустила круг.

— Исцеление! — сказала она, с усилием поднимаясь на ноги.

Бера Хакин достигла ее первой, и плетение Исцеления заставило Авиенду задрожать. Она задышалась, и ее окровавленная кожа, ее подпаленные глаза — были восстановлены. Она кивнула в благодарность Бере, которую она могла теперь видеть ясно.

Перед нею была Сарин — Айз Седай с заплаканным лицом и многочисленными темными косичками — она подошла к трупам убитых Авиендой, ее Страж Виталин был рядом с ней. Она покачала головой. — Духара и Фалион. Стали Повелителями Ужаса -

— Есть разница между Повелителями Ужаса и Черной Айя? — спросила Эмис.

— Конечно, — спокойным тоном сказала Сарен.

Поблизости, другие все еще держались за Единую Силу, ожидая следующую атаку.

Авиенда не думала, что она последует, так как услышала такой

вздох потрясения, почувствовала такую панику в способе побега последней женщины — самой сильной из трех. Возможно, она не ожидала такого мощного сопротивления так скоро.

Сарин ткнула руку, которая принадлежала Фалион.

— Лучше было бы взять их живыми для допроса. Уверена, мы могли бы узнать личность той третьей женщины. Кто-нибудь опознал ее?

Члены группы покачали головами.

— Ее нет в списке Черной Айи, кто сбежал, — сказала Сарин, беря под руку своего Стража. — У нее

было характерное лицо, напоминающее луковицу и лишенное какой-либо привлекательности. Уверена, я бы запомнила ее.

— Она была сильна, — сказала Авиенда. — Очень сильна. — Аийлка должна была предполагать, что это одна из Отрекшихся. Но это определенно была не Могидин, и описание не подходило под Грендаль.

— Мы разделимся на три круга, — сказала Авиенда. — Бера возглавит один из них, Эмис и я другие. Да, мы можем сделать сейчас круги больше, чем по тринадцать, но это выглядит напрасной тратой. Я не нуждаюсь в такой мощи, чтобы убивать. Одна из наших групп

атакует Троллоков внизу. Другие две не будут направлять и спрячутся поблизости, наблюдая. Таким образом, мы можем вынудить вражескую направляющую предположить, что у нас все еще один большой круг, и два других ударят ее с обеих сторон, когда она пойдет в атаку.

— Эмис улыбнулась. Она узнала в этом основную тактику, применяемую Девами в рейдах. Казалось, она не особенно расстроена тем, что подчиняется приказам Авиенды, сейчас то раздражение на наглость Ранда утихло. На самом деле. она и другие четыре Хранительницы Мудрости

выглядели гордыми.

Пока команда Авиенда выполняла приказ, она чувствовала больше плетений на поле боя. Кадсуане и тем, кто последовал за ней, нравилось считать себя вне приказов Ранда. Они сражались, в то время как другая группа Айз Седай и Аша'манов держала ворота открытыми, чтобы провести через них Доманийскую и Тайренскую армии.

Слишком много людей направляли вокруг. Возрастала сложность в указании атаки одного из Отрекшихся.

— Нам нужно устроить площадки для Перемещений, —

сказала Авиенда. — Сохранять строгий контроль за теми, кто и куда собирается Переместиться. Таким образом, мы сможем сразу же сказать, все ли правильно, когда почувствуем, что кто-то направляет. — Она подняла руку к голове. Организовать это выглядит очень не простым делом. Рядом у Эмис улыбка стала шире. Ты командуешь сейчас, Авиенда, казалось, говорила эта улыбка. И головная боль командования — это твоё испытание.

Ранд Ал'Тор, Дракон Возрождённый, отвернулся от Авиенды и оставил её и Итуралде с их битвой. У него были другие, к

кому присоединиться.

Наконец, время пришло.

Он приблизился к основанию горы Шайол Гул. Выше, черная дыра пряталась в склоне горы, единственный способ достигнуть Бездны Рока. Морейн присоединилась к нему, ее шаль слегка колебалась, ее синяя бахрома трепетала на ветру.

— Помните. Это не Скважина, это не тюрьма Темного. Это — просто место, где его прикосновение к миру является самым сильным. Он контролирует это место.

— Сейчас он касается самого мира, в той или иной степени, — сказал Ранд.

— И поэтому его касание в этом месте будет сильнее.

Ранд кивнул, положив свою руку на кинжал, который он носил на своем поясе. Не направляйте, пока мы не нападаем на самого Темного. Если возможно, я бы избежал сражения как тогда, когда мы очищали Источник. То, что грядет, потребует всей моей силы.

Найнив кивнула. Она носила свои драгоценности ангриал и тер'ангриал поверх желтого платья, намного более красивого, чем она могла бы когда-либо позволить себе в течение жизни в Двуречье. Она казалась ему странной без своей косы, ее волосы теперь доходили

только до плеч. Она казалась старше. Этого не должно было быть. Коса была символом возраста и зрелости в Двуречье. Почему Найнив выглядит более старше без нее?

Том шел около Ранда, смотря искоса на отверстие в скале.

— Я подозреваю, что не вхожу с Вами.

Морейн посмотрела на него, поджав губы.

— Кто-то должен будет охранять вход в пещеру, моя жена — сказал Том. — У того выступа, там прямо около входа, есть превосходный вид на поле битвы. Я могу смотреть на сражение ниже, возможно составлю хорошую балладу или две.

Ранд улыбнулся искре юмора в глазах Тома. Они стояли на краю самого времени, и всё равно Том Меррилин нашёл место для улыбки.

Выше их вращались темные облака, пик Шайол Гул был их осью. Тьма снизошла на солнце, почти полностью его поглотив, скрыв целиком, до полного забвения.

Армия Ранда остановилась, смотря с ужасом на небо, и даже троллоки замерли, рыча и крича. Но поскольку солнце медленно появлялось из своего плена, жестокое сражение возобновилось ниже в долине. Это объявило о его намерениях, но кинжал оградит его от глаз Темного. По воле Света,

лидеры Тени сосредоточились бы на сражении и предположили бы, что Ранд будет ждать его завершения перед нанесением удара.

— Сейчас? — спросила Найнив, глядя на узкий каменный проход к Скважине.

Ранд кивнул и пошел вперед. Ветер поднялся, бросаясь на четверку людей, когда они поднялись на тропу. Он выбрал свою одежду сознательно. Его красное пальто, вышитое длинными колючками шиповника на рукавах и золотыми цаплями на воротнике, было близнецом другого, которое по средству Морейн, он получил в Фал Дара. Белая рубашка, зашнурованная

на груди была сделана в Двуречье. Калландор на его спине, меч Ламана у его бедра. Прошло много времени с тех пор, как он решил носить это, и это вызывало соответствующее чувство.

Ветры ударили его, угрожая сбросить его с высоты. Он все равно двигался вперед, поднимаясь на крутой холм, стиснув зубы от боли в его боку. Время, казалось, имело меньшее значение здесь, и он чувствовал себя, как будто он шел в течение многих дней, когда в конце он достиг плоского основания перед пещерой. Он повернулся, опираясь одной рукой на скалу перед открытой утробой пещеры, и посмотрел на

долину.

Его силы в ущелье казались такими хрупкими, такими незначительными. Будут ли они в состоянии удерживать его достаточно долго?

— Ранд... — беря его за руку, сказала Найнив. — Возможно тебе следует отдохнуть.

Он посмотрел вниз на свой бок, проследив за ее взглядом. Его рана, старая рана, снова открылась. Он чувствовал кровь в своих сапогах. Она стекала вниз по боку, по ноге, и когда он переставлял ногу, он отставлял под ней кровавый след.

Кровь на скалах...

Найнив подняла руку ко рту.

— Это случилось, Найнив, — сказал Ранд. — Ты не можешь остановить это. Пророчества ничего не говорят о том, что я переживу это. Я всегда находил это странным, не правда ли? Почему они говорят о крови, но не о том, что придёт после? — Он покачал головой, потом вытащил Калландор из ножен. — Морейн, Найнив, предоставите ли вы мне свою силу и присоединитесь ли ко мне в круге?

— Желаешь ли ты чтобы одна из нас вела, — колеблясь спросила Морейн, — так ты сможешь использовать его безопасно?

— Я не планирую пребывать в безопасности, — сказал Ранд. —

Круг, пожалуйста.

Две женщины обменялись взглядом. Пока он возглавлял круг, кто-то другой мог ударить и захватить контроль над ним. Очевидно, ни кому не понравился запрос. Он не был уверен, должен ли он радоваться, что двое из них начали действовать сообща — возможно, вместо этого, ему следует волноваться, чтобы они не объединились против него.

Это выглядело как мысли о простых временах. Прошедших временах. Он криво улыбнулся, но знал, что улыбка не коснулась его глаз. Морейн и Найнив отдали ему свою силу, и он принял ее. Том

поцеловал Морейн, затем они повернулись, разглядывая отверстие перед ними. Оно вела вниз, прямо к основанию горы, и огненную яму, которая была самым ближайшим местом к узилищу Темного, которую знал этот мир.

Тени от вернувшегося солнечного света лежали вокруг входа в пещеру. Ветер набрасывался на него, ногам было тепло от его собственной крови. Я не выйду живым из этой ямы, подумал он.

Но ему уже давно было все равно, выживет он или нет.

Главная его мысль — все ли он сделал правильно? Пришло ли время действовать? Достаточно ли хорошо

он все спланировал? Он обязан был сделать все правильно!

— ВРЕМЯ ПРИШЛО.
ДАВАЙТЕ СДЕЛАЕМ ДЕЛО.

Голос говорил с неизбежностью землетрясения, слова вибрировали в нём. Больше чем звук в воздухе, намного больше, слова, как будто говорились от одной души другой. Морейн ахнула, широко распахивая глаза.

Ранд не был удивлен. Он слышал этот голос раньше, и осознавал, что ожидал его. Надеялся на него, как минимум.

— Спасибо, — прошептал Ранд, затем шагнул вперед, в реальность Тёмного, оставляя за собой кровавые

следы.

Глава 24

Игнорируя Знамения

Фортуона, Императрица Империи Шончан, изучала своего мужа, пока он отдавал приказы её войскам. Они собрались снаружи дворца в Эбу Дар, и она самолично восседала на сложном мобильном престоле, оснащённом жердями в нижней части, таким образом, чтобы его могла нести дюжина солдат.

Трон представлял ее великолепие, но также и давал

иллюзию неподвижности. Убийцы могли предположить, что она не смогла бы двигаться быстро, нося свои формальные шелка, ее платье, драпированное вниз спереди и ниспадающее к земле. Они были бы удивлены, тому, что она могла освободиться от внешних предметов одежды щелкнув у запястья.

— Он изменился, Ваше величество, — сказал ей Беслан. — И в то же время нет. Я уже не знаю, что и думать.

— Он то, что послало нам Колесо, — ответила Фортуона. — Вы уже решили, что будете делать?

Беслан смотрел вперед. Он был порывистым, часто управляемый

своими эмоциями, но не больше, чем другие Алтарцы. Они были страстные люди, и были прекрасным дополнением к Империи, даже теперь, когда их должным образом приручили.

— Я сделаю так, как было предложено, — сказал Беслан краснея.

— Мудро, — сказала Фортуона.

— Да стоит Трон вечно-, сказал Беслан. — И пусть ваше дыхание длиться вечно. — Он поклонился, чтобы сделать все, как надо. Фортуона могла идти на войну, но это были земли Беслана, и он должен был управлять страной. Он настолько хотел быть частью сражения, но

теперь он понял, что он нужен здесь.

Селусия смотрела ему вслед, кивая в знак одобрения. "Он стал сильным активом, научившись надлежащей сдержанности," - заметила она.

Фортуона ничего не сказала. Жесты Селусии несли скрытый смысл, который Фортуона пропустила бы, если бы не их долгое общение. Беслан был обучен. Но прочие люди, однако...

Мэт начал проклипать близкий шторм, собравшись с командирами Шончан. Она не могла услышать точно, что вывело его. Что она наделала, связав себя с ним?

"Я следовала знамениям",

подумала она

Она поймала его взгляд к ней, прежде чем он вернулся к своему бреду. Он должен учиться сдержанности, но учить его ... было бы трудно. Гораздо труднее было, чем обучение Беслана. По крайней мере, Селусия не говорила с нею осуждая вслух. Женщина была теперь Говорящая Правду Фортуоны, хотя Фортуна чувствовала, что Селусия находила скользким свое место. Она предпочла бы остаться только Голосом Фортуоны. Возможно, приметы показали бы Фортуоне кого-то другого соответствующего, как Говорящего Правду.

— Мы и правда будем делать то,

что он говорит? — вздохнула Селусия.

"Этот мир хаоса," Фортуона отправила в ответ. Не прямой ответ. На данный момент, она не хотела давать прямые ответы, Селусия бы разгадала смысл.

Шончан обычно говорят: "да живет она вечно" по отношению к Императрице. Для некоторых это была банальность или простые слова преданности. Фортуона всегда видела большее в этом. Эта фраза заключала в себе силу Империи. Императрица должна была быть хитрой, сильной и искусной, если она хотела выжить. Только самая искусшенная имела право сидеть на

Хрустальном Троне. Если кому-нибудь из ее родных братьев и сестер, или Высокородных, как Галган, удалось бы убить ее, тогда ее смерть послужила бы Империи — для нее она была бы слишком слабой, как лидер.

Да живет она вечно. Да будет она достаточно сильна, чтобы жить вечно. Да будет она достаточно сильна, что привести нас к победе. Она должна принести порядок в этот мир. Это было ее целью.

Мэтрим прошествовал вместе с армией присоединенных земель, проходя в десяти шагах от трона Фортуоны. Он носил форму высшего имперского генерала, хоть и не очень

хорошо. Непредусмотренные мелкие детали одежды все же присутствовали. Регалии верховного генерала предназначались для придания их носителю властности, и изящества, когда одежды колыхались в ответ на осторожные движения. На Мэтриме они выглядели шелковой оберткой на беговой лошади, ожидающей скачки. У него была своего рода изысканность, но никак не соответствующая дворянину.

Командиры меньших чинов следовали за ним. Мэт сбивал с толку Высокородных. Это хорошо, поскольку выбивало их из колеи. Но также вызывало расстройство из-за его непредсказуемых выходов и

постоянных попыток утвердиться во власти. Фортуона представляла собой порядок, а вышла замуж за сам хаос. О чем она думала?

— Но что с Морским Народом, Ваше Высочество? — сказал генерал Юлан, останавливаясь возле Мэтрима напротив Фортуоны

— Хватит беспокоиться о проклятом Морском Народe, — огрызнулся Мэтрим. — Если ты произнесёшь слова "Морской Народ" еще раз, я повешу тебя за ногти к ноге одного из тех ракенов, на которых вы летаете и отправлю его в Шару.

Юлан казалось недоумевал.

— Ваше Высочество, я...

Он замолк, когда Мэт проорал.

— Савара, мы ведем пикинеров, а не кавалерию, дурная обожательница козлов! Мне плевать, что кавалерия думает, будто может лучше выполнить эту работу. Кавалерия всегда так думает! Ты что, проклятая тайренская придворная дама? Я удостою тебя такого титула, если будешь продолжать в том же духе!

Бушуя, Мэтрим направился к Саваре, сидящей на своей лошади, со сложенными руками и неудовольствием на темном лице. Юлан, оставшись позади, выглядел совершенно сбитым с толку.

— Как можно повесить человека

за ногти на ногах? — Спросил Юлан настолько тихо, что Фортуона едва расслышала. — Не думаю, что это возможно. Ногти бы не выдержали. — Он отошел, качая головой.

"В сторону", просигналила Селусия, "Осторожно. Приближается Галган".

Фортуона обратилась в сталь, когда подъехал капитан-генерал Галган. В отличие от Мэта он был одет в черную броню, а не униформу, и носил ее хорошо. Командуя, возвышаясь над всеми, он был ее главным соперником и ее сильнейшим ресурсом. Конечно, любой человек в его положении был

бы соперником. Это было в порядке вещей — естественное положение дел.

Мэтрим никогда не будет конкурентом. Она все еще не знала, что думать об этом. Часть ее, малая, но не без основания, полагала, что она должна убрать его именно по этой причине. Разве не был Принц Воронов проверкой Императрицы, сохраняя ее сильной путем обеспечения постоянной угрозы? Сарабат шайкен най батэйн пяст. Женщина лучше всего проявляет находчивость с ножом у горла. Пословица, сказанная Варуотой, ее пра-пра-прабабушкой.

Ей не хотелось устранять

Мэтрима. Во всяком случае, она не могла, пока не понесет от него ребенка; поступить иначе, значит отвергнуть предзнаменования.

Он был таким странным. Каждый раз когда она думала, что может предвидеть его, она убеждалась в обратном.

— Ваше Величество, — сказал Галган, — мы почти готовы.

— Принц Воронов неудовлетворен задержками, — сказала она. — Он боится, что мы присоединимся к битве слишком поздно.

— Если бы Принц Воронов имел хоть какое-то реальное представление об армиях и полях

сражений, — сказал Галган, его голос показывал, что он не верит в то, что такое возможно, — он бы понимал, что перемещение сил такого размера требует немалых усилий.

До прибытия Мэтрима Галган был самым высокопоставленным среди Высокородных, кроме самой Фортуоны. Ему не понравилось бы быть внезапно потесненным. Пока еще Галган командовал войсками и Фортуона собиралась и дальше предоставлять ему эти полномочия. Ранее, сегодня, Галган спросил у Мэта, как тот будет собирать их силы, и Мэт воспринял вопрос как предложение заняться именно этим.

Принц Воронов расхаживал вокруг, отдавая приказы, но не командовал. Не в полном объеме, Галаган мог остановить его одним словом.

Но он этого не делал. Очевидно, желал увидеть, как Мэт справляется с руководящей должностью. Галган наблюдал за Мэтом, прищурив глаза. Он не вполне понимал, как Принц Воронов вписывается в командную структуру. Фортуоне еще предстоит принять решение по этому поводу.

Неподалеку порыв ветра взвил в воздух облако пыли, обнажая небольшой череп грызуна, торчащий из земли. Еще примета. В последнее время ее жизнь была загромождена ими.

Конечно это был знак опасности. Как если бы она прогуливалась в высокой траве, лавируя между охотящимся лопаром и ямами ловушками для неосторожных. Возрожденный Дракон преклонил колено перед Хрустальным Троном и знамение, самое сильное, что она знала, в виде цветения персикового дерева, сопровождало его.

Войска шли мимо, время от времени офицеры выкрикивали приказы идти в ногу. Казалось, даже раkenы кричат в такт марширующим. Это означало, что она отбывает на не известную войну в едва знакомые ей земли. Ее земли здесь будут

практически беззащитными и командовать будет лишь недавно доказавший свою верность чужестранец.

Великие перемены. Её решение могло окончить её правление и, возможно, разрушить саму Империю. Мэтрим не понимал этого.

"Призови моего супруга", просигналила Фортуона, барабаня по подлокотнику трона.

Селусия огласила приказ посыльному. Спустя некоторое время, на своем коне подъехал Мэт. Он отказался от подарка в виде новой лошади по серьезной причине. Он лучше разбирался в лошадях, чем ее собственный императорский

конюший. Все еще. Типун. Какое глупое имя.

Фортуона встала. Немедленно, все поблизости склонились. Галган спешился и опустился на колени. Все прочие простерлись ниц. Императрица, встающая для провозглашения, означала закон Хрустального Трона.

— Кровь и пепел, — сказал Мэтрим. — Больше поклонов? Вашему народу что, больше нечем заняться? Я могу думать о нескольких дюжинах вещей, если вы не можете.

В стороне она увидела улыбку Галгана. Он думал, что знает, что она собиралась делать. Он ошибался.

— Я именую тебя Нотай, так как ты принесешь разрушение врагам Империи. Пусть твое новое имя говорят отныне и во веки, Нотай. Я провозглашаю, что Нотай, Принц Воронов, возвышается в ранг Маршала наших армий. Пусть это будет оглашено как моя воля.

Маршал. Это значило, что если Галган падёт, Мэт примет командование. Галган больше не улыбался. Он должен был следить, оглядываясь через плечо, чтобы Мэт не одолел его и не взял контроль.

Фортуона села.

— Нотай? — сказал Нотай.

Она взглянула на него.

"Придержи свой язык, хотя бы раз",

мысленно просила она его.
"Пожалуйста".

— Да будет так, — сказал Нотай, поворачивая лошадь и скача рысью прочь.

Галган вернулся в седло.

— Он должен научиться преклонять колени, — пробормотал генерал, затем пришпорил лошадь вперед.

Это было очень маленькое нарушение, преднамеренное и рассчитанное. Галган не адресовал слова к Фортуне непосредственно, вместо этого действуя, как будто они были просто комментарием для себя. Он обошел самый большой запрет.

Этого было достаточно чтобы

заставить Селусию тихо зарычать и её пальцы заизвивались в вопросе.

"Нет", просигналила Фортуона, "он нам нужен".

И опять, Нотай похоже не понимал, что она сделала, и риск последствий этого. Галган должен будет консультироваться с ним в своих планах сражений; Маршал не мог пропускать совещаний, так как он должен был быть готовым взять контроль в любой момент. Галган вынужден будет прислушиваться к его советам и принимать их.

Она сделала ставку в этом вопросе на своего принца, надеясь, что он сможет снова проявить свою неожиданную гениальность в битве,

которая настолько поразила Фурика Карида.

— Это смелый шаг, — сказала Селусия. — Но что если он провалится?

— Мы не провалимся, — ответила Фортуона, — это Последняя Битва.

Узор разместил Нотая перед ней, и толкнул её в его руки. Дракон Возрождённый видел и говорил правду о ней — не смотря на все иллюзии порядка, её правление было подобно тяжелой скале, удерживающей равновесие на своей наименьшей точке. Она растягивалась и истончалась, повелевая землями непривычными к

дисциплине. Она должна предпринять величайший риск, чтобы принести порядок в хаос.

Она надеялась, что Селусия увидит это в ее действиях и публично не осудит ее. Фортуона действительно нуждалась в новом Голосе или назначении кого-то еще Говорящей правду. Иметь одного человека, выполняющего обе обязанности, вызывало упреки во дворе. Это -

Нотай внезапно прискакал назад, держа свою шляпу.

— Туон!

"Почему ему так тяжело понять имена?" спросила Селусия шевеля пальцами. Фортуона могла также

прочитать вздох в этих движениях.

— Нотай? — спросила
Фортуона. — Ты можешь
приблизиться.

— Треклято хорошо, — сказал
Нотай, — так как я уже здесь. Туон,
мы должны выдвигаться немедленно.
Разведчики только что вернулись.
Армия Эгвейн в беде.

Юлан подъехал прямо позади
Нотая, потом спешил и склонился
до земли.

— Поднимись, — сказала
Фортуона. — Это правда?

— Армия марат'дамани
потерпела серьёзное поражение, —
сказал Юлан. — Возвращающиеся
Кулаки Неба опишут это в

подробностях. Армии этой Амерлин рассеяны, в суматохе, и быстро отступают.

Галган остановился неподалёку чтобы принять посыльного, не было сомнений, что он получил похожий отчет. Генерал посмотрел на неё.

— Мы должны выступить, чтобы поддержать отступление Эгвейн, — сказал Нотай. — Я не знаю, каковы полномочия Маршала, но судя по реакции окружающих, я думаю это означает, что я имею контроль над армиями.

— Нет, — сказала Фортуона. — Ты третий. После меня. После Галгана.

— Тогда ты можешь приказать

выступать прямо сейчас, — сказал Нотай. — Мы должны идти! Эгвейн растопчут.

— Как много там марат'дамани? — спросила Фортуона.

— Мы наблюдали за этой армией, — сказал Юлан. — Их сотни. То, что осталось от Белой Башни. Они истощены, гонимые вперед новой силой, которую мы не распознали.

— Туон — предупредил Мэт.

Великие перемены. Так, это было значение пророчеств о Драконе. Фортуона могла налететь и все эти дамани были бы её. Сотни и сотни. С такой силой она сможет

сокрушить сопротивление своему правлению вернувшись в Шончан.

Шла Последняя Битва. Мир висел на её решениях. Было ли действительно лучше поддержать этих марат'дамани в их отчаянной схватке здесь, или ей следует использовать шанс отступить к Шончан, оградить свое правление там, а после уничтожить Троллоков и Тень, мощью Империи?

— Ты дала слово, — мягко сказал Нотай.

— Я подписала соглашение, — сказала она. — Любое соглашение может быть разорвано, особенно Императрицей.

— Некоторые императрицы

возможно могли так поступить, — сказал Нотай. — Но не ты. Верно? Свет, Туон. Ты дала им слово.

Порядок в одной руке — нечто известное, нечто, что можно измерить — хаос в другой. Хаос в виде одноглазого мужчины, который знал лицо Артура Ястребиное Крыло.

Не говорила ли она только что Селусии, что сделает ставку на него?

— Императрица не может быть ограничена словами на бумаге, — сказала Фортуона. — Однако... в этом случае, угроза, из-за которой я подписала соглашение остается, и она реальна. Мы защитим этот мир в его темнейшие дни, и уничтожим Тень на корню. Генерал Галган,

выдвигайте войска на защиту этих марат'дамани, так как они нам понадобятся в битве с Тенью. — Нотай расслабился.

— Хорошо. Юлан, Галган давайте приступим к планированию! И Пошлите за этой женщиной, Тайли. Похоже она единственный треклятый генерал поблизости, у которого есть голова на плечах. И...

Он продолжал говорить, отъезжая, отдавая приказы, которые должен был позволить отдавать Галгану. Генерал с непроницаемым лицом изучал ее, сидя на лошади. Он считал это серьезной ошибкой, но она... на ее стороне были предзнаменования.

Те ужасные черные тучи был спутником Лана слишком долго. Он действительно устал видеть их каждый день, расширяющимися до бесконечности во всех направлениях, грохот грома, как рычание из желудка голодного зверя.

— Облака кажутся ниже сегодня, — сказал Андере, со своего коня рядом с Мандарбом. — Молнии приземляются. Это происходит почти каждый день".

Лан кивнул. Андер был прав; это действительно выглядит плохо. Это ничего не меняло. Агельмар выбрал место для их битвы рядом с рекой, ревущей с западного фланга, используя её, чтобы защитить эту

сторону. Близлежащие холмы предоставили позиции лучникам, и на вершине одного из них ждали Лан и Андер.

Впереди, Троллоки собирались для штурма. Они скоро пойдут в атаку. Поблизости Агельмар расположил в долинах тяжелую кавалерию для фланговых атак как только Троллоки поднимутся, легкая кавалерия позади холмов вступала в бой для поддержки тяжелой кавалерии, когда придет время. Агельмар продолжал ворчать, что у него не было достаточного количества копейщиков, хотя отсутствие пехотинцев, и обеспечивало их успешное

отступление.

"Все, что можно было сделать — сделано" — мрачно подумал Лан, изучая почти безбрежное море Троллоков. Его люди бились аккуратно, убивая Троллоков десятками тысяч, потеряв при этом всего несколько тысяч, оставив Шайнар сожженным, замедляющим продвижение Троллоков. Ничего из этого, казалось, не имело значения.

Они проигрывали в этом сражении. Да, они задержали Троллоков, но не сильно и не на долго. Скоро они будут окружены и уничтожены, без помощи армии Илэйн, которая была не в лучшем положении.

Небо потемнело. Лан резко поднял голову: те тучи все еще были там, но они становились более зловещими. На землю падала глубокая тень.

— Проклятье, — произнес Андер, глядя вверх. — Мог ли Темный как-то поглотить солнце? Теперь нам придется биться вместе с фонарями, хотя сейчас середина дня.

Лан положил руку на грудь: под броней, рядом с сердцем, лежало письмо Найнив. "Свет! Пусть ее сражение окажется удачнее, чем мое собственное". Ранее сегодня, она и Ранд вошли в Бездну Рока.

По всему полю боя уставшие направляющие, отводя взгляд от

ужасающего темного неба, начали освещать битву. Это не сильно помогало, но это стоило сделать. Но затем тьма отступила, и дневной свет вернулся, тучи стали обычными.

— Собрать Высшую Гвардию Малкири, — сказал Лан. Это были его телохранители, назвавшие так себя. Это было старое название в Малкири для Королевских телохранителей на поле боя. Лан не знал, что делать с тем, что Принц Кайсель, который был родом из Кандора, считал себя одним из них.

Многие малкири Лана имели очень мало от настоящей крови Малкир — они пришли к нему больше за честью, чем за чем то

другим. Принц был другим вопросом. Лан спрашивал его и его компаньонов должны ли они были приносить клятву иностранному королю, не важно насколько он им был дружественен.

Единственный полученный им ответ был,

— Малкир представляют Порубежье в этой войне, Дай Шан.

Молния сверкнула совсем рядом; удар грома обрушился на Лана словно нечто материальное. Мандарб едва шевельнулся. Животное было приучено к таким ударам. Высшая Гвардия собралась, и Андер взял знамя Лана, поставил его в гнездо на седле так, чтобы он мог нести его и

вместе с тем сражаться мечом.

Их колонны прибыли от Агельмара. Лану и его людям следовало бы быть в самой гуще атаки. Раз спущенная, тяжелая кавалерия сметет фланги Троллоков в один момент. Лану и его людям оставалось нанести удар в лицо врагу.

Так предпочел бы действовать Лан. Но Агельмар имел свое видение сражения и не собирался поступать так. Лан и его войска должны удерживать центр поля перед холмами, связывая Троллоков, чтобы лучники позади могли атаковать частыми залпами. Измотанные войска в основном будут

удерживаться в резерве мешая вражеским силам у правого фланга. Река на левом фланге служила естественным сдерживающим фактором для Троллоков. Хороший план, если какой-либо план можно считать хорошим, учитывая столь превосходящие силы противника. Тем не менее, Агельмар не делал ошибок, которые мог бы увидеть Лан. Он жаловался на плохие сны в последнее время, но, учитывая какую войну они вели, Лан больше бы беспокоился, если бы ему не снились смерти и сражения.

Троллоки начали движение.

— Вперёд! — воззвал Лан как только в воздухе зазвучали трубы,

аккомпанируя буре свыше.

Илэйн проезжала на Лунной Тени вдоль линии фронта недалеко от стен Кайриэна. Армия стояла в соответствии с планами Башира, но она все еще волновалась.

Они сделали это. Быстрый марш вверх по реке вдоль дороги, чтобы подойти к Кайриэну перед Троллоковой армией. Илэйн расположила свои силы далеко на северной стороне Кайриэна фронтом к Троллокам, которые ближе всего от этого направления. Она также оставила несколько драконов и группу лучников ниже по реке, чтобы удержать Троллоков, которые попытаются пересечь реку там. Они

сразу же отступят на север, как только станет невозможным дальнейший отпор врагу.

Нанести удар по армии впереди, затем по армии, что позади. Это был их единственный шанс. Родня была изнурена. Илэйн требовались множество врат, чтобы перемещать ее людей. Их усталость означает, что у Илэйн не было направляющих в этом сражении. Женщины не могли сделать даже небольшие врата в Майен, чтобы отправить раненых для Исцеления.

Армия Илэйн была чуть больше, чем армия Тени, но ее люди были на грани своих возможностей. На фоне тревог о грядущем сражении,

некоторые ломали свои линии, опрокидывания вперед пики. Те, кто более-менее стоял, имели покрасневшие глаза. Но по-прежнему были драконы Алудры. Этого должно быть достаточно.

Илэйн не спала этой ночью. Она потратила время на поиск вдохновляющих слов, слов, которые могли бы что-то значить в этот день. Но что вы скажете, когда все подойдет к концу?

Она остановила Лунную Тень впереди от линии солдат Андора. Ее слова будут услышаны всей армией с помощью плетения. Илэйн была удивлена, увидев, что некоторые Айил потянулись ближе, чтобы

услышать. Она не думала, что они будут заботиться о том, чтобы услышать слова королевы мокроземцев.

Только она открыла рот, чтобы произнести речь, как вдруг погасло солнце.

Илэйн застыла, шокировано глядя вверх. Облака разошлись над ними — они часто так делали, когда она была рядом: один из способов проявления связи с Рандом. И поэтому она ожидала открытое небо и свет для этого боя.

Солнце все еще светило в вышине, но было чем-то закрыто. Что-то твердое и темное находилось перед ним.

Дрожь прошла по ее армии, мужчины смотрели вверх, поднимая ладони, поскольку их поглощала темнота. Свет! Было трудно удержаться от дрожи.

Она слышала выкрики из рядов солдат. Жалобы, беспокойство, крики отчаяния. Илэйн собрала всю свою уверенность и послала свою лошадь вперед.

— Это место, — объявила она, повышая свой голос с помощью Единой Силы над полем, — Где, я обещаю вам, мы победим. Здесь решится судьба мира, и продолжатся дни, и возродится земля. Это время когда, я обещаю вам, вернется свет, воскреснет надежда и мы

продолжим жить.

Она помолчала. Позади армии, на верхней части городских стен Кайриэна, выстроились люди: дети, женщины и пожилые люди, которые были вооружены кухонными ножами и горшками, которые можно сбрасывать со стен на врага, если Троллоки уничтожат армию и войдут в город. Едва ли хватало времени, чтобы связаться с ними; город охраняли солдаты, которые более походили на скелеты. Теперь, когда тьма поглотила небо, их далекие фигуры ютились внизу.

Эти стены создавали видимость защиты. Они мало что значили, когда врагами были Повелители Ужаса. Ей

нужно победить армию Троллоков быстро, не скрываясь и не позволяя им соединиться с большими силами на юге.

— Предполагается, что я должна успокоить и уверить вас, что все будет хорошо, — голос Илэйн громко разнесся над полем. — Но я не могу и не буду. Я не скажу вам, что земля выживет и Свет воссияет вновь. Ведь сказав так, я сниму с нас ответственность за будущее.

— Это наш долг! Наша кровь, которая прольется в этот день. Мы пришли сюда, чтобы бороться. Если этого не сделать, то земля умрет! Свет померкнет перед Тенью. Это не день для пустых обещаний. Наша

кровь! Наша кровь бурлит огнем
внутри нас! Сегодня наша кровь
должна направлять нас, чтобы
победить Тень!

Она развернула свою лошадь.
Люди перевели взгляд от тьмы
наверху на нее. Она сплетала свет
высоко в небе над ней, обращая их
внимание.

— Наша кровь — это наша
страсть, — закричала она. —
Слишком часто я слышу от своих
армий о необходимости стоять,
сопротивляться. Но мы не можем
просто оказывать сопротивление!
Мы должны показать им наш гнев,
нашу ярость, за то, что они сделали.
Мы не должны просто

сопротивляться. Сегодня мы должны уничтожать!

— Наша кровь — это наша земля. Это наше место, и мы требуем его! Для наших отцов и матерей, для наших детей.

— Наша кровь — это наша жизнь. Мы пришли, чтобы отдать ее. По всему миру другие наши армии отступают. Но мы не будем отступать. Наша задача — пролить свою кровь, умереть, продвигаясь. Мы не будем спокойно стоять на месте, нет!

— Если мы хотим иметь Свет снова, мы должны сделать это сами! Мы должны вернуть его и изгнать Темного! Он хочет, чтобы вы

отчаялись, чтобы выиграть эту битву, не начав ее. Мы не предоставим ему такого удовольствия! Мы уничтожим эту армию перед нами, а затем уничтожим еще одну позади. И отсюда мы принесем нашу кровь — нашу жизнь, наш огонь, нашу страсть — остальным, кто сражается. Отсюда распространится победа и Свет!

Она, честно говоря, не знала какой реакции ожидать на речь перед боем. Она прочла все великие речи, особенно те, которые давали королевы Андора. Когда она была младше, она воображала, что солдаты будут хлопать и кричать — ответ, даваемый менестрелю в шумной

таверне.

Вместо этого мужчины подняли оружие к ней. Обнажили мечи, подняли пики, а затем ударили ими о землю. Айил издали несколько возгласов, но андорцы смотрели на нее торжественными взглядами. Она вдохновила их не к волнению, но к решимости. Это казалось более честной эмоцией. Они проигнорировали темноту в небе и повернули взгляды на цель.

Бергитте прошла перед её лошадью.

— Это было неплохо, Илэйн. Когда ты её изменила?

Илэйн покраснела, думая о тщательно подготовленной речи,

которую она запомнила прошлой ночью, пока повторяла её с полдюжины раз Бергитте. Это была красивая работа, с намеками на высказывания королев из разных веков.

Она забыла каждое слово той речи, когда пришла темнота. Эта речь хлынула из нее взамен.

— Пошли, — сказала Илэйн, глядя через её плечо. Армия троллоков прибывала напротив неё. — Мне нужно двигаться на позицию.

— На позицию? — спросила Бергитте. — Ты имела ввиду, что тебе нужно вернуться в командный шатер.

— Я не пойду туда, — сказала Илэйн, поворачивая Лунную Тень.

— Кровь и проклятый пепел, ты не можешь! Я...

— Бергитте! — резко оборвала её Илэйн. — Я командую и ты мой солдат. Ты будешь подчиняться.

Бергитте отпрянула, как будто её ударили.

— Командный шатер у Башира, — сказала Илэйн. — Я одна из немногих направляющих любой силы, которые есть у этой армии, и я буду выжата и четвертована прежде чем позволю себе присесть в этой битве. Я стою тысячи солдат на этом поле боя.

— Малыши...

— Даже если бы у Мин не было того видения, я всё равно бы настаивала на участии в бою. Ты думаешь дети этих солдат не подвергаются риску? Многие из них за стенами этого города! Если мы потерпим поражение здесь, они будут убиты. Нет, я не буду держаться в безопасности, и нет, я не буду сидеть и ждать. Если ты думаешь, что твоя обязанность, как моего Стража, остановить меня, то я разорву к чертям эти узы прямо здесь и сейчас и отправлю тебе к комунибудь ещё! Я не собираюсь провести Последнюю Битву, развалившись в шезлонге и попивая козье молоко!

Бергитте затихла, и Илэйн смогла почувствовать её шок через узы.

— Свет, — наконец сказала женщина. — Я не буду тебя останавливать. Но ты, по крайней мере, согласна вернуться назад при первых залпах лучников? Ты можешь сделать больше добра, помогая тем направлениям, где они ослаблены.

Она позволила Бергитте и ее охранникам идти впереди на обратном пути к склону холма возле драконов Алудры. Талманес, Алудра и их команды ждали с большим беспокойством и рвением, чем регулярные войска. Они тоже были уставшими, но их мало использовали

в лесных сражениях и при отступлении. Сегодня был их шанс проявить себя.

План сражения Башира был таким же сложным, как и любой другой, частью которого бывала Илэйн. Большая часть армии располагалась почти в миле к северу от города, за развалинами Слободы снаружи городских стен. Линии армии бежали на восток от Алгуэньи, через склон холма, который спускался по подъездной дороге к Джангайским воротам на равнины, по пути к руинам района Иллюминаторов.

Ряды пехоты — главным образом Андорцев и Кайриэнцев, но

также немного Гаэлданцев и Белоплащников — стояли в резерве в виде полумесяца позади передних сил Илэйн. Шесть подразделений драконов развернулись на холме позади пехоты.

Троллоки не смогут добраться до города не разбив эту армию. Истин с кавалерией Отряда был на одном фланге, а Майенская Крылатая Гвардия прикрывала другой. Остальная кавалерия находилась в резерве.

Илэйн терпеливо ждала, наблюдая за подготовкой армии Троллоков. Более всего ее беспокоило бы то, что они просто сидели бы там, ожидая подкрепления

от армии Троллоков, идущей с юга, а затем атаковали бы Илэйн одновременно. К счастью, этого не произошло. Очевидно, им было приказано взять город, и они планируют сделать это.

Отчеты разведчиков Башира указывали на то, что вторая армия была немногим далее одного дня пути маршем, и могла опоздать еще, если марш замедлится. У Илэйн было время, чтобы разбить эту северную армию.

"Идите", думала Илэйн. "Двигайтесь".

Троллоки, наконец, ринулись в атаку. Башир и Илэйн рассчитывали, что те будут использовать свою

обычную тактику: подавляющее большинство и грубая сила. Действительно, сегодня Троллоки растянулись огромной массой впереди. Их целью было сокрушить защитников, разрушая их строй.

Её войска твердо стояли, зная, что будет потом. Драконы взревели, каждый как множество молотов, падающих в один и тот же момент. Илэйн была теперь в доброй сотне шагов от них, и тем не менее ей хотелось прикрыть свои уши. Вращающиеся облака белого дыма начали заполнять небо над драконами, когда те стреляли.

Первые несколько выстрелов были неудачными, но Алудра и ее

мужчины использовали выстрелы, чтобы пристреляться. После этого ядра упали среди троллоков, прорывающихся через ряды, подбрасывая их в воздух. Тысячи частей тел упали на темно-красную забрызганную землю. Впервые, Илэйн была напугана оружием.

Свет, Бергитте была все время права, думала Илэйн, представляя какого было бы брать укрепленную позицию, снаряженную драконами. Обычно, во время войны, человек мог зависеть по крайней мере от одной вещи: что его умения будут противопоставлены умениям его врага. Меч против меча. Троллоки были достаточно плохими. Какого

будет для людей встретиться с таким видом мощи?

"Мы должны убедиться, чтобы этого не случилось", сказала она себе. "Ранд был прав, принудив их к миру между собой"

Драконеры были хорошо обучены и скорость их перезарядки была впечатляющей. Каждый расчёт произвел по три залпа по Троллокам перед тем как они ударили передние шеренги. Илэйн не следила за обменом стрелами — она была слишком сосредоточена на драконах — но она видела, что некоторые из её шеренг были поражены стрелами с черным оперением, и люди были повержены и истекали кровью.

Троллоки врезались в передние шеренги её арбалетчиков и пикинёров, которые уже отходили назад, освобождая дорогу алебардщикам. Никто не использовал мечи и булавы против Троллоков, по крайней мере, не когда были пешими, так как это бы не помогло им.

— Выдвигаемся, — сказала Илэйн, ведя Лунную Тень вперёд.

Бергитте следовала за ней; Илэйн могла чувствовать неохотное смирение женщины. Они спустились с холма, через несколько резервных подразделений и вступили в бой.

Родел Итуралде уже почти забыл, что значит иметь достаточные

ресурсы под своим командованием.

Прошло некоторое время с тех пор, как он командовал легионами людей и полными знамёнами лучников. В этот раз его люди не были полуголодными, и целители, изготовители стрел и хорошие кузнецы были готовы восстанавливать его воинов и вооружение по ночам. Что за чудо было иметь возможность попросить что то — не важно насколько необычное — и иметь это наеденным и принесенным к нему, часто в течение часа!

Он по-прежнему проигрывал. Он столкнулся с бесчисленным множеством врагов, Повелители

Ужаса десятками и даже некоторые из Отрекшихся. Он привел свои силы в этой тупиковую долину, захватив жемчужину земель Темного, его скамейку для ног, черную гору. А теперь само солнце ушло, хотя Айз Седай сказали, что это пройдет.

Итуралде пыхал своей трубкой, пока ехал на своей лошади вдоль хребта, который ограничивал долину с севера. Да, он проигрывает. Но с этими ресурсами, он сделает это со стилем.

Он следовал вдоль горного хребта, достигнув точки выше прохода в Такан'дар. Долина, глубоко в сердце Выжженных Земель, бежала с востока на запад с Шайол Гул с

западной стороны и проходом на востоке. Можно было достигнуть этой точки только после многих часов очень трудного восхождения — или одним быстрым шагом через врата. Удобно, что ж. Это место идеально подходило для наблюдения за его обороной.

Проход в Шайол Гул походил на большой прорезанный каньон, вершина которого была абсолютно недоступна с восточной стороны кроме как через врата. С вратами он мог достигнуть вершины и посмотреть вниз в каньон, который был, возможно, достаточно широк, чтобы пятьдесят человек могли прошагать плечом к плечу.

Прекрасное бутылочное горлышко. И он мог поместить лучников здесь на вершине, чтобы стрелять вниз в тех, кто идет через проход.

Солнце наконец-то разгоралось из темноты в вышине, как капля расплавленной стали. Значит, Айз Седай были правы. Тем не менее, закрученные черные грозовые тучи развернулись обратно, как будто поглощая все небо.

Поскольку Шайол Гул лежал в Запустении, воздух был достаточно холодным, что Итуралде одел шерстяной зимний плащ и его дыхание было белым перед ним. Туман висел над долиной, тоньше, чем он был, когда работали кузницы.

Он покинул вход в каньон и вернулся к группе людей, которые пришли с ним. Ищущие Ветер и другие высокопоставленные Морского Народа стояли в длинных плащах, что они-хищно, конечно, сторговали на севере до прихода. Яркая одежда выглядывала с под них. Это, и множество украшений на их лицах, казалось странным на фоне скучной коричневой шерсти.

Итуралде был Доманийцем. У него было более сотни сделок с Морским Народом, если они окажутся даже половину цепкими в бою, как они есть в переговорах, он действительно будет счастлив, чтобы иметь их у себя. Они настаивали на

том, чтобы пойти с ним сюда к хребту, чтобы они смогли обследовать долину и проход к ней.

Женщина, стоявшая впереди, была самой Госпожой Кораблей, Зайда дин Парид Черное крыло. Невысокого роста, с темной кожей и короткими волосами с проседью.

— Ищущие Ветер сообщают тебе, Родел Итуральде, — сказала она. — Наступление началось.

— Атака?

— Приносящий Ветры, — сказала Зайда, глядя в небо, где темные тучи грохотали и вспенивались. — Отец Штормов. Он уничтожит тебя силой своего гнева.

— Ваш народ может управлять

этим, правда?

— Ищущие Ветер уже противостояли ему с мощью Чаши Ветров, — сказала Заида, — Если бы не мы, он бы уже уничтожил нас всех этой бурей.

Она по-прежнему смотрела на небо, как многие ее сопровождающие. Здесь было только Морского Народа около сотни возле него, не считая Ищущих Ветер. Большинство из оставшихся работали с командами обеспечения, поставляя стрелы, пищу и другое снаряжение для четырёх фронтов. Они выглядели частично заинтересованными паровыми повозками, хотя Итуралде не мог понять, почему. Устройства не

могли составить достойную конкуренцию лошадям.

— Противостояние самому Тёмному, порыв за порывом, — сказала Зайда. — Мы будем петь в этот день, — она посмотрела на Итуралде, — Ты должен защитить Корамура, — сказала она непреклонно, как если бы ругала его.

— Я сделаю свою часть, — продолжая свой путь, сказал Итуралде. — Просто сделайте вашу.

— Эта сделка была заключена давно, Родел Итуралде, — крикнула она ему вслед.

Он кивнул, продолжая идти вдоль по хребту. Часовые салютовали, когда он проходил мимо.

Ну, те, которые не были Айил. У него было много Айил здесь вверху, где они смогли бы использовать свои луки. Он поставил большинство своих тайренцев внизу, где их пики и алебарды были бы использованы по максимуму. Они будут сдерживать путь в Шайол Гул.

Задул далёкий Айильский горн; сигнал от одного из разведчиков. Троллоки вступили в проход. Время пришло.

Он поскакал назад вдоль хребта по направлению к долине, сопровождаемый другими командирами и королем Алсаламом. Когда они достигли точки, где он установил свой первый

наблюдательный пункт, удобную позицию, откуда он мог видеть мили вокруг перевала, Итуралде вытащил свою подзорную трубу.

Тень двинулась туда. Он мог понять в эти моменты Тролlochьи орды, направленные вперед, забитые до иступления. На мгновение, он вернулся в Марадон, наблюдая, как его люди — хорошие люди — падают один за другим. Переполненные укрепления на возвышенностях, снесенные на улицах города. Взрыв на стене.

Отчаянный акт после отчаянного поступка. Убивать так много как мог, как испуганный человек, окруженный волками, перед

тем как они разорвут его на куски, надеясь, что хотя бы один из них канет вместе с ним во тьму.

Его рука, держащая подозрную трубу, задрожала. Он заставил себя вернуться в настоящее и его текущую задачу. Такое чувство, как будто он сражался, проигрывая битвы всю свою жизнь. Это принесло потери. Ночью, он слышал приближающихся Троллоков.

Фыркающих, нюхающих воздух, стучащих копытами по мостовой. Воспоминания из Марадона.

— Спокойно, старый друг, — сказал король Алсалам, скачущий верхом рядом с ним. У короля был успокаивающий голос. Он всегда был

в состоянии умиротворять других. Итуралде был уверен, что купцы Арад Домана выбрали его именно по этой причине. Давление может быть очень сильным, когда дело касается торговли или войны. Доманийцы рассматривали это, как одно и то же. Но Алсалам... Он мог успокоить самого сумасшедшего купца, который только что потерял весь свой флот в море.

Итуралде кивнул. Защита этой долины. Он должен сосредоточиться на защите этой долины. Он удержится, не даст Троллокам вырваться из перевала в Такан'дар. Спали его Свет, он будет держаться месяцами, если Возрожденный

Дракон нуждается в этом. Каждое другое сражение — каждая битва, в которой сразились люди, и сражались — была бы бессмысленна, если Итуралде проиграет здесь. Пришло время, чтобы использовать каждую уловку, которую он знал, каждую стратегию последнего, отчаянного усилия. Здесь, каждое мгновение задержки позволит Ранду ал'Тору выиграть время, которое ему необходимо.

— Напомните людям оставаться на местах внизу, — сказал Итуралде, наблюдая в свою трубу. — Приготовьте брёвна.

Посыльные отправились передавать приказы, проходя через

Врата к своим подразделениям. Ужасающая армия троллоков продолжала продвигаться вперед, громко шумя и держа свои громадные мечи, скрюченные алебарды и крюки, чтобы стягивать с седел всадников. Меж облаков сверкнула молния.

"Сначала брёвна", думал Итуралде.

Как Троллоки достигли середины перевала, Айил на обеих склонах развязали штабели из смазанных маслом стволов деревьев — сейчас было так много мертвых деревьев в лесах, что Итуралде мог без проблем добывать их через врата — и подожгли их.

Сотни горящих бревен с двух сторон покатились вниз, врезаясь в троллочьи ряды, поджигая все на своем пути. Чудовища кричали, выли, хрипели, в надежде устремляясь в проход, который для них оставили. Итуральде поднял свою смотровую трубу, наблюдая за ними и чувствуя дикое удовлетворение.

Это было что-то новенькое. Никогда прежде он еще не чувствовал удовлетворение, видя смерть своего врага. О, конечно, он был доволен, когда план срабатывал. И, по правде говоря, цель любого сражения — увидеть, что противник мертв, а твои люди живы — но никак не наслаждение от увиденного. И

чем дольше ты сражаешься, тем больше ты видишь, что враг похож на тебя самого. Знамена другие, а ряды и шеренги — те же самые. Они также хотели выиграть, но обычно они были более заинтересованы хорошей кормежкой, одеялом, чтобы поспать и обувью без дыр.

Это было совсем другое. Итуралде хотел видеть этих тварей мертвыми. Он жаждал этого. Без них ему больше не придется страдать от кошмаров Марадона. Без них, его руки не будут дрожать, при звуках рога войны. Они разрушили его.

Он разрушит их в ответ.

Троллоки проталкивались
сквозь нагромождение бревен с

большим трудом. Большинство из них были подожжены, и Мурдраал должен был хлестать их кнутом, чтобы заставить продолжать движение. Многие, казалось, хотели поедать плоть павших. Острый запах тел вызывал у них голод. Поджаренные тела. Для них это было как аромат свежего хлеба.

Исчезающие заставили идти их дальше, но вскоре троллоки достигли следующего укрепления Итуральде. Фокус в том, что ты должен понимать, что делать. Невозможно установить шипы или вырыть траншеи в такой твердой скале, не доведя своих направляющих до изнеможения. Он мог бы сделать

насыпи из камней и земли, но троллоки были большими, и поэтому эти насыпи против них были бы не эффективны, замедляя при этом его собственных людей. Кроме того, перенос такого большого количества земли и камня отвлек бы рабочих от возведения настоящего укрепления в долине. А в оборонительной войне такие укрепления должны строиться как можно быстрее. Это он знал уже давно. Ты продержишься тем дольше, чем дольше будешь лишать врага удобного момента.

В конце концов, решение было простым. Шипы.

Он вспомнил огромные заросли куманики, высохшей и мертвой, еще

в Арад Домане. Отец Итуралде был фермером, и он всегда жаловался на эти колючие дебри. Ну а чего всегда хватало, так это мертвых растений. Вторым была рабочая сила. Тысячи тех, кто откликнулся на призыв Дракона, и большинство из Принявших Дракона имели небольшой боевой опыт.

Он все равно отправил бы их на битву, когда пришло бы время. Но сейчас, тем не менее, он послал их нарубить огромных кустов терновника. Они завалили ими проход, связав вместе в массу двадцать футов толщиной и восемь высотой. Связки терновника, было довольно легко разместить —

гораздо легче, чем камни или землю. Не смотря на всю свою мощь, Троллоки не могли просто снести их. Первые ряды наскочили на них, и попытались было, но были вынуждены отступить перед пятидюймовыми колючками, которые втыкались в их тела. Задние ряды напирали на передних, те рассвирепев разворачивались и дрались с теми, кто на них напирал.

Таким образом большая часть Троллоковых сил застыла в проходе, на его милость.

А у него не было много милосердия для порождений Тени.

Итуралде дал знак, и Аша'ман рядом с ним — Олстен, один из тех,

кто служил под его началом в Марадоне — выпустил ярко-красную вспышку в небо. Вдоль склонов над перевалом, вышло больше айильцев и они начали скатывать валуны и больше горящих бревен вниз на загнанных в ловушку Армий Тени.

Затем последовали стрелы и камни — все, чем они могли стрелять, бросать или сбрасывать на тех, кто внизу.

Большинство этих атак людей Итуралде происходили дальше к перевалу, в середину основной массы Троллоков. Это заставляло одну половину отступать и уклоняться, в то время как другая половина стремилась вперед, чтобы сбежать —

толкая своих союзников вперед на шипы.

Некоторые Троллоки несли щиты, и старались защитить себя от смертельного града. Где бы они не формировали оборону вместе и начинали создавать стену из щитов над собой, направляющие Итуралде били туда, разрывая их на части.

Он не мог избавить многих направляющих от работы — большинство из них вернулись в долину, делая врата, чтобы доставлять запасы и следя за вражескими направляющими. У них уже была вторая стычка с Повелителями Ужаса. Авиенда и Кадсуане Седай занимались теми

операциями.

Некоторые выстрелы Троллоков пронзили защитников выше, но потери росли по мере продвижения Армии Тени вперед, пытаясь пробить себе путь через преграды из "шипов". Это было медленное продвижение.

Итуралде смотрел, холодея изнутри и снаружи, как Мурдраал хлестал Троллоков, обращающихся в бегство. Что толкало их на тех, кто стоял с шипами впереди, пронзая их и давя.

Кровь ручьем побежала вниз по направлению к восточному краю перевала, заставляя Троллоков скользить. Они давили на передние пять или шесть рядов, ломая там

шипы своими звериными телами.

Это все еще забирало у них добрую часть времени, чтобы прорваться. Они оставили тысячи мертвых, когда рванулись вперед, тогда они обнаружили вторую засеку, толще и выше первой. Итуралде поставил семь с интервалами в проходе. Вторая была самая большая, и это дало ожидаемый эффект. Видение этого заставило Троллоков в передних рядах осадить. Затем они повернули и рванули в обратном направлении.

Это привело к массовому замешательству. Троллоки сзади вопили и орали, нажимая на передних. Те, передние, рычали и

выли, пытаясь прорваться сквозь заросли куманики. Некоторые застыли, ошеломленные. И все это время стрелы, камни и горящие бревна продолжали падать.

— Прекрасно, — прошептал Алсалам.

Итуралде обнаружил, что его рука больше не дрожит. Он опустил подзорную трубу.

— Пойдем.

— Но битва еще не закончена! — запротестовал король.

— Закончена, — сказал Итуралде, отворачиваясь. — На данный момент.

В подтверждение его слов, вся армия Троллоков разбита, за его

спиной — он мог слышать все происходящее — и бежала на восток к перевалу, прочь из долины.

Один день продержались, подумал Итуралде. Они вернуться на следующий день, и они уже будут готовы. Больше щитов, лучше вооружение на передовой, чтобы сократить их число.

Но они еще заплатят. Дорого заплатят...

Он заставит их в этом убедиться.

Глава 25

Короткие Сюжеты

Суан издала долгий, облегченный вздох, когда Амерлин, с глазами, полными огня-шагнула через врата в их лагерь с Дозин, Саэрин и несколькими другими восседающими.

Брин прошёл через врата следом, торопясь к Суан. "Что решили?" Спросила она.

— Мы остаёмся- сказал Брин.

— Приказ Илэйн, и Амерлин

согласна с ней.

— Нас превосходят числом — сказала Суан.

— Как и всех остальных — ответил он, глядя на запад.

Последние несколько дней Шаранцы собирали свои силы, разбив лагерь в миле-двух от армии Эгвейн, которая стояла тылом к широкой реке, что формировала границу между Кандором и Арафелом.

Тень пока ещё не приступала к широкомасштабному наступлению, вместо этого посылая редкие группы рейдеров через врата, ожидая пока медленные армии Троллоков догонят их. К сожалению, Троллоки были

здесь сейчас. Войска Эгвейн могли бы снова отступить через ворота, но Суан призналась сама себе, что это не принесёт пользы. Им придётся столкнуться с этим войском так или иначе.

Брин выбрал это место, на юго-востоке Кандора, из-за того что рельеф давал им небольшое преимущество. Река, что текла с севера на юг, на границе Кандора, была глубокой, а ближайший брод находился в четверти мили от холмов, которые пролегали с востока на запад вдоль южной границы Кандора. Армия Тени будет искать брод, чтобы войти в Арафел. Разместив свои войска на холмах с

видом на переправу, он мог совершать набеги на армию тени с двух сторон. Если уж совсем прижмёт, он может выйти через брод на Арафельский берег реки, водный барьер поставит Троллоков в невыгодное положение по отношению к ним. Это было небольшое преимущество, но в бою, иногда, именно это решает всё.

На равнинах к западу от реки, тень выстроила Шарскую и Троллоковы армии. И двинула их через поле на войско Айз Седай и людей под командованием Брина.

Поблизости, Эгвейн осматривала лагерь. Свет, это было таким облегчением — знать, что

Амерлин выжила — думала Суан. Она предсказывала, что так оно и будет, но всё же... Свет! Как хорошо было видеть лицо Эгвейн.

Если, действительно, это было ее лицо. Это был первый раз, когда Амерлин вернулись в лагерь после ее испытания, но она провела несколько встреч с восседающими в тайных местах. У Суан еще

не было возможности поговорить с Эгвейн в тишине.

— Эгвейн ал'Вир, — позвала Суан. — Скажи мне, где мы впервые встретились!

Остальные смотрели на Суан, хмуро глядя на ее безрассудство. Эгвейн, однако, казалось, поняла.

— Фал Дара, — сказала она. — Вы связали меня воздухом в наше путешествие вниз по реке, как часть урока о прикосновении к источнику я никогда не забуду.

Суан перевела дух, глубочайший признак облегчения. Никто не присутствовал на том уроке на корабле, кроме Эгвейн и Найнив. Но Суан, к сожалению, сказала об этом Шириам, Наставнице Послушниц и Чёрной Айя. Хотя она всё равно верила, что это была взаправду Эгвейн. Было легко имитировать черты женщины, но залезть в её воспоминания — совсем другой разговор.

Суан позаботилась о том, чтобы

заглянуть женщине в глаза. Ходил слух о том, что произошло в Чёрной Башне. Мирелле говорила об этом, о событиях, которыми поделились её новые Стражи. Нечто тёмное.

Говорили, что можно определить по глазам. Она бы заметила перемены в Эгвейн, если бы таковые имели место, разве не так?

"Если же мы не сможем определить, — подумала Суан, — то мы все обречены.

Ей придётся довериться Амерлин как приходилось много раз до этого."

— Соберите Айз Седай, — сказала Эгвейн. — Генерал Брин,

выполняйте приказы. Мы будем удерживать реку до тех пор, пока наши потери не станут настолько абсолютно невосполнимыми что — Она замолчала. — Как долго они здесь?

Суан кинула взгляд вверх на разведчика на ракене пролетающего над головой.

— Все утро. Письмо у вас.

— Треклятый мужчина, — сказала Эгвейн. Сообщение Дракона Возрождённого, доставленное Мин Фаршав, было коротким.

"Шончан вступят в бой с Тенью".

По причинам, которые женщина не назвала, он послал Мин к ним.

Брин тут же приобщи́л её к делу. Она работала писцом на руководящих снабжением.

— Вы доверяете словам Дракона Возрождённого о Шончан, Мать? — спросила Саэрин.

— Я не знаю, — сказала Эгвейн. — В любом случае выстройте наши боевые порядки, но поглядывайте на эти штуки вверху, на случай их атаки.

Когда Ранд вошёл в грот, что-то изменилось в воздухе. Тёмный только сейчас почувствовал его присутствие и был удивлён этим. Кинжал сделал своё дело.

Ранд шёл впереди, Найнив слева, Морейн справа. Пещера

уходила вниз и этот спуск свёл на нет всё то расстояние, что они поднимались ко входу. Проход был знаком ему из памяти другого, из другой Эпохи.

Было такое ощущение словно грот поглощала их, заставляя их спускаться вниз к огням, что были внизу. Зазубренный клыкообразными сталактитами свод пещеры, казалось, становился ниже по мере того как они шагали. Нависая по дюйму с каждым шагом. Он не двигался и пещера не становилась постепенно уже. Он просто менялся, высокий в один момент и короткий в другой.

Грот был пастью, медленно сжимающей свою добычу. Волосы на

голове Ранда коснулись верхушки сталактита, и Найнив присела на корточки, глядя вверх и приглушённо ругаясь.

— Нет, — останавливаясь сказал Ранд. — Я не приползу к тебе на коленях, Шай'тан.

Грот загромыхал. Тёмные своды пещеры, казалось, нажимали, давя на Ранда. Он стоял не двигаясь. Было такое ощущение, что он был застрявшей шестерёнкой и остальной механизм напрягался, чтобы продолжить крутить стрелки часов. Он стоял спокойно.

Камни задрожали, затем отступили. Ранд сделал шаг вперёд и выдохнул, когда давление спало. То,

что он начал не могло быть остановлено сейчас. Замедление дало нагрузку и на него и на Тёмного; его противник был пойман в неизбежность настолько же, насколько и он сам. Тёмный не существовал в рамках Узора, но Узор всё же влиял на него.

Позади Ранда, там где он стоял, осталась небольшая лужица крови.

"Мне следует поспешить с этим", подумал он. "Я не могу истечь кровью и умереть до того как закончится битва".

Земля задрожала снова.

— Всё верно, — прошептал Ранд. — Я пришёл за тобой. Я не овца, ведомая на бойню, Шай'тан.

Сегодня я охотник.

Дрожание земли походило на смех. Ужасный смех. Ранд не обратил внимания на обеспокоенный взгляд Морейн, пока она шла рядом с ним.

Они шли вниз. Странное чувство пришло по узам. Одна из женщин была в беде. Была ли это Илэйн? Авиенда? Он не мог сказать. Искривления этого места влияли на узы. Он двигался сквозь время иначе, чем они, и он потерял свое чувство времени, с тех пор как они вошли. Он мог лишь чувствовать, что одна страдала от боли.

Ранд зарычал, ускоряя ход. Если Тёмный повредил им... Не должно ли здесь быть светлее? Они

вынуждены были полагаться на мерцание Калландора, когда он пропускал через него саидин.

— Где огни? — спросил Ранд, голос отразился эхом. — Расплавленный камень внизу пути?

— Огни были поглощены, Льюс Терин, — сказал голос из теней впереди.

Ранд остановился, затем шагнул вперед, Калландор вспыхнул, чтобы высветить фигуру, стоящую на одном колене, на границе света, голова склонена, держащую меч перед собой, остриё которого упирается в землю.

За фигурой было... ничто. Чернота.

— Ранд, — сказала Морейн, держа руку на его руке. — Тёмный поднимается вопреки своим узам. Не касайся этой черноты.

Фигура встала и обернулась, теперь знакомое лицо Моридина отражало мерцание Калландора. Рядом с ним на земле лежала оболочка. Ранд не мог объяснить это по другому. Она была подобна личинке которую некоторые насекомые сбрасывают после того, как они выросли, только эта была в форме человека. Человека без глаз. Одного из Мурддраалов?

Моридин посмотрел на оболочку, проследив взгляд Ранда.

— Сосуд, который больше не

нужен моему хозяину, — сказал Моридин. Саа размещалась в белках его глаз, подпрыгивая, дрожа, двигаясь с сумасшедшей силой. — Это породило то, что у меня за спиной.

— За тобой — ничто.

Моридин поднял свой меч перед своим лицом в салюте.

— Точно. — Те глаза были почти полностью чёрными.

Ранд послал Мореин и Найнив оставаться на несколько шагов позади, пока он приближался.

— Ты требуешь дуэль? Здесь? Сейчас? Элан, ты же знаешь, то, что я делаю, — неизбежность. Замедление меня не имеет никакого

смысла.

— Никакого смысла, Льюс Терин? — засмеялся Моридин. — Если я тебя ослаблю даже чуть-чуть, не будет ли задача моего хозяина более простой? Нет, я думаю, что должен преградить тебе путь. А если я выйду победителем, что тогда? Твоя победа не гарантирована. И никогда не была.

"Я снова выиграю, Льюс Терин — "

— Ты можешь отойти в сторону, — сказал Ранд, подымая Калландор; мерцание его света искажало чёрный меч Моридина. — Моя победа также не гарантирована, как и твое падение. Позволь мне

пройти. Хотя бы раз, сделай выбор, который ты знаешь, что должен сделать"

Моридин засмеялся.

— Сейчас? Сейчас ты просишь меня вернуться к Свету? Мне было обещано забвение. Наконец-то, ничто, уничтожение моей сути началось. Конец. Ты не украдёшь этого у меня, Льюс Терин! Клянусь могилой, нет!

Моридин размахивая наступал.

Лан выполнил Вишневый Лепесток Целует Пруд-не простая задача верхом, так как эта форма не была предназначена для седла. Его меч проткнул шею Троллока, зайдя на несколько дюймов в кожу

существа. Этого было достаточно, чтобы заставить зловонную кровь цвести в брызгах. Тварь с лицом быка бросил свое оружие, для того чтобы зажать рану на шее, и выдавил бульканье полу-крик, полу-стон.

Лан развернул Мандарба обратно, когда второй Троллок наскочил со стороны. Он отрезал ему руку, пока он разворачивался. Троллок споткнулся от удара, и Андер проткнул его сзади.

Андер остановил свою лошадь рядом с Мандарбом, сквозь грохот битвы, Лан слышал как друг тяжело дышал. Как давно они сражались здесь, в первых рядах сражения? Руки Лана висели свинцовыми

гирями на его плечах.

Так плохо не было даже во времена Кровавого Снега.

— Лан! — закричал Андер. — Они все идут!

Лан кивнул, а затем направил Мандарба обратно на пару Троллоков, которые полезли через трупы, чтобы атаковать. Эти два были также с ловчий шест. Это не редкость для Троллоков, они поняли, что люди на ногах были гораздо менее опасны для них, чем воины верхом на лошадях. Однако, это заставило Лана задаться вопросом, пытались ли они захватить его.

Он и Андер позволили Троллокам пролезть и атаковать, а

двое членов Высшей Гвардии заехали со стороны, чтобы отвлечь их внимание. Троллоки наскочили на Лана, и они рванули вперед, обрубая наполовину древки их ловчих шестов...

Твари не остановились, потянув грубые пальцы в попытке стащить его с лошади. Лан почувствовал гнилостный запах дыхания одной, когда вонзил ей меч в горло. Как медленно он двигался! Андеру лучше находиться в нужном месте.

Лошадь Андера появилась во внезапном галопе, ударив бронированным крупом во второго Троллока, сбив его в сторону. Тот споткнулся и двое гвардейцев добили

его топорами с длинными рукоятями.

Оба гвардейца были в крови, как и Андер. Как и сам Лан. Он лишь смутно помнил, что получил рану на бедре. Он так устал, что был уже не в состоянии сражаться.

— Отступаем, — неохотно объявил он. — Пусть кто-нибудь другой займет эту точку. Лан и его люди вели тяжелую кавалерию на острие атаки, сдавливая Троллоков и рассекая их треугольное построение, разбрасывая в стороны, чтобы потом сокрушить фланговыми атаками.

Остальные кивнули и он мог почувствовать их облегчение, как и свое, и пятьдесят с небольшим гвардейцев повернули назад. Они

отступили и группа шайнарцев заполнила этот пробел. Лан очистил свой меч и вложил в ножны. Молния прогрохотала выше. Да, кажется эти облака сегодня ниже. Как ладонь, медленная давящая на людей, пока они умирали.

Молнии одна за другой, рядом, разорвали воздух. Лан повернул резко Мандарба Сегодня было много молний, но эти были слишком близко друг к другу. Пахло дымом в воздухе.

— Повелители ужаса? — спросил Андер.

Лан кивнул, глазами оглядывая нападавших. Все, что он мог видеть это линии воинов, кишащие массы троллоков волнообразно несущиеся

вперед. Ему нужно было место повыше.

Лан указал на один из холмов и пришпорил Мандарба. Члены арьергарда, заметив его, проезжавшего мимо, поднимали вверх руки и выкрикивали "Дай Шан". Их броня была заляпана кровью. В течение всего дня резервы выходили на передовую, затем возвращались назад.

Мандарб взобрался на холм. Лан похлопал коня, спешил и побрел рядом с жеребцом. На вершине он остановился, оглядывая поле битвы. Армии Порубежников представляли собой колосовидные вкрапления серебра и различных цветов в море

Троллоков.

Так много. Снова явились Повелители Ужаса на своей большой платформе, которую катили по полю дюжины Троллоков. Они нуждались в высоте, чтобы видеть, куда направлять свои атаки. Лан стиснул зубы, наблюдая, как серия молний ударила в Кандорцев, подбрасывая тела в воздух и открывая брешь в их рядах.

Собственные направляющие Лана нанесли ответный удар, бросая молнии и огонь на надвигающихся Троллоков, чтобы сдержать прорыв через дыру в линии Порубежников. Это не сможет продолжаться долго. У него было гораздо меньше Айз

Седай и Аша'манов, чем Повелителей Ужаса у Тени.

— Свет, — сказал Принц Кайсель, подъезжая к нему вплотную. — Дай Шан, если они пробьют достаточно брешей в наших порядках...

— Подходят резервы. Там, — Указал Андер Он все еще поднимался на холм и Лану пришлось пройти вперед, чтобы оглянуться и посмотреть, куда тот указывал. Группа шайнарских всадников приближалась к участку, на который сыпались молнии.

— Там тоже, — сказал Кайсель, показывая на восток. Группа арафельцев двигалась туда же. Два

отряда спутались, бросившись ликвидировать брешь в одно и тоже время.

Молнии посыпались с неба дождем на платформу с Повелителями Ужаса. Хорошо. Нарисме и Мерис было сказано наблюдать за Повелителями Ужаса и попытаться убить их. Возможно, это отвлечет противника. Лан сосредоточился кое на чем другом.

Почему две резервные группы были направлены, чтобы заткнуть одну и ту же дыру? Их было многовато для выполнения задачи; так много, что они мешали друг другу. Ошибка?

Он с неохотой забрался в седло

Мандарба, заставляя поработать лошадь так скоро. Он хотел проверить эту ошибку

В волчьем сне Перрин и Гаул остановились на горном хребте, оглядывая долину с горой на окраине. Над горой в бешеном вихре носились черные тучи, едва не касаясь ее вершины

Ветра метались по долине и Перрин был вынужден создать карман спокойствия вокруг себя и Гаула, отклоняя обломки. Внизу они улавливали краткие обрывки огромной битвы. Айил, Троллоки и люди в броне появлялись на мгновенья в волчьем сне, как будто созданные из скручивающихся дыма

и пыли, размахивающие оружием, чтобы потом развеяться.

Многие волки были здесь во сне, все вокруг. Они ждали. чего-то. Нечто чего они не могли объяснить Перрину. У них было имя Ранда, Ночной охотник... Возможно, они были здесь свидетелями того, что он будет делать.

— Перрин? — спросил Гаул.

— Наконец-то он здесь, — тихо сказал Перрин. — Он вошёл в Бездну Рока.

Перрин был нужен Ранду в какой-то момент на протяжении этого сражения. К сожалению, Перрин не мог просто оставаться здесь; была работа, которую нужно

было сделать. Они с Гаулом, с помощью волков, обнаружили Грендаль поблизости от Кайриэна. Она разговаривала с некоторыми людьми в их снах. Возможно с Друзьями Тёмного среди армий?

"Перед этим она заглядывала в сны Башира", думал Перрин. "Или так утверждала Ланфир. Он не доверял ей ни на миг".

В любом случае, он обнаружил Грендаль сегодня ранее, и планировал нанести удар, когда она внезапно исчезла.

Он знал как проследить кого-либо в мире снов, когда он смещался, и он последовал за ней сюда, в Такан'дар.

Ее запах неожиданно обрывался посреди долины. Она Переместилась назад в реальный мир. Перрин не знал точно, сколько времени прошло в волчьем сне; у него с Гаулом еще была еда, но чувствовалось, будто прошли дни и дни. Ланфир сказала, что чем ближе Перрин будет находиться к Ранду, тем сильнее искажается время. Наверное он мог бы проверить это утверждение.

"Он здесь, Юный Бык!"
Послание пришло, неожиданно и срочно, от волка по имени Восход Солнца, "здесь в ущелье. Губитель прошёл среди нас! Поспеши!"

Перрин взвыл, схватил Гаула за плечо не говоря ни слова и сместил

их. Они возникли на каменистом пути, ведущем к зияющей дыре в скале над ними, проходу вниз в самую Бездну Рока.

Поблизости лежал волк, со стрелой в боку, распространяя запах смерти. Другие завывали неподалёку. Ужасный ветер налетел на него; Перрин пригнул голову и бросился в него, Гаул сбоку. "Внутри, Юный Бык", послал волк. "Внутри рта тьмы".

Не смея думать, что он делает, Перрин ворвался в длинную узкую комнату, заполненную острыми камнями, выступающими из пола и потолка. Впереди, что-то яркое посылало пульсирующие волны через

пространство. Перрин поднял руку, загораживая свет, разглядывая неясные силуэты в конце комнаты.

Двое мужчин, сошлись в битве.

Две женщины, как будто замороженные.

И всего в паре шагов от Перрина, Губитель, натягивающий свой лук до щеки.

Перрин взревел, молот в руке, и сместился между Губителем и Рандом. Он отбил стрелу в воздухе своим молотом и расщепил вторую, сразу после того, как она вылетела. Глаза Губителя распахнулись и он исчез.

Перрин сместился к Гаулу, схватил его за руку и сместился

назад, туда где был Губитель и уловил след его расположения.

— Будь начеку, — сказал Перрин, затем сместил их за человеком.

Они упали в середину группы людей. Они были Айил, но вместо того, чтобы носить нормальные софы, у них были странные красные вуали.

Перемещение не забросило Перрина и Гаула далеко; это была своего рода деревня, расположенная достаточно близко к вершине Шайол Гул, чтобы быть видимой издалека.

Красновуальные атаковали. Перрин не был особенно удивлен, когда обнаружил Айил на стороне

Тени. Друзья Тёмного были среди всех народов. Но зачем же обнаруживать себя цветом своих вуалей?

Перрин взмахнул молотом по широкой дуге, держа Айил на расстоянии, затем сместился за их спины, сокрушая голову одного из них. Гаул превратился в расплывчатое пятно копий и коричневой одежды, уклоняясь от атак красновуальцев, нанося удары копьем, затем исчезая, потом появляясь и снова нанося удар. Да, он научился быстро, очевидно, быстрее, чем эти красновуальные, так как они за ним не поспевали. Перрин разбил еще одному коленную чашечку и

оглянулся в поисках Губителя.

Там. Он стоял на пригорке выше, наблюдая. Перрин взглянул на Гаула, который в перерыве между прыжками быстро кивнул ему. Оставалось восемь красновуальцев, но...

Земля под ногами Гаула начала подниматься, взрываясь, когда Гаул подпрыгнул. Перрин сумел защитить своего друга, создав под ним стальную пластину, чтобы отклонить взрыв, но он был слишком близок. Гаул жестко приземлился и Перрин был вынужден переместиться к нему и атаковать красновуальцев, нападающих сзади.

— Будь осторожен, —

выкрикнул Перрин Гаулу. — Как минимум один из этих парней может направлять!

Свет. Как будто Айил, сражающихся на стороне Тени, не было достаточно. Направляющие Айил. Направляющие мужчины Айил. Свет!

Когда Перрин качнулся к другому, прибыл Губитель, в одной руке меч, в другой — длинный охотничий кинжал, такой, который используют для свежевания добычи.

Рыча, Перрин бросился в бой и они начали странный танец. Один атаковал другого, тот исчезал и появлялся неподалеку, чтобы атаковать в свою очередь. Они так и

кружили, один смещается, потом другой, в попытке достать противника. Перрин только что упустил сокрушающий Губителя удар и тут же чуть не словил клинок в живот.

Гаул оказался весьма полезным, Перрину было бы очень сложно противостоять Губителю и красновуальцам одновременно. К сожалению, Гаул мало что мог сделать, кроме как отвлекать его врагов и это давалось ему с большим трудом.

Когда столб огня почти достал Перрина, он принял решение. Он сместился к Гаулу и, чуть не получил копье в плечо. Перрин превратил

копье в тряпочное и оно согнулось об его кожу.

Гаул, глядя на Перрина, начал было открывать рот, но Перрин не дал ему шанса заговорить. Он схватил своего друга за руку и переместил их. Они исчезли в тот момент, когда вокруг них вспыхнуло пламя.

Они вновь появились у входа в Бездну Рока. Плащ Перрина тлел. У Гаула кровоточила рана на бедре. Когда он ее получил?

"Вы там?", безотлагательно послал Перрин.

Дюжины и дюжины волков ответили. "Мы тут, Юный Бык."

"Ты поведешь нас, Юный Бык?"

На Последнюю Охоту!"

"Наблюдай за Лунной Охотницей, Юный Бык". Она выслеживает тебя подобно льву в высокой траве.

"Вы нужны мне", послал Перрин волкам. "Губитель здесь. Сразитесь ли вы с ним, и его людьми, ради меня?"

"Это Последняя Охота", вернул один из них, в то время как многие другие согласились помочь ему. Они возникли на склонах Шайол Гул. Перрин мог чувствовать их обеспокоенность; они не любили это место. В это место волки не приходили, ни в мире пробуждения, ни во сне.

Губитель проследовал за ним. Либо он понял, что Перрин будет охранять это место, или он намеревался закончить атаку на Ранда. В любом случае Перрин видел, что он стоит наверху на гребне скал, глядя вниз на долину — темная фигура с луком и в черном плаще, бьющемся на неистовых ветрах. Под ним все еще бушевала битва в виде образов из пыли и теней. Тысячи и тысячи людей умирали, убивали, только их призраки достигали этого места.

Перрин сжал свой молот.

— Давай, рискни, — прошептал он. — Ты обнаружишь, что сейчас я другой противник.

Губитель поднял свой лук, затем спустил тетиву. Стрела разделилась на четверо, затем на шестнадцатеро, затем град стрел устремился в сторону Перрина.

Перин зарычал, затем атаковал колону воздуха, которую создал Губитель, чтобы прекратить ветер. Колона исчезла, и яростный ураган подхватил стрелы, закрутив их в вихре.

Губитель появился перед Перрином, сверкая ножом и мечом. Перрин прыгнул на него. В это время рядом возникли красновуальники. Волки и Гаул немедленно вступили с ними в схватку, давая Перрину возможность не отвлекаться от

своего главного врага. Перрин крутанулся, с ревом отбивая оружие Губителя, и целясь ему в голову.

Губитель отскочил и создал каменные руки, которые вырвались из под земли, разбрасывая щебень и осколки скалы, пытаясь схватить Перрина. Сконцентрировавшись, Перрин заставил их взорваться, и осыпаться обратно на землю. Он уловил острый запах удивления Губителя.

— Ты здесь во плоти, — зашипел Губитель.

Перрин подскочил к нему, перемещаясь в прыжке, чтобы добраться до мужчины быстрее. Губитель блокировал щитом,

который появился в его руке. Ма'алленир оставил большую вмятину на нем, но был отклонен.

Губитель исчез, и появился сзади в пяти шагах, на краю пути, ведущего к пещере. — Я очень рад, что ты пришел охотиться на меня, волчонок. Мне было запрещено искать тебя, а теперь ты здесь. Я содрал шкуру с родителя, а теперь и с щенка.

Перрин бросился на Губителя смазанным скачком, похожем на тот, что он использовал для перемещения с холма на холм. Он врезался в человека, бросая их

обоих на выступ перед открытой Бездной Рока, позволяя им пролететь

с дюжину шагов по направлению к земле.

Молот Перрина была у него на поясе — он не помнил как повесил его туда — но он не хотел бить этого человека молотом. Он хотел узнать, что почувствует Губитель в тот момент, когда он ударит кулаком в его лицо. Удар достиг своей цели, когда они упали, но лицо Губителя неожиданно оказалось жестким, как камень.

В этот момент, борьба переросла не борьбу плоти против плоти, но воли против воли. Когда они упали вместе, Перрин представил как кожа Губителя становится мягкой, деформируясь от

его удара, кости ломаются и трещат. Губитель, в ответ на это, представил свою кожу похожей на камень.

В результате щека Губителя стала жесткой, как камень, но Перрин все равно расколол ее. Они упали на землю и откатился друг от друга. Когда Губитель поднялся, его правая щека выглядела так, будто по статуе ударили молотом, небольшие трещины зазмеились по коже.

Кровь начала струиться из этих трещинок, и Губитель открыл глаза в крайнем удивлении. Он поднял руку к щеке, и почувствовал кровь. Кожа снова стала плотью, и на трещинках появились стежки, будто сделанные хирургом. Никто не мог исцелить

себя в Волчьем сне.

Губитель усмехнулся Перрину и ринулся на него. Двое танцевали взад и вперед, кружа в клубящейся пыли, которая формировала лица и тела людей, бьющихся за свои жизни в другом месте, другом мире. Перрин с грохотом упал через пару из них, пыль струилась от качающегося Ма'аленира. Губитель скользнул назад, создавая ветер, сдувающий с пути, затем быстро напал.

Перрин превратился в волка, не задумываясь, меч Губителя прошел над его головой. Молодой бык прыгнул на Губителя, швырнув его назад через очертания двух Айильцев, борющихся друг с другом.

Те распались на песок и пыль. Другие развело по сторонам, затем сдуло.

Вой бури ревел в ушах Молодого быка и пыль проникала в его глаза и кожу. Он перекатился через Губителя, затем рванулся к горлу. Как сладко будет ощутить вкус кровь этого двуногого у себя во рту. Губитель переместился.

Молодой бык обернулся Перрином, с молотом наперевес, присев на равнине отрывочных боев, сменяющихся людей. Осторожнее, подумал он про себя. Ты волк, но более человек. Для начала он понял, что некоторые из этих видений не были полностью людьми. Он увидел

пару, которая отчетливо напоминала змей по внешнему виду, хотя они быстро исчезли.

Это место отражает другие миры? он задумался, не зная, что еще можно сделать с призраками.

Губитель пришел к нему еще раз, стиснув зубы. Молот Перрина нагрелся в его пальцах, и его нога пульсировала в том месте, куда он был ранен, а затем исцелен во время его последнего боя с Губителем. Он заревел, пропуская меч Губителя очень близко — давая ему чиркнуть себя по щеке — в тот момент когда с грохотом опустил свое оружие на человека.

Губитель исчез.

Перрин не остановил замаха, и на мгновение предположил, что он попал по Губителю. Но нет, его молот едва коснулся цели, когда Губитель исчез. Соперник ожидал, готовый переместиться в любой момент. Перрин почувствовал как кровь струится по бороде к подбородку; меч оставил глубокий надрез на его щеке, практически в том же месте где он ударил Губителя в лицо.

Он понюхал воздух, крутясь вокруг, пытаясь уловить запах месторасположения Губителя. Куда он пошёл? Ничего не было.

Губитель не сместился в другое место в волчьем сне. Он знал, что

Перрин может последовать за ним. Вместо этого он должно быть прыгнул назад в пробужденный мир. Перрин взвыл, понимая, что упустил свою добычу. Волк в нём противился этому, проваленная охота, и это было борьбой для Перрина, вернуть контроль над собой.

Это был запах, который бросил его назад к нему. Горящий мех. Это сопровождалось завываниями от боли.

Перрин сместил себя назад, на вершину пути. Волки лежали сожженные и умирающие посреди трупов в красных вуалях. Двое из них были всё ещё на ногах, спина к спине, и неуместно, они спустили

свои вуали. У них были ряды острых зубов, и они улыбались, почти с сумасшествием, пока направляли. Сжигая волка за волком до углей. Гаул был вынужден найти приют за скалой, его одежды тлели. Он пах болью.

Двое улыбающихся направляющих похоже не волновались о том, что их компаньоны умирали, истекая кровью, на земле вокруг них. Перрин направился к ним. Один поднял руку и испустил струю огня. Перрин превратил её в дым, затем разделил его, входя прямо в него, серо-черный дым закружился вокруг него, затем устремился прочь.

Другой Айилец также направлял, пытаясь распотрошить землю под Перрином. Перрин знал, что земля не разломится, что это будет сопротивляться плетениям. Так оно и случилось. Перрин не мог видеть плетения, но он знал, что земля — неожиданно намного более прочная — отказалась сдвинуться с места, как ей приказывали.

Первый Айил рыча достиг его копья, но Перрин схватил его за шею.

Он страстно хотел сломать этому парню горло. Он снова упустил Губителя, и волки были мертвы, из-за этих двоих. Он сдержал себя. Губитель... Губитель заслуживал худшей участи, чем

смерть, за то, что он сделал. Он не знал об этих людях, и не был уверен, что убивая их здесь, убьёт их навсегда, без возрождения.

Ему казалось, что каждый, включая подобных созданий, должен иметь второй шанс. Красноуальный в его руке дернулся, пытаясь спеленать Перрина плетением Воздуха.

— Ты идиот, — тихо сказал Перрин. Потом посмотрел на второго. — Ты тоже.

Оба моргнули, потом посмотрели на него глазами, в которых росла слабинка. Один стал пускать слюну. Перрин покачал головой. Губитель не обучил их

вовсе. Даже Гаул, всего лишь после... как долго это длилось? В любом случае, даже Гаул знал как не быть пойманным подобным образом, оказавшись во власти кого-либо, кто мог изменить саму ёмкость их ума.

Перрин продолжал думать о них как идиотах, поддерживая превращение. Он упал на колени, выискивая среди волков раненых, которым он мог помочь. Он вообразил повязки на ранах тех, кто был поврежден. Они быстро выздоровят в этом месте. Волки похоже были в состоянии сделать это. Они потеряли восьмерых, из тех кого призвал Перрин. Другие присоединились к нему, но в их

посланиях не было сожаления. Они сражались. Это было то, зачем они явились.

После этого, Перрин посмотрел на поверженных красновуальщиков. Все были мертвы. Гаул захромал рядом с ним, держа сожжѐнную руку. Рана была плохой, но не несла немедленной угрозы жизни.

— Нам нужно забрать тебя отсюда, — сказал ему Перрин, — и получить некоторое Исцеление. Я не знаю, который сейчас час, но я думаю нам следует пойти на Меррилор и подождать пока откроются Врата.

Гаул улыбнулся ему во все зубы.

— Я самолично убил двоих из

них, Перрин Айбара. Один мог направлять. Я считал что обрёл великую честь, потом выскользнул ты и захватил двух пленных. — Он покачал головой. — Сама Байн бы смеялась всю дорогу назад в Трёхкратную Землю, если б увидела это.

Перрин обернулся на двух своих пленников. Убивать их здесь казалось бессердечной жестокостью, но освободить их значило сражаться с ними снова — возможно теряя больше волков, больше друзей.

— Я не ожидаю от них, что они придерживаются джи'и'тох, — сказал Гаул. — Ты бы взял мужчину, который может направлять в

качестве гай'шан в любом случае? — Он заметно вздрогнул.

— Просто убей их и покончи с этим, — сказала Ланфир.

Перрин посмотрел на нее. Он не подпрыгнул, когда она заговорила — он немного попривык к способу, которым она появлялась и исчезала. Однако, он находил его раздражающим.

— Если я убью их здесь, убьёт ли это их навсегда?

— Нет, — сказала она, — Для людей это таким образом не работает.

"Доверял ли он ей?" В этот раз, по определенным причинам, он обнаружил, что доверял. "Зачем бы

ей лгать? Все еще убивая невооруженных мужчин... они здесь были чуть больше чем дети, по сравнению с ним."

"Нет", думал он, "принимая во внимание мертвых волков, не дети. Намного более опасные".

— Эти двое были Обращены, — складывая руки сказала она, кивая на двух направляющих. — Многие из них родились в эти дни, однако у этих двоих зубы расположены рядами. Они были захвачены и Обращены.

Гаул что-то пробормотал. Это звучало как клятва, но также звучало благоговейно. Это было на Старом Наречии, и Перрин не смог уловить

значение. После этого, однако, Гаул поднял копьё. Он пах опечаленно.

— Вы плюнули ему в глаза, и поэтому он использовал вас, братья мои. Ужасно...

"Обращенные", думал Перрин. "Подобно тем мужчинам в Чёрной Башне. Он нахмурился, идя вверх и беря голову одного из мужчин в свои руки. Может ли его воля вернуть этого мужчину к Свету? Если он был принуждён ко злу, может ли это быть восстановлено?"

Перрин ударил что-то громадное, когда толкнул разумы этих мужчин. Его воля свободно отскочила, подобно ветке, которую пытались использовать, чтобы

разбить железные ворота. Перрин отшатнулся.

Он посмотрел на Гаула и покачал головой.

— Я ничего не могу для них сделать.

— Я сделаю это, — сказал Гаул. — Они наши братья.

Перрин неохотно кивнул, пока Гаул перерезал горло обоим мужчинам. Пусть уж лучше так. Тем не менее, это заставило Перрина смотреть, чтобы увидеть это. Он ненавидел то, что сражение делало с людьми, то, что оно делало с ним. Перрин, каким он был месяцы назад, никогда бы не стоял и не наблюдал бы такое. Свет... если бы Гаул не

сделал это, он бы сделал сам. Он знал это.

— Ты можешь быть таким ребёнком, — сказал Ланфир, руки все ещё сложены на груди, пока она наблюдала за ним. Она вздохнула, затем взяла его рукой. Волна ледящего Исцеления прошла через него. Рана на щеке закрылась.

Перрин глубоко вздохнул, затем кивнул в сторону Гаула.

— Я не твоя посыльная, волчонок, — сказала она.

— Ты хочешь убедить меня, что ты не враг? — спросил он. — Тогда самое время начать.

Она вздохнула, затем помахала в нетерпении, чтобы Гаул

приблизился. Он подошёл, прихрамывая, и она Исцелила его.

Далекое урчание сотрясло разлом за ними. Она посмотрела туда и сузила глаза.

— Я не могу оставаться здесь, — сказала она. Потом пропала.

— Я не знаю, что с этим делать, — сказал Гаул, закатывая руку, там где одежда была сожжена, а кожа исцелена. — Я считаю, что она играет с нами, Перрин Айбара. И я не знаю в какую игру.

Перрин хрюкнул соглашаясь.

— Этот Губитель... он вернётся.

— Я думаю о способе сделать что-нибудь с этим, — сказал Перрин,

потянувшись к поясу, где ремнями был привязан Шип Снов. Он освободил его. — Сторожи здесь, — сказал он Гаулу, затем вошёл в разлом.

Перрин прошёл мимо тех камней, похожих на зубы. Было трудно избежать чувства, что он ползет внутрь рта Гончей Тьмы. Свет внизу спуска мерцал, но Перрин сотворил пузырь вокруг себя, который был затенён, подобно стеклу, которое было лишь полупрозрачным. Он смог заметить Ранда и кого-то другого, наносящих друг другу удары мечами на выступе глубокой ямы.

Нет. Это не яма. Перрин

изумился. Весь мир, казалось, заканчивался здесь, разлом открывался в громадное небытие. Вечное пространство, подобное черноте Путей, только это казалось втягивало его внутрь. Его и все прочее. Он привык к буре, идущей снаружи, поэтому он не заметил ветер в тоннеле. Теперь, когда он обратил внимание, он мог чувствовать как он струится через разлом в эту дыру.

Глядя в ущелье, он осознал, что он никогда не понимал черноту ранее, не на самом деле. Это была чернота. Это было небытие. Абсолютный конец всего. Другая темнота была пугающей, из-за того,

что она могла скрывать. Эта тёмнота была другой; если это охватит вас, вы прекратитесь полостью.

Перрин отшатнулся, хотя ветер, дующий вниз по туннелю не был сильным. Просто... постоянным, подобно потоку, бегущему в никуда. Перрин сжал Шип Снов, затем заставил себя отвернуться от Ранда. Кто-то приклонил колени на полу поблизости, её голова склонена, собранная, как будто против какой-то великой силы приходящей из небытия. Морейн? Да, а вот и Найнив, стоящая на коленях справа от неё.

Завеса между мирами была очень тонкой в этом месте. Если он

мог видеть Найнив и Морейн, возможно они могли видеть или слышать его.

Он подошёл к Найнив. — Найнив? Ты слышишь меня?

Она мигнула, поворачивая голову. Да она могла его слышать! Но, казалось, она не могла его видеть. Она оглядывалась вокруг, запутавшаяся, потому как вцепилась в каменные зубы на полу, как за самую жизнь.

— Найнив! — вскричал Перрин.

— Перрин? — прошептала она осматриваясь. — Ты где?

— Я собираюсь кое-что сделать, Найнив, — сказал он. — Я сделаю невозможным создавать врата в это

место. Если ты захочешь переместиться в или из этой области, тебе понадобится создать твои врата прямо напротив разлома. Понятно?

Она кивнула, все еще высматривая его. Очевидно, что хотя реальный мир отображался в волчьем сне, это не работало наоборот. Перрин вбил Шип Снов в землю, затем активировал его как показала Ланфир, создавая фиолетовый пузырь прямо вокруг самого разлома. Он поспешил назад в тоннель, продавливаясь через стену фиолетового стекла, чтобы заново присоединиться к Гаулу и волкам.

— Свет, — сказал Гаул. — Я почти пошёл на твои поиски. Почему

это заняло так много времени?

— Так много? — спросил Перрин.

— Тебя не было по крайней мере два часа.

Перрин покачал головой.

— Это Скважина играет нашим чувством времени. Хорошо, по крайней мере с этим Шипом Снов в том месте, у Губителя будут проблемы с достижением Ранда.

После того, как Губитель использовал Шип Снов против него, было удовлетворением повернуть тер'ангриал против него самого. Перрин сделал защитный пузырь именно такого размера, чтобы он поместился внутри разлома и накрыл

Ранда, Скважину и тех кто рядом с ним. Размещение подразумевало, все границы купола, сохраняли его здесь спереди, находились внутри скалы.

Губитель не сможет прыгнуть в центр разлома и ударить; он будет вынужден войти с переднего входа. Или так, или найти способ прорыть ход в скале, что как ожидал Перрин было возможным в волчьем сне. Однако, это замедлит его, и это было именно то, что нужно Ранду.

"Мне нужно, чтобы вы защищали это место", послал Перрин собравшимся волкам, многие из которых всё ещё зализывали раны. "Убийца Тени сражается внутри, охотясь на самую опасную добычу,

которую знал этот мир. Мы не должны позволить Губителю достичь его".

"Мы будем охранять это место, Юный Бык", послал один из них. Другие собрались. "Он не пройдет мимо нас".

"Вы сделаете это?" Перрин послал образ волков, распределённых по Порубежью, быстро распространяющих сообщения между собой. Их было тысячи и тысячи, блуждающих по территории.

Перрин гордился своими посланиями. Он не посылал слова, или изображения, но концепцию смешанную с запахами, с долей

инстинкта. С волками, расположенными как он передал, они смогут послать ему по сети, фактически удалённо, если Губитель вернётся.

"Мы можем это сделать", прислали волки.

Перрин кивнул, затем махнул Гаулу.

— Мы не остаемся? — спросил он.

— Здесь произошло слишком многое, — сказал Перрин. — Время здесь движется слишком медленно. Я не хочу, чтобы война прошла мимо нас стороной.

Кроме того, всё ещё оставался вопрос, что же здесь делала

Грендаль.

Глава 26

Соображения.

— Мне не нравится сражаться рядом с этими Шончан, — тихо сказал Гавин, подходя вплотную к Эгвейн.

Ей это тоже не нравилось и она знала, что Гавин способен это чувствовать. Что она могла сказать? Она не могла отвергнуть Шончан. Тень привлекла под свои знамена шаранцев. Эгвейн должна использовать всех, кого только

возможно. Кого угодно.

Ее шея зазудела, когда она пересекла поле к месту встречи, примерно в миле или около того, восточнее брода через Арафеле. Брин уже собрал большую часть ее сил у брода. Айз Седай можно было разглядеть на вершине горы, расположенной к югу от брода, и крупные отряды лучников и копейщиков были расположены под ними на склонах. Войска чувствовали себя свежее. Дни, которые Эгвейн провела отступая, несколько ослабило давление войны, несмотря на попытки врага заставить их вступить в бой.

Шансы Эгвейн зависят от

вступления в бой Шончан и захвата ими направляющих у Шаран. Ее желудок скрутило. Когда-то она слышала, что в Кэймлине, недобросовестные люди бросали голодных собак в яму вместе и делали ставки на тех, кто выживет после драки. Сейчас она чувствовала то же самое. Дамани Шончан не свободные женщины, они не могут отказаться от сражения. В направляющих мужчинах Шаран она видела то, что они были чуть больше, чем животные.

Эгвейн должна бороться с Шончан до последнего вздоха, а не объединяться с ними. Ее инстинкты восстали, когда она подошла к месту

встречи

Шончан. Предводитель Шончан потребовала этой встречи с Эгвейн. Да ниспошлёт Свет чтобы это произошло быстро.

Эгвейн получила отчеты о Фортуоне, так что она знала, чего ожидать. Миниатюрная императрица Шончан стояла на небольшой площадке, наблюдая за подготовкой к бою. Она была одета в сверкающее платье, шлейф от которого потешно растянулся на приличное расстояние позади нее. Восемь да ковале в ужасно нескромной одежде поддерживали его. Группы Высокородных стояли в настороженных позах. Стражи

Последнего Часа в неповоротливых черных доспехах, стояли, как валуны вокруг императрицы.

Эгвейн приблизилась в сопровождении собственных солдат и большей части Совета Башни. Вначале Фортуона настаивала, чтобы Эгвейн прибыла в ее лагерь. Естественно, что она отказалась. Для достижения соглашения потребовалось несколько часов. Они встретятся здесь, в Арафеле, и, чтобы не возникало чувства превосходства одного над другим, обе будут стоять. И тем не менее Эгвейн почувствовала раздражение обнаружив уже ожидающую ее Императрицу. Она хотела, чтобы на

эту встречу они прибыли одновременно.

Фортуона оставила в покое подготовку к сражению и повернулась к Эгвейн. Оказалось, что многое в сведениях Суан было неверно. Действительно, Фортуона, с ее хрупким телосложением и тонкими чертами, выглядела как ребенок. Но внешность была второстепенной деталью. Ни у одного ребенка не бывает таких глаз — пронизательных и расчетливых. Эгвейн изменила свое мнение. Она представляла Фортуону изнеженным жизнью избалованным подростком.

— Я раздумывала, — сказала Фортуона, — будет ли приемлемым

говорить с тобой персонально, моим собственным голосом.

Некоторые из Высокородных — с лакированными ногтями и частично выбритыми головами — ахнули. Эгвейн не обратила на них внимания. Рядом с ними находилось несколько сул'дам с дамани. Если она будет обращать на них внимание, то самообладание может ей изменить.

— Я сама раздумывала, — сказала Эгвейн, — будет ли приемлемым говорить с такой как ты, кто совершает такие страшные зверства.

— Я решила, что буду говорить с тобой, — продолжила Фортуона,

игнорируя замечание Эгвейн. — Я подумала, что на время, будет лучше, если я буду рассматривать тебя не как марат'дамани, но как королеву среди людей этой земли.

— Нет, — сказала Эгвейн. — Ты будешь рассматривать меня просто как женщину. Я требую этого.

Фортуона поджала губы.

— Очень хорошо, — сказала она наконец. — Я говорила с дамани раньше, их обучение было моим увлечением. Видение тебя в качестве таковой не нарушит протокол, поскольку Императрица может говорить напрямую с домашними зверушками.

— Тогда я также буду говорить с

тобой напрямую, — сказала Эгвейн, сохранив лицо бесстрастным. — Поскольку Амерлин выступает часто судьей. Она должна быть в состоянии говорить с убийцами и насильниками, чтобы вынести им приговор. Я думаю, что ты почувствовала бы себя как дома в их компании, хотя подозреваю что они нашли бы твое общество противным.

— Я вижу это будет непростой альянс.

— Ты ожидала иного? — спросила Эгвейн. — Вы держите моих сестер в плену. То, что вы сделали для них это хуже, чем убийство. Вы замучили их, сломали их волю. Я пожелала бы, по воле

Света, чтобы вы просто убили их вместо этого.

— Я не ожидаю от тебя понимания, из каких потребностей это делается, — сказала Фортуона, оглядываясь назад к полю битвы. — Вы марат'дамани. Это... естественно для вас — искать вашу собственную пользу, какой вы видите ее.

— Действительно естественно, — сказала тихо Эгвейн. — Именно поэтому я настаиваю на том, чтобы ты смотрела на меня как я есть, ибо я представляю последнее доказательство того, что ваше общество и империя построены на лжи. Здесь стою я — женщина,

которая, как вы настаиваете, должна быть схвачена для общественной пользы. И все же я не показываю ни одну из диких или опасных тенденций, которые как вы утверждаете, я должна иметь. Пока я свободна от ваших ошейников, я доказываю каждому мужчине и женщине, которые дышат, что вы — лгуны.

Один из Шончан что то пробормотал. Сама Фортуна сохранила сосредоточенное лицо.

— Ты была бы гораздо счастливей с нами, — сказала Фортуна.

— О, правда? — сказала Эгвейн.

— Да. Ты говоришь, что

ненавидишь ошейники, но если бы ты поносила его, ты бы обнаружила, что с ним жизнь более мирная. Мы не пытаем наших дамани. Мы заботимся о них и позволяем им проводить их жизни в привилегиях.

— Вы не знаете, неправда ли? — спросила Эгвейн.

— Я императрица, — сказала Фортуона. — Мое господство простирается через море, и царство моей защиты охватывает все, что человечество знает и о чем думает. Если есть вещи, которых я не знаю, они известны в моей империи, ибо Я и есть Империя.

— Восхитительно, — сказала Эгвейн. — А ваша Империя

понимает, что я носила один из ваших ошейников? Что однажды я была обучена вашей сул'дам?

Фортуона напряглась, затем вознаградила Эгвейн шокированным взглядом, хотя она немедленно его скрыла.

— Я была в Фалме, — сказала Эгвейн. — Дамани, обученная Ренной. Да, я носила ваш ошейник, женщина. Я не нашла там мира. Я нашла боль, унижение и ужас.

— Почему я не знала этого? — оборачиваясь громко спросила Фортуона — Почему вы не сказали мне?

Эгвейн окинула взглядом Высокородных. Ей показалось, что

Фортуона обращается конкретно к одному из них — человеку в дорогих отделанным белыми кружевами черных с золотом одеждах. Один его глаз скрывала черная, в тон костюма, повязка, ногти на руках были покрыты темным лаком.

— Мэт? — поразилась Эгвейн.

Он, смутившись, скользнул взглядом.

О, Свет! Во что он ввязался? Все ее мысли перемешались. Мэт изображал шончанского Высокородного. Они не должны узнать кто он на самом деле. Что она может сделать для его спасения?

— Приблизься. — сказала Фортуона.

— Этот человек не ... — начала было Эгвейн, но Фортуона ее перебила.

— Нотай, ты знал, что эта женщина беглая дамани? Я полагала, что вы знакомы с детства.

— Ты знаешь кто он? — спросила Эгвейн.

— Конечно да, — сказала Фортуона. — Он именован Нотаем, но однажды был назван Мэтримом Коутоном. Не думай, что он будет служить тебе, марат'дамани, хотя вы выросли вместе. Сейчас он Принц Воронов, положение, которого он достиг, женившись на мне. Он служит Шончан, Хрустальному Трону и Императрице.

— Да живет она вечно, — заметил Мэт. — Привет, Эгвейн. Рад слышать, что ты сбежала от этих Шарцев. Как Белая Башня? Все ещё... белая, я надеюсь? — Эгвейн перевела взгляд с Мэта на Императрицу Шончан, затем назад на неё. Наконец, не имея возможности сделать что-либо еще, она взорвалась от смеха.

— Ты женился Мэтрим Коутон?

— Пророчества предопределили это, — сказала Фортуона.

— Ты позволила себе приблизиться слишком близко к та'верену, — сказала Эгвейн, — И поэтому Узор связал тебя с ним!

— Глупые суеверия, — сказала

Фортуона.

Эгвейн уставилась на Мэта.

— Та'верен из меня так себе, — кисло отозвался Мэт. — Полагаю, я должен благодарить Узор за то, что он не забросил мою задницу в Шайол Гул. Спасибо и на этом.

— Ответь на мой вопрос, Нотай, — сказала Фортуона. — Знали ты, что эта женщина сбежавшая дамани? Если это так, почему ты не сказал мне об этом мне?

— Я думаю это не важно, — сказал Мат. — Она не долго была дамани, Туон.

— Мы поговорим об этом позднее, — сказала Фортуона мягко. — Не обещаю, что это будет

приятно. — Она возвратилась к Эгвейн. — Разговаривать с бывшей Дамани, не то же самое как говорить с недавно захваченным или тем, кто всегда был свободен. Известия об этом не утаишь. Вы причинили мне... неудобство.

Эгвейн видела перед собой женщину, сбитую с толку. Свет! Эти люди были совершенно безумные.

— С какой целью Вы настаивали на этой встрече? Возрожденный Дракон просил Вас помочь нашей борьбе. Помогите нам тогда.

— Я должна была встретиться с Вами, — сказала Фортуона. — Вы — моя противоположность. Я

согласилась присоединиться к этому миру Дракона, но есть условия.

О, Свет, Ранд, задумалась Эгвейн. Что ты пообещал им? Она напряглась.

— Присоединившись к последней битве, — сказала Фортуона, — Я готова признать незыблемость границ наций, так как в настоящее время они находятся на карте. Мы не будем захватывать новых марат'дамани, кроме тех, что нарушат наши границы.

— И эти границы? — спросила Эгвейн.

— Как ныне очерченные, как я...

— Будь более конкретной, —

сказала Эгвейн. — Скажи мне своим собственным голосом, женщина. Какие границы?

Фортуона сжала губы в линию. Обычно, она не привыкла что её прерывают.

— Мы контролируем Алтару, Амадицию, Тарабон и Равнину Алмот.

— Тремалкин, — сказала Эгвейн. — Вы освободите Тремалкин и другие острова Морского Народа?

— Я не перечислила их, потому, что они не ваши земли, а морские территории. Они вас не касаются. Кроме того, они не были частью соглашения с Драконом Возрождённым. Он не упомянул их.

— У него слишком многое в мозгу. Тремалкин будет частью соглашения со мной.

— Я не была предупреждена, что мы заключим подобное соглашение, — спокойно сказала Фортуона. — Вы нуждаетесь в нашей помощи. Мы можем оставить вас в любой момент, стоит мне только приказать. Как вы выстоите против этой армии без нашей помощи, которую вы так недавно попросили меня одолжить?

"Просила?" — подумала Эгвейн.

— Вы понимаете, что произойдет, если мы проиграем Последнюю Битву? Темный сломает Колесо, убьет Великого Змея, все

закончится. В случае, если нам повезет. Если нет — Темный перекроит мир по собственному извращенному разумению. Человечество навечно будет связано с ним — поработанное и страдающее от мук.

— Я знаю это. — ответила Фортуона, — Вы ведете себя так, будто именно эта ваша конкретная битва, здесь, на этом поле — решающая.

— Если моя армия будет уничтожена — парировала Эгвейн — все наши усилия могут подвергнуться риску. От того, что здесь произойдет, действительно, может зависеть все.

— Я не согласна — сказала

Фортуна, — Ваши армии не имеют решающего значения. Они состоят из потомков клятвопреступников. Вы сражаетесь с Тенью, поэтому я оказала вам честь. Если вы проиграете, я хочу вернуться в Шончан и собрав все силы Всегда Побеждающей Армии поведу их против этой ... мерзости. Мы смогли бы выиграть Последнюю Битву. Без вас это будет труднее — я не хочу зря тратить времени или потенциальных дамани, но уверена, нам по силам противостоять Тени самостоятельною.

Она встретила взгляд Эгвейн.

"Такой холодный", думала Эгвейн. "Она блефует. Должна.

Доклады глаз-и-ушей Суан говорили, что родина Шончан была в хаосе. Кризис наследования."

Возможно Фортуона в самом деле полагала, что Империя сможет выстоять против Тени в одиночку. Если так, то она ошибалась.

— Вы будете сражаться рядом с нами, — сказала Эгвейн. — Вы заключили соглашение с Рандом, дали ему свою клятву, я полагаю.

— Тремалкин наш.

— О? — сказала Эгвейн. — И вы оставили там правителя? Кто-то из Морского Народа признал вашу власть?

Фортуона ничего не сказала.

— Большинство завоеванных

вами стран вам лояльны. — сказала Эгвейн. — Как бы там ни было, алтарцы и амадицийцы поддерживают вас. Тарабонцы кажется тоже. Но Морской Народ ... Мне неизвестно, чтобы вас поддержал или смирился и жил под вашей властью хоть один из его кланов.

— Границы...

— Границы которые вы только что упомянули, как они существуют на картах, показывают Тремалкин, как землю Морского Народа. Они не ваши. Если наше соглашение оставляет границы на своих местах, вам понадобится правитель в Тремалкине, признающий вас.

Подобный аргумент представлялся Эгвейн несущественным — шончан завоеватели. С чего им волноваться о законности своей власти? Однако Фортуона, казалось, задумалась над ее словами. Она нахмурилась раздумывая.

— Это... хороший аргумент, — наконец сказала Фортуона. — Они не примут нас. Они глупы, отклоняя мир, который мы им предложили, но они все равно сделали это. Очень хорошо, мы оставим Тремалкин, но добавим условие к нашим соглашениям, как это сделали вы.

— И ваше условие?

— Вы объявите в вашей Башне и

во всех своих землях, — сказала Фортуона. — Любой марат'дамани, которая пожелает прийти в Эбу Дар и быть должным образом обуздана, должно быть позволено это.

— Вы думаете, что люди хотят носить ошейник? — Она была сумасшедшей. Она должна была быть.

— Безусловно захотят. — сказала Фортуона. — Иногда в Шончан мы пропускаем в своих поисках способных направлять. Когда они это понимают, сами приходят и требуют надеть ошейник, как положено. Вы не будете им в этом препятствовать. Вы позволите им являться к нам.

— Я обещаю вам, никто не захочет.

— Тогда у вас не возникнет трудностей сделать это объявление, — сказала Фортуона. — Мы пошлём эмиссаров, чтобы обучить ваших людей преимуществам дамани — наши учителя придут с миром, так как мы сдержим соглашение. Я считаю, что вы будете удивлены. Кто-то увидит где правда.

— Как угодно — согласилась удивленная Эгвейн — Я не могу говорить за всех правителей, не нарушайте законы и я думаю, что большинство из них позволят это вашим ... посланцам.

— Какой страной Вы управляете? Тар Валон? Вы дадите разрешение нашим посланцам?

— Если они не будут нарушать законов, — ответила Эгвейн — я не буду им препятствовать агитировать. Я позволила бы проповедовать даже Белоплащикам, если они будут способны на это без подстрекательств к мятежу. Но Свет ... Вы же не можете действительно верить ...

Она умолкла, вглядываясь в Фортуону. Она действительно верила. Она в это верила. Насколько Эгвейн могла понять, она была уверена.

"По крайней мере она

искренняя", думала Эгвейн.
"Сумасшедшая. Сумасшедшая, но искренняя".

— А дамани, которых вы удерживаете? — сказала Эгвейн. — Вы позволите им уйти, если они захотят, чтобы их отпустили?

— Никто, кто был правильно обучен, не пожелает этого.

— Это должно быть равнозначным с обеих сторон, — сказала Эгвейн. — Что если девушка, которую вы найдете способна направлять? Если она не желает, чтобы вы сделали из нее дамани, разрешите ли вы ей покинуть ваши земли и присоединиться к нам?

— Это то же самое, что дать на

рыночной площади свободу
разъяренному гролму.

— Вы сказали, что люди
должны увидеть истину — возразила
Эгвейн — Если ваш жизненный путь
настолько хорош, ваши убеждения
истинны — люди увидят и выберут
это. Если же они не захотят, Вы не
должны принуждать их. Позвольте
любому, кто захочет стать
свободным, обрести свободу, и я
позволю Вашим людям выступать в
Тар Валоне. Свет! Я обеспечу их
кровом и пищей, я позабочусь об
этом в каждом городе!

Фортуона взглянула на Эгвейн.

— Многие из наших сул'дам
надеются в ходе войны захватить

новых дамани из числа тех, кто служит Тени. Возможно этих шаранцев. Вы хотите позволить им или вашим Черным Айя остаться на свободе? Разрушать и убивать?

— Их необходимо судить и казнить, в Свете.

— Почему бы не использовать их? Зачем тратить их жизни впустую?

— То, что вы делаете — отвратительно — вспылила Эгвейн — даже Черные Айя не заслужили этого.

— Не стоит так разбазаривать ценный ресурс.

— Так ли это? — сказала Эгвейн. — Вы осознаете, что все без

исключения ваши сул'дам, ваши драгоценные учителя, сами по себе марат'дамани?

Фортуона крутнулась к ней.

— Не распространяйте такую ложь.

— О? Может попробуем, Фортуона? Вы сказали, что обучали их лично. Полагаю, Вы сул'дам? Застегните ай'дам на своей шее. Я поведу вас. Если я ошибаюсь, это не причинит вам вреда. Если я права, вы будете под его властью, и это докажет, что вы марат'дамани.

Глаза Фортуоны гневно расширились. Она могла проигнорировать язвительность Эгвейн, сравнившей ее с

преступницей, но это обвинение кажется задело ее до глубины души ... это подтолкнуло Эгвейн добавить соли на рану.

— Да- сказала Эгвейн. — Давайте сделаем это и проверим глубину ваших убеждений. Если вы окажетесь способной направлять, то Вас, также как и прочих, обуздают, поскольку Вы утверждаете, что это необходимо. Вы будете ходить с ай'дамом на шее, Фортуона? Вы подчинитесь собственному закону?

— Я повинуюсь им, — холодно процедила Фортуона, — Вы слишком невежественны. Возможно, каждая сул'дам способна научиться направлять. Но это не означает, что

они — мараг'дамани. Не более, чем то, что человек, способный стать убийцей, должен считаться им.

— Посмотрим, — сказала Эгвейн, — еще больше ваших людей осознает ту ложь, которую им говорили.

— Я лично обуздаю тебя, — вкрадчиво промолвила Фортуона, — Рано или поздно твои же люди приведут тебя к нам. Ты зарвешься, а твоя самонадеянность приведет тебя в мои руки. Я буду ждать.

— Я планирую жить века, — прошипела Эгвейн. — Я буду наблюдать как твоя империя распадается, Фортуона. Я буду наблюдать это с радостью. — Она

подняла палец, чтобы ткнуть женщину в грудь, но Фортуона переместилась с размывающей скоростью, её рука схватила Эгвейн за запястье. Для кого-то её размеров, она действительно была быстра.

Эгвейн инстинктивно обняла Источник. Находившиеся поблизости дамани ахнули, их окружило свечение Силы.

Мэт ринулся между Эгвейн и Фортуоной, отпихнув их друг от друга и удерживая их вытянутыми в разные стороны руками. Эгвейн попыталась убрать его руку плетением Воздуха, которое конечно же распалось.

Кровь и пепел! Она забыла про

его тер'ангриал.

— Давайте будем цивилизованными, леди, — сказал Мэт глядя на одну из них, затем на другую. — Не заставляйте меня перекинуть вас обеих через моё колено.

Эгвейн взглянула на него и Мэт встретил её взгляд. Он пытался отвести её злость на него вместо Фортуоны.

Эгвейн посмотрела на его руку, неудобно удерживающую ее, слишком близко к груди. Фортуона тоже смотрела на его руку.

Мэт опустил руки, сделав вид будто ничего не произошло.

— Послушайте меня — народы

нуждаются в вас обеих, и нуждаются в вашем здравом уме. Это значит больше, чем каждый из нас. Когда вы деретесь друг с другом, Темный выигрывает, и с этим ничего не поделаешь. Прекратите вести себя как дети.

— Мы подробно поговорим об этом сегодня вечером, Нотай, — пообещала Фортуона.

— Я люблю обещания — продолжил Мэт, улыбаясь — Бывают замечательные обещания. Они всегда мне нравились. Что Вы думаете, например о таком — Я обещаю прямо сейчас не убивать Эгвейн за то, что она посмела прикоснуться ко мне, Императрице, да живу я вечно,

потому что в течение ближайших нескольких недель чертовски нуждаюсь в ней. — Он внимательно смотрел на Фортуону.

— Вы действительно вышли за него замуж? — спросила Эгвейн. — В самом деле?

— Это было ... необычно — ответила Императрица. Она кивнула и впилась в Эгвейн взглядом. — Он мой, и я не намерена его отпускать.

— Вы не кажетесь той, кто выпустит хоть что-то, попавшее ей в руки. — сказала Эгвейн — Сейчас меня интересует не Мэтрим, а ваша армия — Вы будете сражаться или нет?

— Мы будем сражаться —

ответила Фортуона, — Но моя армия не будет подчиняться вам. Пришлите нам планы вашего командующего. Мы их изучим. Но мне и так ясно, что вам будет тяжело оборонять брод не имея большего числа ваших марат'дамани. Я пошлю сул'дам и дамани для прикрытия вашей армии. Пока это — все, что я для вас сделаю, — Она повернулась и пошла к своей свите, — Пошли, Нотай.

— Я не знаю каким образом ты в это влип — шепнула Эгвейн Мэту.

— Я не хочу знать. Я сделаю все возможное, чтобы помочь тебе освободиться, когда закончится сражение.

— Это очень любезно с твоей

стороны, Эгвейн, — хмыкнул Мэт, —
Но я справлюсь сам.

Он поспешил за Фортуной.

Он всегда так говорил. Она бы
нашла способ ему помочь. Эгвейн
покачала головой и отправилась к
ожидавшему ее Гавину. Лейлвин
отказалась от этой встречи, хотя
Эгвейн думала, что она будет рада
увидеть своих соотечественников.

— Нам придётся держать их на
коротком поводке, — мягко сказал
Гавин

— Согласна, — сказала Эгвейн.

— Вы по прежнему будете
сражаться в союзе с Шончан,
несмотря на то, что они сделали?

— До тех пор, пока они

отвлекают на себя шарских направляющих, да. Эгвейн посмотрела на горизонт, в ту сторону, где находился Ранд и ожидавшее его тяжелое сражение, — У нас нет выбора. Союзников становится все меньше. И сейчас, любой, кто готов убивать троллоков, является другом. Только так.

Андорские линии прогнулись, и Троллоки разорвали их, рычащие звери с зловонным дыханием клубившимся в холодном воздухе. Алебардщики рядом с Илэйн, беспорядочно побежали, спотыкаясь и падая. Первые несколько Троллоков не обращая на них внимания, выли и прыгали через них,

чтобы освободить место для других, как темная кровь из раны во плоти.

Илэйн попыталась собрать те немногие силы, что еще остались. Она чувствовала, как будто саидар был готов ускользнуть от нее в любой момент, но люди которые бились и умирали сейчас не были сильнее, чем она в этот момент. Они сражались большую часть дня.

Так или иначе найдя немного силы, чтобы плести, она поджарила несколько первых Троллоков шарами огня, ставя подножку потоку через рану в человеческой линии. Следом полетел поток белых стрел из лука Бергитте. Троллоки булькали, цепляясь за шею куда били стрелы.

Илэйн послала удар за ударом
сидя на лошади, ее уставшие руки
цеплялись за седло, когда она
моргнула глазами, которые, казались
налитыми свинцом. Куча мертвых
поверженных Троллоков,
образовывала как бы корочку на
ране, блокируя другим путь, разрывая
их на части. Резервные войска
бросились вперед, захватывая землю
и толкая Троллоков назад.

Илэйн выдохнула, шатаясь. Свет!
Она чувствовала, как будто она была
вынуждена бегать вокруг Кэймлина,
с грузом свинцовых грузиков. Она
едва могла сидеть прямо, не говоря
уже о направлении Единой Силы. Ее
зрение тускнело, затем потемнело

совсем. Звуки погасли. Темнота.

Звук вернулся в первую очередь. Удаленные крики, лязг. Очень слабый звуковой сигнал горна. Вопли Троллоки. Иногда грохот драконов. Они не стреляли так часто, подумала она. Алудра изменила в ритм их стрельбы. Башир будет отводить по частям войска и давать им отдохнуть. Троллоки открывались, и драконы могли атаковать их в течение короткого времени. Когда Троллоки пытался приблизиться и уничтожить драконов, кавалерия приходила и разбивала их фланги.

Это убило множество Троллоков. Это была их работа.... убивать Троллоков...

"Слишком медленно", думала она. "Слишком медленно..."

Илэйн обнаружила себя на земле, встревоженная Бергитте склонилось над ней.

— О, Свет? — пробормотала Илэйн. — Я что, свалилась?

— Мы поймали Тебя вовремя, — пробормотала Бергитте. — Ты упала в наши руки. Поднимайся, мы отходим.

— Я...

Бергитте поднял бровь, ожидая её аргументов.

Это было трудно сделать, лежа на спине в нескольких шагах от линии фронта. Саидар покинул ее, и она, вероятно, не смогла бы снова

ухватиться, даже если её жизнь зависела бы от этого.

— Да, — сказала она. — Я должна... мне следует проверить Башира.

— Очень мудро, — подтвердила Бергитте, подзывая охрану, чтобы помочь Илэйн влезть на лошадь. Она помолчала, потом добавила. — Ты хорошо здесь потрудилась, Илэйн. Они знают, как ты сражалась. Это вдохновило их, видеть тебя рядом.

Они стали торопливо пробираться через задние ряды. Там почти никого не было, большинство солдат были в сражении. Они должны победить, прежде чем вторая армия Троллоков подойдёт, а это

означало бросить все силы в эту атаку.

Тем не менее, Илэйн был удивлена их истощенным резервом, очень мало людей могли отойти с передних рядов сражения, чтобы отдохнуть. Как давно это продолжается?

Облака окутали открытое небо, которое часто сопровождало ее. Это казалось плохим знаком.

— Пусть будут прокляты эти облака, — пробормотала она. — Какое сейчас время суток?

— Возможно два часа после восхода солнца, — сказала Бергитте.

— Свет! Тебе следовало заставить меня вернуться в лагерь

несколько часов назад, Бергитте!

Женщина уставилась на нее, и Илэйн смутно вспомнила попытки сделать это. Ну, нет смысла сейчас спорить об этом. Илэйн немного восстановила силы и заставила себя выпрямиться на лошади, когда они пришли в небольшую долину между холмов, вблизи Кайриэна, где Башир раздавал приказы по ведению боя.

Она поехала напрямик в командный пункт, не доверяя ногам, их возможностям держать её при ходьбе, оставаясь в седле, она обратилась Баширу.

— Каково наше положение?

Он посмотрел на нее.

— Я предполагаю, что пока не

могу рассчитывать на вас на передовой?

— Я пока слишком слаба, чтобы направлять. Извини.

— Вы держались дольше, чем должны были, — он сделал запись на своей карте, — Это хорошо. Я склонен полагать, что вы были единственной, кто удерживал восточный фланг от коллапса. Мне нужно отправить поддержку этому направлению.

— Это работает?

— Иди посмотри, — кивая в сторону склона холма сказал Башир.

Илэйн стиснула зубы, но подтолкнула Лунную тень к месту, где был лучше обзор. Она подняла

подзорную трубу пальцами, которые тряслись гораздо больше, чем ей бы хотелось.

Силы Троллоков теснили их линию защитников. Естественным результатом этого было отступление пехоты, образовалась чаша отступления, в направлении движения Троллоков.

Это заставит приспешников Тени почувствовать, что они получили преимущество, и они не задумаются об истинном положении дел.

В то время как они напирали, линия пехоты прогибалась и окружала Троллоков. Она пропустила самый важный момент, когда Башир

приказал Айил атаковать. Их быстрое появление и удар Троллоков с тыла сработал, как и ожидалось.

Силы армии Илэйн полностью окружили Троллоков. Огромный круг корчащейся Тени боролся с ними, окружающие напирали, сжимая всех вместе, чтобы не дать Троллокам навязать борьбу.

Это работало. Свет, это было сделано. Айил били в тыл Троллоков, уничтожая их. Петля затягивалась.

Кто из них дул в рог? Это были Троллоковые горны.

Илэйн рассматривала приспешников Тени, но не могли найти того, кто дул в рог. Она обнаружила несколько мертвых

Мурддраалов рядом с линиями Айил. Один из отряда Алудры, прикрепил дракона к своей повозке и тащил его парой лошадей с всадниками. Они меняли позиции тележек на разных вершинах холмов, чтобы стрелять вниз, по Троллокам.

— Илэйн — сказала Бергитте.

— Ой, прости, — сказала Илэйн, опуская подзорную трубу и передавая её Стражу. — Посмотри. Все идет отлично.

— Илэйн!

Она начала осознавать, насколько обеспокоена была её Страж. Илэйн развернулась в направлении взгляда женщины, на юг, далеко за пределы городских

стен. Эти звуки рога. они были настолько мягкими, Илэйн не поняла, что они исходили сзади.

— О, нет. — вымолвила Илэйн, поспешно поднимая подзорную трубу.

Там, как черная грязь на горизонте, подходила вторая армия Троллоков.

— Разве Башир не говорил, что они не смогут быть здесь быстрее чем завтра? — спросила Бергитте. — Самые ранние?

— Это не имеет значения, — ответила Илэйн. — Так или иначе, они здесь. Мы должны подготовиться, необходимо повернуть этих драконов в другую

сторону! Отправьте приказ Талманесу, и найди Лорда Тэма Ал'Тора! Мне необходимо, чтобы Двуреченцы были вооружены и готовы. О Свет! Арбалетчики тоже. Мы должны замедлить вторую армию любым возможным способом.

Башир, подумала она. Я должна сказать Баширу.

Она повернула Лунную тень, двигаясь так быстро, что у неё закружилась голова. Она попыталась обнять источник, но не смогла. Она так устала, что с трудом держалась за поводья.

Так или иначе, она смогла спуститься со склона, не свалившись с лошади. Бергитте уехала, чтобы

передать ее приказы. Хорошая женщина. Илэйн въехала в лагерь, чтобы найти ответы на сложившуюся обстановку.

— ...- Не слушайте это! — кричал Башир. — Я не буду стоять в стороне и выслушивать оскорбления в своем собственном лагере, мужчина!

Объектом его негодования был никто иной, как Тэм Ал'Тор. Непоколебимый двуреченец взглянул на Илэйн, и его глаза открылись широко, как будто он был удивлен, увидев ее там.

— Ваше Величество, — сказал Тэм. — Мне сказали, что Вы все еще на поле боя.

Он повернулся к Баширу, лицо которого наливалось краской.

— Я не хочу, чтобы ты к ней...

— Хватит! — сказала Илэйн, направляя Лунную Тень между ними. Почему Тэм спорил с Баширом? — Башир, вторая армия Троллоков у нас на носу.

— Да, — ответил Башир, глубоко дыша. — Я только об этом слышал. Свет, Илэйн, это просто катастрофа. Мы должны уйти через ворота.

— Мы измотали Родню в нашей битве здесь, Башир — сказала Илэйн, — Большинство сможет направить столько, чтобы согреть чайную чашку, а не открыть Врата.

Свет, а я не смогу согреть чай. Она заставила ее голос оставаться твердыми, — Это было частью плана.

— Я. Это верно, — сказал Башир. Он посмотрел на карту, — Позвольте мне подумать. Город. Мы отступим в город.

— И дать Отродьям Тени время, чтобы отдохнуть, собраться вместе, и штурмовать нас? — спросила Илэйн. — Это то, что они, вероятно, попытаются заставить нас сделать.

— Я не вижу никакого другого выбора, — сказал Башир, — В городе наша единственная надежда.

— В городе? — торопливо и тяжело дыша крикнул Талманес, —

Вы не можете говорить об отходе
обратно в город.

— Почему нет? — спросила
Илэйн.

— Ваше величество, нашей
пехоте только что удалось окружить
армию Троллоков! Они сцепились
зубами и когтями! У нас нет резервов
на левом фланге, и наша кавалерия
измотана. Нам никогда не удастся
выйти из боя, не понеся тяжелых
потерь. И когда наши уцелевшие
скроются в городе, то окажутся в
ловушке между двумя армиями Тени.

— Свет, — прошептала
Илэйн. — Похоже они планировали
это.

— Я думаю да, — тихо сказал

Тэм.

— Не в этот раз, — взревел Башир. Он не был похож сам на себя, хотя она знала, что Салдэйцы устойчивы. Башир выглядел как другой человек. Его жена подошла к нему и стала рядом, скрестив руки на груди, и тоже уткнулась взглядом в Тэма.

— Что ты сказал, Тэм? — спросила Илэйн.

— Я... — начал Башир, но Илэйн вздёрнула руку.

— Он знал, Ваше Величество, — спокойно ответил Тэм. — Это единственное, что как-то объясняет случившееся. Он не использовал Айил для разведки.

— Что? — воскликнула Илэйн. — Конечно он использовал. Я читала отчеты разведчиков.

— Отчеты подделаны, или по крайней мере изменены, — сказал Тэм, — Я разговаривал с Бэйлом. Он сказал, что ни один из его Айильцев не был послан на разведку за последние несколько дней нашего марша. Он сказал, что он думал, что этим занимались мои люди, но они этого не делали. Я разговаривал с Аргандой, который думал, что это делали Белоплащники, но Галад сказал, что это был Отряд Красной Руки.

— Это были не мои люди, — сказал Талманес, нахмурившись. —

Ни один из моих воинов не использовался в целях разведки.

Все взгляды обернулись к Баширу.

— Кто? — спросила Илэйн, — Вел разведку в нашем тылу?

— Я. — Он посмотрел вверх, снова пылая яростью. — У меня есть отчеты где-то! Я показал их, и вы утвердили их!

— Это все слишком идеально, — сказала Илэйн. Она почувствовала внезапный холод, прямо в средней точке ее спины. Он распространился вниз по ее телу, волна ледяного ветра, дующего через ее вены. Они оказались в ловушке, отлично. Направляющие работали до

изнеможения, солдаты связаны ближним боем, вторая армия подошла в тайне на сутки раньше чем сообщали фальсифицированные донесения...

Даврам Башир был Другом Тёмного.

— Башир освобождён от своих обязанностей, — сказала она.

— Но, — вспыхнул он. Его жена положила руку ему на плечо, глядя на Илэйн с огнем в глазах. Башир ткнул пальцем в Тэма, — Я посылал двуреченцев! Тэм Ал'Тор — виновник. Он пытается отвлечь вас, Ваше Величество!

— Талманес, — сказала Илэйн, чувствуя как холод пробирает

кости. — Возьмите пять красноруких и поместите Лорда Башира и его жену под стражу.

Башир выругался. Илэйн была удивлена тем, как спокойно она себя чувствовала. Ее эмоции были притуплены. Она смотрела как его оттаскивали.

Сейчас было не время для этого.

— Соберите наших командиров, — сказала другим Илэйн, — Галад, Арганду. Добейте армию Троллоков под городом! Скажите людям. Бросить все, что есть в эту битву! Если мы не сможем прикончить Троллоков в течении следующего часа, мы все умрем здесь!

— Талманес, эти драконы не могут быть хорошо использованы против Троллоков теперь, когда они окружены — вы рискуете попасть в наших людей. Пусть Алудра переместит все орудия с зарядными ящиками на самый высокий холм, чтобы бить по новому врагу подходящему с юга. Скажите Огир, чтобы сделал ограду вокруг холма с драконами, мы не можем допустить их повреждения. Тэм, пошлите двуреченских лучников на окружающие холмы. И пусть Легион Дракона сформирует линию фронта, арбалетчики впереди, тяжелая кавалерия позади. Свет, пусть этого будет достаточно, чтобы нам хватило

времени закончить с окруженными Троллоками.

Они были близко. Свет! Если эта вторая армия окружит ее людей. Илэйн глубоко вздохнула, а потом открыл себя саидар. Единая Сила хлынула в нее, хотя она могла управлять лишь ручейком. Она может действовать, пока она не исчерпана, но ее тело знало правду.

Она поведет их в любом случае.

Глава 27

Огонь по союзникам

Гаррет Брин шагал по лагерю, который он создал на Арафельской стороне, в нескольких сотнях шагов от границы Кандора к востоку от брода, игнорируя солдат, которые пытались приветствовать его. Суан спешила с одной его стороны, посланец с другой. Они были окружены группой охранников и обеспечивающего персонала, с картами, чернилами и бумагой.

Всё горящее поле сотрясалося от взрывов Силы. Ужасный грохот и дрожь земли ... это было похоже на пребывание в середине камнепада.

Он перестал беспокоиться из-за запаха дыма. Он был повсеместным. По крайней мере, некоторые из пожаров были потушены, а направляющие Шончан собрались на берегу реки и вытягивали из нее потоки воды.

Неподалеку, стойка копий с грохотом рухнула на землю, после близкого удара Единой Силы по лагерю. Он споткнулся, земля взлетела вокруг него и Суан, галька ударила с грохотом по шлему и нагруднику.

— Продолжай доклад, — набросился он на Голкома, посланника.

— Э-э, да, мой Господин. — Тощий человек имел лошадиное лицо.

— Айз Седай красной, зеленой и голубой Айя удерживают свои позиции на вершинах холмов. Серые отошли назад, а Белые сообщили, что у них заканчиваются силы.

— Другие Айз Седай устали также сильно, — сказала Суан, — Я не удивлена, что Белые первыми в этом признались. Это не будет моментом позора для них, просто еще один факт.

Брин хмыкнул, игнорируя

другую грудку земли, которая упала на них. Он должен был двигаться дальше. Тень открыла слишком много Врат сейчас. Они пытаются нанести удар по его командному центру. Это было то, что сделал бы он, если бы был на их месте. Лучшим противодействием этой тактике было, не иметь командный центр, по крайней мере, не тот, который было легко найти.

Судя по всему, битва шла по плану. Это был сюрприз, иногда, так случалось; обычно на поле боя вы должны создавать свою тактику с нуля на каждом шагу, но на этот раз все прошло гладко.

Айз Седай оттесняли Шаранцев

от холмов к югу от брода, подкрепленные устойчивым потоком летящих стрел со стороны лучников, размещенных чуть ниже на склонах. Из-за этого, командующий Тени — сам Демандред — не мог бросить все свои войска против защитников на реку. Не мог использовать все свои войска против Айз Седай — они могли переместиться — так полное его разоблачение привело бы к очень небольшому усилению. Вместо этого, он разделил свои силы, отправив Троллоков с правого фланга в сторону холмов — они понесут потери, но он будет сдерживать Айз Седай — и направив Шаранцев вступить в бой с основной частью

войск Белой Башни на реке.

Шончан заняли большую часть внимания вражеских направляющих. Это не помешало некоторым Шаранским направляющим поддерживать огонь по лагерю Бриана за рекой. Там бесполезно было беспокоиться о том, что попадешь под удар. Здесь он был в такой же безопасности, в какой был бы в любом другом месте, кроме, возможно, полного отступления к Белой Башне. Он не мог вынести идею о том, чтобы быть в безопасности где-то в помещении, в милях от поля боя.

"Свет, — он подумал. — Вот как командиры наверно будут

поступать в будущем. "Безопасный командный пункт, достигаемый только через ворота. Но генерал должен чувствовать течение сражения, а он не смог бы делать это издалека.

— Как справляются пикинеры на каждом из холмов? — поинтересовался он.

— Очень хорошо, мой Лорд — сказал Голком. — Настолько хорошо, как можно было ожидать после нескольких часов сдерживания Троллоков — Брин поставил оборонительные линии пикинеров на половине высоты каждого из холмов, те Троллоки, которым удалось пройти сквозь кордон, могли быть

сняты лучниками выше, без необходимости беспокоить Айз Седай. — Копьям защищающим Красную Айя на середине холма понадобится подкрепление в ближайшее время; они потеряли немало во время последнего штурма.

— Они должны продержаться еще дольше. Те Красные достаточно опасны, чтобы позаботиться о любых троллоках, прорвавшихся через строй пикинеров. — Он надеялся на это. Еще один взрыв сровнял палатку неподалеку — Что с эскадронами лучников там? — Брин пинком отбросил упавшую алебарду.

— У некоторых заканчиваются стрелы, Милорд.

Ну, он не мог им сильно с этим помочь.

Он посмотрел в сторону брода, но там творился кавардак. Это раздражало его, быть так близко к военным действиям и не знать, что происходит с его войсками

— У кого-нибудь есть информация о том, что происходит на переправе? — взревел он, обращаясь к своим помощникам. — Я не могу разглядеть даже Свет-проклятой малости, просто смешение тел и огненные шары, снующие туда и обратно, ослепляя всех нас!

Голком побледнел.

— Те Шончанские женщин

направляют будто их жгут каленым железом до ... Я имею в виду, они доставляют огромные трудности Шаранцам, мой Лорд. Наш левый фланг несет большие потери, но кажется они дают блестящий отпор.

— Разве я не назначил Джони командовать там копейщиками?

— Капитан Шагрин мёртв, Милорд, — сказал другой посыльный, выступая вперёд. У него был свежий рубец на голове. — Я только-что прибыл оттуда.

Сожги меня Свет. Ладно, Джони всегда хотел пасть в бою. Брин держал эмоции под контролем.

— Кто сейчас командует?

— Уно Номеста, — сказал

посыльный. — Он собрал нас вместе, после падения Джони, но послал предупредить, что они под сильным давлением.

— Свет, Номеста даже не офицер! — Впрочем, он годами обучал тяжёлую кавалерию, и там вероятно не было человека, который бы лучше держался в седле, чем он. — Хорошо, возвращайся туда и скажи ему, что я дам ему некоторое подкрепление.

Брин повернулся к Голкому.

— Доберитесь до капитана Денхольда и пусть он отправит свой резервный эскадрон конницы через брод, чтобы усилить наш левый фланг. Давайте посмотрим, что эти

Иллианцы умеют! Мы не можем потерять эту реку!

Посланец побежал. Я должен что-то сделать, чтобы снять давление с тех, Айз Седай в ближайшее время. Он заорал:

— Анна, где ты?

Двое солдат разговаривавших поблизости были оттеснены в сторону, грузной молодой женщиной — в прошлом купеческим охранником, а теперь солдатом и посланником Генерала Брина.

— Господин?

— Анна, пойдя упроси этого Имперского монстра, предводителя Шончан, не будет ли она так добра, одолжить нам немного её треклятой

кавалерии.

— Должна ли я передать это в точности таким образом? — спросила Анна, салютуя, с улыбкой на губах.

— Если ты сделаешь это, девчонка, я швырну тебя с обрыва и позволю Юкири Седай испытать на тебе её новые плетения замедления падения. Иди!

Посыльный ухмыльнулся, затем бросился к площадке для Перемещений для перехода.

Суан посмотрела на Брина.

— Ты становишься ворчливее.

— Ты хорошо на меня влияешь

— огрызнулся он, глядя вверх на тень, пролетающую над ним. Он

достал меч, ожидая увидеть еще один бой с Драгкаром.

Драгкара. Но, вместо этого, это всего лишь была одна из этих летающих Шончанских бестий. Он расслабился.

Огненный шар ударил существо в небе. Оно закружилось, хлопая горящими крыльями. Брин ругнулся, отскакивая назад, пока монстроидальное животное врезалось в землю, прямо в том месте на пути, где бежала посыльная Анна. Труп животного прокатился по ней и врезался в один из шатров снабжения, который был заполнен солдатами и квартирмейстерами. Наездник ракена грохнулся на землю

на доли секунды позже.

Брин пришел в себя и прыгнул вперед, согнувшись под упавшим куском ткани и опорами палатки, которые преградили путь. Двое его охранников нашли солдата наполовину придавленного крылом мертвого зверя и вытащили его на свободу, Суан опустилась на колени и вынула ангриал из своей сумки, чтобы выполнить Исцеление.

Брин прошествовал туда, где упала Анна. Он обнаружил её растерзанной, там где упавшая тварь проехала по ней.

— Сожги меня Свет! — Он оттолкнул мысли об умершей, чтобы решить, что ему делать дальше. —

Мне нужен кто-то, кто пойдёт к Шончан.

В его окружении, только два стражника и один клерк, оставшиеся в лагере. Он нуждался чтобы Шончан прислали ему больше кавалерии; он начинал чувствовать, что очень многое зависит от сохранения тех Айз Седай на холмах в безопасности. В конце концов, Амерлин была там с ними.

— Похоже на то, что мы идем сами, — сказал Брин, оставляя труп Анны. — Суан, достаточно ли ты сильна, чтобы сделать ворота с этим ангриалом?

Она встала, пряча своё истощение, но он мог видеть его.

— Я смогу, хотя они будут так малы, что мы будем ползти через них. Я не знаю этот район достаточно хорошо. Нам придётся вернуться назад, к центру лагеря.

— Сожги меня Свет! — сказал Брин, оборачиваясь на серию взрывов, звучащих со стороны реки. — У нас нет на это времени.

— Я могу пойти поискать для нас еще посыльных, — сказал стражник. Другой помогал солдату, исцелённому Суан. Парень шатко стоял на ногах.

— Я не знаю, есть ли там еще посыльные, — сказал Брин. — Давайте просто...

— ... двигаться.

Брин увидел Мин Фаршав, поднимающуюся на ноги поблизости и отряхивающую себя от пыли. Он уже и забыл, что назначил её помощником клерка в один из снабженческих полков.

— Не похоже, чтобы я могла выполнять обязанности клерка в ближайшем будущем, — сказала Мин, изучая упавший шатёр снабжения. — Я могу бегать так же хорошо, как любой из ваших посыльных. Что вы хотите чтобы я сделала?

— Найди Императрицу Шончан, — сказал Брин. — Её лагерь в нескольких милях к северу отсюда, на территории Арафелла.

Иди на площадку для Перемещений; они знают куда тебя отправить.

— Скажи Императрице, что она должна прислать нам какую-нибудь кавалерию. Наши резервы истощены.

— Я сделаю это, — сказала Мин.

Она не была солдатом. Ну, казалось половина всей армии не была солдатами, еще несколько недель назад.

— Иди, — сказал он и улыбнулся. — Я буду считать дни, которые ты мне задолжала.

Она покраснела. Неужели она думает, что он позволил женщине забыть свою клятву? Это не имеет значения для него, с кем она. Присяга

была присяга.

Мин побежала через тыл армейских линий. В лагере было множество палаток и телег, привезенных со складов снабжения в Тар Валоне или Тире — чтобы заменить, потерянные во время первого Шаранского нападения. Они, казались сплетали препятствия, когда она искала площадку для перемещений.

Земля была разделена веревками на ряды пронумерованных квадратов, отмеченных окрашенными досками. Четверка женщины в серых шаях говорили друг с другом вполголоса, в то время как через ворота проходила повозка со стрелами. Спокойные

волы не обращали внимания, как прилетевший и врезавшийся поблизости в землю огненный шар, который разбросал светящиеся красные камни в воздух и через кучу спальных мешков, которые начали тлеть.

— Мне нужно попасть в армию Шончан, — сказала Мин Серым. — Приказ Лорда Брина.

Одна из Серых сестер, Ашманайла, посмотрела на нее. Она уставилась на бриджи и волосы Мин, а потом нахмурилась.

— Элминдредра? Сладкая моя, что ты здесь делаешь?

— Сладкая? — спросила одна из сестер. — Она — одна из клерков, не

так ли?

— Я должна пойти к армии Шончан, — сказала Мин, запыхавшись от бега. — Приказ Лорда Брина.

На этот раз, похоже, они ее услышали. Одна из женщин вздохнула.

— Квадрат четыре? — уточнила серая у других.

— Три, дорогая, — сказала Эшманаилле. — В четвертый в любой момент могут быть открыты ворота из Иллиана.

— Три, — сказала первая, помахав Мин. Небольшие ворота рассекли воздух. — Проползешь, — заметила она. — Мы должны беречь

силы, разумно делать маленькие врата для посыльных.

Это разумно? Подумала Мин с раздражением, подбегая к небольшому отверстию. Она упала на четвереньки и поползла.

Она оказалась в кольце сожженной до черна травы, чтобы отметить местоположение площадки. Пара охранников Шончан стояли невдалеке с копьями, их лица закрывали насекомовидные шлемы. Мин хотела пройти, но один из охранников поднял руку.

— Я посыльный от Генерала Брина, — сказала она.

— Новые посыльные ожидайте здесь, — сказал один из стражников.

— Это срочно!

— Новые посыльные ожидайте здесь.

Не получив никаких разъяснений, она скрестила руки на груди, выходя из черного круга, на случай открытия других врат, и стала ждать. Она могла видеть реку отсюда, большой военный лагерь вытянут вдоль ее берегов. Армия Шончан может изменить ход этой битвы, думала Мин. Их так много. Она была далека от боя здесь, в нескольких милях к северу от лагеря Брин, но все еще достаточно близко, чтобы видеть вспышки света, результат смертельного плетения направляющих единую силу.

Она волновалась, но заставила себя стоять неподвижно. Взрывы от направленной единой силы походили на глухие удары. Звук приходил после вспышек света, как гром, тянувшийся позади молнии. Почему так происходит?

— Это не имеет особого значения, — подумала Мин. Она хотя бы делала что-то. Она провела последнюю неделю помогая в любых местах, где видела что лишние руки не помешали б. Это было удивительно, как много всего надо было делать в военном лагере, кроме как сражаться. Это не была работа, на которой требовалась именно она, но это было лучше, чем сидеть в Тире

и волноваться о Ранде... Или злиться на него за запрет идти в Шайол Гул.

Ты была бы обузой там, сказала себе Мин. Ты знаешь его. Он не мог участвовать в сохранении мира и защищать ее от Отрекшихся, в одно и то же время. Иногда, было трудно не чувствовать себя мелкой пешкой в мире направляющих как Ранд, Илэйн и Авиенда.

Мин посмотрела на охранников. Только над одним был образ парящий над головой. Окровавленный камень. Он умрет от падения где-нибудь с высоты. Казалось бы, десятилетия, как она не видела ничего хорошего над головой человека. Смерть, разрушение, символы страха и

темноты.

— И кто же она? — невнятно прозвучал голос Шончан. Подошли сул'дам, одна без дамани. Женщина держала в руке ай'дам, поигрывая серебристым ошейником.

— Новый посыльный, — сказал стражник. — Она не проходила через Врата раньше.

Мин сделала глубокий вдох.

— Меня послал Генерал Брин -

— Здесь полагается проверять всех посыльных к нам, — сказала сул'дам. Она была темной кожи с завитками локонов, которые падали ей на плечи, — Императрица — пусть живет она вечно — должна быть защищена. Порядок в лагере

превыше всего. Каждый посыльный проверяется, никакой возможности для убийц.

— Я не убийца, — ровно сказала Мин.

— А ножи в рукавах? — спросила сул'дам.

Мин встрепенулась.

— Ваши рукава, обвисают так, что это очевидно, дитя — сказала сул'дам, хотя она была не старше, чем Мин.

— Женщина будет дурой, если она гуляет по полю боя без какого-либо оружия, — сказала Мин. — Позвольте мне доставить сообщение одному из ваших генералов. Другой посыльный был убит, когда один из

ваших ракенов был поражен и упал с небес на наш лагерь.

Сул'дам подняла бровь.

— Я Катрона, — сказала она. —

А ты будешь в точности выполнять то, что я говорю, пока мы в лагере. — Она отвернулась и махнула Мин рукой следовать за ней.

Мин вздохнула с облегчением и поспешила за женщиной, они пошли по земле. Лагерь Шончан очень отличается от лагеря Брина. У них были ракены для сообщения и отчетов, не говоря о необходимости защищать Императрицу. Они разбили свой лагерь подальше от боевых действий. Он также выглядел гораздо уютнее, чем лагерь Брина, который

был почти разрушен и восстановлен, и состоял из людей разных стран и военных традиций. Лагерь Шончан был однородный, полный вооруженных солдат.

По крайней мере, таким его видела Мин. Солдаты Шончан стояли в строю, молчали, ожидая вызова на бой. Лагерь был поделен на части отмеченными веревками и надписями, все четко организовано. Никто не суетился. Мужчины молча ходили по своим делам или ждали в по стойке "вольно". Критиковать Шончан можно до бесконечности — и у Мин было много еще чего, что она могла бы добавить, — но они, конечно, были организованнее.

Сул'дам привела Мин в часть лагеря, где несколько мужчин стояли перед документами на высоком столе. Разодетые с наполовину обритой головой верховных слуг, они спокойно делали пометки в документах. Нескромно одетые молодые женщины, несли лакированные подносы, ловко лавируя между столами они расставляли на них тонкие белые чашки дымящейся черной жидкости.

— Мы использовали ракенов в последний время? — спросила Катрона у мужчин.

— Один был сбит во время полета марат'дамани врага и при падении он, возможно, мог рухнуть в

лагерь Генерала Брина.

— Доклад об этом событии только что пришел, — кланяясь сказал слуга. — Я удивлён, что вы уже слышали об этом.

Бровь Катроны медленно двинулась вверх, когда она посмотрела на Мин.

— Вы не ожидали услышать правду? — спросила Мин.

— Нет, — сказала сул'дам. Она переместила руку, возвращая нож в ножны на её боку. — Следуй за мной.

Мин выдохнула. Ну, она имела дела с Айил раньше, Шончан не могли быть такими же колючими, как они. Катрона повела ее по другому пути в лагерь, и тревога Мин

начала расти. Сколько времени прошло с тех пор Брин послал ее? Не было ли это слишком поздно?

Свет, но Шончанам понравились хорошо охраняемые вещи. По два солдата стояли на каждом перекрестке с поднятыми копьями, наблюдая за ними через эти ужасные шлемы. Должны ли все эти люди быть вне боя? В конце концов, Катрона привела ее к зданию, построенному ими. Это не было палаткой. Это имело стены, задрапированные шелком, растянутые в деревянных рамах, деревянный пол и потолок покрытый черепицей. Это, вероятно, быстро сломалось бы при перевозке, но это

казалось несерьезным.

На страже здесь стояли внушительные воины в черно-красных доспехах. У них был свирепый вид. Катрона прошла, когда они поприветствовали ее. Она и Мин вошли в здание, и Катрона поклонилась. Не до земли, по-видимому, императрицы не было в комнате, но достаточно низко, так как многие Высокородные были внутри. Катрона взглянул на Мин.

— Кланяйся, дура!

— Я думаю, что все будет хорошо, если я постою, — сказала Мин, сложив руки, когда она рассматривала командиров внутри. На их переднем крае была знакомая

фигура. Мэт носил шелковые одежды Шончан — она слышала, что он был в этом лагере — но он надел свою знакомую шляпу. Глазная повязка охватывала один его глаз. Так что предвидение, наконец, сбылось не так ли?

Мэт взглянул на неё и ухмыльнулся.

— Мин!

— Я полная дура, — сказала она. — Я могла бы просто сказать, что я знаю, тебя. Они привели бы меня прямо сюда, без лишней суеты.

— Я не знаю, Мин, — сказал Мэт. — Они, скорее, суетятся вокруг нее. Не так ли, Галган?

Широкоплечий человек с

тонким белым гребнем волос на бритой голове смотрел на Мэта, как будто не зная, что с ним делать.

— Мэт, — проясняя мысли сказала Мин. — Генерал Брин нуждается в кавалерии.

Мэт заворчал. — Не сомневаюсь. Он слишком измотал свои войска, даже Айз Седай. За это я дал бы ему медаль. Я никогда еще не видел хотя бы одну из тех женщин, чтобы они сделали хоть шаг по просьбе мужчины. Даже если бы они стояли под дождем и им предлагали войти в сухое помещение. Первый Легион, Галган?

— Они будут делать, — сказал Галган, — до тех пор пока Шарцы не

справятся с пересечением брода.

— Не будут, — сказал Мэт. — Брин создал хорошие защитные позиции, которые справятся с Тенью, при небольшой поддержке. Лаэро лендхаэ эн индемела

— Что это было? — хмурясь спросил Галган.

Мин тоже упустила это. Что-то о флаге? Она раньше изучала Древнее Наречие, но Мэт сказал это так быстро.

— Хмм, что? — сказал Мэт. — Вы никогда не слышали это раньше? Это поговорка Павшей Армии Кардии.

— Чья? — голос Галгана звучал сбитым с толку.

— Не берите в голову, — сказал Мэт. — Тайли, можешь позаботиться ведя легион на поле боя, принимая предложение доброго Генерала?

— Это окажет мне честь, Принц Воронов, — сказала женщина в латных доспехах, стоящая поблизости, четыре пера выходили из шлема, который она держала в руке. — Я давно хотела понаблюдать за действиями этого Гарета Брина более непосредственно.

Мэт взглянул на Галгана, который тёр свою кожу, изучая карту.

— Возьмите свой легион, Генерал-Лейтенант Хирган, как предлагает Принц Воронов.

— И, — добавил Мэт, — нам

нужно понаблюдать за теми Шарскими лучниками. Они собираются выдвинуться севернее вдоль реки, чтобы лучше обстреливать правый фланг Бриана.

— Как вы можете быть уверены?

— Это же очевидно, — сказал Мэт, барабанив по карте. — Пошлите ракена, чтобы убедиться, если желаете.

Галган заколебался, затем отдал приказ. Мин не была уверена, что она была все еще нужна, поэтому она начала свой путь к выходу, но Мэт схватил её за руку.

— Эй. Могу ли я... ну... использовать тебя, Мин.

— Использовать меня? —

ровным голосом спросила она.

— Воспользоваться тобой, — сказал Мэт. — Вот что я имел ввиду. У меня ранее были проблемы со словами, исходящими из моего рта. Только самые глупые из них похоже произносились. В любом случае, не могла бы ты...ух...ну, ты знаешь...

— Я не вижу ничего нового вокруг тебя, — сказала она, — хотя, я полагаю, око на весах, наконец, имеет для тебя смысл.

— Да, — морщась сказал Мэт. — Это треклято очевидно. Что ты видишь в Галгане?

— Кинжал пронзивший сердце ворона.

— Кровавый пепел...

— Я не думаю, что это означает тебя, — добавила она. — Не могу сказать почему.

Галган говорил с некоторыми менее Высокородными. По крайней мере, у них было больше волос, чем у него, который был знаком Шончан. Их тон был приглушенным, и Галган время от времени поглядывать на по крайней мере Мэта.

— Он не знает, что ему со мной делать, — тихо сказал Мэт.

— Непривычно. Я не знаю никого, кто так отреагировал бы на тебя, Мэт.

— Ха-ха. Ты уверена, что окровавленный кинжал не означает меня? Вороны. Ну, вороны имеют в

виду меня, верно? Иногда? Я сейчас проклятый Принц трёклятых Воронов.

— Это не ты.

— Он пытается решить, когда убить меня, — тихо сказал Мэт глядя на Галгана. — Я его заместитель в армии, и он беспокоится, что я вытесню его. Туон говорит, что он избранный солдат, поэтому он будет ждать, завершения Последней Битвы.

— Это ужасно!

— Я знаю, — сказал Мэт. — Он не хочет играть со мной в карты во-первых. Я надеялся, что смогу его победить. Специально проиграть пару раз.

— Не думаю, что ты можешь

управлять этим.

— Вообще-то, я разобрался, как проигрывать проклятые годы назад. — он казался абсолютно серьезным. — Туон сказала, что это будет знак неуважения, если он не попытается убить меня. Они сумасшедшие, Мин. Он трёклято сумасшедшие.

— Уверена, что Эгвейн бы помогла тебе бежать, если бы ты попросил её, Мэт.

— Ну, я не говорил, что они не были веселыми. Только сумасшедшими. — Он расправил свою шляпу. — Но если еще хотя бы один из них треклято попытается...

Он запнулся, когда стража

снаружи шатра сначала преклонила колени, а затем полностью распласталась по земле. Мэт вздохнул.

— Назови Тьму по имени, и привлечешь к себе его взгляд. Йалу казат д'Замон патра Дей-сейа аса дарши.

— Что? — спросила Мин.

— Ты что и этого не знаешь? — спросил Мэт. — Кровавый пепел, неужто теперь вообще никто не читает?

Шончанская императрица вошла в дверь. Мин была удивлена, увидев, что она носит не платье, а широкие серебристые брюки. Или. Ну, может, это было платье. Мин не могла

сказать, толи это были юбки, которые были разделены для верховой езды, или если она была пара брюк с очень широкими штанинами. Верх Фортуоны был из жесткого алого шелка, и над ним она носила открытый синий халат с очень длинным шлейфом. Казалось, воинский мундир, своего рода униформу.

Люди в комнате упали на колени, поклонившись до упора в пол, даже генерал Галган. Мэт остался стоять.

Стиснув зубы, Мин опустилась на одно колено. Женщина была императрицей, в конце концов. Мин не будет кланяться Мэту или

генералам, но это было необходимо, чтобы показать уважение к Фортуоне.

— Кто это, Нотай? — проявляя любопытство спросила Фортуона. — Она высоко себя ставит.

— Ну, ладно, — лениво сказал Мэт, — Она просто женщина Дракона Возрождённого. — Катрона, которая с другой стороны комнаты склонила себя до земли, издала странный звук. Она посмотрела на Мин выпученными глазами.

"Свет", подумала Мин. "Возможно она считает, что обидела меня чем-то или что-то в таком духе".

— Любопытно, — сказала

Фортуна. — Это делает её равной тебе, Нотай. Конечно, кажется, что ты опять забыл поклониться.

— Мой папаша окоченел бы, — сказал Мэт. — Он всегда собой гордился из-за моей памяти.

— Ты снова смущаешь меня на людях.

— Лишь настолько, насколько я смущаю себя. — Он улыбнулся, затем заколебался, как если бы обдумал эти слова повторно.

Императрица улыбнулась и, хотя она и выглядела явным хищником. Она вышла в комнату, люди поднялись, и Мин поднялась на ноги. Мэт сразу же начал толкать её к двери.

— Мэт, подожди, — прошептала Мин.

— Только продолжай идти, — сказал он. — Не рискуй её решением захватить тебя. Она обычно не хороша в том, чтобы позволять событиям идти своим чередом, ежели они оказались в её руках. — Он выглядел действительно гордым, произнося это.

"Ты такой же сумасшедший как и все они", подумала Мин.

— Мэт, окровавленный цветок.

— Что? — подталкивая её спросил он.

— Окровавленный цветок вокруг её головы, — сказала Мин. — Мёртвая лилия. Кто-то собирается

покушаться на неё очень скоро.

Мэт застыл. Фортуона мгновенно обернулась.

Мин не поняла, что двое охранников двигаются, пока они не прижали её к земле. Они были нечеткими в черных доспехах, хотя теперь, когда она была близка, Мин смогла увидеть, что на самом деле темно-зеленый.

Дура, думала она, когда они прижали её лицо к полу. Я должна была позволить Мэту вытащить меня из комнаты сначала. Она не делала таких ошибок уже годы, говорить что-то о своих видениях достаточно громко, чтобы другие могли слышать. Что с ней случилось?

— Отставить! — сказал Мэт. —
Дайте ей встать!

Мэт может и был возвышен до
Высокородного, но, видимо, охране
это было невдомек и они
игнорировали его прямой указ.

— Откуда она это знает,
Нотай? — спросила Фортуона,
подходя к Мэту. Её голос звучал
рассерженно. Возможно сбитым с
толку. — Что случилось?

— Это не то, о чем ты думаешь,
Туон, — сказал Мэт.

— Нет, не...

— Она видит некоторые
вещи, — продолжил Мэт. — Это
нечто заставляет всех вокруг злиться.
Это просто уловка Узора, Туон. Мин

видит видения вокруг людей, как маленькие картинки. Она ничего не понимает из того что говорит.

Он рассмеялся. Заставил себя это сделать.

В комнате воцарилась тишина. Было так тихо, что Мин снова слышала взрывы вдалеке.

— Провидица Судьбы, — прошептала Фортуона.

Охранники вдруг отпустили ее, отступая. Мин застонала, садясь. Охранники перешли на защиту императрицы, но тот, кто прикоснулся к ней, снял перчатки и бросил их на землю. Он вытер руку о свою броню, словно пытаясь очистить свою кожу от чего-то.

Фортуона, похоже, не боялась. Она подошла к Мин, с раскрытыми губами, почти что в страхе. Молодая императрица протянула руку и коснулась лица Мина.

— То, что он говорит ... это правда?

— Да, — неохотно признала Мин.

— Что ты видишь вокруг меня? — сказала Фортуона. — Скажи это, Провидица Судьбы. Я распознаю твои предсказания и оценю права ты или нет!

Это звучало опасно.

— Я вижу окровавленную мертвую лилию, как я уже говорила Мэту, — сказала Мин. — И три

плывущих корабля. Насекомое во тьме. Красные огни, распределённые по полю, пышному и спелому. Человека с зубами волка. — Фортуона сделала резкий вдох. Она посмотрела на Мэта.

— Это великий дар, который ты приподнёс мне, Нотай. Достаточный для оплаты твоего искупления. Достаточный для превышения кредита. Такой грандиозный дар.

— Хорошо...Я...

— Я не принадлежу никому, — сказала Мин. — За исключением возможно Ранда, как и он принадлежит мне.

Фортуона проигнорировала её, вставая.

— Эта женщина — моя новая
Соз'фея. Провидица Судьбы,
Говорящая Правду! Святая женщина,
неприкасаемая. Мы были
благословлены. Пусть знают все.
Хрустальный Трон не имел
истинного толкователя
предзнаменований более трех
столетий!

Мин осела, оглушенная, пока
Мэт не поднял её на ноги.

— Разве это хорошо? —
спросила она его.

— Было бы треклято хорошо,
если бы я знал, — ответил Мэт. —
Но ты помнишь, что я сказал об уходе
от неё? Ну, ты вероятно можешь
забыть об этом сейчас.

Глава 28

Слишком много людей

— Нас отправил непосредственно Лорд Агельмар, — сказал арафелец Лану. Мужчина по-прежнему рассматривал передовую, где его товарищи сейчас сражались не на жизнь, а на смерть.

Здесь, в Шайнаре, гром сотрясал поле битвы. Резкий запах обгорелой плоти вперемешку с опалённой шерстью разносился по воздуху. Повелителям ужаса было плевать,

если они при атаках убивали троллоков, до тех пор, пока они при этом убивали и людей.

— Ты уверен? — спросил Лан, сидя верхом.

— Конечно, Дай Шан, — ответил мужчина. У него были длинные волосы, колокольчики были покрашены в красный по какой-то причине, которой Лан не понимал. Нужно что-то делать с Арафельскими Домами и их отношением к Последней битве. — Пусть меня высекут сотню раз, а потом оставят на солнце, если я лгу. Я был удивлен приказом, так как я думал мои люди будут защищать фланги. Я уж подумал, посыльный

что-то перепутал, но человек, которого я отправил в командный пункт, вернувшись, подтвердил эти указания.

— Спасибо, капитан, — сказал Лан, отпуская его назад к его людям. Он взглянул на Андера и Принца Кайселя, оба сидели рядом и казались обескураженными. Незадолго до этого оба слышали разговор Лана с кандорским знаменосцем, который дал такие же объяснения.

Лорд Агельмар послал их обоих. Две силы резерва, посланные порознь и не знающие, что другие движутся в то же самое место. Холодный бриз дул через реку справа

от Лана, когда он повернулся и поскакал к тыловым линиям.

Жар земли подавлял этот холодок. Облака над головой плыли так низко, что, казалось, кто-нибудь мог потянуться и дотронуться до них.

— Лан? — спросил Андер, пуская с Кайселем своих коней рысцей рядом с Мандарбом. — Что это значит?

— Слишком много людей послано затыкать дыру в наших рядах, — тихо промолвил Лан.

— Это слишком очевидная ошибка, чтобы ее допускать, — ответил Кайсель. — Достаточно было нам беспокойства и по поводу того, что троллоки могут прорваться,

так теперь еще и Повелители Ужаса вступили в битву. А генерал тем временем посылает два отряда вместо одного. Он явно сделал это умышленно.

Нет, это было ошибка... Маленькая, но ошибка. Правильнее всего было бы оттянуть солдат назад и выровнять строй. Простой кавалерийский отряд тогда бы смог отбросить наступающих троллоков. Две волны должны были быть скоординированы. Но если не предупредить обоих капитанов, то появлялся риск, что одна из них помешает другой. И это в конечном итоге так и произошло бы.

Лан покачал головой и осмотрел

поле боя. Знамя Королевы Этениелле было недалеко. Он направился прямо к нему. Королева находилась там с почетным караулом, Лорд Балдер, с Мечом Кирукан, рукоять которого была направлена на королеву, это означало, что она не будет ехать в бой. Лан не был уверен, последует ли Этениелле примеру Тенобии, но Королева не стала. Она была здравомыслящей женщиной. Что еще более важно, она окружила себя такими же советниками.

Лорд Рамсин, ее новый муж, разговаривал с группой своих командиров. Хитрого вида парень, в одежде разведчика, прошел мимо Лана, и отправился за дальнейшими

указаниями. Лорд Агельмар обычно не занимался указаниями для каждого отряда, его головной болью было общее сражение. Он просто говорил своим подчиненным что нужно сделать, а как этого добиться, решали они сами.

Полная, круглолицая женщина сидела рядом с Королевой, и тихо разговаривала с ней. Она заметила Лана, и поприветствовала кивком. Леди Сиреллия была главной среди советников Королевы. В прошлом, у нее с Ланом, были некоторые разногласия, и хотя король Малкир уважал ее, это не мешало ему, временами, желать задушить ее, и сбросить в пропасть.

— Дай Шан, — сказала Королева, кивнув ему. Лорд Рамси находился неподалеку. Загремел гром. Хоть влажность и была высокой, но дождя не было, и никто на него не надеялся. — Вы ранены? Разрешите мне послать, за Целителем.

— Они нужны в другом месте, — сказал Лан, и стража отсалютовала ему. Каждый мужчина носил зеленый табард поверх брони, на котором находился герб, Красный конь, к копьям были привязаны красные и зеленые полосы ткани. Шлемы были закрытыми, в отличие от открытых Малкирских. — У меня есть несколько вопросов к Лорду

Балдеру, могу ли я его забрать, Ваше Величество?

— Только не на долго, Дай Шан, — ответила Королева. Леди Сиреллия прищурилась, очевидно, она хотела знать, что нужно Лану от Меченосца Кандорской королевы.

Балдер подошел к Лану, и переложил меч на другую руку, чтобы рукоять по прежнему указывала на королеву. Это была формальность, но Балдер очень скрупулезно к этому относился. Андер и Принц Кайсель присоединились к ним, и Лан не отправил их обратно.

— Лорд Агельмар отправил большую часть резерва на закрытие небольшого прорыва, — сказал Лан

тихо, чтобы только Балдер, Андер и Кайсель слышали. — И я не уверен, что это необходимо.

— Он приказал Салдейской легкой кавалерии отойти от восточного фланга, — сказал Балдер, — И ударить в левый фланг Троллоков, изматывая их атаками и отступлениями. Он сказал, что это отвлечет внимание Повелителей Ужаса, создаст иллюзию слабой обороны и заставит их делать ошибки.

— Твое мнение? — спросил Лан.

— Хороший ход, — сказал Балдер, — Если ты собираешься вести долгую битву. Я бы не стал

беспокоиться только из-за этого, по крайней мере, пока у салдейцев не падают головы с плеч. Я ничего не слышал насчет резервов. Мы в таком случае будем крайне беззащитны с восточной стороны.

— Давайте предположим, — осторожно сказал Лан, — Что ты один можешь сорвать всю войну. Предположим, что ты делаешь это, но очень аккуратно, что бы не попасться. Как бы ты поступил дальше?

— Разместил бы наши силы спиной к реке, — задумчиво ответил Балдер, — Это хорошая позиция на возвышенности, но есть высокая вероятность окружения. Что

повлечет за собой смертельную схватку, разрыв нашей обороны, и разделение основных сил. Но каждый такой шаг, должен быть очень выверенным.

— Какой же следующий шаг? — спросил Лан

Балдер стал выглядеть обеспокоенным.

— Нужно отвести лучников с холмов на восток. Земля здесь вся покрыта трещинами, и так Отродья Тени могут обойти наших разведчиков, особенно когда все наши глаза устремлены на линию фронта, и подобраться ближе.

— Конечно лучники могут заметит их, поднять тревогу и

удерживать Троллоков до прибытия подкрепления. Но если их передвинут, и восточный резерв будет задействован, тогда враг сможет обойти наш левый фланг и атаковать их тыл... вся наша армия будет прижата к реке, и ее полное уничтожение просто вопрос времени.

— Лорд Мандрагоран — произнес принц Кайсел, подталкивая свою лошадь вперед. Он он огляделся как если бы ему было совестно. — Я не могу поверить, что слышу это. Конечно, вы не подозреваете Лорда Алгемара в предательстве!

— Мы не можем оставить кого-то вне подозрений, — мрачно

ответил Лан, — Осторожность заставляет прислушаться к другим мнениям. Возможно это ничего не означает, но только возможно.

— Нам будет затруднительно выбраться даже из текущей позиции, — сказал Андер, хмурясь. — Если же нас прижмут к реке...

Изначально, роль легкой кавалерии заключалась в прикрытии отступления-, ответил Лан. — В этом случае: сначала пехота отступает через реку, а потом и тяжелая конница на плотях. Из за слабого течения реки, легкая кавалерия сможет переправится в брод, а троллоки в реку не зайдут,

пока их не заставят. Это был достаточно хороший план. — Теперь, если Тьма нажмет очень сильно, Лан потеряет часть армии. А направляющих для переправы всей армии недостаточно. Единственным выходом будет оставить половину на убой. Нет, Лан лучше умрет пред этим.

— Все, что в последнее время делал Лорд Агельмар, было частью достаточно хорошего плана, — сказал напряженно Балдэр. — Достаточно хорошего, чтобы избежать подозрений, но недостаточно хорошего, чтобы выиграть. Лан... с ним что-то не так. Я знаю его много лет. Пожалуйста. Я

все ещё верю, что он всего навсего устал, но он совершает ошибки. Я прав, я точно это знаю.

Лан кивнул. Оставив Лорда Балдера на своем посту, он со своей охраной, отправился к командной палатке в тылу.

Чувство страха, что чувствовал Лан, было как камень, застрявший в горле. Эти облака казались ниже, чем раньше. Они грохотали. Барабаны Темного, оповещающие что он пришел уносить жизни людей.

К тому времени как Лан достиг палатки командования, за его спиной находилась сотня надежных людей. Когда он приблизился, то заметил посыльного, молодого шайнарца, без

доспехов, с хохолком, развивающимся позади во время бега, сидящем верхом на своей лошади.

Лан взмахнул рукой и Андер бросился вперед, схватив вожжи лошади посыльного и крепко их держа. Посыльный нахмурился.

— Дай Шан? — Спросил он, отдавая честь, когда подъехал Лан.

— Ты доставляешь приказы для Лорда Агелмара? — спросил Лан, слезая с лошади.

— Да, мой Господин.

— Какие приказы?

— Лучникам Кандора на востоке, — ответил посыльный. — Они находятся слишком далеко от

основного поля боя и лорд Агельмар считает, что они лучше послужат, если продвинутся вперед и будут обстреливать тех Повелителей Ужаса.

Лучники, вероятно, думали, что легкая кавалерия салдейцев еще там, салдейцы думали, что лучники останутся на своих позициях, резервы думали, что те и другие будут оставаться на месте, после того, как они развернутся.

Это все еще может быть совпадением. Агельмар работает слишком усердно или у него был более грандиозный план, неизвестный другим генералам. Никогда не обвиняй человека в убийстве, пока

сам не будешь готов убить его своим собственным мечом.

— Отставить приказ, — холодно произнес Лан, — Вместо этого отправь салдейских разведчиков с особым поручением за эти восточные холмы. Скажи им наблюдать за признаками присутствия скрытых сил Отродий Тени, готовых ударить по нам. Предупреди лучников, чтобы готовились к стрельбе, затем вернись с ответом. Давай быстро, но никому, кроме самих лучников и разведчиков, не говори о том, что ты делаешь.

Мужчина выглядел смущенным, но отдал честь. Агельмар — командующий этой армией, но у

Лана, как Дай Шана, было последнее слово по части приказов и в этой битве только у Илэйн было власти больше, чем у Лана.

Лан кивнул паре мужчин из Высшей Гвардии. Вашим и Джерал были Малкири, и его уважение к ним сильно выросло за последние несколько недель, проведенных в совместных сражениях.

Свет, прошли только недели? Ему казалось, что месяцы...

Он оттолкнул эту мысль, когда двое Малкири последовали за посыльным, чтобы убедиться, что тот все сделает, как велено. Лан рассмотрит последствия того, что происходит, только когда все факты

будут на лицо.

Только тогда.

Лойал не знал много о войне. Не нужно много знать, что бы понять, что Илэйн проигрывала битву.

Он и другие Огир сражались, стоя перед ордой тысяч и тысяч Троллоков, которые пришли раздавить их с юга, огибая город. Арбалетчики из легиона Дракона стояли по обе стороны Огир, залп за залпом выпуская стрелы, когда Троллоки ударили по ним. Враг рассеял истощенную тяжелую конницу Легиона. Отряд пикинеров отчаянно стоял против течения, и Волчья Гвардия пыталась держать строй на другом холме

Он слышал фрагменты того, что происходило на других частях поля битвы. Армия Илэйн сокрушила северную группировку Троллоков, добывая ее, и поскольку Огир бились, охраняя драконов, которые стреляли с холма выше их, все больше солдат прибывало, чтобы присоединиться к новому фронту. Они прибывали окровавленные, истощенные и слабые.

Эта новая сила Троллоков сокрушила бы их.

Огир пели песню траура. Это была панихида, которую они пели для лесов, которые должны были погибнуть или для больших деревьев, которые умерли в шторме. Это была

песня потери, сожаления,
неизбежности. Он участвовал в
заключительном рефрене.

"Все реки иссякают,
Все песни заканчиваются,
Каждый корень умрет,
Каждая ветвь должна согнуться.

Он убил рычащего Троллока, но
еще один впился своими зубами в его
ногу. Он взревел и прервал свою
песню, схватил Троллока за шею.
Лайал никогда не считал себя
сильным, как другие его собратья, но
он поднял Троллока и швырнул в
других за его спиной.

Люди — хрупкие мужчины —
все были мертвы, вокруг его ног. Их
смерть беспокоила его. Каждому

было дано такое короткое время, чтобы жить. Некоторые, еще живы и все еще сражался. Он знал, что они думали о себе больше, чем есть, но здесь, на поле боя — Огир с Троллоками — они, как дети, бегают под ногами.

Нет. Он видел их не такими. Мужчины и женщины боролись с храбростью и страстью. Не дети, но герои. Однако, их смерть заставила его уши откинуться назад. Он начал петь снова, громче, и на сей раз это не была песня траура. Это была песня, которую он не пел прежде, песня роста, но не одна из песен дерева, которые были так знакомы ему.

Ревел он это громко и сердито, размахивая топором. Со всех сторон, трава зазеленела, жизнь давала всходы. Рукоятки Троллоковых пик, начали прорастать, и на них появились листья. Многие звери зарычал и побросали оружие в панике.

Лойал сражался. Эта песня не была песней победы. Это была песня жизни. Лойал не собирался умереть здесь, на этом склоне холма.

Свет! Он должен закончить свою книгу прежде чем умрет!

Мэт стоял в штабе Шончан, в окружении скептически настроенных генералов. Мин только что вернулась, после того как ее

забрали и переодели в одежду Шончан. Туон ушла, пронаблюдать за исполнением имперского долга.

Глядя на карты, Мэт почувствовал желание ругаться снова. Карты, карты и еще раз карты. Кусочки бумаги. Большинство из них были нарисованы клерками Туон в угасающем свете предыдущего вечера. Как он мог знать, что они точны? Мэт видел однажды, как уличный художник рисовал красивую женщину поздним вечером в Кэймлине, и получившееся изображение можно было продать за золото, так же как мертвого Кен Буйе в платье.

Все больше он думал, что от

этих карт не больше пользы чем от тяжелого пальто в Тире. Ему надо было видеть сражение, не, как кто-то там думал, что видит сражение. Карта были слишком просты.

— Я выйду, чтобы взглянуть на поле боя, — объявил Мэт.

— Вы... что? — спросила Котани. Шончанский Генерал была почти так же симпатична, как связка палок в броне. Мэт полагала, что она, должно быть, съела что-то очень кислое однажды и после чего получилась такая гримаса, полезная для распугивания птиц, да и решила носить ее постоянно.

— Я иду посмотреть на поле боя, — снова сказал Мэт. Он снял

шляпу, затем поднял руку над головой и завел ее за спину и ухватил за богато разукрашенные, громоздкие одежды Шончан. Он стащил одежду через голову, неловко шевеля плечами, шелестя шелком и кружевами, а затем отбросил ее в сторону.

На нем остался только его шарф на шее, его медальон и странные бриджи, которые Шончан дали ему, черные и немного жесткие. Мин подняла бровь взирая на его голую грудь, что заставила его покраснеть. Какое это имело значение? Она была с Рандом, так, что сделало ее фактически его сестрой. Была Котани тоже, но Мэт не был

убежден, что она была женщиной. Он не был убежден, что она была человеком.

Мэт занырнул под стол на мгновение, и вытащил оттуда сверток, что спрятал здесь раньше, а потом выпрямился. Мин сложила руки на груди. Ее новая одежда очень хорошо выглядела на ней — платье почти так же богато, как и те, что носила Туон. Темно-зеленого блестящего шелка с черной вышивкой и широкими, открытыми рукавами, которые были настолько широки, что в них можно просунуть голову. Они сделали ей прическу, торчащие кусочки металла в волосах, серебро со вставками огневиков. Их

были сотни. Если титул Провидица Судьбы ее не прокормит, может быть, она сможет найти себе работу, как люстра.

Она в самом деле была совершенно очаровательна в этом наряде. Странно. Мэт всегда считал Мин больше мальчуганом чем девушкой, но теперь он нашел ее привлекательной. Не то, чтобы он прозрел.

Шончан в комнате, казалось, ошеломлены, что Мэт вдруг разделся до пояса. Он не понимал, почему. У них были слуги, которые носили гораздо меньше. Свет! но они на самом деле очумели.

— Я хочу сделать то же

самое, — пробормотала Мин, хватаясь за платье.

Мэт замер, зашипев. Должно быть, он проглотил муху или что-то еще.

— Сожги меня Свет! — донеслось из-под рубашки, которую он сейчас натягивал на себя, раскопав ее где-то среди груды вещей. — Я дам тебе сотню Тар Валонских марок, если ты сделаешь это. Или же расскажу какую-нибудь историю.

Он заработал этим свирепый взгляд, хотя и не знал, почему. Она была одной из тех, кто вечно ходил вокруг да около, как треклятые айильские Девы, когда они шли в

свои палатки-парильни.

Мин не стала раздеваться и Мэт почти опечалился. Слегка. Он должен быть осторожным с Мин. Он был уверен, что улыбнувшись не к месту, заработает удар ножом не только от нее, но и от Туон, а Мэт был бы более счастлив, получив только один удар ножом за раз.

Медальон с лисьей головой удобно покоился на его груди — хвала Свету, Туон поняла, что он ему необходим. Мэт накинул пальто, также извлеченное из свертка.

— Как вы сохранили это? — спросил Капитан-Генерал Галган. — У меня создалось впечатление, что ваши одежды были сожжены, Принц

Воронов.

Галган выглядел очень глупо с одной полосой поседевших волос на голове, но Мэт не упомянул об этом. Это были дела Шончан. Люди могли быть забавными, но он не сомневался, что Галган сам может отправиться в бой и неважно, как он выглядел.

— Эти? — сказал Мэт, указуя на пальто и рубашку. — Я действительно понятия не имею. Они просто были там. Я совсем сбит с толку. — Он был очень рад узнать, что Шончанские охранники, несмотря на надменность и прямые спины, на взятки отвечают также, как и другие люди.

Все, кроме, Стражей Последнего Часа. Мэт научился не шутить с ними; ослепи меня свет, они заставили его думать, что если бы он пошутил еще раз, то ласкал бы лицом грязь. Похоже, было бы лучше совсем не говорить со Стражами снова, так как совершенно очевидно, что каждый из них продал свое чувство юмора за чугунный подбородок.

В крайнем случае, теперь, он точно знал, кому можно доверить безопасность Туон.

Мэт выскочил, прихватив свой ашандарей со стены, когда проходил мимо. Котани и Мин последовали за ним. Тоже неплохо. Жаль, что Тайли сделала так хорошо то, что делала.

Мэт захотелось держать ее сзади за компанию. Некоторые из троллоков, могли бы принять ее за одну из них.

Ему пришлось ждать, пока конюх бегал за Типуном, к сожалению кому-то хватило время доложить обо всем Туон. Он наблюдал за ее приближением. Ну что-ж, она сказала, что возвратится вскоре так или иначе, таким образом, он действительно не собирался избегать конфронтации.

Мин, шурша юбками, тихо проклинала все на свете.

— Все еще пытаешься решить, как сбежать? — пробормотал под нос Мэт Мин, следя за приближением Туон.

— Да, — сказала Мин кисло.

— А знаешь, постели здесь хороши. И они знают, как обращаться с парнем, пока не решат его обезглавить. Я все еще не понимаю, что их до сих пор удерживает от этого.

— Прекрасно!

Мэт повернулся к ней. — Ты понимаешь, что, будь здесь Ранд, он бы, наверняка просил бы тебя остаться здесь.

Мин посмотрела на него

— Это просто правда, Мин. Растреклятая правда. Я был там, когда Ранд привел их на свою сторону, и я могу сказать, тут есть о чем волноваться. Шончан и Айз

Седай не очень-то дружат, если ты еще не заметила.

— Это не скрывать, как и твою гордость, Мэт.

— Ох. Я пытаюсь помочь. Говорю тебе, Мин. Подумай насколько легче было бы Ранду, если бы он знал, что у кого-то, которому он доверял, было ухо Туон, кто-то, мог подтолкнуть ее, чтобы подыграть Айз Седай, давая правильные предзнаменования в нужное время? Конечно, ты можешь вернуться к своим обязанностям клерка. Но я уверен, что это было бы не так полезно, как если ты будешь следить за иностранным монархом и поощрять ее доверять и уважать

Возрожденного Дракона, строя мост дружбы между нею и остальными странами.

Мин застыла на мгновение. — Я ненавижу тебя, треклятый Мэт Коутон.

— Это дух, — сказал Мэт, подняв руку, чтобы поприветствовать Туон.

— Теперь, давай посмотрим, какую из моих конечностей, она отсечет за свою красивую одежду. Это слишком плохо. Приятно, что есть вышивка на платье. Но человеку нужно совсем немного вышивки, чтобы выглядеть изысканно. Ему не надо таскать эту грудку ткани в бой. И ему бы лучше побольше удачи, на

спине Типуна, когда идет бой.

Другие отвешивали свои обычные поклоны и расшаркивались, когда Туон подошла, хотя ее не было всего несколько минут. Мэт поклонился ей. Она окинула его одежду длинными взгляд, сверху донизу. Почему все так скривились на хорошую рубашку и пиджак? Он не выбрал тот потрепанный, что носил, когда навещал Илэйн. Он сжег его.

— Величайшая — сказала Котани. Она была Высокородной, и ей можно было обращаться к Туон напрямую. Да продлиться ваше дыхание вечно. Принц Воронов решил, что он сам должен посетить

поле боя, так как он считает, что у наших посланников и генералов, не хватает мастерства.

Мэт разглядывал Туон, заткнув большие пальцы за пояс, когда наконец конюх привел Типуна. Вовремя, проклятье. Мальчишка что, решил пообедать по пути или посмотреть парочку выступлений менестреля?

— Ну, и чего мы ждем? — Спросила Туон. — Если Принц Воронов желает увидеть поле боя, думаю, верные подданные Империи уже бегали бы в суматохе, чтобы сопроводить его туда.

Котани выглядела так, будто ей дали пощечину. Мэт улыбнулся Туон

и она наградила его ответной улыбкой. Свет, как ему нравились эти улыбки..

— Ну так что, идешь со мной? — Спросил он Туон.

— Конечно. Можешь назвать причину, по которой мне этого делать не следует?

— Ни одной — ответил Мэт, застонав в глубине душе. — Ни единой проклятой причины.

Глава 29

Потеря холма

— Сфокусируйтесь на Исчезающих! — сказала Эгвейн, взорвав воздух перед Троллоками, поднимающимися по склону холма. Троллоки проделали дыру в рядах пикинеров, защищавших холм и теперь прорывались. Теперь, как обычно при нападении на владеющих Силой, они присели на корточки и приготовились. Это открыло Эгвейн хороший вид на весь

кулак Троллоков и Мурдраала, скрывающегося в самом центре. Он был одет в коричневую куртку поверх своей обычной одежды и удерживал Троллоков.

"Неудивительно, что у меня были проблемы с определением его местоположения." — подумала Эгвейн, уничтожая существо плетением огня. Получеловек корчился, содрагаясь и визжа в огне, его безглазое лицо повернулось к небу. Кулак Троллоков также упал.

Эгвейн удовлетворенно улыбнулась, но ей удовольствие было недолгим. У ее лучников было мало стрел, ряды пикинеров были прорваны во многих местах, и

некоторые из Айз Седай явно устали. Другая волна Троллоков заменила тех, что Эгвейн только что сразила. "Сможем ли мы выстоять еще один день?" — подумала она.

Знамя тяжёлой конницы вдруг отделилось от левого фланга армии Брина, сражающейся у реки. Они летели с Пламенем Тар Валона — это была тяжелая кавалерия, которой Брин так гордился. Он объединил их вместе под предводительством капитана Джони Шагина, сочетая опытных ветеранов кавалерии других стран и солдат Гвардии Башни, которые захотели присоединиться к этому элитному боевому подразделению.

Копейщики обогнули Шаранцев перед ними и помчались в сторону холмов Эгвейн, прямо в арьергарде Троллоковой армии, нападающей на позиции Амерлин. Сразу за ними, другая кавалерия последовала в пыли первой группы; те были с темно-зелеными знаменами Иллиана. Похоже, генерал, наконец, отправляет ей некоторую помощь.

Но... Стоп. Эгвейн нахмурилась. Со своей позиции она видела, что левый фланг основной армии оказывался сейчас полностью незащищенным. Что он делает? В некотором роде... своего рода ловушка для Шаранцев?

Если бы не планировалась

ловушка, клещи бы не сжимались. Вместо этого, Шаранская кавалерия атаковала открытый левый фланг Брига и начала наносить огромный урон пехотинцам, защищающим эту позицию у реки. А затем Эгвейн увидела другое движение на поле внизу, которые действительно ужаснуло ее — еще больше кавалеристов с Шаранским знаменем отделилось от вражеского правого фланга и наступало на отряды копейщиков, что мчались на помощь Эгвейн.

— Гавин, передай тем копейщикам — это ловушка!

Но не было времени, чтобы сделать что-нибудь. Через несколько

мгновений, Шаранская кавалерия начала уничтожать копейщиков Белой Башни позади. В то же время, задние ряды Троллоков развернулись лицом к скачущим копейщикам. Эгвейн могла видеть, что все эти Троллоки несли длинные копья, которые запросто могут проткнуть лошадь вместе с наездником. Передние ряды копейщиков превратились в кровавую кучу, а Троллоки дальше продирались через кровавое месиво и вонзали свое оружие сквозь кавалеристов позади.

Эгвейн крикнула, открываясь Единой Силе, и пытаясь уничтожить силы Троллоков — и другие женщины присоединились к ней. Это

была резня с обеих сторон. Троллоков было слишком много, а копейщики были незащищены. Через несколько минут все было кончено. Лишь несколькими кавалеристам удалось выжить, и Эгвейн видела их мчащихся галопом в сторону реки.

Это шокировало ее. Порой казалось, армии двигаются словно напыщенные огромные суда, однако затем, в одно мгновение, все взрывается, и все знамена погибают.

Она отвела взгляд от трупов внизу. Позиции Айз Седай на вершине холма были скомпрометированы. Как только Троллоки вновь обратили свое внимание к ее силам, Эгвейн

приказала создать ворота. Она отправила пикинеров через ворота первыми, пока ее лучники продолжали обстреливать Троллоков внизу. Затем, Эгвейн и остальные Айз Седай, обрушили ливень разрушения на Троллоков на время, достаточное, чтобы лучники ушли через ворота.

Прежде, чем пройти через последние ворота на холме, Эгвейн последний раз окинула взглядом поле боя. Что только что произошло? Она повернула голову, когда Гавин подошел к ней, верный, как всегда. У него не было возможности воспользоваться мечом в этой битве. Также, как не было и у Лейлвин; эти

двое, похоже, вели тихую конкуренцию относительно того, кто может выступать в качестве лучшего охранника, прикрывая Эгвейн. Она находила это раздражающим, но это было лучше, чем угрюмое сожаление Гавина об обязательствах в предыдущих боях.

Он был бледный, однако. Как будто в самом начале болезни. Или это было от недосыпания?

— Я собираюсь отправиться в лагерь и найти генерала Брина, — сказала Эгвейн. — Я хочу знать, как он мог допустить такое. Затем я отправлюсь к нашим войскам, защищающим брод, и отомщу за наших людей, которые понапрасну

потеряли свои жизни здесь.

Они оба нахмурились.

— Эгвейн... — Сказал Гавин.

— У меня еще есть силы, — ответила Эгвейн. — Я использую са'ангриал, чтобы поддерживать свои силы для такой тяжелой работы. Люди, сражающиеся там, нуждаются во мне, и я должна помочь, где могу. Я возьму столько охранников, как вы того пожелаете.

Гавин помедлил, взглянул на Лейлвин и, наконец, кивнул.

Лан спешился и передал поводья Андеру, затем прошел мимо охранников, которые, казались потрясенными, увидев его и и

множество солдат за ним, вся одежда которых была в крови, направляющимися к командной палатке. Палатка была больше похожа на навес, продуваемый со всех сторон, с охраной по периметру, похожей на муравьев. Воздух сегодня накалился в Шайнаре. Он давно уже не получал донесений с других полей сражения, но прослышал, что его опрометчивый поступок будет не единственным сегодня. Илэйн билась в Кайриэне, Амерлин на границе Арафелла.

Да ниспошлет Свет, чтобы дела у них обстояли лучше, чем у Лана. Внутри палатки Агельмар стоял над картами, разбросанными вокруг на

земле, тыкая в них тонкой жердью и передвигая цветные камушки, как будто отдавая приказы. Бегуны предоставляли обновленную информацию о ходе сражения. Лучшие планы битвы существуют, пока не будет вытащен первый меч, но хороший генерал мог разработать план битвы подобно гончару, придающему формы глине, совершая непредвиденные атаки, обманные отступления и перестроения войск.

— Лорд Мандрагоран? — спросил Агельмар, глядя вверх. — Свет, человек! Ты похож на само Запустение. Ты виделся с Айз Седай для Исцеления?

— Со мной всё хорошо, —

ответил Лан, — Как идёт сражение?

— Я воодушевлен, — сказал Агельмар, — Если мы сможем найти способ, чтобы остановить этих Повелителей ужаса на час или два, я думаю, что у нас на самом деле имеются хорошие шансы отбросить Троллоков назад.

— Не уверен, — сказал Лан, — Их слишком много.

— Дело не в количестве, — сказал Агельмар, размахивая руками перед Ланом, указывая на карту. — Лан, есть то, что понимают лишь немногие. Армии могут, и довольно часто, быть сломленными, даже имея численное превосходство, преимущество в местности на поле

боя и хорошие шансы на победу.

— Когда вы командуете, то начинаете думать об армии как едином целом. Массивное животное со множеством конечностей. Но это ошибка. Армия состоит из людей, в данном случае, Троллоков, каждый из них на поле, каждый из них в ужасе. Быть солдатом означает держать свой страх под контролем. Зверь внутри просто хочет вырваться на волю.

Лан присел на корточки, изучая карту. Ситуация была похожа на то, что он видел, только Агельмар отметил на карте легкую салдейскую кавалерию, как все еще находящуюся на восточном фланге. Ошибка? Лан

подтвердил про себя, что кавалерии там больше нет. Разве не должны были посыльные доложить Агельмару о том, что карта не точна? Или он специально отвлекал их чем то еще?

— Я покажу вам сегодня кое-что, Лан, — тихо сказал Агельмар. — Я покажу вам, чему самый маленький человек на учебном дворе должен научиться, чтобы выжить. Вы можете заставить большую по силам армию врага сломаться, если убедите его, что он умрет. Ударьте его достаточно сильно и он побежит, и не вернется, чтобы позволить вам ударить снова, даже если в тайне вы слишком слабы, чтобы ударить вновь.

— И это ваш план? — Спросил Лан. — На сегодня?

— Троллоки сломаются, если мы продемонстрируем им силу, которая испугает их, — сказал Агельмар. — Я знаю, это может сработать. Я надеюсь, мы можем свалить лидера этих Повелителей Ужаса. Если Троллоки посчитают, что они проигрывают, они побегут. Они трусливые звери.

Рассуждения Агельмара казались правдоподобными. Может Лан просто не видит всей картины. Может в этом и заключался гений великого капитана, способность видеть то, что другие не понимали. Правильно ли он поступил, отменив

приказ о перемещении лучников?

Посыльный Лана, отправленный ранее, галопом прискакал к командному центру. Один из людей Высшей стражи тоже был здесь, он поддерживал свою руку, из которой торчала стрела с черным оперением.

— Огромные силы Отродий Тени! — сказал посыльный. — Идут с востока! Дай Шан, вы были правы!

Они знали, что можно там пройти, подумал Лан. Отродья не могли просто заметить, что они ослабили сами себя, не с теми холмами, закрывавшими им обзор. Силы прибыли слишком быстро. Должно быть Тени сообщили или они должны были этого ожидать. Он

взглянул на Агельмара.

— Невозможно! — вскрикнул Агельмар. — Как это? Почему разведчики не заметили этого?

— Лорд Агельмар, — сказал один из его командиров, — Вы отослали разведчиков на восток, чтобы оглядеть реку, помните? Они осматривали противоположный берег (?) для нас. Вы сказали, что лучники могли бы... — Командир побледнел. — Лучники!

— Лучники все еще на своих позициях, — сказал Лан, поднимаясь. — Я хочу, чтобы начали вывод передовых линий. Вытяните Салдейцев из боя для нанесения удара, чтобы помочь отходу

пехотинцев. Вытащите Аша'манов.
Нам нужны Врата.

— Лорд Мандрагоран, — сказал
Агельмар, — Эта новая стратегия
может сработать. Если мы их
растянем, а затем нанесем
сокрушительный удар, размазав их
между нами, мы сможем...

— Вы освобождены от своих
обязанностей, лорд Агельмар, —
сказал Лан, не глядя на него. — И, к
сожалению, я вынужден попросить,
чтобы вы оставались под
присмотром, пока я не разберусь, что
произошло.

В палатке командования
воцарилась гробовая тишина;
каждый адъютант, посыльный и

офицер повернулись к Лану.

— Сейчас Лан, — произнес Агельмар, — Это звучит так, словно ты заключаешь меня под стражу.

— Так и есть, — ответил Лан, подавая знак Высшей Гвардии. Они стали занимать позиции в палатке, чтобы никто не смог убежать. Некоторые из людей Агельмара выхватили мечи, но большинство выглядело смущенными, и только держали руки на рукояти.

— Это возмутительно! — сказал Агельмар. — Не будь дураком. Сейчас не время...

— Что ты хочешь от меня, Агельмар? — рявкнул Лан — Позволить тебе зарыть эту армию в

землю? Позволить Тени поглотить нас? Зачем ты это делаешь? Зачем?

— Ты слишком далеко зашел, Лан. — Произнес Агельмар с трудом сохраняя спокойствие в голосе. Глаза его горели. — Что происходит в твоей голове? Свет!

— Почему ты отозвал лучников с восточных холмов?

— Потому что они требуются в другом месте!

— И какой в этом смысл? — Требовательно спросил Лан. — Разве не вы говорили мне, что охрана этого фланга имеет ключевое значение?

— Я...

— Ты также отозвал разведчиков с тех позиций. Почему?

— Они... Это... — Агельмар поднял руку к голове, глядя ошеломленно. Он посмотрел на карту сражения, и глаза его расширились.

— Что с тобой, Агельмар? — спросил Лан.

— Я не знаю. — он моргнул, глядя на карты у его ног. Его лицо искажил ужас, глаза широко раскрылись, губы едва шевелились. — О, Свет! Что я наделал?

— Передайте мой приказ! — быстро сказал Лан своему высокому охраннику. — "Привести лорда Балдера на командный пункт. А также королеву Этаниэль и короля

Изара".

— Лан, ты должен... —
Агельмар остановился. — Свет! Я не могу объяснить это. Я начинаю думать о том, что делать, и неправильные мысли приходят мне в голову! Я все еще саботирую нас. Я обрек всех нас. — Его глаза расширились, он потянулся к короткому мечу, вытаскивая его из ножен.

Лан перехватил меч за лезвие у рукояти, останавливая его, не позволяя Агельмару вонзить его в живот и оборвать свою жизнь. Кровь сочилась между пальцами Лана, которыми он ухватился за край лезвия, чуть выше рукояти.

— Позволь мне умереть с честью, — попросил Агельмар. — Я... Я уничтожил всех нас. Я проиграл эту войну, Лан, я подвел всех.

— Не войну, только сражение, — сказал Лан. — Что-то не так с тобой. Болезнь, усталость или воздействие Тени. Я полагаю, мы найдем то, что манипулирует твоим разумом.

— Но...

— Ты солдат! — взревел Лан. — Действуй как солдат!

Агельмар замер. Он встретился глазами с Ланом, затем кивнул. Лан убрал пальцы с клинка, и Агельмар загнал его в ножны. Великий

полководец сел, скрестив ноги в традиционной Шайнарской медитирующей позе, и закрыл глаза.

Лан зашагал прочь, отдавая приказы. Принц Кайсель подбежал к нему, явно напуганный.

— Что происходит, Лорд Мандрагоран?

— Вероятно, Принуждение — сказал Лан. — Мы были, как кролики в силках, с петлей медленно, но уютно затягивающейся на наших шеях. Кто-нибудь, пожалуйста, скажите мне, достаточно ли у Аша'манов сил, чтобы открыть Врата! И принесите мне вести с восточного фланга! Те лучники будут нуждаться в

поддержке. Введите в бой остальные резервы, чтобы защитить их.

Принц Кайсель попятился, в то время как приказы продолжали сыпаться, широко раскрыв глаза и положив руку на меч. Он посмотрел на Лорда Альгемара, лицо побледнело.

— Мы действительно потерпели поражение? — спросил он Лана, когда приказы были оглашены, курьеры побежали их передавать.

— Да, — произнес Лан. — Так и есть.

— Лан! — вдруг произнес Агельмар, открывая глаза.

Лан повернулся к нему.

— Королева Тенобия, — сказал

Агельмар. — Я отправил ее в опасность, не понимая, что делаю. Кто бы ни поместил эти планы в мою голову, хотел чтобы она умерла!

Лан тихо выругался, выбежал из лагеря в сторону ближайшего холма. Разведчики потеснились, освобождая место, когда он достиг вершины и сорвал с пояса подозрную трубу. Она ему не понадобилась. Осматривая поле боя он нашёл флаг королевы.

Она была окружена. Королева надеялась на помощь, которую ожидала получить, но ее не было. Лан открыл рот, чтобы отдать приказ, но слова умерли на его губах, так как Троллоки ринулись на небольшой, бело-серебристый, флаг.

В считанные секунды флаг упал, и он не смог найти ни одного живого солдата в этой свалке.

Мороз пробежал по телу Лана. Он никак не мог помочь Тенобии. Было слишком поздно для спасения отдельных личностей.

Это будет удачный день, если он сможет отступить хоть с каким то подобием армии.

Мэт ехал с Туон на юг в сторону поля боя, на берегу реки, которая была западной границей Арафела.

Конечно, там где идет Туон, идет так же Селюсия. А теперь и Мин; Туон хотела, чтобы ее новая Говорящая правду была рядом с ней все время. Туон продолжала

требовать смотреть, и Мин неохотно соглашалась, объясняя, что она видела.

Мэт пытался убедить её сказать, что она увидела шляпу, плавающую вокруг его головы. Это бы убедило Туон прекратить попытки избавиться от него, не так ли? Это было бы лучше, чем толкования Мин по поводу глаза на чаше весов, и кинжала, и всех остальных проклятых вещей, которые она видела вокруг Мэта.

Куда бы не пошла Туон, туда также отправлялись сотня Стражей Последнего Часа. И Галган и Котани, которая чувствовала себя наказанной за то что действовала недостаточно

быстро, чтобы помочь Мэту. Также подъехал Фурик Карид, возглавляющий Стражей Последнего Часа. Находиться рядом с Каридом было примерно так же приятно, как обнаружить руку другого человека в своем??кошельке, но он был хорошим солдатом, и Мэт уважал его. Он очень хотел бы заставить Карида и Лана играть в гляделки. Они могли бы делать это годами.

— Мне нужен лучший обзор — сказал Мэт, осматривая поле боя, когда они оказались в пределах досягаемости огня — Туда.

Он повернул Типуна и поехал в сторону возвышенности достаточно близко к тому месту, где

противоборствующие силы обменивались огнем на поражение на границе с рекой. Туон последовала за ним без слов. Когда все они поднялись на возвышение, он заметил, Селусия уставилась на него колючим взглядом.

— Что не так? — поинтересовался Мэт. — Я-то думал ты будешь счастлива, что я вернулся. Теперь тебе есть на кого сердито смотреть.

— Императрица последует за тобой, куда бы ты ни пошел — сказала она.

— Да, она последует, — сказал Мэт. — Как и я последую за ней, я полагаю. Я только надеюсь, что это

не приведет нас к хождению кругами. — Он оглядел поле боя.

Река не была очень широкой — возможно пятьдесят спанов от берега до берега, но бурной и глубокой по обе стороны от брода. Вода создала хорошую преграду, и не только для Троллоков. Брод, тем не менее, созданный для легкого пересечения воды, был по колено и достаточно широк, чтобы по крайней мере двадцать всадников в ряд могли переправиться одновременно.

В далекой середине Шаранской армии, сидел человек на сверкающей белой лошади. Мэт едва разглядел его в свою подзорную трубу; блестящие доспехи человека не были

похожи ни на какие другие, которые Мэт видел раньше, хотя расстояние делало сложнее сказать конкретней.

— Я полагаю, что это наш Отрекшийся? — спросил он, указывая ашандареем.

— Он, кажется, вопит призывая Возрожденного Дракона, — сказал Галган. В тот же момент по полю битвы разнесся голос Демандред, усиленный Единой силой. Он требовал, чтобы Дракон явился и сразился с ним в дуэли.

Мэт оглядел человека через подзорную трубу. "Демандред, да? Он слегка рехнулся, или что?" — что ж, Мэт знал от какой части проклятой битвы держаться подальше. Он не

подписывался на сражение с Отрекшимся. На самом деле, насколько он помнил, он вообще ни на что не подписывался. Он был, проклятье, принужден к каждому шагу этого пути. Обычно силой, и всегда одной безрассудной женщиной или другой.

Эгвейн могла бы разобраться с Демандредом, или возможно Аша'ман мог бы. Ранд сказал что Аша'маны больше не подвергались безумию, но это было пустое обещание. Любой мужчина, который хотел владеть Единой Силой, был уже безумен, с точки зрения Мэта. Добавить больше безумия им было все равно, что долить чая в уже

полную чашку.

По крайней мере дамани Туон держали занятыми шаранских направляющих. Их огонь разрывал землю на обоих берегах реки. Невозможно было получить четкую картину того, что происходило, хотя там была полная неразбериха.

Мэт направил свою подзорную трубу на юг вдоль реки еще раз, и нахмурился. Там был военный лагерь, разбитый всего в нескольких сотнях шагов напротив брода, но не случайное расположение палаток привлекло его внимание. На восточной окраине лагеря находилось большое количество солдат и их лошадей, которые просто

стояли там. Он выделил фигуру, ходившую перед строем, которая, казалось, была в дурном настроении. Мэт может и потерял глаз, но было не сложно признать Тайли.

Мэт опустил подзорную трубу. Он потер подбородок, поправил шляпу и положил ашандарей на плечо. — Дай мне пять минут только для меня, — сказал он, а затем бросил Типуна в галоп вниз по склону, надеясь, что Туон отпустит его одного. На этот раз она это сделала, хотя, добираясь до основания

возвышенности, он мог представлять ее там наверху, наблюдающей за ним одним из тех её

любопытных взглядов. Она, казалось, находила все, что он делал, интересным.

Мэт поскакал вдоль реки к месторасположению Тайли. Прозвучавшие взрывы были болезненны для слуха, предупредив, что он приближался к сердцу битвы.

Мэт повернул Типуна налево и поехал прямо к расположениям генерала. — Тайли, ты Светом ослепленная дура! Почему ты сидишь здесь, вместо того чтобы приносить пользу?

— Высочайший, — сказала Тайли, преклонив колени, — Нам приказали оставаться здесь до тех пор, пока не вызовут.

— Кто сказал тебе это сделать?
И встань.

— Генерал Брин, Высочайший, — сказала она, поднимаясь. Он ощущал раздражение в ее голосе, но она держала лицо под контролем. — Он сказал, что мы только резервные силы и что ни при каких обстоятельствах не двигались отсюда, пока он не отдаст приказ. Он сказал много жизней зависит от этого. Но посмотрите, Вы можете увидеть сами, — сказала она, махнув рукой в сторону реки, — Битва не идет хорошо.

Мэт слишком отвлекся на Тайли, чтобы увидеть состояние дел по ту сторону воды, но теперь он широко

обозрел поле своим глазом.

В то время как дамани казалось по прежнему держались против Шаранских направляющих, регулярные войска были явно в безвыходном положении. Оборона Бриана на левом фланге ниже по течению реки была полностью разрушена и солдаты были окружены Шаранцами.

Где была кавалерия? Она должна была защищать фланги. Как и предсказывал Мэт, Шарские лучники переместились по полю, и начали обстрел кавалерии Бриана на правом фланге. Это все напоминало выдавливание прыща, и войска Бриана в этом случае были гноем.

— Это какая то проклятая бессмыслица, — прорычал Мэт. — Брин превращает все это, в огромную катастрофу. Тайли, где сейчас генерал?

— Я не могу знать Высочайший, у меня есть соглядатаи возле него, но все еще никаких сообщений. Но я получила рапорт что наши войска потерпели неудачу к югу отсюда. Два больших отряда кавалерии Генерала Бриана были полностью уничтожены Шарцами. Как они сообщили, их задача была оказать поддержку марат'дамани на холмах.

— Кровь и проклятый пепел. — оценил ситуацию Мэт. — Слушай меня Тайли, мы не можем больше

ждать. Вот что тебе нужно сделать. Возьми у генерала-знамени Макоти Второе Знамя, и отправь его в центр наших войск. Его задача надавить на Шарцев, и заставить их отойти. Ты в свою очередь берешь под свое начало Третье Знамя, и обходишь правый фланг.

— Уничтожь тех лучников, и любого козлиного выродка, что перейдет тебе дорогу. Я беру Первое Знамя, и отправлюсь защищать левый фланг. Выполняй!

— Да Высочайший. Но вы ведь не собираетесь так близко подходить к битве?

— Собираюсь. А теперь выполняй приказ Тайли!

— Извините, могу ли кое-что сказать Высочайший? Вы беззащитны, разрешите мне подыскать доспехи для Вас.

Мэт задумался на секунду, и решил что это разумное предложение. Любой может поранится, когда вокруг стреляют из лука, и машут мечами. Тайли позвала ближайшего офицера, который телосложением напоминал Мэта, и приказала ему раздеваться. Его доспехи были сильно разрисованы, покрыты зеленым, красным и золотым лаком, а также отделаны серебром. Офицер просто потерял дар речи, когда Мэт отдал ему свой пиджак:

— Вечером обменяемся обратно, но смотри не испорти мою любимую куртку. Нет, шлем не нужен, обойдусь своей шляпой. — сказал Мэт, возвращая шлем офицеру.

— Высочайший, еще одна вещь, эти марат'дамани... — начала говорить Тайли

— С направляющими я разберусь сам, — прервал ее Мэт.

Она уставилась на него, как на сумасшедшего. Кровавый пепел, наверняка он таким и был.

— Высочайший! — пролепетала Тайли. — Императрица... — Она замолкла, когда увидела выражение лица Мэта. — Давайте я дам вам несколько дамани для защиты.

— Я позабочусь о себе сам. А эти проклятые женщины, только будут путаться под ногами. — усмехнулся Мэт. — Ты готова Тайли? Я хочу покончить с этим, и выпить кружечку эля перед сном.

— По коням! — скомандовала Тайли. Свет, ну и голосок у этой женщины. Тысячи солдат устремили взгляд вперед, и уселись задницами на седло так, что этот звук был похож на мощную пощечину. Стоило отдать Шончан должное, они подготовили своих людей отлично. Тайли отдала серию приказов, и повернулась к Мэту.

— По вашей команде, Высочайший.

— Лос кабадрин! — прокричал Мэт. Хотя большинство и не знало этих слов, но инстинктивно поняли "Кавалерия вперед!"

Мэт послал Типуна вперед через брод, и поднял ашандерей над головой, услышав при этом, как загудела земля, когда Первое Знамя сомкнуло ряды вокруг него. Звуки Шончанских рожков раздавались вокруг, провозглашая сигнал к атаке, и каждый немного отличался от другого, создавая при этом резкий звук, который проносился на мили вокруг.

Стоящие впереди солдаты Белой башни, оглянулись, и стали быстро расступаться, создавая проход для

всадников.

Немного проскакав налево, Шончане подобрались к самой гуще Шарской кавалерии, которая шинковала пехоту Эгвейн. Скорость их движения позволила хорошенько продавить линию Шарцев, хорошо обученные кони вставали на дыбы, и атаковали всадников передними копытами. Боевые порядки Шарцев, начали трещать по швам, Шончанская кавалерия сметала их, и продолжала движение вперед.

У Шарцев была отличная кавалерия, которая знала, что делать на поле брани, но все же, это были тяжелые всадники, каждый из них был одет в мощную броню, и

вооружен длинным копьём, которое идеально подходило для уничтожения вражеской пехоты, и сметания ее, подобно морской волне. Но они были бесполезны, против легкой кавалерии, которая могла сражаться в ограниченном пространстве.

Первое Знамя было отборным подразделением, использующим широкий спектр вооружения, и они были обучены работать в команде. Копья, брошенные передними всадниками со смертельной точностью погружались в забрала Шарцев, удивительно многие из них проходили через щели в лицо. Выскакивавшие из за них всадники,

вооруженные двуручными мечами с изогнутыми лезвиями, резали своим оружием уязвимое пространство, между шлемами и верхней частью доспехов, либо в других случаях, рубили уязвимые груди одетых в броню Шарских животных, скидывая их всадников на землю.

Другие Шончан использовали загнутые пики, чтобы вытягивать Шарцев из седел, в то время как их партнеры били врага шипастыми булавами, сминая их броню так сильно, что движение становилось сильно ограниченным. И когда Шарцы оказывались на земле, с трудом пытались подняться, пикейщики спускали на них легко

вооруженных Шончан, чья работа заключалась в том чтобы поднимать забрала павших и бить узким кинжалом в открытые глаза. Копья Шарцев были бесполезны в этих условиях — фактически, они были помехой, и многие Шарцы до того, как смогли бросить копья и достать мечи.

Мэт отдал приказ одному из кавалерийских эскадронов направляться вдоль побережья до дальнего края левого фронта и там окружить кавалерию Шары. Пехота Белой Башни на левом фланге без губительных для неё шаранских копьеносцев снова могла атаковать пиками и алебардами, и

совместными усилиями с шончанскими Вторым и Третьим Знамёнами линия защиты возле брода была понемногу восстановлена. Это было грязной и ненадёжной работой, так как земля в пределах нескольких сотен футов была разворочена и повсеместно превратилась в месиво из грязи. Но силы Света стояли твёрдо.

Мэт окунулся в гущу сражающихся, и его ашандарей никогда не прекращал вращаться. Однако он быстро обнаружил, что его оружие было бесполезно; несколько его движений встретились с уязвимой плотью, но большую часть времени его клинок отскакивал

от доспехов противников, и он вынужден был пригнуться и развернуться несколько раз, чтобы избежать удара Шарского клинка.

Мэт медленно пробивался вперед, сквозь бой, и почти добрался до задней линии кавалерии Шарцев, когда понял что трое его сопровождающих были выбиты с седла. Странно еще минуту назад они были там. Двое других напряглись начали осматриваться по сторонам, и вдруг оба вспыхнули, крича в агонии бросились на землю. Мэт посмотрел направо как раз вовремя, чтобы увидеть Шончан отброшенного на сто футов в воздух невидимой силой.

Когда он повернулся, его глаз

встретил взгляд очень красивой женщины. Она была странно одетая в черное шелковое платье, которое выделилась на фоне ее тела, украшенное белыми лентами. Она была темнокожая красавица, как Туон, но не было ничего тонкого в ее смелых, высоких скулах и широком чувственном рте, губы, которого, казалось дуются. Пока они не изогнулись в улыбке, улыбка, которая не была предназначена, чтобы утешить его.

Когда она уставилась на него, его медальон похолодел. Мэт выдохнул.

Его удача все еще была с ним, но он не хотел использовать ее

чересчур, не больше чем вы будете подгонять свою лучшую скаковую лошадь. Ему еще понадобится море этой удачи в грядущие дни.

Мэт спешился и подошел к ней, когда женщина ахнула, пытаясь сплести другое плетение, широко раскрыв глаза от изумления. Мэт крутанув ашандрей подсек тупым концом ее под ноги. Он скользнул рукою по древку чуть ниже лезвия, и треснул ее по затылку когда она упала.

Она приземлилась лицом в грязь. У Мэта не было времени вытаскивать ее, так как он столкнулся с дюжинами Шарцев. Десять солдат Мэта заполнили

пространство вокруг него, и он продолжал двигаться вперёд. У Шарцев были только мечи. Мэт отражал их атаки вращая лезвие и шест, он и Шончан сражались яростно.

Битва превратилась в размытые отблески оружия, с его ашандрея разлетались в воздух комья грязи. Два солдата Мэта схватили упавшую вниз лицом женщину, чтобы она не задохнулась в грязи.

Мэт выдвинулся вперед.

Человек кричал, требуя подкрепления.

Он шагал осторожно, но неуклонно продвигаясь вперед.

Земля окрасилась в красный

цвет.

Шаранские солдаты заменяли павших, втапывая их тела глубже и глубже в грязь. Солдаты, вообще-то не мирные ребята, но в данном случае каждый их этих Шаранцев, казалось лично намеревался убить его — пока их поток не иссяк. Мэт огляделся, — с ним осталось всего четверо Шончан.

Несмотря на хаос борьбы, Мэт чувствовал, что он видит лучше, чем прежде. А затишье в сражении вновь дало ему возможность командовать.

— Свяжите этой женщине руки за спиной, — сказал Мэт, задыхаясь, людям вокруг него, — И завяжите ей ткань на глазах, так, чтобы она

ничего не видела. — Он вытер пот со лба. "Свет, его было достаточно для второй реки." — Мы будем продвигаться назад к переправе с нашей пленницей. Я прозрею, если смогу найти еще нескольких из этих проклятых дамани, чтобы бросить их в эту битву. Шарцы были неправы, оставив только одну из своих направляющих саму по себе на поле боя. Но давайте убираться отсюда, пока их не появилось еще больше.

Мэт потряс рукой; он сломал один из ногтей, растрескав хороший лак. Он повернулся к шончанскому офицеру, одному из тех, кто бился рядом с ним. Этот человек носил на лице выражение благоговения, как

будто бы смотрел на самого Дракона проклятого Возрожденного. Мэт посмотрел вниз на землю, ему не нравилось выражение лица человека, но он предположил, что это было не хуже, чем смотреть на пропитанную кровью грязь, заваленную трупами Шарцев. Скольких убил Мэт?

— Ваше Высочество, — сказал офицер, — Великий Лорд, ни один человек на службе империи никогда не смел сомневаться в Императрице, пусть живет она вечно. И если кто-либо когда-либо задавался вопросами о некоторых из ее поступков, он не сделает так больше никогда. Принц Воронов! — он поднял меч, ища поддержки позади.

— Возьмите себе несколько проклятых копий, — сказал Мэт. — Эти мечи почти бесполезны для пеших солдат в этой битве. — Он отгрыз кусочек причиняющего боль ногтя, потом сплюнул его в сторону. — Вы, ребята, хорошо постарались. Кто-нибудь видел моего коня?

Типун был рядом, поэтому, взяв свою лошадь под уздцы, он направился обратно по направлению к броду. Ему даже удалось избежать большинства стычек, большей их части. Этот шончанский капитан чересчур напоминал ему Талманеса, а Мэту хватало людей, ходивших за ним по пятам. Я удивлюсь, если он

играет в кости, подумал Мэт праздно, входя в воду. Его ботинки были хорошими, но все ботинки в конечном счете текут, и его ноги хлюпали в чулках, когда он шел через брод с Типуном. Было какое то волнение далеко справа от него на берегу, которое оказалось сборищем Айз Седай направляющих в сторону поля боя. Но Мэт не имел намерения совать свой нос в их дела. У него на уме были большие проблемы.

Впереди Мэт увидел стоящего под деревом человека, одетого в свободные брюки и знакомого вида куртку. Он подошел к нему и после короткого разговора обменялся с ним одеждой. Придя в хорошее

расположение и надев двуреченскую куртку, Мэт с трудом сел в седло, с его ног все еще стекала вода, и поехал обратно в ту сторону, где он оставил Туон. Его люди принесли Шарскую направляющую — по его приказу, они заткнули ей рот и завязали глаза. Свет, что он будет делать с ней? Она, вероятно, станет дамани.

Он оставил своих солдат и и миновал стражей, теперь расставленных у подножья небольшого возвышения, едва кивнув. Поле боя в его голове уже вышло за пределы маленьких рисунков на бумаге. Он мог видеть поле, слышать воинов, чувствовать

запах прогорклого дыхания врага. Теперь это было для него реально.

— Императрице, — сказала Селусия, когда он достиг вершины подъема, — Хотелось бы конкретно знать, почему именно, Вы сочли возможным так безответственно вступить в схватку. Ваша жизнь больше не является вашей собственной, Принц Воронов. Вы не можете пожертвовать жизнью, когда Вам этого захочется.

— Я должен был знать, — сказал Мэт, оглядываясь. — Я должен был почувствовать пульс битвы.

— Пульс? — переспросила Селусия. Туон говорила через нее,

делая знаки пальцами, как какая-то трёклятая Дева Копья. Не говорила с ним напрямую. Плохой знак.

— Каждое сражение имеет пульс, Туон, — сказал Мэт, по-прежнему глядя вперед. — Найнив... она иногда ощупывает руку человека, чтобы проверить его сердцебиение, и затем понимает, что что-то случилось с ногами. Здесь то же самое. Шагнуть в битву, почувствовать ее. Зная это...

Слуга с головой, наполовину обритой, подошел к Туон, шепча ей и Селусии. Он прибыл с позиций у брода.

Мэт все смотрел, вспоминая карты, сопоставляя их с реальным

боем. Брин не стал использовать Тайли в бою, подставил свой левый фланг обороны у брода, отправил свою кавалерию в ловушку.

Битва открылась ему, он видел тактики, за десять шагов наперед. Это было похоже на чтение будущего, как видения у Мин, только с плотью, кровью, мечами и боевыми барабанами.

Мэт хмыкнул.

— Ха. Гаррет Брин — приспешник Темного.

— Он кто? — пробормотала Мин.

— Мы в одном шаге от разгрома, — сказал Мэт, поворачиваясь к Туон.

— Мне нужна абсолютная власть над нашими войсками прямо сейчас. Никаких больше споров с Галганом. Мин, мне необходимо, чтобы ты отправилась к Эгвейн и предупредила ее, что Брин пытается проиграть эту битву. Туон, она должна отправиться сама. Я сомневаюсь, что Эгвейн послушает кого-нибудь ещё.

Все смотрели на Мэта с растерянным выражением лиц, все, кроме Туон, которая одарила его одним из её душераздирающих взглядов. Таким, что он почувствовал себя мышью, которую только что поймали в безукоризненно чистой комнате. Это заставило его потеть

больше, чем в недавнем бою.

"Ну же", — подумал он. Сейчас нет времени. Он видел это, как огромную игру в камни. Действия Брина были сложными и тонкими, но конечным результатом будет уничтожение армии Эгвейн.

Мэт мог предотвратить это. Но он должен действовать незамедлительно.

— Да будет так, — ответила Туон.

Её ответ был почти таким же сюрпризом, как заявление Мэта. Капитан-Генерала Галган выглядел так, будто он предпочел бы проглотить свои собственные ботинки, нежели иметь Мэта

командующим. Мин обнаружила что её уводит группа слуг и солдат, она закричала от досады.

Туон направила лошадь ближе к Мэту.

— Мне сказали, — тихо проговорила она, — Что в минувшей битве, ты не только сам захватил марат'дамани, но и возвысил одного из наших офицеров Низкородного.

— Что я сделал? — удивился Мэт. — Не помню ничего подобного.

— Ты уронил ноготь на его ногу.

— Ах. Это...Ну да, наверное я сделал это. Случайность. И направляющая. кровавый пепел, Туон. Я не хотел, чтобы она ... Я думаю. Ну, ты можешь забрать ее.

— Нет, — ответила Туон. — Это хорошо для твоего статуса, что ты захватил свою собственную дамани. Ты не сможешь обучить ее, конечно, но есть много сул'дам, которые желают заполучить этот шанс. Большая редкость захватить дамани самостоятельно на поле боя, действительно уникальность. Я знаю о твоих хитростях, а другие нет. Это позволит значительно увеличить твою репутацию.

Мэт пожал плечами. Что еще он мог сделать? Может быть, если дамани принадлежала ему, он мог предложить ей свободу или что-то в этом духе.

— Я передам офицера, которого

ты возвысил, в твои личные слуги, сказала Туон. — У него хороший послужной список, возможно слишком хороший. Он был назначен на службу у брода, потому что считался. потенциальной частью фракции, которая выступила бы против нас. Сейчас он воздает тебе похвалы. Я не знаю, что ты сделал, чтобы изменить его мнение. У тебя, кажется, есть особое умение к этому.

— Давай просто надеяться, что у меня достаточно опыта чтобы заполучить победу, — проворчал Мэт. — Это плохо, Туон.

— Никто больше так не думает. — сказала она, тщательно подбирая слова, не пытаясь спорить с

ним. Констатируя факты.

— Я прав, в любом случае. Я бы хотел, чтобы это было не так, но это так. Я трёклято прав.

— Если ты ошибаешься, я потеряю свое влияние.

— С тобой все будет хорошо, — ответил Мэт, направляясь быстрым темпом обратно к лагерю Шончан, в нескольких милях к северу. — Я могу вести себя неправильно, сейчас и потом... но, в конце концов, ты можешь быть уверена, ставить на меня всегда безопасно.

Глава 30

Путь Хищника

Перрин и Гаул, сделали еще один круг, по рассеянному лагерю Эгвейн, по крайней мере, вокруг того, что тут находилось. Ее армия сильно выдвинулась на восток, и палатки не стояли достаточно долго, что бы полностью отражаться здесь.

Волки обнаружили Грендаль здесь, но Перрин не смог застать ее за тем, что она делала.

Три раза Губитель пытался

атаковать Скважину, и волки предупреждали Перрина. И каждый раз Губителю удавалось ускользнуть от Юного Быка. Охотник испытывал их. Это был путь хищника, осматривать стадо, и искать слабых особей.

В конце-концов план Перрина работал. Время шло медленнее в Отверстии, по этому Губитель замедлялся, пытаясь достичь Ранда. Это создавало возможность достичь Охотника вовремя.

— Мы должны предупредить остальных про Грендаль, — сказал Перрин, остановившись посреди лагеря. — Она должна как-то общаться с Друзьями Темного в

нашем лагере.

— Возможно мы сможем попасть в Отверстие? И сообщить все Найнив Седай.

— Может быть, — ответил Перрин — Правда я не знаю, правильно ли будет отвлекать Найнив от ее теперешнего занятия.

Перрин развернулся, смотря на спальные мешки, которые сначала мерцали, а потом и вовсе исчезли. Он и Гаул отправились проверить поле Меррилор на наличие прохода, но его не было.

Если бы он хотел вернуться в реальный мир, ему пришлось бы остановиться здесь и ждать несколько часов. Бессмысленно

потраченное время.

Если бы только он мог понять, как именно удавалось Губителю самому перемещаться между мирами...Ланфир говорила про какой-то способ...Но единственный кто смог бы подсказать ему, это Губитель. Перрин пытался вспомнить этот момент перехода, но у него ничего не получалось. Ощущал ли он вообще что-то? Небольшой намек, как Губитель сделал то, что сделал?

Златоокий покачал головой. Он пытался снова и снова, но ничего не получалось. Он вздохнул. Каждый раз надеясь он обращался к волкам. Видели ли они Ищущую Сердце?

Волки ответили ему изумлением. Он слишком часто спрашивал их об этом.

— Может быть тогда вы заметили какие-либо лагеря двуногих? — отправил Перрин.

Ответ был смутным. Волки обращали внимание на людей, только что бы избегать их, в волчьем сне они не играли никакой роли. Также одной из причин были ночные кошмары, которые постоянно сопровождали большие скопления людей, что тоже отпугивало волков.

Ему хотелось бы знать, как обстоят дела в других сражениях. Что с армией Илэйн, с его людьми, лордом и леди Башир? Перрин повел

Гаула дальше. Они бежали большими шагами, почти прыгая сразу в следующее место. Перрину хотел подумать.

Чем дольше он оставался в волчьем сне во плоти, тем больше он чувствовал, что должен знать, как переместиться обратно в реальный мир. Казалось, будто его тело понимало, что это место слишком не привычно для него. Он не спал здесь, несмотря на... А сколько он уже действительно не спал? Он не мог сказать. Их запасы пищи уже почти закончились, несмотря на то, что, как он думал, они с Гаулом были тут всего несколько часов. Часть этого чувства была вызвана частыми

посещениями Отверстия, чтобы проверить Шип Снов, но все же тут было очень легко потерять ориентацию во времени.

Внутри было также ощущение усталости. Он не знал, сможет ли он поспать в этом месте. Его тело нуждалось в отдыхе, но как-будто забыло, как его найти. Это напомнило ему о том, как Морейн снимала их усталость тогда, в Двуречье. Свет, вот уже два года прошло с тех пор.

Очень долгие два года.

Следующим Перрин и Гаул проверили лагерь Лана. Он был еще более недолговечен, чем лагерь Эгвейн. Использование волчьего сна

для наблюдения за ним здесь было бессмысленным. Лан и его люди не оставались достаточно долго на одном месте, чтобы это оставило какое-либо отражение в волчьем сне.

Здесь не было никакого намека на Грендаль.

— Аан'алейн тоже отступает. — догадался Гаул, исследуя скалистую землю, которая, как они думали, приютила на себе лагерь Лана. Здесь не было палаток, всего лишь редкие мимолетные отражения круглых ночлегов со столбами в центре, к которым, по-видимому, всадники привязывали своих животных.

Гаул поднял взгляд, осматривая ландшафт на западе.

— Если они продолжают отсюда свое отступление, то, в конце концов, снова придут на Поле Меррилор. Может, это и есть их цель.

— Возможно, — ответил Перрин. — Я хочу посетить поле битвы Илэйн и...

— Юный Бык, — позвал его волк. Почему-то этот "голос" показался ему знакомым. — Она здесь.

— Здесь? — послал Перрин. — Ищущая Сердце?

— Идем.

Перрин схватил Гаула за руку и переместил их далеко на север. Грендаль была у Шайол Гул? Неужели она пытается прорваться

внутри и убить Ранда?

Они вернулись на выступ, с которого осматривали долину. Он и Гаул сразу же легли на их животы, заглядывая за край, обследуя долину. Старый, седой волк появился перед Перрином. Он знал этого волка, он был уверен в этом. Запах был знакомым, но он не мог дать ему имя. Да и волк не посылал его.

— Где? — прошептал Перрин. — Она в пещере?

— Нет, — послал седой волк. — Там.

Волк прислал изображение палаток, расположенных прямо перед входом в пещеру. Они ни разу больше не видели Грендаль в этой

долине с тех пор, как Перрин впервые застал ее здесь.

Войска Итуральде были здесь уже достаточно долго, так что их палатки становились все более и более стабильными в волчьем сне. Перрин аккуратно переместился вниз. Гаул и волк присоединились к нему, как только он начал красться вперед, полагаясь на волков, посылающих ему изображения, направляя его.

— Там, — сказал волк, кивая в сторону огромной палатки в центре. Перрин уже видел Грендаль здесь прежде, у этой палатки, палатки Родела Итуральде.

Перрин замер, когда входной

клапан палатки откинулся. Оттуда шагнула Грендаль. Она выглядела также, как и прежде: с лицом, похожим на хороший кусок скалы.

Перрин создал тонкую, раскрашенную стену, чтобы замаскировать себя, но ему даже и не стоило волноваться по этому поводу. Грендаль сразу же создала Врата и шагнула в пробуждающийся мир. Там была ночь, хотя время текло в довольно странном ритме здесь, в такой близости от Отверстия. В принципе, это могло даже не иметь значения для всего остального мира.

Перрин мог видеть ту же самую палатку, но уже более темную, по ту сторону ворот, с двумя

Доманийскими стражниками у входа. Она махнула рукой, и оба встали по стойке "смирно" и отсалютовали ей.

Проход начал закрываться, как только Грендаль проскользнула в палатку. Поколебавшись Перрин переместился прямо к воротам. У него было только мгновение, что бы принять решение. Последовать за ней?

Нет. Он должен стоять тут на страже. Губитель может появиться с минуты на минуту. Как бы там не было, но будучи так близко к проходу, он ощутил, что пройдя через него... Он почувствует...как будто просыпается.

Как просыпаться

Проход закрылся. Перрин почувствовал укол сожаления, но понимал что он нужен здесь. Ранд был всем, но совершенно беспомощен перед Губителем тут, ему понадобится помощь Перрина.

— Мы должны отправить предупреждение, — сказал Перрин.

Я полагаю, что мог бы принять послание от тебя, Юный Бык, послал безымянный волк.

Перрин замер, затем развернулся, указывая. — Илайас!

Я — Длинный Зуб здесь, Юный Бык. Илайас послал усмешку.

— Я думал ты сказал, что не придешь сюда.

— Я сказал, что я избегал его.

Это место является странным и опасным. У меня достаточно странности и опасности в моей жизни в другом мире. Волк присел на корточки. Но кто-то должен был проверить тебя, глупый щенок.

Перрин улыбнулся. Мысли Илайаса представляли собой странную смесь волка и человека. Его способ передачи был очень по-волчьи, но то, как он думал было слишком индивидуальным, слишком человеческим.

— Как идет бой? — спросил нетерпеливо Перрин. Гаул занял позицию неподалеку, наблюдая и готовый оповестить в случае если появятся Грендаль или Губитель.

Поле перед ними, дно долины, была тихим на этот раз. Ветры утихли, пыль на песчаной земле шевелилась в маленьких трещинах и углублениях. Как вода.

Я не знаю о других полях битвы, послал Илайас, и мы волки держимся подальше от двуногих. Мы боремся, тут и там, на краях сражения. Главным образом мы нападаем на Испорченных и Никогда Не Рожденных с другой стороны ущелья, где нет никаких двуногих кроме тех странных Аийл.

Это изнурительный бой. Убийца Тени должен сделать свою работы быстро. Мы выдержали пять дней, но можем не продержаться очень долго.

Пять дней здесь, на севере. Намного более прошло в остальном мире, поскольку Ранд вошел и столкнуться с Темным. Ранд сам был так близко к Скважине, что вероятно лишь несколько часов, может быть, минут, прошли для него. Перрин чувствовал, как время шло иначе, когда он приблизился туда где Ранд сражался.

— Итуралде, сказал Перрин, почесывая бороду, Он один из Великих Полководцев.

— Да, — Илайас отправил, запах усмешки. — Некоторые называют его Волчонок.

— Башир С армией Илэйн —, сказал Перрин. — И Гаррет Брин С

Эгвейн. Агельмар с Порубежниками и Ланом.

Я не знаю.

— Четыре фронта. Четыре великих полководца. Вот что она делает! — Грендаль? — спросил Гаул.

— Да, — ответил Перрин, накапливая гнев. — Она что-то делает с ними, изменяет их разум, искажает их. Я подслушал, что она говорила... Да. Именно так, я уверен. Вместо того, чтобы отправлять свои армии против наших, она планирует дискредитировать великих полководцев. Илайас, ты не знаешь, как человек может войти или выйти из волчьего сна во плоти?

— Даже если б и знал, то не сказал бы. Но я все равно я не в курсе, как это делается. — проворчал Илайас. — Разве тебе никто не говорил, что это ужасная, опасная вещь, то, что ты сделал?

— Слишком много, сказал Перрин. "Свет! Нам надо предупредить Башира. Я должен... — Перрин Айбара! — сказал Гаул, указывая. — Он здесь!

Перрин развернулся и увидел темное размытое пятно, несущееся ко входу в Бездну Рока. Волки скулили и умирали. Другие выли, начиная охоту. На этот раз Губитель не отступал.

Путь хищника: два или три

быстрых удара для поиска уязвимого места, а затем сокрушающая атака.

— Проснись! — крикнул Перрин Илайасу, взбегая по склону. — Предупреди Илэйн, Эгвейн, любого, кого сможешь. Если не сможешь, то как-нибудь останови Итуральде. Все наши полководцы развращены. Одна из Отрекшихся контролирует их разум, и их тактике нельзя доверять!

— Я сделаю это, Юный Бык, — послал Илайас, исчезая.

— Иди к Ранду, Гаул! — прорычал Перрин. — Охраняй его! Не позволяй никому из тех, с красными вуалями, пройти мимо тебя!

Не ожидая ответа, Перрин призвал в руки молот и переместился к Губителю.

Ранд столкнулся с Моридином, меч против меча, стоя перед темнотой, что была сущность Темного. Холодное пространство было как-то так бесконечно и пусто.

Ранд удерживал столько Единой Силы, что он едва не лопался. Ему понадобится эта сила для борьбы в будущем. Пока, он сражался с Моридином мечем

против меча. Он использовал Калландор как обычное оружие, сражаясь, словно с мечом из света, отражая атаки Моридином.

При каждом шаге Ранда, его

кровь стекала на землю. Найнив и Морейн хватались за сталагмиты, и с их помощью передвигались вперед, что-то мешало им, ветер который не чувствовал Ранд. Найнив закрыла глаза, а Морейн смотрела только вперед, как будто боялась оглянуться.

Ранд увернулся от атаки Моридина, которая высекла искры на камне. Он был лучшим фехтовальщиком из них двоих, даже в Эпоху легенд.

Хоть он и потерял руку, но благодаря Тэму, это его больше не волновало. Но это место...это место всё меняло. Было ощущение, что камни двигаются сами по себе, и скалы меняют свое место, часто

появляясь прямо перед ногами. Воздух постоянно менялся, то он был сухой и удушливый как в пустыне, а через один удар сердца, его заменял влажный и затхлый как на болотах. Время тоже показывало фокусы, Ранд физически ощущал это. С каждым ударом меча, снаружи проходил один час.

Он поранил Моридина в руку, разбрызгав кровь по стенам.

— Моя кровь и твоя-, сказал Ранд. — Я благодарен тебе за эту рану в боку Элан. В тот момент, ты действительно думал, что ты Темный? Он наказал тебя за это?

— Да, наказал, он вернул меня к жизни. — Моридин перешел к

двуручной стойке. Ранд отошел, что бы парировать удар Каландором, но оступился. Недооценил силу удара, или же наклон поменялся в момент удара. Как бы там не было, Ранд упал на одно колено.

Меч против меча. Ноги Ранда заскользили в низ, в темноту, которая ждала его позади.

Все потемнело.

Далекие песни Огир доставили Илэйн удовольствие, когда она села в седло на холме к северу от Кайриэна.

Женщины вокруг нее в любом случае были не в лучшем состоянии, чем она сама. Илэйн собрала всех членов Родни, которые могли удерживать саидар — независимо от

того, насколько слабыми или уставшими они были и образовала с ними два круга. Ее собственный круг включал двенадцать членов, но их совместная мощь в Силе в тот момент, была едва ли больше, чем у одной Айз Седай.

Илэйн прекратила направлять в попытке дать женщинам время восстановиться. Большинство из них упали в свои седла или сидели на земле. Перед ними проходили рваные линии фронта. Солдаты отчаянно боролись за Кайриенские холмы, пытаясь удержать их от моря Троллоков.

Их победа над северной армией Троллоков была недолгой, так как

сразу же они оказались вымотанными, истощенными и в серьезной опасности быть окруженными их южной армией.

— Нам почти удалось, — сказал Арганда стоя с ней рядом и качая головой. — Мы почти сделали это.

В его шлеме был плюмаж. Ранее он принадлежал Галленне. Илэйн не видела когда командир Майенцев был убит.

Это было разочаровывающим. Они были близки. Несмотря на предательство Башира, несмотря на неожиданный подход южной армии, они уже почти сделали это. Если бы у нее было больше времени, чтобы перепозиционировать своих людей,

если бы передышка между победой над северной армией Троллоков и подходом южной — длилась дольше мгновения...

Но это был не тот случай. Поблизости, гордые Огир боролись, чтобы защитить драконов, но Огир медленно падали. Древние существа начали разрушаться, подобно срубленным деревьям, срубленным Троллоками. Одна за другой, их песни замолкали.

Бледный Арганда прижимал к себе окровавленную руку и едва мог говорить. У неё не было сил для его Исцеления.

— Ваш Страж, как дьявол на поле боя, Ваше Величество. Её

стрелы летят, как сам свет. Клянусь, что... — Арганда покачал головой. Возможно, теперь ему уже никогда не владеть мечом, даже с Исцелением.

Он должен был быть отправлен с другими ранеными. как-то. Не было возможности, перебросить их; направляющие слишком устали, чтобы сделать Врата.

Ее люди дали трещину. Айил бились группами, Белоплащники почти окружены, Волчья гвардия не в лучшей форме. Тяжелая кавалерия Легиона Дракона сражалась, но предательство Башира потрясло их.

А теперь и драконы замолчали. Алудра закатаила их на вершину

самой высокой горы, но у них кончились боеприпасы, и у направляющих не было сил, чтобы сделать Врата в Байрлон для доставки драконьих яиц. Алудра стреляла кусками брони пока у нее был порох. Теперь его хватало только для редких выстрелов.

Совсем скоро троллоки прорвут ряды и раздерут ее армию на части, словно стая голодных львов. Илэйн наблюдала с одной из возвышенностей, охраняемая десятью Стражницами. Остальные ушли сражаться. Сломав сопротивление Айил, троллоки устремились к ее восточным позициям, где совсем рядом были

расположены драконы.

Монстры заполонили холм, убивая нескольких огир на той стороне и проревев победу, в то время как драгониры достали сабли и встали на защиту.

Илэйн еще не была готова пустить в ход драконов. Она собрала силу через круг, женщины вокруг нее застонали. Она удерживала лишь ручеек Силы, намного меньше, чем она ожидала, и направила огонь на троллоков.

Ее атака протянулась дугой к Отродьям Тени. Она чувствовала, что это было также, как пытаться остановить целый шторм легким бризом. Одиноким огненный шар

нанес удар.

Земля взорвалась от его удара, искореживая склон горы и подбрасывая дюжины троллоков в воздух.

Илэйн вздрогнула, от чего Лунная Тень загарцевала под ней. Арганда ругнулся.

Кто-то выехал к ней на большой чёрной лошади, появляясь как будто из дыма. Мужчина был среднего телосложения и имел тёмные локоны волос, ниспадающие по плечам. Логайн выглядел тоньше, чем она запомнила его в последний раз, когда она его видела, его щеки впали, но лицо все еще оставалось мужественным.

— Логайн? сказала она, шокированная.

Аша'ман резко указал. Взрывы звучали по всему полю боя. Илэйн повернулась, чтобы увидеть более ста мужчин в черных куртках идут через большие ворота к ней на холм.

— Отведите тех Огир назад, — сказал Логайн. Его голос был рваный и сырой. Его глаза казались темнее, чем они когда-то были. Мы будем держать эту позицию.

Илэйн моргнула, и кивнула Арганде, чтобы передал приказ. "Логайну не следует отдавать приказы мне, подумала она рассеянно. Пока, она ему уступит."

Логайн повернул коня и

поскакал в сторону холма, глядя на ее армии. Илэйн последовала, чувствуя оцепенение... Троллоки падали когда Аша'ман атаковал странными воротами, Врата, казалось, скользили по земле. Они неслись вперед, убивая Отродий Тени.

Логайн хмыкнул.

— Вы не в форме.

Она заставила свой мозг работать. Аша'маны были тут.

— Вас послал Ранд?

— Мы послали себя сами, — сказал Логайн. — Тень планировала эту ловушку продолжительное время, судя по изученным записям Таима. Я только недавно смог расшифровать

их. — Он взглянул на неё. — Мы пришли к тебе на помощь в первую очередь. Чёрная Башня стоит со Львом Андора.

— Нам нужно убрать моих людей отсюда, — сказала Илэйн, заставляя свой разум думать, несмотря на облако усталости. Её армия нуждалась в королеве.

— Материнское молоко в чашке! Это будет нам дорого стоить. — Похоже она потеряет половину своих сил отступая. Лучше половину, чем все.

— Я начну выстаивать моих людей снова в шеренги. Можете ли вы сделать достаточно врат, чтобы доставить нас в безопасность

— Это не составит труда, — рассеянно сказал Логайн, глядя вниз по склону. Его невозмутимое лицо восхитило бы любого Стража. — Но это будет резня. Тут недостаточно места для хорошего отхода, и ваши ряды будут слабее и слабее, по мере отхода. Последние шеренги будут оглушены и уничтожены.

— Я не вижу иного выбора, — измученно огрызнулась Илэйн. "О Свет! Здесь, помощь пришла, а она огрызается. Остановись!" Она успокоилась, выпрямляясь. — Я имею ввиду, что ваше прибытие, которому невероятно рады, не сможет повернуть битву вспять, так как все зашло слишком далеко. Сотня

Аша'манов не остановит сотню тысяч троллоков сами по себе. Если бы мы смогли лучше выстроить наши боевые порядки, дать хотя бы краткий отдых моим людям... но нет. Это невозможно. Мы должны бежать — если только вы не сможете создать чудо, Лорд Логайн.

Он улыбнулся, возможно потому, что она использовала "лорд" по отношению к нему.

— Андрол! — пролаял он.

Аша'ман средних лет поспешил, пухлая Айз Седай присоединилась к нему. "Певара?" Подумала Илэйн, слишком истощенная, чтобы понять смысл происходящего. "Красная?"

— Милорд? — спросил

мужчина, Андрол.

— Мне нужно замедлить эту армию Троллоков на время достаточное для перегруппировки и восполнения войск, Андрол, — сказал Логайн. — Во сколько нам обойдётся чудо?

— Ну, Милорд, — сказал Андрол, потирая кожу. — Это зависит от того, какое количество женщин, сидящих позади может направлять?

То, что они собирались делать было легендой.

Илэйн слышала о великих делах произведённых большими кругами мужчин и женщин. Каждая женщина в Белой Башне задумывалась над

этими подвигами прошлого, истории о других днях, лучших днях. Днях, когда одна из частей Единой Силы не была предметом страха, когда две части одного целого работали вместе для создания невероятных чудес.

Она не была уверенна, что дни легенд по-настоящему вернулись. Несомненно, Айз Седай в те времена, не были так обеспокоены, так отчаянны. Но то, что они делали сейчас повергло Илэйн в благоговение.

Она присоединилась к кругу, состоящем в итоге из четырнадцати женщин и двенадцати мужчин. Она почти не имела сил, чтобы их одалживать, но её струйка

добавилась к увеличивающемуся большому потоку. Намного важнее было то, что в круге должно было быть как минимум на одну женщину больше, чем было мужчин, — и теперь, когда она присоединилась, Логайн мог прийти последним из всех и добавить его значительную силу к потоку.

Во главе круга был Андрол, странный выбор. Теперь, когда она была частью круга, она могла чувствовать его относительную силу. Он был невероятно слаб, слабее большинства женщин, которые были отосланы из Башни, которым было отказано в шали по причине отсутствия у них врождённого

таланта.

Илэйн и другие передислоцировались к дальней стороне поля боя. Остальные Аша'маны держались позади, атакуя орду Троллоков пока Андрол готовился. Чтобы он не делал, это требовало от него быть быстрым. У Илэйн все еще были сложности с тем, чтобы поверить, что что-либо может быть сделано. Даже с такой огромной силой, даже с тринадцатью мужчинами и четырнадцатью женщинами работающими вместе.

— Свет, — прошептал Андрол, стоя между лошадьми, её и Логайна. — Вот что чувствует кто-либо подобный вам? Как вы

управляетесь с таким большим количеством Единой Силы? Как вы её сдерживаете от поглощения вашей жизни, от выжигания вас?

Певара положила руку ему на плечо в безошибочно нежном жесте. Илэйн едва могла связать две мысли вместе на фоне своей усталости, но она все еще находила себя шокированной. Она не ожидала любви от Красной к мужчине, который мог направлять.

— Отведите солдат, — тихо сказал Андрол.

Илэйн обеспокоенно отдала приказ. Мужчина рядом с ней никогда не держал подобной мощи ранее. Кому-то это могло прийти в

голову; она видела что так оно и случилось. Свет ниспошли, чтобы он знал, что делает.

Солдаты и другие отступили, проходя мимо группы Илэйн. Несколько усталых Огир проходя кивнули ей, их плечи опущены, их руки испещрены порезами. Троллоки рванулись вперед, но Аша'маны вне круга отбили их атаку, плетениями Единой Силы.

Этого было не достаточно. Аша'маны сражались хорошо, но Троллоков было слишком много. Аша'манам не под силу остановить этот поток. На что Логайн рассчитывал?

Андрол широко улыбнулся и

вытянул руки прямо перед собой, как будто давя на стену. Он закрыл глаза.

— Три тысячи лет назад Лорд Дракон создал Пик Дракона, чтобы скрыть свой позор. Его ярость всё ещё кипит. Сегодня... я приношу её вам, Ваше Величество.

Луч света разрезал воздух, вероятно высотой в сто футов. Лунная Тень шарахнулась назад и Илэйн нахмурилась. Почему столб света? Что хорошего это... Луч света стал изгибаться в воздухе, вращаясь вокруг самого себя. Только после этого Илэйн распознала его как начало Врат.

Чудовищных врат, достаточно больших, чтобы поглотить здания.

Она бы смогла переместить целое крыло дворца в Кэймлине через них!

Воздух замерцал перед ними, так обычно выглядят ворота снаружи. Она не могла видеть, куда они ведут. Была ли у них армия, ожидающая на другой стороне.

Она могла видеть выражения на рабских мордах Троллоков когда они смотрели в то, что открылось. Абсолютный ужас. Они сломались назад, убегая, и Илэйн почувствовала неожиданное тепло, почти подавляющее.

Что-то прорывалось из врат, как будто толкаемое невероятной силой. Столб лавы диаметром в сотню футов полыхающий жаром. Столб

распался на части как только лава ударилась оземь, расплёскиваясь по полю боя, хлынув вперёд в реку. Аша'маны вне круга использовали плетения Воздуха, чтобы удерживать её от разбрызгивания назад на круг и чтобы направить её в правильном направлении.

Река огня затопила передовые порядки Троллоков, пожирая их, уничтожая сотни в мгновение ока. Лава находилась под давлением с другой стороны; это было единственное объяснение той силе, с которой она разбрызгивалась из чудовищных врат, превращая Троллоков в золу, прожигая большие прокосы в их армии.

Андрол держал врата долгие минуты, пока армия Тени откатывалась назад. Аша'маны по сторонам использовали порывы ветра, чтобы сдвигать Порождения Тени назад в расширяющуюся реку. К тому времени как Андрол закончил, он создал барьер из красно-горячей смерти между армией Илэйн и основной массой Троллоков, чьи спины были напротив северных стен Кайриэна.

Андрол вдохнул, закрыл врата, затем крутнулся и создал двое других врат в быстрой последовательности, одни размещая на юго-востоке, а другие — на юго-западе.

Второй и третий столбы лавы

были выплеснуты наружу — меньшие в этот раз, так как Андрол был очевидно ослаблен. Они понеслись покрывая землю к востоку и западу от Кайриэна, опалая мертвые сорняки и выбрасывая дым в воздух. Некоторые из армии Троллоков отшатнулись назад, но многие другие погибли, запертые внутри, между окруженным стеной городом с одной стороны и лавой — с других сторон. Понадобится некоторое время перед тем, как Исчезающие смогут организовать выживших, чтобы возобновить их атаки на силы Илэйн.

Андрол позволил воротам закрыться. Он упал, но Певара

подхватила его.

— Одно чудо, Милорд, — сказал Андрол, голосом напряженным и мягким одновременно. — Доставлено как и просили. Это удержит их на местах, на несколько часов. Достаточно?

— Достаточно, — сказала Илэйн. — Мы сможем перегруппироваться, подвезти припасы для драконов, и получить так Много Айз Седай из Майена, сколько сможем, чтобы получить Исцеление для наших людей и смыть их усталость.

Потом мы сможем отобрать тех, кто достаточно силен, чтобы продолжать и передислоцируем наши

боевые построения для намного более эффективного сражения.

— Вы намереваетесь продолжать сражение? — удивлённо спросил Андрол.

— Да, — сказала Илэйн. — Я едва стою на ногах, но да. Мы не можем позволить себе оставить эту орду Троллоков нетронутой. Вы и ваши люди дали нам преимущество, Логайн. Мы воспользуемся им, и всем что у нас есть, и уничтожим их.

Глава 31

Буря Воды.

Эгвейн смотрела через реку на битву бушующую между ее силами и армией Шарцев. Она вернулась в свой??лагерь на Арафельской стороне брода. Она рвалась вступить в бой против Тени снова, но ей также было необходимо, переговорить с Брином о том, что случилось на холмах. Она приехала и нашла штабные палатки пустыми.

В лагерь продолжали прибывать

Айз Седай и выжившие лучники и копейщики, которые проходили через Врата с южных холмов. Айз Седай двигались и разговаривали между собой с определенной встревоженностью. Они все, казались усталыми, но как это было ясно из их частых взглядов в сторону битвы, проходившей за рекой, они как и Эгвейн хотели вернуться к борьбе с тенью.

Эгвейн подозвала гонца, стоявшего перед командной палаткой.

— Передайте сестрам сообщение, что они имеют менее часа, на отдых. Теперь, когда мы сдали оборону холмов, Троллоки с

которыми мы боролись в ближайшее время присоединятся к битве на реке.

Она разместила Айз Седай вниз по реке на этом берегу, что бы они нападали на врагов при переправе, в то время как они двигались по полям, чтобы напасть на нее солдат.

— Скажите лучникам, что бы они двигались вместе с нами, — добавила она. — Они должны также тщательнее выбирать цели для своих стрел, пока мы не сможем получить новые через снабжение.

Едва посыльный бросился прочь, Эгвейн повернулась к Лейлвин, стоявшей неподалеку вместе со своим мужем Байлом Домоном.

— Лейлвин, похоже те войска, что форсируют реку, это кавалерийские отряды шончан. Ты что-нибудь о них знаешь?

— Да, Мать, это шончан. Вон тот человек, — она указала на стоявшего около дерева ниже по течению реки бритоголового мужчину, одетого в просторные брюки и нелепо смотревшуюся изодранную коричневую куртку, очень похожую на двуреченскую, — сказал мне, что из лагеря шончан прибыл легион под командованием генерал-лейтенанта Киргана, и вызвал его генерал Брин.

— И еще он сказал, что с ними и Принц Воронов, — добавил Домон.

— Мэт?

— Он сделал больше, чем просто сопровождал их. Он возглавил одно из знамен кавалерии, то, что атаковало Шаранцев, спасая левый фланг нашей армии. Он попал туда как раз вовремя, нашим пикинерам до его появления приходилось очень тяжело.

— Эгвейн, — сказал Гавин, указывая.

Южнее, в нескольких сотнях шагов ниже брода, небольшое число солдат переплывали реку. Они разделись и привязали мечи за спину. Было слишком далеко, чтобы быть уверенной, но один из их лидеров выглядел знакомым.

— Это Уно? — Эгвейн нахмурилась, потом подозвала лошадь. Она вскочила в седло и поскакала, с Гавином и своими охранниками, вдоль реки, где несколько мужчин лежали задыхаясь на берегу, и звук проклятий от одного из них наполнял воздух.

— Уно!

— Это самая треклятая ситуация в которую мы попали!

Уно стоял, и отдал честь в знак уважения.

— Мать, мы находимся в большой опасности!

— Я вижу, — Эгвейн стиснула зубы.

— Я была на холмах, когда ваши

силы были атакованы. Мы сделали все, что могли, но их было слишком много.

— Как вы выбрались?

— Как мы выбраться из этого проклятого места? Когда люди вокруг нас начали погибать, мы решили, что нужно сматываться оттуда., мы проклято мчались оттуда, как будто пылающая молния жгла нам заднюю часть! Мы доскакали до этой проклятой речки, разделись и прыгнули в треклятую реку, Мать, при всем уважении!

Пучок волос на голове Уно танцевал, пока он продолжал ругаться, и Эгвейн могла бы поклясться, что глаз нарисованный

на его повязке стал еще более интенсивно-красным.

Уно сделал глубокий вдох и продолжил немного более почтительно.

— Я не могу понять, Мать. Какой-то ослоголовый посыльный передал нам, что Айз Седай на этих холмах попали в передрагу, и нам надо сунуть свой зад прямо в печь к Троллокам. Я тогда спросил, а кто прикроет левый фланг на реке, и проклятье, наш трёклятый фланг, когда мы атакуем Троллоков, и он ответил, что Генерал Брин уже позаботился об этом, и что кавалерия из резерва поддержит нашу позицию на реке, и что копейщики

позаботятся о наших проклятых флангах. Ага, помогли они, да... Один трёклятый эскадрон, подобно проклятой мухе против трёклятого сокола! Проклятье, да Троллоки просто нас поджидали, как будто они знали, что мы придем. Нет, Мать, это не может быть ошибкой Гарета Брина, это был ловкий план проклятого предателя. Со всем почтением, Мать!

— Я не могу в это поверить, Уно. Я только что слышала, что Генерал Брин привел легион кавалерии Шончан. Может быть они просто опоздали. Мы все это проясним, когда я найду Генерала. Кстати, води своих людей в лагерь,

чтобы они отдохнули. Свет знает, вы это заслужили.

Уно кивнул, и Эгвейн поскакала обратно к лагерю.

Используя ангриал Воры, Эгвейн сплела Воздух и Воду, закрутив их вместе. Воронка воды взметнулась ввысь из реки вниз. Эгвейн направила водный торнадо на Троллоков, которые начали штурм левого фланга ее армии на Кандорском берегу реки. Водная буря пронеслась по ним. Она не была достаточно сильной, чтобы поднять кого-нибудь из них в воздух, так как у Эгвейн не было достаточно силы для этого, но она заставила их повернуть вспять, прикрывая головы руками.

Рядом с ней и другими Айз Седай, расположившимися на Арафельской стороне реки, лучники стреляли залпами стрел. Это не были тучи стрел, затмевающие небо, как ей бы хотелось, но с каждым залпом падало не меньше сотни Троллоков.

В стороне, Пилара, и пара других Коричневых, искусных в работе с землей, заставили землю расступиться под наступающими Троллоками. Рассредоточившись, рядом с ней, Мирелле и большой контингент Зеленых метали огненные шары навесом над водой в организованные группы Троллоков, многие из которых продолжали бежать еще некоторое время, прежде

чем упасть, охваченные пламенем.

Троллоки ревели и выли, но продолжали неуклонно теснить защитников к реке. В одном месте, несколько рядов кавалерии Шончан выдвинулись из оборонительных линий и пошли на Троллоков в лобовую атаку. Это произошло так быстро, что многие из Троллоков не успели поднять свои пики прежде чем в их передних рядах образовалась большая брешь. Проведя молниеносную атаку, Шончан ушли в сторону и вернулись на свои позиции на реке.

Эгвейн не отпускала источник, заставляя себя работать до изнеможения. Но Троллоки не

сдавались. Они все более зверели, атакуя людей с остервенением. Эгвейн отчетливо различала их рев сквозь шум ветра и воды.

Троллоки разозлились, ну неужели? Они не знают, что такое злость до тех пор пока не почувствовали на себе гнев Престола Амерлин. Эгвейн черпала все больше и больше Силы, пока не достигла предела своих возможностей. Она влила жар в бурю, и кипящая вода выжигала Троллокам глаза, руки, сердца. Она осознала, что кричит. Ангриал Воры вытянулся перед ней, как копье.

Казалось, прошло много часов. В конце концов, обессилев, она

позволила Гавину уговорить себя немного отдохнуть. Гавин пошел за ее лошадью. Когда он вернулся, Эгвейн посмотрела через реку.

Без всяких сомнений, левый фланг ее армии был продавлен еще на тридцать шагов. Даже с Айз Седай, они проигрывали эту битву.

Давно пора разыскать ей Гарета Брина.

Когда Эгвейн и Гавин вернулись в лагерь, она спешили, передавая лошадь Лейвлин с указанием использовать ее для переноса раненных. Было много тех, кого тащили через брод в безопасность, окровавленных солдат с трудом удерживали на руках их друзья.

К сожалению, у нее не осталось сил для Исцеления, не говоря уже о воротах для отправки раненых в Тар Валон или Майен. Большинство не занятых Айз Седай на берегу реки выглядели не лучше.

— Эгвейн, — тихо сказал Гавин. — Всадник. Шончан. Выглядит как дворянка.

Одна из Высокородных? Подумала Эгвейн, стоя и смотря сквозь лагерь туда, куда указывал Гавин. По крайней мере у него еще были силы стоять настороже. Почему почему какая-либо женщина предпочитала обходиться без Стража, было выше ее понимания.

Приближающаяся женщина

была одета в прекрасные шелковые шончанские одежды и желудок Эгвйен подкатился к горлу. Этот пышный наряд существовал со времен начала порабощения направляющих, вынужденных повиноваться Хрустальному Трону. Безусловно женщина была одной из Высокородных, поскольку контингент Стражей Последнего Часа сопровождал ее. Нужно быть кем-то очень важным, чтобы...

— Свет! — воскликнул Гавин. — Это Мин?

Эгвейн разинула рот. Это была Мин..

Мин подъехала, хмурясь.

— Мать, — сказала она Эгвейн,

склонив голову на фоне ее каменнолицых охранников в черных доспехах.

— Мин. Ты в порядке? — спросила Эгвейн. Осторожно, чтобы не давать слишком много информации. Была ли Мин пленницей? Конечно, она не могла бы присоединиться к Шончан, или могла?

— О, все хорошо, — сказала Мин кисло, — Меня баловали, упаковав в эти наряды, и предложили все возможные сорта деликатесных продуктов. Я могла бы добавить, что среди Шончан, деликатесный, не обязательно означает вкусный. Ты должна увидеть то, что они пьют,

Эгвейн.

— Я видела, — сказала Эгвейн, не в силах избавиться от холода в голосе.

— Ох. Да. Я полагаю видели. Мать, у нас есть проблема.

— Какая проблема?

— Ну, это зависит от того, насколько вы доверяете Мэту...

— Я доверяю ему, чтобы найти проблемы, — сказала Эгвейн, — Я доверяю ему, чтобы найти выпивку и азартные игры независимо от того, куда он направляется.

— Доверите ли Вы ему возглавить армию? — спросила Мин.

Эгвейн заколебалась. Доверяет ли она?

Мин наклонилась вперед, бросив быстрый взгляд на Стражей Последнего Часа, которые, казалось, не собирались позволить ей оказаться еще ближе к Эгвейн.

— Эгвейн, — сказала она мягко, — Мэт считает, что Брин ведет твою армию к гибели. Он говорит ... Он говорит, что думает, что Брин — Друг Темного.

Гавин начал смеяться.

Эгвейн подпрыгнула. Она ожидала от него злость, оскорбление.

— Гаррет Брин? — спросил Гавин. — Друг Тёмного? Я бы скорее поверил, что моя мать Друг Тёмного, чем он. Скажи Коутону держаться подальше от королевского бренди его

жены; очевидно что он пьёт его слишком много.

— Я должна согласится с Гавином, — медленно проговорила Эгвейн. И все же, она не могла полностью игнорировать, беспорядок в армии. Ей нужно в этом разобраться. — Мэт всегда лезет не в свои дела, и любит давать советы когда его не спрашивают. Он просто хочет защитить меня. Скажи ему, что я оценила его... предупреждение.

— Мать, — ответила Мин. — Он говорил серьезно. Это не шутка. Он говорит, чтобы Вы передали управление армией ему.

— Моя армия, — обреченно

сказала Эгвейн.

— Да.

— В руки Мэтрима Коутона.

— Ммм...да. Так же я должна упомянуть, что Императрица передала ему командование всей Шончанской армией. Он теперь Генерал-Маршал Коутон. — Та'верен. Эгвейн покачала головой.

— Мэт неплохой тактик, но отдать ему управление армией Белой Башни...Нет, это невозможно. К тому же, армия принадлежит не мне, а Совету Башни. А теперь, как убедить этих джентльменов вокруг тебя, что ты в безопасности рядом со мной?

Эгвейн не хотела сотрудничать с Шончан, но понимала, что без них ей

конец. Она не могла рисковать их альянсом ради Мин, к тому же сейчас ей ничто не угрожало. Конечно если Шончан не узнают про то, что Мин когда то поклялась им, и предала в Фалме.

— Не волнуйся за меня, — сказала Мин скривившись- Я думаю, что лучше мне остаться с Фортуоной. Она...знает про некоторые мои таланты, благодаря Мэту. К тому же, так я смогу помочь тебе и ей.

Это заявление было осмысленным. Стража Последнего Часа были подготовленными, и внешне не отреагировали на имя Императрицы. Только их лица, стали походить на вырубленные из скалы

еще больше."Будь осторожна, Мин. Ты окружена врагами":подумала Эгвейн. Хотя Мин похоже ничто не волновало.

— Вы хотя бы обдумаете что Вам сообщил Мэт?

— Что Гаррет Брин Друг Темного? — ответила Эгвейн. — Не смей меня. Отправляйся обратно к Мэту. И пусть он передаст свои рекомендации, по выходу из сложившегося положения. А я пойду искать нашего генерала, для дальнейшего планирования.

Гаррет Брин, где же ты?

Черные стрелы невидимыми поднимались в воздух, а затем падали как морские волны. Они ударили по

армии Итуралде в долине Тарканд'ар, часть застряла в щитах, но некоторые нашли живую плоть. Одна приземлилась рядом с полководцем, который стоял на вершине скалы. Но Итуралде не дрогнул. Он стоял с гордо поднятой головой, заложив руки за спину.

— Иногда они подлетают достаточно близко. — усмехнулся Итуралде.

— Извините милорд. — Ответил Бинд, Аша'ман который должен был отклонять стрелы. И он их отлично отклонял, но иногда, его взор стекленел, и бедняга начинал бормотать про "руки тянущиеся из тьмы".

— Смотри внимательно, —
сказал Итуралде.

У него раскалывалась голова. Ночные кошмары, теперь казались реальностью. Троллоки пожирающие его семью заживо, но он слишком ослабленный не мог им помочь. Он пытался бороться, и плакал от бессилия, когда его жену Тамсин и детей поедали, но в тоже время аромат сырого мяса был таким заманчивым...Под конец кошмара, он присоединялся к ужасной трапезе.

Нужно выкинуть это из головы. Хотя это и было сложно, из за ощущения реальности снов. Ему повезло что началась атака Троллоков, которая разбудила его. Он

был готов к ночным боям. люди жгли костры на баррикадах. Троллоки все таки прорвались сквозь шиповник, но понесли при этом огромные потери. Теперь пехота сдерживала монстров в устье прохода, не давая им пройти в долину.

Они с пользой провели эти дни, в течение которых Троллоки прокладывали себе путь через трудные препятствия к выходу из ущелья. Вход в долину теперь был укреплен серией земляных насыпей высотой по грудь. Они будут служить отличной защитой для арбалетчиков, если формирования пикинеров будут отброшены слишком далеко.

Итуральде разделил свою армию

на группы примерно по три тысячи человек в каждой и построил их в виде квадратов с пиками, гизармами и арбалетами. Он расположил арбалетчиков спереди и на флангах как стрелков и сформировал авангард из пикинеров, около шести плотных рядов. С пиками длиной двадцать футов. По опыту в Марадона он знал, что нужно держать Троллоков на расстоянии.

Пики работали прекрасно. Квадраты Итуральде могли поворачиваться и вести борьбу во всех направлениях в случае, если будут окружены. Троллоки будут вынуждены сражаться рядами, но эти квадраты, правильно примененные,

могли прорвать их линии. После того, как ряды Троллоков будут прорваны, Айил смогут спокойно убивать.

Позади пикинеров он расположил пехоту с гизармами и алебардами. Иногда Троллоки пробивались через пики, отталкивая их в стороны или придавливая весом своих тел. Тогда люди с гизармами продвигались вперед между пикинерами и подрезали сухожилия проскочивших Троллоков. Это давало время впереди стоящей пехоте, чтобы отойти и перегруппироваться, пока следующая волна солдат, больше пешие с пиками, продвигается вперед, чтобы заняться Троллоками.

До сих пор это работало. У него было с дюжину таких квадратов, стоящих перед Троллоками этой ночью. Они стояли в обороне, делая все возможное, чтобы сдержать растущий натиск. Троллоки бросились вперед на пикинеров, пытаясь сокрушить их, но каждый квадрат работал независимо. Итуралде не беспокоился о Троллоках, которые прорвутся, поскольку они попадут в руки Айил.

Итуралде приходилось держать руки сложенными за спиной, чтобы скрыть их дрожь. Ничего не было прежним после Марадона. Он многому научился, но он дорого заплатил за эти знания.

"Да чтоб сгорели эти головные боли", — подумал он. "И чтоб сгорели эти Троллоки".

Три раза он чуть не отдал приказ своим армиям на прямое нападение, отказавшись от квадратных формирований. Он воображал себе их уничтожение, убийство. Больше никаких задержек. Он хотел крови.

Каждый раз он себя останавливал. Они пришли сюда не за кровью, они были здесь, чтобы держаться.

Дать тому человеку в пещере необходимое ему время. Ведь только для этого они были здесь, не так ли? Почему в последнее время так много тревожных мыслей приходит ему на

ум?

Еще одна волна Троллоковых стрел обрушилась на людей Итуралде. Некоторые из Исчезающих находились на вершинах склонов над проходом, где когда то находились собственные лучники Итуралде. Подняться туда было весьма не легкой задачей, стены ущелья были очень крутыми. Сколько из них разбилось насмерть в попытках забраться? Троллоки не были хорошими стрелками из луков, но стреляя по армии, этого и не требовалось.

Алебардщики подняли щиты. Они не могли сражаться, держа их, но держали их привязанными к

спинам на случай необходимости. Поток стрел увеличился, рассекая туманный ночной воздух. Шторм бушевал над головой, но Ищущие Ветер держали его подальше, четко выполняя свою задачу. Они утверждали, что за несколько мгновений, за простой вздох, армию разметает всесокрушающей бурей. В одно время в течении минуты сыпался град размером с мужской кулак прежде, чем они взяли контроль над погодой.

Это было то, что ожидало их, если бы Ищущие Ветер не использовали свою чашу, и Итуралде был более, чем счастлив оставить их со своей задачей. Темному было бы

все равно, сколько Троллоков будет уничтожено, насылая метели, торнадо или ураганы, чтобы убить сражающихся людей.

— Они собираются на другой прорыв в устье прохода! — Кто-то крикнул в ночи, а затем другие выкрики подтвердили это. Благодаря свету от костров, Итуралде смог разглядеть сквозь туман, что Троллоки действительно перегруппировывались.

— Вывести седьмой и девятый квадраты пехоты, — сказал Итуральде. — Они находились там слишком долго. Выдвинуть четвертый и пятый из резерва и поставить их на фланги. Подготовить

больше стрел. И... — Он замолчал нахмурившись. Что делали те Троллоки? Они отходили назад во тьму ущелья дальше, чем он ожидал. Они что, собираются отступить?

Темная волна выскользнула из уст прохода. Мурдраалы. Сотни и сотни. Черные плащи, которые не шевелились на ветру. Лица без глаз, усмешки на губах, черные мечи. Существа двигались как угри, извилисто и гладко.

Они не дали время на то, чтобы отдать приказы или получить ответы. Они втекали в квадраты, скользя между пиками, нанося смертельные удары мечами.

— Айил, — взревел

Итуральде. — Приведите Айил! Всех, и направляющих! Каждого за исключением тех, кто охраняет вход в Бездну Рока! Быстро, быстро!

Гонцы умчались. Итуралде с ужасом наблюдал. Армия Мурддраалов. Свет, это было также плохо, как и его кошмары.

Седьмой квадрат подвергся нападению и каре распалось. Итуралде открыл рот, чтобы приказать основному резерву, защищающему его позиции, оказать поддержку. Ему нужна кавалерия, чтобы пережить и снизить натиск на пехоту.

У него не было достаточно кавалерии, он согласился, что

большинство всадников будут необходимы на других фронтах. Но кое-что у него имелось. Они будут неоценимы здесь

За исключением...

Он зажмурился. Свет, он был исчерпан. Даже думал с трудом.

"Отойти назад перед атакой", казалось, голос говорил с ним. "Отвести Айил и оставаться там."

— Отвести назад, — прошептал он. — Отвести...

Чувствовалось что-то очень и очень неправильное в том, что он делал. Почему его ум настаивал на этом?

"Капитан Тиера," пытался прошептать Итуральде. "У вас есть

приказ." Не выйдет. Казалось, что-то физически держало его рот на замке.

Он слышал, как кричали люди. Что происходит? Дюжины людей могли пасть, сражаясь с одним Мурдраалом. В Марадоне он потерял целый отряд лучников, сотню людей, от двух Исчезающих, проскользнувших в город ночью. Его оборонительные отряды были созданы для борьбы с Троллоками, калечить их, опрокидывать их.

Исчезающие разломали бы эти квадраты с пикинерами как яичную скорлупу. Никто не делал того, что необходимо было сделать.

— Милорд Итуральде? —
Сказал капитан Тиера. — Милорд,

вы что-то сказали?

Если они отступят, Троллоки окружают их. Они должны стоять твердо.

Губы Итуральде открылись, чтобы отдать приказ к отступлению.

— Отвести...

Волки.

Волки появились в тумане, как тени. Они прыгнули на Мурддраалов, рыча. Итуралде начал оборачиваться, когда мужчина в меховых одеждах вскарабкался на вершину скалы.

Тиера отшатнулся, призывая охранников. Вновь прибывший прыгнул на Итуралде и толкнул его с вершины.

Итуралде не сопротивлялся. Кто

бы ни был этот человек, Итуралде был ему благодарен, чувствуя момент победы, когда упал. Он не отдал приказ к отступлению.

Он ударился о землю не много ниже, выбив воздух из своих легких. Волки осторожно схватили его за руки и оттащили в темноту, пока он пребывал в бессознательном состоянии.

Эгвейн сидела в лагере, пока продолжалась битва за границы Кандора.

Её армия сдерживала Троллоков. Шончан сражались рядом с её пехотой прямо за рекой.

Сама Эгвейн держала маленькую чашку чая.

Свет, это было раздражающе. Она была Амерлин. Но её энергия была иссушена.

Она всё ещё не нашла Гарета Брина, но это не было неожиданностью. Он менял позиции. Сильвиана охотилась за ним, и в скорости должна была предупредить её.

Айз Седай были посланы для переправки раненных в Майен. Солнце опускалось все ниже к горизонту, как веко, которое неумолимо закрывалось. Руки Эгвейн дрожали, когда она держала чашку. Она все ещё могла слышать звуки битвы. Казалось, Троллоки собирались биться всю ночь,

перемалывая армию людей у реки.

Отдалённые крики росли подобно звукам разъярённой толпы, но взрывы от направляющих замедлились.

Она повернулась к Гавину. Он вообще не выглядел уставшим, хоть и был странно бледен. Она сделала глоток чая и молча прокляла его. Это не справедливо, но сейчас она о справедливости не заботилась. Она может жаловаться на Стража. Разве не для этого они существовали?

Ветер дул через лагерь. Она была в нескольких сотнях шагов восточнее брода, но все равно почувствовала запах крови в воздухе. Поблизости команда стрелков

натянула луки по требованию их командира, выпустив залп стрел. Пара чернокрылых Драгкаров упало несколько мгновений спустя, ударившись о землю с глухим стуком сразу за лагерем. Их будет больше как стемнеет и станет легче скрываться на фоне неба.

Мэт. Она чувствовала себя странно больной, думая о нем. Он был таким хвастуном. Кутила, с ухмылочкой посматривавший на каждую симпатичную женщину, которую встречал. Обходившийся с ней как с картиной, а не человеком. Он ... он ...

Это был Мэт. Однажды, когда Эгвейн было около тринадцати лет,

он прыгнул в реку, чтобы спасти Ким Левин от утопления. Конечно она не тонула. Ее просто окунул в воду друг, а Мэт прибежав, бросился в воду чтобы помочь. Люди Эмондова Луга смеялись над ним в течение нескольких месяцев после этого.

Следующей весной Мэт вытащил Джер ал'Хуна из той же самой реки, спасая мальчику жизнь. После этого люди прекратили высмеивать Мэта.

Именно таким Мэт и был. Он ворчал и бормотал всю зиму о том, что люди сделали его предметом шуток, утверждая, что в следующий раз он просто позволит им утонуть. В следующий момент, видя кого-то в

опасности, он мог ринуться прямо в нее. Эгвейн могла вспомнить долговязого Мэта, бредущего, спотыкающегося от реки, и маленького Джера, жавшегося к нему, задыхающегося, с глазами, полными чистого ужаса.

Джер пошёл ко дну, не проронив ни звука. Эгвейн никогда не понимала, почему так происходит. Люди, которые начинали тонуть, не кричали, не поднимали шума, не звали на помощь. Они просто плавно уходили под воду, когда все казалось прекрасным и мирным. Если бы Мэт не наблюдал.

"Он пришел за мной в Тирскую Твердыню", подумала она. "Конечно,

он также пытался спасти ее от Айз Седай, не желая верить, что она была Амерлин."

Так какой она была? Тонущей или нет?

"Насколько ты доверяешь Мэтриму Коутону?" спрашивала Мин. "Свет. Я доверяю ему. Пусть я дура, я доверяю. Мэт мог оказаться неправ. Он часто бывал неправ. Но когда он был прав, он спасал жизни"

Эгвейн заставила себя встать. Она колебалась, и Гавин, подошел к ней. Она похлопала его по руке, затем отошла от него. Она не позволит армии, увидеть ее такую, ослабевшую, что ей пришлось опереться на кого-нибудь в поисках

поддержки.

— Какие новости с других фронтов?

— Не так много, сегодня, — сказал Гавин. Он нахмурился. — Действительно сегодня было довольно спокойно.

— Ожидалось, что Илэйн будет сражаться в Кайриэне, — сказала Эгвейн. — Там была важная битва.

— Она возможно слишком занята, чтобы послать весть.

— Я хочу послать посыльного через врата. Мне надо знать, как продвигается эта битва.

Гавин кивнул, спеша прочь. После того как он ушел, Эгвейн прогулялась спокойным шагом, пока

не нашла Сильвиану, которая разговаривала с парой голубых сестер.

— Брин? — спросила Эгвейн.

— В столовой палатке, — сказала Сильвиана. — Я только что получила известие. Я послала гонца сказать ему, чтобы оставался на месте, пока вы не прибудете.

— Идём.

Она подошла к палатке, самому большому зданию в лагере на сегодняшний день, и заметила его, когда вошла. Не обедающего, но стоящего рядом с переносным кухонным столом с разложенными на нем картами. Стол пропах луком, который, вероятно, резали на нем

постоянно. Юкири держала ворота открытые в полу, чтобы смотреть вниз на поле боя. Она закрыла их когда Эгвейн прибыла. Они не оставляли их открытыми долго, не с Шарцами наблюдающими за ними и готовящими плетения, чтобы ударить через ворота.

Эгвейн очень спокойно шепнула Сильвиане:

— Соберите Совет Башни. Верните назад любую Восседающую из тех, кого сможете найти. Доставьте их в всех сюда, в этот шатер, настолько быстро, насколько это возможно.

Сильвиана кивнула, её лицо не отразило смущения, которое она

похоже ощущала. Она выбежала и Эгвейн присела в шатре.

Суан там не было — похоже она снова помогала с Исцелением. Это было хорошо. Эгвейн не хотела этого пробовать в то время, как Суан пожирала бы её взглядом. Также она беспокоилась о Гавине. Он любил Брина как отца, и уже ощущала тревожные нотки в нем через их связь.

Ей придется подойти к этому очень деликатно и она не хотела начинать до тех пор, пока Совет не придет. Она не могла обвинять Брина, но также и не могла игнорировать Мэта. Он был негодяй и глупец, но она доверяла ему. Свет

помоги ей, но она доверяла. Она доверяла ему своей жизнью. И события происходили странно на поле боя.

Восседающие собирались относительно быстро. Они были задействованы в войне, и они собирались вместе каждый вечер чтобы получить доклады и тактические пояснения от Брина и его командиров. Брин не видел ничего странного в том, что они пришли к нему сейчас; он продолжил свою работу.

Многие женщины бросали на Эгвейн обескураженный взгляд, когда входили. Она кивала им, стараясь передать бремя Престола

Амерлин.

Неожиданно, достаточное их количество прибыло и Эгвейн решила, что ей следует начинать. Время тратилось впустую. Ей нужно изгнать обвинения Мэта из своего разума раз и на всегда, или ей необходимо что-то сделать с ними.

— Генерал Брин, — сказала Эгвейн. — Как вы себя чувствуете? Нам было трудно вас найти.

Он посмотрел вверх и моргнул. Его глаза были красными.

— Мать, — сказал он. Он кивнул Восседающим. — Я устал, но вероятно не больше, чем вы. Я бывал повсюду на поле боя, стремясь выяснить все возможные

подробности; вы знаете каково это. — Поспешно вошел Гавин.

— Эгвейн, — сказал он, с бледным лицом. — Проблема.

— Что?

— Я... — он глубоко вздохнул. — Генерал Башир повернул против Илэйн. Свет! Он — Друг Тёмного. Битва была бы проиграна, если бы не подоспели Аша'маны.

— Что это? — спросил Брин, отрываясь от своих карт. — Башир, Друг Тёмного?

— Да.

— Невозможно, — сказал Брин. — Он был спутником Лорда Дракона в течение нескольких месяцев. Я не знаю его настолько

хорошо, но ... Друг Темного? Этого не может быть.

— Это несколько неразумно предполагать — сказала Саэрин.

— Вы можете говорить с королевой сами, если хотите, — сказал Гавин, выпрямленный как струна. — Я слышал это из ее собственных уст.

В палатке успокоились. Восседающие смотрели друг на друга с озабоченными лицами.

— Генерал, — сказала Эгвейн Брину, — Как это могло получиться, что вы послали два кавалерийских эскадрона, чтобы защитить нас от Троллоков на холмах к югу отсюда, отправив их тем самым в ловушку и

оставив левый фланг основной армии не прикрытым?

— Как это случилось, Мать? — спросил Брин, — Было очевидно, что вы вот-вот будете захвачены, любой мог видеть это. Да, я разместил их на левом фланге, но я перебросил Иллианцев из резерва на данную позицию. Когда я увидел, что Шарская кавалерия атаковала правый фланг Уно, я послал иллианцев, чтобы перехватить их, это был правильный поступок. Я не знал, что будет так много Шарцев!

Его голос бы поднялся до визга, но он остановился, и его руки дрожали.

— Я сделал ошибку. Я не

совершенен, Мать.

— Это было больше, чем ошибка, — сказала Файзелле.

— Я только что вернулась после разговора с Уно и другими кавалеристами, выжившими в резне. Уно сказал, что он почувствовал запах ловушки, как только он и его люди двинулись на помощь к сестрам, но вы обещали ему помочь.

— Я уже сказал вам, я послал ему подкрепление, я просто не ожидал, что Шарцы пошлют так много войск. Кроме того, у меня все было под контролем. Я приказал шончанской кавалерии укрепить наши войска, они должны были позаботиться о тех Шарцах. Я послал

их переправиться через реку. Я просто не ожидал, что они опоздают!

— Да, — сказала Эгвейн стальным голосом.

— Эти люди, не мало тысяч из них, были разгромлены между Троллоками и Шарцами, без всякой надежды на спасение. Вы их израсходовали, и все без уважительной причины.

— Я должен был вытащить Айз Седай из боя! — сказал Брин, — Они наш самый ценный ресурс. Простите, Мать, но вы бы сделали в тот момент тоже самое.

— Айз Седай могли бы подождать, — сказала Саэрин. — Я была там. Да, нам нужно было выйти

из боя, на нас давили, но мы держались и могли держаться дольше.

— Вы бросили тысячи хороших людей умирать, генерал Брин. И вы знаете, что самое худшее? Это было ненужно. Вы оставили всех этих Шончан здесь перед бродом, тех, кто собирался, чтобы спасти день, ожидая ваш приказ идти в атаку.

Но этот приказ не пришел, не так ли, генерал? Вы отказались от них, так вы оставили нашу кавалерию.

— Но я приказал им атаковать, они, в конце концов атаковали, не так ли? Я послал гонца. Я ... Я ...

— Нет, если бы не Мэт Коутон,

они ждали бы на этой стороне реки, генерал!

Эгвейн отвернулась от него.

— Эгвейн, — сказал Гавин, взяв ее за руку, — Что ты говоришь? Только потому...

Брин схватил голову руками. Затем он осел, так как будто вдруг его конечности потеряли свою силу.

— Я не знаю, что со мной не так, — прошептал он пустым голосом, — Я продолжаю делать ошибки, Мать. Человек ведь может исправить их, говорил я себе. Тогда я делал еще одну ошибку, и еще чтобы исправить их.

— Ты просто устал, — сказал Гавин голосом полным боли, глядя

на него.

— Мы все устали.

— Нет, — тихо сказал Брин, — Нет, это больше, чем это. Я устал раньше. Это как. мои инстинкты вдруг стали неправильны. Я даю приказ, а после этого, я вижу уязвимые места, проблемы. Я ...

— Принуждение, — сказала Эгвейн, чувствуя холод. — Вы были под Принуждением. Они атакуют наших великих полководцев.

Несколько женщин в комнате, обняли Источник.

— Как это возможно? — запротестовал Гавин, — Эгвейн, у нас есть сестры проверяющие лагерь на наличие признаков направления!

— Я не знаю, как это случилось, — сказала Эгвейн, — Возможно, это было введено в действие месяцы назад, еще до начала битвы.

Она повернулась к Восседающим.

— Я предлагаю Совету снять Гарета Брина с должности командира нашей армии. Это вам решать, Восседающие.

— Свет, — сказала Юкири, — Мы....Свет!

— Это должно быть сделано, — сказала Дозин. — Умный ход, способный уничтожить наши войска пока мы не увидели ловушку. Мы должны были видеть. Великие

генералы должны были быть лучше защищены.

— Свет! — сказала Файзелле, — Мы должны послать сообщение Лорду Мандрагорану и в Такан'дар! Это может включать и их, слишком похоже на попытку разбить все наши четыре армии сразу в скоординированной атаке.

— Я прослежу за этим, — сказала Саэрин, двигаясь к пологу палатки. — Прямо сейчас, я согласна с Матерью. Брин должен быть отстранён.

Одна за другой кивали. Это было неформальное голосование Совета, но что делать. Рядом со столом, Гаррет Брин сел. Бедный человек. Он

был потрясен, несомненно,
обеспокоен.

Неожиданно он улыбнулся.

— Генерал? —

поинтересовалась Эгвейн.

— Спасибо Вам, —

расслабленно сказал Брин.

— За что?

— Я боялся, что схожу с ума,
Мать. Я продолжал видеть то, что я
сделал...

— Я оставил тысячи людей
умирать. но это был не я. Это был не
я.

— Эгвейн, — сказал Гавин. Он
хорошо скрывал боль. — Армия.
Если Брин был вынужден привести
нас в беду, мы должны немедленно

изменить нашу командную структуру.

— Приведите моих командиров, — сказал Брин, — Я должен буду отказаться от контроля над ними.

— А если и они были подвергнуты тому же, а? — спросила Дозин.

— Я согласна, — сказала Эгвейн, — Это пахнет одним из Отрекшихся, возможно, Могидин. Лорд Брин, если бы вы попались в этой борьбе, она знала, что ваши командиры будут следующими на командование. Они могут иметь такие??же неисправные инстинкты, как и вы.

Дозин покачала головой.

— Кому сейчас мы можем доверять? Любой проклятый мужчина или женщина, которого мы назначим командиром может пострадать от Принуждения.

— Нам, возможно, придется командовать самим, — сказала Файзелле.

— Воздействовать на человека, который не может направлять легче, чем на сестру, которая будет ощущать направление и заметит женщину, умеющую направлять. Мы, скорее всего, должны быть чистыми.

— Но кто из нас обладает знаниями о тактике боя? — спросила Феране.

— Я считаю себя достаточно

начитанной, чтобы контролировать планы, но, чтобы воплотить их?

— Мы будем лучше, тех, кто, возможно, был поражен, — сказала Файзелле.

— Нет, — сказала Эгвейн, стиснув руку Гавина.

— Тогда кто? — спросил Гавин.

Эгвейн стиснула зубы. Тогда кто? Она знала только одного человека, который гарантировано не был под Принуждением, по крайней мере не от Могидин. Человек, который был застрахован от последствий саидар и саидин.

— Мы должны поставить наши войска под командованием Мэтрима Коутона, — сказала она, — Пусть

Свет присмотрит за нами.

Глава 32

Жёлтый Цветочный Паук

Мэт осматривал поле боя через проход, открытый в полу командной палатки.

Мэт потер подбородок, все еще под впечатлением, хотя он уже почти час использует эти дыры для наблюдения, после того как разгадал ловушку приготовленную Брином для армий Эгвейн. Он послал дополнительные силы кавалерии Шончан укрепить оба фланга войск,

обороняющих реку, и
дополнительных дамани, чтобы
противостоять вражеским
направляющим и остановить поток
Троллоков давящий на их защиту.

Конечно, было бы лучше
присутствовать на поле боя самому.
Может, ему снова выйти и немного
подрасться. Он взглянул на Туон,
которая сидела на троне... огромном,
десятифутовом троне... у стены
штаба. Туон сузила глаза, как если бы
знала, о чем он размышляет.

Она Айз Седай, твердил себе
Мэт. О, она не могла направлять —
она все еще не позволяла себе узнать
это. Но она в любом случае треклято
одна из них. "И я женат на ней".

Все-таки она потрясающая. Он чувствовал волнение каждый раз, когда Туон приказывала, и делала это так естественно, что Илэйн и Найнив могли бы брать у нее уроки. Туон подходил этот трон. Мэт пристально посмотрел на нее, что принесло ему в ответ сердитый взгляд, и это было совершенно несправедливо. Если муж не может покоситься на свою жену, так на кого же ему смотреть вообще?

Мэт повернулся обратно к полю боя.

— Хорошая уловка, — сказал он, наклоняясь, засунув руку в отверстие. Они были высоко. Если бы он упал, то успел бы спеть три стиха "Она

нагая, вот что я вижу", прежде чем коснулся земли. Может быть, даже успел бы спеть припев.

— Это изучила она, — сказала сул'дам, обращаясь к своей новой дамани, — Наблюдая за плетениями Айз Седай. — Сул'дам, Катрона, чуть не подавилась словами "Айз Седай". Мэт не мог винить ее. Эти слова могли быть жесткими для них, чтобы говорить.

Ему было слишком трудно не смотреть на дамани, ни на эти татуировки цветущих веток на ее щеках, достигающих от ее затылка к рукам, чтобы придать ее лицу чашевидную форму. Мэт был ответственен за то, что она была

захвачена. Это было лучше, чем ее борьба за Тень, не так ли?

"Кровь и кровавый пепел", думал он про себя. "Ты делаешь хорошую работу в попытке убедить Туон не использовать дамани, Мэтрим Коутон. Захватывая одну самолично..."

Его расстраивало, как быстро Шарская женщина подчинилась своему захвату. Все сул'дам заметили относительно этого. Только минута борьбы, затем полное подчинение. Они ожидали, что недавно захваченную дамани обучить должным образом займет месяцы, но эта была готова в течение часов. Катрона фактически сияла, как будто

она была лично ответственна за характер Шарской женщины.

То отверстие было замечательным. Мэт стоял прямо на краю, смотря вниз на мир, считая знамёна и подразделения, потом отмечал их в своей голове. Что Классен Байор сделал бы с одним из этих открытий, задался он вопросом? Возможно Битва Колесар сложилась бы иначе. Он никогда не потерял бы свою конницу в болоте, наверняка.

Силы Мэта продолжали сдерживать Тень на восточной границе Кандора, но он не был доволен текущей ситуацией. Природа ловушки Бриана была тонкой, настолько же трудной, как увидеть

желтого цветочного паука, лежащего на лепестке. Мэт знал, что это так. Нужен истинный военный гений, чтобы поставить армию в такую плохую ситуацию, но и этого не требовалось, чтобы увидеть, армия была в плохом положении. Такие штуки не происходят случайно.

Мэт потерял больше людей, чем он рассчитывал. Его войска были прижаты к реке и Демандред, несмотря на продолжающиеся бредни о Драконе Возрожденном, то и дело испытывал защиту Мэта, пытаясь найти слабые места: посылая рейды тяжелой кавалерии на один фланг, затем организовывая атаку Шарских лучников и Троллоков

на другом. В результате чего, Мэт должен был сосредоточить своё внимание на действиях Демандреда, чтобы вовремя на них отреагировать.

Скоро наступит ночь. Отступят ли приспешники Темного? Троллоки могут сражаться в темноте, а вот Шарцы скорее всего нет.

Мэт раздал следующую очередь приказов, и гонцы проскочили через ворота для их доставки. Казалось бы, прошло всего лишь несколько минут, прежде чем его войска отреагировали.

— Как быстро... — сказал Мэт.

— Это изменит мир, — сказал генерал Галган. — Ответ приходит мгновенно, командующий может

наблюдает за сражением, и составлять план одновременно.

Мэт хмыкнул в знак согласия.

— Держу пари, что, однако, все еще требуется весь проклятый вечер, чтобы дожидаться ужина из кухни.

Галган на самом деле улыбнулся. Это было все равно, что увидеть трещину в камне.

— Скажите, генерал, — сказала Туон. — Какова ваша оценка способностей моего супруга?

— Я не знаю, где Вы нашли его, Ваше Величество, но он — алмаз большой ценности. Я наблюдал за ним в течении этих прошедших часов, пока он спасал силы Белой Башни. Несмотря на...

нетрадиционный стиль, я редко видел командующего сражением, столь же одаренного как он.

Туон не улыбнулась, но он видел по ее глазам, что она была довольна. У нее были красивые глаза. И, собственно, Галган вел себя не так грубо — возможно, это не такое уж и плохое место, чтобы здесь находиться.

— Спасибо, — пробормотал Мэт Галгану, и они оба наклонился изучая поле сражения.

— Я считаю себя откровенным человеком, мой Принц, — сказал Галган, потирая подбородок мозолистыми пальцами. — Вы будете служить Хрустальному трону

хорошо. Это было бы унижением, увидеть как вас убьют столь рано. Я прослежу, чтобы первый, кого я пошлю за вами, был из новичков, и вы легко справитесь с ним.

Мэт почувствовал, как у него отвисла челюсть. Человек сказал это с совершенной искренностью, почти любовью. Как будто он собирается выразить Мэту своё почтение, пытаясь его убить!

— Троллоки вот тут, — он указал на их группу вдалеке, — отступят в ближайшее время.

— Я согласен, — ответил Галган.

Мэт потер подбородок.

— Мы должны узнать, что

Демандред будет делать с ними. Я обеспокоен тем, что некоторые Шарские марат'дамани могут попытаться проскользнуть в наш лагерь ночью. Они выказывают исключительную преданность своему делу. Или проклято глупо относятся к своему самосохранению.

Айз Седай и сул'дам не были особенно робкими, но в целом не лишены осторожности. Шарские направляющие были совсем не такими, особенно мужчины.

— Дайте мне несколько дамани для освещения реки, — сказал Мэт. — И изолируйте лагерь, поставив дамани кольцом и расположив их вдоль всего лагеря,

чтобы наблюдали за направляющими. Никто не должен направлять, даже чтобы зажечь трёклятую свечу.

— Айз Седай... Может это не понравиться, — сказал генерал Галган. Он очень колебался, используя наименование Айз Седай. Они стали использовать это определение вместо марат'дамани по указанию Мэта, указанию, которое, как он ожидал, будет отменено Туон. Но она не отменила.

Постижение этой женщины станет настоящим наслаждением, если они оба выживут в этом треклятом бардаке.

Тайли вошла в комнату. Высокая,

с шрамом на лице, темнокожая женщина шла с уверенностью давнего солдата. Она простерлась ниц перед Туон, в окровавленной одежде и вмятинами на броне. Сегодня ее легион терпел поражение, и она вероятно чувствовала себя подобно коврику, который выбивала добросовестная жена.

— Меня тревожит наша позиция вот здесь. — Мэт повернулся и присел на корточки, глядя через отверстие. Как он и предсказывал, Троллоки начали отступать.

— По какой причине? — спросил Генерал Галган.

— Мы загоняли наших направляющих до изнеможения, —

сказал Мэт. — И мы сгрудились у самой реки, трудное положение для долгосрочной обороны, особенно от такой огромной армии. Если бы они сделали несколько Врат и переправили часть Шарской армии на эту сторону реки ночью, они могли бы сокрушить нас. — Я понимаю, что Вы имеете в виду, — сказал Галган, качая головой. — Учитывая их силу, они продолжают изматывать нас до тех, пока мы не станем так слабы, они смогут накинуть петлю на нас и затянуть ее.

Мэт посмотрел в глаза Галгану.

— Я думаю, что нам пора отказаться от этой позиции.

— Я согласен, мне кажется это

наш единственный разумный план действий, — кивнул Генерал Галган. — Почему бы нам не выбрать поле боя с преимуществами в нашу пользу? Согласятся ли ваши друзья из Белой Башни отступить?

— Давай выясним это, — предложил Мэт, выпрямляясь. — Кто-нибудь пошлите за Эгвейн и Восседающими.

— Они не придут, — сказала Туон. — Айз Седай не встретятся с нами здесь. И я сомневаюсь, что Амерлин примет меня в своем лагере, с теми мерами предосторожности которые я затребую.

— Замечательно, — Мэт махнул

в сторону врат в полу, которые закрывала дамани, — Мы используем врата и будем переговариваться через них, как через дверь.

Туон не стала возражать, и Мэт отправил гонцов. Потребовалось немного времени на организацию, но Эгвейн, похоже, идея понравилась. Туон развлекала себя в ожидании, перемещая свой трон на другую сторону комнаты, Мэт понятия не имел, зачем. Затем она начала надоедать Мин.

— А этот? — поинтересовалась Туон, когда вошёл и поклонился один из Высокородных.

— Он скоро женится, — сказала

Мин.

— Ты дай мне сначала знамения, — сказала Туон, — А потом уже толкование, если пожелаешь.

— Я точно знаю, что это означает, — запротестовала Мин. Для неё установили меньший трон рядом с троном Туон. Девушка была столь сильно укутана в тонкие ткани и кружева, что её можно было ошибочно принять за мышь, прячущуюся в кипе шелка. — Иногда, я знаю сразу, а....

— Сначала ты дашь мне предзнаменование, — не изменившимся тоном произнесла Туон. — И ты будешь обращаться ко

мне, как Ваше Величество. Тебе дарована великая честь говорить со мной напрямую. Не позволяй мироощущению Принца Воронов стать твоей моделью поведения.

Мин успокоилась, хотя она не выглядела слишком уж испуганной. Она провела слишком много времени рядом с Айз Седай, чтобы Туон могла запугать ее. Это дало Мэту паузу. Он предчувствовал, на что Туон могла быть способна, если она недовольна Мин. Он любил ее-Свет, он был уверен, что он любил. Но он также позволил себе немного опасаться ее.

Он должен следить, чтобы Туон не решила "воспитывать" Мин.

— Предзнаменования для этого

человека, — проговорила Мин, с трудом контролируя свой тон, — это белые кружева, плавающие в пруду. Я знаю, что это означает свадьбу в ближайшем будущем.

Туон кивнула. Она шевелила пальцами в сторону Селусии — человек, которого они обсуждали, был низким Высокородным, не достаточно высокого ранга, чтобы говорить непосредственно с Туон. Он низко прижал голову к земле что можно было подумать он выискивает экземпляр для коллекции жуков.

“Лорд Гокхэн из Высокородных,” провозгласила Селусия, “должен быть отправлен на линии фронта. Ему запрещается

жениться до конца этого конфликта. Предзнаменования говорили это, он будет жить достаточно долго, чтобы найти жену, и таким образом, он будет защищен.”

Мин скривилась, и хотела возразить что это не работает таким образом. Мэт поймал её взгляд и покачал головой, она отступила.

К Туон ввели следующего, молодого солдата, Низкородную. У женщины была светлая кожа и неплохое личико, хотя Мэт не мог увидеть большего под этой броней. Мужская и женская броня на деле не очень-то отличались, что он нашел постыдным. Мэт спросил оружейника Шончан, "разве

определенные области женского нагрудника не должны быть подчеркнуты", если можно так выразиться, и оружейник смотрел на него как будто, он был полудурком. Свет, у этих людей не было понятия морали. Человек должен был знать, боролся ли он с женщиной на поле битвы. Это было правильно.

Поскольку Мин раздавала свои предзнаменования, Мэт устроился на стуле, закинув ботинки на стол с картами и на шаривая трубку в кармане. Она выглядела довольно симпатичной, та солдат, хотя он не видел некоторые важные части. Она могла бы составить хорошую партию Талманесу. Парень провел слишком

мало времени, рассматривая женщин. Он смущался рядом с ними, Талманес был таким.

Мэт проигнорировал взгляды окружающих, когда откинувшись, оперся на две ножки стула, пристроив свои пятки на столе и набивая при этом трубку. Шончан могли быть такими чувствительными.

Он не был уверен, что он думал о таком количестве Шончанских женщин-солдат. Многие из них походили на Бергитте, которая совсем не плоха. Мэт скорее провел бы вечер в таверне с нею, чем половиной мужчин, которых знал.

— Тебя казнят, — сказала,

выражая мнение Туон, Селусия, обращаясь к солдату.

Мэт почти упал со стула. Он ухватился за стол перед ним, передние ножки стула опустились на землю.

— Что? — потребовала Мин. — Нет!

— Ты видела знамение в виде Белого Вепря, — сказала Туон.

— Я не знаю что это означает!

— Вепрь — символ одного из домов Гандоин, он один из моих конкурентов в Шончан, — терпеливо объяснила Туон. — Белый вепрь — предзнаменование опасности, возможно предательства. Эта женщина работает на него, или будет

работать в будущем.

— Вы не можете просто так казнить ее!

Туон моргнула, глядя на Мин. Казалось, комната опустилась во мрак и стало заметно холоднее. Мэт вздрогнул. Он не любит, когда Туон испытывала подобное. Этот её взгляд ... казалось, взгляд другого человека. Человека без сострадания. В статуе было больше жизни.

Рядом Селусия пошевелила пальцами в сторону Туон. Туон поглядел на них, затем кивнула.

— Ты моя Говорящая Правду, — сказала она Мин, почти против воли. — Ты можешь поправить меня на людях. Ты видишь ошибку в моих

решениях?

— Да, вижу, — сказала Мин, тактично. — Вы не используете мои навыки по назначению.

— А как мне следует? — спросила Туон. Солдат, которой вынесли смертный приговор, продолжала лежать ниц. Она не возражала — она не занимала того положения, которое позволило бы обратиться к Императрице. Она занимала настолько низкое положение, что разговор с кем-то еще в присутствии Туон был бы оскорблением чести.

— То, что кто-то может сделать, это не является основанием, чтобы убить их, — сказала Мин. — Я не

хочу выказать неуважение, но если вы собираетесь убивать людей из-за того, что я говорю вам, я не буду говорить.

— Ты можешь быть принуждена говорить.

— Попробуйте, — тихо сказала Мин. Мэт вздрогнул. Кровавый пепел, она выглядела такой же холодной, как Туон мгновение назад. — Давайте посмотрим как Узор вас накажет, Императрица, за издевательства над приносящей знамения.

Вместо этого, Туон улыбнулась.

— Ты неплохо держишься. Объясни мне чего ты желаешь, Провидица Судьбы.

— Я описываю Вам свои видения — сказала Мин, — но с этого момента, толкования — являются ли они моими, или теми, что читаете вы в образах — сохраняются в тайне. Лучше всего только между нами. Вы можете наблюдать за кем-то из-за того, что я сказала, но не наказывать их — до того как не поймаете их на чем-то. Освободите эту женщину.

— Да будет так, — проговорила Туон. — Ты свободна, — выразила она своё повеление голосом Селусии. — Иди с преданностью к Хрустальному Трону. За тобой будут наблюдать.

Женщина поклонилась ниже,

затем отступила из комнаты, опустив голову. Мэт заметил струйки пота, стекающие по ее лицу. Так значит она все же не статуя.

Он повернулся к Туон и Мин. Они все еще смотрели друг на друга. Без ножей, но он чувствовал себя так, как если бы кого-то зарезали. Если бы только Мин выказала немного уважения. Вскоре ему похоже придется тащить ее прочь от Шончан за воротник, она была в одном шаге от палача, он был уверен в этом

Врата внезапно раскололи воздух на той стороне комнаты, где Туон указала, что это должно произойти. Внезапно, Мэту пришло в голову, почему она переместила свой

трон. Если бы захваченную дамани вынудили сказать, где Туон сидела, то Айз Седай, возможно, открыли бы Врата именно в этом месте, разрезая ее пополам. Это было настолько маловероятно, что даже смехотворно — Айз Седай скорее бы научились летать, чем убили кого-то, кто не был Другом Темного — но Туон не рисковала.

Врата открылись чтобы показать Совет Башни восседающий в шатре. Перед ними, Эгвейн расположилась в большом кресле. Сам Престол Амерлин, осознал Мэт. Кровь и пепел...она заставила их доставить его.

Эгвейн выглядела измотанной,

хотя и хорошо это скрывала. Другие были не лучше. Айз Седай были на пределе. Если бы она была солдатом, то он никогда не послал бы ее в бой. Кровь и кровавый пепел — если бы у него был солдат с кожей как у приведения и такими глазами, Мэт послал бы парня отдохнуть недельку в кровати.

— Мы хотим знать цель этой встречи, — спокойно сказала Саэрин.

Сильвиана сидела на маленьком стуле около Эгвейн, а другие сестры были организованы по их Айя. Некоторые отсутствовали, в том числе одна из Желтых, как догадывался Мэт.

Туон кивнула Мэту. Он должен был провести эту встречу. Он коснулся своей шляпы, глядя на нее, чем заработал полуприподнятую бровь. Ее опасный взгляд пропал, хотя она все еще была Императрицей.

— Айз Седай, — сказал, вставая Мэт. Он поклонился в сторону Восседающих уголком своей шляпы, — Хрустальный Трон высоко ценит вас и, взывая к вашим треклятым сердцам, просит позволения командовать битвой.

Сильвиана выпучила глаза так, как будто кто-то наступил ей на ногу. Краем глаза Мэт поймал подобие улыбки на губах Туон. Кровь и кровавый пепел, обе женщины

должны знать лучший способ, чем так провоцировать его.

— Ты красноречив как всегда, Мэт, — сухо сказала Эгвейн. — Твой ручной лис все еще при тебе?

— Да, — ответил Мэт, — Он уютно расположился и теперь согревает.

— Позаботься о нем, — сказала Эгвейн. — Не хотела бы я, чтобы тебя постигла участь Гарета Брина.

— Так это действительно было Принуждение? — спросил Мэт. Эгвейн кивнула.

— Скорее всего. — сказала Саэрин. — Как я говорила, Найнив Седай может увидеть плетения на чужом разуме, но никто из нас не

обладает этим умением.

— У нас есть Целители, приглядывающие за Брином. — сказала коренастая доманейка Айз Седай. — В настоящее время мы не можем доверять любому его планированию сражений, по крайней мере, пока мы не определим, как долго он был под властью Тени.

Мэт кивнул.

— Звучит неплохо. Теперь, мы должны вывести наши войска из брода.

— Зачем? — требовательно спросила Лилейн, — Мы укрепились здесь.

— Недостаточно хорошо, — ответил Мэт, — Мне не нравится эта

местность, а нам не следует сражаться на территории, которую выбрали не мы.

— Я не собираюсь отдавать Тени и клочка земли. — сказала Саэрин.

— Отдав клочок сейчас, к рассвету мы отвоюем два. — ответил Мэт. Генерал Галган что-то одобрительно пробормотал, и Мэт осознал, что процитировал Ястребиное Крыло.

Саэрин нахмурилась. Остальные, казалось, позволили ей вести заседание. Эгвейн, в основном, не участвовала в нем, сидя, скрестив пальцы перед собой, в глубине.

— Я, вероятно, должна Вам

сказать, — начала Саэрин, — Что наш командующий был не единственной мишенью. Даврам Башир и Лорд Агельмар также попытались подвести свои войска к уничтожению. Илэйн Седай преуспела в своем бою, уничтожив большую силу троллоков, но ей удалось сделать это только с подмогой из Черной Башни. Порубежники же были разгромлены, потеряв почти две трети своего войска.

Мэта пробрал озноб. Две трети? Свет! Они были одними из лучших среди войск Света.

— Лан?

— Лорд Мандрагоран жив. —

ответила Саэрин.

Ну, хоть что-то.

— А что с армией, которая в Запустении?

— Лорд Итуралде пал в бою, — ответила Саэрин. — Кажется, никто до конца не знает, что с ним случилось.

— Это было очень тщательно спланировано, — сказал Мэт, размышляя. — Кровь и кровавый пепел. Они попытались сокрушить все четыре фронта разом. Я не могу представить какой координации это потребовало...

— Как я отметила — сказала Эгвейн мягко, — Мы должны быть очень осторожны. Всегда держи

этого лиса при себе.

— Что собирается делать Илэйн? — спросил Мэт, — Разве она не ответственная?

— Илэйн Седай в настоящее время помогает Порубежникам, — ответила Саэрин, — Она проинформировала нас, что Шайнар почти потерян и Аша’маны помогают переправить войска Лорда Мандрагорана к безопасному месту. Завтра, Илэйн Седай планирует переместить свою армию через врата и удержать Троллоков в Запустении.

Мэт покачал головой.

— Мы должны сделать единую позицию, — он колебался, — Можем ли мы передать ей через одни из этих

врат? По крайней мере, свяжитесь с ней?

Казалось, не было никаких хороших возражений. В скором времени другие врата открылись в палатке Эгвейн и Восседающих. Илэйн перешагнула, пухлая с ребенком, глаза словно огонь. Позади нее Мэт мельком увидел сгорбившихся солдат, тащащимися через тусклое вечернее поле.

— Свет, — сказала Илэйн, — Мэт, что это ты хочешь?

— Вы выиграли ту битву? — спросил Мэт.

— Да, но с большим трудом. Троллоки в Кайриэне были уничтожены. Сейчас город в

относительной безопасности.

Мэт кивнул.

— Мне нужно выбраться со своих текущих позиций.

— Хорошо, — сказала Илэйн. — Пожалуй, мы можем объединить наши силы с тем, что осталось от Порубежников.

— Я хочу сделать больше, Илэйн, — сказал Мэт, выходя вперед. — Эта уловка Тени, которую попробовали... это было умно, Илэйн. Трёклято умно. Мы обескровлены и почти сломлены. Мы не можем позволить себе роскошь борьбы на нескольких фронтах.

— Что же тогда?

— Последняя битва, — тихо

сказал Мэт. — Все мы, вместе, на одном поле сражения, где местность будет способствовать (благоволить) нам.

Илэйн успокоилась, кто-то принес ей стул, чтобы сесть рядом с Эгвейн. Она сохраняла осанку королевы, но ее растрепанные волосы и одежда, прожженная в нескольких местах, свидетельствовали о том, через что она прошла. Мэт почувствовал запах дыма, выходящий с ее поля боя, где ворота ещё были открыты.

— Это звучит отчаянно, — наконец сказала Илэйн.

— Мы и есть в отчаянии, — сказала Саэрин.

— Мы должны спросить наших командиров... — Илэйн умолкла. — Если есть те кому можем доверять, не находящиеся под принуждением.

— Есть только один-, мрачно сказал Мэт, глядя в ее глаза. — И он говорит вам, что мы погибнем, если будем продолжать действовать как прежде. Ранее план был достаточно хорош, но после того, что мы потеряли сегодня. Илэйн, мы мертвы, если мы не выберем одно место, где встанем, собравшись вместе для битвы.

Последний бросок костей.

Илэйн задумалась на секунду.

— Где? — наконец спросила она.

— Тар Валон? — спросил Гавин.

— Нет, — сказал Мэт. — Они просто осадят его и двинутся дальше. Это не может быть город, где мы будем как в коробке. Нам нужны территории, которые будут работать в нашу пользу, а также земли, которые не могут прокормить Троллоков.

— Ну, место в Пограничье должно подойти для этого, — сказала Илэйн с гримасой. — Армии Лана сожгли почти каждый город или поле при отступлении, чтобы лишить Тень ресурсов.

— Карты, — сказал Мэт возбужденно. — Кто-нибудь дайте мне карты. Нам нужно место в

южном Шайнаре или Арафеле. Где-то близко, чтобы Тень увидела это как заманчивое место для уничтожения нас всех разом.

— Мэт, — спросила Илэйн. — Разве не даст это им то, чего они хотят? Шанс уничтожить нас полностью?

— Да, — тихо сказал Мэт в то время как Айз Седай послали за картами. Они имели пометки, обозначения, внесённые рукой Генерала Брина, судя по тому, о чем в них говорилось.

— Мы будем заманчивой мишенью. Мы вынудим их атаковать, вступим в противостояние с ними и, либо уничтожим их, либо будем

сокрушены.

Затяжной бой будет выгоден Тени. Когда Троллоки хлынут в южные земли, шансы их удержать могут и не появиться. Он должен был выиграть или проиграть быстро.

И впрямь, последний бросок костей.

Мэт показал место на карте, место где Брин внес комментарии. Там было хорошее водоснабжение, приятно встречались холмы и реки. "Это место. Меррилор? Вы использовали его в качестве перевалочного пункта "

Саэрин усмехнулась.

— Итак, мы идем туда, откуда все началось, не так ли?

— Здесь есть несколько укреплений, — сказала Илэйн. — Люди построили частокол, с одной стороны, и мы можем расширить его.

— Это то, что нам нужно, — сказал Мэт, представляя битву в этом месте.

Меррилор поставит их в положение, в котором две главные армии Троллоков смогут прийти и попытаться сокрушить людей между ними. Это будет заманчиво. Но рельеф местности будет чудесно играть на руку Мэту...

Да. Это будет похоже на Сражение при Ущелье Прия. Если он поставит лучников на эти высоты — нет, драконов, и если бы он мог

позволить Айз Седай несколько дней отдыха. Ущелье Прия. Он тогда рассчитывал использовать большую реку для окружения армии Хамарина, в горловине Ущелья. Но сам попал в ловушку этой проклятой обмелевшей реки; Хамаринцы перегородили ее на другой стороне Ущелья. Они ушли прямо по руслу, и успели скрыться. Это урок, который я не забуду.

— Это сработает, — сказал Мэт, положив руку на карту. — Илэйн?

— Пусть будет так, — сказала Илэйн. — Я надеюсь, ты знаешь, что делаешь, Мэт.

Когда она заговорила, игральные кости покатались у него в голове.

Галад закрыл глаза Трома. Он обыскивал поле битвы к северу от Кайриена больше часа, чтобы найти его. Тром истекал кровью, и только несколько углов его плаща были все еще белыми. Галад сорвал офицерский плащ со своего плеча — удивительно чистый — и встал.

Он чувствовал себя усталым до костей. Он начал спускаться по полю, мимо груды мертвецов. Вороны и вороны прибыли; они составляли пейзаж за ним. Волнообразная дрожащая чернота, которая покрыла землю, как плесень. Издали казалось, что землю сожгли, так много этих падальщиков.

Иногда, Галад видел других

мужчин, тех кто тоже искал среди трупов своих друзей. Было удивительно немного мародеров, "Вы должны следить за ними на поле битвы." Илэйн поймала несколько за попыткой мародерства из Кайриена. И пригрозила повесить их.

"Она стала тверже", думал Галад, тащась назад к лагерю. Сапоги его были, словно, налитые свинцом, давили на ноги. Это хорошо. Будучи ребенком, она часто принимала решения как указывало сердце. Теперь она действует и ведет себя как королева. Жаль, если бы он только мог исправить ее моральный дух. Она не была плохим человеком, но Галаду было жаль, что она, как и

другие монархи, не видела так же ясно, как он.

Он начал принимать то, что они не могли видеть. Он начал принимать то, что это было нормально, до тех пор пока они делали все, что могли. Чтобы это не было внутри него, что позволяло видеть вещи правильно, это было подарком Света, и презирать других за то, что они не были рождены с этим даром, было неправильно. Так же, как было бы неправильно презирать мужчину, родившегося только с одной рукой, за то, что он плохой мечник.

Много живых попадались ему по дороге, они сидели на земле в тех

редких местах, где не было ни трупов, ни крови. Эти люди не были похожи на победителей, хотя прибытие Аша'ман спасло их в этот день. Уловка с лавой дала армии Илэйн передышку для перегруппировки и нападения.

Эта битва была быстрой, но жестокой. Троллоки не сдавались, и они не могли сломать строй и бежать. Поэтому Галад и другие сражались, проливали кровь и умирали еще долго после того, как стало очевидно, что они будут победителями.

Теперь троллоки были мертвы. Уцелевшие люди сидели и смотрели на ковер из трупов, как бы

ошеломленные перспективой поиска нескольких выживших между многими тысячами мертвых.

Садящееся солнце и давящие облака окрасили свет красным, и придали лицам кровавый оттенок.

Галад в конце концов достиг длинного холма, который был как бы границей между двумя сражениями. Он поднимался, медленно, стараясь не думать о том, как хорошо может отдохнуть в постели. Или на подстилке на полу. Или на каком-нибудь плоском камне в отдаленном месте, где он мог бы прилечь на своем плаще.

Свежий воздух на вершине холма ошеломил его. Он вдыхал

запахи крови и смерти так долго, что теперь свежий воздух пах неправильно. Он почесал голову, проходя мимо усталых Порубежников, которые тащились через ворота. Аша'маны переместились на север, что бы сдержать Троллоков и дать армиям Лорда Мандрагорана отойти.

Исходя из того, что слышал Галад, численность уцелевших Порубежников представляла собой лишь малую часть, от первоначальной. Предательство Великих Генералов сильнее всего ударило по Лорду Мандрагорану и его людям.

Это поражало Галада, но и их

битва не прошла так легко для него или кого-либо еще из армии Илэйн. Это было ужасно и плохо, но результаты боя Порубежников были еще хуже.

Галад с трудом удержал содержимое желудка, с вершины холма ему пришлось увидеть, как тучи падальщиков собрались на пиршество. Приспешники Темного издохли, а прихлебатели Темного насытили себя.

Галад наконец нашел Илэйн. Ее страстная речь, обращенная к Тэму ал'Тору и Арганде, застала его врасплох.

— Мэт прав, — сказала она. — Поле Меррилор — хорошее место

для сражения. Свет! Надеюсь, мы сможем дать людям больше времени отдохнуть. У нас будет лишь несколько дней, максимум неделя, прежде чем троллоки достигнут Меррилора, — она качнула головой, — Мы должны будем видеть, как придут Шарцы. Когда положение на игровой доске поворачивается против Темного, он, конечно, просто добавляет в игру новые карты.

Гордость Галада требовала, чтобы он оставался стоять, пока Илэйн разговаривала с другими командирами. Однако на этот раз его гордость истаяла, и он присел на табурет, сгорбившись.

— Галад, — сказала Илэйн, — Ты действительно должен позволить одному из Аша'манов снять твою усталость. Твоя настойчивость в обращении с ними, как с изгоями, просто глупость.

Галад выпрямился.

— Это не имеет ничего общего с Аша'манами, — отрезал он весьма убедительно. Он устал. — Это усталость напоминает мне о том, что мы потеряли сегодня. Эту усталость мои люди должны стерпеть, я не хочу забыть, насколько они сильно устали.

Илэйн нахмурившись глядела на него. Она перестала волноваться, его слова давно уже не задевали ее. Раньше казалось, что он не мог

сказать, что день хорош или чай ароматен без того, что бы не задеть ее так или иначе.

Было бы неплохо, если бы Айбара не покинул их. Этот человек был лидером — одним из немногих когда-либо встреченных Галадом, с кем можно было говорить как угодно, не опасаясь что он это примет за оскорбление. Пожалуй, Двуречье стало бы неплохим местом для Белоплащников, чтобы осесть.

Конечно, ранее имела место вражда между ними. Он мог бы договориться с ними...

"Я назвал их Белоплащниками", подумал он мгновением позже. "В моей голове, вот как я только, что

подумал о Детях. Уже прошло много времени с тех пор, как он делал это по случайности. "

— Ваше Величество, — сказал Арганда. Он стоял около Логайна, лидера Аша'манов, и Хэвина Нурелла, нового командующего Крылатой Гвардии. Талманес из отряда Красной Руки тащился с несколькими командующими от Салдейцев и Легиона Дракона. Старейшина Хаман из Огир сидел на земле недалеко, он уставился на закат так, как будто узрел самого Темного.

— Ваше Величество, — продолжил Арганда, — Я понимаю, что вы считаете это большой

победой...

— Это и есть большая победа, — сказала Илэйн. — Мы должны склонить людей видеть это именно так. Всего восемь часов назад я ожидала, что вся наша армия будет перебита. Мы победили.

— Ценой половины наших войск, — мягко сказал Арганда.

— Я буду считать это победой, — настаивала Илэйн. — Мы ожидали полного уничтожения.

— Только победа сегодня, оказалась днём мясника, — тихо сказал Нурелл. Вид у него был несчастный.

— Нет, — сказал Тэм Ал'Тор, — Она права. Войска должны понять,

чем окупилась их потери. Мы должны рассматривать это как победу. Так и должно быть записано в хрониках, и все солдаты должны быть убеждены увидеть это именно так.

— Это ложь, — Галад удивился услышав себя.

— Это не так, — сказал Ал'Тор. — Мы потеряли множество друзей сегодня. Свет, но мы все кого-то потеряли. Фокусироваться на смерти, это то, что Темный хотел бы от нас. И посмейте сказать мне, что я неправ. Мы должны смотреть и видеть Свет, не Тень, иначе все мы будем обречены.

— Победив здесь, — сказала

Илэйн, сознательно подчеркивая это слово, — Мы получили отсрочку. Мы можем собираться в Поле Меррилора, окопаться там и готовиться выступить на наш последний бой против Тени.

— Свет, — прошептал Талманес. — Мы собираемся пройти через это снова, не так ли?

— Да, — неохотно ответила Илэйн.

Галад посмотрел на поля, усеянные мертвецами и вздрогнул.

— На Меррилоре будет еще хуже. Да поможет нам Свет. Там будет еще хуже.

Глава 33

Табак для Принца

Перрин преследовал Губителя в небесах.

Он выскочил из вспененного серебристо-черного облака, Губитель пятном выделялся на фоне угольного неба перед ним. Воздух пульсировал в ритме с вспышками молний и яростными ветрами. Запахи преследовали Перрина без всякой последовательности в них. Запах тины из Тира. Подгоревшего пирога.

Гниющего мусора. Запах увядающей лилии.

Губитель приземлился на облако впереди и переместился, обернувшись в мгновение ока с натянутым луком. Выпущенная стрела вспорола воздух, но Перрин сумел отклонить ее своим молотом. Он приземлился на ту же грозовую тучу, что и Губитель, представляя ее прочной под собой, и пары штормовой тучи отвердели.

Перрин пробился вперед сквозь изреженный темно-серый туман верхнего слоя тучи и атаковал. Они столкнулись, Губитель создал щит и меч. Молот Перрина ритмично бил по щиту подобно раскатам грома.

Разбивая с каждым ударом.

Губитель закружился, чтобы сбежать, но Перрин сумел схватить его за край плаща. В то время как Губитель пытался убраться прочь, Перрин представил их остающимися на месте. Он знал, что они останутся. Это не было возможностью, это есть.

Они оба на момент казалось разлетелись, но затем вернулись на то же облако. Губитель зарычал, потом махнул мечом за спину, отсекая кусочек своего плаща и освободил себя. Он развернулся лицом к Перрину, скользнув в сторону, настороженно держа меч в руках.

— Ты становишься невероятно раздражающим, волчонок, — сказал Губитель.

— Ты всегда охотился на волков, которым нечего было тебе противопоставить, — сказал Перрин. — Ты убивал их издалека. Это легко. А теперь попробуй-ка поохотиться на добычу, которая может огрызаться, Губитель.

Губитель фыркнул.

— Ты как мальчишка с отцовским мечом. Опасный, но не имеющий ни малейшего понятия, для чего это оружие и как с ним обращаться.

— Вот и поглядим, кто, — начал было Перрин, но Губитель бросился

на него с мечом. Перрин подобрался, представив, что его кожа становится твердой, и может отразить удар, что меч становится тупым, а воздух густеет, замедляя его движение.

А в следующее мгновение обнаружил, что падает, кувыркаясь в воздухе.

Глупец! подумал он. Он так сосредоточился на атаке, что не был готов, когда Губитель поменял их опору. Перрин прошел сквозь грохочущее облако, выпадая в небо вниз, ветер натягивал его одежду. Он приготовился, ожидая града стрел, которые последуют на него из тучи. Губитель мог быть таким предсказуемым....

Никаких стрел не последовало. Перрин падал в течение нескольких мгновений, затем сыпля проклятиями развернулся, чтобы увидеть бурю стрел пущенных с земли. Он сместился за секунды перед тем как они прошли через то место, где он только что был.

Перрин появился в воздухе в сотне футов в стороне, все еще падая. Он не был озабочен тем, чтобы замедлить падение, он ударился о землю, что увеличило силу его тела от шока падения. Земля раскололась. Облачко пыли поднялось над ним.

Буря стала на много хуже чем была. Земля здесь — они были где-то на юге с переросшими кистями и

спутанными лозами, свисавшими с деревьев — была в выбоинах и разорванная. Молнии хлестали с такой периодичностью, что он зачастую едва ли мог досчитать до трех, чтобы увидеть следующую вспышку.

Здесь не было дождя и земля крошилась. Все холмы полностью разрушались. Только что покинутый Перрином холм превратился в огромную грудку земли и песка, разносимую ветром.

Перрин проскочил через перегруженное осколками небо, охотясь на Губителя. Ушел ли этот человек назад в Шайол Гул? Нет. Еще две стрелы прошили небо,

направленные на Перрина. Губитель был очень умел в том, чтобы ветер не отклонял стрелы.

Перрин отбил стрелы в сторону и бросился сам в направлении Губителя. Он определил его на скальном пике, земля крошилась вокруг него и рассыпалась в воздухе.

Перрин опустил вниз, размахивая молотом. Губитель бросился прочь, конечно, а молот ударился об камень подобно грому. Губитель был таким быстрым.

Перрин был быстрым тоже. Раньше или позже, один из них подскользнется ошибется. Этого будет достаточно.

Он перехватил след Губителя,

направлявшегося прочь и последовал за ним. Когда Перрин перескочил на следующую вершину холма, камни раскололись за ним, поднимаясь вверх ветром. Узор слабел. По ту сторону, он будет также силен теперь, как был здесь во плоти. Он более не должен беспокоиться о вхождении в сон слишком сильно и о потере себя. Он вошел так сильно как мог.

И потому, когда Перрин начал двигаться, ландшафт вокруг него задрожал. Следующий прыжок показал море впереди него. Они ушли так далеко на юг прежде чем Перрин это понял. Они были в Иллиане? Тире?

Губитель опустился на берег, где вода разбивалась о скалы, песок, если он был вообще, сдуло прочь. Земля казалась вернулась в первичное состояние, трава вырывалась легко, почва разрушилась, оставляя только камни и разбитые волны.

Перрин приземлился позади Губителя. На этот раз не было бегства. Оба мужчины намеревались сражаться, скрестить молот и меч. Метал ударился об метал.

Перрин чуть не упал от удара, его молот проехался по одежде Губителя. Он услышал проклятье, но в следующий момент, Губитель круговым движением выхватил

большой топор. Перрин обхватил и отклонил его в сторону, уплотняя свою кожу.

Этот топор не пустит кровь, не с Перрином, когда он держит его, но действительно забирал много усилий. Порыв ветра толкнул Перрина прямо в море.

Губитель появился на нем секундой позже, погружаясь вниз с топором. Перрин отразил его своим молотом как только упал, но порыв толкал его дальше в сторону океана.

Он отдал приказ воде отступить. Она отхлынула, пенясь и пузырясь, как будто преследуемая сильным ветром. Перрин выпрямился, как только упал, приземлившись и

стукнувшись от все еще влажное каменное дно залива. Морская вода поднималась высоко со всех сторон, округла стена примерно тридцати футов высотой.

Губитель рухнул рядом. Он дышал с трудом от напряжения их сражения. Хорошо. Утомление Перрина само заявляло о себе глубоким жжением в мускулах.

— Я рад, что ты оказался там, — сказал Губитель, поднимая меч на уровень плеча, его щит исчез. — Я так надеялся на то, что ты вмешаешься, когда я пришел, чтобы убить Дракона.

— Что ты такое, Люк? — Спросил Перрин с опаской,

смещаясь в сторону в каменном круге, окруженном стеной морской воды, и держась напротив Губителя. — Что ты на самом деле?

Губитель метнулся в бок, разговаривая, чтобы усыпить его бдительность, Перрин знал это.

— Знаешь, я видел его, — тихо сказал Губитель. — Темного, Великого Повелителя. Оба определения являются грубыми, почти оскорбительными, не раскрывающими всю суть.

— Ты действительно думаешь, что он вознаградит тебя? — Перрин сплюнул. — Как ты не понимаешь, что как только ты сделаешь то, что он хочет, то тут же выбросит тебя,

поскольку у него так много ресурсов?

Губитель засмеялся.

— Отказался ли он от Отрекшихся, когда они проиграли и были заточены с ним в Скважине? Он мог уничтожить их всех и держать их души в вечных муках. Сделал ли он это?

Перрин не ответил.

— Темный не выбрасывает полезные инструменты, — сказал Губитель. — Подведи его и он назначит наказание, но никогда не выбросит. Он как хорошая жена с ее клубками спутанных ниток и сломанным чайником, припрятанных на дне корзины в ожидании подходящего момента, чтобы снова

ими воспользоваться. Вот в чем ты ошибаешься, Айбара. Простой человек может уничтожить успешно служащий инструмент, опасаясь, что тот будет угрожать ему. Но это не в духе Темного. Он наградит меня.

Перрин открыл рот для ответа и Губитель переместился прямо перед ним, атакуя, думая, что отвлек его. Перрин исчез и Губитель разрубил только воздух. Человек обернулся, рассекая мечом воздух, но Перрин сместился в противоположную сторону. Маленькие морские существа со множеством волнистых рук бились в замешательстве рядом с его ногами из-за внезапной нехватки воды. Что-то большое и темное

плыло сквозь мутные воды позади Губителя.

— Ты никогда не отвечаешь на мои вопросы, — Сказал Перрин. — Что ты такое?

— Я сильный, — сказал Губитель, шагая вперед. — И я устал бояться. В этой жизни есть хищники и есть добыча. Часто, хищники сами становятся едой для кого-то еще. Единственный способ выжить — подняться вверх по цепочке, стать охотником.

— Поэтому ты убиваешь волков?

Губитель опасно улыбнулся, на лицо наползли тени. Из-за грозовых туч над головой и высоких стен из воды здесь, на дне, было тускло, хотя

странный свет освещал это место в волчьем сне, как в Путях.

— Волки и люди лучшие охотники в этом мире, — тихо сказал Губитель. — Убей их и ты возвысишься над ними. Не всем из нас посчастливилось расти в уютном доме с теплым очагом и смеющимися братьями и сестрами.

Перрин и Губитель были окружены смешивающимися тенями и всполохами молний, мерцающими сквозь воду.

— Если бы ты знал мою жизнь, — сказал Губитель, — То был бы. Бездна, агония... Я вскоре нашел свой путь. Мою силу. В этом месте я король.

Он перепрыгнул через разделяющее их пространство, превращаясь в размытый силуэт. Перрин подготовился, чтобы увернуться, но Губитель не доставал свой меч. Он врезался в Перрина, бросая их обоих на стены из воды. Море пенилось и пузырилось вокруг них.

Тьма. Перрин создал свет, как то заставив камни под ногами светиться. Губитель одной рукой держал его плащ и замахивался на него в темной воде своим мечом, который двигался так же быстро, как и в воздухе, оставляя след из пузырьков. Перрин закричал, выпуская изо рта пузыри. Он пытался

блокировать, но руки двигались вяло.

В одно застывшее мгновение Перрин попытался представить себе, что вода не препятствует ему, но разум отвергал эту мысль. Это было не естественно. Этого не могло быть.

Когда меч Губителя был совсем близко, чтобы вонзиться в него, Перрин, в отчаянии, заморозил воду вокруг них. Это чуть не раздавило его, но отсрочило опасный момент, позволяя Перрину сориентироваться. Он заставил свой плащ исчезнуть, чтобы не прихватить с собой Губителя, и переместился.

Перрин приземлился на скалистом берегу около крутого склона, наполовину разрушенного

морской водой. Задыхаясь, он упал на четвереньки. Вода стекала с его бороды. Его мысли были в оцепенении. Он беспокойно оттолкнул от себя воду, оставшись сухим.

"Что происходит?" он думал, дрожа. Вокруг него бушевал шторм, кора, слезающая со стволов деревьев, их ветки уже опали. Он просто так... устал. Опустошен. Как долго это длиться, сколько времени прошло с тех пор, как он спал? Недели прошли в реальном мире, но здесь, возможно, и не недели, не так ли? Это...

Море закипело, вспениваясь. Перрин повернулся. Он поднял

молот, так или иначе, чтобы встретиться с Губителем.

Вода продолжала двигаться, но ничего не происходило. Внезапно, гора за его спиной разделилась пополам. Перрин почувствовал, как что-то тяжелое свалилось на его плечи, как толчок. Он упал на колени, извиваясь и пытаясь разглядеть склон, развалившийся на двое, Губитель стоял на другой стороне, накладывая ещё одну стрелу на лук.

Перрин переместился, в отчаянии, резкая вспышка боли, с опозданием, прошла по всему его телу.

— Все, что я хочу сказать, что

бои идут прямо сейчас, — сказал Мандевин, — А мы в них не участвуем.

— Бои всегда идут где-нибудь, — ответил Ванин, прислонившись спиной к внешней стене склада в Тар Валоне. Фэйли слушал их вполуха, — Мы боролись выбрав свою долю за всех. Все, что я хочу сказать — я рад, что избежал конкретно той участи.

— Люди умирают, — сказал Мандевин неодобрительно. — Это не просто бой, Ванин. Это же сам Та'рмон Гайдон!

— Это значит, никто нам не заплатит, — предположил Ванин.

Мандевин вскипел.

— Платить ... за сражение в
Последней Битве. Да ты плут! Этот
бой означает саму жизнь.

Фэйли улыбнулась, когда
просмотрела бухгалтерские книги
поставки. Двое Красноруких,
лишенные работы маячили в дверях,
в то время как слуги, носящие Пламя
Тара Валона, загружали фургоны
Фэйли. Позади них Белая Башня
возвышалась над городом.

Сначала её раздражали их
подсмеивания, но то, как Ванин
понукал другого человека напомнило
ей о Гилбере, одном из интендантов
ее отца в Салдэе.

— Сейчас, Мандевин, —
ответил Ванин, — Ты говоришь вовсе

не как наемник! Что если бы Лорд Мэт услышал тебя?

— Лорд Мэт будет сражаться, — сказал МанDEVIN.

— Когда он должен, — сказал Ванин. — Мы не должны. Посмотри, эти запасы важны не так ли? И кто-то должен охранять их, верно? Вот мы и делаем эту работу.

— Я просто не понимаю, почему эту работу требуют от нас. Я должен помогать Талманесу руководить Отрядом, а вы все, должны быть охранной лорда Мэта ...

Фэйли практически слышала недоговариваемый ими вывод — Мы должны быть с лордом Мэтом, что

бы защитить его от Шончан.

Солдаты приняли с ходу исчезновение Мэта, и его новое появление с Шончан. Очевидно, они ожидали такого поведения от "лорда" Мэтрима Коутона. У Фэйли были лучшие пятьдесят человек из Отряда, включая капитана Мандевина, лейтенанта Сэндипа и несколько Красноруких, которых настоятельно рекомендовал взять Талманес. Ни один из них не знал их истинную цель, охрана Рога Валиир.

Она бы увеличила в десять раз это число, если бы могла. Но и пятьдесят было достаточно подозрительно. Эти люди были самые лучшие в Отряде, некоторые

выдернуты с командных должностей. Они должны были справиться.

Мы не едем далеко, думала Фэйли, проверяя следующую страницу книги поставки. Она должна была выглядеть, как будто была обеспокоена поставками. Почему я так волнуюсь?

Она должна была только доставить Рог на Поле Мериллор, теперь, когда Коутон наконец объявился. Она уже отправила три каравана в другие места, используя одних и тех же охранников, так что нынешнее занятие не должно никаким образом вызвать подозрений.

Она выбрала Отряд совершенно

сознательно. В глазах большинства они были просто наемниками, таким образом, наименее важное — и наименее заслуживающие доверия — войска в армии. Однако, для всех ее жалоб о Мэте — она не знала его хорошо, но то как Перрин говорил о нем, было достаточно — он действительно вселял лояльность в своих людей. Мужчины, которые пришли к Коутону, походили на него. Они отлынивали от обязанностей и предпочитали играть в кости и выпивать, вместо того, чтобы заниматься чем-то полезным, но в крайнем случае каждый из них будет стоять десятерых.

На Мериллоре у Коутона будет

серьезное основание, чтобы проверить Мандевина и его людей. В тот момент она могла отдать ему Рог. Конечно, у нее также было несколько членов Ча Фэйли в качестве охраны. Она хотела иметь несколько людей, которым, она знала наверняка, могла доверять.

Невдалеке из склада вышла Ларас — толстая хозяйка кухонь в Тар Валлоне, грозя пальцем нескольким служанкам. Женщина подошла к Фэйли, за ней следовал долговязый прихрамывающий юноша, который нес потрепанный сундук.

— Кое-что для вас, миледи. — Ларас указала на сундук. — Амерлин

машинально добавила его в конце. Что-то о ее друге, из дома?

— Это табак Мэтрима Коутона, — сказала Фэйли с гримасой. — Когда он обнаружил, что Амерлин распродает запасы табака из Друречья, он настаивал на его покупке.

— Табак, в такое то время, — Ларас покачала головой, вытирая пальцы о фартук. — Я помню этого мальчика. Я знала одного или двух похожих на него, постоянно вьющихся возле кухни, как бездомная собака в поисках отходов. Кто-то должен сделать, что-то полезное для него.

— Мы работаем над этим, —

сказал Фэйли, поскольку слуга Ларас поместил сундук в личный фургон Фэйли. Она вздрогнула, когда он грохнул им об пол, затем отряхнул руки.

Ларас кивнула, и направилась на свой склад. Фэйли положила руку на грудь. Философы утверждают, что у Узора не было чувства юмора. Узор и Колесо, просто были, они не заботились, они не принимали чью-либо сторону. Тем не менее, Фэйли не могла отделаться от мысли, что где-то, Творец улыбался ей. Она оставила дом, полная высокомерной мечты, как ребенок, думая о поисках Рога, как о большом приключении.

Жизнь наказала ее, заставив

тащиться обратно. Она выросла, и стала думать о том, что было действительно важно. А теперь... Теперь Узор, неожиданно, почти с равнодушием, бросает Рог Валир к ее ногам.

Она убрала руку, демонстративно отказываясь открывать сундук. У нее был ключ, доставленный ей отдельно, и она проверит, когда никто не увидит, что Рог был действительно в сундуке. Не сейчас. Тогда, когда она останется одна и убедится, что это безопасно.

Она забралась в фургон и положила ноги на сундук.

— Все равно, мне это не нравится, — говорил Мандевин,

находясь рядом со складом.

— Да тебе ничего не нравится, — ответил Ванин. — Посмотри, работа, которую мы делаем, важна. Солдаты должны есть.

— Я думаю это правда, — сказал Мандевин.

— Так оно и есть! — добавился новый голос. Гарнан и другой, из Отряда Красной Руки, присоединились к ним. Ни один из трех, как заметила Фэйли, не стал помогать служащим загрузить фургон, — Прием пищи — это замечательно, — продолжил Гарнан. — И если есть специалист по этому вопросу, Ванин — это,

конечно, ты.

Гарнан был крепко сбитым мужчиной с широким лицом и татуировкой в виде ястреба на щеке. Талманес клялся, говоря, что он ветеран, переживший две "шестиярусных резни" и Хиндерстап, что бы это ни значило.

— Сейчас ты обижаешь меня, Гарнан, — сказал Ванин позади. — Ты серьезно меня ранил.

— Я сомневаюсь в этом, — сказал Гарнан со смехом. — Чтобы тебя серьезно ранить, сначала придется пробить толстый слой жира. Я не уверен, что мечи Троллоков достаточно длинны для этого!

Мандевин засмеялся, и все трое двинулись дальше. Фэйли пролистала последние несколько страниц книги, и затем начала спускаться, чтобы позвать Сеталль Анан. Женщина помогала ей в налаживании путей снабжения. Однако, когда Фэйли спускалась, она заметила, что не все три члена Отряда ушли. Только двое. Портли Ванин все еще стоял там. Она увидела его и остановилась.

Ванин сразу же неуклюже направился к остальным солдатам. Наблюдал ли он за ней?

— Фэйли! Фэйли! Аравин говорит, что она закончила проверку списков грузов для вас. Мы можем

идти, Фэйли.

Олвер с нетерпением взобрался на сидение в фургоне. Он настаивал на присоединении к каравану, и члены Отряда убедили ее позволить это. Даже Сеталль посчитала предложение взять его целесообразным. Видимо, все они были обеспокоены тем, что Олвер найдет тот или иной путь сражаться, если он не был постоянно под их присмотром. Фэйли неохотно поставила его на побегушках.

— Ладно, тогда, — сказала Фэйли, поднимаясь обратно в фургон. — Я полагаю, мы можем выезжать.

Фуруны громыхали в движение.

Весь путь от города, она старалась не смотреть на сундук.

Она пыталась отвлечь себя от мыслей о нем, но это только привело ее к другому вопросу, требующему решения. Перрин. Она видела его только мельком во время поставки в Андор. Он предупредил ее, что должен выполнить другой долг, но не пожелал рассказать ей об этом.

Теперь он исчез. Он назначил Тэма командующим вместо себя, открыл врата в Шайол Гул и исчез. Она спросила, кто там был, но никто не видел его с тех пор как он разговаривал с Рандом

С ним все будет хорошо, не так ли? Она была дочерью солдата и

женой солдата, она знала, что не стоит волноваться слишком много. Но если человек не может помочь, то можно хоть немного поволноваться. Перрин был тем, кто предложил ее в качестве хранителя Рога.

Она тщетно спрашивала себя, сделал ли он это только, чтобы держать ее подальше от поля боя. Она не будет возражать, если он так сделал, хотя она никогда не скажет ему об этом. В самом деле, как только это было все сказано и сделано, она намекнет, что обиделась и посмотрит, как он реагирует. Ему нужно знать, что она не будет сидеть сложа руки или что с ней надо нянчиться, даже если ее настоящее

имя подразумевает иное.

Фэйли направила свой фургон, который был первым в караване, на мост, уводящий из Тар Валона. Примерно на полпути мост задрожал. Лошади топали и вскинули головы, когда Фэйли замедлил их и посмотрела через плечо. Вид покачивающихся зданий в Тар Валоне доказал ей, что дрожит не только мост, это было землетрясение.

Остальные лошади нервно дергались и жалобно ржали, а телеги трещали.

— Мы должны уйти с моста, леди Фейли! — закричал Олвер.

— Мост слишком длинный, нам

не успеть добраться на другую сторону до его обрушения, — спокойно ответила Фейли. Прежде она уже переживала землетрясения в Салдеи. — Мы можем пострадать больше, если попытаемся выбраться, чем, если останемся на месте. Этот мост огирской работы. Возможно, нам безопаснее здесь, чем, если мы будем на твердой земле.

Действительно, землетрясение прошло без больших разрушений моста. Фэйли взяла своих лошадей под контроль и продолжила движение вперед. Даст Свет, урон городу не был слишком значительным. Она не знала были ли землетрясения здесь обычным

делом. С Драконовой Горой поблизости должны были случаться случайные потряхивания, не так ли?

Но, это землетрясение продолжало ее беспокоить. Люди говорили, что земля стала неустойчивой, рокот земли стал совпадать с молниями и громом, раскалывающими небо. Она слышала уже не одно сообщение о трещинах, расползающихся паутиной по камням, с непроглядной чернотой внутри и будто ведущих в загробный мир.

Наконец остальные из каравана покинули город. Фургоны Фэйли вытянулись рядом с ограничительными лентами, ожидая

своей очереди на перемещение через проход Айз Седай. Фейли не могла настаивать на привилегии в перемещении, она не должна была привлекать внимание. Поэтому, отстранившись от нервного напряжения, она приготовилась ждать.

Ее караван был последним в очереди на сегодня. Аравайн подошла к фургону Фэйли, и Олвер подвинулся, чтобы освободить для нее место. Она потрепала его по голове. Многие женщины так реагировали на Олвера, и он казался таким невинным большую часть времени. Фэйли не была в этом убеждена, она прищурила глаза,

глядя на Олвера, который прижался к Аравин. Мэт, видимо, оказал сильное влияние на ребенка.

— Я довольна этой поставкой, миледи, — сказала Аравайн. — С таким количеством холста у нас будет достаточно материала, чтобы поставить навесы над головой большинства мужчин в армии. Мы по-прежнему нуждаемся в коже. Мы знаем, что королева Илэйн безжалостно заставляет солдат маршировать и мы будем получать запросы на новые сапоги.

Фэйли рассеянно кивнула. Впереди открылись ворота на поле Меррилор, и она могла видеть, что армии все еще собираются. На

протяжении последних пару дней они медленно волочились обратно, зализывая раны. Три фронта, три поражения различной степени. Свет. Прибытие Шарцев было столь же разрушительным, как и предательство великих полководцев, среди которых был и отец Фэйли. Армии Света потеряли более трети своих сил.

На Поле Меррилор командующие совещались, а их солдаты чинили броню и оружие, в ожидании того, что грядет. Последней битвы.

— ... также нужно больше мяса, — сказала Аравайн. — Мы должны предпринять несколько

быстрых вылазок на охоту с использованием врат на протяжении нескольких следующих дней, чтобы посмотреть, что мы можем найти.

Фэйли кивнула. Было хорошо иметь под рукой Аравайн. Хотя Фэйли по-прежнему просматривала доклады и посещала интендантов, особая тщательность Аравайн сделала работу намного проще, как хороший сержант, который проверяет, чтобы его люди были в форме перед инспекцией.

— Аравайн, — сказала Фэйли. — Вы никогда даже не использовали одни из врат, чтобы навестить вашу семью в Амадиции.

— Там ничего для меня больше

не существует, моя леди.

Аравайн упорно отказывалась признать, что она была благородной, прежде чем была захвачена Шайдо. Ну, по крайней мере, она не действовала, как некоторые из бывших гай'шайн — послушно и покорно. Если Аравайн была полна решимости оставить прошлое позади, то Фэйли с удовольствием бы дала ей такой шанс. Ведь она задолжала этой женщине.

Пока они говорили, Олвер спустился вниз, чтобы пойти поговорить с некоторыми из его "дядюшек" из Отряда Красной Руки. Фэйли взглянула в сторону, когда Ванин проехал мимо с двумя

другими разведчиками группы. Он весело говорил с ними.

— Ты неправильно толкуешь тот его взгляд, — сказала себе Фэйли. — в этом человеке нет ничего подозрительного, ты просто нервничаешь из-за Рога.

Тем не менее, когда Гарнан подъехал, чтобы спросить, нужно ли ей что-нибудь — люди из Отряда делали это каждые полчаса, — она спросила его про Ванина.

— Ванин? — произнёс Гарнан, не слезая с лошади. — Хороший парень. Конечно, он может замучить вас жалобами на боль в животе время от времени, миледи, но пусть это вас не тревожит. Он наш лучший

разведчик.

— Не могу себе это представить, — сказала она. — Я имею в виду, что он не может двигаться быстро или тихо при таком весе, не так ли?

— Он удивит вас, миледи, — ответил Гарнан со смешком. — Мне нравится подшучивать над ним, но на самом деле он опытен.

— Неужели у него никогда не было никаких дисциплинарных проблем? — спросила Фэйли, стараясь подбирать слова. — Драки? Кража вещей из палаток других солдат?

— У Ванина? — рассмеялся Харнан. — Он может одолжить ваше

бренди, если вы позволите ему, а затем вернуть пустую флягу. И по правде говоря, возможно, у него было что-то воровское в его прошлом, но я никогда не видел, чтобы он дрался. Он хороший человек. Вам не нужно беспокоиться о нем.

Что-то воровское в его прошлом? Гарнан, тем не менее, выглядел так, будто не хотел больше обсуждать это.

— Спасибо, — сказала она, но продолжала волноваться.

Гарнан отсалютовал, а затем уехал. Было еще три часа до того, как Айз Седай пошлет их с очередным заданием. Бериша подошла, подвергая караван критической

проверке. У нее были грубые черты лица и худая фигура. Другие Айз Седай, работающие на площадке для Перемещений, уже вернулись в Тар Валон к этому моменту, и солнце уже клонилось к горизонту.

— Караван продуктов и холст, — сказала Бериша, просматривая журнал Фэйли. — Направляется на Поле Меррилор. Мы уже отправили им сегодня 7 караванов. Зачем им еще один? Я полагаю, что беженцам из Кеймлина это нужно не меньше.

— Поле Мэррилор скоро станет местом великой битвы, — ответила Фэйли, с трудом сдерживая свой темперамент. Айз Седай не любили, когда на них огрызались. — Я

сомневаюсь, что туда можно поставить с избытком.

Бериша фыркнула.

— Я говорю, что этого слишком много. — Женщина казалась постоянно недовольной, как будто была раздражена тем, что не участвует в битве.

— Амерлин не согласна с вами, — ответила Фэйли. — Врата, пожалуйста. Время идет. И если вы хотите поговорить о расточительстве, почему бы принять во внимание то, как вы заставили меня идти всю дорогу из города и ждать, вместо того, чтобы отправить меня прямо из Белой башни?

Совет Башни хотел, чтобы для

переброски больших отрядов и снабжения была только одна площадка для Перемещений, чтобы сохранять контроль над тем, кто входил и покидал Тар Валон. Фэйли не могла их винить за эту предосторожность, даже если это раздражало.

Бюрократия есть бюрократия, и Бериша, наконец, приняла сконцентрированный вид, готовясь открыть врата. Но прежде чем она смогла сплести врата, землю начало трясти.

"Не снова, — подумала Фэйли со вздохом. — Ну, это землетрясение хотя бы было послабее"

Ряд острых черных шипов

кристалла разорвал землю
поблизости, выступая вверх на
десять или пятнадцать футов. Один
пронзил лошадь из Отряда Красной
Руки, выбрасывая брызги крови в
воздух, когда шип прошел через
обоих — животного и всадника.

— Пузырь зла! — закричал
Гарнан рядом.

Другие кристаллические шипы
— некоторые тонкие как копье,
другие шириной с человека —
пропоролы землю. Фэйли отчаянно
попыталась управиться с лошадьми.
Они заметались из стороны в
сторону, раскачивая ее повозку, почти
опрокидывая ее, пока она натягивала
поводья.

Вокруг нее было безумие. Шипы группами вырывались из-под земли, каждый острый, как бритва. Один фургон раскололся, когда кристаллы уничтожил его левую сторону. Продукты рассыпались по мертвой траве. Некоторые лошади обезумели и другие фугоны перевернулся. Кристалльные шипы продолжает расти, появляются по всему пустому полю. Крики слышались из соседней деревни в конце моста, ведущего из Тар Валона.

— Врата! — закричала Фейли, все еще пытаюсь удержать лошадей. — Открой их!

Бериша отскочила, когда шипы выскочили из земли возле ее ног. Она

побледнела и взглянула на них, и только тогда Фэйли поняла, что что-то двигалось внутри темных кристаллов. Это было похоже на дым.

Кристаллический шип прошел через ногу Бериши. Она вскрикнула, упавши на колени, но полоса света расколола воздух. Хвала Свету, женщина держала ее, сплетая, кажись с заторможенной медлительностью, Полоса света раскрылась во врата, достаточно большие, чтобы прошёл фургон.

— Через врата! — закричала Фэйли, но ее голос был потерян в суматохе. Слева от нее вырвались из-под земли кристаллы, очень близко, бросив комья земли ей в лицо. Ее

лошади гарцевали, потом начали скакать. Рискую полной потерей контроля, Фэйли направила их к воротам. Прямо перед тем, как они прошли, она вытащила их на платформу.

— Врата! — кричала она остальным. И снова ее голос был заглушен. К счастью, Отряд Красной Руки услышал призыв, выстроился в неупорядоченных линии, взяли поводья лошадей и направили фургоны к воротам. Другие поднимали тех, кто был сброшен на землю.

Гарнан прошел следом, ведя Олвера. За ним следовали Сандип с Сеталль Анан, которая прижималась к нему. Частота появления

кристаллов увеличилась. Один торчал возле Фэйли, и она с ужасом поняла, что движение дымки внутри имеет форму. Фигуры мужчин и женщин, кричащие, словно в ловушке внутри.

Она отступила, ошеломленная. Рядом, последний рабочий фургон прогрохотал через ворота. Скоро на поле не останется ничего, кроме кристаллов.

Некоторые разрозненные члены Отряда помогли раненым сесть на лошадей, но двое упали, поскольку кристаллы начали давать ростки, которые выстреливали в стороны. Пора было уходить. Аравайн прошла мимо, подхватывая поводья Фэйли, чтобы вытащить их в

безопасное место.

— Бериша! — сказала Фэйли. Айз Седай упала на колени возле Врат, пот стекал по ее бледному лицу. Фэйли соскочила с козлов, хватая женщину за плечо, Аравайн направила фургон через Врата.

— Пошли! — сказала Фейли Берише. — Я помогу тебе..

Женщина зашаталась, затем упала на сторону, держась за живот. Фэйли увидела, как кровь заструилась сквозь пальцы женщины. Бериша уставился на небо, раскрывая рот, но никаких звуков не было слышно.

— Моя госпожа! — прискакал Мандевин. — Меня не волнует, куда

они ведут! Мы должны пройти!

— Что...

Она отпустила ее, когда Мандевин схватил ее за пояс и затащил наверх, поблизости взрывались кристаллы. Он проскакал через ворота, удерживая ее.

Врата закрылись мгновением спустя

Фэйли уже задыхалась, когда Мандевин отпустил ее. Она смотрела на место, где только, что были ворота.

Его слова наконец дошли до нее. "Мне плевать куда они ведут...." Он увидел что-то, что она из-за ее панических усилий вытащить всех в безопасное место, не увидела.

Врата не вели на Поле

Меррилор.

— Где мы? — прошептала Фэйли, присоединяясь к остальным, смотревшим на ужасный пейзаж.

Изнуряющая жара, растения покрытые пятнами тьмы, запах чего-то ужасного в воздухе.

Это было Запустение.

Авиенда жевала свой паек: хрустящие овсяные хлопья, смешанные с медом. Они имели приятный вкус. Присутствие поблизости Ранда останавливало порчу продуктов.

Она потянулась за флягой, но затем задумалась. В последнее время она пила много воды. Она стала редко задумываться о ее ценности.

Неужели она уже забыла знания, которые получила во время своего возвращения в Трехкратную землю, для посещения Руидина?

Свет, подумала она, поднимая флягу к губам. Кого это волнует? Это Последняя Битва!

Она сидела на полу большой айильской палатки в долине Такан'дара. Мелэйн жевала свой паек неподалеку. Женщина была близка к рождению близнецов, ее живот выдавался из-под платья и шали. Девам не разрешалось сражаться, будучи беременными, Мелэйн также запретили активность. Она добровольно посещала Майен с его лагерем для Исцелений — но также

регулярно она наведывалась посмотреть на ход битвы. Множество гай'шайн помогали через Врата, однако могли они не многое — носить воду или землю для земляных насыпей Итуралде, которые, как он думал, защитят бойцов.

Группа Дев ела рядом, болтая на языке жестов. Авиенда могла их понять, но не делала этого. Это могло бы вернуть желание присоединиться к ним. Она стала Хранительницей Мудрости и оставила прежнюю жизнь. Это не означает, что она полностью защитила себя от зависти. Вместо этого, она очистила свою деревянную миску, уложила ее в сумку, встала и

выскользнула из палатки.

Снаружи ночной воздух был прохладным. До рассвета было еще около часа, и ощущения были примерно такими же, как в Трехкратной земле ночью. Авиенда взглянула на гору, которая возвышалась над долиной; несмотря на темноту раннего утра, она видела пещеру, ведущую внутрь.

Прошло много дней, как Ранд вошел внутрь. Прошлой ночью Итуралде вернулся назад в лагерь с рассказом о том, что его удерживали волки и мужчина, которого по его словам отправил Перрин Айбара, чтобы он похитил полководца. Итуралде взяли под стражу, но он не

возражал.

Троллоки не нападали на долину весь день. Защитники все еще удерживались в проходе. Тень, казалось, чего-то ждала.

"Свет, спаси и сохрани, чтобы это не было еще одной атакой Мурддраалов."

Последняя едва не уничтожила их оборону. Авиенда объединила направляющих, когда Безглазые появились, чтобы убить людей, защищающих горловину прохода; они, должно быть, поняли, что использовать себя в больших количествах, было бы неразумно, и они побежали обратно в безопасность, как только

направляющие вступили в бой.

В любом случае, она чувствовала благодарность за этот редкий момент отдыха и относительное спокойствие между атаками. Она смотрела в эту пещеру в горе, в глубине которой сражался Ранд. Сильный импульс пришел из глубины горы, вызванный направлением, волнообразный, мощный. Несколько дней снаружи, но насколько долго внутри? День? Часы? Минуты? Девы, которые охраняли путь до входа утверждали, что после четырех часов на посту, они спустились с горы и обнаружили, что прошло восемь часов.

"Мы должны держаться" — думала Авиенда. — "Мы должны бороться. Мы должны предоставить ему столько времени, сколько сможем".

По крайней мере, она знала, что он все еще жив. Она чувствовала это. И его боль.

Она посмотрела в сторону.

И сразу же заметила кое-что. Женщина направляла в лагере. Слабый поток Силы, но Авиенда нахмурилась. В такое время, когда никто не сражался, направлять могли только на Площадке для Перемещений, а сейчас это происходило совсем в другом направлении.

Бормоча себе под нос, она пошла через лагерь. Это видать Ищущее Ветер, снова делали свою работу. Они сменялись, входя и выходя с круга, используя Чашу ветров, чтобы держать в узде бурю. Для выполнения этой работы, они заняли северный склон долины, он же и охранялся всеми силами Морского народа. А попасть туда можно было только через ворота.

Когда Ищущие ветер не оперировали с Чашей, они разбивали свой лагерь вместе с остальной армией. Авиенда предупреждала их множество раз, что когда они находятся в долине, им не разрешается направлять по

повседневным нуждам. От них ожидалось, что после стольких лет, что они скрывали свои способности направлять от Айз Седай, они будут более дисциплинированными! Если она поймает еще одну из них за тем, что та направляет, чтобы разогреть свой чай, она отправит ее к Сорилее на обучение. В конце концов предполагается, что это охраняемый лагерь.

Авиенда застыла на месте. Направляли не из небольшого круга палаток, где Ищущие Ветер разбили свой лагерь.

Могло ли быть то, что она почувствовала, нападением? Повелители Ужаса или Отрекшиеся

вполне могли предположить, что в лагере, набитом Айз Седай, Ищущими Ветер и Хранительницами Мудрости, никто не заметит небольшого потока Силы, направляемого тут или там. Авиенда тут же пригнулась около ближайшей палатки, избегая света от фонаря на столбе. Кто-то снова стал направлять, едва заметно. Она поползла вперед.

Если окажется, что кто-то просто подогревал воду, чтобы помыться...

Она двигалась между палатками по твердой земле. Когда она подошла ближе, то сняла ботинки и оставила их позади, затем вытащила свой??

кинжал из ножен. Она не могла рисковать, открываясь Источнику, чтобы не выдать себя своей жертве.

Лагерь действительно не спал. Те воины, которые не были заняты служебными обязанностями, дремали здесь. Усталость, даже среди Дев Копья была проблемой. Они все жаловались на кошмары.

Авиенда продвигалась вперед, тихо скользя между палатками, избегая тех, которые были освещены. Это место тревожило всех их, поэтому она не была удивлена, услышав о кошмарных снах. Как могли сны быть спокойными в такой близости от Темного?

Логически она понимала, что на

самом деле Темный не был поблизости, на самом деле нет. Отверстие было устроено иначе. Он не жил в этом месте, он существовал вне Узора, внутри своей темницы. Но все же, устраиваться здесь на ночлег было похоже на попытки уснуть в то время, как убийца стоял над тобой, держа нож и рассматривая цвет твоих волос.

"Там", — подумала она, замедляясь. Направляющая остановилась, но Авиенда была близко. Угрозы нападения Драгкаров и появления Мурдраалов ночью

заставили офицеров по всему лагерю ночевать в палатках, ничем не отличающихся от палаток солдат.

Однако, Авиенда знала, что эта палатка принадлежит Дарлин Сиснера.

Дарлин стал официальным командующим на этом поле битвы, теперь, когда не было Итуральде. Он не был генералом, но Тайренская армия с их элитным подразделением Защитников Твердыни была самой большой частью войск. Их командующий, Тиера, был хорошим тактиком, и Дарлин слушал его дельные предложения. Тиера не был великим генералом, но был очень умен. Он, Дарлин и Руарк разрабатывали планы сражения после отстранения от командования Итуралде...

Неразличимая в темноте, Авиенда заметила три фигуры, присевшие возле палатки Дарлина. Они осторожно жестикулировали друг с другом, их невозможно было различить — даже их одежду. Она подняла свой нож, и вдруг вспышка молнии расколола небо, осветив одного из них. Человек носил вуаль. Айил.

"Они тоже заметили нарушителя", — подумала она, последовав к ним и подняв руку, удерживая их от нападения. Она прошептала:

— Я чувствовала, как кто-то направлял поблизости, и я не думаю, что это один из наших. Что вы

видели?

Трое мужчин ошеломленно уставились на нее, но она практически не видела их лиц.

Затем они напали на нее.

Авиенда чертыхнулась и отпрыгнул назад, когда их копья вышли и один бросил нож в ее сторону. Айил Приспешники Тьмы? Она чувствовала себя душой. Она должна была бы знать.

Она попыталась обнять Источник. Если женщина Повелитель Ужаса была поблизости, она сразу почувствует, что сделала Авиенда, но это было сейчас не важно. Ей необходимо сначала пережить нападение этих троих.

Однако, как Авиенда потянулась к Единой Силе, что-то встало на место между ней и Источником. Щит, который она не могла видеть

Один из этих мужчин мог направлять. Авиенда действовала инстинктивно. Она подавила в себе панику, оставив попытку дотянуться до Источника, и бросилась на ближайшего из мужчин. Схватив рукой копье, направленное на неё, не замечая боли, когда острие полоснуло возле ребер, и рванув копье вперед, она вонзила свой нож в его шею.

Один из этих двух направил и Авиенда оказалась обернутой плетениями Воздуха, неспособная

говорить или двигаться. Кровь начала пропитывать ее блузку со стороны раны. Человек, которого она ударила, захрипел и упал замертво на землю. Двое других не двигались, чтобы помочь ему.

Один из Друзей Темного вышел вперед, гибкий, почти невидимый в темноте. Он подошел ближе к её лицу, рассматривая ее, затем махнул рукой другому. Очень мягкий свет появился около них, давая им возможность лучше видеть её — а ей их. Они носили красные вуали, но у этого вуаль была опущена во время борьбы. Почему? Что это было? Никто из Айил, которых она знала, не сделал бы этого. Они были

Шайдо? Они присоединились к Тени?

Один из мужчин сделал несколько жестов другому. Это был язык жестов. Не язык жестов Дев, но что-то похожее. Другой мужчина кивнул.

Авиенда была связана. Она попыталась пробить Щит, ища слабое место в плетениях Воздуха. Айил справа — более высокий, он, вероятно, держал её Щит — заворчал. У неё было чувство, будто ее пальцы цеплялись за край неплотно закрытой двери, со светом, теплотой и свободой за нею, но эта дверь не сдвинулась ни на дюйм.

Высокий Айил с прищуром

посмотрел на нее. Он заставил свет исчезнуть, погрузив их в темноту. Авиенда слышала как он взял копье.

Послышались шаги недалеко от них. Красные вуали повернулись в ту сторону, Авиенда пыталась рассмотреть подошедшего, но у неё не получалось.

Мужчины стояли неподвижно.

— Что здесь происходит? — спросил женский голос. Кадсуане. Она приблизилась с фонарём в руке. Направляющий быстро перенес Авиенду в тень плетениями. Казалось, Кадсуане не замечала её, а видела только второго мужчину, стоявшего ближе к тропе.

Айил вышел из тени. Он

опустил вуаль.

— Мне показалось, что я что-то слышал рядом с палатками здесь, Айз Седай, — сказал он. У него был странный акцент, очень слабый. Только тень от акцента. Мокроземцы никогда не увидят разницы.

"Это не Айил", подумала Авиенда. Они что-то другое. Ее разум боролся с этой идеей. Айил, которые не были Айил? Мужчины, которые могли направлять?

"Мужчины, которых мы отсылали", поняла она с ужасом. Мужчины со способностью направлять, обнаруженные среди Айил, уходили, чтобы попытаться убить Темного. В одиночку они

уходили в Запустение. Никто не знал, что произошло с ними после этого.

Авиенда начала борьбу снова, стараясь произвести хоть какой-то шум, чтобы предупредить Кадсуане. Попытки были напрасны. Она держалась крепко, в воздухе, в темноте, и Кадсуане не смотрела в ее сторону.

— Хорошо, что-нибудь обнаружили? — спросила Кадсуане у мужчины.

— Нет, Айз Седай.

— Я поговорю с охраной, — сказала Кадсуане, казалось, она не была удовлетворена ответом. — Мы должны быть бдительны. Если Драгкар — или, ещё хуже, Мурдраал

— сумеет прокрасться, он сможет убить десятки, прежде чем будет обнаружен.

Кадсуане повернулась, чтобы уйти. Авиенда покачала головой, слезы разочарования были в ее глазах. Так близко!

Красная вуаль, говоривший с Кадсуане, вошел в тень и приблизился к Авиенде. Во вспышке молнии она разглядела улыбку на его губах, и такую же — у второго, державшего её в плетениях.

Красная вуаль выдернул кинжал с ремня на поясе и поднес к ней. Она смотрела на оружие, беспомощная, пока оно поднималось к её горлу.

Она почувствовала как

направляют.

Плетения, державшие ее, исчезли, и она упала на землю. Авиенда видела руку мужчины, его широко открытые глаза. И одновременно с тем, что она схватилась за Источник безумно, инстинктивно, ее руки уже двигались. Она скрутила одной рукой запястье мужчины, другой захватила руку с кинжалом и воткнула кинжал в его глаз. Он закричал от боли.

Крик стих. Красная вуаль упал возле её ног, и она осмотрелась с беспокойством вокруг — где тот, который держал ее плетениями. Он лежал на земле мертвый.

Задышавшись, она пошла вперед и

увидела Кадсуане.

— Это несложно, остановить человеку сердце, — сказала Кадсуане, сложив руки. Она казалась неудовлетворенной. — Так близко к Исцелению, просто противоположный эффект. Возможно, это зло, хотя мне всегда было сложно понять, чем это хуже, чем просто сжечь человека до золы при помощи огня.

— Как? — спросила Авиенда. — Как ты смогла распознать, что они были тут?

— Я не полуобученный дичок, — ответила Кадсуане. — Я бы предпочла свалить их сразу как подошла, но я должна была

убедиться прежде, чем действовать. Когда один из них начал угрожать тебе ножом, я знала наверняка.

Авиенда вдыхала и выдыхала, пытаюсь успокоить своё сердце.

— Конечно, был еще один, — сказала Кадсуане. — Тот, что направлял. Как много мужчин — воинов Айил могут втайне направлять? Была ли это аномалия, или ваши люди покрывали их?

— Что? Нет! Мы этого не делаем. Или, не делали. — Авиенда не была уверена, будут поступать так теперь, когда Источник очистили. Конечно, следует прекратить отправлять мужчин по одиночке умирать, сражаясь с Темным.

— Ты уверена? — ровным голосом спросила Кадсуане.

— Да!

— Жаль. Это могло бы быть большим подарком для нас сейчас, — сказала Кадсуане, покачивая головой. — Я бы не удивилась, после того, как мы узнали об этих Ищущих ветер. Так они были всего лишь заурядными приспешниками Тёмного, среди которых был один, который скрыл свою способность направлять? Зачем они были здесь сегодня вечером?

— Они не простые приспешники Темного, — тихо проговорила Авиенда, осматривая трупы. Красные вуали. У мужчины,

который мог направлять, были заточены зубы, у двух других ничего подобного не было. Что бы это значило?

— Мы должны предупредить людей в лагере, — продолжила Авиенда, — Возможно, что эти трое просто прошли без проверки. Многие охранники-мокроземцы избегают проверять Айильцев. Они думают, что все из нас служат Кар'а'карну.

Слишком много мокроземцев, Айил есть Айил. Глупцы. Хотя... если быть честной, Авиенда должна была признать, что ее первым инстинктом, когда она увидела Айильца, было подумать, что они —

союзники. Как такое могло произойти? Менее двух лет назад, если бы она увидела незнакомого алгай'д'сисвай, рыскающего вокруг, она бы атаковала.

Авиенда продолжила изучать трупы — у каждого человека был нож, копья и луки. И более ничего примечательного. Однако, внутренний голос подсказывал ей, что она что-то упустила из виду.

— Направляющая женщина, — внезапно сказала она, оглядываясь. — Это женщина использовала Единую Силу, что и привело меня сюда, Айз Седай. Это были вы?

— Я не направляла до тех пор,

пока не убила того мужчину, — хмурясь сказала Кадсуане.

Авиенда приняла боевую стойку, сливаясь с тенями. Что она обнаружит на этот раз? Мудрых, которые служат Тени? Кадсуане нахмурилась, в то время как Авиенда скользнула дальше, обследуя лагерь. Она миновала палатку Дарлина, рядом собралась группа солдат вокруг ламп, отбрасывающих причудливые танцующие тени. Она миновала группы молчаливых патрулей. Они несли факелы, которые слепили им глаза.

Авиенда расслышала, как Тайренские офицеры беседовали, о том, что хорошо бы хоть раз не

беспокоиться заснул ли кто-нибудь на посту. Со всеми этими молниями, барабанами Троллоков, неожиданными набегами Тени, пытающейся проникнуть в лагерь... солдаты знали, что надо быть настороже. Морозный воздух пах дымом, смешанным с тошнотворными запахами, принесенными от лагеря Троллоков.

Она в итоге прекратила свои поиски и вернулась назад, обнаружив Кадсуане, говорящую с группой солдат. Она уже практически подошла к ней, когда ее взгляд скользнул по темному участку поблизости, и ее инстинкты почувствовали опасность. Из этого

участка темноты направляли.

Авиенда немедленно начала плести Щит. Скрывающаяся в темноте сплела Огонь и Воздух, направив на Кадсуане. Авиенда отпустила Щит и вместо этого рассекла Духом вражеское плетение, как только оно было выпущено.

Авиенда услышала проклятие, и плетение Огня моментально полетело в её направлении. Она пригнулась, Огонь прошел поверх головы, шипя в холодном воздухе. Волна жара прошла мимо. Ее враг показался из тени — какое бы плетение та не использовала, чтобы быть скрытой, оно распалось — и Авиенда увидела женщину, с которой

уже сражалась раньше. Ту, с таким же уродливым лицом, как у Троллока.

Женщина промчалась за группой палаток как раз перед тем, как земля разорвалась позади нее — из-за плетения, которое сделала не Авиенда. Секундой позже женщина согнулась снова, как уже делала раньше. И исчезла.

Авиенда настороженно стояла. Она повернулась к Кадсуане, которая подошла к ней.

— Спасибо тебе, — сказала женщина с неохотой, — За разрушение того плетения.

— Полагаю, теперь мы квиты, — сказала Авиенда.

— Квиты? Нет, между нами разница в несколько сотен лет, дитя. Я лишь признаю, что благодарна тебе за твое вмешательство. — Кадсуане нахмурила брови. — Она исчезла.

— Она делала это раньше.

— Способ перемещения, который мы не знаем, — сказала Кадсуане обеспокоенно. — Я не видела никаких плетений. Может быть это тер'ангриал? Он...

Полоса красного цвета взметнулась на передовой их армии. Троллоки пошли в атаку. В тот же момент Авиенда почувствовала направляющих в разных местах их лагеря. Один, два, три... Она крутилась на месте, стараясь

определить все места, откуда направляли. Она в итоге насчитала пять.

— Направляющие, — резко сказала Кадсуане. — Дюжины.

— Дюжины? Я чувствую пять.

— Большинство из них мужчины, глупое дитя, — сказала Кадсуане, махая рукой. — Идём, соберем остальных!

Авиенда умчалась прочь, поднимая тревогу. Она позже вернется к этому разговору с Кадсуане, чтобы поставить ту на место. Возможно. "Разговор" с Кадсуане зачастую оставлял собеседника с ощущением, что тот круглый дурак. Авиенда вбежала в

Айильскую часть лагеря как раз в тот момент, когда Эмис и Сорилея, кутаясь в свои шали, осматривали небо. Флинн вывалился из ближайшей палатки, хлопая заспанными глазами.

— Мужчины? — сказал он. — Направляют? Прибыли еще Аша'маны?

— Вряд ли, — сказала Авиенда. — Эмис, Сорилея, мне нужен круг.

Они приподняли бровь. Хоть она и была одной из них теперь, и она имела власть от самого Кар'а'карна, но напоминание Сорилеи, может закончиться для Авиенды тем, что она будет закопанной по шею в

песок.

— Пожалуйста, — добавила она быстро.

— Это, твое мнение, Авиенда, — сказал Сорилея. — Я пойду и поговорю с другими и пришлю их к вам. Таким образом у вас может быть свой круг. Я думаю мы сделаем два, как было предложено раньше. Это было бы лучше.

"Такая же упрямая как Кадсуане", подумала Авиенда. Они обе могли преподавать уроки терпения, деревьям. Однако, Сорилея не была сильна в Силе, на самом деле она едва могла направлять, по этому было бы мудро использовать

других, как она предложила.

Сориля начал созывать других Хранительниц Мудрости и Айз Седай. Авиенда ждала, нервничая; она уже слышала крики и взрывы в долине. Потоки огня образовали дуги в воздухе, падая.

— Сориля, — сказала мягко Авиенда Старшей Хранительнице, поскольку женщины начали соединяться в круги, — На меня только-что напали в лагере трое мужчин Айил. Бой, который мы собираемся вести, вероятно, вовлечет других Айил, которые сражаются на стороне Тени.

Сориля резко обернулась, встречаясь взглядом с Авиендой.

— Поясни.

— Я думаю, что они должно быть мужчины, которых мы посылали убить Затмевающего Зрение, — сказала Авиенда.

Сориля тихо зашипела.

— Если это так, дитя, то этой ночью мы все будем иметь большой тох. Тох к Кар'а'карну, тох ко всей этой земле.

— Я знаю.

— Даю слово, — сказала Сориля. — Я организую третий круг; возможно заставлю некоторых из тех отдыхающих Ищущих Ветер присоединиться.

Авиенда кивнула, затем приняла контроль над кругом, который ей

передали. У нее было три Айз Седай, присягнувших Ранду и две Хранительницы Мудрости. По ее распоряжению, Флинн не входил в круг. Она хотела, чтобы он выискивал малейшие признаки направляющего мужчины и был готов указать направление, а его пребывание в круге делало это невозможным.

Они двинулись, словно отряд сестер по копьё. Они прошли мимо групп Тайренских Защитников, натягивающих отполированные доспехи поверх униформ с рукавами в широкую полосу. В одной из групп она увидела отдающего приказы короля Дарлина.

— Минутку, — сказала она

остальным и побежала к Тайренцам.

— ... их всех! — сказал Дарлин своим командующим. — Не ослабляйте передние линии! Мы не можем пропустить этих монстров в долину! — Было ясно, что атака подняла его с постели, так как он был одет лишь в панталоны и белую сорочку. Взъерошенный слуга протягивал пальто Дарлина, однако король отвернулся, отвлеченный посыльным.

Когда Дарлин увидел Авиенду, он нетерпеливо махнул ей, чтобы она подошла. Слуга тяжело вздохнул, опуская пальто.

— Я не думал, что они атакуют сегодня вечером, — сказал Дарлин,

затем поглядев на небо. — Ну или этим утром. Доклады разведчиков так беспорядочны, что я чувствую себя так, словно меня кинули в курятник, полный сошедших с ума цыплят, и приказали поймать того из них, у которого единственное черное перо.

— Эти доклады, — спросила Авиенда, — упоминают ли они Айильских мужчин, сражающихся на стороне Тени? Возможно направляющих?

Дарлин резко обернулся.

— Это правда?

— Да.

— И троллоки давят со всей силы, что они имеют, пытаюсь

ворваться в долину. — сказал Дарлин. — Если те айильские Повелители Ужаса начнут атаковать наши войска, у нас не будет шанса выстоять без вас, кто сможет их сдержать.

— Мы выдвигаемся, — сказала Авиенда. — Пошлите Эмис и Кадсуане создать врата. Кроме того, должна предостеречь вас. Я поймала Повелителя Ужаса снующим вокруг вашей палатки.

Дарлин посерел.

— Как Итуралде... Свет, они не коснулись меня. Я клянусь в этом. Я

-

Он поднял руку к своей голове, — Кому мы будем верить, если мы не

можем верить нашим собственным умам?

— Мы должны сделать этот танец копий простым насколько возможно. — сказала Авиенда. — Иди к Руарку и собери вождей. Спланируйте как вы встретитесь лицом к лицу с Тенью, не позволяйте контролировать битву одному человеку — привяжите их к местности, не давайте позволения их изменить.

— Это может привести к бедствию, — сказал Дарлин. — Если у нас будет гибкости...

— Что должно быть изменено? — мрачно спросила Авиенда. — Мы Держимся. Изо всех

сил мы держимся. Мы не откатываемся назад. Мы не пытаемся сделать что-то умное. Мы просто держимся.

Дарлин кивнул.

— Я пошлю через Врата Дев на склоны. Они смогут уничтожить тех Троллоков, что подстреливают наших парней. Вы возьмете на себя их направляющих?

— Да.

Авиенда вернулась к своему кругу, затем начала плести через них. Чем больше силы ты удерживаешь, тем труднее отрезать от Единой Силы. Она намеревалась удерживать столько силы, сколько необходимо, чтобы никто не мог ее отрезать от

источника.

Беспомощность. Она
ненавидела чувствовать себя
беспомощной. Она позволила злости
на то, что было сделано поднять гнев
внутри себя и повела свой круг на
ближайшего направляющего
мужчину, которого Флинн сумел
распознать.

Глава 34

Скольжение

Ранд стоял в месте которого не было.

В месте, что находилось вне времени, вне самого Узора

А вокруг него раскинулось бесконечное ничто. Голодное и прожорливое, жаждущее поглотить. Ранд воочию видел Узор. Тысячи и тысячи переплетающихся полос света; они, неровные и мерцающие, кружились над ним, вокруг него,

сплетаясь друг с другом. Так, по крайней мере, воспринимало это его сознание.

Все, что уже когда-то было, все, что еще может случиться, все, что могло бы быть...все простиралось тут, пред ним.

Ранд не мог этого постичь. Тьма вокруг засасывала, тащила его к ней. Он дотянулся до Узора и как-то закрепил себя в нем, чтобы не быть поглощенным.

Это изменило его сосредоточение. Это закрыло его, немного, на время. Узор колебался перед ним, и Ранд наблюдал как он переплетается. Это был не на самом деле Узор, он знал, просто его разум

видел его таким образом. Знакомо, как это было описано, нити жизни сплетаются воедино.

Ранд закрепил себя в реальности снова и двинулся вместе с этим. Время снова стало нормальным, и он перестал видеть прошлое и будущее. Он все еще мог видеть все места, как человек вращающий глобус.

Ранд предстал перед небытием.

— Так, — сказал он в него. — Вот где это произойдёт на самом деле. Моридин пытался убедить меня, что простой бой на мечах мог бы всё это решить.

ОН — ЧАСТЬ МЕНЯ. НО ОН НЕ ВИДИТ ВСЕГО.

— Да, — сказал Ранд. — Я тоже

это заметил.

МАЛЕНЬКИЕ ВЕЩИ МОГУТ
БЫТЬ ЭФФЕКТИВНЫМИ. САМЫЙ
ТОНКИЙ КИНЖАЛ МОЖЕТ
ОСТАНОВИТЬ СЕРДЦЕ. ОН
ПРИВЕЛ ТЕБЯ СЮДА,
ПРОТИВНИК.

Ничего этого не было в
последний раз, когда Ранд носил имя
Льюс Терин. Он мог только
истолковать это как хороший знак.

Теперь битва началась по-
настоящему. Он смотрел в ничто и
чувствовал, что оно вскипает. Затем,
внезапным ураганом, Темный
обрушил все свои силы против Ранда.

Перрин откинулся на ствол
дерева, задыхаясь от боли. Стрела

Губителя, пронзив плечо Перрина, торчала своим наконечником из спины. Перрин не решался вытащить ее, не с...

Он вздрогнул. Мысли приходили бессвязно. Где он находился? Он переместился от Губителя так далеко, как только смог, но... он не узнавал это место. Крона деревьев с богатой листвой имела непонятную форму, такую он прежде еще не встречал. Шторм был и здесь, однако намного слабее.

Перрин соскользнул и с ворчанием ударился о землю. Его плечо охватила боль. Он перевернулся, уставившись в небо. Падая, он сломал стрелу.

Это...это волчьи сны. Я могу просто заставить стрелу исчезнуть.

Он попытался собрать силы, чтобы сделать это, но был слишком слаб. Он почувствовал, что сознание куда-то ускользает, и послал мысль в пространство, выискивая волков.

Двуногий, который мог говорить? Что это? Что ты?

Его природа, казалось, напугала их, и они выбросили его из своего разума. Как они могли не знать, кем он был? Волки имели долгую память. Разумеется... разумеется...

Фэйли, — подумал он. — Такая красивая, такая умная... Я должен идти к ней. Я просто должен... должен приблизиться к этим

Путевым Вратам... и я смогу вернуться в Двуречье к ней...

Перрин перевернулся и с трудом приподнялся на колени. Это была его кровь на земле? Так много красного... Он прищурился на все это.

— Вот ты где, — раздался голос.

Ланфир. Он смотрел на нее, ее образ был размыт.

— Итак, он победил тебя, — сказала она, скрещивая руки на груди. — Печально. Я не хочу вынужденно выбирать его. Я нахожу тебя гораздо более привлекательным, волк.

— Пожалуйста, — прохрипел он.

— Я уязвлена, хотя я и не должна быть, — сказала она.

— Ты доказал свою слабость.

— Я ... Я могу побить его.

Вдруг, осознание того, что он испытывает позор после поражения у нее на глазах, поразил Перрина. Когда же он начал беспокоиться о том, что Ланфир думает о нем? Он не понимал.

Она постучала пальцем по своей руке.

— Пожалуйста... — сказал Перрин, поднимая руку.

— Пожалуйста.

— Нет, — сказала она, отворачиваясь.

— Я уже сделала ошибку,

подарив свое сердце тому, кто этого не заслуживал. До свидания, волчонок.

Она исчезла, оставив Перрина на четвереньках в этом странном месте.

Фэйли, сказала часть его разума. Не беспокойся о Ланфир. Ты должен пойти к Фэйли.

Да. Да, он мог пойти к ней, разве нет? Где она была? Поле Меррилор. Это было местом, где он ее оставил. Это было место где она будет. Он переместился туда, как-то собрав себя достаточно, чтобы управлять этим. Но ее, конечно, там не было. Он был в Волчьем Сне.

Переход, который Ранд должен

открывать. Это должно быть здесь. Он просто должен был добраться до него. Он должен. Он должен.

Он рухнул на землю и перевернулся на спину. Он чувствовал себя дрейфующим в небытие. Его зрение помрачнело, когда он смотрел на вспененное небо. По крайней мере ... по крайней мере, я делал это для Ранда, думал Перрин.

Могут ли теперь волки удержать Шайол Гул с этой стороны? Они могут держать Ранда в безопасности, не так ли. Им придется.

Фэйли ткнула палку в своих скудный кухонный костер. Резко стемнело, и огонь горел слабым

красным светом. Они не посмели сделать его больше. Смертельные вещи бродили по Запустению. Троллоки здесь были наименьшей опасностью.

Воздух здесь пах очень остро, и Фэйли была готова увидеть гниющий труп за каждым, покрытым черными пятнами кустом. Земля трескалась под ее шагами, сухая почва обращалась в пыль под ее сапогами, так как если бы дождя здесь не было несколько веков. Пока она сидела в лагере, она увидела группу болезненных зеленых огоньков — подобно светящимся насекомым — двигавшихся на расстоянии чуть более силуэтов деревьев. Она знала

достаточно о Запустении, что бы задержать дыхание, пока они не исчезли. Она не знала, что это было, и не хотела знать.

Она повела свою группу в короткий поход, чтобы найти это место для лагеря. По пути, один караванный рабочий был убит веткой, другой наступил в то, что выглядело как грязь, но она растворяла ногу. У него, что то выступило на лице. Он бился и кричал, пока не умер.

Они были вынуждены насильственно воткнуть ему кляп, что бы издаваемые им крики не навели на них другие ужасы.

Запустение. Они не могли

выжить здесь. Простая прогулка убила двух людей, и у Фэйли было несколько сотен человек, чтобы попытаться их защитить. Охранники из Отряда, некоторые члены Ча Фэйли и возницы фургонов и работники из ее колонны снабжения. Восемь фургонов по-прежнему работали, и они перенесли их, в этот лагерь, на данный момент. Они, вероятно, будут слишком заметными если принести еще.

Она была даже не уверена, переживут ли они эту ночь. Свет! Казалось, что единственный их шанс спастись зависел от Айз Седай. Заметят ли они, что произошло, и пошлют ли помощь? Надежда была

слабой, но, с другой стороны, она не знала так уж много о Единой Силе.

— Ладно, — тихо сказала Фэйли тем, кто сидел с ней: Мандеввин, Аравин, Гарнан, Сеталль и Арелла из Ча Фэйли. — Давайте поговорим.

Остальные выглядели отстраненными. Возможно, как и Фэйли, они с детства были напуганы рассказами о Запустении. Быстрые смерти в их группе вскоре после того, как они только вошли в эти земли, усилили их. Они знали, насколько опасным это место было. Они подпрыгивали от каждого звука в ночи.

— Я объясню, что могу, — сказала Фэйли, стараясь отвлечь их

от окружающей их мертвенности. — В пузыре зла одни из тех кристаллов пробил ногу Берише Седай прямо в тот момент, когда она создала Врата.

— Рана? — спросил Мандеввин со своего места у огня. — Разве этого могло быть достаточно, чтобы Врата создались неправильно? Честно говоря, я мало знаю о делах Айз Седай, и не хочу знать. Возможно ли, что Врата создадутся совсем в другое место, если направляющего отвлекут в момент создания?

Сеталль нахмурилась, и это привлекло внимание Фэйли. Сеталль не была ни из благородных, ни офицером. Тем не менее, было что-то в этой женщине... она излучала

авторитет и мудрость.

— Ты что-то знаешь? —
спросила её Фэйли.

Сеталль откашлялась.

— Я знаю... совсем немного о направлении Силы. В свое время я проявляла некое любопытство по этому поводу. Иногда, если плетения сделаны неверно, не происходит ничего. В других случаях же результат может оказаться губительным. Я никогда не слышала, чтобы плетение делало что-либо подобное, чтобы оно работало, но неверно.

— Что ж, — сказал Гарнан, смотря в темноту и заметно вздрагивая, — Как вариант, мы

можем думать, что она хотела отправить нас в Запустение.

Возможно, она была дезориентирована, — сказала Фейли. — Из-за тяжести момента она отослала нас в неверное место. Бывало в трудные моменты я поворачивалась кругом, а затем обнаруживала, что бегу в ошибочном направлении. Здесь могло быть что-то похожее.

Другие кивнули, но снова, Сеталль выглядела обеспокоенной.

— Вы, что-то хотите сказать? — поинтересовалась Фэйли.

— Обучение Айз Седай очень интенсивное в связи с таким типом ситуации, — сказала Сеталль. — Ни

одна женщина не достигнет уровня Айз Седай без знаний, как направлять под невероятным давлением. Есть специфичные... преграды, которые должна преодолеть женщина, чтобы надлежащим образом носить кольцо.

"Так", подумала Фэйли, "Сеталль должна иметь родственницу из Айз Седай. Кто-то близкий, если они поделились столь конфиденциальной информацией. Возможно, сестра?"

— Должны ли мы предположить, что это в своем роде ловушка? — голос Аравайн звучал смущенно. — Что Бериша была в определенной степени Другом

Темного? Ведь, Тень отправила бы не туда, куда как более важный груз, чем просто обоз.

Фейли ничего не сказала. Рог был в безопасности; ящик, в котором он сейчас находился, стоял в ее маленькой палатке неподалеку. Они поставили фургоны по кругу, и позволили зажечь только один костер. Остальная часть каравана либо спала, либо пыталась уснуть.

Застывший, слишком тихий воздух заставил Фейли почувствовать, будто за ними наблюдают тысячи глаз. Если Тень спланировала ловушку для её каравана, это значило, что Тень знает про Рог. В этом случае они были в

очень большой опасности. Значительно серьезнее, чем само по себе пребывание в Запустении.

— Нет, — сказала Сеталь. — Нет, Аравин права. Это не могло быть умышленной ловушкой. Если бы пузырь зла не появился, мы бы никогда не бросились во врата, предварительно не поглядев, куда они ведут. Ведь насколько мы знаем, пузыри возникают совершенно случайно.

Если, конечно, Бериша просто не воспользовалась сложившимися обстоятельствами, подумала Фейли. К тому же, она умерла. Та рана в ее животе не выглядела, как рана от шипа. Это скорее была ножевая рана.

Как если бы кто-то напал на Беришу, как только Рог прошел через Врата. Чтобы не дать ей рассказать, что она сделала?

Свет, подумала Фейли. Я становлюсь подозрительной.

— Так, — сказал Гарнан, — Что же мы будем делать?

— Это зависит от того, — сказала Фэйли, глядя в сторону Сеталль. — Есть ли какой-нибудь способ, чтобы Айз Седай смогла сказать, куда мы были отправлены?

Сеталль колебалась, будто противясь раскрыть, как много ей известно. Однако, когда продолжила, то говорила уверенно.

— Плетения оставляют после

себя следы. Поэтому да, Айз Седай могут обнаружить, куда мы отправились. Однако следы сохраняются недолго, в лучшем случае — несколько дней, и это от мощных плетений. И далеко не все направляющие могут читать следы — это редкий талант.

Манера говорить, такая авторитетная и властная... ее способность сразу завоевывать доверие. Это не врожденное, подумала Фэйли. Эта женщина обучалась в Белой Башне. Была ли она, подобно Королеве Моргейз? — Слишком слабой во владении Единой Силой, чтобы стать Айз Седай?

— Мы подождём один день, —

сказала Фейли. — Если никто не придёт за нами, тогда мы пойдём на юг и попытаемся убежать из Запустения как можно скорее.

— Интересно, как далеко мы на севере, — сказал Гарнан, потирая кожу. — Я не собираюсь лезть через горы, чтобы вернуться домой.

— Ты бы предпочёл остаться в Запустении? — спросил Мандеввин.

— Ну, нет, — сказал Гарнан. — Но могут потребоваться месяцы путешествия назад в безопасность. Месяцы путешествия через само Запустение...

"Свет", — подумала Фэйли. "Месяцы путешествий через место, где большая удача потерять лишь двух

людей в день. Им никогда не выбраться. Даже без фургонов их караван будет выделяться на этой местности, как свежая рана на нездоровой коже. Будет удачей протянуть еще хотя бы день или два."

Она с трудом удержалась, чтобы не оглянуться на тент. Что произойдет, если она не принесет Рог Мэту во-время?

— Есть другой вариант, — колеблясь сказала Сеталль.

Фэйли посмотрела на неё.

— Пик к востоку от нас, — сказала Сеталль, говоря с очевидной неохотой. — Это Шайол Гул.

Мандевин, прикрыв глаза, что-то тихо прошептал — что, Фэйли не

разобрала. Остальные выглядели подавлено. Фэйли однако, уловила мысль.

— Это там, где Дракон Возрождённый ведёт войну с Тенью, — сказала Фэйли. — Одна из наших армий там будет. С направляющими, которые смогут нас забрать оттуда.

— Верно, — сказала Сеталль. — Правда, область вокруг Шайол Гул известна как Проклятые Земли, земли, которые по слухам избегают даже самые страшные твари Запустенья.

— Потому что они ужасны! — сказала Аррела. — Если эти твари не ходят туда, так это потому, что

страшались самого Темного!

— Вероятно, сейчас внимание Темного, и его армий приковано к битве, — медленно проговорила Фэйли, кивая головой. — Нам не выжить долго в Запустении — вряд ли мы продержимся даже неделю. Но если Проклятые Земли свободны от этих кошмарных созданий, то мы сможем добраться до наших армий, где -

Это, давало гораздо большую надежду, хотя и ничтожную, по сравнению с тем, чтобы месяцы маршировать по самому опасному месту в мире. Она сказала остальным, что еще подумает на досуге, и закрыла заседание.

Её советники разошлись, чтобы сделать свои распоряжения. Мандеввин собирался проверить людей в дозоре. Фейли осталась, глядя на искорки огня, и с чувством тошноты.

"Кто-то убил Беришу", она размышляла. "Я уверена в этом." Расположение врат действительно могло быть ошибкой. Ошибки случаются, даже у Айз Седай, не важно, что по этому поводу думает Сеталль. Но если в караване был приспешник Темного, тот, кто проскочил через врата и увидел, что они ведут в Запустение, то он мог запросто решить убить Беришу, чтобы поставить Рог и караван в

затруднительное положение.

— Сеталль, — сказала Фэйли проходящей женщине, — На пару слов.

Сеталль присела рядом с Фэйли, сделав невозмутимое лицо.

— Я знаю, что ты собираешься спросить.

— Как давно это было, — спросила Фэйли, — С тех пор как ты была в Белой Башне?

— Это было десятилетия тому назад.

— Ты в состоянии сделать ворота?

Сеталль засмеялась.

— Дитя, я бы и свечу не зажгла. Я была выжжена в результате

несчастливого случая. Я не держала Единой Силы более двадцати пяти лет.

— Ясно, — сказала Фэйли. — Спасибо.

Сеталль удалилась, а Фейли поймала себя на размышлениях: насколько правдивой была её история? Сеталль была очень полезна в те дни, что они провели вместе, и Фэйли не могла винить женщину за то, что она не выдала секретов, связывающих её с Белой Башней. В любой другой ситуации, Фэйли бы ни секунды не сомневалась в истории этой женщины.

Однако, не было никакой

возможности подтвердить все, что она сказала. Если Сеталль была из Черной Айя и скрывалась, то ее история о том, что она выжжена просто была бы — историей. Возможно она могла до сих пор направлять. Или возможно она не могла направлять потому, что была усмирена в наказание. Могла эта женщина быть особо опасной беглой заключенной, агентом, который ждал десятилетиями, чтобы ударить в правильный момент?

Сеталль была той, кто предложил идти к Шайол Гул. Искала ли она способ принести Рог своему хозяину?

Чувствуя холод, Фейли вошла в

свою палатку в то время как члены сообщества Ча Фейли встали на ее охрану. Завернулась в плед на своей раскладушке. Она знала, что была слишком подозрительна. Но какой еще она должна быть в этих обстоятельствах?

Свет, подумала она. Рог Валир, потерянный в Запустении. Кошмар.

Авиенда опустилась на одно колено рядом с тлеющим трупом, держа свой ангриал — брошь в форме черепахи, которую ей дала Илэйн. Она вдохнула через рот и пристально взгляделась в лицо мужчины лежащего внизу.

Здесь было удивительно много этих, с красными вуалями. Каким бы

ни было их происхождение, они не были Айил. Они не следовали джи'и'тох. В ночном бою она увидела двух Дев, пленивших мужчину. Он действовал как гай'шан, а затем убил одну из них скрытым ножом из-за спины.

— Ну и? — спросила Сарена, переводя дыхание. Пока те, что на поле Меррилора, отдыхали и готовились к грядущей схватке, эта битва у Шайол Гул продолжалась. Атака Красных вуалей длилась всю ночь, весь следующий день, а теперь и эту ночь снова.

— Думаю я знаю его, — сказала Авиенда, обеспокоенно. — Он впервые стал направлять, когда я

была ребенком, заставляя расти алгод тогда, когда он не должен был расти. — Она опустила вуаль с его лица. — Его имя было Соро. Он был добр ко мне. Я видела, как он пересекал эту высушенную землю на закате солнца после того, как принес обет плюнуть в глаз Затмевающему Зрение.

— Мне жаль, — промолвила Сарен, однако в её голосе не слышалось сожаления. Авиенда росла, привыкая к подобному в женщине. Нельзя сказать, что Сарен было всё-равно, она просто не позволяла эмоциям отвлекать её. По крайней мере не тогда, когда её страж находился далеко. Из Айз

Седай вышла бы хорошая Дева.

— Давай продолжать двигаться, — сказала Авиенда, уводя свою группу направляющих. Во время дней и ночей боев команда Авиенды изменялась, собиралась и распадалась, поскольку женщинам требовался отдых. Сама Авиенда лишь иногда позволяла себе поспать днем.

По общему соглашению тот, кто управлял кругом, избегал использовать её собственную мощь, поэтому Авиенда всё ещё сохраняла достаточно сил после столь многих часов сражений. Это позволяло ей сохранять бдительность, как на охоте. Другие женщины были

колодцами, из которых она черпала силу.

Ей нужно было быть осторожной, чтобы не истощить их слишком сильно. Сделай женщину уставшей и после нескольких часов сна она вернется обратно в бой. Истощи её полностью — и она может стать бесполезной на несколько дней. В данный момент в круге Авиенды были Флинн и три Айз Седай. Она изучила плетение, способное определить, когда рядом направлял мужчина — оно распространялось между Айз Седай и Хранительницами Мудрости — но иметь рядом направляющего мужчину было значительно полезнее.

Флинн указал на нескольких вспышек огня на границе долины. Они направились широким шагом в этом направлении, проходя мимо мертвых тел и мест, где тлела земля. В растущем свете зари Авиенда могла видеть сквозь холодный туман, что силы Дарлина все еще удерживают устье долины.

Троллоки продвинулись вперед к небольшим земляным насыпям, созданным Итуралде. Убийства бушевали с обеих сторон. Троллоки понесли гораздо большие потери... но с другой стороны их также было значительно больше. На краткий миг показалось, что они преодолели один из земляных валов, но тут же из

резерва прибыли Доманийские всадники и отбросили Троллоков назад.

Группы Айил сновали по устью долины, сражаясь сами по себе. Часть с красными вуалями, часть с черными. Их слишком много, подумала Авиенда, останавливая свою группу поднятой рукой. Она тихо продолжила движение вперед одна. Она могла отойти на несколько сот шагов от женщин и все еще иметь доступ к их силе.

Она выбирала свой путь через бесплодные каменные поля долины. Справа от нее было три мертвых тела, двое в черных вуалях. Она быстро ощупала их плетением

Искания, она больше не попадетя на старую уловку скрываться среди мертвых. Как это случилось с ней однажды.

Эти трое действительно были мертвые, поэтому она продолжала искать. В дополнение к тому месту, где тайренцы и доманийцы сдерживали троллоков, они имели вторую линию охраны своего лагеря и прохода к тому месту, где сражался Ранд.

Земля поблизости грохотала и тряслась. Почва разлеталась по воздуху. Авиенда припала к земле пониже, но ускорила свой шаг.

Впереди, больше дюжины сисвай'аман штурмовали позицию

двух красных вуалей, оба из них направляли. Красные вуали взрывали землю под атакующими, заставляя их тела подлетать.

Авиенда поняла, почему Айил продолжали сражаться. Эти красные вуали были оскорблением, преступлением. Даже шончан, что посмели захватить Хранительниц Мудрости, не были настолько отвратительны, как они. Каким-то образом Тень забрала храбрейших из Айил и превратила их в эти... эти вещи.

Авиенда ударила быстро, вытягивая силу через свой ангриал и круг, плетя две линии огня и направляя их на тех в красных вуалях.

Она начала новые плетения незамедлительно, поднимая землю под этими двумя направляющими, и держала наготове третье плетение. Она бросила огонь на тех в красных вуалях, как только они споткнулись, один отпрыгнул в сторону в то время, как другой был захвачен ее взрывами земли.

Она ударила того, кто убегал с копьями из пламени. Затем ударила силой Огня еще раз по обоим трупам для верности. Эти мужчины больше не придерживались джи'и'тох. Они более не были живыми. Они были сорной травой, которую нужно вырвать.

Она двинулась вперед, чтобы

проверить сисвай'аман. Восемь еще были живы, три из них были ранены. Авиенда не была достаточно сильна в Исцелении, но она была в состоянии спасти жизнь одного человека, остановив кровотечение из раны в его горле. Остальные выжившие подобрали раненых и пошли назад по направлению к лагерю.

Авиенда стояла над двумя телами. Она решила не смотреть на них пристально. Видеть даже одного человека, которого она знала, уже было достаточно плохо. Они -

Её порастил шок: один из её колодцев силы иссяк. Авиенда ахнула. Еще один колодец погас.

Она немедленно разорвала круг, затем бросилась назад, на то место, где она оставила женщин. Вспышки и взрывы потрясли её. Авиенда уцепилась за Единую Силу, её собственная сила теперь казалась столь малой, по сравнению с тем, что она направляла до этого.

Она встала как вкопанная над тлеющими трупами Кируны и Фаэлдрин. Отвратительная женщина, которую она уже встречала раньше, женщина, которая, как все сильнее убеждалась Авиенда, была Отрекшейся, стояла там и улыбалась ей. Рука мерзкой женщины лежала на плече Сарены; стройная Белая стояла, повернув голову к

Отрекшейся, глядя на нее бессмысленными, обожающими глазами. Страж Сарены лежал мертвый у её ног.

Обе исчезли, скручиваясь вокруг самих себя. Перемещение без использования врат. Авиенда упала на колени рядом с мертвецом. Неподалеку застонал Дамер Флинн и попытался освободить себя из земляного завала. Его левая рука полностью отсутствовала, выжженная из плеча.

Авиенда выругалась и сделала, что могла, чтобы Исцелить его, несмотря на то, что он уже был без сознания. Внезапно она почувствовала себя очень усталой и

очень, очень одинокой.

Глава 35

Отработанная ухмылка

Олвер скучал по Ветру. Бела — крепкая, лохматая кобылка, на которой он сейчас ехал, — на самом деле, была неплохой. Просто очень тихоходной. Такой вывод Олвер сделал потому, что сколько бы он ни подгонял ее, она продолжала плестись позади остальных лошадей. И что бы он ни делал, ничто не могло заставить ее хоть немного ускорить свой бег. Олвер хотел лететь подобно

урагану. А вместо этого тащился со скоростью здорового кряжа в спокойной воде.

Олвер потер бровь. Запустение было довольно жутким местом, и люди — у многих не было лошадей, — вели себя так, словно каждый их шаг мог привести к нападению тысячи троллоков. Остальная часть каравана переговаривалась вполголоса и с подозрением посматривала на склоны холмов.

Они прошли группу увядающих деревьев с капающим соком из открытых ран на коре. Этот сок казался слишком красным. Почти похожим на кровь. Поблизости один

из возчиков каравана шагнул, чтобы осмотреть его.

Стебли, выпущенные с верхних ветвей, вцепились — стебли, которые выглядели коричневыми и омертвевшими, двигались как змеи. Прежде чем Олвер успел крикнуть возчик из каравана висел мертвый на верхних ветвях дерева.

Вся цепь людей замерла на месте в ужасе. Вверху дерево втянуло в себя мертвого человека через расщелину в коре. Проглотило его. Может этот сок был кровью.

Олвер в ужасе глядел на это.

— Крепись, — сказала Фейли с легкой дрожью в голосе. — Я говорила тебе, не приближаться

близко к растениям. Не трогать ничего

Они продолжили двигаться сбившись в кучу. Сандип, ехавший рядом бормотал себе самому.

— Это пятнадцатый. Пятнадцатый человек за эти несколько дней. Свет! Мы не сумеем здесь выжить!

Если бы это были троллоки! Олвер не мог сражаться с деревьями и насекомыми. А кто мог? Только троллоки, те с кем он был в состоянии сражаться. У Олвера был нож, он научился нескольким вещам, как использовать его у Гарнана и Силвика. Олвер не был таким уж высоким, но имея такое сложение, он

мог заставить троллоков просчитаться на счет себя. Он мог пригнуться ниже и добраться до жизненно важных органов прежде, чем они бы поняли, что случилось.

Он говорил себе это, чтобы удержать свои руки от дрожи он толкнул Белу, в надежде подъехать к леди Фейли. На расстоянии он слышал хриплые звуки, похоже кто-то умирал ужасным образом. Олвер содрогнулся. Он слышал похожие звуки ранее этим днем. Не прозвучало ли оно ближе на этот раз?

Сеталль бросила на него встревоженный взгляд, когда он выехал вперед. Другие перепробовали все что могли, чтобы

удержать его подальше от опасности. Он крепился, игнорируя эти ужасные хрипы, раздающиеся в отдалении. Каждый считал, что Олвер хрупкий, но он не был таким. Они не заметили, что он вырос. По правде, он не любил думать о тех временах. Казалось как если бы он прожил три жизни. Одна с его умершими родителями, другая, когда он был одинок и нынешняя.

В любом случае, он бывало дрался с людьми старше чем был он. Это была Последняя Битва. Они повторяли, что каждый будет нужен. Ну, почему бы не он? Когда появились эти троллоки, первая вещь, которую он сделал — это слез

с этой медленной лошади. Он шагал быстрее, чем это животное скакало. А айильцы вообще не нуждались в лошадях. Олвер еще не тренировался с ними, мог бы. Он уже планировал. Он ненавидел всех айильцев, но более всего Шайдо, и ему надо было узнать все их секреты, если он намеревается убить их.

Он бы пошел к ним и потребовал, чтобы его тренировали. Они бы взяли его и стали обращаться с ним плохо, но в конце концов они бы стали его уважать и позволили бы тренироваться с их воинами. Было много историй об этом. Такие вещи случаются.

После того как он узнал бы все

секреты, он пошел бы к Змеям и Лисам и получил бы ответы на то, где находится тот Шайдо, который убил его отца. Там, где их преследовали и убивали, сложилась бы другая достойная памяти история.

Я возьму Ноала, — подумал он. Он был везде. Он может быть моим проводником. Он...

Ноал погиб.

Пот скатывался по лицу Олвера, когда он посмотрел на каменистую тропу впереди. Они прошли большую часть этих ужасных деревьев и теперь каждый обходил их. Рядом с тропой один из мужчин обратил внимание на большую лужу убийственной грязи. Она выглядела

коричневой и жирной, Олвер обнаружил несколько костей торчащих из нее.

Это место было ужасным.

Он думал, что Ноал был здесь. Ноал был везде, видел все. Он знал бы как вытащить их отсюда. Но Ноала нет. Олвер услышал только эту новость недавно, просочившуюся через то, чем леди Морейн поделилась о том, что произошло в Башне Генджей.

Все умирают. Подумал Олвер, глядя вперед. Все...

Мэт сбежал к Шончан, Талманес — сражаться на стороне королевы Илэйн. Один за другим люди из команды погибали от

деревьев, грязи и монстров.

Почему все оставляют Олвера одного?

Он потерял свой браслет. Ноал дал его ему незадолго до его ухода. Сплетенный из грубых волокон, он был вроде тех, что носили воины в дальних странах, так ему сказал Ноал. Это был знак человека, который видел сражение и остался жив.

Ноал... мёртв. Неужели Мэт тоже умрёт?

Олверу чувствовал жару, усталость и был напуган. Он толкнул Белу вперед, и по счастью она послушалась, побежав быстрой рысью по склону так, что Олвер

добрался до линии. Они оставили фургоны, переправились в место, которое называлось Проклятыми землями, для чего требовалось забраться на холмы. Этим утром они вошли в проход между горами. Хотя он чувствовал тепло, воздух стал холоднее по мере того, пока они взбирались выше. Он не возражал против этого. Хотя все еще пахло отвратительно. Похоже на гниющие трупы.

Первоначально их отряд состоял из пятидесяти солдат и почти вдвое большего количества возчиков и работников. Были еще горстка других таких как Олвер и полдюжины личных телохранителей леди Фейли.

Пока они потеряли пятнадцать человек от опасностей в Запустении, включая пятерых убитых какими-то трехглазыми существами, которые атаковали их лагерь вчерашним утром. Он подслушал как леди Фейли сказала, что им посчастливилось потерять пока только пятнадцать, могло быть и хуже.

Олверу это удачей не казалось. Это место было ужасным и он хотел быть подальше от него. Пустыня не была бы такая же ужасная, не так ли? Мужчины и женщины из Ча Фейли вели себя как Айил. Немного похоже на Айил. Может они сделают как хочет Олвер и будут тренировать его в Пустыне. Ему следует попросить их.

Он ехал еще полчаса или около того. Наконец он доехал до переднего края линии. Замечательная кобыла леди Фейли выглядела быстрой. Почему Олверу не дали лошадь подобную этой?

Фейли привязала сундук Мэта к спине лошади. Первое время, Олвер радовался этому так как полагал, что Мэт чертовски захочет этот табак. Мэт всегда жаловался на то, что у него не было хорошего табака. Потом Олвер услышал как Фейли объясняла кому-то, что этот сундук просто был подходящим местом, чтобы складывать некоторые свои вещи. Она выбросила табак? Мэту это бы не понравилось

Фейли взглянула на него и Олвер ухмыльнулся, показывая насколько мог уверенность. Не следует показывать ей как он напуган.

Большинству женщин нравилась его ухмылка. Он практиковался, хотя не принимал ухмылочку Мэта как образец. Она заставляла его выглядеть виноватым. Ты учишься ухмыляться, когда тебя стараются не подпускать к себе, и Олверу нужна была такая ухмылка, которая бы придавала ему невинный вид. А он и был невинным. По большей части.

Фейли не улыбнулась в ответ. Олвер находил, что она была симпатична, не смотря на этот нос. Она не была очень мягкой. Кровавый

пепел, но у нее был такой взор, что могла проесть железо.

Фейли ехала между Аравайн и Ванином. Хотя они говорили тихо, Олвер мог слышать все что они сказали. Он заставлял себя смотреть в другом направлении так, чтобы они не думали, что он подслушивает. А он не подслушивал. Он просто хотел быть подальше от пыли, поднимаемой другими лошадьми.

— Да, — шептал Ванин. — Может так и не кажется, но были близко к Проклятым землям. Сожги мою собственную мать, я не могу поверить, что мы направляемся туда. Вы чувствуете воздух? Он прохладнее. Мы не видели в

действительности ничего
отвратительного со вчерашнего утра
кроме тех трехглазых существ.

— Мы близко, — согласилась Аравайн. — Скоро мы будем около Темного, на земле, где ничего не растет, испорченное или нет, где нет жизни, нет даже отвратительных существ из Запустения.

— Я полагаю, что это должно быть удобно.

— В действительности нет, — сказал Ванин, потирая бровь. — Потому что Исчадия Тени здесь более всего опасны. Если мы выживем, это случится потому что эта проклятая война продолжается. Исчадия Тени заняты в сражении.

Если повезет, Проклятые земли, кроме самого Шайол Гул, будут пусты как и кошель после сделки с проклятым Морским Народом. Прошу прощения за мой язык, миледи.

Олвер украдкой взглянул на приближающуюся горную вершину.

"Вот где обитает треклятый Темный", — думал Олвер. — "И, наверное, Мэт здесь, а не в Меррилиоре." Мэт говорил держаться подальше от опасностей, но сам он всегда попадал в них. Олвер полагал, что Мэт просто скромничает, хотя это не делает ему чести. Иначе, зачем говорить, что ты не хочешь быть героем, а в

следующий момент прыгаешь прямо в пасть опасности?

— А этот путь? — спросила Фэйли у Ванина. — Ты сказал, что недавно здесь могли проходить караваны. Разве это не означает, что это место далеко не так пустынно, как ты красочно описал?

Ванин хмыкнул. — Это место выглядит так, будто кто-то тут бывает.

— Так, через эту местность проходил караван. — сказала Аравин.

— Я не знаю, хороший это знак или плохой.

— Я не думаю, что это хороший знак. — сказал Ванин. — Может нам следует выбрать какое-нибудь

местечко неподалеку и затаиться, выжидая? Он вздохнул, вытирая лоб снова, хотя Олвер не понимал, почему. Становилось довольно холодно, можно сказать, происходило это просто в течение дня. И, казалось, также становилось меньше растений. Он был уверен в этом.

Он оглянулся через плечо на стоящие деревья, которые забрали жизни тех бедняг. Поблизости не было других подобных, а также и дальше по пути их следования.

— Мы не можем позволить себе ждать, Ванин, — сказала Фэйли. — Так или иначе, я намерена вернуться в Меррилор. Возрожденный Дракон будет сражаться в Такан'даре. Вот

куда нам следует идти, чтобы выбраться из этой глуши.

Ванин застонал, но Олвер улыбнулся. Он хотел найти Мэта и показать, как опасен он может быть в бою. Тогда...

Ну, тогда, возможно, Мэт не оставит его, как сделали остальные. Это было бы хорошо, ведь Олверу была нужна помощь Мэта в преследовании Шайдо. После всего того, чему его обучили в Отряде, он был уверен, что никто не сможет им помыкать. А также в том, что никто и никогда больше не сможет забрать у него тех, кого он любил.

— Есть записи в архивах, чтобы объяснить то что мы видели. —

Кадсуане взяла себе чашку чая, чтобы согреть руки.

Айильская девчонка, Авиенда, сидела на полу в палатке. "Я отдала бы многое за возможность иметь такую в Башне" — подумала Кадсуане. Эти Хранительницы Мудрости... они сражались. Цепкие, как лучшие женщины Башни.

Кадсуане все больше и больше убеждалась в том, что Тень годами вынашивала план по разрушению Белой Башни. Это зашло куда дальше, чем свержение несчастной Суан Санчей и восхождение на Престол Элайды. Прошли десятилетия, столетия, прежде чем они поняли размах замыслов Тени. Настоящее

число Черных сестер — сотни, не несколько десятков, как Кадсуане предполагала, — ясно показывало, что на самом деле творилось.

Сейчас Кадсуане должна была работать с тем, что она имела. С Хранительницами Мудрости, не слишком искушенными в плетениях, но всегда твердыми. Полезными. Как Сориля, несмотря на ее слабость в Единой Силе, сидящая неподалеку в палатке, наблюдающая.

— Я навела справки, дитя, — сказала Кадсуане Авиенде. — То, что делает эта женщина — определенно, Перемещение. Однако, единственный документированный фрагмент, упоминающий подобное,

датирован Войной Силы.

Авиенда нахмурилась.

— Я не видела никаких плетений, Кадсуане Седай.

За уважительной интонацией Кадсуане скрыла улыбку. Мальчик Ал'Тор выбрал эту девочку командиром, и, по правде говоря, лучше её, чем некоторых других. Однако, ему следовало выбрать Кадсуане, и, скорее всего, Авиенда знала это.

— Это потому, что женщина не использовала Единую Силу, — ответила Кадсуане.

— Тогда что же еще это могло быть?

— Ты знаешь, как Темный

изначально был освобожден?

Авиенда выглядела так, словно вспоминала что-то.

— Ах... Да. Значит, они использовали силу Темного?

— Это называют Истинной Силой — сказал Кадсуане. — Летописи описывают, как выглядит Перемещение с использованием Истинной Силы, женщина, которую ты видела, Переместилась так же. Немногие этим владеют. Темный не был щедрым, давая такие знания во время Войны Сил, только самым приближенным. Исходя из этого, я предполагаю совершенно определенно, что она — одна из Отрекшихся. Из твоего описания

того, что она сделала с несчастной Сарен, я подозреваю, что это — Грендаль.

— Летописи никогда не упоминали, что Грендаль настолько уродлива, — сказала Сориля мягко.

— Если бы ты была одной из Отрекшихся, которую легко узнать по описанию, разве ты не захотела бы изменить свою внешность, чтобы остаться не узнанной?

— Возможно, — сказала Сориля. — Но тогда я не использовала бы эту... Истинную Силу, как ты её называешь. Это раскрыло бы мою маскировку.

— Из того, что Авиенда сказала нам, следует, — отметила

Кадсуане, — Что у женщины не было большого выбора. Ей пришлось спастись бегством.

Кадсуане и Сорелея встретились глазами, и каждая кивнула в знак согласия. Они будут охотиться на эту Отрекшуюся, обе.

Я не позволю тебе умереть у меня на глазах, мальчик, подумала Кадсуане, оглядываясь через плечо туда, где Ал'Тор, Найнив и Морейн продолжали свою работу. Каждый направляющий в лагере чувствовал их плетения. По крайней мере, пока ты не сделаешь то, что ты должен сделать. Кадсуане ожидала прихода Отрекшихся. Это было причиной, по которой она выбрала именно эту

битву.

Ветер сотрясал палатку, вымораживая душу Кадсуане. Это место было ужасно, даже теперь когда битва замерла. Страх, который висел здесь была похож на похороны ребенка. Он душил смех, убивал улыбки. Темный наблюдал. Свет, но было бы хорошо покинуть это место.

Авиенда пила чай. Женщина все еще выглядела подавленной, хотя очевидно ей не впервой терять товарищей в бою.

— Я оставила их умирать, — прошептала она.

— Пфф! — сказала ей Кадсуане, — Ты не виновата в том, что сделал один из Отрекшихся, дитя.

— Вы не понимаете, — сказала Авиенда, — Мы были в круге, и они попытались вырваться из него на свободу, я почувствовала это, но я не знала, что происходит. Я удержала их, и поэтому они не могли бороться с ней. Я оставила их беззащитными.

— Что ж, ты больше не будешь оставлять свой круг позади, — быстро проговорила Кадсуане. — Ты не могла знать, что может случиться.

— Авиенда, если ты заподозришь, что она рядом, — сказала Сорилея, — отправь сообщение Кадсуане, мне или Эмис. Нет ничего постыдного в том что допустить, что кто-то слишком силен, чтобы встретиться с ним в

одиначку. Мы вместе победим эту женщину и защитим Кар'а'карна.

— Хорошо, — сказала Авиенда. — Но и вы сделаете то же в отношении меня. Каждая из вас.

Она ждала. Кадсуане неохотно согласилась, как и Сорилея.

Фэйли присела в темноте палатки. Воздух стал еще холоднее, теперь, когда они еще ближе подошли к Такан'дару.

Она провела пальцем по рукояти ножа, вдыхая медленно и равномерно, затем выдыхая таким же образом. Она не мигая смотрела на клапан палатки.

Она поставила сундук с Рогом так, чтобы один его угол торчал

наружу. Здесь, на границе Проклятых земель, даже в окружении своих товарищей, она чувствовала себя более одиноко, чем когда-то в Лагере Шайдо.

Две ночи назад, она была вызвана из своей палатки, чтобы проверить какие-то нечеткие следы, которые взволновали людей. Они не потеряли ни одного человека с тех пор как приблизились к Выжженным землям, так что эта часть плана была рабочей, но напряженность была по-прежнему высока. Она вышла всего на несколько минут, но, когда она вернулась назад в свою палатку, сундучок с Рогом был слегка сдвинут.

Кто-то попытался его открыть.

Свет. К счастью, они не успели сломать замок, и Рог когда она посмотрела, был там.

Предателем мог быть кто угодно. Один из Красноруких, возница фургона, член Ча Фэйли. Фэйли провела последние две ночи будучи очень — даже очевидно — бдительной с сундуком чтобы довести вора до каления, сорвав его планы. Затем, сегодня вечером, она пожаловалась на головную боль и позволила Сеталль приготовить ей чай, который поможет уснуть. Она взяла чай в свою палатку, не выпив не глоточка, и сейчас сидела, ожидая.

Угол сундука был хорошо замечен, выглядывая наружу в ночь.

Попробуют ли они еще раз? В качестве меры предосторожности, она вынула Рог из сундука и взяла его, когда вышла, чтобы ответить на зов природы.

Она скрыла его там в уютном месте, а вернувшись, поставила Ча Фэйли на ночной караул, вдали от своей палатки. Им не понравилось, оставлять ее без присмотра, но Фэйли дала ясно понять, что она беспокоится о напряженности в отношениях между мужчинами.

Этого должно хватить. Свет, пусть этого будет достаточно.

Шли часы, а Фэйли сидела все в том же положении, готовая вскочить и поднять тревогу в случае, если кто-

то попытается войти в ее палатку. Конечно, они попытаются еще раз сегодня вечером, особенно думая, что она больна.

Ничего. Ее мышцы болели, но она не двигалась. Вор может быть там, в темноте, выжидая. Интересно, был ли это подходящий момент для удара, чтобы захватить Рог и бежать к своим хозяевам. Было ли это...

Крик разорвал ночь.

Фэйли вздрогнула. Кто-то отвлекает внимание?

"Этот крик", — подумала она, определяя направление. — "Он пришел... с запада."

Рядом с тем местом, где она спрятала Рог. Фэйли выругалась,

принимая моментальное решение. Сундук был пуст. Если она взяла приманку и это было всего-лишь отвлекающим манёвром, тогда она ничего не потеряла. Если, с другой стороны, вор опередил её... она метнулась из палатки в то время как другие выбирались из спальных мешков. Члены Ча Фэйли мчались через лагерь. Снова прозвучал вопль.

Он сопровождался визгом преследования, наподобие того, что следовал за ними на расстоянии.

Она проломилась через несколько тонких, пораженных порчей сорняков. Бежать через них было безрассудством в месте, где даже ветка может убить, но она уже

ясно не мыслила.

Она первой достигла места, где она спрятала Рог. Там был не только Ванин, но и Гарнан. Ванин в толстых руках держал Рог Валир, а Гарнан крича и размахивая мечом сражался с какой-то тварью с темным мехом.

Ванин посмотрел на Фэйли и побледнел, словно плащ Чада Света.

— Вор! — закричала Фэйли. — Остановите его! Он украл Рог Валир!

Ванин вскрикнул, бросая Рог, словно тот укусил его, а затем стремительно кинулся прочь. Свет, но он мог двигаться быстро, несмотря на свою массу! Он схватил Гарнана за плечо, потянув его в сторону, когда зверь пронзительно

завыл.

Вдалеке раздался еще рев. Фэйли грохнулась на землю, хватая Рог и прижимая его к себе со всей силы. Это были не обычные воры. Они не только были на шаг впереди ее, но они точно определили, где она спрятала Рог. Она почувствовала себя деревенской девчонкой, которую только что обставил шулер.

Прибежавшие за ней замерли ошеломленные непонятно чем больше Рогом или монстром. Существо завизжало — оно выглядело как своего рода медведь со слишком большим количеством рук, хотя и было крупнее, чем любой медведь которого видела Фэйли. Она

вскочила на ноги. Не было времени, чтобы искать воров, так как зверь бросился на охранников Фэйли. Взвизгнув он разорвал голову одного из Ча Фэйли.

Фэйли закричала, бросая нож в тварь, когда Арелла вонзила в плечо существа свой??меч. Но затем появился второй зверь, неуклюже передвигаясь по камням рядом с Фэйли.

С проклятием она отпрыгнула, бросая нож. Она попала в нее, по крайней мере тварь закричала, как показалось, с гневом и болью. Подоспевший верхом на лошади Мандеввин, держал факел, осветивший ужасных тварей с

обликом напоминающих насекомых с многочисленными клыкообразными зубами. Нож Фэйли торчал из одного, похожего на луковицу глаза.

Защищайте леди! — крикнул Мандеввин, бросая копья ближайшим красноруким, которые таранили мертвого монстра, отталкивал его назад от Аррела, отползавшую и кровоточащую. Не смотря на ранение она не потеряла свой меч

Фэйли отступила, в том время как Ча Фэйли сгруппировались, окружив ее, затем посмотрела вниз на то что держала. Сам Рог Валир, вынутый из мешка, в котором она скрывала его. Она могла бы дунуть в

него...

Нет, подумала она. Он связан с Коутоном. Для нее это был бы просто обычный рожок.

— Осторожно! — крикнул Мандеввин, вытанцовывая боевого коня назад, поскольку один из зверей бросился на него. — Вердин, Лаандон, мы нуждаемся в большем количестве копий! Идите! Эти твари дерутся как боровы. Потяните их вперед, пронзите их!

Тактика сработала над одним из монстров, но поскольку Мандеввин вопил, другой бросился на него и схватил лошадь за шею. Зверь отбросил солдат, которые пытались нанести удар и Мандеввин рухнул на

землю, издавая стоны.

Все еще сжимая в руках Рог, Фейли пронеслась мимо, где группе красноруких удалось продырявить другого зверя. Она схватила только что зажженный факел и бросила его на другого монстра, поджигая шерсть на его спине. Тварь взревела, когда огонь пронесся по ее спине: шерсть горела словно сухой трут. Она отбросила мертвую лошадь Мандеввина, почти оторвав ей голову, мечась из стороны в сторону, крича и воя.

— Возьмите раненых! — приказала Фэйли. Она схватила одного из группы за руку. — Присмотри за Мандеввином!

Он посмотрел на Рог, который она держала, широко раскрыв глаза, потом встряхнулся и кивнул, призывая двух других, чтобы помочь ему поднять человека.

— Миледи? — спросила Аравайн, стоя возле кустов позади. — Что происходит?

— Двое красноруких пытались украсть то, что я несла, — сказала Фэйли. — Теперь нам нужно уезжать, сейчас же, ночью.

— Но...

— Послушайте! — сказала Фэйли, указывая в темноту.

Неподалеку слышалось с дюжину различных воплей, отвечая на крики умирающей твари.

— Крики привлекают других ужасных созданий, равно как и запах пролитой крови. Мы идем. Если мы сможем достаточно углубиться в Выжженные Земли сегодня вечером, то возможно окажемся в безопасности. Разбудите лагерь и посадите раненых на лошадей. Подготовьте всех остальных к форсированному быстрому маршу. Быстро!

Аравайн кивнула, с трудом поднимаясь. Фейли бросила взгляд в сторону уходящих Гарнана и Ванина. Ей хотелось проследить за ними, но слежка ночью потребует, чтобы они двигались медленно, а это означало бы смерть этой ночью. Кроме того

кто знает какие возможности есть у этих двоих Друзей Темного?

Они хотели сбежать. И Свет, она надеялась, что была обманута не больше, чем на самом деле казалось. Если Ванин каким-то образом заранее подготовил фальшивый Рог и оставил его Фэйли, чтобы она могла бы "спасти", в то время как он убегал.

Она никогда не узнает. Она добралась бы до Последней Битвы с поддельным Рогом и возможно обрекла бы их всех. Мысль о возможности этого преследовала ее в то время как члены каравана поспешно двигались в темноте, надеясь, что с помощью Света и

удачи смогут избежать опасностей
ночи.

Глава 36

Незыблемые вещи

Что-то было не так с Рандом.

Найнив изо всех сил вцепилась в сталагмит глубоко внутри Бездны Рока, удерживая себя от попытки ветров затянуть ее в Ничто, что простиралось перед ней. Морейн назвала это сущностью Темного, но разве это не означало, что это Истинная сила? Что хуже, если его сущность проявилась в мире, не означало ли это, что он освободился?

Что бы это не было, его естество было чистым злом, и оно наполнило Найнив таким ужасом, который она еще никогда не чувствовала в своей жизни.

Оно тянуло с огромной силой, втягивая все, что было поблизости. Она боялась, что если отпустит опору, то ее тоже рванет туда. Оно уже утянуло ее шаль, которая после исчезла. Если это Ничто затянет ее, ее жизнь закончится. Возможно, исчезнет и ее душа.

Ранд! Размышляла Найнив. Могла ли она что-то сделать, чтобы помочь ему? Он стоял перед Моридином, и эти двое были словно соединены вместе, меч против меча.

Словно в миг замороженные. Пот стекал по лицу Ранда. Он не говорил. Он даже не моргал.

Его нога коснулась темноты. В этот момент он застыл, так же как и Моридин. Они были похожи на статуи. Ветер кружился вокруг, но словно не мог их коснуться. Они стояли так замороженные уже добрых пятнадцать минут.

В целом, прошло еще меньше часа с тех пор, как они вошли в Бездну чтобы встретиться с Темным.

Найнив видела как камень скользил по земле, а затем был втянут в черноту. Ее одежда колыхалась и хлопала, как от сильного ветра, так же как и одежда

Морейн, спрятавшейся за каменным выступом. К счастью, запах серы, который наполнял пещеру ранее, был втянут в темноту.

Она не могла использовать Единую Силу. Ранд забрал каждую частичку, которую она могла удерживать, хотя он, кажется, не делает ничего с ней. Могла ли она достичь Моридина? Он, казалось, не в состоянии двигаться. Что, если она бросит камень в его голову? Это было всяко лучше, чем ожидание.

Найнив попробовала ослабить хватку, и тут же начала скользить. Вцепившись в сталагмит снова, она изо всех сил прижалась к нему.

— Я не проведу всю последнюю

Битву, прижимаясь к скале! — подумала она. Не к одной и той же все время, по крайней мере. Она должна была рискнуть и передвинуться. Двигаться прямо вперед казалось слишком опасным, но если она передвинется в сторону... Да, там был другой сталагмит справа неподалеку. Она отпустила свою опору, и полускользя полу-бежа добралась до следующего сталагмита. Оттуда она присмотрела еще один, и, осторожно отпустив текущую опору, ухватилась за него.

Этот процесс был очень медленным. Ранд, ты дурак с шерстью в голове, подумала она.

Если бы он позволил ей или Морейн привести круг, то, возможно, они могли что-то сделать, пока он вел бой!

Она достигла другого сталагмита, затем остановилась, поскольку заметила что-то с правой стороны от неё. Она почти закричала. Женщина забилась там, в тени противоположной стены, укрытая от ветра скалами. Она, казалось, кричала.

Найнив взглянул на Ранда, который по прежнему стоял без движения напротив Моридина, затем приблизилась к женщине. Довольно больше количество сталагмитов здесь означало, что Найнив может

двигаться гораздо безопаснее, так как камни защищали от притяжения в Ничто.

Найнив дошла до женщины. Она была прикована к стене.

— Аланна? — прокричала сквозь ветер Найнив. — Свет, что ты здесь делаешь?

Айз Седай взглянула покрасневшими глазами на Найнив. Ее взгляд ничего не выражал, как если бы она сошла с ума. Когда Найнив осмотрела женщину, она заметила, что вся левая сторона тела Аланна окровавлена из-за ножевого ранения в живот. Свет! Найнив должна была догадаться из-за чего лицо женщины настолько бледное.

Почему ее ранили и оставили здесь? Найнив понимала, что она связала Ранда. О, Свет. Это была ловушка. Моридин оставил Аланну истекающей кровью, а потом начал сражаться с Рандом. Когда Аланна умрет, Ранд — как ее Страж — сойдет с ума от ярости, что сделает его легкой добычей для Моридина.

Почему он не заметил? Найнив начала копать в своих мешочках с травами, затем резко остановился. Могли ли травы помочь в данном случае? Ей нужно использовать Единую Силу, чтобы излечить такую рану. Найнив разорвала одежду женщины, сооружая повязку, затем попыталась потянуться к саидар для

Исцеления.

Ранд держал ее, и не позволил сделать этого. Она попыталась вырваться из круга, но Ранд держал крепко. Она попыталась вырваться снова. Кажется, он направлял, так или иначе, но она не могла видеть плетения. Она могла чувствовать что-то, но с завыванием ветра и странной природой бездны, это было похоже на ураган вокруг нее. Так или иначе, Сила была связана с этим.

Проклятье! Ей необходим саидар. Это была не ошибка Ранда. Он просто не мог позволить ей использовать силу, пока возглавляет круг.

Найнив прижала руку к ране

Аланны, чувствуя себя беспомощной. Может ли она рисковать позвав Ранда, чтобы освободить ее из круга? Если она это сделает, Моридин, несомненно, повернется к ней и атакует Аланну.

"Что делать? Если эта женщина умрёт, Ранд потеряет над собой контроль. Это, вероятно, станет его концом... и концом Последней Битвы".

Мэт обтесывал топором доску, чтобы заострить конец.

— Смотрите, — сказал он, — это не должно быть особенно вычурно. Сохраните свои столярные навыки, чтобы произвести впечатление на дочку мэра.

Наблюдающие мужчины и женщины кивнули с мрачной решимостью. Это были фермеры, сельские жители и ремесленники, такие же люди как те, которых он знал в Двуречье. Под командованием Мэта были тысячи таких. Он никогда не подозревал, что их будет так много. Добрые люди со всех земель пришли, чтобы бороться.

Мэт полагал, что они были безумны, придя сюда. Если бы он мог убежать, он бы спрятался где-то в подвале. Чтоб ему сгореть, но он бы попытался это сделать.

Те кости гремели в его голове, так же, как они делали с тех пор как Эгвейн дала ему контроль над всеми

армиями Света. Быть проклятым та'вереном это не стоило и выеденного яйца.

Он сосредоточился, показывая как делать частокол. Один человек следил особенно тщательно, старый фермер с кожей, такой выдубленной, что Троллоковы мечи, от нее скорее всего, просто отскочат. Он казался Мэту кем-то знакомым.

Сожги Свет эти воспоминания, подумал Мэт. Несомненно, этот парень был похож на кого-то из тех старых воспоминаний, которые дали Мэту. Да, точно. Он не мог вспомнить полностью. Эээ... телега? Исчезающий?

— Эй, Реналд — сказал парень,

одному из своих приятелей — другому фермеру, очевидно из Приграничья. — Давай, пойдем вниз по линии, и посмотрим, удастся ли нам расшевелить других парней.

Те двое ушли в то время, когда Мэт закончил вбивать свой кол и вытер свой лоб. Он дошел почти до другого края частокола — лучше бы он устроил другой показ этим пастухам овец, когда фигура облаченная в кадин'сор подбежала вдоль почти завершенного частокола

Урин носил ярко рыжие волосы, заплетенные сзади в короткий хвост. Он приветственно поднял руку, проходя мимо Мэта

— Они взволнованы Мэтрим

Коутон, — сказал Урин не останавливаясь. — Я думаю, они идут прямо сюда.

— Спасибо, — сказал Мэт. — Я задолжал тебе.

Айил на мгновение повернулся, двигаясь задом наперед, лицом к Мэту.

— Просто выиграй эту битву! Ставлю мех с оосквай на нашу победу.

Мэт фыркнул. Единственной вещью, приносящей больше неудобства, чем стойкий Айил, был кто-либо ухмыляющийся. Пари? На исход битвы? Что это за пари такое, если в случае их поражения некому даже будет потребовать выигрыш?

Мэт нахмурился. Вообще-то, это было довольно симпатичное пари, чтобы его заключить.

— И ты найдешь того, кто согласится на такое пари? — окликнул Мэт. — Уриен!? — но мужчина был уже слишком далеко, чтобы услышать.

Мэт заворчал, и протянул свой топор одному из людей поблизости, им оказалась стройная Тайренская женщина.

— Подровняй их по линии, Синд.

— Да, Лорд Коутон.

— Я не треклятый лорд! — ответил Мэт по привычке, поднимая свой ашандарей. Он отошел, затем

обернулся, чтобы оглядеть возводящийся частокол, и поймал на себе взоры горстки Стражей Последнего Часа, прогуливающих вдоль рядов работающих людей. Как волки среди овец. Мэт ускорился.

Его армиям оставалось не так много времени для подготовки. Использование Врат позволило им встать впереди троллоков, но они не убежали. Свет, да и бежать было некуда! Хотя у Мэта был выбор поля сражения, и это место, Меррилор, будет лучшим из всех.

— Это как выбор участка для своей собственной могилы, — подумал Мэт. — Естественно, я бы не хотел делать его в первом

попавшемся месте.

Частокол возвышался перед деревьями на восточной стороне поля. У него не было времени на разделение на участки или обнесение частоколом всей территории, и даже если бы это и было сделано, то все равно не возымело бы сильного эффекта. С теми Шарскими направляющими Тень могла пронестись через укрепления, словно меч сквозь шелк. Но все же, некоторые заграждения с площадками на верху дадут необходимую высоту его лучникам, чтобы вести прицельный огонь по троллокам.

В распоряжении Мэта было

также две реки, которые он мог использовать. Река Мора текла в юго-западном направлении, неся свои воды между Высотами и Холмом Дашар. Ее южный берег был на территории Шайнара, тогда как северный принадлежал Арафелу. Она впадала в реку Эринин, которая текла прямо на запад через южную окраину поля.

Эти реки послужат лучше, чем любые стены, в частности сейчас, когда у него есть ресурсы, чтобы правильно их защитить. Ну, если их можно назвать ресурсами. Половина его солдат были такими же зелеными, как весенняя трава, а другая половина сражалась уже

неделю на своем последнем издыхании. Порубежники потеряли двух из каждых трёх своих людей. Свет, двое из трех! Еще немного, и армию уже нельзя будет назвать армией.

Учитывая всех, кого Мэт имел в своем распоряжении, на каждого его солдата придется по четыре троллока, когда они придут. По крайней мере, это будет так, согласно донесениям Небесных Кулаков. М-да, предстоит грязненькое дело.

Мэт глубже натянул свою шляпу, затем почесал край своей новой глазной повязки, которую ему дала Туон. Красная кожа. Она ему нравилась.

— Та-а-ак, что тут у нас? — спросил он, проходя мимо нескольких новых рекрутов Гвардии Башни. Они тренировались, устраивая спарринги с древками от копий, наконечники которых все еще были в процессе производства. Мужчины выглядели более готовыми ударить самих себя, нежели врага.

Мэт отдал свой ашандарей одному из них, и взял импровизированный посох у другого, в то время как первый торопливо отсалютовал. Большинство из этих мужчин были даже недостаточно взрослые для того, чтобы бриться хотя бы раз в месяц. Если мальчик, у которого он взял посох, хотя бы на

день старше пятнадцати лет, то Мэт съест свои ботинки. Он даже сначала их не прокипятит!

— Вы не можете съеживаться каждый раз, когда посох бьет что-нибудь! — сказал Мэт. — Закройте свои глаза на поле боя, и вы мертвы. Разве вы не обращали хоть крупицу внимания в последнее время?

Мэт поднял посох так, чтобы показать им как его нужно держать, затем показал им практику блокирования, которой отец обучил его, когда тот был достаточно молод и думал, что драка действительно может быть забавной. Он работал до седьмого пота, нанося удары каждому новому рекруту в круге,

заставляя их проводить блок.

— Чтоб мне сгореть, но вы этому научитесь, — громко сказал Мэт всем им. — Меня не волнует, есть ли у вас хоть какие-то огрызки здравого смысла, но если вы позволите себя убить, ваши матери будут ожидать от меня каких-либо слов. Запомните, я не буду этого делать! Но все же я буду чувствовать себя немного виноватым в перерывах между игрой в кости. А я не люблю чувствовать себя виноватым, так что будьте начеку!

— Лорд Коутон? — сказал парень, который дал ему посох.

— Я не — он остановился. — Ну, хорошо, что?

— Не могли бы мы просто обучаться владению мечом?

— Свет! — сказал Мэт. — Как тебя зовут?

— Сигмон, сэр.

— Ну, Сигмон, как думаешь, сколько у нас есть времени? Может, ты сможешь пойти, поговорить с Повелителями Ужаса и Отродьями Тени и попросить их дать мне несколько месяцев, чтобы я мог как следует вас натаскать.

Сигмон покраснел, и Мэт вернул ему посох. Ох уж эти городские мальчишки. Он вздохнул.

— Посмотрите сюда. Все, чего я хочу от вас, это чтобы вы могли себя защитить. У меня нету времени

делать из вас великих воинов, но я могу научить вас работать вместе, держать строй и не разбегаться в разные стороны, когда придут троллоки. Поверьте, это позволит вам продержаться намного дольше, чем любое фантастическое владение мечом.

Юноша неохотно кивнул.

— Вернитесь к своим занятиям, — сказал Мэт, вытирая лоб и оглядываясь через плечо. Кровавый пепел! Стражи Последнего Часа направлялись в его сторону.

Он схватил свой ашандарей и поспешил выскочить вон, нырнув сразу в сторону палатки только для того, чтобы столкнуться с группой

Айз Седай приближавшихся по тропе.

— Мэт? — спросила Эгвейн, находясь в середине группы из женщин. — Ты в порядке?

— Они меня треклято преследуют, — сказал он, озираясь по сторонам палатки.

— Кто тебя преследует? — сказала Эгвейн.

— Стражи Последнего Часа, — ответил Мэт. — Предполагаю, они хотят вернуть меня в шатёр Туон.

Эгвейн подала знак пальцами, отсылая остальных женщин, кроме ее двух теней — Гавина и Шончанской женщины — которые остались с ней.

— Мэт, — произнесла Эгвейн в терпеливом тоне. — Я рада, что ты, наконец, внял рассудку и решил покинуть Шончанский лагерь. Но не мог бы ты подождать со своим "дезертирством", пока не закончится сражение?

— Извини, — ответил он слушая в пол-уха. — Мы можем пройти на территорию лагеря Айз Седай? Они не последуют за мной туда.

Возможно не последуют. Если все Стражи Последнего Часа похожи на Карида, тогда последуют. Карид нырнет следом за человеком, падающим с утеса, если ему прикажут поймать его.

Эгвейн отпрянула, выглядя

недовольной Мэтом. Как Айз Седай умудряются с такой безэмоциональной маской показать человеку, что они им недовольны? Если так подумать, Айз Седай последуют за тем же самым летящим с утеса человеком, лишь бы только объяснить ему, причем в деталях, что все, что он делал, пытаюсь покончить с собой, он делал неправильно.

Мэт хотел бы, чтобы все его мысли за последнее время не включали в себя чувство, будто он был одним из тех прыгающих с утеса.

— Мы должны найти способ объяснить Фортуне, почему ты убежал. — сказала Эгвейн, как только они зашли на территорию Айз

Сeday. Мэт расположил ее как можно дальше от Шончанской. — Женитьба собирается преподнести проблемы. Я предлагаю, чтобы ты...

— погоди, Эгвейн, — сказал Мэт. — Что ты имеешь ввиду?

— Ты убегаешь от Шончанских Стражей, — ответила Эгвейн. — Разве ты не слушал... О, ну конечно, нет. Приятно осознавать, что некоторые вещи все еще остаются неизменными, пока весь остальной мир рушится. Квендияр и Мэт Коутон.

— Я убегаю от них, — сказал Мэт, оглядываясь через плечо, — потому что Туон хочет, чтобы я присутствовал на суде. Каждый раз,

когда солдат ищет милосердия Императрицы, предполагается, что я один из тех, кто хочет слушать его треклятые доказательства!

— Ты, — сказала Эгвейн, — пропускаешь заседания суда?

— Да, — сказал Мэт, — У меня треклято много работы, если ты хочешь знать. Целый день я избегал стражников, пытаюсь выкроить немного времени для себя.

— Немного честной работы не убьёт тебя, Мэт.

— Сейчас ты знаешь, что это неправда. Быть солдатом это честная работа, и она заставляет людей убивать, всё своё треклятое время.

Вероятно, Гавин Траканд иногда

практиковался быть Айз Седай, потому что он метал на Мэта такие взгляды, какими могла бы гордиться сама Морейн. Ну и шут с ним. Гавин был принцем. Он был создан, чтобы делать всякие такие вещи, как, например, посещение суда. Вероятно, каждый день за завтраком он посылает на виселицу нескольких человек, ну так, чтобы не потерять форму.

Но Мэт... Мэт не собирался приказывать казнить людей, и это было так. Они прошли мимо группы Айил, сражающихся друг с другом. Может, это была та самая группа, к которой стремился Уриен? Как только они прошли их, Мэт

попытался ускорить их шаг так, чтобы Шончан не догнали их, и приблизился к Эгвейн.

— Ты всё ещё не нашла его? — тихо спросил он.

— Нет, — сказала Эгвейн, глядя вперёд.

Нет необходимости упоминать, что это.

— Как могли вы потерять? После всех этих треклятых стараний, чтоб найти его?

— Мы? По рассказам я слышала, что Ранд, Лойал и Порубежники гораздо больше постарались с его поисками, чем ты.

— Я был там, — сказал Мэт. — Я проехал через весь этот

растреклятый континент, не так ли? Сожги меня, Ранда и себя впридачу. Вам всем не надоело еще вспоминать о тех днях? Гавин, ты хочешь свернуть тему?

— Да, пожалуйста. — Его голос звучал нетерпеливо.

— Заткнись, — сказал Мэт. — Похоже, что никто не помнит сейчас, кроме меня. Я охотился за этим проклятым Рогом, как сумасшедший. И, заметь, что это я, дунул в него, и нам удалось сбежать из Фалме.

— Это то, как ты сейчас это помнишь? — спросила Эгвейн.

— Конечно, — сказал Мэт. — Я имею в виду, что у меня есть некоторые провалы в памяти, там, но

главные моменты я соединил вместе.

— А кинжал?

— Та безделушка? Пустая трата времени. — Он поймал себя на том, что тянется к тому боку, где он когда-то носил его. Эгвейн подняла бровь. Пожалуй, не такая уж и пустая трата. — Нам нужен тот треклятый инструмент, Эгвейн. Он нам понадобится.

— У нас есть люди, нюхачи, — сказала она. — Мы не уверены точно, что произошло. Был след от перемещения, но прошло время и... Свет, Мэт. Мы пытаемся. Уверяю тебя. Это не единственная вещь, которую Тень недавно украла у нас...

Он взглянул на неё, но она не

сказала ему больше ничего.
Треклятая Айз Седай.

— Кто-нибудь уже видел Перрина? — спросил он. — Я не хочу быть одним из тех, кто скажет ему, что его жена пропала.

— Никто его не видел, — сказала Эгвейн. — Я полагаю, он делает какую-то работу, помогая Ранду.

— Вот еще, — сказал Мэт. — Ты не могла бы открыть мне врата на вершину Холма?

— Я думала, ты хотел попасть в мой лагерь.

— Это по пути, — сказал Мэт. Ну, отчасти, так и было. — И Стражи Последнего Часа не ожидают этого.

Сожги меня свет, Эгвейн, но я думаю они догадались куда мы направляемся.

Эгвейн после минутной паузы открыла врата для Перемещения на вершину Холма. Они шагнули в них.

Больше чем горка, но меньше чем гора Холм Дашар возвышался на добрую сотню футов неподалеку от центра поля сражения. Скальное образование было неприступным, а врата единственным путем, чтобы достичь вершины. Отсюда Мэт и его командиры могли наблюдать за всей разворачивающейся битвой.

— Я никогда не знала кого-либо еще, — сказала ему Эгвейн, — Кто-бы так тяжело трудился, чтобы

избежать тяжелой работы, Мэтрим Коутон.

— Ты проводишь мало времени среди солдат —. Мэт махнул рукой мужчинам, отдающим честь, выходя с площадки для перемещений.

Он поглядел на север в сторону реки Мора и Арафела. Затем на северо-восток на руины того, что когда то было фортом или сторожевой башней. На востоке возвышались частокол и лес. Он продолжил обзор на юге взор уперся на реку Эринин вдалеке и странную маленькую рощу высоких деревьев, перед которыми Лойал так трепетал. Они сказали, что это Ранд вырастил их пока проходила встреча, на

которой был подписан договор. Мэт взглянул на юго-запад на единственный удобный брод поблизости от Мору, называемый Брод Хавел местными которые занимались фермерством здесь, за бродом с арафельской стороны раскинулись огромные болота.

На западе, через Мору, лежали Высоты Полов — плато высотой в сорок футов с отвесным склоном на востоке и более пологими склонами на других сторонах.

Между основанием юго-западного склона и трясинами был коридор приблизительно две сотни шагов в длину, часто используемый путешественниками при переходе

между Арафелом и Шайнаром. Мэт мог воспользоваться им как преимуществом. Он мог использовать их все. Было бы это достаточным? Он чувствовал как что-то притягивало его, тащило на север. Он может скоро понадобится Ранду.

Он развернулся готовый идти как кто-то приблизился к нему по вершине Холма, но это был не Страж Последнего Часа. Это был всего-лишь морщинистый Джур Грейди.

Я привел тех солдат тебе, — показывая на них, сказал Грейди. Мэт видел небольшой отряд проходивший через площадку для Перемещения около частокола.

Сотня мужчин Отряда, ведомых Деларном с развевающимся треклятым красным флагом. Эти краснорукие сопровождались пятью сотнями людей в поношенных одеяниях.

В чем был смысл? — спросил Грейди. — Вы послали эту сотню в деревню для того, что бы набрать новобранцев, я полагаю?

В этом и даже больше, я спас тебе жизнь, мужчина, думал Мэт, стараясь отвести Деларна в сторону от группы. А ты доброволец в этом. Проклятый глупец. Деларн поступал как, если бы это была его участь.

— Перехватите их вверх по реке, — сказал Мэт. — Судя по

картам, есть только одно удачное место для блокирования Мора — это узкий каньон в нескольких милях к северо-востоку отсюда.

— Все верно, — сказал Грейди. — Мы используем направляющих.

— Вы должны справиться с ними, — сказал Мэт. — Однако, по-большому счету, я хочу, чтобы вы позволили тем шести сотням мужчин и женщин защитить реку. Не рискуйте слишком много сами. Пусть Деларн и его люди сделают свою работу.

— Извините, — сказал Грейди. — Но они не выглядят, как очень большая сила. Большинство из

них необученные солдаты.

— Я знаю, что делаю, — сказал Мэт. "Я надеюсь".

Грейди неохотно кивнул и отошёл.

Эгвейн наблюдала за Мэтом с любопытством.

— Мы не можем избежать этой битвы, — тихо сказал Мэт. — Мы не победим. Нам некуда бежать. Мы остаемся здесь, или мы всё потеряем.

— Всегда можно отступить, — сказала Эгвейн.

— Нет, — сказал Мэт. — Больше нет.

Он положил ашандарей себе на плечо, другую руку вытянул ладонью

вперед. Он оглядел пейзаж, воспоминания выглядели перед ним как будто созданные из света и пыли. Рион на Холме Хьюн. Нааз и Сан д'ма Шадар. Падение Пипкина. Сотни и сотни сражений, сотни побед. Тысячи смертей.

Мэт наблюдал за вспышками осколков воспоминаний пересекавших это поле.

— Ты говорила с главными за снабжение? У нас нет пищи, Эгвейн. Мы не можем выиграть затяжную войну, сражаясь и отступая назад. Наши враги разобьют нас, если мы так поступим. Как это было с Эйалом в Походах Майганде. Мы сейчас на пике своей силы, хотя и

потрёпаны. Отступим назад и мы сами обречем себя на голод пока троллоки не уничтожат нас.

— Ранд, — сказала Эгвейн. — Мы просто должны продержаться, пока он не победит.

— Это верно, — промолвил Мэт, поворачиваясь к вершинам. В мыслях, он понимал, что могло произойти, видел все возможности. Он представил себе всадников на вершинах, как тени. Он потерпел бы поражение, если бы пытался удержать те высоты, но возможно... "Если Ранд проиграет, это не будет иметь значения. Треклятое Колесо будет разрушено, и мы все превратимся в ничего, если нам

повезет. Ну, мы ничего не можем поделаться. Но вот в чем дело. Если он сделает то, что предполагал, мы можем все еще проиграть, но мы проиграем точно, если не остановим армии Тени". Он моргнул, видя это, все сражение перед ним. Борьба за брод. Стрелки за частоколом.

— Мы не можем просто победить их, Эгвейн, — сказал Мэт. — Мы не можем просто стоять и держаться. Мы должны уничтожить их, отогнать их, а затем охотиться на них до последнего Троллока. Мы не можем просто выжить ... мы должны победить.

— Как мы собираемся сделать это? — спросила Эгвейн. — Мэт, ты

ведь не серьезно? Разве не ты только вчера говорил, в каком мы будем меньшинстве?

Он посмотрел в сторону болота, представляя тени, пытающиеся перебраться через него. Тени пыли и памяти.

— Я должен изменить все это, — сказал он. Он не мог делать то, что они ожидали. Он не мог делать то, что шпионы могли сообщить о его планах. — Кровь и кровавый пепел. последний бросок костей. Все, что мы имеем, валится в кучу -

Группа мужчин в темных доспехах прошла через ворота на верхнюю часть Выступа,

запыхавшись так, будто они упорно преследовали дамани, загоняя их сюда. Их нагрудники были темно-красные, лакированные, но эта группа не нуждалась в вселяющих ужас изображениях, чтобы устрашать. Они смотрели с такой яростью, что могли расколоть яйцо взглядом.

— Вы, — сказал командир Стражей Последнего Часа, мужчина по имени Гелен, указывая на Мэта, — Нужны на ...

Мэт поднял руку, чтобы прервать его.

— Мне не будет снова отказано! — сказал Гелен. — У меня приказы от...

Мэт бросил в человека яростный взгляд и тот остановился. Мэт снова повернулся к северу. Прохладный, так или иначе знакомый ветер дул через него, колыхая его длинное пальто, взъерошив шляпу. Он прищурил глаз. Ранд воздействовал на него.

Кости всё ещё катились в его голове.

— Они здесь, — сказал Мэт.

— Что ты сказал? — спросила Эгвейн.

— Они здесь.

— Разведчики...

— Разведчики ошибались, — сказал Мэт. — Он посмотрел вверх и заметил пару, которая припустила

назад через лагерь. Они увидели это. Троллоки должно быть маршировали всю ночь.

"Шарцы придут первыми", думал Мэт, "чтобы дать Троллокам передышку. Они придут через ворота".

— Пошлите гонцов, — сказал Мэт, указывая на Стражей Последнего Часа, — Поставьте мужчин и женщин на их посты. И предупредите Илэйн, что я собираюсь изменить план сражения.

— Что? — сказала Эгвейн.

— Они здесь! — проговорил Мэт, оборачиваясь к Стражам. — Почему вы треклято не бежите! Быстро, быстро! — Над ними

завизжал ракен. Гелен, к его чести, отсалютовал и побежал, гремя своими массивными доспехами, вместе со своими спутниками.

— Она здесь, Эгвейн, — сказал Мэт. — Сделай глубокий вдох, последний глоток бренди, или закури последнюю щепотку табака. Хорошенько посмотри на землю перед нами, так как скоро она будет покрыта кровью. Через час, мы будем в самой гуще событий. Свет сохрани нас всех.

Перрин скользил в темноте. Он чувствовал себя таким уставшим.

Губитель до сих пор жив — уловил он часть своих мыслей. Грендаль извращает полководцев.

Конец близок. Ты не можешь уйти сейчас! Держись.

Держаться за что? Он попытался открыть глаза, но был так измучен. Он должен. должен был выйти из волчьего сна поскорее. Все тело будто онемело, за исключением.

За исключением его бока. Шевеля пальцами, которые ощущались подобно кирпичам, он коснулся теплоты. Его молот. Он был невыносимо жарким. Это тепло, казалось, двигало его пальцы, и Перрин глубоко вздохнул.

Ему нужно проснуться. Он завис на краю сознания, как тогда, когда он был близок ко сну, но еще осознавал себя. В этом состоянии он

чувствовал себя так, как если бы столкнулся с раздвоенным путем. Одна тропинка вела все глубже в темноту. А другая вела... Он не мог видеть, но он знал, что это означало... Это означало пробуждение.

Теплота от молота излучалась в его руку. Его разум сфокусировался. Пробудись.

— Это то что делал Губитель. Он... просыпался... как-то.

Жизнь Перрина вытекала прочь. Не так много времени оставалось. Наполовину в объятиях смерти, он стиснул зубы, сделал глубокий вдох и заставил себя проснуться.

Тишина волчьего сна разбилась.

Перрин ударился о мягкую землю и попал в место с голосами. Что-то о переднем крае, о подготовке линий...

Поблизости кто-то выкрикнул. И затем кто-то еще. И еще другие. — Перрин? — Он знал этот голос. — Перрин, парень!

"Мастер Лухан?" Веки Перрина ощущались такими тяжелыми. Он не мог открыть их. Руки схватили его.

— Держись. Я вижу тебя, парень. Ты в безопасности. Держись.

Глава 37

Последняя Битва.

Тем утром на Половских Высотах настал рассвет, но солнце не озарило Защитников Света. С запада и севера пришли армии Тьмы, чтобы выиграть эту последнюю битву и бросить Тень на все земли; чтобы положить начало Эпохе, в которой вопли страданий не будут услышаны.

— из записной книги Лойала, сына Арента, сына Халана, Четвёртая Эпоха.

Лан скакал на Мандарбе через лагерь, подняв свой меч вверх.

На небе утренние тучи становились кроваво-красными, отражая громадные огненные шары, поднимающиеся над многочисленной армией Шары, наступающей с запада. Они изящно устремлялись в небо и казались медленными из-за очень большого расстояния.

Отряд всадников вырвался из лагеря с Ланом во главе. Остальные Малкири ехали следом за ним, но его численность росла, подобно приливу. Волной стекались к нему всадники, знамя Малкир — Золотой Журавль — было знаменем для всех

Порубежников.

Они были обагрены кровью, но не биты. Сбей человека наземь, и увидишь то, из чего он сделан. Человек может бежать. Но если он не удрал, если он отступил с кровью в углу рта и решимостью в глазах тогда, ты знаешь. Этот человек должен быть по-настоящему опасным.

Казалось, что огненные шары были быстрее в момент падения, врезаясь в лагерь дикими, яростными ударами. Взрывы содрогнули землю. Раздавшиеся где-то неподалеку крики доносились вместе с грохотом копыт. Люди все ещё присоединялись к нему. Мэт Коутон распространил

весть по всем лагерям: нужно больше кавалерии для поддержки наступления Лана и замены павших солдат.

Он также раскрыл смысл своего плана. Кавалерия будет постоянно на передовой, разрушая порядки Троллоков и шарцев, возможности для отдыха практически не будет. Сегодня она должна будет нанести противнику основной урон.

И все ещё люди присоединялись к нему. Порубежники, которые должны были быть слишком стары, чтобы ехать верхом. Торговцы, которые отложили денежные мешки в сторону и взялись за мечи. Удивительное количество южан, в

том числе множество женщин, одевших нагрудную броню и стальные или кожаные шапки, несущие пики. На всех не хватало копий.

— Половина из тех присоединившихся выглядит скорее как фермеры, а не солдаты! — прокричал ему Андер сквозь топот копыт.

— Ты когда-нибудь видел мужчину или женщину из Двуречья верхом, Андер? — проорал в ответ Лан.

— Нет, не приходилось.

— Ну тогда смотри и будешь удивлён.

Кавалерия Лана достигла берега

Реки Моры, где мужчина с длинными вьющимися волосами, одетый в чёрную куртку, стоял со сложенными за спиной руками. У Логайна теперь было сорок Айз Седай и Аша'манов. Он окинул взглядом войско Лана, а затем поднял руку к небу, смяв падающий огромный огненный шар, словно это был кусок бумаги. Небо будто пронзило молнией, и дробящийся на части шар огня разлетелся искрами во все стороны, заполняя воздух дымом. Пепел, сгорая, падал вниз, попадая в бушующую реку и окрашивая её поверхность в белое и чёрное.

Лан придержал Мандарба, когда подъехал к Броду Ховал к югу от

Высот. Логайн вытянул другую руку в сторону реки. Вода забурлила, поднялась в воздух и потекла по невидимой арке. Она падала с неё на другую сторону мощным водопадом, выплескиваясь из берегов

Лан кивнул Логайну и поспешил, направляя Мандарба под водопад и пересекая мокрое дно брода. Дневной свет проникал через толщу воды над головой и переливался на Лане, когда он скакал через туннель, Андер и остальные Малкири последовали за ним. Водопад ревел, падая слева от него, мелкие капли поднимались туманом над водой.

Лан вздрогнул, когда ворвался

обратно в свет, проскакав под аркой на сторону шарцев. Справа высились Высоты, слева болота, нигде не было твердой, ровной поверхности чтобы пройти здесь. На склонах Высот, лучники, арбалетчики и дракониры подготовились к пуску залпов на приближающегося врага.

Шарцы впереди, огромные силы Троллоков, собирающихся позади, все к западу от Высот. Грохот от залпов драконов сотряс воздух над высотами, и вскоре в рядах Шарцев стали происходить взрывы.

Лан опустил свое копье, нацелив его в сторону Шарских солдат, приближающихся к Половским Высотам, и приготовился.

Илэйн резко подняла голову, поворачиваясь. Эта ужасная песня, напевающая, мурлыкающая, красивая и ужасная в одно и то же время. Она прищипорила Лунную Тень, направляя в сторону этого мягкого звука. Откуда он доносился?

Он раздавался откуда-то из глубины Шончанского лагеря в основании холма Дашар. Разбирательство с Мэтом по поводу того, что он не рассказывает ей свой план войны может подождать. Она должна найти источник этого звука, этого прекрасного звука, этой...

— Илэйн, — сказала Бергитте.

Илэйн пустила свою лошадь

вперед.

— Илэйн! Драгкар!

Драгкар. Илэйн встряхнула себя, затем посмотрела вверх и обнаружила созданий, падающих повсюду в лагерь, словно капли воды. Стражницы опустили свои мечи, широко раскрыв глаза, пока напев продолжался.

Илэйн сплела громовой хлопок. Он взорвался, исходя от нее волнами, пронзая воздух, распространяясь среди Стражниц и заставив их вскрикнуть и закрыть свои уши. Боль пронзила голову Илэйн, и она выругалась, закрывая свои глаза в шоке. А потом... потом она ничего не слышала.

Цель была достигнута.

Она заставила себя открыть глаза и увидела вокруг Дракгаров с их тонкими телами и нечеловеческими глазами. Они раскрыли свои рты, напевая, но оглушенная Илэйн не могла слышать мелодию. Она улыбнулась, затем сплела огненные хлысты, сбивая созданий. Она не могла слышать их хриплые крики боли, о чем она сожалела.

Стражницы Илэйн сплотились, поднимаясь с колен, отнимая руки от ушей. Судя по их ошарашенным взглядам, она могла сказать, что они были тоже оглушены. Бергитте все еще стреляла в удивленных

Дракгаров. Три существа попытались подпрыгнуть и улететь, но Бергитте достала каждого своими ослепительно-белыми стрелами. Последний из них врезался в ближайшую палатку.

Илэйн помахала рукой, привлекая внимание Бергитте. Первые звуки Драггаров пришли не сверху, а дальше в лагере. Илэйн указала направление, пришпорив Лунную Тень и ведя свои войска через лагерь Шончан. Все вокруг лежали с открытыми ртами, уставившись в небо. Многие, казалось, дышали, но глаза их были мертвы. Драггар поглощал души словно мягкий хлеб со срезанной

корочкой, оставляя тела живыми,

Гадство. Эта группа Драгкаров — Свет, их, наверное, было больше сотни — могла схватить любого человека, убить его, а потом отступить до того, как обнаружат их присутствие. Отдаленный шум битвы — звуки рогов, грохот драконов, шипение огненных шаров, то, что Илэйн теперь чувствовала и могла лишь едва слышать заложенными ушами — скрыл атаку Драгкаров. Существа могли ударить и сбежать, но они были жадными.

Ее стражники рассеялись, застав врасплох Драгкаров, многие из которых держали солдат. Звери не были сильными бойцами, если

судить по силе рук. Илэйн ждала, готовя плетения. Тех Драгкаров, что пытались сбежать, она сжигала в небе.

Как только последний из них был мертв, по крайней мере из тех, кого они видели, Илэйн махнула Бергитте, чтобы та приблизилась. В воздухе остро пахло жженой плотью. Илэйн сморщила нос и нагнулась с лошади, чтобы взять голову Бергитте в руки, Исцеляя женщине уши. Малыши брыкнулись, когда она это проделала. Они всегда так реагировали, когда она кого-нибудь Исцеляла или это только ее фантазии? Илэйн опустила руку, обняв живот, когда Бергитте

отступила, оглядываясь.

Страж наложила стрелу и Илэйн почувствовала ее тревогу. Бергитте спустила тетиву и Драгкар отшатнулся от стенки внутри ближайшей палатки. Наружу вывалился Шончанин, его глаза остекленели. Поедание было прервано на пол пути; бедняга уже никогда не будет в здравом уме.

Илэйн развернула лошадь и увидела группу шончанских войск, заполнивших участок. Бергитте поговорила с ними и повернулась к Илэйн. Та только покачала головой и Бергитте, поколебавшись, снова что-то сказала Шончан.

Охранники Илэйн снова

сгруппировались вокруг нее, наблюдая за Шончан с недоверием. Илэйн отлично понимала их настроение.

Бергитте махнула и они продолжили двигаться в прежнем направлении. Как только они двинулись, к ним приблизились дамани и сул'дам и, на удивление, сделали реверанс Илэйн. Возможно, это Фортуона дала им приказ уважать иностранных правителей.

Илэйн поколебалась, обдумывая дальнейшие действия. Она могла вернуться в собственный лагерь для Исцеления, но это займет время, а ей нужно было срочно поговорить с Мэтом. Какой смысл тратить дни на

составление планов, если он собирается отбросить их в сторону? Она доверяла ему — Свет, она должна доверять — но она все еще хотела знать, что он намерен делать.

Она вздохнула и протянула свою ногу к дамани. Женщина нахмурилась, затем взглянула на сул'дам. Казалось, обе восприняли это как оскорбление. По крайней мере Илэйн так расценила их поведение.

Сул'дам кивнула и ее дамани прикоснулась к ноге Илэйн чуть выше ее ботинка. Крепкие ботинки Илэйн выглядели так, что их скорее носил бы солдат, а не королева, но она не собиралась ехать в бой в

тапочках.

Небольшой ледяной шок
Исцеления побежал по ее телу и слух
начал медленно возвращаться.
Сперва слышались низкие звуки.
Взрывы. Отдаленный грохот
драконов, шум стремительной реки
неподалеку. Несколько Шончан
разговаривали. Следующими были
средне частотные звуки, а потом стал
слышен и весь спектр. Шум ударов,
крики солдат, позывные горнов.

— Скажи им Исцелить
других, — обратилась Илэйн к
Бергитте.

Бергитте подняла бровь,
удивляясь, почему Илэйн просто не
отдала приказ сама. Ну, эти Шончане

уделяют пристальное внимание тем людям, которые могут говорить друг с другом. Илэйн не окажет им такой чести, говорить с ней напрямую.

Бергитте передала приказ и губы сул'дам сжались в линию. Одна сторона ее головы была побрита; она была Высокородной. Свет, Илэйн удалось оскорбить ее снова.

— Я сделаю это, — сказала женщина. — Хотя с чего бы любая из вас пожелала бы быть Исцеленной животным, выше моего понимания.

Шончан не доверяли и не позволяли дамани Исцелять. Во всяком случае это то, о чем они постоянно утверждали, но это не остановило их от того, чтобы с

неохотой обучать этим плетениям своих пленниц, теперь они увидели из первых рук какое это преимущество в сражении. Однако из того, что слышала Илэйн, Высокородные редко принимали такое Исцеление.

— Поехали, — сказала Илэйн, двигаясь вперед. Она махнула своим солдатам, чтобы они остались и Исцелились.

Бергитте взглянула на нее, но протестовать не стала. Обе верхом на лошадях поехали дальше в сторону командного здания Шончан. Одноэтажный, возможно размером с маленький деревенский дом, расположенный в огромной

расселине в южной стороне подножия Холма Дашар — они перенесли его с вершины, так как Мэт беспокоился, что он незащищен. Вершина будет использоваться дальше для наблюдения за сражением короткими промежутками.

Илэйн позволила Бергитте помочь ей спуститься с лошади, Свет, но она начала чувствовать себя неуклюжей. Это было похоже на то, как, если бы она была кораблем в сухом доке. Она остановилась на секунду, чтобы взять себя в руки. Плавные движения, эмоции под контролем. Она поправила свои волосы, оправила платье, затем

прошла в здание.

— Что, — прорычала она, как только вошла внутрь, — во имя проклятого, ворчащего в стоге сена, двупалого троллока, ты думаешь, что ты делаешь, Мэтрим Коутон?

Неудивительно, что это ругательство заставило ухмыльнуться его как только он оторвал взгляд от карты на столе. Он был в шляпе и куртке поверх прекрасной шелковой рубашки, которая смотрелась так будто была сшита, чтобы совпадать по цвету со шляпой, включая кожаные вставки на манжетах и вороте и выглядели они не к месту. Это пахивало определенного рода компромиссом. Почему его шляпа

повязана розовой лентой, однако?

— Привет, Илэйн, — сказал Мэт. — Я полагал, что скоро увижусь с тобой.

Он махнул на стул отделанный в цвета Андора, красный и золотой, в стороне комнаты. Это была дополнительная деталь мебелировки с чашкой горячего чая на столике рядом.

Сожги тебя, Мэтрим Коутон, — подумала она. Когда ты успел стать таким умным?

Императрица Шончан сидела на своем троне в комнате. Мин рядом с боку, одетая в такое количество зеленого шелка, что можно было обеспечить магазин в Кеймлине на

две недели продаж. Илэйн не пропустила тот факт, что трон Императрицы был на два пальца выше, чем трон Илэйн. Проклятая невыносимая женщина.

— Мэт. В твоём лагере Драгкары.

— Чтоб им сгореть, — сказал Мэт. — Где?

— Мне следовало сказать, что Дракары были в твоём лагере, — сказала Илэйн. — Мы разобрались с ними. Ты должен сказать своим лучникам лучше нести дозор.

— Я говорил им, — пожаловался Мэт. — Кровавый пепел. Кто-нибудь проверьте лучников, я...

— Высочайший Принц! —

обратился шончанский посланник, проскользнувший в дверной проем. Он опустился на колени, затем распростерся плавным движением на полу, не переставая рассказывать. — Насыпь лучников разрушена! Ударом шарских всадников — они прикрыли свою атаку дымом от огненных шаров.

— Кровь и кровавый пепел! — проговорил Мэт — Пошлите шестнадцать дамани и сул'дам прямо туда сейчас же! Отправляйтесь на северные укрепления лучников и захватите туда сорок второе и пятидесятое взводы. Да и передайте разведчикам, я высеку их, если они позволят еще раз такому случиться.

— Величайший, — сказал разведчик, салютуя и поднимаясь на ноги, пятась вон из комнаты, не поднимая глаз, что избежать риска встретиться с взором Мэта.

Из всего этого Илэйн впечатлило то, как легко разведчик сумел совместить повиновение и свой рапорт. Ей стало плохо. Ни один правитель не может требовать такого от своих подданных. Сила государства исходит от силы его народа, сломай его и ты сломаешь свой собственный хребет.

— Ты знал, что я приду, — сказала Илэйн после того, как Мэт раздал еще несколько приказов своим помощникам. — Ты ожидал

злости, которая случилась бы из-за тобой вносимых в план изменений. Сожги тебя, Мэтрим Коутон, почему ты это сделал? Я думала план нашего сражения был озвучен.

— Был, — сказал Мэт.

— Тогда почему изменил его?

— Илэйн, — сказал Мэт, глядя на неё — Вы все сделали меня ответственным, причем против моего желания, потому что Отрекшиеся не могут изменить мое сознание, правильно?

— В основном, поэтому, — ответила Илэйн. — Хотя, я считаю, что это в меньшей степени зависело от твоего медальона, а в большей степени от того, что у тебя слишком

тупая голова, чтобы Принуждение туда проникло.

— Треклято правильно, — сказал Мэт. — В любом случае, если Отрекшиеся используют Принуждение на людях в лагерях, у них возможно есть несколько шпионов, присутствующих на наших встречах.

— Полагаю, что так.

— Тогда они знают наш план. Наш главный план, на подготовку которого мы потратили столько времени. Они знают его.

Илэйн задумалась.

— Свет! — сказал Мэт, качая своей головой. — Первое и главное правило, чтобы победить в войне,

знать, что твои враги намереваются сделать.

— Я думала первое правило — это знать свою территорию — сказала Илэйн, складывая свои руки.

— Это тоже. В любом случае, я понял, если враги знают, что мы намерены сделать, мы должны изменить это. Немедленно. Плохие планы сражений лучше, чем планы, которые ожидает от вас противник.

— Почему ты не догадался, что это могло случиться? — потребовала ответа Илэйн.

Он глянул на нее невыразительным взором. Один уголок его рта приподнялся, потом он опустил поля шляпы ниже,

прикрывая глазную повязку.

— Свет! — воскликнула Илэйн. — Ты знал. Ты провел всю эту неделю, планируя с нами, и знал все это время, что ты выбросишь их с помоями...

— Это давало мне слишком много проклятого доверия, — сказал Мэт, глядя назад на свои карты. — Я думал, часть меня могла знать все, но я не представлял себе до тех пор пока шарцы не добрались сюда.

— Итак каков новый план?

Он не ответил

— Ты собираешься держать его у себя в голове? — спросила Илэйн, она почувствовала слабость в ногах. — Ты собираешься вести

битву и никто из нас не будет знать, что, во имя Света, ты планируешь, не так ли? Иначе говоря, кто-нибудь может подслушать и эти новости дойдут до Тени.

Он кивнул.

— Защити нас Создатель, — прошептала она.

Мэт нахмурился.

— Знаешь, Туон сказала то же самое.

На Высотах, Уно прислушивался как рядом драконы изрыгали огонь на троллоков и шаранцев на западе от них. Запах чего-то едкого прожигал воздух, а эти взрывы были такими оглушающими, что он не мог

слышать своих собственных проклятий.

Внизу, всадники Лана Мандрагорна отбивали атаки передовых отрядов, сдерживая их и давая возможность драконам нанести наибольший урон. Шарцы объединились с Троллоками. У них было много направляющих. Далее вверх по течению, подходила другая большая армия Троллоков, тех, с которыми потеряли много сил бойцы Дай Шана, они спускались с северо-востока, и в скором времени должны были достичь Поля Мерилор.

Драконы замерли на мгновение, дракониры наполнили их утробы снова тем, что заставляло их

работать. Уно не собирался приближаться к ним трёклято близко. Там его караулила треклятая неудача. Он был уверен в этом.

Командир у дракониров была жилистая кайриэнка, и Уно никогда не видел особого смысла в этом народе. Она растреклято сердито смотрела на него, когда он говорил. Она надменно сидела на коне, и даже не дрогнула, когда драконы снова выстрелили.

Престол Амерлин многое отбросила, чтобы связаться с этими людьми и с этими Шончан. Уно не собирался треклято жаловаться. Они нуждались в каждом мече, какой могли добыть, включая кайриэнцев и

проклятых Шончан.

— Тебе нравятся наши драконы, капитан? — обратился к Уно командир Талманес. Капитан. Уно треклято повышен в звании. Он теперь командовал вновь сформированным отрядом пикинеров и легкой кавалерии Башни.

Проклятье, ему не следовало быть ответственным за что-либо, он был счастлив простым солдатом. Но у него был опыт и в обучении солдат и в ведении боя, в чем в эти дни они испытывали недостаток или так сказала ему королева Илэйн. Итак он стал проклятым офицером над кавалерией и пехотинцами! Ну что ж,

он умеет обращаться с пикой, если он должен воспользоваться ею, хотя он обычно предпочитал сражаться верхом на лошади.

Его люди были готовы защищать край Высот, на который противник стал бы подниматься вверх по склону. Итак, лучники расположились бы перед драконирами, прикрывающими их, потом быстро отступили бы назад, чтобы дать возможность треклятым простым солдатам сделать их проклятую работу. Внизу шаранцы отошли в сторону, чтобы дать главным силам троллоков штурмовать склон.

Пикинеры бы выстояли, сопротивляясь троллокам, да пики

были бы к месту здесь, пока троллоки продвигались бы наверх холма. Прибавь сюда проклятой кавалерии на их фланги, да еще проклятых лучников стреляющих из тех врат, то висят сверху в воздухе и они могли бы тут окопаться на дни. Может недели. Если бы их выдавливали отсюда превосходящим числом, то они отступали бы дюйм за дюймом, цепляясь за каждый клочок земли.

Уно не мог себе представить как он мог бы выжить в этом проклятом сражении. Он был удивлен, что вообще ему это удавалось так долго. Действительно, проклятый Масима мог снести его голову или Шончан в

Фалме, или Троллоки здесь и в других местах. Ну что ж, он постарался сохраниться тощим, чтобы они, проклятье, подавились им, когда затолкают его в один из их проклятых котлов.

Драконы вновь стреляли, прожигая многочисленные бреши в полчищах продвигающихся троллоков. Уно зажал руками уши.

— Предупреждай человека, когда это делаешь, ты, горящий кусок из козлиной...

Следующий выстрел оглушил его.

Троллоков внизу подбросило в воздух, драконы растирали землю в порошок под ними. Эти яйца

взрывались как только выстреливали из этих проклятых стволов. Что еще за сила, кроме Единой Силы могла заставить метал взрываться? Уно был треклято уверен, что не хочет знать.

Талманес шагнул к краю Высот, проверяя нанесенный ущерб. К нему присоединилась тарабонская женщина та, которая изобрела это оружие. Она огляделась, увидела Уно и бросила ему что-то. Маленький кусок воска. Тарабонка вынула затычку из уха и начала говорить с Талманесом, жестикулируя. Он может и отвечал за войска, но именно она была ответственна за орудия. Она сказала мужчинам куда сдвинуть драконы для битвы.

Уно проворчал, но положил в карман воск. Когда прорывалась первая волна в сотню троллоков, ему некогда было беспокоиться об ушах. Уно сгреб пику, установил его и дал сигнал другим людям сделать тоже самое. Они все были одеты в белое цвет Башни, Уно сам носил белый плащ.

Он выкрикивал приказы, готовя свою пику, прислонившись к склону, пятка древка поднята. Одна рука сжимала древко копья перед собой, чтобы направлять и усиливать упор; другая рука, ладонью вниз, сжимает его на расстоянии вытянутой руки от пятки, распределит нагрузку, как только Троллоки пересекут диапазон

поражения. Несколько рядов пикинёров позади Уно стояли в боевой готовности, чтобы продолжить наступление после первого столкновения.

— Осторожнее с пиками, проклятые пастухи! — взревел Уно, — Осторожнее!

Троллоки карабкались на холм, врезаясь в линию копий. Передние ряды троллоков пытались взмахами своего оружия отбить копья в сторону, но люди Уно шли вперед, пронзая троллоков, зачастую по два копья в каждое чудовище. Уно заворчал, возвращаясь со своим копьем в линию, и отправляя его в глотку троллока.

— Первая шеренга, назад! —
выкрикнул Уно, толкая свою пику
назад, чтобы освободить её от
убитого им Троллока. Его спутники
сделали тоже самое, высвобождая
свое оружие и позволяя трупам
скатиться вниз по склону.

Пикинеры из первой шеренги
отошли назад, тогда как вторая
шеренга прошла между ними вперед,
вколачивая копья в замешавшихся
троллоков. Каждая шеренга
постепенно продвигалась вперед
пока, минуты спустя, вся группа
троллоков не была мертва.

— Хорошая работа, — сказал
Уно, поднимая копье в вертикальное
положение, струйка тухлой

троллочьей крови с наконечника стекала по древку. — Хорошая работа.

Он бросил взгляд в направлении дракониров, использующих больше "яиц" в своих трубах. Он поспешно вытащил воск из своего кармана. Да, они смогли бы удержать эту горячую точку. Они смогли бы удержать ее хорошо. Им нужно только... Крик сверху остановил его от затыкания ушей. Что-то рухнуло на землю рядом с Уно. Свинцовый шар с флажками, сброшенный с высоты.

— Треклятый Шончанский козел! — завопил Уно, глядя вверх и потрясая кулаком, — Почти попал по макушке, ты, любитель гнилых

червей!

Ракен улетел, вероятно так и не расслышав ни слова из того, что выкрикивал Уно. "Проклятый Шончанин". Он наклонился, отрывая сообщение от шара.

"Отступите по юго-западному склону Высот вниз."

— Вы, треклятые, меня пинаете, — пробормотал Уно. — Пинаете меня по голове, пока я сплю. Аллин, треклятый дурак, ты можешь прочесть это?

Алин, темноволосый андорец, носил короткую бороду, стриженную по бокам. Уно всегда считал, что это выглядит трёклято смешно.

— Отступить? — сказал Алин, — Сейчас?

— Они обезумели, будь они прокляты, — сказал Уно.

Рядом, Талманес и тарабонская женщина слушали сообщение посланника, и она передавала те же новости, судя по тому, как хмурилась тарабонка. Отступление.

— Коутон, будь он проклят, лучше знает что он делает, — сказал Уно, покачав головой. Он все еще не понимал, почему Коутона сделали главным. Он помнил парня, постоянно огрызающегося, с запавшими глазами. Между жизнью и смертью. Уно покачал головой.

Но он сделает это. Он поклялся

служить проклятой Белой Башне. Так что он сделает это.

— Передай приказ, — сказал он Аллину, затыкая уши воском, потому что Алудра, возле драконов, готовилась к последнему залпу перед отступлением. — Мы отступаем с проклятых Высот, и ...

Уно физически ощутил, как его ударил звуковой хлопок в воздухе, проходя сквозь его тело, останавливая его сердце, будь все проклято. Его голова коснулась земли, прежде чем он понял, что упал.

Он моргнул, освобождая глаз от пыли, кряхтя и опрокидываясь назад, когда еще одна вспышка, а затем и

другие, поразили холмы, где были драконы. Молния! Его солдаты стояли на коленях с закрытыми глазами, закрывая руками уши. Но Талманес уже поднялся, выкрикивая приказы, которые Уно едва мог слышать, и размахивая руками, показывая, что его людям нужно отступить.

Десятки огненных шаров, огромных и невероятно быстрых, поднимались над Шаранской армией позади Троллоков. Уно выругался и бросился в низину, чтобы укрыться, скатившись туда за мгновения до того, как целый холм затрясся как при землетрясении. Комья земли попадали на него, практически

похоронив его под собой.

Все наступали на них. Все. Каждый проклятый Шаранский направляющий в армии казался сосредоточенным именно на Высотах. У его людей были Айз Седай, размещенные так, чтобы защитить драконов, но от взгляда на происходящее они были бы в затруднении дать этому отпор.

Атака продолжалась так долго, что казалась вечностью. Когда она утихла, Уно пополз. Некоторые дымящиеся драконы были разбиты на части, и Алудра работала вместе с драконирами над тем, чтобы спасти их и защитить остатки. Талманес, держась окровавленными руками за

голову, кричал. Уно вытащил воск из одного уха — что вероятно сохранило ему слух — и бросился к Талманесу.

— Где эти проклятые Айз Седай? — прокричал Уно, — Будь они прокляты, они должны остановить это!

Их было здесь четыре дюжины, с приказом разрезать плетения в воздухе или отражать их для защиты драконов. Предполагалось, что направляющие смогут защитить Высоты от чего угодно, кроме самого Темного. Теперь же, с бьющими среди них молниями, они как на бойне.

Троллоки снова продвигались вперед. Уно приказал Аллину

сформировать стену из пик и сдерживать этих существ, а затем побежал к Айз Седай с небольшой охраной. Он присоединился к Стражам, помогая женщинам вставать, в поисках их лидера.

— Квамеза Седай? — спросил Уно, обращаясь к главной здесь Айз Седай, которая отряхивала с себя пыль. Стройная, темнокожая арафелка что-то бормотала про себя.

— Что это было? — спросила она.

— Э-э... — побормотал Уно.

— Этот вопрос был не вам, — сказала она, вглядываясь в небо. — Эйнар! Почему ты не предупредил об этих плетениях?

Подбежал Аша'ман.

— Они настигли нас быстрее, чем я успел предупредить. И... Свет! Кто бы не послал их, он очень силен. Сильнее, чем я когда-либо видел, сильнее, чем...

Линия света расколола воздух позади них. Она был огромна, как крепость в Фал Дара. Она повернулась вокруг своей оси, открывая огромные путевые врата, которые разделили землю в центре Высот. Стоящий на другой стороне человек был в прекрасных доспехах из серебряных колец, похожих на монеты. У него были тёмные волосы и крупный нос. Он держал перед собой скипетр из золота, вершину

которого украшали то ли песчаные часы то ли кубок.

Квამеза среагировала незамедлительно, подняла руки и выпустила струю огня. Мужчина взмахнул рукой, отклонив ее, затем он атаковал хладнокровно, и что-то тонкое, горячее и белое, соединило его и Квамезу. Ее очертания вспыхнули, и затем она исчезла, только пыль опускалась на землю.

Уно отпрыгнул назад. Эйнар последовал за ним, перекатившись за обломки разбитого дракона.

— Я пришёл за Возрождённым Драконом! — Объявил человек в серебряных доспехах. — Вы приведёте его. Или так, или я

позабочусь, чтобы ваши крики, привели его.

Земля под драконами взлетела в воздух всего в нескольких шагах от Уно. Щепки дерева и комья почвы полетели в него, и он заслонил свое лицо рукой.

— Свет помоги нам, — сказал Эйнар. — Я пытаюсь остановить его, но он в круге. Полном круге. Семьдесят два. Я никогда ранее не видел такой силы. Я...

Полоса раскаленного света перерезала сломанного дракона, испаряя его и поражая Эйнара. Мужчина исчез в мгновение ока, и Уно отшатнулся назад, сыпя проклятиями. Он увернулся от

обломков дракона, падающих на землю вокруг него.

Уно приказал своим людям отступать, подгоняя их на бегу, задержался он лишь для того, чтобы поднять на ноги раненого, и помочь ему уйти. Он больше не сомневался в правильности приказа отступить с Высоты. Проклятье, это был лучший приказ из всех, когда либо отданных.

Логайн Аблар отпустил источник. Он стоял рядом с Морой, ниже Высот и чувствовал атаки наверху.

Отпустить саидин было самым трудным сейчас. Тяжелее, чем решение объявить себя Драконом, и

тяжелее чем тогда, в самом начале существования Черной башни, когда он сдерживал себя, чтобы не задушить Таима.

Сила иссушила его, как если бы его кровь вытекала прямо на землю через открытые вены. Логайн сделал глубокий вдох. Удерживать такое количество Единой Силы — в круге из тридцати девяти человек — было опьяняюще. Отпуская источник, он вспомнил о своем укрощении, когда саидин была украдена у него. Когда с каждым вздохом он все больше хотел найти нож и перерезать себе горло.

Он подозревал, что это и было его безумие: ужас того, что отпуская Единую силу, он может лишиться её

навсегда.

— Логайн? — спросил Андрол.

Логайн повернул голову в сторону маленького человечка и его спутников. Они верили ему. Логайн не знал почему, но они верили ему. В целом многие из них. Дураки. Но дураки преданные.

— Ты чувствуешь? — спросил Андрол. Остальные направляющие, Эмарин, Джоннет смотрели на Высоты. Мощный поток Силы зарождался там. это было удивительно.

— Демандред, — сказал Эмарин. — Это должен быть он.

Логайн медленно кивнул. Такая Сила. Ни один из Отрекшихся не

может быть таким сильным. Он должен нести са'ангриал огромной силы.

С таким инструментом, шептали его мысли, никакой мужчина или женщина никогда не смогут снова лишить тебя источника.

Таим это сделал, когда лишил Логайна свободы. Держал его в плену, накрыл щитом, не давая прикоснуться к источнику. Попытки Обращения были настоящей пыткой. Но быть без саидин.

Сила, подумал он, наблюдая, мощный поток. Вожделение было настолько сильным, что почти заглушило его ненависть к Таиму.

— Мы не будем трогать его, —

сказал Логайн. — Разбейтесь на заранее подготовленные группы. — Это были группы из одной женщины и пяти или шести мужчин в каждой команде. Женщина и двое мужчин могли сформировать круг, в то время как другие два стояли на страже. — Мы будем охотиться на предателей Черной Башни.

Певара, стоящая рядом с Андролом, подняла бровь.

— Ты хочешь уже отправиться на охоту за Таимом? Разве Коутон не хотел, чтобы ты здесь помог перемещать людей?

— Я ясно дал понять Коутону, — сказал Логайн. — Я не буду в этой битве заниматься доставкой солдат

на позиции. Что касается приказа, у нас уже есть приказ от самого Дракона Возрожденного.

— Ранд Ал'Тор назвал его своим "последним" приказом им. Это была записка, переданная с маленьким ангриалом в виде человека, держащего меч. Тень украла печати узилища Темного. Найдите их. Если можете, пожалуйста, найдите их.

Когда их пленили, Андрол слышал это и подумал, что Таим хвастался печатями. Это была их единственная зацепка. Логайн просканировал пространство. Эх силы отступали с Высот. С того места, где стоял Логайн, он не мог видеть боевой порядок драконов, но

тонкие струйки дыма не говорили ничего хорошего об их безопасности.

"Он до сих пор отдает приказы," — подумал Логайн. "Неужели я все еще склонен их выполнять?"

Ради шанса отомстить Таиму? Да, он последует за приказами Ранда Ал'Тора. Раньше он ни на каплю бы не усомнился в этом. Но это было до его захвата и пытки.

— Идите, — сказал Аша'манам Логайн. — Вы прочитали, что Лорд Дракон написал. Мы должны обнаружить печати любой ценой. Нет ничего важнее этого. Мы должны надеяться, что они действительно у Таима. Смотрите за

признаками, что направляют мужчины, затем выследите их и убейте.

Было не важно, если этими направляющими мужчинами окажутся Шарцы. Как бы то ни было, Аша'маны должны помочь в этой битве, уничтожая вражеских направляющих. Чуть ранее они обсудили тактику. Почувствовав направляющего мужчину, они с помощью Врат должны переместиться, чтобы определить его местонахождение, затем попытаться застать их врасплох и атаковать.

— Если увидите одного из людей Таима, — сказал Логайн, — Постарайтесь схватить его, чтобы мы

смогли выведать, где Таим обосновался, — он помедлил. — Если повезет, то там будет сам М'Хаэль. Имейте ввиду, что у него могут быть печати. Не хотелось бы, чтобы они были сломаны при нашей атаке. Если увидите его, возвращайтесь и сообщите мне его местонахождение.

Группа Логайна ушла. Они оставили его с Габриель, Арелом Малевиним и Карлдином Манфором. Было хорошо, что некоторые из его самых опытных людей были вне Башни в момент измены Таима.

Габриель посмотрела на Логайна, умудряясь казаться одного роста с ним.

— Что с Тувин? — спросила она.

— Мы убьем ее, если найдем.

— Это так легко для тебя?

— Да.

— Она...

— Ты бы предпочла жить, Габриель, если бы ты была ей? Жить и служить ему?

Она закрыла свой рот, губы вытянулись в полоску. Она до сих пор боится его; он мог чувствовать это. Хорошо.

Было ли это тем, что ты хотел, шептало его сознание, когда поднимал стяги Дракона? Когда ты стремился спасти человечество? Ты делал это, чтобы вселять ужас?

Разжигать ненависть к себе?

Он проигнорировал этот голос. Единственные случаи, когда в его жизни все получалось, были в те моменты, когда его боялись. Это был единственный козырь против Суан и Лиане. Настоящему Логайну, тому, который был глубоко внутри него, тому, который заставлял его жить, нужно было, чтобы люди его боялись.

— Ты можешь ее чувствовать? — спросила Габриель.

— Я распустил узы.

Ее зависть была резкой и незамедлительной. Это шокировало его. Он думал, что она начинала получать удовольствие, или по

крайней мере, смирилась с их совместным пребыванием.

Но, конечно, это могло быть разыграно так, чтобы она смогла попытаться манипулировать им. Это был путь Айз Седай. Да, до этого он ощущал ее страсть, возможно, даже любовь. Он не был уверен, что может доверять тому, что, как он думал, он чувствовал с ее стороны. Казалось, что ко всем тем моментам, когда он пытался быть сильным и свободным, его тянули веревками с самого детства.

Демандред направлял, излучая силу. Свет, такая мощь!

Громкий взрыв раздался на Высотах. Логайн рассмеялся,

откинув голову назад. Тела, как листья, падали с Высот и подлетали в воздух.

— Соединитесь со мной! —
скомандовал он тем, кто остался с ним. — Войдите со мной в круг и давайте охотиться на М'Хаэля и его людей. Свет знает, я могу найти его — мой стол заслуживает только лучшее мясо, самую голову оленя!

А потом... Кто знает? Он всегда хотел испытать свои силы против одного из Отрекшихся. Логайн снова потянулся к Источнику, борясь с саидин, как с извивающейся змеей, пытающейся ужалить его. Он использовал свой ангриал, зачерпывая больше, а затем к нему

устремилась Сила от остальных. Он громко расхохотался.

Гавин чувствовал, что он устал. За неделю подготовки он должен был восстановить силы, но сегодня чувствовал себя так, будто пробежал несколько десятков лиг.

И с этим ничего нельзя было поделать. Он заставил себя сосредоточиться на вратах, открытых над столом перед ними, в которых было видно поле боя.

— Ты уверена, что они не видят их? — Спросил он Юкири.

— Я уверена, — ответила Юкири. — Они уже достаточно проверены.

Она стала умелой в обращении с вратами. Она создала их на верхней части стола, который принесли в их лагерь из Тар Валона. Он смотрел вниз, на поле битвы, как будто на карту.

— Если ты действительно сделала их невидимыми с той стороны, — сказала Эгвейн, — Это будет нам крайне полезно...

— Их было бы легче обнаружить с близкого расстояния, — призналась Юкири. — Но эти так высоко в небе, что никто внизу не сможет заметить их.

Гавину не нравилось, что Эгвейн стояла здесь, голова и плечи просунуты сквозь врата и висят над

полем боя. Он молчал, ворота были безопасны настолько, насколько только возможно. Он не мог защитить ее от всего.

— Свет, — мягко сказал Брин, — Они разделяют нас на маленькие группы.

Гавин взглянул на него. Этот человек отверг предложения, даже настойчивые, вернуться в свои имения. Он настаивал на том, что он еще способен держать меч, он лишь не может командовать.

Кроме того, по его мнению, любой из них может попасть под Принуждение. В некотором смысле, он дал им преимущество, раз теперь они знали это. По крайней мере, они

могли наблюдать за ним.

И Суан делала это, покровительственно держась за его руку. Другими в палатке были Сильвиана и Дозин.

Сражение шло не очень хорошо. Коутон уже потерял холмы, а в изначальном плане было решено удерживать их столько, сколько получится, и драконы были разломаны на части. Нападение Демандреда, поддержанное Единой Силой, оказалось гораздо сильнее, чем ожидал любой из них. А другая большая армия троллоков прибыла с северо-востока и наседала на защитников Коутона, пытаясь скинуть их в реку.

— Что он планирует делать? — сказала Эгвейн, постукивая по краю стола. Ветер задувал в палатку через ворота. — Если все так будет продолжаться, наши войска будут окружены.

— Он пытается заманить их в ловушку, — сказал Брин.

— Какого рода ловушку?

— Это лишь предположение, — ответил Брин. — Свет знает, моим собственным оценкам нельзя доверять так, как это было раньше. Похоже, Коутон планирует объединить в кучу все бои, не затягивая, не пытаясь сбросить троллоков вниз. Учитывая то, как все идет сейчас, это случится в

ближайшие дни. Возможно, часы.

— Это похоже на то, как мог бы поступить Мэт, — сказала Эгвейн, уступая.

— Сила этих потоков, — сказала Лилейн, — эта сила...

— Демандред использует круг, — ответила Эгвейн, — Очевидцы говорят, что это полный круг. То, чего не было со времен Эпохи Легенд. И у него есть са'ангриал. Некоторые из солдат видел его, это — скипетр.

Гавин смотрел на битву внизу, его рука опустилась на рукоять меча. Он слышал, как кричат люди, в сторону которых Демандред направлял огненные потоки один за

другим.

Голос Отрекшегося, внезапно, прогремел, достигая высоко расположенных в воздухе врат.

— Где ты, Льюс Тэрин! Тебя видели на поле боя каждого из сражений замаскированным. Здесь ты тоже прячешься? Сразись со мной!

Рука Гавина сжала рукоять меча. Солдаты спускались вниз по юго-западной стороне высоты, чтобы пересечь брод. Несколько небольших групп находились на склонах, и там дракониры, которые казались Гавину крошечными насекомыми, уводили оставшиеся драконы в безопасность, волоча их мулами.

Демандред обрушился на бегущих. Он сам был как армия, разбрасывая тела в воздухе, взрывая лошадей, сжигая и разрушая все вокруг себя. Его троллоки захватили высоту. Их грубые победные кличи были слышны через врата.

— Мы разберемся с ним, Мать, — сказала Сильвиана. — Скоро.

— Он пытается привлечь наше внимание, — сказала Эгвейн. — У него есть са'ангриал. Мы могли бы сами сделать круг из семидесяти двух, но что тогда? Попасть в его ловушку? На убой?

— Какой выбор у нас есть, Мать? — спросила Лилейн, — Свет,

он убивает наших людей тысячами.

Убивает тысячами. Но они стояли.

Гавин отступил.

Никто, казалось, не заметил его ухода, кроме Юкири, которая с нетерпением подошла и заняла свое место рядом с Эгвейн. Гавин выскользнул из палатки, и когда охранники посмотрели на него, сказал, что должен подышать свежим воздухом. Эгвейн одобрила бы. Она чувствовала, как он устал в последнее время, она говорила об этом ему несколько раз. Его веки опускались, как если бы они имели вес железа. Гавин посмотрел в сторону почерневшего неба Он

слышал далекий гул. Как долго он будет просто стоять и ничего не делать в то время, как люди умирают?

Ты обещал, говорил он сам себе. Ты сказал, что будешь стоять в её тени.

Это не значит, что он должен был перестать делать важную работу, не так ли? Он порылся в своей сумке и достал кольцо Кровавых ножей. Он надел его, и сразу же его сила вернулась, а слабость ушла.

Он колебался, затем достал другие кольца и надел их.

На южном берегу реки Мора, перед руинами к северо-востоку от

Холма Дашар, Тэм Ал'Тор вызвал пустоту, как Кимтин научил его много лет назад. Тэм представлял себе язычок пламени, и сжигал в нем свои эмоции. Пламя спокойно росло, но спокойствие покинуло его, оставив пустоту. Как недавно окрашенные стены, красивые и белые, как будто только что вымытые. Все растаяло.

Тэм был в пустоте. Он натянул лук, хороший лук из чёрного тиса, стрелою к щеке. Он прицелился, но это было лишь формальностью. Когда он был так сильно погружён в пустоту, стрела полетит именно так, как он хочет. Он знал, что это также верно как то, что солнце знало, что

она взойдёт на небосклоне или ветви знали, что их листья будут падать. Такие вещи не поддаются объяснению, они просто существуют.

Он отпустил тетиву, стрела прошила воздух. Следующая последовала за другой. Было пять стрел в воздухе одновременно, каждая из которых направлена??с учётом переменчивого ветра.

Первые пять Троллоков упали, как только попытались переправиться по одному из нескольких мостов связанных из плотов, которые им удалось навести на реке. Троллоки ненавидели воду, даже неглубокая вода пугала их. Чтобы не предпринимал Мэт, чтобы

защитить реку сверху по течению, это работало, река по-прежнему текла. Тень попыталась бы остановить её. И попытки остановить её были. Иногда сверху по реке приплывали туши Троллоков или мулов.

Тэм продолжал выпускать стрелы, Абелл и другие двуреченцы присоединились к нему. Иногда они стреляли в толпу, не выделяя отдельных Троллоков, хотя это было редко. Обычный солдат мог стрелять наугад и считать, что его стрела найдет свою цель в общей массе, но не двуреченский лучник. Стрелы были дешевы для солдат, но не для них выросших рядом с лесом.

Троллоки падали в волны. Кроме Тэма и людей из Двуречья, волну за волной стрел в Приспешников Тени с колена из своего оружия выпускали арбалетчики. Исчезающие хлестали сзади Троллоков, пытаясь заставить их перейти через реку, но безуспешно.

Стрела Тэма попала Исчезающему в место, где должны были быть его глаза. Крупный человек по имени Байрд, стоящий рядом, восхищенно присвистнул, опираясь на свой??топор и смотря как летят стрелы. Он был в составе отряда солдат поставленных позади лучников, для защиты их, в случае

если Троллоки всё же прорвутся через реку.

Байрд был одним из командиров наемников, которые примкнули к армии, и хотя он был андорцем, ни он, ни сотня его людей, которых он привел, не говорили о том, откуда они пришли.

— Мне нужен один из этих луков, — сказал Байрд своим спутникам, — Сгореть мне, вы видели это?

Находившиеся рядом, Абелл и Ази улыбнулись, продолжая стрелять. Тэм не улыбался. В пустоте не существовало никакого юмора, хотя за пределами пустоты, мысль продолжала движение. Тэм знал,

почему улыбались Абелл и Ази. Имея двуреченский лук не превратишься в двуреченского лучника.

— Я думаю, — сказал Галад Дамодред приближаясь верхом на лошади, — Ты быстрее навредишь себе, нежели врагу, пытаясь им воспользоваться. Ал'Тор, как долго?

Тэм спустил очередную стрелу.

— Пять, может больше, — ответил он, протягивая руку к колчану за следующей стрелой. Он натянул тетиву, выстрелил и продолжил. Две, три, четыре, пять.

Около пяти троллоков были мертвы. Всего он спустил чуть больше тридцати стрел и промахнулся лишь один раз, и то

только потому, что Абелл убил троллока, в которого метился Тэм.

— Лучники, прекратить огонь! — выкрикнул Тэм.

Двуреченцы отошли назад и Тэм отпустил пустоту, в то время как группа троллоков выбралась на берег реки. В какой-то степени, Тэм все еще возглавлял войска Перрина. Все они — белоплащники, Гэалданцы и Волчья Гвардия — ждали команды от него, хотя и имели своих собственных лидеров. Самолично же он командовал лишь лучниками.

"Перрин, лучше бы тебе лечиться основательно," — подумал Тэм. Когда Харал за день до этого нашел мальчика лежащим в траве на

окраине лагеря, Перрин был весь в крови, на пороге смерти. Свет, они тогда все до смерти перепугались.

Теперь Перрин был в безопасности в Майене, где он и проведет остаток Последней Битвы. Человек не может быстро оправиться от таких ран, которые получил парень, даже с Исцелением Айз Седай. Возможно, из-за неучастия в битве Перрин будет немного не в себе, но такое иногда случается. Это было одним из того, что значило быть солдатом.

Тэм и лучники отступили назад к руинам, чтобы занять лучшую позицию для наблюдения за ходом битвы. Там он организовал

необходимую оборону до прибытия посыльных с новым запасом стрел. Мэт разместил все войска Перрина бок о бок с Принявшими Дракона, которых возглавляла Тинна, которая была похожа на мраморное изваяние. Тэм не имел ни малейшего понятия, откуда она пришла и почему возглавляла войска. Внешне уроженка Салдэйи, она имела замашки леди наряду со строением Айил. Казалось, другие прислушивались к ней. Принявшие Дракона никак не реагировали на Тэма, поэтому он не вставал у них на пути.

Армии Тэма было приказано держаться.

Мэт ожидал, что основное направление наступления Шарцев и Троллоков будет с запада, поэтому Тэм был удивлен, увидев, что Мэт посылал большую часть подкреплений выше по течению от брода. Белоплащники прибыли последними, и их одежда мелькала на берегу, во время атаки Троллоков, переправляющихся через реку на неустойчивых мостах.

Стрелы Троллоков полетели с противоположного берегу поражая Галада и его людей.

Лязг и стук наконечников стрел о броню и щиты Белоплащников звучал как град на крыше. Тэм приказал привести пехотинцев,

включая Байрда и наемников.

У них не было достаточно пик, поэтому люди Арганды были вооружены алебардами и копьями. Мужчины начали кричать и умирать, Троллоки выли. В тылу у Тэма, Аллиандре скакала вверх, в окружении хорошо вооруженных пехотинцев. Тэм поклонился ей, и она кивнула, потом откинулась в седле, чтобы наблюдать. Она хотела быть здесь, на передовой. Тэм не мог винить ее за это, он не мог винить ее и за приказ своим солдатам, увести её при первых признаках того, что эта битва оборачивается против них.

— Тэм! Тэм! — закричал прискакавший Даннил, и Тэм,

махнув Абеллю взять на себя командование лучниками, подошел к нему, встретив парня в тени руин.

Внутри этих обрушенных стен, резервы Тэма с нервозностью смотрели на бой. Большинство из них были лучники из числа наемников и Принявших Дракона. Многие из последних никогда прежде не были в бою. Ну, как и большинство двуреченцев, еще несколько месяцев назад. Они быстро учатся. Стрельба из луков в Троллоков не так уж сильно отличалась от стрельбы в оленей.

Хотя, если вы промахнетесь в оленя, он не выпустит вам потроха мечом через несколько секунд после

ЭТОГО

— Что это, Даннил? — спросил Тэм. — Весть от Мэта?

— Он посылает вам знамёна стрелков из Легиона Дракона, — сказал Даннил. — Он сказал держать позицию на реке в этом месте, любой ценой.

— Что на уме у этого парня? — сказал Тэм, глядя в сторону Высот. "Легион Дракона был хорошим стрелковым подразделением, хорошо обученные арбалетчики, которые будут тут полезны. Но что же происходит на Высотах?"

Вспышки света отражались от колон толстого черного дыма, Тянувшегося ввысь, к облакам. Драка

там была жестокой.

— Я не знаю, Тэм, — сказал Даннил. — Мэт... изменился. Я с трудом узнаю его. Он всегда был немного прохвостом, но сейчас... Свет, Тэм. Он похож на кого-то из легенд.

Тэм фыркнул.

— Все мы изменились. Мэт возможно тоже самое мог бы сказать о тебе.

Даннил рассмеялся.

— О, я сомневаюсь относительно этого, Тэм. Хотя я действительно задаюсь иногда вопросом, что произошло, если бы я пошел с тремя из них. Я имею в виду, Морейн Седай искала мальчиков

подходящего возраста, и я предполагаю, что был просто совсем немного старше.

Он казался задумчивым. Даннил мог говорить и думать, что он хотел, но Тэм сомневался, что ему понравилось бы все то, что вынудило Мэта, Перрина и Ранда стать людьми которыми они теперь были.

— Прими командование этими подразделениями, — сказал Тэм, кивая на резервных лучников — Я хочу убедиться, что Арганда и Галад знают, что нам присылают подкрепление.

Толстые стрелы Троллоков отлетали от Певары, когда она

отчаянно сплетала Воздух. Ее порыв ветра сдул стрелы, как камни сметались с доски яростью игрока. Вспотев, она вцепилась в саидар и сплела сильный щит из Воздуха и переместила его в небо, чтобы защититься от дальнейших залпов.

— Готово! — закричала она, — Бегом!

Группа солдат выскочила из-под выступа на крутом прибрежном склоне Высот. Еще больше толстых черных стрел упало сверху. Они ударили по ее щиту и как только прошли сквозь него, замедлились до такой степени, что упали на землю свободно как перья.

Солдаты, которым она помогала,

прорывались к точке сбора у брода Хавал. Другие решили остаться и сражаться, когда кучи Троллоков повалили вниз по склонам.

Большинство Отродий Тени осталось на Высотах, чтобы окончательно вытеснить людей и охранять позиции.

"Где?" — Яростная мысль Андрола пришла к ней, тихим шепотом в глубине ее разума.

"Здесь", — ответила она ему. Не совсем мысль, больше похоже на образ, ощущение места.

Врата разрезали воздух около нее и Андрол промчался сквозь них, а вслед за ним Эмарин. Оба мужчины носили мечи, но Эмарин откинул

руку назад и сплел полосу огня, выстреливая ею через открытые ворота. На другой стороне раздался крик. Человеческий крик.

— Вы что, проделали весь путь до шаранской армии пешком? — Требовательно спросила Певара. — Логайн хотел, чтобы мы оставались вместе!

— Так теперь тебя заботит, чего он хочет? — Усмехнулся Андрол.

"Ты невыносим", подумала она. Вокруг них стрелы шлепались на землю. Троллоки выше в гневе кричали.

— Хорошее плетение, — сказал Андрол.

— Спасибо, — она поглядела на

меч.

— Я теперь Страж, — он пожал плечами. — Наверное лучше и выглядеть как Страж, а?

Он мог разрезать Троллока Вратами напополам на расстоянии в триста шагов, призвать лаву из самой Драконовой горы и он все еще хотел носить меч. Она решила — это что-то чисто мужское.

"Я слышал", послал ей Андрол.

— Эмарин, ко мне. Певара Седай, если бы Вы были так любезны и присоединитесь к нам...

Она фыркнула, но пошла с ними, когда те двинулись вдоль юго-западного основания Высот, минуя нескольких раненных, плетущихся к

точке сбора. Андрол поглядел на них, затем сплел Врата назад в их лагерь. Ослабшие мужчины выкрикнули в удивлении и с благодарностью потащились через них к безопасности.

Андрол стал... более уверенным, с тех пор как они покинули Черную Башню. Когда они встретились впервые, он показывал колебание в том, что делал. Своего рода нервное смирение. Не больше.

— Андрол, — Эмарин указал на склон своим мечом.

— Я вижу их, — сказал Андрол. Наверху, подобно переливающейся через край котла кипящей смоле, с вершины Высот неслись Троллоки.

Андрол закрыл Врата позади группы успевших пройти солдат. Остальные вскрикнули, когда увидели, что Врата закрылись.

"Ты не можешь спасти их всех", серьезно передала Певара, ощущая укол страданий Андрола. "Сосредоточься на стоящей перед тобой задаче".

Втроем они двинулись через солдат по направлению к нескольким направляющим, которых могли чувствовать впереди. Там были Джоннет, Канлер и Теодрин, бросавшие огонь в группы Троллоков. Их ситуация быстро ухудшалась.

— Джоннет, Канлер, ко мне, —

сказал Андрол, взбираясь мимо них и открывая перед ними Врата. Певара и Эмарин нырнули сразу вслед за ним, оказываясь на вершине Высот в нескольких сотнях шагов дальше.

Джоннет и другие последовали за ними, когда группа изумленных Троллоков пронеслась мимо.

— Направляют! — Закричала Певара. Свет, как тяжело бегать в юбках. Андрол ведь это знал.

Андрол открыл другие Врата, когда несколько вспышек пламени пришло от Шарцев на вершине Высот. Певара пробежала сквозь Врата, начиная задыхаться. Они появились с другой стороны от Шарцев, которые поливали огнем

туда, где Певара была мгновение назад.

Певара обострила свои чувства, пытаясь определить, или почувствовать, их цель. Шарцы обернулись и нацелились на них, но затем закричали, когда Андрол спустил на тех лавину снега через ворота, созданные в стороне. Он пытался создать те Врата смерти, которые использовали другие Аша'маны, но плетения, очевидно достаточно сильно отличались, так что он испытывал затруднения. Вместо этого он придерживался того, на что был способен.

Группа гвардейцев Белой Башни все еще сражалась на Высотах,

удерживая позиции вопреки приказам. Куски драконов, включая большие бронзовые трубы, валялись, тлея, среди сожженных трупов. Тысячи и тысячи Троллоков, большинство на краю Высот, выли, выпуская стрелы на тех, что были ниже. Их радостные вопли довели Певару до предела и она сплела Землю, направляя потоки в землю около группы Троллоков. Большой кусок земли задрожал, затем откололся, сваливая две дюжины из них вниз.

— Мы вновь привлекаем внимание! — сказал Эмарин, посылая огонь на Мурдраала, который крался к ним. Он бился в

языках пламени, визжа
нечеловеческим голосом,
отказываясь умирать. Покрываясь
испаринной, Певара передала
плетение Огня Эмарину, чтобы сжечь
эту тварь пока от нее останется
ничего кроме костей.

— Ну, все не так плохо! —
сказал Андрол. — Если мы
привлечем достаточно внимания, то
рано или поздно кто-нибудь из
Черной Айя или из людей Таима
решат выступить против нас.

Джоннет выругался.

— Это весьма похоже на то,
чтобы забраться на муравейник и
дожидаться, когда тебя искусают!

— Вообще-то, это очень

похоже, — сказал Андрол. —
Продолжайте следить. Я разберусь с
Троллоками!

"Это достаточно сильное
утверждение", — Певара послала
ему.

Его ответ был теплым, как тепло
исходящее от жаровни.

"Это звучало героически."

"Я полагаю, ты нашел бы
применение дополнительной силе?"

"Да, пожалуйста", — отправил
он.

Она соединилась. Он забрал у
нее силу, взяв под свой контроль их
круг. Как всегда, объединение в круг
с ним было уникальным опытом. Она
чувствовала, как ее собственные

эмоции отражаются от его и возвращаются обратно к ней, и это заставило ее покраснеть. Чувствовал ли он, как она начинает относиться к нему?

Глупая, как девушка в короткой юбке, подумала она про себя, осторожно, чтобы оградить свои мысли от него. Вряд ли он достаточно взрослый, чтобы знать разницу между мальчиками и девочками. И в середине войны, тоже.

Было сложно спрятать свои эмоции, как обычно делают Айз Седай, будучи связанной с Андролом. Их сущности смешались, будто разные краски, вылитые в одну

миску. Она сопротивлялась этому, пытаясь сохранить свою индивидуальность. Это было важно, когда они были связаны, и она убеждалось в этом снова и снова.

Андрол вытянул руку вперед в сторону группы Троллоков, которые начали пускать в него стрелы. Врата открылись, поглощая стрелы. Она огляделась, и нашла их, стрелы падали на другую группу троллоков.

Врата открылись на земле, забирая троллоков, падающих в них. Троллоки появлялись в сотнях футов над полем в воздухе. Крошечные врата разрезали голову Мурдраала по шее, оставляя его метаться, оставляя следы черной крови на земле.

Команда Андрола стояла возле западной части холмов, где когда-то были расположены драконы. Со всех сторон были Отродья Тени и шаранцы.

"Андрол, направляют!" Она чувствовала, как что-то поднимается над ними на холмах. Что-то мощное.

"Таим!" Моментально она ощутила вспышку гнева Андрола такой силы, что она могла выжечь ее. В ней была потеря друзей и ярость из-за предательства того, кто должен был защитить их.

"Осторожнее," послала она. "Мы не знаем, он ли это."

Тот, кто атаковал их, работал в круге с мужчиной и женщиной,

иначе Певара не могла бы почувствовать его. Конечно, она могла видеть только потоки саидар. Толстый столб воздуха ударил в них, он был настолько горячим, что от него мог покраснеть скальный грунт под ними.

Андрол открыл врата над ними, едва успев поймать столб огня и отправить его обратно туда, откуда он появился. Два потока сожгли трупы троллоков, выжгли сорняки и траву вокруг.

Певара не видела, что произошло дальше. Врата Андрола исчезли, и молния ударила рядом с ними. Певара упала на землю, Андрол врезался в нее.

В этот момент она отпустила источник.

Это произошло с ней случайно из-за шока от удара. В большинстве случаев связь должна была оборваться, но у Андрола была крепкая хватка. Преграда, разделяющая их с Певарой сущности, разрушилась, и они соединились. Это было, как шагнуть через зеркало, и посмотреть на себя с той стороны.

Она с усилием отвлеклась от этих своих мыслей, но уже с пониманием, которое не могла описать. Мы должны выбраться отсюда, думала она, все еще соединенная с Андролом. Все остальные, казалось, были живы, но

это не могло долго так оставаться, если враги выпустят больше молний. Певара инстинктивно начала сложное плетение врат, хотя это должно было быть бесполезно. Андрол управлял их кругом, поэтому только он... Врата распахнулись. Певара разинула рот. Она это сделала, не он. Это плетение было одним из наиболее сложных, трудных и энергозатратных, из тех, что она знала, но она сотворила его с такой же легкостью, как будто просто взмахнула рукой. Пока кто-то другой командовал кругом.

Теодорин прошла первой. Следом, через врата, стройная Доманийка тащила спотыкающегося

Джоннета. Затем Эмарин,
прихрамывая с бесполезно
болтающейся рукой.

Андрол выглядел
ошеломленным, рассматривая ворота.

— Я думал, ты не можешь
направлять, пока кто-то другой
управляет кругом.

— Я не... — сказала она — Я
сделала это случайно

— Случайно? Но...

— Проходи через ворота, —
сказала Певара, толкая его перед
собой. Она последовала за ним, а
затем рухнула, пройдя ворота.

— Дамодред, ты должен
оставаться там же, где ты сейчас, —

сказал Мэт. Он не поднял взгляд, но услышал фыркание лошади через открытые ворота.

— Я сомневаюсь в твоём здравомыслии, Коутон, — ответил Галад.

Мэт, наконец, оторвался от карты. Он не был уверен, что когда-нибудь привыкнет к этим воротам. Он стоял в своем штабе, который Туон распорядилась возвести в расщелине у подножия холма Дашар, а в стене были открыты ворота. С другой стороны врат Галад сидел на лошади, одетый в золотое и белое, как и все Дети Света. Он по-прежнему был рядом с руинами, где армия троллоков пыталась проложить

свой??путь через Мору.

Галад Дамодред, был человеком в котором струилась твердость. Он, возможно, был статуей с симпатичным личиком и неизменным выражением. Нет, статуя излучала больше жизни.

— Ты сделаешь все так, как было приказано, — сказал Мэт, возвращаясь к своим картам. — Вы должны удержать реку и делать то, что говорит Тэм. Мне все равно, считаешь ли ты свое место слишком незначительным.

— Очень хорошо, — сказал Галад, его голос был холоден, как лед. Он повернул свою лошадь прочь,

и Мика, дамани, закрыла врата.

— Там проливается кровь, Мэт, — сказала Илэйн. Свет, ее голос был еще холоднее, чем у Галада!

— Позже я отвечу за все. А пока что позвольте мне делать мою работу.

— Мы сделали тебя командиром армии, — сказала Илэйн. — А ты не отвечаешь.

Айз Седай спорят по поводу каждого слова. Это... Он поднял голову и нахмурился. Мин только что тихо сказала что-то Туон.

— Что там? — спросил он.

— Я видела его тело на поле, — сказала Мин, — Как если бы он был мертв.

— Мэтрим, — сказала Туон. — Я... обеспокоена.

— Впервые наши мнения совпадают, — сказала Илэйн, сидевшая на собственном троне по другую сторону комнаты. — Мэт, их командующие тебя превзошли.

— Это не столь треклято просто, — сказал Мэт, водя пальцем по карте. — Это никогда не было столь треклято просто.

Тот, кто возглавляет тень, был хорош. Очень хорош. Это — Демандред, думал Мэт. Я противостою проклятому Отрекшемуся.

Вместе Мэт и Демандред создавали великую картину. Каждый

отвечал на действия другого очень тонко. Мэт пытался использовать совсем немного слишком красного цвета в одной из своих красок. Он хотел нарисовать ложную картину, но все же достаточно разумную, чтобы в нее поверить.

Это было сложно. Он должен быть достаточно сильным, чтобы удержать Демандреда, но достаточно слабым, чтобы вызвать желание атаковать. Финт, очень тонкий. Это было опасно, возможно, катастрофически опасно. Он должен был пройти по лезвию бритвы. И не было возможности не поранить ноги. Вопрос был не в том, будет ли он в крови, а в том, сможет ли он

достигнуть другой стороны.

— Выдвинуть Огир, — тихо сказал Мэт, удерживая пальцы на карте. — Я хочу, чтобы они поддержали наших людей у брода.

Там сражались Айил, охраняя путь, которым солдаты Белой Башни и Отряд Красной Руки отходили с Высот по его приказу.

Приказ был передан Огир. "Береги себя, Лойал", — подумал Мэт, отметив на карте, куда он направил Огир.

— Предупредите Лана, он все еще на западной стороне Высот. Я хочу, чтобы он обошел Высоты с тыла, поскольку большая часть сил Тени наверху, и вернулся к Море

позади другой армии троллоков, той, что пытается пройти через руины. Ему не нужно вступать с ними в бой, пусть просто остается на виду и удерживает позиции.

Гонцы поспешили передать его указания, и он сделал еще одну отметку на карте. Одна из со'джин подала ему каф — миленькая девушка с веснушками, но он был слишком поглощен битвой, чтобы улыбнуться ей.

Потягивая каф, Мэт велел дамани создать для него Врата прямо над столом, чтобы он мог сам изучить обстановку на поле боя. Он заглянул в них, но при этом держался рукой за край столешницы. Только

проклятый болван позволит кому-нибудь столкнуть себя в дыру, зияющую в двухстах футах над землей.

Он поставил чашку с кафом на стол и взялся за подозрную трубу. Троллоки спускались с Высот, направляясь к болотам. Да, Демандред был хорош. Неуклюжие твари, которых он послал к болотам, были медлительны, зато напористы и сильны, как оползень в горах. К тому же, группа всадников-шарцев двигалась вниз с Высот. Легкая конница. Эти нанесут удар по войскам Мэта, стоящим на Гавальском Броде, чтобы не дать тем атаковать левый фланг троллочьего

войска.

Эта битва была подобна поединку на мечах, только в огромном масштабе. На каждый удар могло быть три-четыре контрудара. Ты отвечаешь, двигая отряд сюда, другой отряд туда, пытаешься просчитать, что сделает твой противник, и в то же время давишь там, где видишь слабое место. Назад-вперед, назад-вперед. Враг превосходил войска Мэта числом, но и это можно было использовать.

— Передайте Талманесу следующее, — приказал Мэт, все еще глядя в подзорную трубу. — Вспомни случай, когда ты поспорил, что я не смогу попасть монеткой в чашу,

бросив ее через всю таверну.

— Да, Величайший, — сказал шончанский гонец.

В тот раз Мэт ответил на подначку, заявив, что попробует, когда будет пьян, иначе в пари не будет спортивного интереса. Затем Мэт прикинулся пьяным, чтобы подтолкнуть Талманеса поднять ставку с серебра до золота.

Но Талманес раскусил его хитрость и настаивал, чтобы он напился на самом деле. "И я все еще должен ему за это несколько марок, верно?" — рассеянно подумал Мэт.

Он направил подзорную трубу на северную сторону Высот. Там собрался отряд шаранской тяжелой

конницы, готовый двинуться вниз по склону; он мог рассмотреть их длинные копья со стальными наконечниками.

Они были готовы устремиться вниз и перехватить людей Лана, пока те обходят Высоты с севера. Но ведь приказ еще даже не дошел до Лана.

Подозрения Мэта подтвердились: Демандред имел шпионов не только в лагере, но и в районе палатки командования. Кто-то, кто может отправить сообщение сразу, как только Мэт отдал приказ. Это, вероятно, означает, что кто-то способный направлять был здесь, в палатке, и маскировал свою способность.

Кровь и пепел, подумал Мэт. Как будто этого было мало.

Посланник вернулся от Талманеса.

— Величайший, — сказал он, падая ниц носом в пол, — Ваш мужчина говорит, что его войска полностью уничтожены. Он хочет последовать вашим приказам, но говорит, что сегодня драконы не будут доступны до конца дня. Их ремонт займет несколько недель. Они... Простите, Величайший, но именно так он и сказал. Они находятся в худшем состоянии, чем барменша в Сабинел. Я не знаю, что это значит.

— Барменши работают за

чаевые, — сказал Мэт с ворчанием, — Но люди в Сабинел не дают чаевые.

Конечно, это была ложь. Сабинел был городом, в котором Мэт предложил Талманесу помочь ему охмурить двух барменш. Талманес решил, что Мэт будет притворяться раненым в бою, чтобы получить сочувствие.

Славный малый. Драконы еще боеспособны, но, вероятно, выглядят вышедшими из строя. Тут у них преимущество: никто не знает, как действует это оружие, кроме самого Мэта и Алудры. Трёклятый пепел, да даже он всякий раз, когда они стреляли, боялся, что эти штуки

каким-то образом отправят снаряд не в ту сторону.

Пять или шесть драконов были полностью исправны. Мэт для надежности перетащил их с поля боя через ворота. Алудра расположила их южнее брода и нацелила точно на Высоты. Мэт еще использует их, но он создал у шпиона впечатление, что большая их часть уже уничтожена. На самом деле Талманес мог их подлатать, и тогда Мэт мог вернуть их в бой.

"Но в тот момент, когда я сделаю это, — подумал Мэт, — Демандред бросит против них все, что у него есть. Я должен выбрать верный момент".

Трёклятый пепел, в последнее время вся его жизнь превратилась в постоянные попытки поймать удачный момент. И подобных моментов становилось все меньше. Пока что он приказал Алудре пустить в ход полудюжину исправных драконов, чтобы обстрелять на другом берегу реки троллоков, спускавшихся по северо-западному склону Высот.

Она была достаточно далеко от Высот, и продолжит двигаться, так что Демандреду будет сложно своевременно обнаружить и уничтожить драконы. Дым, который они создавали, быстро скроет их позиции.

— Мэт, — сказала Илэйн с трона у стены комнаты. Он не без иронии отметил, что, перемещая его "для удобства", она как-то заставила Бергитте приподнять трон на несколько дюймов, так что теперь она сидела в точности на одной высоте с Туон. Может, на дюйм выше. — Пожалуйста, мог бы ты объяснить хоть что-то из того, что делаешь?

"Нет — так, чтобы не услышал и шпион", — подумал он, осматривая комнату. Кто же это был? Одна из трех пар сул'дам и дамани? Может ли дамани быть Другом Темного, а ее сул'дам об этом не знать? А наоборот? Эта дворянка с белой

прядкой в волосах выглядит подозрительно...

Или это один из многочисленных офицеров? Галган? Тайли? Генерал Знамени Гериш? Она стояла у стены комнаты, сердито глядя на него. Ох уж эти женщины. У нее прелестный задок, но Мэт упомянул об этом только подружески. Он же теперь женат.

Неприятный факт заключался в том, что здесь столько народу, что Мэт мог бы рассыпать на полу просо, и к исходу дня получилась бы мука. Предполагалось, что все они безусловно достойны доверия и неспособны предать Императрицу, да живет она вечно. Чего с ней никак не

случится, если шпион ускользнет.

— Мэт, — сказала Илэйн. — Кто-то еще должен знать, что ты замышляешь. Если ты погибнешь, мы должны довести дело до конца.

Что ж, это был довольно весомый довод. Он сам думал об этом. Убедившись, что его текущие приказы исполняются, он приблизился к Илэйн, посмотрел на всех в комнате и невинно улыбнулся. Им ни к чему знать о его подозрениях.

— Почему ты смотришь на всех искоса? — тихо спросила Илэйн.

— Проклятье, ни на кого я искоса не смотрю, — сказал Мэт. — Выйдем. Я хочу пройтись и глотнуть

немного свежего воздуха.

— Нотай? — спросила Туон, поднимаясь.

Он не обернулся к ней — такой взгляд мог пробуравить дырки в прочной стали. Вместо этого, он просто вышел из штабного здания. Илэйн и Бергитте последовали за ним через несколько секунд.

— Что такое? — спросила Илэйн мягко.

— Там много ушей, — сказал Мэт.

— Ты подозреваешь, что шпион прямо в командной...?

— Подожди! — Мэт взял ее за руку и повел подальше. Он приветственно кивнул кому-то из

Стражи Последнего Часа, и они заворчали в ответ. Для Стражей Последнего Часа такое поведение могло считаться удивительной разговорчивостью.

— Ты можешь говорить свободно, — сказала Илэйн. — Я только что сплела стража против подслушивания.

— Спасибо, — сказал Мэт. — Я хочу, чтобы ты удалилась из командного штаба. Я скажу тебе, что я делаю. Если что-то пойдет не так, ты должна будешь выбрать нового генерала, хорошо?

— Мэт, — сказала Илэйн. — Если ты думаешь, что там есть шпион...

— Я знаю, что там есть шпион, — сказал Мэт. — И, таким образом, я собираюсь использовать этого приятеля. Это должно сработать. Доверься мне.

— Да, и ты так уверен, что у тебя уже есть запасной план на случай твоего провала.

Он не обратил внимания, кивнув Бергитте. Она осмотрелась вокруг, сложив руки, наблюдая за теми, кто пытается подойти слишком близко.

— Насколько ты хороша в картах, Илэйн? — спросил Мэт.

— В чем? Мэт, сейчас не время для азартных игр.

— Самое время поиграть. Илэйн, ты видишь, насколько нас

превосходят? Ты чувствуешь землю, когда Демандред атакует? Нам повезло, что он не решил Переместиться прямо сюда к командному штабу и атаковать нас, я подозреваю, что он боится, что Ранд прячется где-то здесь, и он попадет в засаду. Но, кровь и проклятый пепел, он силен. Без авантюры мы покойники. Совсем. Погребенные.

Она замолчала.

— Главный фокус в картах в том, — сказал Мэт, подняв палец, — Что они совсем не похожи на кости. Играя в кости, ты рассчитываешь выиграть, как можно больше бросков. Чем больше, тем лучше, все зависит от случая, понимаешь? Но играя в

карты, ты должен подтолкнуть своих соперников делать ставки. Большие ставки. Чтобы добиться этого, ты должен проиграть немного. Или много.

— В нашем положении это не сложно, поскольку мы в меньшинстве и понесли тяжелые потери. Единственный шанс на победу — поставить все на верную карту. В картах ты можешь проиграть девяносто девять партий из ста, зато выиграв последний раз, вернешь свой проигрыш сполна. До тех пор, пока твой соперник играет безрассудно. До тех пор, пока ты можешь вынести потери.

— И это то, что ты делаешь? —

спросила Илэйн. — Притворяешься, что мы проигрываем?

— Нет, кровавый пепел, — сказал Мэт. — Притворяться я не могу. Это он раскусит. Я проигрываю на самом деле, но при этом слежу и жду момента, чтобы сделать последнюю ставку, которая принесет окончательную победу.

— И когда же мы сделаем ход?

— Когда придет верная карта, — сказал Мэт. Он поднял руку, пресекая ее возражения. — Я узнаю, Илэйн, проклятье, я просто это увижу. Вот все, что я могу сказать.

Она положила руки на свой раздувшийся живот. Свет, казалось, он становится больше с каждым

днем.

— Прекрасно. Что ты планируешь для армии Андора?

— Я уже отправил Тэма и его людей вдоль реки на руины, — сказал Мэт. — Что до остальных твоих войск, лучше всего, если вы поможете у брода. Демандред, вероятно, рассчитывает, что троллоки на севере пересекут реку и ударят по нашей обороне ниже по течению, со стороны шайнарцев, тогда как остальные троллоки и шарцы атакуют со стороны Высот, чтобы оттеснить нас от брода и выше по течению.

Они попытаются зажать нас в тиски, окружить, и тогда все будет

кончено. Демандред направил свою силу на Мору, чтобы остановить реку, и, должно быть, скоро преуспеет. Посмотрим, есть ли способ сделать эту работу для нас. Но когда вода уйдет, нам понадобится сильная оборона в том месте, чтобы остановить троллоков, когда они попытаются перейти по руслу. Вот для чего нужны твои войска.

— Мы пойдем, — сказала Илэйн.

— Мы? — пролаяла Бергитте?

— Я еду с моими войсками, — сказала Илэйн, подходя к лошадям.

— Становится все более очевидным, что я не смогу ничего сделать здесь, и Мэт хотел бы, чтобы

я ушла с позиции командующего. Я, будь все проклято, должна идти.

— Сражаться? — сказала Бергитте.

— Мы уже сражаемся, Бергитте, — сказала Илэйн. — Шарские направляющие могут перебросить десять тысяч солдат атаковать Дашарский Выступ, или эту расщелину, в любую минуту. Пойдем. Я обещаю, что позволю тебе взять столько гвардейцев для охраны, что я не смогу чихнуть, не забрызгав десяток из них.

Бергитте вздохнула, и Мэт сочувственно посмотрел на нее. Она кивнула на прощанье и отошла вместе с Илэйн.

"Прекрасно", — подумал Мэт, повернувшись обратно к штабному зданию. Илэйн сделает, что должна, а Талманес дождется его сигнала. Теперь — настоящий вызов.

Сможет ли он уговорить Туон делать то, что он хочет?

Галад вел кавалерию Детей Света в стремительную атаку вдоль Моры, недалеко от руин. Здесь Троллоки навели мосты для переправы. Тел плавало так же много, как и листьев в осеннем пруду — лучники хорошо знали свою работу.

Дети Света вступали в схватку с теми Троллоками, которые в конце

концов смогли переправиться. Галад нагнулся и, крепко держа копьё, пронзил шею громадного Троллока с медвежьей мордой; Галад продолжал двигаться вперед, кровь текла с наконечника копья, Троллок упал позади него на колени.

Он направил Сидаму прямо в гущу Троллоков, сбивая их или заставляя их отскочить в сторону. Сила кавалерийской атаки была в численности, а те, кого Галад вынудил отскочить, могли быть растоптаны лошадьми скачущими за ним.

За его атакой последовали залпы от людей Тэма, которые обстреливали главную массу

троллоков, столпившихся на берегах реки. Те, что были позади, напирали, топча раненых.

Голевер и несколько других Чад присоединились к Галаду и атаковали. Они скакали вдоль переднего ряда троллоков, прорываясь наружу из вражеского строя. Затем он и его люди развернулись и поспешили обратно, собирая небольшие группы воинов, сражавшиеся отдельно друг от друга.

Поле битвы было огромно. У Галада ушел почти час на то, чтобы добраться до всех таких групп, вытащить их из котла и отправить в руины, чтобы Тэм или кто-то из его капитанов могли сформировать из

выживших новые Знамена. Постепенно, по мере того, как несли потери, изначальные формирования смешивались друг с другом. Не одни только наемники теперь были с Чадами. Под командованием Галада были гэалданцы, воины Крылатой Гвардии и пара Стражей, Кнайл и Аликс. Оба потеряли своих Айз Седай. Галад не ожидал, что эти двое продержатся долго, но сражались они с ужасающей яростью.

Отправив в руины очередную группу выживших, Галад перевел Сидаму на медленный шаг, слыша тяжелое дыхание лошади. Поле позади превратилось в проклятое месиво из крови и грязи. Коутон был

прав, оставив Чад здесь. Вероятно, Галад его недооценивал.

— Сколько мы уже сражаемся, ты можешь сказать? — спросил Голевер, скакавший сбоку. Его накидка Детей Света была разорвана, оголив кольчугу. Часть колец на левом боку была рассечена троллочьим мечом. Он держался, но следы крови давали понять, что многие из этих колец прошли сквозь нижнюю стеганую рубаху и вонзились в бок. Но не похоже, что он истекал кровью, так что Галад ничего не сказал.

— Сейчас уже полдень, — предположил Галад, хотя за облаками не было видно солнца. Он был

вполне уверен, что сражаются они уже четыре или пять часов.

— Думаешь, ночью они остановятся? — спросил Голевер.

— Сомневаюсь, — ответил Галад. — Если битва вообще продлится так долго.

Голевер посмотрел на него с тревогой:

— Ты думаешь...

— Я не могу разобраться в происходящем. Коутон направил сюда столько войск, и убрал всех от Высот, насколько я могу судить. Я не знаю, зачем. И вода в реке... тебе не кажется, что ее течение становится порывистым? Выше по течению дела, должно быть, идут плохо, — он

покачал головой. — Вероятно, если бы я мог увидеть большую часть поля битвы, я мог бы понять план Коутона.

Он был солдатом. Солдату не нужно полностью понимать планы боя, чтобы следовать приказам. Однако, обычно Галад, по крайней мере, мог разобраться в стратегии той стороны, на которой сражался, по полученным командам.

— Мог бы ты хотя бы представить себе битву такого масштаба? — спросил Голеввер, повернув голову. Пехота Арганды ударила по троллокам на реке. Все больше и больше отродий Тени переправлялись — Галад с тревогой

понял, что течение реки полностью остановилось.

Отродья Тени получили поддержку за последний час. Бой должен был быть жестоким, но, по крайней мере, у них было численное превосходство даже теперь, после того, столько троллоков было убито. Коутон знал, что река остановится. Вот почему он отправил сюда столько войск — чтобы остановить этот натиск.

"Свет, — подумал Галад. — Сейчас я вижу Игру Домов прямо на поле битвы". Да, он определенно недооценивал Коутона.

Грузило с красной лентой неожиданно упало шагах в двадцати,

ударив в голову дохлого троллока. Высоко вверх закричал ракен, продолжая свой полет. Галад направил Сидаму вперед, и Голевер спешился, чтобы вручить ему послание. Врата были полезны, зато гонцы на раменах могли обзирать все поле боя и высматривать знамена каждого отдельного командира, чтобы доставить ему приказы.

Голевер передал ему бумагу, и Галад достал список шифров, который держал в кожаном кармашке в сапоге. Шифр был прост — список чисел со словами сбоку. Если в приказах нужное слово не сочетается с нужным числом, к ним следует отнестись с подозрением.

"Дамодред, — гласил приказ. — Бери с собой десяток лучших людей из твоей двадцать второй группы, и двигайся с ними к Гавальскому Броду. Остановись, когда увидишь знамена Илэйн и жди там нового приказа.

P.S. Если вдруг встретишь троллоков с палицами, думаю, ты можешь позволить Голеверу сразиться с ними, насколько я знаю, у тебя проблемы с этими типами.

Мэт."

Галад со вздохом показал письмо Голеверу. Шифр подтверждал его подлинность — "двадцать два" сочеталось с "палицей".

— Чего он от нас хочет? —

спросил Голевер.

— Хотел бы я знать, — сказал Галад. Он правда хотел.

— Я соберу людей, — сказал Голевер. — Полагаю, вам нужны Харнеш, Мэллоун, Брокель... — он перечислил всех.

Галад кивнул.

— Хороший выбор. Что ж, не могу сказать, что приказ мне не нравится. Моя сестра, судя по всему, тоже вышла сражаться. Я присмотрю за ней, — кроме того, он надеялся увидеть другую часть поля боя. Возможно, это поможет ему понять, что затевает Коутон.

— Как прикажете, Лорд Капитан-Командор, — сказал

Голевер.

Темный атаковал.

Это была попытка разорвать Ранда, постепенно разрушая его. Темный стремился захватить каждую частицу сущности Ранда, а затем уничтожить ее.

Ранд не мог ни вздохнуть, ни закричать. Нападение осуществлялось не на тело, ведь в этом месте его не было, было лишь воспоминание о нем.

Ранд удерживал себя. С трудом. Перед лицом этой ужасающей атаки любая идея о победе над Темным, или об уничтожении его, пропадала. Ранд не мог победить. Он мог только

не сдаваться.

Это ощущение нельзя было описать. Как будто Темный рвал его на куски, и в то же время пытался уничтожить его полностью, нанося удары со всех сторон одновременно.

Ранд упал на колени. Это была его проекция, но чувства казались настоящими.

Прошла вечность.

Ранд переносил всё это. Сокрушительное давления, шум разрушения. Он выдерживал это, стоя на коленях, сжав непослушные пальцы, пот выступил на его лице. Он терпел всё это, не опуская головы.

— Это все, что ты можешь? —

прорычал Ранд.

Я ОДЕРЖУ ПОБЕДУ.

— Ты сделал меня сильным, — жестко сказал Ранд. — Каждый раз, когда ты, или твои приспешники пытались уничтожить меня, твои промахи закаляли меня как сталь.

— Эта попытка... — Ранд глубоко вздохнул, — это ничто. Я не сломаюсь.

ТЫ ОШИБАЕШЬСЯ. Я НЕ ПЫТАЮСЬ УНИЧТОЖИТЬ ТЕБЯ. ЭТО ПОДГОТОВКА.

— К чему?

Я ПОКАЖУ ТЕБЕ ИСТИНУ.

Части Узора... нити... вдруг переплелись перед Рандом, расщепляя основной поток сотнями

крошечных ручейков. Он знал, что это не Узор на самом деле, не более, чем его тело сейчас. Чтобы представить что-то настолько всеобъемлющее как ткань реальности, его мышлению требовался какой-нибудь привычный образ. Это было то, что выбрало его сознание.

Нити переплетались сравнимо с потоком Единой Силы, только здесь были тысячи их, и цвета были более разнообразными, более живыми. Каждый как туго натянутая струна. Или луч света.

Они появились вместе, сплетенные как полотно, создавая видения вокруг него. Вязкую землю,

запятнанные черным растения,
поникшие деревья с ветвями,
подобными рукам, утратившим силу.

Это стало реальностью.
Заставляя себя встать, Ранд
почувствовал землю под ногами,
запах дыма в воздухе. Он услышал...
стоны скорби. Ранд повернулся и
увидел себя на почти пустом склоне
над темным городом с черными
каменными стенами. Внутри
теснились здания, приземистые и
унылые, как бараки.

— Что это? — прошептал Ранд.
Что-то было знакомым в этом месте.
Он посмотрел вверх, но не смог
увидеть солнце через облака,
закрывшие все небо.

— ТО, ЧТО БУДЕТ.

Ранд потянулся к Единой силе, но отшатнулся в отвращении. Порча вернулась, но она была хуже — гораздо хуже. Там, где когда-то была темная пленка на расплавленном свете саидин, теперь был слой грязи такой большой, что он не мог пробить его. Ему бы пришлось погрузиться в темноту, нырнуть в нее, чтобы поискать Единую Силу под ней, если, конечно, она все еще была там. Простая мысль заставила желчь подняться по горлу, и ему пришлось сражаться с позывом опустошить желудок.

Он двинулся к этой крепости. Почему это место кажется ему

знакомым? Он в Запустении, вид растений это подтверждает. Он мог чувствовать гниль в воздухе, если бы растений было недостаточно. Было душно, как знойным летом в заболоченной глуши, несмотря на облака.

Он спустился с небольшого склона и увидел несколько фигур, работавших поблизости. Мужчины с топорами вырубали деревья. Их было около дюжины. Приближаясь, Ранд огляделся по сторонам и увидел нечто, что было Темным. Это выглядело как дыра на горизонте, поглотившая часть пространства. Напоминание о том, что все то, что Ранд видит сейчас — не реально?

Он прошел мимо пней, оставшихся на месте срубленных деревьев. Люди собирали дрова? В звуках топоров и позах рабочих Ранд не замечал силы, которую следовало ожидать от лесорубов. Удары были вялыми, мужчины работали с опущенными плечами.

Человек слева...

Приблизившись, Ранд узнал его, несмотря на сгорбленную спину и морщины. Свет! Тэму было не меньше семидесяти, а то и восемьдесят. Почему же он занят такой тяжелой работой?

Это — видение, подумал Ранд. Кошмар. Собственное творение Темного. Это нереально.

Находясь внутри этого, Ранду было трудно не реагировать, всё это выглядело реальностью. Так и было, некоторым образом. Создавая это, Темный накладывал тень на нити Узора — вероятности, которые расходились из мироздания, как волны от брошенного в воду камня.

— Отец? — спросил Ранд.

Тэм повернулся, но его глаза не задержались на Ранде.

Ранд взял Тэма за плечо. — Отец!

Тэм мгновение простоял, никак не реагируя, затем вернулся к работе и занес топор. Неподалеку Даннил и Джори корчевали пень. Они тоже были в возрасте — мужчины средних

лет. Даннил, казалось, сильно болен, его лицо было бледным, а кожу покрывали какие-то язвы.

Топор Джори глубоко вонзился в землю, и из-под него потоком хлынули насекомые — топор прорубился в их гнездо.

Рой насекомых побежал вверх по ручке топора и окутал Джори. Тот закричал, отмахиваясь, но когда он раскрыл рот, насекомые проникли внутрь. Ранд слышал о таком — смертельный рой, одна из многочисленных угроз Запустенья. Он протянул руку к Джори, но тот повалился набок; он умер так быстро, что человек за это время успел бы сделать один вдох.

Тэм закричал от ужаса и бросился убегать. Ранд смотрел, как его отец бежит в чащу, спасаясь от роя. Вдруг что-то спрыгнуло на него из ветвей, быстрое, как удар кнутом, и обвилось вокруг шеи Тэма, заставив его остановиться.

— Нет! — крикнул Ранд. Это было не по-настоящему. И все равно он не мог просто смотреть, как умирает его отец. Он потянулся к Источнику сквозь грязную тьму порчи. Казалось, та пытается удушить его, и он потратил мучительно долгое время, пытаясь найти саидин. Когда же это удалось ему, удалось зачерпнуть только жалкую струйку.

И все равно он с криком направил силу, метая огненные стрелы в лиану, схватившую его отца. Тэм упал, пока лианы, корчась в огне, умирали.

Тэм не двигался. Его мертвый взгляд был устремлен вверх.

— Нет! — Ранд обернулся к рою и уничтожил его плетением Огня. Хотя прошли считанные секунды, от Джори остались только кости.

Насекомые лопались с треском, когда он сжигал их.

— Направляющий... — выдохнул Даннил, скорчившийся неподалеку. Его глаза расширились, когда он глядел на Ранда. Другие дровосеки бежали в дикий лес, и

Ранд услышал несколько криков.

Ранд не мог удержаться от рвоты. Порча... была такой ужасной, такой гнилой. Он не мог больше держаться за Источник.

— Пойдем, — сказал Даннил и схватил Ранда за руку. — Пойдем, ты нужен мне.

— Даннил, — прохрипел Ранд, — Ты не узнаешь меня?

— Пойдем, — повторил Даниил, толкая Ранда в сторону крепости.

— Я — Ранд. Ранд, Даниил. Возрожденный Дракон.

В его глазах не промелькнуло и тени узнавания.

— Что он с вами сделал? — прошептал Ранд.

— ОНИ НЕ УЗНАЮТ ТЕБЯ,
МОЙ ВРАГ. Я ИХ ПЕРЕДЕЛАЛ.
ЗДЕСЬ ВСЕ ТЕПЕРЬ МОЕ. ОНИ НЕ
ЗНАЮТ, ЧЕГО ЛИШИЛИСЬ. ИМ НЕ
ДАНО ЗНАТЬ НИЧЕГО, КРОМЕ
МЕНЯ.

— Я отвергаю тебя, —
прошептал Ранд. — Я тебя отвергаю.

— ОТВЕРГАЯ СОЛНЦЕ, ТЫ НЕ
ЗАСТАВИШЬ ЕГО СЕСТЬ.
ОТВЕРГАЯ МЕНЯ, ТЫ НЕ
ПРЕДОТВРАТИШЬ МОЮ ПОБЕДУ.

— Пойдем, — сказал Даниил,
подталкивая Ранда. — Пожалуйста,
ты должен спасти меня!

— Этому конец, — сказал Ранд.

— КОНЕЦ ЭТОМУ? ЭТОМУ НЕ
БУДЕТ ОКОНЧАНИЯ, ВРАГ. ЭТО

ЕСТЬ. Я СОЗДАЛ ЭТО.

— Это то, что ты предположил.

— Пожалуйста, — сказал

Даниил.

Ранд позволил втащить себя в темную крепость.

— Что ты там делал, Даниил? — спросил Ранд. — Зачем вы собирали дрова в Запустении? Это не безопасно.

— Это было нашим наказанием. — прошептал Даниил. — Тех, кто разочаровал наших хозяев, отправляют туда с приказом принести дерево, которое нужно срубить собственными руками. Даже если земля и ветки не убьют тебя, звук ударов топором по

дереву привлекает много других вещей.

Ранд хмурился, пока они шагали по дороге, ведущей к городу и его мрачной крепости. Да, это место было знакомым. Дорога на карьер, удивленно подумал Ранд. И это там, впереди. Крепость возвышалась на месте, где когда-то была Лужайка в центре Эмондова Луга.

Запустение достигло Двуречья.

Облака наверху, казалось, давили на Ранду, и он слышал крики Джона в голове. Он снова увидел Тэма, отбивающегося изо всех сил, пока его душили.

Это не по настоящему

Вот что будет, если Ранд

проиграет. Столько людей зависит от него... так много. Отчасти, он уже потерпел неудачу. Он боролся, чтобы не забыть тех, кто умер, служа ему. Он не смог защитить их, даже если спас других.

Эта атака отличалась от той, которой Темный пытался уничтожить его сущность. Ранд чувствовал, что Темный пытается запустить в него свои щупальца, внушая ему сомнения, тревогу, страх.

Даннил привел его к стенам деревни, где ворота охранялись парой Мурддраалов в их неподвижных плащах. Они скользнули вперед.

— Тебя послали собирать

дрова, — прошипели бледные губы одного из них.

— Я... я привел этого человека! — сказал Даннил, птясь. — Дар нашему господину! Он может направлять. Я нашел его для вас!

Ранд закричал и потянулся к Единой Силе вновь, купаясь в грязи порчи. Он достиг струйки саидин и схватился за нее.

Но силу тут же выбили у него. Щит возник между ним и Источником.

— Это все не по-настоящему, — прошептал он и повернулся посмотреть на того, кто направлял.

Найнив, одетая в черное, прошла

через ворота.

— Дикарь? — спросила она. — Как он мог выжить так долго? Ты хорошо постарался, Даннил. Я дарую тебе жизнь. Не подведи меня вновь.

Даннил, рыдая от радости, проскользнул мимо Найнив в город.

— Это не настоящее, — сказал Ранд, когда Найнив связала его потоками Воздуха, затем поволокла его в фальшивый Эмондов Луг, созданный Темным. Два Мурдраала следовали рядом с ней. Теперь это был большой город. Дома вызывали ощущение, будто он видит мышей, собравшихся вместе в ожидании кота, все одинаковые, серые, однообразные. Люди, толпившиеся в

переулках, опускали глаза.

Люди склонялись перед Найнив, называя ее "Госпожой". Другие называли ее "Избранной". Два Мурдраала следовали через город, как тени. Когда Ранд и Найнив достигли крепости, во внутреннем дворе собралась небольшая группа. Двенадцать человек — Ранд чувствовал, что четверо мужчин в группе удерживают саидин, но среди всех узнал только Дамера Флинна. Женщин он никогда не видел в Двуречье.

Их было тринадцать. И тринадцать Мурддраалов, собравшихся вместе под небом, затянутым облаками. Впервые с тех

пор, как началось видение, Ранд почувствовал страх. Только не это. Что угодно, только не это.

Что, если они его Обратят? Это не было реальностью, но было одной из версий реальности. Отражение мира, созданное Темным. Что будет с Рандом, если они Обратят его здесь. Неужели он будет так легко захвачен?

В панике он начал вырываться из пут Воздуха. Разумеется, это были безнадежные попытки.

— Ты интересный, — сказала Найнив, повернувшись к нему. Она выглядела ни на день не старше, чем тогда, когда он оставил ее в пещере, но были другие различия. Она снова заплела волосы в косу, но ее лицо

теперь было более сухое, более...
резкое. И ее взгляд...

Ее взгляд был совсем
неправильным.

— Как ты выжил здесь? —
спросила она у него. — Как ты
оставался нераскрытым столь долго?

— Я пришел оттуда, где нет
власти Темного.

Наинив рассмеялась:

— Вздор. Детские сказочки.
Великий Повелитель правил всегда.

Ранд видел это. Он был
соединен с Узором, мелькали полу
реальные и скрытые вероятности.
Эта вероятность... это могло
случиться. Это был один из путей,
которым мог пойти мир. Здесь

Темный победил в Последней Битве и разрушил Колесо Времени.

Это позволило ему изменить все, развернуть Узор по-новому. Все живые забыли прошлое, и знали теперь лишь то, что Темный вложил в их головы. Ранд мог прочесть истину, историю этого места, в нитях Узора, которых он касался раньше.

Найнив, Эгвейн, Логайн и Кадсуане теперь стали Отрекшимися, Обращенными к Тени против собственной воли. Морейн казнили за то, что она оказалась слишком слаба.

Илэйн, Мин, Авиенда... Они были отданы на вечные пытки в Шайол Гул.

Этот мир был ожившим кошмаром. Каждый из Отрекшихся правил, как деспот, в собственной малой части мира. Царила вечная осень, а они бросали армии и Повелителей Ужаса и сражались друг с другом. Вечная битва.

Запустение разрослось по всем океанам. Шончан больше не было, их земли были разрушены до такой степени, что только крысы и вороны могли жить там. Всякий, кто мог направлять, был обнаружен в юности и Обращен. Темному не хотелось рисковать тем, что кто-то может вновь вернуть миру надежду.

И никто никогда не сможет.

Ранд закричал, когда тринадцать

начали направлять.

— Это худшее, что есть у тебя? — выкрикнул он.

Они давили своей волей на него. Он чувствовал их, как гвозди, вбиваемые в его череп, терзающие его плоть. Он оттолкнул их всей своей силой, но другие начали давить на него толчками. Каждый такой толчок, как удар топора, пробивался все глубже и глубже.

ИТАК, Я ПОБЕДИЛ.

Неудача болью отозвалась в душе Ранда — осознание того, что все это произошло по его вине. Найнив и Эгвейн Обращены из-за него. Те, кого он любил, стали игрушками для Тени.

Ранд должен был защитить их.
Я ПОБЕДИЛ, СНОВА,

— Ты думаешь, я все еще тот же юнец, которого Ишамаэль так старался напугать? — выкрикнул Ранд, борясь со своим страхом и стыдом.

БИТВА ЗАКОНЧИЛАСЬ.

— Она еще даже не началась! — закричал Ранд.

Реальность вокруг него вновь раскололась, рассеченная лентами света. Лицо Найнив распалось, как кружево, сплетенное из гнилых ниток. Земля рассеялась, и крепость перестала существовать.

Ранд сбросил путы Воздуха, которых никогда здесь не

существовало в действительности. Неустойчивая реальность, созданная Темным, распадалась на части. Нити света вырвались наружу, дрожа, как струны арфы.

Они ждали, когда их сплетут.

Ранд глубоко вздохнул сквозь зубы и посмотрел во тьму позади нитей.

— Я не буду просто сидеть на месте и страдать на этот раз, Шай'тан. Я не буду захвачен твоими кошмарами. Я стал чем-то большим, чем был когда-то.

Ранд поймал нити, вившиеся вокруг него — сотни и сотни их. Это не был ни Огонь, ни Воздух, ни Вода, ни Земля и ни Дух. Это было нечто

гораздо более глубокое, каким-то образом более разнообразное. Каждая была сама по себе, уникальная. Вместо Пяти Стихий, здесь были тысячи.

Ранд собрал их вместе, он держал в руке ткань самого мироздания. Затем он начал сплетать их в другую вероятность.

— Теперь, — сказал Ранд, глубоко дыша, пытаясь изгнать ужас от того, что он видел, — теперь Я покажу ТЕБЕ, что будет.

Брин поклонился.

— Люди на позициях, Мать.

Эгвейн глубоко вздохнула. Мэт отправил силы Белой Башни через

сухое русло реки ниже брода и вокруг западной стороны болот.; настало время для Эгвейн, чтобы присоединиться к ним. Мгновение она колебалась, глядя через Врата на командный пункт Мэта. Эгвейн встретила взглядом через стол с шончанской женщиной, где она властно восседала на своем троне.

"Я с тобой не закончила", подумала Эгвейн.

— Идем, — сказала она, оборачиваясь и давая Юкири знак закрывать Врата в строение Мэта. Она держала са'ангриал Воры в руке, перебирая его пальцами, когда выходила из своей палатки.

Она помедлила, когда кое-что

увидела. Что-то мелкое на земле. Крошечная паутина трещин на камнях. Она наклонилась.

— Их все больше и больше вокруг, Мать, — Сказала Юкири, наклоняясь рядом с ней. — Мы думаем, трещины распространяются, когда направляют Повелители Ужаса. Особенно, если используется Погибельный огонь.

Эгвейн чувствовала их. Хоть они и были похожи на обычные трещины на ощупь, но выглядели уходящими в абсолютное ничто. Тьма, настолько глубокая, что не может быть вызванной тенью от света в обычных трещинах.

Она направила. Все пять стихий,

вместе, исследуя трещины. Да...

Она не была точно уверена, что делала, но только что созданное плетение накрыло трещины как повязка. Тьма исчезла, оставляя только обычные трещины и тонкую пленку кристаллов.

— Интересно, — сказала Юкири. — Что это за плетение?

— Не знаю, — ответила Эгвейн. — Просто почувствовала, что оно было верным. Гавин, ты... — Она затихла.

Гавин.

Эгвейн резко выпрямилась. Она смутно помнила, как он вышел из палатки командования, чтобы подышать свежим воздухом. Когда

это было? Она медленно оборачивалась, пытаясь определить его местоположение. Узы позволяли ей указать направление. Она остановилась, когда определила его.

Она смотрела в направлении русла реки, чуть выше брода, где Мэт разместил силы Илэйн.

О, Свет.

— Что? — Спросила Силвиана.

— Гавин ушел сражаться, — сказала Эгвейн, с усилием сохраняя свой голос спокойным. Самый глупый шерстеголовый болван на свете! Разве не мог подождать час или два, пока ее армии не придут на позиции. Она знала, что он стремился к битве, но он должен

был, по крайней мере, спросить!

Брин тихо простонал.

— Пошлите кого-нибудь за ним, — сказала Эгвейн. Теперь ее голос был холоден и сердит. Она не могла скрыть интонаций. — Похоже, он с армиями Андора.

— Я сделаю это, — сказал Брин, держа одну руку на мече, а другой подзывая конюха. — Мне нельзя доверять командование армиями, но, по крайней мере, это я сделать могу.

— Это имеет смысл. Возьми с собой Юкири. — Сказала она. — Как только найдете моего глупого Стража, Переместите его к западу от трясин.

Брин поклонился, затем

отступил. Суан, колеблясь, наблюдала за ним.

— Можешь пойти с ним, — сказала Эгвейн.

— Это то место, где вы во мне нуждаетесь? — Спросила Суан.

— Вообще то, — Эгвейн понизила голос, — я хочу, чтобы кто-нибудь был рядом с Мэтом и императрицей шончан и стал ушами, которые умеют слышать то, о чем не говорят.

Суан кивнула, выражая одобрение и даже гордость. Эгвейн была Амерлин и она не нуждалась в выказываниях эмоций от Суан, но все же это сняло немного изматывающей ее усталости.

— Ты выглядишь удивленной, — сказала Эгвейн.

— Когда Морейн и я намеревались найти мальчика, — сказала Суан, — То я даже понятия не имела, что Узор пошлет нам также и вас.

— Как твою замену? — Спросила Эгвейн.

— Когда королева в возрасте, — сказала Суан, — Она начинает думать о наследстве. Свет, каждая нормальная хозяйка, вероятно, начинает думать о том же. Будет ли у нее наследник, чтобы перенять то, что она создала? Когда женщина становится мудрее, она понимает, что то, чего она одна может

достигнуть, бледнеет по сравнению с тем, чего можно добиться с помощью ее наследства. Ну, я полагаю, что не могу требовать от вас того же, к чему стремилась я сама, и не совсем рада тому, чего добилась. Но это... успокаивает, зная, что я приложила руку к формированию того, что грядет. И если женщина желала бы наследника, она и мечтать не могла о ком-то белее великом, чем вы. Спасибо вам. Я буду наблюдать за этой шончанской женщиной для вас, может помогу бедной Мин выпутаться из сети рыбы-клыка, в которую она угодила.

Суан двинулась прочь, призывая Юкири создать ей Врата до того, как

та уйдет с Брином. Эгвейн улыбнулась, глядя, как она целует генерала. Суан. Целует мужчину в открытую.

Силвиана направила и Эгвейн забралась в седло Дайшара, как только перед ними открылись Врата. Она обняла Источник, держа са'ангриал Воры перед собой и поскакала сразу за группой гвардейцев Башни. На нее немедленно обрушился запах дыма.

Верховный Капитан Чубейн ждал ее с другой стороны. Темноволосый мужчина всегда поражал ее, так как был слишком молодым для своего назначения, но она полагала, что не все

командующие, как Брин, должны иметь серебринку в волосах. В конце концов, они поручили эту битву кое-кому, кто был лишь немного старше ее, а она была самой молодой Амерлин из когда либо существовавших.

Эгвейн обернулась к Высотам и обнаружила, что едва видела их сквозь огни пожаров на склоне и восточных окраинах трясин.

— Что случилось? — Спросила она.

— Огненные стрелы, — ответил Чубейн, — Которые пускают наши войска у реки. Сначала я подумал, что Коутон рехнулся, но теперь понимаю, чего он добивается. Он

обстреливает троллоков, рассчитывая поджечь поля на Высотах и там, где их лагерь, чтобы дать нам прикрытие. Подлесок там сухой и горючий, как трут. В настоящее время огонь загнал троллоков и шарскую конницу обратно вверх. И я полагаю, что, по плану Коутона, дым скроет наши перемещения возле болот.

Тень знала бы, что здесь кто-то перемещается, но сколько войск и в каком составе... они должны будут больше полагаться на разведчиков, а не на их подавляющее преимущество на вершине Высот.

— Какие будут приказы? —
Сказал Чубейн.

— Он вам не говорил? —
Спросила Эгвейн.

Он покачал головой.

— Он просто разместил нас
здесь.

— Мы продолжим движение по
западной стороне трясин и зайдем к
Шарцам сзади, — сказала она.

Чубейн проворчал.

— Это слишком раздробит наши
силы. А теперь он штурмует Высоты
после того, как отказался от них?

У нее не было ответа. Ну, по
сути, у нее был один — назначить
Мэта ответственным. Она снова
бросила взгляд через трясины туда,
где ощущала Гавина. Он сражался
будто бы в...

Эгвейн колебалась. Ее предыдущее ощущение Гавина определило его местонахождение как на реке, но после перемещения через Врата, она лучше определила направление к нему. Он не был на реке с армиями Илэйн.

Гавин был на самих Высотах, где Тень держалась наиболее прочно.

"О, Свет!", подумала она. "Гавин... Что ты творишь?"

Гавин шагал сквозь дым. Черные усики дыма вились вокруг него, а от жара тлеющей травы было горячо ногам, но огонь уже почти выгорел здесь, на вершине Высот, оставив темную от пепла землю.

Почерневшие тела и обломки драконов лежали подобно кучам золы и угля. Гавин знал, что иногда, чтобы возобновить поля, фермеры сжигают сорняки, оставшиеся с прошлого года. Теперь горел сам мир. Когда он скользил сквозь завихрения черного дыма, повязав на лицо смоченный платок, то молился о возобновлении.

По всей земле стелилась паутина трещин. Тень разрушала эту землю.

Большинство Троллоков собралось на Высотах, оглядывая Брод Хавал, хотя некоторые занимались тем, что подтягивали тела со склона. Возможно, они были

привлечены запахом горящей плоти. Мурддраал появился из дыма и начал их ругать на языке, который Гавин не понимал. Тот начал стегать кнутом по спинам Троллоков.

Гавин застыл на месте, но Получеловек не замечал его. Он вел отбившихся Троллоков туда, где собрались остальные. Гавин ждал, спокойно дыша через платок, чувствуя, как тени Кровавых Ножей обвивают его. Три кольца делали свое дело. Он чувствовал себя опрометчивым, а его конечности двигались слишком быстро, когда он ступал. Это заняло время, чтобы привыкнуть к изменениям, сохранять баланс при каждом движении.

Волкообразный Троллок поднялся из-за ближайшей кучи щебня и нюхал воздух, выслеживая Исчезающего. Затем Троллок выполз из своего укрытия с трупом, переброшенным через его плечо. Он прошел мимо не более чем в пяти футах от Гавина, где остановился и снова понюхал воздух. Затем, горбясь, двинулся дальше. За телом, которое он нес, волочился плащ Стража. Бедный Саймон. Он больше никогда не сыграет в карты. Гавин тихо прорычал и до того, как смог бы себя остановить, прыгнул вперед. Он двинулся в Поцелуе Змеи, крутанулся и отсек голову Троллока с плеч.

Тело рухнуло на землю. Гавин

стоял с вытащенным мечом, затем проклял себя, присел и попятился в дым. Он замаскировал бы его запах, а скручивающаяся чернота — его смазанный силуэт. Дурак, рисковать выдать себя, чтобы убить одного Троллока. В любом случае труп Саймона окажется в котле. Гавин не мог убить целую армию. Он был здесь только из-за одного человека.

Гавин присел, ожидая, чтобы понять, было ли его нападение замечено. Возможно, они были не в состоянии видеть его, он не был уверен, насколько хорошо кольца скрадывали его, но любой наблюдающий мог заметить падение Троллока.

Никто не поднял тревоги. Гавин поднялся и продолжил движение. Только потом он заметил, что на его пальцах проглядывалось красное среди черноты то пепла. Он обжог их. Боль была отдаленная. Кольца. Ему было трудно мыслить ясно, но, к счастью, это не уменьшало его способности сражаться. В любом случае сейчас его инстинкты были более сильными.

Демандред. Где Демандред? Гавин пробежался туда сюда по вершине Высот. Коутон разместил войска у реки недалеко от брода, но дым лишал возможности рассмотреть, из кого состояли войска. На другой стороне

Порубежники были заняты конницей Шарцев. Все же здесь на вершине было мирно, несмотря на присутствие Отродий Тени и Шарцев. Теперь Гавин полз вдоль задних линий Отродий, придерживаясь более заросших участков помертвевшего леса и сорняков. Никто, казалось, не замечал его. Здесь были тени и они служили ему защитой. Далеко внизу в проходе между Высотами и трясиной пожары стихали. Казалось, слишком быстро, чтобы угаснуть самим по себе. Направляющие?

Он намеревался найти Демандреда, ориентируясь преимущественно на атаки мужчины,

но если он просто направлял, чтобы погасить пожары, то...

Армия Тени пришла в движение, устремившись вниз по склону к Броду Хавал. Хотя Шарцы оставались позади, большая часть Троллоков двигалась. Они, очевидно, намеревались прорваться через теперь уже пересохшее русло реки и обрушиться на армию Коутона.

Если Коутон хотел, чтобы все силы Демандреда покинули Высоты, то он потерпел неудачу. Многие Шарцы остались позади; пехота и кавалерия спокойно наблюдали, как Троллоки громыхали навстречу битве.

Взрывы загрели вдоль по

склону, подбрасывая Троллоков в воздух как пыль из выколачиваемого коврика. Гавин помедлив, присел. Драконы, несколько рабочих. Мэт расположил их где-то за рекой; было трудно видеть точное расположение из-за дыма. По звуку их было около пол дюжины, но ущерб, который они нанесли, был огромен, особенно, если учитывать расстояние.

Шар красного цвета был выпущен поблизости с вершины Высот по направлению к дыму драконов. Гавин улыбнулся. Благодарю вас. Он опустил руку на меч. Пора проверить, насколько хорошо работали эти кольца.

Он ринулся, пригнувшись и

быстро, из укрытия. Большинство Троллоков спускались вниз по склону к сухому руслу реки. Арбалетные болты и стрелы сыпались на них, а следующий залп драконов прибыл не много из другого места. Коутон перемещал драконов и Демандред испытывал затруднения с определением их точного расположения.

Гавин бежал между воющими Отродьями Тени. Земля содрогалась позади от ударов как бьющееся сердце. Дым вился вокруг него, вызывая удушье. Его руки были черны и он полагал, что и лицо тоже. Он надеялся, что это поможет ему оставаться скрытым.

Троллоки оборачивались, визжа или ворча, но никто не смотрел прямо на него. Они знали, что-то проскочило мимо, но для них он был просто расплывчатым пятном.

Гнев Эгвейн проникал через узы. Гавин улыбнулся. Он и не ожидал, что она будет радоваться. Когда он бежал, стрелы вонзались в землю вокруг него, но он был спокоен в своем выборе. Возможно, прежний, он сделал бы это из заносчивости, что у него есть шанс сойтись в бою с Демандредом.

Теперь его сердце ему не принадлежало. В его сердце нуждались. Кто-то должен был бороться с этим существом, кто-то

должен был убить его или они проиграют в этой битве. Они все смогут это понять. Нельзя рисковать Эгвейн или Логайном в этой очень большой игре.

Гавину можно было рискнуть. Никто не послал бы его, чтобы сделать это, никто и не посмел бы, но это было необходимо. У него был шанс изменить то, что действительно имело значение. Он делал это для Андора, для Эгвейн, для самого мира.

Демандред впереди продолжал кричать о вызове на поединок. "Пришлите мне Ал'Тора, а не этих так называемых драконов!" Очередная вспышка огня вылетела от

него.

Гавин прошел мимо Троллоков и был теперь позади большой группы шаранцев со странными луками, почти такими же большими как двуреченские. Они окружали всадника в броне из переплетенных монет, связанных через отверстия по центру, с воротником и наручами. Забрало на его грозном шлеме было открыто. Это гордое лицо, привлекательное и властное, было известно Гавину.

Нужно поторопиться, подумал Гавин. И Свет, лучше не дать ему возможности направлять.

Шаранские лучники были в полной боевой готовности, но только

двое из них повернулись, когда Гавин проскользнул между ними. Он вытащил нож из ременной петли. Гавин должен стащить Демандреда с лошади, а затем использовать нож лицом к лицу. Выглядит как атака труса, но это был наилучший выбор. Скинуть его, и Гавин сможет...

Демандред неожиданно повернулся и посмотрел на него. Секундой позже всадник протянул руку вперед, и тонкий луч раскаленного добела огня выстрелил в Гавина.

Гавин отпрыгнул в сторону и луч прошел мимо. Рядом по земле пошли трещины. Глубокие, черные трещины, казалось, ведущие в

бесконечность.

Гавин прыгнул вперед, прорезая седло Демандреда. Такая скорость. Эти кольца позволяли ему действовать, пока Демандред все ещё был в замешательстве.

Седло развалилось, и Гавин задел ножом лошадь. Она закричала и встала на дыбы, сбрасывая Демандреда.

Гавин вскочил с окровавленным ножом, лошадь понеслась дальше и шаранские лучники закричали. Он навис над Демандредом с ножом, поднятым обеими руками.

Тело Отрекшегося внезапно дернулось, и его оттолкнуло в сторону. Воздух над почерневшей

землей взорвался, подняв хлопья пепла, когда плетение Воздуха подхватило Демандред и развернуло его, поднимая на ноги со звоном. Меч был обнажен. Отрекшийся пригнулся и высвободил еще одно плетение — Гавин почувствовал, как воздух вокруг него сплетается в нити, которые пытаются опутать его. Но он двигался слишком быстро, и похоже, Демандред не мог поразить его из-за этих колец.

Гавин отскочил назад, взяв нож в левую руку, и обнажил свой меч.

— Так, — сказал Демандред, — Убийца. А Льюс Терин всегда говорил о "чести" встретить человека лицом к лицу.

— Дракон Возрожденный не посылал меня. -

— Это притом, что тебя окутала Ночная Тень, плетение, которое неизвестно никому из этой Эпохи? Сознаешь ли ты, что-то, что сделал Льюс Тэрин, выпивает твою жизнь. Ты уже мертв, ничтожество.

— Тогда ты присоединишься ко мне в могиле, — сказал Гавин.

Удерживая меч обеими руками, Демандред встал в незнакомую боевую стойку. Похоже, несмотря на кольца, он мог как-то следить за Гавином, но отвечал гораздо медленнее, чем следовало ожидать.

Цветки яблони на ветру, три быстрых удара, вынудили

Демандред отступить. Несколько шарских воинов поспешили на подмогу с мечами наголо, но Отрекшийся поднял руку в перчатке, велел им отойти. Он не улыбнулся Гавину — этот человек выглядел так, словно вовсе не способен улыбаться — но выполнил нечто вроде Молнии С Тремя Зубцами. Гавин ответил Вепрем, Мчащимся с Горы.

Демандред был хорош. С ловкостью, данной ему кольцами, Гавин едва избежал удара Отрекшегося. Они танцевали внутри небольшого круга голой земли, охраняемого шарцами. Вдалеке громыхало, и железные шары ударяли в склоны холма, сотрясая

землю. Осталось всего несколько драконов, способных стрелять, но, похоже, их огонь сосредоточили на этом месте.

Гавин хмыкнул, бросившись в Буре, Раскачивающей Ветку, пытаясь втолкнуть внутрь охранников Демандред. Он должен сблизиться, чтобы попасть своим??мечом в подмышечную впадину или между швами брони из монет.

Демандред ответил с мастерством и изяществом. Гавин вскоре взмок под своей кольчугой. Он чувствовал, что был сейчас быстрее, чем когда-либо, его реакции были не хуже стремительных движений колибри. Тем не менее, попытки, что

он это делал, не могли достичь цели.

— Кто ты, малец? — прорычал Демандред, отходя назад, с поднятым сбоку мечом. — Ты хорошо сражаешься.

— Гавин Траканд.

— Брат маленькой королевы, — сказал Демандред. — Ты понимаешь кто я.

— Убийца.

— А разве Дракон не убивал? — ответил Демандред, — Разве твоя сестра не убивала, чтобы сохранить, а точнее — захватить, свой трон?

— Это другое.

— Все так говорят. — Демандред шагнул вперед. Плавная линия клинка, царственная осанка, а

двигался он свободно и быстро, словно танцуя. Он был мастером клинка. Гавин никогда не слышал о том, что Демандред был искусным фехтовальщиком, но он был лучшим из всех, с кем Гавин когда-либо сталкивался. Действительно лучшим.

Гавин исполнил "Кота, танцующего на стене", красивый, размашистый удар, схожий с ударами Демандреда. Затем он перевел его в "Танец змеиного языка", в надежде на то, что первый прием обманет противника и позволит обойти его защиту.

Что-то ударило Гавина, сбив его с ног. Он перекатился и вскочил с земли. Дышать было трудно. Из-за

колец он не ощущал боли, но, вероятно, ребро было сломано.

"Это камень, — понял Гавин. — Он при помощи Силы подхватил камень и кинул в меня". Демандреду трудно было поразить Гавина плетениями Силы из-за теней, но что-то тяжелое можно было бросить в тень и ударить его.

— Ты жульничаешь, — насмешливо сказал Гавин.

— Жульничаю? — переспросил Демандред. — А разве есть правила, маленький мечник? Я припоминаю, только что ты пытался ударить меня в спину, скрываясь в тени.

Гавин делал вдохи и выдохи, держась за бок. Железное ядро

дракона ударило в землю совсем неподалеку и взорвалось. Взрыв разорвал на куски нескольких шаранцев, и их тела прикрыли Гавина и Демандреда от огня. Земля посыпалась вниз дождем, как вода прибоя с палубы корабля. По меньшей мере один дракон все еще был боеспособен.

— Ты назвал меня убийцей, — сказал Демандред, — И это правда. Но также я твой спаситель, хочешь ты того или нет.

— Ты сумасшедший.

— Едва ли, — обойдя вокруг него, Демандред рассек воздух несколькими взмахами меча. — Человек, за которым ты следуешь,

Льюс Тэрин Теламон — он безумен. Он думает, что сможет одолеть Великого Повелителя. Он не сможет. Это просто факт.

— Вместо этого, ты хочешь, чтобы мы примкнули к Тени?

— Да, — взгляд Демандреда был холоден. — Если я убью Льюса Тэрина, после победы я буду вознагражден правом переделать этот мир по собственному желанию. Великому Повелителю нет дела до власти. Единственный способ защитить этот мир — разрушить его, а затем укрыть его народ. Это ли не то же самое, что, как утверждает ваш Дракон, он может сделать?

— Почему ты называешь его

"моим" Драконом? — сказал Гавин и сплюнул кровью в сторону. Кольца... они толкали его вперед. Его конечности пульсировали от силы, энергии. Сражайся! Убивай!

— Ты следуешь за ним, — сказал Демандред.

— Нет!

— Лжешь, — сказал Демандред. — Или, возможно, тебя просто одурачили. Я знаю, что Льюс Тэрин возглавляет эту армию. Сначала я не был уверен, но не теперь. Это плетение вокруг тебя — само по себе доказательство, но есть и более весомое. Ни один смертный полководец не может обладать мастерством, которое я увидел

сегодня; я встретился на поле боя с истинным мастером. Возможно, Льюс Тэрин носит Маску Зеркал, или, допустим, управляет армией, при помощи Единой Силы отправляя приказы этому Коутону. Неважно, я вижу правду. Сегодня я играю в кости с самим Льюсом Тэрином.

— Я всегда был лучшим полководцем, и докажу это здесь. Ты мог бы сказать это Льюсу Тэрину, но ты не проживешь достаточно долго, маленький мечник. Приготовься, — Демандред поднял меч.

Гавин встал, отбросив нож и удерживая меч обеими руками. Демандред скользнул к нему, используя приемы, отличные от тех,

которым учили Гавина. Впрочем, они все равно были достаточно узнаваемы, чтобы отвечать, но несмотря на всю его быстроту, Демандред вновь и вновь перехватывал его клинок, так, что тот уходил вбок, не причиняя вреда.

Но Отрекшийся не наносил удара. Он едва двигался, удерживая меч двумя руками, и отклонял в сторону все атаки Гавина. Голубь в полете, Падающий лист, Ласки Леопарда. Гавин рычал сквозь стиснутые зубы. Колец должно было хватить для победы. Почему их оказалось недостаточно?!

Гавин отступил на шаг, затем уклонился от еще одного камня,

метнувшегося в него. Камень прошел мимо в считанных дюймах. Благодарение Свету за эти кольца, подумал он.

— Ты сражаешься с умением, — сказал Демандред, — Для кого-то из этой Эпохи. Но ты все ещё владеешь мечом, малец.

— А что еще мне остается делать?

— Стань мечом, — сказал Демандред, как будто сбитый с толку от того, что Гавин не мог этого понять.

Гавин зарычал и набросился на Демандреда градом ударов. Гавин все ещё был ускорен. Демандред не нападал, он защищался, хотя и не

отступал. Он просто стоял, отражая каждый удар.

Демандред закрыл глаза. Гавин улыбнулся, затем нанёс колющий Последний Удар Чёрного Копья.

Меч Демандреда стал размытым.

Что-то ударило Гавина. Он задохнулся, останавливаясь. Качнувшись, упав на колени и глядя вниз, он увидел дыру в своем животе. Демандред пронзил его прямо через броню, затем вытащил клинок одним текучим движением.

"Почему я ничего не... почему я ничего не чувствую?"

— Если ты переживешь это и увидишь Льюса Терина, — сказал

Демандред, — Передай ему, что я очень рассчитываю на поединок между нами двумя, меч против меча. Я стал лучше с тех пор, как мы встречались с ним в последний раз.

Демандред взмахнул мечом и поймал клинок между большим и указательным пальцем. Он провел ими по оружию, очищая сталь от крови и роняя её на землю.

Меч скользнул в ножны. Демандред покачал головой, затем выпустил шар огня в дракона, ведущего обстрел.

Стало тихо. Демандред зашагал вдоль крутого берега реки, шаранская охрана окружила его. Ошеломленный, Гавин рухнул на

землю, выплескивая свою жизнь на сожженную траву. Кровь лилась сквозь трясущиеся пальцы, которые пытались удержать её.

Каким-то образом Гавин смог поднять себя на колени. Его сердце рыдало, ему нужно вернуться к Эгвейн. Когда он начал ползти, кровь, вытекавшая из раны, смешивалась с землей. Покрытый холодным потом, он заметил привязанных, ворошащих почерневшую траву, кавалерийских лошадей примерно в двадцати шагах перед собой. После минут борьбы, невозможный промежуток времени, изнуливший его, Гавин забрался на первую лошадь, которую смог найти

и отвязать. Сгорбившись, в полубессознательном состоянии он цеплялся за гриву одной рукой. Собирая оставшиеся силы, Гавин ударил каблуком в ребра животного.

— Миледи, — обратился к Фэйли Мандеввин. — Этих двоих я знал годы! Они не без темных пятен в прошлом, никто из тех, кто приходит в Отряд, не лишен этого. Но, Свет свидетель, они не Друзья Темного!

Фэйли молча ела свой полуденный паек, слушая возражения Мандеввина со всем терпением, которое могла собрать в себе. Ей бы хотелось, чтобы Перрин был здесь, чтобы у нее был хороший аргумент.

Она чувствовала себя так, словно вот-вот лопнет от давления.

Они были близки к Такандару, ужасно близки. Черное небо разрывали молнии, и уже дни напролет они не видели вокруг ни одного живого существа, опасного или нет. Не видели они также Ванина или Гарнана, хотя Фэйли каждую ночь ставила удвоенную стражу. Слуги Темного так просто не сдадутся.

Теперь она держала Рог в большой сумке, привязанной к запястью. Другие знали об этом и разрывались между гордостью за дело, которое было им поручено, и ужасом от осознания его важности.

По крайней мере, теперь она могла разделить все это с ними.

— Миледи, — сказал Мандеввин, преклонив колени. — Ванин где-то здесь неподалеку. Он очень хороший разведчик, лучший в Отряде. Мы не увидим его, пока он сам того не захочет, но я могу поклясться, что он следует за нами. Возможно, если я попытаюсь обратиться к нему, попрошу его рассказать, в чем дело, мы сможем в этом разобраться.

— Я подумаю над этим, Мандеввин, — сказала Фэйли.

Он кивнул. Одноглазый мужчина был хорошим командиром, но воображения у него не больше, чем у

кирпича. Простые люди видят и в других только простоту, и он не мог представить, что кто-то вроде Ванина или Гарнана служил отряду так долго — служил усердно, вне всяких сомнений, чтобы избежать подозрений — только затем, чтобы теперь сделать нечто ужасное.

По крайней мере, теперь она знала, что тревожилась не без причин. Ужас в глазах Ванина, когда она застала его на месте преступления, сам по себе был достаточным доказательством, если недостаточно было увидеть его с Рогом в руках. Она не ожидала двух Друзей Темного, и они обхитрили ее. Однако и они недооценили

опасностей Запустения. Ей страшно было подумать о том, что случилось бы, если бы они не привлекли внимание той медведеподобной твари. Фэйли так и сидела бы в своей палатке, ожидая воров, которые уже скрылись с одним из могущественных артефактов в мире.

Гром гремел в небе. Темный пик Шайол Гул поднимался впереди, возвышаясь над долиной Такандара в окружении меньших гор. Воздух казался холодным, почти как зимой. Добраться до этого пика будет непросто, но, так или иначе, она сделает это, чтобы доставить этот Рог силам Света в Последней Битве. Она положила пальцы на мешок

сбоку, чувствуя металл внутри.

Рядом Олвер прыгал по безжизненным серым камням Проклятых Земель. Он носил на поясе нож, как меч. Наверное, не стоило ей приводить его сюда. Хотя, с другой стороны, мальчишки его возраста в Порубежье учатся передавать послания и проносить пищу в осажденные крепости. Они не сопровождают войска и не получают никаких назначений, по меньшей мере, до двенадцати лет, но их обучение начинается гораздо раньше.

— Миледи?

Фэйли посмотрела на Селанду и Ареллу, которые приблизились к ней.

Фэйли назначила Селанду старшей над разведчиками после того, как Ванин выдал себя. Невысокая бледнокожая женщина меньше напоминала Айил, чем большинство прочих в Ча Фэйли. Но ее выручала манера держать себя.

— Да?

— Движение, миледи, — тихо сказала Селанда.

— Что? — Фэйли встала. — Какого рода движение?

— Что-то вроде каравана.

— В Проклятых Землях? — спросила Фэйли. — Покажи.

Это был не просто караван. Тут была настоящая деревня. Фэйли могла рассмотреть ее через

подзорную трубу, хотя только размытые темные силуэты выдавали здания. Деревня, возведенная на холмах возле Такандара. Свет!

Фэйли опустила подзорную трубу туда, где караван двигался по унылой местности, направляясь к базе снабжения, расположенной на значительном удалении от деревни.

— Они делают тоже, что и мы, — прошептала она.

— Что это, миледи? — Арелла лежала на животе сбоку от Фэйли. Мандеввин был с другой стороны, он наблюдал за происходящим в собственную подзорную трубу.

— Это центральная база обеспечения, — пояснила Фэйли,

осматривая составленные в горы ящики и пучки стрел. — Отродья тени не могут пройти через врата, но их припасы — могут. Им не нужно тащить за собой обозы с оружием и стрелами. Вместо этого они собирают все необходимое здесь, а потом отсылают на поле боя, туда, куда потребуется.

Действительно, внизу возникла полоса света — открылись врата. Большая группа неопрятного вида людей прошла сквозь них с мешками на спинах, за ними — дюжина или больше толкали небольшие повозки.

— Куда бы ни отправляли все это, битва будет неподалеку, — медленно сказала Фэйли. — В этих

повозках стрелы, но не еда, а троллоки утаскивают трупы, чтобы жрать их по ночам.

— Так если мы проскользнем через одни из этих врат, — сказал Мандеввин.

Арелла фыркнула, как будто это предложение было шуткой. Она посмотрела на Фэйли, и ухмылка сползла с ее губ.

— Вы это серьезно. Вы оба.

— Мы все еще далеко от Такандара, — сказала Фэйли. — И эта деревня преграждает нам путь. Возможно, пройти сквозь врата будет проще, чем пытаться пересечь долину.

— Но мы окажемся позади

вражеских боевых порядков!

— А мы уже позади низ, — мрачно сказала Фэйли. — Так что ничего не изменится.

Арелла умолкла.

— Это будет проблемой, — тихо проговорил Мандеввин, глядя в подзорную трубу. — Посмотрите на парней, который идут к лагерю от деревни.

Фэйли снова подняла собственную подзорную трубу.

— Айил? — прошептала она. — Свет! Шайдо примкнули к силам Темного?

— Даже эти псы Шайдо не осмелились бы, — сказала Арелла и плюнула в сторону.

Новоприбывшие выглядели иначе. Они подняли свои вуали, словно готовы были убивать, но вуали были красного цвета. В любом случае, почти невозможно прокрасться мимо айильцев. Вероятно, только то, что ее группа держалась так далеко, спасло их от обнаружения. Это, и еще то, что никто не мог ожидать увидеть их здесь.

— Назад, — сказала Фейли, спускаясь вниз по склону. — Мы должны придумать какой-нибудь план.

Перрин проснулся, ощущая, как будто его бросили в озеро зимой. Он

ловил ртом воздух.

— Ляг назад, дурак, — сказала Жанан, положив руку на его плечо. Седовласая Хранительница Мудрости выглядела не менее измученной, чем он сам.

Он был на чем-то мягком. Слишком мягком. Хорошая кровать, чистые простыни. За окном, волны мягко разбивались о берег и кричали чайки. Он слышал также стоны, доносившиеся откуда-то неподалеку.

— Где я? — спросил Перрин.

— В моем дворце, — сказала Берелейн. Она стояла около дверного проема, но он её не заметил раньше. Первенствующая одела свою диадему, ястреба в полете, и была в

малиновом платье с желтой отделкой. Убранство комнаты было богатым, с золотом и бронзой на зеркалах, окнах и столбиках кровати.

— Я могла бы добавить, — сказала Берелейн, — Что эта ситуация несколько знакома мне, Лорд Айбара. Я приняла меры предосторожности на этот раз, если Вам это будет интересно.

Меры предосторожности? Перрин понюхал воздух. Уно? Он мог почуять мужчину. Действительно, Берелейн кивнула в сторону, и Перрин, повернувшись, увидел Уно, сидящего в кресле рядом, его рука была на перевязи.

— Уно! Что случилось с

тобой? — спросил Перрин.

— Проклятые троллоки случились со мной, — проворчал Уно. — Ожидаю своей очереди на Исцеление.

— Те, чьи раны опасны для жизни, Исцеляются в первую очередь, — сказала Жанин. Она была самой опытной в Исцелении из Хранительниц Мудрости, и она, видимо, решила остаться с Айз Седай и Берелейн. — Ты, Перрин Айбара, был Исцелен до точки выживания. Лишь только до точки выживания. До этого момента не было времени, чтобы мы могли позаботиться о ранах, которые не угрожают твоей жизни.

— Подожди! — сказал Перрин. Он попытался сесть. Свет, он валился с ног. — Как долго я здесь?

— Десять часов, — сказала Берелейн.

— Десять часов! Я должен идти. Битва...

— Битва продолжится без тебя, — сказала Берелейн. — Мне очень жаль.

Перрин тихо зарычал. Он так устал.

— Морейн знала способ, как снять усталость с человека. Вы знаете его, Жанин?

— Я бы не сделала этого для тебя, даже если бы знала, как, — сказала Жанин. — Ты должен

поспать, Перрин Айбара. Твое участие в Последней Битве закончено.

Перрин стиснул зубы, затем попытался встать.

— Сделай только шаг от своей кровати, — сказала Жанин, смотря на него, — И я свяжу тебя потоками воздуха и оставлю здесь висеть на несколько часов.

Первая мысль Перрина была — переместиться отсюда. Он начал формировать в своих мыслях образ места и почувствовал себя дураком. Он как-то вернулся в реальный мир. Он не может перемещаться здесь. Он был беспомощен, как ребенок.

Он разочарованно откинулся на

спинку кровати.

— Радуйся, Перрин, — тихо сказала Берелейн. — Ты должен был умереть. Как ты попал на то поле боя? Если бы Харал Лухан и его люди не нашли тебя там...

Перрин покачал головой. То, что он делал, невозможно было объяснить никому, кто не знал, что такое волчий сон.

— Что случилось, Берелейн? Война? Наши армии?

Она поджала губы.

— Я могу чувствовать запах правды, — сказал Перрин. — Тревога и беспокойство, — он вздохнул. — Я видел, куда переместилась битва. Если двуреченцы тоже на Поле

Меррилор, все три наши армии оттеснены в одно место. Все, кроме той, что у Такандара.

— Мы не знаем, как обстоят дела у Лорда Дракона, — тихо сказала она, усевшись на стул возле постели. У стены Джанира взяла за руку Уно. Он задрожал, когда волна Исцеления прокатилась по его телу.

— Ранд еще сражается, — сказал Перрин.

— Слишком много времени прошло, — ответила она. Что-то она недоговаривала, было нечто, что она обходила стороной. Он мог чувствовать это в ее запахе.

— Ранд еще сражается, — повторил Перрин. — Если бы он

проиграл, нас бы здесь уже не было. — Он откинулся назад, чувствуя, что выжат до предела. Свет! Не мог же он просто лежать, пока люди умирали, правда? — В Скважине время течет иначе. Я там был и убедился лично. Тут прошло много дней, но я уверен, что для Ранда прошло не больше одного дня. А то и меньше.

— Это хорошо. Я передам твои слова прочим.

— Берелейн, — сказал Перрин. — Мне нужно, чтобы ты сделала кое-что для меня. Я отправил Илайаса с посланием нашим армиям, но не знаю — доставил ли он его. Грендаль воздействует на разум

наших Великих Генералов. Можешь ли ты узнать, дошло ли предупреждение?

— Дошло, — сказала она. — Почти опоздало, но дошло. Ты хорошо справился. Теперь спи, Перрин, — она встала.

— Берелейн? — спросил он.

Она обернулась к нему.

— Фэйли, — сказал он. — Что с Фэйли?

Ее тревога стала сильнее. Нет.

— Ее обоз был уничтожен пузырем зла, Перрин, — тихо сказала Берелейн. — Мне жаль.

— Ее тело нашли? — заставил он себя задать вопрос.

— Нет.

— Значит, она еще жива.

— Это...

— Она еще жива? — надавил Перрин. Он должен быть уверен, что это правда. Если не будет...

— Надежда, конечно, есть, — сказала она, затем подошла к Уно, который сгибал свою Исцеленную руку, и кивком велела ему следовать за собой, когда покинула комнату. Джанина возилась у умывальника. Перрин все еще мог слышать стоны снаружи, и пахло здесь целебными травами и болью.

"Свет, — подумал он. — Караван Фэйли вез Рог. Неужели Тень похитила его?"

И Гаул. Он должен вернуться к

Гаулу. Он оставил его в волчьем сне, защищать Ранда. Если судить по истощению самого Перрина, Гаул долго не продержится.

Перрин чувствовал себя так, словно мог бы проспать недели. Джанина вернулась к его постели и покачала головой.

— Не стоит тебе пытаться заставить себя не закрывать глаза, Перрин Айбара.

— Мне еще слишком многое нужно сделать, Джанина. Пожалуйста. Я должен вернуться в бой и...

— Ты останешься здесь, Перрин Айбара. В таком состоянии от тебя никому не будет пользы, и ты не

заработаешь джи, пытаюсь доказать обратное. Если кузнец, который принес тебя сюда, узнает, что я позволила тебе уйти и умереть на поле боя, думаю, он вернется, чтобы повесить меня снаружи окна за пятки. — она заколебалась. — И, думаю, он сможет это сделать.

— Мастер Лухан, — сказал Перрин, с трудом вспоминая последний момент перед тем, как потерял сознание. — Он там был. Он нашел меня?

— Он спас тебе жизнь, — сказала Джанина. — Этот человек взвалил тебя на спину и бегом донес до Айз Седай, чтобы унести через ворота. Когда он прибыл, тебя от

смерти отделяли секунды. С учетом твоих размеров, просто поднять тебя — уже заслуга.

— Мне не нужно спать, — сказал Перрин, чувствуя, как слипаются глаза. — Мне нужно... Нужно взять...

— Уверена, нужно, — сказала Джанина.

Перрин позволил себе закрыть глаза. Это должно убедить ее, что он собирается сделать так, как она велит. Затем, когда она уйдет, он может встать.

— Уверена, нужно, — повторила Джанина; по какой-то причине ее голос звучал все тише.

"Сон, — подумал он. — Я

засыпаю". Снова он увидел перед собой три пути. На этот раз один вел в обычный сон, другой — в волчий сон, пока спит его тело, этот путь он выбирал обычно.

А между ними — третий путь. Волчий сон во плоти.

Это было сильное искушение, но в данный момент он предпочел не идти этим путем. Он выбрал обычный сон, так как понимал, что без этого его тело умрет.

После их полета с Высот Андрол лежал, задыхаясь и глядя в небо где-то далеко от поля боя.

Эта атака... она была такой мощной.

"Что это было?" послал он Певаре.

Это был не Таим, она ответила, вставая и отряхивая юбку. Я думаю, что это был Демандред.

Я намеренно переместила нас подальше от того места, где он дрался.

Да. И как это он смеет приходить и мешать группе направляющих, атакующих его войска?

Андрол сел, застонав. Ты знаешь, Певара, ты необычно смышленная, для Айз Седай.

Он был удивлен её изумлению. Ты не знаешь Айз Седай так хорошо как ты думаешь. Она подошла чтобы

проверить ранение Эмарина.

Андрол сделал глубокий вдох, наполнившись запахами осени. Опавшими листьями. Застоявшейся воды. Осени, которая пришла слишком рано. Этот склон холма спускался в долину, где, бросив вызов тому, что творилось сейчас в мире, кто-то из фермеров распахал землю большими квадратами.

Ничего не выросло.

Неподалёку Теодрин заставила себя встать.

— Это безумие возвращаться обратно, — сказала она, покраснев.

Андрол мог почувствовать осуждение Певары. Девушка не должна быть так эмоциональна. Она

ещё не научилась самообладанию Айз Седай.

"Она ещё не полноценная Айз Седай", послала Певара, читая его мысли. "Независимо от того, что решила в отношении неё Амерлин. Она все ещё не прошла испытание."

Судя по всему, Теодрин знала о мыслях Певары, и эти двое старались держаться подальше друг от друга. Певара исцелила Эмарина, который принял это стойко. Теодрин исцелила порез на руке Джоннета. Он казался ошеломленным такой милосердной помощью.

"Она скоро свяжет его с собой," послала ему Певара. "Заметь, как она сначала стала одной из пятидесяти,

затем последовала за ним? Мы вряд ли избавимся от неё."

"Что если он тоже свяжет её?" послал Андрол.

"Тогда мы увидим исключение мы с тобой или нет." Певара засомневалась. "Мы натываемся на никому неизвестные вещи."

Он встретился с ней глазами. Она ссылалась на всё то, что случилось во время их связи в последний раз. Она открыла ворота так, как если бы это делал он.

"Нам нужно попробовать это снова", послал он Певаре.

— Скоро, — сказала она, изучая, подействовало ли исцеление на Эмарина.

— Я в порядке, Певара Седай, — как всегда вежливо сказал он. — И если вы не против, то кажется вы могли бы использовать немного исцеления и для себя.

Она взглянула на обгорелый рукав своего платья. Певара все ещё осторожно относилась к мужскому исцелению, но собственная робость раздражала её.

— Спасибо, — ровным голосом сказала она, когда он взял её за руку и направил.

Андрол отцепил маленькую оловянную чашку от ремня и рассеянно поднял руку пальцами вниз. Он сжал пальцы щепотью, а когда раскрыл их — маленькие врата

открылись между ними. Вода полилась, наполняя чашку.

Певара присела рядом с ним, приняв предложенную чашку. Она вздохнула, сделав глоток.

— Какая холодная вода, словно из горного ручья.

— Это она и есть, — ответил Андрол.

— Ты напомнил мне, что я хотела задать тебе вопрос. Как ты делаешь это?

— Это? — спросил он. — Это просто маленькие врата.

— Я не это имела в виду. Андрол, ты только что пришел сюда. Ты не мог за столь короткое время, изучить местность так хорошо,

чтобы иметь возможность открыть врата в горы, расположенные за тысячи миль отсюда.

Андрол уставился на Певару, как если бы он услышал сейчас нечто поразительно новое.

— Я не знаю. Может, это мой Талант.

— Понятно. — Певара помолчала. — Кстати, что случилось с твоим мечом?

Андрол автоматически потянулся к поясу. Ножны были пусты. Он уронил меч, когда молния ударила рядом, и даже не подумал взять его, убегая. Он застонал.

— Гарфин пошлет меня к интенданту неделями молотить ячмень,

если услышит об этом.

— Это не так важно, — сказала Певара. — У тебя есть оружие получше.

— Это принципиально, — сообщил Андрол. — Меч — это напоминание. Это как... ну, сеть напоминает мне о рыбалке у Майена, ключевая вода напоминает мне Джейн. Небольшие вещи, но они имеют значение. Мне нужно снова стать солдатом. Мы должны найти Таима, Певара. Печати..

— Мы не можем найти его таким способом. Ты согласен?

Он тяжело вздохнул но согласился

— Прекрасно, — сказала она. —

Я ненавижу быть мишенью.

— Что мы будем делать?

— Мы попробуем осторожно все разведать, не размахивая мечами.

Она говорила дело.

— И... что мы сделали? Певара, ты использовала мой Талант.

— Мы посмотрим, — сказала она отпивая из чашки, — Теперь если бы здесь был чай.

Андрол поднял брови. Он взял чашку, открыл небольшие ворота между двумя пальцами и бросил несколько сухих листьев чая в чашку. Он варил его с минуту потоком огня, а затем и кинул мед через другие ворота.

— Было немного еще в моей

мастерской в??Черной башне —
сказал он, протягивая чашку. —
Похоже, никто не трогал его.

Она отпила чай, затем тепло
улыбнулась.

— Андрол ты великолепен

Он улыбнулся. Свет! Как много
времени прошло с тех пор как он
чувствовал это к женщине? Любовь
должна была быть чем-то для
молодых дураков, Разве нет?

Конечно, молодые дураки
никогда не могли видеть суть. Они
бы посмотрели на красивое лицо, и
остановились на достигнутом.
Андрол пожил достаточно долго,
чтобы знать, что красивая мордашка
была ничем по сравнению тем типом

солидности, что демонстрировала Певара. Управление, уравновешенность, решительность. Это были те вещи, которые могут прийти только с годами.

С кожей было все то же самое. Новая кожа была прекрасна, но действительно хорошей была кожа, которая уже была использована и поношена, как ремень, который использовали на протяжении многих лет. Вы никогда не знаете наверняка, можете ли положиться на новый ремень. Только когда он был вашим спутником в течение нескольких сезонов, вы поймёте.

— Я пытаюсь прочитывать эту мысль, — сказала Певара. — Ты

только что... сравнил меня со старым кожаным ремнем?

Он покраснел.

— Я предполагаю, что это кожевенная вещь, — она сделала глоток чая.

— Хорошо, ты продолжаешь сравнивать меня с... чем? Кучей маленьких фигурок?

Она улыбнулась. "Моя семья".

— Их убили Приспешники Темного. Извини.

— Это случилось очень, очень давно, Андрол. Он чувствовал, что она все еще сердится, думая об этом.

— Свет, сказал он. — Я все время забываю, что ты старше, чем большинство деревьев, Певара.

— Хм..., сказала она. —

Сначала я — кожаный ремень, теперь я старше, чем деревья. Я думаю, что, несмотря на несколько десятков профессий, что ты сменил в своей жизни, ни одна из тренировок не включала в себя умение говорить с дамой?

Он пожал плечами. Когда он был моложе, он, возможно, и смутился бы из-за того, что его язык завязан в такие узлы, но он уже знал, что просто нет никакой возможности избежать этого. Попытка сделать что-то делала только хуже. Как ни странно, то, как он отреагировал, порадовало её. Наверное, женщины любили видеть мужчину смущенным.

Ее веселье утихло, однако, когда она случайно взглянула на небо. Внезапно он вспомнил о пустых полях внизу. О мертвых деревьях. О рычании грома. Это было не время для веселья, не время для любви. Однако, по некоторым причинам, он обнаружил, что цепляется за эти чувства именно из-за всего этого вокруг.

— Нам нужно уходить, сказал он. — Каков твой план?

— Таим всегда будет окружен подчиненными. Если мы продолжим в том же духе, нас порежут на ленточки прежде, чем мы доберемся до него. Нужно взять его незаметно для других.

— И как мы собираемся это сделать?

— В зависимости от ситуации. Если позволит обстановка, насколько безумным ты можешь быть?

Долина Такан'дар стала местом, полным дыма, хаоса и смерти.

Руарк крался через неё, с Траском и Балдером по бокам. Его братья из Красных щитов. Несмотря на то, что он никогда не встречал их раньше, они были братьями, эту связь они закрепили пролитой кровью Отродий Тени и предателей.

Молния всколыхнула воздух, ударив неподалеку. Ноги Руарка захрустели по песку, который из-за

молнии превратился в кусочки стекла. Он нашел укрытие — груды троллочьих трупов — и прижался к земле. Триск и Балдер присоединились к нему. Буря наконец-то пришла, яростные ветры набросились на долину с силой, почти достаточной, чтобы сдернуть вуаль с его лица.

Что-то разглядеть было трудно. Ветры уносили туман, но небо было темным и буря подняла тучи песка и дыма. Много людей дрались разобщенными группами.

Линий фронта больше не было. Ранее в этот день атака Мурддраалов и решительное наступление Троллоков после неё сломали

сопротивление защитников у входа в долину. Тайренцы и Принявшие Дракона были отброшены назад, к Шайол Гул, и теперь большинство из них сражались у самого основания горы.

К счастью, прорвавшихся внутрь Троллоков было не слишком много. Смертельного прохода и долгой осады хватило, чтобы сократить количество Троллоков в Такан'даре. Скорее всего, их было столько же, сколько и защитников.

Это по-прежнему будет проблемой, но, по его мнению, Аил, которые носили красные вуали представляли намного большую угрозу. Они, двигались по просторам

долины, так же как и Айил. В открытом поле, где убийства скрыты туманом и клубами пыли сводящими видимость к нулю, Руарк охотился. Иногда он натыкался на группы Троллоков, но большинство из них шли под командованием Исчезающего, чтобы биться с регулярными силами Тайренцев и Доманийцев.

Руарк махнул своим братьям, и они двинулись через вихри с одной стороны долины. Свет сказал, что регулярные силы и направляющие могут держать путь на гору, где Кар'а'карн бился с Затмевающим Зрение.

Ранд Ал'Тор должен завершить

свою битву в ближайшее время, иначе Руарк подозревал, что осталось недолго до того времени, когда тень захватит эту долину.

Он и его братья подобрались к группе Айил, чтобы сплясать танец копий с предателями, которые носили красные вуали. Хотя многие, из носивших красные вуали, могли направлять, казалось, что никто в этой группе не мог. Руарк и ещё двое прыгнули в танце, пронзая копьями

Эти красные вуали хорошо сражались. Траск проснулся от сна в этой жизни во время этой борьбы, хотя он убил одного из красновуалных, прежде чем упал. Танец закончился, когда оставшиеся

красные вуали бежали. Руарк убил одного из лука и Балдер попал в другого. Стрелять в спину, это было той вещью, которую они никогда не сделали бы, если бы дрались с истинными Айил. Эти существа были хуже, чем Отродья Тени.

Оставшиеся в живых Айил, которым они помогли, кивнули в знак благодарности. Они присоединились к нему с Балдером, и вместе двинулись проверить защиту у Бездны Рока.

К счастью, армия здесь ещё держалась. Большинство из них были Принявшие Дракона, которые пришли на последнюю битву и, в первую очередь, простыми

мужчинами и женщинами. Да, здесь было несколько Айз Седай, даже немного Айил и пара Аша'манов. Однако, в основном они сражались старыми мечами, которые не использовались годами или посохами — бывшими фермерскими инструментами.

Они сражались против Троллоков как загнанные в угол волки. Руарк покачал головой. Если бы древоубийцы сражались так же беспощадно, то возможно Ламан все ещё правил бы.

Молния ударила с неба, убивая защитников. Руарк сморгнул от вспышки, повернулся в сторону, изучая окрестности через порывы

ветра. Туда.

Братьям он показал жестом оставаться сзади, затем соскользнул к земле. Он взял серый, похожий на пепел, песок, покрывавший землю и растер его по одежде и лицу. Ветер смел немного песка с его пальцев.

Зажав нож в зубах, он приник к земле. Его жертва стояла на пригорке, наблюдая сражение. Один из этих, с красной вуалью, теперь опущенной, ухмылялся. Зубы этого существа не были острыми. Те, у которых были, все могли направлять, некоторые без заостренных зубов тоже могли это. Руарк не знал, что это означает.

Этот парень был направляющим

— он создал огненное копье и метнул его в тайренцев, сражавшихся рядом. Руарк медленно, но верно полз вперед, скрываясь между скал.

Ему пришлось смотреть, как красновуальный убивает защитника за защитником, но он не торопился. Он мучительно медленно полз, слушая шипение огня от плетений Единой силы, бьющей вокруг направляющего, который стоял с руками за спиной.

Мужчина не видел его. Некоторые из них дрались как Айил, но не все. Они не так тихо преследуют цель, и, судя по всему, используют лук или копье не так хорошо, как следует. Такие люди как

тот, перед ним... Руарк сомневался, что им когда-нибудь нужно было двигаться тихо, подкрадываться к врагу, убивать оленя в чаще. Зачем им это, если они могут направлять?

Мужчина не заметил, как Руарк проскользнул мимо троллочьего тела рядом с его ступней, а затем вытянулся и перерезал ему сухожилия. Красноуальный с криком рухнул, и прежде чем тот успел направить, Руарк перерезал ему горло, а потом скользнул обратно в укрытие между двумя трупами.

На шум появилось двое Троллоков. Руарк убил первого, повалил второго, пока он поворачивался, и они даже не успели

увидеть его. Затем он снова растворился в тенях.

Ни одного Отродья Тени больше не возникло, и Руарк отступил назад к своим людям. Пригнувшись на бегу, он прошел мимо группы волков, приканчивающих пару Троллоков. Волки повернулись к нему с окровавленными мордами и ушами торчком. Они пропустили его и тихо ушли с порывами ветра, в поисках очередной жертвы.

Волки. Они пришли вместе с засушливой бурей и теперь сражались среди людей. Руарк не было известно достаточно о том, как шла битва в целом. Он мог видеть вдали, что некоторые из отрядов

короля Дарлина все еще держали строй. Арбалетчики закрепились за изнуренными Принявшими Дракона. В последний раз Руарк видел, что у них почти закончились болты, а странные изрыгающие пар повозки, что доставляли припасы, теперь лежали разбитыми. Айз Седай и Аша'ман продолжали направлять против нападающих, но уже не с той энергичностью, как он видел раньше.

Айил делали то, что умели лучше всего: убивали. До тех пор, пока эти армии удерживают путь, ведущий к Ранду ал'Тору, вероятно, этого должно быть достаточно. Вероятно.

Что-то ударило его.

Задыхнувшись, он упал на колени. Он взглянул вверх, и кто-то прекрасный шагнул к нему из бури. У неё были поразительные глаза, хотя и косые. Он никогда раньше не понимал, как ужасно сбалансированы глаза у всех остальных. Мысль об этом вызвала у него тошноту. И у всех остальных женщин слишком много волос на голове. Это создание с тонкими волосами куда более великолепно.

Она приблизилась — прекрасная, удивительная. Невероятная. Она коснулась его подбородка, когда он склонился на одно колено, ее кончики пальцев были такие мягкие и нежные.

Да, ты сделаешь, — сказала

она. — Иди ко мне, дорогуша. Присоединяйся к остальным.

Она жестом указала на группу, которая шла следом за ней. Несколько Хранительниц Мудрости, пара Айз Седай, мужчина с копьем. Руарк зарычал. Этот мужчина старается отнять у него расположение его возлюбленной? Он убьет его за это. Он -

Его госпожа посмеивалась. — И Моридин считает это лицо наказанием.

Ну, тебя не заботит какое лицо я сейчас ношу, не так ли, дорогуша? — ее голос становился все мягче и в то же время жестче. После меня ничего не останется другим. Сам Моридин

расхвалит мою красоту, когда увидит ее глазами, дарованными ему мной. Как ты, дорогой. Как ты.

Она коснулась Руарка. Он присоединился к ней с остальными и пошел через долину, оставляя за собой тех людей, которых он называл братьями.

Ранд шагнул вперед, и мостовая сформировалась из потоков света перед ним. Его ноги ступили на блестящий, чистый камень, и он перешел из небытия в величие..

Дорога была достаточно широкой, чтобы шесть фургонов разъехаться одновременно, но не они забили дорогу. Только люди. Яркие

люди, в красочных одеждах, нетерпеливо болтали. Звуки жизни заполнили пустоту.

Ранд повернулся, глядя на здания, которые возвышались вокруг него. Высокие дома вдоль магистрали были с ребристые колоннами на фасадах. Длинные и тонкие, они состыковывались друг с другом и смотрели в сторону проезжей части. За ними лежали купола и чудеса, здания и сооружения потянулись к небу. Это не было похоже на города, которые он когда-либо видел, хотя это была работа огир.

Частично работа Огир. Неподалеку рабочие восстанавливали

каменный фасад, разрушившийся во время бури. Огир с толстыми пальцами раскатисто смеялись, когда работали рядом с людьми. Когда Огир пришли в Двуречье, чтобы внести плату Ранду за его жертву, намереваясь построить здесь памятник, правители вместо этого попросили помощи по улучшению их города.

За эти годы Огир и люди Двуречья тесно сотрудничали, так что теперь мастера Двуречья ценились во всем мире. Ранд шел по дороге среди людей всех национальностей. Доманийцы носили красочную, тончайшую одежду. Тайренцы — различия между

простыми людьми и благородными исчезали все больше и больше с каждым днем — были одеты в мешковатые одежды и рубашки с полосатыми рукавами. Шончан в экзотических шелках. Порубежники с важностью благородных. Встречались даже жители Шары.

Все прибыли в Эмондов Луг. Город теперь имел мало сходства со своим названием, но все же намеки были. Деревьев и открытых зеленых участков здесь было больше, чем в любых других больших городах, таких как Кеймлин или Тир. В Двуречье уважали мастеров. А их стрелки были лучшими, каких только знал мир. Элитный отряд

двуреченских мужчин, вооруженных огненными палками, которые люди называли ружьями, служил вместе с Айил в их походах по поддержанию мира в Шаре. Это была единственная страна, где еще знали, что такое война. О, тут и там возникали споры. Вспышка между Муранди и Тиром пять лет назад почти привела к первой реальной войне за целое столетие, начиная с Последней Битвы.

Ранд улыбался, пока двигался через толпу, не толчею, но с гордостью слушал радостные голоса людей. "Вспышка" в Муранди была динамичной по меркам Четвертой Эпохи, но по правде говоря, это было

ничто. Единственный раздраженный дворянин стрелял в патруль Айил. Трое раненных, ни одного убитого, и это было худшей "стычкой" за все годы, не считая компаний в Шаре.

Солнечный свет прорвался сквозь тонкий слой облаков, озаряя дорогу. Ранд наконец достиг городской площади, которая когда то была лужайкой в Эмондовом Лугу. Кто бы мог подумать, что Карьерная Дорога теперь будет настолько широкой, что по ней сможет маршировать армия? Он обошел вокруг массивного фонтана в центре площади, памятника, воздвигнутого Огир в память о павших в Последней Битве.

Он увидел знакомые лица среди скульптур в центре фонтана, и отвернулся.

"Это еще не окончательно", — думал он. "Еще не реально." Он построил эту действительность из нитей того, что могло быть, из зеркал мира, который сейчас разыгрывался. Все еще не было определено.

Впервые начиная с входа в это видение его собственного узора, его уверенность дрожала. Он знал, что Последняя Битва не была проиграна. Но люди умирали. Думал ли он прекратить все смерти, всю боль?

"Это должна быть моя борьба", — подумал он. "Они не должны умирать. Разве его жертвы не

достаточно?"

Он спрашивал себя снова и снова.

Видение дрожало, мелкие камни под ногами гудели, здания тряслись и раскачивались. Люди встали на месте, не шевелясь, звуки стихли. Ниже в небольшом переулке он увидел, что возникла тьма, словно провал, который расширялся, охватывая все рядом с ним, всасывая все внутрь себя. Тьма выросла до размеров одного из домов, медленно увеличиваясь.

ТВОЕ ВИДЕНИЕ СЛАБО,
ПРОТИВНИК.

Ранд укрепил свою волю, и дрожь прекратилась. Люди, которые

застыли на месте, продолжили идти, а приятная болтовня снова возникла. Мягкий ветер дул вниз по дорожке, шурша стягами на жердях, ознаменовывавших торжества.

— Я увижу, что это произойдет, — сказал Ранд темноте. — Это твоё поражение. Счастье, развитие, любовь...

ЭТИ ЛЮДИ ТЕПЕРЬ МОИ. Я ВОЗЬМУ ИХ.

— Ты — тьма, — громко сказал Ранд. — Тьма не может отодвинуть Свет. Темнота существует только тогда, когда свет проигрывает, когда он исчезает. Я не подведу. Я не буду бежать. Ты не можешь победить до тех пор, пока я преграждаю тебе

путь, Шайтан.

УВИДИМ

Ранд отвернулся от тьмы и упрямо продолжил идти вокруг фонтана. На другой стороне площади большой набор величественных белых ступеней вел к зданию в четыре этажа, построенному с невероятным мастерством. С рельефной резьбой, увенчанное блестящей медной кровлей, это здание было украшено знаменами. Сто лет. Сто лет жизни, сто лет мира.

Женщина, которая стояла на верхней ступеньке, имела знакомые черты. Ощущалось некоторое наследие Салдеи, но темные локоны волос ясно давали понять о её

двурученском происхождении. Леди Адора, внучка Перрина и мэр Эмондова Луга. Ранд поднялся по ступеням, в то время, как она произносила речь, посвященную празднованию годовщины. Никто не заметил его. Он сделал так, чтобы они его не заметили. Он проскользнул, как Серый Человек за ее спиной, когда она провозгласила день празднования, затем он вошел в здание.

Это было не правительственное учреждение, хотя и могло показаться таковым снаружи. Оно было гораздо важнее.

Школа.

Справа, огромные коридоры

были украшены картинами и орнаментом, что посоперничали бы с любым дворцом, но на них были изображены великие учителя и сказители прошлого, от Анла до Тома Меррилина. Ранд прошел по одному коридору, заглядывая в комнаты, куда мог прийти любой, от бедного фермера до сына мэра, и получить знания. Здание должно было быть большим, чтобы вместить всех, кто хотел учиться.

ТВОЙ РАЙ ПОРОЧЕН,
ПРОТИВНИК.

Темнота висела в зеркале, справа от Ранда. В нем отражался не коридор, а ЕГО присутствие.

ТЫ ДУМАЕШЬ, ЧТО

СМОЖЕШЬ УСТРАНИТЬ
СТРАДАНИЯ? ДАЖЕ ЕСЛИ ТЫ
ПОБЕДИШЬ, НЕ БУДЕТ ЭТИХ
ПРЕКРАСНЫХ УЛИЦ, ЛЮДЕЙ
БУДУТ ПО-ПРЕЖНЕМУ УБИВАТЬ
ПО НОЧАМ. ДЕТИ БУДУТ
ГОЛОДАТЬ, НЕСМОТРЯ НА
УСИЛИЯ ТВОИХ
ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ. БОГАТЫЕ
БУДУТ ЭКСПЛУАТИРОВАТЬ И
БРАТЬ ВЗЯТКИ, ОНИ ПРОСТО
СДЕЛАЮТ ЭТО ПО-ТИХОМУ.

— Это лучше, — прошептал
Ранд. — Это добро.

ЭТОГО НЕ ДОСТАТОЧНО, И
НИКОГДА НЕ БУДЕТ
ДОСТАТОЧНО. ТВОЕ ВИДЕНИЕ
СЛАБО. ТВОЕ ВИДЕНИЕ — ЛОЖЬ.

ТОЛЬКО Я — ТА ПРАВДА,
КОТОРУЮ ВАШ МИР КОГДА-
ЛИБО ЗНАЛ.

Темный атаковал его.

Это пришло как буря. Взрыв ветра был так страшен, он угрожал сорвать кожу с костей Ранда. Он гордо стоял, направив взгляд в ничто, скрестив руки за спиной. Атака порвала видения красивого города, смеявшихся людей, памятника обучению и мира. Темный поглотил все это, и это вновь стало только возможностью.

Сильвиана удерживала Единую Силу, чувствуя, как та течет сквозь нее, озаряя мир. Казалось, что пока

она удерживает саидар, она может видеть все. Это было упоительное ощущение, пока она осознавало, что это всего лишь ощущение. Это не было правдой. Соблазн силы саидар подтолкнул многих женщин к безрассудным поступкам. Определенно многие Голубые совершали их, тем или иным образом.

Сильвиана метала огонь прямо с седла, целясь в шарских солдат. Она обучила своего коня, Жало, не пугаться, когда вокруг направляют Силу.

— Лучникам — отступить! — кричал Чубейн позади нее. — Быстро, быстро! Тяжелой пехоте

наступать!

Пехотинцы в доспехах, вооруженные секирами и палицами, прошли мимо Сильвианы, чтобы вступить в бой с дезориентированными шарцами на склонах. Пикинеры могли справиться лучше, но тех было явно недостаточно.

Она отправила во врагов еще один заряд огня, расчищая путь солдатам, затем обратила свое внимание на шарских лучников выше по склону.

Когда силы Эгвейн обошли болота, они разделились на две ударные группы. Айз Седай шли с пехотой Белой Башни, атакуя шарцев

на Высотах с запада. К этому времени пожары уже были потушены, и большинство троллоков ушли с Высот, чтобы атаковать ниже.

Вторая половина армии Эгвейн, в основном конница, была направлена проходом, который пересекал болота и вел к броду. Они атаковали незащищенный тыл троллоков, которые спустились по склону, чтобы ударить по войскам Илэйн, защищающим местность возле брода.

Главной задачей первой группы было пробиться на западный склон. Сильвиана начала аккуратно направлять серии молний в шарцев, которые выдвигались, чтобы

ОСТАНОВИТЬ ИХ.

— Как только пехота поднимется выше по склону, — говорил Чубейн рядом с Эгвейн. — Айз Седай начнут... Мать? — Чубейн повысил голос.

Сильвиана резко развернулась в седле, с тревогой глядя на Эгвейн. Амерлин не направляла. Бледность разлилась по ее лицу, и она дрожала. Ее атаковали плетениями? Ни одного Сильвиана не видела.

Фигуры собрались на вершине холма, оттеснив в сторону шарскую пехоту. Они начали направлять, и молнии обрушились на армию Белой Башни. Каждая вызывала грохот и вспышку света, которые могли

оглушить человека.

— Мать! — Сильвиана
направила коня к Эгвейн. Должно
быть, ее атаковал Демандред.
Коснувшись са'ангриала в руке
Эгвейн, чтобы зачерпнуть
дополнительную силу, Сильвиана
сплела врата. Шончанка, которая
держалась позади Эгвейн, схватила
поводья Амерлин и потянула лошадь
через врата в безопасность.
Сильвиана последовала за ней,
крикнув:

— Держитесь против этих
шарцев! Предупредите
направляющих-мужчин о том, что
Демандред атаковал Амерлин!

— Нет, — сказала Эгвейн

слабым голосом, шатаясь в седле, пока ее лошадь скакала к большому шатру. Сильвиана предпочла бы увести ее подальше, но не знала местность достаточно хорошо для дальнего прыжка. — Нет, это не он.

— Что случилось? — спросила Сильвиана, натянув поводья рядом с ней и позволив вратам исчезнуть. — Мать?

— Это Гавин, — сказала она, бледнея и дрожа. — Он ранен. Серьезно. Он умирает, Сильвиана.

"О, Свет", подумала Сильвиана. Стражи! Она боялась этого с того самого момента, как увидела этого глупого мальчишку.

— Где? — спросила Сильвиана.

— На холмах. Я найду его. Я воспользуюсь воротами, перемещаясь в том направлении.

— Свет, Мать, — сказала Сильвиана, — Вы представляете себе, как это может быть опасно? Оставайтесь здесь и руководите действиями Белой Башни. Я сама попробую его найти.

— Ты не можешь его чувствовать.

— Передайте мне его узы.

Эгвейн замерла.

— Вы знаете, что это нужно сделать, — сказала Сильвиана. — Если он умрет, это сломает Вас. Передайте мне узы. Это позволит мне найти его, и это защитит Вас,

если он умрет.

Эгвейн была ошеломлена. Как может Сильвиана даже предлагать такое? Но она была Красной, а у них было мало опыта в общении со Стражами. Сильвиана не понимала, что предлагала.

— Нет, — сказала Эгвейн. — Нет, это даже не обсуждается. Кроме того, если он умрет, это защитит меня, лишь передав всю боль тебе.

— Но я — не Амерлин.

— Нет. Если он умрет, я переживу это и буду сражаться. Переместиться к нему через Врата будет глупостью, как ты сказала, и я не позволю тебе сделать этого. Он на Холмах. Мы проложим путь туда, как

и было приказано, и так мы достигнем его. Это будет лучший выбор.

Сильвиана поколебалась, затем кивнула. Это должно быть сделано. Вместе они вернулись к западной стороне Холмов, но Сильвиана беспокоилась. Глупый мужчина! Если он умрет, Эгвейн будет очень сложно продолжать бороться.

Тени не нужно было убивать Амерлин, чтобы остановить ее. Было достаточно убить одного идиота-мальчишку.

— Что делают те Шарцы? — мягко спросила Илэйн.

Бергитте остановила свою

лошадь, взяв подозрную трубу у Илэйн. Она подняла ее, осматривая место от русла сухой реки до склонов Высот, где столпилось большое количество войск Шарцев. Она проворчала:

— Они, возможно ждут, когда Троллоки запасутся стрелами.

— Ты не кажешься очень уверенной, — сказала Илэйн, забирая обратно подозрную трубу. Она удерживала Единую Силу, но не использовала ее пока. Ее армия боролась здесь, на реке, в течение двух часов. Троллоки продвигались в русле реки вверх и вниз по Море, но ее войска удерживали их от вступления на земли Шайнара.

Трясины препятствовали тому, чтобы враг развернул ее левый фланг, ее правый фланг был более уязвимым и должен находиться под наблюдением. Было бы намного хуже, если бы все Троллоки двигались, чтобы пересечь реку, но конница Эгвейн била их с тыла. Это сняло часть давления с ее армии.

Мужчины пиками удерживали троллоков, и небольшой поток воды, все еще сочащийся по руслу, стал полностью красными. Илэйн сидела в решительной позе, глядя на свои войска, и видима ими. Лучшие андорцы истекали кровью и умирали, с трудом сдерживая троллоков. Шарская армия, казалось,

готовились начать наступление с Высот, но Илэйн не была уверена, что они пока готовы начать атаку. Нападение Белой башни с западной стороны должно было их отвлечь. То, что Мэт отправил армию Эгвейн атаковать Высоты сзади, было гениально.

— Я не очень уверена, в том, что сказала, — проговорила Бергитте тихо. — Не совсем. Не обо всем.

Илэйн нахмурилась. Она думала, что беседа закончена. О чем говорит Бергитте?

— Что насчет твоих воспоминаний?

— Первое, что я помню сейчас, это мое пробуждение рядом с тобой

и Найнив, — тихо сказала Бергитте. — Я помню наши разговоры о том, что мы были в Мире Снов, но я не помню само место. Это все ускользнуло от меня, как вода сквозь пальцы.

— О, Бергитте...

Женщина пожала плечами.

— Я не могу жалеть о том, чего не могу вспомнить. — Боль в ее голосе опровергала ее же слова.

— Гайдал?

Бергитте покачала головой.

— Ничего. Я чувствую, что я должна знать кого-нибудь с таким именем, но я не знаю, — она усмехнулась, — Как я уже сказала. Я не знаю, что потеряла, так что все в

порядке.

— Ты лжешь?

— Кровавый пепел, конечно, я лгу! Это как будто у меня в голове дыра, Илэйн. Глубокая, зияющая дыра. Через которую как кровь вытекает моя жизни и мои воспоминания. — Она отвернулась.

— Бергитте... мне жаль.

Бергитте повернула лошадь и тронулась, очевидно, не желая обсуждать этот вопрос. Ее боль чувствовалась словно шипы в глубине разума Илэйна.

На что это может быть похоже — лишиться столь многого? У Бергитте не было ни детства, ни родителей. Вся ее жизнь, все, что она

помнила, не длилась и года. Илэйн хотела последовать за ней, но тут ее охрана посторонилась, пропустив Галада, облаченного в доспехи, накидку и плащ Лорда Капитан-Командора Детей Света

— Галад, — обратилась Илэйн к брату поджав губы.

— Сестра, — сказал Галад. — Я предполагаю, что абсолютно бесполезно говорить тебе, насколько неуместно для женщины в твоём положении находиться на поле боя.

— Если мы проиграем эту войну, Галад, то мои дети родятся в неволе у Темного, если родятся вообще. Я думаю, что борьба стоит риска.

— Пока ты воздержишься от личного участия в сражении, — сказал Галад, прикрывая глаза, чтобы осмотреть поле боя. Это, видимо, означало, что он давал ей разрешение — разрешение возглавлять свои войска.

Полосы света направились с Высот, ударяя по последнему дракону, стреляющему из поля позади войск. Такая сила! Демандред своей силой затмевал Ранда. Если он повернет эту силу против ее войск...

— Почему Коутон отправил меня сюда? — спросил тихо Галад. — Он хотел увидеть меня здесь с десятком моих лучших людей.

— Ты не спрашиваешь моих предположений о том, что на уме у Мэтрима Коутона, не так ли? — Спросила Илэйн. — Я убеждена, что Мэт действует так только потому, что люди позволяют, чтобы ему всё сходило с рук.

Галад покачал головой. Она могла видеть группу своих людей собравшихся неподалеку. Они указывали на Троллоков, которые медленно пробирались вверх по реке к Арафелскому берегу. Илэйн поняла, что ее правый фланг был в опасности.

— Пошли за шестью подразделениями арбалетчиков, — сказала Илэйн Бергитте. — Гайбону

нужно укрепить наши войска выше по реке.

Свет. Это начинает плохо выглядеть. Силы Белой Башни были там, на западном склоне высот, где направление было самым яростным. Она не могла разглядеть это, но могла почувствовать.

Дым вздымался поверх Высот, освещенных всполохами взрывающихся молний. Подобно зверю состоящему из ярости и голода, шевелящемуся среди черноты, с вспыхнувшими глазами будто он только что проснулся.

Илэйн вдруг почувствовала. Проникающий запах дыма в воздухе, крики от боли мужчин. Гром с неба,

потряхивание земли. Холодный воздух опустился на землю, на которой ничего не росло, сломанное оружие, тяжелые пики в щитах. Конец. Он действительно наступил, она стояла на его краю.

Посланец подъехал галопом, везя конверт. Он назвал правильные пароли охране Илэйн, спешил и был допущен к ней и Галаду. Он обратился к Галаду, вручив ему письмо.

— От Лорда Коутона, сэр. Он сказал, что вы будете здесь.

Галад взял письмо и, нахмурившись, открыл его. Он вынул листок из конверта.

Илэйн подождала, спокойно-

спокойно досчитав до трех, затем подъехала на лошади к коню и наклонила голову, чтобы прочитать его. Честно говоря, мог бы и позаботиться о комфорте беременной женщины.

Письмо было написано рукой Мэта. Но, как отметила Илэйн, написано оно было намного чище и грамотнее чем это было в прошлый раз несколько недель назад. Очевидно, давление битвы сделало Мэтрима Коутона больше клерком.

Галад,

Нет времени писать витиевато.

Ты — единственный, кому я могу доверить это дело. Ты делаешь то, что было бы правильно сделать, даже

когда никто, кровавый пепел, не хочет, чтобы ты это делал. Порубежникам не хватает смелости для этого, но я держу пари, что могу доверять Белоплащикам. Возьми это. Попроси Илэйн сделать врата. Сделай то, что должно быть сделано.

Мэт

Галад нахмурился, затем перевернул конверт, уронив что-то серебристое. Медальон на цепочке. Рядом блеснула Тар Валонская марка.

Илэйн выдохнула, затем прикоснулась к медальону и попыталась направлять. Она не могла. Это была одна из изготовленных ею копий. Одну из

них она отдала Мэту, другую украл Меллар.

— Он защищает владельца от направляющих, — сказала Илэйн, — Но почему он послал его тебе?

Галад перевернул листок бумаги, очевидно, что-то заметив. На обороте было дописано каракулями:

"P. S. На тот случай, если ты не знаешь, что "должно быть сделано", поясняю: я хочу, чтобы ты, проклятье, устроил резню направляющим-шаранкам и перебил столько, сколько сможешь. Я ставлю полновесную тарвалонскую марку — она лишь слегка обрезана по краям — что двадцать ты не прикончишь.

М. К."

— Это какая-то проклятая уловка, — выдохнула Илэйн. — Кровь и кровавый пепел, так и есть!

— Такая манера выражаться едва ли подходит для монарха, — сказал Галад, сложив письмо и убрав его в карман плаща. Он помедлил, затем надел медальон на шею. — Интересно, он знает, что делает, давая одному из Чад Света артефакт, который сделает того неуязвимым для Айз Седай. Но его приказ хорош. Я позабочусь о том, чтобы он был выполнен.

— Так ты что сможешь сделать это? — спросила Илэйн. — Сможешь убить женщину?

— Возможно, когда-то раньше я

колебался, — ответил Галад, — Но это был бы неправильный выбор. Женщина может быть также полна зла, как и мужчина. Почему стоит стесняться убивать одного, а не другого? Свет судит всех не по принадлежности к тому или иному полу, а по великодушию их сердец.

— Интересно...

— Чего здесь интересного? — спросил Галад.

— Ты действительно сказал нечто такое, что не способствует мыслям о том, чтобы задушить тебя. Может быть, ещё есть надежда на тебя когда-нибудь, Галад Дамодред.

Он нахмурился.

— Сейчас ни место и не время

для легкомыслия, Илэйн. Ты должна встретиться с Гарретом Брином. Он выглядит взволнованным.

Она повернулась, удивившись, обнаружив старого генерала разговаривающим с её охраной.

— Генерал? — позвала она его.

Брин посмотрел на неё, затем величаво поклонился с лошади.

— Мои охранники остановили тебя? — спросила Илэйн, когда он приблизился. Неужто слухи о Принуждении Бриана распространилась?

— Нет, Ваше Величество, — ответил он. Его лошадь была взмылена. Он сильно гнал её, — Я не хотел беспокоить вас.

— Временами ты создаешь проблемы — заметила Илэйн, — Высказывая все, что думаешь.

— Твой брат, он прошел здесь?

— Гавин? — коротко бросила она, при этом посмотрев на Галада. — Я не видела его.

— И я тоже — обронил Галад.

— Амерлин была уверена, что он вместе с твоими силами... — качая головой резко произнес Брин. — Возможно он отправился на передовую, воспользовавшись маскировкой.

Зачем ему... Это был Гавин. Он хотел сражаться. Тем не менее, пробираться к линии фронта в маскировке, это не похоже на него.

Он мог бы собрать несколько солдат, лояльных к нему, и организовать несколько вылазок. Но красться? Гавин? Трудно было такое представить.

— Я распространю приказ, — сказала Илэйн, когда Галад поклонился ей, и двинулся с поручением. — Возможно, кто-то из моих командиров его видел.

"Ах... "- подумал Мэт, едва не уткнувшись носом в карты. Затем он махнул рукой дамани Мике, велел открыть ворота. Мэт мог бы Переместиться на вершины Дашарского Выступа, чтобы получить лучший обзор. Однако, в

прошлый раз, когда он так сделал, вражеские направляющие обнаружили его и снесли часть вершины. И, несмотря на то, что он так высок, Дашарский Выступ все равно не давал ему увидеть то, что происходит за западной стороной Половских Высот. Удерживая руки на краю столешницы, он высунулся через ворота, изучая ландшафт внизу.

Боевую линию Илэйн на реке теснили. На правом фланге у них были лучники. Хорошо. Кровь и кровавый пепел... эти троллоки были такие здоровенные, что их натиск был сравним с ударом кавалерии. Ему нужно отправить приказ Илэйн — собрать ее

кавалерию за пикинерами.

"Так же, как было, когда я бился с Саной Ашраф во времена падения Пеньи, — подумал он. — Тяжелая кавалерия и конные лучники, тяжелая кавалерия и конные лучники. Одни за другими. Таэрайн дай хошин дайб сине".

Мэт не припоминал, чтобы битва когда-либо прежде так захватила его. Сражаться с Шайдо было далеко не так захватывающе, хотя тогда Мэт и не управлял ходом всего боя. Битва с Эльбаром также не принесла ему подобного удовлетворения. Конечно, там и масштаб был совсем не тот.

Демандред был умелым

игроком. Мэт мог чувствовать это, наблюдая за передвижениями войск. Мэт играл против одного из лучших полководцев, когда-либо живших на свете, и ставкой здесь были не деньги. Они играли на человеческие жизни, а конечным призом был сам мир. Кровь и кровавый пепел, это возбуждало его. Он чувствовал себя виноватым из-за этого, но это было возбуждающе!

— Лан на своей позиции, — сказал Мэт, выпрямившись и вернувшись к картам, чтобы сделать отметки. — Прикажете ему ударить.

Троллочью армию,
пересекающую русло реки,
необходимо разбить. Он двинул

Порубежников в обход Высот, чтобы атаковать ее с тыла, пока Тэм и его соединенные силы давят на врага в лоб. Тэм успел перебить многих из них, прежде чем река остановилась, да и потом. Эти троллоки близки к тому, чтобы обратиться в бегство, и скоординированная атака с двух сторон должна сломить их.

Люди Тэма должны быть измотаны. Продержатся ли они достаточно долго, чтобы подоспел Лан и ударил по троллокам с тыла? Мэт надеялся, что да. Если нет...

Кто-то появился в дверях — высокий мужчина с темными, волнистыми волосами, одетый в мундир Аша'мана. У него на лице

было такое выражение, словно он только что потерял руку. Такой взгляд испугал бы и троллока.

Мин, о чем-то говорившая с Туон, осеклась; Логайн, казалось, смотрел на нее по-особенному. Мэт выпрямился, отряхивая руки.

— Надеюсь, ты не сделал охранникам ничего особо страшного, Логайн.

— Всего лишь плетение Воздуха, которое само распустится через минуту-другую, — резко сказал мужчина. — Не думаю, что они охотно пропустили бы меня.

Мэт бросил взгляд в сторону Туон. Та выглядела жесткой, как хорошенько накрахмаленный фартук.

Шончан не доверяли женщинам, способным направлять, что уж говорить о таких, как Логайн.

— Логайн, — сказал Мэт. — Мне нужно, чтобы ты поддержал в бою армию Белой Башни. Эти шарцы здорово их бьют.

Взгляд Логайна был прикован к Туон.

— Логайн! — сказал Мэт. — Если ты еще не заметил, у нас тут, проклятье, война!

— Это не моя война.

— Это наша общая война, — огрызнулся Мэт. — Она всех касается!

— Я настаивал на том, чтобы бороться, — сказал Логайн. — И как

меня отблагодарили? Спроси Красную Айя. Они скажут тебе, какая награда ждет мужчину, оскорбившего Узор, — он лающе рассмеялся. — Узор требовал Дракона, и я пришел! Слишком рано. Просто немного поторопился.

— Послушай-ка, — сказал Мэт, приблизившись к Логайну. — Ты зол из-за того, что не ты стал Драконом?

— Ничего подобного, — сказал Логайн. — Я следую за Лордом Драконом. Дайте ему умереть. Я не хочу быть частью этой заварушки. Я и мои люди должны быть с ним, а не драться здесь. В этой битве люди сражаются за свои жалкие жизни, она не имеет ничего общего с тем,

что происходит у Шайол Гул.

— И все же, ты знаешь, что нужен нам здесь, — возразил Мэт. — Иначе ты уже мог бы уйти.

Логайн ничего не сказал.

— Иди к Эгвейн, — сказал Мэт. — Возьми с собой всех, кто у тебя есть, и займи этих шаранских направляющих.

— Что насчет Демандредра? — тихо спросил Логайн. — Он кричал, призывая Дракона. Он силен, как десяток человек. Никто из нас не может сразиться с ним.

— Но ты хочешь попробовать, верно? — ответил Мэт. — Вот зачем ты пришел сюда на самом деле. Ты хочешь, чтобы я отправил тебя

против самого Демандреда.

Логайн помедлил, затем кивнул.

— Дракона Возрожденного он не получит, но может получить меня взамен. Заместителя... Дракона, если угодно.

Кровь и кровавый пепел, они все спятели. К сожалению, что еще Мэт мог сделать против одного из Отрекшихся? Прямо сейчас его план битвы был основан на том, чтобы держать Демандреда занятым, вынуждая его отвечать. Если Демандред командует армией, он не может причинить так много урона Силой.

Он должен придумать что-то, чтобы справиться с Отрекшимся. Он

старался. Он старался все время этой проклятой битвы, и все равно не придумал ничего путного.

Мэт снова посмотрел через ворота. На Илэйн давили слишком сильно. Он должен что-то сделать. Отправить Шончан? Их он держал на позициях с южного края поля, на берегу Эринин. Они должны отвлекать Демандреда, не позволить ему бросить все его войска в бой, развернувшийся ниже Высот. Вдобавок, у него были планы на их счет. Важные планы.

На взгляд Мэта, у Логайна было немного шансов против Демандреда. Но все равно с ним нужно что-то делать. Если Логайн хочет

попробовать, пусть так и будет.

— Можешь сразиться с ним, — сказал Мэт. — Сейчас, или подожди, пока он немного ослабеет. Свет, я надеюсь, мы можем его ослабить. В любом случае, это я оставляю на тебя. Выбери время и бей.

Логайн улыбнулся и, создав врата прямо посреди комнаты, прошел сквозь них, держа руку на мече. Гордыни у него хватило бы на Дракона Возрожденного, это уж точно. Мэт покачал головой. Что бы он отдал, чтобы отделаться от всех этих гордецов. Может, теперь он сам один из них, но это можно исправить. Всего-то, что нужно — убедить Туон отречься от трона и

сбежать вместе с ним. Это не будет просто, но, кровавый пепел, он же сражается в Последней Битве. В сравнении с тем вызовом, с которым он столкнулся сейчас, Туон, пожалуй, не самый тугой узелок.

— Этого человека ждет слава, — прошептала Мин. — Я все еще вижу это вокруг него.

— Кто-нибудь, проверьте стражников, — сказал Мэт, возвращаясь к картам. — Туон, возможно, надо будет тебя переместить. Это место никогда не было особо безопасным, что Логайн только что доказал.

— Я могу за себя постоять, — надменно сказала она.

Слишком надменно. Он посмотрел на нее, приподняв бровь, и она кивнула.

— На самом деле? — подумал Мэт. — Это то, что ты хочешь сделать предметом ссоры?

Он не был уверен, что шпион купится. Слишком надуманная причина.

Его с Туон план был наподобие того, что однажды проделали Ранд с Перрином. Если Мэт изобразит поддельный раскол между ним и Шончан, и Туон отведет назад свои силы, возможно Тень не будет принимать её во внимание. Мэту нужно было определенное преимущество.

Вошли двое стражников. Нет, трое. Третьего было нелегко заметить. Мэт покачал головой, глядя на Туон — им нужно придумать что-то более убедительное как повод для спора — и вернулся к картам.

Что-то привлекло его в низкорослом стражнике. Скорее похож на слугу, чем на солдата, подумал Мэт. Он заставил себя поднять взгляд, хотя не стоило отвлекаться от боя на какого-то слугу. Да, здесь он и стоял, сбоку от стола. Нет смысла обращать на него внимание, даже несмотря на нож у него в руке.

Нож.

Мэт отшатнулся, когда Серый

Человек бросился на него. Он завопил, выхватывая один из своих ножей, и в то же время Мика закричала:

— Направляют! Рядом!

Мин бросилась на Фортуону, когда по стене командного поста взвилось пламя. Шарцы в странных доспехах, сделанных из полос металла, окрашенных в золото, прорвались сквозь пылающий вход. Вместе с ними были направляющие с татуированными лицами — женщины в длинных жестких черных платьях и мужчины без рубашек в поношенных штанах. Мин осознала это перед тем, как опрокинула трон

Фортуоны.

Огонь прожег воздух над Мин, опалив её богато украшенные шелка и поглотил стену позади них. Фортуона выбралась из захвата Мин, затаилась, и Мин удивленно моргнула. Женщина оставила свой громоздкий костюм позади — он был сделан отстегивающимся — и под ним оказалась одета в гладкие шелковистые брюки и обтягивающую рубашку, все черные.

Туон вскочила с ножом в руке, тихо рыча по-звериному. Мэт поблизости упал навзничь на землю, а мужчина с ножом — на него. Откуда взялся этот человек? Мин не помнила, как он вошел.

Туон побежала к Мэту в то время, как шарские направляющие начали закидывать командный пункт огнем. Мин с трудом поднялась на ноги в этой ужасной одежде. Она вытащила кинжал и прижалась к трону, к которому её оттолкнуло, когда вздыбилась земля.

Она не смогла бы добраться до Фортуоны, поэтому выбралась наружу через заднюю стенку, которая была сделана из бумажного материала, он назывался у шончан тенми.

Она кашляла от дыма, но здесь, снаружи, воздух был чище. Ни единого из Шарцев тут не было, на этой стороне постройки. Все они

атаковали с противоположной стороны. Она побежала вдоль стены. Направляющие были опасны, но если бы она могла всадить нож хоть в одного, вся Единая Сила в мире не помогла бы ему.

Она заглянула за угол, и была удивлена застав там человека, притаившегося с диким взглядом в глазах. У него было угловатое лицо, с кроваво-красными татуировками на шее в виде когтей, вытянутых вдоль его светло-кожей головы и подбородка.

Он зарычал, и Мин бросилась на землю, ныряя под ленты огня и запустив в него нож.

Воин поймал его в воздухе. Он

крадучись двинулся вперед, улыбаясь ей звериным оскалом.

Внезапно, он дернулся и упал, судорожно молотя конечностями. Струйка крови стекла с его губ.

— Это то, — сказала поблизости женщина голосом, полным отвращения, — что мне не допустимо знать, как делается, но остановить кому угодно сердце Единой Силой можно бесшумно. И, на удивление, для этого нужно очень мало Силы, что уместно для меня.

— Суан! — сказала Мин. — Ты не должна быть здесь.

— Но я здесь, к счастью для тебя, — с усмешкой ответила Суан, осматривая тело, склонившись над

ним. — Ба. Противное занятие, но если ты собираешься съесть рыбу, должна быть готова выпотрошить её самостоятельно. Что случилось, девочка? Теперь ты в безопасности. Не стоит быть такой бледной.

— Ты не должна быть здесь! — повторила Мин. — Я же тебе говорила. Оставайся рядом с Гарретом Брином!

— Я действительно оставалась рядом с ним, почти как его собственное белье, чтоб ты знала. Мы спасли жизни друг друга, таким образом я предполагаю, что предвидение было правильным. А бывают ли они когда-нибудь неверными?

— Нет, я сказала тебе, что, —
прошептала Мин. — Никогда. Суан
... Я видела ауру вокруг Брина, что
означает, что вы должны оставаться
вместе, или оба умрете. Она висит
над тобой прямо сейчас. Чтоб вы ни
сделали, видение еще не
исполнилось. Оно все еще актуально.

Суан застыла на мгновение.

— Коутон в опасности.

— Но...

— Меня это не волнует,
девочка! — Неподалеку земля
вздрагнула от плетений Единой
Силы. Дамани сопротивлялись. —
Если Коутон погибнет, эта война
проиграна! Неважно, если мы оба
умрем из-за этого. Мы должны

помочь. Двигайся!

Мин кивнула, а затем присоединилась к ней, когда та пошла вокруг развороченного здания. Перестрелки снаружи были грубой смесью взрывов, дыма и пламени. Стража Последнего Часа с мечами наголо атаковали Шарцев, не обращая внимания на своих товарищей, убиваемых вокруг них. Это, по крайней мере, держало направляющих занятыми.

Командный пункт горел таким жаром, что Мин пришлось отклониться назад, поднимая руки.

— Подожди, — сказала Суан, а затем использовала Единую Силу, чтобы вытянуть небольшой столб

воды из ближайшей бочки, и окатила их обеих.

— Я попытаюсь притушить огонь, — сказала она, переводя маленький столб воды на командный пункт.

— Отлично. Вперед.

Мин кивнула, прорываясь сквозь пламя, Суан присоединилась к ней. Стены из тенмы занялись огнем, быстро сгорая. Капли огня капали с потолка.

— Там, — сказала Мин, смаргивая слезы от жары и дыма. Она указала на темные фигуры, борющиеся недалеко от центра здания и пылающего стола для карт Мэта. Там, казалось, группа из трех

или четырех людей боролась с Мэтом. Свет, не просто один из них — все они были серыми людьми! Туон была на полу.

Мин пробежала мимо мертвой сул'дам и нескольких стражников. Суан при помощи Единой Силы отшвырнула одного из Серых от Мэта. Тела стражников создавали тени от света факелов на полу. Одна из дамани была еще жива, она в ужасе съежилась в углу, а ее поводок лежал на полу. Ее сул'дам неподвижно лежала в стороне, а ее браслет был на земле — очевидно, ее убили, когда она пыталась добраться до дамани.

— Сделайте что-нибудь! —

закричала Мин на девушку, схватив ее за руку.

Дамани покачала головой, заплакав.

— Чтоб ты сгорела, — выговорила Мин.

Потолок строения застонал. Мин побежала к Мэту. Один из Серых Людей был мертв, но было ещё двое других, одетых в форму охранников шончан. Мин никак не могла рассмотреть этих живых, они выглядели не по-человечески во всех отношениях. Совершенно невзрачными.

Мэт взревел, ударив ножом одного из мужчин, его ашандарея не было с ним, Мин не знала, где он

был. Опрометчиво бросившись вперед, Мэт получил глубокую рану в бок. Зачем?

Туон, осознала Мин, останавливаясь на бегу. Один из Серых людей опустился на колени возле её неподвижной фигуры, поднимая кинжал, и...

Мин бросила.

Мэт рухнул на землю в нескольких футах от Туон — последний Серый Человек схватил его за ноги. Нож Мин завертелся в воздухе, отражая пламя, и вошёл в грудь Серого Человека, стоявшего возле Туон.

Мин выдохнула. Никогда в жизни она не была так счастлива

видеть, что нож попал в цель. Мэт с проклятьями обернулся и ударил напавшего в лицо. Он проследил за ножом, а затем бросился к Туон, схватил её и перекинул через плечо.

Мин встретила с ним взглядом.

— Суан тоже здесь. Она...

Мэт указал в сторону. Суан лежала на полу здания. Ее глаза были неподвижны, и все образы, что были над ней, ушли.

Мертва. Мин застыла, её сердце разрывалось. Суан! Она все равно бросилась к женщине, не в силах поверить, что та мертва, хотя ее одежда горела от взрыва огня, который накрыл её и почти половину

стены рядом с ней.

— Наружу! — закричал, кашляя Мэт, держа Туон. Он бросился плечом вперед на стену, которая была только наполовину выгоревшей, вырываясь на воздух.

Мин закричала, оставив тело Суан. Слезы струились из ее глаз, от скорби и от едкого дыма. Она закашлялась, следуя за Мэтом на открытый воздух. Снаружи пахло так славно, так холодно. Позади них с шумом обрушился шатер.

В тот же момент Мин и Мэта окружили воины Стражи Последнего Часа. Никто из них не попытался забрать у Мэта Туон, которая еще дышала, хоть и слабо. Взглянув ему в

глаза, Мин подумала, что они вряд ли смогли бы это сделать.

"Прощай, Суан, — подумала Мин, оглянувшись, когда Стражи повели ее прочь от боя, кипевшего под Дашарским Выступом, — Пусть Творец позаботится о твоей душе".

Ей следовало бы послать весть другим — защитить Брина — но глубоко внутри себя Мин понимала, что это бесполезно. В миг смерти Суан он впал в погибельную ярость, и об этом предупреждали ее видения.

Она никогда не ошибалась. Иногда, Мин ненавидела свою точность. Но она никогда не ошибалась.

— Отводите их плетения —
закричала Эгвейн — Я атакую!

Она не ждала и не смотрела, выполнили ли ее приказ. Она ударила, удерживая столько силы, сколько она могла, вытягивая ее через са'ангриал Воры и направляла три различных потока огня в верх по склону на укрепившихся шарцев.

Вокруг нее хорошо обученные воины Брина изо всех сил пытались сохранить боевые порядки, в которых они бились с Шарцами, прокладывая себе путь к западной стороне Высот. Склон был перепахан сотнями борозд и ям, созданных плетениями с обеих сторон.

Эгвейн отчаянно боролась,

продвигаясь вперед. Она чувствовала Гавина выше, но подозревала, что он был без сознания; искра его жизни была так слаба, что она едва могла ощутить связь с ним. Ее единственной надеждой было пробиться через Шарцев и добраться до него.

Земля загрохотала, когда она испарила Шарскую женщину впереди; Саэрин, Дозин и другие сестры сконцентрировались на отклонении вражеских плетений, в то время как Эгвейн сосредоточилась на посылании атак. Она шла вперед. Шаг за шагом.

Я иду, Гавин, — думала она с нарастающим бешенством. — Я иду.

— У нас есть новости, Вильд.

Мгновение Демандред не обращал внимания на гонца. Он парил на соколиных крыльях, изучая птичьим взглядом поле битвы. Вороны были бы лучше, но всякий раз, когда он пытался использовать их, кто-то из Порубежников убивал птиц из лука. Почему из всех обычаев именно этот кочевал от Эпохи к Эпохе?

Неважно. Сокол будет работать и в том случае, если будет сопротивляться его контролю. Он вел его над полем битвы, осматривая формирования, развертывание, продвижения войск. Он не должен

был полагаться только на отчеты.

Это должно давать невероятное преимущество. Льюс Тэрин не мог использовать так животное; это было подарком, который давала только Истинная Сила. Демандред мог направить только тонкую струйку Истинной Силы — плетение, недостаточно сильное для разрушения; для того, чтобы быть опасным, были и другие возможности. К сожалению, у Льюса Тэрина было его преимущество. Врата, которые смотрели вниз на поле битвы. Это причиняло неудобство: люди этого времени научились делать вещи, которые не были известны со времён Эпохи

Легенд.

Демандред открыл глаза и разорвал свою связь с соколом. Его силы продвигались, но каждый шаг был изнурительным испытанием. Были убиты десятки тысяч Троллоков. Он должен быть осторожнее, их число не безгранично.

Сейчас он был на восточной стороне Высот, глядя на реку ниже и к северо-востоку от того места, где убийца Льюса Тэрина попытался убить его.

Демандред находился почти напротив холма, который, со слов Могидин, называли Дашарским Выступом. Скалистое образование

поднималось высоко в воздух, ее основание было прекрасным местом для командного поста, прикрытым от атак Единой Силой.

Искушение ударить лично было велико. Переместиться и опустошить там все. Но не этого ли хотел Льюс Тэрин? Демандред сразится с этим человеком. Сразится. Однако, Переместиться в оплот врага и, вероятно, оказаться в ловушке, в окружении этих высоких каменных стен... Лучше выманить Льюса Тэрина. Демандред имел преимущество на поле боя и мог сам выбрать, где произойдет их столкновение.

На месте реки теперь остались

лишь жалкие грязные струйки, и троллоки Демандред штурмовали южный берег. Пока еще защитники держались, но скоро он их одолеет. Гораздо выше по течению М'Хаэль хорошо выполнил свою задачу — остановил воду — хотя сообщил о необычном сопротивлении. Горожане и небольшой отряд солдат? Странность, которую Демандред еще не мог объяснить.

Он почти хотел, чтобы М'Хаэль потерпел неудачу. Хотя Демандред сам обратил этого человека на их сторону, он не ожидал, что М'Хаэль так быстро будет возвышен до Избранного.

Демандред обернулся в сторону.

Перед ним склонились три женщины в черных одеяниях с белыми лентами. Рядом с ними — Шендла.

Шендла... Он думал, что интерес к женщинам остался в далеком прошлом — какое влечение могло сравниться с той пылающей страстью, с которой он ненавидел Льюса Тэрина? И все же, Шендла... Хитрая, способная, сильная. Этого было почти достаточно, чтобы затронуть его сердце.

— Что у вас за донесения? — спросил он трёх склонившихся женщин в черном одеянии.

— Охота была неудачной, — сказала Галбрэйт, низко склонив голову.

— Он сбежал?

— Да, Вильд. Я подвела тебя.

Он услышал боль в голосе женщины, она была руководителем женщин Айяд.

— Я не ожидал, что ты его убьешь, — сказал Демандред. — Он — противник превыше твоих умений. Вы разрушили их штаб?

— Да, — сказала Галбрэйт. — Мы убили полдюжины их направляющих, подожгли строение и уничтожили карты.

— Он направлял? Выдал себя?

Она заколебалась, потом покачала головой.

Итак, он еще не мог сказать с уверенностью, что этот Коутон был

на самом деле замаскировавшимся Льюсом Тэрином. Демандред подозревал это, но пришли рапорты от Шайол Гул, что Льюса Тэрина видели там, на склонах горы. Прежде он уже доказал свою хитрость в Последней Битве, прыгая от одного поля боя к другому, показываясь тут и там.

Чем дольше Демандред боролся против вражеского полководца, тем крепче убеждался, что Льюс Тэрин был здесь. Очень возможно, что тот создал видимость своего присутствия на севере, а на самом деле явился, чтобы сразиться в этой битве.

Льюс Тэрин не любил позволять другим биться вместо него. Он всегда

старался делать все сам, лично возглавлять каждую битву — каждую атаку, если бы мог.

Да. Как еще можно было объяснить мастерство вражеского командующего? Только человек, наделенный богатым опытом прошлых войн, мог бы вести столь искусный танец на поле боя. В сущности, тактика боя была в основном проста. Обходи врага с флангов, встречай удар тяжелой конницы пикинерами, пехоту — хорошо обученными линейными пехотинцами, направляющих — своими направляющими. И все же... красота всех этих... мелких деталей... этому нужно было учиться

веками. Никто из людей этой Эпохи не мог прожить достаточно долго, чтобы овладеть этим искусством в такой степени.

Во время Войны Силы, единственное, что у Демандредда получалось лучше, чем у его друга — командовать на поле боя. Трудно было признаться себе в этом, но он не мог больше прятаться от правды. Льюс Тэрин был мощнее его в Единой Силе. Льюс Тэрин лучше знал, как покорить сердца людей. Льюс Тэрин получил Илиену.

Но Демандред... Демандред был лучше на войне. Льюс Тэрин никогда не мог так, как он, выдержать баланс между осмотрительностью и

дерзостью. Он медлил и колебался, беспокоясь из-за своих решений, а потом ударился бы в безрассудства.

Если этот Коутон и был Льюсом Тэрином, он это перерос. Вражеский командующий знал, когда подбросить монетку и положиться на судьбу, но никогда не ставил слишком многое на каждый бросок. Он мог бы стать превосходным игроком в карты.

Конечно, Демандред все равно его разобьет. Это просто делало битву более... интересной.

Он положил руку на рукоять меча, обдумывая то, что видел на поле боя несколько мгновений назад. Его троллоки продолжали наступать по руслу реки, и Льюс Тэрин собрал

своих пикинеров в ровные квадратные построения, чтобы остановить их — попытка обороняться. Позади Демандреда громыхали взрывы, давая знать, где развернулось основное противостояние между шарскими Айяд и Айз Седай.

Там у него было преимущество. Его Айяд много лучше, чем Айз Седай. Когда Коутон бросит в дело этих дамани? Могидин докладывала о разногласиях между ними и Айз Седай. Сможет ли он каким-то способом вызвать раскол между ними?

Он отдал приказы, и три Айяд рядом с ним удалились. Шендла

осталась, дожидаясь разрешения оставить его. Он велел ей присматривать за окрестностями и выслеживать других убийц.

— Ты боишься? — спросил он у нее. — Ты знаешь теперь, на чьей стороне мы сражаемся. И, насколько мне известно, ты еще не отдалась Тени.

— Я отдалась тебе, Вильд.

— И ради меня ты сражаешься бок о бок с троллоками? Полулюдьми? Тварями из кошмаров?

— Ты сказал — некоторые назовут твои действия злом, — сказала она. — Но я не смотрю на них с такой позиции. Наш путь ясен. Когда ты одержишь победу, ты

переделаешь мир, и наш народ будет сохранен, — она коснулась его руки, и что-то промелькнуло в нем, но было сразу заглушено ненавистью.

— Я могу отречься от этого, — сказал он, глядя ей в глаза. — Все взамен на шанс расквитаться с Льюисом Тэрином.

— Ты обещал попытаться, — сказала она. — Этого будет достаточно. И если ты уничтожишь его, ты разрушишь один мир и сохранишь другой. Я последую за тобой. Мы все последуем за тобой.

Её голос, казалось, намекал, что возможно, когда Льюс Тэрин будет мертв, Демандред снова сможет стать самим собой.

Он не был уверен. Правление интересовало его настолько, насколько он мог использовать его против своих древних врагов. Шарцы, преданные и верные, были всего лишь инструментом. Но в нем было что-то, что желало, чтобы это было не так. Это было ново. Да, это было.

Воздух поблизости деформировался, изгибаясь. Не было видно плетений — это было разрыв полотна Узора, Перемещение с помощью Истинной Силы. М'Хаэль прибыл.

Демандред повернулся, и Шендла выпустила его руку, но не отходя в сторону. М'Хаэлю

предоставили доступ к сущности Великого Повелителя. Это не вызывало у Демандреда зависти. М'Хаэль был другим инструментом. Однако, это заставило его задаться вопросом. Кому-либо отказали в Истинной Силе в эти дни?

— Ты проигрываешь бой возле руин, Демандред, — сказал М'Хаэль с вызывающей ухмылкой. — Твоих троллоков сокрушат. Ты многократно превосходишь врага числом, и все равно, они одолеют тебя. Я-то думал, ты среди нас лучший полководец, и все же ты проигрываешь этому сброду? Я разочарован.

Демандред просто вытянул руку, подняв два пальца.

М'Хаэль вздрогнул, когда два десятка Шарских направляющих отсекли его от источника. Они окутали его потоками воздуха, оттащив назад. Он боролся, сияние Истинной Силы окружило его, но Демандред был быстрее. Он создал щит используя Истинную Силу, сплетая обжигающие нити Духа.

Нити дрожали в воздухе, каждая трещала от энергии и были настолько малы что их концы уходили в ничто. Истинная Сила была так изменчива, потому так опасна. Щит, сплетенный из нее, имел странный эффект, пьющий силу другого, когда он пытался направлять.

Щит Демандреда отобрал силу М'Хаэля и использовал человека как проводника. Демандред собрал Истинную Силу и сплел ее в потрескивающий шар силы над ладонью. Только М'Хаэль был в состоянии видеть его, и надменные глаза человека широко открылись, когда Демандред истощил его.

Это мало чем отличалось от круга. Вытягивание энергии заставило М'Хаэля дрожать, потеть, пока он поддерживался плетениями Айяд Демандреда. Этот поток мог сжечь М'Хаэля, если бы был неконтролируемым — мог вырвать его душу стремительным потоком Истинной силы, как река, бушующая

вне берегов. Скручивающаяся масса нитей в руках Демандред пульсировала и потрескивала, заставляя дрожать воздух, начиная распускать Узор.

Тонкой паутиной трещины расползлись от него по земле. Трещины в небытие.

Он приблизился к М'Хаэлю. У человека начался приступ, пена, пена закапала с его губ.

— Ты выслушаешь меня, М'Хаэль, — сказал Демандред мягко. — Я не как другие Избранные. Мне нет дела до ваших политических игр ни на йоту. Мне плевать кто из вас любимчик Великого Повелителя, кого из вас Моридин поглаживает по

головке. Мне интересен только Льюс Тэрин.

— Это мой бой. И ты мой. Я привел тебя к Тени, и я же могу уничтожить тебя. Если ты помешаешь тому, что я делаю здесь, я потушу тебя как свечку. Я понимаю, что ты считаешь себя сильным, с твоими украденными Повелителями ужаса и не обученными направляющими. Ты ребенок, дитя. Возьми своих людей, создавай хаос как хочешь, но держись подальше от моих дел. И держись подальше от моего приза. Генерал врагов — мой.

Глаза М'Хаэля были полны ненависти, а не страха, хотя тело его предательски дрожало. Да, он всегда

был многообещающим.

Демандред повернул руку и обрушил поток пламени с помощью собранной Истинной Силы. Раскаленная добела линия жидкого огня ударила по армии в реке ниже, выпаривая каждого мужчину или женщину, которую она затронула. Их формы стали пунктирами света, затем пыли, они исчезали сотнями. Он оставил длинную линию сожженной земли, похожую на борозду, порезанную огромным секачом.

— Отпустите его, — сказал Демандред, позволяя щиту исчезнуть.

М'Хаэль отпрянул назад,

стараясь удержаться на ногах. Он задышался, поднеся руку к груди.

— Попробуй выжить в этой битве, — отвернувшись, чтобы вновь призвать сокола, сказал ему Демандред. — И если тебе это удастся, то возможно я покажу тебе то, что я сделал. Ты наверно хочешь убить меня, но тебе следует помнить, что Великий Повелитель наблюдает за нами. Так же запомни: Возможно у тебя и есть сотня ручных Аша'манов. Но со мной свыше четырех сотен Айад. Я стану спасителем мира.

Когда он оглянулся, М'Хаэль уже исчез, переместившись при помощи Истинной Силы. Было удивительно,

что он смог вызвать силу после того, что только что сделал с ним Демандред. Он надеялся, что ему не придется убивать этого человека. Он должен оказаться полезным.

Я ВЫИГРАЮ, В КОНЦЕ
КОНЦОВ.

Ранд стоял перед дующими ветрами, стоял крепко, хотя его глаза увлажнились, когда он смотрел в темноту. Как долго он был в этом месте? Тысячу лет? Десять тысяч?

В этот момент для него было важно только неповиновение. Он не склонится перед этим ветром. Он не ослабит волю даже на один удар сердца.

НАКОНЕЦ, ВРЕМЯ ПРИШЛО.

— Время ничто для тебя, —
сказал Ранд.

Это было правдой, и в тоже время не было. Ранд мог видеть нити, которые закручивались вокруг него, формируя Узор. Когда это закончилось, он увидел под собой поля сражений. Те, кого он любил, боролись за свои жизни. Это не было вероятностями, это было правдой, это происходило на самом деле.

Темный обернулся вокруг Узора, он был не в силах захватить или уничтожить его, но он мог прикоснуться к нему. Усики темноты, как колючки, прилипли в разных точках мира, по всей его длине.

Темный лежал как тень на Узоре.

Когда Темный коснулся Узора, время существовало для него. И так, пока время было ничем для Темного, он или она, поскольку у Темного не было пола, может действовать только в пределах своих границ. Наверное... как скульптор, у которого были чудесные видения и сны, но он был по-прежнему связан с реальными материалами, с которыми работал.

Ранд смотрел на узор, сопротивляясь атаке Тёмного. Он не двигался, не дышал. Дыхание здесь было не нужно.

Люди умирали внизу. Ранд слышал их крики. Так много уже пало.

Я ВЫИГРАЮ, В КОНЦЕ
КОНЦОВ, ПРОТИВНИК. СМОТРИ
НА ИХ МУКИ. СМОТРИ КАК ОНИ
УМИРАЮТ.

МЕРТВЕЦЫ МОИ.

— Ложь, — ответил Ранд.

— НЕТ. Я ПОКАЖУ ТЕБЕ.

Темный снова соткал
вероятность, создавая то, что может
быть, и втолкнул Ранда в другое
видение.

Джуилин Сандар не был
командиром. Он был ловцом воров, а
не каким-нибудь дворянином. Точно
не дворянином. Он работал на себя.

Конечно, за исключением тех
случаев, когда он оказывался на поле

боя, во главе отряда, назначенный на эту должность потому, что будучи ловцом воров, успешно захватывал опасных людей. Шарцы нажимали на его отряд, нацелившись на Айз Седай. Они сражались на западном склоне Высот, и задачей его подразделения было защищать Айз Седай от шарской пехоты.

Айз Седай. Как он вообще связался с Айз Седай? Он, добропорядочный тайренец.

— Держаться! — кричал Джуилин своим людям, — Держаться! — он кричал это и самому себе. Его отряд, вооруженный пиками и копьями, теснил шарцев обратно вверх по

холму. Он не знал, зачем он здесь, и почему они сражаются именно в этом месте. Он просто хотел выжить.

Шарцы кричали и ругались на незнакомом языке. У них было много этих направляющих, но ему пришлось столкнуться с обычными солдатами, вооруженными различным оружием, но в основном щитами и мечами. Тела устилали землю, что создавало трудности для обеих сторон. Выполняя приказ, Джуилин и его люди давили на шарцев, пока Айз Седай и вражеские направляющие обменивались плетениями Силы.

У Джуилина было копье, оружие, с которым он был знаком

лишь поверхностно. Шарцы в доспехах пробивались между пикинерами Мика и Чарна. Офицеры носили нагрудники, обмотанные странными разноцветными накидками, тогда как у простых солдат были кожаные доспехи, обшитые металлическими полосами. Спины у всех были покрыты странными узорами.

У лидера шарских солдат была жуткая палица, которой он свалил одного пикинера, затем другого. Он орал на Джуилина, выкрикивая проклятья, которые тот не мог понять.

Джуилин сделал ложный выпад, и когда шарец поднял щит, поразил

его копьем в щель между нагрудником и наплечником. Свет, тот даже не вздрогнул. Он ударил Джуилина щитом, отшвырнув назад.

Копье выскользнуло из вспотевших пальцев Джуилина. Тот выругался, схватившись за мечелом — оружие, с которым управлялся хорошо. Мик и другие рядом с ним дрались с остатками шарского отряда. Чарн пытался помочь Джуилину, но обезумевший шарец обрушил удар палицы на его голову, расколов череп надвое, как ореховую скорлупу.

— Сдохни, проклятая тварь! — крикнул Джуилин, бросившись вперед и вонзив мечелом в шею

шарца выше латного воротника. Другие шарцы быстро приближались к нему. Джуилин отступил, а люди возле него падали и умирали. Вовремя, шарец слева попытался снести ему голову широким взмахом меча. Острие меча чуть не отсекло ему ухо, и Джуилин инстинктивно поднял собственный клинок. Меч его противника переломился, и Джуилин наотмашь полоснул того по горлу.

Джуилин наклонился за своим копьём. Огненные шары упали неподалеку — атаки со стороны Айз Седай позади и шарцев на вершине Высот. Земля осыпала волосы Джуилина, прилипала к его рукам.

— Держаться! — закричал

Джуилин своим людям. — Сгореть вам, мы должны держаться!

Он напал на еще одного шарца, оказавшегося рядом. Один из пикинеров, подняв свое оружие, ударил того в плечо, и Джуилин вонзил копье в его кожаный нагрудник.

Воздух содрогался. От взрывов звенело в ушах. Джуилин отступал, отдавая приказы своим людям.

Не думал он, что окажется здесь. Он думал, что будет где-нибудь в тепле, рядом с Аmaterой, думая об очередном преступнике, которого надо поймать.

Он догадывался, что каждый на этом поле чувствует, что им стоило

бы оказаться где-то в другом месте. Но все, что им оставалось делать — продолжать драться.

"Ты хорошо выглядишь в черном," — Андрол послал Певаре, в то время как они проходили через вражескую армию на вершине Холма.

"Что," — вернула она ему, "это что-то такое, что тебе никогда не следует говорить Айз Седай. Никогда."

Его единственным ответом было чувство нервозности, переданное через связь. Певара поняла. Они носили инвертированное плетение Маски Зеркал и бродили среди

Друзей Темного, Исчезающих и Шарцев. И это работало. Певара была одета в белое платье и черный плащ поверх него, они не были частью плетения, но те, кто заглянул бы в капюшон ее плаща, увидели бы лицо Алвиарин, — члена Черной Айя. Теодрин носила лицо Рианны.

Андрол и Эмарин носили плетения, которые дали им лица Ненсена и Кэша, двух близких друзей Таима. Джоннет совершенно не походил себя, нося лицо неопикуемого Друга Темного, и он хорошо играл роль, прячась позади и таская их упряжь. Никто и никогда не смог бы узнать добродушного Двуреченца в этом человеке с

ястребиным лицом, сальными волосами и нервными повадками.

Они двигались быстрым шагом вдоль задних линий армии Тени на Высотах. Троллоки передавали связки стрел вперед, другие оставили линии, чтобы пировать на горах трупов. Здесь кипели кухонные котлы. Это потрясло Певару. Они останавливались, чтобы поесть? Сейчас?

Только некоторые из них, послал Андрол. Это характерно и для человеческих армий, хотя эти моменты не входят в баллады. Борьба длится весь день, и солдаты нуждаются в энергии, чтобы сражаться. Обычно, вы сменяете друг

друга в трех партиях. Те, кто был на передовых, ваши резервы и те, кто не на дежурстве, которые будут находиться далеко от схватки и есть так быстро, как они могут прежде, чем урвать немного сна. Затем назад к линиям фронта.

Одно время она видела войну по-другому. Она представляла каждого человека участвующим в боевых действиях каждый момент дня. Истинное сражение, однако, не было спринтом; это затянувшийся, размалывающий душу, длинный и трудный путь

Была вторая половина дня, приближался вечер. На востоке, ниже Высот, линии фронта расходились

далеко в обоих направлениях вдоль сухого русла реки. Много тысяч людей и Троллоков дрались в передних и задних рядах. Здесь сражались многочисленные группы Троллоков, но они меняли друг друга, возвращаясь на Высоты, чтобы поесть или упасть в бессознательное состоянии на какое-то время.

Она не слишком внимательно смотрела в котлы, в то время, как Джоннет рухнул на колени рядом с тропинкой с позывами тошноты. Он заметил части тела, плавающие в густом тушеном мясе. Когда он извергал содержимое желудка на землю, проходящие группы Троллоков фыркали и гоготали в

насмешку.

"Почему они покидают Возвышенности, чтобы взять реку?" — она послала Андролу. "Здесь, кажется, более удобная позиция".

"Возможно и так", — послал Андрол. "Но Тень выступает агрессором. Если они останутся на этой позиции, это сыграет на руку армии Коутона. Демандреду необходимо продолжать давить. Это означает пересечь реку. "

Значит Андрол понял стратегию тоже. Интересно.

"Я немного нахватался всякого" — послал он ответ. "Я не буду в ближайшее время возглавлять

какую-либо битву."

"Просто любопытно, как много жизней ты прожил, Андрол."

"Странное заявление, исходит от женщины, которая достаточно стара, чтобы быть бабушкой моей бабушки".

Они продвигались вдоль восточной стороны Холмов. В отдалении, на западной стороне, Айз Седай сражались по пути к вершине, но сейчас высоты удерживали силы Демандреда. Эта область, через которую шла Певара была полна Троллоков. Некоторые неуклюже кланялись, когда Певара и другие проходили, другие спали, свернувшись калачиком на камнях, без подушек и одеял. Каждый держал

свое оружие в руках.

— Это не выглядит многообещающим, — тихо сказал Эмарин из-под маски. — Я не вижу что бы Таим был с Троллоками хоть немного больше необходимого.

— Впереди, — указал Андрол. — Посмотрите туда.

От Троллоков отделилась группа Шарцев, носящих странную одежду. На них были доспехи закутанные в ткань, но на спине брони не было. Однако легко угадывались очертания нагрудника. Певара посмотрела на остальных.

— Я предполагаю, что Таим может быть в составе этой группы, — сказал Эмарин. — К тому

же, здесь намного меньше пахнет вонью, чем среди Троллоков.

Певара игнорировала вонь — она научилась делать это годы назад, подавляя сильные запахи так же, как игнорировала жару и холод. Когда же Эмарин сказал это, оттенок того, что обоняли другие, просочился сквозь ее защиты. Она быстро восстановила контроль. Это было ужасно.

— Мы сможем пройти мимо Шарцев? — спросил Джоннет.

— Увидим, — сказала Певара, направляясь к шарцам, остальные из группы присоединились, обступив её. Шарские солдаты установили тревожную границу между собой и Троллоками, следя за ними, как

будто те могли стать врагами. Было заметно, что этот союз, или что там было, не очень-то устраивал шарских солдат. Они даже не пытались скрывать своё отвращение, многие обмотали ткань вокруг лиц, что бы не чувствовать запахи.

Когда Певара прошла через их линию, дворянин — либо таковой с ее точки зрения, из-за его обмундирования из медных колец — двинулся ей навстречу. Прекрасно отработанный взгляд Айз Седай отбросил его. "Я слишком важна, ты недостойн того, что б меня отвлекать", говорил это взгляд. Это прекрасно сработало, и они оказались внутри.

Резервный лагерь Шарцев был аккуратен как и мужчины, возвращающиеся с запада, где они боролись с силами Белой Башни. Ожесточенные плетения от направляющих продолжали привлекать внимание Певары, как яркий свет.

"О чем ты размышляешь?" — Отправил ей Андрол.

"Мы должны переговорить с кем-то. Это поле битвы слишком большое для нас, чтобы самим найти Таима."

Он отправил обратно свое согласие. Не в первый раз, Певара обнаруживала что связь отвлекает. Ей не только приходилось иметь

дело с ее собственной нервозностью, но и Андролом тоже. Это пришло с закоулков её мозга, и ей пришлось сдерживаться при помощи дыхательных упражнений, которые она узнала, когда впервые попала в Башню.

Она остановилась в центре лагеря, оглядываясь по сторонам, пытаясь решить, к кому подойти. Она могла отличить прислугу от дворян. Подойти к первым было менее опасно, но маловероятно чтобы это принесло результаты. Может быть....

— Ты!

Певара начала разворачиваться.

— Вас не должно здесь быть.

Старый шарец был совершенно

лысым с короткой седой бородой. Из-за его плеч выглядывали две рукоятки в форме змеиных голов от мечей, перекрещенных за его спиной, и он нес жезл со странными отверстиями по всей длине. Что-то, наподобие флейты?

— Идем, — сказал мужчина с таким акцентом, что Певара едва могла его понять. — Вильд должен тебя увидеть.

"Кто такой этот Вильд?" — отправила Певара Андролу.

Он только покачал головой, сбитый с толку не меньше, чем она.

Все это оборачивалось очень скверно.

Старик остановился с ними, с

раздраженным выражением на лице. Что он сделает, если они откажутся? У Певары возник соблазн создать врата и удрать.

"Мы пойдем, — подумал Андрол, шагая вперед. — Пока мы с кем-то не поговорим, Таима нам не найти".

Певара нахмурилась, когда он последовал за стариком, другой Аша'ман присоединился к нему. Она поспешила за ними. "Я-то думала, мы сошлись на том, что распоряжаюсь я", — послала она мысль ему.

"Нет, — тут же ответил он. — Я думал, мы сошлись на том, что ты ведешь себя так, будто ты

распоряжаешься".

Она отправила ему отмеренную смесь холодного неудовольствия и уверенности в том, что этот разговор еще не завершен.

"Ты что, мысленно испепеляешь меня взглядом? — насмешливо ответил Андрол, — Это впечатляет".

"Мы сильно рискуем, — подумала она. — Этот человек может завести нас куда угодно".

"Да", — ответил он.

Нечто тлело внутри него, нечто такое, на что до этого момента был только намек.

"Так ты хочешь добраться до Таима?"

"Да, хочу".

Она кивнула.

"Ты понимаешь?" — передал он.

"Я тоже потеряла друзей из-за него, Андрол, — ответила она. — Их схватили у меня на глазах. Но надо соблюдать осторожность. Нельзя рисковать чрезмерно. Еще рано".

"Мы на пороге гибели всего мира, Певара, — возразил он. — Если мы не можем рисковать теперь, то когда же?"

Она последовала за ним, прервав спор, заинтересованная той решимостью, которую чувствовала в Андроле. Захватив его друзей и Обравив их на сторону Тени, Таим разбудил в нем нечто.

Пока они шли за старым

шарцем, Певара осознала, что она не вполне понимает, что чувствует Андрол. Ее подруги, Айз Седай, тоже были захвачены, но это было не то же самое самое, что для Андрола — потерять Ивина. Ивин доверял Андролу, искал у него защиты. Айз Седай были для Певары знакомыми, друзьями, но это совсем иное.

Старик привел их к большой группе людей, на многих были богатые одеяния. Похоже, высшая знать шарцев не принимала участия в бою, поскольку ни у кого из них не было оружия. Они приблизились к старому воину, хотя некоторые усмехались, глядя на его мечи.

Джонет и Эмарин встали возле

Певары и Теодрин, по одному с обеих сторон, как телохранители. Они смотрели на шарцев, держа руки на мечах, и она подозревала, что оба удерживают Единую Силу. Что ж, этого следовало ожидать от Повелителей Ужаса, оказавшихся в окружении союзников, которым не вполне доверяли. Им не стоило защищать таким образом и Певару, но это был приятный жест с их стороны. Она всегда думала, что Стражи полезны. Она отправилась в Черную Башню с намерением взять нескольких Аша'манов в качестве Стражей. Возможно...

Андрол тут же взревновал. "Ты что, какая-нибудь Зеленая, вокруг

которой увивается стадо мужиков?"

Она отправила в ответ насмешку: "А почему бы и нет"?

"Они слишком молоды для тебя, — парировал он. — Джонет, в любом случае, уже занят. И Теодрин не отдаст его тебе без драки",

"Я же думала о том, чтобы связать их узами, а не затащить их в постель, — откровенно ответила она Андролу. — К тому же, Эмарин предпочитает мужчин."

Андрол замешкался.

"Правда?"

"Конечно, да. Ты что, не обращал внимание?"

Андрол казался ошарашенным. Иногда мужчины бывают на

удивление слепы, даже такие наблюдательные, как он.

Когда они достигли центра группы, Певара обняла Источник. Дадут ей время создать врата, если что-то пойдет не так? Она не знала это место, но для Перемещения на маленькое расстояние это не так важно. Сейчас она чувствовала себя так, словно поднялась на эшафот и ощупывала петлю виселицы — хорошо ли та подойдет к ее шее.

Посреди группы стоял и раздавал приказы высокий мужчина в доспехах из серебристых дисков с дырками посередине. Пока они смотрели на него, чаша воспарила в воздухе и прилетела прямо ему в

руку. Андрол напрягся: "Он направляет, Певара".

Тогда это Демандред? Должен быть он. Певара позволила саидар струиться сквозь нее, неся теплый свет, вымывая прочь эмоции. Старик, который вел их, шагнул вперед и что-то прошептал Демандреду. Несмотря на то, что слух ее был усилен саидар, Певара не могла расслышать, что он сказал.

Демандред развернулся к ним.

— Что такое? М'Хаэль уже забыл свои приказы?

Андрол пал на колени, остальные сделали то же самое. Хотя это выводило ее из себя, Певара последовала общему примеру.

— Великий господин, — сказал Андрол, — мы просто...

— Никаких оправданий! — рявкнул Демандред. — Никаких игр! М'Хаэлю велено взять Повелителей Ужаса и уничтожить войска Белой Башни. И если я увижу, что кто-то из вас пытается увильнуть от этой битвы, я сделаю нечто такое, что вы предпочли бы пойти на забаву троллокам!

Андрол торопливо кивнул и начал пятиться назад. Хлыст из Воздуха, который Певара не видела — она почувствовала боль мужчины через Узы — стегнул его по лицу. Остальные последовали за ним, отползая с низко опущенными

головами.

"Это было глупо и рискованно!" — передала Певара Андролу.

"Зато сработало, — ответил он, глядя перед собой и подняв руку к лицу. Кровь капала между пальцами. — Мы теперь точно знаем, что Таим на поле боя, и знаем, где его искать. Пойдем".

Галад пробирался через кошмар. Он знал, что Последняя Битва может стать концом света, но теперь... Теперь он чувствовал это.

Направляющие с обеих сторон осыпали друг друга потоками, сотрясая Половские Высоты. Молнии

сыпались с неба так часто, что Галад едва мог слышать, а его глаза слезились от боли при виде взрывов, ударяющих в землю поблизости.

Он бросился на холм, зарываясь плечом в землю и ныряя в укрытие, когда очередная серия взрывов ударяла в землю перед ним. Его команда из двенадцати человек в рваных белых плащах прикрывала его.

Силы Белой Башни еле держались под ударами Шарцев. Объединенная сила столь многих направляющих была невероятно большой.

Большая часть пехотинцев Белой Башни и большое количество

Шарцев сражались здесь, на западных Высотах. Галад остановился у периметра этой битвы, ища направляющих Шарцев, которые сражались одни или небольшими группами. Во многих местах здесь линия боя с обеих сторон была сломана. Не удивительно; было практически невозможно сохранять ровную линию боя при том, какая мощь использовалась обеими сторонами.

Группы солдат карабкались вокруг, ища укрытия в дырах, оставшихся от взрывов в скале. Другие защищали группы направляющих. Поблизости, женщины и мужчины бродили,

объединяясь в небольшие группы, уничтожая солдат, используя огонь и молнии.

Это было именно то, что искал Галад.

Он поднял меч, указывая на трех Шарских женщин, стоящих сверху. Он и его люди уже преодолели больше, чем половину высоты склона.

Три. Три — это может быть довольно сложно. Они обратили внимание на небольшую группу мужчин, носящих одежды с Пламенем Тар Валона. Молния ударила в несчастных солдат.

Галад поднял вверх четыре пальца. План четыре. Он выскочил из

своего укрытия и бросился в сторону трех женщин. Его люди ждали, считая до пяти, затем последовали за ним.

Женщины увидели его. Если бы они не обернулись, у Галада было бы преимущество. Одна из них подняла руку и сплела огонь, бросая плетение в него. Пламя ударило Галада, и, хотя он мог почувствовать его тепло, плетение распустилось и рассеялось, оставляя его немного подпаленным, но по большей части целыми и невредимыми.

Глаза шарцев широко распахнулись в шоке. Этот взгляд... Этот взгляд был знаком Галаду. Это был взгляд солдата, чей меч был

сломан в бою, взгляд человека, который видел то, чего не может быть. Что можно сделать, когда не удастся использовать Единую Силу? Силу, которая, как вы считали, делает вас выше простого народа.

Вы умираете. Меч Галада снес голову женщины, пока одна из ее спутниц пыталась связать его, используя потоки Воздуха. Он ощутил, как металл похолодел на груди, и почувствовал движение Воздуха вокруг него.

"Плохой выбор", подумал Галад, протыкая своим??мечом грудь второй женщины. Третья оказалась умнее и запустила в него большим камнем. Он с трудом поднял щит перед тем,

как камень ударил его по руке, отбрасывая его назад. Женщина успела поднять еще один камень в тот момент, когда люди Галада настигли ее. Она упала на их мечи.

От удара скалы Галаду сперло дыхание и он запрокинул голову назад. Он застонал, садясь. Поблизости, его солдаты расчленили тело Шарской женщины. Они не должны были этого делать, но у некоторых Детей были странные идеи о том, что могли сделать Айз Седай. Он увидел Ларда, отсекающего головы Шарским женщинам чтоб похоронить их отдельно от тела. Если ты этого не сделаешь, утверждал Лард то, они

возвратятся к жизни в следующую полную луну.

Когда солдаты разделались с другими двумя телами, Голевер подошёл и протянул Галаду руку.

— Сожги меня свет, — сказал Голевер, широкая усмешка рассекла его бородатое лицо, — если это не самая лучшая работа, которую мы когда-либо делали, милорд Капитан-Командор, я не знаю что может быть лучше!

Галад встал.

— Это то, что должно быть сделано, Чадо Голевер.

— Мне бы хотелось, чтобы это происходило чаще! Это то, чего Дети ждали веками. Вы стали первым, кто

сделал это. Да осияет тебя Свет, Галад Дамодред. Да осияет тебя Свет!

— Да осияет Свет тот день, когда люди вообще перестанут убивать, — сказал устало Галад. — Не годится радоваться убийству.

— Как вам угодно, Лорд Капитан Командор, — ухмыляясь продолжал Голевер.

Галад посмотрел на кровавое столпотворение на западном склоне Высот. Свет, то, что написал Коутон, могло иметь некоторый смысл для этого сражения, но для Галада его, безусловно, не было.

— Лорд Капитан Командор, — прозвучал испуганный голос.

Галад развернулся, положив руку на эфес. Это был Алханра, один из его разведчиков.

— Что случилось, Чадо Алханра? — спросил Галад, как только худой человек подбежал. Без лошадей. Они были на склоне, и животные плохо отреагировали бы на молнии. Лучше доверять собственным ногам.

— Вы должны увидеть это сами, мой Лорд, — тяжело дыша прошептал Алханра. — Это... Это ваш брат.

— Гавин? — Невозможно. Нет. Хотя... Он должен быть с Эгвейн, на этих позициях. Галад побежал за Алханром, Голевером и другими,

входящими в состав его окружения.

Тело Гавина с пепельным лицом лежало в углублении между двумя камнями на вершине Высот. Неподалеку лошадь щипала траву, кровь стекала по её боку, судя по всему, это была не её кровь. Галад опустился на колени рядом с телом молодого человека. Смерть Гавина не была легкой. Что с Эгвейн?

— Мир, брат, — сказал Галад, опуская руку на тело. — Пусть Свет...

— Галад... — прошептал Гавин, веки его трепетали.

— Гавин? — спросил потрясенный Галад. У Гавина была тяжелая рана живота. Он носил

какие-то странные кольца. Всюду была кровь. На руке, груди... на всем его теле...

Как мог он еще быть жив?

Узы Стража, он понял.

— Мы должны доставить тебя к Айз Седай, тем кто сможет тебя исцелить! — Он опустил руку в яму, подхватывая Гавина.

— Галад... Я не смог. — Гавин смотрел на небо, его глаза были пусты.

— Ты все сделал правильно — прошептал Галад.

— Нет. Я не смог. Я должен был... Я должен был остаться с ней. Я убил Хаммара. Ты знал это? Я убил его. Свет. Я должен был выбрать

сторону...

Галад подхватил своего брата и побежал по склону к Айз Седай. Он пытался укрыть Гавина от нападений направляющих. Уже через несколько мгновений взрыв разорвал землю под ногами Детей, разбрасывая их в стороны, опрокидывая Галада на землю. Он уронил Гавина, который рухнул на землю рядом с ним.

Гавин дрожал, его глаза смотрели вдаль.

Галад пополз и попытался поднять его снова, но Гавин схватил его за руку, смотря ему в глаза.

— Я люблю ее, Галад. Скажи ей.

— Если вы действительно связаны, то она знает.

— Ей будет больно, —
выговорил Гавин сквозь бледные
губы. — И, в конце всего этого, мне
не удалось. Я не убил его.

— Его?

— Демандред, — прошептал
Гавин. — Я пытался убить его, но
был недостаточно хорош для этого. Я
никогда... не был... достаточно
хорош...

Галад очутился в очень холодном
месте. Он видел, как люди умирают,
он потерял друзей. Это ранило ещё
сильнее. Свет, но это произошло. Он
любил своего брата, любил его
глубоко и Гавин, в отличие от Илэйн,
возвращал эти чувства.

— Я отведу тебя в безопасное

место, Гавин, — сказал Галад, поднимая его, потрясенный слезами в его глазах. — Я не останусь без брата.

— Ты не прав. У тебя есть еще и другой брат, Галад. Ты не знаешь. Сын... Тигрейн... пришедший с востока... сын Девы. Рожденный на Горе Дракона, — закашлявшись прошептал Гавин.

О, Свет...

— Оставь его Галад, — шептал Гавин, — Отпусти свою ненависть к нему, я смог... я простил...

Глаза Гавина остекленели.

Галад прощупал пульс, потом откинулся назад, изучающе глядя на своего умершего брата. Гавин

перевязал себя, но кровь продолжала просачиваться сквозь ткань и падать на сухую землю, которая жадно впитывала ее в себя.

Голевер подошёл к нему, помогая Алхарна, почерневшее лицо которого и прожженная одежда пахла дымом от ударов молний.

— Возьмите раненых В безопасное место, Голевер, — сказал Галад, вставая. Он протянул руку и нащупал медальон на груди, — Собери всех солдат и уходите.

— А вы, Лорд Капитан-Командор? — спросил Голевер.

— Я сделаю то, что должно быть сделано, — сказал Галад, его голос был холоден. Холоден как

сталь зимой. — Я пролью Свет на
Тень. Я свершу правосудие над
Отрекшимся.

Жизненная нить Гавина
оборвалась.

Эгвейн покачнувшись резко
осела, прямо посреди битвы. Что-то
разорвалось внутри нее. Это было
странное ощущение, как если бы ее
часть связанную с Гавином, вырвали,
оставив лишь пустоту.

Она закричала, падая на колени.
Нет. Нет, этого не может быть. Она
же могла чувствовать его прямо
впереди. Она так спешила спасти его.
Она могла... Могла...

Он исчез...

Эгвейн взывала, обращаясь к бурлящему потоку Единой Силы, это был ее предел, плетение уже было готово вырваться. Она выпустила его, и стена огня тут же обрушилась на Шарцев, которые были вокруг. Их войска заняли однажды Высоты, Айз Седай были у подножья, но сейчас это не имело значения.

Она атаковала их используя всю мощь са'ангриала Воры. Нужно уничтожить их! Свет! Это больно. Это так больно.

— Мать! — закричала Сильвиана, схватив ее за руку. — Ты потеряла контроль над собой! Ты убьешь наших же людей! Пожалуйста!

Эгвейн судорожно дышала. Неподалеку застыла группа Белоплащников, несших раненых с холма.

Так близко. О, Свет! Его больше не было!

— Мать? — сказала Сильвиана. Эгвейн едва слышала ее. Она коснулась своего лица и поняла, что слезы текут по нему.

Она была так уверена в себе. Говорила, что сможет продолжать драться, невзирая на потерю. Как наивна она была! Она позволила огню саидар внутри себя погаснуть. После этого жизнь оставила ее. Она повалилась набок, и почувствовала, как ее несут прочь. Через ворота, с

поля боя.

Тэм использовал свою последнюю стрелу, чтобы спасти Белоплащика. Это было то, что он никогда не мог вообразить себя делающим, но так оно и было. Волкоголовый Троллок оступился назад со стрелой, торчащей из его глаза, отказываясь упасть до тех пор, пока юный Белоплащик не дернулся из грязи и не ударил его под колени.

Его люди были теперь расположены на боковых мостках частокола, стреляя залпами стрел по Троллокам, которые хлынули здесь через русло реки. Их порядки были истощены, но их было еще очень

много.

До этого момента битва шла неплохо. Соединенные силы Тэма растянулись вдоль реки на шайнарской стороне. Ниже по течению Легион Дракона, знамена арбалетчиков и тяжелая конница, сдерживали наступление троллоков. То же происходило здесь, дальше вверх по реке, где лучники, пехота и кавалерия остановили продвижение троллоков по руслу реки. До тех пор, пока не начали заканчиваться боеприпасы, и Тэм вынужден был отвести своих людей в относительную безопасность за палисады.

Тэм посмотрел в сторону. Абелл

поднял вверх свой лук, пожимая плечами. Он тоже остался без стрел. Везде выше и ниже по мостику, мужчины Двуречья подняли вверх свои луки. Нет стрел.

— Больше не придет, — тихо сказал Абелл. — Парень сказал та партия была последней.

Белоплащники, перемешавшиеся с Волчьей Гвардией Перрина, бились отчаянно, но были оттеснены от реки. На них напирала с трех сторон, и еще одно троллочье войско только что развернулось на поле, чтобы полностью окружить их. Знамя Гэалдана развевалось на ветру ближе к руинам. Арганда с Нуррелем и остатками Крылатой Гвардии

удерживали эти позиции.

Если бы это была любая другая битва, Тэм бы сказал своим людям побережь стрелы, чтобы прикрыть отступление. Но не будет отступления сегодня, и приказ стрелять свободно был правильным; парни брали свое с каждым выстрелом. Они, вероятно, убили тысячи Троллоков во время битвы.

Но кем был лучник без своего лука? Все еще двуреченцем, подумал Тэм. И все еще не желающим проиграть эту битву.

— Отойти с мостков и выстроиться с оружием, — призвал Тэм парней. — Оставьте луки здесь. Мы снова возьмем их, когда придет

больше стрел.

Стрелы больше не подвезут, но двуреченцы почувствуют себя лучше, если останется надежда, что они снова смогут взяться за луки. Они построились в шеренги, как Тэм обучил их, вооруженные копьями, топорами, мечами, и даже косами. Все, что они смогли найти, было в обороте, в том числе щиты, как для мечников, так и для дровосеков, и отличные кожаные доспехи для них всех. Без пик, к сожалению. После того, как вооружили тяжелую пехоту, ни одной пики не осталось.

— Держитесь плотно, — сказал им Тэм. — Сформируйте два клина. Мы будем продвигаться вглубь

Троллоков окруживших
Белоплащников.

Лучшая вещь, которую можно сделать — по крайней мере, лучшая из всех, что мог придумать Тэм — была ударить Тролокоов, которые только пришли с тыла Белоплащников, разделить их и помочь Белоплащникам освободиться.

Мужчины кивнули, хотя они, вероятно, мало понимали в тактике. Это не имело значения. Пока они держали дисциплинированные ряды, как Тэм научил их.

Они побежали вперед, и Тэму вспомнилось другое поле боя. Снег, летящий в лицо, раздуваемый

жутким ветром. В каком-то смысле, то поле боя стало началом всего этого. Сейчас все закончится тут.

Тэм занял место во главе клина, с ним рядом встал Деан, человек из Дивен Райд, что служил в Андорской армии, по мнению других. Тэм быстро повел своих людей вперед, не давая ни им, ни себе, уклониться от того, что должно было произойти.

Когда они приблизились к массивным Троллокам, с их мечами, пиками, и боевыми топорами, Тэм обрел пламя и пустоту. Нервозность исчезла. Все чувства испарились. Он достал из ножен меч Ранда, с выгравированными драконами. Это было такое замечательное оружие,

какое Тэм никогда не видел. Эти узоры на металле шептали о древности происхождения. Это казалось слишком хорошим оружием для Тэма. Он чувствовал каждый меч, которым он когда-либо пользовался.

— Помните, держите строй! — крикнул Тэм обернувшись своим людям. — Не позволяйте им разделить нас. Если кто-то падает, другой встает на его место, а павшего надо затянуть в центр клина.

Они кивнули ему в ответ, а затем ударили в тыл Троллокам, туда, где на реке были окружены Дети Света.

Его строй ударил, прорываясь вперед. Огромные Троллоки развернулись к бою.

Фортуона движением руки отправила прочь соджин, которые пытались вновь облачить ее в королевские одежды. Из-за огня, от нее пахло дымом, и ее руки были обожжены и ободраны в нескольких местах. Она не позволила дамани Исцелить себя. Фортуона считала Исцеление полезным даром, что убедило некоторые из ее подданных пересмотреть свое мнение, но все же она не была уверена, что самой Императрице следует поступать так же. К тому же, ее раны не были опасны.

Стражи Последнего Часа перед ней пали на колени. Их требовалось

как-то наказать. Уже вторично они допустили к ней убийцу, и хотя она не могла винить их за это, оставив их без наказания, она лишила бы их чести. Это болью отозвалось в ее сердце, но она знала, что должна сделать.

Она отдала приказ лично. Селусия, ее Глашатай, должна была сделать это, но как раз сейчас обрабатывали ее раны. И Карид заслужил такое право — получить приказ о собственной казни лично от самой Фортуоны.

— Вы отправитесь сражаться с вражескими марат'дамани, — приказала она Кариду. — Все, кто стояли на посту. Сражайтесь за

Империю достойно и постарайтесь убить как можно больше марат'дамани.

Она заметила облегчение во взгляде Карида. Такой приказ, позволял ему продолжить служение. Это было милосердно с ее стороны. Если бы она дала ему самому выбрать наказание, то он вероятно выбрал бы броситься на собственный меч.

Она отвернулась от человека, который защищал ее в детстве, от человека, который отверг то, что от него ожидали. Все для нее. Позднее, она должна найти путь к искуплению за то, что сделала. По крайней мере, она воздаст ему

столько чести, сколько можно.

— Дарбинда, — сказала она, повернувшись к женщине, которая все еще настаивала, чтобы ее звали "Мин", несмотря на то, что новое имя, которое даровала ей Фортуона, несло в себе много чести. Оно означала "Девушка Знамений" на древнем наречии. — Ты спасла меня и, возможно, Принца Воронов. Я нарекаю тебя Высокородной, Видящая Судьбу. Да будет имя твое почитаемо грядущими поколениями.

Даринда сложила руки на груди. Как же она похожа на Нотая. Здешние обитатели — ужасные упрямы. И гордятся — гордятся! — собственным
низким

происхождением. Уму непостижимо.

Сам Нотай сидел рядом на пне, выслушивал рапорты с поля боя и раздавал приказы. Бой, который Айз Седай вели на западном склоне Высот, обернулся хаосом. Их взгляды встретились, и он один раз коротко кивнул.

Если здесь был шпион — а Фортуона удивилась бы, будь это не так — то сейчас лучшее время разыграть для него представление. Все, кто пережил атаку, собрались здесь. Фортуона велела им оставаться рядом, заявив, что намерена наградить тех, кто служил ей хорошо, и покарать тех, кто служил плохо. Каждый воин, слуга и

дворянин мог слышать ее слова.

— Нотай, — сказала она, — мы еще не говорили о том, как мне следует поступить с тобой. Стражи Последнего Часа должны охранять меня, но твоя задача — обеспечить безопасность всего лагеря. Если ты допускал, что наш штаб небезопасен, почему же не сказал раньше".

— Проклятье, ты что, думаешь, что это моя вина? — Нотай вскочил на ноги и жестом велел замолчать рапортовавшего разведчика.

— Я поручила тебе командование, — сказала Фортуона. — Тогда и главная ответственность за все ложится на тебя, не так ли?

Генерал Галган, стоявший рядом, нахмурился. Он был не согласен с ней. Другие, напротив, одарили Нотая гневными взглядами. Дворянчики-подхалимы; они готовы были винить его просто за то, что он не был урожденным Шончан. Впечатляет, как быстро Нотай склонил на свою сторону Галгана. Или же Галган изображает подобающие случаю чувства? Не он ли шпион? Он мог служить Сюрот, или просто быть ее заменой, на случай ее падения.

— Я не собираюсь принимать на себя ответственность за это, Туон, — сказал Нотай. — Проклятье, ты сама настояла на том, чтобы остаться в

лагере, хотя могла быть где угодно, в безопасности!

— Возможно, мне так и следовало поступить, — холодно ответила она. — Вся эта битва обернулась катастрофой. Ты сдаешь позиции каждую секунду. Ты позволяешь себе шутки и легкомысленные речи, ты отвергаешь поведение, подобающее твоему титулу; я не думаю, что ты воспринимаешь свое нынешнее положение с должной серьезностью.

Нотай рассмеялся. Смех был громкий, искренний. Это он умел. Фортуона подумала, что она единственная видит две линии дыма, поднимающиеся с Высот точно за его

спиной. Хорошее знамение для Нотая: рискованная игра принесет великий выигрыш. Или проигрыш.

— Я скажу тебе как есть! — сказал Нотай, махнул рукой в ее сторону. — Ты и твои проклятые шончанские правила только мешают мне.

— Тогда и я скажу тебе как есть, — ответила она, вскинув голову. — Нам вообще не следовало вступать в этот бой. Лучше бы мы остались на юго-западе и готовились оборонять наши земли. Я не позволю тебе разбрасываться жизнями моих солдат.

— Тогда уходите, — прорычал Нотай. — Мне-то какое дело?

Она резко развернулась и направилась прочь.

— Идемте, — сказала она прочим. — Собираем наших дамани. Все, кроме этих Стражей Последнего Часа переместятся к лагерю нашей армии у Эринин, и затем мы вернемся в Эбу Дар. Мы сразимся в истинной последней битве после того, как эти глупцы обескровят Отродий Тени.

Ее люди последовали за ней. Была ли игра убедительной? Шпион видел, как она послала на смерть человека, который ее любил; убедит ли это его в том, что она безрассудна? Настолько безрассудна и самоуверенна, что готова забрать у

Нотая свои войска? Это было достаточно правдоподобно. В некотором смысле, ей хотелось бы сделать то, о чем она говорила, и вступить в бой на юге.

Конечно, чтобы поступить так, ей пришлось бы проигнорировать расколотое небо, дрожащую землю и бой, который вел Возрожденный Дракон. Это были знамения, которыми она не могла пренебречь.

Но шпион этого не знает. Он не знает ее. Шпион увидит просто молодую женщину, которая глупа настолько, что захотела драться сама по себе. Она на это надеялась.

Темный оплетал Ранда сетями

вероятностей.

Ранд знал, что это битва между ними — битва за то, что может быть, — имеет жизненно важное значение для Последней Битвы. Ранд не мог соткать будущее. Он не Колесо, ни что-либо подобное. Несмотря на все что с ним произошло, он по-прежнему был просто человек.

И все же, именно в нем была надежда человечества. Судьба человечества зависела от его выбора будущего. Выбор пути... это сражение должно определить его, его воля, против воли Темного. Пока еще все, что может быть, может стать тем, что будет. Сломайся он теперь и

Темный будет выбирать будущее.

СМОТРИ, сказал Темный, поскольку линии света объединились, и Ранд вошел в другой мир. Мир, который еще не произошел, но мир, который весьма вероятно мог бы скоро состояться.

Ранд нахмурился, глядя на небо. В этом видении оно не было красным, земля не была разрушена. Он стоял в Кэймлине, он знал это. Да, различия были заметны. Паровые фургоны громыхали на улицах, смешиваясь с конными экипажами и толпой людей.

Стоя на вершине центрального холма, он видел как расширился город за пределы новой стены. Он

мог даже разглядеть место, где Талманес взорвал стену. Разлом не был отремонтирован. Вместо этого, город выплеснулся через него. Здания покрывали то, что когда-то было полями снаружи.

Ранд хмурился, поворачиваясь и идя по улице. В какую игру играл Темный? Конечно, этот нормальный, даже преуспевающий, город не был частью его планов относительно мира. Люди были чисты и не выглядели угнетаемыми. Он не видел признака развращенности, которая отметила предыдущий мир, созданный Темным для него.

Заинтересованный, он подошел к ларьку, где женщины продавали

фрукты. Стройная женщина улыбкой приглашала его, указывая на свой товар. — Добро пожаловать, добрый сэр. Я Ринель, и мой магазин — второй по выбору самых прекрасных фруктов со всего мира. У меня есть свежие персики из Тира!

— Персики! — сказал в ужасе Ранд. Все знали, что они ядовитые.

— Ха! Не бойтесь, сударь! Из них были удалены токсины. Они столь же безопасны, как и я честна. — Женщина улыбнулась, укусив один из персиков, чтобы доказать свои слова. Как только она это сделала, неряшливые руки появились из-под ларька с фруктами, они принадлежали мальчику,

спрятавшемуся там, которого Ранд раньше не заметил.

Маленький мальчик схватил красный фрукт, которого Ранд не знал, и умчался. Он был настолько худым, что Ранд мог видеть, как его ребра давят на кожу его слишком маленькой фигуры, а его ноги были такими слабыми, что было удивительно, как мальчик мог хотя бы ходить.

Женщина, продолжая улыбаться Ранду, потянулась рукой к боку и достала небольшой жезл с рычажком со стороны ее пальцев. Когда она нажала на рычажок, жезл издал резкий треск.

Брызнула кровь, и мальчишка

упал, распластавшись на земле. Люди, шедшие по улице, обходили его, хотя кто-то — мужчина в сопровождении многочисленных охранников — остановился, чтобы подобрать фрукт. Он стер кровь и укусил фрукт, продолжив свой путь. Через несколько секунд паровая повозка прокатилась по телу, вдавив его в дорожную грязь.

Ранд, ужаснувшись, посмотрел назад на женщину. Она спрятала свое оружие с улыбкой на лице. — Вы искали какие то особенные фрукты? — спросила она.

— Ты только что убила этого ребенка!

Женщина нахмурилась в

замешательстве. — Да. Разве он принадлежал вам, сударь?

— Нет, но. — Свет! Женщина не показывала ни намека на раскаяние или беспокойство. Ранд повернулся, но никто, казалось, ничуть не заботился о том, что случилось.

— Сэр? — Спросила женщина. — Я чувствую, как будто я знаю вас. Это прекрасная одежда, даже если немного не того стиля. К какой фракции вы принадлежите?

— Фракции? — спросил Ранд, оглядываясь назад.

— А где ваши охранники? — Спросила женщина.

— Человек богатый, как вы имеет их, конечно.

Ранд встретился с ней глазами, а затем отбежал в сторону, так как женщина снова потянулась за оружием. Он нырнул за угол. Выражение в ее глазах... полное отсутствие любого рода человеческого сочувствия или беспокойства. Она бы убила его в один момент без задней мысли. Он это знал.

Другие на улице смотрели на него. Они подталкивали товарищей, указывая на него. Один человек проходя мимо крикнул

— Назови свою фракцию! — Другие бросились в погоню.

Ранд нырнул за другой угол. Единая Сила. Осмелится ли он

использовать ее? Он не знал, что происходит в этом мире. Как и прежде, он с трудом отделял себя от видения. Он знал, что это было не совсем реально, но он не мог не считать себя его частью.

Он не рискнул с Единой Силой, и доверился пока своим ногам. Он не знал Кэймлин очень хорошо, но он помнил этот район. Если он дойдет до конца этой улицы и повернет... да, есть! Впереди он увидел знакомое здание, с табличкой на передней части, изображающей мужчину стоящего на коленях перед женщиной с красно-золотыми волосами. Благословение Королевы.

Ранд достиг передней двери,

когда преследовавшие его сгрудились, огибая угол позади него. Они остановились, когда Ранд вскарабкался к двери, минуя здоровенного парня, стоящего в стороне. Новый охранник двери? Ранд не знал его. Бэзил Гилл все еще владеет гостиницей, или она сменила владельца?

Ранд ворвался в большую общую залу, сердце колотилось. Несколько человек, нянчивших кувшины с полуденным пивом, ??посмотрели на него. Ранду повезло, Бэзил Гилл сам стоял за прилавком, протирая чашку тряпкой.

— Мастер Гилл! — сказал Ранд.
Толстяк повернулся,

нахмурившись.

— Я тебя знаю? — Он посмотрел на Ранда сверху вниз. — Мой Лорд?

— Это я, Ранд!

Гилл склонил голову, потом улыбнулся.

— Ах, вы! Я забыл вас. Ваш друг не с вами, да? Тот, с тьмой, глядящей в его глаза?

То есть люди не распознали Ранда как Возрожденного Дракона в этом месте. Что Темный сделал с ними?

— Мне нужно поговорить с вами, мастер Гилл, — сказал Ранд, шагая к частным обеденным апартаментам.

— В чем дело, парень? — спросил Гилл, следуя за ним. — У тебя какие-то проблемы? Опять?

Ранд закрыл дверь за Мастером Гиллом. — В какой мы эпохе?

— В Четвертой Эпохе, конечно.

— А Последняя битва случилась?

— Да, и мы победили! — сказал Гилл. Он пристально посмотрел на Ранда, сужая глаза. — Ты в порядке, сынок? Как можешь ты не знать...

— Я провел последние несколько лет в лесах, — сказал Ранд. Напуганный тем, что происходило.

— Ах, так. Ты ничего не знаешь о фракциях?

— Нет.

— Свет, сын мой! У тебя проблема с душком. Постой здесь, я принесу тебе символ фракции. Нужно, спешить! — Гилл открыл дверь и вышел наружу.

Ранд сложил руки на груди, заметив с неудовольствием небытие по ту сторону камина, стоявшего в комнате. — Что ты сделал с ними? — потребовал Ранд.

— Я ПОЗВОЛИЛ ИМ ДУМАТЬ, ЧТО ОНИ ПОБЕДИЛИ.

— Зачем?

МНОГИЕ, КТО СЛЕДУЮТ ЗА МНОЙ, НЕ ПОНИМАЮТ ТИРАНИЮ.

— Что это придется делать

с... — Ранд обернулся, когда Гилл вернулся. Он не имел никакого "символа фракции", что бы это ни было. Вместо этого, он привел трех громил с бычьими шеями и указал на Ранда.

— Гилл, сказал Ранд, попятившись и ухватившись за источник. — Что ты делаешь?

— Что ж, я думаю я смогу продать это пальто за что-то, — сказал Гилл. Его голос даже в малейшей степени не звучал оправдывающимся.

— И поэтому ты меня ограбишь?

— Ну, да. — Гилл казался смущенным. — Почему бы и нет?

Громилы вошли в комнату, глядя на Ранда внимательным взглядом. Они несли дубинки.

— А как же закон? — сказал Ранд.

— Почему должны быть какие-то законы, запрещающие грабеж? — спросил Гилл, качая головой. — Что ты за человек, что думаешь о таких вещах? Если человек не может защитить то, что он имеет, почему он должен это иметь? Если человек не может защитить свою жизнь, зачем она ему?

Гилл махнул троим мужчинам идти вперед. Ранд связал их плетениями Воздуха.

— Ты взял их совесть, не так

ли? — спросил он мягко.

Гилл выпучил глаза узрев использование единой Силы. Он попытался бежать, но Ранд захватил и его плетениями Воздуха.

ЛЮДИ, КОТОРЫЕ ДУМАЮТ, ЧТО ОНИ УГНЕТЕНЫ, КОГДА-НИБУДЬ БУДУТ БОРОТЬСЯ. Я ОТБЕРУ У НИХ НЕ ТОЛЬКО ИХ ВОЛЮ К СОПРОТИВЛЕНИЮ, НО И СОМНЕНИЕ, ЧТО ЧТО-ТО НЕ ТАК.

— Значит, ТЫ оставишь их без сострадания? — потребовал Ранд, глядя в глаза Гилла. Этот человек, казалось, в ужасе, от того, что Ранд убьет его, и трех бандитов. Никаких угрызений совести. Ни намека на это.

МИЛОСЕРДИЕ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ
НЕОБХОДИМЫМ.

Ранд почувствовал смертельный
холод.

— Этот мир отличается от того,
что ты показывал мне раньше.

ТО, ЧТО Я ПОКАЗАЛ ТЕБЕ
РАНЫШЕ — ЭТО ТО, ЧЕГО
ОЖИДАЮТ ЛЮДИ. ЭТО ТО ЗЛО, С
КОТОРЫМ, КАК ОНИ ДУМАЮТ,
ОНИ СРАЖАЮТСЯ. НО Я СДЕЛАЮ
МИР, ГДЕ НЕ БУДЕТ ДОБРА ИЛИ
ЗЛА.

БУДУ ТОЛЬКО Я.

— А ТВОИ слуги знают? —
прошептал Ранд. — Те, кого ты
называл Избранными? Они думают,
что борются, чтобы стать господами

и правителями за мир собственных решений. Вместо этого ТЫ дашь им это. Тот же самый мир. кроме одного, без СВЕТА.

БУДУ ТОЛЬКО Я.

Нет Света. Нет человеческой любви. Ужас глубоко проник в Ранда, сотрясая его. Это был один из тех возможных миров, который может выбрать Темный, если победит. Это не означает, что он будет, или может быть, но ... о, Свет, это было ужасно. Гораздо страшнее, чем мир рабов, гораздо страшнее, чем темный мир заустения.

Это был истинный ужас. Это было полное искажение мира, он забрал все прекрасное от него,

оставив после себя лишь шелуху. Миловидную шелуху, но все же шелуху.

Ранд бы лучше прожил тысячу лет пыток, сохранив часть себя, что давала ему способность чувствовать добро, чем прожить хоть момент в этом мире без Света.

Он крутнулся, разъяренный на темноту. Он сконцентрировался на дальней стене, увеличивая ее. — ТЫ ошибся, Шай'тан! — кричал Ранд в небытие. ТЫ думаешь поверг меня в отчаяние? ТЫ думаешь сломил мою волю? Это не так, клянусь ТЕБЕ. Это заставляет меня бороться!

Что-то грохотало внутри Тьмы. Ранд кричал, силой воли пробиваясь

наружу, разрушая темный мир лжи и людей, которые убивали бы без сочувствия. Мир взорвался, и Ранд снова оказался в месте, вне времени. Узор зарябил вокруг него.

— Ты показал мне своё истинное сердце? — потребовал Ранд у небытия, пока он схватил эти потоки. — Я покажу тебе своё, Шай'тан. В противовес Беспросветному миру, который бы ты сотворил.

— Мир без Тени.

Мэт зашагал прочь, унимая свой гнев. Туон казалась очень озлобленной на него! Свет. Она вернется, когда он будет нуждаться в

ней, но так ли это?

— Мэт? — спросила Мин, торопливо подходя к нему.

— Иди с ней — лишь обронил Мэт. — Проследи за ней для меня, Мин.

— Но...

— Она не нуждается в защите — проронил Мэт. — Она сильная. Треклятый пепел, она именно такая. И все же за ней нужно присматривать. Она беспокоит меня. Сейчас я отдаю все свои силы этой проклятой кровавой мясорубке, ради нашей победы. Поэтому я не могу за ней приглядывать. Так что прошу тебя? Пожалуйста?

Мин помедлила, а затем

неожиданно обняла его.

— Удачи, Мэтрим Коутон.

— Удачи, Мин Фаршав —
медленно произнес Мэт. Он
выпустил ее из объятий, а затем
забросил ашандрей на плечо. Войска
Шончан начали покидать поле боя,
они пройдут мимо Эринин, прежде
чем окончательно отступить с поля
Мериллор. Демандред выпустил их,
но он же не дурак. Кровь и
треклятый пепел во что Мэт себя
втянул? Он только что позволил уйти
четверти своих сил.

Они должны вернуться, подумал
он. Если бы его авантюра сработала.
Если кости выпадут так, как ему
нужно..

Но эта битва, была не простой игрой в кости. Здесь было так много тонкостей. Если поразмыслить, то все это выглядит как карточная игра. А Мэт обычно выигрывает в карты. Как правило.

Справа от него, группа мужчин в темной Шончанской броне шла к полю боя.

— Эй, Карид! — прокричал Мэт.

Огромный мужчина мрачно посмотрел на Мэта. Внезапно, Мэт осознал, что чувствует себя подобно слитку металла, на который смотрит Перрин, поднимая свой молот. Карид приблизился, и, хотя он явно делал усилие, чтобы сохранить на лице спокойствие, Мэт чувствовал угрозу,

исходящую от него.

— Спасибо — вырвался жесткий голос Карида, — За помощь в защите императрицы, да живет она вечно.

— Ты думаешь, что ее следовало держать где-нибудь в безопасном месте — проронил Мэт. — Не на командном посту.

— Это не мое дело — задавать вопросы Высокородным, Величайший, — сказал Карид.

— Ты и не сомневаешься во мне, — ответил Мэт. — Ты думаешь о том, чтобы пырнуть меня чем-нибудь острым. Это совершенно разные вещи.

Карид выдохнул, затем сделал

длинный глубокий вдох.

— Извините меня, Высочайший
— произнес он, поворачиваясь,
чтобы уйти. — Я возьму своих людей
и умру с честью.

— Я так не думаю, — сказал
Мэт. — Ты пойдешь со мной.

Карид повернулся к нему.

— Императрица, да живет она
вечно, приказала...

— Тебе отправляться на поле
боя. — произнес Мэт, прикрывая
глаз, чтобы осмотреть русло реки,
кишащее Троллоками... —
Великолепно. А, куда, по-твоему,
направляюсь я?

— Ты будешь биться? —
спросил Карид.

— Я думаю о небольшой прогулке, — сказал Мэт. Он покачал головой. — Мне нужно почувствовать, что делает Демандред. Я иду туда Карид, и вы, ребята, будете между мной и Троллоками, звучит замечательно. Так вы идете?

Карид не ответил, но и не ушел.

— Послушайте, какой у вас выбор? — спросил Мэт. — Броситься в бой и умереть без особой пользы? Или попробовать сохранить меня в живых для вашей Императрицы? Я почти уверен, что она меня любит. Может быть. Трудно понять, что у нее на душе, у Туон.

— Ты должен перестать

произносить это имя, — гневно заметил Карид.

— Я буду звать её так, как я треклято хочу.

— Нет, если мы собираемся отправиться с тобой, — сказал Карид. — Если я должен идти с Принцем Воронов, мои люди не должны слышать такое из Ваших уст. Это будет плохим предзнаменованием.

— Ну, нам ведь не нужно это, — сказал Мэт. — Ладно, хорошо Карид. Давайте нырнем обратно в эту заварушку и посмотрим, что можно сделать. Во имя Фортуоны.

Тэм поднял меч, как если бы

хотел начать поединок, но не нашел ни одного достойного врага. Только хрюкающие, воющие, свирепые Троллоки отделились от осажденных Белоплащников в этой битве рядом с руинами.

Двуреченцы напали на Троллоков. Тэм взмахнул клинком, применив Тростник на Ветру. Он решил — ни шагу назад. Он уклонялся и вправо и влево, но держался и наконец сломал линию Троллоков, быстро нанося удары.

Двуреченцы будут занозой в ноге Темного и куманикой на его руках. В хаосе, который последовал, они кричали и проклинали, и дрались, чтобы отсечь Троллоков.

Но скоро острие клина остановилось. Троллоки возвышались вокруг людей. Форма клина, обычно, наступательная тактика, но и здесь она работала хорошо. Троллоки обтекали стороны клина, получая удары от Двуреченцев, вооруженных топорами, мечами и копьями.

Тэм позволил вести их обученным парням. Он предпочел бы быть в центре клина, выкрикивая поощрения, так же, как поступал сейчас Даннил — но он был одним из некоторых, кто по настоящему был обучен сражаться, и вершина клина требовала стабильности и устойчивости.

Поэтому он позволил быть себе устойчивым. Обретя спокойствие в пустоте, он позволил Троллокам ломиться на него. Он начал движение с Отряхивания Росы с Ветки, перешёл к Цветам Яблони на Ветру, к Падению камня в Водоем — все стойки, которые делали его устойчивым в одном положении, сражаясь с многочисленными противниками.

Несмотря на практику в последние несколько месяцев, Тэм даже близко не был так силен, как в юности. К счастью, тростник не нуждался в силе. Он не был натренирован так, как когда-то был, но тростнику не нужно учиться, как

гнуться на ветру.

Он просто сгибался.

Годы зрелости и возраст, принесли Тэму понимание пустоты. Он понимал ее теперь лучше, чем когда-либо. Годы воспитания Ранда, годы жизни без Кари, годы слушания ветра, шелеста листьев..

Тэм Ал'Тор обернулся в пустоту. Он принес ее Троллокам, показал ее им и послал их в ее глубины.

Он танцевал вокруг Троллока похожего на козла, отбил его??меч в сторону и подрезал зверю стопу. Тот споткнулся и Тэм, позволил людям за собой добить его. Он взмахнул мечем и кровь с меча Тэма темными каплями упала на глаза Троллока

жуткой наружности. Он взвыл, ослепленный, и Тэм скользнул вперед, рукой подняв его нагрудник вспорол живот. Тэм приостановился перед третьим Троллоком, который ударил топором в сторону Тэма, но вместо Тэма зарубил своего сородича.

Каждый его шаг был частью танца, и Тэм предложил Троллокам присоединиться к нему. Он только сражался, как когда-то, очень давно, но память это то, что пустота не допускала. Он не думал о прошлом, он ни о чем не думал. Если бы он знал, что он делал так раньше, то попытка осмыслить движения вызвала бы ненужный резонанс, а

так, казалось, будто понимание ситуации само прониживает его мышцы.

Лезвие Тэма плавно вошло в шею Троллока с лицом, почти человеческим, только слишком волосатыми щеками. Тот рухнул на спину и Тэм вдруг обнаружил, что больше нет врагов. Он остановился, воздев меч кверху, чувствуя, как мягкий ветер обдувает его. Темные звери грохочут далеко внизу убегая к реке, преследуемые всадниками с реющими знаменами Порубежников. Вскоре они врежутся в стену войск Легиона Дракона, и будут раздавлены между ними и преследующими их Порубежниками.

Тэм очистил клинок, отпустил пустоту. Тяжесть ситуации ударила его. Свет! Его люди должны были умереть. Если бы не подоспели Порубежники.

Он вложил меч обратно в свои лакированные ножны. Красный и золотой дракон уловили блики Солнечного света. Откуда мог взяться луч солнца среди затянутых тучами небес? Он поискал солнце, и нашел его за облаками, почти на горизонте. Была почти ночь!

К счастью, троллоки здесь, у руин, похоже, были наконец-то сломлены. Уже несколько утомленные переправой через реку, теперь они были сметены атакой

Лана с тыла,

Все было кончено быстро. Тэм выстоял.

Неподалеку рысью поднялся на берег вороной конь. Наездник, Лан Мандрагоран, в сопровождении знаменосца и охранников — смотрел на двуреченцев.

— Меня давно интересовал тот, от кого Ранд получил меч со знаком цапли, — сказал Лан Тэму. — Мне хотелось знать, на самом ли деле он был достоин этого оружия. Теперь я знаю, — Лан вскинул вверх собственный меч, салютуя.

Тэм повернулся к своим людям — истощенным, окровавленным, сжимавшим оружие в руках. Путь,

который проделал их клин, можно было легко проследить — десятки троллоков лежали там, где клин врезался в них. Севернее воины второго клина подняли оружие. Их оттеснили почти до самого леса, но они выстояли, и некоторые остались в живых. Тэм не мог не видеть, что погибли десятки славных людей.

Его измотанные люди садились на землю прямо здесь, на поле битвы, окруженные телами убитых. Некоторые вяло накладывали повязки на свои раны, или заботились о раненых, которых оттаскивали внутрь клина. Южнее Тэм заметил нечто пугающее. Неужели эти Шончан оставили свой

лагерь на Дашарском Выступе?

— Мы победили? — спросил Тэм.

— Далеко от того, — сказал Лан. — Мы удержались на этой части реки, но здесь не главное сражение. Демандред послал троллоков, чтобы связать нас и не позволить подтянуть резервы в броду ниже по реке, где развернулся более крупный бой, — Лан развернул коня. — Собирай своих, мастер клинка. Эта битва не закончится с закатом солнца. Вы еще будете нужны в ближайшие часы. Тайшар Манетерен.

Лан поспешил к своим Порубежникам.

— Тайшар Малкир, — запоздало крикнул Тэм ему вслед.

— Так... мы еще не закончили? — спросил Даннил.

— Нет, парень. Не закончили. Но мы получили передышку, теперь можем Исцелить раненых и найти какой-нибудь еды, — он увидел врата, открывшиеся перед полем. Коутон был достаточно умен, чтобы дать Тэму возможность вывезти раненых в Майен. Это...

Через врата устремились люди. Сотни их, тысячи. Тэм нахмурился. Неподалеку собирались Белоплащники — атаки троллоков здорово их потрепали, но появление Тэма спасло их армию от полного

уничтожения. Арганда спешил перестроить свои войска у руин, а Волчья Гвардия, окровавленная и окруженная телами троллоков, высоко подняла свой флаг.

Тэм побрел через поле. Его конечности налились неподъемной тяжестью. Он чувствовал себя выжатым сильнее, чем если бы целый месяц корчевал пни.

Возле врат он нашел Берелейн, стоявшую там вместе с несколькими Айз Седай. Эта красивая женщина казалась ужасно не на месте здесь, посреди грязи и смерти. Черно-серебряное платье, диадема на волосах... Свет, ей просто нечего делать на поле боя.

— Тэм Ал'Тор, — сказала она. — Ты командуешь этим войском?

— Вроде того, — сказал Тэм. — Простите, миледи Первенствующая, но кто все это люди?

— Беженцы из Кэймлина, — ответила Берелейн. — Я отправила кое-кого посмотреть, нужно ли им Исцеление. Они отказались, и требовали, чтобы я направила их в бой.

Тэм почесал голову. В бой? Всякого мужчину — да и женщину — которые могли держать меч, уже забрали в армию. Люди, которые проходили через врата у него на глазах, были в основном детьми или

стариками, да еще было несколько пожилых женщин, которых, видимо, оставили присмотреть за молодыми.

— Простите, — сказал Тэм. — Но это поле битвы!

— Я пыталась объяснить им это, — сказала Берелейн с намеком на раздражение. — Они сказали, что могут быть полезны. Это лучше, чем пережидать Последнюю Битву, прижавшись друг к другу, на дороге в Беломостье, так они сказали.

Нахмурившись, Тэм наблюдал, как дети рассыпались по полю. Его желудок подскочил к горлу, когда они начали осматривать изуродованные тела, и многие поначалу отшатывались. Другие пробирались

между павшими, ища тех, кто еще подавал признаки жизни и мог быть Исцелен. Немногочисленные старые солдаты, которых отправили с беженцами для охраны, ходили вместе с ними, ища троллоков, которые еще не успели сдохнуть.

Женщины и дети начали собирать стрелы среди павших. Это может быть полезно. Очень полезно. С удивлением Тэм увидел сотни Лудильщиков, которые шли через ворота. Они искали раненых под руководством нескольких Желтых сестер.

Тэм понял, что кивает. Ему все равно не хотелось позволять детям видеть такое зрелище. "Что ж, —

подумал он, — если мы проиграем битву, они увидят еще худшие вещи. Если они хотят чем-то помочь, пусть сделают это".

— Скажи мне, Тэм Ал'Тор, — спросила Берелейн. — Все ли... в порядке с Галадом Дамодредом. Я вижу здесь его людей, но не его знамя.

— Его отозвали для выполнения другого задания, миледи Первенствующая, — сказал Тэм. — Ниже по реке. Боюсь, я не слышал ничего о нем уже несколько часов.

— Ах... Что же, давайте Исцелим и накормим ваших людей. Возможно, вести от лорда Дамодреда еще придут.

Илэйн мягко коснулась щеки Гарета Брина. Она по очереди закрыла его глаза, прежде, чем кивнуть солдатам, которые нашли его тело. Они унесли Брина на щите, ноги свисали с одного края, голова покоилась с другой стороны.

— Он просто закричал и понесся галопом — сказал Бергитте. — Прямо в стан врага. Не было никакой возможности остановить его.

— Суан мертва, — сказала Илэйн, испытывая почти неодолимое чувство потери. Суан... Суан всегда была такой сильной. С усилием, Илэйн успокоила эмоции. Она

должна держать свое внимание на сражении. — Есть известия из штаба?

— Командный пункт на Дашарском Выступе потерян, — сказала Бергитта. — Я не знаю, где Коутон. Шончан оставили нас.

— Поднять мое Знамя, — сказал Илэйн. — Пока мы не получим известие от Мэта, Я принимаю управление этим полем битвы. Привести моих советников.

Бергитте отправилась передавать приказы. Телохранительницы Илэйн, нервно переминались, видя как Троллоки сбросили Андорцев в реку. Они полностью заполнили коридор

между высотами и??болотом, и угрожали переправиться на Шайнарскую сторону. Часть армии Эгвейн была окружена Троллоками, которые на внешней стороне окружения вели бой с ее собственными войсками, но большинство Троллоков нападали на них сверху, и это выглядело, как если бы люди Эгвейн попали в ужасное положение.

Несмотря незначительный опыт участия в реальных сражениях, Илэйн имела хорошие теоретические знания о тактике боя, и она понимала, как плохо идут их дела. Да, она получила известие, о том, что Троллоки выше по течению реки

были уничтожены после подхода Лана и Порубежников. Но это оказало незначительный эффект на ситуацию в районе брода.

Солнце начало опускаться ближе к горизонту. Троллоки не подавали признаков отхода, и ее солдаты для лучшего освещения начали неохотно зажигать костры и факелы. Выстраивание ее людей в квадратные формации обеспечивали их лучшую защиту, но это также означало отказ от всякой надежды на продвижение. Айильцы воевали здесь также, как и в Кайриэне. Но, каре из пикейщиков были основой их боевого строя.

Они медленно окружают нас, подумала она. Если Троллоки так

сделают, они смогут сжать Андорцев. Свет, это плохо.

Солнце неожиданно блеснуло из-за горизонта облаков. Ночью Троллоки получают дополнительное преимущество. С наступлением темноты воздух похолодел. Ее ранние предположения, что эта битва будет длиться дни теперь казались глупыми и наивными. Тень атаковала их всей своей мощью. Человечеству оставались не дни, а часы.

— Ваше Величество, — обратился Капитан Гайбон, подъезжая с ее командирами. Их помятая броня и окровавленные плащи доказывали, что никто, даже старшие офицеры, не могут быть

избавлены от прямых боевых действий.

— Предложения, — сказала Илэйн, глядя на него, Теодора, командующего кавалерией и Бергитте, которая была Капитан-Генералом.

— Отступление? — спросил Гайбон.

— Ты действительно думаешь, что мы смогли бы выйти из боя? — ответила Бергитте.

Гайбон колебался, затем покачал головой.

— Ладно, тогда, — сказала Илэйн. — Как мы можем победить?

— Мы держимся, — сказал Теодор. — Будем надеяться, что

Белая Башня сможет выиграть борьбу против Шаранских направляющих и придет к нам на помощь.

— Мне не нравится просто сидеть здесь, — сказала Бергитте. — Это...

Сверкающий луч раскаленного добела огня прорезал охрану Илэйн, выпаривая десятки из них. Под Гайбоном исчезла лошадь, хотя сам он чудом избежал поражения. Лошадь Илэйн встала на дыбы.

Крича проклятья она попыталась обуздать свою лошадь. Это был погибельный огонь!

— Льюс Тэрин! — усиленный силой голос звучал над полем. — Я охочусь за женщиной, которую ты

любишь! Выходи ко мне, трус!
Борись!

Земля взорвалась около Илэйн, поднимая ее знаменосца в воздух, флаг взорвался в огне. На этот раз Илэйн была сброшена с лошади и сильно ударилась, кряхтя.

Мои малыши! Она застонала, поворачиваясь, в то время как чьи-то руки схватили ее. Бергитте. Женщина потащила Илэйн в седло позади нее с помощью нескольких женщин-Гвардейцев.

— Ты сможешь направить? — спросила Бергитте. — Нет. Неважно. Они будут наблюдать за этим. Целебрейн, подними другое знамя! Езжайте вниз по реке с

подразделением Гвардейцев. Я увезу Королеву в другую сторону!

Женщина, стоящая около лошади Бергитте, отдала честь. Это был смертный приговор!

— Бергитте, нет, — сказала Илэйн.

— Демандред решил, что ты поможешь ему выманить Возрожденного Дракона, — сказала Бергитте, поворачивая лошадь. — Я не позволю этому случиться. Хайо! — Она пустила свою лошадь в галоп, поскольку молния ударила в охранников Илэйн, подбрасывая тела в воздух.

Илэйн стиснула зубы. Ее армии находились в опасности быть

раздавленными, будучи в окружении, все это время Демандред посылал один за другим огненные шары, молнии и плетения Земли. Этот человек был опасен, как целая армия.

— Я не могу их оставить, — сказала Илэйн позади Бергитте.

— Да, ты можешь и ты сделаешь это, — грубо ответила она, в тот момент когда ее лошадь перешла на галоп. — Если Мэт пал — Свет, пусть это не так — значит, нам нужно организовать новый командный пункт. Есть причина, по которой Демандред напал на холм Дашар и затем непосредственно на тебя. Он пытается разрушить нашу структуру команды. Твоя обязанность

состоит в том, чтобы осуществлять командование из какого-нибудь безопасного и секретного места. Как только мы достаточно далеко отъедем, что разведчики Демандреда не смогут чувствовать когда ты направляешь, мы сделаем Врата, и ты снова возьмешь ситуацию под контроль. Прямо сейчас, Илэйн, ты должна закрыть рот и позволить мне тебя защитить.

Она была права. Чтоб ей сгореть, так оно и есть. Илэйн вцепилась в Бергитте, поскольку та скакала через поле битвы. Ее лошадь, взбалтывая комья грязи позади них летела к безопасному месту.

— Во всяком случае, по действиям его легко обнаружить — думал Галад, наблюдая потоки огня, пронесившиеся от вражеских позиций к армии Илэйн

Галад пришпорил своего коня, отправляя его в галоп через Высоты в сторону восточной части. Снова и снова он видел на своих руках умирающего Гавина.

— Выходи, Льюс Терин! — сотрясая землю впереди прогремел голос Демандреда. Он забрал у Галада брата, теперь чудовище охотится на его сестру.

Галад и раньше мог видеть вещи правильно, но никогда еще он не видел их настолько правильно, как

сейчас. Эти вспышки света были как указатели на карте, направляющие его путь. Свет сам вел его. Он подготовил его, привел сюда в этот момент.

Он прорвался через заднюю линию Шарских направляющих туда, где чуть выше русла стоял Демандред, глядя на войска Илэйн. Стрелы погрузились в землю вокруг него, Лучники стреляли, несмотря на риск попасть в своих. Выхватив меч, Галад вытащил ногу из стремени, готовясь к прыжку.

Стрела попала в его лошадь. Галад спрыгнул с животного. Он удачно приземлился, перекатился и отрубил руку ближайшему

арбалетчику. Рычащий мужчина-направляющий бросился на него, и медальон в форме лисьей головы похолодел у Галада на груди.

Галад провел лезвием по шее человека. Человек захрипел, кровь равномерно плескала из раны у него на шее с каждым ударом его сердца. Он не был удивлен, когда умирал, просто злился. Его вопли привлекли внимание.

— Демандред! — крикнул Галад. — Демандред, ты вызываешь на бой Дракона Возрожденного! Его здесь нет, но тут его брат! Ты будешь драться со мной?

На него были наведены десятки арбалетов. За его спиной рухнула

лошадь, из ее ноздрей шла кровавая пена.

Ранд Ал'Тор. Его брат. Шок от смерти Гавина привела его к этому открытию. Если он выживет, ему в конце концов придется принять это. Он все еще не знал, будет ли этим гордиться или стыдиться.

Фигура в странной сделанной из монет броне, прошла через Шарские ряды. Демандред был гордым человеком, что бы понять это — достаточно было только увидеть его лицо. Он выглядел, как Ал'Тор. Они вызывали одинаковые чувства.

Демандред рассматривал Галада, стоявшего с окровавленным мечом. Умиравший направляющий

царапал когтистыми пальцами перед собой землю.

— Его брат? — спросил Демандред.

— Сын Тигрейн, — сказал Галад, — Которая стала Девой Копья. Той, что дала жизнь моему брату на Драконовой Горе, могиле Льюса Терина. У меня было два брата. Другого ты убил на поле боя.

— У тебя имеется интересный артефакт, как я погляжу, — сказал Демандред, когда медальон похолодел еще раз. — Неужели ты думаешь, что он спасет тебя от той же судьбы, что и твоего жалкого брата? Того, что уже умер, я имею в виду.

— Ну так мы сразимся, Приспешник Тени? Или будем болтать?

Демандред обнажил меч с цаплями на лезвии и рукояти.

— Может ты предложишь мне лучшую партию, чем твой брат, маленький человек. Моё недовольство растёт. Льюс Тэрин может ненавидеть меня или отгораживаться от меня, но он не должен игнорировать меня.

Галад вышел вперед в кольцо лучников и направляющих. Если он победит, он все равно умрет. Но Свет, пусть он прихватит одного из Отрекшихся с собой. Это был бы достойный конец.

Демандред подошёл к нему, и их схватка началась.

Прижавшись спиной к сталагмиту, видя только при свете Калландора, падающего на стены пещеры, Найнив старалась сохранить жизнь Аланне.

Были и те в Белой Башне, кто дразнил ее за зависимость от обычной методики лечения. Что можно было сделать двумя руками и нитью, при невозможности использования Единой Силы?

Если бы любая из этих женщин была здесь вместо Найнив, миру настал бы конец.

Положение было ужасным.

Мало света, никаких приспособлений, кроме того, что лежало в ее поясном кошелье. До сих пор Найнив продолжала шить с помощью иглы и ниток, которые всегда носила с собой. Она смешала сбор трав для Алланы и насильно влила ей через губы. Этого будет недостаточно, но каждая травка внесет небольшое облегчение. Они поддержат силу Алланы, снимут ее боль, не дадут сердцу остановиться пока Найнив работает.

Рана была грязной, но она зашивала грязные раны раньше. Несмотря на внутреннюю дрожь, руки Найнив были тверды, когда она зашила рану и вытащила женщину

обратно с самого порога смерти.

Ранд и Моридин не двигались. Но она почувствовала, как что-то исходит от них. Ранд сражался. Бился в схватке, которую она не могла видеть.

— Мэтрим Коутон, это ты, треклятый дурень! Ты еще жив?

В рано наступивших сумерках Мэт разглядел Даврама Башира, который ехал позади него. Мэт вместе со Стражей Последнего Часа направлялся в тыл андорских формирований, сражающихся на реке.

Башир ехал вместе со своей женой, в сопровождении охранников

Салдейцев. Судя по крови на ее одежде, ей тоже довелось поучаствовать в сражении.

— Да, я жив, — ответил Мэт. — Я вообще, живучий парень. Насколько я помню, мне только один раз не повезло в деле выживания, но это мелочи. Кстати, а что ты здесь делаешь? Разве, ты не...

— Враги окопались в моем трёклятом мозгу, — Башир ослабился, — Представляешь, парень? По здравому размышлению, мы с Дэйрой решили, что будет лучше, если я не буду тут командовать, но убить пару-тройку Троллоков я еще в состоянии.

Мэт кивнул. С гибелью Тенобии

этот человек становился королем Салдэйи, но пока он отвергал корону. Порча в его разуме потрясла его. Все, что он сказал — то, что салдэйцы будут сражаться с малкирцами и велел своим войскам следовать за Ланом. Думать о троне можно будет, если они переживут Последнюю Битву.

— Что с тобой случилось? — поинтересовался Башир. — Я слышал, командный пункт разрушен.

Мэт кивнул.

— Шончан отказались от нас.

— Кровь и пепел! — закричал Башир. — Как будто без этого было не достаточно плохо. Проклятые шончанские псы.

Стражи последнего часа, которые стояли вокруг Мэта, никак не отреагировал на это. Линии Илэйн едва держались вдоль берега, но Троллоки медленно окружали их, двигаясь вверх по реке. Силы Илэйн держались только благодаря упорству и тщательной подготовке. Каждый огромный квадрат мужчин держал пики наружу, оцетинившись как еж.

Эти формирования могут быть разделены, если Демандред вставит клинья между ними в правильных местах. Мэт использовал кавалерийские набеги своих войск, в том числе кавалерию Андора и Отряда, пытаясь предотвратить проникновение Троллоков внутрь

квадратов или окружение войск Илэйн.

Мэт ощущал ритм сражения, как пульсирующую жилу. Он чувствовал, что делал Демандред. Всем остальным финал битвы, вероятно, сейчас представлялся простым. Атаковать всеми силами, сломить строй пикинеров, разбить оборону Мэта. На самом деле все было гораздо хитрее.

Порубежники Лана закончили добивать Троллоков выше по реке, и ожидали приказов. Хорошо. Мэту необходимы эти люди для следующего шага в его плане.

Три крупных соединения пикинеров были ослаблены, но их

можно усилить, поставив в их центре
одного-двух направляющих.
Благослови Свет того, кто отвлек
Демандреда — кто бы он ни был.
Атаки Отрекшегося уничтожали
целые формирования пикинеров.
Демандреду не нужно было убивать
каждого солдата; достаточно было
просто ударить Единой Силой, чтобы
разбить квадратное построение.
После этого троллоки добивали
остальных.

— Башир, — сказал Мэт, —
Пожалуйста скажи мне, что кто-
нибудь слышал, что-то о твоей
дочери.

— Никто не слышал, —
ответила Дэйра. — Извини.

"Кровавый пепел," — подумал Мэт. "Бедный Перрин."

Бедный он. Как он собирается это сделать без Рога? Свет! Он не был уверен, что смог бы сделать это даже с треклятым Рогом.

— Слушай, — сказал Мэт, когда они подъехали. — Езжай к Лану, он выше по реке. Скажи ему, чтобы занялся теми Троллоками, что пытаются обойти Андорцев по правому флангу! И скажи ему, что у меня будут для него другие приказы в ближайшее время.

— Но я...

— Меня не волнует, коснулся ли тебя проклятый Темный! — проговорил Мэт. — В сердце каждого

человека запущены пальцы Темного, это трёклятая правда. Ты можешь бороться с этим. Теперь езжай к Лану и скажи ему, что нужно сделать!

Сначала Башир остолбенел, а затем, как ни странно, под его висячими усами заиграла улыбка. Проклятые салдэйцы. Им нравится, когда на них орут. Похоже, слова Мэта вселили решимость в его сердце, и он поскакал прочь, вместе с женой. Она бросила на Мэта нежный взгляд, что заставило того почувствовать неловкость.

Теперь... ему нужна армия. И врата. Нужны проклятые врата. Дурак — обругал он себя в мыслях.

Он же отослал прочь всех дамани. Не мог оставить при себе хоть одну? Пусть даже рядом с ними у него такое чувство, что пауки бегают по коже.

Мэт остановил Типуна, и Стражи Последнего Часа остановились вместе с ним. Некоторые из них несли факелы. Они, конечно, получили битву, которой хотели, присоединившись к Мэту в бою с шарцами. Однако, похоже, они жаждали большего.

Там — решил Мэт, направив Типуна к войскам, расположенным севернее пикинеров Илэйн. Принявшие Дракона. Прежде чем Шончан оставили Дашарский

Выступ, Мэт отправил эту армию на поддержку Илэйн.

Он все еще не знал, что с ними делать. Он не был на Поле, когда они собирались, но слышал доклады. Люди всех званий и положений, из всех государств, собравшиеся вместе, чтобы сразиться в Последней Битве, невзирая на происхождение и национальность. Ранд разрушил все обеты и связи.

Мэт перешел на быстрый бег, Стража Последнего Часа пустила лошадей трусцой, чтобы не отставать, огибая линии Андора с тыла. Свет, линии терпели поражение. Это было плохо. Ну, он сделал ставку. Теперь он мог только

поехать на проклятую битву и надеяться, что не поставил слишком много.

Когда он доскакал до дракониров, он услышал нечто непостижимое. Пение? Мэт, потянул поводья, чтобы остановиться. Огир присоединились к борьбе с Троллоками и двигались по сухому руслу реки, чтобы помочь сражаться на левом фланге Илэйн, напротив трясин, чтобы помешать Троллокам обогнуть их.

Они стояли непоколебимо здесь, неподвижные как дубы перед наводнением, перемалывая топорами, в то время как пели. Троллоки грудami лежали вокруг

НИХ.

— Лойал! — закричал Мэт, привстав на стремянах. — Лойал!

Один из Огир отступил назад от линии боя и обернулся. Мэт был ошеломлен. У его обычно спокойного друга уши были прижаты к голове, зубы стиснуты в гневе, а в руке он держал залитый кровью топор. Свет, от всего этого волна ужаса прошла через тело Мэта. Он предпочел бы смотреть на десяток мужчин, которые думали, что были им обмануты, чем драться с одним сердитым Огир!

Лойал что-то крикнул остальным, и затем присоединился к ним в бой. Они по-прежнему рубили

и валили Троллоков. Троллоки и Огир были почти одного роста, но Огир казались исполинами по сравнению с отродьями тени. Они не бились, как солдаты, а как дровосеки рубили деревья. Хрясть в одну сторону, потом в другую, уничтожая Троллоков. Мэт знал, что огир ненавидят рубить деревья, тут же они, казалось, улыбались рубя Троллоков.

Огир разбили и обратили в бегство кулак Троллоков, с которым они сражались. Солдаты Илэйн вошли в разрыв и создали линию фронта перед оставшейся армией Троллоков, после этого нескольких сотен Огир отошли назад к Мэту.

Среди них, заметил Мэт, было немало Шончанских Огир — Садовников. Он не отдавал такого приказа. Эти две группы сражались вместе, но теперь старались не смотреть друг на друга.

Каждый из Огир, мужчины и женщины, имели многочисленные порезы на руках и ногах. Они не носили доспехов, но многие раны казались не опасными, так как, если бы их кожа имела крепость коры.

Лойал приблизился к Мэту и Страже Последнего Часа, поднимая топор на плечо. Брюки Лойала были темными до бедер, как будто он переправлялся вброд через вино.

— Мэт, — сказал Лойал, делая

глубокий вздох. — Мы сделали, как ты попросил, сражаясь здесь. Ни один Троллок не пробрался мимо нас.

— Ты все сделал правильно, Лойал, — сказал Мэт. — Спасибо тебе.

Он ждал чего-то ответного. Бесспорно, чего-то многословного и нетерпеливого. Лойал стоял, вдыхая и выдыхая, похоже он мог удержать достаточно воздуха, чтобы заполнить комнату. Без слов. Остальные огир, несмотря на то, что многие были старше Лойала, тоже молчали. Некоторые подняли факелы. Свет солнца исчез за горизонтом. Их окутала ночь.

Молчаливые Огир. Сейчас это выглядело необычно. Огир в битве ... это было то, чего Мэт никогда не видел. Он ничего подобного не мог найти в своей памяти среди воспоминаний, которые были не его.

— Вы нужны мне, — сказал Мат. — Мы должны переломить эту битву или с нами покончат. Давайте действовать.

— Носитель Рога отдал приказ! — взревел Лойал. — Вверх топоры!

Мэт поморщился. Если ему когда-либо потребуется, чтобы кто-то прокричал его послание из Кэймлина в Кайриэн, он знал к кому обратиться. Только его, вероятно,

услышат все на этом пути, и в Запустении тоже.

Он послал Типуна вперед, Огир выстроились вокруг него и Стража Последнего Часа. У Огир не вызывало никаких затруднений поддерживать темп.

— Высочайший, — сказал Карид, — Мне и моим людям было приказано...

— Пойти и умереть на передовой линии фронта. Я, кровавый пепел, работаю над этим, Карид. Держи свой меч подальше от своих потрохов некоторое время, пожалуйста.

Выражение лица человека потемнело, но он сдержал язык за

зубами.

— На самом деле Она не хочет, чтобы вы тут померли, тебе следует это понять, — сказал Мэт. Он не мог сказать больше, не раскрывая их плана.

— Если моя смерть послужит Императрице, да будет жить она вечно, я с легкостью приму её.

— Ты проклятый безумец, Карид, — сказал Мэт. — К сожалению, я тоже. Ты в отличной компании. Вы там! Кто руководит этим отрядом?

Они подошли в тыл строя Принявших Дракона, где были размещены резервы, раненые и те, кто отдыхал после боя в первых

рядах.

— Милорд? — обратился к нему один из разведчиков. — Это должно быть Леди Тинна.

— Позови ее, — сказал Мэт. Те игральные кости продолжали грохотать в его голове. Он также чувствовал напряжение с севера, тяготение, как будто какие-то нити сплетенные вокруг груди дергали его.

Не сейчас, Ранд, подумал он. Я трёклято занят.

Отсутствие цветов, только чернота. Темно, как сердце Мурдраала. Дерганье усилилось.

Мэт отпустил видение. Не сейчас. У него есть работа, которую нужно сделать здесь. Его план. Свет,

пусть это всё сработает.

Тинна оказалось симпатичной девушкой, моложе, чем он ожидал, с длинными сильными руками. У нее были длинные каштановые волосы собранные в хвост, хотя казалось что пряди пытаются вырваться из него повсюду. Она была в брюках, и видимо участвовала в нескольких боях, судя по мечу на бедре и темной крови Троллоков на рукавах.

Она подъехала к нему, глядя на него взыскательными глазами.

— Вы, наконец, вспомнили о нас, Лорд Коутон? — Да, она определенно напомнила ему о Найнив.

Мэт посмотрел на Высоты. Там

продолжалась беспорядочная перестрелка между Айз Седай и Шарцами.

Тебе бы лучше выиграть, Эгвейн. Я рассчитываю на тебя.

— Ваша армия — сказал Мэт, глядя на Тинну. — Мне доложили, что некоторые Айз Седай присоединились к вам?

— Возможно, что некоторые и присоединились, — осторожно ответила она.

— Ты одна из них?

— Нет. Не совсем так...

— Не совсем так? Что ты имеешь в виду? Слушай, женщина, мне нужны врата. Если их не будет, эта битва может быть проиграна.

Скажи, пожалуйста, у нас есть несколько направляющих, кто может перебросить меня, когда мне нужно будет идти.

Тинна растянула губы в линию.

— Я не пытаюсь раздражать вас Лорд Коутон. Старые привычки, как прочные веревки. И я научилась не говорить о некоторых вещах. Я была изгнана из Белой Башни.... при сложных обстоятельствах. Я сожалею, но я не знаю плетение Перемещения. Большинство из нас слишком слабы для него. Мы не сможем сделать это в одиночку, это выше наших сил

— Я могу это сделать.

Женщина в красном платье

встала между рядов раненых, где она, очевидно, занималась Исцелением. Она была худой и костлявой с кислым выражением лица, но Мэт был так рад ее видеть, что мог бы расцеловать ее. Он мог бы так сделать, хотя это было тоже самое, что расцеловать битое стекло. Он сделал бы это, не смотря ни на что.

— Теслин! — воскликнул он. — Что ты здесь делаешь?

— Сражаюсь в Последней Битве, я думаю, — сказала она, отряхивая руки, — Как и все мы?

— Но Принявшие Дракона? — сказал Мэт.

— Я не нашла Белую Башню комфортным местом, когда

вернулась, — сказала она. — Она изменилась. Я воспользовалась представившейся возможностью здесь, поскольку эта потребность заменила любые другие. Что ж, тебе нужны врата? Насколько большие?

— Достаточно большие, чтобы переместить столько воинов, сколько сможем, Принявших Дракона, Огир, и это знамя кавалерии Отряда Красной Руки, — пояснил Мэт.

— Мне нужен круг, Тинна, — сказала Теслин. — Не жалуйся, что не можешь направить; я могу ощутить это в тебе, и все прежние присяги и обещания сломаны для нас здесь. Собери других женщин. Куда мы идем, Коутон?

Мэт усмехнулся.

— На вершину этих Высот.

— Высоты! — сказал Карид, —

Но вы отказались от них, в начале боя. Вы сдали их Отродьям Тени!

— Да, я так сделал.

И теперь ... теперь у него был шанс покончить с этим. Силы Илэйн держались вдоль реки, Эгвейн сражалась на западе ... Мэт должен был захватить северную часть Высот. Он знал, что с уходом Шончан и большинством его собственных войск, занятых вокруг нижней части Высот, Демандред пошлет большие силы Шарцев и Троллоков через вершину на северо-восток, чтобы сдвинуться через русло реки и

оказаться позади армий Илэйн. Армии Света будут окружены и отданы на милость Демандреда. Его единственным шансом было сдержать войска Демандреда от схода с Высот, несмотря на их численное превосходство. Свет. Это был дальний выстрел, но иногда ты делаешь только тот выстрел, который у тебя есть.

— Вы делаете нашу линию обороны опасно тонкой, — сказал Карид, — Вы рискуете всем путем перемещения армий, которые необходимы здесь, на Высоты.

— Ты же хотел идти на линию фронта, — ответил Мэт. — Лойал, ты с нами?

— Удар в сердце врага, Мэт? — спросил Лойал, поднимая свой топор. — Это будет не самое худшее место, в котором я бывал, следуя за кем-нибудь из вас троих. Я надеюсь, что Ранд в порядке. Ты думаешь так же, правда?

— Если бы Ранд умер, — сказал Мэт, — Я бы это знал. Он должен сам о себе позаботиться, без Мэтрима Коутона, спасающего его прямо сейчас. Теслин, давайте откроем ворота. Тинна, организуйте ваши силы. Пусть будут готовы пройти через ворота. Мы должны быстро захватить северный склон этих Высот и держать их, не зависимо от того, насколько сильно

Тень будет давить на нас!

Эгвейн открыла глаза. Она находилась в комнате, хоть и не помнила, как здесь очутилась. Комната выглядела уютно. В прохладном воздухе пахло солью, она поняла, что лежит на мягком матрасе.

Это все сон, подумала она. Или, возможно, она в раю. Хотя как это может объяснить эту боль? Такую страшную боль. Лучше раствориться в небытие, чем испытывать такие муки.

Гавина больше нет. Душу словно разорвали на пополам.

— Я уже и забыла, что она еще

девочка. — раздался приглушенный шепот в комнате. Чей это голос, он кажется знакомым. Сильвиана? — Позаботьтесь о ней. Я должна вернуться на поле боя.

— Как мне это сделать? — Эгвейн узнала этот голос. Росил, из Желтой Айя. Но она же направилась в Майен с послушницами и принятыми, для помощи в исцеление.

— В битву? Все так плохо.

Сильвиана была не из тех, кто изливает сладкие речи.

— Осмотри ее, Росил. Она сильная, и я не сомневаюсь, что она сможет это пережить, но может случиться всякое.

— Я помогала женщинам с погибшими стражами и раньше, Сильвиана, — прошептала Росил. — Уверяю тебя, мне это вполне по силам. Но все равно она не сможет ничего сделать в следующие несколько дней, пока не оправится.

Сильвиана шмыгнула.

— Этот мальчик... я знала, что он ничего хорошего не принесет. В тот день когда я впервые заметила, как он смотрит на нее, нужно было выдрать его за уши и отправить в наказание на какуюнибудь далекую ферму, лет на десять.

— Ты же знаешь Сильвиана, сердцу не прикажешь.

— Стражи наша слабость —

произнесла Сильвиана. — Это было так, и всегда будет, ничего не изменишь. Этот ребенок... этот глупый ребенок...

— Этот глупый ребенок — прошептала Эгвейн, — Спас мне жизнь от убийц Шончан. Меня бы здесь не было, если бы он не сделал этого. Я надеюсь, что вы не забыли о том, что мы говорим о погибшем, Сильвиана.

Все замолчали. Эгвейн старалась побороть боль утраты. Наверное сейчас она находится в Майене. Сильвиана должно быть доставила ее к Желтым.

— Я помню, мать — произнесла Сильвиана. Ее голос казался

сокрушенным. — Вам нужно
отдыхать. Я должна...

— Отдых для мертвых,
Сильвиана — сказала
приподнявшись Эгвейн.

Сильвиана и Росил стояли в
дверях прекрасно отделанной
комнаты, которая была
задрапирована голубой тканью, с
перламутровыми инкрустациями под
потолком. Обе эти женщины даже
без оружия имели устрашающий вид.

— Вы прошли тяжелое
испытание, мать — произнесла
Росил. Около двери на страже стояла
Лейлвин. — Потери стража
достаточно, чтобы сломить любую
женщину. Не нужно стыдиться своего

горя.

— Эгвейн ал' Вир может печалиться, — сказала вставая Эгвейн. — Эгвейн ал' Вир потеряла человека, которого любила, и чувствовала, как оборвалась их связь. Амерлин сочувствует Эгвейн ал' Вир, также как и к любой Айз Седай прошедшей через это. Но перед лицом Последней Битвы, Амерлин ожидает, что женщины, должны забыть о своих потерях и возвратиться в бой.

Она шла по комнате, с каждым шагом становясь все тверже. Подойдя к Сильвиане она протянула руку к са'ангриалу Воры, который та держала.

— Скоро он мне понадобится.
Сильвиана колебалась.

— Если только вы обе не хотите сейчас ощутить на себе мою силу, — тихо сказала Эгвейн, — Я бы не хотела уловить и мысли неповиновения.

Сильвиана взглянула на Росил, которая вздохнула и неохотно кивнула головой. Сильвиана протянула жезл.

— Я не одобряю это, Мать, — сказала Росиль. — Но, если вы настаиваете.

— Я настаиваю.

— ... тогда я выскажусь. Чувства могут сломить вас. Это опасно. Осознав гибель Стража, ухватиться

за саидар может быть трудно. Если даже вам и удастся это сделать, вы скорее всего не сможете сохранить спокойствие присущее Айз Седай. Это будет опасно. Очень опасно.

Эгвейн открыла себя Саидар. Как Росил и предполагала, было трудно коснуться Источника. Слишком много чувств смешались в ней, подавляя ее, нарушая спокойствие. Она покраснела, когда не смогла и во второй раз.

Сильвиана открыла рот, без сомнения, чтобы предложить Эгвейн отступить. В этот момент Эгвейн нашла саидар, бутон в ее голове расцвел, Единая Сила устремилась к ней. Она вызывающе взглянула на

Сильвиану и начала плести переходные врата.

— Мать, почему вы игнорируете все мои предупреждения, — возмутилась Росил. — Вы еще не полностью очистили свой разум, ваши чувства все еще могут сломить вас. Единственный способ подавить ваше горе и печаль — заставить себя испытывать более сильные эмоции.

— Это не так трудно, — сказала Эгвейн. Она сделала глубокий вдох и почувствовала еще больше Единой Силы. Гнев вскипал в ней. Это была ненависть направленная на Тень, угрожающей всему живому, ярость за то, что разлучила ее с Гавином.

— Мне будут нужны глаза

следящие за мной, — вопреки словам Сильвианы, бросила Эгвейн. Гавин не будет ее слабостью. — Мне нужен новый Страж.

— Но... — начала Росил.

Эгвейн остановила ее взглядом. Да, большинство женщин ждали пока пройдет время. Да, Эгвейн ал'Вир было больно от ее потери, Гавина никто никогда не заменит. Но вера в стражей не угасла. Престол Амерлин нужен кто-то, кто сможет присмотреть за ее спиной. Кроме того, Стражи со связями были намного более способными бойцами, чем простые солдаты. Оставаться без Стража, означало лишить Света доступа к еще одному войну.

Здесь был человек, однажды спасший ее жизнь. Когда она говорила ее глаза все время останавливались на Лейлвин. Не Шончанке.

Амерлин внутри нее рассмеялась. Надо перестать быть таким ребенком. Ей нужен Страж.

— Лейлвин Бескорабельная, — сказал громко Эгвейн. — Возьмешь ли ты на себя эту ношу?

Женщина опустила на колени, склонив голову.

— Я... да.

Эгвейн начала создавать плетение Переходных врат. Лейлвин стоя рядом, и выглядя не менее устало, сделала глубокий вдох.

Эгвейн сотворила врата в противоположной части комнаты, используя свои знания она открыла эти врата в шатре, вокруг которого гремела битва. Повсюду слышались взрывы, крики, кляцанье мечей, этот звук заполнил все пространство.

Эгвейн шагнула вперед на поля смерти, а вместе с ней и ярость Амерлин.

Демандред был мастером клинка. Галад подумал, что так наверно оно и есть, но он предпочел проверить свое предположение.

Они танцевали взад и вперед внутри кольца наблюдающих

Шарцев. Галад носил более легкую броню, кольчугу под своим плащом, и ступал более быстро. Вплетенные монеты, которые носил Демандред, были более тяжелыми, чем простая кольчуга, но защищали лучше против меча.

— Ты лучше, чем был твой брат, — сказал Демандред. — Он умер легко.

Этот человек пытался разозлить Галада. Ему это не удалось. Холодно, осторожнее. Галад двинулся в Придворный Постукивает Веером. Демандред ответил чем-то очень схожим со Снижением Сокола, отбив атаку Галада. Демандред отступил на

шаг, пройдясь по окружности кольца и отведя меч сторону. В начале он говорил много. Теперь он только иногда ухмылялся.

Они кружили друг перед другом в темноте, освещенной Шарскими факелами. Один круг. Второй.

— Подходи же, — сказал Демандред. — Я жду.

Галад молчал. Каждый момент, что он удерживал не давал возможности Демандреду слать разрушения на Илэйн и ее армию. Отрекшийся казалось понял это, потому он пошел в стремительную атаку. Три удара: снизу, сбоку и наотмашь. Галад встретил каждый, их руки двигались быстро.

Движение сбоку. Оно пришло от камня, который швырнул Демандред в Галада с помощью Силы. Галад едва уклонился, чтобы поднять меч против последовавших ударов. Яростные удары снизу, Вепрь Несущийся Вниз С Горы, сыпались на клинок Галада. Он держался против них, но не смог остановить следующий поворот клинка, который полоснул его предплечье.

Демандред отступил назад, с его меча капала кровь Галада. Они кружили вокруг вновь, наблюдая друг за другом. Галад почувствовал теплую кровь внутри своей перчатки, куда она просочилась вниз по руке. Небольшая потеря крови может

замедлить человека, ослабить его.

Галад вдохнул и выдохнул, отбросил мысль, отбросил беспокойство. Когда Демандред ударил в следующий раз, Галад предвидел его движение, отступил в сторону и ударил снизу обеими руками, погрузив глубоко в кожаную заднюю часть наколенника Демандреда. Меч отскочил от брони, но сократил различия. Демандред хромал.

Отрекшийся поморщился.

— Ты пустил мне кровь, — сказал он. — Прошло очень много времени с тех пор как кто то так смог сделать.

Земля начала содрогаться и

ломаться под Галадом. Отчаявшись, он прыгнул вперед, приближаясь к Демандреду, вынуждая того прекратить направлять, чтобы не дать опрокинуть себя. Отрекшийся хмыкнул, раскачиваясь, но Галад был настороже.

Стоя слишком близко, чтобы сделать полный взмах, Галад поднял свой меч и кольнул, предварительно ударив, в лицо Демандреда. Демандред поймал руку Галада своей, но Галад схватил шлем Демандреда, пытаясь опустить шлем на глаза Отрекшегося. Тот хмыкнул, оба встали в захвате, без движения.

Затем, с отвратительным звуком Галад услышал совершенно

отчетливо, как его мышцы разорвались в руке, которая была отрезана. Его меч выпал из онемевших пальцев дергавшейся руки, Демандред отбросил его назад и ударил блеснувшим ножом.

Галад упал на колени. Его правая рука, отрубленная у локтя Демадредом, шлепнулась на землю перед ним.

Демадред отступил назад, тяжело дыша. Он был обеспокоен. Хорошо. Галад зажал свой окровавленный обрубок, а затем плюнул Демадреду в ноги.

Демадред фыркнул, затем взмахнул клинком еще раз.

Наступила тьма.

Андрол понял, что уже и забыл каково это дышать свежим воздухом. Земля вокруг него тлела и сотрясалась, дым вспенивался на ветру, неся с собой запах горящих тел.

Он и остальные двигались через вершину Высот к западной стороне, ища Таима. Большая часть Шарской армии сражалась здесь, борясь с армией Белой Башни.

Группы направляющих создавали плетения со всех сторон, Андрол незаметно пересек унылый пейзаж. Он пытался не наступать на разверзшуюся трещинами обгорелую землю, пригнувшись и стараясь не

выделяться, он выглядел как обычный раненый спешивший в безопасное место. Он по-прежнему носил лицо Ненсена, но с опущенной головой и в согнутой позе, это мало что значило.

Он почувствовал укол тревоги от Певары, которая двигалась одна неподалеку.

"Что это? — послал он. — Ты в порядке?"

После напряженного момента пришла ее мысль.

"Я в порядке. Паника из-за Шаранцев. Я убедила их, что на их стороне до того, как они атаковали меня."

"Это прекрасно, что друг может

передавать мысли будучи среди врагов." Послал Андрол в ответ. Он надеялся Эмарин и Жоннет в безопасности. Они оба ушли вместе, но если они...

Андрол замер. Впереди, через клубы извивающегося дыма, он увидел кольцо троллоков, которые что-то защищали. Они стояли у выступа скалы, который был похож на платформу.

Андрол полез вперед в надежде украсть пику.

"Андрол!" — голос Певары в его голове заставил его чуть ли не выскочить из своей кожи.

"Что?"

"Ты был чем-то встревожен", —

сказала она. "Я отреагировала на тебя."

Он сделал несколько успокаивающих вдохов и выдохов. И почувствовал что-то. На короткое мгновение.

Он был достаточно близко, чтобы уловить, что кто-то направляет объединившись в круг. Он не знал, если...

Троллоки расступились, как только кто-то рывкнул команду. Мишраиль изучающе посмотрел, а затем нахмурился.

— Это всего лишь Ненсен!

Сердце Андрола бешено забилося в груди.

Человек, одетый в черное

отвернулся от созерцания боя. Таим. В своих руках он держал тонкий диск с переплетением черного и белого. Он потер свои большие пальцы и взглянул на поле боя с насмешкой, как если бы ни один из направляющих не охотился за ним.

— Ну, что? — рывкнул он на Андрола, поворачиваясь и опуская диск в сумку на поясе.

— Я видел Андрола, — произнес, быстро соображая, Андрол. Свет, другие ждут, когда он подойдет. Он так и сделал, проходя мимо Троллоков, расталкивая этих зверей ударами в живот. Если ему удастся сплести, подойдя достаточно близко... — Я следил за ним

некоторое время, — Ненсен всегда говорил грубым, сиплым голосом, и Андрол старался подражать ему. Певара могла бы поработать над голосом с помощью плетения, но плохо знала его.

— Меня не заботит такая мелочь! Дурак. Что делает Демандред?

— Он сказал мне, — сказал Андрол, — Что не хочет меня видеть рядом с собой. Он послал меня к вам и сказал, что если он увидит любого из нас далеко от этого места, он убьет нас.

"Андрол..." послала Певара взволнованно. Он не мог ответить не потеряв концентрации. Он напряг

всю силу, чтобы не трястись, когда приблизился к Таиму.

Таим потер лоб двумя пальцами, закрыв глаза.

— Я думал, вы смогли бы сделать эту простую вещь. — Таим создал плетение соединив дух и огонь. Оно ударило в Андрола как гадюка.

Внезапно боль прошла через Андрола, поднимаясь от ног, через его руки. Он закричал, падая на землю.

— Тебе понравилось? — спросил Таим. — Я узнал это плетение от Моридина. Я думаю, что он пытается противопоставить меня Демандреду.

Андрол кричал собственным голосом. Что привело его в ужас, но остальные похоже не заметили. Когда Таим наконец отпустил плетение, боль утихла. Андрол обнаружил, что завяз в грязной земле, его конечности еще дергались, вспоминая боль.

— Встать, — приказал Таим.

Андрол осел.

"Я иду", — пришло от Певары.

"Стой где стоишь", — послал он ей ответ. Свет, он чувствовал себя раздавленным. Поднимаясь, он наткнулся на Таима, ноги отказывались работать как следует.

— Глупец, — сказал Таим, отпуская Андрола. Мишраиль поймал его. — Стой смирно.

Таим начал новое плетение. Андрол пытался уловить, что это было, но он слишком нервничал, чтобы уловить детали плетения. Оно нависло над ним, а затем обернулось вокруг него.

— Что ты делаешь? — воскликнул Андрол. Ему не надо было подделывать дрожь в голосе. Это была боль.

— Ты сказал, что видел Андрола? — спросил Тайм. — Я наложил Маску Зеркал на тебя и обратил плетения, это сделает тебя похожим на него. Я хочу, чтобы ты стал мальчиком на побегушках, нашёл Логайна, а затем убил его. Используй нож или плетения, мне

все равно что.

— Ты... хочешь чтобы я выглядел, как Андрол, — произнес Андрол.

— Андрол одна из домашних зверюшек Логайна, — усмехнулся Таим. — Он не станет подозревать тебя. Это так просто, ну что Ненсен. Как думаешь, у тебя получится в этот раз создать неразбериху?

— Да, М'Хаэль.

— Хорошо. Потому что, если ты ошибешься, я убью тебя, — плетение появилось и исчезло.

Мишраэль хмыкнул, освобождая Андрола и отстраняясь.

— Я думаю, что Андрол более уродлив, чем он, М'Хаэль.

Таим фыркнул, а затем махнул на Андрола.

— Это выглядит неплохо. Убирайся с глаз моих. Возвращайся с головой Логайна, или не возвращайся вообще.

Андрол был разбит, он шел тяжело дыша, чувствуя на спине пригвоздившие его взгляды. Только отойдя на приличное расстояние, он нырнул в какие то заросли, которые выгорели не до конца, и чуть не столкнулся с Певарой, Эмарином и Джоннетом, которые там прятались.

— Андрол! — прошептал Эмарин. — Твоя маскировка! Что случилось? Что с Таимом?

Андрол присел между ними,

успокаивая сердцебиение. Затем он поднял сумку, которую сдернул с пояса Таима, когда припал к его ногам.

— Это был он. Вы не поверите в это, но...

Сидя в седле Могучего, Арганда сложил листок бумаги и полез в карман за списком шифров. Троллоки продолжали пускать стрелы. До сих пор он избегал их, как и королева Аллиандре, которая все еще была рядом с ним. По крайней мере, она согласилась оставаться немного позади, с резервом, где была в несколько большей безопасности.

Вместе с Легионом Дракона и Порубежниками, его войска, а также Волчья Гвардия и Белоплащники, после боя в руинах передвинулись вниз по реке. У Арганды было больше пехотинцев, чем у прочих, так что он следовал позади.

Здесь им пришлось немало подраться с троллоками и шарцами в высохшем русле реки, которые пытались окружить андорскую армию. Арганда бился здесь уже несколько часов, когда село солнце и принесло тени. Однако, получив послание, он отступил.

— Проклятье, почерк ужасный! — проворчал Арганда, вытянув список шифров и повернув

его в свету факела. Приказы были подлинными. Или же кто-то узнал шифр.

— Ну? — спросил Тарн.

— Коутон жив, — сказал ворча

Арганда.

— Где он?

— Не знаю, — ответил Арганда, свернув и убрав бумагу с шифром. — Гонец сказал, что Коутон открыл ворота перед ним, швырнул письмо ему в лицо и приказал отыскать меня.

Арганда обернулся к югу, вглядываясь сквозь тьму. Готовясь к ночи, его люди доставили через ворота масло и зажгли костры. В свете огней он видел двуреченцев,

направляющихся в точности туда, куда указывал приказ.

— Хо, Тэм Ал'Тор! — сказал Арганда, подняв руку. Он не видел своего командира с тех пор, как часы назад они разделились в бою у руин.

Судя по виду двуреченцев, они были так же вымотаны, как сам Арганда. Это был долгий, долгий день, и похоже, конца бою не предвиделось. "Хотел бы я, чтобы здесь был Галенне, — подумал Арганда, рассматривая троллоков у реки, пока подходили люди Тэма Ал'Тора. — Было бы с кем поспорить".

Ниже по реке крики и лязг металла давали знать, где строй

андорских пикинеров сдерживал, с трудом, натиск троллоков. В настоящий момент фронт этой битвы растянулся вдоль Моря почти до Дашарского Выступа. Его люди прикрывали андорцев от флангового обхода.

— Какие новости, Арганда? — спросил Тэм, как только он подошёл.

— Коутон жив, — сказал Арганда. — И это, проклятье, удивительно, с учетом того, что кто-то разнес вдребезги его командный пост, поджег его шатер, прикончил нескольких его дамани и прогнал прочь его жену. Коутон как-то выкарабкался из всего этого.

— Ха! — рассмеялся Абелл

Коутон. — Это мой мальчик.

— Он сказал мне, что вы придете, — заметил Арганда. — Сказал, что у вас есть стрелы. Есть?

Тэм кивнул.

— Нам приказали отойти через врата в Майен, чтобы Исцелить раненых и пополнить запасы. Я не знаю, как Мэт узнал, что придут стрелы, но обоз от женщин из Двуречья появился в тот миг, когда мы уже собирались возвращаться. Если вам нужны длинные луки, они у нас есть.

— Нужны. Коутон хочет, чтобы все наши войска вернулись вверх к руинам, пересекли русло реки и двигались вверх на Высоты с северо-

восточной стороны.

— Не скажу с уверенностью, для чего это, но полагаю, он знает, что делает... — произнес Тэм.

Вместе, их силы двинулись в ночи выше по реке, оставив позади сражавшихся андорцев, кайриэнцев и Айил. "Защити вас Создатель, друзья", — подумал Арганда.

Они пересекли высохшее русло и начали подниматься по северо-восточному склону. На вершине царила тишина, но свет от линии факелов был виден отчетливо,

— Это будет нелегко, если эти Шарцы там — тихо сказал Тэм, вглядываясь в темноту склона.

— В записке Коутона говорится,

что нам помогут, — ответил Арганда.

— Какого рода помощь?

— Я не знаю. Он не...

Гром грянул неподалеку, и Арганда скривился. Направляющие. Предполагалось, что большинство их сражается по другую сторону Высот, но это не значило, что им не встретится вовсе ни одного. Он ненавидел это чувство — осознание того, что направляющие могут следить за ним, размышляя, чем бы лучше его прикончить: огнем, молнией или землей.

Направляющие. Мир был бы просто немного проще без них. Но этот звук не вернулся, как гроза. Группа скачущих галопом всадников,

несущих факелы, появилась из ночи, пересекая русло реки, чтобы присоединиться к Арганде и его людям. Они несли стяг Золотого Журавля в центре массива из знамён Порубежья.

— Ну, я буду треклятым Троллоком, — воззвал Арганда. — Вы, Порубежники, решили присоединиться к нам?

Лан Мандрагоран отсалютовал факелом, серебряный меч засверкал. Он осмотрел склон.

— Итак, мы будем сражаться здесь?

Арганда кивнул.

— Хорошо, — тихо сказал Лан, сидя в седле. — Я только что

получил сообщение о том, что большая шарская армия движется на северо-восток вдоль Высот. Ясно, что они хотят обойти наших людей, втянутых в бой с троллоками у реки, тогда мы будем окружены и окажемся в их власти. Очевидно, наша задача — не допустить этого.

Он обернулся к Тэму.

— Вы готовы ослабить их для нас, лучник?

— Думаю, мы справимся с этим, — ответил Тэм.

Лан кивнул, затем поднял меч. Малкирцы рядом с ним высоко подняли знамя Золотого Журавля, а затем они устремились в атаку вверх по склону. К ним приближалась

огромная вражеская армия, построившаяся широкими рядами, огни тысяч факелов, которые они несли, отсвечивали в небе.

Тэм Ал'Тор выкрикнул своим людям строиться и стрелять.

— Отпускай! — выкрикнул Тэм, посылая залпы стрел в Шарцев.

Затем ответные стрелы полетели в их сторону, по мере того как сокращалась дистанция между двумя армиями. Арганда понимал, что лучники не могут стрелять ночью так же точно, как и днем, но это распространялось на обе стороны.

Двуреченцы выпускали волны смерти, стрелы были стремительны, как пикирующие соколы.

— Прекратить! — крикнул Тэм своим. Стрельба прекратилась как раз перед тем, как конница Лана врезалась в расстроенные линии шарцев.

"Откуда у Тэма его боевой опыт?" Удивился Арганда, думая о тех моментах, когда он видел Тэма в бою. Арганда знал закалённых генералов с намного меньшим чувством поля боя, чем у этого овечьего пастуха.

Порубежники откатились назад, позволяя Тэму и его людям выпустить больше стрел. Тэм просигналил Арганде.

— Наступаем! — воззвал Арганда к своим пехотинцам. — Все

отряды, вперёд!

Одна-две атаки лучников, и тяжёлая кавалерия нанесет свой мощный удар, хотя они и будут иметь преимущество лишь до тех пор, пока враг не восстановит оборону. Совсем скоро Шарцы выстроят крепкую стену из щитов и копий, чтобы отклонить атаку всадников, или их обстреляют лучники. Вот тогда-то и наступит время пехоты.

Арганда отцепил свою булаву, Шарцы носили кольчугу и кожаные доспехи, и высоко поднял её, ведя своих людей через Высоты, встречая Шарцев на пол-пути, которые продвигались навстречу, чтобы вступить в бой. Войска Тэма

включали в себя Белоплащников, Гэалданцев, Волчья Гвардию Перрина и Майенскую Крылатую Гвардию, однако все они считали себя единой армией. Еще шесть месяцев назад Арганда поклялся бы на могиле своего отца в том, что такие люди, как эти, никогда не будут сражаться вместе. Не говоря уже о том, чтобы помогать друг другу так, как это сделала Волчья Гвардия, когда Белоплащников окружили.

Можно было услышать вой троллоков, поднимавшихся вверх вместе с шарцами. Свет! Еще и троллоки!

Арганда махал булавой, пока рука не онемела окончательно, затем

сменил руку и продолжал, круша кости, разбивая головы и плечи, до тех пор, пока кровь не покрыла попону Могучего.

Неожиданно с противоположной стороны Высот взлетели вспышки света, направленные в андорскую оборону ниже. Арганда едва это заметил, полностью поглощенный собственной битвой, но внутри него что-то содрогнулось. Демандред, должно быть, продолжил свои атаки.

— Я победил твоего брата, Льюс Тэрин! — громоподобный голос раскатился над полем боя. — И теперь он умирает, истекает кровью!

Арганда развернул Могучего к неуклюжему троллоку с почти

человеческим лицом, который отшвырнул прочь раненого шаранца рядом с собой и взревел. Кровь струилась из раны у него в плече, но он, похоже, этого даже не замечал. Огромный наконечник его тяжелого боевого цепа был усеян шипами.

Цеп врезался в землю вплотную к Могучему, испугав коня. Пока Арганда пытался восстановить контроль, громадный троллок шагнул вперед и ударил Могучего по голове левым кулаком, сбив коня на землю.

— Есть ли тебе дело до плоти этого рождения? — громыхал на удалении голос Демандреда. — Чувствовал ли ты любовь к тому, кто называл тебя братом, этому человеку

в белом?

Голова Могучего раскололась, словно яйцо. Конь бился в предсмертных судорогах. Арганда заставил встать себя на ноги. Он не помнил, как он летел в свободном падении, когда его конь пал, но его инстинкты оберегли его. К несчастью, этот кувырок отбросил Арганду в сторону от его охраны, которая сейчас бились с группой Шарцев за свои жизни.

Его люди наступали, когда как Шарцы потихоньку отступали. Тем не менее, у него не было времени смотреть по сторонам. Тот троллок был совсем рядом.

Арганда поднял свою булаву и

посмотрел на возвышающееся над ним чудище, которое размахивало своим цепом над головой, перешагивая через умирающую лошадь.

Никогда Арганда не чувствовал себя таким маленьким.

— Трус! — взревел Демандред. — Ты называешь себя Спасителем этого мира? Я претендовал на это звание! Иди ко мне! Мне что, нужно убить всех твоих родственников, чтобы заставить тебя выйти?

Арганда глубоко вздохнул и прыгнул вперед. Он полагал, что это было последней вещью, которую ожидал троллок. И в самом деле, цеп

чудовища прошел мимо. Арганда услышал мощный треск, когда его булава обрушилась на таз троллока, ломая кости.

А потом что-то ударило его. В глазах Арганды побелело, и звуки битвы начали исчезать. Вопли, топот ног, выкрики. Вопли и выкрики. Выкрики и вопли... Ничего...

Сколько-то времени спустя — он не знал, сколько — он почувствовал, что его поднимают. Троллок? Он моргнул, собираясь хотя бы плюнуть в лицо своему убийце, но тут понял, что переброшен через седло Лана Мандрагорана.

— Я жив? — спросил Арганда. Волна боли накатила на левый бок, и

сообщила ему, что да, действительно, он жив.

— Ты свалил здорового, гэалданец, — сказал Лан, пустив коня в галоп к задним линиям своего войска. Другие Порубежники скакали с ним, Арганда видел их. — Троллок ударил тебя в агонии. Я думал, ты убит, но не мог прийти за тобой, пока мы их не оттеснили. Нам пришлось бы туго, если бы другая армия не застала шарцев врасплох.

— Другая армия? — спросил Арганда, потирая руку.

— Коутон разместил войска в засаде в северной части Высот. Судя по виду, это Принявшие Дракона и знамя конницы, наверное, часть его

Отряда. Пока ты дрался с этим троллоком, они обрушились на левый фланг шарцев и разбили их. Теперь перегруппироваться займет у неприятеля какое-то время.

— Свет, — сказал Арганда и застонал. Он понял, что левая рука сломана. Что ж, он выжил. Сейчас и этого довольно. Он посмотрел на передовые линии, где его солдаты еще удерживали ряды. Королева Аллиандре была возле них, скакала назад и вперед сквозь ряды пехоты, подбадривая воинов. Свет. Он-то хотел, чтобы она предпочла остаться в госпитале в Майене.

Пока что здесь было тихо — шарцы получили серьезный удар и

отступили, оставив отдельные отряды между двумя армиями. Видимо, они не ожидали столь сильной и внезапной атаки.

Но постойте! Тени приблизились к Арганде справа, огромные фигуры появились из темноты. Еще троллоки? Он стиснул зубы от боли. Булаву он выронил, но еще сохранил нож в сапоге. Он не сдастся без... без...

Огир, понял он, моргнув. Это не троллоки, это Огир. Троллоки не носят факелы, как эти.

— Слава Строителям! — обратился к ним Лан. — Так вы из той армии, которую Коутон направил в атаку на фланг шарцев? Где он? Я

должен поговорить с ним!

Один из Огир раскатисто рассмеялся.

— И не ты один, Дай Шан! Коутон появляется тут и там, как крот, роющий норы в земле. Только что был здесь, и вдруг пропал. Я пришел, чтобы передать тебе: мы должны любой ценой остановить наступление шарцев.

Новые вспышки света блеснули на дальней стороне Высот. Там сражались Айз Седай и шарцы. Коутон пытался сковать силы тени. Арганда отбросил боль, пытаясь думать.

Что с Демандредом? Арганда мог видеть еще одну лавину

разрушения, запущенную
Отрекшимся. Оно прожгло прореху в
строю защитников реки. Строй
пикинеров начал рушиться, каждый
поток света убивал сотни.

— Шарские направляющие на
удалении с одной стороны, —
пробормотал Арганда, — И
Отрекшийся с другой. Свет! Я не
знаю, как много там троллоков. Им
конца нет, — сейчас он видел, как
они напирают на войска Илэйн;
взрывы Единой Силы истребляли
тысячи солдат. — Нам конец, верно?

Свет факела отражался от лица
Лана. Взгляд, как наждачная бумага,
лицо из гранита. Он не поправил
Арганду.

— Что нам делать? — сказал Арганда. — Чтобы победить... Свет, чтобы победить, мы должны разбить этих шарцев и выручить пикинеров, которых скоро окружают троллоки — а для этого каждый из наших должен убить по меньшей мере пятерых этих тварей. И это еще не считая Демандрета.

Лан не отвечал.

— Мы обречены, — закончил Арганда.

— Если так, — отозвался Лан. — Мы встанем на вершине холма и будем драться, пока не погибнем, гэалданец. Ты будешь побежден не раньше, чем будешь убит. Многим не было дано и этого.

Нити вероятности сопротивлялись Ранду, когда он сплел их в мир, который представил себе. Он не знал, что это означало. Возможно, вызываемое им было очень маловероятно. Нечто, что он сотворил, используя нити, чтобы показать то, что могло быть, было больше, чем простая иллюзия. Нечто затягивало в созерцание миров, которые были прежде, миров, которые могли быть снова. Зеркала действительности, в которой он жил.

Он не создавал эти миры. Он просто... воплотил их. Он вынудил нити открыть действительность, которую он призывал, и наконец они

подчинились. Миг спустя темнота стала легкой, и Ничто стало Чем-то.

Он вступил в мир не знавший Тёмного.

Он выбрал Кэймлин в качестве точки входа. Возможно, потому что Тёмный использовал место в его последнем создании, и Ранд хотел доказать себе, что ужасное видение не было неизбежным. Ему было необходимо увидеть город снова, но неиспорченным.

Он шел по дороге перед дворцом, глубоко дыша. Деревья цвели, ярко-желтые бутоны, потоком спускающиеся с садов и нависающие над стенами внутреннего двора. Дети играли в них, бросая лепестки в

воздух.

Ни облачко не омрачало сверкающее небо. Ранд посмотрел наверх, поднимая руки, и вышел из-под цветущих ветвей на согревающий до самого нутра солнечный свет. На пути во дворец не стоял ни один охранник, только доброжелательный слуга, который отвечал на вопросы немногочисленных посетителей.

Ранд зашагал вперед, оставляя следы ног на золотых лепестках, когда приблизился ко входу. К нему подошла девочка, и Ранд остановился, улыбаясь ей.

Она подошла, достаточно близко чтобы коснуться меча на поясе Ранда. Ребенок казался смущенным.

— Что это? — спросила она, глядя широко раскрытыми глазами.

— Реликвия. — Прошептал Ранд.

Девочка повернула голову на смех других детей, и ушла от него, засмеялась, когда один из детей бросил охапку лепестков в воздух.

Ранд пошел дальше.

ЭТО ДЛЯ ВАС СОВЕРШЕНСТВО? Голос Темного был далеко. Он мог пробить эту реальность чтобы говорить с Рандом, но он не мог появиться здесь, как в других видениях. Это место было его противоположностью.

Это был мир, который существовал бы, если бы Ранд убил

бы его в последней битве.

— Приди и посмотри. — сказал Ранд, улыбаясь.

Ответа не последовало. Если бы Темный позволил втянуть себя слишком сильно в эту реальность, он перестал бы существовать. В этом месте, он умер.

Все уже было и пришло снова. Это был смысл Колеса Времени. Какой смысл победы в одной битве против Темного, только чтобы узнать, что он вернется? Ранд мог бы сделать больше. Он мог это сделать.

— Я хотел бы видеть королеву, — спросил Ранд слугу во дворце у двери. — Она там?

— Вы найдёте ее в саду,

молодой человек, — сказал слуга. Он посмотрел на меч Ранда, но только из любопытства, не волнуясь. В этом мире люди не могли себе представить, что можно было бы хотеть причинить боль другому. Этого просто не могло быть.

— Спасибо, — сказал Ранд, входя во Дворец. Коридоры были знакомы, и все же отличались. Кэймлины почти сровняли с землей во время Последней Битвы, Дворец сожгли. Реконструкция напоминала то, что было там прежде, но не полностью.

Ранд прошелся по коридору. Что-то волновало его, беспокойство на задворках сознания. Что это

было?

Не пойматься бы здесь, понял он. Нельзя почивать на лаврах. Этот мир не реален, не полностью. Пока нет.

Возможно, в этом и заключался план Темного? Чтобы обмануть Рада заставить создать рай для себя, только чтобы войти в него и оказаться в ловушке в то время как бушует последняя битва? Люди сражались, и умирали.

Он должен помнить об этом. Он не может позволить этой фантазии захватить его. Но трудно было удержать это в памяти, когда он шагнул в галерею — длинный коридор с чем-то вроде окон. Только

эти окна не показывали Кэймлин. Эти новые стеклянные врата вели в другие места, наподобие постоянных переходных порталов.

Ранд миновал один, который выводил подводу; туда-сюда сновали разноцветные рыбки. Другой показывал мирный луг в Горах Тумана. Красные цветы пробивались из зеленой травы, как мазки краски на полу после ежедневной работы художника.

Окна с другой стены показывали великие города мира. Ранд прошел мимо Тира, где Твердыня превратилась в музей Третьей Эпохи, а Защитники стали ее зрителями. Никто из людей этого поколения

никогда не носил оружия, и их потрясали истории о том, как сражались их прадеды. Другое окно показывало Семь Башен Малкира, отстроенные заново — но как монумент, а не как укрепление. После смерти Темного Запустение исчезло, а все Отродья Тени немедленно пали замертво, поскольку все они были связаны с ним, как троллоки с Исчезающим.

На дверях не было замков. Про деньги уже почти забыли. Направляющие помогали создавать еду для всех. Ранд прошел мимо окна в Тар Валон, где Айз Седай Исцеляли любого и создавали врата, чтобы воссоединить влюбленных. У всех

было все, в чем они нуждались.

Он заколебался около следующего окна. Оно выходило на Руидин. Был ли город когда-то стоящий в пустыне? Путоши цвели, от Шары до Кайриэна.

И здесь, сквозь окно, Ранд увидел Поля Чоры — целый лес их, окруживший легендарный город. Хотя он не мог слышать их слов, он видел, как поют Айил.

Оружия больше не было. Не было копий для танца. Вновь Айил стали народом мира.

Он продолжал. Бандар Эбан, Эбу Дар — земля Шончан — Шара. Все государства еще существовали, хотя в границах не было нужды. Еще один

пережиток прошлого. Кому какое дело, кто живет в какой стране, и зачем кому-то попытаться "присвоить" землю? Земли хватает всем. Когда ожила Пустыня, это дало достаточно места для новых городов, новых чудес. Многие окна, мимо которых проходил Ранд, вели в места, которые он не узнавал, хотя приятно было увидеть Двуречье, которое выглядело столь величественно, словно вернулись дни Манетерена.

Вид в последнем окне, привел его в замешательство. Он смотрел на долину, которая некогда была Проклятыми Землями. Каменная плита, где давным давно предали огню тело, покоилась здесь в

одинокестве. Повсюду были заросли кишашие жизнью: виноградные лозы, трава, цветы. Пушистый паук, размером с ладонь ребенка, сновал по камням.

Могила Ранда. Место, где после Последней Битвы сожгли его тело. Он долго смотрел в это окно, прежде чем, наконец, заставил себя двинуться дальше, покинув галерею и продолжив путь к дворцовым садам. Слуги помогали, стоило к ним обратиться. Никому не пришло в голову спросить, зачем он хочет видеть королеву.

Он ожидал, что, когда найдет ее, она будет окружена людьми. Если любой может прийти к королеве, не

занимает ли это все ее время? И все же, когда он приблизился к ней, сидящей в дворцовых садах возле дерева Кору, она была одна.

В этом мире не было проблем. Мир, где люди легко сами разрешали собственные затруднения. Мир, где давали, не отнимали. Что нужно кому-то от королевы?

Илэйн была так же красива, как в день их последнего свидания. Конечно, она уже не была беременна. Сто лет прошло с Последней Битвы, но казалось, что она не постарела ни на день.

Ранд подошел к ней, поглядывая на стены сада, с которых однажды он упал, и встретился с ней в первый

раз. Сады были разные, но эта стена осталась. Он пережила отстройку Кэймлина и приход нового века.

Илэйн, сидевшая на скамейке, посмотрела на него, и ее глаза сразу расширились. Ее ладонь взметнулась к губам.

— Ранд?

Его взгляд остановился на ней, рука покоилась на рукояти меча Ламана. Формальная стойка. Почему он ее принял?

Илэйн улыбнулась:

— Это шутка? Дочка, ты где. Ты использовала Маску Зеркал, чтобы опять одурачить меня?

— Это не шутка, Илэйн, — сказал Ранд, опустившись на колени

перед ней, так, что их лица были теперь на одном уровне. Он посмотрел ей прямо в глаза.

Что-то было неправильно.

— О! Но как такое возможно? — спросила она.

Это была не Илэйн... ведь так? Казалось, интонации ушли из ее голоса, манеры были неправильны. Могла ли она так измениться? Минувло сто лет.

— Илэйн? — спросил Ранд. — Что с тобой случилось?

— Случилось? О, ничего! День прекрасный, волшебный. Красиво и мирно. Как я люблю сидеть в своем саду и наслаждаться солнечным светом.

Ранд помрачнел. Этот жеманный тон, эти пустые реакции... Илэйн никогда такой не была.

— Мы должны готовиться к пиру! — провозгласила Илэйн, хлопнув в ладоши. — Я приглашу Авиенду. Это ее неделя пения, хотя, вероятно, она несет обязанности няньки. Она обычно вызывается туда.

— Обязанности няньки?

— В Руидине, — сказала Илэйн. — Все так любят поиграть с детьми, и здесь, и там. Всегда соревнуются — кто будет заботиться о детях. Но мы понимаем, что надо меняться по очереди.

Авиенда. Нянчится с детьми и

поет деревьям коры. По правде, ничего дурного в этом нет. Почему ей не присоединиться ко всему этому?

Но это было тоже неправильно. Он думал, что Авиенда станет прекрасной матерью, но представить себе, чтобы она дни напролет играла с детьми других людей...

Ранд снова заглянул в глаза Илэйн, в самую глубину их. И там он увидел сгустившуюся тень. О, это была невинная тень, но все же тень... наподобие...

Наподобие тех теней, что были в глазах людей, Обращенных к Темному.

Ранд вскочил на ноги и отшатнулся.

— Что ты здесь сотворил? —
закричал он в небеса. — Шай'тан!
Отвечай!

Илэйн подняла взгляд на него.
Она не испугалась. Здесь не
существовало страха.

— Шай'тан? Клянусь, я помню
это имя! Но это было так давно.
Иногда я бываю забывчивой...

— ШАЙТАН! — взревел Ранд.

Я НИЧЕГО НЕ СДЕЛАЛ,
ПРОТИВНИК. Голос был
отдаленным. ЭТО ТВОЕ ТВОРЕНИЕ.

— Вздор! — сказал Ранд. — Ты
изменил ее! Ты изменил их всех!

ТЫ ДУМАЕШЬ, ЧТО
УСТРАНЕНИЕ МЕНЯ ИЗ ИХ
ЖИЗНЕЙ, ОСТАВИТ ИХ

НЕИЗМЕННЫМИ?

Голос гремел над Рандом. Ошеломленный, он отступил, когда Илэйн встала, очевидно, беспокоясь за него. Да, теперь он это видел — нечто в глубине ее взгляда. Она не была собой... потому что Ранд отнял у нее возможность быть собой.

— Я ОБРАЩАЮ ЛЮДЕЙ К СЕБЕ, — сказал Шай'тан. — ЭТО ПРАВДА. ОНИ НЕ МОГУТ ВЫБРАТЬ ДОБРО ПОСЛЕ ТОГО, КАК Я СДЕЛАЛ ИХ МОИМИ ТАКИМ СПОСОБОМ. РАЗВЕ ЗДЕСЬ ЕСТЬ РАЗНИЦА, МОЙ ВРАГ?

— ЕСЛИ ТЫ ТАК ПОСТУПАЕШЬ, МЫ С ТОБОЙ СУТЬ ОДНО.

— Нет! — закричал Ранд, схватившись за голову и падая на колени. — Нет! Мир должен стать совершенен, когда не станет тебя!

— СОВЕРШЕНЕН.
НЕИЗМЕНЕН. РАЗРУШЕН. СДЕЛАЙ
ЭТО, ЕСЛИ ЖЕЛАЕШЬ, МОЙ ВРАГ.
УБИВ МЕНЯ, ТЫ ДАРУЕШЬ МНЕ
ПОБЕДУ.

ЧТО БЫ ТЫ НИ СДЕЛАЛ,
ВЫИГРАЮ Я.

Ранд закричал, свернувшись калачиком, когда следующая атака Темного нахлынула на него. Кошмар, созданный Рандом, вырвался наружу, потоки света разлетались в стороны, как струи дыма.

Темнота вокруг него затряслась

и задрожала.

ТЫ НЕ СМОЖЕШЬ СПАСТИ
ИХ.

Узор, светящийся и яркий, снова обернулся вокруг Ранда. Реальный узор. Правда, показывающая то, что происходит. Создавая свое видение мира без Темного, он создал нечто ужасное. Что-то жуткое. Что-то хуже, чем то, что было раньше.

Темный снова атаковал.

Мэт на время отстранился от боевых действий, и попытался устроить ашандрей на плече. Карид захотел вступить в битву, для него чем безнадежнее ситуация, тем лучше. Ну мужчина — воин, и не должен этого

стыдится. Он должен танцевать и смеяться! Он желает этого. Свет, что же он делает.

Мэт присел на мертвого Троллока, это все, что он сейчас может сделать, и глотнул из бурдюка. Он чувствовал пульс боя, его ритм. Мелодия, что он сыграл, была невеселой. Демандред был умен. Он не купился на приманку Мэта у брода, где он расположил меньшую часть своих сил. Демандред послал туда Троллоков, но не перебросил туда отряды Шарцев. Если бы Демандред отказался от попыток взять штурмом Высоты удерживаемые армией Илэйн, Мэт смог бы отвести свои части с Высот

и соединится с отрядами с запада и северо-востока, чтобы обойти и разбить Тень сзади. Но сейчас Демандред сконцентрировал свои войска по направлению обороны Илэйн, и Мэт остановил его на некоторое время. Но сколько это еще продлится?

Дела у Айз Седай были не ахти. Шарские направляющие по всему полю боя подавляли их действия. Удача, подумал Мэт. Вот что бы нам не помешало, всего лишь чуточку. Не подведи меня сегодня.

Это был бы достойный конец для Мэтрима Коутона. Судьба так любит насмехаться над ним. Он вдруг понял, какая великая комедия

разыгралась, быть удачливым, когда удача ничего не значит, и стать неудачником, когда это действительно было необходимо.

Кровь и треклятый пепел, подумал он, убирая пустой бурдюк и ориентируясь только по свету факела, который держал Карид. Мэт не чувствовал сейчас себя счастливым. Такое иногда случалось. Ведь он не всегда ощущал удачу.

Ну что же, если у них нет счастливого Мэтрима Коутона, у них по крайней мере остался, упрямец Мэтрим Коутон. Он не готов сегодня умереть. У него остались еще незаконченные дела: танцы, которые

он не станцевал; песни, которые он не спел и женщины, которых он не перецеловал. По крайней мере одна женщина.

Он поднялся и присоединился к Страже Последнего Часа; группы Огир, армия Тэма, отряд Порубежников — всех он вывел сюда. Бой продолжался, битва кипела, войска смогли даже оттеснить Шарцев на пару сотен шагов. Но Демандред заметил, что происходит, и начал перебрасывать Троллоков с берега реки, вверх по склону, чтобы они присоединились к трёклятой битве в том месте. Они с трудом карабкались наверх, но Демандред понял, что этим увеличит

давление на силы Мэта.

Эти Троллоки были реальной опасностью. Их было и так достаточно на реке, чтобы окружить Илэйн и пробить себе путь к Вершине. Если хоть одна армия Мэта отступит, они прорвутся.

Ну что ж пора бросать кости, Мэт отдал приказы. Уже больше ничего нельзя было сделать, осталась лишь битва, кровь и надежда.

Брызги света, словно жидкий огонь, озарили западную сторону Высот. Куски расплавленного камня взметнулись в воздух. Сперва, Мэт подумал, что Демандред решил наконец пойти в атаку на этом направлении, но у Отрекшегося еще

не угасла решимость уничтожить Андорцев.

Еще одна вспышка света. Именно в том месте где сражались Айз Седай. Повсюду была тьма и дым, Мэт понял, что он увидел Шарцев отступающих через Высоты по прямой на восток. Мэт улыбнулся.

— Взгляни, — сказал он, хлопнув по плечу Карида, добиваясь внимания

— Что это?

— Я не знаю, — ответил Мэт. — Место, где только что располагались Шарцы, в огне, и я чувствую, что мне это нравится. Нужно продолжать бой! — Он повел Карида и остальных в новую атаку против

Шарских солдат.

Олвер шел, сгорбившись под узелком со стрелами, привязанным к его спине. Он настаивал на том, чтобы они имели свой реальный вес. Что будет, если один из приспешников Тени проверит его вещи и обнаружит, что середина его узелка набита легкой одежкой?

Сеталль и Фэйли не должны были смотреть на него так, будто он сломается в любой момент. Узелок был не таким уж тяжелым. Хотя, конечно, это не остановит его от выпрашивания сочувствия от Сеталль, когда они вернутся. Он должен был практиковаться в

подобным вещах, иначе он в конечном итоге станет таким безнадежным, как Мэт.

Они продолжали двигаться вереницей к месту снабжения, здесь, в Проклятых Землях, и как только достигли его, Олвер признался себе, что совсем не возражал бы, чтобы его сверток оказался полегче. Не потому, что его усталость росла. Как же он собирается сражаться в случае необходимости? Он должен будет сбросить свою ношу быстро, поскольку этот груз больше походил на тот, что не позволяет сделать что-либо быстро.

Серая пыль покрывала его ноги. Ни обувь, ни его одежду теперь не

используешь даже в качестве тряпок. Ранее отряд Фэйли атаковал один из жалких караванов, тянувшихся к базе снабжения Тени. Сражение было скоротечным, только трое Приспешников Темного и торговец маслом охраняли вереницу оборванных, полуголодных пленников.

Многие из их тюков имели знак Кандора, красную лошадь, и фактически, большинство пленников являлось кандорцами. Фейли предложила им свободу, посылая на юг, но ушла только половина. Оставшиеся настаивали на том, чтобы присоединиться к ней и идти на Последнюю Битву, хотя Олвер

видел нищих на улицах с большим количеством мяса на костях, чем у этих людей. Впрочем, они помогали каравану выглядеть правдоподобно.

Это было важно. Олвер поднял глаза, когда они приблизились к временным складам; дорога была обозначена факелами в холодной ночи. Несколько из тех Айил с красными вуалями стояли в стороне, разглядывая проходящих. Олвер снова опустил глаза, чтобы они не видели его ненависти. Он знал, что Айил нельзя доверять.

Пара охранников, не Айил, других, из числа большинства Друзей Темного, приказали их строю остановиться. Аравайн, носившая

одежду убитого ими торговца, вышла вперед. По Фэйли было видно, что она салдейка, и было решено, что она слишком выделялась, чтобы играть роль торговца, Друга Темного.

— Где твои охранники? — спросил солдат. — Это работа Лифы, не так ли? Что случилось?

— Те дураки! — сказала Аравайн, затем сплюнула в сторону. Олвер спрятал улыбку. Весь ее облик изменился. Она знала, как играть роль. — Они умерли там, где я их оставила! Я говорила им, не бродить ночью. Не знаю, что напало на тех трех, но мы нашли их на краю лагеря, раздувшихся, с почерневшей кожей. — Она выглядела больной. —

Думаю, что-то отложило яйца в их выеденных животах. Нам не хотелось искать это что-то.

Солдат хмыкнул.

— Ты?

— Пансай, — сказала

Аравайн. — Деловой партнер Лифы.

— С каких это пор у Лифы появился партнер?

— С тех пор, как я ее зарезала и взяла на себя ее дела.

Всю информацию о Лифе, которая у них была, они получили от спасенных пленников. Ее было мало. Олвер почувствовал, что потеет. Охранник уделил Аравайн долгий взгляд, затем начал идти вдоль линии людей.

Солдаты Фэйли смешались с кандорскими пленниками. Они старались изо всех сил придерживаться правильных поз.

— Ты, женщина, — сказал охранник, указывая на Фэйли. — Салдэйка, хе? — Он засмеялся. — Я думал Салдейская женщина убьет человека раньше, чем позволит ему себя схватить. — Он пихнул Фэйли в плечо.

Олвер задержал дыхание. Ох, кровь и проклятый пепел! Леди Фэйли не способна это принять. Охранник хотел убедиться, были ли пленные на самом деле разбиты или нет! Осанка Фэйли, ее манеры выдадут ее. Она была благородной,

И...

Фэйли ссутулилась, становясь маленькой, и прохныкала ответ, который Олвер не смог расслышать.

Олвер обнаружил, что у него отвисла челюсть, и поспешил заставить себя закрыть рот и опустить взор на землю. Как? Как могла такая леди, как Фэйли научиться вести себя, как служанка?

Охранник хрюкнул.

— Идите, — сказал он, махнув Аравайн. — Ждите там, пока мы за вами не пошлем.

Группа перешла на участок земли поблизости, где Аравайн приказала всем сесть. она осталась в стороне, сложив руки, она

постукивала пальцем, когда ждала. Грохотал гром и Олвер почувствовал странный холод. Он посмотрел в верх, в слепое лицо Мурдраала.

Дрожь пробежала по Олверу, словно его бросили в ледяное озеро. Он не мог дышать. Мурдраал, казалось, скользил, двигаясь, его плащ при этом выглядел неподвижным и мертвым, когда он обошел группу. После мига ужаса они двинулись дальше, назад к складу снабжения.

— Выискивает
направляющих, — прошептала
Фэйли Мандеввину.

— Свет помоги нам, —
прошептал мужчина в ответ.

Ожидание было почти невыносимо. В конечном счете пухлая женщина в белой одежде шагнула и сплела Врата. Аравайн облаяла их всех, чтобы поднять на их ноги, затем махнула им. Олвер присоединился к линии, шагая рядом с Фэйли, и они переместились из земель с красной почвой и холодным воздухом в место, которое пахло так, будто горело.

Они вошли в ветхий лагерь, заполненный Троллоками. Несколько больших котлов кипели поблизости. Прямо за лагерьем, склон резко переходил в большое плато. Потоки дыма вырывались с его вершины, и отсюда и куда бы ни пошел Олвер,

были слышны звуки сражения. Отворачиваясь от склона, мальчик видел в отдалении темные очертания высокой, узкой горы, возвышающейся над плоской равниной, как свеча в середине стола.

Он посмотрел вверх по склону позади лагеря, и его сердце подпрыгнуло. Тело летело с вершины холма, все еще сжимая флаг, флаг на котором был нарисована большая красная рука. Отряд Красной Руки! Человек и флаг упали среди жвавшей группы Троллоков, расшвыривая шипящие куски мяса вокруг огня. Искры летели во всех направлениях, и твари в ярости выдернули злоумышленника из огня, но он

давно перестал заботиться, о том что они могли ему сделали.

— Фэйли! — прошептал он.

— Я вижу это. — Ее связка скрывала мешок с Рогом. Она добавила, больше себе, — Свет. Как мы собираемся найти Мэта?

Они отошли в сторону, поскольку остальные проходили через ворота. Они имели мечи, но несли их спрятавши в связки стрел и тюки, сзади некоторые несли их связанными вроде как запасные для битвы.

— Кровь и пепел, — прошептал Мандеввин, присоединяясь к этим двоим. по близости скулили запертые пленники. — Возможно

они нас запрут там? И мы сможем выбраться ночью.

Фэйли покачала головой.

— Они заберут наши связки.

Оставив нас безоружными.

— Тогда, что нам делать? — спросил Мандеввин, глядя в сторону, поскольку шла группа Троллоков, таща трупы, собранные на линии фронта. — Начать драку? Надеюсь, что Лорд Мэт увидит нас и пришлет помощь?

Олвер не думал сильно над планом. Он хотел драться, но эти Троллоки были огромны. Один прошел поблизости, и его волчья голова повернулся к нему. Глаза, которые, были похожи на человечесьи,

голодным взглядом, осмотрели его сверху донизу. Олвер отшатнулся, затем метнулся к своей связке, где он спрятал нож.

— Мы сбежим, — прошептала Фэйли, как только прошел Троллок, — Метнемся в дюжину разных направлений, попытаюсь сбить их с толку. Возможно несколько из нас убегут. — Она нахмурилась — Что задерживает Аравайн?

Как только она это произнесла. Аравайн шагнула через ворота. Женщина в белом, которая направляла, прошла вслед за нею, и затем Аравайн указала на Фэйли.

Фэйли задергалась в воздухе. Олвер задохнулся, и Мандеввин с

проклятиями сбросил связку, роясь в ней в поисках своего меча, в это время Аррела и Селанда закричали. В тот же миг всех троих плетениями подняло в воздух, и с оружием в красных вуалях через ворота прибежали Айил.

Поражение последовало. Несколько солдат Фэйли упали, когда они пытались отбиваться кулаками. Олвер полз по земле, пытаясь добраться до своего ножа, но к тому времени, когда он положил руку на эфес своего оружия, борьба была закончена. Другие были убиты или связанные висели в воздухе.

Так быстро! Подумал Олвер с отчаянием. Почему никто не

предупредил его, что схватка так быстро заканчивается?

Они, казалось, забыли о нём, но он всё ещё не знал, что делать.

Аравайн подошла к Фэйли, всё ещё висящей в воздухе. Что происходит? Аравайн... она предала их?

— Мне жаль, миледи, — сказала Аравайн Фэйли. Олвер едва мог слышать. Никто не обращал на него никакого внимания; Айил охраняли солдат, толкая их в кучу, которая будет охраняться. Больше их число лежало на земле истекая кровью.

Фэйли боролась в воздухе, лицо её покраснело, от напряжения. Ее рот был, закрыт кляпом из воздуха.

Фэйли никогда не будет оставаться спокойной, когда происходит такое.

Аравайн сняла мешок с Рогом со спины Фэйли, затем проверила внутри него. Ее глаза расширились. Она закрыла мешок туго сжав верхнюю часть, так и держала его закрытым.

— Я надеялась, — прошептала она Фэйли, — Оставить свою старую жизнь в прошлом. Начать новую. Я думала, что смогу скрыться, или забыть, думала, что могу вернуться к Свету. Но Великий Повелитель не забыл, и никто не может скрыться от него. Они нашли меня в ту самую ночь, когда мы достигли Андора. Это не то, что я собиралась сделать, но я

должна.

Аравин отошла.

— Лошадь! — крикнула она. — Я доставлю эту посылку Лорду Демандреду лично, как мне было приказано.

Женщина в белом шла рядом с ней, они начали спорить шепотом. Олвер огляделся. Никто не смотрел на него.

Его пальцы задрожали. Он знал, что Троллоки были большие, и что они уродливы. Но. эти они были кошмарны. Кошмар везде вокруг. О, Свет!

"Что бы стал делать Мэт?"

— Довие'анди се Товиа сагайн, Время метнуть кости — прошептал

Олвер, обнажая клинок. С криком, он бросился на женщину в белом и вонзил свой нож ей под поясницу.

Она завопила. Потоки воздуха держащие Фэйли растаяли, и она упала. И тут же, путы держащие их всех спали, и группа орущих мужчин обрела свободу.

— Поднимай выше! — кричала Дозин — Давай быстрее!

Лиане подчинилась, сплетая потоки Земли вместе с другими сестрами. Почва перед ними тряслась, вздымалась и опадала, как вытрясаемый ковер. Они закончили, и использовали гору как щит от огня, летящего выше со склонов.

Дозин командовала
разношерстной группой. Около
дюжины Айз Седай со Стражами и
солдатами. Мужчины держали в
руках оружие, но в последнее время
оно было не эффективнее здесь, чем
буханка хлеба. Атаки Силы трещали
и шипели в воздухе.
Импровизированное укрепление
сотрясало, пока шарцы метали в
него огонь.

Лиане осторожно выглянула над
укреплением, удерживая Единую
Силу. Она уже оправилась после
встречи с Отрекшимся Демандредом.
Это был необычный опыт — она
была всецело в его власти, и ее жизнь
могла оборваться в любой миг. Кроме

того, ее пугала сила его безумия; его ненависть к Дракону Возрожденному была не похожа ни на что, виденное ей прежде.

Группа шарцев двигалась вниз по склону, они сообща пускали плетения по импровизированному укреплению. Лиане создала из воздуха одну волну, похожую на хирургический нож, срезающие омертвевшую плоть. Она была намного слабее в Единой Силе, чем когда-то.

Поэтому ей нужно использовать свою силу эффективнее. Примечательно, чего может добиться женщина, когда ее возможности ограничены.

Насыпь взорвалась.

Лиане метнулась в сторону, когда вниз дождем посыпалась земля. Она перекатилась в клубах дыма, кашляя и цепляясь за саидар. Это были мужчины-шарцы! Она не могла видеть их плетения. Лиане поднялась, платье ее было изодрано взрывом, а руки покрывали порезы. Она заметила что-то синее в борозде рядом. Дозин. Лиане поспешила к ней.

Она нашла там тело женщины, но не голову.

Лиане была почти подавлена чувством скорби и утраты. Они с Дозин не были близкими подругами, но вместе сражались здесь. Смерть и

разрушение окружали Лиане. Сколько еще им суждено потерять. Сколько погибнет у нее на глазах?

С трудом, она успокоила себя. Свет, это была катастрофа. Они ожидали вражеских Повелителей Ужаса, но здесь были сотни и сотни этих шарцев. Направляющие, собранные из целой нации и все обученные войне. Поле боя было усеяно яркими пятнами света — это были павшие Айз Седай. Их Стражи бежали вверх по холму, крича от ярости, и там их сражали удары Силы.

Лиане наткнулась на группу Красных и Зеленых, которые скрывались за грудой земли на

западном склоне. Пока что это давало им защиту, но как долго продержатся эти женщины?

И все же она чувствовала гордость. Окруженные превосходящими силами, Айз Седай продолжали сражаться. Это было совсем не так, как в ночь нападения Шончан, когда разобшенная Белая Башня была разбита изнутри. Женщины держались твердо; всякий раз, когда их группы рассеивались, они собирались снова и продолжали бой. Огонь падал на них сверху, но почти столько же его летело обратно, и молнии били в обе стороны.

Лиане осторожно обошла группу, присоединившись к Рэйчин

Коннорэл, которая спряталась за валуном и метала огненные плетения в наступающих шарцев. Лиане следила за ответными атаками, и отразила одну быстрым плетением Воды, заставив огненный шар рассеяться на крошечные искры.

Рэйчин кивнула ей.

— А я-то думала, ты теперь разучилась делать что-либо иное, кроме как строить глазки мужчинам.

— Искусство доманиек сводится к тому, Рэйчин, — холодно сказала Лиане, — чтобы добиваться цели минимально возможными усилиями.

Рэйчин фыркнула и запустила в шаранцев очередные огненные шары.

— Порой мне стоило бы

прислушиваться к твоим советам, — сказала она. — Если действительно есть способ заставить мужчин делать то, что тебе нравится, очень бы мне хотелось его знать.

Сама эта идея казалась столь нелепой, что Лиане чуть не рассмеялась, несмотря на то, что творилось вокруг. Красная? Пудрится и красится, и учится доманийскому искусству манипуляции. Ну, а почему нет — подумала Лиане, отбив очередной огненный шар. Мир меняется, и Айя — очень медленно — меняются вместе с ним.

Соппротивление	Сестер
привлекло	еще больше
направляющих-шарцев.	

— Скоро нам придется убираться с этой позиции, — сказала Рэйчин.

Лиане только кивнула.

— Эти шарцы! — вскричала Красная. — Посмотри на это!

Лиане ахнула. Многие шарские воины были отозваны отсюда — похоже, их перебросили куда-то еще — но направляющие заменили их большой группой перепуганных людей, которых бросили вперед, чтобы поглотить атаки. Многие несли вместо оружия палки или рабочие инструменты, они толпились, неуверенно удерживая импровизированное оружие.

— Кровь и кровавый пепел! —

выругалась Рэйчин, что заставило Лиане приподнять бровь. Она продолжала направлять, теперь пытаясь метать молнии над линиями перепуганных людей, и все равно, они поражали многих из них. Лиане стало дурно, но она присоединилась к атаке.

Пока они работали, Мэнди Вэн подбежала к ним. Вся черная от сажи, Зеленая сестра выглядела ужасно. "Наверное, так же, как и я сама", — подумала Лиане, глядя на собственные исцарапанные и грязные руки.

— Нас оттесняют, — сказал Мэнди. — Может быть стоит использовать ворота.

— И куда отправиться? — спросила Лиане. — Покинуть битву?

Все трое замолчали. Нет. Не было пути выхода из этого сражения. Необходимо или победить здесь, или ничего.

— Мы слишком разбросаны, — сказала Мэнди. — Мы должны на время отступить, чтобы перегруппироваться. Нам нужно объединить всех женщин вместе, — это единственное, до чего я додумалась. Может у тебя есть идеи получше.

Мэнди посмотрела на Рэйчин. Лиане была слишком слаба в Силе, чтобы сейчас ее мнение имело вес. Она начала отсекать плетения, пока

две другие переговаривались шепотом. Айз Седай рядом с ними начали отступать вниз по холму, в лощину. Они перегруппировались, создали ворота к Дашарскому Выступу и решали, что теперь.

Постойте. Что это было? Лиане ощутила, что рядом направляет кто-то очень сильный. Шарцы создали круг? Она прищурилась; была ночь, но огни вокруг давали достаточно света. К тому же поднимали много дыма. Лиане направила Воздух, чтобы сдуть дым прочь, но тот поднялся сам, несомый сильным ветром.

Эгвейн ал'Вир прошла мимо них, вверх по склону, пылая силой

сотен костров. Она удерживала Силы больше, чем Лиане когда-либо видела у женщин. Амерлин шла вперед, вытянув руку и держа в ней белый стержень. Глаза Эгвейн, казалось, сверкали.

Со вспышкой света и силы, Эгвейн выпустила десяток отдельных потоков огня. Десятки. Они подорвали верхнюю часть склона, подбрасывая тела направляющих Шарцев в воздух.

— Мэнди, — сказала Лиане, — Я думаю, что мы нашли для тебя сборный пункт получше.

Талманес зажег ветку от фонаря, а затем использовал её, чтобы

раскурить трубку. Он сделал одну затяжку, а потом разворотил и высыпал содержимое трубки на каменный пол. Табак пошел как-то плохо. Ужасно плохо. Он кашлянул и тщательно раздавил каблуком табак по полу.

— С вами все в порядке, милорд? — спросил Мелтен, проходя мимо и лениво жонглируя парой молотков одной правой рукой.

— Будь я проклят, я все ещё жив, — ответил Талманес. — Это гораздо больше, чем я мог мы ожидать.

Мелтен кивнул, без каких-либо эмоций, и продолжил, присоединившись к одной из групп,

работающих с драконами. Глубокие пещеры вокруг них оглашались эхом звуков молотков, стучащих по дереву, их отряд делал все возможное, чтобы восстановить оружие. Талманес постучал по фонарю, оценивая уровень масла. Пахло ужасно, когда оно горело, хотя он уже привыкал к этому. У них было ещё достаточно на несколько часов.

Это было хорошо, поскольку он знал, что из этой пещеры нет выхода на поле боя, наверху. Сюда можно было попасть только через ворота. Какой-то Аша'ман знал об этом. Станный парень. Что за человек знал о пещерах, в которые можно попасть только используя Единую

Силу?

В любом случае, отряд оказался здесь в ловушке, в безопасном месте, но изолированный. Только малые крупицы информации поступали в сообщениях Мэта.

Талманес насторожился, подумав, что он слышал отдаленные звуки направляющих, сражавшихся над ними, но это было его воображение. Земля молчала, и эти древние камни не видели свет, со времен Разлома, если и видели тогда.

Талманес покачал головой, подходя к одной из ремонтных групп.

— Ну и как они?

Даниил указал на несколько листов бумаги, которые Алудра дала

ему, инструкции по ремонту данного дракона. Сама женщина давала четкие указания другой команде работников, ее голос, с еле уловимым акцентом, эхом расходился по помещению.

— Большинство трубок остались целыми, — сказал Даниил. — Если бы вы поразмыслили о них, то они как раз были сделаны так, чтобы выдерживать немного огня и взрывов, время от времени....

Он усмехнулся и затих, глядя на Талманеса.

— Не позволяйте моим высказываниям ослабить ваше хорошее настроение, — сказал Талманес, убирая свою трубку. —

Нор, пусть тебя беспокоит, что мы боремся на пороге конца мира, что наша армия значительно меньше, и что если мы проиграем, наши души будут уничтожены Темным Лордом.

— Извините меня, милорд.

— Это была шутка.

Даниил моргнул.

— Да?

— Да.

— Это была шутка.

— Да.

— У вас странное чувство юмора, милорд, — сказал Даниил.

— Мне это уже говорили, — Талманес нагнулся и осмотрел телегу дракона. Выжженная древесина поддерживалась винтами и

дополнительными планками, — Это, кажется, не очень функционально.

— Это будет работать, милорд. Однако, мы не сможем быстро перемещать его. Я говорю, что трубы сами по себе были в нормальном состоянии, но телеги... Ну, мы сделаем все, что сможем со спасенным и поставками из Баэрлон, но мы выполним столько работ, сколько времени у нас будет.

— Которого у нас нет, — ответил Талменес. — Лорд Мэт может вызвать нас в любой момент.

— Если они все ещё живы там, — сказал Даниил, смотря вверх.

Неутешительные мысли. Отряд мог закончить свои дни запертыми

здесь. По крайней мере, этих дней будет не много. Либо конец света наступит, либо у них закончится еда. Они не протянут здесь и неделю. Погребенные тут. В темноте.

Будь ты проклят, Мэт. Лучше бы тебе там не проиграть. Ты не должен проиграть! Отряд ещё должен побороться за себя. Они не собираются до конца своих дней голодать под землей.

Талманес поднял фонарь, собираясь идти, но кое-что заметил. Солдаты ремонтирующие драконов отбрасывали искривленную тень на стену, похожую на человека с широким плащом и шляпой, скрывающей его лицо.

Даниил проследил его взгляд.

— Свет! Выглядит так, как будто сам старый Джек наблюдает за нами, не так ли?

— Так оно и есть, — ответил Талманес. Затем, уже громче, он крикнул, — Что-то здесь слишком тихо сегодня! Давайте немного споем, парни.

Некоторые мужчины замерли. Алудра встала, уперев руки в бедра, и удостоила его недовольным взглядом.

Так что, Талманес завел песню сам.

"Так выпьем же вина — пусть не опустеют кубки!

И милых, веселясь, мы

расцелуем в губки.

И кости мы метнем, ну а потом
идем скорей

На танец с Джаком-из-Теней!"

Тишина.

Тогда они начали все вместе:

"Так крикнем же погромче,
друже

Обнимем девушек, могло быть
хуже

Коль с торбой Тёмного спешим
скорей

На танец с Джаком-из теней!"

Их голоса сотрясали камни,
когда они работали, так яростно
готовились к роли, которую они
должны сыграть.

И они ее сыграют. Талманес был

убежден, что они сделают это. Даже если им придется уничтожить все на своем пути к цели, они вернутся в огненный шторм.

Поскольку Олвер нанес удар женщине в белом, путы Фэйли исчезли. Она упала на землю, споткнулась, но осталась стоять. Мандеввин упал рядом с проклятиями.

Аравайн. Свет, Аравайн. Послушная, осторожная и способная. Аравайн была Другом Темного.

У неё был Рог.

Аравайн посмотрела на погибшую Айз Седай, на которую напал Олвер, и запаниковала,

схватила лошадь, которую привел слуга, и прыгнула в седло.

Фэйли помчалась к ней, пленники бросились на Троллоков, сражаясь и подхватывая оружие. Она почти настигла Аравайн, но женщина ускокала выбрав более пологий склон, чтобы подняться на вершину, унося с собой Рог.

— Нет! — закричала Фэйли. — Аравайн! Не делай этого! — Фэйли погналась за ней, но понимала, что это безнадежно.

Лошадь! Ей нужна лошадь. Фэйли осмотрелась и заметила небольшую группу вьючных животных, которую они привели через врата. Фэйли подбежала к Беле,

и срезала седло, и все, что было к нему приторочено, несколькими движениями ножа. Она вскочила на спину кобылы и схватила поводья, затем пришпорила ее.

Лохматая кобыла галопом помчалась за Аравайн, и Фэйли низко пригнулась к ее шее.

— Быстрее, Бела, — поторапливала она. — Если ты сэкономила еще немного силы, самое время ее использовать. Пожалуйста. Быстрее, девочка. Быстрее!

Бела мчалась по истерзанной земле, и топот копыт сливался с громом в небе. Лагерь троллоков был темным местом, освещенным поварскими кострами и отдельными

факелами. Фэйли чувствовала себя так, словно скачет напрямик в кошмар.

Впереди несколько троллоков преградили ей путь. Фэйли пригнулась еще ниже, взмолившись Свету, чтобы они не достали ее, когда нападут. Бела замедлилась, и вдруг два всадника появились рядом с Фэйли с копьями наперевес. Один пронзил шею троллока, и хотя второй промахнулся, его конь плечом отшвырнул другого троллока в сторону, освободив дорогу. Бела промчалась между растерявшимися троллоками, гнавшимися за двумя людьми, один из которых был тощим, а второй толстяком. Гарнан и Ванин.

— Вы двое! — вскрикнула Фэйли.

— Хо, миледи! — Гарнан рассмеялся.

— Какого? — заорала она, пытаясь перекрычать стук копыт.

— Мы позволили каравану найти и захватить нас, — крикнул в ответ Гарнан. — Они провели нас через врата на лошадях, и мы готовились к побегу. Ваше появление дало нам такую возможность.

— Рог! Вы пытались похитить Рог!

— Нет! — отозвался Гарнан. — Мы пытались спереть у Мэта немного табака!

— Я думал, вы решили зарыть

его, оставить, — крикнул Ванин с другой стороны. — Я решил, что Мэту все равно. В любом случае он задолжал мне несколько марок! А когда я открыл мешок и увидел этот проклятый Рог Валир... кровавый пепел! Спорю, мой крик был слышен в самом Тар Валоне!

Фэйли зарычала, представив себе эту сцену. Крик, который она слышала, был возгласом удивления, он-то и привлек ту медведеподобную тварь.

Ладно, сделанного не воротишь. Она стиснула бока Белы коленями, направляя лошадь вперед. Аравайн проскакала между троллоками, направляясь туда, где склоны

сужались. Аравайн отчаянно закричала, призывая троллоков на подмогу, однако лошадь могла бежать быстрее любого троллока.

Демандред! Аравайн сказала, что должна доставить Рог одному из Отрекшихся. Фэйли тихо взвыла, пригнувшись еще ниже, и неожиданно Бела обогнала Ванина и Гарнана. Она не спрашивала, где они нашли коней. Все ее внимание было приковано к Аравайн.

В лагере поднялся шум, и Ванин с Гарнаном разделились, чтобы перехватить всадников, направившихся к Фэйли. Она метнулась в сторону, заставив Белу перескочить через груды припасов и

ворваться в середину группы людей в странной одежде. Они закричали за ее спиной со странным акцентом.

Дюйм за дюймом она настигала Аравайн. Бела фыркала и пыхтела, ее попона потемнела от пота. Салдэйская конница считалась одной из лучших в мире, и Фэйли хорошо разбиралась в лошадях. Она ездила на лошадях любой породы. В эти минуты на поле боя она поставила бы Белу против лучших тайренских коней. Лохматая кобыла без породы и родословной мчалась, как призовой скакун.

Чувствуя ритмичный стук копыт позади, Фэйли вытянула нож из рукава. Она заставила Белу

перескочить через небольшую яму в земле, и пока та летела в воздухе, Фэйли оценила ветер, снижение, момент. Она оттянула руку назад, и метнула нож за мгновение до того, как копыта Белы коснулись земли.

Нож ударил точно, по рукоять уйдя в спину Аравайн. Женщина соскользнула с седла, свалилась на землю, и мешок выпал из ее рук.

Фэйли спрыгнула с Белы, приземлилась и скользнула к мешку. Она развязала тесемку и увидела внутри сияющий Рог.

— Мне... жаль... — прошептала Аравин, перекатившись. — Не говорите Элдрину о том, что я сделала. У него всегда был такой

ужасный вкус... на женщин...

Фэйли встала и посмотрела на нее с жалостью.

— Молись, чтобы Создатель защитил твою душу, Аравайн, — сказала она и вновь вскочила на спину Белы. — Если нет, тебя заберет Темный. Я оставляю тебя ему.

Она пришпорила Белу.

Впереди были другие троллоки, которые сосредоточили свое внимание на Фэйли. Они кричали, и несколько Мурддраалов скользнули вперед, направляясь к Фэйли. Они начали кружить возле нее, отсекая путь к отступлению.

Она стиснула зубы и погнала Белу назад, туда, откуда пришла, в

надежде встретить Гарнана, Ванина, или хоть кого-то, кто может помочь.

В лагере царила суэта, и Фэйли заметила всадников, которые гнались за ней с криком: "У нее Рог Валир!"

Где-то на вершине холма войска Мэта Коутона сражаются с Тенью. Так близко!

Стрела ударила в землю рядом с ней, а затем и другие. Фэйли добралась до захваченных укреплений, ограждения были разбиты, и тела лежали вокруг. Фэйли заметила рядом другую лошадь, чалого мерина под седлом, который топтался над телом павшего солдата.

Фэйли притормозила. Что

делать? Сменить лошадь, но что потом? Она обернулась через плечо и пригнулась, когда еще одна стрела прошла над ее головой. Она увидела несколько десятков шарских конников в доспехах из небольших колец, которые преследовали ее. За всадниками мчались сотни троллоков.

"Я не уйду от них даже на свежем коне", — подумала она и направила Белу к каким-то повозкам с припасами, где спрыгнула, намереваясь захватить новую лошадь.

— Леди Фэйли, — услышала она детский голос.

Фэйли взглянула вниз. Под повозкой спрятался Олвер, держа в

руке нож.

Всадники были уже совсем рядом. У нее не было времени на размышления. Она выхватила Рог из мешка и сунула в руки Олверу.

— Сохрани это. Спрячь, — велела она. — И передай Мэту Коутону позднее, ночью.

— Ты оставишь меня? — спросил Олвер. — Одного?

— Я должна, — сказала она, торопливо запихивая в мешок несколько пучков стрел. Сердце колотилось в груди. — Когда эти всадники проскачут мимо, найди другое место, чтобы спрятаться. Они вернутся и будут искать здесь, когда...

"Когда схватят меня".

Ей нужно приберечь нож для себя, это лучше, чем если ее будут пытаться, чтобы выяснить, что она сделала с Рогом. Она взяла Олвера за руку.

— Прости, что я взвалила эту ношу на твои плечи, малыш. Больше никого нет. Ты хорошо справлялся прежде, сможешь и теперь. Принеси Мэту Рог, или все пропало.

Она выбежала на открытое место, держа мешок так, чтобы он был на виду. Несколько этих чужеземцев в странной одежде указали на нее. Высоко подняв мешок, она вскочила в седло чалого и погнала его галопом.

Троллоки и Друзья Темного погнались за ней, оставив маленького мальчика с его тяжелой ношей, спрятавшегося под повозкой посреди троллочьего лагеря.

Логайн перевернул тонкий диск своими пальцами. Черное и белое, разделенное извилистой линией. Квендийяр, возможно. Мелкие кусочки, крошащиеся под его пальцами, были насмешкой над самым понятием вечности этого материала.

— Почему Таим, не сломал их? — задумчиво произнес Логайн. — Он мог бы с легкостью это сделать. Сейчас они не прочнее

старой дубленной кожи.

— Я даже не знаю, — мрачно произнес Андрол, переводя взгляд на других из группы. — Возможно их время еще не пришло.

— Нужно сломать их в подходящий момент, чтобы помочь Дракону, — произнес мужчина звавшийся Эмарином. Его голос звучал взволновано. — Но если сломать их в неподходящее время... кто знает, что произойдет?

— Я подозреваю, ничего хорошего — промолвила Певара. Красная.

Утолит ли он когда-нибудь жажду мести по отношению, к тем кто укротил его? Было время, когда

только его ненависть двигала им, для выживания. Теперь он почувствовал, что-то внутри, голод особого рода. Он победил и сломил Айз Седай, сделав их своей собственностью. Но даже сейчас он... чувствовал пустоту внутри. Даже его жажда убийства М'хаэля, не смогла разрушить этого. Что же еще нужно?

Однажды, он назвал себя Возрожденным Драконом. Однажды, он был готов, чтобы встать над миром. Заставить признать его власть. Он перебирал в руках печати к узилищу Темного, находясь вдали от сражения. Он был далеко на юго-западе ниже трясин, где у его Аша'манов был небольшой базовый

лагерь. Слышен был отдаленный грохот от взрывов на Высотах от плетений, которыми обменивались между собой Айз Седай и Шарцы.

Большое количество его Аша'манов сражалось там, но Шарские направляющие превосходили Айз Седай и Аша'манов вместе взятых. Остальные рыскали по полю сражения, выслеживая Повелителей Ужаса, убивая их.

Он терял людей быстрее, чем Тень. Врагов было слишком много.

Он держал печать. Она давала ему власть. Эта власть защитит Черную Башню как-нибудь? Если они не боятся нас, не боятся меня,

что произойдет с нами, как только Дракон будет мертв?

Неудовлетворенность пришла через связь. Он встретился глазами с Габриеллой. Она осматривала сражение, но теперь ее глаза были устремлены на него. Вопрос. Угроза?

Неужели ранее, он действительно думал, что приручил Айз Седай? Это предположение было смехотворно. Никакая Айз Седай не могла быть приручена, никогда.

Логайн быстро положил печать к другим в кошель на его поясе. Он затащил его, встретившись глазами с Габриеллой. Ее пронзило беспокойство. В этот момент он почувствовал, что её беспокойство не

из-за него.

Возможно, она училась манипулировать их связью, чтобы посылать ему чувства, которые, как она думала, успокоят его. Нет, Айз Седай не могут быть приручены. Связывание их Узами не давало этого. Это давало больше осложнений.

Он снял знак дракона со своего высокого воротника и подал его Андролу.

— Андрол Генхальд, ты зашел в пасть самой смерти и возвратился. Я дважды в долгу перед тобой. Я называю тебя полным Аша'маном. Носи этот знак с гордостью.

Ранее он уже вернул ему знак

меча, восстановив его в
Посвященные.

Андрол заколебался, затем
протянул руку и почтительно взял
знак дракона.

— И что с печатями? —
спросила Певара, сложив руки. —
Они принадлежат Белой Башне,
Амерлин — их Хранительница.

— Амерлин, — сказал
Логайн, — находится не в лучшем
состоянии, чем мертвый, из того, что
я слышал. В ее отсутствие я —
подходящий Хранитель.

Логайн схватился за Источник,
подчинив его, доминируя над ним.
Он открыл ворота назад, к вершине
Высот.

Война возвратилась к нему в полную силу, хаосом, дымом и криками. Он ступил туда, другие за ним. Направляющий в полную силу, Демандред сиял как маяк, его усиленный плетениями голос продолжал насмехаться над Возрожденным Драконом.

Ранд ал'Тор был не здесь. Ну что ж, вместо него будет он. Он заменит его.

— Я собираюсь сразиться с ним, — сказал он другим. — Габриелла, ты останешься здесь и будешь ждать моего возвращения, поскольку мне, возможно, понадобится Исцеление. Остальные из вас возьмут на себя людей Таима и

Шарских направляющих. Не оставляйте в живых никого, кто пошел с Тенью, по своему выбору или силой. Несите правосудие одним и милосердие другим.

Они кивнули. Габриелла казалась впечатленной им, возможно из-за его решения нанести удар в сердце врага. Она не могла его понять. Ни один из Отрекшихся не мог быть столь сильным, каким был сейчас Демандред.

У Демандредаса был са'ангриал и сильный. Такой же сильный, как Калландор; возможно даже более мощный. С ним в руках Логайн изменил бы много вещей в этом мире. Мир знал бы о нём и о Черной

Башне, и они все дрожали бы перед ним так, как они никогда не дрожали перед Престолом Амерлин.

Эгвейн провела атаку, подобно которой не было на протяжении тысячелетий. Айз Седай удалось перейти от обороны к атаке и вместе с ней, двигаться в перед по западному склону обычным шагом. Плетения летали в воздухе, словно ленты на ветру.

Небо разорвали тысяча светящихся стрел, земля стонала и дрожала от ударов. Демандред продолжал вести огонь по Андорцам с другой стороны плато, и каждый огненный взрыв порождал ряб в

воздухе. На склоне расползались черной паутиной трещины, и начали прорастать какими то болезненными усиками. Это распространялось как болезнь от разбитых на склоне камней.

Воздух напитанный Силой, был как живой, настолько сильно что Эгвейн казалось все вокруг видят плетения. Через это она втянула столько Силы, сколько она могла удержать через Са'ангриал Воры. Она чувствовала, что она имела столько же силы, когда сражалась с Шончан, или возможно даже больше. И она обернула свой гнев в отчаяние и ужас.

На этот раз это было

раскаленное до бела чувство подобно металлу доведенного до состояния, когда с ним работает кузнец.

Ей, Эгвейн ал'Вир, было предоставлено управление этими землями.

Она, Престол Амерлин, больше не будет запугана Тенью.

Она не отступит. Она не склонится, когда ее ресурсы падут.

Она будет сражаться.

Она направила Воздух, создавая закручивающуюся бурю из пыли, дыма и мертвых растений. Она удерживала её перед собой, заслоняя зрение тех, кто наблюдал сверху, когда они пытались определить ее точное местоположение. Молния с

грохотом ударила возле неё, но она сплела Землю, разрывая породу глубоко в скале и поднимая струю железа, которое застыло шпилем рядом с нею. Молния ударила в шпиль, обойдя ее, когда она послала бурю, с ревом несущуюся по склону.

Движение рядом с ней. Эгвейн почувствовала, что Лейвлин приближается. Это... это оказалось верное ощущение. Так удивительно. Наличие нового Стража не уменьшило остроты ее отчаяния от смерти Гавина, но это помогало по-другому. Тот узелок на краю сознания Эгвейн сменился на новый, очень отличающийся, но все же потрясающе надежный.

Эгвейн подняла са'ангриал Воры и продолжила свои атаки, продвигаясь вверх по склону, Лейвлин шла рядом. Вперед, Шарцы устремились вниз, выдерживая напор ветров. Эгвейн ударила их лентами огня. Направляющие попытались напасть на нее сквозь бурю, но их плетения затерялись, их глаза забило пылью. Три солдата напали сбоку, но Лейвлин оперативно разобралась с ними.

Эгвейн закрутила ветер вокруг и использовать его как руки, подхватив направляющих и подняв их в воздух. Сверху полетели молнии захватив людей в огненные объятия, и обгоревшие трупы упали на склон

холма. Эгвейн продвигалась вперед, она вела за собой армию Айз Седай, продолжая плести стрелы из света.

К ним присоединились Аша'маны. Они сражались то вместе с Белой Башней, то отдельно, но теперь они присоединились к ней. Дюжины мужчин присоединились к ее плетению. Воздух словно загустел от Единой Силы.

Ветры прекратились.

Пыль внезапно спала, как пламя свечи накрытое одеялом. Никакая естественная сила не могла сделать так. Эгвейн смотрела на мужчину в черном и красном стоящего на скале, его руку. Она была вытянута, обрушивая эту силу. Его Повелители

ужаса воевали на стороне Шарцев, но она искала их лидера. Таим. М'Хаэль

— Он направляет молнию! — закричал мужчина позади нее.

Эгвейн немедленно подняла шпиль из железа и охладила его, чтобы оттянуть молнию, которая упала мгновение спустя. Она посмотрела в сторону. Тот кто говорил был Джахар Наришма, Аша'ман — страж Мерисы

Эгвейн улыбнулась глядя в сторону Таима.

— Держите от меня подальше других, — скомандовала она громко. — Все, кроме тебя, Наришма и Мериса, предупреждения Наришмы

будут мне полезны.

Она собралась с силами и начала выпускать шторм на изменника М'Хаэля.

Ила брела среди мертвых на поле боя рядом с руинами. Хоть бои и переместились вниз по реке, она могла слышать далекие крики и взрывы в ночи.

Она искала раненых среди павших, не обращая внимания на стрелы и мечи, когда их находила. Другие собирали их, хоть ей и хотелось, чтобы не брали. Мечи и стрелы вызвали большую часть смертей здесь.

Раин, ее муж, работавший

рядом, переворачивал тела, чтобы послушать биение сердца. Его перчатки были выпачканы красным, и кровь вымарала всю яркую одежду, потому что он прижимался к груди трупов. Как только подтверждалось, что кто-то мертв, они рисовали знак Х на щеке, часто его собственной кровью. Это сдерживало других от повторного осмотра.

Казалось, Раин постарел на десяток лет за последний год, и Ила чувствовала будто и она тоже. Было несложно следовать Пути Листа во времена, предоставляющие жизнь в радости и мире. Но лист падал и при спокойном ветре, и в бурю, и посвящение требовало принять

последнее также, как и бывшее. Гонимые из страны в страну, страдающие от голода, когда земля умирала, они наконец пришли к покою в землях Шончан... Такой была их жизнь.

Ничего из этого не могло сравниться с потерей Айрама. Это ударило даже намного сильнее, чем потерять его мать, доставшуюся Троллокам.

Они пришли с Моргейз, бывшая королева, которая руководила рабочими и давала им распоряжения. Ила продолжала двигаться. Ее мало заботили королевы. Они ничего не сделали для них или ей.

Рядом остановился Раин, поднял

фонарь, чтобы рассмотреть полный колчан со стрелами, что был у солдата, когда он умер. Ила зашипела, подняла юбку, чтобы переступить труп и подойти к мужу.

— Раин!

— Тише, Ила, — он сказал. — Я не собираюсь их поднимать. Но, я задумался.

Он посмотрел вверх, на отдаленные вспышки света внизу по реке и вверху на Высотах, где армии продолжали свои ужасные действия по кровопролитию. Так много вспышек в ночи, как сотни светящихся болтов. Уже было глубоко за полночь. Они были на этом поле, разыскивая выживших, уже часы.

— Ты задумался? — спросила Ила. — Раин...

— А что бы мы советовали им сделать, Ила? Троллоки не последуют Пути Листа.

— Существует много мест, куда можно убежать, — сказала Ила.

— Посмотри на них. Они пришли, чтобы встретить Троллоков, когда Отродья Тени только покинули Запустение. Если бы эта энергия была потрачена на сбор людей и эвакуацию их далеко на юг.

— Троллоки бы последовали за ними, — сказал Раин. — И что тогда, Ила?

— Мы сменили много хозяев, — сказала Ила, — Тень может

относиться к нам плохо, но будет ли она действительно обращаться с нами хуже, чем другие?

— Да, — тихо сказал Раен. — Да, Ила. Это было бы хуже. Намного, намного хуже.

Ила посмотрела на него.

Он покачал головой и вздохнул.

— Я не собираюсь отказываться от пути, Ила. Это мой путь, и это правильно для меня. Может быть... может быть, я не буду думать совсем настолько плохо о тех, кто следуют другому пути. Если мы сохраним свои жизни в это время, то мы получим их в качестве подарка от тех, кто умер на этом поле боя, хотим ли мы принять их жертвы или нет.

Он затих. Это просто мрак ночи, подумала она. Он преодолет его, как только солнце снова рассветет. Это так. Не так ли?

Она посмотрела на ночное небо. Это солнце... могли ли они сказать, когда оно вошло? Облака, низ которых освещали пожары, казалось, росли гуще и гуще. Она вытащила свою ярко-желтую шаль внезапно почувствовав холод.

Может быть, я не буду думать совсем плохо о тех, кто следует другому пути...

Она стерла несколько слез стекающих из глаз.

— Свет, — прошептала она, что-то скручивалось внутри, — Я бы не

повернулась к нему спиной. Я бы пыталась помочь ему вернуться к нам, а не выгнала его вон. Свет, о Свет. Спаси его.

Рядом, группа наемников искала и собирала стрелы.

— Эй, Хэнлон! — позвал один из них. — Посмотри на это!

Когда безжалостные люди первоначально стали помогать с работой Туата'ан, она гордилась ими. Они избегали сражения, чтобы помогать заботиться о раненых? Люди смотрели дальше своего жестокого прошлого.

Но теперь она, моргнув, увидела в них нечто иное. Трусы, которые предпочитают обшаривать карманы

убитых, вместо того, чтобы биться. Что было хуже? Люди, которые — пусть они и шли неверным путем — стояли здесь, сражаясь с троллоками и пытаясь остановить их? Или наемники, которые отказались сражаться, потому что так было легче?

Ила покачала головой. Она всегда чувствовала, что знала ответы на самые важные в жизни вопросы. Сегодня большинство из них ускользнули от нее. Сохранение жизни человека, однако... то за что она может цепляться.

Она направилась обратно между телами, в поисках живых среди мертвых.

Олвер спрятался опять под фургоном, сжимая Рог, когда леди Фэйли поскакала прочь. Десятки всадников последовали за нею с сотнями Троллоков. Вокруг стало темно.

Один. Его снова оставили одного.

Он зажмурился, но это не помогло. Он всё ещё мог слышать мужчин, кричащих и кричащих на расстоянии. Он всё ещё мог чувствовать запах крови пленников, которые были убиты Троллоками, когда попытались убежать. Кроме крови пахло дымом, плотным и зудящим. Казалось, что целый мир

горел.

Земля тряслась как, если бы что-то очень тяжелое било по ней где-то рядом. Гром прогрохотал в небе сопровождаемый треском молний раз за разом на Высотах. Олвер захныкал.

Каким храбрым он представлялся себе. Теперь вот он здесь полностью в сражении. Он едва мог сдержать дрожь в своих руках. Он хотел спрятаться, зарыться поглубже в землю.

Фэйли сказала, чтобы он нашел другое место, скрыться, потому что они могут вернуться ища Рог.

"Он осмелится пойти туда? Он осмелится остаться здесь?" Олвер

зажмурил глаза, почти закричав. Пара ног заканчивающихся копытами стояла рядом с фургоном. Мгновение спустя, рыло с пятаком, наклонилось и посмотрело на него прищутив глаза бусинки, ноздри трепетали принюхиваясь.

Олвер закричал выскакивая и сжимая Рог. Троллок что-то крикнул, тяжело перепрыгивая фургон и опрокинул его чудом не на Олвера. Содержимое фургона, стрелы, рассыпались по земле, а Олвер помчался ища спасение.

Его нигде не было. Десятки Тролоков повернулись к нему, они разговаривали друг с другом, на языке который Олвер не понимал. Он

огляделся, Рог в одной руке нож в другой, и взбесился. Спасения нет.

Поблизости фыркнула лошадь. Это была Бела, жевала зерно, которое просыпалось из корзины. Лошадь подняла голову, глядя на Олвера. У нее не было седла только недоуздок и уздечка.

"Кровь и пепел, — подумал Олвер, бросившись к ней. — Вот бы у меня был Ветерок!" Эта толстая кобыла наверняка увезет его напрямик в троллочий поварской котел. Олвер спрятал нож и прыгнул на спину Белы, одной рукой удерживая поводья, другой — Рог.

Свинорылый троллок вывалился из повозки, едва не схватив Олвера за

руку. Тот закричал и пришпорил Белу. Кобыла галопом проскакала мимо троллоков. Твари бежали позади, орали и выли. Другие голоса звучали над лагерем, который почти опустел, когда они погнались за мальчиком.

Олвер скакал, как его учили, пригнувшись, управляя лошадью при помощи коленей. И Бела бежала. Свет, она бежала быстро. Мэт говорил, что многие лошади при виде троллоков пугаются и сбрасывают седоков, но Бела ничего такого не делала. Она мчалась мимо ревущих троллоков, прямо через центр лагеря.

Олвер оглянулся через плечо. За ним гнались сотни врагов! О, Свет!

Он видел флаг Мэта на вершине

тех высот, он был в этом уверен. Но там было так много Троллоков по пути. Олверу казалось, что Бела скакала по дороге куда уехала Аравайн. Возможно он мог бы обойти лагерь Троллоков и таким образом, что-то придумать с другой стороны Высот.

Надо передать Рог Мэту, либо все будет потеряно.

Олвер знал, ради этого стоит рискнуть, он стал подгонять Белу.

Кроме него, больше некому.

Впереди толпа Троллоков остановила его. Олвер повернул в другую сторону, с той стороны приближались другие. Олвер закричал, кружа на Беле снова и

снова поворачивая ее, но толстая черная Троллочья стрела ударила ее в бок. Она заржала, споткнулась и затем упала.

Олвер упал рядом. От удара об землю ему выбило воздух из легких и закружились цветные пятна. Он заставил себя Подняться на четвереньки и ползти.

Рог должен достичь Мэтрима Коутона...

Олвер схватил Рог, и понял, что он плакал.

— Я сожалею, — сказал он Беле, — Ты была хорошей лошадью. Ты могла бежать как Ветерок. Мне очень жаль.

Она заржала тихо вздохнув

последний раз и умерла.

Он оставил ее и побежал под ногами первого Троллока. Олвер не мог с ними сражаться. Он понимал, что не мог. Он не достал нож из ножен. Он просто побежал вверх по крутому склону, стараясь достичь вершины, откуда, он видел, упал флаг Мэта.

Это было так же далеко, как на другом континенте. Троллок схватил его за одежду, стягивая вниз, но Оливер вырвался свободно оставляя ткань в его толстых пальцах. он перелез через холм и с отчаянием заметил небольшую расщелину в скале у подножья склона. Мелкая трещина глядела в черное небо.

Он бросился к ней, пытаясь
втиснуться вместе с Рогом. Он едва
втиснулся. Троллоки склонились над
ним пытаясь его достать, разрывая
одежду

Олвер захныкал и закрыл глаза.

Логайн бросился через ворота,
формируя плетения перед собой и
ударил по Демандреду.

Мужчина стоял на выжженном
склоне, выходящем на пересохшее
русло реки, где проигрывали
Андорские формирования
копейщиков. У Айил, Кайриенцев и
Легиона Дракона дела обстояли не
лучше. И все они были под угрозой
окружения.

На данный момент все линии пикинеров были разбиты вдребезги. Скоро это будет полным разгромом.

Логайн пустил в Демандреда два столба огня, однако Шарцы встали у них на пути, мешая его атаке. Плоть буквально испарилась, кости разлетелись в пыль. Их смерти дали Демандреду время, чтобы крутануться и ударить плетением Воды и Воздуха. Огонь Логайна ударил в это плетение и испарился.

Логайн надеялся, что после столь длительного направления, Демандред будет ослаблен. Это оказалось не так. Совокупность переплетений образовались перед человеком, плетений, которых

Логайн никогда не видел. Это было поле с зыбью в воздухе, а когда Логайн атаковал следующий раз, его плетения отскочили обратно, как палка, брошенная в кирпичную стену.

Логайн отпрыгнул в сторону, кувыркаясь, как раз в тот момент, когда с неба ударила молния. Куски скалы забросали его, пока он сплетал вместе Дух, Огонь и Землю, отправляя плетение в ту непонятную стену. Он разрезал ее, затем подбросил вверх с земли осколки камней, преграждая ими путь огню, посланному Демандредом.

"Отвлечение", — подумал Логайн, осознавая, что Демандред

сплел следом за огнем что-то еще, более комплексное. Врата открылись, рассекая землю и обнаруживая за ними путь в красноту. Логайн бросил себя в сторону от Врат Смерти, которые оставляли за собой полосу кипящей лавы.

Следующей атакой Демандреда оказался поток воздуха, который швырнул Логайна назад к той лаве. В отчаянии Логайн сплел Воду, остужая красный поток. Он упал плечом на него, и струи пара ошпарили кожу Логайна, однако он сумел остудить лаву достаточно, чтобы она покрылась коркой поверх расплавленной жижи. Задержав дыхание, чтобы не обжечь легкие

паром, он бросил себя в сторону, и в тот же миг очередная серия молний растерла в порошок землю, где он только что был.

Вскрыв корку, которую он сделал, молнии ударили в расплавленный камень. Капли лавы разлетелись вокруг Логайна, опаляя его кожу и прожигая язвы на его руках и лице. Он закричал и в ярости сплел молнию в своего противника.

Потоки Духа, Земли и Огня рассекли его плетения в воздухе. Демандред был так силен... Этот са'ангригал был невероятен.

Следующая вспышка молнии ослепила Логайна и отбросила его назад. Он ударился о кусок

сломанного сланца, частицы скалы впились в его кожу.

— Ты силен, — сказал Демандред. Логайн едва расслышал его слова. Его уши...гром... — Но ты не Льюс Тэрин.

Логайн зарычал, создавая плетения сквозь слезы, бросая молнии в Демандреда. Он сплел дважды, и хотя Демандред срезал одну молнию в воздухе, другая попала в цель.

Но... Что это было за плетение? Это было ещё одно, которого Логайн не распознал. Молния ударила Демандреда, но исчезла, ушла в землю и рассеялась. Такое простое переплетение Воздуха и Земли, но

оно сделало молнии бесполезными.

Щит протаранил пространство между Логайном и Источником. Сквозь раненные глаза, он разглядел плетения Погибельного огня, зарождавшееся в руках Демандреда. Рыча, Логайн схватил кусок сланца, с земли рядом с ним, размером с кулак, и швырнул его в Демандреда.

Удивительно, но камень ударил, разрывая кожу, заставляя Демандреда отступить назад. Отрекшийся был силен, но он совершал ошибки обычных людей. Никогда не сосредотачивай все свое внимание на Единой Силе, вопреки тому, что всегда говорил Таим. В этот момент щит между Логайном и Источником

исчез.

Логайн откатился в сторону, создавая сразу два плетения. Одно, щит который он даже и не думал использовать. Другое, в отчаяние, Врата. Выбор труса.

Демандред зарычал, подняв руку к лицу и атаковал Силой. Он решил уничтожить щит, который подвергал его риску. Врата открылись и Логайн перекатился позволяя им сразу захлопнуться. На другой стороне он рухнул, его тело было ошпарено, на руках содрана кожа, в ушах звенело, его глаза почти ничего не видели.

Он заставил себя сесть, он очутился в лагере Аша'манов ниже болот, где Габриэль и другие ждали

его возвращения. Он взвыл в гневе. Озабоченность Габриэль перешла ему через связь. Реальное беспокойство. Он даже представить себе не мог. Свет.

— Тихо, — сказала она, стоя на коленях рядом с ним. — Ты дурак. Что ты сделал с собой?

— Мне не удалось, — сказал он. В отдалении, он снова почувствовал удары Силы Демандреда, который продолжал реветь Льюс Тэрину, — Исцели меня.

— Ты же не собираешься попробовать это снова, не так ли? — сказала она. — Я не хочу исцелить тебя только для того, чтобы ты...

— Я не буду пытаться снова, —

ответил Логайн, с дрожью в голосе. Боль была ужасной, но она блекла по сравнению с унижением от поражения. — Я не стану этого делать, Габриэль. Прекрати сомневаться в моих словах. Он слишком силен.

— Некоторые из этих ожогов очень плохи, Логайн. Эти дыры в твоей коже, Я не уверена что смогу полностью Залечить их. У тебя останутся шрамы.

— Все хорошо, — прорычал он. Они будут там, где лава плеснула ему на плечо и часть его лица.

"Свет", думал он. "Как мы собираемся иметь дело с этим монстром?"

Габриэль возложила свои руки на него и плетения Исцеления полились в его тело.

Гром битвы между Эгвейн и М'Хаэлем поднялся до расколотых туч в небе. М'Хаэль. Новый Отрекшийся, его имя было объявлено на поле боя его Повелителями Ужаса.

Эгвейн создавала плетения не думая, насылая поток за потоком в Аша'мана-предателя. Она не призывала ветер, но он все равно кружил и ревел возле нее, растрепав ее волосы и платье, подхватив ее палатин и заставив его развеиваться в воздухе. Наришма и Мериса вместе с Лейлвин вжались в землю возле нее,

и Нарисма, чей голос был едва слышен за ревом битвы, предостерегал ее о том, какие плетения использует М'Хаэль.

Продолжая наступать, Эгвейн встала на вершине Высот, на одном уровне с М'Хаэлем. В глубине себя, она осознавала, что ее телу скоро нужен будет отдых.

Но прямо сейчас это была непозволительная роскошь. Прямо сейчас только битва имела значение.

Огонь устремился к ней, и она отбросила его в сторону Воздухом. Искры, подхваченные ветром, взвились возле нее дождем света, когда она сплела Землю. Она послала волну по уже почти разрушенной

земле, стараясь сбить М'Хаэля с ног, но тот рассек ее плетение собственным.

"Он слабеет", подумала она.

Эгвейн шагнула вперед, охваченная светом силы. Она начала сплестать два потока, в обеих руках, и метнула в него огонь.

Он ответил лучом чистейшего белого света, тонкого как проволока, который прошел всего на ладонь мимо нее. Погибельный Огонь оставил блики в глазах Эгвейн, земля содрогнулась под ними, а воздух исказился. Вновь по земле побежали эти паутинки, ведущие в ничто.

— Дурак! — крикнула она ему. — Ты уничтожишь сам Узор!

Их бой уже угрожал закончиться этим. Этот ветер был неестественным, этот шипящий воздух. Трещины, расходящиеся от М'Хаэля, расширялись.

— Он снова это делает! — предупредил Наришма, стараясь перекричать бурю.

М'Хаэль выпустил второй луч Погибельного Огня, дробя землю, но Эгвейн была наготове. Она отступила в сторону, ее гнев силился. Ей нужно ответить на это!

Им все равно, что они разрушают. Они пришли сюда, чтобы уничтожить. Так повелел их господин. Разрушать. Ломать. Убивать.

Гавин...

Она закричала от ярости, создавая одну за другой огненные колонны. Нарисма кричал, что делает М'Хаэль, но Эгвейн не слышала из-за шума вокруг. Однако она сама вскоре увидела, что противник создал барьер из Воздуха и Огня, чтобы отразить ее атаки.

Эгвейн шагала вперед, раз за разом направляя в него удары Силы. Это давало ему время восстановиться, но не атаковать. Она прервала ритмичные атаки только для того, чтобы сформировать щит, который уже держала наготове. Огненный дождь снес барьер М'Хаэля и заставил его отшатнуться,

его плетение раскололось, и он поднял руку, вероятно, чтобы вновь попробовать погибельный огонь.

В этот момент Эгвейн вбила щит между ним и Источником. Это не полностью отсекло его, он удержал Источник силой воли. Они стоял теперь достаточно близко друг к другу, чтобы она могла увидеть его гнев и недоверие. Он сражался, но был слабее нее. Эгвейн давила, и ее щит приближался к незримым нитям, связывающим врага с Единой Силой. Она нажимала на него изо всех сил.

Напрягая силы, М'Хаэль выпустил небольшую струйку Погибельного Огня вверх, через прореху, где щит еще не занял место.

Погибельный Огонь уничтожал все плетения, так же, как воздух и сам Узор.

Эгвейн отпрянула, когда М'Хаэль направил поток на нее, пучок белого пламени был слишком слабым и маленьким, чтобы дотянуться до нее. Он исчез, не успев ударить. М'Хаэль зарычал и исчез в искаженном воздухе, Переместившись каким-то способом, который Эгвейн не знала.

Она глубоко дышала, держась рукой за грудь. Свет! Ее только что едва не стерли из Узора.

Он скрылся, не создавая врат! Истинная Сила, поняла она. Это единственное объяснение. Об

Истинной Силе она не знала почти ничего — это была сама суть Темного, искушение, которое заставило направляющих Эпохи Легенд пробурить Скважину.

"Погибельный огонь... Свет! Я чуть не погибла. Хуже, чем погибла".

У неё не было способа противодействовать погибельному огню.

Это только плетение. Только плетение. Так говорил Перрин.

Но теперь это уже в прошлом, а М'Хаэль бежал. Ей нужно держать Нарিশму поближе к себе, чтобы тот мог предупредить ее, если кто-то начнет направлять поблизости.

Если только М'Хаэль вновь не

воспользуется Истинной Силой. Может ли другой мужчина ощутить, когда ее направляют?

— Мать!

Эгвейн обернулась, когда Мериса указала рукой туда, где большинство Айз Сeday и Аша'манов еще продолжали бой с шарскими войсками. Много сестер в разноцветных платьях уже лежали мертвыми на склонах холма.

Смерть Гавина ранила ее изнутри, как убийца в черном. Эгвейн стиснула зубы, поддерживая в себе гнев. Черпая Единую Силу, она набросилась на шарцев.

Хурин с повязкой на лице

защищающей нос, боролся на Половских Высотах с другими Порубежниками.

Даже сквозь ткань, он ощущал запах войны. Столько насилия, запахи крови, гниющей плоти и все вокруг него. Запахи покрыли землю, его меч, его собственную одежду. Его уже несколько раз выворачивало, во время боя.

И все же он дрался. Он бросился на троллока с медвежьей мордой, который рычал над телами, и врезался в него. Меч твари заставил содрогнуться землю, и Хурин закричал.

Тварь рассмеялась нечеловеческим хохотом, приняв

крик Хурина за возглас страха. Троллок сделал выпад, и Хурин метнулся вперед, и, опередив троллока, вскрыл ему брюхо, пробежав мимо него. Тварь застыла, уставившись на собственные вывалившиеся внутренности.

Надо выиграть время для Лорда Ранда, подумал Хурин, отступая и ожидая следующего Троллока. Они приближались с восточной стороны вершины со стороны реки. Этот крутой склон был труден для подъема, но Свет, там их было слишком много.

Продолжай сражаться, продолжай сражаться.

Лорд Ранд пришел к нему, чтобы

извиниться. К нему! Что ж, он будет гордиться Хурином. Дракону Возрожденному не нужно прощение маленького ловца воров, но Хурин чувствовал себя так, словно мир снова стал самим собой. Лорд Ранд вновь был Лордом Рандом. Лорд Ранд защитит их, если они дадут ему достаточно времени.

Казалось, в бою наступила передышка. Он нахмурился. Троллокам числа не было, они явно не могли быть все перебиты. Он осторожно двинулся вперед, глядя на трупы, и спустился по склону.

Нет, они не были разбиты. Твари все еще напирали, их полчища выглядели почти как безбрежное

море. Он видел их в свете огней ниже. Троллоки прервали наступление, потому что им пришлось расчищать склон от тел своих сородичей, многие из которых были застрелены лучниками Тэма. А ниже, у русла реки, еще большая армия троллоков билась с войсками Илэйн.

— У нас будет несколько минут, — сказал Лан Мандрагоран солдатам, сидя в седле. Королева Аллиандре была рядом с ним, она тихо разговаривала со своими людьми.

Двое монархов на виду. Конечно, они знают, что делать. Это позволило Хурину почувствовать себя лучше.

— Они готовятся к последнему рывку, — сказал Лан. — Собираются выдавить нас с холма и драться здесь, на ровной земле. Отдыхайте, пока они оттаскивают тела. Мир пребудет с вашими мечами, друзья. Следующая атака будет тяжелее.

"Следующая атака будет еще тяжелее? Свет!"

Позади, посреди плато, оставшаяся армия Мэта продолжала теснить шарцев, стараясь отогнать их обратно на юго-запад. Если он сможет сделать это и погнать их вниз по склону прямо на троллоков, которые бьются с войском Илэйн, это может вызвать среди врагов переполох, и Мэт получит

преимущество. Но пока шарцы не отступали ни на дюйм; на самом деле, они сами давили на армию Мэта, которая уже начала выдыхаться.

Хурин лежал на спине, слыша рев, доносящийся отовсюду, крики и звон оружия вдалеке, лязг металла, вдыхая аромат насилия, витающий вокруг него в океане зловония.

Худшее всё еще впереди.

Свет помощи им.

Берелейн вытерла тряпкой кровь с рук, широко шагая по дворцовому залу празднеств. Столы были порублены на дрова, чтобы поддерживать огонь в огромных

каминах на другом конце длинного помещения; на месте мебели рядами лежали раненые.

Кухонные двери с грохотом открылись, пропуская группу Лудильщиков. Кто-то нёс носилки, кто-то помогал раненым проковылять в зал.

"Свет! — подумала Берелейн, — Еще? Дворец уже и так трещал по швам от такого количества раненых."

— Нет, нет! — сказала она, шествуя им навстречу. — Только не сюда. К черному входу. Теперь мы будем носить их туда. Росил! У нас еще раненые.

Лудильщики повернули в сторону коридора, успокаивая

раненых. Приносили только тех, кого можно было спасти. Она была вынуждена объяснить старшим женщинам Туата'ан, какие типы ран требуют слишком много сил для Исцеления. Лучше спасти жизнь десяти тяжело раненых, чем потратить столько же сил, пытаясь исцелить одного человека, который едва цеплялся за жизнь

Эта разъяснительная беседа была самым жестоким поступком, который она когда-либо совершала.

Лудильщики продолжали идти, выстроившись в ряд. Берелейн смотрела, не мелькнут ли белые одежды среди раненых. Белоплащники там были, но не было

того, которого искала она.

"Так много..." — снова подумала она.

Лудильщикам никто не помогал нести раненых. Все здоровые мужчины и большинство женщин во дворце отправились на поле боя воевать или помогать Кэймлинским беженцам собирать стрелы.

Росил засуетилась, игнорируя пятна крови на своем платье. Она тут же принялась заботиться о раненых, ища тех, кому требовалась неотложная помощь. К несчастью, в тот же момент открылись двери, ведущие на кухню, и группа окровавленных андорцев и айильцев, хромая, зашла внутрь, посланная

Родней с другого участка поля битвы.

Начался переполох. Берелейн гонялась за всеми, кто у нее был — за конюхами, стариками, детьми лет пяти, чтобы они помогали прибывшим. Из айил прибывали только самые тяжелораненые; они имели привычку оставаться на поле боя до тех пор, пока не смогут держать оружие. А это значило, что многим, кто пришел, уже нельзя помочь. Ей нужно расположить их там, где она не будет иметь возможность наблюдать, как они захлебываются кровью, умирая.

— Это глупо! — сказала она, вставая. Ее руки снова были мокрыми от крови, и у нее не

осталось чистой тряпки. Свет! — Мы должны оказать больше помощи. Тебе. — Она указала на Айил, который был ослеплен. Он сидел спиной к стене, с повязкой на глазах. — Тебе, слепой Айил.

— Меня зовут Ронья.

— Ну, Ронья. Здесь у меня есть несколько гай'шан, которые мне помогают. По моим подсчетам, их должно быть много больше. Где они?

Они ждут, пока сражение закончится, чтобы они могли служить победителям

— Нужно привести их, — сказала она. — Нам необходим каждый человек, которого мы можем получить, для помощи в борьбе.

— Они могут прийти к тебе сюда, Берелейн Пейндраг, и помочь с уходом за больными, — сказал мужчина. — Но они не будут сражаться. Им не место в битве.

— Будет им причина, — решительно сказала она. — Это же Последняя Битва!

— Ты можешь быть здесь вождем клана, — ответил айилец, улыбаясь, — Но ты не Кар'а'карн. Даже он не может приказать гай'шайн не подчиняться джи'и'тох.

— А кто может?

Похоже, мужчину это удивило.

— Никто. Это невозможно.

— А Хранительницы Мудрости?

— Они не будут, — сказал он. —

Никогда.

— Посмотрим, — сказала Берелейн.

Улыбка мужчины сделалась глубже.

— Я думаю, ни одному мужчине или женщине не захочется испытать на себе твой гнев, Берелейн Пейндраг. Но если бы мне вернули мои глаза, я бы снова вырвал их прежде, чем увидел, как гай'шайн сражаются.

— Тогда им не нужно сражаться, — сказала Берелейн. — Возможно, они помогли бы переносить раненых. Росил, ты забрала эту группу?

Усталая женщина кивнула. Во

дворце не было Айз Седай, которая не выглядела бы так, словно скорее свалится, чем сделает еще один шаг. Берелейн сама удерживалась на ногах благодаря кое-каким травам, что Росил вряд ли одобрила бы.

Что ж, здесь она может сделать больше. Также она может проверить раненых в складских помещениях. Они...

— Миледи Первенствующая? — окликнули ее. Это была Кайтан, одна из дворцовых служанок, которую оставили помогать раненым. Невысокая женщина взяла ее за руку. — Вам нужно кое на что посмотреть.

Берелейн вздохнула, но кивнула.

Что еще за катастрофа ждет ее? Новый пузырь зла, заточивший группу раненых за стенами, которых тут раньше не было? Или закончились бинты? Она сомневалась, что в городе еще остался кусок ткани, занавеска или белье, которое не пошло на повязки.

Девушка провела ее в личные комнаты Берелейн, где тоже разместили нескольких пострадавших. Она остановилась в одной из комнат, и с удивлением увидела знакомое лицо. Анноура сидела сбоку кровати, на ней было серое с красным платье, ее обычные косички были довольно небрежно стянуты сзади. Берелейн едва узнала

ее.

Когда Берелейн вошла, Анноура встала и поклонилась, хотя выглядела скорее так, будто готова была свалиться от истощения.

На кровати лежал Галад Дамодред.

Берелейн ахнула, бросившись к нему. Это был он, на его лице зияла страшная рана. Он еще дышал, но был без сознания. Берелейн потянулась, чтобы взять его руку в свои, но нашла лишь обрубок. Кто-то из хирургов уже перетянул его, чтобы не дать Галаду истечь кровью.

— Как? — спросила Берелейн, сжав другую его руку и закрыв глаза. Его ладонь была теплой. Когда она

слышала, как Демандред кричит о том, что победил человека в белом...

— Я чувствовала, что я должна тебе это, — сказала Анноура. — Я нашла его на поле боя после того, как Демандред объявил о том, что сделал. Я вытащила его, пока Демандред дрался с одним из мужчин из Черной Башни, — она села на стул рядом с кровати и склонилась вперед, поникнув. — Я не могла его исцелить, Берелейн. Все, что я могла — создать ворота, чтобы доставить его сюда. Прости.

— Все в порядке, — сказала Берелейн. — Китан, приведи другую сестру. Анноура, тебе нужно отдохнуть. Спасибо тебе.

Анноура кивнула. Она закрыла глаза, Берелейн потрясли слезы стоявшие в ее глазах.

— Что это? — спросила Берелейн. — Анноура, что пошло не так?

— Это не должно тебя беспокоить, Берелейн, — сказала она, вставая. — Всех обучают этому, ты знаешь. Не направляй, если ты слишком устала. Это может быть трудно. Тем не менее, я должна была открыть врата во дворец, перенести его в безопасное место, для исцеления.

Анноура рухнула со стула. Берелейн опустилась рядом с ней и приподняла ей голову. Только теперь

она поняла, что не косички так изменили внешность Анноуры. Лицо тоже было неправильным. Изменившимся. Молодость вместо безвозрастности.

— О Свет, Анноура — сказала Берелэйн — Ты выжгла себя?

Женщина потеряла сознание. Сердце Берелейн забилося. Недавно у нее и женщины появились отличия, но Анноура была ее советницей и другом в течение многих лет перед этим. Бедная женщина. Айз Седай говорили, что это хуже, чем смерть.

Берелейн положила женщину на диван, а затем накрыла ее одеялом. Берелейн чувствовала себя такой бессильной. Может быть... Может

быть, её можно как-то Исцелить.

Она вновь подошла к Галаду, чтобы еще немного подержать его за руку, поправив табурет и садясь на него. Просто немного отдыха. Она закрыла глаза. Он жил. Он дорого за это заплатил, но он жил.

Она была шокирована, когда он заговорил.

— Как?

Она открыла глаза и обнаружила его смотрящим на неё.

— Как я здесь очутился? — тихо спросил он.

— Анноура, — сказала она. — Она отыскала тебя на поле боя.

— Мои раны?

— Другие Целительницы придут

к тебе, когда освободятся. — сказала она. — Твоя рука... — она попыталась успокоиться. — Ты потерял руку, но мы можем избавиться от раны у тебя на лице.

— Нет, — прошептал он. — Это просто... небольшой порез. Пусть сохраняют силы для Исцеления тех, кто умрет без помощи. — он казался таким усталым. Едва проснувшимся.

Она прикусила губу, но кивнула.

— Конечно, — она заколебалась, — Битва идет плохо, верно?

— Да.

— Поэтому сейчас... мы просто надеемся?

Он вынул свою руку из её и

засунул её под рубашку. Когда Айз Седай придут, они разденут его и позаботятся о его ранах. Только отрубленная рука была теперь так далеко, это было самым ужасным.

Галад вздохнул, и задрожал, рука соскользнула с рубашки. Хотел ли он убрать её?

— Надежда — прошептал он, потом потерял сознание.

Слезы стекали по щекам Ранда.

Он съёжился в темноте. Узор вращался перед ним, сплетенный из нитей, которые были жизнями людей. Так много этих нитей обрывались.

Так много.

Он должен был быть в состоянии защитить их. Почему он не смог? Против его воли, имена стали повторяться в его сознании. Имена тех, кто умер ради него, начинавшиеся только с женщин, теперь дополнялись каждым человеком, которого он должен был в состоянии спасти, но не смог.

В то время как человечество билось у Мерилора и Шайол Гула, Ранд был вынужден наблюдать смерти. Он не мог отвернуться.

Темный напал на него. Давление возникло снова, стремясь превратить Ранда в ничто. Он не мог двинуться. Каждая частичка его сущности, его решимости и силы

сконцентрировалась на сохранении своей целостности.

Он только и мог, что смотреть, как они умирали.

Ранд видел как погибли, сражаясь, Даврам Башир и его жена. Ранд кричал когда умирали его друзья. Он оплакивал Даврама Башира.

Добрый, верный Хурин пал от Троллока на Высотах, где держался Мэт. Ранд оплакал Хурина. Человека, настолько верившего в него, что последовал бы за ним куда угодно.

Джори Конгар лежал под телом Троллока, прося о помощи, пока не истек кровью. Ранд оплакал Джори, когда его нить полностью исчезла.

Энайла, решившая оставить Фар Дарайз Май и положившая свадебный венок к ногам сисвай'аман Лейрана, пронзена в живот четырьмя Троллоками. Ранд оплакал ее.

Карлдин Манфор, который следовал за ним так долго и был у Колодцев Дюмай, умер, когда его способность направлять иссякла и он в изнеможении упал на землю. Шаранцы пронзили его своими черными ножами. Его Айз Седай, Белдейн, оступилась и пала мгновением позже. Ранд оплакал их обоих.

Он оплакивал Гарета Брина и Суан. Он оплакивал Гавина.

Так много. Слишком много.
ТЫ ПРОИГРЫВАЕШЬ.

Ранд склонялся все ниже. Что он мог сделать? Его мечта остановить Темного навеки... он создал кошмар, сделав это. Его собственные устремления предали его.

СДАВАЙСЯ, ВРАГ. ПОЧЕМУ ТЫ ПРОДОЛЖАЕШЬ СРАЖАТЬСЯ? ПРЕКРАТИ И ОТДОХНИ.

Это было искушением. Ох, как это было притягательно. Свет. Что бы подумала Найнив. Он видел ее, борющуюся за жизнь Аланны. Как было бы стыдно, если бы она и Морейн узнали, что Ранд сдался.

Боль накрыла его и он снова закричал

— Пожалуйста, пусть это закончится!

ЭТО ВОЗМОЖНО.

Ранд свернулся калачиком, извиваясь и дрожа. Но все равно, их крики терзали его. Смерть и смерть. Он едва держался.

— Нет, — прошептал он.

ХОРОШО, сказал Темный. Я МОГУ ПОКАЗАТЬ ТЕБЕ ЕЩЕ КОЕ-ЧТО, ЕЩЕ ОДНУ КАРТИНУ ТОГО, ЧТО МОЖЕТ СЛУЧИТЬСЯ.

Тёмный закрутил потоки вероятностей еще один, последний, раз.

Все стало тьмой.

Таим обрушил Единую Силу на

Мишраэля, ударив его плетением воздуха.

— Назад дурак! В бой! Мы не можем потерять эту позицию!

Повелитель Ужаса нырнул назад, забирая с собой двух товарищей и убираясь обратно, чтобы сделать, как приказано. Таим успокоился, а затем волной силы разнес вдребезги камень неподалеку. Та треклятая Айз Седай! Как могла она одолеть его?

— М'Хаэль, — раздался спокойный голос.

Таим....М'Хаэль. Он должен был думать о себе как об М'Хаэле. Он пересек склон холма на голос, который позвал его. Он создал врата для перемещения для безопасности

через Высоты, запаниковав, и теперь он был на краю с юго-восточного склона Высот. Демандред использовал это место для наблюдения за сражением внизу и нанесения разрушений в ряды андорцев, кайриэнцев и айильцев.

Троллоки Демандреда контролировали полностью весь коридор между Высотами и болотами и сносили прочь защитников высушенной реки. Это было только дело времени. Между тем армия Шарцев сражалась на северо-востоке от этого места Высот. Это беспокоило его, этот Коутон прибыл сюда очень быстро, чтобы предотвратить продвижение Шарцев.

Не имеет значения. Это был шаг отчаяния. Он не в состоянии противостоять армии Шарцев. Но самое важное сейчас уничтожить этих Айз Седай на другой стороне Высот. Это ключ к победе в этой битве.

М'Хаэль прошел между подозрительными Шарцами с их странной одеждой и татуировками. Посреди них сидел, скрестив ноги, Демандред. Глаза закрыты, он медленно вдыхал и выдыхал. Тот са'ангриал, что он использовал... он забирал какую-то часть его, что-то большее, чем обычные усилия, необходимые, чтобы обуздать источник и направлять.

Сможет ли это обеспечить М'Хаэля открытым путем? Как это раздражает опускать себя ниже другого. Да, он многому научился у этого человека, но сейчас Демандред был явно не годен к лидерству. Он баловал этих Шарцев, он потратил впустую энергию на его кровную месть к ал'Тору. Слабость другого было для М'Хаэля потенциальной возможностью.

— Я слышал ты проигрываешь, М'Хаэль, — сказал Демандред.

Состоявшие перед ними вдоль высохшего русла реки андорцы начали отступать. Троллоки все время искали слабые места в их рядах и прорывались через

подразделения копейщиков во множестве мест выше и ниже по течению реки. Тяжелая кавалерия Легиона и легкая конница Кайриена постоянно перебрасывались с места на место для залатывания прорех в рядах андорцев, пытаясь отчаянно отбросить прорвавшихся троллоков. Айильцы до сих пор отбивали их атаки возле болот, а Легион арбалетчиков вместе с андорскими копейщиками пока ещё не давали троллокам охватить их правый фланг. Но давление натиска троллоков было безостановочным, так что ряды войск Илэйн начали постепенно прогибаться и отходить дальше в глубину земель Шайнара.

— М'Хаэль? — сказал Демандред, открывая глаза. Древние глаза. М'Хаэль отверг чувство испуга, глядя в них. Он не напуган! — Расскажи мне как ты потерпел неудачу.

— Эта ведьма Айз Седай, — сплюнул М'Хаэль. — У нее са'ангриал огромной силы. Я почти схватил ее, но Истинная Сила подвела меня.

— По той причине, что тебе дан лишь её ручеёк, — сказал Демандред, снова закрывая глаза. — Она непредсказуема для не привыкших к ней.

М'Хаэль ничего не сказал. Он будет практиковаться с Истинным

Источником, он узнает его секреты. Другие Отрекшиеся стары и медлительны. Скоро будет править новая кровь.

Демандред стоял со спокойным чувством неизбежности. Он производил впечатление меняющего свою позицию массивного валуна.

— Ты вернёшься и убьёшь её, М'Хаэль. Я убил её Стража. После этого она должна стать лёгкой добычей.

— Са'ангриал..

Демандред протянул свой скипетр с закреплённым на его конце золотым кубком. Было ли это проверкой? Такая мощь... М'Хаэль почувствовал силу, которая исходила

от Демандреда, когда он использовал его.

— Ты сказал, у неё есть са'ангриал, — промолвил Демандред. — У тебя он также будет. Я предоставляю тебе Сакарнен, чтобы не было оправданий в случае неудачи. Побеждай или умри, М'Хаэль. Докажи, что достоин быть среди Избранных.

М'Хаэль облизал губы.

— А что если Дракон Возрожденный все же придет за тобой?

Демандред рассмеялся.

— Ты думал я хотел использовать это, чтобы сразиться с ним? Что тогда это докажет? Наши

силы должны быть равны, если я собираюсь показать, что лучше его. По всем подсчетам, он не может безопасно использовать Калландор и он по глупости уничтожил Ключ Доступа. Он придет, и когда это случится, я встречу его без посторонней помощи и докажу себе, что Я истинный мастер в области силы.

Тьма внутри... подумал Таим. Он полностью обезумел, не так ли? Странно смотреть в эти глаза, которые кажутся такими ясными, и слышать полнейшее безумие, слетающее с его губ. Когда Демандред впервые явился к М'Хаэлю, предлагая тому шанс

служить Великому Повелителю, он не был таким человеком. Высокомерный, да. Все Избранные были высокомерны. Решимость Демандреда лично прикончить Ал'Тора разгорелась, словно пожар, внутри него.

Но это... это было нечто другое. Жизнь в Шаре изменила его. Сделала его слабым, безусловно. А теперь это. Какой человек пожелал бы охотно отдать сопернику столь могущественный артефакт?

Только лишь дурак, подумал М'Хаэль, беря са'ангриал. Убить тебя, Демандред, будет все-равно, что обогнать лошадь с тремя сломанными ногами. Какая жалость.

Я надеялся одолеть тебя как достойного соперника.

Демандред отвернулся и М'Хаэль зачерпнул Единую Силу через Сакарнен, жадно упиваясь своим щедрым подарком. Сладость саидин наполнила его словно стремительный поток. Он был невероятно силен, удерживая это. Он мог сделать что угодно: сравнять с землей горы, уничтожить целые армии — и всё это в одиночку!

М'Хаэль испытал невероятное желание зачерпнуть потоки, чтобы сплести их воедино и уничтожить этого человека.

— Берегись, — сказал Демандред. Его голос звучал слабо,

жалко. Мышиный писк. — Не направляй через него в меня. Я связал Сакарнен с собой. Попробуй использовать его против меня, и он выжжет тебя из Узора.

Лгал ли Демандред? Может ли са'ангриал быть настроен под конкретного человека? Он не знал. Он задумался, затем с горечью опустил Сакарнен несмотря на силу, пульсирующую в нем.

— Я не глупец, М'Хаэль, — сухо произнес Демандред. — Я не вручу тебе в руки петлю, которую ты можешь затянуть на моей шее. Иди и сделай, что тебе сказано. В этом деле ты мой слуга, рука, что держит топор, чтобы срубить дерево.

Уничтожь Амерлин; использую погибельный огонь. Так нам было велено, и поскольку это так, мы будем подчиняться. Мир должен быть распущен, прежде чем мы сможем соткать его на свой лад.

М'Хаэль что-то сердито проворчал в сторону Демандредра, но сделал, как было сказано, сплетая врата. Он уничтожит эту ведьму Айз Седай. А затем... затем он решит, как поступить с Демандредом.

Илэйн разочарованно наблюдала затем, как были отброшены ряды её пикинеров. Бергитте позаботилась убедить её убраться непосредственно с поля боя — прорыв Троллоков мог

наступить в любой момент.

Илэйн отступила почти к руинам, на безопасное расстояние от прямой угрозы, на данный момент. Двойное кольцо Гвардейцев окружало её, большинство из них ели прямо в седлах, получая хотя бы малую крупицу сил во время мгновений между битвами.

Илэйн не подняла знамя, но она отправила посыльных командирам, чтобы они знали — она все еще жива. Несмотря на то, что она пыталась возглавлять свои войска против Троллоков, её усилий было недостаточно. Её силы были слишком ослаблены.

— Мы должны вернуться, —

сказала она Бергитте. — Они должны видеть меня, Бергитте.

— Я не знаю, сможет ли это что-то изменить, — сказала Бергитте. — Те войска просто не могут держаться перед лицом и Троллоков и тех проклятых направляющих. Я...

— Что такое? — спросила Илэйн.

Бергитте отвернулась.

— Я клянусь, что я однажды вспомнила подобную ситуацию.

Илэйн стиснула зубы. Она считала потерю Бергитте памяти мучительной, но это была проблема только одной женщины. Тысячи ее люди умирали.

Неподалёку беженцы из Кеймлина все ещё обходили поле в поисках стрел и раненых. Несколько групп подошли к охране Илэйн, тихо спрашивая о битве или о королеве. Илэйн почувствовала укол гордости за этих людей и их стойкость. Город был разрушен, но его можно отстроить заново. Люди, настоящее сердце Кеймлина, не сдадутся так просто.

Еще одно копье света прошило поле боя, убивая людей, опустошая пикинеров. А напротив них, на дальней стороне Высот направляла женщина в этой неистовой битве. Она могла видеть огни, вспыхивающие в ночи. Следовало ли

Илэйн присоединиться к ним? Её командование здесь не было достаточно хорошим, чтобы спасти солдат, но оно обеспечило руководство и лидерство.

— Я боюсь за нашу армию, Илэйн, — сказала Бергитте. — Боюсь, что этот день проигран.

— Этот день не может быть проигран, — сказала Илэйн, — потому что если это так, то мы все проиграли. Я отказываюсь принимать поражение. Мы с тобой возвращаемся. Пусть Демандред попробует уничтожить нас. Возможно, лицезрение меня оживит солдат, сделает их...

Группа Кэймлинских беженцев

рядом внезапно атаковала её мужчин-Гвардейцев и женщин-Гвардейцев.

Илэйн выругалась, поворачивая Лунную Тень и обнимая Единую Силу. Та группа, что она вначале приняла за беженцев, под грязной, заляпанной копотью одеждой носила панцири. Они сражались с её Гвардейцами, убивая с помощью мечей и топоров. Вовсе не беженцы — наемники.

— Измена! — воскликнула Бергитте, поднимая свой лук и стреляя наемнику в горло. — К оружию!

— Это не измена, — сказала Илэйн. Она сплела Огонь и поразила

группу из трех. — Эти не наши! Берегитесь подлецов в одеждах попрошаек!

Она обернулась, когда другая группа "беженцев" ворвалась в ослабленные ряды Гвардейцев. Они были повсюду! Они подобрались пока внимание было приковано на дальнейшее поле боя.

Как только группа наемников прорвалась, она сплела саидар, чтобы показать им всю глупость нападения на Айз Седай. Она выпустила мощное плетение Воздуха.

Как только оно достигло одного из нападающих, плетение распалось. Илэйн выругалась, поворачивая

лошадь, чтобы бежать, но один из атакующих вырвался вперед и вонзил свой меч в шею Лунной Тени. Лошадь вздыбилась, визжа в агонии, и Илэйн на краткий миг уловила Гвардейцев, сражающихся всюду вокруг, а затем упала на землю, паникуя о безопасности малышей. Грубые руки схватили её за плечи и прижали её к земле.

Она видела, как что-то серебристое мелькнуло в ночи. Медальон с лисьей головой. Другая пара рук прижала его к её коже, как раз между грудей. Металл был обжигающе холоден.

— Привет, моя королева, — сказал Меллар, садясь на корточки

рядом с ней. Бывший гвардеец, которого многие все еще считали отцом ее детей, искоса смотрел на нее. — Тебя очень трудно было разыскать.

Илэйн плюнула в него, но он этого ожидал, поднимая руку, чтобы поймать плевков. Он улыбнулся, затем встал оставляя ее удерживаемой двумя наемниками. Хотя некоторые из ее охранников все еще сражались, большинство было отброшено назад или убито.

Меллар повернулся к Бергитте, которую тащили двое мужчин. Она вырывалась из их хватки и третий человек подошел, чтобы помочь удерживать ее. Меллар вытащил меч,

мгновение оценивая его лезвие, как будто осматривая свое отражение. Затем вонзил его в живот Бергитте.

Бергитте задохнулась, падая на колени. Меллар, взмахну мечом наотмашь, обезглавил ее.

Илэйн сидела очень тихо, неспособная думать или реагировать, когда тело Бергитте шлепнулось вперед, выплескивая кровь из шеи. Связь угасла, а затем пришла... боль. Ужасная боль.

— Я очень долго ждал этого момента, — сказал Меллар. — Кровь и проклятый пепел, замечательное ощущение.

Бергитте... Ее Страж был мертв. Он был убит. Это жесткое и все же

щедрое сердце, всецело преданное, уничтожено. Потеря сделала... сделала это сложным для осознания.

Меллар пнул тело Бергитте, когда подъехал мужчина с переброшенным сзади седла телом. Человек был одет в форму андорца, а за лежащим вниз лицом трупом волочились золотистые волосы. Кем бы ни была бедная женщина, она была одета в точно такое же платье, как и Илэйн.

Ох, нет...

— Езжай, — сказал Меллар. Мужчина отъехал и несколько других окружили его, изображая гвардейцев. Они несли знамя Илэйн и один начал кричать — "Королева мертва!

Королева пала!"

Меллар повернулся к Илэйн.

— Твои люди все еще борются. Ну, это должно сломить их ряды. Что касается тебя... похоже Великий Повелитель нашел применение для твоих детей. У меня приказ отвести их в Шайол Гул. И мне кажется, что у тебя нет необходимости быть рядом с ними. — Он посмотрел на одного из своих спутников. — Можешь выполнить эту работу?

Другой человек встал на колени рядом с Илэйн и прижал руки к ее животу. Внезапный испуг протолкнулся сквозь ее отрешенность и шок. Ее малыши!

— Она довольно глубоко ушла в

себя, — сказал мужчина. — Возможно я смогу сохранить детей живыми, используя плетения, если ты вырежешь их. Они еще слишком малы. Будет трудно это сделать. Шесть месяцев. Но плетения, которые мне показал Избранный... Да, думаю я смогу сохранить их живыми в течение часа. Но ты должен будешь отдать их М'Хаэлю, чтобы переправить в Шайол Гул. Перемещение через обычные Врата там больше не работает.

Меллар вложил меч в ножны и достал из-за пояса охотничий нож.

— Для меня этого достаточно. Мы пошлем детей, как просил Великий Повелитель. Но ты, моя

королева... Ты моя.

Илэйн дергалась, но его хватка была жесткой. Она пыталась дотянуться до саидар снова и снова, но медальон, работал, как вилочник. Она не могла схватить саидар так же, как саидин.

— Нет! — закричала она, когда Меллар опустился на колени рядом с ней. — НЕТ!

— Хорошо, — сказал Меллар. — Я надеялся, что у тебя найдется время для крика.

Пустота...

Ранд двинулся. Он попытался обернуться. Но его тела больше не было.

...Пустота.

Он попытался заговорить, но не ощутил рта. Наконец, он начал мысленно представлять слова, складывая их в вопрос.

ШАЙТАН, подумал Ранд, ЧТО ЭТО?

НАШЕ СОГЛАШЕНИЕ, ответил Темный, НАШЕ УБЕЖИЩЕ.

НАШЕ ПРИСТАНИЩЕ — ПУСТОТА? Вопросал Ранд.

ДА.

Он понял, Темный предлагал сделку. Ранд мог принять ее... Он мог принять ничто. Вдвоем они сражались за судьбу мира. Ранд настаивал на мире, славе, любви. Темному было нужно

противоположное. Боль. Страдание.

Таким образом это было балансное соглашение для двоих. Темный соглашался не переделывать колесо, для удовлетворения своих мрачных желаний. Не будет порабощения человечества, не будет мира без любви. Мира не будет вообще.

ЭТО ТО ЧТО ТЫ ПООБЕЩАЛ ЭЛАНУ, сказал Ранд. ТЫ ПООБЕЩАЛ ЕМУ КОНЕЦ СУЩЕСТВОВАНИЯ.

Я ПРЕДЛАГАЮ ЭТО И ТЕБЕ ТОЖЕ, ответил Темный. И ВСЕМ ЛЮДЯМ. ТЫ ХОЧЕШЬ МИРА. Я ДАМ ЕГО ТЕБЕ. МИР ПУСТОТЫ КОТОРУЮ ТЫ ТАК ЧАСТО

ИЩЕШЬ. Я ДАМ ТЕБЕ НИЧТО И
ВСЕ.

Ранд не отказался от соглашения
немедленно. Он взял его и
представил в своем разуме. Не будет
больше боли. Не будет больше
стараний. Не будет больше бремени.

Конец. Разве это не то, чего он
желал? Способ наконец-то
завершить циклы?

НЕТ, сказал Ранд. КОНЕЦ
СУЩЕСТВОВАНИЯ ЭТО НЕ МИР. Я
УЖЕ СДЕЛАЛ ЭТОТ ВЫБОР
РАНЬШЕ. МЫ ПРОДОЛЖИМ

Давление темного начало
окружать его снова, угрожая
расколоть его на части.

БОЛЬШЕ Я ПРЕДЛАГАТЬ НЕ

СТАНУ, сказал Темный.

— Я и не ожидаю, — сказал Ранд, как только ему вернулось его тело, и нити возможностей поблекли.

И началась настоящая боль.

Мин ожидала, пока соберутся войска Шончан. Офицеры шагали вдоль рядом с фонарями, готовя людей. Они не вернулись в Эбу Дар, а место этого прошли через ворота на большое поле, которое она не узнавала. Здесь росли деревья со странной корой и обширными кронами. Она не взялась бы даже сказать, правда ли это были деревья, или просто огромные папоротники.

Понять было еще сложнее из-за того, что они увядали; деревья вырастили листья, но теперь те бессильно обвисли, словно растения провели много недель без воды. Мин пыталась представить себе, на что они похожи, когда здоровы.

В воздухе витали ароматы незнакомых растений и пахло морской свежестью. Шончанские войска ждали в ровном строю, готовые к маршу, впереди каждого подразделения — люди с факелами, хотя сейчас светили не больше, чем один из десяти. Передвижение такое армии был делом не быстрым, несмотря на врата, но у Фортуоны были сотни дамани. Отступление

прошло быстро и эффективно, и Мин догадывалась, что вернуться на поле боя войска могут еще быстрее.

Если только Фортуона решит вернуться. Императрица сидела в паланкине, водруженном на колонну в ночи, освещенную голубыми фонарями. Это был не трон, а просто белый стол около шести футов высоты, на вершине небольшого холма. Мин сидела рядом со столбом, и могла слышать доклады по мере их поступления.

— Битва складывается не в пользу Принца Воронов, — сказал генерал Галган. Он обращался к своим офицерам перед Фортуоной, говоря с ними напрямую, так, чтобы

они могли отвечать ему, не обращаясь формально к Императрице. — Его призыв достиг нас только теперь. Он слишком промедлил с вызовом подмоги.

— Я не хотел бы так говорить, — сказал Юлан. — Но, хотя мудрость Императрицы безгранична, я не уверен в Принце. Он может быть избран Императрицей в качестве супруга, и, очевидно, это был мудрый выбор. Однако, в битве он доказал свое безрассудство. Вероятно, он происходящие события оказались для него чрезмерной нагрузкой.

— Я уверен, у него есть план. — серьезно сказал Беслан. — Вы

должны доверять Мэту. Он знает, что делает.

— Доселе он производил на меня сильное впечатление, — сказал Галган. — Похоже, знамения благоприятствуют ему.

— Но он проигрывает, капитан-генерал, — возразил Юлан. — Серьезно проигрывает. Знамения для человека меняются быстро, так же, как изменяет удача целой нации.

Мин сузила глаза, глядя на низкорослого Капитана Воздуха. Два пальца на его руках теперь были покрыты лаком. Он возглавлял атаку на Тар Валон, и этот успех сильно поднял его в глазах Фортуоны. Символы и знамения кружили над

его головой, так же, как и над Галганом, и Бесланом.

"Свет! — подумала Мин. — Я тоже начинаю размышлять о "знамениях", как Фортуона? Мне надо убираться от них! Они чокнутые".

— У меня такое чувство, что Принц смотрит на битву, как на игру, — снова сказал Юлан. — Хотя его начальные ходы были удачны, похоже, он себя переоценил. Сколько людей, стоя у стола для дактолка (?), выглядели гениями, пока им везло. Но потом каприз удачи показал, что их таланты — лишь видимость? Поначалу Принц выигрывали, но теперь мы видим, как опасна

оказалась его игра.

Юлан повернул голову к Императрице. Его речь становилась все более дерзкой, поскольку она не давала ему оснований замолчать. В такой ситуации, со стороны Императрицы это был знак, что он может продолжать.

— Я слышал... много слухов о нем — задумчиво произнес Галган.

— Мэт — игрок, да, — сказал Беслан. — Но он в этом невероятно хорош. Он выигрывает, генерал. Прошу вас, вы должны вернуться и помочь ему.

Юлан с уверенным видом покачал головой.

— Императрица, да живет она

вечно, поступила верно, уведя нашу армию с поля боя. Если Принц не мог защитить собственный командный пост, он не контролирует ход боя.

Все более и более дерзок. Галган поскреб подбородок, затем посмотрел на другого своего офицера. Мин знала о Тайли немного. Пока что та молчала. Широкоплечая, с седеющими волосами, темнокожая женщина выглядела очень сильной. Она была генералом из тех, что много раз лично вели в бой своих солдат. Ее шрамы подтверждали это.

— Местные дрались лучше, чем я могла предположить, — сказала

Тайли. — Я сражалась рядом кое с кем из солдат Коутона. Я думаю, они вас еще удивят, генерал. Я также убеждена, что мы должны вернуться и помочь.

— Но будет ли это в интересах Империи? — спросил Юлан. — Силы Коутона ослабят Тень, пока Тень идет от Меррилора к Эбу Дар. Мы можем бить троллоков с воздуха по пути. Наша цель — долгосрочный успех. Мы могли бы направить дамани, чтобы найти Принца и доставить его в безопасное место. Он сражался достойно, однако в этой битве его явно превзошли. Конечно, его армии нам уже не спасти. Они обречены.

Нахмурившись, Мин подалась вперед. Одно из видений возле Юлана... оно было очень странным. Цепь. Почему вокруг его головы обвилась цепь?

Он захвачен, внезапно поняла она. Свет. Кто-то превратил его в свой инструмент.

Мэт остерегался шпионов. Мин пробрал озноб.

— Императрица, да живет она вечно, приняла решение, — сказал Галган. — Мы вернемся. Если только, в своей мудрости, она не изменила мнение? — он повернулся и вопросительно посмотрел на Фортуону.

Наш шпион может направлять,

подумала Мин, изучая Юлана. Этот человек под властью Принуждения.

Направляющий. Черная Айя? Дамани — Друг Темного? Мужчина — Повелитель Ужаса? И, по всей вероятности, шпион может скрывать свои способности.

Но тогда как Мин вообще может его вычислить?

Видения. Айз Седай и другие направляющие всегда привлекали к себе видения. Всегда. Может ли она найти улики в знамениях? Она инстинктивно понимала, что видение вокруг Юлана означало, что тот был захвачен кем-то другим. Он не был настоящим шпионом, всего лишь марионеткой.

Она рассматривала других командиров и дворян. Конечно, над головами многих были знамена, и это было обычным делом. Как она определит нечто необыкновенное? Мин исследовала наблюдавшую толпу, и у нее перехватило дыхание, когда она заметила, что над одной из со'джин, молодой женщины с веснушками, множество образов.

Мин не узнала эту женщину. Она прислуживала здесь все время? Мин была уверена, что заметила бы видения быстрее, если бы женщина приблизилась к ней — у обычных людей, которые не могли направлять, не были та'веренами или Стражами, обычно не было столько образов,

привлекающих к ним внимание. Намеренно или случайно, однако, она не думала смотреть специально на слуг.

Но теперь маскировка стала для нее очевидной. Мин отвела взгляд, чтобы не вызвать у служанки подозрений, и обдумала следующий ход. Ее инстинкты подсказывали, что она должна просто напасть, выхватить нож и метнуть. Если шпионка была их числа Повелителей Ужаса — или, Свет, одной из Отрекшихся — ударить первой было единственной возможностью одолеть ее.

Однако, оставалась возможность, что женщина

невиновна. Мин подумала, затем встала не стул. Некоторые Высокородные забормотали о нарушении приличий, но Мин их проигнорировала. Балансируя, Мин поднялась на подлокотник собственного кресла, чтобы поравняться с Туон. Мин склонилась к ней.

— Мэт просит нас вернуться, — тихо сказала она. — Сколько еще вы будете обсуждать, сделать ли, как он просил?

Туон смотрела на нее.

— Пока не буду уверена, что это во благо моей Империи.

— Он же твой муж.

— Жизнь одного человека не

стоит жизни тысяч, — сказала Туон, но в ее голосе звучала явная тревога. — Если битва действительно идет так плохо, как говорят разведчики Юлана...

— Ты нарекла меня Говорящей Правду, — сказала Мин. — Что именно это означает?

— Что твой долг — осуждать меня публично, если я делаю что-то не так. Однако, ты еще не обучена должным образом для этого. Тебе лучше сдерживать себя, пока я не дам тебе достойного...

Мин развернулась к генералам и собравшейся толпе, ее сердце отчаянно колотилось.

— Как Говорящая Правду

Императрицы Фортуона, я буду говорить правду. Она оставила армии человечества и желает придержать свои силы при себе в час величайшей нужды. Ее гордыня приведет к всеобщей гибели.

Высокородные остолбенели.

— Все это не так просто, девушка, — сказал генерал Галган. Судя по тому, как посмотрели на него прочие, перечить Говорящей Правду было не принято. Тем не менее, он продолжил. — Ситуация сложная.

— Я отнеслась бы к этому с пониманием, — сказала Мин, — если бы не знала, что среди нас — шпион Тени.

Веснушчатая соджин бросила на

нее резкий взгляд.

"Я тебя поймала!" — подумала Мин и указала на генерала Юлана.

— Абалдар Юлан, я обвиняю тебя! Я вижу знамения, которые доказывают, что ты действуешь вопреки интересам Империи!

Настоящая шпионка расслабилась, и Мин даже заметила намек на усмешку на ее губах. Очень хорошо. Когда Юлан начал громко опровергать обвинения, Мин выхватила нож из рукава и метнула в женщину.

Нож устремился в полет, но в последний момент перед тем, как вонзиться в шпионку, остановился и повис в воздухе.

Рядом охнули сулдам и дамани. Шпионка бросила ненавидящий взгляд на Мин, затем открыла ворота и бросилась в них. Плетения Силы метнулись следом, но она исчезла прежде, чем большинство вообще поняли, что произошло.

— Простите, генерал Юлан, — сообщила Мин, — но вы под Принуждением. Фортуона, это очевидно, что Тень пытается сделать все, чтобы удержать нас от битвы. Имея это в виду, будешь ли ты и дальше поддерживать этот сомнительный курс?

Мин встретила глазами с Туон.

— Ты хорошо играешь в эти игры, — холодно прошептала

Туон. — Подумать только, я боялась, что подвергну тебя опасности, приняв в свою свиту. Похоже, что мне следует бояться за себя саму, — она тихо вздохнула. — Полагаю, ты дала мне возможность... вероятно, право... сделать то, чего хочет мое сердце, неважно, разумно это или нет. — она встала. — Генерал Галган, собирайте войска. Мы вернемся на поле Меррилор.

Эгвейн направила потоки Земли и уничтожила валуны, за которыми скрывались шарцы. Другие Айз Седай немедленно ударили, направляя плетения сквозь потрескивающий воздух. Шарцы

умирали в огне, молниях и взрывах.

Эта сторона Высот была так завалена обломками и испещрена шрамами, что могло показаться, будто это развалины большого города, оставшиеся после страшного землетрясения. Была все еще ночь, и они сражались... Свет, сколько прошло после смерти Гавина? Много часов...

Эгвейн удвоила усилия, не давая мыслям о нем сломить ее. Уже много часов ее Айз Седай сражались с шарцами повсюду на западной стороне Высот. Эгвейн медленно вытесняла их на восток.

Время от времени казалось, что они побеждают, но потом все больше

и больше Айз Седай пало от истощения или Единой Силы.

Еще одна группа направляющих приблизилась к ним в тумане, удерживая Единую Силу. Эгвейн скорее чувствовала их, чем видела.

— Отражайте их плетения! — крикнула Эгвейн, стоя впереди. — Я атакую, вы защищайте!

Другие женщины подхватили призыв, выкрикивая его по всей боевой линии. Они больше не бились отдельными группами, женщины из всех Айя собрались возле Эгвейн, на их безвозрастных лицах была концентрация. Впереди них стояли Стражи; они могли защитить Айз Седай, только прикрывая их

собственными телами.

Эгвейн почувствовала, как сзади приблизилась Лейлвин. Ее новый Страж серьезно восприняла свои обязанности.

Шончанка, сражающаяся в Последней Битве как ее Страж. Почему бы нет. Сам мир рушился, трещины вокруг Эгвейн доказывали это. Они не исчезали, как прежние — тьма оставалась. Погибельный Огонь использовали здесь слишком много.

Эгвейн запустила движущуюся стену огня. Огонь охватывал тела, оставляя позади дымящиеся груды костей. Ее атака опалила землю дочерна, и шарцы соединились, чтобы отразить плетение. Она убила

нескольких, прежде чем они остановили ее атаку.

Другие Айз Седай отклоняли или уничтожали ответные плетения, и Эгвейн собралась с силами, чтобы попробовать еще раз. Она так устала — шептала частица ее. Эгвейн, ты так устала. Это становится опасным.

Лейлин шагнула выше, споткнулась о разбитый булыжник, но присоединилась к ней впереди.

— Я принесла весть, Мать, — сказала она с шончанским акцентом. — Ашаманы вернули печати. Теперь они у их лидера.

Эгвейн выпустила вздох облегчения. Она сплела Огонь и на этот раз послала его вперед в виде

столбов, пламя озарило изувеченную землю вокруг. Эти трещины, которые вызвал М'Хаэль, сильно ее тревожили. Она начала новое плетение, но остановилась. Что-то было не так.

Он развернулась — луч толщиной с мужскую руку разорвал ряды Айз Седай, испепелив полдюжины из них. Словно из ниоткуда появились взрывы и с разницей в один удар сердца пали ещё другие женщины.

Погибельный огонь сжег тех, кто остановил убийственные вражеские плетения... но те женщины были удалены из Узора до того, как сделали это, и не могли

больше противостоять атакам Шарцев. Погибельный огонь выжиг целый поток в глубину его.

Цепь событий была катастрофической. Мертвые шарские направляющие вновь были живы, и они хлынули вперед — мужчины, мужчины лавирующие по пересеченной местности, как гончие, женщины, идущие в связанных группах по четыре или 5 человек. Эгвейнн искала источник огня. Она никогда не видела такую огромную полосу огня, настолько сильного, что он должно быть выжиг на несколько часов назад.

Она обнаружила М'Хаэля стоящего на Высоте, с искаженным

пузырем воздуха вокруг него. Черные щупальца похожие на мох или лишайник, выползали из расщелин в скале вокруг него. Расползающаяся болезнь. Тьма, ничто. Он уничтожит их всех.

Еще одна полоса погибельного огня образовала отверстие через землю и коснулся женщин, превращая их сначала в светящиеся формы, а затем в ничто. Сам воздух сломался, как пузырь силы, который взорвался от М'Хаэля. Возвратившаяся буря усилилась.

— Я думаю, что научу тебя бегать, — прорычала Эгвейн, поднимаясь на ноги и собирая силу. У ее ног земля растрескалась и

открылась в ничто.

Свет! Она ощущала пустоту в этой дыре. Она начала плести, но еще один удар погибельного огня пронесся по полю, убивая женщин, которых она любила. Дрожь под ногами бросила Эгвейн на землю. Крики усилились, в то время как атака Шаранцев убивала последователей Эгвейн. Айз Седай бросились врассыпную, ища спасения.

Трещины на земле распространялись здесь так, как будто вершина Высот попала под удар молота.

Погибельный огонь. Ей нужно сплести свой. Это был единственный

способ борьбы с ним! Она встала на колени и принялась плести запрещенное плетение, хотя ее сердце екнуло, когда она делала это.

НЕТ.

Использование погибельного огня только бы подтолкнуло мир к гибели.

Что тогда?

Это всего лишь плетение, Эгвейн. Слова Перрина, когда он видел ее в Море Снов и остановил погибельный огонь, который должен был поразить ее. Но это не просто еще одно плетение. Не было ничего, похожего на него.

Такая измотанная. Теперь, когда она на мгновение остановилась, она почувствовала как ее парализует

усталость. В глубине она чувствовала потерю, горечь утраты от смерти Гавина.

— Мать! — сказала Лейлвин, потянув ее за плечо. Женщина оставалась с ней. — Мать, мы должны идти! Айз Седай разбиты! Шарцы захватят нас.

Впереди М'Хаэль увидел ее. Он улыбнулся, шагнув вперед, со скипетром в одной руке, другой указывая в ее сторону, ладонью вверх. Что произойдет, если он сожжет ее погибельным огнем? Последние пара часов исчезнут. Ее рейд с Айз Седай, десятки десятков Шарцев, которых она убила...

Просто плетение...

Нет других, на него похожих.

Это не должно так работать, — подумала она. Две стороны монеты. Две половины Силы. Жар и холод, свет и тьма, мужчина и женщина.

На каждое плетение существует и его противоположность.

М'Хаэль выпустил Погибельный Огонь, и Эгвейн сделала... что-то. Плетение, которое она пробовала прежде на трещинах, но намного большей силы и охвата: величественное, изумительное плетение, состоящее из всех Пяти Стихий. Оно возникло перед нею. Она вопила, выпуская его, как будто из самой её души. Белоснежная колонна ударила в центр плетения

М'Хаэля.

Эти плетения отменили друг друга, будто кипяток и ледяная вода слились вместе. Сильная вспышка света сокрушила все остальное, ослепляя Эгвейн, но она могла чувствовать что-то от того, что сделала. Укрепление Узора. Трещины прекратили распространяться, и что-то хлынуло в них, скрепляющая сила. Ростки, как струпья на ране. Не идеальное восстановление, но по крайней мере заплатка.

Она кричала, вынуждая себя встать на ноги. Она не окажется с ним лицом к лицу, стоя на коленях! Она потянула каждую каплю Силы, которую могла удержать, бросая в

Отрекшегося с яростью Амерлин.

Два потока Силы брызнули светом друг в друга, земля вокруг М'Хаэля, растрескивалась в то время, как земля около Эгвейн восстановила себя. Она все еще не знала, что сплела. Противоположность Погибельному Огню. Собственный огонь, плетение света и восстановления.

Пламя Тар Валона.

Они противостояли друг другу, застывшие, в течение мгновения, длившегося вечность. И в это мгновение Эгвейн почувствовала, что покой сошел на нее. Боль смерти Гавина исчезла. Он возродится. Узор будет продолжаться. Каждое

плетение, которое она свивала, успокаивало ее гнев и заменяло его покоем. Она погрузилась гораздо глубже в саидар, в тот ярко светящийся комфорт, который вел ее так долго.

И она взяла еще больше Силы.

Ее поток энергии нашел свой путь сквозь Погибельный Огонь М'Хаэля как удар меча, разрушая плетение и проникая прямо в его вытянутую руку. Поток прошел через руку и вошел в его грудь.

Погибельный огонь исчез. М'хаэль, разинув рот, споткнулся, широко раскрыл глаза, а затем кристаллизовался изнутри, как будто был заморожен в лед. Многоцветный,

красивый кристалл вырос из него. Необработанный и грубый, как будто из глубины самой земли. Каким-то образом Эгвейн знала, что Пламя будет действовать гораздо слабее на тех, кто не предал себя Тени.

Она цеплялась за Силу, которую удерживала. Она зачерпнула слишком много. Она знала, что если отпустит Силу, то оставит себя выжженной, неспособной направить даже капли. Сила хлынула через нее в этот последний миг.

Что-то дрожало далеко на севере. Битва Ранда продолжалась. Трещины на земле расширились. Погибельный огонь М'Хаеля и Демандреда сделал свою работу. Мир

здесь рушился. Черные линии лучились через Высоты и мысленным взором она видела их открытыми, землю разрушенной, и пустоту, появившуюся здесь, что высасывала в них всю жизнь.

— Следи за светом, — прошептала Эгвейн.

— Мать? — Лейлвин все же опустилась на колени рядом с ней. Вокруг них сотни Шарцев поднимались от земли.

— Следи за светом, Лейлвин, — повторила Эгвейн. — Как Престол Амерлин я приказываю тебе найти печати узилища Темного и сломать их. Сделай это в момент, когда засияет свет. Только тогда это может

нам помочь.

— Но...

Эгвейн сплела врата и обернув Лейлвин Воздухом, вытолкнула ее в безопасное место. После этого Эгвейн распустила узы с женщиной, разъединяя их краткую связь.

— Нет! — закричала Лейлвин.

Врата закрылись. Черные трещины в небытие расширялись вокруг Эгвейн, в то время, как она столкнулась с сотнями Шарцев. Ее Айз Седай сражались с силой и доблестью, но те Шарские направляющие все еще оставались. Они окружили ее, некоторые робкие, другие улыбающиеся в триумфе.

Она закрыла глаза и потянула

силу. Больше, чем женщина должна быть в состоянии, больше чем было правильным. Далеко за гранью безопасности и благоразумия. У этого са'ангриала не было предела, который мог бы препятствовать этому.

Ее тело было исчерпано. Она отдала его и стала колонной света, выпуская Пламя Тар Валона в землю, окружающую ее и высоко в небо. Сила вышла из неё тихим, прекрасным взрывом, проникающим через Шарцев и запечатывающим трещины, созданные ее борьбой с М'Хаэлем.

Душа Эгвейн отделилась от ее разрушающегося тела и опустилась

на эту волну, поднимаясь на ней к Свету.

Эгвейн мертва.

Ранд кричал, опровергая это, в гневе и горе.

— Только не ее! ТОЛЬКО НЕ ЕЕ!

— МЕРТВЫЕ ПРИНАДЛЕЖАТ МНЕ.

— Шай`итан! — вопил Ранд. — Не её!

— Я УБЬЮ ИХ ВСЕХ, ВРАГ МОЙ.

Ранд склонился, зажмурившись. Я защищу вас, думал он. Что бы ни происходило, я буду видеть вас в безопасности, я клянусь в этом. Я

клянусь в этом...

О, Свет. Имя Эгвейн присоединилось к его списку мертвых. Тот список продолжал расти, отдаваясь громом в его голове. Его неудачи. Как много неудач.

Он должен был быть в состоянии спасти их.

Темный внезапно опять атаковал с упорным желанием разорвать Ранда и сокрушить.

О, Свет. Не Эгвейн.

Ранд закрыл глаза и потерял сознание, едва сдерживая следующее нападение.

Тьма поглотила его.

Лиане подняла руку, закрывая

свои глаза от ослепительной вспышки света, которая смыла на мгновение всю темноту со склона, оставляя блеск. Шарцы застыли на месте, ставшие кристаллами, бросая тени позади себя.

Колонна Силы поднялась ввысь как маяк, затем исчезла.

Лиане упала на колени, одной рукой опираясь на землю для равновесия. Кристаллы одеялом покрыли землю, как бы прорастая через разрушенные камни, покрывая израненную поверхность. Открывшиеся трещины были теперь заполнены кристаллами, это было похоже на крошечные реки.

Лиане поднялась на ноги и

медленно пошла вперед, проходя
мимо мертвых Шарцев,
замороженных в кристаллах.

В самом центре взрыва Лиане
увидела колонну кристалла такую же
огромную, как древнее Древо Жизни,
поднявшееся приблизительно на
пятьдесят футов в небо. В его центре
она увидела замороженный
рифленый стержень, са'ангриал
Воры. Никаких признаков самой
Амерлин не было, но Лиане знала.

— Престол Амерлин пала, —
кричала Айз Седай недалеко среди
кристаллических Шарцев. —
Престол Амерлин пала!

Грохотал гром. Берелейн

посмотрела в сторону кровати, потом встала и рука Галада выскользнула из ее пальцев, когда она подошла к окну у каменной стены комнаты.

Море снаружи вспенилось и разбивались о скалы, заревев в гневе или может быть в боли. Пока она наблюдала, тучи становились плотнее чем ночью, если это было возможно. Все потемнело.

До рассвета оставался еще час. Облака были настолько черными, что она знала, что не увидит солнца, когда оно взойдет. Она вернулась к Галаду, села и взял его за руку. Если бы Айз Седай пришли, чтобы Исцелить его? Он все еще был без сознания, за исключением

лихорадочного бреда. Он обернулся, и что-то блеснуло на его шее.

Берелейн отвернула его рубашку, вынимая медальон. На нем была изображена голова лисы. Она сняла его.

— ... вернуть Коутону... — шептал Галад, его глаза были закрыты. — ... Надежда.

Берелейн думала мгновение, чувствуя, как темнота снаружи, как будто сам Темный, душит землю и заползает через окна, под двери. Она поднялась, оставив Галада, и быстро вышла, неся медальон.

— Престол Амерлин мертва. — доложил Арганда.

Кровь и кровавый пепел, подумал Мэт. Неужели Эгвейн тоже? Это поразило его, как удар в лицо.

— Что еще хуже, — продолжал Аргандн. — Айз Седай сообщают, что потеряли больше половины своих. Те, кто остались, заявили... это цитата... что они не могут направить достаточно Единой Силы, чтобы зажечь свечу. Они выходят из боя.

Мэт хмыкнул.

— Сколько шарцев-направляющих они перебили? — спросил он, подбадривая себя.

— Их всех.

Мэт посмотрел на Арганду и нахмурился.

— Что?

— Всех направляющих, — повторил Арганда. — Всех тех, кто дрался против Айз Седай.

— Хоть что-то... — пробормотал Мэт. Но Эгвейн...

Нет. Не время сейчас думать об этом. Она и ее Айз Седай остановили шарских направляющих.

Шарцы и троллоки отступали, чтобы перегруппироваться. Это дало Мэту возможность сделать то же самое.

Его войска, то, что осталось от них, растянулись по Высотам. Он собрал вместе всех, кто еще оставался. Порубежники, Принявшие Дракона, Лойал и Огир, солдаты

Тэма, Белоплащники, солдаты из Отряда Красной Руки. Все они сражались отважно, но враги слишком превосходили их числом. Было плохо, когда они бились с одними шарцами, но когда троллоки прорвались на восточной границе Высот, им пришлось драться на два фронта. За последний час их оттеснили больше чем на тысячу шагов на север, их ряды почти вернулись к границе плато.

Это будет заключительный натиск. Конец битвы. Теперь, когда выбыли направляющие-шарцы, Мэта не сметут моментально, но, Свет... все равно осталось еще так много проклятых троллоков! Мэт хорошо

танцевал этот танец, но есть пределы человеческим возможностям. Даже возвращения Туон, если та вернется, может оказаться недостаточно.

Арганда принимал доклады с других частей поля боя — другого ему не осталось, поскольку раны не позволяли ему сражаться, и поблизости не осталось никого, кто мог его Исцелить. Но свое дело он делал хорошо. Славный парень. Он был бы полезен в Отряде.

Троллоки собирались для наступления, снова оттаскивая трупы со своего пути и формируя кулаки, возглавляемые Мурдраалами. У Мэта осталось минут пять или десять на подготовку, затем все начнется.

Приблизился Лан, на его лице было мрачное выражение.

— Чего ты хочешь от моих людей, Коутон?

— Готовьтесь биться с этими троллоками, — сказал Мэт. — Никто еще не проверил Майен? Было бы чудесно, если бы кто-нибудь из Исцеленных раненых присоединился к нам.

— Я проверю, — сказал Лан. — А потом подготовлю своих.

Когда он удалился, Мэт порылся в седле и вытащил знамя Ранда — древнее знамя Айз Седай. Он забрал эту вещь прежде, подумав, что от нее может быть какая-то польза.

— Кто-нибудь, поднимите эту

штуку. Проклятье, мы сражаемся во имя Ранда. Покажем Тени, что мы этим гордимся.

Даннил взял знамя и прикрепил его к копьё вместо древка. Мэт глубоко вздохнул. Судя по тому, как говорили Порубежники, они думали, что все закончится в одном блистательном, героическом, самоубийственном рывке. Так всегда завершались баллады Тома... и Мэт всегда надеялся, что сам никогда не встретит такой конец. Сейчас эта надежда померкла.

Думай, думай. На удалении взвыли рога троллоков. Туон задержалась. Она же придет? Втайне он надеялся, что нет. Притом, как

скверно все обстоит, даже помощи Шончан может быть недостаточно.

Ему нужна возможность. Нужна, удача! Открылись новые врата, и Арганда поспешил принять доклад от гонца. Мэту не нужно было слышать слова, чтобы понять по мрачному лицу Арганды, какого рода вести.

— Все в порядке — сказал вздыхая Мэт. — Какие новости.

— Королева Андора мертва, — промолвил Арганда.

Кровавый Пепел! Только не Илэйн! Мэт чувствовал беду внутри. Ранд... Извини.

— Кто возглавляет их? Башир?

— Мертв, — сказал Арганда. —

И его жена. Они пали во время нападения на Андорских пикинёров. Также мы потеряли шесть Айильских вождей кланов. Никто не возглавляет Андорцев и Айил в русле реки. Их сокрушат быстро.

— Это конец! — донесся до Мэта усиленный голос Демандред с другого конца плато. — Льюис Тэрин бросил вас. Взывайте к нему, умирая! Пусть он ощутит вашу боль!

Их игра подошла к финальным ходам, и Демандред играл хорошо. Мэт смотрел на свою армию — солдаты были истощены, многие ранены. Невозможно было отрицать, что они оказались в отчаянном положении.

— Пошлите за Айз Седай, — сказал Мэт. — Меня не волнует, говорят ли они, что не могут поднять даже перо. Возможно, когда это сводится к их жизням, они найдут немного силы для шаровой молнии тут и там. Кроме того, их Стражи могут все еще бороться.

Арганда кивнул. Поблизости, открылись ворота, и два Аша'мана, выглядящие словно опустошенные, вывалились через них. Нэфф и Неалд, на их коже были отметки ожогов, и Айз Седай Нэффа не было с ними.

— Ну и? — спросил Мэт троих.

— Всё сделано, — ответил Неалд с рычанием.

— Что Туон?

— Очевидно, они нашли шпиона, — сказал Нэфф. — Императрица ждет, чтобы возвратиться по вашему знаку.

Мэт вдохнул, чувствуя воздух над полем боя, ощущая ритм битвы, которую он спланировал. Он не знал, сможет ли победить, даже если поможет Туон. Не теперь, когда рассеяна армия Илэйн, а Айз Седай вымотаны настолько, что не могут направлять. Не теперь, когда нет Эгвейн с ее двуреченским упрямством и железной волей. Не победить, если не случится чуда.

— Отправь ей это, Нэфф, — сказал Мэт. Он потребовал бумагу и

карандаш, и нацарапал письмо, которое вручил Аша'ману. Он отбросил эгоистичное желание позволить Туон уйти в безопасное место. Кровавый пепел, теперь не было безопасных мест, нигде во всем мире, — Отдай это Императрица, Нэфф, и скажи, что нужно в точности следовать этим инструкциям.

Затем Мэт развернулся к Неалду.

— Ты отправишься к Талманесу, — сказал он. — Пусть выступает по плану.

Двое направляющих убьют отправить послания.

— Этого будет достаточно? — спросил Арганда.

— Нет, — сказал Мэт.

— Тогда зачем?..

— Потому что я стал бы Другом Темного, если бы сдался, не пытаясь ничего сделать, Арганда.

— Льюис Тэрин! — громыхал Демандред. — Приди и сразись со мной! Я знаю, что ты следишь за этой битвой! Так сражайся!

— Этот тип точно начинает меня утомлять, — сказал Мэт.

— Коутон, смотри — троллоки уже перегруппировались, — заметил Арганда. — Думаю, они намерены атаковать.

— Тогда вот оно и началось, давайте строиться, — сказал Мэт. — Где Лан? Он еще не вернулся? Не

хотел бы я броситься в драку без него.

Мэт повернулся к своим боевым порядкам, Арганда выкрикивал приказы. Внезапно гэалданец схватил его за руку, привлекая внимание, и указал на троллоков. Мэт ощутил холодок, когда в свете костров увидел одинокого всадника на вороном коне, врезавшегося в орду троллоков на правом фланге, пробивая себе путь к восточному склону Высот. К Демандреду. Лан отправился сразиться в собственной битве.

Троллок ободрал Олверу руку, когда сунулся в укрытие пытаясь

вытащить его наружу. Другие троллоки рыли землю по бокам. Почва сыпалась на него, прилипая к слезам на его щеках и к крови, текущей из его царапин

Он не мог унять дрожь. Он также не мог заставить себя двигаться. Он дрожал, испуганный тем, как звери рвались к нему грязными пальцами, копая ближе и ближе.

Лойал сел на пень, отдыхая пока сражение не возобновилось.

Атака. Да, это будет лучшим способом закончится всему этому. Лойал чувствовал, что у него все болело. Он много читал о битвах, и

участвовал в схватках раньше, поэтому знал, чего ожидать. Но знать о чем-то и участвовать в этом — совершенно разные вещи. В первую очередь поэтому он покинул стеддинг.

После более чем суток непрерывающихся боев, тело его сжигала глубокая внутренняя усталость. Когда он поднял топор, голова была настолько тяжелой, что он удивлялся, почему он не упал.

Война. Он мог бы прожить свою жизнь, не испытав этого. Это было гораздо больше, чем отчаянные сражения в Двуречье. Там, по крайней мере, у них было время, чтобы убрать мертвых и

позаботиться о своих раненых. Там нужно было стоять твердо и держаться против волн атак.

Здесь, не было времени ждать, не было времени, чтобы подумать. Эррит села на землю рядом с его пнём, и он положил руку ей на плечо. Она закрыла глаза и прислонилась к нему. Она была красивая, с идеальными ушами и прекрасными бровями. Лойал не смотрел на пятна крови на ее одежде; он боялся, что, отчасти, это была и ее кровь. Он потер плечо пальцами. Он так сильно устал, что едва мог их чувствовать.

Лойал сделал несколько заметок на поле боя, для себя и для других,

чтобы сохранить последовательность событий прошедшего сражения. Да, последняя атака. Это было бы хорошее окончание этой истории, как только он ее напишет.

Он делал вид, что по-прежнему пишет историю. Нет вреда от такой маленькой лжи.

Один из всадников вырвался из рядов воинов и поскакал к правому флангу Троллоков. Мэт не был бы счастлив по этому поводу. Один человек, одиночка, умрет. Лойал был удивлен, что мог чувствовать сожаление о том, что жизнь человека будет потеряна, после стольких смертей, которые он видел.

Этот человек кажется мне

знакомым, подумал Лойал. Да, и эта лошадь. Он видел эту лошадь прежде много раз. Лан, подумал он оцепенело. Лан ехал верхом в одиночку.

Лойал встал.

Эрит посмотрела на него, когда он вскинул топор.

— Подожди, — сказал ей Лойал. — Сражайся рядом с остальными. Я же должен идти.

— Идти?

— Я должен быть свидетелем этого, — сказал Лойал. Падение последнего короля Малкири. Он должен был включить это в свою книгу.

— Приготовиться к атаке! — кричал Арганда. — Соберитесь! Лучники вперед, конница за ними, пехота позади!

"Атака, — подумал Тэм. — Да, это наша единственная надежда". Они должны продолжать напор, но их боевые линии так истончились. Он понимал, что затевает Мэт, но едва ли это может сработать.

И все равно они должны пробиваться.

— Ну, он покойник, — сказал наемник рядом с Тэмом, кивком указывая на Лана Мандрагорана, мчавшегося на фланг троллоков. — Проклятые Порубежники.

— Тэм, — сказал Абелл сбоку от

него.

Небо над ними еще потемнело. Могло ли такое быть, в ночи? Эти жуткие, клубящиеся облака, казалось, опускаются все ниже и ниже. Тэм почти потерял из виду фигуру Лана на черном, как ночь, жеребце, несмотря на костры, зажженные на Высотах. Их свет словно померк.

Он скачет к Демандреду, понял Лан. Но стены троллоков преграждали ему путь. Тэм достал стрелу, позади наконечника которой была привязана пропитанная смолой тряпка, и наложил на тетиву.

— Двуреченцы, приготовиться к стрельбе!

Наемник рассмеялся.

— Тут не меньше сотни шагов.
Вы истыкаете его стрелами!

Тэм посмотрел на человека, затем поднял стрелу и запалил от факела. Ткань за наконечником охватил огонь.

— Первый ряд, по моему сигналу! — закричал Тэм, не обращая внимания на другие приказы, которые прокатились по рядам. — Расчистим путь лорду Мандрагорану!

Текучим движением Тэм натянул тетиву, ощутив жар огня у пальцев, и выстрелил.

Лан мчался на троллоков. Его

копье, как и три сменных, сломалось
часы назад. На шее у него был
медальон, который Берелейн
передала через ворота с простым
указанием.

Она сказала: не знаю, откуда
Галад это взял, но он хотел, чтобы я
передала это Коутону.

Лан не раздумывал над тем, что
собирался сделать. Пустота не
допускала подобных вещей.
Некоторые люди назвали бы это
дерзостью, безрассудством,
самоубийством. Люди, которые не
пожелали испытать хотя бы одно из
трёх, редко меняют мир. Он послал
всё утешение, какое мог, к далёкой
Найнив через узы, затем

приготовился к сражению.

Когда Лан приблизился к троллокам, твари подняли копья линией, чтобы остановить его. Пытаясь прорваться сквозь нее, лошадь сама себя насадит на острия. Лан задержал дыхание, чувствуя спокойствие пустоты, планируя срубить наконечник первого копья и протаранить линию.

Это был невыполнимый маневр. Все, что нужно троллокам — собраться вместе и замедлить его. После этого они могут окружить Мандарба и выдернуть Лана из седла.

Но кто-то же должен остановить Демандреда. Чувствуя медальон на

шее, Лан поднял меч

Горящая стрела пронеслась в небе и попала в горло троллоку прямо перед Ланом. Не долго думая, Лан использовал павшего троллока как брешь в линии из копий. Он проскочил между Отродьями Тени, растоптав погибшего. Ему понадобится...

Ещё одна стрела упала, сбивая троллока. За ней последовала другая, и ещё, быстрым потоком. Мандарб пробивался через удивлённых, горящих и умирающих троллоков, пока целый дождь из горящих стрел лился перед ним.

— Малкир! — закричал Лан, пустив Мандарба вперёд, топча

трупы, но не снижая скорости, когда открылся путь. Град из света падал перед ним, каждая стрела попадала точно в цель, убивая троллоков, пытавшихся стать на его пути.

Он ураганом промчался сквозь шеренги, расталкивая в стороны умиравших троллоков, пылающие стрелы указывали ему путь в темноте так, словно тот был наезженной дорогой. С обеих сторон стояли плотные ряды троллоков, но те, что были прямо перед ним, падали и падали, пока их совсем не осталось.

Спасибо, Тэм.

Лан галопом гнал коня вдоль восточного склона Высот, уже в одиночестве минуя солдат и Отродий

Тени. Он был един с ветром, который струился в его волосах, един с мускулистым конём под собой, который нёс его вперёд, един с целью, которая была его предназначением, его судьбой.

Демандред поднялся, заслышав стук копыт, сопровождавшие его Шаранцы встали перед ним.

С рёвом Лан пришпорил Мандарба и налетел на Шаранцев, преградивших ему путь. Жеребец прыгнул, передними ногами отправив охранников на землю. Мандарб крутнулся, крупом сбив одних Шаранцев, а передними копытами повалив других.

Лан соскочил с седла — у

Мандарба не было защиты от плетений, поэтому сражаться верхом было равносильно тому, чтобы попросить Демандреда убить его коня, — и врезался в землю на бегу, вытаскивая меч.

— Ещё один? — проревел Демандред. — Льюс Тэрин, ты начинаешь...

Он осёкся, когда Лан достиг его и бросился в «Пух чертополоха в смерче», порывистое атакующее движение. Демандред выхватил меч, принимая удар на своё оружие, и отступил на шаг из-за его силы. Они обменялись ещё тремя ударами, быстрыми как молния, Лан продолжал двигаться, пока его меч не

зацепил щеку Демандреда. Лан ощутил лёгкий рывок, и кровь брызнула в воздух.

Демандред почувствовал рану на щеке, его глаза широко раскрылись.

— Кто ты? — спросил Демандред.

— Я тот, кто заберет твою жизнь.

Мин оторвала взгляд от спины своего торма, когда тот проскочил через переходные ворота обратно на поле Меррилор. Она надеялась, что он выдержит безумие битвы, когда они доберутся туда. Костры и факелы светили на расстоянии, светлячки освещали сцены доблести и

решимости. Она смотрела на мерцающие огни, последние угольки костра, которые вскоре будут потушены.

Вдалеке, где-то глубоко на севере содрогался Ранд.

Узор завертелся вокруг Ранда, заставляя его наблюдать. Он смотрел сквозь слёзы, застилавшие его глаза. Он видел, как сражаются люди. Он видел, как они гибнут. Он видел Илэйн, захваченную в плен и оставшуюся в одиночестве, Повелитель Ужаса готовился вырезать их детей из её чрева. Он видел Руарка, лишившегося разума и ставшего теперь пешкой одной из

Отрёкшихся.

Он видел Мэта, отчаявшегося,
подавленного ужасающим
перевесом.

Он видел, как Лан скачет
навстречу своей смерти.

Слова Демандреда впивались в
него. Натиск Тёмного продолжал
рвать его на части.

Ранд потерпел неудачу.

Но на краю его разума был
голос. Слабый, почти забытый.

Отпусти.

Лана ничего не сдерживало.

Он сражался совсем не так, как
учил Ранда. Без осторожной
проверки, без осмотра местности,

без тщательной оценки. Демандред мог направлять, и, не смотря на медальон, Лан не мог дать своему врагу времени на обдумывание, времени на плетения, которыми он мог бросать камни в него или раскалывать землю под ним.

Лан погрузился глубоко в пустоту, позволяя инстинктам вести его. Он вышел за пределы эмоций, сжигая напрочь всё. Ему не надо было оценивать местность, потому что он чувствовал землю так, словно она была его частью. Ему не надо было испытывать силу Демандреда. Один из Отрёкшихся, с опытом многих десятилетий, будет самым искусным фехтовальщиком из тех, с

кем Лан когда-либо сталкивался.

Лан краем глаза заметил, что Шаранцы расступились, образовав широкое кольцо вокруг двух бойцов, пока те сражались. Видимо, Демандред был достаточно уверен в своих навыках, чтобы не позволять другим вмешиваться.

Лан закружился с серией атак. «Вода Текущая по Склону» превратилась в «Смерч на Горе», который стал «Перехватом Голубя Красным Ястребом». Его удары походили на ручьи, которые сливались во всё более и более широкую реку. Демандред сражался так хорошо, как Лан и опасался. Хотя его фигуры немного отличались от

тех, которые знал Лан, годы не изменили саму суть поединка на мечах.

— Ты...хорош, — с хрипом сказал Демандред, отступая перед «Ветром и Дождём», с его подбородка стекала струйка крови. Меч Лана сверкнул, отражая красный свет ближайшего костра.

Демандред ответил «Высеченной Искрой», которую Лан, предугадав, парировал. Его бок был оцарапан, но Лан не обратил на это внимания. Обмен ударами заставил его отступить на шаг, и дал Демандреду возможность подобрать камень с помощью Единой Силы и швырнуть его в Лана.

Глубоко внутри пустоты Лан почувствовал приближение камня. Это было его понимание боя — то, что вошло глубоко внутрь него, в самый центр его души. То, как ступал Демандред, направление, в котором метнулся его взгляд, подсказало Лану, что именно произойдёт.

Как только он перетёк в следующую позицию, Лан расположил своё оружие поперёк груди и отступил назад. Камень размером с человеческую голову мелькнул прямо перед ним. Лан скользнул вперёд, его рука двинулась в следующую позицию, когда другой камень с ветром пролетел под ней. Лан поднял свой меч и увернулся от

третьего камня, который промахнулся всего на палец, задев одежду.

Демандред блокировал атаки Лана, но дыхание у него было хриплым.

— Кто ты такой? — снова прошептал Демандред. — Ни у кого в этой Эпохе нет таких навыков. Асмодиан? Нет, нет. Он не смог бы так со мной сражаться. Льюс Тэрин? Ты прячешься за этим лицом, да?

— Я просто мужчина, — прошептал Лан. — Это все кем я когда либо был.

Демандред зарычал, затем бросился в атаку. Лан ответил «Лавиной, Катящейся с Горы», но

ярость Демандред заставила его отступить на несколько шагов.

Несмотря на то, что поначалу наступал Лан, Демандред как фехтовальщик был лучше. Лан знал об этом тем же чувством, которое говорило ему, когда атаковать, когда парировать, когда шагать вперёд и отступать. Возможно, если бы они начали сражение на равных, всё было бы по-другому. Но нет. Лан воевал в течении всего дня, и хотя его Исцелили от более тяжёлых ран, мелкие продолжали болеть. Кроме того, Исцеление само по себе изматывало.

Демадред был по-прежнему бодр. Отрёкшийся замолчал, дуэль

поглотила его. Также он перестал использовать Единую Силу, сосредоточившись на фехтовании. Он не усмехался, когда получал преимущество. Он не был похож на человека, который часто улыбается.

Лан ускользнул от Демандреда, но Отрёкшийся напирал с «Вепрем Несущимся с Горы», снова оттесняя его к периметру круга, и пробил защиту, ранив в руку, затем в плечо и, наконец, в бедро.

У меня время только для последнего урока.

— Ты мой, — прорычал в конце концов Демандред, тяжело дыша. — Кем бы ты ни был, ты мой. Ты не можешь победить.

— Ты не слушал меня, —
прошептал Лан.

Один последний урок. Самый
тяжёлый...

Демандред ударил, и Лан
увидел, что тот открылся. Лан
рванулся вперёд, направив кончик
меча Демандреда на свой бок и
налетел на него.

Я пришел сюда не для того,
чтобы победить, — прошептал Лан,
улыбаясь. — Я пришел сюда, чтобы
убить тебя. Смерть легче перышка.

Глаза Демандреда распахнулись,
и он попытался отступить. Слишком
поздно. Меч Лана прошёл прямо
через его горло.

Мир потемнел, когда Лан

соскользнул с меча. Он ощутил страх
Найнив и её боль из-за сделанного
им. Лан послал ей свою любовь.

Глава 38

Место, которого не было

Отпусти. Это был голос его отца.

— Я должен спасти их... — прошептал Ранд

Позволь им идти на жертвы. Ты не можешь сделать это сам.

— Я должен... вот что это значит. Разрушительная сила Темного расползалась по нему как тысячи ворон, ковыряющихся в его плоти, сдирая её с его костей. Он с трудом

мог думать сквозь пелену боли от давления и чувства потери от гибели Эгвейн и многих других.

Отпусти

Это их выбор

Он так сильно хотел защитить их, людей, которые верили в него. Их смерти и опасность, с которой они столкнулись, огромной тяжестью легли на него. Как человек мог просто... отпустить? Не было ли это уходом от ответственности?

Или это значило оставить ответственность им?

Ранд закрыл глаза, думая о всех тех, кто умер за него. Об Эгвейн, которую он поклялся защищать

Дурак. Ее голос в его голове.

Любящий, но острый.

— Эгвейн?

Разве мне не нельзя также стать героем?

— Это не так...

Ты идешь к своей смерти. Тем не менее ты запрещаешь делать это кому то еще?

— Я...

Отпусти, Ранд. Дай нам умереть за то, во что мы верим, и не пытайся отнять это у нас.

Ты принял свою смерть. Прими и мою.

Слезы текли из уголков его глаз. — Мне очень жаль, — прошептал он.

Почему?

— Я потерпел неудачу.

Нет. Еще нет.

Темный снял с него кожу. Он съежился перед бескрайним небытием, неспособный двинуться. Он кричал в агонии.

И тогда, он отпустил.

Он отпустил чувство вины. Он отпустил стыд за то, что не сберег Эгвейн и остальных. Он отпустил необходимость защитить её, защитить их всех.

Он позволил им быть героями.

Имена текли из его головы. Эгвейн, Хурин, Башир, Изан из Чарин Айил, Сомара и тысячи других. Одно за одним — сначала медленно, но со всё возрастающей

скоростью — он прошелся назад по списку, который когда-то выстроил у себя в голове. Раньше в списке были только женщины, но список вырос, чтобы включить всех тех, кто, как он знал, умерли за него. Он не мог представить, каким большим тот стал, сколько он позволил себе нести.

Имена оторвались от него как нечто физическое, как взлетевшие голуби, и каждый унес часть бремени. Тяжесть на его плечах исчезла. Его дыхание стало более спокойным. Будто пришел Перрин со своим молотом и разрушил тысячу цепей, которые тянулись позади Ранда.

Илиена была последней. Мы возрождаемся, думал Ранд, так что в следующий раз мы сможем сделать все лучше.

Так сделаем лучше.

Он открыл глаза и вытянул руку перед собой ладонями к тьме, которая ощущалась как что-то твердое. Его сущность, распавшаяся на кусочки и ставшая размытой собралась воедино, когда Темный кинулся на нее. Он опустил другую руку вниз, чтобы подняться с колен.

А затем, Ранд Ал'Тор — Дракон Возрожденный-встал чтобы еще раз столкнуться лицом к лицу с тенью.

— Нет, нет, — шептала прекрасная Шендла, глядя на тело

Демандреда. Ее сердце упало, и она разорвала на себе волосы обеими руками, тело ее качалось. Насмотревшись на своего возлюбленного, Шендла медленно перевела дыхание глубоко в груди, и испустила страшный крик: — Бао Вильд мертв!

Все поле боя, казалось, затихло.

Рэнд столкнулся с Темным в том месте, которого не было, это место везде и нигде одновременно. Его тело все еще стояло в пещере Шайол Гул, оставленное в одном моменте борьбы с Моридином, но душа его была здесь.

Он существовал в месте, которого не было, в месте, которое

было вне Узора, в месте, где
родилось зло. Он осмотрел это
место, и он всё понял. Темный не
был существом — он был Силой,
сущностью столь же необъятной, как
сама Вселенная, которую Ранд
сейчас видел всю целиком.
Множество планет и звезд, как
искры, разлетающиеся от костра.

Тёмный всё ещё стремился
уничтожить его. Ранд ощутил себя
сильным несмотря на атаки.
Спокойным, завершённым. С
исчезновением его бремени он снова
мог сражаться. Он взял себя в руки.
Это было трудно, но ему
сопутствовала победа.

Ранд шагнул вперёд.

Тьма содрогнулась. Она задрожала, завибрировала, как будто не веря.

Я УНИЧТОЖУ ИХ.

Тёмный не был существом. Он был тьмой в промежутках. Между огнями, между мгновениями, между миганием глаз.

НА ЭТОТ РАЗ ВСЁ БУДЕТ МОИМ. ОНО ВСЕГДА БЫЛО И БУДЕТ МОИМ.

Ранд отдал честь тем кто погиб. Кровь струилась по скалам. Плач узревших гибель других. Тень наслала все эти образа на Ранда чтобы сломить его. Но это не уничтожило его.

— Мы никогда не сдадимся, —

прошептал Ранд. — Я никогда не сдамся.

Тень загремела и сотряслась. Она разослала толчки вдоль и поперёк мира. Земля покрылась трещинами, законы природы надломились. Мечи обратились против своих владельцев, еда испортилась, скалы обращались в пыль.

Она натолкнулась на Ранда снова, сила самого небытия пыталась разделить его. Сила нападения не уменьшалась. И все же, внезапно, она ощущалась, как праздный гул.

Они не сдадутся. И не только Ранд. Все они будут продолжать биться. Атаки Темного потеряли

значение. Если они не смогут заставить его отступить, если не смогут ослабить, кем они тогда будут?

В буре, Ранд искал пустоту, как Тэм научил его. Все эмоции, все тревоги, вся боль. Он взял всё это и сжёг в пламени одной свечи.

Он почувствовал спокойствие. Спокойствие капли воды падающей на пруд. Спокойствие мгновений, спокойствие между миганием глаз, спокойствие пустоты.

— Я не сдамся, — повторил он, и слова казались ему чудом.

ОНИ ВСЕ В МОЕЙ ВЛАСТИ. Я
СЛОМАЮ ИХ ВСЕХ. ТЫ
ПРОИГРАЛ, ДИТЯ

ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.

— Если ты так думаешь, — прошептал Ранд в темноте, — то лишь потому, что не можешь узреть.

Лойал с трудом дышал, когда вернулся к северной оконечности Высот. Он передал Мэту новости о том, что Лан смело бился прежде, чем пал, забрав Демандреда с собой. Отчет Лойала глубоко затронул Мэта, поскольку он сделал всех членов его армии, особенно Порубежников, которые потеряли короля, братьями. Среди Шарцев было волнение; так или иначе новости о смерти Демандреда уже просочились в их ряды.

Мэт пытался справиться со

своим горем. Это было не то, чего желал Лан. Мэт поднял ашандарей. — Тай`шар Малкир! — закричал он во всю силу своих лёгких. — Лан Мандрагоран, ты треклято чудесный человек! Ты сделал это!

Его крики звенели в тишине, когда он бросился к армиям Тени. Крики звенели за его за спиной: "Тай'шар Малкир" — Крики от всех национальностей, всех народов, Порубежников и других... Они ринулись через Высоты рядом с Мэтом. Вместе они напали на ошеломленного врага.

Те, Кто Сражается

ТЫ НЕ МОЖЕШЬ ПОНЯТЬ

ЭТОГО, НЕ ТАК ЛИ? потребовал
Ранд ответа от тьмы. ЭТО ВНЕ
ТЕБЯ. ТЫ РАЗБИВАЕШЬ НАС, И
ВСЕ ЖЕ МЫ БОРЕМСЯ! ПОЧЕМУ?
РАЗВЕ ТЫ НЕ УБИЛ НАС? РАЗВЕ
ТЫ НЕ СОКРУШИЛ НАС?

Глава 39

Те кто сражаются

ТЫ, ответил Тёмный. ТЫ МОЙ.

Ранд шагнул вперед. В этом безграничном ничто Узор, казалось, вился вокруг него, будто нити гобелена.

— ВОТ В ЧЕМ ТВОЯ СЛАБОСТЬ, ШАЙТАН — ВЛАСТЕЛИН ТЬМЫ, ВЛАСТЕЛИН ЗАВИСТИ. ВЛАСТЕЛИН НИЧЕГО! ВОТ ПОЧЕМУ ТЫ ПРОИГРАЕШЬ! ДЕЛО НЕ ВО МНЕ. ДЕЛО

НИКОГДА НЕ БЫЛО ВО МНЕ!

Дело было в женщине, истерзанной и избитой, свергнутой с трона и превращенной в марионетку — женщине, которая поползла, когда было нужно. Эта женщина еще боролась.

Дело было в мужчине, который не раз терял любовь, в человеке, который нашел смысл жизни в мире, когда другие предпочли бы просто плыть по течению. В мужчине, который помнил истории, и который взял под свое крыло глупых мальчишек, когда умнее было бы просто предоставить их самим себе. Этот мужчина еще боролся.

Дело было в женщине с тайной,

с надеждой на будущее. В женщине, которая охотилась за правдой прежде других. В женщине, которая отдала свою жизнь и которая получила её обратно. Эта женщина всё ещё сражалась.

Речь шла о человеке, который потерял семью, но гордо стоял в своем горе и был защитой тех, кого мог защитить.

Речь шла о женщине, которая отказывалась верить, в то, что она не могла помочь, не могла Исцелить тех, кому был причинен вред.

Дело было в герое, который готов был до последнего своего вздоха доказывать, что он кто угодно, но только не герой.

Дело было в женщине, которая не согнула спину, когда она была избита, и которая сияла Светом для всех, кто наблюдал. В том числе и для Ранда.

Именно в них всех.

Он видел это, много раз в Узоре оплетающем его. Ранд шел через эпохи и поколения, его рука касалась лент света Узора.

ВОТ В ЧЕМ ПРАВДА, ШАЙТАН, сказал Ранд, делая еще шаг вперед, разводя руки, сплетая Узор, расползавшийся вокруг него. ТЫ НЕ СМОЖЕШЬ ПОБЕДИТЬ ПОКА МЫ САМИ НЕ СДАДИМСЯ. ЭТО ТАК, ВЕРНО? ЭТОТ БОЙ НЕ ДЛЯ ПОБЕДЫ В БИТВЕ. ВОЗЬМИ

МЕНЯ... ДЕЛО НИКОГДА НЕ
БЫЛО В ТОМ, ЧТОБЫ УБИТЬ
МЕНЯ. ОНО БЫЛО В ТОМ, ЧТОБЫ
МЕНЯ СЛОМАТЬ.

ВОТ ЧТО ТЫ ПЫТАЛСЯ
СДЕЛАТЬ СО ВСЕМИ НАМИ. ВОТ
ПОЧЕМУ ВРЕМЕНАМИ ТЫ
ПЫТАЛСЯ НАС УБИТЬ, КОГДА В
ДРУГИЕ РАЗЫ ТЕБЯ, ПОХОЖЕ ЭТО
НЕ ЗАБОТИЛО. ТЫ ПОБЕДИШЬ
КОГДА СЛОМАЕШЬ НАС. НО ТЫ
НЕ СЛОМАЛ. ТЫ НЕ СМОГ.

Темнота дрожала. Небытие
тряслось, как будто своды самих
небес треснули. Крик Темного был
вызывающим.

Ранд продолжил двигаться
вперёд внутри пустоты, и тьма

содрогнулась.

Я ВСЁ ЕЩЕ МОГУ УБИВАТЬ,
взревел Тёмный. Я МОГУ
ЗАВЛАДЕТЬ ИМИ ВСЕМИ! Я
ПОВЕЛИТЕЛЬ МОГИЛ. ГОСПОДИН
БИТВЫ. ОН МОЙ. ОНИ ВСЕ МОИ В
КОНЦЕ КОНЦОВ!

Ранд шагнул вперед, протянув
руку. В его ладони был весь мир, и в
том мире континент, и на том
континенте поле битвы, а на том
поле битвы два тела на земле.

Мэт сражался, и Тэм был рядом
с ним с мечом в руке. К ним
примкнули Карид и Стража
Последнего Часа, затем Лойал и
Огир. Армия, собранная из десятков
народов и наций, многие

присоединились к нему, пока он рвался вперед по плато.

Их превосходили числом втрое.

Мэт дрался и кричал на Древнем Наречии:

— За свет! За честь! За победу!
За самую жизнь!

Он сразил одного троллока, затем другого. Полдюжины за мгновения, но он чувствовал себя так, словно боролся с прибоем. Где бы он ни сражал черноту, еще больше занимало ее место. Троллоки двигались в тенях, освещенные только случайными фонарями или огненными стрелами, вонзившимися в землю.

Троллоки не бились сообща. Мы

можем разбить их, думал Мэт. Мы должны их разбить! Это был его шанс — ударить сейчас, пока шарцы растеряны после гибели Демандреда.

СЫН СРАЖЕНИЙ. Я ЗАБЕРУ ЕГО. Я ЗАБЕРУ ИХ ВСЕХ, МОЙ ВРАГ. ТАК ЖЕ, КАК ЗАБРАЛ КОРОЛЯ НИЧЕГО.

Кровь и кровавый пепел! Что это за пустота в его голове? Мэт обезглавил Троллока, затем смахнул пот с бровей, пока Карид и Стражи Последнего Часа защищали его.

Мэт мог чувствовать битву во тьме. Тут еще было полно троллоков и шарцев, там много тех и других.

— Их слишком много! — крикнул ему Арганда. — Свет, они

давят нас! Нам нужно отступать!
Коутон, ты слышишь меня?!

"Я смогу! — думал Мэт. — Я
выиграю этот бой!" Армия могла
понести огромные потери, но Мэту
нужен только один момент,
возможность. Единственный
удачный бросок костей!

Ранд стоял над Узором и
смотрел вниз, на павших людей на
земле, которая, казалось, умирала.

— Но ты смотрел не слишком
внимательно. В одном ты ошибся.
Так страшно ошибся...

Одинокий, загнанный в угол,
мальчик сжался в щели в скале. Ужас
с когтями и клыками — словно сама
Тень обрела плоть — прорывался в

его укрытие, тянулся к нему когтями, острыми, как ножи, и обдирает его кожу.

Перепуганный, окровавленный, плачущий, ребенок поднес к губам золотой рог.

Мэт прищурился. Битва, казалось, затихла вокруг него.

"Ты так страшно ошибся, Шайтан", — прошептал в его голове голос Ранда.

Но затем этот голос зазвучал уже не голове Мэта. Его мог слышать каждый на поле битвы.

— Тот, кого ты столько раз пытался убить, тот, кто потерял свое королевство, тот, у кого ты отнял все...

Шатаясь, окровавленный, с раной в боку, последний король Малкири поднялся на ноги. Лан высоко поднял руку, в которой держал за волосы голову Демандреда, главнокомандующего армиями Тени.

— Этот человек! — крикнул Ранд. — Этот человек еще сражается!

Мэт ощутил, как замерло все на поле боя. Все застыли на месте.

И в этот момент раздался мягкий, но сильный звук, чистая нота золота, один долгий звук, который мог объять все. Глас рога, чистый и красивый.

Однажды Мэт его уже слышал.

Меллар опустился на колени перед Илэйн и надел на нее медальон, и источник силы исчез.

— Это можно сделать по-всякому, моя королева, — заявил он. — Но вам лучше бы быть поговорчивее.

Свет. Его ухмылка была ужасна. Он, конечно, заткнул ей рот, но она не доставит ему удовольствия слышать, как кричит.

Она должна найти путь, как избежать этого. Она должна избавиться от медальона. Конечно, если это и удастся у нее, остается направляющий. Но если она сможет сбросить медальон и ударить

быстро...

— Досадно, что твоя Капитан-Генерал не прожила достаточно долго, чтобы полюбоваться на это, — сказал Меллар. — По-моему, она была такой душой, что правда вообразила себя Бергитте из легенд!

Тут Илэйн услышала мягкий, далекий звук. Земля задрожала. Землетрясение.

Она пыталась сосредоточиться, но могла думать только о том, что Бергитте была права все это время. Это было вполне возможно, что ее дети будут в безопасности, как предрекала Мин, когда сама Илэйн умрет.

Клубящийся белый дым

поднялся с земли вокруг них, словно души умерших.

Внезапно Меллар напрягся.

Илэйн моргнула, глядя на него. Что-то серебристое вышло из груди Меллара. Это было похоже на... наконечник стрелы.

Меллар обернулся, выронив нож. Позади него, над собственным обезглавленным телом, стояла Бергитте Серебряный Лук. Она подняла лук, яркий, словно полированное серебро, и выпустила еще одну стрелу, которая, казалось, оставляет за собой хвост из света, когда она вонзилась в голову Меллара и швырнула его наземь. Ее следующий выстрел свалил

направляющего, прикончив
Повелителя Ужаса, прежде чем тот
успел ответить.

Вокруг них люди Меллара
застыли на месте, парализованные
ужасом, и таращились на Бергитте.
Теперь на ней была одежда, которая
словно сияла. Короткая белая куртка,
широкие желтые штаны и темный
плащ. Ее длинные золотистые
волосы были заплетены в знакомую
косу до талии.

широкие желтые штаны и
темный плащ. Ее длинные
золотистые волосы были заплетены в
знакомую косу до талии.

— Я — Бергитте Серебряный
Лук, — объявила она, словно хотела

развеять сомнения. — Протрубил Рог Валир, призвав всех на Последнюю Битву. Герои вернулись!

Лан Мардрагоран поднял голову одного из Отрекшихся — вражеского командира, считавшегося непобедимым.

Армии Тени не могли не заметить, что произошло, никто из них, где бы на поле боя они ни были. Голос, который исходил из ниоткуда, провозгласил это. То, что напавший стоит на ногах, когда пал мертвым Избранный... это ошеломит их. Напугает.

И тогда вдалеке прозвучал Рог.

— Раздавите их! — прокричал Мэт. — Вперед!

Его армия яростно набросилась на троллоков и шарцев.

— Коутон, что это за звук? — потребовал Арганда, запнувшись возле Типуна. Одна его рука еще была на перевязи, и окровавленную булаву он держал в другой. Вокруг Мэта сражалась Стража Последнего Часа, рубя троллоков.

Мэт крикнул, бросившись в бой:

— Это был треклятый Рог Валир. Мы еще можем выиграть эту битву!

Рог. Как, проклятье, кто-то мог протрубить в этот Рог? Что ж, похоже, Мэт больше с ним не связан.

Видимо, эту связь разорвала его смерть в Руидине.

Похоже, теперь эта ноша легла на плечи какого-то другого несчастного дурня. Мэт испустил боевой клич и отсек руку троллоку, а затем пронзил его грудь. Вся армия Тени была сбита с толку звуком Рога. Троллоки возле Лана подались назад, топча друг друга в отчаянной попытке избежать его. Это оставило троллоков на склоне уязвимыми, без резервов. И, похоже, никто не собирался атаковать.

Рядом Мурддраалы подняли мечи против собственных троллоков, стараясь остановить их бегство и развернуть назад, но огненные

стрелы двуреченских лучников упали с небес и пронзили тела Исчезающих.

"Тэм Ал'Тор, — подумал Мэт. — Проклятье, я обязательно пришлю тебе свою лучшую пару сапог. Спали меня Свет, так и сделаю!"

— Ко мне! — крикнул он. — Все всадники, кто еще может держать в руках треклятое оружие, ко мне!

Мэт бросил Типуна в галоп, проталкиваясь между теми троллоками, что еще сражались. Атака Мэта открыла дорогу Фурику Кариду и его немногим оставшимся воинам, позволив расширить брешь в орде троллоков. Следом за ними в эту брешь врезались оставшиеся

Порубежники, обгоняя Мэта, и устремились к Лану.

Шарская армия явно ослабела, но еще продолжала наступать, дисциплина принуждала их делать то, что было приказано, до последнего. Победа Лана не переломила ход битвы, слишком много было здесь врагов, но без Демандреда войсками Тени некому стало командовать. Даже Исчезающие показывали, что им не хватает вождя. Троллоки начали отступать, чтобы перегруппироваться.

Мэт и Порубежники промчались на юго-запад, через Высоту, туда, где стоял Лан. Мэт спрыгнул с седла и

подхватил Лана за плечи, когда король Малкири содрогнулся. Лан посмотрел на него с мрачной благодарностью, а затем его глаза закатились, и он начал падать, уронив голову Демандреда на землю.

Человек в черном мундире появился рядом. Мэт и не замечал, что Наришма еще здесь, сражается вместе с Порубежниками. Ашаманкандорец соскочил с коня и, взяв Лана за другую руку, сосредоточился.

Краткого Исцеления было достаточно, чтобы вернуть Лана в сознание.

— Посади его на лошадь, Наришма, — сказал Мэт. — Ты сможешь побольше поработать над

ним, когда мы вернемся к нашей армии. Я не хочу застрять позади вражеских линий, если те Троллоки внизу решат вернуться на Высоты.

Они поскакали назад на северо-восток, ударив в спину правый фланг Троллоков, они пронеслись мимо с мечами и пиками, чем еще больше выбили тварей из колеи. Пройдя их, Порубежники развернули своих животных и снова ударили прямо в линии Троллоков, которые смотрели во всех направлениях, неуверенные, откуда последует следующая атака. Мэт и Нарисма продолжили скакать в направлении своих задних рядов с Ланом в поводу. Нарисма спустил Лана с его коня и положил его на

землю, чтобы продолжить исцеление, пока Мэт остановился, чтобы оценить их положение.

За ними собирался туман. Мэта поразила ужасная мысль. Он проигнорировал страшную возможность. Рог Валир все еще звучал, отдаленным, но отчетливым звуком. О, Свет, подумал Мэт. О, проклятые обрубки на поле боя. Кто дул в него? На чьей он был стороне?

Повсюду стал появляться туман, как червяки, выползающие на землю после ливня. Он собрался в облако, плывущего над землей широким фронтом, и фигуры на лошадях устремились из него. Герои легенд. Буад из Албхайна, царственная, как

любая королева. Амаресу, вздымающая свой пылающий меч. Хенд Стрелок, смуглый, с молотом в одной руке и шипом в другой.

Фигура проехала сквозь туман к переднему краю героев. Высокий и властный, с носом, как клюв, Артур Ястребиное Крыло перенес Правосудие, свой меч, на плечо, когда подъехал. Хотя остальные сто с лишним героев последовали за Ястребиным Крылом, один откололся в полосе тумана, галопом уносясь прочь. Мэт не смог хорошо разглядеть всадника. Кто это был, и куда он отправился так быстро?

Мэт сильнее натянул свою шляпу, подталкивая Типуна вперед

навстречу древнему королю.

"Я полагаю, я узнаю, какая сторона вызвала его", подумал Мэт, "если он попытается меня убить." Мэт положил ашандарей поперек седла. "Сможет ли он биться с Артуром Ястребиное Крыло? Свет, сможет кто-нибудь вообще ударить одного из героев Рога?"

— Приветствую тебя, Ястребиное Крыло, — прокричал Мэт.

— Игрок, — ответил Ястребиное Крыло. — Тебе нужно лучше заботиться о том, что было тебе доверено. Я уже начал волноваться, что мы так и не будем призваны на это сражение.

Мэт облегченно вздохнул.

— Кровавый пепел, Ястребиное Крыло! Тебе нет необходимости так описывать это, ты проклятый целователь коз. Так вы сражаетесь за нас?

— Конечно, мы сражаемся за Свет, — сказал Ястребиное Крыло. — Мы бы никогда не стали сражаться за Тень.

— Но мне говорили... — начал Мэт.

— Тебе говорили неправду, — ответил Ястребиное Крыло.

— Кроме того, — сказал с усмешкой Хенд. — Если бы другая сторона смогла вызвать нас, вы были бы уже мертвы!

— Я и так уже мертвец — протянул Мэт, потирая шрам на шее, — Видишь, как дерево отметило меня.

— Не дерево, Игрок — промолвил Ястребиное Крыло. — Это еще один момент, который ты не можешь вспомнить. Верно то, что Льюс Тэрин спас твою жизнь оба раза."

— Помни его, — пророкотала Амареса. — Я видела, как ты все время ворчал, боясь его безумия, но при этом забывал, что каждый твой вздох, каждый шаг, должен быть отдан ему. Твоя жизнь — это дар Возрожденного Дракона, Игрок. Он спас тебя дважды.

"Кровь и проклятый пепел. Даже мертвая женщина обращается с ним как Найнив. Где они этому учатся? Где дают эти секретные уроки?"

Ястребиное Крыло кивнул в сторону чего-то поблизости. Знамя Ранда; Даннил все еще держал его в воздухе.

— Мы пришли сюда, чтобы собраться у Знамени. Мы можем сражаться за вас, из-за него, Игрок, и потому, что Дракон ведет вас, хотя и делает это издалека. Этого достаточно.

— Ну, — сказал Мэт, глядя на Знамя, — Я думаю, раз уж вы здесь, вам пора в битву. Я отведу своих

людей назад.

Ястребиное Крыло рассмеялся.

— Ты рассчитываешь, что наша сотня сможет выиграть всю эту битву?

— Вы, трёклятые герои Рога, — сказал Мэт, — Вы именно этим и занимаетесь, не так ли?

— Мы можем быть побеждены, — сказала прекрасная Блэйз из Матучин, гарцуя на коне в стороне от Ястребиного Крыла. Туон не слишком разозлится, если он немного посмотрит на героиню из Легенд? Предполагается, что люди должны на них таращиться. — Если мы получим смертельные раны, нам придется уйти, чтобы возродиться в

Мире Снов.

— Тень знает, как выводить нас из строя, — добавил Хенд. — Связать нас по рукам и ногам, и мы ничего не сможем сделать, чтобы помочь в бою. Не имеет значения, что кто-то бессмертен, если он не может двигаться.

— Мы отличные бойцы — ответил Мэту Ястребиное Крыло. — Мы поможем вам. Но это не то, что можно сделать в одиночку. Мы станем всего лишь частью этого.

— Треклято прекрасно, — сказал Мэт. Этот Рог все еще звучал. — Тогда скажи-ка мне. Если не я трубил в Рог, и не Тень... Кто тогда?

Толстые когти Троллока вцепились в Олвера. Он все еще был в расщелине, он плакал с закрытыми глазами, но продолжал дуть в Рог.

Мне так жаль Мэт, он заметил как чья-то волосатая рука ухватила Рог. Другая же схватила его плечо, глубоко вонзив когти, кровь струйкой потекла по предплечью.

Рог вырвали из его рук.

Мне так жаль!

Троллок потянул Олвера вверх.

А затем бросил.

Ошеломленный, Олвер упал на землю, и резко подскочил, когда рог оказался на его коленях. Он схватил его, дрожа и сдерживая слезы.

Тени закрутились над ним. Хрюканье. Что происходило? Осторожно, Олвер поднял свою голову и нашел кого-то, стоящего над ним, поставившего ноги по обе стороны от него. Фигура боролась в неясных очертаниях, опрокидывая дюжину троллоков за раз, его посох вился вихрем, так он защищал мальчишку.

Олвер увидел лицо этого человека, и у него перехватило дыхание.

— Ноал?

Ноэл ударил по руке троллока, оттеснив тварь назад, потом посмотрел на Олвера и улыбнулся. Хотя Ноэл появился, будучи все еще в

возрасте, усталость исчезла из его глаз, как будто бы большое бремя было снято с него. Белый конь стоявший рядом, с золотым седлом и поводьями, был самым великолепным животным, которое Олвер когда-либо видел.

— Ноэл, они сказали, ты умер! — всхлипнул Олвер.

— Я, да — сказал Ноэл, а потом рассмеялся, — Узор не закончил со мной, сынок. Труби в Рог! Труби с гордостью, Тот-Кто-Трубил-в-Рог!

Так Олвер и поступил, дуя в Рог в то время как Ноэл отбросил троллоков из маленького круга вокруг Олвера. Ноэл. Ноэл был одним из героев Рога!

Стук копыт скачущих лошадей известил о приближении других, пришедших спасти Оливера от отродий тени.

Внезапно, Олвер почувствовал тепло глубоко внутри. Он потерял так много любимых людей, но один из них... Один... Вернулся к нему.

Глава 40

Волчий брат

Похитители Илэйн ошеломленно взирали на Бергитте, и Илэйн, воспользовавшись замешательством, откатилась в сторону. Она с трудом перевернулась на спину, ее беременность делала движения неловкими, и это было единственное на что у нее хватило сил. Медальон, который Меллар прижимал к ней, упал рядом, и она поняла, что снова может

прикоснуться к саидар. Она наполнила себя Силой, и дотронулась до живота.

Ее дети шевельнулись внутри. Илэйн сплела потоки воздуха, сбив с ног своих похитителей. Неподалеку, гвардия Илэйн, сплотившись, билась против солдат Меллара. Некоторые из них остановились, когда заметили Бергитте.

— Продолжайте бороться, вы дочери и сыновья козлов! — кричала Бергитте, посылая стрелы в наемников.

— Может я и умерла, но, черт, я все еще ваш командир, и вы должны подчиняться приказам!

Это заставило их двигаться.

Туман становился гуще, поднимаясь все выше. В темноте от него исходило мягкое свечение. Вскоре, сила Илэйн, лук Бергитте, и работа ее гвардии покончила с последними из Мелларовских Друзей Темного, наемники бросились в рассыпную.

Бергитте послала шесть стрел, им вдогонку, не разу не промахнувшись.

— Бергитте, — прошептала сквозь слезы Илэйн. — Мне очень жаль.

— Жаль? — повернулась к ней Бергитте.

— Жаль? Почему ты плачешь Илэйн? Я вернулась! Моя память вернулась — она рассмеялась.

— Это замечательно! Даже не знаю как ты выносила меня последние несколько недель. Я была хуже, чем ребенок, который только что сломал свою любимую игрушку.

— Я... О, Свет — Внутри, Илэйн все еще скорбила о потере Стража, и боль от разрыва связи была непривычной. Но сейчас это не имело значения, Бергитте снова была с ней. — Может я смогу связать тебя с собой снова?"

— Это не сработает, — сказал Бергитте, пренебрежительно махнув рукой.

— Тебе больно?

— Только моя гордость задета.

— Тебе повезло, но еще больше

повезло, что в Рог Валир протрубили вовремя, — Илэйн кивнула.

— Я собираюсь присоединиться к другим героям, — сказала Бергитте. — А ты оставайся здесь и отдыхай.

— Сожги свет этот отдых! — заявила Илэйн, заставив себя подняться. — Проклятье, я здесь не останусь. С детьми все хорошо. Я поеду дальше.

— Илэйн...

— Мои солдаты думают, что я погибла, — сказала Илэйн. — Наши линии сломлены, наши солдаты умирают. Они должны увидеть меня, чтобы знать, что надежда еще есть. Они не знают, что означает этот

туман, и если им когда-либо нужна их королева, то именно теперь. Никакие уловки Темного не помешают мне вернуться.

Бергитте нахмурилась.

— Ты больше не мой Страж, — сказала Илэйн. — Но ты все еще моя подруга. Ты поедешь со мной?

— Упрямая дура.

— Я тут не единственная, кто отказывается оставаться мертвой. Вместе?

— Вместе, — сказала Бергитте, кивнув.

Авиенда подъехала ближе, прислушиваясь к новым завываниям. Они совсем не походили на волчьи.

Буря в Шайол Гул продолжалась.

Она не знала какая сторона побеждает. Повсюду лежали тела, некоторые разорванные волками, другие все ещё дымились от атаки Единой Силой. Штормовые ветры хлестали и бесновались, хотя дождя не было, и волны пыли и гравия омывали ее.

Она почувствовала как направляли из Бездны Рока, но это было похоже скорее на тихий импульс, в отличие от бури, что была очищением. Ранд. Все ли у него в порядке? Что происходит?

Белые облака принесенные Ищущими Ветер вспенились среди мощного потока черных небес вверху, завихряясь вместе в массивное,

извивающееся нечто на вершиной горы. Из того, что она слышала об Ищущих Ветер — они отодвинули Шайол Гул на дальний край от входа в пещеру, работая с Чашей Ветров — но теперь они работали на пределе.

Более двух третей из их числа, рухнули от усталости. Скоро все поглотит буря.

Авиенда двигалась крадучись через вихрь, ища источник этих завываний. У неё не осталось направляющих, с которыми можно было бы соединиться, после того, как ушла Рафела, присоединяясь к последним Принявшим Дракона, которые сражались у пещеры. В долине, различные группы убивали

друг друга, постоянно смещаясь туда и обратно. Девы, Хранительницы Мудрости, сисвай'аман, Троллоки, Исчезающие. И волки... сотни волков присоединились к битве. Там также были несколько Дамани, тайренцы и Принявшие Дракона — хотя большинство из них сражалось около подхода к Ранду.

Что-то с тихим гулом коснулось земли рядом с ней и она мгновенно ударила, даже не задумываясь. Драгкар взорвался, разбрасывая пламя, словно сухая ветвь после сотни дней жары. Она глубоко вздохнула, осматриваясь вокруг. Сотни и сотни их.

Она побежала к тем завываниям,

пересекая низ долины. В этот момент кто-то появился из пыльных теней — жилистый человек с серебряной бородой и золотыми глазами. Его сопровождала небольшая группа волков. Они бросили на неё взгляд, а затем повернулись в направлении, которым следовали.

Авиенда остановилась. Золотые глаза.

— Привет бегущему с волками! — крикнула она человеку.

— Ты привел Перрина Айбару с собой?

Человек замер. Он повел себя как волк, соблюдая осторожность.

— Я знаю Перрина Айбару, —

откликнулся он,

— Но он не со мной. Он охотится в другом месте.

Авиенда подошла ближе к человеку. Он настороженно следил за ней, несколько волков рядом с ним зарычали. Она поняла, что ей они доверяют не больше, чем Троллокам.

— Этот вой, — перекрикивала она ветер,

— Это твой... друзья?

— Нет, — сказал мужчина, смотря в даль.

— Нет, это не так. Если ты знаешь женщин, которые могут направлять, Айилка, то тебе следует привести их сейчас же. -

Он двинулся в сторону воя, и

следом побежала его стая.

Авиенда последовала за ним, сохраняя дистанцию с волками, но доверяя их ощущениям относительно нее. Они достигли небольшого выступа на дне долины, того, который как она видела, использовал при случае Итуралде, чтобы наблюдать за защитой пути в долину.

Весь путь был заполнен темными фигурами. Черные волки размером с небольшую лошадь. Они быстро пересекали скалу, и хотя были вне пределов её видимости, Авиенда знала, что их лапы оставляют расплавленные следы на камне.

Сотни волков атаковали темные

фигуры, нападая на них с тыла, но были легко отброшены. Похоже, им мало что удавалось сделать.

Человек с волками зарычал.

— Гончие Тьмы? — крикнула Авиенда.

— Да, — вернул он, рыча, чтобы перекричать бурю. — Это Дикая Охота, худшие из них. Они не подвержены оружию смертных. Укусы обычных волков им не навредят, не навсегда.

— Тогда почему они сражаются? Волчий брат засмеялся.

— Почему сражается любой из нас? Потому что мы должны попытаться как-то победить! Иди! Приведи Айз Седай, кого-то из

Аша'манов, если сможешь их найти!
Эти твари пройдут сквозь ваши
армии также легко, как волна сквозь
гальку!

Мужчина потрусил вниз по
склону, его волки присоединились к
нему. Она поняла почему они
сражались. Они возможно не могли
убить Гончих Тьмы, но они могли
замедлить тварей. И это была их
победа здесь — покупая Ранду
достаточное время для того, что он
должен был сделать.

Она повернулась,
встревоженная, собираясь бежать,
чтобы собрать других и
почувствовала поблизости мощного
направляющего, обнимающего

саидар. Это спасло её от смерти. Она крутанулась на месте, чтобы увидеть источник своего ощущения.

Там была Грендаль, прямо над ней — едва видимая. Она спокойно направляла смертоносные плетения в шеренги Защитников Твердыни. Она собрала небольшую группу женщин — Айз Седай, Хранительниц Мудрости — и несколько стражей. Женщины стояли вокруг неё на коленях, питая её своими силами, учитывая силу плетений, которые она выпускала.

Её стражами было четверо Айильцев с чёрными вуалями, а не красными. Определённо под Принуждением. Авиенда

заколебалась в нерешительности.
Что с Гончими Тьмы?

Я должна использовать этот шанс, подумала она. Она сплела, луч синего света выпустив его в небо, это был знак, Эмис и Кадсуане знали его.

Это, конечно, была Грендаль. Отрёкшаяся развернулась к Авиенде и атаковала огнем. Авиенда перекатился в сторону. Щит продвинулся дальше, пытаюсь отрезать Авиенду от источника. Она отчаянно потянула в себя столько Единой Силы, сколько могла удержать, используя брошь в виде черепахи. Со стороны женщины с щитом это было похоже на попытку отрезать веревку ножницами, чем

толще веревка, тем труднее было резать. Однако сейчас, Авиенда зачерпнула достаточно саидар чтобы дать отпор щиту.

Она стиснула зубы, создавая собственные плетения. Свет, она не понимала до этого, как она устала. Она чуть не поскользнулась, и нити Единой Силы грозили выскользнуть из-под ее контроля.

Она собрала всю свою силу воли и направила переплетение Воздуха и Огня, хотя она и знала, что среди пленных её друзья и союзники.

Они скорее умрут, чем позволят Тени использовать себя, сказала она себе пока уворачивалась от ещё одной атаки. Земля вокруг неё

взорвалась и ей пришлось опуститься на землю.

Нет. Продолжай двигаться.

Авиенда вскочила на ноги и побежала. Это спасло ей жизнь, позади нее посыпались молнии, и это снова заставило её распластаться на земле.

Она поднялась, истекая кровью от нескольких порезов на её руке, и начала создавать плетения. Ей пришлось бросить их, так как сложное плетение прошло совсем рядом от неё. Принуждение. Если оно достигнет её, Авиенда превратится в еще одну женщину-раба, принуждаемую отдавать свою силу, чтобы одолеть Свет.

Авиенда направила Землю перед собой, разбрасывая обломки скалы, пыль, дым. Затем она откатилась в сторону, ища укрытие в земле, внимательно осматриваясь. Она затаила дыхание и перестала направлять.

Хлещущие ветры очистили созданное её для отвлечения внимания. В центре поля Грендаль колебалась. Они не могла ощутить Авиенду, которая ранее наложила на себя плетение, маскирующее способность направлять. Если она направит, то Грендаль тут же узнает, но если не станет, то будет в безопасности.

Порабощенные

Айильцы

Грендаль выдвинулись в поисках Авиенды, вуали подняты. Авиенду искушала мысль направить, дабы оборвать их жизни. Любой Айилец, которого она знала, поблагодарил бы её за это.

Но она сдержалась; он не желала выдать себя. Грендаль была слишком сильна. Она не может выступить против женщины в одиночку. Но если подождать...

Плетение из Воздуха и Духа атаковало Грендаль, пытаясь отсечь её от Источника. Женщина выругалась завертевшись. Прибыли Кадсуане и Эмис.

— Стоять! Стоять за Андор, за Королеву!

Илэйн галопом проскакала через беспорядочную группу копейщиков, крича усиленным голосом, ее волосы развивались за ней. Она взмахнула мечом, только Свет знает что бы она делала если бы пришлось драться им.

Люди оборачивались, когда она проезжала мимо. Некоторых срубили троллоки, когда они сделали это. Твари проталкивались через оборону, радуясь нарушенным линиям и резне.

"Мои люди слишком далеко зашли", подумала Илэйн. О, Свет. Мои бедные солдаты. Андорские и Кайриенские формирования пикинеров распались после принятия ужасного известия; сейчас

люди держались небольшими кучками, многие рассеялись, сражаясь за свои жизни.

— Стоять! — закричала Илэйн. — Стоять с вашей королевой!

Многие воины остановились, но они не возвращались в бой. Что делать?

Сражаться.

Илэйн атаковала Троллока. Она использовала меч несмотря на то, что всего мгновение назад считала, что будет с ним бесполезна. В общем-то, так и было. Однако Троллок с кабаньей головой выглядел удивленным, когда она ударила его.

К счастью, Биргитте была уже здесь, и выстрелила твари в плечо,

как только та замахнулась на Илэйн. Это спасло ей жизнь, но все еще на позволило прикончить треклятую тварь. Её стойка — позаимствованная в ходе наблюдения за одним из Гвардейцев — позволяла танцевать вокруг, не давая Троллоку сразить её в то время, как она пыталась нанести ему удар. Её меч двигался не в том направлении, что она желала. Единая Сила была гораздо более изысканным оружием. Она могла бы использовать её, если бы захотела, но в этот момент она хотела сражаться физически.

Ей не пришлось долго отбиваться. Солдаты окружили ее, прикончили зверя и защитили от

четырех других которые начали на нее наступать. Илэйн вытерла свой лоб и повернула назад.

"Что это было?" спросила Бергитте, подъехав к ней на лошади, попутно уложив стрелой Троллока до того как он успел убить одного из ее солдат. "Крысиные ногти, Илэйн! Я не видела ничего глупее от тебя"

Илэйн подняла меч вверх. Поблизости, мужчины утирали слезы. "Королева жива!" кричали они. "За Свет за Андор! За королеву!"

— Как бы ты себя чувствовала, — мягко сказала Илэйн, — смотря на то, как твоя королева пытается убить Троллока мечом в то время, как ты бежишь с

поля боя?

— Я бы почувствовала желание срочно перебраться жить в другую страну, — отрезала Бергитте, пуская еще одну стрелу, — "в ту, где у монархов не пудинг вместо мозгов".

Илэйн фыркнула. Бергитте могла говорить, что угодно, но маневр сработал. Как на дрожжах росла сила людей, которых она собрала, расширяясь в обе стороны от нее, и строясь в линию фронта. Она держала меч высоко поднятым, крича, и, после момента нерешительности, создала плетение, которое заставило величественное знамя Андора парить в воздухе над ней, красного льва на светлом фоне в

ночи.

Это могло бы привлечь внимание Демандред и его направляющих, но люди нуждаются в маяке. Она будет бороться с атаками, которые посыпятся на нее.

Но они не посыпались, и она поехала вниз по линии фронта, выкрикивая слова, которые давали надежду ей людям.

— За Свет и Андор! Ваша королева жива! Стойте и сражайтесь!

Мэт прорывался вперед сквозь вершину Высот с остатками некогда великой армии, направляясь на юго-запад. Полчища Троллоков были впереди по его левую сторону, Шарская армия — по правую. Врагу

противостояли герои, Порубежники, Карид и его люди, Огир, Двуреченские лучники, Белоплащники, Гэалданцы и Майенцы, наемники, Тина и её Принявшие Дракона беженцы. И Отряд Красной Руки. Его собственные люди.

Он припомнил среди воспоминаний, что не принадлежали ему, как он вел значительно большие силы. Армии, что не состояли из разных частей, не были полубучены, не были изранены и истощены. Но помощи ему Свет, он никогда не был так горд. Несмотря на все, что произошло, его люди извергали атакующие кличи и бросали себя в

битву с новой силой.

Смерть Демандредда дала Мэту шанс. Он ощущал движения армий и через них струился этот инстинктивно понятный ритм битвы. Это был момент, которого он искал. Это была карта, на которую он поставит все, что имеет. И пусть это десять к одному, но Шарская армия, Троллоки и Направляющие не имели управления. Не было генерала, чтобы вести их. Различные группы вели противоречивые действия, так как многие Исчезающие и Повелители Ужаса пытались отдавать им приказы.

Я должен следить за теми Шарцами, подумал Мэт. У них будут

генералы, способные восстановить командование.

Но сейчас, ему нужно было ударить тяжело, ударить мощно. Выбить Троллоков и Шарцев с Высот. Внизу, Троллоки заполняли коридор между болотами и Высотами, тяжело давя на защитников в русле реки. Смерть Илэйн была ложью. Её войска были в беспорядке — они потеряли больше трети своих солдат — но в момент, когда они могли быть почти разгромлены Троллоками, она прискакала в их середину и всех сплотила. Сейчас они чудесным образом удерживали ряды, несмотря на то, что были достаточно сильно

отброшены на территорию Шайнарцев. Однако, с Илэйн или без неё, они не могли сопротивляться слишком долго: все больше и больше пик на передовых линиях были в беспорядке, солдаты падали по всему полю, а её кавалерия и Айил бились отчаянно, с растущей сложностью, чтобы сдержать врага. Свет, если я смогу сбросить Тень с этих кровавых Высот в тех тварей внизу, они погребут друг друга.

— Лорд Коутон! — закричала поблизости Тинна. Она подняла над конской спиной окровавленное копье, указывая на юг.

На удалении сверкал свет — возле реки Эринин. Мэт смахнул пот

с бровей. Это были?..

Врата в небесах. Десятки, и через них ворвались торакены, несущие фонари. Огненные стрелы полетели в троллоков; торакены, несущие лучников на спинах, строем пролетели над бродом и проходом за ним.

Над боем раскатился звук, который должен был заставить кровь застыть в жилах у врагов: сотни, может, тысячи рогов трубили призыв к войне, размеренный, громоподобный звук барабанов становился все громче и громче, и слышался топот ног наступающей армии, людей и животных, медленно приближающихся к Половским

Высотам в темноте. Никто не мог видеть их в предрассветной тьме, но все на этом поле знали, кто это был.

Мэт испустил возглас радости. Мысленным взором он мог видеть, как движутся Шончан. Половина их армии пойдет точно на север от Эринин и присоединится к потрепанной армии Илэйн, чтобы разбить троллоков, пытающихся пробиться в Шайнар. Вторая половина двинется на запад вокруг болот, к западной окраине Высот, уничтожая троллоков в коридоре позади.

Теперь к дождю стрел, падающих с неба, присоединились сияющие огни, возникающие прямо в

воздухе — дамани создавали их, освещая путь армии — зрелище, которым гордился бы Иллюминатор! Земля действительно тряслась, пока огромная шончанская армия маршировала через Поле Меррилор.

Гром сотрясал воздух на правом фланге позиций Мэта на высотах — раскатистый гром. Талманес и Алудра вернули в бой драконов и теперь стреляли через ворота прямо из пещеры в шарскую армию.

Все кусочки были почти на месте. Теперь осталось одно небольшое дельце, которое нужно сделать перед финальным броском костей.

Армия Мэта продвигалась

вперед

Джур Грейди вертел в пальцах письмо от его жены, посланное с Андролом из Чёрной Башни. Он не мог прочесть его в этой темноте, но это не имело значения, до тех пор пока оно было при нём. В любом случае он запомнил слова.

Он осматривал этот каньон в десяти, или около того, милях на северо-восток вдоль Реки Моря, где Коутон разместил его. Он был хорошо спрятан от взглядов с поля боя на Меррилоре.

Он не сражался. Свет, это было трудно, но он не сражался. Он наблюдал, стараясь не думать о бедных людях, которые умирали

стараясь удержать реку в этом месте. Это было идеальное место для этого — Мора проходила здесь через каньон, где Тень могла остановить реку. И она остановила её. О, люди, посланные Мэтом, пытались сражаться с Повелителями Ужаса и Шарцами. Что это было за глупое задание! Злость Грейди тлела в отношении Коутона. Каждый утверждал, что он хороший генерал. Потом он пришёл и сделал это.

Если он был гением, то почему послал пятьсот обычных людей из горной деревушки в Муранди удерживать эту реку? Да, Коутон также послал около сотни солдат Отряда, но этого было явно

недостаточно. Продержав реку несколько часов, они все погибли. Сотни и сотни троллоков и несколько Повелителей Ужаса противостояли им в ущелье реки.

Эти люди погибли все до последнего человека. Свет! Среди них были дети... Горожане и несколько солдат сражались до последнего, защищая ущелье дольше, чем Грейди мог ожидать от них, но в конце концов пали и они. А ему было приказано не помогать им.

Теперь Грейди ждал в темноте на вершине ущелья, скрываясь среди нагромождения скал. Троллоки шли при свете факелов — Повелители Ужаса нуждались в осмотре

местности. Они тоже стояли над краем ущелья, что давало им хорошую позицию для обзора текущей ниже реки, которая превратилась в озеро. Три Повелителя Ужаса откололи большие глыбы от стен ущелья и создали из них плотину, перегородившую реку.

Из-за этого русло Моры в Меррилоре пересохло, что позволило троллокам легко пересечь реку. Грейди мог уничтожить плотину в один миг — удар Единой Силой мог позволить сделать это и выпустить воду из ущелья. Но он до сих пор не решился на это. Коутон приказал ему не нападать, но помимо этого он не смог бы в одиночку победить трех

сильных Повелителей Ужаса. Они убили бы его и заново бы перегородили реку.

Он нежно прикоснулся к письму от жены и приготовился. Коутон приказал ему сделать на рассвете врата в ту же деревню. Это выдало бы Грейди. Он не знал цели этого приказа.

Бассейн внизу был заполнен водой, покрытой телами павших.

Я думаю, сейчас время не хуже любого другого, чтобы сделать это, — подумал Грейди, сделав глубокий вдох. Рассвет должен был уже быть, но из-за облаков вокруг по-прежнему была темно.

Он последовал приказам. Пусть

его испепелит свет, но он сделает это. Но если Коутон переживет эту битву ниже по реке, им предстоит разговор. Тяжелый разговор. Такой человек, как Коутон, рожденный среди обычных людей, должен лучше понимать, что нельзя вот так разбрасываться жизнями.

Он сделал еще один глубокий вдох, затем начал плести Врата. Он открыл их в той же деревне, откуда пришли люди вчера. Он не понимал, зачем это делать, ведь уже вчера, когда составлялась прошлая группа, деревня обезлюдела. Он сомневался, что там остался хоть кто-то. Как ее называл Мэт? Хиндерстап?

Люди ревели через Врата,

выкрикивая, держа над головой ножи, вилы, ржавые мечи. С ними пришло больше солдат Отряда, похожие на сотни, которые сражались здесь раньше. Вот только...

Вот только, огни Повелителей Ужаса высветили, что лица тех солдат были такие же, как и тех, которые сражались здесь раньше... сражались и погибли.

Грейди разинул рот, стоя в темноте, наблюдая за атакой тех людей. Они были все те же самые. Те же матроны, те же ковали и кузнецы, те же самые люди. Он наблюдал, как они умирали, и сейчас они вернулись снова.

Троллоки вероятно не могли отличить одного человека от другого, но Повелители Ужаса это увидели — и поняли, что это были одни и те же люди. Те трое Повелителей Ужаса похоже остолбенели. Один из Повелителей Ужаса выкрикнул, что Тёмный Повелитель покинул их. Он начал бросать плетения в этих людей.

Те люди просто накатывались, не обращая внимание на опасность, в то время как многие из них были разорваны. Они навалились на Повелителей Ужаса, кромсая их сельскохозяйственным инвентарём и кухонными ножами. К тому времени, когда Троллоки атаковали,

Повелители Ужаса были повержены.
Теперь он мог...

Выйдя из ступора, Грейди собрал свою силу и уничтожил дамбу, блокирующую каньон.

И сделав так, он освободил реку.

Глава 41

Улыбка

— Коутон вернул в дело драконов и снова сражается, — сказал Джоннет, пытаясь разглядеть что-то в дыму. — Только послушайте!

Гром эхом разносился над Высотами, и Певара улыбнулась. Она, Андрол, Джоннет, Эмарин и Канлер присоединились к Логайну и другим Аша'манам с несколькими Айз Седай, связанными с ними. Они стояли на краю крутого склона

напротив Дашарского Холма, в полумиле от того места, где лежало обезглавленное тело Демандредра.

Новый раскат грома от стреляющих драконов прокатился над Высотами, хотя из-за темноты они не могли видеть дым.

— Эти драконы долго не продержатся, если люди Таима набросятся на них вместе с шарцами, — сказала Певара. — Дракониры не могут защититься против направляющих, и их слишком легко обнаружить из-за шума.

— Сомневаюсь, что у Коутона был другой выход, кроме как пустить их в дело, — сказал Андрол. — Сейчас он не может придержать

ничего.

— Ашаманы, — Логайн появился из дыма, шагая мимо них, Габрелле была рядом с ним. — Время выдвигаться.

— Мы будем защищать этих драконов? — спросил Андрол. Вокруг него поднимались на ноги десятки измотанных Ашаманов, поворачиваясь к Логайну.

— Нет, — сказал тот. — Мы двинемся на запад.

— На запад? — Певара сложила руки на груди. — Но это значит — из битвы.

— Там ваша Амерлин дралась с Таимом, — сказал Логайн, отвернувшись от нее. — Там вся

земля, так же, как множество шарцев, превратилась в кристаллы. Я хочу, чтобы все Ашаманы, Солдаты и Посвященные, которым я не отдавал иных приказов, занялись поисками. Там...

Земля содрогнулась, и Певара споткнулась. Андрол подхватил ее за руку, хотя она чувствовала через узы, что он измотан не меньше нее. У них осталось немного сил.

Когда дрожь утихла, Логайн продолжал:

— Где-то там, среди массы кристаллов, золотой скипетр. Говорили, что Таим еще держал эту вещь в руках, когда его победила Эгвейн ал'Вир. Мы найдем его. Если

кто-то из вас его увидит, не прикасайтесь. Пошлите за мной.

Логайн отдал те же приказы другой группе Ашаманов. Андрол наблюдал за ним, и Певара ощущала его разочарование.

— Если этот скипетр — ангриал или са'ангриал, — сказал Эмарин. — Он может нам очень пригодиться.

— Может быть, — сказала Певара. — Но я думаю, что защитить эти драконы важнее, чем найти жезл. Я готова поклясться, что этот звук рога был неспроста. Мы должны немедленно атаковать, а не тратить время на сбор трофеев.

— Этим могут заняться другие Ашаманы, — сказал Андрол. — Нам

не нужно.

— Что? — спросил Канлер, хмурясь. — Ты собираешься нарушить приказ?

— Нет, — ответил Андрол. — Он сказал — этим должны заниматься те, кто не имеет других приказов. А мы имеем. В начале боя он велел нам следить за прихвостнями Таима и сделать что-нибудь с ними.

— Не уверен, что он помнит об этом приказе, — сказал Эмарин, почесывая подбородок. — И не знаю, хочет ли, чтобы мы еще выполняли его, даже если помнит. Кажется, он всецело поглощен поисками скипетра.

— Тем не менее, он отдал нам приказ, — сказал Андрол.

— Андрол, — отозвался Канлер, сидя на каблуках. — Я так устал, что едва ли найду в себе силы обругать тебя, если захочу. Никто из наших парней не выглядит лучше, и ты с трудом открыл небольшие ворота. Как мы, по-твоему, справимся с Мишраилем и другими?

Андрол нахмурился, но не нашел, что возразить. Однако, кое-что пришло в голову Певаре. Способ, вероятно, сделать что-то, пока они истощены.

Андрол оживился, его глаза расширились, и он хмыкнул.

— Ты гениальна, Певара.

— Спасибо, — сказала она чопорно. — Канлер, поднимайся. Спорю на что угодно, господа, что люди Таима попытаются разрушить драконы. Мы устроим им кое-какой сюрприз.

Что за беспорядок, в который это все превратилось.

Могидин пнула труп Демандред. Он был оставлен, Шарцы ушли сражаться с армией Коутона и мстить за своего лидера.

Демандред. Этот дурак позволил себе отвлечься. Если ты сфокусирован больше на личных обидах, или если ты позволил себе связаться с червями, с которыми ты работал...хорошо, Демандред

заслужил свою награду. Смерть, и вероятно, вечное наказание в руках Великого Повелителя.

Теперь Демандред был действительно мертв, она потянулась к Единой Силе и нашла еще кое-что. Светящиеся реки в десятки раз мощнее, в десятки раз слаще. С таким большим количеством павших Избранных, Великий Повелитель открыл себя для нее. Выживание было действительно лучшим способом проявить себя перед ним.

Это резко изменило ее планы. Во-первых, она сожгла труп Демандреда в порошок. Затем она быстро сплела Маску Зеркал — ох, как сладка была Истинная Сила! — и

накинула на себя личину Демандреда. Она всегда была уверена, что сможет симитировать других Избранных. Демандредом быть трудно, он так изменился последнее время, но она не обращала особого внимания. Никто, не касаясь ее, будет одурачен; она будет осторожной.

Замаскировавшись на месте, она переместилась к задним линиям Шаранской армии сражающейся с войсками Коутона. Здесь были резервные части, ждущих отправки на передовую, а также повозки со снабжением и некоторые раненные.

Шаранцы остановили сортировку поставок, чтобы

взглянуть на нее. Изумленные. Они готовились сбежать с самого поля сражения. Они были в курсе, как и все, что огромная армия Шончан вступила в бой. Она заметила, что в этой группе было немного Аяд — только три, она могла видеть. Две женщины с татуировками, и чумазый мужчина направляющий, который присел на корточки у их ног. Большинство других были убиты в противостоянии с Айз Седай.

Шончан. Мысль о них и этой их высокомерной предводительнице заставила Могидин болезненно скривиться. Когда Великий Повелитель узнает, как она подвела его...

Нет. Он дал ей Истинную Силу. Могидин уже пережила остальных, и только это имело значение, в данный момент. Он не мог видеть всюду, и, вероятно, еще не знал что она была избличена. Как эта девчонка увидела ее сквозь маску? Это было невозможно.

Кто-то, должно быть, предал ее. Однако, она тесно сотрудничала с Демандредом в этом сражении, и хотя она никогда не была таким хорошим стратегом как он — ни один из Избранных не был, исключая может быть Саммаэля — она понимала сражение достаточно хорошо, чтобы взять все в свои руки. Она ненавидела делать это,

ненавидела, как если б он оставил ее обнаженной на дороге. Но в отчаянные времена делаешь отчаянные поступки.

И фактически, как она считала, она думала, что события шли довольно хорошо для нее. Демандред пал, пораженный собственной гордыней. М'Хаэль, этот выскочка, был также мертв — и удобно удалил лидера Айз Седай с поля боя. У нее все еще были Отродья Тени Демандред и немного Повелителей Ужаса, несколько Черных Айя и дюжину направляющих мужчин, которых привел М'Хаэль.

— Это не он! — сказал старый мужчина в изношенной одежде

Шаранских монахов. Он указал на Могидин. — Это не наш Вильд! — Могидин сожгла мужчину в ничто.

Когда его кости упали кучей, она вспомнила от ее глаз-и-ушей, что Демандред был нежен с этим стариком. — Для тебя лучше быть мертвым, старик, — сказала она труп, говоря голосом Демандреда, — чем быть живым, чтобы осуждать того, кого ты должен любить. Есть ещё кто-нибудь, кто не хочет признавать меня?

Шарцы продолжали молчать.

— Айяд, — сказала Могидин троиче, — вы видите как я создаю плетения? — И женщины, и грязный мужчина, покачали головами.

— Я убиваю без плетений, — сказала Могидин, — только я, ваш Вильд, могу так делать.

Не забыть бы, сдвигать брови, и сохранять мрачное выражение подумала Могидин. Демандред всегда был мрачен. Люди упали на колени, и Могидин еле сдержалась, чтобы не показать радость. Да, Демандред неплохо тут потрудился, теперь у нее под рукой была армия целой нации. И это здорово!

— Убийца Дракона, — сказала коленопреклоненная женщина Айяд. Она рыдала! Какими слабаками были эти Шарцы. — Мы видели как вы пали.

— Как я мог пасть? У вас есть

пророчества, не правда ли?

Женщины переглянулись.

— Они говорят, вы будете сражаться, Убийца Дракона, — сказала женщина. — Но -

— Соберите пять кулаков Троллоков из резерва, — сказала Могидин, оборачиваясь к командиру резервных сил, — и пошлите их вверх по реке к руинам.

— Руины? — спросил мужчина. В том направлении только беженцы из Кэймлина.

— Так и есть, глупец. Беженцы-дети, пожилые люди, женщины, которые ищут мертвых. Они не могут сопротивляться. Скажи, чтобы Троллоки начали резню. Наши враги

будут ослаблены — это нападение вынудит их остановиться и прийти на защиту тем, кому они, как истинные воины, не дадут умереть.

Генерал кивнул, и она увидела согласие на его лице. Он принял её как Демандреда. Хорошо. Он убежал отдавать приказ.

— Теперь, — сказала Моигидин в тот момент, когда драконы выстрелили в отдалении, — почему бы кому-то из Айяд не пойти убрать эти орудия из битвы?

Аяд встал на колени перед Моигидин, склонив свою голову.

— У нас осталось меньше дюжины Айяд, Вильд.

— Ваши оправдания слабы, —

сказала Могидин, слушая как прекратились взрывы. Возможно, некоторые из оставшихся М'Хаелевых Повелителей Ужаса просто решили проблему с драконами.

Она почувствовала, как зудит ее кожа, когда Шарский генерал зашагал к Мурдраалу через поле. Она ненавидела быть настолько открытой, как сейчас. Она должна была оставаться в тени, позволяя биться другим. Однако, она бы никогда не сказала, что когда ситуация того заслуживала, она была слишком напугана, чтобы действовать.

Позади нее открылись

переходные врата, и несколько Шарцев закричали. Могидин развернулся, широко открыв глаза, и вглядываясь в то, что, казалось, темной пещерой. Драконы были нацелены на нее.

— Огонь! — выкрикнул голос.

— Заккрыть Врата! — крикнул Талманес, и портал мигнул закрывшись.

— Это была одна из идей Лорда Мэта, не так ли? — крикнул Дайрид, стоя рядом с Талманесом, в то время как перезаряжали драконы. У обоих в ушах был воск.

— Что ты об этом думаешь? — крикнул Талманес в ответ.

Если драконы были уязвимы при

стрельбе, что вы бы сделали? Стали вести огонь из них с тайной позиции.

Талманес улыбнулся, когда Ниалд открыл следующие ворота перед 10ю драконами. Тот факт, что большинство драконьих телег было слишком сломано, что б хорошо катиться, не значил ничего, когда ты можешь открывать врата перед ними, указывающие куда захочешь.

В этот раз Врата открылись напротив кулаков Троллоков яростно сражающихся с Белоплащниками. Несколько Белоплащников в ужасе посмотрели на драконов.

— Огонь! — прокричал Талманес, иллюстрируя рукой приказ на случай, если не все мужчины

слышали его.

Дым заполнял пещеру, грохот выстрелов эхом отдавался в ушах Талманеса, когда драконы откатывались назад, выпуская смертельный шторм в троллоков. Их залпы сметали целые кулаки, разбрасывая переломанные тела умирающих троллоков. Белоплащники неподалеку одобрительно кричали и поднимали мечи.

Неалд закрыл ворота, и дракониры перезарядили оружие. Тогда Ниалд создал ворота над ними, входом вниз, чтобы драконий дым целиком вырвался из пещеры и рассеялся в пустом воздухе где-

нибудь вдалеке.

— Вы улыбаетесь, — спросил Дайрид.

— Да, — удовлетворенно сказал Талманес.

— Кровь и кровавый пепел, лорд Талманес... это выражение смотрится на вашем лице ужасно, — Дайрид помедлил. — Вероятно, вам почаще стоит это делать.

Талманес хмыкнул, когда Ниалд открыл следующие ворота к Дашарскому Выступу, где Алудра стояла с подзорной трубой и разведчиками, высматривая следующую цель. Она закричала, указывая позицию, Ниалд кивнул и они приготовились к следующему

выстрелу.

Глава 42

За гранью возможного

Авиенде казалось, что само мироздание покрывается трещинами, разваливается на части, исчезает

Буря, которая упала на долину Шайол Гул, больше не находилась под контролем. Не Ищущими ветра, не кем-либо другим. Это убивало как приспешников тени так и защитников. Непредсказуемо. Воздух пах огнем, сожженной плотью и чем-то еще — отличный, чистый

аромат, который она должна была признать, ароматом вспышки молнии.

Авиенда мчалась, как сам ветер, пытаюсь оставаться впереди Грендаль, которая швыряла в нее один за другим лучи раскаленного добела погибельного огня. С каждой новой вспышкой земля содрогалась. Черные линии расползались по скалам.

Защитники долины уже почти пали. Те, кто не отступил в самом конце, возле пути к горе, были истреблены Гончими Тьмы. Земля тряслась, и Авиенда споткнулась. Неподалеку группа троллоков с рычанием вырвалась из ветра и тени.

Твари ее не увидели, но развернулись и атаковали кого-то другого. Других троллоков? Они дрались друг с другом.

Она не была удивлена. Это было обычным делом, когда Троллоки дрались друг с другом, если они не жестко контролировались Безглазым. Но что это за странный туман?

Авиенда тяжело поднялась на ноги и побежала прочь, от Троллоков, двигаясь вверх по склону. Может быть, с той точки она сможет определить место нахождения Грендаль. В верху, она обнаружила, что стоять там не возможно: кусок скалы оплыл и под ним не было ничего.

Вверху, она обнаружила, что стояла на невероятном, огромном куске скалы, который неустойчиво колебался на очень маленькой подложке. Он оторвался от земли и поднялся вверх.

Все вокруг долины было за гранью возможного. Группа доманийских всадников скакала через участок скалы, покрытый рябью, как вода, и все четверо мужчин и гора погрузились внутрь, исчезая. Глубокий туман начал входить в долину с одной стороны. Люди и Троллоки бежали от него с криком.

Жидкий луч погибельного огня пронзил, оплавляя, кусок скалы,

проходящей всего в нескольких дюймах от ее головы. Авиенда ахнула, падая на землю. Она услышала шорох поблизости и перевернулась, подготавливая плетение.

Хранительница Мудрости Эмис в сожженных и почерневших одеждах, половина ее лица была красной, подскочила к Авиенде и присела возле нее.

— Ты видела Кадсуане или других?

— Нет.

Эмис тихо выругалась.

— Мы все сразу должны атаковать Предавшуюся Тени. Ты обойдешь справа, я пойду слева.

Когда ты почувствуешь мое плетение, присоединяйся. Вместе, возможно мы повергнем ее.

Авиенда кивнула. Они поднялись и разделились. Где-то здесь, сражалась тщательно отобранная команда Кадсуане. Талаан, ищущая ветер, которая пришла своим путем к присягнувшим Дракону. Аливия — бывшая домани. Они, вместе с Эмис и Авиендой, были одними из самых сильных направляющих, каких видел Свет.

Исходящие лучи погибельного огня, показывали место, где была Грендаль. Авиенда обогнула плавающую скалу — погибельный огонь скорее наделал в ней дырок,

чем уничтожил — судя по обломкам скал, хаотично пролетающим через долину, нарушения мира нарастали. Это был пузырь зла, только гораздо большего масштаба. Когда она подкралась, она услышала низкий вибрирующий гул, исходящий из горы. Земля начала дрожать, разбрасывая вокруг обломки скал и камни. Авиенда из своего укрытия, могла наблюдать, как долина начала прорасти новыми растениями, что выглядело невероятно. Некогда бесплодная земля, стала ярко зеленой, растущие растения казалось извиваются, поднимаясь все выше и выше.

Неестественно

зеленые

заплатки из этих зеленых растений покрыли всю долину. Над ней, причудливо сплелись белые и черные облака, — белое на черном, черное на белом. Сверкнула молния, да так и застыла ударив в землю, образовав невероятную зазубренную стеклянную колонну в виде молнии, которая ударила в землю, но больше уже не светилась.

Те облака выше сформировали образ, который выглядел знакомым. Черный на белом, белое на черном..

Это — символ, начала понимать она. Древний символ Айз Седай.

Под этим знаком...он должен победить.

Авиенда крепко держалась за

Единую Силу. Тот вибрирующий звук был он. Пробуждающаяся жизнь был он. В то время, как Темный разрывал землю на части, Ранд ее обратно сращивал.

Она должна двигаться дальше. Пригнувшись, она побежала, используя новые выросшие растения, как прикрытие. Они выросли прямо там, где надо, чтобы ей можно было скрытно подобраться. Случайность? Она предпочитала думать иначе. Она могла чувствовать Ранда, в глубине мозга. Он сражался, как истинный воин. Его решимость придавала ей сил, и она пыталась вернуть ему те же чувства.

Решимость. Честь. Слава.

Сражайся, прохлада моего сердца.
Сражайся.

Она приблизилась к Грендаль, еще окруженной ее прислужниками под властью Подчинения — обменивавшейся смертельными ударами Единой Силы с Кадсуане и Аливией. Авиенда замедлилась, наблюдая, как все три мечут друг в дружку огонь, рассекают чужие плетения Духом, искажают воздух жаром и создают плетения так быстро, что трудно было понять, что происходит.

Ей хотелось помочь, но Эмис была права. Если они с Авиендой атакуют вместе, особенно когда Грендаль занята, у них больше

шансов убить Отрекшуюся. Полагая, что Кадсуане и Аливия смогут продержаться достаточно долго, разумнее было подождать.

Однако смогут ли они продержаться? Кадсуане была сильна, сильнее, чем думала Авиенда. Среди этих украшений в ее волосах явно были ангриалы и терангриалы, хотя Авиенде не имела возможности изучить их при помощи своего Таланта и сказать наверняка.

Женщины, захваченные Грендаль, лежали на земле, очевидно, обессилевшие. Две упали; Сарен рухнула на колени и озиралась пустым взглядом.

Не похоже, что Кадсуане и

Аливию беспокоила возможность задеть пленниц. Это было разумно, и все же, не могла ли Авиенда как-то...

В высоком кустарнике рядом с ней что-то зашевелилось.

Авиенда без раздумий развернулась на месте и сплела Огонь. Она сожгла нападавшего в черной вуали за мгновение до того, как тот вонзил бы копье ей в шею. Оружие оставило порез сбоку на ее плече, и мужчина запнулся, а затем упал. Ее удар выжег в его груди дыру размером с кулак.

Еще одна направляющаяся присоединилась к схватке, отчаянно бросаясь плетениями. Эмис появилась. К счастью, Грендаль

сосредоточилась на ней, вместо того, чтобы атаковать Авиенду, которая только что выдала свое местонахождение.

Это было хорошо, потому что Авиенда смотрела на мужчину, которого она сразила,

человека, которого Грендаль превратила в свою игрушку при помощи Подчинения. Человека, который показался Авиенде знакомым.

В ужасе, вся дрожа, она протянула руку и откинула вуаль.

Это был Руарк.

— Я убираюсь отсюда, — угрюмо сказал Мишраиль, глядя в спины шарским всадникам. Они

стояли на западной границе Высот, далеко от левого фланга шарской армии.

— Никто не говорил нам, что придется драться с проклятыми героями Рога!

— Это Последняя Битва, детка, — ядовито сказала Алвиарин. В последнее время она всех их называла детишками. Мишраиль почти готов был придушить ее. Почему М'Хаэль позволил ей связать узами Ненсена? Почему женщине вообще дали командовать ими?

Они стояли небольшой группой. Алвиарин, Мишраиль, Ненсен, Каш, Рианна и Донало, и Аяко, которую Обратили, как и его. Мишраиль

немного знал о том, как драться на поле боя; когда он убивал людей, он предпочитал подождать, пока они не попадут в какой-нибудь темный уголок, где никто ничего не увидит. Вся эта резня на открытом воздухе, весь этот хаос заставляли его чувствовать себя так, словно острие ножа уткнулось ему в спину.

— Туда! — сказала Алвиарин Ненсену, указывая на вспышку света, когда еще один выстрел этих драконов через ворота раскатился над полем боя. — Я думаю, это идет из центра плато. Сделай ворота, и мы отправимся туда.

— Мы никогда не собирались... — начал Мишраэль.

— Идем! — сказала Алвириан, с лицом красным от гнева.

Ненсен напрягся и сделал, как она сказала. Ему нравилось подчиняться приказам и чувствовать, что кто-то стоит во главе.

"Мне, возможно, придется убить её, — думал Мишраэль. — И Ненсена тоже." Даже не имея большого опыта сражений, Мишраэль видел, что это не будет легкой борьбой. Возвращение шончан, падение Демадред и троллоки, неистовствующие без како-либо руководства... Да, у Тени всё ещё было численное преимущество, но борьба не была столь односторонней, как ему

хотелось бы. Одно из первых правил, которые он изучил в жизни, состояло в том, чтобы никогда не бороться с человеком, когда у вас был равный шанс проиграть.

Они вшестером прошли через врата, появившись посреди плато. Земля, опаленная драконами и направляющими, источала дым, который смешивался со странным туманом, поднявшимся недавно; трудно было сказать, что здесь творится. Ямы в земле, оставшиеся после выстрелов драконов.

Тела... ну, клочья тел... разбросанные вокруг. Необычный запах в воздухе. Рассвет уже наступил, но едва ли хоть какой-то

свет мог пробиться через эти облака.

Наверху звучали крики этих странных летучих шончанских тварей. Мишраиль задрожал. Свет, это было все равно, что стоять в доме без крыши, зная, что враг разместил над тобой лучников. Он сбил одну из них плетением Огня, удовлетворенный тем, как сложились крылья и тварь рухнула, кружась в падении.

Подобная атака все же смутила его. Ему действительно придется убить других Повелителей ужаса, а затем скрыться. Он должен был быть на стороне победителей!

— Работайте, — сказала Алвиарин. — Делайте, как я вам

сказала. Эти мужчины, открывая врата, обеспечивают огонь их устройств. Поэтому вам нужно определить, где эти врата были и дать возможность Донэлу прочесть след.

Мужчины двинулись, разглядывая землю, пытаясь найти место, где открывались врата. Люди сражались рядом в опасной близости — Шаранцы и люди с парящим знаменем с изображением волка. Если они вернутся этим путем...

Донало уткнулся в землю рядом с Мишраилем, оба держались за Силу. Донало был тайренцем с квадратным лицом и седеющей бородой.

— Когда Демадред упал, — прошептал Донэл. — Я подумал, что все это было ловушкой. Так уже бывало.

Мишраэль кивнул. Возможно, Донэл мог быть союзником. Они могли бы сбежать. Конечно, затем он убил бы Донэла. Мишраэль не хотел бы иметь свидетелей, которые могли отчитаться перед Великим Повелителем о его действиях.

Так или иначе, он не мог доверять Донэлу. Человек присоединился к ним только из-за той принудительной уловки с Мурдраалами. Если человек мог так быстро перейти на другую сторону, что же должно воспрепятствовать

ему измениться снова? Кроме того, Мишраэлю не нравилось... чувство, которое он испытывал, смотря на Донэла или других, которые были Обращены. Это ощущалось, как если бы что-то неестественное глубоко внутри них, глядя на мир, искало добычу.

— Нам нужно выбираться отсюда, — прошептал Мишраэль. — Сражаться сейчас здесь глупо... — Он осекся, когда они столкнулись с кем-тодвигающимся через дым.

Это был человек высокого роста, с золотисто-рыжими волосами. Знакомый человек, его одежда была порвана и почернела, как будто раньше горела. Мишраэль разинул

рот, как и Донэл, когда проклятый Дракон Возрожденный сам их увидел, вздрогнул, а затем побежал по равнине. К тому времени, когда Мишраэлю пришло в голову атаковать, Ал'Тор открыл врата для себя и бежал через них.

Земля сильно загрохотала, и некоторые куски земли просто развалились, и часть восточного склона рухнул на Троллоков под ней. Это место было все более и более нестабильным. Еще одна причина, чтобы покинуть его.

— Проклятье, это был Возрожденный Дракон! — крикнул Донэл. — Алвиарин! Треклятый Возрожденный Дракон находится на

поле битвы!

— Что за ерунду ты несёшь? — спросила Алвиарин, подходя вместе с остальными.

— Ранд ал'Тор был здесь, — сказал Мишраэль, всё ещё ошеломлённый. — Кровь и кровавый пепел, Донэл. Ты был прав! Он — единственный, кто мог свалить Демандред.

— Он действительно постоянно говорил, что Дракон должен быть где-то на этом поле битвы, — отметил Кэш.

Донэл вышел вперед, поднимая голову, как будто изучая что-то в воздухе. — Я видел точно, где он сделал Врата, чтобы убежать. Это

было прямо здесь. Прямо здесь... Да! Я чувствую резонанс. Я знаю, куда он пошел.

— Он победил Демандреда, — сказал Альвиарин скептически, складывая руки. — Надеешься, мы сможем бороться с ним?

— Он выглядел опустошенным, — сказал Мишраэль. — Больше, чем опустошенным. Он запаниковал, когда увидел нас. Я думаю, если он действительно боролся с Демандредом, это ослабило его.

Алвиарин оценивающе разглядывала место, где исчез Ал'Тор. Мишраэль мог фактически читать ее мысли. Если бы они убили

Возрожденного Дракона, то М'Хаэль мог быть не единственным Повелителем Ужаса, поднятым до Избранного. Великий Повелитель был бы благодарен тому, кто свалил Ал'Тора. Очень благодарен.

— Я нашел его! — закричал Донэл, открывая Врата.

— Мне нужен круг, чтобы бороться с ним, — сказала Алвиарин. Потом заколебалась. — Но мне нужны только Рианна и Ненсен. Я не хочу рисковать и делать нас не слишком подвижными, объединяя всех в один круг.

Мишраэль фыркнул, собирая свою Силу и прыгая в открытые Врата. Он понял, что она имела в

виду, она не хотела, чтобы один из мужчин возглавлял круг, потенциально крадя убийство Ал`Тора у нее. Хорошо, он займется и этим.

Оставив за собой поле битвы, он оказался в месте, которое не узнавал. На деревьях здесь не так заметно было прикосновения Великого Повелителя, как это было в других местах. Почему так было? Но то же самое темное небо гремело вверху, и вокруг было также темно, так что, он должен был соткать над землей Шар света, чтобы разобрать что-либо.

Ал`Тор сидел на пне вблизи от него. Он осматривался, и, увидев Мишраэля, выкрикнул, и помчался

вдаль. Мишраэль соткал Шар Огня и бросил в него, но Ал'Тору удалось уничтожить его собственным плетением.

Ха! Он слаб! Думал Мишраэль, бросаясь вперед. Другие следовали за ним, пройдя через Врата, женщины были связаны в круг с Ненсеном, который тащился после Алвиарин, как щенок. Донэл прошел последний, крича, чтобы они подождали его.

Мгновение спустя они остановились.

В Мишраэля ударило волной холодной воды, как будто он нырнул в водопад. Единая сила исчезла. Она просто ушла от него.

Он застыл, испуганный, пытаюсь понять, что произошло. Он был огражден! Нет. Он не ощутил Щита. Он ощутил... ничто.

Среди деревьев поблизости началось какое-то движение, фигуры вышли из тени. Это были огромные существа со свисающими бровями и толстыми пальцами. Они казались столь же древними, как сами деревья, с морщинистой кожей и седыми волосами.

Он был в стеддинге.

Мишраэль попытался бежать, но крепкие руки схватили его. Старые Огир окружили всех. Впереди, из леса вышел Ал'Тор, но это был не он. Больше не он. Это была уловка.

Андрол носил маску Возрожденного Дракона.

Другие кричали и колотили Огир кулаками, но Мишраэль упал на колени, изучая ту пустоту, где была Единая Сила.

Певара подошла к Адролу, когда Огир, которые были слишком старые, чтобы участвовать в битве, схватили Повелителей Ужаса сильными руками и потянули их глубже в Седдинг Шолун. Линдсар — старшая среди них, облакачиваясь на трость, столь же толстую как бедро человека — обратилась к Андролу.

— Мы позаботимся о пленниках, Мастер Андрол, — сказала Линдсар.

— Казнь? — спросила Певара.

— Рядом с Великими Древами, нет! — Огир выглядела оскорбленной. — Не в этом месте, нет, здесь не может быть никаких убийств. Мы будем держать их здесь и не позволим им убежать.

— Это очень опасные люди, добрая Огир, — сказал Андрол. — Нельзя недооценивать, насколько изворотливыми они могут быть.

Огир хихикнула, и пошла, хромая, под всё ещё красивые деревья стеддинга. — Человек полагает, что, раз мы спокойны, мы не можем хитрить сами, — сказала она. — Позволь им увидеть, каким лукавым может стать ум, имея

ценность столетий жизни. Не волнуйтесь, Мастер Андрол. Мы будем осторожны. Будет благом для этих бедных душ жить в мире стеддинга. Возможно, после нескольких десятилетий этого мира, они изменят свои взгляды на окружающее.

Она скрылась за деревьями.

Андрол смотрел на Певару, чувствуя удовлетворение, которое шло через

связь, хотя ее лицо было спокойно. — У тебя получилось, — сказал он. — План был превосходен.

Она кивнула в удовлетворении, и они вышли из стеддинга, пройдя невидимый барьер, отделявший их от

Единой Силы. Не смотря на то, что Андрол так устал, он не испытал никаких затруднений, захватывая саидин. Он был без него, всего лишь, в течение нескольких минут, но схватил его, как голодный человек хватает ломоть хлеба.

Он чувствовал жалость к тому, что он сделал с Донэлом и другими. Почти.

Отдохни хорошо здесь, мой друг, думал он, оглядываясь через плечо. Возможно, мы сможем найти способ освободить когда-нибудь твой обманутый разум из плена.

— Всё хорошо? — спросил Джоннет, подбегая.

— Готово, — сказал Андрол.

Певара кивнула, они вышли из-под деревьев туда, где открывается вид на Мору и руины за пределами стеддинга. Она остановилась, как они увидели область вокруг руин перед ними, где беженцы из Кэймлина подбирали раненых и оружие.

Она была наполнена троллоками.

Резня.

Авиенда опустилась на колени над телом Руарка.

Мертв. Она убила Руарка.

"Это больше не был он", сказала она себе. Грендаль убила его. Ее плетение также могло сжечь его. Это только оболочка.

Это была просто...

Это была просто...

Это была просто...

Будь сильной, Авиенда.

Решимость Ранда переполняла ее, исходя из связи в глубине ее сознания. Она подняла голову и все чувство усталости покинуло ее, все отвлекающие факторы исчезли.

Грендаль боролась с Эмис, Талаан, Аливией и Кадсуане, и Грендаль побеждала. Молнии сплетались и били со всех сторон, освещая пыльный воздух, но те, что исходили от Кадсуане и других были все менее и менее яркие. Они больше защищались. Авиенда видела, как буря из молний упала на Эмис,

бросив ее на землю. Рядом с Грендаль Сашелле Андерли задрожала, затем упала на бок; свечение Единой Силы уже не окружало ее. Грендаль истощила ее, вытягивая слишком много силы.

Авиенда встала. Грендаль была сильной и коварной. Она была необыкновенно хороша, разрезая плетения из воздуха, как только они были сформированы.

Авиенда протянула руку в ее сторону, и сплела Огонь, Воздух и Дух.

Светящееся, пылающее копье света и огня появилось в ее руке. Она подготовила пять других плетений Духа, затем бросилась вперед.

Гул дрожавшей земли
сопровождал ее шаги.
Кристаллическая молния упала с
небес и застыла на месте. Люди и
звери взвыли, когда Гончие Тьмы
достигли последних линий людей,
защищающих путь к Ранду.

Грендаль увидела Авиенду и
начала сплестать погибельный огонь.
Авиенда разрезала его плетением из
воздуха с потоком духа. Грендаль
выругалась, сплетая заново. Авиенда
ударила, резко обрывая плетение.

Кадсуане и Талаан послали
вспышки огня. Один из пленных
айильцев бросился перед Грендаль,
умирая с долгим криком, когда пламя
поглотило его.

Сжимая в руке копье света, Авиенда бежала так быстро, что земля размывалась под ней. Она вспомнила первую гонку, одно из испытаний, чтобы присоединиться к Девам. В тот день она чувствовала подталкивающий ее в спину ветер.

В этот раз она не чувствовала ветра. Вместо этого, она слышала крики воинов. Айил, которые боролись, казалось, ведут ее вперед. Звук сам понес ее к Грендаль.

И прежде чем Авиенда смогла остановить его, мощное плетение Земли Отрекшейся полетело Авиенде под ноги.

Ей пришлось прыгнуть.

Земля взорвалась. Взрывом ее

бросило вверх, вместе с камнями, которые содрали кожу с ее ног и теперь в воздухе за ней тянулись кровавые ленты. Ее стопы были разорваны, кости трещали, ноги горели.

В хаосе летящих камней, она сжала копье из огня и света двумя руками, ее изодранная юбка развевалась. Грендаль взглянула вверх — глаза ее расширились, губы приоткрылись. Она хотела переместиться с помощью Истинной Силы. Авиенда знала это. Женщина задержалась здесь, только потому что, ее метод Перемещения требовал, чтобы она коснулась всех, кого хотела взять с собой, а она не хотела

ни кого оставлять.

Авиенда встретила глазами с обращённым к тени в тот краткий миг, когда она находилась в воздухе, и она увидела там истинную тьму.

Воздух начал деформироваться.

Копье Авиенды, достигнув цели первым, погрузилось в тело Грендаля.

Через миг они обе исчезли.

Глава 43

Стеклянное поле

Логайн стоял посреди стеклянного поля, руки сцеплены за спиной. Битва кипела за холмами. Похоже, что Шаранцы отступали под натиском армий Коутона. И его разведчики только что доложили, что на поле Мэррилор по Тени был нанесен сильный удар по всей линии фронта.

— Думаю, мы им вряд ли понадобится- сказала Габриель, как

только разведчик ушел. — И так ты был прав.-

Связь послала неудовлетворенность и даже разочарование. — Мне надо позаботиться о будущем Черной Башни-ответил Логайн.

— Не похоже, что тебя заботит будущее Черной Башни- сказала она вкрадчиво, почти угрожающе. — Ты ищешь, чтобы не оставить сомнений, — ты сильнейший в этих землях, Логайн. Ты не можешь скрыть свои эмоции от меня.-

Логайн поборол свой гнев. Он не позволит, снова стать игрушкой в их руках. Ни за что. Сначала Белая Башня, затем М'Хаэль со товарищи.

Дни пыток. Недели.

Я стану сильнее всех, думал он. Это единственный путь, верно? Меня будут бояться.

Свет, он сопротивлялся их попыткам поработить его, обратить к Тени... но он не мог не беспокоиться, не сломали ли они что-то другое внутри него. Что-то в глубине. Он осматривался, шагая через поле кристаллов.

Еще один громовой раскат пришел снизу, и некоторые кристаллы раскололись. Скоро все это место разрушится, и скипетр вместе с ним.

Сила.

— Предупреждаю тебя,

здешний, — прозвучал неподалеку ровный голос. — У меня сообщение для вашего лидера. Если, чтобы доставить его, нужно будет сломать тебе руку, я это сделаю.

"Этот шончанский акцент..." — подумал Логайн, повернувшись и нахмурившись. Женщина-шончанка в компании рослого иллианца, спорили с одним из его охранников. Женщина знала, как придать своему голосу внушительности без криков. Ее самообладание показалось Логайну забавным.

Он подошел и женщина Шончанка посмотрела на него. — У тебя властный вид, — обратилась она к нему. — Это тебя зовут Логайном?

Он кивнул.

— Амерлин передает тебе свои последние слова, — окликнула его Шончанка. — Ты должен доставить печати в Белую Башню, чтобы их можно было затем разбить. Знаком будет грядущий свет. Она сказала, что будет понятно, когда это случится.

Логайн поднял бровь. Он кивнул в сторону женщины, в основном для того, чтобы отделаться от нее, затем пошел в другую сторону.

— Ты не намерен этого делать, — сказала Габрелле. — Ты дурак. Эти печати принадлежат...

— Мне, — прервал ее Логайн.

— Логайн, — тихо сказала Габрелле. — Я знаю, что тебе

причинили боль. Но сейчас не время для игр.

— Почему бы и нет? Можно ли назвать обращение Белой Башни со мной чем то иным, кроме как большой длинной игрой?

— Логайн. — Она тронула его за руку.

Чтоб сгореть этой связи! Он пожалел, что никогда не принуждал ее к этому. Связанный с ней, он мог ощутить ее искренность. Насколько легче была бы его жизнь, если он мог бы продолжать расценивать всех Айз Седай с подозрением.

Искренность. Это стало бы его падением?

— Лорд Логайн! — позвал

неподалеку Десотель. Аша'ман в звании Посвященного был здоровенным как кузнец. — Лорд Логайн, я думаю, что нашел его!

Логайн отвел взгляд от Габрелле, смотрящей на Десотеля. Аша'ман стоял около большого кристалла. — Это здесь, — сказал Десотель, вытирая кристалл, пока Логайн приближался. — Видите?

Логайн опустился на колени, сплетя шарик света. Да... там, внутри кристалла. Это было похоже на руку, заключенную в несколько иной тип кристалла, искрящуюся в его свете. Та рука держала золотой скипетр, с вершиной чаши неопределенной формы.

Логайн собрал Единую Силу, широко улыбаясь. Он позволил саидин вытечь из него в кристалл, используя плетение, чтобы разрушить его, воздействуя как на камень.

Земля задрожала. Кристалл, чем бы он ни был, сопротивлялся. Чем дальше он продвигался, тем сильнее становилась дрожь.

— Логайн... — начала Габрелле.

— Отойди, — сказал Логайн. —

Я думаю, что мне нужно попробовать погибельный огонь.

Паника захлестнула связь. К счастью, Габрелле не пыталась сказать ему, что было запрещено, а что нет. Аша'манам не нужно

подчиняться законам Белой Башни.

— Логайн!

Другой голос. Они никогда не оставят его в покое? Он подготовил плетение. — Логайн! — Андрол прерывисто дышал, как будто долго бежал. Он упал на колени, лицо ободрано и обожжено. Он выглядел хуже, чем сама смерть. — Логайн. беженцы Кэймлина. Тень направила Троллоков в руины, чтобы убить там всех. Свет! Они там всех убьют.

Логайн сплел погибельный огонь, но оставил плетение на месте, почти закончив, смотря на кристалл и его золотой приз.

— Логайн — проговорил Андрол сокрушенно. — Все кто был

со мной, остались сражаться, но они очень устали. Я не могу найти Коутона, и другие солдаты заняты в битве тоже. Я не думаю, что другие командиры знают что Троллоки пробрались туда. Свет!

Логайн держал свое плетение, чувствуя Единую Силу пульсирующую внутри него. Мощь. Страх.

— Пожалуйста, — очень тихо шептал Андрол. — Дети, Логайн. Они убивают детей...

Логайн закрыл глаза.

Мэт скакал бок о бок с героями Рога. Очевидно, то, что однажды он был Трубившим в Рог, дало ему особое место среди них. Они

присоединились к нему, обращались к нему и говорили с ним так, словно знали его. Они... ну, выглядели так по-геройски, высокие и прямые в седлах, окруженные этим сияющим туманом.

В пылу битвы он наконец-то задал вопрос, который преследовал его уже долгое время.

— Но ведь я же не проклятый... не один из вас, правда? — спросил он Генда Рубаку. — Ну, ты понял — из героев, которые рождаются, потом умирают и... делают то, что вы.

Здоровяк верхом на гнедом коне, который не уступал ростом шончанским кабанолошадям, рассмеялся.

— Я знал, что ты об этом спросишь, Игрок!

— Ну, тогда, проклятье, у тебя уже должен быть готов ответ. — Мэт ждал ответа, чувствуя, как пылает его лицо.

— Нет, ты не один из нас, — сказал Генд. — Успокойся. Хотя ты сделал более чем достаточно, ты не избран. Не знаю, почему.

— Может, потому, что мне не по душе надобность прыгать всякий раз, когда кто-то протрубит в этот проклятый Рог?

— Быть может, — Генд хмыкнул и помчался на линии шарских копейщиков.

Мэт не управлял передвижением

войск на поле боя. Свет, всё готово, он всё устроил достаточно хорошо, что прямой контроль был не нужен. Он ехал по плато, бой, крики, присоединившись к героям.

Илэйн вернулась, и она сплотила свои войска. Мэт увидел знамя Илэйн сияющее над ней в небе, созданное Единой силой, и увидел кое кого, знакомого среди солдат, светящиеся волосы, как будто горят у нее за спиной. Она, казалось, проклятый герой Рога.

Мэт издал радостный возглас, когда увидел шончанскую армию, идущую на север, но подмогу войскам Илэйн, и продолжил свой путь к восточному склону Высот.

Вскоре он замедлил Типуна, который растоптал троллока. Этот раскатистый звук... Мэт посмотрел вниз и увидел, как по руслу реки вновь мчится грязный поток. Он рассек армию троллоков пополам, унеся многих из них, и вернулся в русло.

Рогош с волосами белыми, как снег, смотрел на текущую воду и с уважением кивнул Мэту.

— Прекрасно, Игрок, — сказал он. — Река разделила силы Тени.

Мэт вернулся в битву. Проскакав через плато он заметил Шарцев, то что осталось от их армии, отступающих через врата. Он позволил им уйти.

Когда Троллоки, сражавшиеся на Высотах, увидели что Шарцы отступают, они запаниковали и прекратили сражаться. У них не было выбора, Троллоки начали отступать по юго-восточному склону, иначе, объединенные армии Мэта уничтожили бы их.

Битва за высоты превратилась в побоище. Армия Шончан соединилась с армией Илэйн, и объединившись обрушились на Троллоков с удвоенной яростью. Они окружили силы тьмы, и быстро наступали не давая ни одному сбежать. Земля от крови тысяч Троллоков, превратилась в глубокое кровавое месиво.

Но успех на Шайнарской стороне Моря, был ничтожен, по сравнению с битвой на другой стороне реки. Коридор между болотами и Половскими Высотами был забит Троллоками ищущими спасения от Шончан, атакующими их с дальней стороны коридора на западе.

Авангард посланный в первую очередь, против Троллоков в коридоре состоял не из Шончанских солдат,

а из эскадронов смерти Лопар и морат'Лопар. В холке, лопар не выше Троллока, но он значительно массивнее. Лопар нападая на Троллоков, поднимается на задние

лапы и режет их своими острыми, как бритва когтями. Как только сопротивление его жертвы ослабевает, он охватывает шею Троллока своими лапами и отрывает голову. Это доставляет лопару огромное удовольствие.

Лопаров отвели назад, когда горы трупов Троллоков забили дальний конец коридора до отказа. Тогда в эту мясорубку запустили стаи Корломов — больших, бескрылых, пернатых созданий с длинными изогнутыми клювами, созданными, чтобы кромсать плоть. Эти хищники, легко перебирались через завалы из трупов, к тем Троллокам, которые еще сражались, чтобы их разделать,

отделив мясо от костей. Шончанские солдаты, практически не принимали участия в этой резне, они выставили свои пики, чтобы не дать ни одному Троллоку сбежать через коридор в западной части Высот. Создания, атакующие Троллоков, навели на них такой ужас, что мало кто из них хотел бежать в сторону Шончанских войск.

Со склона, подгоняемые страхом Троллоки, спасаясь от армии Мэта, преследующей их по пятам, свалились на Троллоков, которые заполнили коридор. Монстры карабкались друг на друга, сражались между собой, пытаясь оказаться среди тех немногих, кто

выберется наверх кучи, и сможет дышать хоть чуть-чуть подольше.

Талманес и Алудра разместили своих драконов так, что бы простреливать коридор фланговым огнем и начали стрелять яйцами дракона в смятенные массы терроризированных Троллоков.

Все быстро закончилось. Количество живых Троллоков сократилось с многих тысяч до сотен. Те, что остались, видя смерть, схватившую их с трех сторон, бежали в сторону болота, где многих из них были утонули на мелководье. Их смерть была менее жестокой, но не менее ужасающей. Остальным достался более милосердный конец,

от стрел, копий и арбалетных болтов, в то время, как они пробивались через болото к сладкому аромату свободы.

Мат опустил окровавленный ашандарей. Он посмотрел на небо. Где-то там вверху было скрыто Солнце и он не был уверен, как долго он мчался с героями.

Он должен поблагодарить Туон за возвращение. Однако он не собирается встречаться с ней лично. У него было такое чувство, что она ожидает, будто он займется обязанностями принца, в чем бы те ни заключались.

Только... он чувствовал странную тягу внутри. И она

становилось все сильнее.

"Кровь и кровавый пепел, Ранд, — подумал Мэт. — Я же сделал свою часть работы! Ты делай свою!"

Слова Амаресу вернулись к нему. "Каждый твой вдох — его заслуга, Игрок".

Но Мэт был хорошим другом, когда Ранд нуждался в нем, разве нет? Чаще всего? Кровь и пепел, нельзя же ждать, что парень не будет волноваться... может быть, держаться немного в стороне... от безумца? Правда?

— Ястребиное Крыло! — окликнул Мэт, приблизившись к тому. — Бой. — он сделал глубокий вдох. — Бой уже выигран, верно?

— Ты крепко сшил этот узор, Игрок, — ответил Ястребиное Крыло, величественно восседая на коне. — Ах... что бы я дал за возможность сойтись с тобой на поле брани. Какая великолепная битва могла бы быть!

— Прекрасно. Чудесно. Я не имел в виду этот бой. Я имел в виду Последнюю Битву. Она закончилась, верно?

— Ты задаешь этот вопрос, стоя на дрожащей земле, под небом, заполненным тенями? Что говорит тебе твоя душа?

Эти кости все еще гремели в голове Мэта.

— Моя душа говорит, что я

болван, — простонал Мэт. — Болван и проклятый манекен для тренировок, стоящий и ждущий, когда его будут бить. — Он повернулся на север. — Мне нужно к Ранду. Ястребиное Крыло, не мог бы ты оказать мне услугу?

— Говори, Трубивший в Рог.

— Ты знаешь Шончан?

— Я с ними... знаком.

Я думаю, их Императрица очень хотела бы с тобой познакомиться, — сказал Мэт, направляясь прочь. — Если бы ты мог поговорить с ней, я был бы признателен. И если ты это сделаешь, ненавязчиво намекни, что это я тебя прислал.

ТЫ ДУМАЕШЬ Я

ОТСТУПЛЮ? — спросил Тёмный.

Нечто, что произнесло эти слова, Ранд никогда не мог полностью осознать. Даже, охватив взглядом все мироздание, он не мог понять сущность Зла.

Я НИКОГДА И НЕ НАДЕЯЛСЯ, ЧТО ТЫ ОТСТУПИШЬ. Я ВЕРЮ ТЫ ПРОСТО НЕ МОЖЕШЬ. Я ХОЧУ ЧТОБ ТЫ МОГ УВИДЕТЬ,МОГ УЗНАТЬ ПОЧЕМУ ТЫ ПРОДОЛЖАЕШЬ ПРОИГРЫВАТЬ.

Внизу, под ними, Троллоки пали, разбитые юным игроком из Двуречья. Тень не должна была проиграть. Это было невозможно. Ведь у нее было несравненно больше сил.

Тем не менее, Троллоки боролись только потому, что Мурддраал заставил их, сами по себе, Троллоки не будут бороться с кем-то более сильным, как лиса не будет пытаться убить льва.

Это было одно из самых основных правил среди хищников. Ешь того, кто слабее, чем ты. Беги от того кто сильнее.

Темный зашёлся кипящим гневом, что Ранд почувствовал его в этом месте, как физическую силу.

ТЫ НЕ ДОЛЖЕН УДИВЛЯТЬСЯ. сказал Ранд. ТЫ КОГДА-НИБУДЬ ПРОБУЖДАЛ ЛУЧШЕЕ В ЧЕЛОВЕКЕ? НЕТ, — ТЫ НЕ МОЖЕШЬ. ЭТО ВНЕ ТВОИХ

ВОЗМОЖНОСТЕЙ, ШАЙТАН.
ТВОИ СЛУГИ НИКОГДА НЕ БУДУТ
СРАЖАТЬСЯ ЕСЛИ НАДЕЖДЫ
НЕТ. ОНИ НИКОГДА НЕ БУДУТ
БОРОТЬСЯ ДО ПОСЛЕДНЕГО,
ТОЛЬКО ПОТОМУ, ЧТО ЭТО
ПРАВИЛЬНО. НЕ СИЛА
ПОБЕЖДАЕТ ТЕБЯ, НО ДОБЛЕСТЬ!

Я УНИЧТОЖУ! Я РАСТЕРЗАЮ
И СОЖГУ! Я НАВЕДУ ТЬМУ НА
ВСЁ СУЩЕЕ, И СМЕРТЬ БУДЕТ
ВОЗВЕЩАТЬ МОЙ ПРИХОД!

И ТЫ, ПРОТИВНИК. ДРУГИЕ
МОГУТ УБЕЖАТЬ, НО ТЫ
УМРЕШЬ. ТЫ ДОЛЖЕН ЭТО ЗНАТЬ

О, ШАЙТАН, — тихо сказал
Ранд, Я ПОНИМАЮ ЭТО, СМЕРТЬ
ЕСТЬ, И ВСЕГДА БЫЛА ЛЕГЧЕ

ПЕРЫШКА. СМЕРТЬ ПРИХОДИТ В
МГНОВЕНИЕ ОКА, ОНА НЕ БОЛЕЕ
ОСЯЗАЕМА, ЧЕМ МЕРЦАНИЕ
СВЕТА. СМЕРТЬ НЕ ИМЕЕТ ВЕСА,
ОНА НЕ МАТЕРИАЛЬНА...

Ранд шагнул вперед, возвысив
голос. — СМЕРТЬ НЕ УСТРАШИТ
МЕНЯ И НЕ СМОЖЕТ ПРАВИТЬ
МНОЙ. ВСЕ СВОДИТСЯ К ЭТОМУ,
ОТЕЦ ЛЖИ. КОГДА ТЫ
ВДОХНОВИЛ ЧЕЛОВЕКА ОТДАТЬ
СВОЮ ЖИЗНЬ РАДИ ТЕБЯ? НЕ ЗА
ПОСУЛЫ, НЕ ЗА БОГАТСТВА, НЕ
ЗА ВЛАСТЬ, А ЗА ТЕБЯ.
СЛУЧИЛОСЬ ЭТО ХОТЬ
ОДНАЖДЫ?

Тьма стала ещё плотнее
— ПРИНЕСИ МНЕ СМЕРТЬ,

ШАЙИТАН, — прокричал Ранд, бросаясь в черноту. — Как я принесу тебе твою!

Авиенда упала на скалистый выступ, высоко над долиной Такан'дара. Она попыталась встать, но ее израненные ноги, не могли выдержать её вес. Копье света исчезло из её руки, когда она рухнула на уступ. И боль поднялась вверх по ногам, как если бы они были в огне.

Грендаль отшатнулась от нее, задыхаясь и делая большие вдохи, смотря в ее сторону. Авиенда немедленно начала плести атаки из струй огня, но Грендаль рубила их ее собственными плетениями.

— Ты! — сплюнула Грендаль, —

ты насекомое, мерзкое отродье!

Женщина всё ещё была сильна, хоть и была ранена.

Авиенда нуждалась в помощи. Эмис, Кадсуане и других. Отчаявшись, цепляясь за Единую Силу, несмотря на ее агонию, она начала плести врата туда, где она была ранее. Это было достаточно близко, так что ей не нужно было знать область хорошо.

Грендаль не обратила внимания на создание врат. Кровь хлынула между пальцев женщины. В то время как Авиенда работала, Грендаль плела тонкую струйку воздуха и отбросила мысль о своих ранах. Затем она указала пальцем на

окровавленную Авиенду. —
Пытаешься спастись?

Женщина начала плести щит.

Ее силы убывали. Отчаянно,
Авиенда закрепила плетение,
оставив Врата открытыми.
Пожалуйста, Амис, заметь их! думала
она, в то время, как отразила щит
Грендаль.

Она еле-еле смогла блокировать
его, т. к. была очень слаба. Грендаль
использовала во время битвы чужую
силу, в то время, как Авиенда свою.
Даже с ангриалом, в ее теперешнем
состоянии, она не могла состязаться
с Грендаль.

Грендаль тяжело выпрямилась,
боль искажала ее лицо. Авиенда

плюнула ей в ноги, затем поползла прочь, оставляя за собой кровавый след.

Никто не пришел через ворота. Неужели она открыла их в неверное место?

Она достигла края выступа с видом на поле боя у Такандара внизу. Если она двинется дальше, она упадет. — Лучше, чем стать еще одной из ее игрушек

Потоки воздуха обвилились вокруг ног Авиенды и дернули ее назад. Она закричала сквозь стиснутые зубы, затем смогла повернуться; ее ноги были больше похожи на кровавые ошметки. Ее окатила боль, в глазах потемнело. Она пыталась изо всех

сил дотянуться до Единой Силы.

Грендап еще держала ее, но вдруг закачалась и зарычала, затем рухнула, задыхаясь. Плетение, останавливающее кровотечение из ее раны, все еще было на месте, но лицо женщины посерело. Казалось, она сейчас потеряет сознание.

Открытые совсем рядом ворота манили Авиенду, обещая спасение, но они могли бы быть и в миле отсюда. Разум помутнел, ноги горели от боли, Авиенда потащила нож из ножен.

Он выпал из ее дрожащих пальцев. Она была слишком слаба, чтобы удержать его.

Глава 44

Два Мастера

Перрин проснулся из-за странного шуршания. Он осторожно открыл глаза и обнаружил, что находится в тёмной комнате.

Дворец Берелейн, вспомнил он. Тихий шум волн снаружи, зов звонких чаек. Далеко грохотал гром.

Который час? Пахло, как утром, но на улице было ещё темно. У него неприятности, тёмная фигура двигалась через комнату к нему. Он

внюхивался, пока не узнал запах.

— Чиад? — спросил он, вставая.

Айилка не подпрыгнула, но он был уверен, от того, как она остановилась, он удивил ее.

— Я не должна быть здесь, — прошептала она. — Я подошла к самой границе того, что позволяет мне честь.

— Это Последняя Битва, Чиад, — сказал Перрин. — Ты можешь нарушить некоторые правила... даже, если мы ещё не победили.

— Битва на поле Меррилор выиграна, но важнейшее сражение — у Такан'дар — ещё продолжается.

— Мне нужно вернуться к

работе, — сказал Перрин. На нем было только исподнее, но он не стал думать об этом. Айилки вроде Чиад от такого не покраснеют. От сдвинул одеяло.

К несчастью, эта пожирающая кости слабость внутри него лишь немного отступила.

— Не собираешься сказать, что я должен оставаться в постели? — спросил он устало, разыскивая штаны и рубаху. Они были сложены рядом с его молотом в ногах, возле кровати. Пришлось опереться о матрас, чтобы дотянуться.

— Не собираешься сказать, что я не должен драться, раз устал? Все женщины, которых я знаю, кажется,

решили, что это их главная задача.

— Я считаю, — сухо сказала Чиад, — что если указывать мужчинам на глупость, они от этого только глупеют еще больше. К тому же, я гайшайн. Не мое это дело.

Он посмотрел на нее, и хотя не мог видеть в темноте румянец на ее лице, чувствовал запах ее смущения. Она вела себя не слишком-то похоже на гайшайн.

— Ранду следовало бы просто освободить всех вас от ваших обетов.

— У него нет такой власти, — горячо заявила она.

— Что толку в чести, если Темный выиграет Последнюю Битву? — огрызнулся Перрин,

натягивая штаны.

— Честь — это все, — тихо сказала Чиад. — Она стоит смерти, она стоит даже того, чтобы рискнуть самим миром. Если у нас нет чести, лучше нам проиграть.

Ну, наверное, он сказал бы то же самое на ее месте. Дело, конечно, не в том, чтобы носить на себе дурацкие белые одежды — но он не стал бы делать кое-что из того, что делали Белоплащники, даже если речь шла обо всем мире. Он не стал дальше давить на нее.

— Зачем ты пришла? — спросил он, взяв рубашку.

— Гаул, — сказала Чиад. — Он?..

— О, Свет! — ответил Перрин. — Я должен был сказать тебе прежде. В последнее время у меня вместо мозгов железный лом в голове. Он был в порядке, когда я его оставил. Он все еще в Море Снов, а там время идет медленнее. Вероятно, там прошел час или около того, но я должен к нему вернуться.

— В таком-то состоянии? — спросила она, забыв о том, что только что обещала не бранить его за это.

— Нет, — сказал Перрин, сидя на кровати. — В прошлый раз я едва не свернул шею. Мне нужна Айз Седай, чтобы избавить меня от усталости.

— Это опасно, — заметила Чиад.

— Опаснее, чем позволить Ранду умереть? — ответил на это Перрин. — Опаснее, чем бросить Гаула без союзника в Мире Снов, защищать Кар'а'карна в одиночку?

— Этот, скорее всего, напорется на собственное копье, если оставить его одного, — сказала Чиал.

— Я не хотел сказать...

— Тише, Перрин Айбара. Я попытаюсь, — она вышла, шелестя одеждой.

Перрин лег на спину на кровати, протирая глаза пятерней ладони. Он был гораздо более уверен в себе, когда он сражался с Губителем в

последний раз, и все же он потерпел неудачу. Он стиснул зубы, надеясь, что Чиад скоро вернется.

Что-то двигалось за пределами комнаты. Он ожил, вновь переводя себя в сидячее положение.

Большая фигура затемнила дверной проем, а затем убрала заслонку с лампы. Мастер Лухан был сложен как наковальня, с небольшим — но еще сильным — торсом и выпирающими руками. В мыслях Перрина, у мужчины не было столько седины в волосах. Мастер Лухан постарел, но не стал слабым. Перрин сомневался, что он вообще когда-нибудь станет слабым.

— Лорд Златоокий? — спросил

ОН.

— Свет, пожалуйста, — сказал Перрин. — Мастер Лухан, Вы и все люди должны не стесняясь звать меня Перрином. Если не «негодным учеником моим».

— Здесь и сейчас, — сказал Мастер Лухан, входя в комнату. — Я не верю, что когда-то называл тебя так, кроме одного раза.

— Когда я сломал новое лезвие для косы Мастера ал'Мура, — сказал Перрин, улыбаясь. — Я был уверен что смогу сделать его правильно.

Мастер Лухан усмехнулся. Он остановился рядом с молотом Перрина, который все еще лежал на столе у подножия кровати, и положил

пальцы на него. — Ты стал настоящим мастером. — Мастер Лухан уселся на стул рядом с кроватью. — Скажу, как один мастер другому, я впечатлен. Я не думаю, что когда-либо сделал что-то настолько же хорошо, как этот молот.

— Ты выковал топор.

— Полагаю, я это сделал, — сказал он. — Эта вещь была не для красоты. Она была для убийства.

— Иногда нужно убивать.

— Да, но в убийстве никогда нет красоты. Никогда.

Перрин кивнул.

— Спасибо. За то, что нашел меня и принес сюда. За то, что спас.

— Это было в моих же

интересах, сынок! — сказал мастер Лухан. — Если мы выберемся из всего этого, то благодаря вам, парни, попомните мои слова, — он покачал головой, словно сам не мог в это поверить. Хоть один человек помнил их троих в юности — когда они, по крайней мере Мэт, чаще влипали в неприятности, чем избегали их.

"Собственно, — подумал Перрин. — Я совершенно уверен, что Мэт и сейчас чаще вляпывается в неприятности, чем избегает". По крайней мере, сейчас он не дрался, а говорил с какими-то Шончан; видение окружали вращающиеся цвета.

— Чиад сказала, что битва в

Меррилооре закончена? — спросил Перрин.

— Да, — ответил Мастер Лухан. — Я пришел сюда, приведя некоторых наших раненых. Скоро я должен буду возвращаться к Тэму и Абеллу, но я хотел проверить, как ты.

Перрин кивнул. Что-то глубоко внутри тянуло его... во всяком случае, это было сильнее, чем когда-либо. Ранд нуждался в нем. Война еще не закончена. Не совсем.

— Мастер Лухан, — сказал Перрин со вздохом. — Я сделал ошибку.

— Ошибку?

— Я сам себя загнал, — сказал Перрин. — Я слишком на себя

давил. — он сжал кулак и ударил кулаком в угол у кровати. — Я должен был понимать это лучше, мастер Лухан. Я всегда так делаю. Работаю слишком упорно и становлюсь бесполезен на другой день.

— Перрин, парень? — ответил мастер Лухан, подавшись вперед. — Сегодня я больше беспокоюсь, что завтра может не наступить.

Перрин посмотрел на него и нахмурился.

Если и есть время выжимать из себя все, то как раз сейчас, — сказал мастер Лухан. — Мы выиграли один бой, но Дракон Возрожденный свой еще не выиграл. Свет, я не думаю,

что ты в чем-то ошибся. Это наш последний шанс в кузнице. Этим утром большая часть сделана. Сегодня просто продолжай работать, пока не сделаешь дело.

— Но если я потерплю неудачу?..

— Тогда ты отдал все, что мог.

— Я мог проиграть, потому что выжал из себя все силы.

— Тогда, по крайней мере, ты не проиграл, потому что сдержался. Я знаю, это звучит плохо, и, может быть, я ошибаюсь. Но...все, о чем ты говоришь было бы хорошим советом для обычного дня. Это не обычный день. Нет, клянусь Светом, он не обычный.

Мастер Лухан взял Перрина за руку. — Ты можешь видеть в себе человека, который позволил зайти себе слишком далеко, но это не тот человек, которого вижу я. В любом случае, Перрин, я видел в тебе того, кто всегда учился себя сдерживать. Я наблюдал, как ты держишь чайную кружку с необычайной деликатностью, как будто боишься сломать её своей силой. Я видел как ты пожимаешь человеку руку, держа его руку в своей с осторожностью, никогда не сжимая её слишком сильно. Я наблюдал, как ты движешься с преднамеренным запасом, чтобы не толкнуть кого-нибудь или что-нибудь не свалить.

— Это были отличные уроки для тебя, сынок. Тебе нужен контроль. Но в тебе я вижу парня, выросшего в мужчину, который не знает, как преодолеть эти барьеры. Я вижу мужчину, который напуган тем, что происходит, когда он немного теряет контроль. Я понимаю, что ты делаешь то, что делаешь, потому что боишься заставить людей страдать. Но Перрин... пора прекратить сдерживаться.

— Я не сдерживаю себя, Мастер Лухан, — запротестовал Перрин. — Правда, я обещаю.

— Разве это причина? Ну, может быть, ты прав. — От мастера Лухана пришел запах смущения. —

Посмотри на меня. Я здесь, веду себя, как будто это моё дело. Я не твой отец, Перрин. Мне очень жаль.

— Нет, — сказал Перрин, когда Мастер Лухан встал, чтобы уйти. — У меня больше нет отца.

Мастер Лухан посмотрел на него с болью во взгляде.

— То, что сделали те Троллоки...

— Мою семью убили не Троллоки, — тихо сказал Перрин. — Это сделал Падан Фэйн.

— Что? Ты уверен?

— Один из Белоплащников рассказал мне об этом, — ответил Перрин. — Он не лгал.

— Что ж, тогда, — сказал

Лухан. — Фэйн. Он все еще там, не так ли?

— Да, — сказал Перрин. — Он ненавидит Ранда. И там есть еще один человек. Лорд Люк. Вы помните его? Ему приказано убить Ранда. Я думаю... Я думаю, они оба попытаются убить его до того, как все это закончится.

— Тогда тебе надо проследить, чтобы у них ничего не вышло, не так ли?

Перрил улыбнулся, потом обернулся к шагам в коридоре. Чиад вошла в комнату мгновение спустя, и он почувствовал запах ее раздражения от того, что он почувствовал ее приближение. Байн

последовала за ней, другая фигура в белом. И после них...

Масури. Не та Айз Седай, которую он сам выбрал бы. Перрин ощутил, как сжались в тонкую полоску его губы.

— Ты не любишь меня, — сказала Масури. — Я знаю это.

— Я никогда не говорил этого, — ответил Перрин. — Ты очень помогла мне во время наших путешествий.

— И все же ты мне не доверяешь, но в этом нет смысла. Ты хочешь вернуть силы, и, вероятно, только я согласна сделать это для тебя. Хранительницы Мудрости и Желтые скорее спеленают тебя, как

младенца, если ты захочешь уйти.

— Я знаю, — сказал Перрин, усевшись на кровать. Он колебался. — Мне нужно знать, зачем ты встречалась с Масимой за моей спиной?

— Я пришла, чтобы выполнить твою просьбу, — сказала Масури. От нее пахло насмешкой. — А ты говоришь мне, что не позволить оказать тебе эту услугу, пока я не отвечу на твои вопросы?

— Почему ты это делала, Масури? — повторил Перрин. — Довольно с этим.

— Я планировала использовать его, — сказала стройная Айз Седай.

— Использовать его.

— Влиять на того, кто звал себя Пророком Дракона, могло бы быть полезным. — Она пахла смущением. — Это было другое время, Лорд Айбара. До того, как я узнала Вас. До того, как любой из нас узнал Вас. — Перрин хмыкнул.

— Я была глупа, — сказала Масури. — Это ты хотел от меня услышать? Я была глупа, и с тех пор я многому научилась.

Перрин посмотрел на нее, потом вздохнул, протягивая руку. Это было ответ Айз Седай, но один из самых откровенных, которые он слышал. — Сделай это —, сказал он. — И спасибо тебе".

Она взяла его руку. Он

чувствовал, что его усталость испарилась — чувствовал, что её оттолкнуло назад, как старое стеганое одеяло, засунутое в маленькую коробку. Перрин чувствовал себя подкрепленным, усиленным. Сильным снова. Он практически подпрыгнул, вставая на ноги.

Масури осунулась, садясь на его кровать. Перрин согнул свою руку, глядя вниз на кулак. Он чувствовал, что мог бросить вызов любому, даже самому Темному.

— Эти ощущения замечательны.

— Мне говорили, что я хороша в этом виде плетения, — сказала Масури. Но будь осторожен, оно...

— Да, — сказал Перрин. — Я знаю. Тело все еще уставшее. Я, просто этого не чувствую.

И, как он считал, эта последняя часть была не совсем верной. Он мог чувствовать свою усталость, как змею глубоко в норе, затаившуюся и ждущую. Она снова поглотит его.

Это означало, что он должен закончить свою работу первым. Он глубоко вздохнул, а затем призвал к себе свой молот. Тот не двигался.

Верно, подумал он. Это реальный мир, а не волчий сон. Он подошел и сунул молот в петли на его поясе, новые, которые он сделал, чтобы держать более крупный молот. Он повернулся к Чиад, которая

стояла в дверном проеме; еще он чувал запах Байн вне комнаты, там, куда она отступила. — Я найду его, — сказал Перрин. — Если он будет ранен, то я принесу его сюда.

— Сделай это, — сказала Чиад, — но ты не найдешь наш здесь.

— Вы собираетесь в Меррилор? — удивленно спросил Перрин.

— Кто-то из нас, — ответила Чиад, — должен приносить сюда раненых для исцеления. Это не то занятие, которым могли бы заниматься гай'шайн раньше, но это то, что мы должны сделать сейчас.

Перрин кивнул, а затем закрыл

свои глаза. Он представил себя близким ко сну, скользящим. Время, проведенное им в волчьем сне хорошо натренировало его разум. Он мог одурачить себя, концентрируясь. Это не меняло мир здесь, но меняло его восприятие.

Да.... скользить близко ко сну ... и здесь был путь. Он выбрал ответвление в сторону волчьего сна во плоти, и поймал лишь намек на то, что у Масури перехватило дыхание, когда почувствовал себя переходящим между мирами.

Он открыл глаза и рухнул в порывы ветра. Он создал карман спокойного воздуха, а затем приземлился на окрепшие ноги.

Только несколько кривых стен напоминали о дворце Берелейн на этой стороне. Одна из них развалилась, камни разбило и унесло в небо ветром. Город перед ним практически исчез, груды камня здесь и там указывали на места, где когда то стояли здания. Небо стонало как гнущийся металл.

Перрин сжал молот в руке и вышел на охоту. В последний раз.

Том Меррилин сидел на большом, почерневших от сажи валуне, покуривая трубку, смотря на конец мира.

Он знал способ или два как найти лучшее место, чтобы смотреть представление. Он рассудил, что

здесь было самое прекрасное место в мире. Его валун был прямо перед входом в Бездну Рока, настолько близко, что, если бы он откинулся назад и прищурился, то смог бы всмотреться и уловить немного огней и теней, играющих внутри. Он поглядел туда. Ничего не изменилось.

Оставайся в безопасности там, Морейн, подумал он. Пожалуйста.

А еще он был достаточно близок к краю пути, чтобы обозревать долину внизу. Он пыхтел своей трубкой, крутя свой ус.

Кто должен был это записать. Он не мог провести всё время, беспокоясь о ней. Поэтому, он искал

в своем уме правильные слова для описания того, что видел. Он отбросил слова вроде "эпический" и "знаменательный". Они были затерты от чрезмерного использования.

Волна ветра дула через долину, развевая кадин'сор айильцев, сражающихся с врагами в красных вуалях. Молнии выросли, ударив в линию Принявших Дракона, удерживающих путь к входу в пещеру. Эти вспышки отправляли людей в воздух. Затем, вместо этого, молнии стали бить по троллокам. Облака метались взад и вперед, как будто Ищущие Ветер захватывали контроль над погодой, а Тень возвращала его обратно. Ни одной из сторон пока не

удалось обладать явным
преимуществом надолго.

Громадные темные звери
опустошали долину, убивая с
легкостью. Гончие тьмы не падали,
несмотря на совместную работу
дюжин. Правая часть долины была
покрыта густым туманом, который,
по каким-то причинам, штормовые
ветры не могли сдвинуть.

"Кульминационный"? думал
Том, жуя кончик своей трубки. Нет,
слишком ожидаемо. Если ты
используешь слова, которые люди
ожидают, они начинают скучать.
Великая баллада должна быть
неожиданной.

Никогда не будь предсказуемым.

Когда люди начинают предсказывать твои действия, когда начинают предугадывать твои взмахи, искать мячик, который ты спрятал ловкостью рук, или улыбаться до того, как ты добрался до поворотной линии в своем рассказе — приходит время упаковать свой плащ, поклониться еще раз для хороших манер, и убраться подальше. В конце концов, этого они ожидают от тебя меньше всего, когда все идет хорошо.

Он откинулся назад снова, всматриваясь в туннель. Он не мог видеть ее, конечно. Она была слишком далеко внутри. Но он мог чувствовать ее, в своем уме, из-за связи.

Она смотрела на конец света, упорно и решительно. Не удержавшись, он улыбнулся.

Ниже, битва крутилась, как мясорубка, разрывая мужчин и Троллоков на куски мертвой плоти. Айил воевали на периферии поля боя, занимая своих захваченных Тенью кузенов. Казалось, что они равны, или были равны пока не прибыли Гончие Тьмы.

Они были неустанными, эти Айил. Они казались совсем не уставшими, хотя уже прошло... Том не мог положить палец на то, сколько времени прошло. Он спал возможно пять или шесть раз, после того, как они прибыли в Шайол Гул,

но он не знал, отмечало ли это дни. Он проверил небо. Никакого признака солнца, хотя направляющие Ищущих Ветер — и Чаша Ветров — вызвали большую линию белых облаков, которые врезались в черные. У облаков, казалось, было собственное сражение, обратное изображение борьбы ниже. Черное против белого.

"Коварные?" — подумал он. Нет, это не то слово. Он создаст балладу, это уж наверняка. Ранд это заслужил. Морейн тоже. Это будет ее победа настолько, насколько и его. Он нуждался в словах. Правильных словах.

Он искал их, когда слышал

айильцев, бьющих копьями о щиты, когда они бежали в битву. Когда он слышал воющий ветер в туннеле, и когда он мог чувствовать, что она стоит до конца.

Внизу, Доманийские арбалетчики отчаянно заряжали. Когда то тысячи их стреляли. Теперь осталась только часть их.

"Возможно... неустрашимые".

Слово было верным, но и неверным. Оно не будет неожиданным, хотя и очень, очень правдивым. Он чувствовал это в собственных костях. Его жена сражалась за свою жизнь. Силы Света бились на грани смерти. Свет, но он боялся. За нее. За них всех.

Но слово было переходным. Ему нужно было что-то лучше, что-то совершенное.

Ниже тайренцы отчаянно разили копьями атакующих троллоков. Принявшие Дракона сражались разнообразным оружием. Последняя паровая повозка, перевозившая стрелы и болты через ворота из Байрлона, лежала неподалеку разбитая. Им не подвозили припасы уже много часов. Искажение времени здесь, бушующая буря, была порождением Единой Силы.

Том особо отметил вагон — он должен придумать, как передать его диковинность, показать, как его

холодные железные борта отбивали стрелы, пока он не разрушился.

В каждой линии здесь был героизм, в каждой руке, натягивавшей тетиву или сжимавшей оружие. Как описать это? Но как описать также страх, разрушение, странность всего этого? В прошлый день — день странного кровавого перемирия — обе стороны прервали бой, чтобы убрать тела.

Ему нужно слово, которое передаст это ощущение хаоса, смерти, какофонии, чистой доблести.

Ниже группа усталых Айз Седай двигалась по пути, где ожидал Том. Они миновали лучников, бдительно осматривающих поле боя в поисках

Исчезающих.

"Изысканный", — подумал Том. Вот хорошее слово. Неожиданное, но истинное. Величественно изысканный. Нет, не "величественно". Лучше оставить слово само по себе. Если слово верное, его не нужно подчеркивать. Если неверное, добавляя другие слова, ты только сделаешь его еще хуже.

Вот на что должен быть похож конец. Небо, разорванное на части, пока соперники борются за контроль над самими элементами, люди из разных наций, которые держатся из последних сил. Если Свет одержит победу, это произойдет на грани

поражения.

Конечно, это приводило его в ужас. Хорошая эмоция. Это нужно включить в балладу. Он затаился трубкой, понимая, что делает это, чтобы унять собственную дрожь. Неподалеку взорвалась вся скальная стена долины, осыпав камнями людей, сражавшихся ниже. Он не знал, кто из направляющих это сделал. На этом поле боя были Отрекшиеся. Том старался не попадаться им на пути.

Вот что ты получил, старик, напомнил он себе, за то, что не знал, когда уйти. Он был рад, что не имел возможности бежать, что его попытка оставить Ранда, Мэта и

прочих оказалась неудачной. Неужели он правда хотел отсидеться где-нибудь в тихой таверне, пока идет Последняя Битва. И оставить ее в одиночестве?

Он покачал головой. Он был так же глуп, как и любой мужчина или женщина. Он просто был достаточно опытен, чтобы распознать это. Прошлые несколько сезонов, прежде чем он сложил воедино все части головоломки.

Приближающиеся Айз Седай разделились, некоторые остались ниже, а одна направилась прямо в пещеру. Кадсуане. Теперь здесь было меньше Айз Седай, чем прежде — они понесли потери. Конечно,

большинство из тех, кто пришел сюда, знали, что их ждет смерть. Эта битва была самой отчаянной, и те, кто тут сражался, имели небольшие шансы уцелеть. Из каждых десяти, кто пришел к Шайол Гул, еще стоял только один. Том знал, что старый Родел Итуралде, прежде чем принять командование, написал прощальное письмо жене. Так же, как и он сам.

Кадсуане кивнула Тому, затем продолжила путь в пещеру, где Ранд сражался за судьбу мира.

Как только она повернулась к Тому спиной, он достал один нож — в другой руке он все еще держал трубку у губ — и метнул. Нож вонзился Айз Седай в спину, точно

посередине, перебив позвоночник.

Она упала, как мешок с картошкой.

Нет, это слишком затасканный термин, подумал том, попыхивая трубкой. Мешок картошкой? ТЕБЕ нужно какое-то другое сравнение. Кроме того, как части падают мешки с картошкой? Не часто. Она упала как... как что? Как ячмень из драного мешка, высыпавшийся в кучу на полу амбара. Да, так лучше.

Когда Айз Седай упала на землю, ее плетения исчезли, явив другое лицо за маской Кадсуане. Он смутно помнил эту женщину. Доманийка. Как там ее звали? Джини Кайд. Да, так. Она была

симпатичная.

Том покачал головой. Ее походка была совершенно неправильной. Неужели никто из них не понимает, что походка является более важной отличительной чертой любого человека, чем нос на лице? Всякая женщина, которая старалась проскользнуть мимо него, полагая, что сменив лицо и платье — может быть, еще голос — может его одурачить.

Он слез со своего места, подхватил тело и поместил в расщелину неподалеку — там уже было пять тел, так что она потихоньку наполнялась. Он набил свою трубку, а затем снял свой плащ

и накинул его на Черную сестру, прикрывая также ее выглядывающую руку.

Он еще раз посмотрел в глубину тоннеля — хотя он и не видел Морейн, это его успокаивало. Затем он вернулся на свое место и достал лист бумаги и карандаш. И — под гром, крики, взрывы и завывания ветра — он начал слагать.

Глава 45

Щупальца тумана.

Кости стучали в его голове, когда Мэт нашел на Высотах Грэйди с Олвером и Ноэлом. В руке он нес треклятое рандово знамя, завязанное в небольшой узелок. Вокруг лежали тела, оружие и обломки доспехов, и кровь покрывала скалы. Но битва здесь закончилась, врагов уже не осталось.

Ноэл, сидевший на лошади, улыбнулся Мэту. Олвер сидел в седле

перед ним, сжимая Рог. Олвер выглядел истощенным из-за Исцеления Грэйди — Ашаман стоял перед лошадью — но также и гордым.

Ноэл. Один из героев Рога. Проклятье, это имело смысл. Сам Джейин Далекоходивший. Что ж, но Мэт не стал бы пытаться занять местечко рядом с ним. Ноэлу это, может, и нравилось, но Мэт никогда не станет танцевать под чужую дудочку. Не станет даже за само бессмертие.

— Грэйди! — сказал Мэт. — Ты славно поработал на реке. Вода вернулась точно тогда, когда была нам нужна!

Лицо Грэйди было пепельно-бледным, словно он увидел нечто, чего не хотел видеть. Он кивнул:

— Что... Что это...

— Объясню в другой раз, — ответил Мэт. — А сейчас мне нужны проклятые ворота.

— Куда? — спросил Грэйди.

Мэт глубоко вздохнул, сдерживая себя.

— Шайол Гул. И обругайте меня дурнем.

Грэйди покачал головой.

— Это невозможно, Коутон.

— Ты слишком устал?

— Я устал, — согласился Грэйди. — Но дело не в этом. Что-то случилось у Шайол Гул. Ворота,

которые пытаешься там открыть, искажаются. Сам Узор... искривился, если в этом есть какой-то смысл. Долина теперь — лишь одно из многих мест, где нельзя открыть врата.

— Грэйди, — сказал Мэт. — Для меня в этом столько же смысла, сколько в игре на арфе без пальцев.

— Нельзя Переместиться к Шайол Гул, Коутон, — раздраженно сказал Грэйди. — Попробуй что-нибудь еще.

— Как близко ты можешь меня переправить?

Грэйди пожал плечами.

— В один из лагерей разведчиков, в дне пути, вероятно.

Целый день пути. Эта тяга внутри Мэта становилась все сильнее.

— Мэт? — спросил Олвер. — Я думаю, мне нужно пойти с тобой, верно? В Запустение? Герои ведь нужны, чтобы драться там?

Это было похоже на правду. Притяжение становилось невыносимым. Кровавый пепел, Ранд, оставь ты меня в покое, ты...

Мэт остановился. Его внезапно осенило. Лагерь разведчиков.

— Ты имеешь в виду один из этих шончанских патрульных лагерей?

— Да, — сказал Грэйди. — Теперь, когда врата не действуют, они

докладывают нам о том, как там проходит битва.

— Ну, что ж, не будем просто сидеть здесь с глупым видом, — сказал Мэт. — Открывай ворота. Пойдем, Олвер. У нас еще осталась работа.

— Ааах... — Шайсам ворвался на поле бое в Такандаре. Так безупречно. Так приятно. Его враги убивали друг друга. И он... он вырастал все больше.

Его разум был в каждом туманном щупальце, что катились сейчас по долине. Души троллоков... ну, не удовлетворяли его. И все же, даже простым зерном можно насытиться, если его много. И

Шайсам поглощал их во множестве.

Его марионетки брели вниз по склону холма, окутанному туманом. Троллоки с их кожей, лопнувшей, словно она кипела. С мертвыми белыми глазами. Едва ли они ему еще нужны, после того как его души дали ему материал, чтобы восстановить себя. Его безумие отступило. В основном. Ну, не в основном. В достаточной мере.

Он шел в центре туманного сгустка. Он еще не возродился, не полностью. Ему нужно место, которое можно заразить, место, где барьеры между мирами истончились. Там его сущность может впитаться в камни и принести в это место его

осознание. Этот процесс займет годы, но когда это случится, его станет труднее убить.

Прямо сейчас Шайсам был хрупок. Эта смертная оболочка, которая шла в центре его разума... он бы связан с ней. Он был Фейном. Паданом Фейном.

И все же он был огромен. Эти души позволили поднять еще больше тумана и — в свою очередь — туман находил новых, чтобы пожирать. Перед ним люди сражались с порождениями Тени. Все они дадут ему силу.

Его рабы вышли на поле боя, и немедленно обе стороны схватились с ними. Шайсам задрожал от

радости. Они не видели. Они не понимали. Рабы были здесь не для боя.

Они были там, чтобы отвлечь.

Пока продолжался бой, он переслал свою сущность в туманные щупальца, затем вонзил их в тела дерущихся людей и троллоков. Он захватил Мурддраала. Обратил его. Использовал.

Вскоре, вся эта армия будет его.

Он нуждался в силе, если его древний враг. его дорогой друг решит атаковать его.

Те двое друзей- врагов были заняты друг другом. Отлично. Шайсам продолжал свои атаки, атаки на врагов с обеих

сторон, и их последователей. Некоторые пытались напасть на него, попав к нему в туман, в его объятия. Конечно он убил их. Это была его истинная сущность. Он пытался создать этот туман еще будучи Фейном, но тогда он не был достаточно зрелым.

Они не дотянутся до него. Ни один живой не мог выжить в его тумане. Когда-то это была просто безмозглая тварь. Она не была ИМ. Но теперь она поймана в нем, он унес в себе ее семя, и этой смерти — этой чудесной смерти — была дарована плодородная почва в человеческой плоти,

Три сущности слились в нем.

Туман. Человек. Хозяин. Этот прекрасный кинжал — сейчас кинжал неслა его физическая оболочка — взрастил нечто восхитительное, новое и древнее одновременно.

Итак, туман был им, но также и не был им. Безумный, но он был его телом, и он нес его разум. Чудесно, что с этими облаками в небе не нужно беспокоиться, что солнце не прогонит его.

Так прекрасно, что его старый враг так приветствует его. Его физическая оболочка в сердце ползущего тумана рассмеялась, пока его разум — сам туман — гордился тем, как все идеально.

Это место будет принадлежать ему. Но только после того, как он поглотит Ранда ал'Тора, сильнейшую душу из всех.

Какой замечательный праздник!

Гаул цеплялся за скалы у Бездны Рока. Ветер рвал его на части песок и осколки скал впивались в его тело, оставляя царапины на его коже. Он рассмеялся в водоворот тьмы.

— И это все? — закричал он наверх. — Я жил в Трехкратной Земле! Я слышал, что Последняя Битва должна быть великой, а не сбором цветов под кровом моей матери!

Ветер подул сильнее, как будто в наказание, но Гаул вжался в камень,

скрываясь от ветра дувшего не на него. Он потерял свою шуфа и привязал часть его рубашки на нижнюю часть лица. У него осталось одно копье. Остальные потеряны или сломаны.

Он подполз к отверстию в пещере, которая лежала перед ним. Тонкая фиолетовая вуаль преграждала путь вперед. Фигура в черном появились перед проходом. Возле нее ветры стихли.

Щуря глаза от ветра, Гаул бесшумно подполз к фигуре и метнул свое копье.

убийца с проклятием развернулся и схватил копье рукой. Он был силен как сталь. Я сожгу

тебя! крикнул он Гаулу.

Гаул отскочил назад, Губитель кинулся за ним, а потом пришли волки. Гаул прыгнул и исчез в камнях. Губитель был очень силен здесь, но то, что он не мог видеть, он не мог убить.

Волки нападали на Губителя, пока он не исчез. Там были сотни волков в этой долине. Губитель успел убил десятки волков. Гаул прошептал прощание с друзьями, что пали в этой атаке. Он не мог говорить с ними так, как Перрин Айбара, но они были братьями по копьё.

Гаул полз медленно, осторожно. Его одежда и кожа сливалась со скалами это было хорошо. Волки и

он, наверное, могли не победить этого убийцы, но они могли бы попробовать. Постараться изо всех сил

Как давно ушел Перрин Айбара? Часа два назад?

"Если Тень захватила тебя, друг мой", — подумал он, — "я прошу тебя успеть плюнуть в глаза Затмевающему Зрение, прежде чем проснуться."

Губитель снова появился среди скал, но Гаул не бросился вперед. Этот человек всего лишь создал обманку перед камнями. Фигура не двигалась. Гаул осторожно, медленно обернулся, а несколько волков появились возле обманки, обнюхивая

ее.

Он начал убивать их.

Гаул выругался, выскочив из укрытия. Очевидно, этого Губитель и хотел. Тот метнул копье — одно из копий самого Гаула. Оно ударило Гаула в бок, он охнул и упал на колени.

Губитель засмеялся, потом поднял руки. От него исходили струи воздуха, разбрасывая волков далеко в разные стороны. Гаул едва мог слышать стоны за порывистым ветром.

—

— Здесь, — кричал Губитель сквозь бурю, — я — король! Здесь у меня больше власти, чем у

Отрекшихся. Это место мое, и я...

Вероятно, боль затуманила рассудок Гаула — ему показалось, что ветры начали утихать.

— Здесь, я...

Ветра больше не было.

Долина погрузилась в тишину. Губитель застыл, потом беспокойно оглянулся на пещеру, которая была на пределах его видимости. Ничто, казалось, не изменилось.

— Ты не король здесь, — произнес тихий голос.

Гаул усмехнулся. На выступе в скале позади него стояла фигура, одетая в зеленые и коричневые цвета дровосека из Двуречья. Его темно-зеленый плащ слабо развивался на

ветру. Перрин стоял с закрытыми глазами, подбородок приподнят, как будто обращенный к солнцу, хотя, если на небе сейчас и было солнце, то оно было скрыто за облаками.

— Это место принадлежит волкам. — сказал Перрин. — Ни тебе, ни мне, ни одному из людей. Ты не можешь быть королем здесь, Губитель. У тебя здесь нет подданных, и никогда не будет.

— Наглый щенок, — зарычал Губитель. — Сколько раз я должен убить тебя?

Перрин сделал глубокий вдох.

— Я смеялся, когда я обнаружил, что Фэйн убил твою семью, — прокричал Губитель. — "Я

смеялся. Я должен был убить его, ты знаешь. Тень считает его безумцем и жуликом, но он стал первым, кто сумел сделать что-то значимое, чтобы принести тебе боль.

Перрин промолчал.

— Люк хотел стать частью чего-то важного, — прокричал Губитель, — в этом мы с ним похожи, хотя я искал возможности научиться направлять. Темный не может дать ее, но он нашел для нас что-то другое, что-то лучшее. Что-то, что требует, чтобы душа объединилась с чем-то другим. Примерно как то, что произошло с тобой, Айбара. Как с тобой.

— Мы не похожи с тобой,

Губитель, — мягко сказал Перрин.

— Нет, мы похожи! Вот почему я смеюсь. А знаешь, есть пророчество о Люке. Поэтому он важен для Последней Битвы. Вот почему мы здесь. Мы убьем тебя, затем убьем ал'Тора. Так же, как убивали твоих волков.

Стоя на скалистом выступе, Перрин открыл глаза. Гаул отстранился. Эти золотые глаза сияли как маяки.

Буря началась вновь. Но все же, эта буря могла показаться мягкой в сравнении с той, что Гаул видел в глазах Перрина. Гаул чувствовал давление со стороны друга.

Словно давление солнца в

полдень, после четырех дней без воды.

Несколько мгновений Гаул смотрел на Перрина, затем зажал рану рукой и побежал.

Ветер хлестал Мэта, он вцепился в седло крылатого зверя в сотнях футов над землей.

Кровь и проклятый пепел! — воскликнул Мэт, придерживая одной рукой шляпу, а другой хватаясь за седло. Он был привязан какими-то ремнями. Два небольших кожаных ремешка. Слишком тонких. Почему бы не использовать ещё? Десять или двадцать? Сто ремней — это было бы замечательно!

Морат'то'ракен был проклятым

безумцам. Все они! Они делали это каждый день! Может с ними было что-то не в порядке?

Привязанный к седлу перед Мэтом, Олвер весело рассмеялся.

Бедный парень — подумал Мэт. Ему так страшно, что он сходит с ума. Здесь, наверху не хватало воздуха.

Это здесь, мой Принц! — морат'то'ракен Сулаан обратилась к нему со своего места впереди летящей твари. Она была хорошенькая. Тоже сумасшедшая. — Мы достигли долины. Вы уверены, что хотите здесь приземлиться?

Нет! — прокричал Мэт.

Хороший ответ! — Женщина

направила своего зверя вниз.

Кровь и пепел -

Олвер рассмеялся.

То'ракен пронес их над длинной долиной, заполненной яростной битвой. Мэт попытался сосредоточить своё внимание на битве, а не на том, что он летел по воздуху на ящерице с двумя проклятыми сумасшедшими.

Кучи троллоковых тел показывали ситуацию не хуже чем карта. Троллоки прорвали оборону у входа в долину позади Мэта. Он летел в сторону горы Шайол Гул, справа и слева были горы окружающие долину.

Внизу был хаос. Отдельные

отряды Айил и Троллоков передвигались по долине, сражаясь друг с другом то здесь, то там. Какие-то солдаты, не Айил, защищали подходы к Бездне Рока, но как видел Мэт, это были единственные организованные формирования.

Вдоль одной стороны долины плотный туман начал разливаться над землей. Вначале Мэт пришел в замешательство, думая, что прибыли герои Рога. Но нет, Рог был привязан к седлу рядом с ашандареем Мэта.

И этот туман был слишком... серебристый. Если это наиболее подходящее слово. Казалось, он видел такой туман прежде.

В это время Мэт почувствовал что-то. От этого тумана. Покалывание, ощущение холода, а затем, он мог поклясться — шёпот в его голове. Он сразу понял, что это такое.

О, Свет!

Мэт смотри! — показал Олвер, — Волки!

Группа стремительных черных зверей, размером почти с коня, атаковали солдат, защищающих путь в Шайол Гул. Волки быстро разбирались с людьми. Свет! Как будто все и так не было достаточно трудно!

— Это не волки, — мрачно сказал Мэт. Дикая охота пришла в

Такан'дар

Может быть они и Машадар уничтожат друг друга? Или это слишком хорошо, чтобы надеяться? С костями, крутящимися в голове, Мэт не собирался делать ставку на это. Силы Ранда, те что остались от прибывших сюда айил, доманийцев, принявших Дракона и тайренских солдат, были бы уничтожены Гончими Тьмы. Если бы они выжили, Машадар забрал бы их. Они не могли сражаться ни с этим, ни с тем.

Этот голос там ... Это был не просто Машадар, бездумный туман. Фейн тоже был где-то здесь. И кинжал.

Шайол Гул нависал над ними.

Высоко в воздухе кипели облака. Удивительно, но с юга катились белые тучи, сталкивались с черными и вращались вместе. Собственно, белые и черные вместе выглядели жутко похоже на...

То'ракен развернулся и взмахнул крыльями, затем полетел ниже, быть может, всего в сотне футов от земли.

— Осторожнее! — крикнул Мэт, придерживая шляпу. — Проклятье, ты пытаешься нас угробить?

— Извините, мой принц, — закричала женщина назад. — Мне просто нужно найти безопасное место, чтобы посадить вас.

— Безопасное место? — сказал Мэт. — Удачи в этом.

— Кажется, это будет непросто.
Дана сильная, но я...

Стрела с черным оперением, запущенная откуда-то снизу, вонзилась в голову Сулаан. Десяток других просвистел возле Мэта, а одна ударила в крыло то'ракена.

Мэт выругался, отбросил шляпу и потянулся к Сулаан, когда Олвер вскрикнул в шоке. Сулаан обмякла, выпустив поводья. Внизу группа Айильцев в красных вуалях приготовилась в новому залпу.

Мэт отцепил ремни и прыгнул — ну, скорее прополз — над Олвером и потерявшей сознание женщиной. Он схватил поводья запаниковавшего то'ракена. Это же

не намного труднее, чем править конем, верно? Он натянул поводья так же, как делала Сулаан у него на глазах, развернув то'раекна, когда стрелы прошли в воздухе позади них, а несколько воткнулись в крылья зверя.

Они свернули в скалистой стене, и Мэт обнаружил себя стоящим на ногах в седле и крепко сжимающим поводья в попытке не дать раненому зверь, проклятье, поубивать их всех. Когда то'ракен развернул, Мэта чуть не сбросило, но он удержался на месте, с задеревеневшими ногами, сжимая поводья еще крепче.

Поток воздуха, когда они развернулись, унес следующие слова

Олвера. Тяжело раненая тварь дико хлопала крыльями и жалобно кричала. Мэт не был уверен, что они могут управлять то'ракеном, когда зверь устремился к земле.

Они грудой рухнули в долину. Треснули кости — Свет, Мэт надеялся, что это были кости то'ракена — и тут он покатился по истерзанной земле.

Наконец он остановился и плюхнулся вниз.

Он тяжело переводил дыхание, ошеломленный всем этим.

— Это, — наконец, заявил он, — проклятье, была самая худшая идея, какая когда-либо приходила мне в голову. — он помедлил. — Ну,

может, почти худшая, — все-таки, он же решился похитить Туон.

Он поднялся и убедился, что его ноги еще слушаются. Не так уж сильно он хромотал, когда бежал к разбившемуся то'ракену.

— Олвер? Олвер!

Мальчишку он нашел еще привязанным к седлу, моргающего и трясущего головой.

— Мэт, — сказал Олвер. — В другой раз, я думаю, ты должен будешь дать мне полетать. По-моему, у тебя это не очень получается.

— Если будет следующие раз, — сказал Мэт, — я сожру целый кошель Тар Валонских золотых. Он распутал веревки, державшие его ашандарей и

Рог Олвера, затем вручил инструмент мальчику. Он потянулся к мешку с Рандовым знаменем, который привязал к поясу, но тот пропал.

В панике Мэт озирался вокруг.

— Знамя! Я выронил треклятое знамя!

Олвер улыбнулся, глядя на узор, образованный закрутившимися облаками.

— Это не страшно, — сказал он, — мы уже под знаменем.

Затем он поднял Рог и протрубил прекрасную ноту.

Глава 46

Пробуждение

Ранд вырвался из темноты и вновь полностью вошел в Узор.

Наблюдая за Узором, он знал, что хоть для него прошло всего несколько минут с тех пор, как он вошел, но в долине за пределами этой пещеры прошли дни, а в мире, что находился дальше — гораздо больше.

Ранд возвратился к позиции, в которой он застыл, подняв клинки,

вместе с Моридином в течении этих напряженных минут. Все еще наполненный Единой Силой, такой сладкой, Ранд нанес удар Каландором в своего старого друга.

Моридин успел вовремя, хотя и с великим трудом, поднять свой меч. Он взревел, выхватывая нож из-за ремня и делая шаг назад, чтобы занять позицию для использования меча и ножа.

— Ты больше не имеешь значения, Элан, — сказал Ранд, поток саидин бушевал внутри него. — Давай покончим с этим!

— Больше не имею? — Моридин рассмеялся.

Затем он развернулся и метнул

нож в Аланну.

Найнив с ужасом наблюдала, как нож вращался в воздухе. Ветра не мешали ему по какой-то причине.

Нет! После того, как она невероятными усилиями вернула женщину к жизни. Сейчас я не могу потерять её! Найнив попыталась схватить нож или заблокировать его, но она двигалась слишком медленно.

Нож вонзился в грудь Алланы.

Найнив взглянула на это, ужасаясь. Это была не та рана, которую можно защитить или исцелить травами. Это клинок попал в сердце.

— Ранд! Мне нужна Единая Сила — закричала Найнив.

— Всё... всё в порядке... —

прошептала Аланна.

Найнив посмотрела в глаза женщины. Они были ясны. "Эндилэй", поняла Найнив, вспоминая траву, которую она использовала, чтобы вернуть женщине силы. Она вывела её из оцепенения. Она пробудила её.

— Я могу... — сказала Аланна. — Я могу освободить его...

Свет потух в её глазах.

Найнив взглянула на Моридина и Ранда. Ранд смотрел на мертвую женщину с жалостью и скорбью, но Найнив не увидела ярости в его глазах. Аланна освободила его от связи прежде, чем Ранд смог бы ощутить эффект от её смерти.

Моридин обернулся к Ранду, другой нож был зажат в его левой руке. Ранд поднял Калландор, чтобы сразить Моридина.

Моридин бросил меч и нанес удар ножом в свою правую руку. Ранд внезапно дернулся и уронил Калландор, будто его рука каким-то образом была повреждена атакой Моридина.

Свечение, исходящее из лезвия, погасло и прозрачный клинок звякнул, ударяясь о землю.

Перрин не сдерживал себя в бою с Губителем.

Он не пытался провести различие между волком и человеком.

Он, наконец, позволил всему выйти наружу: каждой капле гнева на Губителя, каждой частице боли за смерть своей семьи — всему тому давлению, что росло месяцами в нем, незамечаемым.

От позволил этому выйти. Свет, но он позволил этому выйти. Всему тому, что началось в ужасную ночь, когда ему пришлось убить Белоплащников. С тех пор, он сильно сдерживал себя и свои эмоции. Все так, как и говорил мастер Лухан.

Он мог видеть это сейчас, как в застывшем кадре. Спокойный Перрин, что всегда опасался навредить кому-то. Кузнец, что учился контролю. Он так редко

позволял себе бить со всей силы.

В этот день, он взял в руки цепь от привязи волка. Хотя на самом деле, её никогда и не было.

Буря соответствовала его ярости. Перрин не пытался сдержать её. С чего ему это? Она идеально походила на его эмоции. Удары его??молота были словно раскаты грома, вспышки в глазах — словно молнии. Волки выли вместе с ветром.

Губитель пытался сопротивляться. Он прыгал, смещался, бил. Всякий раз Перрин был рядом. Наскакивая на него как волк, разворачиваясь к нему как человек, швыряя его как сама буря. В глазах Губителя появился дикий

взгляд. Он создал щит, пытаясь отгородиться им от Перрина.

Перрин атаковал. Без мыслей, теперь, он действовал инстинктивно. Перрин взревел, разя молотом щит снова и снова. Преследуя Губителя впереди. Молотя щит словно неподдающийся участок железа. Вымещая свой гнев, свою ярость.

Его последний удар отбросил Губителя назад и выбил щит из его рук, с такой силой, что он взлетел на сотню метров в верх. Губитель упал на землю и откатился в сторону, тяжело дыша. Он остановился на поле битвы, призрачные фигуры появлялись вокруг него и исчезали, потому что они сражались в

реальном мире. В его глазах была паника, когда он взглянул на Перрина, а затем Губитель исчез.

Перрин последовал за ним в реальность. Он появился посреди битвы, Айил яростно сражались с троллоками. Ветры здесь были удивительно сильны, и черные облака вращались над Шайол Гул, который вздымался вверх, слово перст, указующий в небо.

У Айил неподалеку едва ли был момент, чтобы обратить на него внимание. Тела троллоков и людей грудями лежали на поле боя, и все это место пропахло смертью. Недавно земля здесь была покрыта пылью, но теперь та превратилась в

грязь, впитав кровь павших.

Губитель прорвался сквозь группу Айил неподалеку, рыча, разя длинным ножом. Он не оглядывался — и, похоже, не знал, что Перрин последовал за ним в реальный мир.

Новая волна Порождений Тени вторглась со склона горы, выходя из серебристого белого тумана. Из кожа выглядела странно, покрытая дырами, их глаза были молочно-молочно-белыми Перрин не обращал на них внимание и следовал за Убийцей

Юный Бык! Волки. Братья Тени здесь. Мы сразимся.

Гончие Тьмы. Волки ненавидели все Порождения Тени, целая стая

могла погибнуть сражаясь с Мурдраалом. Но Гончих Тьмы они боялись.

Перрин гляделся, чтобы опознать этих тварей. Обычные люди не могли сражаться с Гончими Тьмы, чья просто слюна была смертельна. Неподалеку, человеческие отряды сломались перед волками чистого черного цвета размером с лошадей. Дикая Охота.

Свет! Эти Гончие Тьмы огромны. Десятки угольно-черных, обращенных волков разорвали оборонительные линии людей, разбросав тайренских и доманийских солдат как тряпичных кукол Волки атаковали Гончих Тьмы, но тщетно.

Они кричали и выли и погибали.

У Перрина вырвался крик, слившийся с их криками смерти, прерывистый крик ярости. В данный момент он не мог помочь. Его инстинкты и страсть вели его за Убийцей. Он должен победить Убийцу. Если Перрин не остановит Убийцу, то этот человек войдет в Мир Снов и убьет Ранда.

Перрин повернулся и побежал через сражающиеся армии в погоне за отдаленной фигурой впереди. Убийца выгадал, опережая от того, что Перрин отвлекся, и о немного сбавил скорость. Он еще не понял, что Перрин мог покидать Мир Снов.

Впереди Убийца остановился и

проверил поле битвы. Он оглянулся назад и увидел Перрина, его глаза расширились. Перрин не мог слышать его слов из-за шума, но мог прочитать по губам Убийцы как он прошептал — Нет. Нет того не может быть.

Да, — подумал Перрин. Я могу следовать за тобой теперь, куда бы ты не бежал. Это охота. Ты теперь добыча.

Убийца исчез и Перрин перешел в волчий сон за ним. Эти люди, что сражались вокруг него превратились в узоры на пыли, которые взрывались и меняли свои формы. Убийца вскрикнул в испуге, увидев его, затем вернулся назад в реальный мир.

Перрин сделал тоже самое. Он почувствовать след Убийцы. Пятно панического пота. В сон, потом опять в реальный мир. Во сне Перрин бежал на четырех лапах, как Юный Бык. В реальном мире он был Перрином с поднятым вверх молотом.

Он переходил между двумя мирами так часто, как будто моргал, преследуя Убийцу. Когда он мог наткнуться на сражающиеся фигуры, он прыгал в волчий сон и проходил через фигуры сделанные из песка и клубящейся пыли, потом вновь возвращался в реальный мир, чтобы продолжать идти следом. Преходил настолько быстрым, что он мерцал

между двумя мирами с частотой сердцебиения.

Бум. Перрин поднял свой молот, отпрыгивая от небольшого хребта за ползущей фигурой вперед.

Бум. Юный Бык завыл, призывая стаю

Бум. Теперь Перрин был ближе. Всего в нескольких шагах позади. Запах Губителя был острым.

Бум. Духи волков появились вокруг Юного Быка, завывая от жажды охоты. Никогда еще не была так заслужена добыча. Никогда еще добыча не причиняла столько ущерба стае. Никогда еще человек не был так испуган.

Бум. Губитель споткнулся.

Падая, он исчез, рефлекторно уйдя в волчий сон.

Бум. Перрин взмахнул Матиаллейниром, украшенным изображением прыгающего волка. Того, кто парит.

Бум. Юный Бык метнулся к горлу убийцы его братьев. Губитель бежал.

Молот продолжал бить.

В этот момент, что-то в этом месте бросило Перрина и Губителя в линии спиральных вспышек между мирами. Вперед и назад, вперед и назад, вспышки мгновений и мыслей. Сполох. Сполох. Сполох.

Вокруг них умирали люди. Пыль и плоть. Их мир рядом с тенями

других миров. Люди в странной одежде и доспехах, дерущиеся звери всех размеров и облика. Моменты, где Айил оборачивались Шончан, а тем становились чем-то между теми и другими, с копьями и светлыми глазами, но в шлемах, похожих на головы чудовищных насекомых.

Во всех этих моментах, во всех этих местах, молот Перрина наносил удары, и клыки Юного Быка сжимали шею Губителя. Он ощущал соленый, теплый вкус крови Губителя во рту. Он чувствовал, как дрожит молот, когда он бьет, и слышал, как трещат кости. Мир вокруг сверкал, как вспышки молний.

Все рассыпалось, содрогнулось, затем собралось воедино.

Перрин стоял на камнях в долине Такандар, и тело Губителя распласталось перед ним; его голова была разбита. Перрин задыхался, азарт охоты переполнял его. Все было кончено.

Он обернулся, с удивлением обнаружив, что окружен айильцами. Он хмуро посмотрел на них:

— Что вы делаете?

Одна из Дев рассмеялась:

— Похоже, ты станцевал великий танец, Перрин Айбара. Одно удовольствие смотреть на воинов вроде тебя и следовать за ними. Чаще всего им достается главное веселье.

Он мрачно улыбнулся, осматривая поле боя. Битва складывалась не в их пользу. Гончие Тьмы терзали защитников с кровожадным безумием. Путь к Ранду был полностью открыт.

— Кто командует этой битвой? — спросил Перрин.

— Сейчас никто, — сказала дева. Он не знал ее имени. — Родел Итуралде был первым. Затем вел Дарлин Сиснера, но на его командный пункт упал Драгкар. Я не видела ни Айз Седай ни клановых вождей уже часы.

Ее голос звучал скорбью. Даже стойкие Айил были измотаны. Быстрый взгляд на поле битвы,

показал Перрину, что остатки Айил сражались там где стояли, часто маленькими группами, пытаясь нанести максимальный урон врагу, прежде чем погибнуть. Стаи волков, которые сражались здесь же, были разбиты. Передаваемые ими образы были полны боли, и страха. И Перрин не знал, что означает эта Тень, пузырящаяся пустыми лицами.

Битва была окончена, и Свет проиграл.

Рядом, Гончие Тьмы прорвались через линию Принявших Дракона, последнюю группу, кто еще сопротивлялся. Несколько человек пытались бежать, но одна из Гончих прыгнула на них, сбив нескольких на

землю, и разорвав одного. Брызги шипящей слюны попали на остальных, и они упали, забившись в агонии.

Перрин опустил Молот, затем встав на колени, снял плащ Губителя, и обмотав тканью руки, снова поднял Молот. — Не позволяйте их слюне попасть на вашу кожу. Это смертельно.-

Айил кивнули, те кто был с голыми руками, обмотали их. Они пахли и решимостью, и покорностью одновременно. Если выбора нет, то Айил, готовы бежать к смерти, и смеяться ей в лицо. Мокроземцы считают их за это безумцами, но Перрин чувствовал правду. Айил

совсем не были безумцами. Да, они не боялись смерти, но и не стремились к ней.

— Коснитесь меня, каждый из вас, — сказал Перрин.

Айильцы сделали, как он сказал. Он перенес их в волчий сон — взять так много было тяжело, как гнуть брус из стали — но ему это удалось. Он сразу перенес их на тропу к Бездне Рока. Духи волков собрались здесь, безмолвные. Сотни их.

Перрин перенес Айильцев обратно в мир бодрствующих, своим перемещением располагая себя и свой маленький отряд между Рандом и Гончими Тьмы. Дикая Охота смотрела вверх, испорченные глаза

блестели, как серебро, когда останавливались на Перрине.

— Мы останемся здесь, — сказал Перрин айильцам, — и будем надеяться, что ктонибудь нам поможет.

— Мы будем стоять, — сказал один из Айил, высокий мужчина, в одной из этих головных повязок с символом Ранда.

— И если не выстоим, — сказал другой, — и вместо этого проснемся, мы по крайней мере напоим эту землю своей кровью и напитаем своими телами растения, которые теперь растут здесь.

Перрин едва заметил растущие растения, нелепо зеленые и яркие в

этой долине. Маленькие, но сильные. Проявление того, что Ранд еще сражался.

Гончие Тьмы ползли к ним, прижав хвосты и уши, обнажив клыки, блестящие словно окровавленный металл. Что это было, что он слышал за ветром? Что-то очень мягкое, очень далекое. Это казалось таким тихим, что он не должен был заметить. Но оно пробивалось сквозь шум войны. Смутно знакомое.

— Мне знаком этот звук, — сказал Перрин.

— Звук? — спросила айильская Дева. — Какой звук? Зов волков?

— Нет, — сказал Перрин, когда

Гончие Тьмы начали прыгать вверх по тропе. — Рог Валир.

Герои придут. Но на чьей стороне они будут биться? Перрин не мог ожидать чей либо помощи здесь. Кроме...

Веди нас, Юный бык.

Кто сказал, что все герои должны быть людьми?

Вой поднялся в той же тональности, что и звучавший Рог. Он смотрел на поле, усеянное множеством светящихся волков. Они были

большими бледными зверями, размером с Гончих Тьмы. Духи волков, которые умерли, а затем собрались здесь, ожидая знака,

ожидаю шанса сразаться.

Рог позвал их.

Перрин издал свой собственный вопль, вой удовольствия, а затем бросился навстречу Гончим Тьмы.

Последняя охота наконец-то, по настоящему пришла.

Мэт снова оставил Олвера с героями. Мальчик выглядел как принц, скача перед Ноэлом, когда они атаковали троллоков и предотвратили любые попытки подняться этим путем возможным убийцам Ранда.

Мэт позаимствовал лошадь одного из защитников, который еще сохранил её, и ускакал, чтобы найти Перина. Наверняка, его друг был

среди этих волков. Мэт не знал, как те сотни больших сияющих волков вступили в бой, но он не собирался жаловаться. Они сошлись с Дикой охотой лоб в лоб, рыча и кусая Гончих Тьмы. Рёв с обеих сторон заполнил слух Мэта.

Он проехал несколько айил, сражающихся с Гончими Тьмы, хотя у людей не было ни единого шанса. Они опрокидывали и разрубали тварь, но части опять срастались вместе, как будто состоящие из тьмы, а не из плоти — затем тварь разрывала айильцев. Кровь и проклятый пепел! Оружие айил кажется даже не оставляло царапин на этих тварях. Мэт продолжал

скакать, избегая завитков серебристого тумана, протянувшихся через всю долину.

Свет! Этот туман двигался в сторону Ранда. Набирая скорость, он одинаково окутывал айльцев, троллоков и Гончих Тьмы.

Недавно Мэт считал глупцами людей решивших сражаться с Гончими Тьмы. Перин молотом расколол голову гончей и вбил ее в землю. Поднимаясь, молот оставлял дымный след. Удивительно, но Гончая Тьмы осталась мертвой.

Повернувшись, Перин изумлено посмотрел на него. — Мэт! — воскликнул он, — что ты здесь делаешь?

— Прихожу на помощь! —
ответил Мэт, — вопреки своему
проклятому здравомыслию!

— Ты не можешь бороться с
Гончими Тьмы, Мэт, — сказал
Перин, когда Мэт к нему
подъехал. — Я могу, и Последняя
Охота может. Он повернул голову на
звук Рога.

— Нет, — сказал Мэт, — это не
я трубил. Это проклятое бремя
перешло к человеку, которому,
похоже, это нравится на самом деле.

Дело не в этом, Мэт
Перрин подошел, потянулся и
взял его за руку, сидящего верхом.

— Моя жена, Мэт. Пожалуйста.
Рог был у неё.

Мэт мрачно взглянул вниз.

— Мальчик сказал... Свет, Перрин. Фэйли была на поле Меррилор. Она увела Троллоков от Олвера, чтобы он мог убежать с рогом.

— Значит, она ещё может быть живой, — ответил Перрин.

— Конечно, может, — сказал Мэт. Что ещё он мог сказать? — Перрин, тебе нужно знать ещё кое-что. Фейн здесь, на поле боя.

— Фейн? Где? — прорычал Перрин.

— Он в том тумане! Перрин, он каким то образом притащил сюда Машадар. Не позволяй ему коснуться тебя.

— Я тоже был в Шадар Логот, Мэт, — сказал Перрин. — У меня есть долг, который нужно вернуть Фейну.

И я не знаю? Сказал Мэт. — Я...

Перрин широко раскрыл глаза. Он уставился на грудь Мэта.

Там маленькая лента серебристого тумана — тумана Машадара — проткнула Мэта сзади в грудь. Мэт вздрогнул один раз, а затем свалился с лошади.

Глава 47

*Наблюдая за искривляющимся
потоком.*

Авиенда боролась на склонах долины Такан'дар, пытаясь избежать щита Духа, который пробовала поставить Грендаль. Плетение, как кружево, не поддавалось попыткам дотянуться до Единой Силы. Ее ноги были разбиты, она не могла стоять. Она лежала, страдая, почти не способная двигаться.

Она отбила его, но еле-еле.

Отрекшаяся облокотилась на выступ скалы, как делала это уже некоторое время, бормоча себе под нос. Ее бок истекал ярко красной кровью. Внизу, в долине, бушевала битва. Белый серебристый туман катился через мертвых и живых

Авиенда попыталась подползти к воротам. Они все еще были открыты, и через них она могла видеть дно долины. Что то должно быть отвлекло Кадсуане и других, либо же Авиенда открыла ворота не в том месте.

Свечение саидар снова окружило Грендаль. Еще плетения; Авиенда разбила их, но они задержали ее продвижение к воротам.

Грендаль застонала, затем сделала усилие, чтобы выпрямиться. Шатаясь, она пошла в направлении Авиенды, хотя женщина и выглядела ошеломленной из-за потери крови.

Авиенда мало что могла сделать, чтобы защитить себя, слабая от потери крови. Она была беспомощна.

Кроме...

... у неё были врата, что она завязала. Они по-прежнему висели здесь, удерживая портал открытым. Плетение из нитей.

Осторожно, нерешительно, но с отчаянием, Авиенда мысленно потянулась и

дернула, освобождая одну из нитей врат. Она могла это сделать.

Поток задрожал и исчез.

Это было что-то, что делали Айил, и что Айз Седай считали ужасно опасным. Результат мог быть непредсказуемым: взрыв, маленький сноп искр... Авиенда могла быть выжжена.

Или же могла вызвать разрушительный взрыв.

Для неё это будет хорошо. Если она убьет одну из Отрекшихся рядом с собой, это будет отличная смерть.

Она попытается.

Грендаль остановилась возле Авиенды и заворчала что-то про себя, закрыв глаза.

Затем женщина открыла глаза и начала создавать другое плетение.

Принуждение.

Авиенда выбирала все быстрее, вытаскивая две, три, полдюжины нитей из врат. Почти, почти ...

— Что ты делаешь? — потребовала Грендаль.

Авиенда выбирала нити все быстрее, и в спешке, выдернула не ту нить. Она замерла, наблюдая как поток искривился, удаляя другие нити рядом с собой.

Грендаль зашипела и начала накладывать Принуждение на Авиенду. Врата взорвались в вспышке света и жара.

Шайсам завладел полем боя, его туман проталкивался через этих волков и людей, которые думали

преградить ему путь к ал'Тору.

Да, ал'Тор. Тут он будет убивать, уничтожать, насыщаться. Да, ал'Тор!

Нечто затрепетало на краю его ощущений. Шайсам заколебался, нахмурился. Что-то было не так? Часть его... Часть его чувств притупилась.

Что это было? Он пустил свою телесную оболочку над землей через туман. Кровь стекала с его пальцев, лилась с кинжала что он сжимал, чудесное семя, последняя часть его старого Я.

Он наткнулся на труп убитого его туманом. Шайсам нахмурился, наклонившись. Это тело выглядело знакомым...

Труп протянул руку и схватил ШайсамА за горло. Он задохнулся, когда труп открыл глаза — он вспомнил.

Я слышал одну странную вещь о заболеваниях, — прошептал Мэт Коутон. — После того, как ты заразился и выжил, ты уже не заболеешь этой болезнью.

.....

Шайсам заметался, запаниковал. Нет. Нет, не так должна была пройти встреча со старым другом! Он вцепился в держащую его руку, но с ужасом понял, что уронил свой кинжал.

Коутон дернул его вниз и швырнул на землю. Шайсам призвал

своих рабов. Слишком поздно!
Слишком медленно!

— Я пришел вернуть твой подарок, Мордет, — прошептал Коутон. — Я думаю, мой долг уплачен полностью.

Коутон вбил кинжал прямо между ребрами, в сердце Шайзама. Привязанный к этой жалкой смертной форме, Мордет закричал. Падан Фейн взвыл, и почувствовал, что его плоть плавится на костях. Туман вздрогнул, начал крутиться и дрожать.

Вместе они умерли.

Перрин перенесся в волчий сон и нашел Гаула, следуя по запаху крови. Ему ненавистно было бросить

Мэта с Машадаром, но он был уверен — по взгляду, которым одарил его Мэт после падения — что его друг мог пережить туман, и знал, что делает.

Гаул хорошо спрятался, забившись в трещину в скале, прямо рядом с Бездной Рока. Гаул все еще нес одно копье и затемнил свои одежды, чтобы сливаться со скалами вокруг него.

Он клевал носом, когда Перрин нашел его. Гаул был не только ранен, но и пробыл в волчьем сне слишком долго. Если Перрин чувствовал болезненное изнеможение, то для Гаула оно должно было быть гораздо хуже.

— Пойдем Гаул, — сказал Перрин, помогая ему выбраться из скал.

Гаул выглядел ошеломленным. — Никто не прошел мимо меня, — бормотал он. — Я наблюдал, Перрин Айбара. Кар'а'карн в безопасности.

Ты все сделал хорошо, мой друг, — ответил Перрин. — Лучше, чем кто либо мог ожидать. Ты получил много чести.

Гаул улыбнулся, облокотившись на плечо Перрина. — Я забеспокоился. когда волки исчезли, я забеспокоился.

— Они сражаются в мире пробудившихся. Перрин чувствовал

потребность вернуться сюда. Найти Гаула было только частью этого, но здесь было что то еще, тяга, которую он не мог объяснить.

— Держись, — сказал Перрин, схватив Гаула за талию. Он перенес их на поле Мериллор, а потом перенесся из волчьего сна и появился в центре лагеря Двуреченцев.

Люди незамедлительно сосредоточились на Перрине, крики нарастали. — Свет, Перрин! — сказал мужчина неподалеку. Грейди, с глубокими мешками под глазами, бросился вперед. — Я чуть не сжег вас в уголь, Лорд Златоокий. Как вам удалось так появиться?

Перрин покачал головой, кладя

Гаула на землю. Грейди осмотрел рану на боку человека, а затем позвал за одной из Айз Седай для проведения Исцеления. Они суетились вокруг — некоторые из двуреченских мужчин кричали, что Лорд Златоокий вернулся.

Фэйли. Фэйли была здесь, в Мериллоре с Рогом.

Я найду её.

Ранд был один, незащищенный в волчьем сне.

Гори оно, это не имеет значения! думал Перрин. Если я потеряю Фэйли.

Если Ранд умрет, он потеряет Фэйли. И все остальное. Там все еще оставались Отрекшиеся. Перрин

сомневался. Он должен пойти искать её, разве нет? Разве это не его долг, как её мужа? Может ли кто-то еще присмотреть за Рандом?

Но. если не он, тогда кто?

Хоть это и разрывало его на части, Перрин начал искать волчий сон в последний раз.

Моридин подхватил Калландор с пола. Тот засиял от Единой Силы.

Ранд отступил прочь, держа больную руку у груди. Моридин засмеялся, поднимая оружие вверх. — Ты мой, Льюс Тэрин. Ты, наконец-то мой! Я. Он замолчал, потом посмотрел на меч, возможно, в благоговении. — Он может усиливать Истинную силу.

Са'ангриал Истинной Силы? Как? Почему? Он засмеялся громче.

Водоворот закрутился вокруг них.

— Направлять Истинную Силу здесь смертельно, — закричал Ранд. — Это сожжет тебя в золу!

— Это забвение! — закричал Моридин. Я буду знать, что это произойдет, Льюс Тэрин.

Я заберу тебя с собой.

Свечение меча стало ярко темно-красным. Ранд мог ощущать силу, исходящую от Моридина, когда тот потянул из Истинного Источника.

Это было наиболее опасной частью плана. Мин поняла это.

Калландор имел недостатки, такие невероятные недостатки. Он был создан таким образом, что мужчина, использующий его, нуждался в женщинах, чтобы контролировать его, был создан так, что если бы Ранд использовал его, другие смогли бы взять контроль над ним.

Почему Ранду было нужно оружие с такими недостатками? Почему пророчества так отмечали это? Са'ангриал для Истинной Силы. Зачем ему вообще была нужна такая вещь?

Ответ был таким простым.

— Сейчас! — закричал Ранд.

Найнив и Морейн направили вместе, используя недостаток в

Калландоре, когда Моридин попытался пустить его в ход его против Ранда. Ветер хлестнул в туннеле. Земля задрожала, и Моридин закричал, широко открыв глаза.

Они взяли контроль над ним. Калландор был с изъясом. Любой мужчина, использующий его, мог быть насильно соединен с женщинами, и попасть под их контроль. Ловушка. и её он использовал на Моридине.

— Круг! — скомандовал Ранд.

Они передали это ему. Силу.

Саидар от женщин.

Истинную силу от Моридина.

Саидин от Ранда.

Поток Истинной Силы Моридина грозил уничтожить их всех, но Ранд оградил его саидином и саидаром, затем направил все три против Темного.

Ранд пробился сквозь тьму и создал проводник света и тьмы, используя собственную сущность Темного против него.

Ранд почувствовал Темного снаружи, его необъятность. Космос, размер, время. Ранд понял, как эти вещи сейчас незначительны.

С рычанием — три Силы текли через него, кровь струилась по его бокам — Дракон Возрожденный поднял руку власти и захватил Темного через Скважину, как человек

тянется через воду, чтобы схватить приз на дне реки.

Темный попытался освободиться, но Рандов коготь был в перчатках из Истинной Силы. Враг не смог испортить саидин снова. Темный пытался отрезать Истинную Силу от Моридина, но поток тек слишком свободно, слишком сильно, чтобы отключить его. Даже для Шай'тана.

Так вышло, что Ранд использовал собственную сущность Темного, направляемую в свою полную силу. Он держал Темного крепко, как голубя в когтях ястреба.

И свет взорвался вокруг него.

Глава 48

Сияющее Копье

Илэйн пустила лошадь рысью через кучи мертвых Троллоков. День был выигран. Она приказала каждому, кто еще мог стоять, искать живых среди мертвецов.

Так много погибших. Сотни тысяч людей и Троллоков, лежащих грудами по всему полю Меррилор. Берега реки были похожи на скотобойни, болота — на огромные кладбища, заполненные трупами.

Над ней, через реку, стонали и гремели Высоты. Она увела своих людей оттуда. Её с трудом удавалось удерживаться на лошади.

Всё плоскогорье разрушалось, погребая мертвых. Илэйн наблюдала, чувствуя себя беспомощной, чувствуя, как дрожит земля. Это...

Свет.

Она выпрямилась, чувствуя переполнявшую Ранда силу. Её внимание ускользнуло от Высот, фокусируясь на нём. Ощущение высшей силы, красота контроля и доминирования. Столб света выстрелил в облака далеко на севере, такой яркий, что у неё перехватило дыхание.

Конец близился

Том отступил назад от входа в Бездну Рока, прикрывая рукой глаза в тот момент, когда свет, сиянием не уступавший солнцу, прорвался из пещеры. Морейн!

— Свет! — прошептал Том.

Это и был Свет, вырывающийся из вершины горы Шайол Гул, сияющий луч, что расплавил верхушку горы и выстрелил прямо в небо.

Мин схватилась за грудь, отступая от рядов раненых, которым она меняла повязки.

Ранд, подумала она, ощущая его неистовую решимость. Далеко на севере, луч солнца поднялся в воздух,

такой яркий, что осветил даже Поле Меррилор, несмотря на такую огромную дистанцию. Помогающие и раненые одинаково заморгали, спотыкаясь о собственные ноги, прикрывая лица.

Этот свет, сияющее копье в небесах, выжег тучи и открыл небо.

Авиенда моргнула, глядя на свет и зная — это был Ранд.

Он вернул её обратно с края тьмы, наполняя её теплом. Он побеждал. Он побеждал. Он был так силен. Сейчас она видела в нем истинного воина.

Рядом Грендаль упала на колени, её глаза потускнели. Распускающиеся врата взорвались,

но не с такой силой, как в последний раз. Нити и Единая Сила разлетелись как раз в тот момент, когда Грендаль пыталась сплести Принуждение.

Отрекшаяся обернулась к Авиенде и её взгляд наполнился обожанием. Она низко поклонилась, как будто обожествляла Авиенду.

Взрыв, поняла Авиенда. Он что-то сделал с плетением Принуждения. Честно говоря, она ожидала, что этот взрыв убьет ее. Но сделал что-то другое взамен.

— Пожалуйста, великолепная, — сказала Грендаль. — Скажите мне, что вы желаете от меня. Позвольте служить Вам!

Авиенда обернулась к свету, который был Рандом, и задержала дыхание.

Логайн ступил из руин, держа дитя — быть может двух лет от роду — в своих руках. Рыдающая мать ребенка взяла сына из его рук.

— Спасибо. Благослови тебя Свет, Аша'ман.

Логайн задержался среди людей. Воздух наполняла вонь горелой плоти и мертвых Троллоков.

— С Высотами покончено? — спросил он.

— Покончено, — неохотно сказал Андрол рядом с ним. — Землетрясения поглотили их.

Логайн вздохнул. Приз... был ли он теперь потерян? Сможет ли он когда-нибудь откопать его.

Я глупец, подумал он. Я оставил ту мощь ради чего? Чтобы спасти этих беженцев? Людей, которые бы отвергли его и ненавидели бы его за то, кем он был. Людей, которые...

... смотрели на него с благоговением

Логайн нахмурился. Это были обычные люди, не такие, как люди из Черной Башни, которые привыкли к мужчинам, способным направлять. В этот момент он был не в состоянии назвать различия.

Логайн с удивлением смотрел, как люди окружили его Аша'манов,

рыдая в благодарности за спасение. Пожилые мужчины брали Аша'манов за руки, переполненные чувствами, они восхваляли их.

Рядом молодые люди смотрели на Логайна с восхищением. Дюжины молодых людей. Свет, сотни, без намека на страх в их глазах.

— Спасибо, — вновь сказала молодая мать. — Спасибо тебе.

— Черная Башня защищает, — услышал свой голос Логайн. — Всегда.

— Я отправлю его к тебе, чтобы пройти проверку, когда он станет взрослее, — пообещала женщина, держа сына. — Я бы хотела, чтобы он присоединился к тебе, если у него

будет талант.

Талант. Не проклятье. Талант.

Свет окутал его.

Он остолбенел. Это луч света на севере... направляли так, как он еще никогда не ощущал, даже во время очищения Источника. Такая мощь.

— Это происходит, — сказала Габриэлла, делая шаг к нему.

Логайн достиг своего пояса, затем взял три вещи из мешочка. Диски, наполовину белые, наполовину черные. Аша'ман рядом обернулся к нему, прекращая Исцелять и утешать людей.

— Сделай это, — сказала Габриель. — Сделай это, Разрушающий Печати.

Логайн с треском разломил некогда нерушимые печати, одну за другой, и выронил куски на землю.

Глава 49

Свет и Тень

Все было мертвым. В волчьем сне, Перрин, спотыкаясь пересек скалистый пустырь без растительности и почвы. Небо стало черным, темные облака сами собой растворились в небытии. Когда он взобрался на вершину холма, весь склон позади него рухнул, его каменное основание яростно сотрясаясь развалилось на части в воздухе.

Под ним была лишь пустота.

В волчьем сне все распадалось. Перрин продвигался вперед, к Шайол Гул. Он видел его как маяк, сияющий светом. Странно, но позади он мог разглядеть гору Дракона, хотя она была слишком далека, чтобы её видеть. Земля между ними как бы рухнула и, казалось, что мир сжимается.

Две горы, притягивались друг к другу, разбивали и ломали все между собой. Перрин сместился ко входу в Бездну Рока, затем вошел, пересекая фиолетовый барьер, установленный им ранее.

Ланфир ждала внутри. Ее волосы были черными, как и тогда,

когда они впервые встретились, и лицо было знакомое. Оно выглядело как и когда-то.

"Я нахожу этот Шип снов раздражающим," — сказала она. "Обязательно было его здесь оставлять?"

"Он держит других Отрекшихся подальше", рассеянно произнес Перрин.

"Я полагаю, это так", сказала она, скрестив руки.

Он все еще там, впереди?

"Это конец", сказала она, кивая.

"Произошло нечто поистине изумительное."

Она сузила глаза. Должно быть это самый важный момент для

человечества с тех пор как мы открыли Скважину.

— Давай удостоверимся, что все идет как, как надо, — сказал Перрин, — шагая вниз по длинному зеву пещеры, Ланфир шла сбоку.

В конце тоннеля они обнаружили неожиданную картину. Кто-то другой владел Калландором, мужчина, с кем Ранд сражался до этого. Может это был Демандред? Перин не знал. Он был уверен, что это один из Отрекшихся.

Он стоял на полу на коленях, рука Найнив лежала на его плече. Она стояла сразу позади, слева от Ранда. Морейн была справа, все трое стояли, выпрямившись, взгляд

устремлен вперед, в пустоту перед ними.

В горах загрохотал гром.

"Идеально", прошептала Ланфир. "Я и мечтать не могла, что может получиться так удачно." Она посмотрела на двух женщин. "Нам нужно будет ударить быстро. Я убью высокую женщину, ты низкорослую."

Перрин нахмурился. Что-то в этом было очень неправильно. "Убить...? " Конечно", сказал Ланфир. "Если мы ударим быстро, еще будет время, чтобы захватить контроль над Моридином пока он держит меч. С этим Я поставлю Льюса Терина на колени." Она прищурилась. "Он держит Темного в

кулаке, осталось только сжать пальцы, чтобы жизнь — если это можно так назвать — оборвалась. Только одно может спасти Великого Повелителя. В этот момент, я зарабатываю свою награду. В этот момент, я становлюсь выше всех остальных".

— Ты.... ты хочешь, чтобы Темный остался? — взволнованно произнес Перрин, приложив руку к голове. — Ты присоединилась к нам. Я помню...

Она взглянула на него. — Такое низкопробное средство, — сказала она, с запахом неудовлетворения. — Я ненавижу быть вынужденной использовать это. Это делает меня не

лучше, чем Грендаль. — Она заколебалась. — Если бы они дали мне больше времени, я бы поступила с тобой должным образом. — Она ласково похлопала Перрина по щеке. — Ты обеспокоен. Высокая женщина из твоей деревни, я помню. Вы выросли вместе, я предполагаю? Я не буду заставлять тебя ее убивать, мой волк. Ты можешь убить низкорослую. Ты ненавидишь ее, не так ли? — Яда, я ненавижу ее. Она похитила меня у моей семьи. На самом деле это из-за нее они погибли. Я бы был там тогда, если бы не она.

— Верно — сказал Ланфир. — Мы должны быть быстры. Эта

возможность не будет длиться долго.

Она повернулась к двум женщинам. К Найнив и Морейн. Его друзьям. И еще... и еще Ранд. Она убила бы его, знал Перрин. Она бы заставила его склониться и потом убила бы его. Все время ее целью было оказаться в положении, когда сам Темный был бы беспомощен и она могла бы вмешаться и принести ему спасение.

Перрин подошел к ней.

— Мы ударим вместе, — тихо сказала Ланфир. — Барьеры между мирами здесь разбиты. Они могут успеть дать отпор, если мы не сделаем все быстро. Мы должны убить их одновременно.

Это неправильно, думал Перрин. Это очень, очень неправильно. Он не мог позволить этому произойти, и все же его руки поднялись.

ЭТО НЕПРАВИЛЬНО. Но не знал, почему. Его мысли не позволяли ему думать об этом.

— Приготовься, — сказала Ланфир, смотря на Найнив.

Перрин повернулся к Ланфир.

— Я досчитаю до трех, — сказала Ланфир, не смотря на него.

"Мой долг", — подумал Перрин, — "это сделать то, чего не может сделать Ранд".

Это был волчий сон. В волчьем сне то, что он чувствовал, становилось реальностью.

— Раз, — сказала Ланфир.

Он любил Фэйли.

— Два.

Он любил Фэйли.

— Три.

Он любил Фэйли. Принуждение развеялось, как дым на ветру, исчезло, как одежда, в мгновение ока. До того, как Ланфир смогла ударить, Перрин протянул руку и взял ее за шею.

Он повернул руку один раз. Ее шея хрустнула в его пальцах.

Ланфир рухнула, и Перрин поймал ее тело. Она была красива. Когда она умерла, она обратно приняла ту форму, которую носила раньше, ее новое тело.

Перрин почувствовал ужасный удар потери. Он не полностью уничтожил то, что она сделала с его разумом. Он преодолел это, возможно, перебил его чем-то новым, чем-то правильным. Только волчий сон и его способность считать себя тем, кем он должен был быть, позволили ему добиться этого.

К сожалению, где-то глубоко внутри он по-прежнему любил эту женщину. Это претило ему. Эта любовь была далеко не так сильна, как его любовь к Фэйли, но она была там. Он понял, что плачет, положив ее тело, завернутое в белое и серебряное, на каменный пол.

— Извини, — прошептал он.

Убийство женщины, особенно той, которая не угрожала лично ему... это было то, на что он никогда не считал себя способным.

Кто-то должен был сделать это. Это была проверка, по крайней мере, теперь Ранду не придется столкнуться с этим. Это было одно бремя, которое Перрин должен был нести за своего друга.

Он посмотрел в сторону Ранда.

— Иди, — прошептал Перрин. — Сделай то, что ты должен сделать. Как всегда, я буду защищать твою спину.

* * *

Печати рухнули. Темный вырвался на свободу.

Ранд крепко схватил Темного.

Наполненный Силой, стоя в колонне света, Ранд втолкнул Темного обратно в Узор. Только тут существовало время. Только тут сама Тень могла быть убита.

Сила в его руке, которая была одновременно и бескрайняя, и в тоже время крошечная, задрожала. Ее крики были звуками перемалывающихся вместе планет.

Жалкий объект. Внезапно Ранд почувствовал, словно он удерживал не одну из основных сил бытия, а корчащуюся тварь из грязи овечьего загона.

ТЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НИЧТО, сказал Ранд, узнав все секреты

Темного. ТЫ БЫ НИКОГДА НЕ ДАЛ МНЕ ПОКОЯ, КАК ОБЕЩАЛ, ОТЕЦ ЛЖИ. ТЫ БЫ ПОРАБОТИЛ МЕНЯ, КАК ТЫ ПОРАБОТИЛ ДРУГИХ. ТЫ НЕ МОЖЕШЬ ДАТЬ ЗАБВЕНИЕ. ПОКОЙ — ЭТО НЕ ТВОЕ. ТОЛЬКО МУЧЕНИЯ.

Темный задрожал в его "руке".

ТЫ ОТВРАТИТЕЛЬНЫЙ, ЖАЛКИЙ ПАРАЗИТ, сказал Ранд.

Ранд умирал. Его жизненная сила утекала, помимо этого, количество Силы, что он удерживал, скоро выжжет его.

Он держал Темного в своей руке. Он начал ее сжимать, но потом остановился.

Он узнал все секреты. Он

увидел, что задумал Темный. О Свет, Ранд осознал. Многие, из показанного Темным было ложью.

Но видения, созданные самим Рандом, без присутствия Темного, были правдивыми. Если бы он сделал, как желал раньше, он заставил бы людей существовать не лучше, чем сам Темный.

Каким же дураком он был.

Ранд закричал, засовывая Темного обратно через дыру, из которой он вылез. Ранд развел руки в стороны, хватая своим разумом двойной столп саидар и саидин, покрытый Истинной Силой, черпаемой через Моридина, который стоял на коленях на полу, глаза

раскрыты, так много силы струилось сквозь него, что он не мог даже пошевелиться.

Ранд мысленным усилием метнул Силы вперед и сплел их вместе. Сразу саидин и саидар, окруженные Истинной Силой и формирующие щит над Скважиной.

Он сплел что-то грандиозное, узор из чередующихся саидар и саидин в чистых формах. Не Огонь, не Дух, не Вода, не Земля, не Воздух. Чистота. Сам Свет. Это был не ремонт, не заплатка, это было выковано по-новому.

С помощью этой новой формы Силы Ранд сомкнул вместе края щели, что была сделана здесь давным

давно безрассудными людьми.

Он понял, наконец, что Темный не враг.

И никогда им не был.

Морэйн держала Найнив около себя, продвигаясь только на ощупь, поскольку этот свет ослеплял.

Она рывком поставила Найнив на ноги. Вместе, они бросились бежать. Прочь от палящего света позади. Вверх по коридору, карабкаясь. Морейн вырвалась на открытый воздух без осознания этого и почти пересекла край пути, который бы отправил её камнем вниз по крутому склону. Кто-то схватил её.

— Держу, — произнес голос Тома, когда она рухнула в его

объятия, полностью истощенная. Найнив, тяжело дыша, опустилась на землю рядом.

Том развернул Морейн от пещеры, но она отказалась отвести взгляд. Она открыла глаза, хотя знала, что свет был слишком яркий, и увидела кое-что. Ранд и Моридин, стояли в луче света, своим свечением пробившего целую гору.

Темнота перед Рандом висела как дыра, впитывая все. Медленно, постепенно, дыра сжималась, пока не превратилась в дырочку от иглы.

Она исчезла.

ЭПИЛОГ

Увидеть ответ

Ранд подскользнулся на своей крови.

Он ничего не видел. Но что-то нес. Что-то тяжелое. Тело. Брел, спотыкаясь, вверх по туннелю.

"Близко, — думал он. — Еще немного." Потолок снижался, словно закрывающаяся челюсть, камень перемалывал камень. Задыхаясь, Ранд выбрался на открытый воздух в тот момент, когда скалы

захлопнулись позади него словно сжавшиеся зубы.

Ранд споткнулся. Тело в его руках было таким тяжелым. Он осел на землю.

Он мог. видеть, едва-едва. Фигура опустилась на колени рядом с ним. — Да, — прошептала женщина. Он не узнал голоса. — Да, хорошо. Это то, что тебе необходимо сделать.

Он моргнул, зрение оставалось нечетким. Это одежда Айил? Старая женщина с седыми волосами? Она отступила назад и Ранд потянулся к ней, но скорее желая объясниться самому себе, нежели остаться в одиночестве.

— Теперь я понял ответ, — прошептал он. — Я задал Элфинн неправильный вопрос. Выбирать, вот что нам дано. Если у вас нет выбора, значит вы вообще не человек. Вы — марионетка...

Крик.

Ранд чувствовал себя бесконечно уставшим, и вскоре он погрузился в забытие.

Мэт встал, когда туман Машадара начал выгорать вокруг него и исчезать. Поле было завалено телами тех жутких, обезображенных Троллоков.

Он поднял взгляд и сквозь исчезающие клочья тумана увидел солнце прямо над головой.

— Хорошо выглядишь, — сказал Мэт солнцу. — Тебе следует почаще выходить. У тебя симпатичное личико.

Он улыбнулся, затем посмотрел на мертвеца у себя под ногами. Падан Фэйн выглядел как пучок палок и мха, плоть облезала с его костей. Чернота кинжала распространялась по гниющей коже. И воняло.

Мэт чуть было не потянулся к кинжалу. Он сплюнул.

— Не, рисковать я не хочу, — сказал он. — Хватило и одного раза.

Он повернулся к кинжалу спиной и ушел.

В трех шагах он нашел свою

шляпу. Усмехнувшись, он подхватил ее и водрузил на голову, а затем, положив ашандарей на плечо и насвистывая, потопал куда глаза глядят. Кости перестали катиться в его голове.

Позади него, кинжал с рубином растаял, вместе с останками Падана Фейна

Перрин устало шел по лагерю, который они разместили у подножия Шайол Гул после того, как закончилось сражение. Он сбросил куртку. Было хорошо почувствовать дуновения ветра на обнаженной груди. Ма'аллейнир находился на привычном месте, на поясе. Хороший кузнец никогда не

пренебрегает своими инструментами, когда бы то ни было, заботясь о них с таким чувством, будто заберет с собой в могилу.

Он чувствовал, что мог бы проспать сто дней подряд. Но не сейчас. Не сейчас.

Фэйли.

Нет. В глубине души он знал, что должен был столкнуться с чем-то ужасным о ней. Но не сейчас. Сейчас он загнал то беспокойство, тот ужас подальше.

Последние души волков возвращались в волчий сон.

Прощай, Юный Бык.

Найди что ищешь, Юный Бык.

Охота заканчивается, но мы

будем охотиться снова, Юный Бык.

Перрин побрел между рядами раненых и Айил, праздновавших поражение Тени. Из некоторых палаток раздавались стоны, из других радостные крики победы. Люди всех рас и национальностей сновали, по теперь цветущей долине Таркан'дар, некоторые в поисках раненых, другие плакали от радости и издавали крики радости, встретившись с друзьями, которые пережили темные времена.

Айил приветствовали Перрина, — Эй, кузнец, присоединяйтесь к нам! — Но он прошел мимо. Он искал глазами охрану. Кто-то здесь ведь должен был остаться достаточно

уравновешенным, чтобы побеспокоиться об оставшихся Мурддраалах или Дракарах, которые могут попробовать хоть немного отомстить. Конечно же, он нашел кольцо защитников в центре лагеря, охранявших большую палатку. Кого, Ранда?

Цвета не сложились в видение. Не было изображения Ранда. Перрин больше не чувствовал, что его тянет в каком-то направлении.

Это могло оказаться очень плохим предзнаменованием.

Он протиснулся сквозь онемевших охранников, и вошел в палатку. Где они нашли такую большую на этом поле боя? Все были

растоптаны, унесены ветром или сожжены.

Внутри пахло травами, палатка была разделена висящими полотнищами.

"Я попробовал все," прошептал голос. Голос Дамера Флинна. "Ничто не может исправить произошедшего. Он...."

Перрин приблизился к Найнив и Флинн, стоявшими рядом с соломенным тюфяком в одном из отгороженных отсеков. Ранд, чистый и одетый, лежал, закрыв глаза. Морейн стояла на коленях рядом с ним, и положив руку на его лицо, шептала так тихо, что никто, кроме него не мог расслышать. "Ты сделал

все правильно, Ранд. Ты все сделал правильно".

— Он жив? — спросил Перрин, вытирая пот с лица рукой.

— Перрин! — сказала Найнив. — О, Свет. Ты ужасно выглядишь. Садись, болван! Ты вот-вот упадешь. Я не хочу заботиться еще и о тебе.

У нее были красные глаза.

— Он умирает, да? — спросил Перрин. — Вы вытащили его оттуда живым, но он все равно умирает.

— Садись, — скомандовала Найнив, указывая на стул.

— Собаки подчиняются этой команде, Найнив, — сказал Перрин, — но не волки.

Он опустился на колени, положив руку на плечо Ранда.

Я больше не чувствую твоего притяжения, и не вижу цветов, подумал Перрин. Ты больше не та'верен. По-всей видимости, я тоже. — Вы уже послали за ними? Мин, Элейн, Авиендой? — спросил Перрин. Думаю, им необходимо попрощаться с ним.-

— Это все, что ты можешь сказать? — терпение Найнив лопнуло.

Он посмотрел на нее. То, как она сложила руки на груди, сделало ее взгляд таким, будто она держит себя в руках. Держит себя в руках, чтобы не заплакать.

— Кто еще погиб? — спросил Перрин, готовя себя. Это было очевидно по ее выражению. Она потеряла кого-то уже.

— Эгвейн.

Перрин закрыл глаза, вздыхая. Эгвейн. Свет.

Создание чего-либо стоящего, требует затрат, но это не значит, что не стоит браться за работу, — думал он. Но, Эгвейн?

— Ты в этом не виновата, Найнив, — сказал он, открывая глаза.

— Конечно, я не виновата. Я знаю, что это так, дурак с головой, забитой шерстью. — Она отвернулась.

Он встал, обнимая ее и глядя ее

спину своей рукой кузнеца.

— Мне очень жаль.

— Я пошла... чтобы спасти вас, — прошептала Найнив. — Только чтобы защитить вас, я отправилась с вами.

— Ты сделала это, Найнив. Ты защитила Ранда, так что он смог сделать то, что должен был сделать.

Она задрожала, и он позволил ей плакать. Свет. Он сам прослезился. Найнив резко отстранилась через некоторое время, а затем выскочила из палатки.

— Я пытался, — сказал Флинн, глядя на Ранда. — Найнив тоже делала все, что было в ее силах. Мы пробовали вместе, используя ангриал

Морейн Седай. Ничего не
получается. Никто не знает, как
спасти его.

— Ты сделал все, что мог, —
сказал Перрин, заглядывая в
следующий отсек палатки. Там лежал
на тюфяке еще один человек.

— Что он здесь делает?

— Мы нашли их вместе, —
сказал Флинн. — Ранд должно быть
вынес его из Бездны. Мы не знаем,
зачем Лорду Дракону спасать одного
из Отрекшихся, но это не имеет
значения. Мы не можем Излечить его
также. Они умирают. Оба.

"Пошлите за Мин, Илэйн и
Авиендой," повторил Перрин. Он
заколебался. "Они все выжили?"

— Девушка Айил получила серьёзные травмы, — сказал Флинн. — Она пришла спотыкаясь в лагерь, её почти несла Айз Седай отвратительной внешности, которая сделала врата для нее. Она будет жить, хотя я не знаю, насколько хорошо она будет ходить в ближайшие годы.

— Скажите им. Всем им.

Флинн кивнул, и Перрин вышел вслед за Найнив. Он обнаружил, то, что и надеялся увидеть. — Причину, по которой она ушла так быстро. — Недалеко от палатки, ее крепко обнимал Лан. Как Перрин и почувствовал, тот был весь израненный и уставший. Их глаза

встретились, и они кивнули друг другу.

— Ищущие Ветер открыли Врата сюда с поля Меррилор, — сказал Лан Перрину. — Темный запечатан. Проклятые земли цветут, и Врата здесь снова могут быть открыты.-

— Спасибо, — сказал Перрин, проходя мимо. "Что-нибудь... слышно о Фэйли?

"Нет, кузнец. Тот-Кто-Трубил-в-Рог видел ее последним, но она ускокала от него, чтобы отвлечь Троллоков за собой и ворвалась на поле боя. Мне очень жаль.

Перрин кивнул. Он уже говорил с Мэтом и Олвером. Ему казалось, что... что он избегает мыслей о том,

что должно было случиться.

Не думай об этом, сказал он себе. Не смей. Он ожесточил себя, затем пошел искать Врата, о который упоминал Лан.

— Извините, — спросил Лойал Дев Копья, сидящих рядом с палаткой. — Вы не видели Мэтрима Коутона?

— Оосквая? — спросила одна из них, смеясь поднимая вверх мех.

— Нет, нет, — сказал Лойал. — Я должен найти Мэтрима Коутона и получить его описание сражения, видишь ли. Пока оно свежо. Я нуждаюсь в каждом, кто расскажет мне, что они видели и слышали, так, чтобы я мог записать. Никогда не

будет лучшего времени.

И, признался он себе, он хочет увидеть Мэта и Перрина. Посмотреть всё ли с ними в порядке. Так много всего произошло, он хотел поговорить со своими друзьями и убедиться, что у них все хорошо. После того что случилось с Рандом -

Женщина Айил пьяно ему улыбнулась. Лойал вздохнул, затем продолжил свой путь через лагерь. День заканчивался. День Последней Битвы! Теперь настала Четвертый Эпоха, не так ли? Эпоха могла начаться в середине дня? Это было бы неудобно для календарей, не так ли? Но все согласились. В полдень Ранд запечатал Бездну.

Лойал продолжил идти через лагерь. Они не двигались от подножья Шайол Гул. Найнив сказала, что слишком беспокоится, чтобы перемещать Ранда. Лойал продолжил поиски, заглядывая в палатки. В следующей он нашел поседевшего генерала Итуралде, окруженного четырьмя Айз Седай.

— Послушайте, — сказал Итуралде. — Я служил царям Арад Доман всю свою жизнь. Я поклялся богами.

— Алсалам мертв, — сказала Саерин Седай находясь рядом со стулом. — Кто-то должен занять трон.

— В Салдэе неразбериха, —

добавила Элсвелл Седай. — Очередь престолонаследия запутана со всеми этими связями с Андором. Арад Доман не может позволить себе оставаться без лидера. Вы должны занять трон, Родел Итуралде. И сделать это быстро.

— Торговый Совет...

— Все мертвы или исчезли, — сказала другая Айз Седай.

— Я дал клятвы...

— И что бы сделал ваш король, что бы сделали вы? — спросила Юкири Седай. — Позвольте королевству распасться? Вы должны быть сильным, лорд Итуралде. для Арад Домана не время, чтобы остаться без лидера.-

Лойал выскочил прочь и покачал головой, сочувствуя мужчине. Четыре Айз Седай. Итуралде коронуют еще до того, как закончится день.

Лойал снова остановился рядом с главной палаткой для Исцеления, чтобы проверить, не видел ли кто-нибудь Мэта. Он был на этом поле боя, и люди говорили, что он был улыбающимся и здоровым, но ... ладно, Лойал хотел сам его увидеть. Хотел поговорить с ним.

Внутри палатки Лойалу пришлось пригнуться, чтобы не цепляться головой за потолок. Большая палатка для людей была маленькой по меркам Огир.

Он глянул на Ранда. Его друг

выглядел хуже, чем раньше. Лан стоял у стены. Он был в короне — это была просто серебряная полоска — там где раньше находилась хадори. Это не было странным, но такая же корона на Найнив заставила Лойала вздрогнуть.

— Это нечестно, — шептала Найнив. — Почему он должен умереть, когда другому становится лучше?

Найнив, казалась озабоченной. Ее глаза все еще были красными, но раньше она отшивала всякого, кто упоминал их, поэтому Лойял ничего не сказал. Кажется, люди часто не хотят, чтобы он о чем-то говорил, а странно, ведь их жизнь так

скоротечна

Она посмотрела на Лойала, и он склонил голову к ней.

— Лойал, — спросила она. — Как продвигаются твои поиски?

— Не очень хорошо, — сказал он с гримасой. — Перрину было не до меня, а Мэта я так и не нашёл.

— Твои истории могут подождать несколько дней, Строитель, — сказал Лан.

Лойал не стал спорить. Лан был теперь королём, после всего случившегося. Но. Нет, записи не могли ждать. Они должны были быть свежими, чтобы его история была точной.

— Это ужасно, — сказал Флинн,

по-прежнему глядя на Ранда. — Но, Найнив Седай... Это так странно. Всем троим, кажется, все равно. Разве не должны они сильнее беспокоиться?

Оставив их, Лойял заглянул в соседнюю палатку. Так он увидел Авиенду. Несколько женщин занимались ее искалеченными, кровоточащими ногами. Похоже недоставало несколько пальцев. Авиенда кивнула головой Лойалу. Исцеление, очевидно, убрало боль. И хотя она, выглядела измученной, но похоже, что не испытывала физической боли.

— Мэт? — спросил он, с надеждой в голосе.

— Я не видела его, Лойал, сын Арента, сына Халана, — ответила Авиенда. — По крайней мере с тех пор, как ты спрашивал недавно.

Лойал покраснел, и отошёл от неё. Он прошёл мимо Илэйн и Мин. Он хотел бы получить их рассказы, он уже задал им несколько вопросов, но три та'верен. они были самыми важными! Почему люди всегда суежилась вокруг так быстро, никогда не сидели? Никогда не было достаточно времени, чтобы подумать. Это был важный день.

Это было странно, однако. Мин и Илэйн. Разве они не должны быть рядом с Рандом? Илэйн казалось, была полностью погружена в дела,

принимая доклады о жертвах и проблемах обеспечения беженцев, а Мин просто сидела, глядя вверх на Шайол Гул, с отрешенным выражением. Ни одна и не собиралась, пойти попрощаться с Рандом.

Ну, подумал Лойал, может быть Мэт тайком от меня вернулся на поле Меррилор. Ох уж эти люди, совсем не сидят на месте. Такие торопыги.

Мэтрим Коутон проходил мимо мёртвых, торопясь в Шончанский лагерь, на южной стороне поля Меррилор

Шончанские мужчины и женщины вокруг ахали, поднося руки ко рту. Он приветствовал их,

наклоняя шляпу.

— Принц Воронов! Разносилось перед ним, передаваемое из уст в уста, подобно последней бутылке бренди в холодную ночь.

Он подошел прямо к Туон, которая стояла у большого стола с картами в центре лагеря и говорила с Селусией. Мэт отметил, что Карид выжил. Бедняга, наверное, чувствует себя из-за этого виноватым.

Туон нахмурившись посмотрела на Мэта.

— Где ты шлялся?

Мэт поднял руку, и Туон нахмурилась, смотря на пустоту в небе. Мэт развернулся и вздернул руку выше, к небу.

Ночные цветы начали взрываться высоко над лагерем

Мэт усмехнулся. Алудра немного переусердствовала, но совсем немного. Она так любила все взрывать.

Еще не успело стемнеть, но представление все равно было грандиозным. Теперь Алудра научила половину драконилов делать фейерверки и обрабатывать ее порошки. Она казалась гораздо менее скрытной, чем когда-то была.

Звуки представления омывали их.

— Фейерверк? — спросила Туон
— Проклятье, это лучшее фейерверк шоу в истории наших

земель, ответил Мэт

Туон нахмурилась. Взрывы отражались в ее темных глазах.

— У меня будет ребенок —, сказала она. — Провидица Судьбы подтвердила это.

Мэт почувствовал удар, так, словно фейерверк рванул у него в животе. Наследник. Сын, несомненно! Что странного, если бы это был мальчик. Мэт выдавил ухмылку.

— Ну, тогда, полагаю, я сорвался с крючка. У тебя будет наследник.

— У меня есть наследник, — сказала Туон, — но это я соскочила с крючка. Теперь я могу убить тебя, если захочу.

Мэт почувствовал, что он все больше улыбается.

— Ну, мы посмотрим, над чем мы теперь можем поработать. Скажи, ты когда-нибудь играла в кости?

Перрин сел среди мертвых и, наконец, заплакал.

Гай'шайн в белом и горожанки собирали убитых. Следов Фэйли не было. Никаких.

"Я не могу продолжать". Как давно он спал в последний раз? Та ночь в Майене. Его тело жаловалось, что этого было совершенно недостаточно.

Он измотал себя задолго до этого, проведя эквивалент недель в волчьем сне.

Лорд и леди Башир мертвы. Фэйли должна стать королевой, если жива. Перрин дрожал, его трясло, и он не мог заставить себя двигаться дальше. На поле боя были сотни тысяч мертвецов, другие, кто занимался поисками, не обращали внимания на тела, не подающие признаки жизни, отмечали их и шли дальше. Он должен попытаться передать им просьбу искать Фэйли, но поисковики все внимание уделяли выжившим.

Фейерверки взрывались в темнеющем небе. Перрин уронил лицо на ладони, затем почувствовал, как соскальзывает в сторону и падает среди трупов.

Могидин кривилась, глядя на зрелище в небесах. Каждый взрыв заставлял ее вновь видеть этот смертоносный огонь, разрывающий шарцев. Эту вспышку света, этот момент паники.

А затем... а затем — темнота. Она очнулась через некоторое время, брошенная на смерть среди тел шарцев. Когда она пришла в себя, она обнаружила, что повсюду на поле боя эти болваны заявляют, что день остался за ними.

"Заявляют?" — подумала она, снова поморщившись, когда прозвучал очередной раскат грома от фейерверков. Великий Повелитель пал. Все потеряно.

Нет. Нет. Она продолжала идти вперед, шагая твердо, не внушая подозрений. Она задушила работницу и приняла ее облик, направляя лишь немного и инвертируя потоки. Это позволит ей убраться отсюда. Она сплетала Силу среди тел, игнорируя смрад в воздухе.

Не все потеряно. Она еще жива. И она была Избранной! Это значило... это значило, что она была императрицей среди низших. Ведь Великий Повелитель снова заточен и теперь не сможет ее покарать. И наверняка большинство других Избранных, если не все они, мертвы или заточены. Если так, никто не сравнится с ней в знаниях.

Это вполне могло сработать. Это может стать ее победой. Она остановилась возле перевернутой телеги с припасами, сжимая в руках свою корсору — к счастью, та была еще цела. Она широко улыбнулась и создала немного света, чтобы осветить дорогу.

Да... Посмотрите только на чистое небо без громовых туч. Она может обернуть это в свое преимущество. Что ж... пройдет несколько лет, и она, возможно, сама будет править миром!

Что-то холодное сомкнулось на ее шее.

Могидин в ужасе коснулась этой вещи и закричала:

— Нет! Не опять!

Ее маскировка растаяла, и Единая Сила покинула ее.

Самодовольного вида сулдам стояла позади.

— Нам запретили ловить тех, кто называет себя Айз Седай. Но ты — у тебя нет их кольца, и ты таишься, как будто сделала нечто дурное. Я не думаю, что тебя кто-то хватится.

— Освободи меня! — сказала Могидин, дергая ай'дам. — Освободи меня, ты...

Боль свалила её на землю, заставив извиваться.

— Меня зовут Шанан, — сказала сулдам, когда приблизилась

другая женщина, ведя за собой дамани на поводке. — Но ты можешь называть меня любимая повелительница. Я думаю, что мы должны быстро вернуться к Эбу Дар.

Её спутница кивнула, и дамани сделала врата.

Им пришлось тащить через них Могидин.

Найнив вышла из палатки для исцеления в Шайол Гул. Солнце почти зашло за горизонт.

— Он мертв, — прошептала она небольшой толпе людей, собравшихся снаружи.

Сказав эти слова, она почувствовала, будто кирпич свалился ей на ноги. Она не плакала.

Она уже пролила все слезы. Но это не означает, что ей не было больно.

Лан вышел из палатки позади нее, положил руку ей на плечо. Она подняла руку к его. Поблизости, Мин и Илэйн посмотрели друг на друга.

Грегорин шептался с Дарлином — он был найден полуживым в обломках его шатра. Они оба нахмурившись глядели на женщин. Найнив подслушала часть того, что сказал Грегорин. — ... можно ожидать от айилки дикой бессердечности, и может быть от Королевы Андора, но третья? Ни слезинки.

— Они в шоке, — предположил Дарлин.

Нет, — подумала Найнив, изучая Мин и Илэйн. Эти трое знают что-то, чего не знаю я. Я должны выбить это из них.

— Извини меня, — сказала Найнив, отходя от Лана.

Он последовал за ней.

Она выгнула бровь, смотря на него.

— Ты не избавишься от меня ближайšie несколько недель, Найнив, — сказал он, любовь пульсировала через их связь. — Даже если ты этого хочешь.

— Упрямый бык, — проворчала она. — Насколько я помню, именно ты настоял на том, чтобы оставить меня, когда направился к твоей

предполагаемой судьбе.

— И ты была как всегда, абсолютно права. — согласился Лан. — Он сказал это так безмятежно, что трудно было продолжать на него сердиться.-

Кроме того, внутри у нее кипело негодование на женщин, с которыми ей надо было разобраться. Она решила, что начнет с Авиенды, и направилась прямо к ней. Лан шел рядом.

...со смертью Руарка, — Авиенда разговаривала с Сорилеей и Бэйр, — я начала думать, что чтобы я не видела, это возможно изменить. Уже изменилось.

— Я видела твое видение,

Авиенда, — сказала Бэйр. — Или что-то вроде него, разными глазами. Я думаю, это предупреждение о чем-то, чему мы не должны позволить случиться.

Две другие кивнули, затем взглянули на Найнив. Их лица были так же непроницаемы, как у Айз Седай. Авиенда, такая же невозмутимая как и остальные, сидела в своем кресле с перебинтованными ногами. Когда-нибудь она, возможно, будет ходить, но никогда не сможет сражаться.

— Найнив ал'Мира, — сказала Авиенда.

— Ты слышала, я сказала, что Ранд умер? — спросила Найнив. —

Он ушёл тихо.

— Тот, кто был ранен, проснулся от сна, — размеренно произнесла Авиенда. — Так, как это происходит со всеми. Он умер в величии, и он будет похоронен в величии.

Найнив наклонилась. — Хорошо, — сказала она угрожающе, обнимая Источник. Довольно с этим. Я выбрала тебя, потому что ты не сможешь от меня убежать.

На мгновение Авиенда выказало нечто, что могло быть страхом, но это ушло в мгновение ока.

— Дай нам подготовиться к его сожжению.

Перрин бежал в волчьем сне. Один.

Другие волки скорбно выли, сочувствуя его горю. Когда он удалится от них, они вернутся к своему торжеству, но это не делало их сострадание менее искренним.

Он не выл. Он не кричал. Он стал Юным Быком, и он бежал.

Он не хотел быть здесь. Он хотел дремоту, истинную дремоту. Там, он мог не чувствовать боли. Здесь он мог.

Я не должен был покидать ее.

Мысли человека. Почему они проникли в его разум?

Но что я мог сделать? Я обещал не обращаться с ней, как со стеклянной.

Бежать. Бежать быстро. Бежать,

пока не придет истощение.

Я должен был отправиться к Ранду. Я должен был. Но сделав это, я потерял её!

В Двуречье, во плоти. Назад, к реке. Запустение, затем назад, долгий забег к Фалме.

Как мог я ожидать, что удержу обоих, затем одного отпущу?

В Тир. Затем в Двуречье. Рыча, он двигался размытым силуэтом, так быстро, как мог. Здесь Здесь он женился на ней.

Здесь он был.

Кеймли, Кайриэн, Колодцы Дюмай.

Здесь он спас одного из них.

Кайриэн, Гэалдан, Малден.

Здесь он спас другого.

Две силы в его жизни. Каждая тащила его. Юный бык, наконец, рухнул рядом с какими-то холмами в Андоре. Знакомые места.

Место, где я впервые встретил Илайса.

Он снова стал Перрином. Его мысли больше не были мыслями волка, его беды не были бедами волка. Он смотрел в небо, которое теперь, после жертвы Ранда, очистилось от туч. Он хотел быть рядом с другом, когда тот умирал.

Теперь он будет с Фэйли там, где она умерла.

Он хотел кричать, но в этом не было смысла.

— Я должен отпустить ее, верно? — прошептал он небу. — Свет, я не хочу. Но я научился. Научился в Малдене. Я не сделаю так больше. Я сделаю то, что должен, на этот раз.

Где-то близко птица кричала в небе. Выли волки. Охота.

— Я научился...

Птица кричала.

Крик звучал, как соколиный.

Перрин вскочил на ноги и повернулся. Здесь. Он мгновенно исчез и появился в чистом поле, которое не узнавал. Нет, он знал это поле. Он знал его! Это было Поле Меррилор, только без крови, без травы, перемешанной с грязью, без

опаленной, истерзанной земли
вокруг.

Здесь он нашел среди камней крошечного сокола — не больше его ладони — тихо кричащего, со сломанной лапкой. Его сердце едва билось.

Перрин закричал, проснувшись, вырвавшись из волчьего сна. Он стоял на поле среди тел и кричал в ночное небо. Неподалеку отшатнулись в ужасе поисковики.

Где? Сможет ли он найти то же место в темноте? Он побежал, спотыкаясь о трупы, над ямами в земле, проделанными драконами или направляющими. Он остановился, глядя в одну сторону, потом в другую.

Где? Где?!

Цветочное мыло. Намек на аромат духов в воздухе. Перрин бросился туда и навалился всем телом на труп огромного троллока, лежащего на горе других тел почти по грудь высотой. Под ним Перрин нашел мертвую лошадь. Не в состоянии думать о том, что делает, или о том, какая сила для этого нужна, Перрин оттащил лошадь в сторону.

Под ней в небольшой впадине в земле лежала в крови Фэйли, слабо дыша. Перрин закричал, упал на колени, подхватил ее на руки, вдыхая ее запах.

У него заняло всего пару ударов

сердца уйти в волчий сон, чтобы перенести Фэйли к Найнив далеко на север, и вновь выйти в реальный мир. Через несколько секунд он чувствовал, как ее Исцеляют у него на руках, не в состоянии отпустить ее даже для этого.

Фэйли, его сокол, вздрогнула и пошевелилась. Потом она открыла глаза и улыбнулась ему.

Другие герои ушли. Бергитте осталась до вечера. Рядом солдаты готовили погребальный костер Ранда ал'Тора.

Бергитте не могла остаться на дольше, но сейчас... да, она могла остаться. Ненадолго. Узор позволил это.

— Илэйн? — сказала Бергитте. — Ты что-то знаешь? О Возрожденном Драконе? — Илэйн пожала плечами в тусклом свете. Они вдвоем стояли с краю толпы, собирающейся посмотреть на то, как будет гореть костер Возрожденного Дракона.

— Я знаю, что ты планируешь, — сказала Бергитте Илэйн. — С Рогом.

— А что я планирую?

— Сохранить его, — сказала Бергитте. — и мальчика. Чтобы они стали сокровищем Андора, возможно, оружием.

— Возможно.

Бергитте улыбнулась.

— В таком случае хорошо, что я отослала его прочь.

Илэйн обернулась к ней, игнорируя приготовления погребального костра Ранда.

— Что?

— Я отослала Олвера, — сказала Бергитте. — С охраной, которой я доверяю. Я сказала Олверу найти место, где никто не будет искать, место, которое он сможет забыть, и бросить Рог там. Возможно, в океан.

Илэйн тихо выдохнула, потом повернулась к костру.

— Невыносимая женщина, — она колебалась. — Спасибо, что спасла меня от необходимости

принимать это решение.

— Я так и думала, что у тебя будут такие чувства. — Вообще-то Бергитте думала, что пройдет еще немало времени, когда Илэйн поймет. Но Илэйн выросла за последние пару недель. — В любом случае, я должна быть далека от невыносимости, так как ты сделала отличную работу, терпя страдающую меня все эти последние месяцы.

Илэйн опять повернулась к ней.

— Это звучит, как прощание.

Бергитте улыбнулась. Она могла чувствовать это, иногда, когда оно приходит.

— Так и есть.

Илэйн посмотрела на нее

печально.

— Ты точно должна?

— Я перерождаюсь, Илэйн. —
прошептала Бергитте. — Сейчас.
Где-то женщина готовится дать
жизнь, и я войду в это тело. Это
происходит.

— Я не хочу потерять тебя.

Бергитте усмехнулась.

— Ну, может быть, мы
встретимся снова. А сейчас, будь
счастлива для меня, Илэйн. Это
означает, что все продолжается. Я
снова смогу быть с ним. Гайдал... Я
буду всего лишь на несколько лет
моложе его.

Илэйн взяла ее за руку. В глазах
стояли слезы.

— Любовь и мир, Бергитте.
Спасибо.

Бергитте улыбнулась, потом закрыла глаза и позволила себе раствориться.

* * *

Когда вечер опустился на землю, Тэм посмотрел на то, что когда-то было самым опасным местом для всех. Шайол Гул. Последний луч света осветил растения, которые росли здесь, распустившиеся цветы, траву, растущую вокруг лежащего на земле оружия и трупов.

"Это твой подарок нам, сын?" — спросил он. — "Последний?"

Тэм зажег факел от небольшого, мерцающего пламени, которое

трещало в яме неподалеку. Он пошел вперед, проходя линии тех, кто стоял в ночи. Многим они не сказали про обряд похорон Ранда. Все захотели бы приехать. Возможно, они все имели право быть здесь. Айз Седай тщательно продумывали памятник Эгвейн; для своего сына Тэм предпочел тихие похороны.

Наконец Ранд обрёл последний покой.

Он прошел мимо людей, стоящих со склоненными головами. Никто не принес огня кроме того, что был у Тэма. Остальные ждали в темноте, небольшая толпа, возможно человек двести, окружили погребальные носилки. Факел Тэма

бросал яркие блики на торжественные лица.

Вечером, даже с таким светом, трудно было отличить Айил от Айз Седай, двуреченцев от короля Тира. Все они были просто фигурами в ночи, провожающими тело Возрожденного Дракона.

Тэм подошел к погребальным носилкам вместе с Томом и Морейн, которые держались за руки с торжественными лицами. Морейн протянула руку и мягко сжала руку Тэма.

—

Тэм посмотрел на тело, глядя в лицо своего сына при свете огня. Он не вытирал своих слез.

"Ты все сделал хорошо. Мой мальчик... Ты все сделал так хорошо."

Он почтительно зажег погребальный костер.

Мин стояла в первом ряду толпы. Она смотрела, как Тэм, с поникшими плечами, склонил голову перед огнем. В конце концов, мужчина вернулся, чтобы присоединиться к двуреченцам. Абель Коутон обнял его, тихо шепча что-то своему другу.

Было видно, как тени повернули головы к Мин, Авиенде и Илэйн. Они ожидали чего-то от этих троих. Каких-то действий.

Торжественно, Мин выступила

вперед вместе с двумя другими; Авиенда нуждалась в помощи двух Дев Копья, чтобы ходить, хотя она была и в состоянии стоять, опираясь на Илэйн. Девы ушли, чтобы оставить их троих в одиночестве перед костром. Илэйн и Мин стояли, глядя на то, как в огне сгорает тело Ранда.

— Я видела это, — сказала Мин. — Я знала, что этот день придет, с того самого момента, как встретила его. И мы три, вместе, здесь.

Илэйн кивнула.

— И что теперь?

— Теперь... — Сказала

Авиенда. — Теперь мы должны

удостовериться, что всё хорошо, и все искренне верят, что он умер.

Мин кивнула, чувствуя, как пульсирует комок в задней части головы, отзываясь на узы. Он становился сильнее с каждой минутой.

Ранд Ал'Тор — просто Ранд Ал'Тор — сам проснулся в темной палатке. Кто-то оставил свечи, которые горели рядом с его тюфяком.

Он глубоко вздохнул, потягиваясь. Он чувствовал себя так, будто он спал долго и глубоко. Разве ему не должно быть больно? Он не должен чувствовать себя трупом? Или хотя бы ощущать ноющую боль? Он не ощущал ни одного из этих

чувств.

Он потянулся к боку и не нашел там ран. Нет ран. Впервые за долгое время не было никакой боли. Он почти не знал, что делать.

Затем он посмотрел вниз и увидел, что рука, ощупывающая его бок была его собственной левой рукой. Он рассмеялся, вытянув ее перед собой. "Зеркало", — подумал он.

"Мне нужно зеркало."

Он нашел одно в другой части палатки. По-видимому, он остался совершенно один. Он поднял свечу, глядя в маленькое зеркальце. На него смотрело лицо Моридина.

Ранд ощупал свое лицо,

знакомясь с ним. В правом глазу была одинокая точка саа, черная, напоминающая по форме клык дракона. Она не двигалась.

Ранд скрылся в той части палатки, где он пробудился. Меч Ламана был там, лежа на аккуратной куче разной одежды. Аливия, видимо, не знала, что он хотел бы носить. Она была той, кто оставил здесь эти вещи, а с с ними и мешочек с монетами разных стран. Она никогда раньше не заботилась ни об одежде, ни о монетах, но она знала, что ему понадобится и то, и другое.

"Она поможет тебе умереть." — Ранд покачал головой, одеваясь и собирая монеты и меч, затем он

выскользнул из палатки. Кто-то оставил хорошую лошадь, пятнистого мерина, привязанного не так далеко. Это подняло его настроение. От Возрожденного Дракона до конокрада. Он усмехнулся про себя. Надо бы оседлать лошадь.

Он колебался. Поблизости, в темноте, люди пели. Это был Шайол Гул, но не тот, который он помнил. Цветущий Шайол Гул, полный жизни.

Песней, которую пели, была погребальная песнь порубежников. Ранд подвел лошадь в ночи поближе. Он посмотрел за палатки, где три женщины стояли вокруг погребального костра.

—

— Моридин, — подумал он. —

Он уходит в последний путь со всеми почестями, как Дракон Возрожденный.

Ранд вернулся назад, оседлал серого в яблоках. Закончив с этим, он заметил одну фигуру, которая не стояла у огня. Одинокую фигуру, смотревшую на него в то время, как все другие отвернулись к костру.

Кадсуане. Она осмотрела его сверху донизу, в глазах отражался свет от костра Ранда. Ранд кивнул, подождал немного, потом повернул лошадь и послал ее прочь.

Кадсуане смотрела ему вслед.

"Любопытно," — подумала она.

Эти глаза подтвердили ее подозрения. Это была информация, которую можно использовать. В таком случае нет необходимости продолжать смотреть на эти фальшивые похороны.

Она шла через лагерь, когда попала прямо в засаду.

— Саэрин, — сказала она, когда женщины появились вокруг нее. — Юкири, Лирелле, Рубинда. Что такое?

— Мы ждем указаний, — сказала Рубинда.

— Указаний? — фыркнула Кадсуане. — Спросите об этом новую Амерлин, если найдете несчастную женщину, готовую ей

стать.

Женщины продолжили идти за ней.

Это словно ударило ее, Кадсуане остановилась на месте.

— О, кровь и пепел, нет! — сказала Кадсуане, шикая на них. — Нет, нет, нет!"

Женщины хищно улыбнулись.

— Ты всегда так мудро говорила об ответственности Возрожденному Дракону.

— Ты говорила о том, что женщины этой Эпохи нуждаются в лучшем обучении, — добавила Саэрин.

— Это новая Эпоха, — сказала Лирелле. — Нам предстоит так

много испытаний... и нам нужна сильная Амерлин, которая повела бы нас.

Кадсуане закрыла глаза со стоном.

Ранд вздохнул с облегчением, когда Кадсуане осталась позади. Она не подняла тревогу, хотя она продолжала изучать его взглядом, пока он удалялся от лагеря. Оглянувшись через плечо, он заметил, как она идет с другими Айз Седай.

Она беспокоила его; она, вероятно, подозревала что-то, чего он очень хотел, чтобы она не знала. Однако, это лучше, чем если бы она подняла тревогу.

Он вздохнул, порывшись в кармане, где он нашел трубку.

"Спасибо, Аливия, за это," — подумал он, забивая табак, который он нашел в другом пакете, в трубку. Инстинктивно, он потянулся к Единой Силе, чтобы зажечь его.

Но он ничего не нашел. В пустоте не было саидин, ничего. Он остановился, потом улыбнулся и почувствовал огромное облегчение. Он не мог направлять. Просто, чтобы быть в этом уверенным, он еще попытался дотянуться до Истинной Силы. Там тоже ничего не было.

Он рассматривал свою трубку, оглядываясь в сторону Такан'дар, который теперь был покрыт

растениями. И никакого способа поджечь табак. Еще мгновение он искал способ в темноте, а потом подумал о том, что трубка горит. И она задымилась.

Ранд улыбнулся, и повернул на юг. Он оглянулся через плечо. Все три женщины отвернулись от костра и смотрели прямо на него. Он мог их разглядеть, хотя и не очень хорошо, при свете горящего тела.

"Интересно, которая из них последует за мной," — подумал он, потом улыбнулся еще шире. — "Ранд Ал'Тор, у тебя распухла голова, не так ли? Предположить, что одна или даже больше, последует. Может ни одна. А может, все они в свое

время." — Он понял, что
посмеивается.

—

"Которую он бы выбрал? Мин...
но нет, как можно оставить Авиенду?
Илэйн. Нет," — он рассмеялся. Он не
мог выбрать. У него было три
любящих его женщины, и он не мог
решить, какую бы из них он хотел
видеть следующей за ним. Любую из
них. Всех их. Свет, человек. Ты
безнадежен. Безнадежно влюблен в
трех женщин, и у тебя нет выхода из
этой ситуации.

Он отправил лошадь в галоп,
направляясь дальше на юг. У него
был полный кошелек с монетами,
хорошая лошадь и прочный меч. Меч

Ламана, который был лучшим мечом, чем он бы хотел. Этот меч мог привлечь внимание. Это был настоящий меч, отмеченный цаплей, с тонким лезвием.

Поняла ли Аливия, сколько денег она ему дала? Она же ничего не знает о монетах. Она же украла их очень много. Так что он был не только конокрадом. Хорошо, он сказал ей достать ему немного золота, и она сделала это. Он мог купить себе целую ферму в Двуречье на те деньги, что были у него в кошельке.

Юг. Можно поехать на восток или на запад, но он полагал, что он хотел пойти куда-нибудь подальше от

всего этого. Сначала на юг, затем, возможно, на запад, вдоль побережья. Может, он найдет корабль? В мире так много всего, чего он не видел. Он пережил несколько сражений, он получил опыт в Игре Домов. Многие вещи, с которыми он не хотел иметь ничего общего. Он видел ферму своего отца. И дворцы. Он видел так много дворцов.

Но у него никогда не было времени, чтобы на самом деле посмотреть на большую часть мира. "Это будет что-то новое," — подумал он. Путешествие, когда не надо никуда гнаться или править здесь или там. Путешествие, когда он мог

просто спать в сарае в обмен на то, чтобы поколоть кому-то дрова. Он думал об этом, и понял, что смеется, едет на юг и курит свою невозможную трубку. Он это сделал, ветер задул вокруг него, вокруг человека, которого звали лордом, Возрожденным Драконом, королем, убийцей, любовником и другом.

Ветер поднялся ввысь и свободно понесся в открытое небо без облаков. Он пролетел над разрушенной землей, усеянной еще не похороненными трупами. Землей, охваченной, в то же время, празднествами. Он пощекотал ветви деревьев, на которых, наконец, начали появляться почки.

Ветер улетел на юг, через запутанные леса, над мерцающими равнинами и еще неисследованными землям. Этот ветер, он не был концом. Нет конца и никогда не будет, пока вращается Колесо Времени.

Но это был конец.

И пришло это в те дни, как приходило раньше и как будет приходить опять, — Тьма тяжело легла на землю и омрачила сердца людей, и увяли листья, и пожухли травы, и умерла надежда. И возопили люди к Создателю, говоря: О Свет Небес, Свет Мира, пусть гора родит Обещанного, о котором говорят пророчества, как то было в эпохах

прошедших и как то будет в эпохах
грядущих. Пусть Принц Утра споеет
земле о зеленеющей траве и о
долинах, наполненных агнцами.
Пусть длань Повелителя Рассвета
укроет нас от Тьмы и великий меч
справедливости защитит нас. Пусть
вновь несется Дракон на ветрах
времени.

.... из Харал Дрианаан тэ
Каламон,

Цикл Дракона.

Автор неизвестен, Четвертая
Эпоха.

Он пришел как ветер, как ветер
коснулся всего, и как ветер ушел.

— Из "Дракона Возрожденного"

Лойал, сын Арента сына Халана,

Четвертая Эпоха

Конец последней книги серии
Колесо Времени.